

П Ъ С Н И

собранныя П. В. Кирѣевскимъ.

Новая серія.

Изданы

Обществомъ Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ

подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ Общества
академика В. Ө. Миллера и проф. М. Н. Сперанскаго.

Выпускъ I.

(Пѣсни обрядовыя).

Съ портретомъ П. В. Кирѣевскаго.

8398.

Введеніе.

Предпринимая изданіе *новой* серіи пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣвскимъ, Общество Любителей Россійской Словесности продолжаетъ уплачивать долѣ памяти не только знаменитаго собирателя, но и многочисленныхъ его сотрудниковъ. Дѣло собиранія памятниковъ народнаго творчества, которое уже съ начала 30-хъ годовъ было въ „надежныхъ рукахъ“ (выраженіе Пушкина) П. В. Кирѣвскаго, привлекло къ дѣятельному участию не только московскихъ писателей и ученыхъ, не только людей близко знакомыхъ съ П. В. Кирѣвскимъ, но нашло чрезъ ихъ посредство откликъ на всемъ пространствѣ Россіи, иногда даже въ отдаленныхъ захолустяхъ. Въ статьѣ проф. М. Н. Сперанскаго „П. В. Кирѣвскій и его собраніе пѣсенъ“ (стр. XLV—XLIX) читатель найдетъ длинный списокъ лицъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, которыхъ записи былинь, духовныхъ стиховъ, лирическихъ пѣсенъ, сказокъ, заговоровъ, обрядовъ нашлись въ огромномъ собраніи П. В. Кирѣвскаго. Имена нѣкоторыхъ его сотрудниковъ принадлежатъ поэтамъ и писателямъ, другія связаны съ изслѣдованіемъ нашей исторіи и народности въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ. Таковы: А. С. Пушкинъ, Н. В. Гоголь, Н. М. Языковъ, А. В. Кольцовъ, В. И. Даль, И. М. Снегиревъ, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, Вад. Пассекъ, П. П. Якушкинъ, А. Θ. Вельтманъ, А. Х. Востоковъ, кн. Н. А. Костровъ, Д. А. Валуевъ, С. А. Соболевскій и др.. Но въ числѣ около 50 вкладчиковъ въ „Собраніе“ есть много именъ частныхъ лицъ, не оставившихъ слѣдовъ въ литературѣ и наукѣ, но глубоко сочувствовавшихъ этому дѣлу національнаго значенія. Имя П. В. Кирѣвскаго, крайне рѣдко выступавшаго въ печати, было однако въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ хорошо извѣстно въ русскомъ передовомъ обществѣ. Его *собраніе* изъ интересовались не только въ Россіи, но и у западныхъ славянъ (Шафарикъ, Ганка). Появленія его сборника въ печати съ нетерпѣніемъ ждали его сотрудники (Погодинъ, Гоголь) и нерѣдко торопили медлительнаго и педантичнаго собирателя, который тратилъ много времени и кропотливаго труда на научную (какъ ему

казалось) обработку текстовъ пѣсепъ для печати. Дѣйствительно, просмотръ наслѣдія, оставленнаго Кирѣевскимъ въ его рукописяхъ, даетъ намъ возможность судить о томъ, какое количество труда было имъ вложено въ это дѣло. Въ его бумагахъ, какъ извѣстно, сохранилась совершенно приготовленная къ печати еще въ 1838 году и снабженная разрѣшительною подписью цензора Снегирева Часть I-я: „Пѣсни свадебныя“, въ которой мы можемъ наблюдать принятую К—имъ реконструкцію пѣсенъ на основаніи сличенія вариантовъ. Такія попытки возстановленія разбитой мозаичной картины посредствомъ подбора отдѣльных кусковъ, сохранившихся въ другихъ картинахъ того же самаго сюжета, конечно, должны были требовать кропотливой работы и всеже часто оставлять реставратора неудовлетвореннымъ. Едва ли результаты работы удовлетворяли вполнѣ и самого П. В. К—го. Приготовленная имъ къ печати Часть I-я свадебныхъ пѣсенъ въ печати не появилась, и вошедшія въ нее пѣсни только въ нынѣ издаваемомъ вып. I-мъ выходятъ въ свѣтъ, пролежавъ болѣе 70 лѣтъ, подъ спудомъ...

При жизни П. В. Кирѣевского, какъ извѣстно, только ничтожная часть его богатаго собранія появилась въ нѣкоторыхъ научныхъ изданіяхъ. Капитальное значеніе для изученія русской народной словесности получилъ его сборникъ лишь по смерти собирателя († 1856 г.), благодаря издательской дѣятельности Общества Любителей Россійской словесности. Былины и историческія пѣсни составили часть содержанія десяти выпусковъ, изданныхъ подъ редакціей секретаря Общества П. Безсонова въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ. Духовные стихи изъ собранія П. В. К—го вошли цѣликомъ въ изданіе П. Безсонова „Калѣнки переходящія“ (М. 1861—64); бѣлорусскія пѣсни К—го — въ сборникъ, изданный Безсоновымъ въ 1871 г. на средства Общества Л. Р. С.. Нечего и говорить, какъ плодотворно для науки было появленіе въ печати этой части наслѣдія Кирѣевского. Для изслѣдователей народной словесности—былинъ, историческихъ пѣсенъ, духовныхъ стиховъ—эти изданія представили драгоцѣнный матеріалъ, котораго научная разработка далеко еще не закончена. Однако болѣшая часть собранія К—го — народныя лирическія пѣсни—еще до сихъ поръ не изданы. Подробную опись всѣхъ матеріаловъ Кирѣевского, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ въ отдѣльномъ шкафу, читатель найдетъ въ статьѣ проф. М. Н. Сперанскаго и въ ней же исторію мытарствъ, перенесенныхъ ими до ихъ перехода въ распоряженіе Общества Л. Р. С.. Но это наслѣдіе, какъ иногда случается съ наслѣдствами общественными и коллективными, не всегда твердо держалось въ памяти наслѣдниковъ. Послѣ перехода Безсонова изъ Москвы въ Харьковскій университетъ въ концѣ 70-хъ годовъ и перемѣны личнаго состава служащихъ въ Румянцовскомъ Музеѣ (за смертью Е. Θ. Корша, А. Е. Викторова, Г. Д. Филимонова и ухода Е. В. Барсова) память о передачѣ рукописей П. В. К—го его наслѣдниками въ распоряженіе Общества Л. Р. С. и затѣмъ о перенесеніи ихъ на храненіе въ Моск. Публичный музей порвалась. Заглохла она временно и въ Обществѣ Л. Р. С., которое въ 80-хъ и 90-хъ годахъ было занято другими литературными предпріятіями. Когда во второй половинѣ 90-хъ годовъ, читая курсъ народной словесности въ Московскомъ университетѣ, я заинтересовался судьбою „шкафа“ съ рукописями К—го, заказаннаго для нихъ, по словамъ Безсонова (Пѣсни собр. К—имъ, в. 8, Замѣтка стр. I), С. А. Соболевскимъ и поставленаго на

храненіе въ Московскій Публичный Музей, то въ первое время о существованіи этого шкафа не могли мнѣ дать точныхъ свѣдѣній, и только внимательные поиски открыли его въ полной сохранности. Познакомившись съ содержаніемъ собранія К—го и убѣдившись въ его научномъ интересѣ, я переговорилъ съ тогдашнимъ предсѣдателемъ Общества Л. Р. С. незабвеннымъ Н. И. Стороженкомъ и получилъ въ принципѣ его согласіе на изданіе этихъ матеріаловъ Обществомъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Тогда же по моей просьбѣ нѣкоторые изъ моихъ учениковъ А. В. Марковъ, В. В. Пасхаловъ и другіе, привлеченные ими, добровольцы начали заниматься просмотромъ и перепиской пѣсенъ для будущаго изданія. До 1898 года было ими переписано на отдѣльныхъ листахъ до 1800 пѣсенъ. Но благопріятное время для изданія пришло только тогда, когда во главѣ Общества сталъ А. Е. Грузинскій, знатокъ и любитель народной словесности, обогатившій ее образцовыми изданіями сказокъ Аванасьева (3-е изд.) и пѣсенъ Рыбникова (2-е изд.). Отнесясь съ полнымъ сочувствіемъ къ задуманному предпріятію, А. Е. внесъ предложеніе о немъ въ Общество и исходатайствовалъ средства для подготовки изданія и печатанья. Подробное изученіе рукописей К—го, ихъ опись, переписка пѣсенъ для печатанія, сличеніе съ первоначальными записями—все эти подготовительныя работы начались въ концѣ 1908 года. Въ засѣданіяхъ пѣсенной комиссіи, состоявшей подъ моимъ предсѣдательствомъ изъ членовъ О. Л. Р. С. А. Е. Грузинскаго, М. Н. Сперанскаго, С. О. Долгова, А. В. Маркова, В. В. Каллаша и приглашенныхъ лицъ Е. Н. Елеонской и В. В. Пасхалова, былъ установленъ планъ изданія и выработаны правила, соблюдавшіяся затѣмъ при изготовленіи пѣсенъ для печати. Считаю нелишнимъ привести здѣсь же нѣкоторые постановленія редакціонной комиссіи:

1. Порядокъ печатанія пѣсенъ установленъ географическій—по губерніямъ, уѣздамъ, селамъ,—начиная съ сѣвера.

2. Отдѣльныя небольшія коллекціи или записи одного лица обозначаются второй цифрой (въ скобкахъ), слѣдующей за № пѣсни.

3. Указанія на мѣстности записей и на лица почерпаются изъ черновиковъ и чистовыхъ П. В. К—го и его корреспондентовъ.

4. Если есть черновыя, первыя записи,—пѣсни печатаются по нимъ; если ихъ нѣтъ, то по копіи П. В. К—го.

5. Измѣненія, вносившіяся П. В. К—имъ въ черновую или точнѣе первую запись, отмѣчаются въ примѣчаніяхъ; сюда же вносятся замѣчанія собирателей и редакціонныя.

6. Варіанты П. В. К—го даны по принятой системѣ; вносимыя П. В. К—имъ измѣненія, вставки, реконструкціи стиховъ отмѣчаются внизу въ варіантахъ; пѣсня печатается по основной записи безъ измѣненій.

7. Пѣсни вносятся въ варіанты только въ томъ случаѣ, если онѣ не нашлись въ отдѣльномъ видѣ въ рукописяхъ; нашедшіяся же въ нихъ печатаются отдѣльно на соотвѣтствующихъ мѣстахъ подъ своимъ №-омъ и изъ варіантовъ-сводокъ К—го исключаются.

8. Малограмотныя въ орфографическомъ отношеніи записи печатаются съ соблюденіемъ обычнаго правописанія.

9. Ударенія на словахъ проставляются тамъ, гдѣ они представляютъ особенность сравнительно съ обычными, прозаическими, либо имѣютъ значеніе

для стихотворнаго ритма. Въ этихъ случаяхъ сохраняется удареніе, поставленное либо первымъ лицомъ, записавшимъ пѣсню, либо П. В. К—имъ въ его листахъ.

10. Порядокъ печатанія пѣсенъ слѣдующій: А—пѣсни точно опредѣляющіяся по мѣстностямъ; Аа—пѣсни, записанныя изъ устъ народа, но безъ точнаго обозначенія мѣстностей; порядокъ опредѣляется послѣдовательностью въ чистовыхъ переписанныхъ листкахъ К—го; Аб—пѣсни уже напечатанныя, переписанныя для собранія К—го изъ научныхъ изданій; порядокъ этихъ изданій опредѣляется черновою записью; Ав—пѣсни, извлеченныя К—имъ изъ народныхъ старинныхъ печатныхъ пѣсенниковъ; порядокъ—хронологическій самыхъ пѣсенниковъ, а въ каждой группѣ—порядокъ каждого пѣсенника (№ пѣсни въ немъ—въ скобкахъ при общемъ №).

Въ I вып. постановлено было включить пѣсни *обрядовыя*: А. Свадебныя; Б. Пѣсни обрядовыя праздничныя; В. Колыбельныя; Г. Хороводныя; Д. Игорныя и плясовыя. Для облегченія пользованія сборникомъ особенно въ научныхъ цѣляхъ вып. I. снабжается указателями: а) малопонятныхъ, мѣстныхъ, нелитературныхъ словъ съ объясненіями; б) алфавитнымъ съ параллелями.

Выше я сказалъ, что, издавая пѣсни Кирѣвскаго Общества Л. Р. С. уплачиваетъ свой долгъ его памяти. Спрашивается однако, не обезцѣнено ли собраніе лирическихъ пѣсенъ К—го въ настоящее время, когда протекло уже 55 лѣтъ со дня его смерти? Вѣдь за это время было издано немало сборниковъ великорусскихъ народныхъ пѣсенъ изъ разныхъ областей Россіи. Не упоминая многихъ, напомнимъ только о капитальныхъ и многотомныхъ изданіяхъ, каковы: „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. подъ редакціей А. И. Соболевскаго въ 7 томахъ въ Спб. (1895—1902 г.), и сборникъ П. В. Шейна „Великоруссь“ (Спб. 1898—1900). Я увѣренъ однако, что все обиліе изданныхъ до сихъ поръ пѣсенныхъ матеріаловъ нисколько не обезцѣниваетъ сборника, надъ составленіемъ котораго К. трудился съ 30-хъ годовъ до конца своей жизни. Вспомнимъ, что собранныя имъ пѣсни были записываемы изъ устъ народа въ Николаевское время, когда устои народной жизни еще не были распатаны реформой 19 февраля и послѣдующими, когда въ народномъ быту хранилось еще много старины въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и пѣсняхъ. Хотя съ своей эстетической точки зрѣнія, со своимъ любовнымъ отношеніемъ къ старинѣ и преданію К. жалуется въ одномъ мѣстѣ (см. стр. 108 примѣч. къ пѣснѣ № 330), что „нѣкоторые стихи сложены уже въ новѣйшее время, когда начали проникать между крестьянами лакейскіе нравы и лакейскіе вкусы“, но въ общемъ, какъ увидитъ читатель, пѣсни свадебныя и другія обрядовыя мало затронуты этимъ осуждаемымъ К—имъ вѣяніемъ и производятъ впечатлѣніе патріархальной старины, крѣпко державшейся въ крестьянской и мѣщанской средѣ.

Въ наше время этнографъ, изучающій отраженіе быта и понятій народа въ его пѣсняхъ, не будетъ уже презрительно относиться къ новѣйшимъ, быть можетъ, малохудожественнымъ произведеніямъ фабричной и сельской музы, какъ слафинофілы 40-хъ годовъ; онъ будетъ внимательно относиться и къ эфемернымъ „частушкамъ“, возникающимъ ежедневно и отражающимъ иногда самыя послѣднія переживанія, испытываемыя народомъ въ наше время. Но съ такимъ же вниманіемъ отнесется онъ и къ пѣснямъ, ходившимъ въ народѣ въ

30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Онъ убѣдится, что ихъ настроеніе, ихъ бытовая и поэтическая сторона тѣсно связаны съ народной жизнью, какъ этихъ десятилѣтій, такъ и многихъ предшествующихъ, когда ея теченіе не нарушалось тѣми существенными потрясеніями, которыя она испытала во второй половинѣ прошлаго столѣтія и въ наше время. Въ этомъ отношеніи дѣйствительно свадебныя пѣсни сборника К—го сохраняютъ еще много поэтической старины XVIII и даже XVII вѣка. Какъ многія черты простонародной и мѣщанской свадебной обрядности были перенесены въ эту среду изъ высшаго класса, который всюду и всегда вліялъ на низшій, какъ вся повидимому пышная обстановка свадьбы съ ея князьями, боярами старшими и младшими, тысяцкими и дружками представляетъ копію княжескихъ и боярскихъ старинныхъ свадебъ, такъ и нѣкоторыя, сопровождающія обряды, пѣсни были сложены когда то въ боярскихъ хоромахъ и теремахъ и съ теченіемъ времени перешли въ крестьянскую среду, которая оставалась и послѣ Петровской реформы вѣрной хранительницей старины, отжившей въ высшемъ классѣ, и продолжала перепѣвать и развивать старыя свадебныя пѣсни. Для хронологіи нѣкоторыхъ пѣсенъ (напр. №№ 15, 59) можетъ послужить тотъ фактъ, что онѣ упоминаютъ о сентябрѣ, какъ первомъ мѣсяцѣ года. Нѣкоторыя—даютъ яркія картины княжескаго и боярскаго быта. Вотъ молодая боярыня ходитъ по сѣнечкамъ съ двумя серебряными блюдами съ яхонтами и алмазными запонами (№ 10, 115, ср. № 619); вотъ выѣзжаетъ женихъ на конѣ въ пятьсотъ рублей: „уздила, стремена въ полтораста рублей, въ правой рукѣ плеточка шелковая, въ лѣвой—копье въ 50 рублей“ (№ 9); конь подъ нимъ будто лютый звѣрь, самъ на конѣ, какъ соколъ на рукѣ (соколиная охота); грива у коня золотомъ перевита (№ 111), по сторону пятьдесятъ человѣкъ, а по другую еще пятьдесятъ (№№ 213, 306). Иногда у жениха конь *бахматъ* (№ 87), хорошо извѣстный былинамъ. Коня привязываютъ во дворѣ у дубоваго столба къ серебряному кольцу (№ 86). Одна пѣсня (№ 78) переноситъ насъ въ „государство Московское“, въ бѣлокаменныя палаты и изображаетъ боярскій пиръ (ср. также № 708):

Тутъ стояли столы да дубовые,
 На столахъ то столешники кедровые,
 Исподерганы скатерти шиты бранья,
 Изнаставлены яства все сахарныя,
 Изналиваны питья да все медвяныя.
 Что за тѣми за столами, за дубовыми
 Тутъ сидѣли, посидѣли князья, бояра.
 Посередѣ же ихъ сидѣлъ да добрый молодецъ,
 На колѣнничкахъ держалъ звончаты гусли...

Другая — описываетъ старинныя матеріи — мелкотравчатую, узорчатую камку, дорогой штофъ на золотѣ (№ 46) и заморскія хрустальныя зеркала (№ 59). Установленное старинной пѣсней сравненіе представляетъ встрѣчу жениха съ невѣстой, какъ встрѣчу скатной жемчужины съ яхонтомъ на золотомъ блюдѣ (№ 67). Въ одной пѣснѣ (№ 72) боярыня будитъ мужа, спящаго на перинѣ пуховой, на подушкѣ парчевой, подъ соболинымъ одѣяломъ, и напоминаетъ ему

о службѣ государю, повидимому, выѣхавшему на охоту. Мужъ успокаиваетъ боярыню:

— Не тужи, моя умная,
Не печалься, разумная,
Будетъ Богомъ исправлено:
И кони пообѣзвятся,
Молодцы поснарядятся,
Оружья приготовятся.
Ужъ мы заднихъ то сустнжемъ,
А середнихъ перестижемъ,
А съ передними равны будемъ.
Государю коня подведемъ,
На рукъ сокола поднесемъ...

Въ пѣснѣ № 807 бояре дивуются роскошной жениховой шапкѣ и спрашиваютъ, гдѣ она ему досталась. Женихъ объясняетъ:

— Не дивуйтесь, бояре!
Самъ царь въ орду ѣздилъ,
За себя царевну бралъ,
Мнѣ шапочка въ даръ пришла
За мою за выслугу,
За походущку частую,
За поклоны низкіе,
За погляды веселые.

Одна святочная пѣсня (№ 1001) сохранила, повидимому, поэтическое сравненіе еще изъ московскаго великокняжескаго періода:

Вился, вился яровой хмѣль
Около тычинки серебряныя:
Такъ бы вилися бояра, князя
Около князя великаго.

Если въ этихъ чертахъ пѣсенъ звучать еще отголоски московскаго періода, то въ другихъ можно указать уже черты XVIII-го вѣка. Женихъ одѣвается уже по модѣ этого времени: завиваетъ кудри, надѣваетъ шелковые чулки, обуваетъ башмаки съ пряжками (№ 179). Упоминаются золоченныя кареты съ кучерами въ голубыхъ кафтанахъ (№№ 26, 58). Иногда такихъ каретъ полонъ (крестьянскій!) дворъ (№ 302). Иногда старинная обстановка замѣняется новой, болѣе элегантною, но при этомъ, какъ часто въ народной пѣснѣ, дѣло не обходится безъ несообразностей. Такъ въ старинной пѣснѣ, попавшей въ печатный пѣсенникъ (см. стр. 107 варианты), изображаются стоящіе у брода „кони вороные съ чепраками золотыми“, а въ вариантѣ изъ Моск. г. № 331 у брода „стоитъ нова колясочка, шестерней запряжена, ужъ какъ всѣ кони убраны подъ коврами“.

Совершенная несуразность получилась въ записанной самимъ Кирѣевскимъ въ Верейск. у. Моск. г. пѣснѣ (№ 285), гдѣ жениху одновременно кроять *сертукъ* и *кафтанъ* (послѣдній изъ старой пѣсни), „чтобъ не длиннѣе, не которокъ ему былъ, въ подолѣ поуструбишь, чтобъ можно было *на коляску* вскочить и ловчѣе *въ стремя* ноги вложить“; такимъ образомъ оказывается, что женихъ одновременно ѣдетъ въ коляскѣ и на конѣ. Въ одной пѣснѣ (№ 271), записанной Кирѣевскимъ отъ московскаго мѣщанина, замѣтно желаніе слѣдовать модѣ: зять ѣдетъ къ тещѣ „на модныхъ дрожкахъ, на манежной лошаdkѣ“. Впрочемъ, такія черты встрѣчаются больше въ пѣсняхъ Московской губерніи подъ вліяніемъ городской культуры. Большинство же свадебныхъ пѣсенъ отзывается стариной, такъ что записи 30-хъ и 40-хъ годовъ почти совпадаютъ съ вариантами, появившимися въ печатные пѣсенники XVIII и начала XIX-го вѣка (см. №№ 122, 223, 266, 270, 296, 315, 327, 336, 351, 709, 946, 950 и друг.). Онѣ сохранили, напр., картину тридцати черныхъ кораблей и одного передняго, плывущихъ по морю Хвалынскому, и эпическое описаніе устройства этого сокола-корабля, на которомъ ѣдетъ женихъ (№ 66). На ряду съ Хвалынскимъ моремъ (№№ 68, 85, 601, 698, 706) упоминается „Сине море Верейское“ (Варяжское, Балтійское), извѣстное въ былевомъ эпосѣ. Пѣсни упоминаютъ Царь-Ивана, Царьгородъ (№ 1092), „московскаго воеводу“ (№ 387), прикащиковъ Строгановыхъ (№ 473), скомороховъ (№ 384), татаръ (№ 1095), литву (№ 766), сохранили эпическій мотивъ стрѣлянья гусей-лебедей на Дунаѣ (№ 37), не говоря уже о множествѣ старинныхъ эпитетовъ, въ родѣ: ковровъ сорочинскихъ, одѣялъ соболиныхъ, замковъ нѣмецкихъ, топоровъ литовскихъ, каменной Москвы и т. п. Встрѣчаются въ нихъ перѣдко и старинныя слова вродѣ: *колоней* (коней), *гридней*.

Исслѣдователи народной „поэтики“ найдутъ въ нѣсняхъ К—го интересный матеріалъ въ видѣ художественныхъ сравненій изъ животнаго и растительнаго міра, олицетвореній и ряда картинъ свадебной символики, напр., наѣздъ жениха на садъ невѣсты, переходъ жениха съ невѣстой по жердочкѣ черезъ рѣку, игра ихъ въ шахматы и друг.. Нашелся въ нихъ и прелестный старинный мотивъ—свадебный олень золотые-рога (№№ 430, 518), который говоритъ жениху обычныя загадочныя слова:

Въ нѣкое время сгожусь я тебѣ:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Стану олень среди я двора,
Золотыми рогами весь дворъ освѣщу,
Всѣхъ твоихъ гостей развеселю,
Больше всѣхъ Степаниду (невѣсту) твою...

Исслѣдователи народныхъ вѣрованій найдутъ и для себя цѣнный матеріалъ, особенно въ записанныхъ при нѣкоторыхъ пѣсняхъ обрядахъ (см. напр. наговоры и повѣрья Костромской губ., стр. 77—81). Любопытны *урджи*, или заклинанія отъ порчи, которые произносятъ (въ Торопецк. у. Псковск. губ.) въ банѣ дружка, чтобы оберечь жениха. Съ одной стороны—символь вѣры, съ другой—заговоръ противъ вѣдмы: „Ажъ ты вѣдма, ажъ ты веретевница, ажъ ты за-ключевница! Тогда жъ ты мою свадьбу возмешь, когда въ Русалимъ градъ

сходишь и Господню гробницу откроешь, самого Господа въ глаза ввидишь; и тебѣ въ Русалимѣ-градѣ не бывать и Господней гробницы не вскрывать, и Господа не видать, и потому дѣлу у васъ не бывать. И лежиць на мырѣ, на кіанѣ, на островѣ на Буянѣ бѣлъ латырь камень, и на томъ камнѣ когда вы побудзите, и тогда вы мою свадьбу возьмице“ (стр. 49). Вѣрная блюстителница обряда женщина, повторяя слова дружки, влѣзаетъ на печку и открываетъ слуховое окно, чтобы не допустить колдуновъ обернуть свадебнаго поѣзда въ волковъ (стр. 50). Выборъ святыхъ, благопріятствующихъ свадьбѣ, основанъ частью на народной этимологіи. Старуха-мать, обращаясь къ Богу, говоритъ: „Ты святой боже Лука, *солучи* мое дитя“ (№ 93). Въ пѣснѣ изъ Псковской губ. (№ 125), помимо Луки, призывается на свадьбу святой Кузьма: „Святой Кузьма подь на свадьбу! *Скуй* намъ свадьбу крѣпку, твердо, долговѣшну, вѣковѣшну“ и т. д. (см. также № 828).

Въ Пермской губ. невѣста, раздавая подругамъ *красоты*, т. е. накосныя ленты, поетъ о своей красотѣ и рисуеъ картину, которая была бы для насъ совершенно непонятна безъ поясняющаго ее обряда:

Доходила же моя красота
 До божьей церкви да соборныя;
 Постучалась же моя красота
 Во алтарное во окошечко;
 Постучавшись же, она молвила:
 „Вы пустите меня, дѣвью красоту,
 Сохраните отъ вьюги-падеры
 И отъ вѣтра меня отъ буйнаго“.

Изъ алтаря выходятъ „два ангела, два архангела“, уносятъ красоту (ленту) въ церковь и кладутъ ее въ Святое Евангеліе (№ 105). Пѣсенная картина поясняется обычаемъ лучшую ленту отъ невѣсты относить въ церковь и класть въ Евангеліе (стр. 41).

Крайне мало штриховъ даютъ свадебныя пѣсни изъ крѣпостного быта, хотя онѣ записаны въ періодъ полнаго развитія крѣпостныхъ отношеній. Такъ, въ пѣснѣ № 13 въ числѣ пожеланій матери сыну упоминается: „будь уменъ, разуменъ, будь талантливъ, счастливой, *господамъ—прислужливой, госпожамъ—привѣтливой*, ко дѣвицамъ—приглядень, ко невѣстамъ счастливой“. Но въ другомъ вариантѣ той же пѣсни (№ 114) господа и госпожи замѣнены просто *добрыми людьми*. Въ пѣснѣ № 79 упоминается о приданомъ: именно за невѣстой даютъ „большое село со церквами, дѣвчоночку во ключницы и мальчишка наливать и и подавать, а другога разувать и обувать“. Слабо отразившись въ пѣсняхъ, крѣпостное право оставило кое гдѣ слѣдъ въ обрядовомъ діалогѣ при сговорѣ, напр., въ Козловск. у. Тамбовской г. Когда отецъ парня въ обычныхъ выраженіяхъ сватаеъ за него дочь другого крестьянина, тотъ прежде всего говоритъ: „наше дѣло невольное, какъ господа позволятъ“ (стр. 140).

По содержанію въ свадебныхъ пѣсняхъ можно различить *три* группы. Наибольшей глубиной и искренностью чувства отличаются *плачи* невѣсты при разставаніи съ родительскимъ домомъ, при прощаніи съ родителями, братьями, сестрами и подругами. Скорбь невѣсты достигаетъ высшей напряженности при

мысли о разлукѣ съ родной семьей и переѣздѣ въ „чужедадьную сторонушку“, которая „горемъ насѣяна, слезами поливана, тоской покрывана и печалью горожена“ (№ 2). Последняя ночь, проводимая невѣстой въ родительскомъ домѣ, особенно тяжела. Невѣста не находитъ себѣ покоя, не спитъ, въ тревогѣ будитъ мать и дѣлится съ ней своей горькой думой: „Мнѣ не вѣкъ же у васъ вѣковати, мнѣ не годъ же у васъ годовати: одну ноченьку почевати! Не знай: стоя мнѣ ее простояти, не знай: сѣжа мнѣ ее просидѣти, не знай: лежа мнѣ ее пролежати, не знай: Богу мнѣ стать помолиться, не знай: съ матушкой думу думать, съ подружками рѣчи говорити?“ (№ 17).

Въ вторую группу можно внести пѣсни *величальныя*. Тамъ, гдѣ строго блюдется старина, величаютъ въ установленномъ порядкѣ и въ гиперболическихъ выраженіяхъ всѣхъ дѣйствующихъ на свадьбѣ лицъ: жениха и невѣсту, ихъ родителей, тысяцкого, большого боярина съ женой и дѣтьми, малаго боярина, свата и сватью, всю родню обѣихъ сторонъ, присутствующаго на свадьбѣ священника съ семьей и почетныхъ гостей. Нѣкоторыя *величанья* отличаются красивыми образами и сравненіями, другія—довольно шаблонны. Последній упрощенный отголосокъ этой пѣвучей старины можно наблюдать въ настоящее время на мѣщанскихъ и купеческихъ свадьбахъ, гдѣ за свадебнымъ столомъ шаферъ или даже старшій официантъ провозглашаетъ по бумажкѣ въ установленной очереди тосты за здравіе родственниковъ обѣихъ сторонъ.

Третью группу свадебныхъ пѣсень составляютъ пѣсни *юмористическія* и *сатирическія* (№№ 49, 159, 160, 163, 181, 781, 841, 844 и друг.). Дѣвушки представляютъ иногда въ шутовскомъ видѣ жениха, если онъ далъ мало денегъ пѣвицамъ, издѣваются надъ его фигурой и костюмомъ (№№ 49, 163), осмѣиваютъ свата-сводника и общаются его еще больше корить, если онъ не откупится (№ 159). Достается въ пѣсняхъ и свахѣ (№ 1020), и дружкамъ (№ 1024). Особенно интересны нѣкоторыя пѣсни этого характера, записанныя въ Опочецкомъ у. Псковск. г. Пушкинымъ. Одну изъ нихъ (№ 160)—издѣвательство надъ „безтолковымъ сватушкой“, какъ извѣстно, поэтъ внесъ почти цѣликомъ въ „Русалку“.

О другихъ отдѣлахъ I-го выпуска—пѣсняхъ праздничныхъ (Б), колыбельныхъ (В), хороводныхъ (Г), игорныхъ и плясовыхъ (Д), представленныхъ въ общемъ только 116-и №№-ми, ограничусь немногими замѣчаніями. Въ *святочныхъ* и *подблюдныхъ*, сопровождающихъ игры и гаданія и почти уже вышедшихъ въ наше время изъ народнаго оборота, читатель найдетъ немало знакомыхъ намъ изъ старинныхъ сборниковъ: тутъ и „щука изъ Новагорода, волочившая хвостъ изъ Бѣлаозера“ (№ 1059) и „мужики богатые у Спаса на Чигасахъ, гребущіе золото лопатами“ (№ 1063), и „курилка“ (1064), и „бурमितское“ зерно, прикатывающееся къ яхонту (№ 1060), и хороненье золота, и многіе другіе старинные мотивы, которые еще жили своей поэтической жизнью на народныхъ святкахъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Въ подблюдныхъ пѣсняхъ, какъ и святочныхъ, нерѣдко встрѣчаются, какъ замѣтитъ читатель, одни и тѣже мотивы и притомъ свадебные (см. №№ 1047, 1051, 1052, 1056, 1075, 1077, 1078, 1079, 1081 и друг.).

Изъ другихъ праздничныхъ интересна сохранившаяся пѣсня, сопровождающая крестины кукушки (№ 1098), и отголосокъ татаръ въ пѣснѣ, распѣваемой на Красную горку (№ 1095).

Въ группу *хороводныхъ* пѣсенъ (№№ 1109—1149) внесены, согласно указаніямъ Кирѣвскаго и его сотрудниковъ, многія, бѣльшей частью, женскія пѣсни, которыя поются въ другихъ случаяхъ на свадьбахъ и вечеринкахъ. Мотивы ихъ главнымъ образомъ изъ семейной жизни: всего ярче проявляется озлобленіе молодой жены противъ стараго мужа или противъ „лютаго“ свекра (№№ 1111, 1117, 1119, 1121, 1128, 1129), доходящее иногда до жестокости. Сюда же попали и нѣкоторыя свадебныя пѣсни (№№ 1127, 1140), встрѣчающіяся въ первомъ отдѣлѣ, но исполняемыя кое-гдѣ и на хороводахъ. Наконецъ, послѣдняя группа— *Пѣсни игровыя и плясовыя* (Д), также распѣваемыя на хороводахъ,— заинька, розочка, калина и друг.,—извѣстныя изъ старыхъ сборниковъ, свидѣлствуютъ о томъ, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ народный хороводъ жилъ еще во всей своей нетронутой свѣжести и не воспринялъ того городского вѣянія, не исключая и модныхъ танцевъ, которое проникло въ него въ наше время. Послѣдній № 1160 еще развѣртываетъ предъ нами картину широкой деревенской улицы, „изукрашенной гудками и волынками, веселыми скоморохами, удалыми добрыми молодцами, душима красными дѣвицами и молодыми молодцами“.

Разставаясь съ поэтической народной стариной, захватывающей насъ при чтеніи свадебныхъ и обрядовыхъ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣвскимъ, считаю въ заключеніе долгомъ принести глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ предпріятію Общества Любителей Россійской Словесности: Предсѣдателю его А. Е. Грузинскому, проф. М. Н. Сперанскому, много поработавшему надъ рукописнымъ наслѣдіемъ Кирѣвскаго, М. О. Гершензону и членамъ редакціонной комиссіи: А. В. Маркову, Е. Н. Елеонской, С. О. Долгову и В. В. Каллашу.

Редакція выражаетъ также искреннюю признательность Маріи Васильевнѣ Беэръ, давшей возможность украсить этотъ томъ портретомъ знаменитаго собирателя.

Всеволодъ Миллеръ.

2 октября 1911 г.

П. В. КИРЪЕВСКІЙ.

БІОГРАФІЯ.

I.

Н. П. Колюпановъ, въ своей біографіи Кошелева, начинаетъ разсказъ о братьяхъ Кирѣевскихъ такими словами: „Родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Въ старину Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ многими вотчинами и помѣстьями: предку ихъ, Бѣлевскому дворянину Василию Семеновичу, въ началѣ XVII вѣка, пожаловано за осадное сидѣнье бывшее его помѣстье село Долбино, въ 7 верстахъ отъ Бѣлева, въ вотчину: это и было великолѣпное родовое имѣніе Кирѣевскихъ, сохранившееся за ними до сихъ поръ. Въ Долбинѣ прошли всѣ первые дѣтскіе годы И. В. и П. В. Кирѣевскихъ“.

Совершенно такъ, только перемѣнивъ имена и названія, приходится начинать біографію любого изъ первыхъ славянофиловъ. Они всѣ вышли изъ старыхъ и прочныхъ, тепло-насиженныхъ гнѣздъ. На тучной почвѣ крѣпостного права привольно и вмѣстѣ закономѣрно, какъ дубы, выростали эти роды, корнями незримо коренясь въ народной жизни и питаясь ея соками, вершиною достигая европейскаго просвѣщенія, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ семьяхъ — а именно таковы были семьи Кирѣевскихъ, Кошелевыхъ, Самариныхъ. Это важнѣйшій фактъ въ біографіи славянофиловъ. Онъ во многомъ опредѣляетъ и ихъ личный характеръ, и направленіе ихъ мысли. Такая старая, уравновѣшенная, увѣренная въ себѣ культура обладаетъ огромной воспитательной силой; она съ молокомъ матери внѣдряется въ ребенка и юношу окружаетъ теплой атмосферой, такъ что прежде, чѣмъ онъ успѣетъ сознать себя, онъ уже сформированъ; она заранее отнимаетъ у своего питомца гибкость, но зато обезпечиваетъ ему сравнительную цѣльность и послѣдовательность развитія. Намъ, нынѣшнимъ, трудно понять славянофильство, потому что мы вырастаемъ совершенно иначе—катастрофически. Между нами нѣтъ ни одного, кто развивался бы послѣдовательно: каждый изъ насъ не вырастаетъ естественно изъ культуры родительскаго дома, но совершаетъ изъ нея головокружительный скачекъ, или движется многими такими скачками. Вступая въ самостоятельную жизнь, мы обыкновенно уже ничего не имѣемъ наслѣдственнаго, мы все перемѣнили въ пути—навыки, вкусы, потребности, идеи; рѣдкій изъ насъ даже остается жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ провелъ дѣтство, и почти никто—въ томъ общественномъ кругу, къ которому принадлежали его родители. Это обновленіе достается намъ не дешево; мы, какъ растенія, переса-

женныя — и можетъ быть, даже не разъ — на новую почву, даемъ и блѣдный цвѣтъ, и тошій плодъ, а сколько гибнетъ, растерявъ въ этихъ перемѣнахъ и здоровье, и жизненную силу! Я не знаю, что лучше: эта ли безпочвенная гибкость, или тираннія традиціи. Во всякомъ случаѣ, разница между нами и тѣми людьми очевидна; въ біографіи современнаго дѣятеля часто нечего сказать о его семьѣ, біографію же славянофила необходимо начинать съ характеристики дома, откуда онъ вышелъ.

Петръ Васильевичъ Кирѣевскій родился 11 февраля 1808 года въ томъ самомъ Долбинѣ, о которомъ только-что была рѣчь¹⁾. Онъ былъ вторымъ ребенкомъ въ семьѣ, на два года моложе своего брата Ивана. Отецъ, Василій Ивановичъ, въ молодости служилъ, при Павлѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ секунд-майора и поселился въ родовомъ Долбинѣ, гдѣ выстроилъ себѣ новый домъ — огромный, на высокомъ фундаментѣ, съ мраморной облицовкой стѣнъ внутри, со множествомъ надворныхъ строеній и великолѣпными садами. Это былъ, повидимому, сильный и оригинальный человѣкъ, нравственно изъ одного куска²⁾. Его образованность надо признать рѣдкою для его времени: онъ зналъ пять языковъ, любилъ естественныя науки, имѣлъ у себя лабораторію, занимался медициною и довольно успѣшно лечилъ; на смертномъ одрѣ онъ говорилъ старшему сыну о необходимости заниматься химіей, и называлъ ее „божественной наукой“. Онъ много читалъ, и его знанія были, говорятъ, очень многосторонни. Пробовалъ онъ и писать, переводилъ повѣсти и романы, и даже самъ сочинялъ. Онъ былъ англomanъ — любилъ англійскую литературу и англійскую свободу. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень набоженъ, ненавидѣлъ энциклопедистовъ и скупалъ въ Москвѣ сочиненія Вольтера съ тѣмъ, чтобы жечь ихъ. Свой домъ онъ велъ строго по завѣтамъ старины; занятія химіей и англomanство нисколько не поколебали въ немъ патріархальнаго духа и не заставили съ пренебреженіемъ отвернуться отъ простонароднаго быта; напротивъ, онъ сохранилъ во всей силѣ ту близость усадьбы съ народомъ, тотъ открытый притокъ народнаго элемента въ господскую жизнь, которые отличали помѣщичій бытъ стараго времени. „Изъ 15 человѣкъ мужской комнатной прислуги 6 были грамотны и охотники до чтенія; книгъ и времени было у нихъ достаточно, слушателей много. Во время домовыхъ богослуженій, которыя были очень часто (молебны, вечерни, всенощныя, мефимоны и службы страстной недѣли), они замѣняли дьячковъ, читали и пѣли стройно старымъ напѣвомъ: новаго Василій Ивановичъ у себя не терпѣлъ, ни даже въ церкви. Въ лѣтнее время дворъ барскій оглашался хоровыми пѣснями, подъ которыя многочисленная дворня дѣвокъ, сѣнныхъ дѣвушекъ, кружевницъ и швей водили хоромы и разныя игры: въ коршуны, въ горѣлки „заплетися плетень, заплетися, ты завейся труба золотая“, или „а мы просо

¹⁾ Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ использованы какъ всѣ печатныя матеріалы о П. В. Кирѣевскомъ, такъ и неизданныя его письма, числомъ болѣе 200, замѣтки и пр., любезно предоставленныя для настоящей работы внучкою А. П. Елагиной—М. В. Беэръ. Сколько-нибудь обстоятельной біографіи П. В. К. до сихъ поръ не существовало; поэтому я счелъ нужнымъ изложить его жизнь съ возможной полнотою и подробностью. Мнѣ казалось, что онъ этого стоитъ.

²⁾ О немъ см. воспоминанія Толычевой, *Р. Арх.* 1877, II, 361 и д., Петерсона, тамъ же, 479—482, далѣе В. Лясковскій, *Братья Кирѣевскіе*, Спб. 1899, стр. 1—3. Я пользуюсь въ дальнѣйшемъ также неизданными записками Екат. Ив. Елагиной.

сѣяли“, „я ѣду во Китай-городъ гуляти, привезу ли молодой женѣ поупку“ и др.; а нянюшки, мамушки, сидя на крыльцѣ, любовались и внушали чинность и приличіе. Въ извѣстные праздники всѣ бабы и дворовые собирались на игрища то на лугу, то въ роцѣ крестить кукушекъ, завивать вѣнки, пускать ихъ на воду и пр. Вообще народу жилось весело, тѣлесныхъ наказаній никакихъ не было, ни батоговъ, ни розогъ. Главныя наказанія въ Долбинѣ были земные поклоны передъ образомъ до 40 и болѣе, смотря по винѣ, да стулъ (дубовая колода, къ которой приковывали виновнаго на цѣпь рукою). Крестьяне были достаточны, многіе зажиточны. Къ весельямъ деревенской жизни надо прибавить, что церковь села Долбина, при которой было два священника, славилась чудотворною иконою Успенія Божіей матери. Къ Успеньеву дню стекалось множество народу изъ окрестныхъ селъ и городовъ, и при церкви собиралась ярмарка, богатая для деревни. Купцы раскидывали множество палатокъ съ краснымъ и всякимъ товаромъ, длинные, густые ряды съ фруктами и ягодами; не были забыты и горячіе оладьи и сбитень. Но водочной продажи Василій Ивановичъ не допускалъ у себя. Даже на этотъ ярмарочный день откупщикъ не могъ сладить съ нимъ и отстоять свое право по цареву кабаку. Никакая полиція не присутствовала, но все шло порядкомъ и благополучно. Наканунѣ праздника смолянныя бочки горѣли по дорогѣ, ведущей къ Долбину, и освѣщали путь, а въ самый день Успенія длинныя, широкія, высокія, тѣнистыя аллеи при церкви были освѣщены плоскими, фонариками, и въ концѣ этого сада сжигались потѣшныя огни, солнца, колеса, фонтаны, жаворонки, ракеты по одиночкѣ и снопами, наконецъ буракъ. Все это приготовлялъ и всѣмъ распоряжался Зюсѣбиръ (нѣмецъ изъ Любека, управлявшій сахарнымъ заводомъ Кирѣвскаго). Несмотря на всѣ эти великолѣпія, постромки у каретъ, возжи у кучера и поводья у фореитора были веревочныя¹⁾.

Семейныя преданія изображаютъ Василія Ивановича человѣкомъ твердой воли и непреклонныхъ убѣжденій. Рассказываютъ, что вскорѣ послѣ его женитьбы въ 1805 г. заѣхалъ въ Долбино губернаторъ Яковлевъ, объѣзжавшій губернію и пожелавшій въ Долбинѣ переночевать; съ нимъ была многочисленная свита, въ томъ числѣ и его возлюбленная: Василій Ивановичъ не впустилъ ее въ свой домъ, и губернаторъ принужденъ былъ уѣхать дальше искать ночлега, и потомъ не рѣшился мстить Кирѣвскому. Одно время Василій Ивановичъ былъ судьей въ своемъ уѣздѣ, по выборамъ; онъ и здѣсь внушилъ уваженіе къ себѣ своей справедливостью и страхъ своею строгостью; „нерадѣіе въ должности—вина передъ Богомъ“, говорилъ онъ—и назначалъ неисправнымъ чиновникамъ земные поклоны, какъ своимъ дворовымъ. Лясковскій, просматривавшій его записную книгу, встрѣтилъ въ ней двѣ трогательныя замѣтки, гдѣ онъ упрекаетъ себя въ несправедливости—разъ по отношенію къ дворовому, котораго разбранилъ, другой разъ—къ крестьянину, которому запретилъ ѣхать лугомъ. Это непоколебимое сознаніе своего нравственного долга простиралось въ немъ далеко за предѣлы семейнаго и помѣщичьяго обихода: онъ чувствовалъ какъ гражданинъ, и при случаѣ умѣлъ поступать какъ гражданинъ. Сохранилось его чер-

¹⁾ А. Петерсонъ, „Черты стариннаго дворянскаго быта“, Р. Арх. 1877 II 479 и д. (безъ сомнѣнія, со словъ Авд. П. Елагиной).

новое прошеніе на имя государя, гдѣ онъ предлагалъ способы для борьбы съ повальными болѣзнями. Въ 1812 году, переѣхавъ съ семьей для безопасности изъ Долбина въ другую свою вотчину, подъ Орломъ, онъ самовластно принялъ въ свое завѣдываніе городскую больницу въ Орлѣ, куда во множествѣ свозили раненныхъ французовъ. Въ госпиталѣ царили вопіющія неурядицы и злоупотребленія; не щадя силъ и денегъ, всѣхъ подчиняя своей твердой волѣ, Кирѣевскій улучшилъ содержаніе раненныхъ, увеличилъ число кроватей, самъ руководилъ леченіемъ, словомъ, работалъ неутомимо; попутно онъ обращалъ якобинцевъ на христіанскій путь, говорилъ имъ о будущей жизни, о Христѣ, молился за нихъ. Здѣсь, въ госпиталѣ, онъ и заразился тифомъ, который свелъ его въ могилу (въ ноябрѣ 1812 года).

Еще нѣсколько анекдотическихъ чертъ дополняютъ его портретъ. Въ немъ было много страннаго. Онъ былъ чрезвычайно неряшливъ въ своей наружности. Онъ очень много читалъ — и любилъ читать, затворившись въ своей комнатѣ, лежа на полу; вокругъ него на полу стояли недопитыя чашки, потому что онъ не позволялъ убирать въ кабинетѣ, подметать и стирать пыль; послѣ его женитьбы на молоденькой Авдотѣ Петровнѣ Юшковой ѣздившіе къ нимъ гости говорили, что единственный чистый предметъ въ домѣ, это хозяйка. Въ обыденныхъ житейскихъ обстоятельствахъ онъ былъ наивенъ какъ ребенокъ. Такъ, живя въ Москвѣ съ молодой женой, почти ребенкомъ, для ея первыхъ родовъ, онъ уѣзжалъ съ утра изъ дома, не оставивъ ей денегъ на расходы, и она не знала, какъ накормить свою многочисленную дворню; а онъ, засидѣвшись въ какой-нибудь книжной лавкѣ, возвращался поздно, съ кучей книгъ, а иногда со множествомъ разбитаго фарфора, до котораго былъ большой охотникъ.

Вотъ какого дуба отросткомъ былъ П. В. Кирѣевскій. Я съ умысломъ говорилъ подробно объ отцѣ: сынъ унаслѣдовалъ отъ него такъ много чертъ, какъ это рѣдко встрѣчается. Важно не это сходство само по себѣ, но та перспектива вглубь быта и времени, которую оно открываетъ. Какъ и отецъ, Петръ Кирѣевскій представляетъ собою яркій *моральный* типъ: та же внутренняя цѣльность, не подрываемая скепсисомъ, та же непоколебимая убѣжденность неизмѣнно положительнаго свойства, та же непреклонная вѣрность долгу; и дальше—живой умственной интересъ, и вмѣстѣ крѣпкое „землѣ своей своеземство“,—какой-то инстинктивный патріотическій консерватизмъ, насильственно подчиняющій себѣ всѣ завоеванія ума и знанія; еще дальше — одинаковый диллетантизмъ въ занятіяхъ, непрактичность въ житейскихъ дѣлахъ, извѣстное чудачество во внѣшнихъ проявленіяхъ личности, и пр. Здѣсь чувствуется нѣчто большее, нежели фамиліальное сходство: это цѣлая культура въ двухъ, правда, незаурядныхъ, но вполне типичныхъ своихъ представителяхъ, — культура стараго помѣстнаго дворянства, еще не оторванная отъ народной почвы, напротивъ, во многомъ близкая къ ней и сознательно дорожившая этой близостью. Такъ духовный складъ и самое міровоззрѣніе Петра Кирѣевского всѣми своими корнями уходятъ вглубь народной жизни. И, что особенно важно,—не только чрезъ отца, но и чрезъ мать. Здѣсь не было перекрестнаго вліянія двухъ различныхъ традицій: отецъ и мать вышли изъ нѣдръ одной и той же культуры¹⁾.

¹⁾ Объ Авд. П. см. прекрасную статью П. И. Бартенева въ *Р. Арх.* 1877 II 482—495, и воспоминанія К. Д. Кавелина, *Соч.* III 1115—1132, также Лясковскій, Колупановъ и др.

Авдотья Петровна Юшкова также принадлежала къ старинному дворянскому роду (притомъ, того же Бѣлевскаго уѣзда); по отцу она была въ родствѣ съ Головкиными и Нарышкиными, ея дѣдъ по матери, пріятель Екатерининскихъ Орловыхъ, былъ бѣлевскимъ воеводой. И ея семья, какъ Кирѣевскихъ, соединяла съ почвенностью замѣчательную по времени образованность: отецъ Авдотьи Петровны былъ въ перепискѣ съ Лафатеромъ, ея мать была отличной музыкантшей и, говорятъ, много читала на разныхъ языкахъ; бабушка, у которой она, осиротѣвъ, жила съ 5-ти лѣтняго возраста, вдова того самаго бѣлевскаго воеводы, важная и богатая барыня, была женщина по тогдашнему начитанная. Сама Авдотья Петровна получила прекрасное образованіе, опять-таки двойственное: воспитанная французскими гувернантками изъ эмигрантокъ, она рано освоилась съ французской классической литературой, и съ другой стороны, живя по зимамъ въ Москвѣ, въ дружескомъ кружкѣ Тургеневыхъ и Соковниныхъ, она, по словамъ ея біографа, не могла не раздѣлять общаго восторга къ Дмитріеву и Карамзину, который на правахъ родственника бывалъ въ домѣ ея бабушки. Вообще, литературные и эстетическіе элементы преобладали въ ея воспитаніи, и это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало ея живой, воспріимчивой натурѣ. Въ этомъ же направленіи сильно повліялъ на нее, какъ легко понять, В. А. Жуковский, побочный сынъ ея дѣда, роспій вмѣстѣ съ нею; онъ былъ другомъ ея юности и руководителемъ въ занятіяхъ. Шестнадцати лѣтъ она была выдана замужъ за вдвое старшаго Кирѣевского. Онъ представлялъ собою по преимуществу моральный типъ, она—типъ эстетическій. Вліяніе мужа, безъ сомнѣнія, во многомъ и на всю жизнь опредѣлило ея положительные взгляды, въ особенности укрѣпило въ ней глубокую религіозность; но она до старости сохранила свой легкій, ясный, живой нравъ. Она любила цвѣты, поэзію, живопись, шутку, и сама была остроумна и готова на проказы, сама прекрасно рисовала. „Чувство любви къ красотамъ Божьяго міра было необыкновенно развито въ Авдотѣ Петровнѣ: до преклонной старости не могла она равнодушно видѣть цвѣтущій лугъ, тѣнистую рощу. Цвѣты были ея страстью; она окружала себя ими во всѣхъ видахъ, составляла букеты, срисовывала, наклеивала, иглой и кистью передавала ихъ изображенія“. Такъ же сильно былъ развитъ въ ней вкусъ къ поэзіи, вообще къ литературѣ. По словамъ К. Д. Кавелина, близко знавшаго ее, она была основательно знакома со всѣми важнѣйшими западными литературами, не исключая новѣйшихъ. Она и сама любила писать; ея письма къ сыновьямъ и ихъ друзьямъ очаровательны. Всю жизнь она переводила съ иностранныхъ языковъ. Еще въ юности она, подъ руководствомъ Жуковского, перевела много пьесъ моднаго тогда Коцебу; въ 1808—9 г. она помогала Жуковскому перепискою и переводами при изданіи „Вѣстника Европы“; когда подросли ея дѣти, она перевела „Левану“ Ж.-П. Рихтера, позднѣе перевела двухтомную „Жизнь Гуса“ Боншоза, отрывки изъ мемуаровъ Стефенса для „Москвитянина“ 1845 г., и пр., и пр.; ея переводы, большею частью ненапечатанные, составили бы много томовъ.

П. В. Кирѣевскій могъ бы сказать о себѣ словами Гёте: отъ отца онъ унаслѣдовалъ моральный типъ, *des Lebens ernstes Führen*. Этотъ типъ унаслѣдовали всѣ трое дѣтей: и его братъ, Иванъ Васильевичъ, основатель философской доктрины славянофильства, и сестра Марія, умершая дѣвицей въ пятидесятыхъ

годахъ, ревнительница древняго благочестія, дважды собственноручно переписавшая Макаріевскій переводъ Библіи, въ то время запрещенный цензурою. Но поэтическое чутье, страстную любовь къ музыкѣ, склонность къ безобидной шуткѣ—словомъ, *die Frohnatur*, позднѣе, впрочемъ, заглохшую въ немъ, онъ унаслѣдовалъ, конечно, отъ матери. Это ея легкая кровь сказывалась въ немъ, когда, придя, на примѣръ, однажды къ Екат. Пв. Елагиной вечеромъ въ день ея именинъ, онъ извинялся, что не принесъ подарка, и вдругъ, показавъ въ окно, сказалъ: „Но дарю тебѣ всю *chèvrefeuille* (жимолость) на свѣтѣ, и еще полярную звѣзду“.

Эта общая наслѣдственность со стороны отца и матери въ характерѣ П. В. Кирѣевского непосредственно бросается въ глаза. Гораздо труднѣе опредѣлить тѣ частныя черты, которыя были обусловлены въ немъ духомъ семьи. Если вообще атмосфера родительскаго дома могущественно вліяетъ на ребенка, то тѣмъ сильнѣе это вліяніе въ семьяхъ столь крѣпкой и насыщенной культуры, какова была семья Кирѣевскихъ. Что семья развила и укрѣпила въ немъ религиозное чувство и преданность православію, это разумѣется само собою. Въ этомъ домѣ, несмотря на легкій характеръ матери, гнѣздились какія-то темныя предчувствія и страхи. Семейная хроника Кирѣевскихъ и ихъ родныхъ полна всякихъ мистическихъ исторій, неожиданныхъ совпаденій и чудесъ¹⁾. Въ Долбинскомъ домѣ являлись духи какихъ-то бабушекъ, умершихъ за сто лѣтъ. Говорили, что Василій Ивановичъ въ минуту смерти (онъ умеръ, какъ уже сказано, въ Орлѣ) пріѣхалъ въ Долбино въ каретѣ, прошелъ въ домъ и крикнулъ своего человѣка; всѣ дворовые видѣли его и слышали его голосъ. На его свадьбѣ съ Авдотьей Петровной шаферомъ былъ у него Николай Андреевичъ Елагинъ; свадьба была 13 января (1805 г.) въ Долбинѣ; шаферъ простудился, занемогъ горячкой и чрезъ нѣсколько дней умеръ въ домѣ молодыхъ. Въ 1817 году, 11 января, въ день рожденія Авдотьи Петровны, должна была состояться въ Дерптѣ свадьба ея лучшаго друга, Марьи Андреевны Протасовой, которую такъ долго любилъ Жуковский, съ Иваномъ Филипповичемъ Мойеромъ. Почему-то свадьба въ этотъ день не могла состояться и была перенесена на 14-ое января. Авдотья Петровна спѣшила изъ Долбина на эту свадьбу, но ледъ Оки подломился подъ ея повозкою, она едва не утонула, страшно простудилась и была принуждена долго оставаться въ Козельскѣ; здѣсь она сблизилась со своимъ троюроднымъ братомъ, роднымъ братомъ того самаго шафера, Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ, за котораго и вышла вскорѣ затѣмъ по второму браку. Такія совпаденія запоминались, имъ, повидимому, придавали въ семьѣ таинственное значеніе. Всѣ, начиная съ самой Авдотьи Петровны, видѣли пророческіе или предостерегающіе сны. Общей особенностью всей семьи была также взаимная мнительность относительно здоровья, державшая всѣхъ въ постоянномъ безпокойствѣ и превращавшаяся въ паническій страхъ при малѣйшемъ поводѣ. Письма П. В. Кирѣевского, можно сказать, на три четверти наполнены тревожными запросами, увѣщаніями и пр. насчетъ здоровья матери, братьевъ, вообще родныхъ; пустячное нездоровье кого-нибудь изъ нихъ заставляетъ его скакать на мѣсто—въ Бунино, Петрищево, Москву, бросая всѣ дѣла, и это повторялось много разъ ежегодно.

¹⁾ См. неизданныя записки Е. И. Елагиной, о которыхъ упомянуто выше.

Иванъ Васильевичъ тоже былъ мученикомъ этихъ страховъ. Кажется, будто тяжелая серьезность ихъ отца въ соединеніи съ нервной возбудимостью матери породили въ сыновьяхъ эту тревогу, которая ложилась черной тѣнью на ихъ жизнь и на ихъ мышленіе.

II.

Безъ сомнѣнія покажется страннымъ, если я скажу, что ни образованіе, ни внѣшнія вліянія, которымъ въ молодости подвергался П. В. Кирѣевскій, по существу ничего не измѣнили въ немъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ дѣйствіе на него было ничтожно,—до такой степени его душевный складъ и самое его міросозерцаніе были предопредѣлены наслѣдственностью и духомъ семьи. Болѣе, чѣмъ о какомъ-либо человѣкѣ, о немъ можно сказать, что онъ остался неизмѣннымъ отъ рожденія до могилы. Мы слишкомъ мало знаемъ о его молодости, чтобы можно было возстановить картину его развитія; но то, чтò мы знаемъ, съ достаточной убѣдительностью показываетъ, что его развитіе было только раскрытіемъ и осознаніемъ его врожденныхъ наклонностей, въ которыхъ нашелъ себѣ форму и волю цѣлый міръ національной и сословно-дворянской исторіи.

Въ 1812 году, когда умеръ отецъ, П. В. Кирѣевскому было четыре года¹⁾. Ближайшіе полтора года Авдотья Петровна прожила съ дѣтьми у своей тетки Протасовой въ ея имѣніи подъ Орломъ; маленькій Петя, говорятъ, очень скучалъ тамъ по родномъ Долбиноу. Съ ними жилъ тамъ и Жуковскій, тогда уже прославленный авторъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, и когда Авдотья Петровна, въ срединѣ 1814 года, переехала назадъ въ Долбино, онъ поселился у нея. П. В. былъ еще слишкомъ малъ, чтобы Жуковскій могъ непосредственно повліять на него. Но вліяніе Жуковского, чрезъ Авдотью Петровну, вошло въ семью и, на примѣръ, очень сильно отразилось на старшемъ Кирѣевскомъ; оно въ значительной степени опредѣлило его вкусы, литературные пріемы и даже характеръ его позднѣйшей философіи. Въ Петрѣ Кирѣевскомъ не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ этого вліянія; нѣмецкій романтизмъ оказался столь же незаразительнымъ для него, какъ позднѣе германская философія. Въ 1817 году, какъ сказано, Авдотья Петровна вышла замужъ за А. А. Елагина. Это былъ, повидимому, заурядный человѣкъ, не внесшій новой струи въ семью; но онъ былъ любитель философскаго чтенія, почитатель Канта и Шеллинга. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ много содѣйствовалъ раннему пробужденію философскаго интереса въ Иванѣ Кирѣевскомъ. Вѣроятно и Петръ Васильевичъ читалъ Шеллинга,—тогда въ его кругу всѣ увлекались Шеллингомъ; возможно, что онъ заимствовалъ у Шеллинга нѣкоторыя историко-философскія идеи; но общій духъ Шеллинизма опять-таки остался ему совершенно чуждъ и нимало не опредѣлилъ его направленія. Онъ могъ бы и никогда не слышать о Жуковскомъ, могъ бы не прочесть ни строки изъ Шеллинга,—его міровоззрѣніе и его дѣятельность были бы тѣ-же. Объ Иванѣ Кирѣевскомъ этого нельзя сказать.

¹⁾ О дѣтствѣ и юности П. В. К. см. Ляковского, Колюпанова, „Матеріалы для біографіи И. В. К.“ въ 1-мъ томѣ его сочиненій.

Братья Кирѣевскіе получили чрезвычайно тщательное воспитаніе. Еще въ Долбинѣ они основательно изучили нѣмецкій и французскій языки и ихъ классическія литературы. Въ 1821 году семья переселилась въ Москву; здѣсь юноши брали уроки у лучшихъ профессоровъ университета—у Снегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова, учились англійскому, латинскому и греческому языкамъ. Старшій въ 1824 году сдалъ экзаменъ въ университетъ и поступилъ на службу въ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; младшій пошелъ тѣмъ же путемъ нѣсколько позже.

Въ тѣ годы умственная жизнь Москвы отличалась большимъ оживленіемъ. Было бы соблазнительно рассказать, какъ начала пробуждаться мысль въ передовыхъ представителяхъ молодого поколѣнія, какъ стали возникать первые московскіе кружки—Раича, Веневитинова, В. Θ. Одоевскаго,—какъ эти юноши, вышедшіе изъ самыхъ нѣдръ патріархальнаго быта и нисколько ему не враждебные, въ силу какой-то инстинктивной потребности со страстью предались отвлеченному философствованію, которое въ концѣ концовъ приведетъ ихъ къ выработкѣ совершенно новаго міровоззрѣнія, какъ они, въ поискахъ истины, жадно набросились на современныя имъ философскія и эстетическія теоріи Запада, и какъ своеобразно они приспособляли эти ученія къ своимъ нуждамъ. Рассказать объ этомъ было бы тѣмъ болѣе соблазнительно, что братья Кирѣевскіе стояли въ самомъ центрѣ движенія, были дружны съ его вождями, входили въ составъ этихъ кружковъ.—Но въ біографіи П. В. Кирѣевскаго такой рассказъ, я боюсь, былъ бы совсѣмъ неумѣстенъ. Мало того, что у насъ нѣтъ *ни одного* прямого показанія о его роли въ этихъ кружкахъ, объ его интересѣ къ нимъ или объ ихъ вліяніи на его развитіе,—но даже предположительно ни одна черта его позднѣйшаго міровоззрѣнія не можетъ быть поставлена въ связь съ этимъ движеніемъ (опять-таки въ отличіе отъ его брата). Общаго вліянія, разумѣется, нельзя отрицать,—но оно неуловимо; утверждать же что-нибудь положительное нѣтъ оснований. Петръ Васильевичъ былъ въ молодости, да и всю жизнь, нелюдимъ и застѣнчивъ; эта молодежь были не его друзья, а друзья его брата; весьма вѣроятно, что онъ вовлекался въ ихъ кружки, такъ сказать, механически, вслѣдъ за братомъ, и оставался чуждъ ихъ интимной жизни.

Вообще, повторяю, внутренняя жизнь П. В. Кирѣевскаго въ его молодые годы остается для насъ закрытой. Нѣсколько больше свѣдѣній сохранилось объ его литературныхъ занятіяхъ за это время. Повидимому, первой его работой, попавшей въ печать, было изложеніе небольшого курса ново-греческой литературы, изданнаго по-французски въ Женевѣ въ 1827 году Ризо Нерулосомъ; это изложеніе было напечатано, за полной подписью: П. Кирѣевскій, въ двухъ книжкахъ „Московского Вѣстника“ 1827 года, 13-ой и 15-ой. Выборъ книги былъ очень удаченъ. Въ этотъ моментъ вся передовая часть европейскаго общества съ глубокимъ участіемъ слѣдила за героическими усиліями грековъ отстоять свою едва-добытую независимость. Борьба партій въ самой Греціи облегчила задачу турокъ: въ 1825 году они снова перешли въ наступленіе, въ 1826-мъ взяли Миссолонги и овладѣли Мореей, и въ то самое время, когда печаталась статья Кирѣевскаго—въ іюнѣ 1827 г.—взятіе Акрополя снова отдало Грецію во власть мусульманъ. Книга фанаріота Ризо вовсе не была простою исторіей литературы: онъ хотѣлъ познакомить Европу съ исторіей умственнаго возрожденія

своей родины и доказать ей, что возстаніе Греціи было „неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нравственнаго усовершенствованія народа, а не дѣйствіемъ фанатической черни, возмущенной умами безпокойными“; по тогдашнему настроенію европейскаго общества, особенно правительствъ, это былъ со стороны Ризо очень искусный пріемъ. Во всякомъ случаѣ, выборъ такой книги свидѣтельствуетъ о значительной развитости девятнадцатилѣтняго Кирѣвскаго. Статья почти сполна занята переводомъ выдержекъ изъ книги Ризо; они выбраны умно и переданы прекраснымъ слогомъ.

Въ этомъ-же или въ слѣдующемъ (1828) году П. В. перевелъ и издалъ отдѣльной книжкою повѣсть Байрона „Вампиръ“ со своими примѣчаніями (я не видѣлъ этой книжки). Въ 19-ой—20-й книгѣ „Московского Вѣстника“ за 1828 годъ напечатанъ его прозаическій переводъ съ испанскаго значительной части комедіи Кальдерона „Трудно стеречь домъ о двухъ дверяхъ“, сопровождаемый такимъ примѣчаніемъ редакціи: „Считаемъ за долгъ сообщить пріятную новость любителямъ словесности, что П. В. Кирѣвскій, которому мы обязаны симъ отрывкомъ, намѣренъ заняться переводомъ всѣхъ лучшихъ произведеній Калдерона“. Дѣйствительно, въ бумагахъ П. В. послѣ его смерти были найдены, по словамъ Н. А. Елагина¹⁾, нѣсколько оконченныхъ драмъ Кальдерона, а также Шекспира, переведенныхъ имъ въ молодости²⁾; почему онъ не напечаталъ ихъ—мы не знаемъ.

Всѣ эти работы носятъ, очевидно, случайный характеръ и не проливаютъ свѣта на внутреннюю жизнь молодого Кирѣвскаго. Были ли у него въ это время какіе-нибудь опредѣленные планы на будущее, неизвѣстно. Весною 1829 года онъ рѣшилъ-было вступить въ военную службу³⁾. Это намѣреніе, конечно, стояло въ связи съ только-что начавшейся (въ 1828 г.) войною противъ Турціи; но что именно прельщало Кирѣвскаго въ этой войнѣ: мечта ли о возстановленіи креста на Св. Софіи (какъ императора Николая), или же, что вѣроятнѣе, надежда на освобожденіе Греціи русскимъ оружіемъ, судить невозможно. Жуковскій, узнавъ о его намѣреніи, обѣщалъ помочь ему въ опредѣленіи па службу, но родители, повидимому, противились⁴⁾. По намеку въ одномъ письмѣ Рожалина⁵⁾ можно догадываться, что въ концѣ концовъ Авдотья Петровна дала согласіе, но тѣмъ временемъ война кончилась; во всякомъ случаѣ, П. В. остался штатскимъ человѣкомъ. И все-таки, въ половинѣ іюля онъ надолго покинулъ родительскій домъ. Тогда только-что начиналась тяга русской молодежи въ германскіе университеты: П. Кирѣвскій былъ однимъ изъ первыхъ.

Онъ пробылъ за-границею больше года, и за это время не только онъ самъ, какъ естественно, писалъ матери письма болѣе обстоятельныя, чѣмъ обычно-

¹⁾ „Матеріалы для біографіи Ив. Вас. Кирѣвскаго“, въ 1-мъ томѣ его Соч., изд. 2-ое, стр. 62, прим.

²⁾ Изъ драмъ Шекспира во всякомъ случаѣ имъ были переведены до 1832 года „Отелло“ и „Венеціанскій купецъ“, см. *Уткинскій сборникъ* М. 1904, стр. 56.

³⁾ Юнкеромъ, см. *Уткинскій сборникъ*, стр. 49.—Письма Н. М. Рожалина, *Рус. Арх.* 1909, кн. 8, стр. 569, 572, 577.

⁴⁾ Письмо П. В. къ матери, отъ 15 мая,—*Рус. Арх.* 1894 № 10, стр. 207.

⁵⁾ *Р. Арх.* 1909 № 8, стр. 577: „Жаль, что вы такъ долго не отпускали Петра Васильевича: сколько было бы для него случаевъ отличиться!... Желаю ему искренно похода и счастья“ (къ А. П. Елагиной, отъ 17 августа 1829).

венно, но и о немъ много писали ей братъ Иванъ, съѣхавшійся съ нимъ тамъ, и ихъ товарищъ, другъ ихъ семьи Рожалинъ, котораго П. В. уже засталъ въ Германіи, — такъ что изъ этихъ писемъ его образъ выступаетъ предъ нами явственнѣе, нежели въ какой-нибудь другой періодъ его жизни ¹⁾.

III.

Онъ ѣхалъ въ Германію несомнѣнно подъ обаяніемъ ея поэзіи и науки. Первый нѣмецкій городъ, гдѣ онъ рѣшилъ остановиться, былъ Дрезденъ; онъ рассчитывалъ найти здѣсь Рожалина, но разыскалъ его только на третій день: черезъ часъ послѣ встрѣчи они были уже въ театрѣ: давали „Фауста“ въ честь 80-лѣтняго рожденія Гёте. Восхищенію П. В. не было границъ; „невозможно было не забыть“, писалъ онъ брату объ этомъ представленіи; „едва ли какая-нибудь трагедія можетъ дѣйствовать сильнѣе“; дирекція обѣщала дать „Фауста“ еще два раза, и они ждали съ нетерпѣніемъ, но власти запретили вторичную постановку. Ему было очень досадно, когда какая-то дама, съ которою онъ познакомился въ Дрезденѣ, — обѣщавъ дать ему письмо къ сестрѣ Жанѣ-Поля Рихтера въ Мюнхенъ, обманула. Вмѣстѣ съ Рожалинымъ онъ исходилъ пѣшкомъ Саксонскую Швейцарію, которая ему очень понравилась. Онъ былъ вообще очень оживленъ. Послѣ его отъѣзда въ Мюнхенъ (въ Дрезденѣ онъ провелъ нѣсколько больше двухъ недѣль) Рожалинъ пишетъ о немъ Шевыреву: „У меня былъ П. В. Кирѣевскій, здоровый, веселый, нетерпѣливый слышать Шеллинга и его Минхенскую братію... Я многого ожидаю отъ его твердаго, постоянного и умѣреннаго характера, которому Минхенъ придастъ электричества. Планъ его—учиться политическимъ наукамъ, особенно исторіи, и особенно средней исторіи“. Но и въ эти первые дни своей заграничной жизни, когда, казалось-бы, блескъ европейской культуры долженъ былъ ослѣпить 20-лѣтняго юношу, впервые увидѣвшаго свѣтъ, Кирѣевскій остается вѣренъ своимъ задумевшимъ пристрастіямъ. Въ Россіи лучше! Въ Германію можно пріѣхать за дѣломъ, на время, поучиться, но жить хорошо только въ Россіи. Онъ уже въ Дрезденѣ „успѣлъ посердиться на нѣмцевъ“: въ Бреславлѣ ему сшили сапоги, но едва онъ, подъ Дрезденомъ, взомель на горы, подошвы отвалились. И лошади нехороши: поѣхали верхомъ къ Богемскимъ горамъ, „Петръ Васильевичъ перепробовалъ всѣхъ нашихъ лошадей и проклялъ всѣхъ до единой“. Нѣмецкіе города кажутся ему мизерными, даже Мюнхенъ, который „на Москву самый похожій“: „очень много красоты отнимаетъ у здѣшнихъ городовъ недостатокъ колоколенъ и златоверхихъ церквей, которыя такъ много украшаютъ наши. Правда, здѣсь есть прекрасныя готическія зданія, но ихъ во всемъ городѣ три или четыре, и при взглядѣ на городъ издалека они совсѣмъ не производятъ такого дѣйствія, какое множество колоколенъ и башенъ въ Москвѣ, или даже Смоленскѣ“.

Въ началѣ сентября (1829 г.) Кирѣевскій пріѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ рѣшилъ основаться надолго. Нанявъ квартиру изъ двухъ комнатъ, побывавъ

¹⁾ Его письма изъ-за границы къ роднымъ напечатаны въ *Р. Арх.* 1894 № 10 и 1905 № 5. Письма Ив. Вас. — въ „Матер. для біогр. И. В. К.“ при первомъ томѣ его *Соч.* и въ *Р. Арх.* 1907 № 1.—Письма Рожалина—въ *Р. Арх.* 1909 № 8.

въ театрѣ, посѣтивъ Тютчевыхъ, онъ наконецъ занялся дѣломъ: отправился къ ректору университета, филологу Тиршу, просить позволенія слушать лекціи. Визитъ сошелъ благополучно, только уходя Кирѣевскій „чуть-чуть было не вышибъ дверь“, толкнувшись о нее. По заведенному тогда обычаю, онъ долженъ былъ посѣтить и Шеллинга, котораго собирался слушать. Это посѣщеніе онъ подробно описалъ въ письмѣ къ брату, остававшемуся еще въ Москвѣ¹⁾. Я долженъ привести это письмо цѣликомъ; оно ближе и, главное, непосредственнѣе познакомить читателя съ молодымъ Кирѣевскимъ, нежели это могъ бы сдѣлать самый искусный разсказъ. Этотъ юноша двадцати одного года, очевидно, очень уменъ и развитъ не по лѣтамъ; онъ зорокъ въ своихъ наблюденіяхъ, самостоятеленъ и спокоенъ въ сужденіяхъ, и однако сколько молодости въ его письмѣ, какая теплая задушевность! Шеллингъ навѣрное не часто видалъ такихъ юношей; недаромъ онъ сразу замѣтилъ его и надолго запомнилъ.

„7/19 октября. Я сейчасъ возвратился отъ Шеллинга. Ходилъ просить позволенія слушать его лекціи, и проговорилъ съ нимъ около часа. Узнаешь ли ты меня въ этомъ подвигѣ? И что всего удивительнѣе, не запнулся ни разу. Но что тебѣ сказать о Шеллингѣ? Не можешь вообразить, какое странное чувство испытываешь, когда увидишь наконецъ эту сѣдую голову, которая, можетъ быть, первая въ своемъ вѣкѣ, когда сидишь съ глазу на глазъ съ Шеллингомъ! Такъ какъ завтра уже начинается курсъ, слѣдовательно откладывать моихъ визитовъ профессорамъ было долѣе нельзя, то я и отправился сегодня прямо къ Шеллингу. Меня встрѣтила дѣвушка лѣтъ девятнадцати, недурная собой, съ маленькой сестрою лѣтъ девяти, и когда я спросилъ, здѣсь ли живетъ der Herr geheime Hofrath v. Schelling, сказала маленькой: Sieh doch nach, ob der Papa zu Hause ist? а сама между тѣмъ начала говорить со мною по-французски о погодѣ. Наконецъ маленькая дочка Шеллинга возвратилась и сказала, что Шеллингъ проситъ меня войти на минуту въ пріемную комнату, а самъ сейчасъ выйдетъ. Гостиная Шеллинга — маленькая комнатка шаговъ въ одиннадцать вдоль и поперекъ и не только имѣющая видъ простоты, но даже бѣдности; вся мебель состоитъ въ маленькомъ диванчикѣ и трехъ стульяхъ, а на голыхъ стѣнахъ, нѣсколько закопченныхъ, виситъ одинъ маленькій эстампъ, представляющій очерки какой-то фигуры, едва видной въ лучахъ свѣта, и вокругъ нея молящійся народъ. Но я не успѣлъ разсмотрѣть этотъ эстампъ хорошенько. Минутъ пять я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, наконецъ отворилась дверь — и вошелъ Шеллингъ! — но совсѣмъ не такой, какимъ я себѣ воображалъ его. Я часто слыхалъ отъ видѣвшихъ его, что никакъ нельзя сказать по его наружности: это Шеллингъ, и я думалъ найти старика дряхлаго, больнаго и угрюмаго, человѣка, раздавленнаго подъ тяжелой ношею мысли, какого видалъ на портретахъ Канта; но я увидѣлъ человѣка, по наружности лѣтъ сорока, средняго роста, сѣдаго, нѣсколько блѣднаго, но Геркулеса по крѣпости сложенія, съ лицомъ спокойнымъ и яснымъ. Глаза его свѣтло-голубые, лицо кругловатое, лобъ крутой, носъ нѣ-

¹⁾ Это письмо, вѣроятно безъ вѣдома П. В. К., но за полной его подписью, тогда же напечаталъ Погодинъ въ своемъ „Моск. Вѣстн.“ — 1830, ч. I, стр. 111—116. Въ числѣ другихъ заграничныхъ писемъ П. В. К., оно напечатано (не совсѣмъ точно) въ Рус. Арх. 1905 № 5. Я исправляю текстъ по подлиннику письма.

сколько вздернутый кверху сократически; верхняя губа довольно длинная и нѣсколько выдавшаяся впередъ, но, несмотря на то, черты лица довольно стройныя, и лицо, хотя округлое, но сухое; вообще онъ кажется весь составленъ изъ однихъ жилъ и костей. Опредѣлить выраженіе его лица всего труднѣе; въ немъ ничего опредѣленнаго не выражается, и вмѣстѣ съ тѣмъ лицо ко всѣмъ выраженіямъ способное. Лихонинъ, говорившій, что выраженіе лица на портретѣ Жанъ-Поля слишкомъ *индивидуально*, назвалъ бы выраженіе Шеллингова *абсолютнымъ*. Только въ нижней части лица видна какая-то энергія, и легкій отбѣнокъ задумчивости въ глазахъ, когда онъ перестаетъ говорить. Но когда онъ, опустивъ на минуту глаза въ землю, вдругъ взглянетъ — какое-то молніе блеснетъ въ его глазахъ, обыкновенно совершенно спокойныхъ. Вотъ все, что можно сказать о наружности Шеллинга; но если будетъ случай замѣтить хорошенько его профиль, постараюсь вырѣзать его силуэтъ, и тогда пришлю.

„Онъ встрѣтилъ меня извиненіемъ, что заставилъ дожидаться, и просилъ взойти въ другую комнату, которая, какъ кажется, его кабинетъ. Здѣсь, говоря съ Шеллингомъ, я ничего не могъ замѣтить, кромѣ кипы бумагъ на большомъ столѣ, и нѣсколькихъ рядовъ книгъ на доскахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ. Когда я сказалъ, что желаю слушать его лекціи, онъ отвѣчалъ, что очень радъ, если хотя чѣмъ нибудь можетъ мнѣ быть полезенъ, и просилъ адресоваться къ нему во всемъ, что онъ можетъ сдѣлать. Онъ посадилъ меня на диванъ, а самъ сѣлъ передо мною на стулѣ, и съ вопроса, долго ли я намѣренъ остаться здѣсь, началъ говорить о здѣшнихъ способахъ, собраніяхъ по части искусствъ и библіотекахъ; потомъ, спросивши, въ какомъ состояніи осталась библіотека Московскаго Университета послѣ пожара, началъ разспрашивать объ Москвѣ, объ Лодерѣ, съ которымъ былъ знакомъ, на какомъ языкѣ нѣмецкіе профессора читаютъ у насъ лекціи, много ли занимаются Латинскимъ языкомъ въ Университетѣ. „Ну хорошо!“ сказалъ онъ между прочимъ, „въ медицинскомъ отдѣленіи искони уже введенъ Латинскій языкъ, и необходимъ; но если бы, напримѣръ, читать въ Москвѣ философію на Латинскомъ языкѣ, думаете ли вы, что нашлись бы слушатели?“ Я отвѣчалъ, что большая часть слушателей, способныхъ понимать лекціи философическія, были бы способны понимать ихъ и на Латинскомъ языкѣ, но что впрочемъ Нѣмецкимъ языкомъ занимаются въ Россіи еще гораздо больше.—Отъ Университета онъ перешелъ къ образу жизни Москвичей, говорилъ, что воображаетъ въ Москвѣ большое разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ, смѣшеніе Азіатской роскоши и обычаевъ съ Европейскимъ образованіемъ, разспрашивалъ о состояніи нашей литературы, говорилъ, что онъ слышалъ, что она дѣлаетъ быстрые шаги, и что онъ слышалъ также, что у насъ драматическое искусство процвѣтаетъ, особенно что есть отличные комики; но въ послѣднемъ по несчастію я не могъ подтвердить его мнѣнія. Потомъ онъ перешелъ къ настоящей войнѣ. „Россіи, сказалъ онъ, суждено великое назначеніе, и никогда еще она не выказывала своего могущества въ такой полнотѣ, какъ теперь; теперь въ первый разъ вся Европа, по крайней мѣрѣ всѣ благомыслящіе, смотрятъ на нее съ участіемъ и желаніемъ успѣха; жалѣютъ только, что, въ настоящемъ положеніи, ея требованія, можетъ быть, слишкомъ умѣренны“. Онъ говорилъ о трудностяхъ Русскаго языка для иностранцевъ, и какъ важно между тѣмъ было бы его изученіе; хвалилъ его звучность; говорилъ, что очень много

спышалъ о нашемъ Жуковскомъ и что по всеѣмъ слухамъ это долженъ быть человѣкъ отличный. Очень хвалили Тютчева. Das ist ein sehr ausgezeichneter Mensch, сказалъ онъ между прочимъ, ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man sich immer gerne unterhält. И когда наконецъ я всталъ, чтобы идти, онъ спросилъ мое имя, и сказалъ, что ему очень пріятно было бы, если бы я иногда навѣщалъ его по вечерамъ; и это приглашеніе повторилъ два раза.

„Вотъ тебѣ покуда все, что я могъ запомнить изъ словъ Шеллинга. Голосъ его довольно тихій и густой; онъ говоритъ не медленно и не скоро, и нѣсколько отрывисто. Разговоръ его такъ простъ, живъ и неразмѣренъ, что невольно забываешь, что говоришь съ этимъ огромнымъ Шеллингомъ; и вообще онъ очень умѣетъ сдѣлать положеніе своего соразговаривающаго ловкимъ.

„Зачѣмъ не ты былъ на моемъ мѣстѣ?“

Онъ записался въ университетъ и началъ, повидимому, усердно посѣщать лекціи Шеллинга, Окена, Тирша, Гёрреса и др.; дома онъ занимался латинскимъ языкомъ, отчасти испанскимъ и итальянскимъ, читалъ по философіи (Шеллинга) и по исторіи. Изрѣдка онъ бываетъ на пріемныхъ вечерахъ у Шеллинга и Окена, но чаще—раза два въ недѣлю—проводитъ вечера въ семьѣ Ѳ. И. Тютчева, принявшей его съ родственной теплотою. Время его распределено по часамъ, и онъ трудится упорно. Уже теперь, какъ потомъ всю жизнь, онъ до робости скромнень и самаго низкаго мнѣнія о своихъ способностяхъ. Ему тяжело чувствовать, пишетъ онъ брату, какъ мало онъ оправдываетъ высокое понятіе, которое тотъ имѣетъ о немъ. Онъ во всемъ считаетъ себя ниже брата: „Судьба уже давно раздѣлила насъ неровнымъ надѣломъ способностей; ты далеко опередилъ меня; какая-то тяжесть ума и безпрестанно грызущее чувство сомнѣнія въ самомъ себѣ оставили меня назади“. Онъ жалуется на медленность своего чтенія, его приводятъ „въ отчаяніе“ его дурной французскій языкъ, заиканье, неумѣніе разговаривать. Сообщая о томъ, что побывалъ на нѣсколькихъ карнавальныхъ балахъ и маскарадахъ, онъ пишетъ матери: „Не подумайте однакоже, читая, что я такъ часто бываю на балахъ, что я пустился въ большой минхенскій свѣтъ, сдѣлался развязень, многоглаголень и танцующъ; напротивъ: языкъ мой косянъ по прежнему, неловкость та же, и я возвращаюсь съ бала, не произнеся ни одного слова. Они (т. е. балы) интересны для меня только какъ нѣмецкія панорамы. Это не значитъ однакоже, чтобы я думалъ, что общество для общества и безъ другихъ отношеній ненужно и бесполезно; я давно убѣжденъ въ важности *свѣтскихъ* качествъ, и даже до нѣкоторой степени въ ихъ необходимости. Но чѣмъ больше я въ этомъ убѣждаюсь, тѣмъ больше убѣждаюсь и въ своей совершенной къ нимъ неспособности, которая заключается не въ неловкости, не во французскомъ языкѣ, съ которыми бы можно было сладить, но въ *несообщительности*, которая лежитъ въ характерѣ, которой нельзя помочь наружными средствами и дѣйствія которой идутъ дальше *свѣтскаго* общества“.

По одному этому признаку можно предсказать, какой типъ человѣка представить собою Кирѣевскій въ зрѣломъ возрастѣ. Такая замкнутость въ себѣ всегда обозначаетъ цѣломудріе и упрямство. Такой человѣкъ, если только онъ сильная натура, какою несомнѣнно былъ Кирѣевскій, непременно разовьется

существенно, т. е. изъ коренныхъ задатковъ своего духа, безъ примѣси чуждыхъ элементовъ, и въ своихъ сознательныхъ выводахъ будетъ неподдающимся сомнѣніямъ и критикѣ,—именно потому, что его мысль—органический плодъ его существа. Какая-то отчужденность и строгость, часто соединенная съ грустью, отличаютъ этихъ людей; они не сливаются съ окружающей толпой, имъ чужды ея суетные интересы и утѣхи. Если въ такомъ чело- зародится мысль большого калибра,—все-равно, нравственная, философская, практическая,—онъ предается ей всецѣло, больше того—онъ становится ея бонусомъ, онъ одержимъ ею, и пойдетъ осуществлять ее съ неимовернымъ упорствомъ, которое можно принять за ограниченность ума. Таковъ былъ Кирѣевскій, и въ 21 годъ онъ не только былъ совершенно сформированъ въ смыслъ характера, но уже обладалъ и той мыслью, которой онъ останется подвластнымъ всю жизнь.

Эта мысль, выросшая, если можно такъ выразиться, изъ насыщенныхъ далекой наслѣдственностью глубинъ его духа, въ 1829—30 г. еще неясно рисовалась его уму, но въ своихъ общихъ очертаніяхъ уже предстояла ему, какъ безусловная истина и единая цѣль. Онъ уже за-границу пріѣхалъ съ опредѣленной задачей—запасться знаніями и окрѣпить духовно *для служенія родины*. Имъ не руководятъ ни самодовлѣющій теоретическій интересъ, ни забота о собственной карьерѣ; его цѣль сразу ставится сверхлично и, притомъ, практически: сослужить службу Россіи, какъ цѣлому. Это рѣшеніе предполагаетъ, конечно, извѣстныя предпосылки, т. е. извѣстное знаніе того, что такое русскій народъ и чего ему не достаетъ. Въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, Кирѣевскій еще далекъ отъ философскаго обоснованія своихъ взглядовъ, но исходная точка имъ уже найдена, — въ дальнѣйшемъ онъ только разовьетъ эту зачаточную мысль.

Уже съ первыхъ мѣсяцевъ его заграничной жизни начинаютъ мелькать въ его письмахъ насмѣшки надъ „нѣмецкой флегмой“, надъ нѣмецкой „разсчитанностью и холодною“. Имъ онъ противопоставляетъ русскую безпечность, русскій хохоть и русскую ясность. О братѣ своемъ, послѣ того, какъ тотъ пожилъ нѣкоторое время въ Германіи, онъ пишетъ родителямъ: „Онъ тотъ же энергическій, высокій и горячій душою, и ясный, но вмѣстѣ съ этимъ *прежнимъ Русскимъ*, и Европейецъ, т. е. дѣятельный“. Это значитъ, что главной и драгоценнѣйшей особенностью русскаго національнаго характера онъ считаетъ *нравственную страстность*, въ противоположность ни теплымъ, ни холоднымъ, или вовсе холоднымъ, каковы, напримѣръ, по его наблюденію нѣмцы. Эту черту онъ, кажется, считаетъ въ русскихъ стихійнымъ элементомъ; по крайней мѣрѣ, ту же біологическую особенность онъ отмѣчаетъ и въ русской природѣ. Такъ, сообщая о раннемъ наступленіи весны въ Мюнхенѣ, онъ пишетъ¹⁾: „Несмотря однакоже на здѣшнее раннее тепло, я не промѣнялъ бы нашей весны на здѣшнюю. Въ ручейкахъ, которые теперь у насъ въ Москвѣ бѣгутъ повсюду, въ этомъ быстромъ, бодромъ переходѣ, въ живительной свѣжести нашего весенняго воздуха есть прелесть, которой здѣшняя весна не имѣетъ. У насъ природа спитъ долго, за то просыпается свѣжѣе, бодрѣе, и быстрота перехода отъ спокойствія

¹⁾ Незданное письмо отъ 25 марта—6 апрѣля 1830.

къ жиѣи и чувствуется живѣе. Здѣсь все просыпается по непогу, нѣмецкая природа лѣнится бодро вспрыгнуть съ постели и еще долго остается между сномъ и бдѣніемъ; ясные дни смѣняются съ сѣрыми, и не знаешь, въ самомъ дѣлѣ она проснулась или заснетъ опять“. Совершенно то же различіе видить между нѣмцами и русскими въ духовной области: тамъ равнодушіе, безжизненность, сухость, здѣсь—живое одушевленіе и страстная воспріимчивость. Только побывавши въ Германіи, вполне понимаешь великое значеніе Русскаго народа, свѣжесть и гибкость его способностей, его одушевленность. Стоить поспорить съ любымъ нѣмецкимъ простолудиномъ, стоить сходить раза четыре на лекціи Минхенскаго Университета, чтобы сказать, что недалеко то время, когда мы ихъ опередимъ и въ образованіи—Здѣсь много великихъ ученыхъ, но всѣ они собраны изъ разныхъ государствъ Германіи однимъ человѣкомъ—королемъ, который дѣлаетъ все, что можетъ; это еще не Университетъ: что могутъ они сдѣлать, когда ихъ слова разносятся по вѣтру? Надежды, которыя Университетъ подавать можетъ, должны мѣряться и образовательностью слушателей:—а знаешь ли, что въ Московскомъ Университетѣ едва ли найдешь десятокъ такихъ плоскихъ и бездушныхъ фizioномій, изъ какихъ составленъ весь Минхенскій? Знаешь ли, что во всемъ Университетѣ едва ли найдешь между студентами человѣкъ пять, съ которыми бы не стыдно было познакомиться? Что большая часть спитъ на лекціяхъ Окена и читаетъ романы на лекціяхъ Герреса? что дни три тому назадъ Тиршъ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ Германіи, долженъ былъ имъ проповѣдовать на лекціи, что для того, чтобы сдѣлать успѣхи въ филологическихъ наукахъ, не должно скупиться и запастись по крайней мѣрѣ *латинской грамматикой!* потому что многіе изъ нихъ приходятъ къ нему, прося позволенія просмотрѣть грамматику Цумпта, которая стоитъ 1 талеръ!—И это тотъ Университетъ, гдѣ читаютъ Шеллинги, Окены, Герресы, Тирши. Что если бы *одинъ* изъ нихъ былъ въ Москвѣ? Какая жизнь закипѣла бы въ Университетѣ! Когда и тяжелый, педантическій Давыдовъ могъ возбудить энтузіазмъ¹⁾. Это писано чрезъ три мѣсяца по приѣздѣ Кирѣвскаго въ Германію.

Итакъ, полнота и страстность душевной жизни—вотъ драгоценная особенность русскихъ. Но они инертны и лѣнны: имъ недостаетъ европейской активности. Мы видѣли только-что, какъ, говоря о братѣ, Кирѣвскій употребляетъ слово „европеецъ“ какъ синонимъ понятія „дѣятельный“. Очевидно, что безъ европейской „дѣятельности“ тѣ прекрасныя качества русскаго характера навѣки останутся безплодными; значитъ, важнѣйшая очередная задача Россіи заключается въ томъ, чтобы стряхнуть съ себя лѣнь, чтобы закипѣла въ ней бодрая, живая работа. Отсюда Кирѣвскій выводитъ свою идею служенія родинѣ: каждый русскій гражданинъ, и въ частности онъ самъ, обязанъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать пробужденію Россіи. Онъ пишетъ брату: „Ты хорошо знаешь всѣ нравственныя силы Россіи: уже давно она жаждетъ живительнаго слова, и среди всеобщаго мертваго молчанія—какія имена оскверняютъ нашу литературу! Тебѣ суждено горячимъ, энергическимъ словомъ оживить умы русскіе, свѣжіе, полные силъ, но зачерствѣлые въ тѣснотѣ нравственной жизни“. Это звучитъ почти торжественно,—но онъ пишетъ о томъ, что для него святой всего, онъ выражаетъ самое заду-

1) В. Лясковскій, *Братья Кирѣвскіе*, Сиб. 1899, стр. 23—24.

шевное свое убѣжденіе. И о себѣ самомъ, жалуясь на медленность своихъ занятій, онъ говорить: „Здѣсь, гдѣ съ каждымъ днемъ глубже и глубже чувствуешь тѣ безчисленные труды, которые еще подлежатъ Россіи, *чтобы получить живое нравственное движеніе Европы*, хотѣлось бы, чтобы не только каждый день, но каждый часъ былъ означенъ какимъ-нибудь шагомъ, и вмѣсто того, движеніе едва-едва замѣтно“. Такъ глубоко онъ проникнутъ сознаниемъ своего долга предъ родиной; онъ видитъ въ себѣ *только* орудіе ея блага.

Намъ надо теперь вернуться назадъ, къ исходной точкѣ Кирѣвскаго. Тѣ оцѣнки и пожеланія, которыя мы сейчасъ слышали изъ его устъ, очевидно опирались на какія-то общія идеи философскаго или нравственнаго порядка. Какимъ же были эти идеи? И, прежде всего, естественно спросить: почему онъ такъ высоко цѣнитъ горячность и ясность, присущія русскимъ, и активность, характеризующую въ его глазахъ европейцевъ. Былъ же у него какой-нибудь критерій оцѣнки,—какой?

Его заграничныя письма показываютъ, что у него была такая система идей, очень ясная и очень увѣренная. Она не могла быть результатомъ опыта и самостоятельнаго мышленія,—для этого онъ былъ еще слишкомъ молодъ. Ближайшее разсмотрѣніе покажетъ, что это были даже вовсе не умозрительныя идеи, а облеченныя въ форму идей *пристрастія*, т. е. убѣжденія *чувственнаго* порядка, которыя въ такой цѣльной натурѣ, какъ Кирѣвскій, естественно должны были обозначиться очень рано и съ большой настойчивостью, тѣмъ болѣе, что при коренной психической однородности, какая существовала между нимъ и его родной семьей, эти пристрастія были совершенно подъ ладъ духу семьи и слѣдовательно освящались ею. Нравственныя оцѣнки, высказываемыя его матерью и братомъ въ ихъ письмахъ, до такой степени тождественны по общему духу его сужденіямъ, что если бы выписать ихъ, не называя писавшаго, часто невозможно было бы судить, кѣмъ изъ троихъ писаны тѣ строки. Но самая прочность этихъ пристрастій уже въ молодомъ Кирѣвскомъ и ихъ неизмѣнность за всю его жизнь свидѣлствуютъ, что они были органическими въ немъ, а не привитыми, хотя бы и семьей.

Сердцевина всякаго міровоззрѣнія—это тотъ образъ совершенства, который предносится человѣку, причемъ одинаково характерны и положительныя, и отрицательныя черты этого образа. У Кирѣвскаго есть такой образъ-идеаль, не выработанный размышленіемъ, а возникшій интуитивно и эстетически обожжаемый: это образъ сочетанія въ человѣческой душѣ *стихійной силы* съ *порядкомъ*, иначе говоря—внутренно уравновѣшенный и разумомъ направляемый пафосъ. „Страсть,—пишетъ онъ,—не слабость, но избытокъ силы; твердость не состоитъ и не должна состоять въ подавленіи страстей, но только въ ихъ направленіи и уравновѣшиваніи“. Это значитъ, отрицательно, что не сила ума, не знанія и не активность дѣлаютъ человѣка совершеннымъ; сами по себѣ, врознь и въ совокупности, они ничто: они цѣнны лишь настолько, насколько помогаютъ уравновѣшенію и цѣлесообразному направленію стихійной силы въ человѣкѣ, и, напротивъ, они вредны, если умаляютъ эту силу или тормозятъ ея упорядоченіе. И дальше, цѣнно все—всякое переживаніе,—разъ оно способствуетъ *этому* дѣлу, и въ этомъ смыслѣ цѣнно страданіе. Узнавъ о горѣ, постигшемъ его брата (осенью 1829 г. Иванъ Васильевичъ посвятился къ любимой дѣвушкѣ и полу-

чилъ отказъ), Кирѣевскій пишетъ ему: „И можетъ быть, — отдаленіе отъ всего роднаго особенно развило во мнѣ глубокое религиозное чувство, — можетъ быть даже и этотъ жестокий ударъ былъ даромъ неба. Оно мнѣ дало тяжелое, мучительное чувство, но вмѣстѣ чувство глубокое, живое; оно тебя вынесло изъ вялаго круга всеневныхъ впечатлѣній обыкновенной жизни, которая можетъ быть еще мучительнѣе. Оно вложило въ твою грудь пылающій уголь“¹⁾, — т. е. ударъ былъ благотворенъ, потому что *воспламенилъ* насъ обоихъ. И совершенно послѣдовательно Кирѣевскій всюду подчеркиваетъ преимущество жизненныхъ впечатлѣній предъ книжными. О своей заграничной жизни онъ не разъ пишетъ, что наибольшую пользу получилъ „отъ видѣннаго и слышаннаго, и вообще отъ испытаннаго“; собираясь въ Италію, онъ оправдывается тѣмъ, что „одинъ живой взглядъ на Италію обрисуетъ больше, нежели прочтеніе сотни умныхъ фоліантовъ: книги вездѣ, народы же и земли только на своихъ мѣстахъ“.

Теперь намъ ясно, почему онъ такъ высоко цѣнитъ русскую „горячность“ и „ясность“. То-есть, собственно говоря, суть дѣла все-таки остается непонятной. Въ этомъ его сужденіи о русскомъ народѣ, очевидно, двѣ части: абсолютная оцѣнка нѣкоторыхъ духовныхъ свойствъ, и констатированіе этихъ свойствъ какъ разъ у родного народа преимущественно предъ всѣми другими. Приходится спросить, какъ и вообще въ отношеніи всякой національной доктрины: что чему предшествовало? признаніе наличности извѣстныхъ качествъ у родного народа—возведенію этихъ качествъ въ идеаль, или наоборотъ: признаніе извѣстныхъ качествъ идеальными—апоеозу родного народа, какъ несомнѣннаго обладателя этихъ качествъ? т. е. былъ ли русскій народъ для Кирѣевскаго по-милу хорошъ или по-хорошу милъ?—Вопросъ неразрѣшимый: здѣсь нечего искать логической послѣдовательности; это двѣ чувственные оцѣнки, которыя въ своемъ словесномъ выраженіи разумѣется подлежатъ повѣркѣ и критикѣ какъ порознь, такъ и въ отношеніи ихъ взаимной связи, но въ томъ смыслѣ, какой онѣ здѣсь имѣютъ для насъ, т. е. психологически, являются элементарными фактами внутренней жизни Кирѣевскаго. Можетъ быть (и, я думаю, навѣрное) гдѣ-то въ глубинѣ личнаго духа у нихъ былъ общій корень; можетъ быть Кирѣевскій *видѣлъ* въ русскомъ народѣ то, что *чаялъ въ самомъ себѣ* какъ глубочайшую наслѣдственную, т. е. національную возможность. *Wär' unser Aug' nicht sonnenhaft, wie könnt' die Sonne es erblicken?*

IV.

Въ первый день Рождества Кирѣевскій обѣдалъ и провелъ вечеръ у Тютчевыхъ, гдѣ для дѣтей былъ устроенъ нѣмецкій Weihnachtsbaum; тамъ же встрѣтилъ и нѣмецкій новый годъ; русскій же, „одинъ для меня настоящій“, онъ встрѣтилъ дома, одинъ, растянувшись на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ и мыслями въ Москвѣ. Новый годъ обѣщалъ ему большую радость—свиданіе съ братомъ, котораго, послѣ пережитаго имъ потрясенія, родители и врачи уговорили ѣхать за границу. Иванъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Берлинъ 10—22-го февраля (1830), и остался тамъ до конца семестра. Въ самомъ концѣ марта, захвативъ въ

¹⁾ Лясковскій, 22.

Дрезденъ Рожалина, онъ прїѣхалъ съ нимъ къ брату въ Мюнхенъ. Черезъ нѣсколько дней онъ даетъ родителямъ отчетъ о томъ, въ какомъ состояніи нашелъ брата: „Я писалъ уже вамъ о перемѣнѣ, которая такъ счастливо произошла въ его внѣшней сторонѣ. Впрочемъ, какъ эта перемѣна ни значительна въ отношеніи къ прежнему, но она только начало для будущаго. Мнѣ не нужно прибавлять, что это счастливая перемѣна только внѣшняя, и что внутри онъ еще счастливѣе: остался тотъ же глубокій, горячій, несокрушимо одинокій, какимъ былъ и будетъ во всю жизнь. При этой силѣ и теплотѣ души, при этой твердости и простотѣ характера, которыя дѣлаютъ его такъ высокимъ въ глазахъ немногихъ, имѣвшихъ возможность и умѣнье его понять, — ему не доставало одного: опытности жизни, и это именно то, что онъ теперь такъ быстро начинаетъ пріобрѣтать. Необходимость сообщаться съ людьми сдѣлала его и общительнѣе, и смѣлѣе, уменьшивъ нѣсколько ту недовѣрчивость къ себѣ, которая могла бы сдѣлаться ему неизлѣчимо вредною, если бы онъ продолжалъ еще свой прежній образъ жизни. Конечно внѣшняя сторона его никогда не достигнетъ внутренней, даже и потому, что ей слишкомъ далеко было бы гнаться, но все таки это внѣшнее образованіе будетъ одна изъ главнѣйшихъ пользъ его путешествія. Занимается онъ здѣсь много и хорошо, т. е. сообразно съ своею цѣлью. Особенно въ его сужденіяхъ замѣтно то развитіе ума, которое даетъ основательное занятіе философіей, соединенной съ врожденною вѣрностью взгляда и съ нѣкоторыми сердечными предразсудками, на которые, можетъ быть, сводится все достоинство человѣка, какъ человѣка“. Это слово насчетъ „сердечныхъ предразсудковъ“ въ отношеніи Петра Кирѣевского было какъ нельзя болѣе вѣрно.

И. В. на весь лѣтній семестръ остался въ Мюнхенѣ. Отнынѣ братья вмѣстѣ слушаютъ лекціи, вмѣстѣ учатся итальянскому языку, посѣщаютъ Тютчевыхъ и Шеллинга, осматриваютъ окрестности Мюнхена. Въ сентябрѣ, по окончаніи семестра, Петръ Вас. съ Рожалинымъ съѣздили въ Вѣну, чтобы посмотреть ея, но застряли тамъ на мѣсяцъ слишкомъ, а когда пустились обратно въ Мюнхенъ, то на пути, въ Пассау, встрѣтили Ивана Васильевича, который, забывъ обо всѣхъ планахъ (братья проектировали на осень поѣздку въ Швейцарію или въ Италію или въ Парижъ), скакалъ въ Москву, встревоженный извѣстіями о разразившейся тамъ холерѣ. Послѣ этого и Петръ не усидѣлъ въ Мюнхенѣ: дней десять спустя, 28 октября, и онъ пустился въ путь, съ тѣмъ, чтобы, проведя дома нѣсколько мѣсяцевъ, вернуться „къ нѣмцамъ“. Н. А. Елагинъ, въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи И. В. Кирѣевского“ рассказываетъ, что Петръ Васильевичъ проѣхалъ чрезъ Варшаву наканунѣ мятежа и въ Кіевъ прибылъ, когда тамъ уже знали о возмущеніи; кіевской полиціи показалось подозрительнымъ, что „мюнхенскій студентъ“, да еще съ польской фамиліей, спѣшитъ въ чумную Москву; ему не дали подорожной и генераль-губернаторъ Княжнинъ потребовалъ его къ себѣ. Принявъ его строго и сухо, Княжнинъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ, и выслушавъ его объясненіе, сталъ молча ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кирѣевскій, не привыкшій къ такимъ начальническимъ пріемамъ, пошелъ вслѣдъ за нимъ. Это взорвало генераль-губернатора. „Стойте, молодой человѣкъ!—крикнулъ онъ.—Знаете ли вы, что я сейчасъ же могу засадить васъ въ казематъ, и вы сгніете тамъ у меня, и никто никогда объ этомъ не узнаетъ?“ „Если у васъ есть возможность это сдѣлать,—спокойно отвѣчалъ Кирѣевскій,—

то вы не имѣете права это сдѣлать“. Смущенный Княжнинъ тотчасъ отпустилъ Кирѣвскаго и въ тотъ же день велѣлъ выдать ему подорожную.

V.

Кирѣвскій больше не поѣхалъ въ Германію, почему—мы не знаемъ. Иванъ Васильевичъ тотчасъ по возвращеніи принялся хлопотать о журналѣ, который и началъ выходить съ января 1832 года (это былъ „Европеецъ“, закрытый, какъ извѣстно, послѣ второй книжки). Петръ Васильевичъ въ концѣ 1831 года поступилъ на службу въ московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, актуариусомъ при комиссіи по изданію грамотъ; въ этомъ ему помогъ Жуковский, который, по просьбѣ Авдотьи Петровны, хлопоталъ за него предъ Нессельроде¹⁾. Однако въ Архивѣ ему было не по себѣ: директоръ Архива Малиновскій его не любилъ и держалъ его на неподходящей работѣ—на переводахъ „паспортовъ, духовныхъ и тяжбъ разнымъ бродягамъ—Итальянцамъ, Англичанамъ, Нѣмцамъ“, какъ писала Авдотья Петровна Жуковскому въ февралѣ 1832 г.²⁾

Но онъ уже нашелъ дѣло своей жизни. Еще изъ Мюнхена, въ январѣ 1830 г., онъ благодарилъ Максимовича за присылку какихъ-то пѣсенъ³⁾, а въ этомъ самомъ письмѣ, которое я сейчасъ цитировалъ, отъ февраля 1832 года, Авдотья Петровна сообщаетъ, что онъ издаетъ „собраніе пѣсенъ, какого ни въ одной землѣ еще не существовало, около 800 однихъ легендъ, т. е. стиховъ по ихнему“. Позднѣе Кирѣвскій писалъ, что начало его собранію народныхъ пѣсенъ было положено въ 1830 году (онъ, можетъ быть, и разумѣетъ пѣсни, сообщенныя ему Максимовичемъ), но небольшое количество пѣсенъ, тогда имъ собранныхъ, по непредвидѣнному случаю пропало, и въ 1831 и 1832 г.г. онъ снова принялся записывать пѣсни съ голоса крестьянъ Московской губерніи⁴⁾. „Когда онъ нынѣшнее лѣто“, пишетъ А. П. въ томъ же письмѣ, „собиралъ въ Осташковѣ нищихъ и стариковъ и платилъ имъ деньги за выслушаніе ихъ не райскихъ пѣсенъ, то городничему показался онъ весьма подозрителенъ, онъ послалъ рапортъ къ губернатору; то же сдѣлали многіе помѣщики, удивленные поступками слишкомъ скромными такого чудака, который по несчастію называется студентомъ. Губернаторъ послалъ запросъ Малиновскому, а тотъ по обыкновенному благородству своего характера отвѣчалъ, что онъ Кирѣвскаго не знаетъ!“

Въ Архивѣ Кирѣвскій прослужилъ три съ лишнимъ года. Уже за-границей главнымъ предметомъ его занятій была исторія,—онъ и ѣхалъ туда, какъ сказано, съ цѣлью изучить средневѣковую исторію. Исторія на всю жизнь осталась его любимымъ занятіемъ. Онъ не думалъ объ обнародованіи своихъ трудовъ, даже не писалъ ничего, онъ только изучалъ добросовѣстно и кропотливо источники по русской исторіи—лѣтописи и акты; и, безъ сомнѣнія, именно эти

¹⁾ Уткинскій сборн., 54.

²⁾ Тамъ-же, стр. 56.

³⁾ *Рус. Арх.* 1905 V 131.

⁴⁾ *Чтенія* въ Имп. Общ. исторіи и древн., М. 1848, № 9, предисловіе П. В. К. къ „Русскимъ народнымъ пѣснямъ“.

изученія привязывали его къ Архиву. По всей вѣроятности, въ эти годы были переведены имъ съ англійскаго записки Самуила Коллинса о Россіи, напечатанныя много лѣтъ спустя въ Чтеніяхъ московскаго Общества исторіи и древностей (1846 г., кн. 1-ая). Переводъ этотъ, какъ сказано въ предисловіи, сдѣланъ съ экземпляра перваго изданія Коллинса, хранящагося въ библіотекѣ Архива иностранныхъ дѣлъ; а редакторъ Чтеній, въ примѣчаніи къ этому предисловію, говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ переводчикъ написалъ эти строки, прошло „много времени“, и что въ промежуткѣ уже успѣлъ появиться (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1841 г.) другой переводъ сочиненія Коллинса (не съ подлинника, а съ французскаго перевода).—Литературная жизнь Москвы не захватывала Кирѣевскаго. Даже когда его братъ издавалъ „Европейца“, П. В. помѣститъ въ этомъ журналѣ только одну компилятивную статью—о современномъ состояніи Испаніи,—изложеніе статьи, напечатанной въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ.

Послѣ поѣздокъ 1831 и 1832 года для собиранія пѣсенъ, онъ лѣтомъ 1834 года предпринялъ еще одну, послѣднюю такую поѣздку, въ болѣшихъ размѣрахъ¹⁾. Исходнымъ пунктомъ былъ, повидимому, опять Осташковъ, уже знакомый ему по прежнимъ розыскамъ; отсюда онъ неутомимо развѣзжалъ по ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ, съ мая до осени. Дошелъ до него слухъ о ярмаркѣ гдѣ-то въ Новгородской губерніи, которая должна продолжаться цѣлыхъ четыре дня—„стало быть можно надѣяться на добычу“,—онъ отправляется туда, плыветъ 40 верстъ по Селигеру, потомъ ѣдетъ 25 верстъ на лошадахъ; вернувшись изъ этого похода, оказавшагося неудачнымъ, онъ чрезъ два дня плыветъ верстъ за 12 отъ Осташкова на какой-то сельскій праздникъ, проводитъ тамъ три дня и вывозитъ оттуда 20 свадебныхъ пѣсенъ; и т. д. Въ концѣ іюля, оставивъ Осташковъ, онъ пустился по Старорусской дорогѣ, свернулъ въ сторону, чтобы посмотрѣть верховье Волги, заѣхалъ въ Старую Руссу, и оттуда на пароходѣ добрался до Новгорода. Здѣсь онъ не искалъ ни пѣсенъ, ни преданій: „здѣсь только одни могилы и камни, а все живое забито военными поселеніями, съ которыми даже и тѣнь поэзіи несовмѣстна“; но онъ хотѣлъ познакомиться съ еще богатою *каменною поэзіей* Новгорода. И какъ онъ умѣлъ чувствовать поэзію прошлаго—*русскаго* прошлаго! Онъ самъ становится поэтомъ, когда описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него Новгородомъ. Онъ увидѣлъ его съ Волховскаго моста въ первый разъ при заходѣ солнца; верстъ за 40 въ окрестностяхъ горѣли лѣса, и дымъ отъ пожарища доходилъ до города. „Въ этомъ дымѣ, соединившемся съ Волховскими туманами, пропали всѣ промежутки между теперешнимъ городомъ и окрестными монастырями, бывшими прежде также въ городѣ, такъ что городъ мнѣ показался во всей своей *прежней* огромности; а заходящее солнце, какъ исторія, свѣтило только на городскія башни, монастыри и соборы и на бѣлыя стѣны значительныхъ зданій; все мелкое сливалось въ одну безличную массу, и въ этой массѣ, соединенной туманомъ, было также что-то огромное. На другой день все было опять въ настоящемъ видѣ, какъ будто въ эту ночь прошли 300 лѣтъ, разрушившихъ Новгородъ“. Онъ и комнату нанялъ себѣ въ Новгородѣ, хотя скверную внутри, но зато на берегу Волхова, съ

¹⁾ О ней см. его письма въ *Рус. Арх.* 1909 V, а также неизданныя.

видомъ на Кремль и Софійскій соборъ, „самое прекрасное зданіе, какое я видѣлъ въ Россіи“.

Весною 1835 года Авдотья Петровна съ дочерьми отправилась за границу лечиться; съ ними поѣхалъ и Петръ Васильевичъ, частью чтобы быть при нихъ, частью тоже пить воды, по совѣту врачей. Передъ отъѣздомъ, 1 мая, онъ вышелъ въ отставку, окончательно разставшись съ Архивомъ¹⁾. Онъ поѣхалъ на Петербургъ (А. П. уѣхала раньше) и пробылъ здѣсь нѣсколько дней, дружески принятый Жуковскимъ, Пушкинымъ и товарищами брата. Изъ Петербурга онъ поѣхалъ моремъ до Любека вмѣстѣ съ Н. И. Надеждинымъ, Княжевичемъ и Титовымъ, оттуда сушею на Гамбургъ, Кассель и дальше. Въ его нисьмахъ изъ этой поѣздки уже чувствуется та глубокая душевная усталость, которая затѣмъ больше не покидаетъ его. Онъ пишетъ брату: „Я не безъ удовольствія увидѣлъ опять Германію, которая оставила во мнѣ много воспоминаній дорогихъ и въ которой есть много глубоко поэтического, но вмѣстѣ съ тѣмъ я испыталъ и грустное чувство старика, который возвращается на мѣсто, давнымъ давно невиданное. Можетъ быть потому только и живы *первыя* впечатлѣнія, что съ ними соединена безотчетная надежда на неизмѣнность каждаго явленія, на вѣчность всего; а какъ скоро родится чувство суеты и ломкости,—то, что было бы прежде живымъ впечатлѣніемъ, становится холодной теоремой; вмѣсто того чтобы чувствовать *какъ это хорошо!* думаешь только—*что бы это значило?* и разумѣется тупѣешь ко всему внѣшнему. то есть старѣешься. Всегда грустно видѣть *иначе* то мѣсто, гдѣ было весело, и потому я все больше и больше убѣждаюсь, что настоящее счастье можетъ быть только въ одномъ *вѣчнооднообразномъ* движеніи. Но это чувство во мнѣ не новое, и ты его знаешь во мнѣ“. Эти строки драгоценны, потому что они открываютъ намъ тайную сторону душевной жизни Кирѣвскаго. Онъ являлся предъ людьми спокойнымъ, благожелательнымъ—и никто не зналъ, какъ страстно, какъ болѣзненно-чутко онъ жилъ внутри, какой острой болью отзывались въ немъ на видъ обыденныя впечатлѣнія. Эта буддійская жажда покоя, которая слышится въ томъ письмѣ,—не равнодушіе къ жизни, а усталость сердца слишкомъ чувствительнаго и изъязвленнаго жизнью. Каждую радость приходится хоронить,—лучше ужъ не надо радостей. Такъ и Лермонтовъ проклиналъ радость, потому что она бренна²⁾ Кто дешевле расплачивается за свои чувства, разумѣется, такъ не разсуждаетъ.

Осенью Кирѣвскій вернулся въ Россію³⁾. 1836 годъ ушелъ у него на хозяйственные хлопоты: ему пришлось взять на себя семейный раздѣлъ. Задача оказалась нелегкой, главнымъ образомъ, повидимому, изъ за алчности и мелочности жены брата, Натальи Петровны. На каждомъ шагу возникали гадкія дразги, и нужны были вся деликатность и безкорыстіе Петра Васильевича, чтобы

¹⁾ Лясковскій, 52.

²⁾ Это странное сходство П. В. Кирѣвскаго съ Лермонтовымъ поразительно подтверждается словами А. П. Флагиной, лично знавшей Лермонтова; много лѣтъ спустя она сказала П. А. Висковатову: „Жаль, что Лермонтову не пришлось ближе познакомиться съ сыномъ моимъ Петромъ—у нихъ нѣкоторые взгляды были общіе“ (*Біографія* Лермонтова, въ его *Соч.*, подъ ред. П. А. Висковатова, М. 1891, т. VI, стр. 369).

³⁾ В. Лясковскій, стр. 53, ошибочно говоритъ, что П. В. пробылъ за границею годъ; см. его письма въ *Русск. Арх.* 1905 V 150—151.

мирно все уладить. Вообще это было для него и, повидимому, для всей семьи, трудное время. „Моя молитва,—пишетъ онъ матери¹⁾,—объ одномъ: дай Богъ намъ всѣмъ *бодрости* и *здоровья*! тогда все будетъ; Провидѣніе есть, и нашъ корабль не безъ Кормчаго. Наконецъ все таки жъ одолѣетъ не ложь, а правда. А буря этихъ послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ можетъ быть намъ и не казнь, а благо. На себѣ я по крайней мѣрѣ чувствую, что она смыла съ меня много грѣха; и въ замѣнъ того, что у меня прошла охота смѣяться, я научился цѣнить многое, чего прежде не понималъ“. Долбино досталось Ивану Васильевичу, а Петру—та деревня подъ Орломъ, гдѣ онъ ребенкомъ жилъ съ родителями въ 1812 году передъ смертью отца,—Кирѣвская Слободка. Въ январѣ 1837 года онъ въ первый разъ пріѣхалъ сюда въ качествѣ хозяина²⁾. Къ осени онъ отстроилъ себѣ въ Слободкѣ новый домъ, но еще не успѣлъ обжить его какъ слѣдуетъ и упорядочить запущенное хозяйство, какъ принужденъ былъ надолго покинуть Слободку: въ мартѣ 1838 года онъ поѣхалъ въ Симбирскую губернію выручать Языкова (поэта), съ которымъ былъ связанъ почти братскою дружбою³⁾. Языковъ былъ тогда уже очень боленъ; надо было почти насильно увезти его изъ деревни въ Москву для консультаціи съ врачами; а когда московскіе врачи предписали больному Маріенбадскія воды, Петръ Васильевичъ поѣхалъ съ нимъ и ухаживалъ за нимъ (Языковъ почти не двигался) какъ любящая сестра, въ Маріенбадѣ и потомъ въ Ганау, до конца года, когда его смѣнилъ братъ Языкова; въ Россію П. В. вернулся только весною 1839 года⁴⁾. Съ тѣхъ поръ онъ уже ни разу не отлучался надолго изъ Слободки, но почти каждую зиму нѣкоторое время проводилъ въ Москвѣ, гдѣ даже купилъ себѣ небольшой домъ на Остоженкѣ, и часто ѣздилъ то въ Долбино къ брату, то въ Бунино или Петрищево къ матери.

VI.

Этотъ третій и послѣдній періодъ жизни Кирѣвскаго (считая въ первомъ дѣтство и юность, до поѣздки въ Мюнхенъ, во второмъ годы возмужалости до осѣдлаго поселенія въ Слободкѣ, т. е. 1829—1839), продолжался семнадцать лѣтъ. Семнадцать лѣтъ невиднаго, упорнаго, кропотливаго труда, напоминающаго трудъ одинокаго рудокопа, который по одному ему вѣдомымъ признакамъ отыскиваетъ золотоносную жилу. Точно груды земли, выброшенныя изъ глубины на поверхность лопатой, накоплялись цѣлыя корзины выписокъ и замѣтокъ—результатъ пристальнаго изученія и сличенія лѣтописей, актовъ, изслѣдованій; накоплялись громадныя знанія, глазъ изопрямлялся *видѣть* въ подземной темнотѣ прошлаго, и, чтó главное, все явственнѣй обозначались предъ взоромъ основныя линіи этого прошлаго—*строй русскаго національнаго духа*, чего именно и искалъ Кирѣвскій. Онъ интуитивно зналъ этотъ строй въ его цѣлостной полнотѣ и любилъ его во всѣхъ его проявленіяхъ; но ему нужно было

¹⁾ Рукоп. письмо отъ 6 августа, изъ Орла. Я отношу это письмо къ 1837 году изъ-за упоминанія о *предстоящей* постройкѣ дома; см. ниже въ текстѣ.

²⁾ В. Лясковскій, стр. 53—54.

³⁾ Его письма оттуда—въ *Рус. Арх.* 1905 V 152 и дальше.

⁴⁾ В. П. Шенрокъ, *Н. М. Языковъ*, В. Евр. 1897 декабрь, стр. 612—614.

еще узнать его иначе—сознательно или научно, и показать его другимъ и заставить ихъ полюбить его, какъ онъ любилъ. Оттого онъ изучалъ лѣтописи, и оттого собиралъ пѣсни, чтобы сохранить ихъ, и чтобы познакомить съ ними русское образованное общество,—именно съ этой двойкою цѣлью.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ результатѣ этихъ многолѣтнихъ розысковъ и размышленій онъ выработалъ себѣ опредѣленный взглядъ на прошлое русскаго народа, т. е. по-своему ретроспективно вывелъ это прошлое изъ основныхъ свойствъ русскаго національнаго духа. Но возстановить его мысль невозможно, потому что онъ ни разу не изложилъ ея въ сколько-нибудь связномъ видѣ. Онъ самъ выразился однажды (въ письмѣ къ Кошелеву), что, несмотря на все его желаніе писать какъ можно больше, кажется, какъ-будто сама природа привязала камень къ его перу,—и это, говоритъ онъ, „совсѣмъ не отъ смиренія и не отъ излишней совѣстливости, а частью отъ непривычки излагать свою мысль на бумагу, частью же и отъ самаго свойства моихъ занятій, т. е. раскапыванія старины, при которомъ нельзя ни шагу двинуться безъ тысячи справокъ и повѣрокъ и безъ ежеминутной борьбы съ цѣлою фалангой предшественниковъ, изувѣчившихъ и загрязнившихъ ее донельзя“.—Только однажды онъ выступилъ въ печати съ частичнымъ изложеніемъ своихъ мыслей о русской исторіи, да и то по случаю, и съ обѣщаніемъ „окончанія въ слѣдующей книжкѣ“, какового окончанія никогда и не послѣдовало. Я разумѣю его полемическую статью противъ Погодина въ „Москвитянинѣ“ за 1845 годъ, когда этотъ журналъ редактировался его братомъ, Иваномъ Васильевичемъ.

Его самого, видимо, мучила эта непродуктивность. Еще болѣе, въ теченіе многихъ лѣтъ, терзался онъ мыслями о судьбѣ своего собранія народныхъ пѣсенъ. Мы видѣли, что уже въ 1832 году онъ готовилъ къ печати собранный имъ къ тому времени матеріалъ. Но годъ шель за годомъ, онъ ничего не печаталъ. Его собраніе безостановочно росло. Онъ самъ въ своихъ многочисленныхъ переѣздахъ по разнымъ сторонамъ Россіи никогда не упускалъ случая записывать изъ народныхъ устъ пѣсни, преданія, пословицы и пр., и отовсюду стекались къ нему пѣсни, записанныя съ голоса-же людьми, лично близкими къ нему или понимавшими важность его предпріятія. Такъ, семья Языковыхъ доставила ему огромное, по его словамъ ¹⁾, собраніе пѣсенъ Симбирской и Оренбургской губерній, Пушкинъ — тетрадь пѣсенъ Псковской губ., Снегиревъ — Тверской и Костромской, Кольцовъ — Воронежской, Кавелинъ — Тульской и Нижегородской, Вельтманъ—Калужской, Шевыревъ—Саратовской, Рожалинъ — Орловской, А. Н. Поповъ—Рязанской, Трубниковъ—Тамбовской, Гудвиловичъ—Минской, Даль — изъ Приуралья, Гоголь — изъ разныхъ мѣстъ Россіи, и т. д. Онъ собиралъ пѣсни и по заказу, за деньги, и преимущественно этимъ способомъ добылъ до 500 народныхъ пѣсенъ изъ бѣлорусскихъ областей. Онъ приучилъ къ этому дѣлу М. А. Стаховича, и онъ-же толкнулъ на этотъ путь въ началѣ 1840-хъ годовъ П. И. Якушкина, тогда студента-математика въ Москвѣ: Якушкинъ на его средства обошелъ Костромскую, Тверскую, Рязанскую, Туль-

¹⁾ Предисловіе П. В. К. къ „Русскимъ народнымъ стихамъ“ въ *Чтеніяхъ* Имп. Общ. исторіи и древностей, М. 1848, № 3, стр. IV—VI.

скую, Калужскую и Орловскую губерніи,—и огромный матеріалъ, добытый имъ, вошелъ въ собраніе Кирѣевскаго.

Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ П. В. съ неослабѣвающей любовью трудился надъ пѣснями. Этотъ трудъ сопровождалъ его всюду; онъ корпитъ надъ пѣснями и въ Симбирской деревнѣ Языкова, и на водахъ за-границею. А было отъ чего охладѣть. Самый способъ его работы: установленіе идеальнаго текста пѣсни съ подведеніемъ *всѣхъ* варіантовъ, требовалъ неимоверной усидчивости и крайне утомительнаго напряженія мысли; работа подвигалась черепашинымъ шагомъ. Добро бы еще онъ могъ, по мѣрѣ изготовленія матеріала, безпрепятственно выпускать его въ свѣтъ; но при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ это оказывалось невозможнымъ. Чрезъ 12 лѣтъ послѣ перваго замысла о печатаніи дѣло еще не подвинулось ни на пядь; въ 1844 году братъ Иванъ Васильевичъ писалъ ему изъ деревни въ Москву¹⁾: „Если министръ будетъ въ Москвѣ, то тебѣ непременно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы къ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвращать, но просить о пропускѣ это не мѣшаетъ. Главное на чемъ основываться, это то, что пѣсни *народныя*, а чтò весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевозииковъ надъ погодою. Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ *народныя* пѣсни, и еще *старинныя*. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи... Лучше бы всего тебѣ самому повидаваться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ“. Наконецъ, въ 1848 году послѣ многихъ хлопотъ удалось напечатать 55 духовныхъ „стиховъ“ въ „Чтеніяхъ“ Общества исторіи и древностей (кн. 9-ая), какъ *часть первую* „Русскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Петромъ Кирѣевскимъ“. Очевидно, предполагалось дальнѣйшее печатаніе, но на „Чтенія“ въ томъ же году обрушилась цензурная кара (за напечатаніе перевода книги Флетчера о Россіи). Затѣмъ еще только въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1852 года и въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856-го, кн. I, было напечатано по нѣсколько пѣсенъ изъ собранія Кирѣевскаго: въ первомъ четыре, во второй—двѣнадцать. Такимъ образомъ, при жизни Кирѣевскаго увидѣли свѣтъ только 71 пѣсня изъ нѣсколькихъ тысячъ, имъ собранныхъ. Какъ-разъ послѣ 1848 года очень усилилась строгость въ отношеніи печатанія памятниковъ народнаго творчества²⁾.

Языковъ мѣтко называлъ Кирѣевскаго (въ стихотворномъ посланіи къ нему): *Своениродности подвижникъ просвѣщенный*. Онъ былъ несомнѣнно одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, даже въ европейскомъ смыслѣ; довольно сказать, что онъ говорилъ и писалъ на семи языкахъ. Онъ внимательно слѣдилъ за западной исторической литературой, неукоснительно читалъ аугсбургскую Allgemeine Zeitung, и т. п.; въ его библіотекѣ, которую онъ старательно собиралъ всю жизнь, было представлено, если считать славянскія нарѣчія, шестнадцать языковъ,—огромное количество книгъ, болѣе всего историческихъ, тщательно подобранныхъ, заботливо переплетенныхъ, съ надписью почти на каждой его

¹⁾ „Матеріалы для біографіи И. В. К.“, при Собр. его соч., 2-е изд., т. I, стр. 69.

²⁾ „Русская печать и цензура“, Вл. Розенберга и В. Якушкина, М. 1905, стр. 66—68.

бисернымъ почеркомъ „П. Кирѣвскій“, со множествомъ вложенныхъ въ нихъ листочковъ, исписанныхъ замѣчаніями (и нигдѣ не исписанныхъ по полямъ)¹⁾. Онъ хорошо рисовалъ, страстно любилъ музыку и, кажется, самъ недурно игралъ на фортепіано. Я видѣлъ вырѣзанные имъ прелестные силуэты Баратынскаго, Чаадаева, Пушкина, Рожалина, кн. В. Θ. Одоевскаго и многихъ другихъ²⁾.

Онъ болѣлъ невѣжествомъ русскаго общества, горячо привѣтствовалъ всякія просвѣтительныя начинанія и самъ дѣлалъ въ этомъ направленіи, что могъ. Уже незадолго до смерти онъ рѣшилъ приступить къ изданію систематической переводной библіотеки по исторіи западно-европейскихъ странъ, и съ этой цѣлью роздалъ книги для перевода близкимъ къ нему людямъ. „Себѣ, — пишетъ онъ, — я выгородилъ кругъ книгъ, съ которыми надѣюсь и самъ сладить и которыя удовлетворяютъ, по крайней мѣрѣ, самой насущной современной потребности. А именно: краткія исторіи всѣхъ народовъ съ ихъ статистиками и полная ученая литература Славянскихъ народовъ; но для понятія второй необходимо нужны прежде первыя“³⁾. Въ своей „своенародности“ онъ не боялся просвѣщенія; напротивъ, онъ былъ убѣжденъ, что оно и есть вѣрнѣйшій путь къ своенародности. Такъ, увлеченіе публики итальянской музыкой его не только не огорчало, какъ вѣроятно Шевырева или Погодина, но радовало; „слава Богу, говорилъ онъ; только бы полюбили какую-нибудь музыку, тогда поймутъ народную, придутъ къ своей“⁴⁾. Этому убѣжденію онъ оставался вѣренъ во всемъ. Заблужденія Бѣлинскаго должны были казаться ему вопіющими; и тѣмъ не менѣе, въ отличіе отъ прочихъ славянофиловъ, онъ цѣнилъ его дѣятельность, будившую мысль и чувство въ русскомъ обществѣ⁵⁾.

И другое слово Языкова вѣрно: онъ дѣйствительно былъ подвижникомъ, и не только въ своей работѣ. Тому, кто не читалъ его писемъ, невозможно дать представленіе объ удивительной простотѣ и скромности этого человѣка, о его врожденной, такъ сказать, самоотреченности. Ему самому ничего не нужно, — что случайно есть, то и хорошо. Мысль о такъ называемомъ личномъ счастіи вѣроятно никогда не приходила ему въ голову; онъ жилъ для другихъ и для дѣла своей совѣсти.

А онъ обладалъ богатыми задатками для радости и счастья, не только потому, что былъ умственно даровитъ, но и потому, что сердце у него было горячее и нѣжное. Если онъ кого любилъ, то ужъ любилъ нераздѣльно, и въ любовь свою вкладывалъ и всю женскую трепетность, и всю мужскую крѣпость своей души. Такъ любилъ онъ брата Івана, мать, ея дѣтей отъ Елагина, — слишкомъ любилъ, съ непрестанной болѣзненной тревогой за нихъ. Онъ никогда не былъ женатъ, и не потому, что такъ случилось, а потому что онъ такъ рѣшилъ; онъ какъ-то писалъ брату: „Ты знаешь, что другихъ дѣтей, кромѣ твоихъ, я не хочу, и у меня не будетъ“; я думаю, онъ боялся взять на себя крестъ новой любви, къ женѣ и дѣтямъ, потому что всякая любовь обходилась ему дорого. Такъ-же

1) Лясковскій, стр. 58.

2) Въ одномъ изъ альбомовъ Авд. Петр. Елагиной, принадлежащихъ теперь М. В. Бѣоръ.

3) Письмо отъ 13 дек. 1854 г., *Р. Арх.* 1905 V 173. Онъ перевелъ тогда книгу Ваш. Ирвинга о Магометѣ; этотъ переводъ былъ изданъ семьею уже послѣ его смерти, въ 1857 году.

4) „Воспоминаніе“ А. Марковича, *Рус. Бес.* 1857 II 21.

5) Тамъ-же, 22.

любилъ онъ и друзей. Выше уже было упомянуто, что онъ сдѣлалъ для больного Языкова: увезъ его изъ деревни въ Москву и потомъ за-границу и тамъ многіе мѣсяцы выхаживалъ его. Послѣ его отъѣзда изъ Ганау Языковъ писалъ о немъ: „Итакъ ровно годъ жизни пожертвовалъ онъ мнѣ, промѣнялъ сладостные труды ученаго на возню съ больнымъ, на хлопоты и заботы самыя прозаическія. За терпѣніе, которымъ онъ побѣждалъ скуку лазаретнаго странствованія и пребыванія со мной, за смиреніе, съ которымъ переносилъ онъ мои невзгоды и причуды; за тихость и мягкость нрава, за доброту сердца и возвышенность духа, которыми умилялся я въ минуты моихъ страданій и болѣзненной досадливости, за все это, чѣмъ онъ меня бодрилъ, укрѣплялъ и утѣшалъ, за все да наградить его Богъ своей благостью“¹⁾. И точно такъ-же онъ ухаживаетъ за Титовымъ, захворавшимъ въ пути, и довозить его до Касселя, уклоняясь отъ своей дороги, нянчиться съ Погодиными, когда была больна жена Погодина, и пр. А какъ онъ вообще относился къ людямъ, можетъ показать слѣдующій случай. Въ 1841 году у него работалъ землемѣръ, по размежеванію его Кромскаго имѣнія; въ декабрѣ, кончивъ работу, землемѣръ этотъ пріѣзжаетъ въ Кирѣевскую слободку съ просьбою къ Петру Васильевичу позволить ему остаться въ его домѣ до весны „за дороговизною орловской жизни“. „А я,—жалуется П. В., — не нашелъ въ головѣ никакой благовидной причины ему отказать; и такимъ образомъ онъ остался у меня на шеѣ, и съ женою, и съ помощниками. Вотъ невыгода большого дома. Въ другое время это мнѣ было бы ничего, потому что его содержаніе обойдется недорого, и онъ хорошій малый; но именно теперь, когда бы я желалъ не видать ни одного человѣческаго лица, это совсѣмъ не кстати. Я объявилъ ему по крайней мѣрѣ, что хочу быть одинъ и что соглашаюсь оставить его только на томъ условіи, чтобы мнѣ запереться въ моей половинѣ и чтобы онъ не дивился, если даже не буду выходить съ нимъ обѣдать. Попробую, а если все это не поможетъ, то поищу другаго средства остаться внѣ людскихъ фізіономій“. Однако весною землемѣръ не уѣхалъ, а въ іюнѣ (значить 1842 года) Кирѣевскій уже изъ Москвы, гдѣ у него, какъ сказано, тоже былъ свой домъ, сообщаетъ матери: „Я еще, кажется, не писалъ къ вамъ, что мой домъ наполнился гостями. Верхній этажъ ужъ недѣли три какъ наполнился дамами, а нижній этажъ наполняется кавалерами. Дами по слѣдующему случаю. У того землемѣра, что жилъ у меня въ Слободкѣ, умеръ своякъ, жившій въ Дмитровѣ и при которомъ жила его мать. Отъ этого все семейство осталось на попеченіи землемѣра, и онъ долженъ былъ нанять имъ квартиру въ Москвѣ. Узнавши объ этомъ, я просилъ его жену, которая пріѣзжала за этимъ на нѣсколько дней въ Москву, чтобы ихъ семейство покуда остановилось у меня впредь до продажи дома. Такимъ образомъ и живутъ у меня наверху дамы, состоящія изъ матери и молодой вдовицы, обѣ больныя“. Неизвѣстно, сколько времени оставались эти дамы въ московскомъ домѣ Кирѣевскаго,—домъ онъ продалъ только въ 1846 году,—но землемѣръ „съ женою и помощниками“ прожили въ Кирѣевской Слободкѣ до самой смерти Петра Васильевича, т.-е. лѣтъ 15²⁾.

¹⁾ В. П. Шенрокъ, цитир. статья, *В. Евр.* 1897 дек., стр. 614.

²⁾ См. письма П. В. К. въ *Рус. Арх.* 1905 V стр. 160—161.

Какое обаятельное впечатлѣніе онъ производилъ на людей, объ этомъ мы еще теперь можемъ судить по отзывамъ лицъ, близко знавшихъ его. Стоить привести эти отзывы—они полнѣе обрисуютъ его личность. Они все единодушны безъ исключенія; нѣтъ разницы между тѣми, которые были написаны при его жизни, и тѣми, которые были написаны послѣ его смерти. Тотчасъ послѣ его смерти, въ газетномъ некрологѣ, К. Д. Кавелинъ писалъ о немъ¹⁾: „Безупречная, высокая нравственная чистота, незлобивость сердца, непримѣрное и неизмѣнное прямодушіе и простота дѣлали этого замѣчательнаго человѣка образцомъ, достойнымъ всякаго подражанія, но которому подражать было очень трудно. Даже тѣ, которые не раздѣляли его мнѣній и не сочувствовали его убѣжденіямъ, исполнены были глубочайшаго уваженія къ нравственнымъ достоинствамъ этой чистой, избранной, глубоко-поэтической и глубоко-религіозной натуры“. И точно: не только Хомяковъ называлъ его „чудной и чистой душою“, но и Герценъ преклонялся предъ его благородствомъ. Въ 1840 году Грановскій писалъ о немъ: „Станный, но замѣчательно умный и благородный человѣкъ“, и еще въ 1855 году, когда они давно разошлись и принадлежали къ враждебнымъ лагерямъ²⁾, Грановскій только за нимъ, да еще за П. С. Аксаковымъ, признавалъ „живую душу и безкорыстное желаніе добра“³⁾. Другой „врагъ“, И. С. Тургеневъ, въ тѣ же поздніе годы дружилъ съ Кирѣевскимъ: „На-дняхъ я былъ въ Орлѣ,—пишетъ онъ,—и оттуда ѣздилъ къ П. В. Кирѣевскому и провелъ у него часа три. Это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности—его нельзя не полюбить“⁴⁾. Но еще больше выигрывалъ онъ—что рѣдко бываетъ—при близкомъ знакомствѣ: людямъ, имѣвшимъ съ нимъ въ теченіе долгаго времени ежедневное общеніе, онъ внушалъ чувство близкое къ благоговѣнію, какъ это видно по воспоминаніямъ о немъ А. Марковича и П. И. Якушкина⁵⁾.

По внѣшности П. В. Кирѣевскій былъ „простой степной помѣщикъ—съ усами, въ венгеркѣ, съ трубкой въ зубахъ и съ неотступно слѣдовавшимъ за нимъ всюду водолазомъ Киперомъ, котораго крестьяне называли „ктиторомъ“ (Кирѣевскій любилъ охоту)⁶⁾; а по своему общественному облику онъ былъ—„дворянинъ, не служащій, вѣчно водящійся съ простымъ народомъ, пренебрегающій всѣми условіями высшаго тона, одѣтый въ святославку, въ кружокъ остриженный,—вмѣстѣ съ этимъ аскетъ (*ветхонепещерникъ*, какъ называлъ его поэтъ Языковъ), человѣкъ глубоко образованный, прямой, честный, страстно любящій свой народъ и мучительно ожидающій избавленія Израилю“⁷⁾.

¹⁾ С.-Петербург. Вѣд. 1856, № 242.

²⁾ Они разошлись въ 1844 году изъ за извѣстнаго стихотворенія Языкова „Къ не-нашимъ“; дѣло тогда едва не дошло до дуэли между П. В. и Грановскимъ. См. Герценъ, *Соч.*, женеv. изд. т. I, стр. 263 (подъ 10 января 1845 г.).

³⁾ „Т. Н. Грановскій и его переписка“, М. 1897, т. II, стр. 402 и 457.

⁴⁾ Письмо отъ 6 марта 1853 г. „Изъ переписки И. С. Тургенева съ семьею Аксаковыхъ“, В. Евр. 1894, февраль, стр. 469.

⁵⁾ А. Марковичъ, „Воспоминаніе о П. В. К.“ *Рус. Бес.* 1857, кн. II, стр. 17—23.—*Сочин.* П. Якушкина, Спб. 1884, стр. 462 и дальше.

⁶⁾ Лясковскій, стр. 58.

⁷⁾ Э. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, въ статьѣ „Славянофилы“, *Р. Арх.* 1873, т. II, стр. 2492—3.

VII.

Если личность Кирѣвскаго еще можетъ быть съ нѣкоторой отчетливостью обрисована на основаніи стороннихъ разсказовъ о немъ и его собственныхъ многочисленныхъ писемъ, то и тѣ, и другія почти ничего не даютъ для характеристики его идей; самъ же онъ во всю свою жизнь написалъ для печати (если не считать переводовъ и т. п.) меньше страницъ, нежели наберется въ этой моей статьѣ о немъ. Поэтому возстановить его міровоззрѣніе вполне—нѣтъ никакой возможности.

Но вотъ два факта, которые могутъ считаться достаточно засвидѣтельствованными: современники единогласно сообщаютъ, что Петръ Кирѣвскій исповѣдовалъ идеи позднѣйшаго славянофильства еще въ началѣ 1830-хъ годовъ, т. е. едва выйдя изъ юношескаго возраста и раньше всѣхъ славянофиловъ, и, далѣе, что ни въ одномъ изъ его единомышленниковъ это ученіе не достигло такой абсолютной цѣлостности, какъ въ немъ. Кавелинъ называетъ его первымъ по времени представителемъ славянофильства, и говоритъ, что въ ту раннюю пору ему сочувствовали только Хомяковъ и Языковъ, братъ же Иванъ сначала не раздѣлялъ его мнѣній¹⁾. Въ эпоху „Европейца“ (1832) ихъ раздѣляла цѣлая пропасть; мы сами еще можемъ убѣдиться въ этомъ, сравнивая статью Ивана Васильевича „Девятнадцатый вѣкъ“, напечатанную въ „Европейцѣ“, съ тогдашними и даже болѣе ранними (мюнхенскими) письмами Петра. Н. А. Елагинъ, ихъ младшій братъ, пишетъ: „Онъ (П. В.) долго оставался одинокъ съ своими убѣжденіями, они казались чудачествомъ, непослѣдовательностью въ человѣкѣ, который искренно былъ преданъ свободѣ и просвѣщенію, и Ивану Кирѣвскому трудно было согласить свои Европейскія мнѣнія съ упорнымъ Славянствомъ брата. Ихъ разномысліе въ такомъ жизненномъ вопросѣ выражалось почти что въ ежедневныхъ, горячихъ спорахъ, состояніе это не могло не быть крайне тяжелымъ для того и другаго; чтобы уцѣлѣла вполне ихъ единоклубная дружба, необходимо было, чтобы одинъ изъ нихъ пересоздалъ свой образъ мыслей о Русскомъ народѣ. Кажется, можно съ увѣренностью сказать, что при непрерывномъ, страстномъ обмѣнѣ мыслей и свѣденій, взглядъ старшаго брата постепенно измѣнялся, по мѣрѣ того, какъ несокрушимо-цѣльное убѣжденіе младшаго укрѣплялось и опредѣлялось изученіемъ современной народности и древней, вѣчевой Руси“²⁾. Но и впослѣдствіи, когда между братьями установилось полное согласіе въ основныхъ чертахъ міровоззрѣнія, мысль Ивана Васильевича никогда не достигала той полноты, той безстрашной послѣдовательности до самаго конца, какъ мысль Петра. Въ декабрѣ 1844 года Герценъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Мнѣ прежде казался Иванъ Васильевичъ несравненно окончениѣ Петра Васильевича — это не такъ. Петръ Васильевичъ головою выше всѣхъ славянофиловъ, онъ принялъ одинъ во всю ширину нелѣпую мысль, но именно за его консеквенцію исчезаетъ нелѣпость, и остается трагическая грандіозность“³⁾.

¹⁾ *Собр. соч.* К. Д. Кавелина, т. III, стр. 1120.

²⁾ „Матеріалы для біогр. И. В. К.“, въ *Собр. соч.* И. К., 2-е изд., стр. 62.

³⁾ *Соч.* А. И. Герцена, женеvское изд., т. I, стр. 255.

Оба эти факта: и раннюю оформленность, и незыблемую крѣпость убѣжденій Петра Кирѣвскаго мы должны были бы увѣренно предположить и безъ свидѣтельства очевидцевъ, потому что таковы неизмѣнные признаки всякаго *органическаго* убѣжденія. Я говорилъ уже, что мысль, наполнившая жизнь Кирѣвскаго, вовсе не была мыслью, но прирожденной ему лѣрою и увѣренностью, которая корнями уходила далеко въ глубь русской исторіи и русской національной психики, и которая въ немъ самомъ была двояко-цѣлостна, какъ субъективная настроенность личнаго духа, и какъ объективное убѣжденіе. То же самое должно сказать обо всемъ славянофильствѣ; оно вовсе не было, какъ пытались доказать, отвлеченной теоріей, выведенной умозрительно и частью заимствованной у нѣмецкихъ мыслителей: въ немъ обрѣла себѣ голосъ народная стихія, а философская аргументація, Шеллингизмъ, историческія изысканія и даже самое православіе явились только логическими подпорками для интуитивнаго знанія, въ видахъ его оправданія и доказательства *ad extra*. Они всѣ—и Иванъ Кирѣвскій, и Хомяковъ, и Кошелевъ, и Самаринъ—были въ своемъ мышленіи каналами, чрезъ которые въ русское общественное сознаніе хлынуло вѣками накопившееся, какъ подземныя воды, міросознаніе русскаго народа. Между ними Петръ Кирѣвскій былъ тотъ, чрезъ котораго лилась самая чистая и, можетъ быть, самая мощная струя.

Я попытаюсь изложить мысли Кирѣвскаго въ связной формѣ, насколько это допускается отрывочностью нашихъ свѣдѣній, и затѣмъ приведу тѣ матеріалы, которые дадутъ возможность всякому частью провѣрить, частью пополнить догадками мое изложеніе. Повидимому, ядромъ его міровоззрѣнія была слѣдующая мысль: правда-истина ни однимъ человѣкомъ не можетъ быть добыта единолично; она есть продуктъ коллективной жизни народа въ его пространственной и временной цѣлости, другими словами, она неотъемлемо присуща общенародной традиціи, и въ иномъ видѣ не существуетъ. Еще иначе это положеніе, съ точки зрѣнія Кирѣвскаго, можетъ быть выражено такъ: живая истина неотъемлемо присуща соборной апостольской церкви въ ея преемственномъ бытіи. Отсюда вытекаютъ для него послѣдствія огромной практической важности: во-первыхъ, неприкосновенность традитивнаго развитія націи; во-вторыхъ, безусловная независимость церкви, какъ хранительницы преданія въ его чистѣйшей формѣ; въ третьихъ, внутренняя немощность всякаго бытія, отщепленнаго отъ общенародной жизни и, въ частности, отъ церкви. Отсюда слѣдуетъ, что Петръ, пресѣкшій преемственное развитіе русскаго народа, подчинившій церковь свѣтской державѣ и положившій начало отпаденію образованныхъ классовъ отъ народнаго ствола, причинилъ величайшій вредъ Россіи. Петра Кирѣвскій ненавидѣлъ до такой степени, что, говоря, не на шутку огорчался тѣмъ, что самъ носилъ его имя ¹⁾. Отсюда слѣдовало, наконецъ, что отъ Петра Россія поражена тяжелымъ недугомъ, тогда какъ до него она жила здоровой народной жизнью. Россія неудержимо идетъ къ своей гибели, но исцѣлить ее не могутъ никакія частичныя улучшенія: только тогда, когда не будетъ въ ней никакой иной власти, кромѣ власти единой соборной церкви, когда въ этой церкви сольется весь народъ—образованные и необразованные, и когда эта всенародная

¹⁾ Буслаевъ, *Мои воспоминанія*, М. 1897, стр. 294.

церковь возстановить въ полнотѣ утраченное церковно-народное преданіе, чтобы въ немъ продолжать развитіе, прерванное Петромъ,—только тогда исплнится Россія. Итакъ, идеаль Кирѣевского—теократическая республика. Герценъ былъ правъ, когда говорилъ о трагической грандіозности его міровоззрѣнія. Ниже-слѣдующія строки покажутъ, какъ глубоко онъ ненавидѣлъ всякій абсолютизмъ, и въ особенности *нѣмецко-русскій*.

Среди неизданныхъ бумагъ П. В. Кирѣевского сохранилось два листка,—одинъ исписанный имъ самимъ, другой—рукою Кошелева. Вотъ текстъ перваго, собственноручнаго листка,—его мысли, или афоризмы.

„Равенство всѣхъ вѣръ значитъ не что иное, какъ угнетеніе всѣхъ вѣръ въ пользу одной, языческой: *вѣры въ государство*.

„У насъ есть безчисленное множество свидѣтельствъ, какъ мало чело-вѣкъ можетъ довѣрять собственнымъ силамъ. Доказательствомъ могутъ служить даже старцы, нераздѣльно посвящавшіе всѣ свои силы на борьбу съ своими собственными страстями и не смѣвшіе однакоже вести эту борьбу одиноко, безъ опоры испытанныхъ руководителей и товарищей. Много объ этомъ сказано премудрыхъ словъ и св. отцами, и даже въ самомъ Писаніи. Исторія и современность подтверждаютъ то же.—И не смотря на то еще есть люди, которые думаютъ, что верхъ государственной премудрости—предоставить судьбу народа, и даже церкви, безпрепятственному произволу страстей и прихотей одного чело-вѣка.

„Паписты вѣрятъ въ непогрѣшаемость папы; протестанты—въ непогрѣшаемость обще-человѣческаго разума; православные—въ непогрѣшаемость *соборной апостольской* церкви.

„Говорятъ, что не можетъ быть народъ безъ единого, самовластнаго правителя, какъ стадо не можетъ быть безъ пастуха.—Но пастухъ надъ стадомъ—*человѣкъ*: онъ по самому естеству выше стада, а потому и законный его правитель. Безумно было бы надѣяться на цѣлость стада, еслибы стадомъ быковъ правилъ быкъ, или стадомъ барановъ—баранъ. (Итакъ) Не ясно-ли, что это уподобленіе ложное? и кто же, кромѣ Бога, во столько выше чело-вѣка по самому естеству своему, во сколько чело-вѣкъ выше стада животныхъ? Чтобы чело-вѣку стать на это мѣсто, нужно—либо ему возвыситься до Бога, либо народу унизиться на степень животныхъ.

„Говорятъ, что *образованный* долженъ править надъ *необразованными*. Но кто же поставленъ судьей и цѣнителемъ *образованности*? И по какому *образу* эта *образованность*?

„Говорятъ, что господство одного племени надъ другимъ основано на перевѣсѣ физическихъ и умственныхъ силъ, и особенно умственныхъ. Такъ порода Инковъ была физически и умственно выше перуанцевъ, и потому надъ ними господствовала; такъ англичане господствуютъ въ Индіи и Китаѣ.—Въ этомъ

миѣніи есть правда. Но только эта духовная сила основана не на образованности. Это слово, такъ же какъ и слово *просвященіе*, понято очень ложно. Доказательство—духовный перевѣсъ варваровъ надъ образованнымъ и просвященнымъ Римомъ. Когда это господство естественно—оно и безропотно. Но господство бываетъ и не всегда законное, а иногда основано на ухищреніи *темной силы*. Только одной послѣдней можетъ быть объясненъ перевѣсъ европейскихъ нѣмцевъ надъ русскими словянами“.

Другой листокъ, писанный рукою А. П. Кошелева, озаглавленъ: *Мысли П. В. Кирѣвскаго*.

„Языкъ родной процвѣтать не можетъ безъ полноты національной жизни. Что же такое національная жизнь? Она, какъ и все живое, неуловима ни въ какія формулы. Преданіе нужно. Выдуманная національность, національные костюмы, обычаи, остановленные въ извѣстную минуту, перемѣняютъ свой смыслъ и становятся китаизмомъ.

„Полнота національной жизни можетъ быть только тамъ, гдѣ уважено преданіе и гдѣ просторъ преданію, слѣдовательно и просторъ жизни. У насъ она парализована нашимъ пристрастіемъ къ иностранному. Большая часть изъ насъ въ дѣтствѣ воспитываются иностранцами, въ обществѣ говорятъ не иначе какъ по французски, и когда читаютъ, то читаютъ исключительно книги иностранныя. А потому удивительно ли, если все родное больше или меньше намъ становится чуждо? Кто не слыхалъ русской пѣсни еще надъ своей колыбелью, и кого ея звуки не провожали во всѣхъ переходахъ жизни, у того, разумѣется, сердце не встрепенется при ея звукахъ. Она не похожа на тѣ звуки, на которыхъ душа его выросла. Либо она будетъ ему непріятна, какъ отголосокъ грубой черни, съ которой онъ ничего въ себѣ не чувствуетъ общаго; либо, если въ немъ уже есть особенный музыкальный талантъ, она ему будетъ любопытна, какъ нѣчто самобытное и странное: какъ пустынная пѣснь Араба; какъ грустная, можетъ быть послѣдняя пѣсня горнаго Кельта въ роскошной гостинной Англіи. Она ему ничего не напомнитъ. Подражаніе уже средоточитъ безжизненность. Что живо, то самобытно. Чѣмъ полнѣе существо человѣка, тѣмъ и лицо его выразительнѣе, непохожѣе на другихъ. То, что называется общечеловѣческой фізіономіею, значитъ ничто иное, какъ *на одно лицо* со всѣми, т. е. фізіономія пошлая“.

VIII.

Было бы грубымъ заблужденіемъ думать, что *идеаль* Кирѣвскаго лежалъ назади; нѣтъ, тамъ, за Петровской реформой, былъ для него только *образецъ*—образецъ здоровой народной жизни. Онъ сравнивалъ современнаго ему русскаго человѣка съ людьми тѣхъ счастливыхъ временъ, и ужасался его измельчанію, его пошлости и духовной нищетѣ. Захватъ по дѣламъ въ Тулу, онъ рѣшаетъ переночевать, чтобы на другой день (это было воскресенье) сходить къ обѣднѣ въ соборъ—„посмотрѣть тульскихъ людей“; онъ всюду „смотрѣлъ“ русскаго человѣка—въ лѣтописяхъ, и въ пѣсняхъ, и за обѣдней въ соборѣ. Но тульскіе люди показались ему мелкими людьми, не въ примѣръ предкамъ. „Соборъ Тульскій,—

пишетъ онъ,—довольно почтененъ, но люди меня не утѣшили. Кажется, у насъ ужъ вездѣ почтенный стиль нашихъ церквей и величественныя лица древнихъ иконъ, и звуки колоколовъ, и вся эта строгая совокупность церковныхъ впечатлѣній начинаютъ приходить въ рѣзкое разногласіе съ обмелѣвшими фізіономіями прихожанъ, въ которыхъ мода потрясла серьезный строй души и заставила искать впечатлѣній полегче и повеселѣе“¹⁾.—Тамъ, на здоровой народной почвѣ, и отдѣльная личность раскрывалась свободно во всей полнотѣ своихъ силъ; только общее оздоровленіе народной жизни можетъ снова выпрямить захирѣвшую личность русскаго человѣка. Въ первые дни Крымской войны онъ писалъ: „Надо признаться, что мы всѣ до того отвыкли радоваться, что даже страшно. Въ этомъ конечно есть наша вина, потому что, какъ бы ни было велико торжество зла и горя, а все же не одно оно въ Божіемъ мірѣ. Между тѣмъ отвычка отъ радости можетъ сдѣлать душу человѣческую и не способною къ радости, какъ всякая сила можетъ заглухнуть отъ бездѣйствія. Эта мысль меня особенно поразила въ Свѣтлое Воскресенье, когда пѣли: Се день, его же сотвори Господь, а церковь все-таки полна была будничными фізіономіями. *Дай-то Богъ, чтобы магическій звукъ Софійскаго колокола снялъ эту кору съ нашего сердца*“²⁾.—Все та же давнишняя его мысль: холоденъ нѣмецъ,—русскому присуща горячность чувства; если онъ сталъ равнодушенъ, то это значить, что онъ боленъ; вылечится же онъ тогда, когда звукъ Софійскаго колокола торжествующе разнесется по всей Руси.

Итакъ, повторяю, въ до-петровской старинѣ Кирѣевскій обожалъ не ея конкретное содержаніе, не формы быта, а только ея общія положительныя черты: во-первыхъ, природный душевный строй русскаго человѣка, во-вторыхъ нормальность развитія, которыя, по его мысли, и взаимно обусловливали, и взаимно питали другъ друга. Единственный разъ, когда онъ самостоятельно выступилъ въ печати, это было съ цѣлью защитить отъ хулителей духовный обликъ древнерусскаго предка, даже не христіанской, а еще языческой, славянской эпохи. Эта статья—единственный подлинный фрагментъ его исторической философіи.

Въ первой книжкѣ „Москвитянина“ за 1845 годъ Погодинъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ, относительно начала“. Онъ развивалъ здѣсь модную тогда на Западѣ (Тьерри, Гизо) теорію, которая выводила всѣ формы государственной и общественной жизни западныхъ народовъ изъ начального факта—завоеванія; и далѣе онъ рассуждалъ такъ: Россія не знала завоеванія (призваніе князей было добровольнымъ подчиненіемъ народа); отсюда а priori можно заключить, что наша исторія должна была пойти инымъ путемъ и выработать инныя формы жизни, нежели западная. Дѣйствительно, разбирая далѣе въ бѣгломъ очеркѣ эти формы у насъ и на Западѣ, какъ-то: власть государя и его отношеніе къ различнымъ классамъ общества, положеніе служилаго класса (феодаловъ, бояръ) и его отношеніе къ государю и народу, и т. п., онъ показываетъ, что въ противоположность западнымъ формамъ, вытекшимъ изъ начала *завоеванія*, т. е. вражды, наши были обусловлены началомъ *любви*. Въ заключеніе Погодинъ старается исторически осмыслить этотъ фактъ, т. е. еще болѣе бѣгло объясняетъ, какъ различныя

¹⁾ Письмо отъ 25 дек. 1841 г., *Русск. Арх.* 1905, V, 159.

²⁾ Письмо отъ 6 іюня 1853 г., тамъ-же, 171.

естественныя условія, въ которыхъ приходилось жить русскому народу (территорія, климатъ, составъ народонаселенія, и пр.) съ одной стороны исключали возможность завоеванія и вражды, съ другой способствовали социальной солидарности.

Какъ сильно взволновала Кирѣвскаго эта статья, можно видѣть уже изъ того, что въ сравнительно короткое время съ января по мартъ онъ написалъ на нее обширное возраженіе — въ 36 печатныхъ страницъ, ровно вдвое больше самой статьи Погодина. Его отвѣтъ, помѣщенный въ третьей книжкѣ „Москвитянина“, озаглавленъ: „О древней русской исторіи (Письмо къ М. П. Погодину)“; какъ уже сказано, статья осталась неконченной.

Взволновала Кирѣвскаго не самая идея Погодина о противоположности западнаго историческаго начала, завоеванія, русскому, отсутствію завоеванія; напротивъ, ее онъ принимаетъ цѣликомъ. Его возмущилъ способъ, которымъ Погодинъ обосновывалъ эту идею, именно *психологическая* картина древне-русскаго быта, нарисованная имъ. Въ подкрѣпленіе своей теоріи Погодинъ указывалъ на то, что славяне искони были народомъ тихимъ и терпѣливымъ, а древне-русскій человѣкъ еще въ большей степени отличался безусловной покорностью и равнодушіемъ,—что самый климатъ русской равнины, суровый и холодный заставлялъ обитателей ютиться у домашнего очага, не заботясь о дѣлахъ общественныхъ; поэтому они и приняли чуждыхъ господъ (варяжскихъ князей) безъ всякаго сопротивленія, спокойно подчинились первому пришедшему, и поэтому же безпрекословно, по одному приказанію чуждыхъ господъ, отреклись отъ вѣры отцовъ и приняли христіанство.

Такой хулы на предковъ Кирѣвскій не могъ снести. Здѣсь былъ для него вопросъ жизни и смерти. Вся его любовь, всѣ его надежды зиждились на его представленіи о душевномъ строѣ русскаго человѣка. Онъ вѣрилъ и видѣлъ въ исторіи, что русскій человѣкъ именно и великъ между всѣми народами своей нравственной горячностью; безъ этой вѣры могъ ли онъ ждать обновленія родины? А тутъ ему говорятъ, что анатія, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и пассивная покорность суть отличительныя свойства русскаго народа. Такого обвиненія нельзя было оставить безъ отвѣта.

Погодинъ потомъ очень мѣтко отразилъ нападки Кирѣвскаго. Вы, писалъ онъ, отнимаете у нашего народа *терпѣніе* и *смирненіе*, двѣ высочайшія христіанскія добродѣтели; намъ, православнымъ, не пристало отказываться отъ нихъ и искать другихъ, какими справедливо гордится Западъ. А по существу дѣла--вы ищите въ исторіи подкрѣпленій для вашей гипотезы, вы навязываете исторіи вашу систему¹⁾.

Погодинъ былъ совершенно правъ, но Кирѣвскому, защищавшему свою святыню, было не до послѣдовательности и научности. Помимо всякихъ разсужденій и историческихъ доказательствъ, онъ твердо зналъ, знаніемъ вѣры, что русскій народъ горячъ и благороденъ; другимъ онъ не могъ бы его любить, — а онъ любилъ его со всей силою своего непочатаго чувства. Онъ самъ наивно

¹⁾ „Отвѣтъ П. В. Кирѣвскому“, въ той же книжкѣ „Москвитянина“, стр. 47—58. Вообще отвѣтъ Погодина написанъ съ необычайной для него живостью и остроуміемъ.—Эта полемика вызвала нѣкоторый шумъ въ кружкѣ, Погодинъ горько обидѣлся, П. В. Кир. велъ съ нимъ переговоры, и пр.; объ этомъ—Барсуковъ, *Погодинъ*, т. VIII, стр. 126—129.

высказываетъ это. Если бы ваше изображеніе русскаго народа было вѣрно, говоритъ онъ Погодину,—это былъ бы народъ, лишенный всякой духовной силы, всякаго человѣческаго достоинства; изъ его среды никогда не могло бы выйти ничего великаго. Если бы онъ былъ таковъ въ первые два вѣка своихъ лѣтописныхъ воспоминаній, то всю его послѣдующую исторію мы бы должны были признать за выдумку, потому что откуда бы взялись у него тогда энергія и благородство? или онъ были привиты ему варяжскими князьями? — Очевидно, что Кирѣевскій *исходитъ* отъ нѣкотораго предвзятаго представленія о русской исторіи, какъ исполненной благородства и силы; въ историческихъ фактахъ онъ ищетъ только подтвержденій своей мысли, — а исторіей, при желаніи, можно доказать что угодно. И онъ доказываетъ неудержимо, пригибая исторію, прыгая черезъ пропасти. Развѣ во время татарскихъ нашествій хотъ одинъ русскій городокъ былъ взятъ безъ отчаяннаго отпора? развѣ не продолжалась отчаянная борьба во все время татарскаго владычества? развѣ съ покорностью и равнодушіемъ встрѣтили мы чуждыхъ господъ въ 1612 и въ 1812 годахъ? А что касается готовности нашего народа отречься отъ вѣры по приказанію чуждыхъ господъ, то развѣ мало были залиты кровью этихъ чуждыхъ господъ всѣ тѣ стороны Россіи, гдѣ въ самомъ дѣлѣ чуждые господа думали разрушить православіе, а на его мѣсто ввести унию и латинство?—На послѣдній доводъ Погодинъ остроумно отвѣчалъ: вы забываете, что это было *уже съ христіанскою вѣрою*, исповѣданной уже въ теченіе пятисотъ лѣтъ. И опять, Погодинъ былъ правъ, но по-своему правъ былъ и Кирѣевскій. Онъ рассуждалъ не какъ историкъ, а какъ психологъ; онъ понималъ, что національный характеръ не мѣняется, и ему во что бы то ни стало нужно было доказать наличность энергіи и благородства уже въ языческій періодъ, чтобы установить полное тождество національной психики, *какъ онъ ее понималъ*, на всемъ протяженіи русской исторіи. Онъ много и настойчиво говоритъ объ этомъ: между первыми двумя вѣками нашей исторіи и послѣдующими нѣтъ существеннаго различія; лѣтописи изображаютъ намъ въ первые два вѣка точно тотъ же характеръ народа и точно то же коренное устройство государственныхъ отношеній, которое мы видимъ и въ послѣдствіи; пагубная мысль о противоположности первыхъ двухъ вѣковъ позднѣйшимъ внесена въ нашу исторію Шлецеромъ и другими нѣмецкими изслѣдователями, которые изучали эти два вѣка по скуднымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ совершенно отдѣльно, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, и т. д.

Въ своей статьѣ онъ ставитъ себѣ цѣлью разсмотрѣть, какія переменны въ государственномъ устройствѣ русскихъ славянъ произошли отъ призванія варяжскаго княжескаго рода. Онъ ставитъ этотъ вопросъ на сравнительно-историческую почву общеславянской психологіи. Широко пользуясь аналогіями съ древнѣйшей исторіей чеховъ, поляковъ, сербовъ, хорватовъ и пр., онъ рисуетъ яркую картину первобытнаго государственнаго устройства Руси и показываетъ, что на Руси и до Рюрика были князья, существовало единство племенъ и пр.; эта картина ему нужна для того, чтобы доказать ошибочность мнѣнія, будто русское государство было основано варяжскими князьями и будто эти князья, внося свои понятія въ новооснованное государство, поставили народъ къ себѣ въ подчиненное положеніе. И весь этотъ рядъ доказательствъ имѣетъ въ его глазахъ одинъ смыслъ: защитить древне-русскаго человѣка отъ обвиненія въ

равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ и къ своему собственному человѣческому достоинству.

Статья П. В. Кирѣвскаго была для своего времени выдающимся явленіемъ и не прошла безслѣдно. Въ ней впервые изученіе древнѣйшей Руси было поставлено на общеславянскую почву и впервые намѣчена теорія патріархальнаго быта; и то, и другое получило потомъ дальнѣйшее развитіе въ трудахъ К. Аксакова и вошло въ составъ славянофильской доктрины. Самъ Кирѣвскій этой статьей очевидно совершилъ только первый приступъ къ философскому анализу русской исторіи; онъ долженъ былъ въ дальнѣйшемъ провести ту же психологическую нить чрезъ всѣ ея періоды. Тѣмъ интереснѣе для насъ эта статья. Она показываетъ, что въ исторіи онъ искалъ оправданія своей вѣры и своихъ надеждъ — или, можетъ быть, иначе: что исторіей онъ безсознательно стремился проповѣдовать свою вѣру и внѣдрять свою надежду въ измелъчавшихъ русскихъ людей. А можетъ быть, и то, и другое.

Отъ этихъ измелъчавшихъ людей Кирѣвскій бѣжалъ въ до-петровскую старину, въ лѣтопись, въ пѣсню, — и въ далекую деревенскую глушь, гдѣ русскій крестьянинъ — „вѣрная отрасль своихъ предковъ“ — до сихъ поръ „не отступилъ отъ нихъ даже и въ мелкихъ подробностяхъ своего домашняго быта“. Этого крестьянина онъ такъ же крѣпко любилъ, какъ ненавидѣлъ городъ, какъ презиралъ городского человѣка, созданіе Петра. Онъ пишетъ однажды брату Ивану, зажившемуся весною въ Москвѣ: „Ахъ, если бы тебѣ можно было поскорѣе въ Долбино, чтобы освѣжиться и отдохнуть ото всей этой мелочной дряни, къ которой ты никакъ не умѣешь оравнодушиться“¹⁾. А въ его предисловіи къ духовнымъ стихамъ есть такія строки: „Вездѣ, гдѣ коснулось деревенскаго быта вліяніе городской моды, соразмѣрно съ этимъ вліяніемъ уродуется и характеръ пѣсни: вмѣсто прежней красоты и глубины чувства — встрѣчаете безобразіе нравственной порчи, выраженное въ бессмысленномъ смѣшеніи словъ, частью перепутанныхъ изъ старой пѣсни, частью вновь нестройно придуманныхъ; вмѣсто прежней благородной прямоты — ужимистый характеръ словесія лакейскаго“²⁾.

IX.

Намъ остается рассмотреть еще одинъ вопросъ—объ отношеніи Кирѣвскаго къ крѣпостному праву. Если онъ любилъ русскаго мужика, какъ онъ могъ самъ владѣть мужиками? и какъ онъ смотрѣлъ вообще на крѣпостное состояніе крестьянства?

Онъ и здѣсь оставался цѣльнымъ, какъ во всемъ, и не измѣнялъ ни своему общественному идеалу, ни своей любви къ крестьянству. Онъ пламенно желалъ и ждалъ освобожденія крестьянъ, но ставилъ это освобожденіе въ неразрывную связь съ общимъ обновленіемъ русской жизни.

Свои мысли о крестьянскомъ дѣлѣ онъ изложилъ, какъ обычно, по случаю,—въ обширномъ письмѣ къ А. И. Кошелеву, 1846 или 1847 года, въ отвѣтъ на

¹⁾ Лясковскій, 52.

²⁾ „Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн.“ 1848 № 9, стр. III предисловія.

соображенія Кошелева о пользѣ частныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ крестьянами, какъ подготовительной ступени къ государственному освобожденію крестьянъ. Ничто не можетъ дать болѣе яснаго представленія о личности Кирѣевского, нежели это письмо. Онъ весь тутъ—со своей простотой и честностью, со своей болью за родину и за мужика, своей ненавистью къ бюрократіи и упорной мечтою о правдѣ и свободѣ для Россіи. Не обинуясь скажу, что это письмо заслуживаетъ мѣста въ исторіи русской общественной мысли. Я сожалью, что не могу привести его цѣликомъ: оно очень велико — въ печати оно занимаетъ 7 большихъ убористыхъ страницъ ¹⁾.

Кирѣевскій начинаетъ съ выраженія своей общей мысли о крѣпостномъ правѣ, „этой глубокой и страшной язвѣ нашего государственнаго и общественнаго быта“. Безуміе думать, что правда можетъ быть плодомъ такихъ отношеній, которыя обращаютъ человѣка въ игрушку человѣческихъ страстей и прихотей; такія отношенія глубоко безнравственны, потому что, убивая въ человѣкѣ надежду на правду, они въ концѣ концовъ искореняютъ въ немъ и самую любовь къ правдѣ. Никто не можетъ поручиться за себя, что сѣмъ силою своей воли или своего просвѣщенія удержатъ свои страсти и прихоти въ должныхъ границахъ, разъ нѣтъ внѣшней и для него самой неодолимой преграды. Итакъ, въ безнравственности крѣпостнаго права не можетъ быть сомнѣнія. Вопросъ только въ томъ, какія средства должны быть употреблены, чтобы полную зависимость крестьянъ отъ чужихъ страстей и прихотей замѣнить правдою закона.

Если бы дѣло стало только за великодушіемъ отдѣльныхъ лицъ, вопросъ рѣшался бы просто. Несмотря на всю нашу несомнѣнную испорченность, еще нашлось бы немало русскихъ дворянъ, которые согласились бы пожертвовать своими правами и выгодами, чтобы перевести своихъ крестьянъ подъ власть закона. Но, спрашивается, что дало бы обѣимъ сторонамъ такое частичное освобожденіе? улучшить ли оно положеніе крестьянъ отдѣльнаго помѣщика, и будетъ ли помѣщикъ избавленъ отъ безнравственнаго положенія въ обществѣ? — Къ несчастію, дѣло гораздо сложнѣе. Выйдя изъ-подъ власти помѣщика, крестьянинъ поступитъ не подъ защиту закона, а подъ такой же произволъ такихъ же безнравственныхъ чиновниковъ, которые, къ тому-же, мѣняясь безпрестанно, не будутъ имѣть надобности щадить мужика, какъ источникъ своихъ дальнѣйшихъ доходовъ, и не будутъ опасаться ожесточенія деревни. Слѣдовательно для крестьянъ это будетъ значить то-же, что вмѣсто одной пьявки нажить десять одну за другою, а для помѣщика — то же, какъ если бы онъ продалъ свое имѣніе; онъ себя избавилъ бы отъ хлопотъ, но нисколько не выгородилъ бы себя изъ общей порчи и отвѣтственности несправедливаго общества. Всякаго уваженія достойны тѣ, которые заботятся о водвореніи законности въ отношеніяхъ отдѣльныхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ, равно какъ и тѣ, которые идутъ въ государственную службу, чтобы по крайней мѣрѣ въ своемъ узкомъ кругѣ истребить злоупотребленія чиновничества. Но существенной пользы для Россіи нельзя ждать ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ, потому что всѣ усилія отдѣльныхъ людей неизбѣжно сокрушаются давленіемъ общей массы, уже разъ принявшей ложное направленіе. А исправить общее направленіе русской жизни не по си-

¹⁾ Оно напечатано въ *Рус. Арх.* 1873 II столб. 1345—59.

ламъ частнаго человѣка: это можетъ быть совершенно только правительствомъ. Крѣпостное состояніе не такого рода зло, которое могло бы быть исправлено отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ злоупотребленій, полицейскихъ и общественныхъ, и именно потому оно не можетъ прекратиться мало по малу, а должно быть исправлено не иначе, какъ съ утвержденіемъ и всѣхъ прочихъ отношеній, сообразныхъ съ этой перемѣною, слѣдовательно не иначе, какъ одною общою правительственною мѣрою. Если бы даже правительство провело только одну эту мѣру (уничтоженіе крѣпостнаго права), безъ одновременнаго преобразованія прочихъ частей государственнаго строя, — она неминуемо *уже сама* привела бы его къ дальнѣйшей реформѣ, то-есть къ преобразованію суда и чиновничества; въ этомъ случаѣ оно поступило-бы такъ, какъ Юлій Цезарь, когда въ рѣшительную минуту битвы онъ бросилъ знамя своего легіона въ непріятельскіе ряды и тѣмъ рѣшилъ побѣду. Положеніе Россіи сейчасъ не менѣе критическое, чѣмъ было тогда положеніе Цезаря. Взаимная порча крестьянъ и помѣщиковъ развивается съ такой ужасной быстротой, что требуетъ немедленной помощи. Крестьянскій вопросъ — только часть общаго вопроса о водвореніи законности въ Россіи. „Не только я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, — говоритъ Кирѣевскій, — которые думаютъ, будто бы нашъ народъ еще не созрѣлъ для законности, но думаю напротивъ, что онъ стоитъ на той ступени, что еще не утратилъ къ ней способности, которую съ каждымъ годомъ утрачиваетъ больше и больше“. — Надо прибавить, что по мнѣнію Кирѣевского крестьянамъ при освобожденіи должна быть отдана *половина земли*, и, повидимому, онъ думалъ—*безъ выкупа*.

Если бы отъ Кирѣевского и о немъ до насъ не дошло ничего больше, кромѣ этого письма, и тогда мы должны были бы признать въ немъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ образовъ русской исторіи.

Самъ онъ, вѣрный себѣ во всемъ, при такихъ взглядахъ разумѣется не могъ освободить своихъ крестьянъ. Онъ не дождался государственнаго акта объ эмансипаціи, котораго такъ нетерпѣливо ждалъ, но, по крайней мѣрѣ, еще видѣлъ зарю освобожденія. За полгода до смерти, въ началѣ 1856 года, онъ писалъ матери: „Дай-то Богъ, чтобы оправдались слухи объ эмансипаціи! Во что бы то ни стало, а это потребность самая вопіющая. Мы съ Ив. В. Павловымъ сговариваемся подать на выборахъ голосъ въ эту сторону“ ¹⁾. Каковы были его отношенія къ его крестьянамъ, объ этомъ легко догадаться, зная его убѣжденія и цѣльность его характера. Люди, знавшіе его, рассказываютъ, что въ голодный годъ 1840 онъ роздалъ все, что у него было въ амбарахъ, не только своимъ крестьянамъ, но и приходившимъ изъ другихъ селъ ²⁾. Дѣло у него не расходилось съ мыслью и словомъ. Въ томъ письмѣ къ Кошелеву онъ между прочимъ писалъ: „Гдѣ мірская сходка еще существуетъ, какъ обломокъ древнихъ, тысячелѣтнихъ привычекъ народа, тамъ она конечно имѣетъ существенную важность, и *совѣстный помѣщикъ долженъ почтительно хранить ее*, какъ основу будущей законности“. Года три спустя послѣ того, какъ было писано это письмо, Кирѣев-

¹⁾ Неизданное письмо отъ 14 февр. 1856 г.

²⁾ Лясковскій, 57. Марковичъ въ *Рус. Бес.* 1857 II 18. П. В. Кирѣевскому принадлежали—въ Орловскомъ уѣздѣ дер. Кирѣевская Слободка въ 106 душъ, и въ Кромскомъ уѣздѣ село Рубча въ 179 душъ, всего 285 душъ.

скому пришлось какъ-то дать совѣтъ сестрѣ, Маріи Васильевнѣ, по одной сложной жалобѣ нѣкоторыхъ крестьянъ ея деревни. Жили въ этой деревнѣ трое сиротъ, 2 мальчика и дѣвочка, племянники кормилицы маленькаго сына И. В. Кирѣевскаго; Марья Васильевна приказала купить имъ лошадь міромъ; міръ положилъ, чтобы лошадь купилъ бывшій староста, за которымъ числилось 80 рублей долга міру, и бывшій староста отдалъ свою лошадь, положивши ее въ 70 руб. Теперь же, когда оба мальчика нанялись у міра пасти скотъ за 35 руб., то теперешній староста эти деньги съ міра собралъ, изъ нихъ 21 рубль, какъ и слѣдовало, вычелъ съ сиротъ на подупное, а остальные 14 рублей незаконно отдалъ прежнему старостѣ за лошадь, потому что онъ ему родня. Поэтому родные кормилицы, у которыхъ и жили сироты, просили помѣщицу приказать отдать эти 14 р. сиротамъ на рукавицы, обувь и пр., какъ ими заработанныя. Далѣе, просили они, чтобы помѣщица приказала заплатить сиротамъ тѣ деньги, которыя имъ долженъ Иванъ Нефедовъ, — 40 руб. Наконецъ, третье дѣло было такое: свекоръ той же кормилицы имѣетъ свою покупную землю; изъ нея онъ продалъ часть другому мужику, Ларіону Финагѣву, уже давно, за 500 руб.; но Ларіонъ Финагѣвъ денегъ тѣхъ не отдавалъ, а пользуется землею уже около десяти лѣтъ, всякій годъ обѣщая отдать деньги. Но такъ какъ онъ очень богатъ и къ тому же былъ родня большей части бурмистровъ за эти годы, то его нельзя было принудить къ уплатѣ; поэтому свекоръ кормилицы просилъ теперь Марью Васильевну приказать Финагѣву или заплатить деньги, или вернуть землю съ уплатою за ея десятилѣтнее пользованіе.

Подобныя дѣла обычно рѣшались распоряженіемъ помѣщика. Въ данномъ случаѣ этого можно было тѣмъ скорѣе ждать, что жалоба исходила отъ людей, близкихъ помѣщику, — отъ родныхъ кормилицы, жившей въ домѣ Ивана Васильевича; самыя эти жалобы сообщилъ сестрѣ именно Ив. Вас., со словъ пріѣхавшаго изъ деревни мужа кормилицы. Ничего не было-бы проще, какъ самой Маріи Васильевнѣ, или Петру Васильевичу, управлявшему ея имѣніемъ, рѣшить дѣло самовластно, — и, конечно, въ пользу кормилицыныхъ родныхъ.

Свое письмо къ сестрѣ съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла И. В. послалъ сначала Петру Васильевичу, какъ ея управляющему, съ тѣмъ, чтобы П. В. далъ свое заключеніе. И вотъ П. В., пересылая ей письмо брата, приложилъ свое мнѣніе ¹⁾. „Жалобы кормилицына мужа, — писалъ онъ, — кажутся мнѣ основательными, если только онъ говорилъ правду; но такъ какъ нельзя безусловно положиться на слова одного мужика, а заочно разобрать дѣло трудно, то въ этомъ случаѣ всего лучше положиться на рѣшеніе міра. А потому приказать старостѣ, чтобы онъ созвалъ міръ и спросилъ: 1) Правда ли, что Иванъ Нефедовъ долженъ кормилицынымъ сиротамъ 40 р. асс.? — и если міръ подтвердитъ, то приказать, чтобы онъ немедленно заплатилъ. 2) Правда-ли, что Ларіонъ Финагѣвъ купилъ землю у кормилицына свекра за 500 р. асс. и денегъ не заплатилъ? — и если міръ подтвердитъ, то приказать Ларіону либо немедленно заплатить, либо немедленно же возратить землю, заплатя за всѣ годы, въ продолженіе которыхъ онъ пользовался, и заплатить столько, сколько міръ положить. 3) Если староста былъ долженъ міру 70 р. асс., то 14 р., отданные ста-

¹⁾ Незданное письмо къ М. В. Кирѣевской, отъ 28 февр. 1849 г.

ростѣ, ему не слѣдуютъ, а должны быть возвращены сиротамъ. Надобно приказывать, чтобы всѣ эти дѣла непременно были разобраны *миромъ* и чтобы мірской приговоръ былъ исполненъ“.

X.

Крѣпки были прашуры и дѣды, плотно и увѣсисто сидѣли еще отцы въ своихъ широкихъ креслахъ и колымагахъ; если бы не больничный тифъ 1812 года, Василий Ивановичъ Кирѣвскій навѣрное дожилъ бы до Маеусаиловыхъ лѣтъ. Петръ Кирѣвскій нажилъ немного: сорока восьми лѣтъ онъ сошелъ въ могилу, и уже задолго раньше болѣлъ. Душевная жизнь, по иному сложная, чувство болѣзненно-чуткое и тревожное, рано изнурили тѣло.

Онъ началъ серьезно хворать уже въ концѣ 40-хъ годовъ, а съ 1853-го у него часто повторялись мучительные припадки какой-то болѣзни, которую врачи опредѣляли то какъ ревматизмъ, то какъ болѣзнь печени. Онъ переносилъ эти припадки одинъ въ своей Слободкѣ, иногда по-долгу дожидаясь врача, безъ всякой мнительности, только досадуя каждый разъ на болѣзнь, какъ на помѣху, и огорчаясь тѣмъ, что она дѣлаетъ его „кислымъ“ или „прѣснымъ“. Роднымъ онъ писалъ въ это время трогательныя письма, въ которыхъ завѣрялъ, что говорить всю правду о своей болѣзни, и умолялъ не беспокоиться. Его письма къ роднымъ вообще удивительно-хороши,—столько въ нихъ любви, нѣжности и доброты. Въ одномъ изъ этихъ писемъ къ матери¹⁾ есть такія строки (обращенныя къ Екат. Ив. Елагиной, женѣ его единоутробнаго брата Василя): „А это какъ же могло быть, чтобы я на тебя сердился, голубушка Катя? хотя ужъ и давно ты ко мнѣ не писала, но я изъ этого не заключалъ, чтобы ты обо мнѣ забыла, а только ждалъ, что авось-либо дескать захочется и ей написать“. Таковъ тонъ его писемъ.

11 июня 1856 г. внезапно умеръ въ Петербургѣ Иванъ Васильевичъ Кирѣвскій. Этой потери Петръ не могъ перенести. 4 ноября въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ появился некрологъ П. В. Кирѣвскаго, написанный Кавелинымъ. „25-го октября, въ пять часовъ утра, скончался въ своей орловской деревнѣ П. В. Кирѣвскій, переживъ своего брата, И. В. Кирѣвскаго, лишь нѣсколькими мѣсяцами. Коротенькое письмо, изъ котораго заимствовано это печальное извѣстіе, содержитъ немногія объ этомъ подробности: Петръ Васильевичъ умеръ съ горя отъ кончины брата, котораго нѣжно любилъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и четырехъ дней онъ страдалъ разлитіемъ желчи, страшно мучился отъ этой болѣзни и находился въ мрачномъ состояніи духа; но до конца всегдѣшняя, чрезвычайная кротость ему не измѣнила. Онъ умеръ въ совершенной памяти, съ полнымъ присутствіемъ ума; за минуту до смерти перекрестился и самъ сложилъ на груди руки, въ томъ положеніи, какъ складываютъ ихъ обыкновенно покойникамъ“²⁾. Его послѣднія слова были: *Мнѣ очень хорошо*³⁾. При немъ были мать, братья Елагины и др. Похоронили его въ Оптиной пустыни, рядомъ съ могилою брата.

¹⁾ Неизд. письмо отъ 23 дек. 1854 г.

²⁾ С.-Пет. Вѣд., № 242-й за 1856 г.; перепечатано въ Соч. Кавелина, т. II, стр. 1219—1222.

³⁾ Это писала Авдотья Петр. Погодину, см. Барсуковъ, *Погодинъ*, т. XIV, стр. 580.

Должно быть, горько ему было думать на смертном одрѣ о томъ, какая участь ждетъ его сокровище—его пѣсни. Правда, онъ оставлялъ ихъ въ вѣрныхъ рукахъ; тутъ были его ближайшіе помощники—П. И. Якушкинъ и М. А. Стаховичъ, и два его брата Николай и Василій Елагины. Но онъ успѣлъ приготовить къ печати только 839 пѣсенъ: кто обработаетъ, и кто въ *состояніи* обработать по его способу остальные тысячи? И когда дождутся они печати?—Но случилось худшее, нежели онъ могъ ожидать. Случилось, во первыхъ, что часть его собранія *пропала*. Когда, послѣ его смерти, Якушкинъ приступилъ къ разборкѣ его бумагъ, онъ замѣтилъ страшный недочетъ: „по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ стопъ бумаги, исписанной пѣснями, не оказалось; потомъ я узналъ,—пишетъ Якушкинъ,—что сверхъ этой страшной потери пропало еще множество бумагъ покойнаго Петра Васильевича, оставленныхъ имъ въ Москвѣ“¹⁾. А потомъ Якушкинъ былъ оттертъ отъ этой работы, драгоценное собраніе попало въ безконтрольное вѣденіе Безсонова, и если бы Кирѣевскій могъ, вставъ изъ гроба, увидѣть, *какъ* издалъ Безсоновъ его пѣсни, онъ пожалѣлъ-бы, можетъ быть, что онѣ не всѣ пропали.

XI.

Прослѣживая жизненный путь Кирѣевского, читая и перечитывая груды пожелтѣлыхъ листовъ его писемъ, невозможно отдѣлаться отъ страннаго, почти жуткаго чувства. Въ Кирѣевскомъ есть что-то призрачное, пугающее; за дѣловитой полнотой его жизни чувствуется зіяющая пустота, за твердостью его воли—безличность. Знаешь навѣрное, что онъ былъ, видишь и осязаешь то, что онъ сдѣлалъ, и все-таки впечатлѣніе призрачности упорно остается, несмотря на всю достовѣрность.

Двадцати одного года, изъ-за границы, Кирѣевскій пишетъ: „Только здѣсь, гдѣ я раздвоенъ, гдѣ лучшая часть меня за тысячи верстъ, вполнѣ чувствуешь, осязаешь эту громовую силу, которая называется судьбою, и передъ ней благоговѣешь; чувствуешь полную бессмысленность мысли, чтобы она была безъ значенія, безъ разума, и остается только одинъ выборъ между вѣрою или сумасшествіемъ. Что до меня касается, то я спокоенъ, какъ только можно быть, и дѣлаю все, что могу, чтобы вытѣснить изъ сердца всякое бесплодное беспокойство, оставя одну молитву“. Точно сказочный Китежъ: городъ погрузился въ озеро, замерла жизнь,—только среди мертвой тишины надъ невозмутимой гладью слышится по временамъ призрачный звонъ колоколовъ—бессмысленная молитва Кирѣевского.

Въ каждомъ человѣкѣ внутри есть его подлинное я, засыпанное, какъ обваломъ, заглушенное, большею частью ему самому невѣдомое. Случается, собственный поступокъ или какое-нибудь потрясающее несчастье вдругъ расколетъ шелуху, и подлинная личность вдругъ освободится и человѣкъ познаетъ, *чего онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ*; обычно-же голосъ этого истиннаго я только искаженно проникаетъ сквозь плотную броню нивѣсть откуда отложившихся на немъ наслоений,—мнѣній унаслѣдованныхъ, впитанныхъ съ молокомъ матери, воспринятыхъ

¹⁾ П. И. Якушкинъ, *Сочинскія*, Спб. 1884, стр. 463.

изъ воздуха; но онъ все-таки проникаетъ, и это его приказамъ, хотя и искаженнымъ, повинуются въ жизни человѣкъ.

Странное дѣло: въ Кирѣевскомъ какъ-будто совсѣмъ не было этого внутреннего я; онъ метафизически безличенъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ такъ жилъ. Ни на одномъ его желаніи или поступкѣ не видно печати ирраціонально-личной воли; напротивъ, всѣ его желанія и поступки—и порознь, и въ своей послѣдовательности—строго-раціональны, какъ система, а поскольку воля еще пыталась утверждать себя, онъ сознательно подавляетъ ее, и съ полнымъ успѣхомъ. Двадцати съ лишнимъ лѣтъ, когда внутреннее я всего властнѣе говорить въ человѣкѣ, онъ отрекся отъ счастья и отъ самостоятельной мысли о путяхъ провидѣнія, и это удалось ему такъ легко, что нельзя не удивиться; онъ дѣйствительно всю остальную жизнь прожилъ въ „вѣчно-однообразномъ движеніи“ и молитвѣ, ни разу не протянулъ руку за личной радостью и не возсталъ мыслію противъ судьбы, вообще ничего не пожелалъ изъ личной своей воли—вѣрный знакъ, что та личная, внутренняя его воля отъ природы была чрезвычайно слаба.

Вотъ въ чемъ призрачность Кирѣевского. Онъ не самъ существовалъ, хотя бы въ той малой мѣрѣ, въ какой существуетъ каждый изъ насъ: духъ цѣлаго народа въ его тысячелѣтней исторіи, сгущаясь, достигъ олицетворенія въ этомъ человѣкѣ, и *личнаго* въ Кирѣевскомъ было не больше того, сколько нужно было, чтобы только быть человѣку,—минимумъ воли, минимумъ вождедѣній, самосохраненія, ирраціональной мысли. И такъ-какъ личность все-таки была, то она тяжело томила, поработанная высшему опредѣленію его существа; оттого такъ печаленъ образъ Кирѣевского, оттого кажется, что жизнь непрерывно терзала и мучила его пассивное и слабое личное я, какъ мачеха—беззащитнаго ребенка. Повторяю: есть что-то страшное въ этомъ зрѣлищѣ человѣка, самой природой такъ абсолютно предназначеннаго не *быть*, а служить орудіемъ внѣ-личныхъ, историческихъ силъ. Таковъ, повидимому, общій законъ; только утративъ свою личность, утвердишь ее навѣки; но къ этому надо быть призваннымъ. Зерно ложится въ землю и умираетъ, чтобы взойти многозернистымъ колосомъ, и Христосъ долженъ былъ дважды умереть—въ пустынѣ и на крестѣ, чтобы воскреснуть въ миллионѣхъ и миллионѣхъ душъ.

О Кирѣевскомъ можно было сказать библейскимъ словомъ: изъ земли ты взятъ, и въ землю вернулся. Подавивъ въ себѣ, такъ рано, послѣдніе остатки индивидуальности, онъ сталъ безличенъ, но вмѣстѣ и удивительно цѣленъ, какъ воплощеніе народной стихіи. Этой стихіей были всецѣло пропитаны его чувства и его мысль. Онъ обладалъ безпримѣрнымъ чутьемъ народнаго, сильнѣе всего на свѣтѣ любилъ русскій народъ и все, имъ созданное, истину и красоту понималъ только въ тѣхъ формахъ, какія придалъ имъ русскій умъ; и безъ сомнѣнія, и чувствовалъ онъ и мыслилъ по-народному, и даже въ самомъ этомъ добровольномъ обезличеніи невольно слѣдовалъ какому-то тайному закону русскаго національнаго духа.

Именно на этой стихійной цѣльности Кирѣевского основано его историческое значеніе. Не собираніемъ народныхъ пѣсенъ, не изслѣдованіями въ области русской исторіи онъ исполнилъ свое жизненное призваніе, но тѣмъ, что въ опредѣленный моментъ онъ явился среди русскаго образованнаго общества

какъ живое воплощеніе русскаго народнаго духа и какъ живая связь между народомъ и этимъ оторвавшимся отъ народа обществомъ. Чтò люди лишь частично угадывали и любили въ исторіи, въ бытѣ, преданіяхъ и пѣсняхъ народа, то здѣсь предстало, какъ самородный слитокъ, въ живой личности,—и тѣмъ доступнѣе было имъ почувствовать въ ней эту стихію, что человѣкъ, въ которомъ она олицетворилась, былъ для нихъ свой, ровня по образованію и образу жизни. У насъ нѣтъ данныхъ, по которымъ мы могли бы опредѣленно указать, какіе положительные элементы внесъ Кирѣевскій въ славянофильство и вообще въ русское общественное сознаніе; но совершенно ясно, что его личность должна была оказать на современниковъ огромное *чувственное* дѣйствіе въ смыслѣ сближенія съ народомъ и уясненія роли народа въ общемъ прогрессѣ націи. Я думаю, что исторически-вѣрно и безъ преувеличенія опредѣлю значеніе Кирѣевскаго, если скажу, что онъ былъ основателемъ нашего новѣйшаго народничества въ обоихъ смыслахъ этого слова: какъ временнаго общественнаго движенія, и какъ руководящаго начала всей общественной мысли.

М. Гершензонъ.

П. В. Кирѣвскій и его собраніе пѣсенъ.

Издаваемые нынѣ обрядовыя пѣсни—преимущественно свадебныя—составляютъ часть извѣстнаго собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ П. В. Кирѣвскаго. Составляя съ давняго времени издательскую собственность Общества любителей рос. слов., уступленную ему наслѣдниками П. В—ча, пѣсни эти, какъ и все собраніе Кирѣвскаго, испытали не совсѣмъ обычную судьбу подобнаго рода коллекцій. Переходя изъ рукъ въ руки, подвергаясь различнымъ случайностямъ, собраніе Кирѣвскаго одно время считалось, даже неизвѣстно гдѣ находящимся, пока счастливый случай не обнаружилъ, что въ значительной своей долѣ оно хранится въ отдѣльномъ шкапѣ, для него нарочно сдѣланномъ однимъ изъ почитателей П. В—ча, въ Румянцовскомъ Музеѣ. Объ этомъ стало извѣстно нѣсколько обстоятельнѣе изъ статьи В. Θ. Миллера по поводу юбилея А. С. Пушкина¹⁾; нѣсколько сбивчивыхъ, по обыкновенію спутанно и своеобразно изложенныхъ свѣдѣній о состояніи этого собранія дано было не задолго передъ тѣмъ П. А. Безсоновымъ²⁾.

Какъ велико было собраніе, составленное П. В. К—имъ, можно судить уже по тому, что оно дало матеріалъ для 10 выпусковъ „Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣвскимъ“, изданныхъ 1860—1879 гг. О. Л. Р. С. подъ редакціей П. Безсонова; сверхъ того, значительная часть 6 выпусковъ „Калѣкъ Перехожихъ“, изданныхъ тамъ же тѣмъ же Безсоновымъ, какъ теперь можно убѣдиться, обязана своимъ матеріаломъ тому же собранію Кирѣвскаго³⁾; наконецъ, самъ П. В. К—ій изъ своего собранія успѣлъ опубликовать, какъ извѣстно, 55 духовныхъ стиховъ, кромѣ того 16 пѣсенъ другого рода⁴⁾. Сверхъ же всего этого, по при-

¹⁾ „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“. Этногр. Обзор., 1899 (XL—XLI), стр. 157.

²⁾ „Къ вопросу о собираніи и изданіи памятниковъ народнаго пѣснотворчества“. Моск. Вѣд. 1896 г.; отд. отт., стр. 72.

³⁾ Сравненіе рукописныхъ оригиналовъ собранія съ изданіемъ П. А. Безсонова при разборѣ бумагъ П. В. Кирѣвскаго сдѣлано А. В. Марковымъ; изъ сличенія видно, что Безсоновъ воспользовался гораздо болѣе, нежели „нѣсколькими №№ изъ духовныхъ стиховъ того же источника“, какъ полагалъ В. Θ. Миллеръ (ук. статья, стр. 156—7).

⁴⁾ Ср. М. О. Гершензонъ, Біографія П. В. К—аго, стр. XXIV.

близительному подсчету В. Θ. Миллера (у. с., стр. 157), въ сохраненной намъ въ Румянцовскомъ Музеѣ части собранія остается до 5 тысячъ №№ не изданныхъ еще пѣсенъ; сюда же, повидимому, надо отнести и тѣ пѣсни, которыя ко времени перваго пересмотра пѣсеннаго наслѣдства П. В. К—аго считались уже утраченными¹⁾; самъ П. В. К. отдѣльныя тетради и пѣсни давалъ на просмотръ знакомымъ²⁾: неизвѣстно, были ли онѣ возвращены въ его собраніе послѣ смерти собирателя; наконецъ, первоначальное собраніе было самимъ К—имъ утрачено, и онъ началъ собирать вновь, какъ о томъ узнаемъ изъ предисловія къ „Народнымъ стихамъ“ (Чтенія Общ. Ист. и Др. 1848 г.). Т. о. несомнѣнно, что собраніе пѣсенъ К—аго было огромное. Какъ велико было оно по кончинѣ П. В. К—аго (25 окт. 1856 г.), можно судить по печатному объявленію, несомнѣнно, идущему изъ хорошо освѣдомленнаго источника (отъ В. А. Елагина?). Это объявленіе („Молва“, 1857, № 3) представляетъ интересъ и въ другихъ отношеніяхъ, какъ то увидимъ ниже; поэтому приведу его цѣликомъ: „Возможно полное собраніе народныхъ пѣсенъ составляетъ одну изъ существенныхъ потребностей нашей литературы. Извѣстно, что покойный П. В. К—ій посвятилъ нѣсколько лѣтъ жизни на собираніе и приготовленіе къ изданію этихъ драгоценныхъ памятниковъ русской поэзіи. Всѣ, кому случалось видѣть собраніе Кирѣвскаго, удивлялись полнотѣ и разнообразію его. (Обстоятельства³⁾), можетъ быть слишкомъ строгая отчетливость и, наконецъ, рановременная кончина собирателя, были причиною того, что пѣсни доселѣ не изданы. Нынѣ все собраніе, по завѣщанію покойнаго Кирѣвскаго, перешло къ брату его (по матери) *Василію Алексѣвичу Елагину*, живущему близъ г. Орла, въ селѣ Бунинѣ. Тамъ занимается разборомъ пѣсенъ и приготовленіемъ ихъ къ изданію одинъ изъ усерднѣйшихъ помощниковъ Кирѣвскаго въ собираніи ихъ—*Павелъ Ивановичъ Якушкинъ*. Все собраніе простирается отъ 10 до 15 тысячъ. Однихъ историческихъ пѣсенъ, или былинъ, болѣе 200. Пѣсни свадебныя, въ числѣ 100, приготовлены совсѣмъ къ изданію самимъ Кирѣвскимъ⁴⁾. Кто сколько нибудь знакомъ съ приѣмами изданія народныхъ произведеній, тому извѣстно, какія трудности, часто неожиданныя, представляются въ этой работѣ. Есть однако надежда, что въ скоромъ времени пѣсни будутъ изданы. Покойный Кирѣвскій многимъ сообщалъ для просмотрѣнія свои тетради и листки. Они теперь необходимы для дополненій и провѣрокъ, а потому всѣ, у кого есть пѣсни Кирѣвскаго, приглашаются возвратить ихъ въ общее собраніе, адресуя посылки въ *Орелъ для доставленія въ село Бунино, Василію Алексѣвичу Елагину*.—Такое дѣло, какъ изданіе русскихъ пѣсенъ, конечно, должно встрѣтить общее сочувствіе людей просвѣщенныхъ“.

Вотъ, что т. о. представляло собраніе П. В. К—аго вскорѣ послѣ его смерти. Съ этого времени можно прослѣдить его судьбу до настоящаго времени.

¹⁾ П. П. Якушкинъ, знавшій хорошо собраніе еще при жизни П. В. К—аго, (Сочиненія, 466) говоритъ: „При самой передачѣ мнѣ пѣсенъ В. А. Елагинымъ, я замѣтилъ страшный недочетъ въ бумагахъ: по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ стопъ бумаги, написанной пѣснями, не оказалось“. О пропажѣ тетради съ вариантами духовныхъ стиховъ (послѣ изд. 1848 г.) говоритъ и Безсоновъ (Калѣки, I, стр. IV).

²⁾ „Молва“ 1857 г., № 3.

³⁾ О нихъ ср. М. О. Гершензонъ, ук. с., XXIV.

⁴⁾ О нихъ см. ниже.

Но прежде любопытно выяснитъ, *какъ* составилось къ 1856 году такое обширное собраніе пѣсеннаго матеріала? Отчасти на это указанія далъ самъ П. И. К—ій, именно, въ предисловіи къ „Русскимъ народнымъ пѣснямъ“ ч. I: „Русскіе народные стихи“ (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн., 1848, кн. 9, стр. I—VIII). По этому предисловію, начало собиранію пѣсенъ было положено П. В. К—имъ въ 1830 г.¹⁾; но небольшое количество пѣсенъ, тогда собранныхъ, по непредвидѣнному случаю пропало; въ 1831 и 32 г. П. В. К. началъ собирать пѣсни опять, записывая ихъ съ голоса крестьянъ Московск. губ.²⁾; собраніе, повидимому, шло успѣшно, хотя К—ій и считалъ свое собраніе „бѣднымъ“ (стр. IV)³⁾. Въ 1834 г. съ этой цѣлью онъ совершилъ поѣздку по Новгородскому, Валдайскому, Демьянскому и Осташковскому уѣздамъ: собраніе значительно обогатилось⁴⁾; но всеже главную массу матеріала доставили не собственныя записи П. В. К—аго⁵⁾, а живое участіе въ дѣлѣ собиранія круга друзей и знакомыхъ, которые присылали П. В—чу и свои записи, и чужія: П. В. К—ій съ благодарностью вспоминаетъ, издавая въ 1848 г. свои „Русскіе народные стихи“, всѣхъ этихъ своихъ сотрудниковъ, точно, большей частью, указывая и мѣстность, откуда шли получаемыя имъ отъ нихъ пѣсни. Вотъ списокъ сотрудниковъ П. В. К—аго; онъ въ тоже время даетъ представленіе о составѣ собранія П. В. К—аго до изданія имъ „Народныхъ стиховъ“⁶⁾.

1) Семья *Языковыхъ* и ихъ родственники (Н. М., П. М., А. М., А. Н. Языковы, П. М. Бестужева, Ек. М. Хомякова, Д. А. Валуевъ) доставляли пѣсни главн. обр. изъ Симбирск. и Оренбург. губ.. Языковы были особенно усердными вкладчиками въ собраніе П. В. К—аго, какъ видно изъ указанія самого П. В—ча, отмѣтившаго, что, главнымъ образомъ благодаря усердію Языковыхъ, его собраніе стало значительнымъ и стало пользоваться извѣстностью (Предисл. 1848 г.).

1) Дѣйствительно, въ янв. 1830 г. П. В. К. благодаритъ М. А. Максимовича за присылку какихъ-то пѣсенъ (ср. Рус. Арх. 1905. V, 131, также статью М. О. Гершензона, стр. XIX). Повидимому, П. И. Якушкинъ даетъ не точное свѣдѣніе о началѣ собиранія пѣсенъ К—имъ, сообщая, что П. В. К—ій началъ записывать ихъ еще въ 20-хъ годахъ (Соч., стр. 462, или Библ. для чтенія, 1863 г.).

2) Преимущественно Звенигор. и Верейск. уѣздовъ, какъ видно изъ бумагъ П. В. К—аго.

3) Въ февралѣ 1832 г., по сообщенію Авдотьи Петровны Елагиной, К—ій уже готовитъ изданіе („издаетъ“) „собиранія пѣсенъ, какого ни въ одной землѣ не существовало, около 800 однихъ легендъ, т. е., стиховъ по ихнему“ (Уткинскій сборникъ (М. 1904), стр. 56, прим.). Конечно, это не много сравнительно съ тысячами, которыя остались послѣ К—го.

4) Здѣсь м. б. не обошлось безъ помощи М. П. Погодина (Дневники 1834. 7/VIII, 26 II; ср. П. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, IV, 218; X, 14). М. А. Максимовичъ въ 1834 г. (предисл. къ изд. пѣсенъ, IV) сообщаетъ, что у К—аго уже болѣе 1500 пѣсенъ.

5) Онъ самъ сообщаетъ, что онъ продолжалъ собираніе и послѣ этого времени, хотя многочисленные свои переезды уже не могъ совершать съ этою цѣлью (стр. IV). Въ 30-хъ гг. онъ совершилъ поѣздку въ Бѣлоруссію, по здѣсь занисей не производилъ, а лишь вошелъ въ сношенія съ нѣсколькими лицами, которыя доставляли ему пѣсни, между прочимъ, писанныя польскимъ шрифтомъ. Позднѣе перепиской ихъ русскимъ шрифтомъ подъ его руководствомъ занимался П. Безсоновъ (А. Н. Пыпинъ, Ист. этн., IV, 145). Въ собраніи П. В. К. такихъ пѣсенъ теперь почти не оказывается: есть 2—3 пѣсни, полученные отъ извѣстнаго З. Доленги-Ходаковского, 2—3 пѣсни свадебныя неизвѣстнаго происхожденія. Не остались ли онѣ въ распоряженіи П. Безсонова, издававшего какъ извѣстно, и бѣлорусскія пѣсни (Бѣлорусскія пѣсни, I, М. 1871, на орѣдства О. Л. Р. С.): онъ использовалъ „Бѣлорусскій архивъ матеріаловъ“ Кирѣвскаго для этого изданія (см. „Въ объясненіе къ изданію“, стр. X—XI; ср. Е. О. Карскаго, Бѣлоруссы, I (Варш. 1903), 246).

6) Предисловіе подписано 2 іюня 1848 года. Давая этотъ перечень главнымъ образомъ по предисловію Кирѣвскаго, попутно сообщая свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ касательно лицъ и доставленныхъ ими пѣсенъ.

2) А. С. Пушкинъ „еще въ самомъ почти началѣ предпріятія (т. е. въ началѣ 30-хъ гг.) доставилъ замѣчательную тетрадь пѣсень, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи“ (слова П. В. К—аго). По поводу этой присылки пѣсенъ А. С. Пушкинымъ у насъ есть и другія указанія, прежде всего самаго же П. В.—ча, именно, въ тетради со свадебными пѣснями, приготовленными имъ къ изданію въ 1838 г.¹⁾, при пѣснѣ № IV: „Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большою точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ точно, *гдѣ* именно. Вѣроятно, онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“. Объ этой же пушкинской тетради позднѣе упоминаетъ и Θ. И. Буслаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (М. 1897, стр. 213): Θ. И.—чь въ 40-хъ годахъ былъ въ Москвѣ у П. В. Кирѣевского, и въ разговорѣ о собраніи пѣсенъ П. В.—чь показалъ ему присланную Пушкинымъ тетрадь записанныхъ поэтомъ пѣсенъ: „Вотъ эту пачку“, сказалъ П. В.—чь, „далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „Когда нибудь отъ нечего дѣлать разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ“. И сколько ни старался я разгадать эту загадку,—продолжалъ Кирѣевскій—никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя“. Въ настоящее время этой тетради съ 50-ю записанными Пушкинымъ пѣснями въ собраніи Кирѣевского въ подлинникѣ не имѣется:²⁾ вѣроятно, какъ автографъ, она была кѣмъ либо во время мытарствъ, которымъ подвергалось собраніе К—аго послѣ его смерти, вынута и оказалась въ чьемъ либо собраніи автографовъ³⁾. Въ собраніи К—аго нашлись копіи съ этихъ пѣсенъ, одна—въ автографѣ. До сихъ поръ изъ этихъ пѣсенъ въ печати были извѣстны: 12 пѣсенъ, впервые изданныхъ В. Θ. Миллеромъ⁴⁾, 2 пѣсни, попавшія въ редактированныя П. А. Безсоновымъ „Пѣсни Кирѣевского“⁵⁾; 2 пѣсни напечатаны въ изданіи Лит. фонда (Морозова)⁶⁾; наконецъ одна пѣсня къ автографу⁷⁾ изъ собранія бумагъ Кирѣевского недавно впервые напечатана въ собр. соч. А. С. Пушкина⁸⁾. На дѣлѣ же, пѣсенъ, записанныхъ Пушкинымъ и переданныхъ П. В. К—ому, сохранилось больше: ниже, по бумагамъ П. В. К—аго, напечатано 34 свадебныя пѣсни и варьянтъ къ одной изъ

¹⁾ Это такъ называемая „1-я зеленая тетрадь“; о ней ниже.

²⁾ Тетрадь считается пропавшей; ср. Сочиненія А. С. Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, IV, 61; ср. „Пушкинъ и его современники“, IV (1906), 21.

³⁾ По собраннымъ мною, главнымъ образомъ отъ М. О. Гершензона, справкамъ, эти пѣсни попали въ собраніе г. Куриса, извѣстнаго любителя автографовъ (село Курисово-Покровское, Херсонск. губ.); по смерти владѣльца они были посланы Любовью Иван. Курисъ Л. Н. Майкову, собиравшему, какъ извѣстно, матеріалы для академич. изданія Пушкина, и съ собранными имъ автографами должны бы находиться въ И. Ак. П., но въ описаніи бумагъ Пушкина, переданныхъ въ Ак. Н. („Пушк. и его соврем.“, IV), этой тетради не числится: вѣроятно, пѣсни были возвращены Л. Н. Майковымъ владѣлицѣ. Провѣрить эти справки мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось до сихъ поръ.

⁴⁾ „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“, стр. 185; перепечатаны въ изд. Соч. А. С. Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, IV, 74.

⁵⁾ Вып. V, стр. 137 и X, 211; перепечатка у Венгерова, стр. 73.

⁶⁾ I, 372; перепечатаны у Венгерова, стр. 78.

⁷⁾ Это листъ въ 4^о (почт. бум.), *выданный* изъ какой-то тетради автографовъ Пушкина; повидимому, она не изъ числа тѣхъ 50, о которыхъ говорить П. В. К—.

⁸⁾ У Венгерова, стр. 76.

нихъ въ записяхъ А. С. Пушкина; такимъ образомъ, всего въ печати приведено въ извѣстность 40 изъ 50 пѣсенъ¹⁾.

3) А. Х. Востоковъ сообщилъ Кирѣевскому копію съ рукописи народныхъ стиховъ, хранящихся въ Рум. Муз.: очевидно, имѣется въ виду копія съ рукописи Музея № 408 (32^о, на 141 л., 1790 года): „Собраніе стихотвореній, воспѣваемыхъ слѣпцами на торжищахъ“²⁾.

4) Н. В. Гоголь, „сообщилъ тетрадь пѣсенъ собранныхъ, въ различныхъ мѣстахъ Россіи“. Какія именно пѣсни доставлялъ Н. В. Гоголь Кирѣевскому, вполне опредѣленно сказать трудно: Гоголь собиралъ, какъ извѣстно, и великорусскія и малорусскія пѣсни³⁾. Познакомился К—ій съ Гоголемъ при началѣ своей собирательской дѣятельности (лѣтомъ 1832 г. въ Москвѣ)⁴⁾; Гоголь, повидимому, очень заинтересовался работами Кирѣевского надъ пѣснями; такъ, упомянувъ о печатаніи пѣсенъ М. А. Максимовичемъ⁵⁾, Гоголь спрашиваетъ (очевидно, подъ вліяніемъ Погодина, все торопившаго медлительнаго П. В—а печатать свои пѣсни): „А Кирѣевскій, неужели онъ до сихъ поръ на ложѣ лѣни?“ (I, 250; къ Погодину, 1833 г. 8 мая). Его же, Погодина, въ 1834 г. Гоголь опять спрашиваетъ: „Правда ли что онъ (Кирѣевскій, т. е.) печатаетъ русскія пѣсни?“ (I, 245). А въ 1843 г. изъ Дюссельдорфа пишетъ онъ Н. М. Языкову, что „П. В. Кирѣевскій совершилъ свой великій подвигъ и послалъ пѣсни въ Петербургъ въ цензуру⁶⁾. Слава Богу! Есть, стало быть, надежда, что мы, лѣтъ черезъ десять (добавляетъ Гоголь не безъ ироніи) будемъ читать ихъ, разумѣется, если пропустить цензура и не помѣшаетъ недосугъ, котораго такъ много въ московской жизни“ (II, 352). Въ собраніи Кирѣевского нашлась, дѣйствительно, тетрадь пѣсенъ, числомъ 46, писанныхъ рукой Гоголя (за исключеніемъ двухъ пѣсенъ); но пѣсни эти лишь *малорусскія* (которыми, какъ и бѣлорусскими, менѣе интересовался П. В. К.). Сюда могли относиться, можетъ быть, тѣ „дѣтскія рацеи“, которыя (по указанію П. А. Безсонова) были записаны Н. В. Гоголемъ по памяти и вошли въ собраніе духовныхъ стиховъ, впоследствии использованное въ „Калѣкахъ Перехожихъ“⁷⁾. Другихъ пѣсенъ, которыя могли бы быть доставлены Гоголемъ, въ собраніи П. В. К—аго не нашлось.

1) Въ бумагахъ П. В. К—аго (см. ниже описаніе ихъ: группа IV) числится еще 7 неизданныхъ (не-свадебныхъ 6 и 1 свадебная) пѣсенъ, записанныхъ А. С. Пушкинымъ. Надо надѣяться, что при болѣе внимательномъ пересмотрѣ этихъ бумагъ, найдутся и еще недостающія три пѣсни.

2) См. А. Х. Востоковъ, Опис. рук. Рум. Муз. (Спб. 1842), 625 и сл.. Эти стихи напечатаны (вѣроятно, по копіи П. В. К—аго) П. А. Безсоновымъ въ „Калѣкахъ“ (см. №№ 8, 30, 41, 49, 72, 74, 225, 316, 332, 348, 367, 389, 519, 636).

3) Ср. Г. П. Георгіевскій, „Пѣсни, собранныя Гоголемъ“ („Памяти В. А. Жуковскаго и П. В. Гоголя“, вып. II, Спб. 1908).

4) Ему м. б. (въ письмѣ имени не указано) Гоголь шлетъ поклонъ въ письмѣ къ Погодину отъ 25 ноября этого года (Письма Гоголя, ред. Шенрока, I, 28).

5) Имѣется въ виду 2-е изданіе пѣсенъ М. А. Максимовича (1834).

6) Ссылка редактора писемъ В. И. Шенрока не точна: дѣло идетъ не объ „извѣстномъ многотомномъ сборникѣ нар. пѣсенъ“, а, конечно, лишь о духовныхъ стихахъ, дѣйствительно, вышедшихъ черезъ 5 лѣтъ, въ 1848 году.

7) См. „Калѣки“, IV. стр. 48 и сл. (№№ 270—274). В. И. Шенрокъ (Соч. Гоголя, изд. 10, VII, 393) въ одной изъ рукописей Гоголя, перешедшихъ въ Рум. Муз., призналъ „пѣсни, записанныя для сборника Кирѣевского“. Но это опять недоразумѣніе, какъ видно ясно изъ предисловія Г. П. Георгіевскаго къ ук. выше изданію: „Пѣсни, собр. Гоголемъ“.

5) *М. И. Погодинъ* былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ *П. В. К*—аго по собиранію пѣсенъ; онъ доставлялъ ему и имъ самимъ записанныя пѣсни, и добывалъ для него чужія записи¹⁾, усердно торопилъ аккуратнаго, педантичнаго, но потому и медлительнаго Кирѣвскаго приступить поскорѣе къ печатанію пѣсенъ; черезъ него получено было большое собраніе фонетически записанныхъ *П. И. Перевальскимъ* пѣсенъ Орловск. губ. въ 1836 г., собраніе *Д. Тиломирова*—Ряжск. у., также изъ Тверской губ.. Черезъ Погодина же, какъ центральную въ извѣстныхъ кругахъ Москвы личность, издателя „Москвитянина“, шли къ Кирѣвскому и другія пѣсни, напр., отъ *Дм. Орлова* въ 1853 г., отъ *П. В. Турина* въ 1837 г.²⁾, *П. А. Юренскаго*—изъ Нерчинска (1843—44 гг.), отъ адмирала *Кузьмищева* (сѣверныя истор. пѣсни) и др.. Самъ же Погодинъ, сколько можно услѣдить по бумагамъ *П. В. К*., доставилъ Кирѣвскому свои записи изъ Новосильск. (Тульск. губ.) и Дмитріевскаго (Орловск. губ.) уѣздовъ.

6) *И. М. Снегиревъ* доставлялъ пѣсни изъ Тверской и Костромской губ., принималъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ изданія, снабжая, напр., примѣчаніями первую приготовленную къ изданію Кирѣвскимъ тетрадь свадебныхъ пѣсенъ (1838 г.), цензоромъ которой ему пришлось быть.

7) *С. П. Шевыревъ* передавалъ записи пѣсенъ, отчасти дух. стиховъ, главн. обр. изъ Саратовской губ..

8) *В. М. Рожалинъ*—Орловск. губ..

9) *А. Н. Ноповъ*—Тульск. и Нижегород. губ..

10) *В. А. Трубниковъ*—Тамбовск. губ..

11) *Д. Н. Ознобишинъ*—Псковск. губ..

12) *А. О. Вельтманъ*—Калужск. губ..

13) *В. П. Даль* изъ Уральскаго края; имъ же доставлялись пѣсни изъ Арханг. губ.: черезъ него въ 1842 г. получилъ *П. В. К*. пѣсни изъ г. Мезени отъ г. Портового³⁾.

14) *Клементьевъ П. И.*—изъ Владимирск. губ..

15) *А. В. Кольцовъ*⁴⁾—изъ Воронежск. губ..

16) *Ю. П. Гудвиловичъ*—изъ Минской губ..

17) *С. А. Соболевскій* вообще былъ усерднымъ помощникомъ Кирѣвскаго и, какъ видно будетъ, принималъ живое участіе въ судьбѣ собранія *К*—аго; черезъ него же *К*—ій получилъ большое собраніе пѣсенъ и романсовъ, составленное извѣстнымъ библіографомъ *В. С. Сопиковымъ* по стариннымъ пѣсенникамъ⁵⁾.

18) Однимъ изъ виднѣйшихъ сотрудниковъ по собиранію пѣсенъ для *К*—аго былъ *П. И. Якушкинъ*. Еще будучи на четвертомъ курсѣ математи-

¹⁾ Такъ, въ 1841 г. *П. В. К*—ій при личномъ посѣщеніи „обобралъ у него, по словамъ Погодина, всѣ пѣсни“. *П. Барсуковъ, Погодинъ*, VI, 61 (Дневники: 1841 г. 9 янв.; ср. 12 марта).

²⁾ *П. В. Туринъ*, воспитанникъ казанск. университета, былъ учителемъ Тверской гимн. съ 1834 по 1840 г. См. Столѣтіе Тверской мужской гимназіи (Тверь 1904), стр. 152, 183.

³⁾ *М. Б.* здѣсь надо подразумѣвать небольшой сборникъ пѣсенъ, переданный *П. В. К*—ому, по словамъ самого Даля. См. *Пыпинъ*, Ист. Этн., I, 353.

⁴⁾ *А. Н. Кольцовъ*—въ „Предисловіи“ Кирѣвскаго: очевидно, опечатка.

⁵⁾ Это собраніе уцѣлѣло въ бумагахъ *К*—аго, но, повидимому, не безъ ущерба: сравнивая съ соответствующими пѣсенниками списки на листкахъ, перешедшіе къ *К*—ому, мы видимъ довольно большіе пропуски, которые могутъ быть объяснены только пропажей листковъ изъ собранія.

ческаго факультета (стало быть, въ 1843—1844 г.), Якушкинъ познакомился съ Кирѣевскимъ, и знакомство это опредѣлило всю послѣдующую дѣятельность П. И. Якушкина: онъ бросилъ университетъ и сталъ путешествовать пѣшкомъ, собирая матеріалы народнаго творчества: планы для его путешествій и средства для ихъ выполненія доставлялись П. В. Кирѣевскимъ; и уже къ 1848 г. (году изданія „Народныхъ стиховъ“) Якушкинъ успѣлъ собрать для Кирѣевского весьма значительное количество пѣсенъ по губерніямъ: Костромской, Тверской, Рязанской, Тульской, Калужской и Орловской ¹⁾. Кажется, и здѣсь не обошлось безъ помощи и вліянія М. П. Погодина: онъ, повидимому, давалъ указанія, которыми долженъ былъ руководиться Якушкинъ, собирая пѣсни; между прочимъ, Погодинъ, кажется, обратилъ вниманіе Якушкина на необходимость сохранять діалектическія особенности говора при записи: „онѣ могутъ, вмѣстѣ съ другими признаками, болѣе или менѣе существенными, содѣйствовать впослѣдствіи къ опредѣленію нарѣчій и поднарѣчій“; онъ же указывалъ, повидимому, и на необходимость соблюдать объективность въ собраніи матеріала и т. д. ²⁾ Дѣйствительно, записи П. И. Якушкина, сохранившіеся въ черновикахъ въ собраніи Кирѣевского, обращаютъ на себя вниманіе явнымъ стремленіемъ передать характерныя особенности говоровъ, если и не могутъ быть названы вполне діалектическими записями. Эта связь П. И. Якушкина съ П. В. Кирѣевскимъ и его собраніемъ не прекратилась даже по смерти собирателя, какъ это увидимъ далѣе ³⁾.

19) Изъ лицъ, доставлявшихъ Кирѣевскому пѣсни, хотя и въ небольшомъ количествѣ, можно назвать: П. А. Улыбышеву, Н. П. Кирѣевскую (жену И. В. Кирѣевского), Е. И. Попову, Д. А. Путилова, М. А. Стаховича, П. С. Савинича, М. А. Максимовича: этихъ лицъ перечисляетъ самъ П. В. К—ій въ своемъ „Предисловіи“. Этотъ списокъ именъ можетъ быть значительно дополненъ на основаніи наличнаго матеріала собранія; вѣроятно, часть этихъ лицъ не непосредственно доставляла пѣсни: получалъ ихъ Кирѣевскій черезъ людей болѣе близкихъ; часть же, вѣроятно, стали корреспондентами Кирѣевского послѣ 1848 г., такъ какъ Кирѣевскій продолжалъ собирать пѣсни до самой смерти. Такъ, въ числѣ лицъ, чьи записи попали въ собраніе П. В. К—аго, можно назвать: Вадима Пассека, Лихутину, А. Борисова (Шенкурскъ, 1844), кн. Н. А. Кострова (Орлов. губ.), А. М. Тургенева, П. Н. Вазилевскаго (Холмогоры, 1843), Н. Карнаухова (Пермской губ., 1844), П. Цурикова (Орл. губ.), Н. М. Макарова, Н. С. Селивановскаго (Вологод. губ.) А. Марковича (Тульск. губ., 1850), ⁴⁾ М. С. Муханова, Г. Миняева. (1838 г.), Д. Т. Воздвиженскаго (1838, Ряз. губ.), А. фонъ-Кремера (1838), В. П. Аскоченскаго ⁵⁾ и др.

¹⁾ По свидѣтельству С. В. Максимова (Соч. П. И. Якушкина, Спб. 1881, стр. VIII—IX).

²⁾ Погодинъ началъ даже писать для Якушкина инструкцію, но Якушкинъ спѣшно выѣхалъ изъ Москвы, и Погодинъ ее не успѣлъ кончить и вручить. Вѣроятно, словесно Погодинъ также наставлялъ молодого Якушкина. Инструкція нашлась въ бумагахъ Погодина. См. *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, X, 21 и сл. (о Якушкинѣ).

³⁾ О П. И. Якушкинѣ подробнѣе см. въ біограф. очеркѣ С. В. Максимова (Соч. П. Якушкина, Спб. 1881).

⁴⁾ Аф. Марковичъ былъ близокъ къ П. В. К., бывалъ у него, въ 1849 и 50 гг., оставилъ о немъ воспоминанія; см. Рус. Бесѣда, 1857, VI, 17 и сл.

⁵⁾ Послѣдніе двое пересылали А. А. Краевскому, какъ издателю Отечеств. Зап., свои записи, а Краевскій, вѣроятно, пересылалъ ихъ или прямо, или, скорѣе, черезъ Погодина Кирѣевскому.

Т. о. П. В. Кирѣвскій оказался центромъ, вокругъ котораго объединялось цѣлое общество собирателей народныхъ пѣсень, памятниковъ народной поэзіи. Въ числѣ сотрудниковъ П. В. К—аго мы видимъ почти всѣхъ выдающихся собирателей и изслѣдователей нашей народности въ 30—40-хъ годахъ: В. Пассека, П. М. Снегирева, В. И. Даля, С. П. Шевырева, М. П. Погодина, П. И. Якушкина, поэтовъ—Пушкина и Гоголя, внесившихъ какъ извѣстно, хотя бы и въ интересахъ развитія и углубленія своего творчества, такъ много въ исторію нашихъ понятій о народности, въ наше самосознаніе. Среди этихъ дѣятелей самому П. В. К—ому принадлежитъ, несомнѣнно, одно изъ первыхъ мѣстъ: онъ былъ первымъ—и по времени, и по ясности сознанія своихъ цѣлей—собирателемъ съ опредѣленной программой, съ вѣрными научными приемами. Если эти качества работы П. В. К—аго во многомъ обязаны его личнымъ свойствамъ, условіямъ среды, воспитанія, а м. б. и наслѣдственности¹⁾, то во всякомъ случаѣ это даетъ объясненіе тому, что идея изученія народности, какъ въ прошломъ, такъ и въ современномъ ему нашла въ К—мъ своего просвѣщеннаго, горячаго, талантливаго истолкователя. Но и въ общемъ въ этомъ увлеченіи К—аго изученіями народности нельзя не видѣть одного изъ яркихъ фактовъ, ознаменовавшихъ собою, эпоху съ конца 20-хъ гг. и до 50-хъ—фактъ изъ цѣлаго теченія въ русской общественной жизни. Иначе сказать: П. В. Кирѣвскій былъ крупнымъ выразителемъ того, что уже вошло или еще только входило въ русскую жизнь и, несмотря на тяжелыя условія тогдашней нашей общественной жизни, неуклонно развивалось и становилось общимъ сознаніемъ прогрессивной части русской интеллигенціи. Я имѣю въ виду ростъ нашего самосознанія, сознаніе необходимости національнаго самоопредѣленія, проведенія народности въ жизнь и въ литературу. Какъ правительство ни старалось употребить это настроеніе для своихъ реакціонно-бюрократическихъ вожделѣній того времени, выдвигая знаменитую формулу „официальной народности“, на сколько ему ни удавалось иногда внушить, привлечь къ этой формулѣ кое-кого изъ общественно-литературныхъ дѣятелей, все же проснувшееся самосознаніе не превратило идеи народности въ „официальную“: въ этомъ органически правильномъ, чуждомъ постороннихъ примѣсей официалаго характера теченіи, несомнѣнно, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ братьямъ Кирѣвскимъ, а въ попыткахъ дать реальное обоснованіе романтическому идеализму народности—Петру Васильевичу К—ому: его собраніе, научные приемы работы, ясное сознаніе своего общественнаго долга, глубина и широта изученія народности²⁾ если при жизни собирателя не нашли выраженія въ общественной прессѣ, то важное ихъ значеніе въ исторіи русской общественной мысли чувствовалось уже тѣми современниками, которые болѣе или менѣе близко подходили къ идеямъ Кирѣвскаго: въ этомъ сказалось не печатное, а живое вліяніе личности, ума, настроенія П. В. К—аго на общество: сознаніе, что П. В. дѣлаетъ великое, нужное дѣло, засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ современниковъ, хотя П. В. К—ому, въ силу тогдашняго режима, въ силу его личныхъ качествъ, почти не приходилось выступать въ печати.

¹⁾ Ср. М. О. Гершензонъ, Біографія П. В. К—аго, стр. IV—VI.

²⁾ Ср. воспоминанія А. Марковича въ Рус. Бес. 1857, VI. Ср. біографію П. К—скаго, стр. XXV и слѣд..

Кирѣвскій, какъ мы видѣли, самъ относилъ начало своего собранія къ 30-му году; въ 1831 году вновь начинаетъ онъ собирать: въ февралѣ слѣдующаго года у него уже до 800 духовныхъ стиховъ, и онъ собирается ихъ печатать. Эта быстрота собранія ясно показываетъ, какъ сочувственно отнеслись въ кругу интеллигенціи къ предпріятію К—аго: тутъ, повидимому, сыграла роль и личность К—аго, который уже при началѣ своего собранія считается лицомъ авторитетнымъ: такъ, кн. П. П. Вяземскій (хотя и позднѣе, но вѣрно, кажется) передаетъ этотъ взглядъ на задачи и ихъ выполнение у Кирѣвскаго: 18 февр. 1831 г. была свадьба А. С. Пушкина въ Москвѣ; на ней присутствовалъ и П. П. Вяземскій¹⁾. Въ гостиной Пушкина на одной изъ полочекъ нашелся томъ „Древнихъ российскихъ стихотвореній“ (1818); Пушкинъ въ разговорѣ обратилъ на него вниманіе гостей, при чемъ замѣтилъ, что, помимо Кирши, имѣется много чудныхъ поэтическихъ пѣсень, доселѣ не изданныхъ; при этомъ Пушкинъ добавилъ, что дѣло это находится въ надежныхъ рукахъ Петра Кирѣвскаго²⁾. Интересъ, который возбуждало дѣло Кирѣвскаго, мы видѣли и въ письмахъ Гоголя, въ дневникахъ Погодина. Эта слава Кирѣвскаго, какъ собирателя (отчасти, скромно, о ней говоритъ и самъ П. В. въ предисловіи къ изданію пѣсень 1848 г.)³⁾, сопровождаетъ его всю жизнь. Вотъ еще нѣсколько указаній: въ 1836 г. П. И. Шафарикъ горячо интересуется собраніемъ К—аго: „Что дѣлаетъ П. В. Кирѣвскій—спрашиваетъ онъ Погодина—съ своимъ собраніемъ русскихъ пѣсень? Ради Бога, не долженъ онъ болѣе откладывать. Время летитъ. Мы желаемъ воспользоваться этимъ сокровищемъ, пока живы. Если бы теперь, при сочиненіи моихъ „Древностей“ (т.-е. „Славянскихъ Древностей“—знаменитаго труда Шафарика) были бы у меня эти пѣсни, въ какомъ иномъ видѣ появились бы нѣкоторыя части ихъ?!“⁴⁾. Въ 1839 году первыми вопросами того же Шафарика пріѣхавшему въ Прагу Погодину было: „Ну, что пѣсни Кирѣвскаго? Что каталогъ Востокова⁵⁾?“ Въ некрологахъ Петра Васильевича дѣло собранія пѣсень всѣ считаютъ „подвигомъ“, „славнымъ памятникомъ“ П. В. К—аго; благодаря этому, дѣло, „имя К—аго знакомо всему образованному міру“ и т. д.⁶⁾.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы судить о томъ, какое значеніе имѣло въ глазахъ современниковъ дѣло жизни Кирѣвскаго; отсюда понятно, почему Кирѣвскій такъ успѣшно могъ увеличивать собраніе: онъ осуществлялъ мечты и идеалы не свои только, а цѣлой передовой группы образованнаго общества, группы, для которой изученіе народности, знакомство съ матеріаломъ, гдѣ таилась эта народность, были на первомъ планѣ ихъ собственной дѣятельности.

Чтобы яснѣе представить себѣ величину „подвига“ П. В. К—аго, не лишнимъ будетъ вспомнить, что такое представляло собой изученіе народности

¹⁾ Ему тогда было 11 лѣтъ, и онъ исполнялъ на свадьбѣ обязанности „мальчика съ иконой“.—Барсуковъ, Погодинъ, III, 250.

²⁾ Ibid. 251.

³⁾ Имя Н. М. Языкова „дало этому предпріятію извѣстность“. Чтенія О. П. и Др. 1848 г., № 3, стр. IV.

⁴⁾ Цит. по Барсукову, Погодинъ, IV, 422; ср. 423; ср. X, 24; ср. Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель, II (М. 1880), стр. 163.

⁵⁾ Ibid. V, 224. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ объ извѣстномъ „Описаніи рукописей Рум. Музея“, вышедшемъ позднѣе—въ 1842 г.

⁶⁾ См., напр., Русскую Бесѣду 1856 г., IV (въ концѣ книги).

и въ частности собираніе матеріала по народности до Кирѣвскаго, въ особен-ности въ великорусской части русскаго племени ¹⁾.

Съ конца XVIII в., когда стало пробуждаться болѣе или менѣе опредѣ-ленно самосознаніе въ русскомъ передовомъ обществѣ, стало оно все чаще и чаще находить себѣ выраженіе въ интересѣ къ народу и его изученію, въ интересѣ къ своему прошлому, но до 20-хъ годовъ XIX в. научнаго вполне отношенія къ изученіямъ народности не было; безсознательное стремленіе къ самоопредѣленію являлось дѣломъ преимущественно любопытства, сочувствія старинѣ и неяснаго чувства, вѣры, что и въ современной жизни низшихъ классовъ общества есть зерна родной старины; рядомъ съ собираніемъ и отчасти изданіемъ памятни-ковъ старины и матеріаловъ для изученія народнаго быта, мало руководимыми ясными научными приѣмами и сознательными задачами, рядомъ съ этимъ видимъ отношеніе къ старинѣ и народности идеалистическое, взгляды на нее то поэти-ческой, то утилитарно-поэтической, то (особенно послѣ эпохи 12-го года) патріо-тической, то наконецъ (эпоха 2-й половины царствованія Александра I) реакціонно-политической. Даже такіе крупные люди, какъ Пушкинъ и Гоголь, не чужды были взглядовъ на народную пѣсню, сказку, лишь какъ на средство, матеріалъ для своего творчества въ направленіи народности. Жуковскій въ 1816 году забо-тится о собираніи народныхъ пѣсень и преданій: онъ чувствуетъ ихъ важность, но заинтересовывается ими лишь по связи съ своимъ поэтическимъ замысломъ („Владимиръ“); онъ такъ и остается, не выбравшись на настоящій путь народ-ности, хотя на него постоянно толкали учителя его романтики. Пушкинъ, начавши свои изученія народности на югѣ Россіи, только въ Михайловскомъ (1824—25 гг.) выходитъ на настоящій путь, собирая подлинные памятники народнаго творчества, но всеже стремясь въ тоже время угадать, почувствовать, вдохновиться „народнымъ“ духомъ, чтобы перенести этотъ духъ въ свои творенія, и не становится присяж-ныхъ, научно работающимъ, систематическимъ изслѣдователемъ народности. Го-голь (который съ половины 20-хъ г.г. находился уже подъ воздѣйствіемъ опере-дившей въ этомъ отношеніи великорусскую малорусской народности) все еще до 30-хъ г.г. продолжаетъ „поэтически“ смотрѣть на народную пѣсню, хотя и собираетъ пѣсни, уже увлекаемый общимъ теченіемъ, главнымъ образомъ при-мѣрами своихъ земляковъ: кн. Цертелева, Бѣлозерскаго, Максимовича и др.. Одинъ изъ наиболѣе усердныхъ изслѣдователей идеи народности—Н. П. Надеждинъ,—начиная свой „Телескопъ“, свидѣтельствуетъ (1831 г.), что для насъ только еще „зачинается эра живой *народной* словесности“. Еще менѣе представляла сознатель-ности, слѣдовательно, тѣмъ менѣе и научной систематичности, издательская дѣя-тельность въ области народной словесности; послѣ „любительскихъ“ изданій Чул-кова, немного болѣе серьезныхъ изданій Новикова, мы видимъ попытки Прача (1790), Якубовича (1804), предисловія которыхъ къ ихъ изданіямъ показываютъ еще почти всякое отсутствіе научнаго интереса къ народной словесности: то, что они издають, имѣть въ ихъ глазахъ лишь прелесть новизны, пріятно патріоти-ческому чувству; готовы они даже извиняться за свою смѣлость, предлагая пу-бликѣ простонародную пѣсню. Но въ 1818 г. появляется научное изданіе Кирши

¹⁾ Подробнѣе см. А. Н. Пышина „Ист. рус. этногр.“, I, отдѣльныя главы (особенно вторая половина тома). Этими главами я и пользуюсь въ дальнѣйшемъ.

Данилова, сдѣланное Калайдовичемъ; оно было первымъ трудомъ, давшимъ толчокъ къ серіозному научному изученію нашей народности: не даромъ оно обратило на себя вниманіе Пушкина, а Кирѣевскій взглянулъ на него, какъ на матеріалъ для себя цѣнный¹⁾. Но это изданіе было пока единственнымъ и указало, что можно еще найти по части русской словесности народной въ нѣдрахъ самого народа. Такимъ образомъ, П. В. Кирѣевскій, если и имѣлъ предшественниковъ по изданію, то онъ не имѣлъ ихъ по собиранію, преслѣдующему научную цѣль, не имѣлъ почти предшественниковъ и по научной обработкѣ собираемаго матеріала. А потребность въ такой обработкѣ уже назрѣвала: нѣчто въ родѣ систематическаго изученія предпринимаетъ И. М. Снегиревъ въ концѣ 20-хъ годовъ²⁾: не даромъ онъ явился усерднымъ помощникомъ Кирѣевского, доставляя ему и матеріалы и снабжая пѣсни примѣчаніями³⁾. А В. И. Даль, уже ок. 1819 года въ своихъ странствованіяхъ въ качествѣ моряка и военного врача пользующійся всякимъ случаемъ, чтобы непосредственно познакомиться съ народной мыслью, языкомъ⁴⁾, уже при самомъ началѣ дѣятельности Кирѣевского выпускаетъ свои сказки (1833 г.): и онъ, какъ мы видѣли, числится въ ряду сотрудниковъ Кирѣевского, дѣлясь съ нимъ своими „уральскими“ пѣснями. Такимъ образомъ, появленіе систематически, научно ведущаго дѣла собиранія и разработки народной пѣсни П. В. К—аго было уже назрѣвшей потребностью науки; поэтому К—ій сразу и занялъ центральное положеніе среди собирателей и изслѣдователей: онъ первый ясно указалъ цѣль, ясно намѣтилъ путь къ ней, самъ являясь своего рода синтезомъ мыслей, бродившихъ въ обществѣ. Мысли эти зародились, развивались на почвѣ западнаго вліянія—романтизма, уже разлитаго въ русскомъ обществѣ; а Кирѣевскій, кромѣ того, что впиталъ въ себя все, что въ отношеніи народности могли дать отзвуки этого романтизма въ русской средѣ, въ русской обстановкѣ, работалъ непосредственно у самого источника: онъ ученикъ Шеллинга, Окена, Гёрреса⁵⁾—этихъ столповъ изученія народности; отсюда, надо полагать, у него та ясность и опредѣленность во взглядахъ на народность, какую тотчасъ увидали и современники: западные учителя, его собственное настроеніе, развитіе, вліяніе брата помогли ему сразу выступить съ цѣльной, продуманной системой, съ готовыми научными приѣмами: онъ, явившись въ средѣ мечущихся изъ стороны въ сторону единомышленниковъ, оказался сразу готовымъ работникомъ, опытнымъ, увѣреннымъ, несущимъ результаты глубокой, упорной внутренней работы въ видѣ готоваго плана, готовыхъ научныхъ приѣмовъ. Такой человекъ естественно и не могъ стать ничѣмъ инымъ, какъ фокусомъ, въ которомъ сосредоточилась мысль извѣстнаго направленія. И, дѣйствительно, съ начала 30-хъ г.г. мы уже видимъ цѣлое общество собирателей и изслѣдователей народной литературы: эта эпоха и начинается Кирѣевскимъ. Вскорѣ, еще при жизни Кирѣев-

¹⁾ См. мою статейку въ Р. Ф. В. 1911, I. „Къ исторіи сборника пѣсенъ Кирши Данилова“.

²⁾ Пыпинъ, ук. соч., I, 321—322.

³⁾ Кирѣевскій имѣлъ къ нимъ дѣло, когда въ 1838 г. приготовилъ къ печати первую сотню свадебныхъ пѣсенъ: въ тетради И. М. Снегиревъ, бывшій тогда цензоромъ, не только далъ необычайно быстро (черезъ день) разрѣшеніе печатать, но и внесъ въ примѣчанія К—аго свои прибавки.

⁴⁾ Ср. П. И. Мельниковъ „Влад. Пв. Даль“ (Критико-біограф. очеркъ, Спб. 1903), стр. XVII.

⁵⁾ Гёрресъ, между прочимъ, извѣстенъ, какъ одинъ изъ старѣйшихъ (рядомъ съ бр. Гриммами) собирателей произведеній народной словесности; см. его „Deutsche Volksbücher“ (Heidelberg, 1807).

скаго, мы видимъ уже цѣлыя три группы собирателей-ислѣдователей: первая, преимущественно собиравшая матеріалъ изъ устъ народа, въ современномъ его бытѣ искала чертъ „подлинной“ народности; къ ней относятся: Снегиревъ, Даль, Терещенко, Пассекъ, всѣ (кромѣ Терещенка)—сотрудники Кирѣвскаго; вторая группа—„ультрасловяне“, археологи, дальше другихъ стоявшіе отъ современности, жившіе болѣе или менѣе мечтами въ прошломъ, часто далекомъ прошломъ; это: Венелинъ, Морошкинъ, Савельевъ, Ростиславскій, Вельтманъ, Чертковъ; наконецъ третья, по времени старшая и державшаяся нѣсколько особнякомъ, группа этнографовъ—малоруссовъ: кн. Цертелевъ, М. А. Максимовичъ (наиболѣе широко смотрѣвшій на дѣло, а потому болѣе близкій къ К—ому), И. П. Срезневскій, О. М. Водянский, А. Метлинскій¹⁾.—Кирѣвскій примыкалъ, ясно, къ первой группѣ, группѣ наиболѣе глубоко изучавшихъ современный бытъ; хотя онъ много и глубоко изучалъ и старину²⁾, но его интересъ, дѣятельная любовь были въ современной жизни простого народа³⁾.

Что касается научныхъ взглядовъ П. В. К. на обработку матеріала народныхъ пѣсенъ и взглядовъ его на значеніе этого матеріала, а также методовъ этой разработки, то на всѣ эти вопросы можно въ значительной степени отвѣтить лишь предположительно. П. В.—чѣ, какъ извѣстно, медлителенъ, очень добросовѣстенъ, а дѣло представляется весьма сложнымъ и особенно для перваго работника въ новой области; поэтому онъ, по согласнымъ отзывамъ современниковъ⁴⁾, и не могъ до конца своей жизни окончательно, какъ бы хотѣлось, обработать свое собраніе, а потому и напечатать собранное; сюда же нельзя не присоединить его собственное сознаніе о не привычкѣ излагать письменно свои мысли, болѣе держа и разрабатывая ихъ въ головѣ⁵⁾, а также подозрительное отношеніе реакціонной эпохи къ научному труду. Если его общія воззрѣнія на народность и ея значеніе для человѣка съ трудомъ поддаются учету⁶⁾, то тѣмъ труднѣе выполнѣ формулировать его научные приемы, взгляды на отдѣльную специальную область — народную поэзію: немногое даетъ „Предисловіе“ къ духовнымъ стихамъ (1848), кое-что даетъ его собраніе, оставшееся въ далеко не обработанномъ и не полномъ видѣ, кое-что даютъ живые свидѣтели его труда, напр., Якушкинъ, Безсоновъ. Собравши все это, можно, думается, сдѣлать попытку представить себѣ воззрѣнія Кирѣвскаго и процессъ его обработки для печати народныхъ пѣсенъ, стекавшихся къ нему со всѣхъ концовъ Россіи⁷⁾. Что касается общаго воззрѣнія на народную пѣсню, то у Кирѣвскаго оно прежде всего историческое: народная пѣсня это старина: между народными пѣснями есть

¹⁾ Пыпинъ, ук. соч., I, 315.

²⁾ Ср. Воспоминанія Аф. Марковича, въ Рус. Бес. 1857 г., VI, 17.

³⁾ Ср. М. О. Гершензонъ, Біографія К—аго, стр. XXV и XXXI.

⁴⁾ См. особенно его некрологи, напр., Рус. Вѣстн. 1856. VI, ноябрь, кн. I, совр. лѣт., стр. 59; Молва 1857 г., № 3 (см. выше), Рус. Бесѣда 1856, VI (въ концѣ книги); ср. также Соч. П. И. Якушкина, стр. 462 и др.

⁵⁾ Гершензонъ, ук. ст., стр. XXIII.

⁶⁾ Ср. тамъ же, XXIX и сл..

⁷⁾ При изложеніи этихъ взглядовъ и методовъ придерживаюсь по возможности подлинныхъ словъ и выраженій самого П. В. К—аго, главн. обр. въ его предисловіи къ „Народнымъ стихамъ“ (1848).

особыя (историческія), носящія на себѣ печать глубокой старины; старина эта сохранена въ глуши, куда не достигало вліяніе города: тамъ до сихъ поръ пѣсни древнія, потому что носитель ихъ не отступилъ отъ старины даже въ мелкихъ подробностяхъ быта; поэтому тамъ пѣсня до сихъ поръ сливается съ обычаемъ крестьянина, съ его чувствомъ такъ же, какъ она выражала чувство его пращура. Народныхъ пѣсень до сихъ поръ существуетъ необъятное множество, очень разнообразное по содержанію и по напѣвамъ. Цѣнность ихъ по красотѣ, по важности для русскаго языка—фактъ общепризнанный уже въ русскомъ просвѣщенномъ обществѣ. Но въ тоже время многолѣтнія занятія пѣснями убѣждаютъ П. В. К—аго, что все, что составляетъ существенное достоинство ихъ характера, вся ихъ красота—также уже старина, и что старина эта уже не возрождается въ новыхъ себѣ подобныхъ отрасляхъ. Новыя пѣсни вытѣсняють прежнія; эти прежнія сохранились лишь въ глуши; вездѣ, гдѣ коснулось деревенскаго вліяніе городское, соразмѣрно съ этимъ вліяніемъ уродуется и характеръ пѣсни: вмѣсто прежней красоты и глубины чувства, встрѣчаете безобразіе нравственной порчи, выраженное въ бессмысленномъ смѣшеніи словъ, частью перепутанныхъ изъ старой пѣсни, частью вновь нестройно придуманныхъ, вмѣсто прежней благородной простоты—ужимистый характеръ сословія лакейскаго ¹⁾. Стало быть, признакомъ древности, подлинности пѣсни К—ій считаетъ ея стройность по формѣ, цѣльность ея характера по настроенію, по простотѣ выраженія чувства. Этихъ же принциповъ онъ держится при критикѣ текста пѣсни, какъ увидимъ ниже. Его интересуютъ среди народныхъ пѣсень *чистонародныя*: такъ называемые романсы и поддѣлки подъ народный ладъ въ собраніе не допускались; лишь небольшое количество *чистонародныхъ* ²⁾ пѣсень можетъ быть извлечено изъ печатныхъ старинныхъ пѣсенниковъ, „гдѣ эти пѣсни таились среди хлама авторскихъ романсовъ“ ³⁾. Ясно въ тоже время, что критеріемъ для К—аго для опредѣленія *чистонародной* пѣсни служили пѣсни, записанныя изъ устъ простого народа (что онъ и считаетъ достоинствомъ своего собранія) и изученіе ихъ характера: отсюда получилась та приблизительная характеристика признаковъ народной подлинной пѣсни, о чемъ сейчасъ шла рѣчь. Это чутье подлинной, не испорченной, цѣльной народной пѣсни выработалось у К—аго, конечно, подъ вліяніемъ того кропотливаго, добросовѣстнаго изученія текста пѣсень въ связи съ изученіемъ русской старины, которое и мѣшало ему опубликовывать свои работы, несмотря на все желаніе писать и печатать побольше. Глубокое *органическое* чувство связи своей съ прошлымъ русскаго народа, любовь къ этому прошлому

¹⁾ Образчикъ, иллюстрирующій мысль К—аго, данъ имъ въ его же собраніи; см. напечатанную у насъ подъ № 336 пѣсню, варіантъ 4-й; ср. также № 700.

²⁾ Курсивъ въ обоихъ случаяхъ самого К—аго.

³⁾ Собраніе (рукописное) П. В. К—аго показываетъ, что онъ очень внимательно отнесся и къ „Пѣсенникамъ“: обильный матеріалъ изъ нихъ принять имъ въ свое собраніе; но сравнительно съ общимъ количествомъ записей, собранныхъ К—имъ изъ народныхъ устъ (отъ 10 до 15 тыс., какъ мы знаемъ), нѣсколько сотъ пѣсень изъ пѣсенниковъ, дѣйствительно, можетъ быть сочтено „небольшимъ количествомъ“. Изъ пѣсенниковъ, особенно много давшихъ матеріала К—ому, слѣдуетъ назвать: 1) Веселую Эрату (1801 г.), 2) Глазуновскій пѣсенникъ (1819), 3) Гурьяновскій (1835) и др. Такимъ образомъ и въ отношеніи къ пѣсенникамъ П. В. К. былъ первымъ, оцѣнившимъ по достоинству ихъ научное значеніе для пониманія народной пѣсни.

(но не тенденціозное предпочтеніе его новому)¹⁾, воспитанныя романтическими вѣяніями, довершили цѣльность и глубину его взгляда на пѣсню и ея цѣнность для человѣка, поставившаго себѣ задачей постигнуть основныя свойства русскаго человѣка²⁾. Этотъ взглядъ опредѣлилъ собою методъ и отношеніе Кирѣвскаго къ пѣснѣ при ея обработкѣ: это не только добросовѣстное, но и любовное, а потому щепетильно бережливое отношеніе ко всякому слову, чуть не буквѣ пѣсни, идущей изъ народныхъ устъ и въ тоже время горячее желаніе видѣть въ ней плодъ чистонароднаго, цѣльнаго, не испорченнаго творчества. Признаніе этого и съ другой стороны сознаніе того, что это „уже старина“, не возражающаяся, „величественное дерево, еще полное силы и красоты, но уже срубленное, цвѣты и плоды коего еще благоухаютъ, но которое новыхъ отпрысковъ уже не даетъ, между тѣмъ какъ прежніе плоды уже на многихъ вѣтвяхъ преждевременно сохнутъ, листья и плоды обсыпаются, гложутъ подъ блѣдной зеленью паразитныхъ растений“³⁾, это заставляетъ К—аго, бережно, съ благоговѣніемъ относясь къ тому, что чистонароднаго въ пѣснѣ сохранено, дѣлать попытку возвратитъ этому „срубленному дереву“ въ полной мѣрѣ его красоту и силу, присущія ему до его паденія подъ топоромъ чужой, городской, международной культуры. Кирѣвскій это и дѣлаетъ, стараясь не обронить ни одной драгоцѣнной для него крупинки, ни одного листка со срубленнаго величественнаго, дорогаго дерева. Это—та обработка пѣсенъ къ печати, называемая „составленіемъ“ (Якушкинъ), „возсозданіемъ“ (онъ же) пѣсенъ, которая возбудила такую шумную полемику по смерти П. В. К—аго между двумя его поклонниками—П. И. Якушкинымъ и П. А. Безсоновымъ. Слѣды этого процесса выработки печатнаго текста пѣсни въ зачаткахъ (иначе и быть не могло при сложности работы и массѣ матеріала) можно еще наблюдать въ бумагахъ К—аго. П. И. Якушкинъ такъ опредѣлилъ „составленіе“ пѣсенъ Кирѣвскимъ: „подъ словомъ *составлять* надо разумѣть „возсоздавать“, т.-е., П. В. Кирѣвскій бралъ нѣсколько варьянтовъ одной и той же пѣсни и выбиралъ изъ каждаго варьянта тотъ стихъ, который казался ему лучше. При этомъ онъ указывалъ добросовѣстно именно тотъ варьянтъ, которымъ онъ пользовался“ (помѣщая, прибавимъ отъ себя, чтенія, не внесенныя въ „основной“ текстъ пѣсни, тутъ же подъ строкой)⁴⁾. П дѣлалъ онъ это, по словамъ П. И. Якушкина, такъ, „что никто не нашелъ не только стиха, но ни одного слова, которое бы показалось не народнымъ“ (ibid.). Эта картина обработки, дѣйствительно, предстаетъ передъ нами, если мы взглянемъ на приготовленный къ печати и процензурованный въ 1838 г. текстъ первой сотни свадебныхъ пѣсенъ⁵⁾. Эту картину можно дополнить нѣсколькими деталями: 1) при пѣснѣ, гдѣ нашлись варьянты, и гдѣ пѣсня возсоздана по этому методу, точно указаны вездѣ почти: а) всѣ тексты, изъ которыхъ она возсоздавалась, при чемъ первымъ отмѣченъ текстъ „принятый за основной“ (т.-е. показавшійся Кирѣвскому лучшимъ) и обозначающійся буквой А, послѣдующіе тексты также обозначены точно и отмѣчены слѣдующими буквами алфа-

1) Ср. Гершензонъ, ук. ст., стр. XXXI.

2) Ср. взглядъ Гоголя на пѣсню.

3) Предисловіе, III.

4) Соч. Якушкина, стр. 462.

5) Т. II. „первая зеленая тетрадь“.

вита: б) указано вездѣ, гдѣ можно, отъ кого полученъ текстъ основной; в) въ пѣснѣ проставлены на всѣхъ словахъ ударенія; г) правописаніе этого реконструированнаго текста приведено въ систему обычнаго литературнаго; однако, замѣны словъ народныхъ литературными нигдѣ нѣтъ; даже въ формахъ сохранены народныя и старинныя формы, гдѣ этого требовалъ размѣръ стиха. Рассматривая черновики (это или текстъ пѣсенъ, какъ онъ былъ доставленъ, или же переписанный на листочкахъ въ 8 д. л., съ которыхъ переписывались пѣсни въ тетрадь, долженствующую поступить въ цензуру и печать), можно услѣдить еще нѣкоторые приемы, которыми руководился П. В. К—ій, обрабатывая пѣсню: гдѣ въ черновики вмѣсто имени (большею частію жениха, невѣсты, отца, матери молодыхъ) стоитъ только указаніе („имя“, „отчество“, „N. N.“), тамъ Кирѣевскій вставлялъ отъ себя имена, по побужденіямъ исполнѣ понятнымъ: такъ, конечно, и пѣлась пѣсня; иногда же имена, на лицо стоящія въ черновикѣ, онъ замѣнялъ иными¹⁾; при этомъ въ рядѣ случаевъ можно подмѣтить и принципъ такой замѣны: вчитываясь въ пѣсню, Кирѣевскій старался установить для каждой размѣру стиха (слѣдомъ чего осталась или на поляхъ, или вверху пѣсни построенная схема изъ „долгихъ“ и „короткихъ“ слоговъ :—о) и, руководясь уже имъ, замѣнялъ имя, не укладывавшееся въ схему другимъ подходящимъ. Это же установленіе схемы (въ чистовомъ выражавшееся проставкой удареній на каждомъ словѣ) вело иногда и къ кое-какимъ (незначительнымъ, дѣлаемымъ съ большимъ чутьемъ и вкусомъ) поправкамъ въ записанномъ стихѣ: иногда стихъ, повторяющійся не разъ въ пѣснѣ, выправлялся по одному шаблону, повторяясь такимъ образомъ, примѣнительно къ признанному лучшимъ; иногда изъ одного стиха иутемъ повторенія отдѣльнаго выраженія дѣлалось два стиха: иногда (и это чаще) по ритмическимъ соображеніямъ приставлялась къ слову частица (напр. „то“, „отъ“), повторялся предлогъ, современная форма замѣнялась старинной или пѣсенной (добрыхъ—добрыхъ), или, рѣдко, обратно. Но все это дѣлалось очень осторожно, сравнительно рѣдко. Такимъ образомъ, ясно, что Кирѣевскій обрабатывая пѣсню дорожилъ всякой ея чертой и вносилъ мелкія измѣненія лишь въ случаѣ крайне необходимомъ, но его мнѣнію; давая реконструированную („сводную“, по Безсонову) пѣсню, онъ давалъ на лицо и весь матеріалъ этой реконструкціи: такимъ образомъ ни одна записанная изъ устъ народа пѣсня, ни ея отдѣльное выраженіе не пропадали. Одно, что оставалось не использованнымъ П. В. Кирѣевскимъ изъ его матеріаловъ, это—діалектныя особенности пѣсенъ: эти черты находимъ часто (хотя послѣдовательно нигдѣ не проведенными) въ его черновикахъ²⁾; подъ важнымъ значеніемъ народныхъ пѣсенъ для языка онъ подразумѣвалъ, повидимому, словарный матеріалъ, даваемый пѣснями: такъ смотрѣли на дѣло въ то время и Даль, и въ другихъ случаяхъ самъ Кирѣевскій, записывавшій и собиравшій интересныя слова, преимущественно мѣстныя, чуждыя литературной рѣчи (слѣды этого рода записей сохранились въ его бумагахъ). Конечно, отъ Кирѣевского въ его время

¹⁾ См. ниже въ изданіи: напр., №№ 307—309, 315, 317, 349 и др.

²⁾ Таковы, напр., прекрасныя записи Перевлѣскаго изъ Орловск. губ. съ любопытнымъ предисловіемъ, показывающимъ, что Перевлѣскій уже въ 1836 г. правильно судилъ о значеніи діалектн. особенностей языка для его исторіи. П. Погодинъ, какъ мы видѣли (инструкція Якушкину), цѣнилъ въ 40-хъ г.г. діалектологию, но придавалъ ей значеніе иное, второстепенное, судилъ о ней, какъ историкъ.

и нельзя было еще требовать яснаго и полнаго представленія о значеніи діалектических записей: это сознаніе явилось много позднѣе¹⁾.

Таковы, повидимому, были приемы обработки для печати пѣсенъ у П. В. Кирѣвскаго: несомнѣнно, это—уже не приемы „любителя“ народности, а приемы ученаго этнографа и историка литературы. Если отдѣльныя детали (вродѣ реконструированныхъ пѣсенъ, нормировки языка) должны быть признаны непригодными теперь, то не надо забывать времени, отдѣляющаго насъ отъ Кирѣвскаго, а также того, что далеко не всѣ и современныя намъ изданія памятниковъ народнаго творчества удовлетворяютъ всегда нашимъ требованіямъ. А по тому времени (конецъ 30-хъ годовъ) приемы Кирѣвскаго были громаднѣмъ шагомъ впередъ въ научномъ отношеніи къ памятникамъ народнаго творчества; а количество и разнообразіе собраннаго имъ матеріала сохраняютъ за Кирѣвскимъ, и до сихъ поръ, право на одно изъ почетныхъ мѣстъ среди собирателей.

Такова была дѣятельность П. В. К—аго—собирателя и изслѣдователя народной пѣсни. Указанныя выше причины—виной тому, что трудъ К—аго не былъ имъ завершенъ.

Но попытки издавать свое собраніе Кирѣвскій всетаки, несомнѣнно, дѣлалъ и притомъ съ довольно ранняго времени своего собиранія: такъ, уже въ 1832 г., когда у него, по словамъ Авд. Петровны Елагиной, было уже до 800 легендъ (см. выше, прим.), онъ собирался печатать собранное имъ, но по не извѣстной причинѣ дѣло не состоялось. Между тѣмъ собраніе его и его намѣренія приготовить пѣсни къ изданію сильно интригуютъ знакомыхъ и друзей: они, главнымъ образомъ, кажется, М. П. Погодинъ, не зная, какого рода трудъ задалъ себѣ П. В. К—ій при обработкѣ пѣсенъ, какъ онъ щепетильно, добросовѣстно относится къ своей задачѣ, желаютъ поскорѣе увидать собраніе въ печати²⁾, торопятъ, повидимому, „насѣдаютъ“ на методичнаго П. В. К—аго и отчасти, можетъ быть, не безъ нѣкотораго успѣха: такъ, М. А. Максимовичъ спрашиваетъ 18 февр. 1840 г. изъ Кіева Погодина: „Печатаетъ ли Петръ (т. е. П. В. К—ій) свои пѣсни?“ на что Погодинъ отвѣчаетъ: „Петръ купилъ бумаги на пѣсни, сговорился съ Степановымъ (типографомъ), а печатать не начинается“³⁾. Но Погодинъ здѣсь ошибся на половину: въ бумагахъ П. В. К—аго сохранились печатные пробные (по одной сторонѣ листка) оттиски набора свадебныхъ пѣсенъ изъ упомянутой „зеленой тетради“ 1838 года; въ числѣ ихъ—переданныя ему А. С. Пушкинымъ. Но..... на этомъ дѣло и остановилось: Кирѣвскій не перешелъ къ окончательному печатанію свадебныхъ пѣсенъ, а продолжалъ ихъ собирать и обрабатывать⁴⁾. И Погодинъ въ томъ же 1840 году не безъ досады пишетъ С. П.

¹⁾ Въ изданныхъ самимъ Кирѣвскимъ духовныхъ стихахъ (1848) методъ обработки пѣсни проведенъ какъ будто вполне не былъ; имъ, по свидѣтельству Безсонова, примѣненъ былъ только приемъ „сводки“ (Библіотека для чтенія, 1864 г.—Объясненіе на статью П. И. Якушкина, отд. отт., стр. 14; ср. Калѣки переходіе, I, стр. II—III). Но это объясняется тѣмъ, что это изданіе осталось не оконченнымъ (въ „Чтеніяхъ“ вышла только I-я часть): тетрадь, гдѣ были сгруппированы всѣ варьянты, готовые къ печати, напечатана не была и считалась затерянною, надо думать, еще при жизни П. В. К—аго (свидѣтельство Безсонова—ibid).

²⁾ Ихъ нетерпѣніе и интересъ мы видѣли въ письмахъ Гоголя, Шафарика и др.

³⁾ Барсуковъ, Погодинъ, II, 469. И ранѣе мысль издать свои пѣсни не оставляетъ К—аго, по свидѣтельству Снегирева (Дневники за 1834 г.—Рус. Арх. 1902, IX, 41).

⁴⁾ Слѣдомъ этой работы осталась вторая „зеленая тетрадь“, подобная первой.

Шевыреву по поводу „Москвитянина“: „Слушаю тебя и откладываю опять журналъ на годъ—ужь пятый. Смотри, чтобы не вышло съ нашими журналами тоже, что съ *пѣснями Кирѣвскаго*. Медленіе есть тоже болѣзнь...“¹⁾. Погодинъ однако не унялся въ своихъ стремленіяхъ поторопить Кирѣвскаго и дѣйствуетъ по своему—энергично и грубовато—прибѣгая къ печатному слову: въ 1841 г. П. И. Савваитовъ у него въ „Москвитянинѣ“ напечаталъ Вологодскія пѣсни; Погодинъ въ качествѣ редактора-издателя дѣлаетъ примѣчаніе: „Издатель „Москвитянина“ „въ тщетномъ доселѣ ожиданіи драгоцѣннаго собранія П. В. Кирѣвскаго, предпринимаетъ самъ изданіе народныхъ русскихъ пѣсень... Всякую медлительность въ этомъ дѣлѣ издатель „Москвитянина“ считаетъ преступленіемъ.... Разумѣется, онъ тотчасъ прекратитъ свое изданіе, если *удостоверится документально*, что г. Кирѣвскій начнетъ и поведетъ печатаніе скоро“²⁾. Но и это запугиванье не подѣйствовало на П. В—ча; онъ, повидимому, только, вмѣсто свадебныхъ, сталъ готовить къ печати то, что собирався пустить въ первую очередь еще въ 1832 г.—духовные стихи. Съ 1844 года начинаются его хлопоты о печатаніи духовныхъ стиховъ въ „Чтеніяхъ Общества Псторіи и Древностей“; хлопоты эти привели къ появленію въ свѣтъ не разъ уже упомянутаго изданія въ 1848 году—черезъ четыре года³⁾. Затѣмъ П. В—чъ опять замолкъ на долго: только въ 1852 г. онъ напечаталъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ (опять таки, повидимому, не безъ усилій со стороны Погодина, который, какъ извѣстно, принимаетъ въ изданіи дѣятельное участіе) 4 пѣсни съ небольшимъ, но любопытнымъ предисловіемъ⁴⁾; а затѣмъ уже въ годъ его кончины появились въ „Русской Бесѣдѣ“ (1856, I) 12 пѣсень изъ его собранія. Видимо, П. В—чъ уже отчаялся скоро выпустить въ свѣтъ свое собраніе, и эти послѣднія его публикаціи носятъ характеръ выраженія сочувствія хорошимъ начинаніямъ другихъ: цѣли изданія „Московского Сборника“ и „Русской Бесѣды“ были близки сердцу П. В—ча. Но и послѣ 1848 года онъ продолжалъ работать надъ своимъ собраніемъ, постоянно его пополняя: многія поступленія помѣчены, какъ мы видѣли, годами 1848-мъ и послѣдующими.

25 октября 1856 г. Петра Васильевича не стало. Наступила для его собранія, которое по общему признанію было крупнѣйшей его заслугой передъ обществомъ, пора мытарствъ, которая и до сихъ поръ еще не миновалась. Прослѣдить, хотя бы вкратцѣ, исторію собранія за эти годы не безынтересно.

Наслѣдникомъ по собранію пѣсень, какъ мы знаемъ изъ объявленія въ „Молвѣ“ (1857 г. № 3), оказался братъ П. В. по матери В. А. Елагинъ. Елагинъ, идя на встрѣчу общему желанію и завѣтной мечтѣ покойнаго, немедленно рѣшился приступить къ опубликованію собранія и тотчасъ же пригласилъ къ участію и выполненію изданія П. И. Якушкина, очевидно, какъ одного изъ главныхъ сотрудниковъ П. В. К—аго и человѣка, опытнаго въ обращеніи съ подобнымъ матеріаломъ: Якушкинъ, болѣе 10 лѣтъ работавшій вмѣстѣ съ Кирѣвскимъ, хорошо зналъ его собраніе. Якушкинъ удостовѣряетъ, что при самой передачѣ ему бумагъ В. А. Елагинымъ, онъ замѣтилъ въ собраніи уже недочеты⁵⁾; кромѣ того,

¹⁾ Рус. Арх. 1883 г., № 1; ср. Барсукова, Погодинъ, V, 488—9.

²⁾ Барсуковъ, тамъ же VI, 198—199; ср. X, 15.

³⁾ Подробнѣе см. у М. О. Гершензона, Біографія К—аго, стр. XXIV.

⁴⁾ Оно перепечатано Безсоновымъ при 1 вып. „Пѣсень Кирѣвскаго“, стр. IV—VI.

⁵⁾ Онъ опредѣляетъ его 2—3 стопами бумаги, исписанной пѣснями.

пропало много бумагъ изъ числа оставленныхъ П. В. К.—имъ въ Москвѣ¹⁾. Такимъ образомъ въ моментъ смерти П. В. К.—аго его собраніе уже не было цѣло. Наслѣдники и Якушкинъ отнесли къ собранію, очень внимательно: В. А. и Н. А. Елагины, М. А. Стаховичъ и П. И. Якушкинъ тотчасъ составили опись пѣснямъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ остались послѣ П. В.—ча, сдѣлали два экземпляра описи и скрѣпили ихъ своими подписями²⁾. По окончаніи изданія, собраніе рѣшено было передать или въ П. Публичную библіотеку, или въ Московскій университетъ. Якушкинъ взялся за дѣло энергично, приготовилъ къ изданію сперва историческія пѣсни собранія³⁾; изданіе было одобрено московскими учеными и друзьями П. В. К.—аго; готова окончательно была рукопись къ октябрю 1857 года⁴⁾. Но это изданіе въ свѣтъ не вышло, даже не было начато печатаніемъ, повидимому; а въ февралѣ 1860 года рукописи П. В. Кирѣвскаго были переданы для изданія Обществу Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ; передача состоялась черезъ посредство К. С. Аксакова отъ имени собственника ихъ В. А. Елагина⁵⁾. Почему состоялась эта перемѣна рѣшенія у В. А. Елагина, сказать не умѣемъ. Но фактъ тотъ, что у Якушкина, къ его великому и едва ли заслуженному огорченію, дѣло было отобрано: въ комиссію Общества для изданія пѣсенъ, тогда же составленную, вошли, кромѣ В. А. Елагина, друзья и помощники К.—аго: Аксаковъ К. С., П. А. Безсоновъ, В. И. Даль, С. А. Соболевскій, а сверхъ того Н. П. Гиляровъ-Платоновъ; но П. И. Якушкинъ не попалъ⁶⁾. Повидимому, нѣчто вродѣ соперничества между Якушкинымъ и Безсоновымъ имѣло здѣсь мѣсто. Изъ всѣхъ членовъ комиссіи наиболѣе близкимъ по занятіямъ и наиболѣе знакомымъ съ собраніемъ, а можетъ быть и наиболѣе опытнымъ въ изданіи пѣсенъ, оказался Безсоновъ, въ руки котораго фактически и перешло дѣло, а также и самое собраніе. Безсоновъ энергично взялся за дѣло, но понялъ мысли П. В. К.—аго по своему, по своему понялъ и методъ обработки пѣсенъ; въ результатъ получились извѣстныя изданія Общества Любителей Россійской Словесности подъ завѣдываніемъ Безсонова: „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣвскимъ“ (1860—1874), „Калѣнки переходящія“ (1861—1864), „Бѣлорусскія пѣсни“

1) Ср. выше объявленіе въ „Молвѣ“. Отчасти эти потери мы знаемъ: это были, между прочимъ, варианты къ духовнымъ стихамъ. П. А. Безсоновъ („Къ вопросу о собираніи и изданіи памяти народнаго пѣснотворчества“, 1896, стр. 71 отд. отт.), очевидно, по забывчивости указываетъ, что у К.—аго пропалъ одинъ изъ лучшихъ отдѣловъ его собранія, приготовленный къ печати, — „свадебный“: это, какъ видимъ, не правда.

2) Эта опись, къ сожалѣнію, въ бумагахъ П. В. К.—скаго теперь отсутствуетъ.

3) Судя по тому же объявленію въ „Молвѣ“, ихъ было въ собраніи было болѣе 200.

4) Все сказанное взято изъ сообщенія самого Якушкина при его полемикѣ къ Безсоновымъ въ Библіотекѣ для чтенія 1863 г.—См. Соч. Якушкина, стр. 462—463. Въ числѣ лицъ, одобившихъ трудъ Якушкина, былъ, кѣтати сказать, по словамъ Якушкина, и самъ П. А. Безсоновъ.

5) Вѣроятно, въ связи съ этимъ пожертвованіемъ стоитъ и избраніе В. А. Елагина въ члены Общества (23 марта того же года).

6) Выписка изъ протоколовъ Общества—27 февраля 1860 г., п. 2.—напечатана при I вып. „Пѣсенъ Кирѣвскаго“. Любопытно отмѣтить, что всѣ (кромѣ Якушкина, такъ и не попавшаго въ члены Общ. Л. Р. С.) эти лица выбраны заразъ (10 ноября 1858 г.) въ члены Общества (только В. И. Даль избранъ 4 марта слѣд. года). Можетъ быть, и это массовое избраніе стоитъ въ связи съ дѣломъ о подаркѣ Обществу пѣсенъ П. В. К.—аго? На періодъ между 1857 г. (октябрь) и 1860 (февр.) падаетъ, какъ разъ, дѣло о передачѣ Обществу бумагъ К.—аго.

(1871). Въ эти изданія вошли историческія пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, духовные стихи, поскольку они упѣлѣли¹⁾, бѣлорусскіе матеріалы; все это оказалось разбавленнымъ иными, собранными самимъ Безсоновымъ матеріалами, его добавленіями и неумѣренно многорѣчивыми, напыщенными разсужденіями. Такимъ образомъ, подъ руководствомъ Безсонова трудъ Кирѣевского, хотя и издавался якобы „по мысли его“, вышелъ далеко не въ подлинномъ его видѣ. И въ той долѣ собранія Кирѣевского, которая вошла въ трудъ П. А. Безсонова, не все было исчерпано, не все было принято во вниманіе: Безсоновъ преувеличилъ въ увлеченіи своей ролью редактора трудности изданія; онъ характеризовалъ собраніе Кирѣевского, какъ „кучу съ тысячею листовъ и сотнею тетрадей, большей частью разнородныхъ рукъ, гдѣ *только мы одни*, по памяти нашихъ бесѣдъ, въ состояніи отличить мѣста и лицъ, гдѣ и кѣмъ что либо записано“²⁾; собраніе и теперь далеко не такъ хаотично, какъ представлялъ его П. А. Безсоновъ; а изъ 1000 съ небольшимъ свадебныхъ пѣсенъ 900 слишкомъ могли быть опредѣлены на основаніи данныхъ либо самого Кирѣевского, либо его корреспондентовъ; тоже надо сказать и относительно историческихъ пѣсенъ.

Между тѣмъ судьба собранія опять измѣнилась въ концѣ 60-хъ г.г.³⁾. Собраніе Кирѣевского, помѣщавшееся въ „знакомомъ для всѣхъ желтомъ чемоданѣ“, въ которомъ и Безсоновъ возилъ его съ собой въ своихъ переѣздахъ, получило болѣе спокойное и надежное пристанище: С. А. Соболевскій сдѣлалъ для него „прекрасный шкафъ и помѣстилъ его уже въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ для храненія“⁴⁾. Передъ этимъ Безсоновъ (судя по позднѣйшему его сообщенію)⁵⁾ сгруппировалъ листки по содержанію, перенумеровалъ⁶⁾ вмѣстѣ съ Елагинымъ и Соболевскимъ и сдалъ Елагину и Соболевскому, а Соболевскій уже сдалъ А. Е. Викторову на храненіе въ Румянцовскій Музей. Собраніемъ продолжалъ пользоваться Безсоновъ, теперь уже давая росписки и возвращая взятые матеріалы обратно⁷⁾. Такъ было, по словамъ Безсонова, до 1878 года, когда онъ уѣхалъ въ Харьковъ. Такимъ образомъ съ 1879 года и до 1899 года, когда обратился къ этому собранію В. Ө. Миллеръ для своей юбилейной статьи о Пушкинѣ, собраніе П. В. К—аго никѣмъ не изучалось. Въ 1907 году Общество Любителей Россійской Словесности рѣшило продолжать изданіе бумагъ своего сочлена (съ 1834 года)⁸⁾ П. В. К—аго: разборъ этого собранія, выдѣленіе изъ него того, что

¹⁾ Помимо того, что были перепечатаны стихи изъ изд. 1848 г. (Чтенія), сюда вошли и рукописные матеріалы. Черновики ихъ сохранились въ бумагахъ К—аго. Можетъ быть сюда же вошли матеріалы изъ „пропавшей“ тетради съ вариантами?

²⁾ Пѣсни Кирѣевского, VIII, „Замѣтки“ (П. Безсонова), стр. L.

³⁾ Судя по указанію П. А. Безсонова, писанному въ 1870 г.; см. тамъ же, L.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Къ вопросу.... М. 1896, стр. 72.

⁶⁾ Нумерація, судя по почерку, не Безсоновская; ср. ниже.

⁷⁾ Одна изъ такихъ росписокъ (именно: на просьбѣ П. В. Калачова, предѣдателя Общества, выдавать П. А. Безсонову изъ Румянцовскаго Музея отдѣльныя пачки) сохранилась; здѣсь возвращаемое зачеркивалось; послѣдняя пачка осталась не зачеркнутой (не возвращена?). Просьба П. В. Калачова писана 18 ноября 1867 г., первая получка Безсонова была 29 декабря того же года, послѣднія (не отмѣченные, какъ возвращенныя) 1873 г. въ мартѣ и апрѣлѣ.

⁸⁾ Письмо секретаря Общества М. П. Погодина объ избраніи сохранилось въ бумагахъ П. В. К—аго (чернов. № 1711).

издано было Безсоновымъ, того, что относится къ этимъ изданіямъ, и того, что не относится къ пѣсенному матеріалу, привели къ убѣжденію, что въ собраніи П. В. К—аго, въ томъ его видѣ, какъ оно сейчасъ находится въ картонахъ въ шкапчикѣ С. А. Соболевскаго на храненіи въ Румянцовскомъ Музеѣ, остаются не изданными обрядовыя пѣсни (главнымъ образомъ свадебныя) и большое количество пѣсенъ лирическихъ.

Т. о. собраніе П. В. К—аго, т. е. та его часть, которая сохранилась въ Румянцовскомъ Музеѣ и послужила матеріаломъ для начатаго Обществомъ Л. Р. С. изданія въ настоящее время представляетъ слѣдующее.

I. Четыре картонныхъ папки съ листками въ 8 д. л.: здѣсь сгруппированы исключительно свадебныя пѣсни; это—копіи разныхъ рукъ (частью самого Кирѣевскаго) съ черновиковъ (листовъ и тетрадей) самого собранія; не ко всѣмъ, впрочемъ, пѣснямъ этой коллекціи найдены черновики въ собраніи; на листкахъ большей частью есть помѣты, поправки, замѣтки о мѣстностяхъ и лицахъ—все это рукой П. В. К—аго. Позднѣе листки этихъ папокъ были перенумерованы (Безсоновымъ? Елагинымъ?): оказалось по счету 839 пѣсенъ¹⁾.—Эта обработка предшествовала окончательной, какъ видно изъ сравненія текста пѣсенъ на листкахъ съ вошедшими изъ нихъ въ окончательную обработку (1838 г.—1-я зеленая тетрадь).

II. Двѣ „зеленыя тетради“; обѣ—въ форматѣ почтоваго листа большого формата. Первая вся писана на бѣло (можетъ быть, рукой писца); пѣсни, числомъ сто, свадебныя, окончательно приготовлены къ печати; нѣкоторыя пѣсни „составныя“ съ вариантами, всѣ перенумерованы римской цифрой, вездѣ (почти) проставлены ударенія, указано происхожденіе пѣсни. На тетради надпись: „Русскія Народныя пѣсни, изданныя П. Кирѣевскимъ. Часть 1-я. Пѣсни свадебныя“. Вверху также надпись: „№ 135. Поступила марта 4-го дня 1838 года“ (цензурная помѣта); на оборотѣ 1-го листа помѣта цензора и кавалера И. Снегирева: „Марта 5, 1838“. Въ текстѣ кое-гдѣ замѣтки И. М. Снегирева о пѣсняхъ. Въ концѣ тетради вложено нѣсколько листовъ того же типа; одинъ помѣченъ № 184-мъ. Въ этой тетради внесены кое-какія измѣненія позднѣе; напр., указанія на одинъ пѣсенникъ замѣнялись ссылкой на другой. Вторая „зеленая тетрадь“ того же формата на 141 листѣ; пѣсни обработаны такъ же, какъ и въ первой тетради, но не пронумерованы, не цензурованы, а самая обработка, повидимому, не закончена немного. На тетради помѣта чьей-то (Безсонова? Елагина?) руки: „Свадебныя. Другая половина, приготовленная самимъ П. В. Кирѣевскимъ“.

III. Листки и тетради—черновики, отчасти использованные въ четырехъ папкахъ (I), зеленыхъ тетрадяхъ (II), въ изданіяхъ П. А. Безсонова; здѣсь—преимущественно записи, доставлявшіяся П. В. К—ому, частью его собственныя; тутъ же кое-какія бумаги П. В. К—аго, оригиналы, списанные для печати П. А. Безсоновымъ, мелкій не пѣсенный матеріалъ и т. д. Все это заключено въ 22 картона²⁾ малаго (4^о) и большого (8^о) формата, обнимаетъ собой 3025 листовъ въ

¹⁾ На дѣлѣ меньше: есть повторно списанныя однѣ и тѣже пѣсни; кромѣ того, при счетѣ сдѣлана ошибка: послѣ № 659 прямо 670; въ результатѣ—пѣсенъ этой группы менѣе 800.

²⁾ По нумераціи 23, но картона 9-го нѣтъ.

тетрадахъ и отдѣльно¹⁾). Матеріаль часто перебитъ, отрывочень, писанъ часто карандашомъ.

Вотъ составъ этихъ 22-хъ картоновъ.

I. 1—2²⁾. „Горе-злосчастіе“ по рук. Кирши и записка Якубовича о сборникѣ Кирши³⁾.

3—9. Изъ Новиковскаго пѣсенника. (М. 1780).

10—11. Пѣсни Калужск. губ., Жиздр. у., села Плохина; свадебныя, всего 10 пѣсенъ; бумага съ водянымъ знакомъ 1832 года.

12—23. Записи Якушкина: Данковъ Ряз. губ. 19 апр. 1847 г.

24—25. Народныя пѣсни „Приволжскихъ губерній“; помѣта: „Остоженка, д. Валухова, г. Лихутинъ“.

46—51. Тотемск. у., Грязовецк. у. Вологодск. губ.

52—58. Напечатанное въ X вып. „Пѣсенъ Кирѣвскаго“.

59. Пѣсня, подготовленная къ печати; форматъ „зеленой тетради“, помѣчена № LXXIII.

II. 61—62. Свадебныя пѣсни Шенкурск. у. Арханг. губ. (дост. 1844 г. А. Борисовымъ).

63—71. Пѣсни Чердынскія; см. также № 1525.

72—83. Орловск. губ. с. Красное; дост. кн. А. Н. Костровымъ.

84—85. Переводъ на нѣмецкій языкъ „Голубиной книги“; автографъ П. В. Кирѣвскаго.

86—87. Оренб. губ., Уфимск. у., с. Новосѣлки.

87а—90. Симб. губ. и уѣзда, с. Языково.

91—94. Симбирск. губ., Сызранск. у., с. Репѣвка.

95—96. Оренбург. губ., Уфимск. у., с. Новосѣлки.

97—98. Оренбург. губ., Мензелинск. у., с. Дубрѣвка.

99—100. Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, с. Репѣвка, № 86—100; доставлены Языковыми; но самыхъ пѣсенъ нѣтъ: одни перечни пѣсенъ изъ этихъ мѣстъ.

101—105. Малограмотныя записи; на л. 104—105 помѣта: „Слободка“ (т. е. въ имѣніи П. В. К—аго).

III. 106—113. Орловск. губ. Малоарх. у.—„Пѣсни собранныя лѣтомъ 1843 г.“ (тетр. X); помѣчены: „дер. Татары“.

114—124. Арханг. губ.—Историч. пѣсни, дост. адмираломъ Кузмицевымъ.

125—128. Неизвѣстной мѣстности; бумага старая, ярославской фабрики.

129. Романсъ безграмотнаго письма.

130. Ржевская уличная пѣсня, безграмотнаго письма.

131—178; 179—183. Пѣсни малорусскія и великорусскія неизвѣстнаго происхожденія; одна (138) съ помѣтой: „Кавелинъ“.

184—185. Два романса, безграмотнаго письма, съ помѣтой: „1842 г. Февр. 17“.

186—191. безграмотныя записи; дост. А. М. Тургеневымъ.

¹⁾ Листы перемѣнены передъ началомъ настоящаго изданія А. В. Марковымъ—красными чернилами.

²⁾ № картона (римская цифра) и листа (арабская).

³⁾ О ней см. Рус. Фил. Вѣстн. 1911 г., кн. I.

- 192—193. Пять пѣсенъ разныхъ рукъ; безграмотнаго письма.
 194—197. Пѣсни съ помѣтой: „Кавелинъ“.
- IV. 198—215. „Пѣсни, употребляемыя въ Архангельск. губ.“; между ними (№ 11—67) свадебныя съ обрядомъ; доставилъ А. Базилевскій 1843 г., Холмогоры
 216—223. Шесть пѣсенъ дер. Андроновки, Лихвинскаго у..
 224—225. Нар. пѣсни Олонецк. губ. (выписаны изъ „Сѣв. Пчелы“ 1846 г. 20 іюня и изъ № 137 Олонецк. Губ. Вѣдомостей).
 226—231. Тульск. губ. Новосильск. уѣзда.
 232—233. Орловск. губ. гор. Дмитріевъ; обѣ группы дост. М. П. Погодинымъ.
 234—238. Чердынъ, записи Карнаухова; напеч. въ VII и X вып. „Пѣсенъ Кирѣвскаго“; ср. №№ 2267—2268.
- 239—242. Воронежскія; дост. В. И. Асоченскимъ изъ Житомира на имя А. А. Краевского (ред. Отеч. Зап.).
 243—244. Орловск. губ. Мценск. уѣзда, отъ Павла Цурикова—шесть пѣсенъ¹⁾.
 245—290. Малоарх. у. д. Сабурова (25-я), с. Успенское (26-я), Липовица, переходжи (71-я); надпись: „Народныя пѣсни. Первая сотня“. Всего однако 17 пѣсенъ.
- 291—299. Архангельской губ.: 9 свадебныхъ, 2 хороводныхъ, 1 плясовая; одна изъ нихъ напечатана въ Моск. сборн. 1852 г., I; дост. В. И. Далемъ.
- V. 300—382. Архангельск. губ. г. Мезень; 23—свадебныхъ; 6—круговыхъ, 58—вечериночныхъ, 34—уличныхъ; дост. черезъ В. И. Даля отъ г-на Портового (Архангельскъ, 1842 г., декабрь).
- 383—390. „Наговоры и повѣрья при празднованіи свадебъ у простолюдиновъ Костромской губ.“. Въ концѣ пѣсни.
- 391—392. Два романа, одна свадебная пѣсня—безграмотнаго письма, неизвѣстнаго происхожденія; ср. 129.
- 393—394. Три пѣсни (любовныя, уличныя) Ярославской губ., Пошехонск. у., села Саниково и Юротино.
- 395—396. Пѣсня, повидимому, съ печатнаго: помѣта: „23. стран. 120.“; бумага 1816 г.
397. Неприличная пѣсня; помѣта: „Якушкинъ“.
- 398—399. Три пѣсни; помѣта поздняя: „Тамбовская, получ. авг. 20“.
400. Сихотвореніе „Курганъ“ (А. Пирогова?).
- 401—424. Малорусскія пѣсни—автографъ Н. В. Гоголя (кромѣ двухъ изъ 46 пѣсенъ); на л. 402. запись: „Чиновникъ 9 класа Н. Гоголь“²⁾.
- 425—428. Свадебныя пѣсни и обрядъ, Моск. губ., Подольск. у., с. Дятлово.
 429—431. Свадебный обрядъ; отрывокъ той же рукой.
- VI. 432—440. Пѣсни съ 16-ой—30-ую; вошли въ IX и X вып. „П. К.“. Отъ А. М. Языкова.
- 441—447. Малорусскія пѣсни, числомъ 5.
- 448—518. Пѣсни на восьмушкахъ, переписанныя; по происхожденію не опредѣленныя.

¹⁾ Въ дополненіе къ ранѣ посланнымъ, которыхъ однако въ собраніи нѣтъ.

²⁾ О нихъ подробнѣе будетъ отдѣльно въ другомъ мѣстѣ.

- 519—520. Шесть пѣсенъ безграмотной записи; происхожденіе не указано.
- 521—554. Арханг. губ. Шенкурск. у.—40 пѣсенъ, дост. въ 1844 г. (А. Боровымъ? См. 61—62).
- 555—560. Рязанск. губ. Ряжск. у., десять пѣсенъ и загадки; дост. А. Н. Поповымъ 1838 г. янв. 3.
- 561—608. Орловск. губ., Мценск. у., с. Занкино, №№ 102—189, отъ П. И. Перевлѣскаго (чрезъ М. П. Погодина) 1836 г.; см. 1326.
609. Пѣсня, зап. въ г. Симбирскѣ.
610. Рязанск. губ., Ряжск. у.—одна пѣсня.
611. Пѣсня „Стопочки по столику“; помѣта: „Изъ старинной рукописи, принадлежащей г-ну Токареву“.
- 612—613. Казанск. у., д. Садиловой—3 „горемышныхъ“ пѣсни; Саратовск. губ. дер. Старый Кряжикъ—1 пѣсня.
- 614—617. Изъ Ж. Мин. Вн. Дѣль 1835 г., Авг., кн. 2, всего 4 пѣсни: Сибирскія и Костромскія.
618. Неграмотная запись: „Почто тебя молодчика“.
- 619—620. Новгородск. губ., Черепов. у., д. Завражье—4 пѣсни; запись П. В. К—аго.
621. Симб. губ. и у., с. Ундары—пѣсня: „Ты возпой, возпой, туча грозная“. VII. 622—625. Сказки; рука таже, что 429—431.
- 626—627. Пѣсни, рука таже.
628. Моск. губ., Подольск. у., с. Дятлова—свадебный обрядъ; см. 429—431.
- 629—630. Бѣлевскаго у. с. Спыхово (?), 4 пѣсни; см. 651.
631. Запись о Кудеяровскомъ кладѣ, Чернск. у., отъ Мценска 38 верстъ.
632. Пѣсни Тамбовскія, продолженіе; см. 701, 710.
- 633—637. Сборникъ загадокъ.
- 638—639—640. Загадки; рукой Якушкина: „Изъ тетради, посланной Аванасьеву“.
- 641—642. Неграмотная запись девяти пѣсенъ; см. 702—703, 645.
- 643—644. Хороводная пѣсня; дост. А. М. Тургеневъ.
645. Подблюдныя пѣсни; рука таже, что 641.
- 646—647. Пѣсни колядскія съ обрядомъ; бумага 1831 г.; издняя помѣта: „Казанскія“.
- 648—649. Двѣ свадебныя пѣсни, безъ обозначенія.
650. Неграмотная запись трехъ пѣсенъ; изъ нихъ двѣ свадебныхъ.
- 651—653. Тульск. губ., Бѣлевскаго у., д. Зиково—четыре пѣсни; ср. 657.
- 654—655. Изъ станицы Червленной на Терекѣ; дост. отъ А. Д.....ова(?).
656. Заголовки нѣсколькихъ былинъ.
657. Заголовокъ: „Пѣсни Тульск. губ., Бѣлевск. у., д. Зиково. 1840“.
- 658—664. Свадебныя пѣсни 13: 1 калужская, 1—тульская, 1—въ г. Калугѣ; одна въ Москвѣ; остальные безъ обозначенія; переписаны съ черновиковъ.
- 665—674. Пѣсни Тульск. губ., Бѣлевск. у., д. Зикова, 1840 г.—всѣ свадебныя; сюда—заголовокъ 657.
- 675—695. Коніи съ предъидущихъ.
- 696—697. Три неграмотной записи пѣсни.
- 698—699. Загадки, пословицы, стихъ объ Егоріи; рука Якушкина.

- 700—701. Пѣсни безграмотныя, Тамбов. губ. Козловск. у.; см. 632.
 602—703. Пѣсни безграмотныя; тутъ же загадки; см. 642.
 704—709. Колыбельныя пѣсни и замѣтка о нихъ; автографъ В. Пассека.
 710. Тамбовскія пѣсни и загадки; см. 632.
 711—718. Тамб. губ., Елатомск. у., с. Курмышъ—девять пѣсенъ.
 719—720. Четыре пѣсни и сказки; отъ М. Н. Макарова.
 721—730. „Пѣсни 1843 г.“, тетрадь II (№ XLIII—L); см. 106—113.
 731—750. Калужск. губ., Лихвинск. у., с. Андроновское, № 7—10, 13—23; № 11—12—Гремучій колодезь.
 751—758. Вологодскія пѣсни, девять; отъ Н. С. Селивановскаго; бумага 1833 года.
 759—764. Тульск. губ. Чернск. у.—22 пѣсни; отъ Аф. Марковича 1850 г..
 765—768. Тамбовск. губ. Козловск. у.; пѣсни уличныя; между ними двѣ свадебныхъ; конца тетрадки нѣтъ.
 769. „Пѣсни народныя“ „голосъ протяжной и унылой“; (м. проч. про Суворова)—изъ печатнаго Пѣсенника?
 VIII. 771—1081. Оригиналы напечатаннаго въ 1, 2, 3, 5 вып. „Пѣсенъ Кирѣвскаго“.
 X (IX нѣтъ) 1082—1084. Записи Якушкина, безъ обозначенія мѣстности.
 1085—1086. „Правила какъ писать“ (пѣсни); рука, неизвѣстно, чья.
 1087—1094. Рязанск. губ., Раненб. у., Дубовки; Тамбовск. губ., Козловск. у., Лопухино, (?); пѣсни и сказки; запись П. И. Якушкина 1847 г.
 1095—1098. Три малорусскія пѣсни.
 1099—1100. Двѣ пѣсни безъ приуроченія.
 1101—1108. Копіи пѣсенъ; помѣта: „Кавелинъ“.
 1108—1110. Моск. губ., Верейск. у., д. Клинь, пять пѣсенъ; рука таже, что 429—431, 628; поздней руки помѣта: „Кавелинъ“.
 1111—1115. Копіи четырехъ пѣсенъ безъ обозначеній.
 1116. Неграмотная запись; рука 642, 652.
 1117—1123. Перечень 56 пѣсенъ, доставленныхъ, кажется, Якушкинымъ (его подпись).
 1124.—1144. Копія съ предъидущаго.
 1145. Пѣсня: „На улицы воробушекъ“, безъ обозначенія.
 1146. Неграмотныя записи пѣсенъ; ср. 1116.
 1147. Какой-то денежный счетъ.
 1148—1154. Записи Якушкина, безъ точнаго обозначенія; помѣта рукой Кирѣвскаго: „тетрадь 3“.
 1155. Неграмотная запись пѣсенъ; ср. 1116.
 1156. Пѣсня изъ Вереи; дост. М. С. Мухановъ.
 1157—1158. Двѣ пѣсни безъ обозначенія.
 1159—1160. Тульск. губ., Бѣлевск. у., с. Зиково; одна пѣсня, другія 8 пѣсенъ иной рукой; ср. 622 и 651.
 1161—1166. Орловской губ., Малоарх. у., д. Сабурова. Запись Якушкина 1847 г..
 1167—1169. Пѣсни № 5—8 (отъ № 4 начало) безъ обозначенія.
 1170. Неграмотная запись; см. 701, 710 и т. д.

1171—1173. *Печатные* пробные листки со святочными и подблюдными пѣснями (стр. 76—80).

1174—1175. Три пѣсни безъ указаній.

XI. 1178. Пять пѣсень, повидимому, не народныхъ, съ помѣтой: „Саратовскія“.

1179. Счетъ изъ лавочки.

1180—1181. Оренб. губ., Бузулукск. у.—семь историческихъ пѣсень.

1182—1183. Рязанскія пѣсни, отъ А. Н. Попова.

1184—1187. Пустая бумага.

1188. Матеріалы для мѣстныхъ нарѣчій: нѣсколько словъ изъ Тульской губерніи.

1189. Тоже, изъ неизвѣстной мѣстности.

1190—1191. Двѣ пѣсни, повидимому, сѣверныя; помѣта: „Андрей изъ Липки“.

1192. Маршрутъ путешествія, съ цифрами (Якушкина?).

1193—1194. Уличныя пѣсни безъ обозначенія.

1195—1201. Тамб. губ., Козловск. у., с. Александровское—свадебный обрядъ съ пѣснями.

1202—1211. Обычаи, обряды, пѣсни, поговорки изъ Торопецкаго у.; отъ Ознобишина.

1212. Выписка о свадьбахъ изъ Моск. Унив. Извѣстій 1836 г. X, 187—188.

1213. Пѣсня, переписанная для изданія, безъ обозначенія.

1214. Свадебная пѣсня: „Друженька хорошенькой“; переписано для печати.

1215—1228. Симб. губ., Сызранск. у., с. У.....; отъ Дм. Орлова 1853 г. 16 дек.; переслана М. П. Погодину, а имъ проредактирована и черезъ В. А. Елагина передана П. В. К—ому.

XII. 1229—1234. Два письма къ Погодину съ пѣснями изъ Твери; отъ П. Турина. 1837 г. (октябрь).

1235. Пѣсня: „Какъ женился хмелекъ“, безъ обозначенія.

1236—1240. Пѣсни, за № 9—12, переписанныя; безъ указанія мѣстности; ср. 1167—1169.

1241—1242. Серпух. уѣзда, с. Солнушково и Тульск. губ., д. Телѣжники—двѣ пѣсни; запись П. В. Кирѣвскаго.

1243. Отрывокъ (начало) пѣсни, неизвѣстнаго происхожденія.

1244—1245. Московская пѣсня: „Подъ яблоней такой“.

1246. Три пѣсни, дост. отъ М. С. Марковича (?).

1248—1250. Шенкурскъ, двѣ свадебныя пѣсни.

1251—1262. „Пѣсни, запис. въ 1843 г.“ тетр. X (№ 20—34); см. 721—730, 106—113.

1263. Русская пѣсня, писанная латинск. буквами, изъ Гродненск. губ. Несвижск. у..

1264—1265. Двѣ пѣсни безъ обозначенія; ср. 1426—1435 (отъ А. М. Языкова).

1266—1279. 13 пѣсень неизв. мѣстностей; писаны безъ дѣленія на стихи; бумага 1823 г..

XIII. 1280—1302. Лихвинск. у., с. Андроновское, пѣсни № 56—72.

1303—1325. „Пѣсни, запис. въ 1843 г.“, тетр. I. (№ 1—33); ниже на заглавной страницѣ поздняя запись: „Малоарх. у. сельцо Савурово“; ср. 1161—1166; ср. 1251 и др.

1326—1376. Запись 1836 г. II. Перевлѣскаго; первая половина тетради (№ 1—101) и предисловіе; см. 561.

1377—1402. Орелъ: собраны пѣсни Якушкинымъ, записаны Г. Никитинымъ (?).

1403—1413. „Пѣсни, запис. въ 1843 г.“, тетр. IX (№ 9—19); см. 1303 и т. д.

1414—1423. Тоже, тетр. VIII (№ 1—8).

XIV. 1424—1425. Одиннадцать историч. пѣсенъ, сѣверныхъ; записаны А. Борисовымъ (Арханг. губ. Шенкурск. у. 1844 г.?); ср. 61—62.

1426—1435. Пѣсни (14), преимущ. историческія; писаны безъ дѣленія на стихи; отъ А. М. Языкова: ср. 1264—1265.

1436—1437. Двѣ пѣсни безъ указанія мѣста.

1438. Пѣсня: „Пріѣзжай ко мнѣ, милый, скорѣ“; безъ обозначенія мѣста.

1439. Тоже: „Ужъ вы, горы мои“.

1440. Четыре пѣсни (одна малорусская) неграмотнаго письма, безъ обозначенія; бумага старая, синяя.

1441—1442. Тоже: четыре пѣсни; иной руки.

1443—1445. Неграмотная запись — три пѣсни.

1446—1448. Костромскія двѣ пѣсни; для сравненія—указаніе: „Ж. М. Н. II. 1835. VIII“.

1449—1472. Лихвинск. у., с. Андроновское; пѣсни № 32—54; см. 1280—1302.

1473—1490. Малоарх. у., д. Темерязевка; № 1—34; отъ кн. Кострова.

1491. Семь пѣсенъ (сѣверныхъ, м. б., Ярославскихъ), безъ обозначенія.

1492—1495. Пѣсни, преим. историческія, восемь; отъ Г. Миняева, 25 іюля 1838 г..

1496—1503. Лихвинск. у., с. Андроновское; № 24—31; см. 1449; 1280.

1503—1509. Тоже; № 73—76; см. выше.

1510—1513. Переписанныя пѣсни, безъ указаній.

1515—1524. Свадебный обрядъ и пѣсни, безъ указанія мѣстности.

1525—1538. Чердынъ; пѣсни свадебныя; см. 63.

1539—1540. Пѣсня, переписанная для одной изъ „зеленыхъ тетрадей“.

1541. Пустая бумага.

1542—1543. Двѣ пѣсни изъ „Веселой Эраты“.

1545—1548. Семь пѣсенъ изъ Ярославск. губ..

1549—1554. Верейск. у. свадебныя пѣсни; запись самого П. В. К—аго 1844 г.

1555. Саратовская колыбельная пѣсня.

XV. 1556. Ерема и Оома; помѣта: „Кирѣвская Слободка, Никитушка“. 1557—1649. Историч. пѣсни, вошедшія въ VIII вып. „Пѣсенъ Кирѣвскаго“.

1650—1670. Шенкурск. у. историч. пѣсни, собранныя адм. Кузьминцевымъ; дост. М. Погодинымъ.

1671—1678. Пѣсни о Грозномъ; напеч. въ VI вып. „Пѣсенъ Кирѣвскаго“.

1679—1683. Матеріалы для того же VI выпуска.

- 1684—1685. Изъ „Пѣсенъ, запис. въ 1843 г.“ № 81—83, отрывокъ; см. 1403, 1414 и т. д.
- 1686—1687. Историч. пѣсни, запис. въ Симбирскѣ, 1838 г.; безъ начала; первая пѣсня помѣчена № 15.
- 1690—1703. „Историческія пѣсни, служащія дополненіемъ къ „Древне-русскимъ стихотвореніямъ“, собр. адм. Кузьмищевымъ; копія; см. 1650—1670.
1704. Былина о Суровцѣ; бумага 1832 г.
1705. Пѣсня: „Офицерикъ молодой“; записъ не грамотная.
- XVI. 1706—1710. Бѣлорусскія и малорусская пѣсни.
1711. Письмо Погодина (1834 г. ноября 24) объ избраніи П. В. К—аго въ члены О. Л. Р. С..
- 1712—1715. Шесть Орловскихъ пѣсенъ.
- 1716—1727. Симб. губ. и уѣзда, с. Архангельское—пѣсни за №№ 1—11 и 21—31.
- 1728—1731. Тульскія пѣсни—семь.
1732. Отрывки двухъ пѣсенъ (одна о Казани); дост. г-нъ Улыбышевъ.
- 1733—1736. Четыре пѣсни; одна не народная.
- 1737.—Пробный листокъ *печатный* (см. выше 1171); ср. 2314, 2315.
- 1738—1745. Повидимому, Орловск. губ., с. Пріятное, 11 пѣсенъ и рассказъ о необыкновенномъ случаѣ въ домѣ княгини Голицыной.
- 1746—1747. Тульск. губ., Бѣлевск. у., сельцо Иваново; три пѣсни и отрывокъ 4-й; ср. 622—627.
- 1748—1767. Ряз. губ., Рязск. у.; всего 23 пѣсни, частью безъ дѣленія на стихи, и перечень 7 пѣсенъ, не доставленныхъ: „онѣ слишкомъ фамиліарны“; доставилъ чрезъ Погодина Д. Тихомировъ.
- 1768—1769. Орловск. губ. Елецк. уѣзда и Каз. губ. Данковск. у.: пѣсни свадебная и двѣ святочныхъ; ср. 622.
- 1770—1771. Симбирскъ, три вѣшнія пѣсни; помѣта: „Анисья“,
- 1772—1777. Неграмотная записъ, на синей бумагѣ, безъ обозначенія.
- 1778—1781. „Веселыя“ (частью неприличныя) пѣсни; помѣта поздняя: „Новгородскія“.
- 1782—1784. Сказки; въ числѣ ихъ — Нижегород. губ., Княгининск. у., д. Сухѣвой; помѣта: „Кавелинъ“; ср. 1746, 622.
- 1785—1790. Калужск. губ., Бобровск. у., д. Богоявленія—десять пѣсенъ.
- 1791—1792. Пѣсни „на красную горку“—пять; помѣта позднѣе: „Рязанскія“; отъ Дм. Тих. Воздвиженскаго, 1838 г. іюля 13.
- XVII. 1706—2097 (счесть вторичный) — матеріаль для VI, VII, IX вып. „Пѣсенъ К.“.
- XVIII. 1793—2104. Тоже для X выпуска.
- XIX. 2105—2108. Десять пѣсенъ; помѣта: „Писано со словъ солдатъ Бутырскаго егерскаго полка“.
- 2109—2116. Пѣсни Арх. губ.—15; помѣта: „Крестьянскія пѣсни“.
- 2117—2124. Семнадцать пѣсенъ; происхожденіе не указано.
- 2125—2130. Кажется, изъ той же серіи.
- 2131—2136. „Уральскія“ пѣсни, числомъ 12 (№ 8 зачеркнутъ); бумага синяя; отъ В. И. Даля?

2137. Пѣсня: „Во лѣсахъ было, во дремучихъ ли“.

2138. Пѣсня „древняя“—листокъ синей бумаги.

2139. Отрывокъ; передѣланъ въ текстъ П. В. К—имъ.

2140—2145. „Русскія простонародныя пѣсни и свадебныя причеты“; тетрадь безъ конца, мѣстность не обозначена; судя по языку, пѣсни сѣверныя.

2146—2148. Запись (какой-то планъ): „Одиночество и горе“ (здѣсь одна пѣсня), „Русь бритая“ и т. п.; бумага 1832 г.

2149—2150. Два листка старыхъ записей; вырваны изъ тетради.

2151. Выписка изъ „Духа журналовъ“ 1816 г. № 3; тутъ же малорусская пѣсня.

2152. Выписка изъ оглавленія пѣсенника 1817 г.: „Самоучитель Кушелева-Дмитревскаго. Полная гитарная школа“; далѣе рядъ №№ (пѣсенъ, которыя предполагалось выписать?).

2153—2170. Листы съ пѣснями и помѣтами: „Быть семейный“ и т. п.; бумага „Pro patria 1814“ (Berens); съ печатнаго?

2171—2174. Былины; тетрадь безъ первыхъ шести листовъ.

2175—2176. Пѣсни записи П. В. К—аго 16 апр. (въ Воронкахъ?).

2177. Пѣсня, запис. въ Царскомъ селѣ 1847 г. 7 апр.; доставлена была А. А. Краевскому.

2178. Пѣсня: „Не вихрь по долинушкѣ“; напеч. у Терещенка (Быть русск. народа); но здѣсь списана съ оригинала, какъ указано.

2179—2190. Двѣнадцать пѣсенъ, преим. былевыхъ; помѣта: „Записаны въ селѣ Станишномъ А. М. Языковымъ“.

2191—2192. Неграмотная записъ; ср. 391—392.

2193—2199. „Пѣсни бесѣдныя“ (23, въ числѣ ихъ 7 свадебныхъ). Сенгил. уѣзда, Симб. губ., Ярыкла; записъ Языкова(?); бумага 1834 г.; дѣленія на стихи нѣтъ.

2200—2220. Старыя копіи, бумага 1789 г.; рука таже, что 2153—2170.

2221—2255. Пѣсни (м. б. Тульскія?) безъ дѣленія на стихи и обозначенія мѣста.

XX. 2256—2260. Ворон. губ. Бобровск. у.; записъ А. фонъ-Кремера; пересланы были А. А. Краевскому.

2261—2266. Ефремовск. у. с. Языково; записи Якушкина 1847 г. апр. 24.

2267—2279. Чердынъ; записи Н. Карнаухова, при письмѣ 1844 г. 25 февр.; всего 13 пѣсенъ; см. 1525, 63.

2280—2301. Малоарх. у. с. Колпна; всего 29 пѣсенъ и обрядъ свадебный; записъ Якушкина.

2302—2303. Пѣсня: „Строгалъ стружки доброй молодецъ“, безъ обозначенія.

2304—2313. „Пѣсни, собр. въ 1843 г.“, тетр. VI (№ 71—77); ср. 1303 и др.

2314—2315. Пробныя печатныя листки; см. 1737.

2316—2334. „Пѣсни, собр. въ 1843 г.“, тетр. IV (№ 51—59) и V (№ 60—70); см. 2304, 1303 и т. д.

2335—2350. Малоарханг. уѣзда; 31 пѣсня; записи Якушкина и кн. Кострова.

XXI. 2351—2421. Старыя копіи; пѣсни перенумерованы цифрами 2—69; см. 2200, 2153.

2422—2456. Изъ той же серіи; бумага 1832 г.

2457—2470. Записи А. М. Языкова въ с. Станишномъ; см. 2179—2190.

2471—2475. Два письма (въ томъ числѣ пѣсни) М. П. Погодину съ матеріалами изъ Нерчинска 1843 и 1844 г. отъ И. А. Юренскаго; частью, повидимому, напечатаны въ „Москвитянинѣ“ и „Моск. сборникѣ“, I).

2476—2503. Шестидесять пѣсенъ; запись: „А. М. Языковъ. 25 маія 1838 года. Головино“; бумага 1837 г..

XXII. 2558—2606. Матеріалы для IX вып. „Пѣс. К.“.

2607—2885. Тоже.

XXIII. 2286—3025. Духовные стихи, вошедшіе въ „Калѣки переходжіе“..

IV. Серія папокъ небольшого размѣра съ листиками въ 8 д. л., въ большинствѣ случаевъ переписанными (подобно первымъ 4-мъ папкамъ со свадебными пѣснями) разными руками; на пѣсняхъ также есть помѣты П. В. К—аго о происхожденіи пѣсенъ¹⁾, хотя далеко не всегда; есть среди этихъ листочковъ очень немного и черновиковъ. Пѣсни отчасти самимъ П. В. К—имъ, отчасти его наслѣдниками приводились въ порядокъ по содержанію, снабжены обложками по группамъ съ названіемъ рода пѣсенъ.

Пѣсни были перенумерованы давно (Якушкинымъ, Елагинымъ?) красными чернилами²⁾. Въ этихъ папкахъ, содержащихъ бытовую, въ частности лирическую, пѣсню (кое гдѣ, впрочемъ, и свадебную), отсутствуютъ листки, взятые Безсоновымъ для изданія „Пѣсенъ Кирѣвскаго“³⁾. Всѣхъ такихъ папокъ 15 (позднѣе онѣ перемѣнены: 5, 7, 7², 7³, 7⁴, 7⁵, 8, 9, 10а, 10в, 11а, 11в, 12, 13, 14, 15)⁴⁾. Нумерація пѣсенъ въ нихъ сквозная, начиная съ 1697 и кончая 5164⁵⁾.

Вотъ краткое содержаніе папокъ въ порядкѣ нумераціи.

Папка 7. № 1697—1897. }

Папка 7¹. № 1898—2074. }

Папка 7². № 2075—2300. }

Папка 7³. № 2301—2833. }

Папка 7⁵. № 2534—2732. }

Всѣ эти папки озаглавлены: „Баллады и Элегіи“.

Въ частности о содержаніи этихъ папокъ можно сказать слѣдующее: подъ № 1983 г.—оглавленіе „разгульных“ пѣсенъ; подъ № 1988 г. пѣсни: „Авдотья вдовина—По бережку ходила“, и № 2045: „Калина, малина! На заднѣмъ.... Подъ горою три солдатки“, записаны А. С. Пушкинымъ. Въ папкѣ 7³ большинство пѣсенъ писано (списано, переписано?) рукою П. В. К—аго; есть здѣсь также записи (не въ подлинникѣ) С. П. Шевырева (изъ Сарат. губ.). № 2406 (папка 7³)—пѣсня, записанная П. В. Кирѣвскимъ „отъ матери, которая еще въ

¹⁾ Часть этихъ пѣсенъ изъ печатныхъ пѣсенниковъ, въ числѣ ихъ, изъ „Жизни Ваньки Каина“ (изд. 1788); но много и старыхъ записей самого К—аго (напр., 1831—32 г. изъ с. Ильинскаго).

²⁾ Рука та же, что перемѣтила папочки со свадебными пѣснями.

³⁾ Это отмѣчалось рукой Безсонова на обложкахъ (внутри) отдѣльныхъ пачекъ.

⁴⁾ Есть еще одна папка помѣченная цифрами: 16—17, но безъ пѣсенъ; въ ней лишь листокъ съ росписками П. Безсонова, упомянутый выше.

⁵⁾ № 1—839 это—издаваемые теперь свадебныя пѣсни; №№ 840—1293 взяты были Безсоновымъ, но судя по распискѣ (см. выше) въ собраніе К—аго не вернулись; гдѣ находятся № 1294—1696, т. е. 400 пѣсенъ, не извѣстно.

дѣтствѣ слышала эту пѣсню отъ 80-лѣтней мамки, (родомъ мамка изъ Смоленской губ.)“. Папка 7³: ни одной пѣсни писанной рукой П. В. К—аго; нигдѣ нѣтъ указаній на происхожденіе пѣсенъ.

Папка 8 № 2733—2833. „Элегіи“; въ числѣ ихъ № 2772 (Уродился я несчастливъ, безталанный) и № 2756 (Я вечеръ, вечеръ, добрый молодецъ) отмѣчены, какъ записи А. С. Пушкина.

Папка 9. № 2834—2951. „Лакейскія и нехоропія“ (т. е. неприличныя); здѣсь № 2926—одна свадебная пѣсня, очевидно, какъ „нехорошая“, не попавшая въ папки свадебныхъ; но она записана А. С. Пушкинымъ. Вотъ эта вся пѣсня:

Свать, свать молодой!
Не бывать тебѣ у насъ,
Не ѣдать киселя!
Не бѣжать тебѣ лугомъ,
Не др.....ь тебѣ гужёмъ!

Папки 10а и 10в. № 2952—3579. „Баллады“; болѣе поздняя надпись (рука Безсонова): „Всякія безъ разбору“.

Папки 11а и 11в. № 3580—4137. „Свадебныя и другія, подобраны Якушкинымъ“; надпись выше (Безсонова?): „Разныя, не подобранныя“.

Папка 12. № 4138—4366: „Баллады и Элегіи“; вторая надпись: „Свадебныя, подобраны П. П. Якушкинымъ“.

Папка 13. № 4367—4543. „Романсы и Лакейскія“.

Папка 5. № 4544—4721. Здѣсь, между прочими (бытовыми) № 4568—4598 черновики изъ Тульск. губ., Бѣлевск. у., села Зикова¹⁾; въ числѣ ихъ три свадебныхъ²⁾.

Папка 15. № 4722—4923. Въ числѣ ихъ двѣ, записанныя А. С. Пушкинымъ (онѣ не занумерованы и лежатъ между пѣснями № 4776 и 4780): 1) „Ужъ какъ нонѣшніе люди,—Они молоды, лукавы“ и 2) „Долина, долинушка,—Раздолье широкое“. Въ этой папкѣ не всѣ пѣсни перемѣнены цифрой.

Папка 14. № 4924—5164; здѣсь также нумерація не послѣдовательна, не всѣ пѣсни перемѣнены.

V. Восемь переплетенныхъ тетрадей, представляющихъ оригиналъ текста (не полный) вып. 1—8 „Пѣсенъ Кирѣевского“: здѣсь среди писаннаго и переписаннаго Безсоновымъ вклеены и листки, вынутые изъ собранія П. В. К—аго, изъ папокъ серіи IV и отдѣльныхъ тетрадей³⁾.

Вотъ все, что мы имѣемъ изъ бумагъ собранія П. В. К—аго.

Этотъ перечень, если внимательно къ нему присмотрѣться, обратить вниманіе на ссылки приведеннаго описанія черновиковъ, опредѣляющія сходство отдѣльныхъ отрывковъ по письму, времени и мѣсту, позволитъ при болѣе детальномъ изученіи вскрыть и другіе источники собранія Кирѣевского, кромѣ указанныхъ, а извѣстные болѣе точно представить себѣ. Не производя теперь этой работы,

¹⁾ См. въ опис. свадебныхъ (III), № 651, 657; въ печ. изд. № 352—373.

²⁾ Какъ пропущенныя, печатаются въ дополненіяхъ къ выпуску.

³⁾ Ср. въ отд. III папки 17, 18.

укажу для примѣра нѣсколько случаевъ: такъ, обращаютъ на себя вниманіе тетради, озаглавленныя „Пѣсни, записанныя лѣтомъ 1843 года“, разсѣяанныя теперь въ разныхъ мѣстахъ собранія ¹⁾; этихъ тетрадей было, по крайней мѣрѣ, 11, писаны онѣ всѣ одной рукой: ясно, Кирѣевскій получилъ заразъ цѣлую коллекцію. Чья она? остается неизвѣстнымъ. Обращаетъ на себя вниманіе также группа (опять таки разсѣянная) старыхъ записей, писанныхъ на бумагахъ 1832 года ²⁾; рука ихъ — не Кирѣевского: опять указаніе на источникъ, остающійся неизвѣстнымъ; м. б. (судя по времени) это одна изъ раннихъ коллекцій, полученныхъ при вторичномъ собираніи пѣсенъ? Есть группа пѣсенъ, объединяемыхъ почеркомъ и однородностью старой бумаги (2153 — 2170, 2201 — 2219): не есть ли это остатки собранія Сопикова? Есть группа такъ названныхъ мною „неграмотныхъ записей“, писанныхъ опять-таки одной рукой: слѣдъ новаго еще источника? и т. д.

Такой полный разборъ всего собранія далъ бы, м. б., еще нѣсколько данныхъ для исторіи П. В. Кирѣевского. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ части этого собранія предстаетъ намъ въ настоящемъ перечнѣ, собраніе это должно поразить своимъ объемомъ и разнообразіемъ: однѣ свадебныя пѣсни идутъ изъ 15 губерній великорусскихъ, не включая сюда значительнаго числа пѣсенъ свадебныхъ же, не опредѣленныхъ по мѣстности, пѣсенъ, взятыхъ изъ ученыхъ изданій, изъ старинныхъ пѣсенниковъ; всѣхъ свадебныхъ пѣсенъ набралось болѣе тысячи. Далѣе идетъ громадное количество лирическихъ (бытовыхъ) пѣсенъ.

Что бы дало намъ это собраніе въ своемъ полномъ видѣ, пока оно еще не пострадало за 50 лѣтъ литературныхъ и не литературныхъ мытарствъ?

М. Сперанскій.

¹⁾ 1303—1325, 721—730, 2316—2325, 2326—2334, 2304—2313, 1684—1685, 1414—1423, 1403—1413, 1251—1262, 106—113. Пумера соотвѣтствуютъ указаннымъ въ группѣ III.

²⁾ 2146—2148, 2200—2220, 2351—2352, 1671—1672, 1704, и т.; д. см. ссылки. въ описаніи бумагъ.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ.

А. Свадебныя.

І. Архангельской губерніи.

а) г. Холмогоры.

1 *).

На угорышкѣ часовенька стояла,
Да стояла, стояла, стояла.
Черезъ рѣченьку черемушка лежала,
Да лежала, лежала, лежала.
Что никто по той черемушкѣ не пройдетъ,
Да не пройдетъ, не пройдетъ, не пройдетъ;
Двѣ ягодки переходятъ,
Переходятъ, переходятъ, переходятъ.
Двѣ наливныя переходятъ,
Переходятъ, переходятъ, переходятъ.
Еще Ѳедоръ Катерину переводить,
Переводить, переводить, переводить:
Ужъ ты, Катенька, не свалися,
Не свалися, не свалися, не свалися,
За сибирочку удержиися,
Задержиися, задержиися, задержиися.
Чтобы Катенька не упала,
Не упала, не упала, не упала,
Она къ Ѳедору въ семью попала,
Да попала, попала, попала.
Что въ эту семью торовату,
Торовату, торовату, торовату **),
Во природушку вожевату,
Вожевату, вожевату, вожевату ***).

*) Вечериночная; К—имъ отнесена къ свадебнымъ.

**) Тороватый—ласковый, обходительный, щедрый. *Прим. собирателя.*

***) Вожеватый—гостепріимный, любящий водить гостя, т. е. быть въ гостяхъ и къ себѣ гостей принимать. *Прим. соб.*

2.

Слѣдующая пѣсня поется подругами невесты отъ ея имени въ то время, когда онѣ гостятъ у нея, а также и въ тотъ день, когда назначено „смотрѣніе“ невесты, въ ожиданіи жениха съ его гостями и поѣзжанами. Подъ именемъ „поѣзжанъ“ разумѣются: отецъ, мать, свать, сватья, тысячкой, дружки и прочіе родные или знакомые жениху, которыхъ онѣ приглашаютъ съ собою въ домъ невесты на „смотрѣніе“.

Не кунà жалобилася
Что не черному соболю,
Не черному сибирскому:
Жалобилася, плакала
Что сестра брату милому,
Брату милому родимому,
Одинаку ясну соколу,
Николаю сударь Ѳедоровичу
Катерина сударь Ѳедоровна:
„Ужъ ты братецъ, ты братецъ мой,
Удалой добрый молодецъ!
Поступи-ко-ся, свѣтъ-родной,
По столовой новой горницы,
Что по свѣтлой-то свѣтлицы
До родителя батюшка,
Свѣтъ, до Ѳедора Ивановича,
До сударыни матушки
Да до Феклы Тихоновны.
Ужъ ты братецъ, ты братецъ мой,

Удалой доброй молодецъ!
 Унимай, разговаривай
 Милосердаго батюшка
 И сударыню матушку:
 Зачѣмъ рано раскручинились *)
 На меня молодешеньку,
 На мою буйну голову,
 На природну трубчатую косу,
 Дорогу да дѣвью красоту?
 Не кладу я судьбы, жалобы
 На родителя батюшка,
 На сударыню матушку;
 Я кладу судьбу, жалобу
 Что на сватью на большую,
 На лукавую, вилавую,
 На змѣю семиглавую,
 Семиглаву, семихвостую:
 Какъ ходила подхаживала
 Не путемъ, не дорогою,
 А все улками, заулками,
 Всѣ тропами собачьими;
 Всѣ ходила почастѣшеньку,
 Говорила помалѣшеньку,
 Говорила, все обманывала,
 Чужу сторону нахваливала:
 „Какъ чужая дальняя сторона
 Она сахаромъ насыпаная,
 Она медомъ поливаная,
 Виноградомъ гороженая,
 Да тафтою покрываная“.
 Я сама про то вѣдаю,
 Молода, догадалася,
 Что чужа дальняя сторона
 И чужа незнакомая
 Она горемъ насыпаная,
 И слезами поливаная,
 И тоскою покрываная,
 И печалью гороженая.

*) Разсердились. *Прим. соб.*

3.

Какъ только прїѣдетъ женихъ со своими
 побзжанами въ домъ невѣсты на „смотреѣніе“,
 тотчасъ невѣстины гости дѣвушки встрѣ-
 чаютъ его слѣдующими двумя пѣснями:

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря,
 Не отъ Божьей отъ милости
 Верея пошатилася,
 Ворота отворилися,
 Широки размахнулись.
 Не слыхала младешенька,

Какъ бояра на дворъ взѣхали,
 Съ широка двора въ новы сѣни,
 Съ новыхъ сѣней въ нову горницу;
 Ужъ я столько услышала,
 Ужъ я столько увидѣла,
 Какъ Григорій замель въ горницу,
 Свѣтъ Мосеевичъ во свѣтлицу;
 Тутъ и я испугалася,
 Тутъ и я перепалася,
 Прїодрогло ретиво сердце,
 Прїосмякло *) лицо бѣлое,
 Рѣзвы ножки подломилися,
 Бѣлы ручки опустилися,
 Изъ глазъ слезы прокатилися.
 Во слезахъ я слово молвила,
 Въ возрыданѣхъ рѣчь говорила:
 „Вотъ идетъ погубитель мой,
 Вотъ идетъ раззоритель мой,
 Вотъ идетъ *расплети-косу*,
 Вотъ идетъ *потеряй-красу*!“
 Тутъ спроговорить добрый молодецъ
 Да Григорій Мосеевичъ свѣтъ:
 — Ужъ ты глупа, красна дѣвица,
 Неразумна, дочь отецкая!
 Что не я—погубитель твой,
 Что не я—раззоритель твой;
 Погубитель-отъ—твой батюшка,
 Раззорительница—матушка,
Расплети-косу—сватьюшки,
Потеряй красу—друженьки,
 Что двѣ дружки хорошіе—
 Два удалыхъ добра молодца.

*) Отъ испуга переѣнилось, измѣнилось, опало.
Прим. соб.

4.

Не буйны вѣтры, не буйны вѣтры навѣяли,
 Незваны гости (2) наѣхали,
 Подломили (2) сѣни новыя,
 Подломили (2) съ переходами,
 Разступили (2) чару золотую,
 Выпустили (2) соловья изъ саду.
 Распачется, растужится Парасковьюшка,
 Распачется, растужится свѣтъ-Михайловна:
 „Мнѣ по вамъ, сѣни, (2) не хаживати,
 Мнѣ тобой, чара, (2) не поднашивати,
 Тебя, соловья, (2) не видати будетъ;
 Кто меня станеть (2) поутру будить,
 Поутру будить (2), рано развеселить?“
 Спроговорить, спромолвить Памфилъ-госпо-
 динъ,
 Спроговорить, спромолвить свѣтъ Ивано-
 вичъ:

— Не плачь, не тужи (2), Парасковьюшка,
Не плачь, не тужи (2), свѣтъ Михайловна!
Я тебѣ построю (2) сѣни новые,
Я тебѣ построю (2) съ переходами,
Я тебѣ солью (2) чару золотую;
Я у тебя (2)—соловей во саду,
Я у тебя (2)—молодой, зеленой;
Я тебя стану (2) поутру будить,
Поутру будить (2), рано развеселить.

5.

Во время „смотрѣнія“ дѣвицы поютъ разныя пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ онѣ припѣваютъ всѣхъ гостей по порядку, начиная съ жениха, и кому споютъ пѣсню, или кого припоютъ въ пѣснѣ, тотъ долженъ заплатить за это дѣвицамъ деньги. Такихъ пѣсень здѣсь очень много. Лучшія пѣсни по содержанию поются такимъ гостямъ, отъ которыхъ бы можно было получить за работу побольше денегъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень:

Отъ имени невесты жениху.

Полечкомъ, полечкомъ
Уторена дорожка конечкомъ,
Уѣзжана широка поступчивымъ.
Кто эту дорожку уторилъ,
Кто эту широку уѣздилъ?
Уторилъ дорожку Памфилъ-господинъ,
Уѣздилъ широку свѣтъ-Ивановичъ,
А всѣ ходючи къ Парасковѣ своей,
А всѣ ходючи къ Михайловнѣ,
А все носючи да гостинцы:
Первый гостинецъ — да ѣзюмецъ,
Другой гостинецъ — да пряничекъ,
Третій гостинецъ — да бѣлъ сахаръ,
Четвертый подарокъ — самъ на дворъ.
Не тесанъ теремъ да нѣ скоблень,
Только хорошо да раскрашень
Всякими красками да разноцвѣтными.
Не ученъ Памфилъ да нѣ школень,
Только хорошо да снаряженъ.
Не шелкова ленточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Памфилъ передъ батюшкомъ челомъ бьетъ:
„Благослови, сударь-батюшка, жениться
На душѣ на красной дѣвицѣ,
На молодой Парасковѣ Михайловнѣ!“
Ай сборы, сборы Парасковьюшкины,
Ай сборы, сборы Михайловны!
Сбирала Парасковьюшка всѣхъ гостей,

Сбирала Михайловна всѣхъ своихъ,
Сѣдила подружекъ за свой столъ,
Сама садилася выше всѣхъ,
Клонила буйную голову ниже всѣхъ,
Думала крѣпкую думушку крѣпче всѣхъ:
„Подружки, голубушки вы мои!
Придумайте мнѣ да пригадайте,
Какъ будетъ называть люта свекра,
Какъ будетъ называть свекровушку,
Какъ будетъ называть деверьцевоу,
Какъ будетъ называть золовушекъ?
Мнѣ свекромъ называть — такъ бѣзчестно, —
Батюшкомъ называть не хочется.
Убавлю я спеси, гордости,
Прибавлю смиренства, кротости:
Назову люта свекра батюшкомъ,
Назову свекровушку матушкой,
Назову деверьцевоу братьями,
Назову золовушекъ сестрицами,
Назову Памфила-то душенькою,
Назову я Ивановича ягодою.

По окончаніи этой или другой пѣсни, женихъ даритъ дѣвушекъ-пѣвицъ деньгами. Но чаще бываетъ, что вмѣсто жениха деньги платятъ его дружки.

6.

Кому-либо изъ гостей женатыхъ.

У Васильева двора
Стоять трои ворота,
Дымно, дымно въ полѣ,
Чадно, чадно въ чистомъ.
У Ивановича
Трои широкіе;
И проч.
Что во первыя ворота
Да соколъ пролеталъ,
И проч.
Что во другія ворота
И другой пролеталъ,
И проч.
Что во третія ворота
Самъ Василій проѣзжалъ,
И проч.
Самъ Василій проѣзжалъ,
Какъ соколъ пролеталъ;
И проч.
Катерина-то его
Выходила на крыльцо,
И проч.

Свѣтъ Андреевна
На прекрасномъ стояла,
И проч.

Правой ножкой топнула,
Левой ручкой махнула:
И проч.

Воротись-ка, воротись,
Мой надёжа господинь!
И проч.

И тѣ радость скажу—
Тебѣ дочь рожу!
И проч.

Ужъ я для ради-то дочѣри
Ворочаюсь назадъ;
И проч.

Еще дочь-то у меня
Всегда гостюшка;
И проч.

Воспою, воскормлю
И замужь отдаю *).

И проч.

*) Последніе стихи въ варьянтѣ:
Я тѣ радость скажу —
Тебѣ сына рожу!
Дымно и проч...
Ужъ я для ради-то сына
Не ворочаюсь назадъ;
Дымно и пр.
Еще сынъ - отъ у меня
Всегда домашній гость
Дымно и пр.

7.

Во горницы столовой,
 столовой,
Во свѣтлыя пировой,
 пировой,
Стоять столы дубовы,
 дубовы.
На нихъ кóвры шелковы,
 шелковы.
На коврахъ чара золота,
 золота,
Полна меду налита,
 налита.
Кто эту чару наливалъ,
 наливалъ?
Кто золотую дополнялъ,
 дополнялъ?
Наливалъ чару Иванъ господи́нь,
Иванъ господи́нь,
Непо́лнялъ чару Васи́льевичъ,
Васи́льевичъ.

По горницѣ поступаль,
поступаль,
До умныя доходилъ,
доходилъ,
До разумныя доносилъ,
доносилъ,
Аграфѣнушкѣ говорилъ,
говорилъ:
„Аграфенушка, другъ моя,
другъ мой!
Свѣтъ Степановна, сердце мое,
сердце мое!
Прими чару отъ меня,
отъ меня,
Выпей чару всю до дна,
всю до дна.
Роди сына сокола,
сокола,
Большимъ ростомъ во меня,
во меня.
Бѣлымъ личкомъ во себя;
во себя!“

ПОТОМЪ ПОВТОРЯЕТСЯ ВСЕ СНОВА И ВМѢСТО
роди сына — ПОЕТСЯ:

„Роди дочерь бѣлую лебедь,
бѣлую лебедь,
Большимъ ростомъ во себя,
во себя,
Бѣлымъ личкомъ во меня,
во меня,
Очи — ясна сокола,
сокола,
Брови чорна соболя,
соболя!“

8*).

Много, много у сыра дуба,
Много, много у зеленого
Много витя и повитя,
Много листа зеленого,
Отростѣлья серебрянаго;
Только нѣтъ у сыра дуба,
Только нѣтъ у зеленого,
Нѣтъ жемчужныя маковки,
Позолоченой вершиночки.
Много, много у Марьюшки,
Много, много у Исаковны,
Много роду и племени,
Много всѣхъ честныхъ родителей,
Много милыхъ подруженекъ:
Снарядить младу есть кому,

Благословить младу некому.
Нѣтъ у нашей Марьюшки,

Нѣтъ родителя-батюшки,
Нѣтъ сударыни-матушки.

Пѣсни 1—8 записаны П. Н. Базилевскимъ въ 1843 г.

*) Пѣсня поется передъ тѣмъ временемъ, какъ надобно уже благословить невѣсту и отправить ее въ церковь къ вѣнцу; но въ такомъ только случаѣ, когда ее благословляютъ, за неимѣніемъ родителей, или родственники, или посторонніе. *Прим. соб.*

б) г. Мезень.

9 (1).

Долго, долго соколъ не бывалъ,
Еще долго, долго ясенъ не бывалъ.
Еще видно соколъ за горы улетѣлъ,
Еще видно ясенъ за высоки улетѣлъ;
Еще долго, долго Иванъ не бывалъ,
Какъ, сказали, Иванъ на царевѣ кабакѣ,
На царевѣ кабакѣ зелено вино пьетъ,
По полтинѣ, по рублю на винѣ пропиваетъ,
По алтыну, по грошу голяшамъ раздаваетъ.
Какъ теперича Иванъ противъ тестева
Противъ тещина высока терема. [двора,
Конь-то у него въ пятьсотъ рублей;
На конѣ-то уборъ въ полтретьяста рублей,
Уздила, стремена въ полтора ста рублей.
Въ правой рукѣ плѣточка шелковая,
Во лѣвой рукѣ копые въ пятьдесятъ рублей.
Онъ ткнулъ копыемъ въ широки ворота,
Онъ разнесъ ворота среди широка двора,
Среди широка двора, среди батюшкова,
Среди батюшкина, среди матушкина.
Еще по двору дворовы похаживали,
Нянюшки, мамушки погуливали.

10 (2).

По сѣничкамъ, сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ
Тутъ ходила, гуляла
Молодая боярыня молодого боярина.
Она на ручушкахъ носила
Два блюда серебряна,
На блюдицкахъ носила два яхонта червчата,
Двѣ домашнія запаны;
И сама она говорила во всю буйную голову:
„Ужъ вы, яхонты, яхонты,
Двѣ алмазныя запаны!
Полежите малѣшенько,
Покулъ я молодѣшенька,
Я схожу въ нову горницу
Къ своему другу милому,

Ко пріятелю сердечному;
Гдѣ сидитъ мой сердечный другъ
За столами за дубовыми,
Скатертями бердчатыми,
За кушаньемъ сахарнымъ
И за питьями разноливатными.
Онъ сидитъ, забавляется
И женой похвывается:
„У меня жена умная,
У меня жена разумная;
У ней походка павиная,
Тиха рѣчь лебединая;
Она ходитъ тихошенько,
Говоритъ по-малѣшеньку;
Брови — чернаго собола,
Очи — яснаго сокола.
Она взглянетъ — утѣшитъ меня,
Спромолвить — накормитъ меня“.

11 (3).

Во горницѣ во новой,
Во свѣтлой столовой
Стоять столы дубовы.
На столахъ ковры шелковы,
На коврахъ — чара золота,
Полна меду налита,
Полна сладкаго налита.
Еще кто эту чару наливалъ,
Кто златую дополнялъ?
Наливалъ Николай господинъ,
Наливалъ Николаевичъ сударь.
По горницѣ проходилъ,
По свѣтлой проступилъ;
До умной доходить,
До разумной доносить:
„Ужъ ты, Анна, другъ моя,
Ужъ ты, Петровна, сердце мое!
Прими чару отъ меня,
Выпей златую всю до дна.
Спороди сына-сокола,
Станомъ, ростомъ, другъ, въ меня,

Бѣлымъ лицомъ, другъ, въ себя:
Брови черны въ соболя,
Очи ясны въ сокола“.

12 (4).

Что на тихой на заводи
На тихой лебединой,
Что не павушка плавала,
Не павино перье ронила,
Не куна жалобилася
И не ясному соколу
И не черному соболу:
Жалобилася и плакалась
Сестра брату милому,
Брату милому, любимому,
Младу ясному соколу:
„Ужъ ты, братецъ, ты братецъ мой,
Удалой добрый молодецъ,
Пропусти, сударь, братецъ мой,
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ
До снарядна дубова стола,
До солнышка до краснаго,
До родителя батюшка,
До государыни матушки.
Попроси, сударь, братецъ мой,
Родителя батюшку.
Государыню матушку,
Зачѣмъ рано вскручинилася
На меня молодѣшеньку,
И на мою буйную голову,
И на драгу дѣвью красоту?
Во всей свѣтлой свѣтлицѣ
И столовой новой горницѣ
Всѣ подружки красуются,
Всѣ милы проклаждаются;
Одна я не красуюся
При своей дѣвѣй красотѣ“.
Какъ отвѣтъ держать братъ сестрѣ:
— Ты сестрица родимая,
Не клади судьбы-жалобы
На родителя батюшка
На государыню матушку.
Ты клади судьбы-жалобы
На злодѣйку сватью большую,
На большую лукавую,
Лукавую вилавую,
На змѣю семиглавую,
На вралью рѣдкозубую;
Какъ ходила сватья большая
Не путемъ, не дорогою—
Все тропами собачьими,
Хоботами змѣиными,

Въ день по утру ранѣшенько,
Въ ночью по позднему вечеру;
Она кланялась низѣшенько
Говорила по тихошеньку,
Она хвалила, нахваливала
Чужу дальнюю сторону,
Сторону незнакомую,
И богоданныхъ родителей:
Какъ чужа дальня сторона
Она медомъ поливана,
Виноградомъ насѣяна,
Черносливомъ горожена.
Не жила млада, не вѣдала,
Пожила—все спровѣдала
Про чужу дальну сторону
И про богоданныхъ родителей:
Богоданные родители
Не добры они, не ласковы;
Какъ чужа дальна сторона
Она тоскою насѣяна,
Слезами поливана,
Кручиной горожена.

13 (5).

У воротъ, у вереюшки,
У широкихъ, точёныхъ,
Точёныхъ, позолоченыхъ.
Не сами становились,
Становили плотнички-работнички,
Мастера корабельные,
Топоры литовскіе,
Стружечки заморскія.
У Николая то кудри,
У Николаевича русы,
Не сами завивались—
Завивала матушка.
Матушка сударыни:
Въ новой горницѣ сидѣла,
На колѣняхъ держала,
Тремя мылами мыла,
Частымъ гребнемъ чесала,
Приговоръ говорила:
„Ты расти, расти, чадо,
Рости, сынъ мой любезный!
Будь умѣнъ и разуменъ,
Будь таланливъ, счастливой.
Господамъ—прислужливой,
Госпожамъ—привѣтливый,
Ко дѣвицамъ—пригладенъ,
Ко невѣстамъ—счастливой“.

14 (6).

Дымно, дымно въ полѣ,
Чадно, чадно въ чистомѣ.
У Иванова двора
Были трой ворота,
У Ивановича трой широкія.
Въ первыя ворота
Соколы пролеталъ.
Во вторыя ворота
Скорой гонецъ прогналъ,
А въ третьи ворота
Иванъ проѣзжалъ,
Ивановичъ просвисталъ.
Анна-то его выходила на крыльцо,
Петровна на широкое,
Махала полотномъ,
Тонкимъ, бѣленькимъ платкомъ:
„Воротись, душа, назадъ,
Я тебѣ радость скажу:
Тебѣ сына рождѣ!“
— Я для сына своего
Не ворочаюсь назадъ:
Еще сынъ-то у меня
Завсегда будетъ при мнѣ.
Я для дочери своей
Ворочусь скоро назадъ:
Дочь-то у меня
Всегда гостыюшка въ дому.

15 (7).

Въ сентябрѣ, во первомъ мѣсяцѣ,
Во палатѣ бѣлокаменной,
Что на коврѣ красна золотая,
Что на стулѣ красна дерева,
На подушкѣ рыта бархата,
Противъ зеркала хрустального,
Противъ чистаго заморскаго
Иванъ чесалъ кудри,
Ивановичъ расчесывалъ,
На расчесъ кудри раскладывалъ,
Ко кудрямъ самъ приговаривалъ:
„Ужъ вы кудри, вы кудри мои,
Золоты кудри, серебряныя,
Черезъ волосъ позолочены!“
Аннѣ-то приказывалъ,
Петровну-то заставлялъ:
„Ужъ ты, Анна, завей мои кудри,
Ужъ ты, Петровна, завей мои кудри!“
— Не твоя я, сударь, служанка,
Не тебя я, сударь, слушаю:
Я слуга вѣрна батюшкина
Я надежна слуга матушкина,

Не твое пью и кушаю.
Я хочу,—тебѣ завью кудри,
Не хочу,—и не завью твои русы
Сквозь серебряно колечушко
Золотымъ веретѣшечкомъ.
Я твоя, сударь, служка,
Я тебя, сударь, слушаю:
Я завью тебѣ русы кудри
Сквозь серебряно колечушко,
Золотымъ веретѣшечкомъ
По едину русу волосу.

16 (8).

При мартѣ мѣсяцѣ,
При дѣвичьемъ вечерѣ
Всѣ дѣвицы веселы,
Души красныя радостны.
Едина не весела
Душа красная дѣвица,
Анна Петровна,
Дѣвица зарученная,
Княгиня первобрачная:
Вздремала, пріуснула,
Грозень сонъ видѣла,
Грозень сонъ немилостивой:
Со восточну сторону
Прилеталъ ясень соколъ,
Приносилъ злачень перстень,
Сѣлъ и палъ на окошечко,
На златую причаленку:
„Приголубь, голубушка,
Сокола залѣтнаго,
Молодца заѣзжаго,
Не съ инова города
Съ иноей улицы“.
— Я рада приголубити:
Боюсь батюшка,
Государыни-матушки,
Нѣги пренѣжныя.

17 (9).

Не павушка по дворику ходила,
Не павиное перыцо ронила:
Анна-то по горнищѣ ходила,
Петровна по свѣтлой гуляла.
Анна ко шкафу подходила,
Петровна замку говорила:
„Мой нѣмецкій замокъ, отомкнися,
Кипарисныя двери, ототпритесь!
Родна матушка моя, пробудися,

Ты судариня моя, проснися!
 Мнѣ не вѣкъ же у васъ вѣковати,
 Мнѣ не годъ же у васъ годовати:
 Одну ноченьку ночевати!
 Не знай: стоя мнѣ ее простояти,
 Не знай: сѣжа мнѣ ее просидѣти,
 Не знай: лежа мнѣ ее пролежати,
 Не знай: Богу мнѣ стать помолиться,
 Не знай: съ матушкой думу думати,
 Съ подружками рѣчи говорити?
 Ужъ я какъ же буду отставати
 Отъ родимой своей сторонки,
 Ужъ какъ же буду я приставати
 Къ чужой, дальней ко сторонкѣ?
 Ужъ какъ же буду взвеличати
 Я родителей своихъ богоданныхъ?
 Мнѣ свекра-то какъ будетъ звати,
 Какъ свекровушку называти?
 Какъ деверьщевъ почитати?
 Мнѣ Ивана будетъ звать другомъ:
 Другъ сердечный, другъ сердечный!“

18 (10).

Еще трубка изъ трубѣки вилась,
 Еще вывилась изъ трубѣки голубка,
 И стала голубка ворковати
 Она всяческиими голосами,
 Человѣческими словесами.
 Что садилась голубка на окошко,
 На серебряное обоконье:
 Еще Анна по горницѣ ходила,
 Она батюшкѣ жалобу приносить;
 У ней батюшка жалобу не примасть
 И въ сахарныя уста ее не цалуетъ
 И къ ретивому сердечушку не прижмаетъ.
 Еще Анна по горницѣ ходила
 Она Ивану Ивановичу жалобу приносить,
 У ней Иванъ Ивановичъ жалобу при-
 масть
 Ко ретивому сердечку прижмаетъ,
 И во сахарныя уста ее цалуетъ.

19 (11).

На горкѣ деревцо,
 Деревцо кипарисное
 Кѣнами обросло,
 Соболями расцвѣло.
 За то за деревцо
 Крылася, хоронилася
 Душа красная дѣвица,

Дѣвица зарученная,
 Княгиня первообрачная.
 Сама похвалялася
 Рѣчьми похвальными,
 Похвальбой великою,
 Красотой дѣвичьею:
 „Изъ-за эта деревца
 Никому меня не вывести
 Безъ ста, безъ другово,
 Безъ цѣлой тысячи“.
 У честной заутрени,
 Честной, ранней,
 Воскресенской
 Похвалялся князь молодой
 Рѣчьми похвальными
 Похвальбой великою,
 Красотой молодецкою:
 „Изъ-за эта деревца
 Единъ я выведу
 Безъ ста, безъ другово,
 Безъ цѣлой тысячи,
 Со единымъ тысяцкимъ,
 Со крестовымъ батюшкою,
 Съ двумя дружками храбрыми,
 Молодцами удалыми:
 Я дѣвицу за себя возьму,
 Душу красну за себя возьму.“

20 (12).

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ-за темнаго, дремучаго,
 Изъ-за горъ крутыхъ, высокихъ,
 Тутъ летитъ стадо сѣрыхъ гусей,
 Сѣрыхъ маленькихъ утицей;
 Что второе стадо лебедей.
 Отставала лебедушка
 Прочь отъ стада лебединаго;
 Приставала лебедушка
 Что ко стаду ко сѣрымъ гусямъ,
 Къ сѣрымъ, маленькимъ утицамъ,
 Замѣшалася лебедушка
 Что во стадѣ сѣрыхъ гусей,
 Сѣрыхъ маленькихъ утицей.
 Не умѣла лебедушка
 По мелкимъ ручьямъ плавати,
 По гусяному гикати.
 Еще начали сѣры гуси,
 Сѣры маленькія утицы
 Какъ бѣлую лебедь щипати,
 А бѣлая лебедь гикати
 Лебединымъ тонкимъ голосомъ:
 „Не щините вы, сѣры гуси,

Стры маленькія утицы!
 Не сама я къ вамъ залетала,
 Не своею охотою:
 Занесли вѣтры буйныя,
 Злы погодушки великія“.
 Отставала Аннушка
 Прочь отъ батюшка, отъ матушки,
 Прочь отъ братьицевъ, отъ сестрицей,
 Отъ велика рода племени,
 Отъ подружекъ полюбовныхъ,
 Отъ сосѣдокъ порядовныхъ.
 Не умѣла Аннушка
 Наголовушкѣ управити,
 Злой свекровушкѣ уладити.
 Еще начали чужи люди
 Аннушку журить, бранить.
 Аннушка стала плакати:
 „Не журите вы, чужи люди,
 И богоданные родители!
 Не сама я къ вамъ на дворъ пришла,
 Не своею я охотою:
 Что завѣзъ меня самъ молодѣ князь
 На своихъ да на добрыхъ коняхъ,
 На добрыхъ коняхъ, наступчивыхъ.“

21 (13).

Чья это нива, нива безъ огороды?
 Чей это теремъ, у терема верхъ не покрытъ?
 Чья это сѣни, сѣни безъ подволоки?
 Чья это шуба, шуба безъ поволоки?
 Чья это дѣти, дѣти безъ батюшка остались?
 Какъ вопроговоритъ, спромолвить
 (Имя и отчество вдовы), вдова бѣдная:
 „Это мои дѣти безъ батюшка остались“.

22 (14).

Кто у насъ во горницѣ холостъ, не женатъ?
 Холостъ не женатъ Иванъ господинъ.
 Время ему, ему женитися:
 Сужена его повыросла,
 Ряжена его нопереросла;
 Бѣлое бѣлье перебѣлено,
 Персидски платки принакуплены,
 Ленточки бантиками перевязаны,
 Бѣльемъ сундуки принакладены. [динъ:
 Вопроговорить, спромолвить Иванъ госпо-
 „Ужъ вы глупые люди, неразумные!
 Сужена моя не выросла,
 Ряжена не переросла,

Бѣлое бѣлье не набѣлено,
 Персидски платки не накуплены“.

23 (15).

Не соболю дыблетъ по улицѣ,
 Что не черной сибирской но широкой:
 Еще ходитъ, гуляетъ самъ младѣ князь;
 Онъ часто ко терему привертываетъ,
 Подъ оконечкомъ часто колотится,
 У Анны тайно выпрашиваетъ,
 У Петровны тайно вывѣдываетъ:
 „Неужели, Анна Петровна моя, да моя?“
 — Ужъ я право, сударь, не твоя, да не твоя,
 Ужъ я Божья, да Божья, да батюшкова;
 Ужъ я батюшка Петра Ивановича,
 Ужъ я матушки Татьяны Ивановны.

24 (16).

Сказали Иванъ-то не грозенъ,
 Ивановичъ не страшнѣ;
 Онъ грознѣ, страшнѣ и хорообрѣ.
 Онъ легошенько на конечка скакалъ,
 Хорообрѣшенько развѣзживалъ;
 Заѣзжалъ онъ ко тестю на дворъ,
 Ко тѣщѣ на новы сѣни,
 Онъ ко свѣстямъ въ нову горницу,
 Онъ ко дѣвицѣ за завѣсу,
 Онъ бралъ ей за правую руку,
 Прижималъ ей руку о руку,
 Изломалъ у ней злаченъ перстень
 Съ дорогою модной вставочкой,
 Со работою московскою,
 Съ позолотою ярославскою.
 Тутъ княгиня испугалася,
 Первобрачна перепалася:
 „Ужъ я какъ же скажу батюшкѣ,
 Какъ же солгу матушкѣ?“
 — Ужъ ты такъ скажи батюшкѣ,
 Ужъ эдакъ скажи матушкѣ:
 Я ходила въ новой горницѣ,
 Я брала со спицъ золоты свои ключи,
 Отмыкала окованные ларцы,
 Вынимала солодоново сукно,
 Я кроила Ивану кафтанъ,
 Чтобы ему не дологъ былъ,
 Нѣ дологъ и не коротокъ,
 По подпазушкѣ подхватистой,
 По серѣдкѣ пережимистой,
 По подолу-бѣ былъ разтрубистой.

25 (17).

Что ты, что ты, сине море,
Ты стоишь, не колыблешься?
Что ты, что ты, берёзанька,
Стоишь въ полѣ, не шатаешься?
Что ты, что ты, Аннушка,
Ты сидишь, не размѣхнешься?
— Миѣ чему размѣяться,
Миѣ чему взрадоваться?
Что на нашей на улицѣ
Есть пустая хоромина,
Есть пустая, не крытая;
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися.
На печищѣ котище лежитъ,
По полу ходить гусыня,
Что по лавочкамъ—ласточки,
По окошечкамъ—голуби.
Въ новой горницѣ—ясенъ соколъ.
Вы, подружки-голубушки,
Разсудите, пожалуйте;
Хотя вы не разсудите,
Я сама знаю, вѣдаю,
Молода догадалася:
Что пустая хоромина—
Чужа дальная сторона,
Углы прочь отвалилися—
Отецъ, мать отступилися;
По бревну раскатилася—
Родъ-племя отказалися;
На печищѣ котище лежитъ—
Богоданный свѣкоръ батюшка;
По полу ходить гусыня—
То свекровушка матушка;
Что по лавочкамъ ласточки—
То сестрицы золовушки;
По окошечкамъ голуби—
То деверьницы братицы;
Въ новой горницѣ—ясенъ соколъ—
То и мой Богомъ суженый,
То и мой Богомъ ряженный.

26 (18).

Еще по мосту, по мосту,
По калиновому мосту
Вѣжала карета, карета золотая;
Пара коней вороные, кучера молодые,
На кучерахъ кафтаны голубые.
Что во той во каретѣ
Что во той золотой
Тутъ сидитъ красная дѣвица,
Дѣвица зарученная,

Княгиня первобрачная,
Она жалобно плачетъ,
Жалобно причитаеъ,
Свою волю вспоминаеъ,
Свою вольную волю,
Свою нѣжную нѣгу:
„Я у батюшка въ волѣ,
Я у матушки въ нѣгѣ,
Я у братицей въ прохладѣ,
Я у сестрицей въ снаряжѣ.
Я куда пойду—сряжаютъ;
Я отколь иду—встрѣчаютъ.“
Мимо ту, мимо ту карету,
Мимо ту золотую
Не соколъ пролетаетъ,
Не ясенъ пропорхаетъ:
Молодецъ проѣзжаетъ,
Молодецъ тароватый,
Съ-тонка бѣлъ, кудреватый.
Онъ къ каретѣ припадаетъ
Онъ дѣвицу утѣшаетъ:
„Ты не плачь, не плачь, дѣвица,
И не тужи, душа-красная!
Я изъ воли везу въ волю,
Я изъ нѣги везу въ нѣгу,
Изъ прохлады въ прохладу,
Изъ снарядовъ въ снаряды.“
— У тебя чертъ будетъ, не нѣга;
Водяной—не веселье,
Не святой—не прохлады,
У тебя та будетъ нѣга,
У тебя то будетъ веселье,
У тебя тѣ будутъ прохлады:
Поутру рано вставати,
И огонь добывать,
И печь затопляти,
Щи, кашу варити,
Тебя стараго кормити.

27 (19).

Течетъ винная рѣченка,
Сахаринная источника;
Что по сахару рѣка текла,
По изюму разливалася:
У родителя, у батюшки
Было умное дитятко,
Было умное, разумное.
Она ходила, похаживала,
И гуляла, погуливала
По высокому нову терему.
И изъ терема въ шатеръ зашла
Къ удалому, добру молодцу,

Что ко князю первообращному.
 И будила, побуживала:
 „Ужь ты стань, душа, умный мой,
 Пробудись, душа, разумный мой!
 Я пришла къ тебѣ ни пить, ни ѣсть,
 Я—не кофе, чаю кушати:
 Я пришла къ вамъ разгуляться,
 Во тамы играть, во шахматы,
 И во всѣ игры нѣмецкія!“
 Обыграла красна дѣвица душа
 Удалаго добра молодца;
 Проигралъ-то добрый молодецъ ✓
 Онъ душѣ ли красной дѣвицѣ
 Со правой руки значенъ перстень
 Съ дорогою модной ставочкой,
 Съ самоцвѣтнымъ драгимъ камешкомъ,
 Съ позолотой ярославскою
 Со финистами заморскими.
 Проигралась красна дѣвица душа;
 Обыгралъ добрый молодецъ
 Онъ душу ли красну дѣвицу:
 Проиграла красна дѣвица душа
 Свою вольную волюшку,
 Украшенну дѣвью красоту,
 Хазъ, повязку красна золота
 Со присадкой скатна жемчуга.

28 (20).

Много, много у сыра дуба
 Много вѣтъ и повѣтъ,
 Много листу зеленаго.
 Только нѣтъ у сыра дуба
 Золотой вершиночки,
 Позолоченой маковки:
 Много, много у Аннушки
 Много роду и племени,
 Много ближнихъ родителей,
 Больше милыхъ подружечекъ;
 Только нѣтъ у Аннушки
 Родителя батюшки:
 При нынѣшнемъ времени,
 При сегодняшнемъ вечерѣ
 Снарядить млада—есть кому,
 Благословить млада—нѣкому.
 Снаряжаетъ молодешеньку
 Ея родимая матушка,
 Благословляетъ молодешеньку
 Восприемный крестный батюшка;
 Выводитъ молодѣшеньку.
 Родимый брателко,
 Отдаетъ молодешеньку

Александру на руки,
 Ивановичу на вѣки.

29 (21).

Ужь ты свѣтъ, наша обманщица,
 Зла, велика подговорщица!
 Намъ сказала Анна Ивановна,
 Всѣмъ своимъ милымъ подруженькамъ,
 Порядовнымъ своимъ сосѣдкамъ:
 „Я сего году нейду замужъ,
 На новый годъ не думаю ити
 Не за князя,—боярина,
 Не за гостя торговаго,
 Не за купца здѣшняго города,
 Не за крестьянина богатаго,
 Не за молодца тароватаго.
 Я пойду млада въ келейку,
 Постригусь я во старицы;
 Ужь я васъ милыхъ подруженекъ
 Я къ себѣ возьму во ключницы“.
 Какъ пошла, пошла Аннушка
 Не за князя боярина,
 Не за гостя торговаго,
 Не за купца здѣшняго города,
 А за мѣщанина богатаго,
 За молодца тароватаго.
 Ты на что прельстилася?
 На орѣшки ли, на прянички,
 На изюмныя ли ягоды?
 „Я прельстилася красна дѣвица
 На дородна добра молодца,
 На его же на русы кудри“.
 Ужь какъ наша Аннушка
 За однимъ она столомъ сидитъ,
 За едину думу думаетъ.

30 (22).

Еще во саду, саду,
 Во зеленомъ во саду,
 Что подъ яблонью кровать,
 Да подъ кудрявою тесова,
 На кровати перина,
 На перинѣ простыня,
 На простынѣ взголовье,
 На взголовѣ молодецъ,
 Первообращный князь
 Иванъ Ивановичъ.
 Еще около него
 Слуги вѣрные его,
 Друзки вѣжливые
 И участливые;

Разувають, раздѣвають.
 Распоясываютъ,
 Спать укладываютъ,
 Приговариваютъ:
 „Ужъ спи ты, (имя и отчество),
 Скоро часъ ночи пройдетъ,
 Скороходъ скоро придетъ“.
 Скороходъ скоро иришелъ,
 Скору вѣсточку принесть,
 Вѣтку радостную:
 Иришелъ изъ-за моря корабль
 Съ краснымъ золотомъ
 И съ чистымъ серебромъ
 И со скатнымъ жемчугомъ.
 — Не могу я, братцы, встать,
 Головы своей поднять:
 Голова моя болитъ,
 Рѣзвы ножки не несутъ,
 Бѣлы ручки не берутъ.
 Очи ясны не ведутъ.—
 Скороходъ скоро иришелъ
 Скороходъ молодой,
 Большой тысяцкой,
 Скоро вѣсточку принесть,
 Вѣтку радостную:
 Иришелъ изъ-за моря корабль
 Съ красной дѣвицей душой,
 Со княгиней госпожей.
 — Ахъ, могу я, братцы, встать,
 Рѣзвы ножечки бѣгутъ,
 Бѣлы ручушки берутъ,
 Очи ясны ведутъ.

31 (23).

На горѣ на высокой,
 На краѣ на великой
 Стоялъ храмъ бѣлокаменной:
 Что во томъ во Божьемъ храмѣ
 Тутъ вѣнчаются два отрока,
 Что отрокъ со отроцицею—
 Молодецъ со дѣвицею.
 Сговорила (имя отчество невѣсты):
 „Ужъ ты, свашенька, свашенька,
 Ты крестова моя матушка,
 Ты крестова моя матушка,
 Ты открой покрывальшко,
 Покрывальшко шелковое:
 Мнѣ не столь бы тошнѣшенько,
 Мнѣ не столь бы горчешенько

Во Божьей церкви стоячись,
 На главахъ вѣнцы держучись!
 Вы, иопы, дьяки духовные,
 Вы, причетники церковные,
 Напишите вы грамотку
 Ко родителю батюшкѣ
 Не по бѣлой бумажекѣ,
 Не перомъ, не чернилами;
 Напишите вы грамотку
 Вы по бѣлому бархату
 Аравійскимъ краснымъ золотомъ.
 И запечатайте грамотку
 Сургучами нѣмецкими.
 Отошлите вы грамотку
 Со родимымъ брателкомъ:
 — Благодарствуй, батюшка,
 Съ государыней-матушкой,
 Что поили, кормили меня
 Вы до полного возраста,
 До крѣпка ума-разума
 И до моего суженаго,
 И до моего ряженаго,
 Ивана то Ивановича“.

32 (24).

(вечериночная)

Летить голубь, летить сизой со голубушкою,
 Что удалый молодецъ съ красной дѣвицею.
 Позади идутъ товарищи, присматриваютъ,
 Присматриваютъ, приговариваютъ:
 „Кабы эта вѣдь голубушка у голубя была,
 Кабы эта красна дѣвица за молодцомъ жила,
 Взялъ бы золотомъ обсыпалъ, жемчугомъ бы
 Лѣтнею порою во каретѣ бы возилъ, [обсадилъ,
 Зимнью порою во очаковскихъ саняхъ, [дяхъ,
 На очаковскихъ саняхъ, на ямскихъ лоша-
 На извозчикѣ кафтанъ васильковаго сукна,
 Васильковаго сукна, петербургскаго шитья.
 Кладу голубя на ручку, не тѣшится.
 Переложу на другую, не голубится.
 Кынь, голубь, долой,
 Полетай сизой домой,
 Полетай сизой домой ко голубушкѣ своей.
 Голубушка ворковала, голубчика цѣловала,
 Голубчикъ ворковалъ, голубушку цѣловалъ.

Пѣсни 9—32 записаны въ дек. 1842 г. Г. Пор-
 товымъ и доставлены черезъ В. И. Даля. Въ пѣ-
 сняхъ 9, 11, 13—18, 20, 22—25, 28—31 имена вста-
 влены П. В. К—имъ.

в) г. Шеннурскъ.

33 (1).

Мнѣ ночёсе малѡ спалось,
А во снѣ много видѣлось.
Разгадайте, подруженьки,
Разгадайте, развѣдайте,
Разгадайте мой страшень сонъ:
Будто пустая хоромина,
Пустая, не покрытая;
Какъ во той во хороминѣ
На печищѣ котище сидитъ,
По полу ходить гусина,
По окошечкамъ голуби,
А по лавочкамъ галочки;
На столѣ сидитъ ясенъ соколъ.
Разгадайте, подруженьки,
Разгадайте мой страшень сонъ.
Если вы не разгадаете,
Я сама знаю, вѣдаю:
Пустая хоромина—
Чужа дальняя сторона;
Пустая—не покрытая, чужая—не знакомая,
На печищѣ котище сидитъ—
Это будетъ ужъ свекоръ мой;
По полу ходить гусина—
Это будетъ свекровка моя;
По окошечкамъ голуби—
Это будутъ деверья мои;
По лавочкамъ галочки—
Это будутъ золовки мои;
На столѣ сидитъ ясенъ соколъ—
Это будетъ мой суженой.

34 (2).

На горѣ на высокой,
На краѣ на прекрасной
Стоялъ тутъ бѣлой храмъ,
Бѣлой храмъ, бѣлокаменной;
Въ томъ бѣломъ храмѣ
Стоять чудные образы;
У тѣхъ чудныхъ у образовъ
Горятъ свѣчи воскояровы,
Горкѡ возгараются
И свѣтло востепляются:
Среди храма бѣлаго
Тутъ вѣнчались два отрока,
Отрокъ съ отрочицею—
Молодецъ съ красной дѣвицею,

Что Михайло съ Настасьєю.
Какъ проговорилъ Михайль господинъ:
„Ужъ вы, братья, вы братьицы,
Вы моя провожатые!
Напишу я съ вами грамотку
Къ богоданному батюшкѣ,
Къ государынѣ матушкѣ.
Напишу я эту грамотку
Не перомъ, не чернилами,
Не на бѣлой бумажечкѣ:
Напишу я эту грамотку
На атласѣ, на бархатѣ,
Аравійскимъ, краснымъ золотомъ:
Спасибо—те, батюшко!
Что всноилъ-вскормилъ дочь свою
До полного возраста;
Благодарствую, матушка!
Что научила её, матушка,
На дѣла всѣ на добрыя,
На рѣчь на умильную,
На походочку поставную“.

35 (3).

Отдала меня матушка
Далекимъ далекошенько—
За три города дальные,
За три крѣпости крѣпкія,
За три церкви соборныя,
За три стѣны бѣлокаменные.
Не велѣла мнѣ матушка
Не тужити, не плакати,
Не часто въ гости гостити.
Ужъ какъ я молодешенька
Въ недѣлку стосковалася,
А въ другую взгоревалася.
Пойду, выйду я молода
Я во чистое полечко,
 Попрошу я молодешенька
Я у ласточки перьяца,
У косатыя крыльница;
Полечу я молодешенька
Во сырой боръ на сопочку,
На сухую сѣшиночку
И на самую вершиночку:
Ты скрыпи, скрыпи, деревцо,
По всему свѣту бѣлому,
Вы кукуйте, кукунницы,
Вы горюйте, горюшницы,

За три города дальние:
Не моя ли то матушка,
У ранней заутрени
Она Богу-то молится?
Всѣ свѣчи затепляючи,
Все меня воспоминаючи:
„Не мое ли то дитятко
Во лѣсу заблудилося,
Во росѣ замочилося?“
— Нѣтъ, родимая матушка,
Не въ лѣсу заблудилася,
А во горѣ затужилася
И во слезахъ замочилася.

36 (4)*).

На синемъ было нѣ морѣ,
На тихомъ было заводѣ,
Потонулъ тутъ Насилій князь
Отъ злата вѣнца вѣдучи.
Оставалась молодѣ княжна:
Ужъ вы, бояра, бояра!
Воротите вы коней мнѣ**)
На родимую сторону,
Ко родимому батюшкѣ,
Къ государынѣ матушкѣ.
Вотъ пріѣхали къ батюшкѣ.
Посмотрѣла въ окошечко
Молодая невѣстуха:
„Богоданная матушка!
Къ намъ не гостышка пріѣхала:
Къ намъ пріѣхала подворница,
Вѣковая постельница“.
Ой вы, гой еси, бояра!
Воротите вы коней мнѣ
Ко святому монастырю,
Къ самобольней игуменѣ:
„Ты честная игуменья!
Постриги меня въ старицу,
Ты построй мнѣ-ка келейку,
Просѣки три окошечка:
Первое-то окошечко
Ко святому Благовѣщенью,
Второе-то окошечко
На родимую сторону,
Третье-то окошечко
На сѣнее нѣ море,
На тихое заводѣ:
Потонулъ тутъ мой вѣнчаный мужъ,
Мой вѣнчаный мужъ—Василій князь“.

*) Пѣсня была раньше напечатана во II т. „Московского Сборника“.

**) Въмѣсто словъ „коней мнѣ“ поется: *къ мнѣ*.

37 (5).

Во чистомъ нолѣ бесѣдочка серебряная,
Во той-ли бесѣдочкѣ серебряной
Тутъ сидѣла молодая госпожа,
Молодая госпожа, свѣтъ Настасья душа.
Говорила Настасья таковыя словеса: [хочу,
„Ужъ я безъ гуся—безъ лебедя обѣдать не
Я безъ сѣрой малой утицы за столъ нейдѣ“.
Затужился Егоръ, запечалился:
— Ужъ мнѣ какъ будетъ жить, чѣмъ жена
Молодая жена разговаривала: [кормить?—
„Не тужи, муженекъ, не печалуйся,
Ты бери-ка, муженекъ, трои золотыя ключи,
Отпирай ты ими окованы сундуки,
Да бери себѣ золотѣ казну,
Золотой казны пятьдесятъ рублей,
Да купи себѣ каленѣ стрѣлу,
Ты поди-ко, муженекъ, на Дунай на рѣку,
На Дунай на рѣку гусей-лебедей стрѣлять“.
Гуси-лебеди летятъ, пріулетываютъ,
Сѣры утицы иловутъ, пріукурываютъ.
Затужился Егоръ, запечалился:
— Ужъ мнѣ какъ будетъ жить, чѣмъ жена
Молодая жена разговаривала: [кормить?—
„Не тужи муженекъ, не печалуйся,
Какъ у нашего батюшки—попить, да поѣсть,
Попить, да поѣсть, да похлѣбавати:
У насъ три печи хлѣба, пять печей калачей,
У насъ улица блиновъ, да костеръ пироговъ,
Рѣка молока, да ладыя киселя, [хощѣ“.
У насъ ложки-то красны;—хлѣбай, сколько
Въ темномъ лѣсѣ дуга да не высѣчена,
Хоть и высѣчена, да не вытесана,
Хоть и вытесана, да не выкрашена:
У Егора жена да невыучена;
Хоть и выучена—да не вышколена.
Я училъ да училъ—цѣлой день проучилъ,
Ужъ я той бы порой трои лапти сплелъ:
Я себѣ, да женѣ, малымъ дѣточкамъ,
Малымъ дѣточкамъ но лапоточкамъ.

38 (6).

Ужъ вы, гуси, вы сѣрые,
Далече ли вы лѣтали?
„Ужъ мы лѣтали, летали,
„Съ одного моря, да моря“.
Ужъ вы что, гуси, видѣли?
„Ужъ мы видѣли, видѣли
„Сѣру утицу въ тихой заводѣ!“
Вы за чѣмъ еѣ не взяли?
„Мы хотя еѣ не взяли—
„Сизо перье рѣзали

Горячую кровь пролили.“
 Ужъ вы бояра, бояра,
 Вы бояра Васильевы!
 Далече ли вы ѣздили?
 „Ужъ ѣздили, ѣздили
 „Мы съ города на городъ.“
 Вы что, бояра, видѣли?
 „Ужъ мы видѣли, видѣли
 Красну дѣвицу въ высокомъ терему.“
 Вы за чѣмъ ее нѣ взяли?
 „Мы хотя ее нѣ взяли,
 Но русу косу расплели,
 Горячі слезы пролили.“

39 (7).

Что, соловей, ты одинъ во саду,
 Что молодой ты одинъ въ зеленомъ?
 „Право, не одинъ, право, я не одинъ:
 Много со мной соловьевъ во саду,
 Много со мной соловьиныхъ дѣтей,
 Нѣту со мной соловьиныхъ одной.
 Гдѣ ей не быть? да быть у меня.
 Чьей ей не слыти? да слыти моей,
 Слыти моей—соловьевой женой“.
 Что ты, Василий, одинъ въ терему,
 Что ты, Петровичъ, одинъ во высокомъ?
 — Право не одинъ, право я не одинъ:
 Много со мною князей и бояръ,
 Много со мной княженецкихъ дѣтей.
 Нѣту со мной Натальи одной,
 Нѣту со мной свѣтъ Ивановны;
 Гдѣ ей не быть? да быть у меня,
 Чьей ей не слыти? да слыти моей,
 Слыти моей—Васильевой женой.

40 (8).

Къ намъ не вѣтры навѣяли —
 Наѣхали гости нежданные,
 Нежданные гости незванные,
 Подломили сѣни новыя
 Новыя сѣни съ переходами,
 Разступили золотую чару,
 Золоту чару со финистами*),
 Выгопили соловья изъ саду,
 Выгнали молодого изъ зеленѣ.
 Растужилась Парасковья—душа,
 Расплакалась свѣтъ Ивановна:
 „Нѣтъ у меня сѣней новенькихъ,
 Не по чему будетъ похаживати,
 Не по чему будетъ погуливати,
 Нѣтъ у меня золотой чары,
 Золотой чары со финистами:

Не изъ чего мнѣ да покушавати;
 Нѣтъ у меня соловья во саду:
 Некому будетъ утромъ рано будить,
 Ранымъ рана, да ранешенько“.
 Возговорилъ да Василий господинъ,
 Василий господинъ да Ивановичъ:
 — Душенька Парасковьяшка,
 Сердце-душа свѣтъ Ивановна!
 Построю я сѣни тебѣ новыя,
 Новыя сѣни съ переходами,
 Золоту чару я слити велю,
 вмѣсто соловья тебя самъ побужу:
 „Встань, проснись, Парасковья душа,
 „Парасковья свѣтъ да Ивановна!“

*) Значеніе этого слова неизвѣстно. *Зап. мѣс. собир.*
 [вѣроятно, финифть. *Ред.*]

41 (9).

Ко сибирскому соболу
 Не куна жалобилася—
 Жалобилася, плакала
 Сестра брату милому:
 „Ужъ ты, братецъ мой, брателко,
 Братецъ—красное солнышко!
 Откажи, съѣзди, брателко,
 На чужѣ, дальну сторону,
 Ко чужому чужанину“.
 Ты, сестра моя, сестрица,
 Моя сестрица родимая!
 Не моя въ этомъ воля, а батюшкова.—
 Во чистомъ во полечкѣ,
 Стоитъ высокъ сырой дубъ;
 У того у сыра дуба
 Много вѣтъя и павѣтъя,
 Много листу зеленого;
 Только нѣтъ у сыра дуба
 Золотыя вершиночки,
 Позолоченой маковки.
 Много, много у Аннушки
 Много роду племени,
 И гостей много гостюшекъ
 И милыхъ подруженекъ;
 Только нѣтъ у Аннушки
 Нѣтъ родимыя матушки.
 Мнѣ бы въ эту пору-времечко
 Она больно нужна-надобна:
 Походила бы матушка
 По новымъ по горницамъ,
 По свѣтлымъ по свѣтлицамъ;
 Разоставила бы матушка
 Всѣ столы дубовы,
 Разостлала бы матушка
 Скатертки камчатныя,

Посадила бы матушка
Всѣхъ гостей и всѣхъ гостюшекъ,
Моихъ милыхъ подруженекъ.

42 (10).

Какъ у бѣлаго города,
Ай лю, ай лю, лелю!
Четверы были вѣрота;
Ай лю, ай лю, лелю!
Ворота были стекольчатые,
Вереи были точенныя,
Столбы позолоченныя,
Подворотня серебряная,
Мосты были калиновые.
Туда ѣхали князья-бояра,
У воротъ остоялися,
Воротамъ дивовалися,
У князя выпрашивали,
У молодого вывѣдывали:
„Ужъ ты, князь, ужъ ты, князь молодой!
Этѣ кто ворота становилъ,
Этѣ кто вереи-то точилъ,
Этѣ кто же столбы золотилъ,
Эту кто подворотню лилъ,
Эти кто же мосты-то мостилъ?“
Какъ отвѣчаетъ князь молодой:
— Государевы плотнички,
Николаевы работнички,
Топорами ярославскими,
И пилами нѣмецкими.

43 (11).

Что при мартѣ при мѣсяцѣ,
При Прасковьиномъ вечерѣ,
При Васильевны дѣвешничкѣ,
Отставала Прасковьюшка
Отъ своего рода-племени—
Что отъ батюшки, отъ матушки,
Что отъ милыхъ подруженекъ;
Приставала Прасковьюшка
Ко чужому чуженину.
Не умѣла Прасковьюшка
На золовущѣ поладити;
Начали ее люди бранити,
Незнакомы стали ругати;
Прасковья стала плакати:
„Вы не бейте, люди добрые,
Не браните, незнакомые:
Не сама я къ вамъ заходила,
Не своей волей-охотою:
Завезли меня добры кони,
Добры кони—добры лошади“.

44 (12).

Какъ разсыпались верѣюшки,
Растворились ворѣтчики,—
Наѣхали князья да бояре:
Какъ большіе во избу идутъ,
А меньшіе на крыльцѣ стоятъ.
Большинхъ-то князей за столъ садятъ,
А меньшіе-то князья въ избу идутъ.
Большинхъ-то князей въ большой уголъ са-
А меньшихъ-то по скамеечкамъ. [дять,
Перепалася*) Аннушка-душа,
Перепалася душа-красная:
По новымъ сѣнямъ забѣжала—
Что изъ горницу во горницу,
Что изъ сѣнюшекъ во сѣнюшки.
Забѣжала Аннушка-душа,
Забѣжала душа-красная,
Ко милымъ своимъ подруженькамъ:
„Сберегите меня, дѣвушки,
Сберегите, дѣши-красныя!
Вонъ идетъ разоритель мой,
Вонъ идетъ погубитель мой:
Онъ идетъ расплести косу русую!“
Какъ спроговоритъ молодець-господинъ:
— Не я, не я разоритель твой;
Не я, не я погубитель твой:
Разоритель-то твой—батюшка,
Погубительница—матушка.
Потерять красамъ подруженьку:
Расплетутъ косу двѣ сватьюшки,
Двѣ крестовыя матушки.

*) Испугалася. *Прим. собирателя.*

45 (13).

Свѣчи къ шандальцамъ притаиваютъ:
Дѣвицы во теремѣ приплакиваютъ,
Въ высокомъ красныя притуживаютъ:
„Дружки-подружки, голубки мои!
Лягте вы, да приусните на малой часокъ;
Мнѣ молодешенькѣ всю ночь не спати,
Ждать да пожити Василья домой,
Ждать да пожити Андреевича“.
Мало по малу стукъ-брякъ у воротъ:
Стукнули воротцы стекольчатые,
Брякнуло колечко серебряное:
Дрогнуло сердечко Аннушкино,
Дрогнуло ретивое свѣтъ-Ивановнино.
Пошла Аннушка Василья встрѣчать
Въ одной рубашкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочкахъ безъ подвязочекъ,
Въ одной самшуркѣ, и та на боку.

Отворяла воротечки—поклонъ отдала,
Отворяла широкия—низкій отдала,
Отворяла тесовыя—выспрашивала:
„Гдѣ ты, мой милый, гдѣ былъ-побывалъ?
Гдѣ ты, мой пріятель, гдѣ спалъ-ночевалъ?“
— Былъ я у тестя у ласковаго,
Былъ я у тѣщи пріятливой,
Былъ я у шурей—ясныхъ соколовъ,
Былъ я у свѣстей*)—бѣлыхъ лебедей.—
„Чѣмъ тебя, миленькій, тесть-то дарилъ?“
— Тесть-то дарилъ меня стоялымъ конѣмъ,
Теща-то дарила бѣлымъ полотномъ,
Шурья-то дарили черкасскимъ сѣдломъ,
Свѣсти-то дарили шириночками:
Вышиты шириночки краснымъ золотомъ,
Краснымъ золотомъ, чистымъ серебромъ,
Чистымъ серебромъ, скатымъ жемчугомъ.

*) Такъ женихи называютъ сестеръ своей невесты. *Прим. собир.*

46 (14).

Камочка, камочка моя,—
Мелкотравчатая, камоченька узорчатая,
Дорогая штофа на золотѣ!
Не давайся развертываться
Ни атласу, ни бархату,
Ни дорогой штоффъ на золотѣ.
Дорогая штофа волюшку взяла,
Взяла волюшку не маленькую:
Взяла камоченьку, пораздѣрнула,
Всѣ узорчики повысмотрѣла,
Всѣ круги мелкотравчатые,
Мелкотравчаты узорчатые.
Ахъ ты дѣвица, дѣвица-душа,
Ахъ ты Анна-свѣтъ-Ивановна!
Не кажи ты своего бѣла лица
Ни князьямъ, ни боярамъ,
Ни тому сыну крестьянскому.
Что крестьянскій-то сынъ волюшку взялъ,
Взялъ онъ волюшку не маленькую:
Сталъ по горенкѣ похаживати,
За занавѣсочку заглядывать,
Красныхъ дѣвушекъ порозобралъ;
Красну дѣвицу за руку взялъ,—
Анну свѣтъ Ивановну за правую;
Сталъ по горенкѣ похаживати,
Свѣтъ Аннушку поваживати,
Ума-разума выспрашивати:
„Ахъ ты, дѣвица, дѣвица-душа,
Душа Анна свѣтъ Ивановна!
Не въ саду ли ты повзросла,
Не въ зеленомъ ли повыцвѣла?“

Вѣтеръ вѣетъ—Анна говоритъ:
— Охъ ты, молодецъ, молодецъ!
Не ума ли ты вывѣдываешь?
Али умъ свой на безумье я отдамъ?
Ужъ я выросла у батюшки,
Ужъ я выцвѣла у матушки;
Я сидѣла въ новой горенкѣ
На брусящатой на лавочкѣ,
Подъ косячатымъ окошечкомъ,
Подъ стеклянной подъ окóленкой,
За дубовыми за пѣлышками:
Ужъ я шила шила-вышивала
Хитро-мудрые узорчики,—
Хитро-мудрые узорчики—шириночки
Свѣтъ Василью Андрейчу
На пуховую на шляпочку,

47 (15).

Ужъ вы гдѣ, гуси, были?
Калина, да малина!
Ужъ вы гдѣ ночевали?
Калина, да малина*)!
Ужъ мы гуси были,
Ужъ мы ночесъ ночевали
У Прасковьи во теремѣ,
У Ивановны во высокомъ;
Ужъ мы видѣли чудо:
За столомъ сидитъ дѣвка,
Ко ральцю**) причитаеъ:
— Охъ ты ральчикъ мой, ральчикъ,
Окована шкатулка!
Ужъ я годъ те копила,
Я другой наполняла,
Я третей нагнѣтала;
Пришло разоренье—
Въ одинъ часъ разорилась,
По платку раздарилась:
Еще свѣкру-то батюшкѣ
Тонка бѣла рубашка;
Да еще дару мало,
Имъ еще не достало,
И не въ честь имъ, не въ радость,
Имъ не въ доброе слово.
Свекровушкѣ матушкѣ
Въ нятѣдесять рублѣвъ кокошникъ,
Золотой подзатыльникъ,
Нолотияна рубашка;
Да еще дару мало,
Имъ еще не достало,
И не въ честь имъ, не въ радость,
Имъ не въ доброе слово.
Деверьяцамъ братцамъ
По тонкой бѣлой рубашкѣ,

По шитой ширинкѣ;
 Да еще дару мало,
 Имъ еще не достало,
 И не въ честь имъ, не въ радость,
 Имъ не въ доброе слово.
 Золовѣшкамъ сестрицамъ
 По алой по лентѣ,
 По алому плату,
 Полотна на рукавцы;
 Да еще дару мало,
 Имъ еще не достало,
 И не въ честь имъ, не въ радость,
 Имъ не въ доброе слово.
 Да и милой-то ладѣ***)
 Я сама головою,
 Вѣковѣчной слугою:
 Рѣзвы ножки съ подходомъ,
 Бѣлы ручки съ подносомъ,
 Да уста съ приговоромъ:
 Ему въ честь, ему въ радость,
 Ему въ доброе слово.

*) Постѣ каждого стиха. *Прии. собирателя.*

**) *Прии. собирателя:* ларцу.

***) Жениху. *Прии. собирателя.*

48 (16).

Какъ у зятя было, зятя,
 Какъ у зятя молодова,
 У Василья господина
 У Андреева сына —
 Были кудри золотыя
 Золотыя, завитыя;
 Что по тѣмъ его кудрямъ,
 Что по тѣмъ его жолтымъ
 Его тесть-то даруетъ:
 Въ сто рублѣвъ коня выводить.
 Зять-то съ лавки не встаетъ,
 Зять-то шапки не снимаетъ,
 Зять челомъ не побиваетъ:
 У насъ этова дару
 Есть и дома, есть довольно.
 Какъ у зятя было, зятя,
 Какъ у зятя молодова,
 У Василья-господина
 У Андреева сына —
 Были кудри золотыя,
 Золотыя, завитыя;
 Что по тѣмъ его кудрямъ
 Что по тѣмъ его жолтымъ
 Его тѣща даруетъ:
 Во сто локоть*) трубу выносить***);

Зять-то съ лавки не встаетъ,
 Зять-то шапки не сымаетъ,
 Зять челомъ не побиваетъ:
 У насъ этова дару
 Есть и дома, есть довольно;
 Во дому ли благодатномъ
 Есть у матушки довольно,
 У родимыя много.
 Какъ у зятя было, зятя, и проч.

Его свѣсти даруютъ:
 По шириночкѣ выносятъ;
 Зять-то съ лавки не встаетъ, и проч.

У насъ этова дару
 Есть и дома, есть довольно;
 У сестрицъ моихъ много.
 Какъ у зятя было зятя, и проч.

Его шурья даруютъ:
 Сестру за руку выводятъ:
 Зять-то съ лавки встаетъ,
 Зять-то шапку сымаетъ,
 Зять-то челомъ побиваетъ:
 У насъ этаго дару
 Нѣту дома, не случилось,
 Свѣтъ-дѣвица не родилась,
 Душа Анна не случилась.
 Мы для этого дару
 Пиво пьяное варили,
 Зелено вино курили,
 Весь приборъ прибирали,
 Мы до Анны доставали,
 Мы едва доставили.

*) Лактей. *Прии. собир.*

**) Т. е. холста. *Прии. собир.*

49 (17)*).

Ой Дидо! ой Ладо!**) ^{сбывать,}
 Сказали про князя, что князь-то богатъ,
 А онъ, чортъ, не богатъ, по дорогамъ
 Сказали: у князя кафтанъ то бодѣръ***),
 А онъ, чортъ, не бодѣръ — четыре полы,
 Четыре полы — четыре голы;
 Да и то не своё, въ людяхъ выпрошено,
 Оно хожено, прошено по всей волости,
 По всей волости, по всей...****)
 Сказали: у князя сапоги-то бодры;
 Они, чортъ, не бодры — закаблѣчья одни;
 Да и то не свое, въ людяхъ выпрошено,

Оно х́ожено, прошено по всей волости,
По всей волости, по всей Райбальской.
Сказали: у князя и шляпа бодрá;
Она, чортъ, не бодрá — тулейка одна;
Да и то не своё, въ людяхъ выпрошено,
Оно х́ожено, прошено по всей волости,
По всей волости, по всей Райбальской.
Сказали: у князя рукавицы бодры́,
Они, чортъ, не бодры́ — напáлки одни,
Да и то не свое, въ людяхъ выпрошено,
Оно х́ожено, прошено по всей волости,
По всей волости, по всей Райбальской.
Сказали: у князя по́вжа́на бодры́,
Они чортъ не бодры

Дру́жки, подру́жки — косые глаза,
Они во́ дворъ идутъ,—да столбамъ-то челомъ,
Они въ избу идутъ,—да и ступъ челомъ,
Да и ступъ челомъ: ступа, матушка!
Они на печь глядятъ, да и каши хотятъ;
Чортъ вамъ, не каша! вчера варена,
Вчера варена, вчера выхлебана,
Сказали: у князя и сватья бодрá;
Она, чортъ, не бодрá, какъ корова ядрá;
Привязать бы корову къ огородищу,
Надавать бы коровѣ соломѣ ржаной,
Чтобы фла корова — не пысканила****).

Пѣсни 33—49 записаны въ 1844 г. А. Борисовымъ.

*) Эта пѣсня поется жениху, если онъ мало денегъ даетъ пѣвицамъ. *Прим. собирателя.*

**) Повторяется послѣ каждого стиха. *Прим. собирателя.*

***) Хорошъ. *Прим. собирателя.*

****) Имя деревни. *Прим. собир.*

*****) Не теребила. *Прим. собир.*

50 (1).

Поютъ дѣвки, когда отдають невѣсту за
столъ къ жениху. — Последняя рѣчь поми-
нается 3 раза, послѣдний — протяжно.

Во теремѣ гусли лежали, лежали,
Во высокомъ звончатые, звончатые,
Некому въ гусли играть, играть,
Во звончатые возгудать, возгудать.
Ивана дома не случилось, не случилось,
Михайловича не годилось, не годилось.
Уѣхалъ Иванушка въ гости ко тестю, ко
Ко ласковой ко тещѣ, ко тещѣ. [тестю,
Сидитъ тамъ Иванъ за столами, за столами,
За браными бѣлыми скатертями, скатертями,
За ситными бѣлыми хлѣбами, хлѣбами.
Тѣща къ столу подходила, подходила,
Тѣща зятю говорила, говорила:

„Тыш ты, мой зять, не досыта, не досыта,
Пей ко, мой зять, не допьяна, не допьяна,
Садись, мой зять, на коня не шатайся, не
шатайся,
Поѣдешь ты, зять, дорогой не валяйся, не
валяйся.

Приѣдешь ты домой, не ломайся, не ломайся,
Самъ ты, мой зять, разужайся, разужайся,
Наша Катерина не учѣна, не учѣна,
Петровна свѣтъ не торена, не торѣна,
Твоего ума разума не знаетъ, не знаетъ,
Обычья со норóвкомъ не вѣдаетъ, не вѣдаетъ.
Ваши по нашихъ прѣхали, прѣхали,
Семеры полозья притерли, притерли,
Семь коней пригодили, пригодили,
Семь молодцовъ притомили, притомили,
Золотцо съ золотцомъ свивалось, свивалось,
Жемчугъ съ жемчугомъ сокатался, сокатался,
Наше золотцо получше, получше,
Нашъ жемчугъ постатняе, постатняе.
Наша Катерина побасяе, побасяе,
Петровна свѣтъ постатняе, постатняе,
Сказали про князя: богатый, богатый,
Съ гривны на гривну ступаетъ, ступаетъ,
Рублемъ ворота отпираетъ, отпираетъ,
Полтиной въ окошко шибаетъ, шибаетъ,
Пѣвицамъ по гривнѣ даетъ, даетъ.
Нашъ пѣвицъ — что немножко—сорокъ двѣ
пѣвицы

И сверхъ то еще двѣ молодыя молодницы.

51 (2).

Тѣща зятя провожала,
Ума разума пытала:
„Ты, зятюшко, мой батюшко,
Скажи, кто изъ трехъ милѣе:
Я ли тѣща, али женка, али матушка родная?“
— Люблю тещу для привѣту,
Жену для совѣту
Свою матушку родную.
Во вѣкъ не забуду.—

Пѣсни 49—50 доставлены В. И. Далемъ.

52 *).

Свѣщники къ шандальщикамъ притаиваютъ (2),
Дѣвицы во теремѣ приплакиваютъ (2),
Во высокомъ красныя притуживаютъ:
„Дружки-подружки, голубки мои!
Лягте вы да пріусните на малой цасокъ.
Мнѣ-ка*) молодешенькѣ всю ночьку не спать,
Ждать да дожидати Василья домой,

Ждать да дожидати Андреевица.
 Мало по малу стукъ-брякъ у воротъ,
 Стукнули да воротца да стеколыцтыя,
 Брякнуло колецько серебряное,
 Дрогнуло серденько Александрушкино,
 Дрогнуло ретивое да свѣтъ Ивановнино.
 Пошла Александрушка Василья встрѣцать
 Въ одной да рубашки да безъ пояса,
 Въ однихъ цюлоцкахъ безъ подвязоцѣкъ,
 Въ одной самшѣркѣ, и та на боку;
 Отворяла воротецки, поклонъ отдала,
 Отворяла широкия, низкій отдала,
 Отворила широкия, выпрашивала:
 „Гдѣ ты, мой милой, гдѣ былъ побываль?
 Гдѣ ты, мой пріятель, гдѣ поць ноцеваль?“
 — Былъ я у тестя у ласковаго,
 Былъ я у тещи пріятливия,
 Былъ я у шурей ясныхъ соколовъ,
 Былъ я у свѣстей бѣлыхъ лебедей.—
 „Цѣмъ тебя, миленькой, тестъ отъ дарилъ?“
 — Тестъ-то меня дарилъ стоялымъ конѣмъ,
 Теща дарила бѣлымъ полотномъ,
 Шурья дарили церкаскимъ сѣдломъ,
 Свѣсти дарили шириноцками:
 Вышиты шириноцки краснымъ золотомъ,
 Краснымъ золотомъ, цистымъ серебромъ,
 Цистымъ серебромъ со жимцюгомъ.

*) Ср. выше, пѣсню 45.

**) Частица *ка* здѣсь у простого народа прибавляется почти къ каждому слову: *мнѣ-ка, тебѣ-ка, во-де-ка* (вотъ гдѣ) и проч. *Прим. собир.*

53 *).

Камоцька, камоцька моя (2),
 Да мелкотравцята, камоцька узорцята (2)
 Дорогая штофа на золотѣ!
 Да ни давайся да развѣртываться
 Да ни атласу, ни бархату,
 Да ни дорогой то штоффъ на золотѣ.
 Да дорогая штофа волюшки взяла,
 Да взяла волюшку не маленькую:
 Взяла камоценьку да пораздернула,
 Да всѣ узорцки повысмотрѣла,
 Всѣ круги да мелкотравцтыя,
 Мелкотравцтыя, узорцтыя.
 Ахъ ты, дѣвица, дѣвица душа,
 Да свѣтъ Александра свѣтъ Ивановна!
 Да не кажи-ка своего бѣлаго лица
 Ты ни князьямъ, ни боярамъ,
 Да не тому сыну крестьянскому:
 Да крестьянской-то сынъ волюшку взять,
 Взялъ онъ волюшку не маленькую:
 Сталъ по горенки нохаживати,

Онъ за занавѣску заглядывати,
 Да красныхъ порѣзобраль:
 Красну дѣвицу за ружьку взялъ,
 Да Александру свѣтъ Ивановну,
 Да Александрушку за правую взять.
 Сталъ по горенкѣ нохаживати,
 Да Александрушку поваживати.
 Да ума разума выспрашивати:
 „Ахъ ты, дѣвица, дѣвица душа,
 Александра свѣтъ Ивановна!
 Не во саду-ли ты повыросла,
 Да не во зеленомъ ли повывѣла?“
 Вѣсть вѣтеръ—Александра говорить:
 — Ахъ ты, молодецъ, ты молодецъ!
 Не ума-ли ты вывѣдываешь?
 Да али свой умъ на безумье я отдамъ?
 Ужъ я выросла у батюшки,
 Я повывѣла у матушки,
 У Прасковьи у Егорьевны;
 Я сидѣла въ новой горенкѣ,
 На брусойто да на лавоцкѣ,
 Да подъ косящетымъ окошечкомъ,
 Подъ стекляной подъ околеникой,
 За дубовыми за пялышками.
 Ужъ я шила, вышивала
 Да все хитрые узорцки,
 Хитро-мудрые узорцки, шириноцки
 Свѣтъ Алексѣю Захарьевичу
 Подъ пуховую подъ шляпоцку.

*) Ср. выше пѣсню 46.

54.

Сыру ерью рѣка прошла,
 Сыру ерью быстра протекла,
 Подо всѣ города подошла:
 Подъ Москву и подъ Вологду,
 Подъ славный Шенкурской градъ,
 Подъ тотъ подъ хорошей дворъ,
 Подъ тотъ подъ колещатой.
 Изъ того хорошаго двора,
 Изъ того изъ колещатого
 Выѣзжаетъ удалой молодецъ
 На своемъ конѣ стѣпцатомъ;
 Онъ и шапкой помахиваѣтъ,
 Онъ и плеткой поевистываѣтъ,
 Самъ коня уворацываѣтъ,
 Ко двору приворацываѣтъ,
 Тестева двора спрашиваѣтъ,
 Тещина высока терему,
 Дѣвица пологу
 Души красной Александрушки,
 Шита браного полога

И вызываётъ на улицу,
 Вызываетъ на широкую,
 Вызываетъ шахматами играть,
 Золотыма переметовати.
 Проигрался молодецъ господинъ,
 Проигралъ свой златой перстень
 Съ дорогой любой ставоцькой,
 Съ самоцвѣтными со камушкама:
 Ещё ты молодецъ не хорошъ,
 Не хорошъ, не пригожъ молодецъ;
 Твои кудри соломенные,
 Уста твои щипицильные*);
 У ти брови совиные,
 Да глаза ястребиныя,
 Поговорка цѣрна ворона,
 Походка сѣра волка.
 Сыру ерю рѣка протекла,
 Сыру ерю быстра протекла,
 Подо все города подошла:
 Подъ Москву и подъ Вологду,
 Подъ славной Шенкурской градъ,
 Подъ тотъ подъ хорошей дворъ,
 Подъ тотъ подъ колещатой.
 Изъ того изъ хорошаго двора,
 Изъ того изъ колещатаго
 Выѣзжаетъ удалой молодецъ
 На своёмъ конѣ ступицѣтомъ;
 Онъ и шапкой помахиваетъ,
 Онъ и плеткой пошвыстываетъ,
 Самъ коня уворациваетъ,
 Ко двору приворациваетъ,
 Тестева двора спрашиваетъ,
 Тещина высока терема,
 Дѣвицѣна положу
 Души красной Александрюшки
 Шита браннаго положу
 И вызываётъ на улицу,
 Вызываетъ на широкую,
 Вызываетъ шахматами играть,
 Золотыма переметывати.
 Проигралась дѣвица душа
 Проиграла свою дѣвью красоту
 Съ золотою со повязоцькой
 Съ самоцвѣтными со камушкама,
 Съ алой лентоцькой:
 Еще ты, молодецъ, хорошъ,
 Хорошъ пригожъ молодецъ
 Борода твоя шолковая,
 Твои кудри серебряныя,
 Уста твои сахарныя,
 У ти оци ясна сокола,
 Поговорка лебединая,
 Походка павиная.

*) Т. е. щиплють. *Прим. собир.*

55 *).

Какъ разсыпалась верёвюшка,
 Растворилися воротецки.
 Тамъ наѣхали князья да бояре.
 Какъ большіе въ избу идуть,
 И меньшіе на крыльцѣ стоятъ.
 И большихъ-то князей за столъ садятъ,
 И меньшіе князья въ избу идуть.
 Да и большихъ-то князей въ большой уголъ
 И меньшихъ-то по скамеецкамъ. [садятъ,
 Перепалась Александрюшка душа,
 Перепалась душа красная.
 Да по новымъ сѣнямъ забѣжала—
 Да что изъ горницы во горницу.
 Да что изъ сѣнюшокъ во сѣнюшки.
 Забѣжала Александрюшка душа,
 Да забѣжала душа красная
 Да ко милымъ своимъ подруженькамъ:
 „Сберегите меня, дѣвушки,
 Да сберегите, души красныя!
 Да вонъ идѣтъ разоритель мой,
 Да вонъ идетъ погубитель мой,
 Да вонъ идетъ расплести косу русую“.
 Да какъ спроговорить молодецъ-господинъ:
 „Да что не я же разоритель твой,
 Да разоритель-ѣтъ твой батюшка,
 Да погубительница—матушка,
 Да потерять красамъ подруженькамъ
 Да молодую красную дѣвицу:
 Да расплетутъ косу двѣ сватьюшки,
 Да двѣ крестовыя матушки“.

*) Ср. выше пѣсню 44.

56 *).

Калина да малина!
 Ужъ вы гдѣ, гуси, были?
 Калина да малина!
 Ужъ вы гдѣ поцевали
 Калина да малина!
 Ужъ мы гуси были,
 Калина и пр.
 Ужъ мы поцесь поцевали
 У Прасковѣ въ теремѣ
 У Ивановѣ во высокомъ.
 Ужъ мы видѣли цюдо.
 За столомъ сидитъ дѣвка,
 Ко столу припадаётъ,
 Ко ральцю**) прицитаётъ:
 — Охъ ты ральчикъ мой, ральчикъ,
 Окована шкатулка!
 Ужъ годъ я те копила,
 Я другой наполняла,
 Я третій нагнетала;

Пришло разоренье:
Въ одинъ цѣсъ разорилась,
По платку раздарила:
Еще свекру да батюшкѣ
Тонка бѣла рубашка;
Да ещѣ дару мало,
Да ещѣ имъ не достало.
И не въ цѣсть имъ, не въ радость,
Имъ не въ доброе слово.
Да свекровушкѣ матушкѣ
Да въ пятьдесятъ рублѣвъ кокошникъ,
Золотой подзатыльникъ.
Полотнина рубашка;
Да ещѣ дару мало,
Да ещѣ имъ не достало,
И не въ цѣсть имъ, не въ радость
Имъ не въ доброе слово.
Доверьящимъ братцямъ
По тонкой бѣлой рубашкѣ,
По шитой ширинкѣ;
Имъ не въ цѣсть, имъ не въ радость,

Имъ не въ доброе слово.
Да золовушкамъ сестрицамъ
По алой лентѣ,
По алому плату,
Полотна на рукавни.
Да еще дару мало;
Имъ еще не достало,
И не въ цѣсть имъ, не въ радость,
Имъ не въ доброе слово.
Да своей милой ладѣ (суженому)
Да сама головою
Вѣковѣцной слугою,
Рѣзвы ножки съ подходомъ,
Бѣлы руцки съ подносомъ
Да уста съ приговоркой.
Ему въ цѣсть, ему въ радость,
Ему въ доброе слово.

Пѣсни 51—56 происхожденія неизвѣстнаго точно по записи.

*) Ср. выше, пѣсню 47.

**) Ларчику. Собир.

г) г. Архангельскъ.

57 (1).

Черезъ рѣчку рябинка лежала,
Черезъ рѣчку кудрявая лежала;
Еще кто-то по рябинкѣ переходитъ,
Да кого-то за собою переводить?
Василій *) по рябинкѣ переходитъ,
Онъ Катерину за собою переводить:
„Катерина держися!
Ивановна не свалися!“
— Не убойся, князь, я держуся
За твое ли цвѣтное платье,
За пуговицы золотыя,
За петельки шелковыя.—
Еще скалочка посыкаетъ,
Еще тѣща блинчики подпекаетъ
Для любимаго гостя, для зятя,
Для любимыхъ гостей для дочери.
Ужъ вы кушайте же, бояре!
Гуся на столѣ не студите,
Нашу молодую не томите!
Ужъ и то наша княгиня притомилась,
Сидя за столомъ пристыдилась;
По ней старыя старушки стосковались,
Молодые молодухи прижалѣлись,
Красныя дѣвицы сгоревались,
Молодые мужики на печкѣ припотѣли,

Красныя рубашки примочили,
Золотыя галуночки затемнѣли.

*) Имена вставлены П. В. К—имъ.

58 (2).

По мосту, мосту, по калиновому,
Рано, рано, рано!
Тамъ карета проѣзжала,
Рано, рано, рано!
Что карета золотая,
Кони вороные,
Кучера молодые.
Какъ во этой каретѣ
Сидѣла дѣвица Наталья*).
Она плачетъ, рыдаетъ,
Жалобно причитаешь,
Свою волю всиоминаешь.
Мимо этой кареты
Не соколъ пролетаетъ,
Молодецъ проѣзжаетъ;
Онъ къ каретѣ принадаешь,
Онъ дѣвицу унимаешь:
„Ты не плачь, не плачь, Наталья,
Не тужи, Николаевна!“

Ужъ я дамъ тебѣ волю,
И нѣжную нѣгу...
Ты куда пойдешь, скажися,
Откуда придешь, скажися!*
— Еще то мнѣ не воля,
Не нѣжная нѣга.
Мнѣ у батюшки воля,
Мнѣ у матушки нѣга.
Я пойду въ гости, сряжаютъ.

*) Имена вставлены П. В. К-имъ.

59 (3).

На горѣ на высокія,
На краѣ на великія,
Что на стулѣ на бархатѣ,
На коврѣ, на красномъ золотѣ,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Противъ чистаго заморскаго
Иванъ чесалъ кудри,
Свѣтъ П—вичъ расчесывалъ,
Ко кудрямъ приговаривалъ:
— Ужъ ты, Марья, завей кудри!
Свѣтъ П—вна, завей русы!
„Не твоя я теперь служенька,
Не тебя хочу слушати,
Я послушаю батюшка,
Я сударыню матушку“.
Въ сентябрѣ первомъ мѣсяцѣ,
При дѣвичьемъ было вечерѣ,
Что на стулѣ, на бархатѣ,
На коврѣ, на красномъ золотѣ,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Противъ чистаго заморскаго
Иванъ чесалъ кудри,
Свѣтъ П—вичъ расчесывалъ,
Ко кудрямъ приговаривалъ:
— Ужъ ты, Марья, завей кудри!
Свѣтъ П—вна, завей русы!
„Я твоя теперь служенька,
Я тебя теперь слушаю,
Я твои кудри расчесу,
Серебромъ русы перевью,
И каждую волосиночку
По скаченой жемчужинѣ.“

60 (4).

Аннушка всѣ лѣса прошла,
П—вна всѣ дремучіе,
Крыла лѣса алымъ бархатомъ,

Пусть катила золотымъ кольцомъ;
Выходила на крутой бережокъ,
Выступала на горячъ камешокъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
„Гдѣ же ты есть, П..... господинъ,
Гдѣ же ты теперь, свѣтъ Е—вичъ?
Перевези меня на свою сторону:
Твоя сторона мнѣ понравилась,
Твои словеса мнѣ полюбилися.“
— Аннушка! я корабль пошлю.
„Не посылай корабля по меня!
Корабль на водѣ судно шаткое,
Я дитя у батюшки пугливое“.
— П—вна, я бояръ пришлю.
„Не присылай бояръ за мной:
Бояре всѣ люди шутивые,
Я жъ дитя у матушки стыдливое“.

61 (5).

Надъ рѣкою было, надъ рѣкою,
Надъ быстрою надъ Невую,
Тамъ стояло дерево кипарисное
Что на томъ деревѣ кипарисномъ
Сидѣли пѣвцы молодые,
Они пѣсни поютъ веселыя:
Да кому у насъ быти въ боярахъ,
Да кому у насъ слыть въ генералахъ?
Какъ Х..... то быти въ боярахъ,
Да Н..... слыть въ генералахъ.
Почему же ему быти въ боярахъ?
Почему же ему слыть въ генералахъ?
Еще судятъ его вѣтляныя,
Нашесточки дубовыя,
Уключинки шелковыя,
Веселушки яровыя,
Гребцы молодцы удалые...
Ужъ вы гряните-ко, братцы, пригряните!
Вы ко городу посѣщайте,
Вы ко городу Петербургу,
Послужите Царю-Государю!
За то васъ Государь-Царь пожелуетъ:
Онъ на Архангельскъ-городъ капитаномъ,
Что на Соломбалу—генераломъ.
Да кому у насъ быти бояршей?
Да кому у насъ слыть генеральшей?
Какъ А.....-то быти бояршей,
Да П..... слыть генеральшей.
Почему-же ей быти бояршей?
Почему-же ей слыть генеральшей?
Она сидѣла одна въ горницѣ,
Она шила ковры золотыя,
Молодаго князя дарила.

62 (6).

Не отъ вѣтра, не отъ вихора,
Не отъ Божіей милости
Вереи пошатнулись,
Ворота отворилися.
Не слыхала молодѣшенька,
Какъ бояре на дворъ вѣхали.
Ужъ я только услышала,
Ужъ я только увидѣла,
Какъ Х взошелъ въ горницу,
Да свѣтъ Х—чѣ во свѣтлицу.
Ужъ я тутъ испугалася,
Рѣзвы ножки подломилися,
Бѣлы ручки опустилися,
Изъ глазъ слѣзы покатилися;
Во слезахъ я слово молвила:
— Вотъ идѣтъ разоритель мой!
Вотъ идѣтъ погубитель мой!
Вотъ идѣтъ расплети косу!
Вотъ идѣтъ потеряй красу!
„Ты не плачь, не плачь, С—ка,
Ты не плачь, свѣтъ П—вна!
Что не я разоритель твой,
Что не я погубитель твой.
Разоритель твой батюшка,
Погубитель твой—матушка,
Расплети косу—сватьяшка,
Потеряй красу—друженька“.

63 (7).

Не буйны вѣтры навѣяли,
Нежданные гости наѣхали,
Подломили сѣни новыя
Разступили чару золотую,
Золоту чару со финистами,
Выпустили соловья изъ сада,
Выпустили молода изъ зелена.
Какъ расплачется, да растужится
Да свѣтъ О...ка:
„Свѣтъ вы мои, сѣни новыя,
Свѣтъ, мои, съ переходами!
Со свѣтлыми съ покоями:
Мнѣ по вамъ больше не хаживати!
Свѣтъ ты моя, чара золотая,
Мнѣ больше тебя не поднашивати!
Свѣтъ же ты мой, соловей во саду,
Свѣтъ же ты мой, молодой, въ зеленомъ:
Кто меня будетъ поутру будить?
Кто меня будетъ со сна веселить?
Проговорить, промолвить Алексѣй-госпо-
„Не плачь, не тужи, Ольга-душа, [динь:
Слезъ не рони, И—вна!

Я тебѣ построю сѣни новыя,
Я тебѣ солью чару золотую,
Я у тебя—соловей во саду,
Я у тебя—молодой въ зеленомъ.
Я тебя буду поутру будить,
Я тебя буду со сна веселить.

64 (8).

Какъ леталъ, леталъ соколъ,
Ой рано, рано, рано!
Какъ леталъ, леталъ ясенъ
Онъ по темнымъ но лѣсамъ,
По высокимъ по горамъ.
Какъ искалъ, искалъ соколъ
Соколиное гнѣздо,
Соколиночку себѣ,
Златокрыльчатую.
Какъ нашелъ, нашелъ соколъ
Соколиное гнѣздо,
Соколиночку себѣ,
Златокрыльчатую,
Сизоперчатую.
Какъ просилась соколинка:
— Отпусти меня, соколъ,
Отпусти меня, ясенъ,
На свою волю летать,
Къ своему теплу гнѣзду,
Къ малымъ дѣточкамъ!—
Какъ ѣздилъ, ѣздилъ Федоръ
Онъ по всѣмъ городамъ,
Онъ по разнымъ деревнямъ.
Какъ искалъ, искалъ Ф. И—чѣ.
Себѣ суженую,
Себѣ ряженую!
Какъ нашелъ, нашелъ Федоръ
Въ Онегѣ-городѣ,
У Ивана во дому,
У Романовича въ терему
Красну дѣвицу душу,
Лизавету хорошу.
Какъ просилась Лизавета:
— Отпусти меня, Федоръ,
Свѣтъ П—вичъ господинъ,
На свою волю гулять,
Въ гости къ батюшкѣ,
Ко сударинѣ-матушкѣ.—
Какъ спрговорить Федоръ:
„Я тогда тебя спущу,
Когда въ церковь свою,
Златы вѣнцы одержу,
Я законъ Божій приму,
Во свой домъ приведу,
За свой столъ посажу,

Хлѣбомъ, солью накормлю.
Я тогда тебя спущу
На свою волю гулять,
Ко родителю-батюшкѣ,
Ко сударынь-матушкѣ.“
Ой рано, рано, рано!

65 (9).

Долго-то, долго соколъ не бывалъ,
Ой ди, ой ди, ой, рано мое!*)
Еще долго-то, долго ясень не бывалъ.
Еще развѣ соколъ за моря улетѣлъ,
Еще развѣ ясень да за синее, за солоное?
Еще долго-то, долго Василій не бывалъ,
Еще долго-то, долго Миничъ!
Еще видно Василій во царевѣ кабацкѣ,
Миничъ-то зелено вино пѣтъ,
По рублю, по полтинѣ въ сутки пропиваетъ,
По гривнѣ, по грошу даетъ голышу.
На дворъ пришла вѣсточка радостная:
Ѣдетъ Василій съ каменной Москвы,
Еще Миничъ съ славной Вологды.
Еще-то конь-то подъ нимъ въ 500 рублей,
Узда и стремяна 150 рублей,
На молодцѣ сертукъ въ цѣлу тысячу,
На конѣ молодецъ, и цѣны ему нѣтъ.
Случилось молодцу ѣхать мимо тестевъ

[дворъ,

Мимо батюшковъ, мимо тѣщинъ теремъ,
[мимо матушкинъ.

Онъ шибъ копьемъ въ широки ворота,
Разлетѣлись ворота середь широка двора.
Дворовыя по двору погуливаютъ,
Да Василій у дворовыхъ выпрашиваетъ;
„Ужъ вы нянюшки, мои мамушки,
Хороши погощенски дѣвушки!
Ужъ вы сбѣгайте, попровѣдайте,
Вы скажите-тко, не утайте,
Еще спить-ли, не спить Татьяна моя?
Еще спить-ли, не спить Егоровна?
Коли спить-то она, не будите ее,
А не спить-то она, посылайте сюда!“
Не новыя сѣни поскрипываютъ,
Не серебряно колечко побрякиваетъ:
Еще съ сѣней на сѣни Татьяна идетъ,
Еще съ новыхъ на новы Егоровна;

Она била челомъ, низко кланялася
Удалому молодцу, да Василью Миничу,
Пѣсни 57—65 доставлены В. П. Далемъ.

*) Припѣвъ поется послѣ каждой строки.

66.

Какъ по морю, морю, морю синему,
Что по синему морю, по Хвалынскому
Тутъ бѣжить выбѣгаетъ тридцать черныхъ
кораблей.
Какъ одинъ-то корабль напередъ забѣгалъ,
Напередъ забѣгалъ, что соколъ залеталъ.
Ночь, корма корабля позолоченные,
А бока взведены по туриному,
Онъ хоботы мечетъ по змѣиному.
Хорошо была бесѣда изукрашена,
Изукрашена бесѣда краснымъ золотомъ,
Околочена бесѣда рятымъ (sic) бархатомъ,
Изунизана бесѣда скатнымъ жемчугомъ.
Во бесѣдушкѣ спдѣлъ добръ удалой молодецъ,
Добръ удалой молодецъ (имя и отчество
жениха),
Во правой рукѣ держалъ онъ булатный ножъ,
Во лѣвой рукѣ держалъ кипарисъ деревцо.
Онъ стружечки строгалъ, во синѣ море бросалъ,
Онъ сронилъ со правой рученьки злаченъ
перстень,
Со любимого перста со мизиньчика.
Какъ взговорилъ, промовилъ младъ удалой
молодецъ.

Удалой молодецъ (имя и отчество жениха):
Вы ой еси, друзья мои товарищи!
Поскорѣ мечите якоря булатные,
Опускайте-ка вы неводы шелковые.
Какъ (такого-то) друзья не послушались,
Они бросали невода все во синѣ море.
Какъ въ первый разъ закинули—не выловили.
Во второй-то разъ закинули—нѣтъ ничего.
Они въ третій разъ закинули—выловили,
Три выловили рыбы златоперья,
Златоперья рыбы, златокрылья:
Какъ нервую-то рыбу во пятьсотъ рублей,
А вторую-то рыбу ужъ во тысячу рублей,
А какъ третьей-то рыбѣ и цѣны ей нѣтъ,
Что оцѣнщики рыбы въ каменной Москвѣ,
А закупщики рыбы въ Архангельскомъ городу,
Въ Архангельскомъ городу у (такой-то) во
дому.

Пѣсня доставлена адмираломъ Кузьминцевымъ.

II. Пермской губерніи.

г. Чердынъ.

67 (1).

ЖЕНИХУ СЪ НЕВѢСТОЮ.

Выкатался скатень жемчугъ,
Какъ по блюду, да по золоту,
По другому, по серебрену,
Докатился скатень жемчугъ
Да до камня до яхонта,
До души красной дѣвицы,
Свѣтъ до Марьи Васильевны.
Выходила наша умная,
Выходила разумная,
Не сама она выгуляла—
Выводилъ ее сударь батюшко,
Становилъ среди полу,
Онъ велѣлъ Богу молиться
Боярамъ да поклониться,
А Василью да на особицу *)
Свѣтъ Иванычу пониже всѣхъ.

*) Особенно, особливо. *Прим. собирателя.*

68 (2).

ИМЪ ЖЕ.

Какъ на снемъ было да на морѣ,
На горячемъ да бѣломъ камушкѣ,
Тутъ сидѣла бѣла лебедушка,
Добро жалобно она кыкала *),
Ко бѣлу камню да припадаючи,
Ко синю морю да причитаючи:
— Тебѣ Богъ судья, да синне море,
Что синне море да Хвалынское!
Къ чему рано да разливалось,
Со краю на край да всколыбалось?
Подмочило да тепло гнѣздышко,
Посносило да малыхъ пташечекъ—
По синю морю да по Хвалинскому.—
Унесло же да лебедь бѣлую
Прочь отъ стада да лебединова;
Приставала да лебедь бѣлая
Что ко стаду да ко сѣрымъ гусямъ.
Ее стали да гуси щипати,
А лебедушка стала кыкати:
— Не щиплите да, гуси сѣрые,

Не сама де я къ вамъ залѣтѣла,
Занесло де меня погодою,
Что погодушкой да осеннею
Что осеннею да полуденною.—

Во високомъ да новомъ теремѣ,
За столами да за дубовыми,
За скатертями да все за браными,
Что за яствами да за сахарными
Тутъ сидѣла да красна дѣвица
Свѣтъ су Марья да су Васильевна,
Ко столамъ она припадаючи,
Ко отцу она да причитаючи:
— Тебѣ Богъ судья, родный батюшка!
Ты не далъ мнѣ, родный батюшка,
Мнѣ пожить да покрасоватися,
Съ умомъ-разумомъ да собратися
Со годами да соверстатися,
Со подружками да сопознатися,
Мнѣ бѣла лица да нонанолнити,
Трубчатые косы да поотростити,
Ты, родимый да сударь батюшко!
Когда я была да малешенька,
Какъ ходила я подлѣ лавочки,
Говорилъ ты мнѣ, родной батюшка:
„Ты расти, расти, да дитя милое,
Не отдамъ я тебя, да дитя милое,
Не за князя, не за боярина
Не безъ ста рублей да не безъ тысячи.
Посажу я да тебя, дитятко,
Во зеленый садъ да подъ яблоньку,
Обсажу же да тебя, дитятко,
Все цвѣтами да все и алыми,
Я покрою да тебя, дитятко,
Все кашкою да мелкотравчатой,
Я полью же да тебя, дитятко,
Не росой, а сытой медвяною“.
А какъ стала я да на возрастѣ,
Отдаешь меня, родный батюшка,
Не за князя, не за боярина,
А за удала да добра молодца—
За Василья да свѣтъ Иваныча.
Посадилъ меня, родный батюшка,
За столы меня да за дубовые,
Обсадилъ да меня, родный батюшка,
Все гостями да незнакомыми.
Ты покрылъ меня, родный батюшка,
Все тоскою да все кручинушкой,
А полилъ ты меня, родный батюшка,

Ты моими же да горячими слезами.
На чужой то да дальней сторонѣ
Станутъ всѣ меня да журить-бранить;
Я младшенька да буду плакати.
Не умѣешь де ты, невѣстушка,
На головкѣ да поправить.—
Не жури, свекоръ со свекровушкой,
Не брани, деверъ со золовухой,
Не сама, вѣдь, я ко вамъ заѣхала,
Не своею да я охотою,
А великою да я неволею:
Завезли да меня кони борзые
Удалова да добра молодца
Что Василья да свѣтъ Иваныча.

*) Плакала. *Прим. собир.*

69 (3).

«священнику»:

Ты стопа, стопа церковная,
Ты свѣча же да запрестольная,
Ты священный нашъ батюшка,
Высота ты поднебесная,
Широта да ты подземельная,
Что подай же, да Боже—Господи,
Тебѣ во вѣки да священствовать,
Во Божьей церквѣ во соборные,
Что Божьей церковью тебѣ нравити
Золотой же да ризой зяе(ни)ти (?) *),
Со своею да со боярыней
Свѣтъ со (имя и отчество),
Со своими да дѣтми милыми
(свѣтъ со (имя и отчество)).

*) Слово не разобрано.

70 (4).

тысяцкомъ.

Ахъ ты, тысяцкій воевода!
Воевалъ онъ всѣми городами,
Онъ по Астрахани, по Казани,
Онъ по всей Москвѣ и Сибири,
Онъ по городу по Чердыни:
Онъ невѣсть выбиралъ головами
И онъ Марью взялъ головою,
Свѣтъ Васильевну головою,
Ее отдалъ Ивану руками,
Свѣтъ Васильевичу руками.
Ахъ ты, тысяцкій торговый!
У него торги все большіе,

Живота у него кораблями,
Золотыхъ у него сундуками,
Парчей, штофѣй косяками,
Куницъ, соболей сороками,
Да жена у него молодая
Свѣтъ су (имя и отчество);
Она пѣша къ обѣднѣ не ходитъ:
Въ лѣтѣ она во каретѣ,
Въ зимѣ она во саночкахъ;
Пара подъ ней ворона,
Кучера у нея молодые,
Шафера у нея холостые.

71 (5).

отцу.

Какъ во сыромъ бору сѣннички ронены *),
Что на воронныхъ коняхъ вывожены,
На веселое мѣсто построены,
Что во Чердынѣ во градѣ поставлены,
Свѣтъ Иваномъ-то сѣни построены,
Что Ивановичемъ поставлены.
Что не павушка по сѣнничкамъ летаетъ,
Не павлиное перье роняетъ;
Молода его боярыня гуляетъ,
Она въ рученькахъ пялочки держала,
А во пялочкахъ-то впялѣнъ алыі бархатъ;
Она шила вышивала три узора:
Она первой узоръ вышивала—
Не утриную зорю съ бѣлымъ свѣтомъ;
Она другое-тъ узоръ вышивала—
Несходимое красное солнце со лучами,
Она третій узоръ вышивала,—
Что свѣтелъ да младъ мѣсяцъ со звѣздами.
Какъ утренняя заря да со бѣлымъ свѣтомъ,
То совѣтъ да любовь со женою,
То и долгій вѣкъ со душою,
Свѣтъ Ивану су да со Анной,
Свѣтъ Ивановича со Петровной.
Несходимое красное солнце со лучами,
То Иванъ сударь съ сыновьями,
Свѣтъ Ивановичъ съ соколами.
Не свѣтелъ младой мѣсяцъ со звѣздами.
А то Анна душа съ дочерями,
Свѣтъ Петровна съ лебедками.

*) Сѣни срублены. *Прим. собир.*

72 (6).

большому боярину съ женою и дѣтми.

Что по сѣнямъ, по сѣнничкамъ,
По частымъ переходчикамъ

Тутъ и ходила, гуляла
Молодая боярыня.
Свѣтъ су Ольга Ивановна.
Приходила, пригуляла
Ко кроваткѣ тесовой,
Ко перинѣ пуховой,
Ко одѣялу соболиному,
Ко парчевой къ подушечкѣ,
Къ своему другу милому;
„Ужъ ты стань ли, мой ласковѣй,
Пробудися, привѣтливѣй!
У тебя, у боярина,
И кони не обѣзжаны,
Молодцы не снаряжены,
Оружья не сготовлены.“
— Не тужи, моя умная,
Не печалься, разумная,
Будетъ Богомъ исправлено:
И кони нообѣзжаются,
Молодцы снаряжатся,
Оружья приготовятся,
Ужъ мы заднихъ-то съустижемъ *)
А середнихъ перестижемъ,
А съ передними равны будемъ.
Государю коня подведемъ,
На рукѣ сокола поднесемъ.
Что за то благовѣрный царь,
Онъ за то насъ пожалуетъ,
Тремя градами стольными **):
Онъ Казанью со Астраханью,
Онъ Сибирью богатою.
Во Казань городъ посажу
Своего сына милаго
Свѣтъ (имя и отчество),
Во Астрахань городъ посажу
Своего сына милаго
Свѣтъ (имя и отчество),
Во Сибирь во богатую
Ужъ я самъ съдокомъ сяду,
Со своей со боярыней
Со Ольгой Ивановной,
Съ малымъ сыномъ, со дочерью
Съ (имя и отчество).
Сына милаго пожалуетъ
Онъ добрымъ конемъ наступчивымъ,
Милу дочеръ пожалуетъ
Онъ вѣнкомъ съ пеленелками***).

*) Нагонимъ, догонимъ. *Прил. собир.*

**) Столичными—или главными. *Пр. собир.*

***) Вѣнокъ съ пеленелками и бочка—головное подвѣнное украшеніе въ видѣ вѣнца, украшен-
ного блестками, мишуру, фольгою, камнями и
жемчугомъ. *Прил. соб.*

73 (7).

БОЯРИНУ ИЛИ ЖЕНАТОМУ ГОСТЮ.

Вылеталъ соловейко изъ зелена сада,
Садился соловей на крылешной столбъ;
Хорошо соловейко насвистываетъ,
Молодой молодецъ выговариваетъ:
— Еще кто со женою въ совѣтѣ живетъ,
Кто со душечкою во великой любѣ *)?
Свѣтъ Козьма со женою въ совѣтѣ живетъ,
Что Васильевичъ во великой любѣ.
Ужъ ты, Настенька, моя душечка,
Свѣтъ, Григорьевна, животочки мои!
Я не вижу тебя—я тужу по тебѣ,
Я увижу тебя—я возрадуюсь
Будьто красному тебѣ солнышку,
Будьто ясному младу мѣсяцу,
Такъ тебѣ ли я, моя душечка.
Породи ты мнѣ сына, сына сокола,
Не роди хороша, роди счастливаго,
Роди счастливаго, и таланливаго.
Отдадимъ его въ Питеръ грамотѣ учить,
Хоть не ради учи *), ради чести, хвалы.

*) Любви. *Прил. соб.*

**) Не ради учи не для того, чтобы выучился.
Прил. собир.

74 (8).

НЕЖЕНАТОМУ ГОСТЮ.

Какъ у стольнаго города витыя ворота,
И вью, и вью, и вью, радость моя!
Что витыя, золотыя, трои замчатыя *),
И вью, и вью и пр.
Трои замчатыя, запечатаныя.
Какъ во первыя ворота соколъ пролеталъ,
Во другія-то воротника хозяинъ проѣзжалъ,
Свѣтъ (имя и отчество); {прогналъ,
Что во третѣ то воротника королевъ гонецъ
Королевъ гонецъ прогналъ, зычнымъ**) голо-
сомъ кричалъ:
„Ужъ ты стой, воротися, хозяинъ господинъ,
Что твоя-то де жена сына породила“
— Ужъ я не стою, не стою, я не ворочуся,
Что для сына то, для ясна сокола:
Сынъ у меня онъ хозяинъ во дому,
Онъ хозяинъ во дому, какъ Адамъ въ раю.
„Ужъ ты стой, воротися, хозяинъ господинъ,
Что твоя то де жена дочеръ породила“
— Я стою, я стою, да и ворочуся,
И для дочери, для пеленелки ***):

ужь вѣдь дочь то у меня то и гостья во дому,
Какъ алады во медю.

*) Замчатая (украшенная замками). *Прим. соб.*

**) Зычнымъ—громкимъ. *Прим. собир.*

***) Для пелепелки—для перепелки. *Прим. соб.*

75 (9).

ЖЕНИХУ И НЕВЬСТѢ.

Что по край моря синяго
Тутъ стояла верба золотая.
По корень вербы золотой
Обобгали черны соболи,
По середь вербы золотой
Стояла бѣло-ярова пшена *)
Кругъ пшены **) да бѣло-яровы
Облетали ясны соколы.
Что поверхъ вербы золотой
Что стоялъ тутъ бѣлый храмъ:
Какъ во томъ, во бѣломъ храму
Стоять Спасъ да со милостью
И Пречистая со участью.
Тутъ никто Богу не молится
И никто не общается;
Лишь одна Богу молилася
Да одна общалася
Душа красная дѣвица
Свѣтъ (имя и отчество),
Что у Спаса проситъ милости,
У Пречистой соучасти:
„Мнѣ подай, Боже Господи,
Свекра, какъ родна батюшка,
А свекровку, какъ матушку,
Что деверьевъ, какъ братчиковъ,
А золовокъ, какъ сестрицевъ;
Мнѣ мила друга совѣтнаго
Что совѣтнаго любовнаго,
Съ нимъ совѣтъ, любовь и долгій вѣкъ!“

*) Пелена. *Полр. К—аго.*

**) Пелены. *Полр. К—аго.*

76 (10).

ЖЕНИХУ.

Ибсню эту поють тогда, когда во время
ужина будущая теща поднесетъ жениху блины
на тарелкѣ, покрытые сверху другою тарелкою.
Женихъ, принявши тарелку, неревертываетъ
ее и угощаетъ самъ гостей блинами, а на
пустую тарелку кладетъ подарокъ тещѣ день-
гами.

Какъ во теремѣ гусельцы лежали,
Какъ во высокомъ звончаты лежали;

Ужъ какъ нѣкому во гусельцы играти,
Ужъ какъ нѣкому во звончаты звенѣти,
Что хозяйина-то дома не случилось:
Онъ у ласкова тестя за столами,
У привѣтливаго за убраны(ми?),
Онъ у ласковой тещи за блинами
У привѣтливой за сахарны(ми?).
Теща зятю блины подносила,
Теща зятю сама говорила:
„Ужъ ты кушай, зять соколь, да не упивайся,
Надъ моею милою дочерью не величайся:
Что моя то мила дочерь не учена,
Ломанья, величанья она не знаетъ;
Разувать да обувать не умѣть,
Что встрѣчать, провожать не доганеть *).
На коня-то садись—не валися,
А съ коня-то слѣзай—не шатайся“.

*) Не догадается. *Прим. собир.*

77 (11).

НЕЖЕНАТОМУ ГОСТЮ ИЛИ БОЯРИНУ.

У Петра ли молодца, кудревата голова,
У Григорьевича кудри желтыя;
Въ три ряда желты кудерцы завивались:
Во первый рядъ кудри вьются чистымъ се-
ребромъ,
Во второй рядъ кудри вьются краснымъ зо-
лотомъ,
Во третій рядъ кудри вьются скатнымъ жем-
чугомъ.
На Дону донски казаки сдивовались молодцу,
На Москвѣ князья-бояра позавидовали:
Не зря ли да добра молодца воспроизла,
Не свѣтель ли да молодой мѣсяцъ воспоилъ—
вскормилъ?
Не часты ли де ясны звѣзды возлетѣли?
— Ахъ вы, глупые бояра, неразумные!
Породила да меня молодца родна матушка,
Воспоилъ да вскормилъ родной батюшка,
Возлетѣли добра молодца мяньки-мамушки,
Наряжали да добра молодца князья-бояра!

78 (12).

ЖЕНИХУ И НЕВЬСТѢ.

Среди было царства Россійскаго,
Среди государства Московскаго,
Тутъ стояли палаты бѣлокаменные;

Какъ во тѣхъ было палатахъ бѣлокаменныхъ
Тутъ стояли столы да дубовые,
На столахъ-то столешенки кедровые,
Исподерганы скатерти шиты браныя,
Изнаставлены яства все сахарныя,
Изналиваны питья да все медвяныя.
Что за тѣмъ за столами, за дубовыми
Тутъ сидѣли, посидѣли князья, бояра.
Посередѣ же ихъ сидѣлъ да добрый молодецъ,
На колѣничкахъ держалъ звончаты гусли,
Онъ выигрываетъ волю, да волю батюшкову,
Онъ нѣгу, нѣгу, нѣгу матушкину.
Подошедши же Марьюшка послушала,
Отошедши Васильевна восплакала:
Это что у васъ за воля, да воля батюшкова?
Это что у васъ за нѣга, да нѣга матушкина?
Отставать же мнѣ отъ воли да отъ батюш-

ковой,

Отъ великія отъ нѣги да отъ матушкины,
Приставать будетъ ко волюшкѣ ко свекровой,
Ко великой ко нѣгѣ ко свекровкиной.
Отставать мнѣ отъ обычья дѣвичьяго,
Приставать будетъ къ обычью молодецкому,
Ко обычью удалова добра молодца
Свѣтъ [Ивана Васильевича]*).

*) Доб. К—мъ.

79 (13).

ЖЕНИХУ И НЕВѢСТѢ.

Какъ у насъ было во нынѣшнемъ году
Уродился виноградъ во саду,
Онъ со калиной со малиною,
Съ черной ягодой смородиною.
Какъ возговорить удалый молодецъ:
— Я пойду ли во зеленый садъ гулять,
Я сорву ли съ розы розовый цвѣтокъ,
Ужъ я сяду подъ ракиновый кустокъ.—
Онъ цвѣточку любитъся,
Красотѣ своей любитъся:
— Красота ли молодецкая моя,
Удалова добра молодца
Свѣтъ [Александра Николаевича]*).
Былъ я, былъ я въ Петербургѣ, во Москвѣ,
Не нашелъ я тамъ невѣсты по себѣ;
Развѣ, развѣ въ Чердынѣ городъ соберусь,
Во соборъ я пойду Богу помолюсь:
Создай, Боже, мнѣ невѣсту хорошу,
Что милу ли красну дѣвицу душу
Свѣтъ [Марью Дмитріевну]*);
Какъ за ней дадутъ приданое,
Что болше село со церквами,

Ей дѣвчонушку во ключницы дадутъ,
Ей малчишка наливать и подавать,
А другова разувать и обувать.
Вотъ идетъ, идетъ боярышня,
Вотъ летитъ, летитъ ласточка,
Вотъ идетъ яблонь садовая моя,
Вотъ идетъ свѣтитъ алмазная искра.—
Какъ отвѣтъ да держитъ дѣвица
Удалому добру молодцу:
„Кабы я была ласточка,
Я летала бы по воздуху.
Какъ бы я была боярышня,
За мной были бы служаночки,
Какъ бы я была алмазная искра,
То у васъ была бы въ золотомъ кольцѣ
Что на правой я на рученькѣ.
Какъ бы яблонь я садовая была,
То росла бы я во зеленомъ саду
У удала добра молодца
Свѣтъ [Александра Николаевича]*)“

*) Имена добавлены К—мъ.

80 (14).

ХОЛОСТОМУ.

Ужъ ты винная ягодка,
Наливной сладкой яблочекъ,
Удалой доброй молодецъ,
Свѣтъ (имя и отчество)!
У тебя ли у молодца,
У тебя лице бѣлое—
Примѣни къ снѣгу бѣлому,
У тебя ли у молодца
У тебя щечки алыя—
Примѣни къ маку алому.
У тебя ли у молодца,
У тебя кудри желтыя—
Примѣни къ желту золоту,
Ко желту, ко червонному.
У тебя ли у молодца
У тебя брови черныя,
Какъ у чернаго соболя,
У черна у сибирскаго.
У тебя ли у молодца
У тебя очи ясныя,
Какъ у яснаго сокола,
У ясна перелетнаго.
У тебя ли у молодца
И походка навлиная.
У тебя ли у молодца
Рѣчь сладка лебе(ди)ная*).
У тебя ли у молодца
И невѣста пригожая

Свѣтъ душа красна дѣвица,
Свѣтъ (имя и отчество).

*) Поправлено К-имъ: лебежая.

81 (15).

МАЛЕНЬКОМУ БОЯРИНУ.

Какъ надъ Колвою, надъ рѣкою
Тутъ стояло ли древо кудряво;
Какъ на томъ было древъ кудрявъ
Тутъ сидѣла птишка соловейко.
Она пѣсни постъ, напѣваетъ,
Словеса говоритъ все премудры:
„Еще кто у насъ на свадьбѣ маленець,
Хоть маленець, да хорошенекъ.
Свѣтъ (имя и отчество) то на свадьбѣ маленець?
Свѣтъ (имя и отчество) хорошенекъ?
Посадимъ мы его всѣхъ повыше
Его на три перины пуховы,
Его на три подушки парчевы,
На коверъ же его сорочинской,
Чтобы люди на его поглядѣли,
Отцу матери рассказали,
Его суженой похвалили“.

82 (16).

СВАТОВЩИКУ И СВАТОВЩИЦѢ.

Какъ на той на высокой горѣ,
Радость, радость, душа ли моя!
Что стоялъ тутъ и бѣлый храмъ,
Радость, и проч.
Что бѣлый храмъ муравленный;
Какъ во томъ во бѣломъ храмѣ
Обручались два отрока,
Что отрокъ со отроковицею—
Молодецъ со дѣвицею,
Свѣтъ Василій сударь съ Марьею,
Что Иванычъ со Васильевною.
Обручались и вѣнчались
И перстнями мѣнялись.
Ихъ покрылъ бы покровчикомъ,
Ей не столь бы тошнехонько,
Ей не столь бы горчехонько
Разставаться со батюшкѣмъ
И съ родимою матушкою;
Ей разстаться не хочется
Разойтись не подумасть.

Ахъ, разстаться разстаться будетъ,
Разойтись, разойтись будетъ,
Приставать, приставать будетъ
Ей ко свекру ко батюшкѣ,
Ко свекровкѣ ко матушкѣ.
Привыкать, приставать будетъ
Мнѣ къ обычю молодецкому
Свѣтъ къ (имя и отчество).
Какъ спроговорить су Марьюшка,
Какъ спроговорить Васильевна:
„Кто на свадьбѣ у насъ больше всѣхъ;
Кто на свадьбѣ почестливѣе?
Больше всѣхъ у насъ сватовщикъ
Свѣтъ (имя и отчество),
И больша сватья сватовщица
Свѣтъ (имя и отчество).“

83 (17).

НЕВѢСТЬ.

Отнесло, отлелѣяло
Милу дочерь отъ матери,
Что любиму отъ родимыя.
Съ по бережку (sic) шла матушка
Съ по крутому (sic) родимая.
Она кликала, зычала,
Что своимъ зычнымъ голосомъ:
„Ты постой, мое дитятко,
Воротися, родимое!
Ты забыла, запомнила
Трои золоты ключики“.
Какъ отвѣтъ держать дитятко:
— Ужъ ты, мать моя, матушка,
Государыня родимая,
Не забыла, не запомнила
Трои золотые ключики:
Первы ключики отъ садика,
Что отъ садика зеленова;
Что другіе то ключики
Отъ высока нова терема
Ужъ какъ третьи-то ключики,
Отъ ларцевъ да отъ кованыхъ.
Только, только забыла я
Велику волю батюшкову,
Что милу нѣгу матушкину
И наказы то братчиковъ,
И пріятство сестрицно.
Говорили мнѣ братчики,
Говорили, наказывали:
Ты сестра наша, сестрица,
Ты сестра наша милая,
Свѣтъ (имя и отчество)

Не ходи, сестра родимая,
По большой славной улицѣ,
Не гляди, сестра милая,
На широкой дворъ (имя и отчество):
Тутъ живутъ люди приманчивы,
И приманчивы, обманчивы:
Заглядишься, моя сестрица,
На удала добра молодца
Свѣтъ (имя и отчество),
Заглядишься, не воротишься.

84 (18).

ЖЕНАТОМУ ГОСТЮ ИЛИ БОЯРИНУ.

Ужъ какъ по сѣнямъ, сѣнямъ косящетымъ
Тутъ ходила, гуляла боярыня.
Онъ приходила и пригуживала
Свѣтъ ко кроваткѣ тесовенькой,
Свѣтъ ко перинѣ пуховенькой,
Свѣтъ ко подушкѣ парчевинькой,
Свѣтъ къ одѣялу соболиному,
Свѣтъ къ своему другу милому:
„Стань, пробудися, мой ласковый,
Стань, пробудися, привѣтливый,
Мнѣ ли младешенькой мало спалось,
Мало спалось, много видѣлося.
Я тебѣ душечка, сонъ расскажу,
Я тебѣ, ласковый, радость скажу.
Какъ бы у насъ среди двора,
Середь двора, середь широкова
Выросло деревцо кинарисно,
Другое деревцо сахарное;
На древѣ вѣточки золотыя,
Золотыя и серебренныя;
По двору травонька муравая,
По травѣ цвѣтики аленькіе,
Аленькіе и лазоревые“.
— Я тебѣ, душенька, сонъ расскажу,
Я тебѣ, душенька, радость скажу.
Въ добромъ здоровьи и въ радости,
Кинарисъ деревцо я у тебя,
Сахарно деревцо ты у меня,
На древѣ вѣточки—дѣти у насъ,
Дѣти у насъ, дѣти милыя,
По двору травонька—люди при насъ,
Люди при насъ все услужливые.
На травѣ цвѣтики—дѣти у нихъ,
Дѣти у нихъ, дѣти милыя.

85 (19).

гостю съ женою.

Какъ бы по морю, морю,
Вью, вью, вью радость моя!
По синю, по Хвалынеску
Вью и пр.
Тутъ плыветъ, выплываетъ
Селезень сизъ косатой;
А за нимъ выплываетъ
Что больша сѣра утка,
Что кричала, зычала:
„Ты постой, селезенько,
Воротись, сизъ косатой,
Ты возьми меня съ собою
Во зеленый лугъ гуляти,
Мягкой травки пощипати,
Ключевой воды испити“.
Какъ бы по сѣнямъ, сѣнямъ
Тутъ и ходить, гуляеть
Молодой нашъ бояринъ
Свѣтъ (имя и отчество);
А за нимъ выходила
Молодая боярыня
Свѣтъ (имя и отчество);
Что кричала, зычала
Она гласъ подавала:
„Ты постой, мой хозяйинъ,
Господинъ мой бояринъ,
Ты возьми меня съ собою
Во зеленый садъ гуляти,
Сладкихъ яблочковъ щипати,
Винограду покушать“.
— Ты изволь, мой другъ, гуляти
По зеленому садочку.
Породи-ка ты мнѣ сына,
Сына сокола мнѣ яснаго.
Породи-ка ты мнѣ дочку,
Дочку бѣлую лебедку.

86 (20).

гостямъ.

По сѣнямъ, сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ
Тутъ и ходила, гуляла
Молодая боярыня
Свѣтъ (имя и отчество).
Приходила, пригуляла
Къ кроваткѣ тесовенькой,
Ко перинѣ пуховенькой,

Ко подушкѣ камчатной,
Къ одѣлѣ соболиному,
Къ своему другу милому
Свѣтъ къ (имя и отчество):
„Ужъ ты стань ли, мой ласковый,
Пробудись, привѣтливый:
Отвизался твой добрый конь
Отъ столба отъ дубоваго,
Отъ колечка серебрянаго,
Отъ того позолоченаго.
Ворвался же твой борзый конь
Ворвался во зеленый садъ;
Онъ зеленый садъ повиынталъ
Онъ со калиной, со малиной,
Съ черной ягодой смородиною!“
— Не тужи, моя умная,
Не печалься, разумная!
Какъ придетъ весна красная,
А за ней лѣто теплое,
Что нойдутъ дожди частые,
Отрастетъ же нашъ зеленый садъ
Онъ со калиной, со малиною,
Съ черной ягодой смородиною,
Онъ со грушей со зеленою,
Онъ со яблонью садовою.

87 (21).

холостому.

Вкругъ Казани, вкругъ городу,
И вью, и вью, и вью, радость моя,
Тутъ и ѣздитъ и сноѣздитъ
И вью, и вью и пр.
Удалый добрый молодецъ
Свѣтъ (имя и отчество)
На своемъ добромъ конѣ
На любимомъ, на бахматѣ *).
Какъ зазрѣла, засмотрѣла
Да его сестра милая
Изъ висока нова терема,
Изъ окошечка косящета,
Сквозь коленку хрустальную:
„Ахъ ты братецъ, братецъ миленькій,
Свѣтъ (имя и отчество),
Тебѣ полно, братъ, ѣздити,
Тебѣ полно коня томить,
Тебѣ полно ковра полетить!“
Какъ отвѣтъ держитъ братъ сестрѣ:
— Ты, сестра моя, сестрица,
Мнѣ не батюшка коня купить,
Мнѣ не матушка коверъ кроила,
Мнѣ не ты, сестра, вышила.

Мнѣ-ка тестюшко коня купить,
Мнѣ-ка тещенька кроила,
Мнѣ своячина вышила,
Мила сужена подарила
Свѣтъ (имя и отчество).

*) Порода степныхъ коней, славившихся въ допетровское время. Ред.

88 (22).

пѣсню эту поютъ, когда невѣста по выходѣ
изъ за стола дарить жениха и бояръ.

Ужъ вы гусли, вы гусли!
Вы звончатые гусли!
Ужъ вы гдѣ гусли были?
Ужъ вы гдѣ побывали?
— Ужъ мы были побывали
У Василья на дворѣ,
У Васильича на широкомъ,
Что у Анны на сѣняхъ
У Петровны на новыхъ,
У Марьи во горницѣ,
У Васильевны въ свѣтлицѣ.—
Ахъ что Машенька дѣлетъ,
Что Васильевна дѣлетъ?
— Наша Марьюшка плачетъ,
Свѣтъ Васильевна плачетъ.
Къ сундукамъ принадлежитъ,
Ко ларцамъ причитасть:
„Ахъ вы ларцы, вы ларцы,
Окованные ларцы.
Я не годъ васъ копила,
Не другой наполняла.
Я нашла годочкомъ,
Раздарила часочкомъ,
Я однимъ вечерочкомъ:
Воярамъ по платочку,
Шаферамъ по другому,
Деверьямъ по камзолу,
Милу другу ширинку,
Не просто—вышитую,
Вышиту золотую“.

89 (23).

когда женихъ послѣ подарковъ проситъ всю
невѣстину родню виномъ, привезеннымъ имъ
съ собою на дѣвичникъ *).

Синее море на волнахъ стоитъ:
Молода Марья на думахъ стоитъ,

Думавши она слово вымолвить:
„Батюшка, ней, да меня не пропей.
Пропей, пропей, батюшко, село ты свое,
Ты село со людьми да родимое свое.
Село-то пропешь, ты и выручишь,
А меня-то пропешь, не выручишь.
Выручить, не выручить (имя),
Выручить, не выручить (имя)“.

*) Туже пѣсню поютъ матери, сестрамъ, братьямъ и прочимъ родственникамъ. *Прим. собир.*

90 (24).

ЖЕНИХОВОЙ СВАХЪ, КОГДА ОНА ПРИѢЗЖАЕТЪ КЪ
НЕВѢСТѢ УЗНАТЬ, ГОТОВА-ЛИ ОНА КЪ ВЪНЦУ.

Сахаръ мой, сахаръ, леденчатый мой сахаръ,
Кому этотъ сахаръ кушать, кому воскушати?
Стоючи же да промолвить свѣтъ су (имя и
отчество):
„Моему дружкку милому, сердечушку дорогому
Свѣтъ су (имя и отчество)“.
Ужъ ты, бархатъ нашъ, бархатъ, ты сырча-
тый нашъ бархатъ!
Кому этотъ бархатъ носить, да кому износить?
„Что носить ли этотъ бархатъ, свѣтъ су (имя
Ей къ Божьей церкви ѣхать!“ (отчество),

91 (25).

свахъ.

Горностаљчикъ нашъ бѣленькой,
Свѣтъ (имя и отчество),
Ты гордая наша сваненька,
Свѣтъ (имя и отчество)!
Не любила она пиры пировать,
Не любила столы столовать.
Еще только она поизволила
Господу Богу помолитися,
За себя и за мила друга,
За своихъ да милыхъ дѣтушекъ.
Она еще Богу молилася
За душу за красну дѣвицу
Да за удала добра молодца:
Имъ подай же, Боже Господи,
Что совѣтъ, любовь и долгій вѣкъ!

92 (26).

КОГДА, ПРИѢХАВШИ ОТЪ ВЪНЦА, СВАХИ СНИМАЮТЪ
СЪ НЕВѢСТЫ ГОЛОВНОЙ УБОРЪ И ЗАПЛЕТАЮТЪ
ВМѢСТО ОДНОЙ ДВѢ КОСЫ.

Трубила трубонька по зарѣ,
Всплакала Марьюшка по кося,

Всплакала Васильевна по трубчатой:
Вчера тебя, косынька, дѣвицы плели,
Заплели косыньку трубчатую;
Сегодня же косыньку сваненьки плетутъ,
Расплели косыньку трубчатую,
Заплели косыньку двойчатую.
Воструби, труба, поранѣ,
Что поранѣ по утреннему,
Чтобы чула и слышала
Свѣтъ су Марьяна матушка,
Что Васильевны родимая.
Она гдѣ трубу услышала
Слезно жалобно тутъ всплакала:
„Отъ меня ли дитя везутъ,
Что дитя ли дочерь милую!
Передъ ней образа несутъ,
Образа все пречудные,
По за ней сундуки несутъ,
Сундуки окованные
И ларцы кинарисные“.
Воструби, труба, поранѣ,
Что поранѣ по утреннему,
Что бы чула, слышала
Свѣтъ Васильева матушка,
Что Иваныча родимая,
Она гдѣ труба слышала,
Она тамъ взрадовалася:
„Ахъ ко мнѣ ли дитя везутъ,
Что дитя сноху милую.
Передъ ней образа несутъ,
Образа все пречудные,
По за ней сундуки несутъ,
Сундуки окованные
И ларцы кинарисные“.

93 (27).

свекровкѣ.

Какъ отъ горинцы до повалышей,
Радость, радость душа ли моя!
Что лежали тутъ брусья серебряные,
Радость и пр.
Что серебряны брусья, золоченые;
Что никто по тѣмъ брусьямъ не ходитъ, не
Что одна тутъ ходила и гуляла, (гуляетъ,
Что одна ли одна стара-матера жена,
Что съ по имени (имя и отчество),
Во рукѣ она носила воску яровы свѣшшы,
Передъ чудны образа свѣшшы засвѣчивала,
Отошедши сама Богу взмолилася:
Ты святый Боже, Лука, солучи мое дитя
Еще молода Василья со Марьею,
Еще молода Иваныча съ Васильевной.

Имъ подай же, Боже Господи, совѣтъ и
любовь,
Имъ совѣтъ и любовь и долгій вѣкъ!
Что на вѣки имъ и на долгіе,
Что на годы ли имъ да на добрые!
Пѣсни 67—93 всѣ отъ одного собирателя.

94 (1).

КОГДА ПРОСЯТЪ ДѢВНИЦЫ ПЕВѢСТУ ИТТИ ВЪ БАНЮ,
КОТОРУЮ САМИ ЖЕ ОНѢ ДЛЯ НЕЯ ВЫМЫЛИ И
ИСТОПИЛИ.

Ты пожалуй, мила подруженька;
Истопили мы теплу парусу,
Мы безъ дыму тебѣ и безъ чаду,
Безъ кудельныхъ тебѣ копотей*).

Не сомнѣвайся, мила подруженька,
Ты не смоешь тамъ дѣвѣй красоты,
А ты смоешь тамъ съ лица бѣлаго,
Со румянаго горячі слезы,
Съ ретива сердца злу кручиннушку.
Не улетитъ тамъ твоя красота
Въ дымно банное окошечко
За дымами да за кудрявыми:
Мы разставили караульничковъ,
Ко дверямъ да мы все придверничковъ,
Твоихъ братцевъ да ясныхъ соколовъ:
Они ноймають же твою красоту
Во свои-то да ручки бѣлыя,
И покинутъ же твою красоту
На серебряну на тарелочку
И прижмутъ твою дѣвѣю красоту
Ко сердечку да ко ретивому,
Ко желанью да ко великому.

*) Здѣсь, какъ и въ деревняхъ, готовятъ
ленъ и кудель къ пряжѣ въ баняхъ, а отъ этого
и бываетъ тамъ послѣ копотъ. *Прим. собирателя.*

95 (2).

Потомъ невѣста припадаетъ къ матери, и
дѣвушки начинаютъ пѣть:

Припаду-ли я, молодешенька,
Ко родимой же своей матушкѣ:
„Ты пожалуй-ко, родна матушка,
Тонку бѣлую да рубашечку,
Мнѣ честную да полотняную,
Хотя отъ роду и не въ первые,
Да въ дѣвѣй красотѣ во послѣдніе;
Мнѣ итти же въ теплу парусу,

И мнѣ съ этой же со рубашечкой
Мнѣ итти же на дальну сторону,
На злодѣйку да незнакому;
Чтобы грѣла меня рубашечка
На чужей да дальней сторонѣ;
Такъ, какъ красное грѣетъ солнышко.

96 (3).

Послѣ этого плача, мать отдаетъ дочери
рубашку, а она падаетъ въ ноги отцу и
матери, которые благословляютъ ее. Потомъ
дѣвушки ведутъ ее подъ руки въ баню и
поютъ:

Ты свѣти, младъ свѣтель мѣсяцъ,
Освѣти ты мнѣ нуть-дороженьку:
Мнѣ итти же да въ теплу парусу
Со кумами, да со подружками.

97 (4).

По приходѣ въ баню, дѣвушки, раздѣвши
невѣсту, поютъ:

Мнѣ почесь, младой, мало спалося,
Мало спалося, да во снѣ видѣлось,
Мнѣ страшень же да сонъ привидѣлся:
Я ходила да, млада, гуляла
Что во далицѣ*), во чистомъ полѣ
И увидѣла я, младешенька,
Тутъ стояла бѣла березонька,
Она бѣла кудреватая.
Изъ-подъ той же бѣлой березоньки
Протекать же да тутъ медвянъ ручей;
Тутъ купались бѣлы лебедушки,
Онѣ всѣ вмѣстѣ, заединое,
Едины только на особицу;
Она купается, да не укорнется.
Я сама, млада, знаю-вѣдаю,
Молодешенька, да догадаюсь,
Я своимъ-то да молодымъ умомъ:
То кака же да дальня далица?
То какое же да чисто поле?
У моего-то родима батюшки
То оградунка да широкая.
То кака же бѣла березонька?
То стоитъ-ли да тепла наруша;
То какой же да медвяной ручей?
То напошена ключевъ вода;
То каки-де бѣлы лебедушки?
То мон-де милы подруженьки;

Онѣ всѣ вмѣстѣ, заединое,
Онѣ моются да и парятся;
Только я, млада, на особицу,
Во тоскѣ же да во кручинушкѣ:
Запоручена моя буйна голова
Во чужую же дальню сторону,
Во злодѣйку да незнакомую.

*) Во дали, въ дальней сторонѣ. *Прим. собир.*

98 (5).

КОГДА ДѢВУШКИ ОДѢВАЮТЪ НЕВѢСТУ ВЪ БАНѢ.

Послѣ меня же, да молодешенькой,
Раскатиесь-ко, да тепла паруша,
Со верхня бревна до окладнова;
Ты разсынься-ко, жарка каменка,
По единому да по камушку.
Какъ на это да тепло мѣстечко,
Гдѣ стояла да тепла паруша,
Я покину да бѣлъ горючъ камень;
А какъ будетъ да лѣто красное,
Расцвѣтетъ этотъ бѣлъ горючъ камень
Все цвѣтами-то да все алыми;
Я приѣду же, да молодешенька,
Ко своему да родну батюшку
И увижу тѣ цвѣты алые;
Тогда веномню я, молодешенька,
Гдѣ разсталась я съ дѣвѣей красотой.

99 (6).

ПО ВЫХОДѢ ИЗЪ БАНИ.

Благодарствуйте, милы подруженьки!
Вамъ на вашей да теплой парушѣ.
Вы обманули меня молодешеньку:
Вы сказали, да милы подруженьки,
Вы сказали, да мнѣ нахвастали,
Что не смою я дѣвью красоту,
А что смою я горючі слезы,
Съ ретива сердца злу кручинушку,
А я смыла свою дѣвью красоту.

100 (7).

ВЕЧЕРОМЪ, ВЪ ДѢВИЧНИКЪ, ПО ВЫХОДѢ ВСѢХЪ
ГОСТЕЙ.

Не вода-ли да меня пѣняла?
Не вода-ли да большая вешняя?
Что не горы-ли меня облегли?
Не лѣса-ли да меня обросли?
Я сама, млада, знаю-вѣдаю,
Молодешенька догадаюся,
Я своимъ-то да молодымъ умомъ:

То кака же да вода вешняя
Среди да зимы студенныя?
Это пѣняли меня горючі слезы;
То каки же да лѣсы темныя?
Обступили да люди добрые
Съ чужей—то дальней сторонушки,
Со злодѣйки да незнакомыя;
То каки же да горы высоки?
Облегла же тоска-кручинушка
Вкругъ моего же да ретива сердца.
Я спрошу тебя, родной батюшка
И родимая моя матушка,
Кто у васъ были гости торговые?
Аль съ синія моря корабельщички?
Торговаль мнѣ родимой батюшка,
На мой-то да могучи плеча
Онъ мнѣ шубу да соболиную;
Торговала мнѣ родна матушка,
Во мой-то да во чутки уши
Она серги мнѣ да жемчужныя;
Торговала мнѣ крестна матушка
На мое-то да ретивое сердце
Чуденъ крестикъ да со пѣпочкою;
Торговаль мнѣ да братецъ миленкой
На мой-то да рѣзвы поженъки
Мнѣ онъ чеботы да сафьянныя;
Торговала мнѣ родна сестрица
На мою же да буйну голову
Мнѣ вѣнокъ же и съ нелепелками *).
Я сама, млада, знаю-вѣдаю,
Я, молодешенька, догадаюся
Я своимъ-то да молодымъ умомъ:
То кака шуба да соболиная?
На чужей-то да дальней сторонѣ
Мнѣ работушка будетъ тяжкая.
То каки серги да жемчужныя?
На чужей-то да дальней сторонѣ
Поношеньице да будетъ великое.
То какой же да крестъ съ пѣпочкою?
На чужей-то да дальней сторонѣ
Нанадутъ же да на мое сердце
Зла нечаль-тоска со кручинушкой.
То каки же да новы чеботы?
На чужей-то да дальней сторонѣ
Мнѣ работушка будетъ тяжкая.
То какой вѣнокъ съ нелепелками?
На чужей-то да дальней сторонѣ
Будутъ всѣ меня все журить-бранить.

*) Вѣнки съ пелепелками, или т. н. „бочки“, надеваютъ здѣсь дѣвушки только подъ вѣнецъ и къ причащенію. Этотъ блестящій головной уборъ имѣетъ сходство съ вѣнкомъ и бываетъ украшенъ или узизанъ жемчугомъ, камнями, блестящими, фольгой и мишурую. *Прим. собир.*

101 (8).

Послѣ этой плачи, дѣвушки садятся за тотъ же столъ, за которымъ сидѣли гости, и садятъ съ собою невѣсту въ переднее мѣсто. Отъужинавши, невѣста начинаетъ плакать и биться о столъ, а дѣвушки поютъ.

Отказалъ мнѣ родимый батюшка,
Онъ отъ хлѣба мнѣ, онъ и отъ соли;
Отказала мнѣ мать родимая
Отъ рубанечекъ тонкихъ бѣлыхъ
И отъ платица мнѣ отъ цвѣтнаго;
Отказалъ же мнѣ братецъ миленькій,
Онъ отъ чеботовъ отъ сафьянныхъ;
Отказала мнѣ сестра милая
Отъ вѣночка мнѣ съ пеленелками.
Ахъ вы, кумушки, вы подруженьки!
Не осудите вы меня, милыя,
Не на гусъ вы, не на лебедѣ,
Не на большемъ же приготовленьѣхъ.
Благодарствую, родный батюшка,
Тебѣ на хлѣбъ и на соли!
Отшла я, млада, и откушала
Со кумами да со подружками.
Благодарствую, родна матушка,
На твоёмъ-то да цвѣтномъ платицѣ!
Отходила въ немъ и открасовалась я.
Благодарствую, братецъ миленькой,
На высокомъ-то тебѣ теремѣ:
Что на свѣтлой, свѣтлой свѣтлицѣ,
На столовой да на бѣлой горницѣ!
Благодарствую, сестра милая,
На вѣнкѣ тебѣ съ пеленелками.

102 (9).

Послѣ этой плачи невѣста съ дѣвушками ложится спать. Поутру, въ день свадьбы невѣста, проснувшись, начинаетъ плакать, а дѣвушки поютъ.

Ахъ вы кумушки, вы подруженьки!
Вы ставайте да пробужайтесь:
Не пора вамъ спать-высыпаться—
Пора-времячко пробуждаться.
На дворѣ-то вѣдь ужъ и свѣтъ свѣтитъ,
Занимается заря утрени;
Вотъ восходитъ ужъ красно солнышко;
Заходили ужъ люди добрые,
И заѣздили православные
По широкой да славной улицѣ.
Вотъ приходитъ мнѣ, молодешенькой,
Разставанье горегорькое
Со своей-то да дѣвѣй красотой

И съ голубушкой трубчатой косою.
Потрудитесь же, мои милыя,
Мои милыя вы подруженьки!
Разбудите вы родна батюшка
И родиму мою матушку:
Ты вставай-ка, мой родной батюшка
И родимая моя матушка!
Не пора вамъ спать-высыпаться—
Пора-времячко пробуждаться.
Я спала, млада, высыпалася,
Я ждала, млада, дожидалася,
Я отъ батюшка поклоняница,
Я отъ матушки побужанница,
Я отъ братчика ключевой воды,
Я отъ сестрицы полотеничка.
Не могла я отъ васъ дожидаться.
Я спрошу тебя, родный батюшка
И родима моя матушка:
Неужель меня вы (не?) жалѣете,
Неужель меня избываете?
Вы не будите молодешеньку,
Не посылаете на работушку?
Тебѣ Богъ судья, родный батюшка
И родимая моя матушка!
Ужъ я видно вамъ понаскучила,
Видно, вамъ много надосадила:
Я лѣнивая была лѣнивица,
Я сонливая да сонливица;
Не была же я вамъ замѣнушка:
Много хлѣба-соли прикушала,
Износила все платье цвѣтное,
Издержала всю золоту казну.
Вотъ послѣ меня, молодешенькой,
Всѣ сосѣдки да принаполнятся,
Цвѣтно платице не износится,
Золота казна не издержится;
Послѣ меня же, родимой батюшка,
Послѣ меня же, да молодешенькой,
На мое-то родимо мѣстечко
Ты покинь же да бѣлъ горячъ камень
И но утру-то да по раннему,
Побуди его, родимый батюшка:
Онъ пойдетъ ли, тебя послушаетъ?
Онъ замѣнитъ ли тебя, батюшка,
И родиму мою матушку?
Я жила у васъ, красовалася,
Я спала, млада, высыпалася,
Ужъ я отъ свѣту да и до свѣту;
Заставало меня красно солнышко
На кроватушкѣ, на тисовенькой,
На перинушкѣ пуховенькой.
На чужой-то да дальней сторонѣ,
На злодѣйскѣ-то да незнакомѣ-то,
Заставать будетъ красно солнышко
На тяжелой меня работушкѣ.

103 (10).

Вы не пойте-ко да рано, пѣтухи,
 Вы же пѣтухи да троенерые,
 Троенерые да троегласные;
 На чужую да дальнюю сторону,
 На злодѣйку да незнакомую,
 Голосочку не подавайте вы;
 Не будите вы чужа чужанина *),
 Не ставалъ бы онъ, чужой чужанинъ
 Не обувался бы во сапожки онъ,
 Во сапожки онъ да во козловые;
 Не умывался бы чужой чужанинъ,
 Водой да онъ ключевою;
 Не утирался бы чужой чужанинъ
 Тонкимъ бѣлымъ полотеничкомъ;
 Не надѣвалъ бы онъ, чужой чужанинъ,
 Онъ и свой-то да онъ и синь кафтанъ;
 Не просилъ бы онъ, чужой чужанинъ,
 У своего родима батюшка
 Онъ великое благословеньесе;
 Онъ не шелъ бы, да чужой чужанинъ,
 Что во свой-то да во широкій дворъ,
 Не выбиралъ бы да чужой чужанинъ
 Изъ коней коня самолучшаго,
 Не виригалъ бы онъ, чужой чужанинъ,
 Его въ саночки во ѣзжалыя;
 Онъ не ѣздилъ бы, чужой чужанинъ,
 Ко своему да родну племени,
 Не сзывалъ бы онъ, чужой чужанинъ,
 Онъ и свое-тъ да онъ и родъ-племя;
 Онъ не ѣхалъ бы, чужой чужанинъ,
 По меня же, да молодешеньку.
 Я еще бы покрасовалася
 У своего родима батюшка,
 У своей-то родимой матушки,
 Хотя отъ роду и не въ первые,
 Да въ дѣввей красотѣ во послѣдніе.

*) Т. е., жениха. *Прим. собир.*

104 (11).

КОГДА СЕСТРА РАСПЛЕТАЕТЪ КОСУ НЕВѢСТЫ ПОДЪ
 ВЪНЕЦЪ.

Потрудись-ка ты, сестра милая,
 Расплети-ко мнѣ трубчатую косу,
 Хотя отъ роду и не въ первые,
 Да въ дѣввей красотѣ во послѣдніе.

Тебѣ Богъ судья, сестра милая!
 Поднялись твои ручки бѣлыя
 На мою-то да на буйну голову,
 На голубушку трубчатую косу.
 Ужъ я, знать, тебѣ да наскучила,
 Ужъ я, знать, тебѣ надосадила,

Расплетайся же, трубчатая коса,
 Разсыпайтесь вы, русы волосы,
 По моему да лицу бѣлому,
 По моимъ-то да могучимъ плечамъ,
 По моему да платью цвѣтному!
 Ахъ вы, миленьки русы волосы!
 Я ходила-то съ вами, гуляла
 По лугамъ-то, да лугамъ зѣленымъ,
 По травамъ-то, да травамъ шелковымъ,
 По цвѣточкамъ да по лазоревымъ;
 Примѣняла васъ, русы волосы,
 Я ко травонькѣ, ко муравенькѣ,
 Ко цвѣточекамъ я ко лазоревымъ;
 Ужъ и тутъ вы не примѣнились,
 Ужъ и тутъ же да не сравнились:
 Чище, мягче вы травы шелковой,
 Краше цвѣтниковъ вы лазоревыхъ.
 Ахъ вы, миленьки русы волосы!
 Я ходила-то съ вами, гуляла
 По торгамъ, рядамъ да по лавочкамъ,
 Примѣняла васъ, русы волосы,
 Ко атласу я и ко бархату,
 Ко червонному васъ ко золоту,
 Я ко чистому васъ ко сѣребру,
 Я ко скатному васъ ко жемчугу
 И ко шелку васъ шемаханскому;
 Ужъ и тутъ вы не примѣнились
 И ни съ чѣмъ-то вы не сравнились:
 Вы атласу лучше и бархату,
 Вы красивѣе красна золота,
 Чище, лучше вы чиста серебра,
 Мягче шелку вы шемаханскаго,
 И скатнѣе скатна жемчуга.
 Ахъ вы, миленьки русы волосы!
 Ты, голубушка трубчатая коса!
 Хорошо съ вами красоватися,
 Тяжело съ вами разставатися;
 Мало дитятко какъ отъ матери,
 Неленишное отъ родимья,
 Такъ и я же, да молодешенька,
 Разстаюсь съ вами, русы волосы,
 И съ голубушкой трубчатой косой
 И со дѣввеею своей красотой.
 Доступала васъ я охотою,
 Разстаюсь съ вами я неволею.

105 (12).

КОГДА НЕВѢСТА РАЗДАЕТЪ КРАСОТЫ, ИЛИ РАЗ-
 НЫЯ ЛЕНТЫ ДѢВУШКАМЪ, И ПЕРВУЮ КРАСОТУ
 СЕСТРѢ.

Я оставляю да дѣввеею красоту
 Своей сестрицѣ да голубушкѣ:

Покрасуйся-ко, сестра милая,
 Во моей-то дѣвѣй красотѣ.
 Какъ и я, млада, красовалася
 У родимова да у батюшка,
 У своей-то родимой матушки.
 Не на мѣсто я натакалася
 Со своей-то да дѣвѣй красотой;
 И она—ужь дитя на возрастѣ:
 По нее будутъ сваты свататься,
 Запоручать же да буйну голову,
 Задають же да ручки бѣлыя;
 Замутятся же да очи ясныя,
 Прокатятся же да слезы горькія
 И замочать же да мою красоту.
 Я оттолъ ее да назадъ возьму
 На свои-то да руки бѣлыя,
 Я прижму свою да дѣвѣю красоту
 Ко сердечку да ко ретивому,
 Ко желанью да ко великому.
 Вотъ пошла моя дѣвѣя красота
 Отъ души же да красной дѣвицы;
 Доходила же да моя красота
 Что до трехъ она до разстанюшекъ;
 Какъ оттолъ она да воротилася,
 Съ красной дѣвицей да распростилася:
 „Ты прощай, прощай, красна дѣвица,
 Красна дѣвица да дочь отеческа!
 Намъ ужь вѣкъ съ тобой да не видатися,
 Намъ на встрѣчѣ да не встрѣчатися,
 Во Божьей церкви лишь поздороваться“.
 Доходила же моя красота.
 До Божьей церкви да соборныя;
 Постучалась же моя красота
 Во олтарное во окошечко;
 Постучавшись же, она молвила:
 „Вы пустите меня, дѣвѣю красоту,
 Сохраните отъ вьюги—падеры
 И отъ вѣтра меня отъ буйнаго“.
 Тутъ и вышли къ ней да два ангела,
 Что два ангела, два архангела,
 Два верховные два апостола
 И спросили же да мою красоту:
 —Ахъ ты чья это, это, ты отколь это?
 Отвѣчала имъ моя красота:
 „Я отъ умныя, отъ разумныя,
 Отъ честныя, благочестивыя
 Отъ души да отъ красной дѣвицы,
 Свѣтъ отъ Марьи да отъ Васильевны“.
 Тутъ и взяли ее два ангела,
 Что два ангела, два архангела;
 Унесли же мою да красоту
 Во Божью церковь во соборную
 И покинули мою красоту
 Во святое да во Евангеліе *).
 Вотъ на мѣсто я натакалася.

Со своей-то да дѣвѣй красотой:
 Тутъ не сдунуть ее да вѣтры буйныя,
 Не зальютъ ее дожди частые,
 Не похулятъ да люди хитрые;
 Тутъ ей вѣчное будетъ красованье.

*) Въ это время самую лучшую ленту относить
 отъ невѣсты въ церковь и кладутъ въ евангеліе.

106 (13).

Когда невѣста даритъ красоту маленькой
 сестрѣ.

Я оставляю да дѣвѣю красоту
 Что меньшей сестрѣ да голубушкѣ:
 Покрасуйся-ко, сестра милая,
 Во моей-то да дѣвѣй красотѣ.
 Не на мѣсто я натакалася:
 Вѣдь она—дитя да матешенько;
 Какъ дождется да лѣта краснаго,
 Заиграется же на улочкѣ,
 Потеряетъ да мою красоту.

107 (14).

Послѣ раздачи всѣхъ красотъ, зажигаютъ
 свѣчи передъ образомъ; невѣста молится Богу,
 а дѣвушки поютъ.

Я во первой разъ поклоняюся
 За царя же да православнаго,
 За царицу да благовѣрную;
 Во второй я разъ поклоняюся
 За родимаго да за батюшка,
 За родиму свою матушку;
 И я въ третій разъ поклоняюся
 За свою же дѣвѣю красоту.
 Какъ удастся мое замужьеце,
 Поалѣй, моя дѣвѣя красота,
 Что алѣе да маку алаго;
 Не удастся же какъ замужьеце,
 Почернѣй, моя дѣвѣя красота,
 Что чернѣе да грязи черныя!

108 (15).

Последняя плача, когда родители благосло-
 вляютъ невѣсту подъ вѣнецъ.

Разстунитесь-ко, люди добрые!
 Ужъ вы дайте же путь-дороженьку—
 Подойти мнѣ къ родиму батюшку
 И къ родимой же своей матушкѣ.
 Не убойтесь вы, родимые,

Что меня же да молодешенькой:
Не прошу я отъ васъ, родимые,
Я не злата, не чиста серебра,
А прошу я у васъ, родимые,
Я великое благословеньеце!
Благослови же, родимой батюшка
И родимая моя матушка,
Что подъ златъ вѣнецъ меня—ѣхати,
Что законъ же да Божій принятьи,
Ко кресту же, да ко распятію,
Ко святому да ко евангелію.
Вѣдь мнѣ ваше благословеньеце—
На чужой-то да дальней сторонѣ
Оборонушка будетъ великая:
Изо дна же да моря вынесетъ,
Изъ темна же да лѣсу выведетъ
И отъ злыхъ людей сохранить меня.

Пѣсни 94—108 записаны Ник. Корнауховымъ, смотрителемъ Уѣздн. училища въ г. Чердыни, въ 1844 году и присланы имъ были въ февралѣ этого года для напечатанія въ „Отечественныхъ Запискахъ“, подъ общимъ заглавіемъ: „Плачи, или заунывные пѣсни, которыя поютъ невѣсты въ дѣвишникъ и въ день свадьбы“.

109 *).

На улицѣ, матушка, (2)
На улицѣ дѣвокъ хоровадь. (2)

Я у тебя, матушка, (2)
Я у тебя холость, неженатъ. (2).
—Женись, женись, дитятко, (2)
Женись, государево мое. (2)
Возьми, возьми, дитятко, (2)
Возьми боярскую дочь. (2)
„Боярская дочь, матушка, (2)
Въ полѣ не работаща со мной, (2)
Въ полѣ не работаща, (2)
Въ домѣ не замѣнушка тебѣ“. (2)
[—Возьми, возьми, дитятко,
Возьми купецкую дочь.
„Купецкая дочь, матушка,
Въ полѣ не работаща со мной,
Въ полѣ не работаща, (2)
Въ домѣ не замѣнушка тебѣ“.
—Возьми, возьми, дитятко,
Возьми крестьянскую дочь.] **)
„Крестьянская дочь матушка,
Въ полѣ-то работаща со мной,
Въ полѣ-то работаща,
Въ домѣ-то замѣнушка тебѣ“.

*) Въ оригиналѣ въ числѣ *хороводныхъ*, у К-аго въ числѣ *свадебныхъ*.

**) Въ *ориг. нѣтъ*: взято изъ копій; вм. этого въ оригиналѣ замѣч. собирателя: „потомъ начинаютъ снова, назначаютъ: купецкую, мѣщанскую и наконецъ крестьянскую дочь“.

III. Олонецкой губерніи.

1. Мѣщанская свадьба.

Здѣсь дѣйствующія лица суть слѣдующія: *женихъ, невѣста, сватъ, сваха, посаженной отецъ и посаженная мать*, которые замѣняютъ отца и мать, если они умерли; потомъ — одинъ *дружка* или два, а можетъ быть и три, смотря по карману жениха; *брюзга*, которая бываетъ со стороны жениха, и ихъ можетъ быть двѣ; *постельная проводница*, которая бываетъ со стороны невѣсты.

Начинается самое дѣло. Женихъ, захотѣвши жениться, собираетъ свою родню; потомъ проситъ позволенія у отца и матери, если они живы (именно: поклонившись имъ въ ноги; а ежели они умерли, то онъ проситъ позволенія у крестнаго отца и крестной матери, также поклонясь въ ноги). Получивъ позволеніе, онъ идетъ съ сватомъ и свахой

къ выбранной имъ невѣстѣ. Когда пріѣзжаютъ туда, то отецъ и мать невѣсты просятъ ихъ садиться; но они, отзываясь, говорятъ: „намъ нѣкогда сидѣть; мы пришли за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ“. Потомъ они усаждаются, уговорившись, когда будетъ *отказъ* или *приказъ*. По приказѣ бываетъ *рукобитье*, на которомъ сватъ бьется по рукамъ, захвативъ полу своей сибирки, со всѣми родными мужчинами невѣсты, и потомъ, затепливъ свѣчки, молятся Богу вся родня жениховой и невѣстиной стороны.

Потомъ назначается особый вечеръ, называемый *сговоромъ*, на которомъ благословляютъ жениха и невѣсту хлѣбомъ и солью; потомъ дарятъ женихову сторону, и, наконецъ, начинается угощеніе и танцы: Послѣ благословенія и даровъ поютъ пѣсню:

110 (1).

Желтыя кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели.
Желтыя кудри (имя и отчество жениха)
Русая коса (имя и отчество невесты)
На улицѣ дождикъ накрапываетъ.

Послѣ этого вечера назначается другой вечеръ, называемый *вечеринкою*, куда собирается вся родня съ обѣихъ сторонъ, и потомъ начинаютъ дарить, и такъ далѣе, какъ на сговорѣ, но только не благословляютъ. Сверхъ сего женихъ долженъ принести такъ называемый *сундучекъ*, въ который полагаются разныя вещи: мыло, башмаки, чулки, гребенка, помада, бѣлила, румяна, булавки, иголки, наперстокъ и потомъ платокъ или платье, смотря по богатству жениха. По приходѣ жениха поютъ пѣсню:

111 (2).

Долго, не долго соколъ не летить,
Скоро, не скоро скорый гонецъ идетъ.
Вотъ ворота отворяются,
Вотъ широко отпираются,
Вотъ ѣдетъ господинъ
Иванъ ли Меркульевичъ.
Конь подъ нимъ будто лютый звѣрь;
Самъ на конѣ, какъ соколъ на рукѣ;
Грива у коня златомъ перевита,
Хвостъ у коня, какъ лютая змѣя.
Перескочилъ черезъ тынъ въ огородъ,
Перелеталъ въ саду вишенъ.
Ты не плачь, душа:
Выстрою тынъ я повыше того,
Разведу садъ я побольше того.

Кромѣ этой пѣсни есть еще другія, которыя поются всѣмъ со стороны жениха:

112 (3).

Какъ у чарочки, у серебрянной
Золотой былъ вѣнчечекъ;
У Ивана въ дому, у Меркульича въ дому
Золотой былъ обывай:
Гдѣ ни ѣсть, гдѣ ни пить, гдѣ ни кушаютъ,
Сударь домой ѣдетъ ночевати,
Къ широку двору съѣзжаетъ,
Ко широкому съѣзжаетъ
Свѣтъ Настасьюшку кличетъ,
Свѣтъ Ивановну кличетъ:

„Настасьюшка, встрѣчай,
Свѣтъ Ивановна встрѣчай!“
— Не досугъ сударь, встрѣчать:
Ужъ я дочь качаю,
Ужъ я дочь качаю,
Черемѣнушку не чаю.

Послѣ вечеринки начинается день вѣнца. Въ тотъ день дружки зазываютъ всю родню невестину и женихову на княжій столъ. Женихъ, одѣвшись, приѣзжаетъ въ церковь, гдѣ ожидаетъ невеста. Въ то время одѣваютъ невесту, и тутъ дѣвушки поютъ различныя пѣсни; невестѣ тутъ дѣвушки заплетаютъ косу, какъ можно покрѣпче; для этого полагаютъ въ нее булавки и завязываютъ узлами. Когда невеста совершенно одѣнется, тогда сваха и дружка (здѣсь дружки получаютъ себѣ банты) ѣдутъ за невестою, чтобы привезти ее въ церковь. Приѣхавъ, сваха начинаетъ расплетать косу, при чемъ поютъ слѣдующую пѣсню:

113 (4).

А не знала, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха приѣхала,
Спѣсивая, горделивая;
Она ступить—не ступила,
Слова не смолвила.
Хотя-жъ она ступила,
Хотя-жъ она слово смолвила:
„Снаряжайся, умная,
Снаряжайся, разумная,
Что-ль во ту во Божью церковь,
Что къ тому ко Божью суду!“
— Отойди прочь, обманщица,
Отойди, подговорщица!
Мнѣ-ка такъ есть тошнехонько
Разставаться съ родителями:
У суда, вѣдь, ноги ломаются,
Подъ вѣнцомъ голова болитъ.

Сваху, когда она расплетаетъ косу, подавать и поднесутъ чашку кофе; потомъ сваха возьметъ невесту за руку и поведетъ, при чемъ невеста ведетъ до порога столъ, если у ней есть сестры. Потомъ поѣдутъ въ церковь, гдѣ ихъ обвѣнчаютъ. Послѣ вѣнца вся родня ѣдетъ къ жениху въ домъ, гдѣ уже на столахъ накрыто; потомъ, не давши имъ сѣсть, проводятъ со всею роднею жениха и невесту три раза вокругъ этихъ столовъ. Потомъ переодѣваютъ невесту въ платье молодухи и выводятъ на показъ народу. При чемъ нѣкоторые изъ постороннихъ людей

кричать: „хороша молода! хороша молода!“*). Потомъ садятся за столъ, гдѣ кушаютъ; послѣ того подаютъ горячее; послѣ всего этого жениха и невесту повалить спать... Женихъ, не имѣя полной придирки и не хотѣвши оскорбить новобрачную, говоритъ: „почемъ горохъ?“ и получаетъ отвѣтъ: „что за горохъ — вались на верѣхъ“. На другой день приходятъ проводницы со стороны невесты будить молодыхъ; водятъ въ баню, которую истапчиваютъ дружки, и, запершись, не выходятъ оттуда до тѣхъ поръ, пока не подарятъ ихъ чѣмъ-нибудь. Когда женихъ и невеста идутъ въ баню, то бьютъ въ сковородку, пляшутъ и пр. Во время же пребывания ихъ въ банѣ, всѣ пляшутъ, ломаютъ о стѣну бани бутылки, горшки и разную посуду. Послѣ бани опять невеста даритъ всю женихову родню и дружекъ; потомъ опять садятся за столъ, приготовленный молодою. Послѣ обѣда, спустя немного времени, женихъ

идетъ съ дружкой и сватомъ, только кромѣ невесты, на яичницу, гдѣ соблюдается слѣдующая церемонія. Женихъ начинаетъ самую середину драченки, куда наливается приготовленное масло дружкой, который по обыкновенію ломаетъ чашку, въ которой было масло. Тутъ всѣ начинаютъ пѣть, ѣсть и веселиться. По прошествіи нѣсколькихъ дней назначается у отца невесты столъ, называемый *хлѣбниками*, куда собирается родня съ обѣихъ сторонъ. Послѣ хлѣбника бываетъ у жениха *отворотинный* столъ, гдѣ бываетъ также вся родня; послѣ этого всякій, бывшій въ свадьбѣ, проситъ къ себѣ въ гости молодыхъ со всею роднею.

*) Во время стола привозятъ отъ невесты все приданое, постелю и подушки, вообще весь постельный приборъ и мебель; за этимъ ѣздитъ шаферъ, который при этомъ случаѣ долженъ дать на пряники и конфеты немного денегъ. *Прим. соб.*

2. Деревенская свадьба.

Сначала отъ жениха посылаютъ нѣсколько мушницъ, которые прежде приходили подъ окошко невестинаго дому и, палочкой колотя въ раму, спрашивали: „можно ли зайти?“ Дома же говорили: „милости просимъ!“ И тогда они приходили въ избу. Теперь же не стоятъ на улицѣ, а прямо идутъ въ избу, гдѣ предлагаютъ женихову руку. Если женихъ хорошъ, то сейчасъ прикажутъ, а нелюбъ — откажутъ, въ продолженіи чего невеста плачетъ и реветъ. Какъ просватаютъ, то невеста покроется платкомъ. Когда спрашиваютъ, когда будетъ свадьба, то говорятъ: „сегодня по рукамъ, а завтра свадьба“.

Когда придутъ сваты, женихъ, дружки и вершники (что у нихъ называется поѣздомъ), то невесту начинаютъ одѣвать и не покажутъ жениху. Невѣстины родители сварятъ яичницу и выпряжатъ пироги и потчиваютъ сватовъ. Между тѣмъ сваты колотятъ въ воронецъ, приговаривая: „сватюшки! новарашивайтесь! Подавайте невесту: женихъ скучаетъ“. Тутъ приведутъ ее къ столу, закрытому, съ виномъ, и она обноситъ всѣхъ. Каждый долженъ дать сколько-нибудь денегъ. Вслѣдъ за невестой ходятъ проводницы и плакальщица, которая приплакиваетъ растяжно: „Выпей чару зелена вина! не горько зелено вино, сладкимъ медомъ поливано, бѣлымъ сахаромъ по-

сынано.“ Послѣ всѣхъ подносятъ къ жениху, который полагаетъ ей на подносъ шкатулку съ чулками, башмаками и пр. Потомъ она уноситъ шкатулку въ уголъ, гдѣ разбираетъ все. Послѣ невеста на подносѣ даритъ жениха платкомъ. Когда невеста стоитъ у стола съ виномъ, то вершники снимаютъ съ нее фату концемъ плети. Отдавши подносъ, она начинаетъ въ углу плакать: „Не въ зеленомъ саду-то побывала, не лазуревы цвѣты подбирала“. Во время ея плаксы всѣ выходятъ изъ-за стола и уходятъ на другую квартиру.

Тогда невеста опять надѣваетъ фату и опять понесетъ вина по всѣмъ свадебнымъ. Женихъ приходитъ опять, и садутъ за столъ, а невесту опять приведутъ; она положитъ подносъ на столъ; женихъ возьметъ его и поднесетъ невестѣ рюмку, а самъ возьметъ другую, и начнутъ поднимать вверхъ. Если невеста ростомъ больше жениха, то подниметъ выше и ударитъ въ женихову рюмку. Тогда невестина родня кричитъ: „наша взяла!“ Если же женихъ выше, то — тоже самое.

Женихъ подастъ подносъ невестѣ, которая уйдетъ въ уголъ и принесетъ жениху рубаху, а наверху полотенце, а брюзгамъ по сорочкѣ. Тогда сведутъ невесту опять въ уголъ и раздѣнутъ ее. Тогда приведутъ ее къ столу, на которомъ одинъ только хлѣбъ, который

называется *посаинымъ*. Положатъ невѣстину голову на хлѣбъ, и подружки ея расплетаютъ ея косу. Она плачетъ и не дается. Послѣ выведутъ на крыльцо, гдѣ она начинаетъ плакать; потомъ уведутъ въ избу. *Отецъ, мать и крестный отецъ* положатъ себѣ шубу на колѣна и стучаютъ невѣстиной головой въ колѣна. Мать и отцы дробятъ ее по головѣ. Потомъ шубу кладутъ на лавку; крестный отецъ беретъ ее въ охапку и садитъ ее насильно на шубу („садить на квашню“). Послѣ сего тутъ же ее вымоютъ и начнутъ одѣвать: надѣнутъ сорочку съ долгими рукавами, сарафанъ и др. и фату на голову такъ, что и не видно ее, выведутъ въ сѣни, гдѣ ожидаетъ ее женихъ съ шаферомъ. Жениху не велятъ идти къ невѣстѣ, а ей къ жениху, и наконецъ мало-по-малу сближаются. Тогда женихъ ее беретъ за косу и повертываетъ. Послѣ поѣдутъ въ церковь.

Домой приѣхавши, надѣнутъ ее молодухой и посадятъ ее за столъ и тогда начнутъ обѣдать. Когда подають молочную кашу, тогда горшокъ ударить въ стѣну; другіе пятятся и кричатъ: „хороша, да молода!“ а въ толпѣ иногда: „подъ п. . . ѣ борода!“ Мужикъ колотитъ палкой въ стѣну и кличетъ женихова отца: „буде снитъ, то разбудите, а ушелъ—такъ сыщите и сюда приведите!“ Тогда дарятъ этого мужика рубахой. Потомъ дарятъ мать женихову и всѣхъ. Послѣ невѣсту—на мѣсто, подарятъ и выдутъ изъ за стола. Женихъ возьметъ вино, а невѣста подносъ и пойдутъ подносить. Когда поднесетъ какому нибудь, который скажетъ; „Горько!“ невѣста цѣлуетъ жениха; такъ и со всѣми. Послѣ сведутъ невѣсту и жениха въ чуланъ, гдѣ невѣста сниметъ съ него сапоги, въ которыхъ находятся деньги и возьметъ себѣ, а послѣ женихъ сниметъ у ней, и лягутъ спать.

IV. Новгородской губерніи.

г. Новгородъ.

114 (1).

поется гостю.

Володимира матушка
Во воскресенье спорѣдила,
Въ воскресенску заутреню,
Что скорѣ его возрѣстила,
По головущкѣ гладила,
Умѣ, разума учила:
„Ты будь, моѣ дитятко,
Будь счастливый, таланливый,
Къ добрымъ людемъ привѣтливый,
Ко невѣстамъ будь счастливый.
Ты задумаешь жениться,
Ты поѣдешь ко тестю въ домъ
И ко тещенькѣ къ матушкѣ;
Ты взѣдешь на широкій дворъ,
Не пущай коня по двору,
Ты отдай коня конюху,
Молодому придворничку,
Чтобъ свѣлъ на конюшенъ дворъ,
Накормилъ бы пшеницею,
Напоилъ бы сытницею.
Ты взойдешь во новы сѣни,
Не клади просто плѣточку,

Ты повѣсь её на гвѣздичекъ;
Ты взойдешь въ нову горницу,
Скидайвай пухову шляпу,
Ты немного Богу молися,
Ты не низко тестю кланяйся,
Ты пониже тещѣ матушкѣ,
По поклону краснымъ дѣвушкамъ;
Узнавай свою суженую:
Твоя суженая снаряжена,
Выше всѣхъ она посажена,
Пуще всѣхъ припечаливши.

115 (2).

поется гостю съ гостью.

По сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По частымъ переходечкамъ
Тутъ ходила, тутъ гуляла
Молодая боярыня
Настасья Ивановна.
Во рукахъ она носила
Два яхонта чистестые,
Двѣ алмазныя запонки;
Поносивши, положила,
Положа, слово молвила:

„Өхъ вы, яхонты, яхонты,
Дѣѣ алмазныя запонки,
Полѣжите малѣшенько,
Пока я молодѣшенька
Я пройду потихошеньку
Я по нѣвыя горнищѣ,
По столовыя свѣтлицѣ;
Посмотрю я въ окошечко,
Что свѣтѣль ли свѣтѣль мѣсяць,
Что часты ли часты звѣзды,
Весела ли моя ладушка,
Во честномъ пиру сидючи,
И онъ пьетъ прохлаждается,
Самъ женой выхваляется:
У меня жена умная,
И походка павлиная,
У ней рѣчь лебединая,
Брови чѣрнаго соболя,
Очи яснаго сокола,
Она прѣйдетъ—утѣшитъ меня,
Слово молвить—возвеселитъ молодца“.

116 (3).

Леталь голубь, ворковаль,
Ко терему припадалъ,
Слушалъ голубь выслушалъ
Что въ теремѣ говорятъ;
Ужъ какъ Ѳеодоръ говоритъ,
Свѣтъ Иванычъ говоритъ
Своей жены барыни
Лукерѣ Михайловнѣ:
„Ты сударыня жена,
Роди сына во меня
И личикомъ и станкомъ,
И разумомъ и умкомъ.
Я за эту выслугу
Сошью пару парчеву,
А еще сошью другую
Матереву голубую*)
Со вкладкой золотой;
Носи пару не жалѣй,
Рѣсти сына и лелѣй!“

*) Далѣе рукой К-аго стихъ: Матереву, голубу.

117 (4).

Лей, полелѣй, Волга рѣка,
Волга рѣка, во круты берега!
Побереги, родный батюшко,
Ты свою Ѳеодосью душу!
Не долго Ѳеодосью душѣ да лелѣяти:
Отъ утра отъ утра да до вечера!
Сегодня у Ѳеодосьи души да дѣвичъ вечеръ,

Завтра у Петровны поведѣнный день:
Поведутъ Ѳеодосью душу ко суду Божью,
Ко суду Божью, ко злату вѣнцу.
Страшно стоять (2) у суда Божья!
Отъ суда, суда Божья къ чужо батюшку,
Ко чужому батюшку ко неродному.
У суда Божья голова болитъ,
Подъ златымъ вѣнцемъ ноги ломаются!

118 (5).

Во саду во садикѣ въ моемъ
Бѣлая лебѣдушка кликала,
Въ теремѣ Катериноушка плакала,
Жалобно своему батюшкѣ говоритъ:
Богъ судить родимому батюшкѣ!
Молоду въ чужі люди отдають!
Останется зелѣный садъ безъ меня,
Завянутъ всѣ свѣтики во саду,
Завянутъ всѣ алые въ зеленѣмъ!
Аленькій мой, бѣленькій цвѣточекъ,
Розовый, лазоревый василѣчекъ!
Кому будетъ мои свѣты поливать?
Встань, вставай, мой батюшко, ранѣнько,
Поливай мои свѣты частѣнько
Свѣжею ключевою водою,
Сверхъ того горячими слезами.

Во саду во садикѣ во моемъ,
и проч.
Жалобно своей матушкѣ говоритъ:
Богъ судить родимыя матушкѣ
и проч.

119 (6).

Вы цвѣты ли мои цвѣтики,
Голубые васильковыя!
Много васъ было насѣяно,
Да немного уродилось.
Вы души ли красны дѣвушки,
Вы подружки голубушки!
Много васъ было на возрастѣ,
Да немного оставалось.
У насъ не было измѣнщицы,
У насъ прелестницы;
Проявилася измѣнница,
Свѣтъ душа красна дѣвица
Ѳекла Евсигѣвна;
Сказала, замужъ нейду,
Сказала, въ дѣвѣцахъ просижу,
Сказала, въ монастырь пойду
Во дѣвичій во игуменни;
Я васъ дѣвушекъ съ собой возьму,
Я которую во ключницы.

А теперяча замужъ идешь.
На кого, душа, прельстилася?
— На удалаго на молодца
На Матвѣя на Иваныча.

120 (7).

Кругъ шатра бѣлаго полотнянаго
Розаны Хавроньюшка разсаживала,
Часто въ шатеръ въ бѣлъ полотнянъ за-
глядывала.
Въ томъ шатрѣ въ бѣлыемъ въ полотняны-
емъ
Въ томъ шатрѣ спалъ почивалъ Кузьма Ива-
нычъ,
Кличеть себѣ, покликаеть себѣ еще Хав-
роньюшку:
„Душечка Хавроньюшка, подь ко мнѣ во
шатеръ,
Душечка Никитишна, подь въ бѣлъ полот-
нянъ“.
— Я не иду, не хочу я къ тебѣ въ шатеръ:
Слышала я, люди сказывали,
Сказывали, твой отецъ гордой.
„Душечка Хавроньюшка, будь сама добра,
Сердце моѣ Никитишна—добро ласковая,
Держи голову поклоливу, ретивое сердце
покорное,
Будеть, Хавроньюшка, мой отецъ доброй.

121 (8).

Хто въ зеленѣмъ саду моѣмъ былъ?
Соловьино гнѣздушко разорилъ,
Всѣхъ моихъ соловьюшекъ разогналъ,
Любиму соловьюшку съ собою взялъ?
Какъ растужится батюшко,
Разгорюется родимый мой:
„Хто у меня въ домѣ былъ?
Конемъ у воротъ шурмовалъ,
Дубовыя веревочки расшаталъ,
Ширѣе воротечки растворялъ,
Смѣло во теремъ поступалъ,
Во теремѣ дѣвушекъ разогналъ,
Любимую дѣвушку съ собою взялъ,
Любимую дѣвушку Оксиньюшку?“
Какъ возговорить Глѣбъ господинъ,
Какъ возговорить Карповичъ:
— Не прогнѣвайся, батюшко!
Я у тебя я въ домѣ былъ,
Конемъ у воротъ шурмовалъ,
Дубовыя веревочки расшаталъ,
Ширѣе воротечки растворялъ,
Смѣло во теремъ поступалъ,
Во теремѣ дѣвушекъ разогналъ,

Любимую дѣвушку съ собою взялъ,
Любиму дѣвушку Оксиньюшку,
Невѣсту любимую Степановну!—

122 (9).

Изъ за лѣсу лѣсику,
Изъ за лѣсу темнаго,
Темнаго дремучаго¹⁾,
Изъ за лѣсу конь бѣжитъ,
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ²⁾,
На землѣ трава шумитъ³⁾,
На конѣ узда гремитъ⁴⁾;
За конемъ стрѣла летитъ;
За стрѣлою молодѣцъ бѣжитъ,
У воротъ стоитъ дѣвица
У широкихъ красная.
„Красна дѣвица, перейми мовѣ коня⁵⁾!“
— Захочу, сударь, перейму;
Не хочу—не послушаю:
Не твоя я работница,
Не твоя послужѣбница.
Я работница батюшкѣ,
Послужѣбница родимому.⁶⁾

Варьянты: В) въ Рѣш. пѣс.; Г) въ Вавил. пѣс.

1) Въмѣсто первыхъ трехъ стиховъ: В.) — Изъ за лѣсу, лѣсу, лѣсика темнова. Г.) Изъ за лѣсу лѣсу конь бѣжитъ; а стиха 4-го нѣтъ.

2) В. и Г.—Подъ конемъ земля дрожитъ.

3) Г.—Вмѣсто „на землѣ“—„отъ земли“. В. Этого стиха нѣтъ.

4) Г. Этого стиха нѣтъ.

5) Въмѣсто стиховъ 10, 11 и 12-го: В.)—У воротъ Степанидушка стоитъ.

Ты Степанидушка, перейми моего коня!

Ты Елизаровна, перейми моего добра.

Г.—У воротъ красна дѣвица стоитъ,

У широкихъ красна дѣвица стоитъ:

„Красна дѣвица, перейми коня!

6) Въмѣсто стиховъ 13, 14, 15, 16, 17 и 18-го: В.

Я захочу, сударь, перейму,

А не захочу, не перейму;

Я не твоя еще, сударь,

А Божья да батюшкина.

Г.—Захочу я, сударь, перейму,

Захочу, не перейму:

Я теперь не твоя, сударь,

Я Божья, Божья, батюшкина.

Этимъ куплетомъ и кончается вар. Г.; каждый стихъ въ немъ повторяется по два раза.

Въ остальныхъ двухъ куплетахъ варьянта В сохраняются всѣ тѣ же различія съ текстомъ, какія и въ первомъ; только въ послѣднемъ стихѣ второго куплета вмѣсто „батюшкина“—„матушкина“; въ третьемъ куплетѣ вмѣсто: „За конемъ стрѣла летитъ“—„Надъ конемъ стрѣла летитъ“; а вмѣсто четырехъ послѣднихъ стиховъ (см. прим. 6-е) два слѣдующіе:

Я теперь, сударь, перейму:

Я теперь Божья, сударь, да твоя.

Изъ за лѣсу лѣсику,
Изъ за лѣсу темнаго,
Темнаго, дремучаго,
Изъ за лѣсу конь бѣжить:
Конь бѣжить, земля дрожить,
На землѣ трава шумить,
На конѣ узда гремитъ;
За конемъ стрѣла летитъ;
За стрѣлою молодецъ бѣжить.
У воротъ стоитъ дѣвица
У широкихъ красная.
„Красна дѣвица, перейми мого коня!“
—Захочу, сударь, перейму;
Не хочу—не послушаю:
Не твоя я работница,
Не твоя послужебница,
Я работница матушкѣ,
И послужебница родимыя.

Изъ за лѣсу лѣсику
Изъ за лѣсу темнаго,
Темнаго, дремучаго,
Изъ за лѣсу конь бѣжить:
Конь бѣжить, земля дрожить,
На землѣ трава шумить,
На конѣ узда гремитъ;
За конемъ стрѣла летитъ;
За стрѣлою молодецъ бѣжить.
У воротъ стоитъ дѣвица,
У широкихъ красная.
„Красна дѣвица, перейми мого коня!“
—Я теперь, сударь, перейму,
И теперь я послушаю:

Теперь ваша работница,
Теперь ваша послужебница!“—

Пѣсни 114—122 записаны отъ Оеклы въ Новгородѣ 9—11 сент. 1834 года.

123 *).

При Петру ли при Савельевичу,
При Захару-ль при Денисовичу,
Какъ задумалось жениться ему;
Бралъ невѣсту изъ иныхъ земель,
Онъ Марью..... **).
Съ городами, пригородочками,
Со селами, со приселочками.
Ужъ какъ всѣ-то гости сѣхались,
Одного-то гостя нѣтути,
Его шурина любимаго;
Прѣзжаетъ-то онъ позже всѣхъ,
А садится-то повыше всѣхъ,
Бѣла лебедя не рушае,
Зелена вина не кушае,
А бражки и въ ротъ не беретъ.
А и чѣмъ же гостя подчивати?
Какъ затѣяла Фетинья блинки,
Не достало у Фетиньи муки;
Какъ пошла наша Фетинья по мукѣ,
По мукѣ, мукѣ гороховую,
Какъ застали-то Фетинью въ клѣти,
Ужъ какъ зачали Фетинью... ***).

*) Плясовая—*Прип. собир.*

**) Далѣе неприличное выраженіе.

***) Неприличное выраженіе.

V. Псковской губерніи.

а. Торопецкій уѣздъ.

Обычаи, пѣсни, обряды и поговорки, соблюдаемые крестьянами на свадьбахъ.

Сватовство, или рукобитье.

Сватъ, прѣзжающій къ отцу невѣсты, послѣ перваго привѣтствія: „Добровта вамъ хозяинъ съ хозяйкою и дѣтками“, говоритъ: „У меня есть цѣсто (тѣсто) и у тебя цѣсто, давай валяцъ въ оно мѣсто; сядземъ на онну (одну) лавку и затопимъ впереду свѣцы ярова воску и помолимся Богу“. Когда кончится разговоръ объявленіемъ согласія, оба свата надѣваютъ вязанки, невѣстинъ отецъ беретъ образъ, цѣлуетъ и даетъ свату. Тогда

бьютъ рука въ руку и крестообразно цѣлуются.

Вечерина жениха.

Предъ *вечериною* дружка (предводитель свадьбы) водить жениха въ баню. Въ это время женщины поютъ для него слѣдующую пѣсню:

124 (1).

Ой рано, по зарѣ ли, ранешенько,
Что по свѣтлу и младу мѣсяцѣ,

Скрипятъ ворота дощатыя,
Бряцають колечки серебряны;
Тутъ ходилъ, гулялъ Иванъ же князь,
Собиралъ онъ вокругъ себя боевровъ;
Только нѣтъ у него князя команей *).

Ты скажитка намъ, Иванъ же князь,
Ты скажи: кто чесалъ тебѣ голову?
„Мнѣ чесала головушку
Родная матушка,
Завивала кудерушки
Сестрица ластушка,
Подъ окошечкомъ сидючи,
На свѣтелъ мѣсяцъ глядючи,
Часты звѣзды считаючи“.

*) Лошадей—*Прим. собир.*

Въ банѣ дружка беретъ кружку нива, творить молитву и поддаетъ пивомъ на каменку; послѣ этого читаетъ всякаго рода *урѣки*, или заклинанія отъ порчи. Возвратившись въ избу, молится Богу, потомъ беретъ сковороду и топоръ, кладетъ въ нее три камня и, обходя два раза кругомъ, читаетъ символъ вѣры, а въ третій обходя говорить: „Ажъ ты вѣдьма, ажъ ты веретевница, ажъ ты заключевница, тогда жъ ты мою свадьбу возьмешь, когда въ Русалимъ градъ сходишь и Господню гробницу откроешь, самого Господа въ глаза увидишь (увидишь), и тебѣ въ Русалимѣ (Іерусалимѣ) градъ не бывать и Господней гробницы не вскрывать и Господа не видать и потому дѣлу (дѣлу) у васъ не бывать (бывать). И лежиць (лежитъ) на мырѣ, на кіанѣ (морѣ, океанѣ), на островѣ на Буянѣ бѣлъ латырь камень, и на томъ камнѣ когда вы побудите, и тогда вы мою свадьбу возьмете“. Тогда беретъ камни и бьетъ обухомъ говоря: „Какъ эти камни разсыпались, такъ наши злодѣи разсыньтесъ“. Посадивши молодого на лавку, дружка идетъ въ другую избу, гдѣ уже все собраніе родныхъ и знакомыхъ его ожидаетъ; тамъ онъ зажигаетъ свѣчи, и всѣ вмѣстѣ съ нимъ молятся Богу; самъ же онъ, сѣвши на скамью, говоритъ:

Др. Есь ли въ избѣ отецъ ронной (отецъ родной) и мать ронная?

Присутствующіе. Есь.

Др. Батюшка зачеченный (зачавшій меня) и матушка пораженная (породившая меня)! Вы умѣли паду (чадо) милаго породити, воспитати и вскормити, вы умѣйте паду милаго въ Божью черковь отпустити, златъ вѣнецъ принять, свою суженую въ уста поцеловать.

Отпустите, благословите князя вонобрачнаго (новобрачнаго) и княгиню вонобрачную въ нову гридню ввестъ, за дубовый столъ завестъ, за брачныя скацерци, за сахарныя кушанья, за сладкіе напитки сѣсть, подъ Спасовымъ образомъ стояць (стоять), яровымъ свѣцамъ тапѣться (теплиться).

Присут. Святые отцы благословляють!

Дружка (обращаясь къ крестному отцу и матери, говоритъ): Умѣли вы паду зажажную и пораженую на свои руки принять, въ хрещенную вѣру ввесъ, благословите паду въ нову гридню ввесъ, за дубовые столы завесъ, за налои полныя, за ковшички опущенныя, за свѣщи воску яраго; благословите!

Кр. отецъ. Богъ де благословить!

Дружка (оборачивается къ гостямъ): Есь ли въ избѣ дядьки, тцетки, брат[а]ны, сестры, званые, браные и кого Богъ прилуцылъ, благословите князя вонобрашнаго въ нову гридню ввесъ и пр.

Всѣ. Св. отцы благословляють!

Дружка беретъ образъ со свѣчею и идетъ къ жениху, держа въ лѣвой рукѣ образъ со свѣчкою, а въ правой плетъ. Подошедши къ дверямъ, читаетъ символъ вѣры, крестить кнотомъ порогъ и заставляетъ жениха правой ногой переступить въ другую избу. Посадивши его за столъ на разостланную шубу и обратясь къ тысячному (крестному отцу), говоритъ: „Тысяцкій княжой, бояринъ старшой, ковшемъ почтенъ, въ большемъ мѣстѣ носажонъ, не можешь ли ты пѣсенки поцать, князи молодого возвеселить?“

Тысяцкій. Нѣтъ, лутцы (лучше) тебя нѣту.

Дружка. На, вотъ тебѣ пирогъ, какъ сума, да бутылка вина, ковшъ меду и пива.

Тысяцкій. Нѣтъ, лутцы тебя нѣту.

Дружка (обращаясь къ гостямъ): Нѣтъ ли изъ васъ изъ стариковъ старика, съ молодчовъ молодча (молодца) нашему князю вонобрачному поцинальную (починальную) пѣсенку запѣть? Тому пирогъ, какъ сума, да бутылка вина, ковшъ меда и пива.

Гости. Не, не! не бай, не бай! лучше тебе, памятиѣ и цацѣ (молодцоватѣ) не ма! Богъ де благословить!

Дружка (обращаясь къ женщинамъ): Нѣтъ ли изъ васъ игрицы, пѣвицы, молодой красной дѣвицы, пѣсню поцать и свадьбу разыграть и князя развеселить, нѣтъ ли изъ васъ по лучше меня, попамятивѣ, поцацѣе?

Женщины. Не, не бай, не бай! лучше тебе, памятиѣ и цацѣ не ма! самъ поцинай (начинай)!

Дружка. Ну, хоть не покиньте меня, честной міръ, подтяните!

Тогда онъ кладетъ два пирожка на голову и поетъ. Въ это время одна изъ женщинъ, взлѣзши на печку, поетъ, повторяя его слова черезъ вьюшку и открывши слуховое окно. Сіе обыкновеніе, по мнѣнію ихъ, не допускаетъ колдуновъ оборачивать свадьбы въ волковъ.

125 (2).

Басловъ (благослови), Божа, Божунька!
Подъ на свадьбу, подъ на свадьбу,
Воскресенье свѣтлое,
Свадьбу играти и разыграти!
Святой Лука, подъ на свадьбу!

Служи свадьбу
Двухъ молодёныхъ,
Двухъ поражёныхъ,
Двухъ сужёныхъ,
И первый младень!
Святой Кузьма, подъ на свадьбу!
Скуй намъ свадьбу
Крѣпку, тверду,
Долговѣтну,
Вѣковѣтну,
Съ младости до старости
И до малыхъ дѣтушекъ.
Ты, мать Божья!
Сама Богородича!
Подъ на свадьбу
И со всѣми съ Постолами *),
И со всѣми съ ангелами.
И какъ вьется хмѣль по тыщю **),
Такъ бы наши молодые
Вились другъ около друга.

*) Апостолами—*Прим. собир.*

**) Тычинкѣ—*Прим. собир.*

Послѣ сей пѣсни женщины повторяютъ хоромъ слѣдующую:

126 (3).

Соколы ль вы, соколы!
Куль *) далеце летали?
—Мы летали, мы летали
Со горы и на гору,
Съ синя моря на море.—
Кого жъ вы тамъ видѣли?
—Мы видали, видѣли
Сѣру утѣицу на морѣ,
Селезня на заводѣ.—

Чего жъ вы не поймаи?

—Хоша мы не поймаи,
Крылья жъ, перья побили,
Кровь горячу пролили.—

Вечеринка оканчивается ужиномъ: потчуютъ пивомъ и виномъ и приглашаютъ не только родныхъ и знакомыхъ, но и всякаго проходящаго принять участіе въ общей радости и пированіи.

Невѣста имѣетъ свою особую *вечерину*, во время которой поютъ слѣдующія пѣсни:

Когда ведутъ ее въ баню, то дѣвушки поютъ:

127 (4).

По двору княгиня гуляла,
Верхи со березы ломала.
Стой, стой, береза, безъ верха,
Живи, сударь батюшка, безъ мене **);
Каково быть березѣ безъ верха,
Таково быть и батюшкѣ безъ мене.

*) Куда—*Прим. собир.*

**) Меня—*Прим. собир.*

Когда ведутъ невѣсту изъ бани:

128 (5).

Растопися мылинка!
Разгорися каминка!
Расплачъся, княгинюшка,
Передъ роднымъ батюшкой,
Передъ родной матушкой:
Не пропили ль дитятко,
Не пропили ль милое
Что на пиво пьяное,
На вино зеленое?
„Дитя наше милое!
Давно у насъ, дитятко,
Ты давно ужъ пропито.
Когда мать зародила,
Въ колыбель положила,
Колыхнула дитятку,
Что на всѣ ль сторонущи,
На четыре дальнія“.

Когда жъ на *вечеринѣ* вводятъ невѣсту за столъ, то поютъ:

129 (6).

Ко высокому ли ко терему
Что не ласточки вкругъ слетались,

А все дѣвушки собиралися,
Все княгинины подруженьки.
Высоко она разсадила ихъ,
А сама княгиня сѣла выше всѣхъ.
Думу думала она крѣпче всѣхъ:
„Вы сестрицы, вы подруженьки,
Научите меня, расскажите мнѣ,
Какъ мнѣ будетъ въ чужіи люди ѣхать,
Какъ мнѣ въ люди ѣхать, какъ мнѣ свекра

звать,
Что и свекра звать и свекровь величать?“
Отвѣчали ей дѣвушки:

—Княгиня, боярыня!
Ты убавь стѣси гордости,
Ты прибавь ума разума:
Назови свекра—батюшкой,
А свекровь та свою матушкой.—

На другой день, передъ поѣздкою за не-
вѣстой, одѣваютъ жениха съ пѣснями, вво-
дятъ въ избу и сажаютъ за столъ. Отецъ съ
матерью вносятъ по разостланной отъ две-
рей холстинѣ на большомъ блюдѣ пирогъ,
въ который втыкаютъ серебряныя деньги.

Женщины въ это время поютъ:

130 (7).

„О лю, лю!
Подойдите по онной доскѣ,
Безъ круцынѣ, безъ тоскѣ.

Послѣ этого раздаются почетнымъ лицамъ
свадьбы пирожки и хлѣбные, сладкіе орѣшки.
Дружка, обратившись къ родителямъ, гово-
ритъ: „Благословите, отецъ съ матерью, сво-
его паду ко стольну городу приступить, ка-
менну стѣну разбить, свою сужену понять,
въ соборъ—церковь (церковь) сходить, златъ
вѣнокъ принять, серебрянъ крестъ почѣло-
вать. Св. Отчы благословляютъ образомъ“.
Всѣ благословляютъ.

Пріѣздъ за невѣстою.

По пріѣздѣ жениха на дворѣ у невѣсты
запираютъ ворота, и, когда жениховъ дружка
стучится и проситъ отворить, говоря: „Быль
у насъ договоръ до сихъ мѣстъ (именуетъ
отца невѣсты) о красной зорюнкѣ—молодой
невѣстѣ“, дружка невѣстинъ спрашиваетъ:
„А что вы за люди?“

Друж. жениховъ. Намъ нужно (такую то
княгиню) за руку взять и въ усна чѣловать.
Ну, братецъ, отвори намъ тесовыя ворота.

Друж. нев. Ахъ, братецъ, я бы радъ тебѣ
отворить двери, да у нашего хозяина всю
ночь была бесѣда, и съ тѣй бесѣды ѣсны
пошли въ цыстое поле гулять, и пошла наша
княгиня свѣтъ по загорью и по заморью и
сѣла ѣсна въ лодку; золоты ключы впади
и со шелковымъ поясоцкомъ въ море, и іона
въ тоску впаде—назадъ воротилась. Намъ,
братецъ, теперь нельзя: всѣ ворота заперты.

Друж. жен. Когда у васъ ворота запер-
ты, магомъ мы отпереть; не есь ли у на-
шего князя вонобрачнаго, не есь молодчовъ,
не есь гребчовъ; раскинули на три невода
рыбу ловить, къ перехватки гашить и вло-
вили ѣсны кить-рыбину; въ той кить-ры-
бинѣ стали потрошить, къ перехватки га-
шить, и ключы нашли;—сейчасъ, братецъ, под-
ношу—не ваши ли?

Между тѣмъ самъ потряхиваетъ кошель-
комъ.

Тогда невѣстинъ дружка отворяетъ двери.
Они цѣлуются. Жениховъ дружка спраши-
ваетъ: „Гдѣ жъ будемъ князя вонобрачнаго
сводить: подъ большой крышей или подъ
маленькой?“

Друж. нев. Нѣтъ, братецъ, подъ малень-
кой.

Тогда они расходятся; потомъ сводятъ къ
дверямъ жениха съ невѣстой, принося ка-
ждый хлѣбъ и пирогъ. Помѣнявшись хлѣ-
бами, подводятъ жениха къ невѣстѣ, а *под-
княжій* жениховъ (шаферъ), наступивши ей
на правую ногу, поднимаетъ платокъ, за-
вѣшивающій ея лицо, и женихъ ее цѣлуетъ.
Дружки вводятъ ихъ въ избу за столъ, гдѣ
сажаются по старшинству.

Въ это время поютъ жениху и невѣстѣ слѣ-
дующую пѣснь:

131 (8).

Неповинная рѣка
Бѣлымъ сахаромъ текла,
А по бережку княгиня гуляла,
Подъ бѣлый шатеръ подходила.
Во томъ во маторъ молодой князь
Поцывъ держалъ крѣпкій, пробудился:
„Ты скажи мнѣ, княгинюшка, скажи мнѣ,
Ты зацѣмъ сюда пришла, княгиня?
Али ты за огонцомъ?
Аль пришла ты за водою,
Али пришла въ посидѣлки,
Али ты пришла на игру?“
—Глушій князь! за огонцомъ

Я пришла бы съ угарѡцкомъ;
Кабы пришла я за водою,
Такъ бы я со ведерѡцкомъ;
Кабы я въ посидѣлѡцки,
Такъ бы съ прялѡцкой пришла я;
Кабы я пошла на игру,
Такъ бы къ дѣвушкамъ я краснымъ.—
„Ой панья, княгиня!
Не на мѣстѣ ты сѣла!
Пересядь ка на мѣсто,
На златыя на кресла;
Тамъ пиво въ ушати,
Горѣлка въ носати *);
Сама ты напейся
И зъ намъ **) подѣлися“.

*) Кружка—*Ирим. соб.*

**) Идіотизмъ торопецкій—*Ирим. собир.*

Начинается потчиваніе, но молодые не ѣдятъ. Передъ концомъ потчиванія жениховъ дружка кличетъ стряпуху: „Дворнича, полковнича, горшешня сподобнича, князь вонобрачный перемѣны просить“. Тогда приноситъ она круглый пирогъ, обставляетъ его ложками и наливаетъ на пирогъ щей.

Невѣстинъ дружка, обращаясь къ родителямъ, говорить: „Отечъ рѡнной и мать рѡнная! Вы умѣли паду западить и породить, воспити и воскормити, на добрыя дѣла приучити: и благословите княгини вонобрашной косу русу расплесь и по бѣлымъ пляцамъ расклась. Св. Отчы благословляютъ!“

Потомъ вынимаетъ изъ за пазухи чашку, стаканъ меда, клокъ шерсти, гребень и горсть жита и, взявши на руку меду, даетъ съ пальца прежде жениху, потомъ невѣстѣ; послѣ нихъ ѣстъ самъ и потчуетъ всѣхъ гостей. Гости отвѣчаютъ: „Ахъ, кабы наша вонобрачная была такъ скусна, какъ медъ“. Стряпуха всѣмъ лицамъ причастнымъ къ свадьбѣ даетъ по пирожку и горсть орѣховъ, а жениху даритъ кушакъ приговаривая: „Натка тебѣ холотняны дары: самъ удависъ и посестру вдави (любовницу удави)!“

Дары также раздаются и пріѣзжимъ за невѣстой на кнутѣ жениха, при чемъ женщины поютъ:

132 (9).

Наша невѣста не спала,
Не спала она, не дремала,
А все на дары сама пряла.

Когда невѣста начинаетъ дарить родню жениха, тогда поютъ слѣдующія пѣсни:

133 (10).

Ужъ какъ новая моя горенка,
Во сыромъ бору она вѣлена,
По рѣкѣ у нисѣ¹⁾ она спущена,
На свѣтломъ мѣстѣ она срублена,
На веселомъ мѣстѣ поставлена;
Она голубемъ сизымъ накрыта,
Перепелкою вся помѡщена.
Тамъ ходила, гуляла княгиня свѣтъ,
Сундучокъ носила на бѣлыхъ рукахъ,
Уронила сундукъ со бѣлыхъ рукъ,
Разсыпался вкругъ ея бѣлъ земцукъ²⁾.
Сокликаетъ ена³⁾ семьсотъ голубей:
„Соберитесь ка вы, семьсотъ голубей!
Подбирайце вкругъ вы мой бѣлъ земцукъ:
Много, много мнѣ его надобно.
Охъ иици⁴⁾ молодой мнѣ въ большу семью,
Что даришь молодой мнѣ большу ронню⁵⁾“.

134 (11)

Вы играйте, дѣвушки;
Погуляйте, красныя,
Сами въ людзи⁶⁾ выдете,
Вамъ вѣдь людзи надобны,
Вы и не вгадайте⁷⁾,
Богъ какую долю дасъ⁸⁾:
Либо долю добрую,
Либо долю горькую,
Свекора журливаго,
Свекровъ воркотливую,
Золѡвокъ калѣтовѡкъ,
Дѣверьевъ прѣсмѣтливыхъ,
Ладушку прииваго⁹⁾;
Со приивымъ ладушкой
Не походишь радощно,
Не поносишь золота,
Не сидѣтъ въ бесѣдушкѣ
Съ красными дѣвицами,
Съ прежними подружками.

135 (12).

Церись рѣцушку¹⁰⁾ деревцо лежитъ,
По тому деревцу свѣтъ княгиня шла,
Ена¹¹⁾ тонко, жалко плакала,
Гуль пускала по темнымъ лѣсамъ,
Слезы рѡнила¹²⁾ въ глубокѣ рѣку.
Какъ разслышала рѡнна¹³⁾ матушка:
„Не мое ль это мило дитятко,
Не мое ль это жалко плачетъ такъ,

Гуль пускаетъ по темнымъ лѣсамъ,
Слезы ронить въ глубоку рѣку,
Что у ней молодой знать свекровь люта?
Пособить могу горю этому,
Вговорить¹⁴⁾ могу свекровь лютую!

1) внизъ 2) жемчугъ 3) она 4) итти 5) родню
6) люди 7) угадайте 8) дать 9) мужа ревниваго
10) черезъ рѣчку 11) она 12) роняла 13) родная
14) уговорить.—*Прим. собирателя.*

136 (13).

Черезъ боръ по камению
Серебрянъ рупей течетъ,
Бережкомъ его ходитъ кнѣгиня,
Ишетъ камушка самотвѣтнаго¹⁵⁾,
Самотвѣтнаго камня бѣлаго,
Говоритъ она его ищущи:
„Ой ты камень, свѣтлый камышекъ!
Самотвѣтный, камень бѣлинькой!
Кабы я нашла тебя, камышекъ,
Я разбила бы на три граниньки:
Съ первой бы я граниньки
Монисты снизала;
Съ другой бы я граниньки
Златъ перстень отлѣла;
А съ третьей бы граниньки
Златъ вѣнецъ сковала.
Пошла бъ вдоль по городу.
На встрѣчу мнѣ дѣвущкѣ
Старинькой да младинькой;
Старому я поклонюсь,
А младому разсмѣюсь.

По окончаніи которой либо изъ сихъ четырехъ пѣсенъ дружка невѣстинъ накрываетъ невѣсту платкомъ и отводитъ одѣвать къ вѣнцу. Въ это время поютъ:
Подкосили мядину¹⁶⁾ во лүзяхъ, лүзяхъ,
Что подскѣли березу въ перепутіи:
Взяли дѣвущку съ высока терема;
Ужъ какъ не дали березѣ раскинуться,
Не пустили мядины во лүзяхъ расцвѣсть:
Не оставили дѣвущки додѣвиться.
Додѣви-ка, дѣвущка, за мной молодцомъ.

Когда невѣста войдетъ совершенно одѣтою, то отецъ съ матерью встрѣчаютъ ее въ вывороченныхъ шубахъ; первый беретъ образъ со свѣчкой, а вторая хлѣбъ съ солью. Невѣста съ женихомъ становятся противъ стола на разостланную холстину и падаютъ ницъ. Родители съ благословеніемъ отпускаютъ ихъ къ вѣнцу. При семъ случаѣ поютъ:

¹⁵⁾ самоцвѣтнаго—*Прим. собирателя.*

¹⁶⁾ Pulmonaria officinalis—*Прим. собирателя.*

137 (14).

Благословлялся свѣтѣль мѣсячъ
Около яснаго солнюшка,
Благословлялась кнѣгинюшка
У государя у батюшки,
У государыни—матушки:
Благослови меня, батюшка,
На цужую сторонюшку,
Ко цужому мнѣ батюшки
Ко цужой ли мнѣ матушкѣ.
Притапѣлась свѣца воску яраго,
Передъ образомъ долго стоящи:
Присталя кнѣгиня скоры ножиньки.
Передъ батюшкой горько плацущи.
Благословили они дѣвицу
На четыре на сторонюшки
Хлѣбомъ-солью, Спасомъ-образомъ.

Вышедши на улицу, дружка жениховъ обходитъ съ молитвою вокругъ лошадей всѣхъ поѣзжанъ и при каждомъ разѣ чертитъ на правой ногѣ у жениховой лошади на копытѣ крестъ, а сваха обсыпаетъ ихъ хмѣлемъ, житомъ и шерстью. Послѣ сего обряда всѣ ѣдутъ въ церковь. При сборахъ въ оную поется слѣдующая пѣснь:

138 (15).

Охъ вы сваты, бояры!
Тихи ваши наряды,
Не скоры у васъ повороты.
Князь молодой засидѣлся,
Конь вороной застоялся.
Поѣли ужъ кони солому,
Солому ржаную, прямую
И всю яровую, гнилую.
Козы ужъ позанузданы,
Норосыты позаприжены,
Черный котъ подъ ковромъ стоитъ,
Одна курица въ простыхъ бѣжитъ.
Какъ у насъ на улицѣ
Завалилась курица,
Ей, бояры, сватовья,
Подымите курицу,
Уведите въ кухню
И подкуйте курицу.

Въ началѣ сего описанія бѣгло сказано, что дружка творитъ въ банѣ заклинанія, или уроки. Для любителей старины помѣщая одинъ образчикъ такого *урока*:

„Водица—паница! сама себѣ Соломонида, текла, бѣгла изъ чернаго ключа, съ усхода

на западъ; берега обрывала, земцужные ка-
менья обмывала, шелковѣ траву понимала.
Обмой уроки-прироки, зависныя и радос-
ныя, встрѣчныя и поперечныя, мужскія и
женскія: глазъ сѣрый, глазъ бѣлый, глазъ
карий, глазъ желтый, глазъ голубой, обмой
на мнѣ добромъ молодцѣ. И вы уроки-при-
роки! подуйте во мхи, во болоты, въ гни-

лыя колоды: тамъ стоитъ свѣтлица, во той
во свѣтлицѣ сидитъ красная дѣвица, золо-
тымъ яблокомъ катаетъ, уроковъ себѣ же-
лаетъ. Вздунъ и сплюнъ три раза, обер-
нись и въ матушку сыру землю поклонись“.

Обрядъ и пѣсни 124—138 доставлены г. Озноби-
шинымъ.

6. Опочецкій уѣздъ,

(с. Михайловское?).

139 (1).

Береза бѣлая,
Береза кудрявая!
Куда ты клонишься,
Куда поклоняешься?
— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюсь,
Куда вѣтеръ повѣтъ.—
Княгиня-душенька!
Куда ты ладишься?**)
— Туда я лажуся,
Куда батюшко отдастъ
Съ родимой матушкой.

*) Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 ММ
пѣсенъ, которыя онъ съ большою точностію зани-
сать самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ,
гдѣ именно; вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у
себя въ деревнѣ, въ Псковской губ. — *Прим. К—аго.*

**) Ладиться—итти замужъ; вѣроятно, отъ древ-
няго слова „ладо“—мужъ, которое еще часто встрѣ-
чается въ народныхъ пѣсняхъ во многихъ концахъ
Россіи. — *Прим. К—аго.*

140 (2).

Между горъ по каменю
Серебромъ ручей бѣжитъ.
По тому по рѣчкѣ
Ходила гулила княгиня душа;
Искала княгиня душа
Самоцвѣтна камушка;
Нашла, нашла камушекъ,
Нашла самоцвѣтненькій;
Разломила камушекъ
Его на три граночки:
Первую граночку
Ея родну батюшкѣ,
Вторую граночку
Родной ея матушкѣ,

А третью граночку
Ладу милому.—

141 (3).

Какъ въ долѣ-то берёзынька бѣлѣхонька
А наша невѣста бѣлѣ ея, [стоитъ,
Бѣлѣ ея снѣгу бѣлаго лицѣ.
Шла наша невѣста съ высокого терема,
Несла она золотѣ чару вина;
Она чару расшибла, вино все пролила,
Все гляючи на Ивана своего,
На Ивана своего, на кудѣрушки его:
„Видать ли мнѣ, кудѣрушки, васъ у себя?
На правой на рѣчущкѣ на золотымъ
перстенькѣ?“

142 (4).

Дѣвушки поютъ, когда молодая возвратится
изъ церкви.

Ягода съ ягодой сокатилася!
Ягода ягодѣ поклонилася!
Ягода съ ягодой слово молвила!
Ягода отъ ягоды не вдали росла!

143 (5).

Дни за два передъ дѣвичникомъ кладутъ
на блюдо ленты изъ косы невѣстиной. Братъ
ея или ближній родственникъ носить блюдо
по улицѣ. Это называется: *красу носить*.
Между тѣмъ поютъ:

Трубчистая коса
Вдоль по улицѣ шла,
Жемчужная пчѣлочка
За нею гонялася,
За нею гонялася,

За косу хваталася:
„Коса ты, косынька!
Ужели ты моя?“
— Я тогда буду твоя,
Какъ въ Божью церковь вступлю,
Золотой вѣнецъ приму! —

144 (6).

Въ банѣ, дѣвушки, моя невѣсту, поютъ и
пляшутъ, пьютъ и пивомъ поддаютъ. Невѣ-
ста между тѣмъ плачетъ голосомъ, приго-
варивая:

Какъ-то мнѣ будетъ въ чужіе люди идти?
Что какъ будетъ назвать свѣкра батюшкой?
А какъ будетъ назвать свекровь матушкой *)?
Богъ тебѣ судья, свѣтъ мой, родимый ба-
тюшка!

Али я тебѣ молодѣшенька принаскучила? и пр.

Изъ бани пришедъ, дѣвушки чешутъ ей
голову, одѣнуть, посадятъ за столъ. — Же-
нихъ прѣзжаетъ со своими холостыми то-
варищами. Они другъ друга дарятъ.

Въ день свадьбы дѣвушки съ пѣнемъ
одѣваютъ еѣ; потомъ сажаютъ одну за столъ
передъ блюдомъ, куда всѣ кладутъ деньги,
за что она молча кланяется. Потомъ отецъ
ей и мать выводятъ еѣ посередѣ комнаты и
начинаютъ благословлять, послѣ чего идетъ
невѣста, крестясь, садится, чтобъ ѣхать къ
вѣнцу. Всѣ дѣвушки за нею, также крестятся.

*) Т. е. стыдно.—Прим. К-аго.

145 (10).

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина,
Пролежала тутъ дороженька;
Пробѣгалъ тутъ добрый конь;
За конемъ бѣжитъ добрый молодецъ,
У воротъ стоитъ красна дѣвица.
Какъ возговоритъ добрый молодецъ: ¹⁾
„Перейми коня, красна дѣвица!“ ²⁾
— Мнѣ нельзя перенять коня: ³⁾
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены. —
Возговоритъ добрый молодецъ: ⁴⁾
„Не приманивай, красна дѣвица: ⁵⁾
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замочены:

Ноги спутаны кручинуншкой,
Глаза замочены горячими слезами!“ ⁶⁾

Варьянтъ: записанъ въ Симбирской губ.

¹⁾—Вмѣсто первыхъ семи стиховъ:

Изъ за лѣсу конь бѣжитъ,
За конемъ бѣжитъ добрый молодецъ;
У двора стоитъ красна дѣвица.
Онъ кричитъ ей и гаркаетъ,
Черной шляпою помахиываетъ.

²⁾ Перейми, красна дѣвица, добра коня!

³⁾ Ужъ я бы рада переняла коня!

⁴⁾—Вмѣсто стиховъ 10, 11 и 12-го:

Повиликой ноги спутаны:

⁵⁾ Ужъ я самъ—вѣдаю.

⁶⁾—Вмѣсто послѣднихъ четырехъ стиховъ:

Не повиликой ноги спутаны:
Спутаны кручинуншкой;
Не студеной росой вымочены:
Горячими слезами замочены.

146 (11).

Собрала невѣста подружекъ;
Посадила подружекъ высоко;
А сама сѣла выше всѣхъ,
Наклонила головушку ниже всѣхъ,
Думаетъ думушку крѣпче всѣхъ:
„Что долго нѣтъ Ивана?
Мнѣ посла послать—нѣкого,
Мнѣ самой идтить—нѣкогда.
Я хотя пойду, не дойду;
Я хотя дойду, не найду;
Я хотя найду его, —
Позвать къ себѣ не смѣю“.

147 (12).

Въ сырѣмъ бору на кленѣ ¹⁾
Виситъ колыбель на шелкѣ;
Въ колыбели лежить Иванушко, ²⁾
Передъ нимъ стоятъ боиры: ³⁾
„Вскачните колыбель высоко!
Столь высоко, выше клѣну стоячаго, ⁴⁾
Ниже облака ходячаго, ⁵⁾
Чтобы видно было тестевъ дворъ,
Чтобы видно было тѣщинъ терѣмъ!“ ⁶⁾
Въ теремѣ гуляетъ княгиня,
По имени зовутъ еѣ Катерина; ⁷⁾
Калѣные орѣшки читаетъ,
Шитою ширинкою махаетъ:
— Ты сюды, сюды, Иванъ князь!
Какъ здѣсь твое суженое,
Здѣсь твое ряженое:

Здѣсь твоя княгиня,
По имени Катерина.

Варьянтъ: доставленъ отъ А. С. Пушкина. (— *Кир.*).

- 1) Этого стиха нѣтъ.
- 2) князь молодой.
- 3) Этого стиха нѣтъ.
- 4) Вы столь высоко—выше клену.
- 5) Этого стиха нѣтъ.
- 6) Чтобъ виденъ тестевъ дворъ,
Тестевъ дворъ, тещинъ теремъ.
- 7) Съ этихъ норъ окончаніе варианта:
Ходить гуляетъ княгиня душа;
Шелковымъ платкомъ помахиваетъ:
„Ты сюда, сюда, молодой князь!
Здѣсь твоя суженая, твоя ряженая!“

148 (13 *).

Поѣтся на дѣвичникъ жениху.

Виситъ колыбель на шелкѣ,
Въ колыбелькѣ лежитъ князь молодой:
— Всканчите колыбель высоко,
Вы столь высоко—выше клену,
Чтобъ былъ виденъ тестевъ дворъ,
Тестевъ дворъ, тещинъ теремъ.
Въ этомъ теремѣ ходить гуляеть,
Ходить гуляетъ княгиня душа,
Шелковымъ платкомъ помахиваетъ:
„Ты сюда, сюда, молодой князь!
Здѣсь твоя суженая, твоя ряженая!“

*) См. № 147 варьянты—*Ред.*

149 (14).

Поѣтся, когда ѣдутъ за невѣстой къ вѣнцу.

Какъ у нашего князя
Не весѣлые кони стоятъ;
Они чуютъ путь-дороженьку
По невѣсту ѣхати.
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Уливайте гору крутую,¹⁾
Чтобы моему разлучнику
Ни взойдти-бы, ни взѣхати!“
— Не грози княгиня, душа!²⁾
На крутую гору пѣшь взойду,
Добра коня въ поводѣ сведу. —
„Ахъ вы дѣвушки подруженьки!
Запирайте вы ворѣтки,
Что тремя замками нѣмецкими!“
— Не печалься, княгиня душа!
Приведу я съ собой слесаря:
Ототреть замки нѣмецкіе. —
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!“

Заплетайте косу русую!
Чтобы моему разлучнику
Не распелъ, не расчесать ее!“
— Не печалься, княгиня душа!
Привезу съ собою свѣхыньку:
Расплететъ она косу русую,
Увеземъ тебя съ собой, душеньку!—

- 1) Или: „укатайте“, смотря по времени года.
- 2) Поѣтся также:

Не печалься, княгиня душа!
Поведемъ мы коней въ кузницу,
Подкуемъ коней подковами,
Подковами то булатными.

150 (15).

Невѣсту ведутъ въ баню, въ дѣвичникъ,
Наканунъ свадьбы:

Затопишь, баненька,
Раскалися, каменка!
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонущкѣ,
По родимой матушкѣ,
По родимому батюшкѣ, и проч.

151 (16).

О горе, горе!
То невѣстину!
О горе, горе!
Ты невѣстущка,
О горе, горе!
Ты ластушка!
О горе, горе!
Оглянись-ко ты назадъ,
О горе, горе!
Что подружекѣ-то стоять!
О горе, горе!
Что подружки говорятъ,
О горе, горе!
Что наказываютъ,
О горе, горе!
Что приказываютъ:
О горе, горе!
„Ты сними-ко худяка,
О горе, горе!
Ты съ кроватушки долой!“
О горе, горе!
— Вы лебедушки,
О горе, горе!
Вы подруженьки!
О горе, горе!
Мнѣ нельзя спихнуть!
О горе, горе!
Въ головахъ-то у него

О горе, горе!
Плетка шелковая;
О горе, горе!
Она объ осьми хвостовъ,
О горе, горе!
Она больно бьетъ,
О горе, горе!
Приговариваетъ:
О горе, горе!
„Не зови-ко худякомъ,
О горе, горе!
Зови добрымъ молодцемъ!“

152 (17).

Поётся, если женихъ приѣхалъ изъ далеча.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ часу времячкѣ,
При княгининомъ дѣвичникѣ
Вылеталъ же младъ ясень соколъ;
Онъ садился на окошечко,
На серебряну рѣшеточку,
На шелкову занавѣсочку.
Какъ увидѣла да ўзрѣла
Свѣтъ княгинина матушка:
„Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго!“
—Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломилися,
Бѣлы руки опустилися,
Ясны очи помутилися,
Красота съ лица смѣнилася.—

153 (18).

Когда молодые сидятъ за столомъ, приѣхавъ
отъ вѣнца, то дѣвушки поютъ всѣмъ гостямъ;
перваго начинаютъ величать пона.

У пона у батюшки
Золота скуфеюшка;
Низала скуфеюшку
Его молодца жена,
Александра Ѳеодоровна.
Слышишь-ли, батюшка?
Тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ:
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

А попъ отвѣчаетъ: „Нате, сѹки, возьмите
въ руки, не корите попа“.

154 (19).

Не стыдно ли вамъ, бояры,
Передъ нами, дѣвками, стояти,
Въ рукахъ шапочки держати?

155 (20).

Поётся вдовѣ.

Княгиня душенька,
Скажи, пожалуй, намъ
Про свою гостейку!
„У меня свѣтъ гостейка
Молодая вдовушка,
Вдова молодая,
Вдова богомольная:
Всѣмъ святымъ святителямъ
Богомолилася
О своихъ о дѣтушкахъ“.
Слышишь ли, вдовушка?
Тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

156 (21).

Величаютъ холостого.

Князёкъ молоденькій,
Лебедёкъ нашъ бѣленькій¹⁾,
Скажи, пожалуй, намъ
Про своего гостя намъ!
„У меня свѣтъ гость дорогой,
(имя и отчество)
Во любви онъ позванный,
Во чести посѣженный,
За дубовымъ столомъ,
За браной скатертью,
Не женатый Иванушка,
Холостой Михайловичъ.
Холостой завистливый,
Его глазъ урочливый.
Выйди, холостенькій,
Видь къ намъ за зѣвсу!²⁾
Выбери, холостенькій,
Кто тебѣ покажется!“
Слышишь ли, гость дорогой?
Мы тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ.
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

¹⁾ Дѣвушки обращаются къ молодому.

²⁾ Дѣвушки сидятъ за занавѣсомъ, продернутымъ
черезъ всю избу.

Имъ подають деньги въ стаканъ пива,
приговаривая:

157 (22).

Вотъ вамъ, красныя дѣвушки!
Малое примите,
На большомъ не судите.
Денежки принимайте.
Поль поровняйте*).

*) Т. е. попляшите—*Прим. собир.*

158 (23).

Величаютъ гостью, какъ дѣвушку, такъ и
замужнюю.

Княгиня душенька!¹⁾
Скажи, пожалуй, намъ
Про свою гостейку!
„У меня свѣтъ гостейка,
(имя и отчество)
Во любви пѣзвана,
Во честі посѣжена,
Хорошо снаряжена:
Серѣжки—яхонты,
Лицѣ разгорѣлося,
Монисты золоты
Шею огрѣзи!“
Слышишь ли, гостейка,
Тебѣ пѣсню поѣмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

¹⁾ Дѣвушки обращаются къ молодой.—*Прим. собир.*

159 (24).

А у свата сводника
Лихорадка съ болѣстью,
Она съ чѣрной нѣмочью,
На печи подъ шубою,
На дворѣ нагишкою!
По морозу босикомъ,
Покровѣ нагишемъ!
Ему чирій въ голову,
А другой въ бороду,
Третій въ рѣчушку,
Четвёртый въ ноженку!
У сватушки кудри

На четыре грани,
Его черти драли,
Шуты полыскали,
По кучамъ таскали,
Братомъ называли:
Ты сватушко, братецъ!
Дари, дари дѣвокъ,
Дари, дари красныхъ!
Станешь дарити—
Не стануть корити

160 (25).

Безтолковый сватушко!
По невѣсту ѣхали,
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили.
Верѣѣ молилися:
„Верее, верееюшка!
Укажи дорѣженьку
По невѣсту ѣхати!“
Сватушко, догадайся!
За мошѣночку принимайся!
Въ мошнѣ денежки шевелятся,
Онѣ къ дѣвушкамъ норовятся;
А кошѣйка ребромъ становится,
Она къ дѣвушкамъ норовится!

161 (26).

На дѣвичникѣ свата корятъ.

Всѣ пѣсни перепѣли,
Горлушки пересохли!
А сватушко рыжий
По берегу рыщетъ,
Хочетъ удавиться,
Хочетъ утопиться,
Отъ красныхъ дѣвокъ,
Отъ бѣлыхъ лебѣдокъ.
Дари, дари дѣвокъ!
Дари лебѣдокъ!
Не станешь дарити—
Мы пуще корити!

Сватушко догадайся!
За мошѣночку принимайся!
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится.

162 (27).

Поѣтся на дѣвичникѣ.

Сватушка гость, богатый, тороватый;
Онъ съ гривны на гривну ступаетъ,

Онъ рублёмъ ворóты запираетъ,
Онъ полтиной ворóты отпираетъ.
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
Въ мошиѣ денежка шевелится,
Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится.

163 (28).

Про жениха, какъ взойдетъ къ невѣстѣ.

Какъ сказали-то, Иванушка хорошъ да хо-
Чёртъ у него, не хорóшество! [рошъ! —
Самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши ножницами,
Руки грабельками,
Ноги вилочками,
Глаза дырочками.
Соловьины-то глаза
По верхамъ глядятъ;
По верхамъ глядятъ,
Они каши хотятъ.
Вчера каша сваренá,
Вчера съѣдена была.
Шей-то синя,
Будто въ нѣтлѣ была!
Носъ-отъ синь, —
Это свахинъ сынъ!

164 (29).

Ты, невѣста, передъ кѣмъ стоишь?
Передъ кѣмъ стоишь, на кого глядишь?
Онъ тебѣ чужъ чуженекъ,
У него поросачій духекъ!
Онъ съ кúрами клеваль,
Съ поросятами ѣдалъ!

165 (30).

Мы всѣ пѣсенки перепѣли,
У насъ горлушки пересохли!
Мы князева пива не пивали,
У княгини дары увидали:
У княгини дары миткаліны,
А князево пиво облива,
На собаку льешь, облѣзетъ.

166 (31).

Эту пѣсню поютъ дѣвушки, гуляя по улицѣ,
вода подѣ руки покровенную невѣсту.

Уже вѣчеръ на дворѣ вечерѣтся,
Ужъ красное солнушко за лѣсъ кóтится,

Что частыя-то звѣздочки высыпаются,
У меня-ли молодѣшеньки некрасованой
Съ моими ластушки, сестрицы, милыми по-
дружки.

Я пойду-ли спрошусь у родимой матушки:
„Ты сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебѣ прошуся, не красоватися,
Я развѣить свою кручинушку великую.
Я пойду-ль молодѣшенька во чисто поле,
Я ударюсь молодѣшенька о сырѣ землю;
А мы вскрикнемте, сестрицы, громкимъ голо-
сомъ:

Ты раздайся-ли, мать сыра земля!
Ахъ, ты встань, ты встань, родной батюшко!*)
Ты приди ко мнѣ, горюшѣ молодѣшенькѣ,
На мою-ли на смиренную на бесѣдушку!
Снарядить-то меня горюшу есть кому,
А благословить-то меня нѣкому.
Мы взойдемъ-ка ли, сестрицы, въ новыя сѣни,
Мы воскрикнемте, сестрицы, громкимъ голо-
сомъ:

Не шатитесь, не ломитесь, сѣни новыя!
Неужли-жъ я молодѣшенька тяжелѣшенька?
Съ моимъ ластушкамъ, сестрицамъ, милымъ
подружкамъ?

Тяжела моя великая кручинушка.
Государыня, родимая матушка!
Отвори-тка свой высокъ терѣмъ!
Не зноби меня горюшу молодѣшеньку!
Я и такъ молодѣшенька назяблася.
Я сяду молодѣшенька подѣ окошечкомъ:
Не летить-ли мой кормилецъ батюшко?
Мы пойдѣмте-тка, сестрицы, вдоль по улицѣ;
Вы кладите-тка слѣдочки частѣхонько,
Уливайте слѣдочки горючѣмъ слезѣмъ.
Опослѣ пойдѣтъ родимая матушка:
„Не княгиня тутъ гуляла, не боярыня,
Тутъ ходила, тутъ гуляла чадо милое!“

*) Если невѣста не сирота, то, разумѣется, вы-
пускаются стихи, обращенные къ покойному отцу,
или замѣняются другими, импровизированными. —
Прим. собир.

167 (32).

Много, много у сыра дуба
Много вѣтвей и повѣтвей,
Только нѣту у сыра дуба
Золотыя вершиночки:
Много, много у княгини души
Много роду, много племени,
Только нѣту у княгини души
Нѣту ея родной матушки:

Благословить есть кому,
Снарядить некому*).

*) Благословляет обыкновенно отецъ, снаряжаетъ мать.—*Прим. собир.*

168 (33).

Поется сиротъ.

Ты рѣка ли моя рѣченка,
Ты рѣка ли моя быстрая!
Течешь, рѣчка, не колы́хнешься,
На крутой берегъ не взолье́шься,
Желтымъ пескомъ не возмүти́шься!
Отчего же мнѣ возмүти́тся?
Ни дождя нѣту, ни вихорю:
Ахъ ты умная дѣвица,
(имя и отчество),
Что сидишь ты, не улы́бнешься?
Говоришь рѣчи, не усмѣ́хнешься?
— „Что чему же мнѣ смѣ́яться?
На что гляди, радоваться?
Полонъ дворъ у насъ подводъ стоитъ,
Полна горница гостей сидитъ.
Ужъ какъ всѣ гости собрались,
Одного-то гостя нѣтъ какъ нѣтъ;
Ужъ какъ нѣтъ гостя милаго,

Моего батюшки родимаго*):
Снарядить-то меня есть кому,
Блѣсловить-то меня некому;
Что снарядить меня родная мать,
Блѣсловить меня чужой отецъ“.

*) Если-жъ молодая круглая сирота, то поется:
Ужъ какъ нѣтъ гостей милыхъ:
Моего батюшки родимаго,
Моей матушки родимой.—*Прим. собир.*

169 (34).

По меду, мѣду по пѣточному
Плавала чарочка серебряная:
Кто эту чарочку перенялъ?
Перенялъ, перенялъ князь государь,
Подносилъ, подносилъ госпожѣ княжнѣ:
„Выкушай, выкушай, душа госпожа!
Я тебѣ, княгиня, про свой сонъ расскажу:
Будто у насъ середь ширѳка двора
Будто у насъ разстилалась трава;
По травкѣ гуляетъ павынька,
Павынька—павынька княгиня душа“.

Пѣсни записаны А. С. Пушкинымъ, вѣроятно, въ 1824 году. Пѣсни: 139—143, 146—147, 149—152 изданы были В. О. Милеромъ въ его статьѣ: „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“ (М. 1899).—*Ред.*

V. Тверской губерніи.

а) Осташковскій уѣздъ, село Острица.

170 (1).

Какъ по ельничку, по березничку,
По часту горьку осинничку
Ходилъ гулялъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ и Пѣтро князь,
Да что Пѣтро князь Васильевецъ:
На Пѣтрѣ-то голубой кафтанъ,
Голубой кафтанъ, шляпа черная,
Съ алымъ лѣнтамъ и съ прозументами;
У Пѣтры-то завиты кудри:
Завила кудри красна дѣвица,
Степанида душа Охромѣвна.
Завила кудри, сама прочь пошла,
Поклонилася, похвалилася:
„Я замужъ иду я за умнаго,
Я за умнаго за разумнаго,
За Пѣтру да за Васильевца“.

171 (2).

Какъ у мѣсяца звѣзды частыя,
У красна солнца лучи ясны:
У Пѣтры-то князя кудри русыя,
У Васильевца завиты кудри,
Завиты кудри по плечамъ лежѣ.
Что никто къ кудрямъ не пришатнется,
Не пришатнется, не привѣрнется;
Пришатнулася, привернулася
Степанида душа Охромѣвна;
Цѣловала кудри, миловала русы:
„Свѣтъ ты мой, Пѣтро князь Васильевецъ!“

172 (3).

Не вихоръ, вихоръ, во палаты бѣе,
Не вѣтеръ воротечки растворялъ,

Не вѣтеръ широкія растворялъ:
 Растворялъ воротечки да Пётро князь,
 Растворялъ широкія да Васильевицъ;
 Кликать, выкликая изъ терему
 Степаниду душу Охромѣвну:
 „Видь, поводи, Степанида душа!
 Видь-ко, поводи, Охромѣвна!
 Отвѣчай дородному доброму молодцу,
 Да и Пётръ Васильевичу!“ [чица,
 — Государь ты, Пётръ князь,—не отвѣт-
 Государь ты Васильевичъ,—не отговор-
 [щица!

173 (4).

Красовалася Степанида душа,
 Красовалася Охромѣвна
 Что своимъ золотымъ вѣнкомъ;
 Красовавши положила
 На окошко красенъчисто.
 Не соколъ прилѣтываль,
 Приѣзжалъ и Пётро князь,
 Приѣзжалъ Васильевицъ
 На своемъ на добрый конѣ,
 Увозилъ золотъ вѣнокъ,
 Степанидину крѣсоту
 Охромѣвны дѣвицы.

174 (5).

Горнадѣръ Пётро князь!
 Горнай боярыня
 Степанида Охромѣвна,
 Ничего не взлюбила:
 А ни пива пьянаго,
 Ни вина зелѣнаго;
 Только она возлюбила
 У Пётра на ручкѣ спать,
 У Васильевица на правѣй;
 А лежи что куночка,
 А дыши что любочка,
 Супротивъ сердечушка
 Супротивъ ретиваго,
 Рукавомъ накинувши,
 Ко сердцу притиснувши!

175 (6).

Вспомнитко, Пётро князь,
 Какъ холостъ ходилъ,
 Вспомнитко, Васильевицъ,
 Какъ холостъ ходилъ!
 Холостъ ходилъ Пётро князь,
 Да никто не журилъ,
 Холостъ ходилъ, Васильевицъ,

Да никто не журилъ;
 А теперича, Пётро князь,
 Офросинья жури,
 А теперича, Васильевицъ,
 Алексѣвна жури:
 „Не ходи, Пётро князь,
 Да теперь хоробѣрь!
 Не ходи, Васильевицъ,
 Да теперь хоробѣрь!
 Не чеши голову,
 Да не вей кудѣрь!
 Не надѣвай чулочки
 Бѣлы шелковые,
 Не обувай башмачки
 Да со пряжечками!
 Я тебя, Пётро князь,
 Я и такъ люблю!
 Я тебя, Васильевицъ,
 Я и такъ люблю!“

176 (7).

Ахъ ты утушка, утка сѣрая!
 Ино гдѣ была, гдѣ замѣшкалась?
 — Я была утка въ чистомъ полѣ.—
 Что-жъ ты видѣла, что-жъ ты слышала?
 — А я видѣла, а я слышала:
 Стоя три ковра полотняные;
 Во первомъ коврѣ сиди тысяцкій,
 Во другомъ коврѣ большій бояринъ,
 Во третьемъ коврѣ да и Пётро князь,
 Во третьемъ коврѣ да Васильевицъ.
 Ино тысяцкій писать гораздъ,
 Большій бояринъ прочитаетъ гораздъ,
 А Пётро князь онъ стрѣляетъ гораздъ:
 Онъ пустилъ стрѣлу по поднебесью,
 Онъ отшибъ звѣзду прочь отъ мѣсяца;
 Отлучилъ Степаниду отъ своѣ двора,
 Отъ своѣ двора, отъ подворьяца,
 Прилучилъ ее къ своѣму двору!

177 (8).

На синимъ-то на-морѣ на-зерѣ
 Люли, люли, на-морѣ на-зерѣ!
 Два лебедя два бѣлые плавали
 Люли, люли, бѣлые плавали! и т. д.
 У лебедя лебедушка подъ крыломъ,
 У лебедя косатая подъ крыломъ:
 У Пётры то Степанида подъ бочкомъ,
 У Пётры Охромѣвна подъ бочкомъ,
 А чѣмъ же ты, Степанида, удала?
 „Я по-поясъ во золотѣ обвилася,
 Жемчужные мохорчики до-земли.“

178 (9).

Свѣтѣль свѣтѣль мѣсяцъ надъ горницею,
А частыя звѣзды надъ повалушею,
А красное солнце надъ пѣвымъ сѣнямъ.
Степанида по сѣнямъ похаживала,
Охромѣвна по новымъ погулиwała,
Гусей, лебедей опа заганивала:
„Полетите, мои гуси, ко Пѣтрѣ князю,
Ко Пѣтрѣ князю Васильевичу!
Чтобы мой Пѣтро свѣтъ не загуливался,
Чтобы мой Васильевичъ не загуливался.“
Пріѣхаль Пѣтро свѣтъ въ полночь ко двору,
Ударилъ Васильевичъ конѣмъ въ ворота:
„Ты спишь-ли, не спишь-ли, Степанида душа,
Ты спишь-ли, не спишь-ли, Охромѣвна свѣтъ?
Буде, другъ, спишь, не будите ее;
Буде, другъ, не спишь, встрѣчала-бъ меня!“
Вышла, выходила Степанида душа,
Вышла, выходила Охромѣвна свѣтъ,
Подъ правую ручушку подхватывала,
А Пѣтру то князю рассказывала:
„Государь, Пѣтро князь, всю ночь не спала!
Твоему добру коню коверъ вышила,
Твоему стоялому чистымъ серебромъ;
По краямъ низала скатнымъ жемчугомъ,
Круги выводила златомъ серебромъ“.

179 (10).

На горы, на горы да зеленый садъ;
Въ этомъ садѣ, въ томъ зеленомъ
Пѣтро гулялъ да Васильевичъ,
Чесалъ головѣ, завивалъ кудри,
Надѣвалъ чулочки бѣлы шелковые,
Обувалъ башмачки да со пряжечками;
Цѣловалъ, миловалъ Степаниду душѣ:
„Ты другъ моя, Степанида душа!
Ты другъ моя, Охромѣвна!“

180 (11).

Передъ сѣнничкамъ гусѣлички висѣли,
Передъ новымъ частыя висѣли;
Ино некому въ гусельцы поиграти.
А и Пѣтры-то дома не случилось,
А Васильевича не сгодилося;
Онъ у ласковой тещи пирѣ,
Онъ у ласковой тещи станѣ.
Кабы теща мѣла зятя проводила,
Проводила, ему говорила:
„Ахъ ты зять, ты мой молодой зять!
Не ходи, мой зять, во чарѣвъ кабакъ,

Ты не пей, мой зять, пива пьянаго,
А зелѣнаго вина до увалу!
Ты по улицѣ поди, не шатайся,
Въ новѣ горницу войди, не валяйся,
Надъ Степанидой душой не ломайся:
Степанида душа молодая,
Съ молодого ума тороплива,
Связавши спать положили.“

181 (12).

Дѣвушки корятъ жениха, когда хотятъ по-
дарковъ.

Бояры вы, бояры!
Бояры вы, бояры!
Мимо бору ѣхали, (2)
Вы хвощеты*) не нѣрвали,
Вы Пѣтру-то не вымыли.
Какъ у насъ Степанида душа
Безъ бѣлилъ бѣлѣхонька,
Безъ румянъ краснѣшенька;
У васъ-то Пѣтро князь
Чушѣ не мытая,
Порося не скребѣное!
Бояры вы бояры!
Вы не срядно пріѣхали:
Козы въ возы впряжены,
Поросята ознузданы,
Курица осѣдлана!
На Пѣтриной улицѣ
Завалилась курица;
Подымите курицу!
Сведите въ кузницу,
Подкуйте курицу!
Кушаки полосатые,
А бояры носатые,
Армяки не стриженные!

*) хвощѣ-то—Попр. К-аго.

182 (13).

Удалъ, удалѣлъ да и Пѣтро князь,
Да и Пѣтро князь Васильевичъ.
Удалѣ его Степанида душа,
Удалѣ его Охромѣвна.
Онъ подѣкъ березушку при пути,
Подкосилъ травушку во лѣзяхъ,
Онъ побралъ ягоды во сыромъ бору,
Онъ не далъ ягоды узрѣти,
Онъ не далъ Степанидушкѣ вырасти.

183 (14).

Журила, говорила,
Говорила, сама плакала
Степанида своему батюшкѣ,
Охромѣвна своему родимому:
„Родимый мой батюшко!
Ты не ѣзди по городу,
Что по городу Осташкову,
Но уѣзду Новгородскому!
Ты не пей пива пьянаго,
Ты не кушай зелена вина,
Да не пропивай ума
На винную на чарочку,
На пивную братиную!*)
Не отдавай Степаниду душу,
Не отдавай Охромѣвну
За Пётру Васильевича!“

*) Братиня—вмѣсто: братина. *Прим. К-аго.*

184 (15).

Плакала, тужила Степанида душа,
Плакала, тужила Охромѣвна;
Не по чѣмъ она плаче: не по батюшкѣ,
Не по батюшкѣ, не по родной матушки,
Она плаче по русой косѣ,
По русой косѣ, красѣ дѣвичьей:
„Вечѣрь-то мнѣ матушка косушку плела,
Плела, плела, уплѣтывала,
Учѣсы-то были гладкіе,
Уплѣты-то были частые!“
Степанида съ двѣрику съѣзживала,
Макушечку съ верьбинки сламывала:
„Рости, рости, верьбинка, безъ верха!
Живи, живи, матушка, безъ меня!“

185 (16).

Какъ на синѣмъ то на морѣ,¹⁾
Что на чѣрномъ на кораблѣ,
Бояры во трубы трубѣ,²⁾
Сильные въ золоченыя.
Что никто трубы не слыхалъ,³⁾
Только слышала, ўзрѣла
Душечка красная дѣвица
Степанида Охромѣвна;⁴⁾
Побѣжала по новымъ снѣгамъ,⁵⁾
Закричала громкимъ голосомъ:
„Государь родной батюшко!
Государыня матушка!
Не по меня ли бояры идѣтъ?“⁶⁾

Не по моей ли русой косы?
По русой косы, красы дѣвичьей?⁷⁾

Варьянтъ: зап. въ гор. Осташковѣ.

1) — Вмѣсто: „какъ“ — „что“. Второго стиха въ вар. нѣтъ.

2) — Вмѣсто областного „труба“ — „трубить“.

3) — Вмѣсто „что“ — „что-жъ“.

4) — Вмѣсто стиховъ 6, 7 и 8-го:

Только слышала Катерина душа,
Услышала Матвѣвна.

5) — Выходила на новы сѣни.

6) — Не по меня-ль то бояре ѣдутъ?

7) — Вмѣсто стиховъ 14 и 15-го:

Не по мою-ли русу косу,
Русу косу дѣвичью?

Потомъ слѣдуетъ еще:

Ты сердечная дитятко, Катерина Матвѣвна!
По тебя бояре ѣдутъ,
По твою русу косу дѣвичью!

186 (17).

Ты послушай-ко, Пётра князь,
Ты послушай, Васильевичъ,
Да что мы тебѣ наказывали,
Да что мы тебѣ наговаривали:
Береги нашу Степаниду душу,
Береги нашу Охромѣвну
Какъ у насъ была Степанида душа
Какъ у насъ была Охромѣвна
Береженое дитятко;
Со вечеренки спать кладена,
Со заутренки возбужена,
Колачемъ она вскормлена,
Сытою она выпоена!

Дѣвушки встрѣчаютъ молодыхъ на улицѣ,
когда ѣдутъ отъ вѣнца.

Стукъ, стукъ, стукъ, по улицѣ!
Брякъ, брякъ, брякъ, по широкой!
Поглядите всѣ, добры люди,
Какъ да и Пётро жену ведѣ,
Какъ Васильевичъ боярыню:
Не въ атласѣ,—въ бархатѣ,
Въ золотой верхъ шапочкѣ!
Буйну голову обломил!

188 (19).

Подъ яблонью кудрявою,
Подъ грушею зеленою,
Помощена кроватушка,
Разостлана перинушка;
На перинушкѣ Степанида душа,
На перинушкѣ Охромѣвна;
Возлѣ ней стой три молодца:

Первый молодец—да Пётро князь,*)
 Другой молодец—да Прохоръ свѣтъ,
 Третій молодецъ Пантелей то свѣтъ:
 „Испей, испей, Степанида душа,
 Испей, испей, Охромѣвна!“
 — Отъ всѣхъ мнѣ пить и пьяной быть,
 Мнѣ всѣхъ любить такъ битой быть!
 Люблю дружка да Прохора,
 Еще люблю да Нантелеюшку,
 Дума моя то, Пётро князь!
 Душа моя, я вся твоя!
 Вся суженая, вся ряженая,
 Вся ряженая, не наглаженная!—

*) Первый молодец—женихъ; второй и третій—
 двое изъ лучшихъ его друзей.—*Прим. К—аго.*

189 (20).

Дорогая ты гостейка,
 Дорогая, полюбовная,
 Моланья Борисовна!
 Погости-тко у батюшки,
 У родимой у матушки!
 — „Вы сестрицы, подруги мои!
 Мнѣ гостить-то не хочется,
 Мнѣ гостить-то не гостятся:
 Мнѣ пора сорязатися
 Ко двору ко Никитину,
 Ко двору ко Лаврентьяча,
 Ко подворью широкому!“

190 (21).

Что не стонѣ-то стонется,
 Что не вой-то воется:
 Восковыя свѣчки топятся,
 Благословляются стоючи:
 „Благослови-тко, родный батюшка,
 Со родимую матушкой,
 Со своимъ сродцамъ, пріятелямъ,
 Ко суду Божью ко вѣнцанью,
 По свою по суженаго
 По Никиту Петровица!“

191 (22).

Какъ приѣдутъ молодые отъ вѣнца, ихъ встрѣ-
 чаютъ съ хлѣбомъ и солью, и дѣвушки поютъ:

Не буйны вѣтры,
 Не буйны вѣтры
 Понавѣяли,
 Не бывши гости,
 Не бывши гости
 Понавѣяли:

Дворъ комоней*)
 Дворъ комоней
 Понаставили,
 Сѣни сѣдель,
 Сѣни сѣдель
 Понокладены,
 Гвозди плетей,
 Гвозди плетей
 Понавѣшены!

*) Комоней—коней. См. „Слово о Полку Иго-
 реви“.—*Прим. К—аго.*

192 (23).

Бояры-ли вы, бѣяры!
 Бояры-ли вы Михайлины,
 Михайлины да Васильича!
 Не спущайтесь съ горы,
 Со горы высокія,
 Не поломайте древечки,
 Древечки сахарныя!
 Околѣ той ли древечки
 Да Михайло князь гулялъ
 Съ Просковѣй Кузминичной!

193 (24).

Ты ёлущка, моя ёлущка,
 Ёлка зелѣная!
 Да всѣ-ль у тебя вѣтвицы,
 Да всѣ-ль у тебя бумажныя?
 Ты Прокофій Семёновичъ!*)
 Походи по новой горницѣ,
 Примѣть своихъ сродцевъ-пріятелей:
 Да всѣ-ль у тебя сродниці,
 Да всѣ-ль у тебя пріятели?
 — „Да всѣ у меня сродниці,
 Да всѣ у меня пріятели;
 Одного-то нѣту сродниці,
 Одного-то нѣту пріятели—
 Да родимаго батюшки!
 Родимый батюшко
 Просился съ небесъ да на землю
 У Царя-то у небеснаго
 На Прокофьеву на свадебку,
 На Семёновица родимую,
 Благословить своё дитятко,
 Ко суду Божью, ко вѣнцанью
 По свою по суженую,
 По Оксинью Борисовну.

*) Если отецъ живъ, то поётся про другую бли-
 жайшую родню. Также поётся и невѣстѣ, поминая
 ея имя вмѣсто женихова.

194 (25).

Сокóль сокóльевичъ,
Дорóдный добрый мóлодецъ,
Леталь полётываль
По зелёному садику,
Понималь лебѣдушку,
Лебѣдушку бѣлую:
Да Глѣбъ Ипатьевичъ
Полагаю Михайловну.

195 (26).

Иио Пётро князь богатый,
Иио хóче насъ подарити
По цѣлой по гривнѣ,
Намъ дѣвкамъ на бѣлилы,
Намъ краснымъ на румяны.
А мы дѣвушки горожанки,
Отъ городу не далече,
Безъ бѣлилъ безъ румянъ не ступимъ.
Пётро князь, ужахнися!
Подарите насъ дѣвокъ
По цѣлой по гривнѣ!

196 (27).

Сваха печеть пироги для дѣвушекъ, въ ко-
торый запекаются деньги. Этого пирога она
имъ долго не даётъ, а дѣвушки поютъ:

Что тебя, свашенька, долго не было?
Что тебя, приѣзжая, долго не было?
Во саду свашенька загулялася,
Сахаромъ свашенька озобалася.
Есть-ли у тебя, свашенька, бояринъ сынъ?

Есть ли у тебя, свашенька, да боярыня дочь?
Е' кому ль свашенькѣ да коня осѣдлатъ?
Е' кому ль у тебя да ковѣрь вышивать?
— „Есть у меня да бояринъ сынъ,
Есть у меня и боярыня дочь.
Е' кому и коня осѣдлатъ,
Е' кому и ковѣрь вышивать.“

197 (28).

Перепѣлушка-ластунка,
Перепелка косáтая!
Ты зачѣмъ рано вылѣтываешь
Изъ часта куста ракитова,
Изъ-за теплаго гнѣздунка?
Ты Устинья Петровна-свѣтъ!
Ты зачѣмъ рано замужъ идешь,
Ты зачѣмъ рано хватаешься?
— „Вы сестрицы, подруги мои!
Не сама я замужъ иду,
Не сама я и хватаюся:
Выдаё меня рóдный батюшко
Со родимою со матушкой
За Ивана Терентыча“.

198 (29).

Поднимались облаки изъ-подъ зálѣся:
Поднималась Акулина душа со своей стороны.
Излила Акулина душа горячя слезы;
Сталъ унимать, уговаривать
Да Дмитрій князь да Михайловичъ:
„Я тебя, Акулина душа, не силой бралъ,
Я тебя, Ивановна, не неволею!“

Пѣсни 170 — 198 записаны 14, 15 и 22 июля
1834 года.

б) г. Осташковъ.

199 (1).

Но борамъ, борамъ борѣчкамъ
Увита дорожка колѣчкомъ.
Да кто жъ дорожку увиваль?
Увиваль дорожку Иванъ князь,
Увиваль дорожку Александровичъ,
Ходючи, смотрячи Анну душу,
Ходючи, смотрячи Михайловну,
Большіе подарки носючи.

Ай! мы тебѣ, свѣтъ Анна, говорили,
Ай! мы тебѣ, Михайловна, говорили,
Твоему сердечку нарóвили:
Не ходи, свѣтъ Анна, въ боръ гулять,
Не ходи, Михайловна, въ боръ гулять,
Въ сыръ боръ гулять, ягоды брать;
Брала, брала—придремала,
Цвѣточки рвала—приуснѣла.
Ай, мимо тутъ ѣхаль Иванъ князь,
Ай, мимо тутъ ѣхаль Александровичъ,

Стегнулъ батожкомъ, не досталь,
Съ коня соскочилъ, подрочилъ:
Ай, спи, сии, Анна душа,
Ай, спи, спи, Михайловна,
Не къ батюшкѣ идешь, не къ матушкѣ,
Идешь къ свекру, ко свекровѣ,
Ко деверю идешь, ко золовкѣ *).—

*) Далѣ въ рукоп. въ качествѣ продолженія пѣсня: „Не тѣсомъ терѣмъ вытесанъ“; см. № 215.—
Прим. ред.

200 (2).

Разлилась, разлелѣялась,
По лугамъ вода вешняя,
Унесло, улелѣло
Чадое милое—дочь отъ матери:
Разставалася матушка,
Разставалася государыня.
На крутомъ красномъ бережкѣ,
Что на бѣломъ на камушкѣ
Не бѣла лебедь кликала,
Мать объ дочери плакала:
„Воротись, мое дитятко!
Воротись, чадое милое!
Свѣтъ Анна Михайловна!
Позабыла ты трой ключи,
Что трой ключи золотые,
И со шелковымъ поясомъ,
Со колечкомъ серебрянымъ,
Со витымъ позолоченымъ“.
—Не забыла я, матушка,
Не забыла, государыня,
Что трои ключи золотые;
Позабыла я, матушка,
Всю волюшку батюшкину
И всю нѣгу матушкину,
Всю красу свою дѣвичью.
Красота ль моя крѣсота,
Красота ль моя дѣвичья
Въ береженьицѣ ношена
И у мѣста положена
Что у батюшки въ садикѣ,
У родимаго въ зеленомъ,
Что подъ яблонью кудрявою,
Что подъ грушею зеленою.
Ужъ ты грушица, грушица,
Ужъ ты грушица зеленая!
Сберегай мою крѣсоту,
Красоту мою дѣвичью.

201 (3).

Какъ по ельничку, по березничку,
Что по горькому по осинничку

Какъ ходилъ, гулялъ добрый молодецъ,
Князь Иванъ-то свѣтъ Александровичъ.
У него кудри, кудри русыя;
На кудряхъ кудряхъ шляпа черная,
Шляпа черная съ прозументами,
Съ прозументами, съ алыми лентами.
Собиралися, собѣзжались
Князи, бояре, да свѣтъ Ивановы,
Свѣтъ Ивановы да Александровичевы,
Они тѣмъ кудрямъ дивовалися:
Отчего жъ кудри завивалися?
Завила кудри красна дѣвица
Свѣтъ Анна душа да свѣтъ Михайловна.
И завивъ кудри, сама прочь пошла,
Поклонилася, похвалилася:
Я замужъ иду за хорошаго,
За хорошаго за пригожаго,
За Ивана-то за Александровича.
Ты удалъ доброй молодецъ,
Князь Иванъ-то свѣтъ да Александровичъ!
Объяви по чистой совѣсти,
Когда я тебѣ полюбилася,
Умомъ, разумомъ приобычилася,
Присылай ко мнѣ свата свататься,
Свата добраго, зятя рѣднаго.

202 (4).

Какъ у мѣсяца звѣзды частыя,
У красна солнца лучи ясные:
Какъ у Ивана-то кудри русыя,
У Александровича по плечамъ лежать;
Серебромъ кудри приувиты,
Скатнымъ жемчугомъ приунизаны.
Никто жъ къ кудрямъ не пришатнется;
Пришатнулася, привернулася
Красна дѣвица Лизавета душа,
Красна дѣвица Ивановна.

203 (5).

Какъ у чарочки у серебряныя
Золотой у ней вѣночекъ: (2).
У Ивана-то у Александровича
Дорогой у него обычай: (2).
Гдѣ ни нѣтъ, гдѣ ни ѣсть, гдѣ ни кушаетъ,
А онъ къ ночи домой идетъ. (2).
Я Аннушку люблю, я Михайловну люблю,
Какъ свою душу въ бѣломъ тѣлѣ; (2).
Я ей выбойку куплю, я ей ситцевую,
Со разными со цвѣтами, (2).
Я ей алой штофъ куплю
Со разными со шелками. (2).

204 (6).

Соко́ль соко́льевичъ,
Доро́дный добрый молоде́цъ,
Свѣтъ Ива́нъ Алекса́ндровичъ!
Леталъ ясе́нь соко́ль
По зеленому саду,
По красному вишеню,
Поймалъ лебе́душку,
Лебе́душку бѣлую,
Анну Миха́йловну.
Онъ привелъ къ своему двору,
Ко подворью широкому,
Ко высокому терему,
Къ родимому батюшкѣ:
„Родимой мой батюшка,
Родимая матушка,
Мила-ль тебѣ лебе́душка,
Лебе́душка бѣлая,
Анна Миха́йловна?“
—Сердечная дитятко!
Любымъ она любюшонька,
Хорошимъ хорошононька*),
И умомъ то умнѣшонька,
Домоводица крѣпкая,
Водоносица скорая,
Слуга моя вѣрная,
Вѣрная безотвѣтная.

*) Далѣе рукой К—ого вставленъ стихъ:
Пригожи́мъ пригожононька.

205 (7).

Какъ черезъ море древечко;
По тому древечку Анна шла,
По тому Миха́йловна шла,
Роняла слезы во синѣ море,
Пущала гулы во чисто поле.
Какъ услышала её батюшка:
„Не мое ль то дитятко
Во чужихъ людяхъ плачетъ,
У чужова отца съ матерью,
У чужова роду племени?“
Какъ гулялъ въ саду Ива́нъ князь,
Какъ гулялъ во зеленомъ Алекса́ндровичъ,
Подѣлкъ березу кудрявую,
Подкосилъ медью сладкую,
Побралъ ягоды во сыромъ бору.
Раскинсья, береза подѣлчаная!
Расцвѣти, медыня подкошеная!
Узрѣй, ягода, во сыромъ бору браная!
Рости, Анна душа, замужъ вышедши,
Рости, Миха́йловна, замужъ вышедши!

206 (8).

Поется, если женихъ приѣхалъ изъ далека.

Что при вечерѣ, вечерничкѣ
При остатнемъ часу-времячкѣ,
При Катерининомъ дѣвичничкѣ,
При Миха́йловной дѣвичничкѣ
Прилеталъ младъ ясе́нь соко́ль сизо-
крыльчатой;

Онъ садился на окошечко,
На серебряну причелинку; ¹⁾
Что никто его не видѣлъ,
Только видѣлъ родной батюшка;
Говорилъ онъ своей дочери,
Своей дочери Катеринѣ душѣ,
Своей дочери Миха́йловнѣ: ²⁾
„Ты сердечная дитятко,
Катерина Миха́йловна!
Приголубь себѣ голубчика,
Яснаго сокола залѣтнаго,
Добраго молодца заѣзжаго,
Свѣтъ Ивана Алекса́ндровича!“
—Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я и рада бѣ приголубить его:
Скорыя ноженьки подломилися,
Бѣлыя рученьки опустилися,
Ретиво сердце испугалось,
На всѣ стороны кидалось,
Ко Ивану приклонялось,
Ко Алекса́ндровичу приклонялось³⁾.

Четыре варьянта: В) доставленъ отъ А. С. Пушкина (см. выше № 152); Г) записанъ Орловской губ., Мало-Архангельскаго уѣзда, въ с. Лимовомъ; Д) зап. Московской губ., Звенигородскаго уѣзда, въ с. Ильинскомъ; Е) записанъ Московской губ., Звенигородскаго уѣзда, въ дер. Воронкахъ.

1) В.—начинается такъ:

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ часу-времячкѣ,
При княгининомъ дѣвичничкѣ
Вылеталъ же младъ ясе́нь соко́ль;
Онъ садился на окошечко,
На серебряну рѣшеточку,
На шелкову занавѣсочку.

Въ варьянтѣ Г. первыхъ четырехъ стиховъ нѣтъ, а начинается прямо:

Прилеталъ соко́ль къ окошечку;
Онъ садился на окошечко,
На серебряно стеколичко,
Въ позлащенную рѣшеточку.

Д.—начало:

На сговорѣ, на дѣвичничкѣ,
На дѣвичьемъ было вечерѣ,
У Катерины было въ теремѣ,
У Миха́йловны въ высокіемъ.
Ей въ ночи молодой малю спалось,
Малю спалось, во снѣ видѣлось;

207 (9).

Воструби, трубушка,
Воструби, золочёная,
Жалостно и радостно!
Ты расплаться, Анна душа,
Растужися Михайловна,
Передь батюшкой стоючи,
Передь родимымъ плачучи:
„Государь родной батюшка,
Государыни матушка!
Говорили—всё обманывали,
Что не дамъ, не дамъ дитятка

Ей не ловокъ сонъ привидѣлся:
Прилеталъ же къ ней ясенъ соколъ;
Онъ садился къ ней на окошечко,
На златую на причелинку.

Е. — начало:

Какъ у Катерины на дѣвичничкѣ,
У Михайловны на красномъ,
При дѣвичьемъ было вечерѣ
Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ.

Далѣе, какъ въ текстѣ.

- 2) В. — Какъ увидѣла да узрѣла
Свѣтъ княгиня матушка:
„Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты яснаго сокола!
Яснаго сокола...“ и т. д.
- Д. — Что увидѣла яснова соколѣ
Катеринина-то матушка:
„Охъ, ты дитятко, Катеринушка!
Ты привѣтъ-приголубь ты яснова сокола...“
- Г. — Душа, душа, красная дѣвица!
Прими, прими яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца прѣзжаго...
- Е. — Катеринушка, открой окно!
Ты, Михайловна, прими соколѣ!
- 3) Конецъ въ В:
Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломилися,
Бѣлы ручи опустилися,
Ясны очи помутилися
Красота съ лица смѣнилася.
- Въ Г. — Я бы рада привѣтила его:
Ретиво сердце испужалось,
Рѣзвы ножки подломилися,
Бѣлы ручки опустилися,
Златы перстни покатилися,
Ясны очи помутилися,
Черны брови приморгалися.
- Въ Д. — Ты родимая моя матушка!
Я бы рада привѣтила яснаго сокола:
Мое сердце не воротится,
Животъ кровью обливается;
Лице слезьми обливается.
- Въ Е. — Мое сердце не воротится,
Животъ кровью обливается,
У батюшки гости сидятъ,
А у матушки гостынки,
У меня, младой, подруженьки.
- Затѣмъ въ варьянтѣ Е. присоединена къ этой пѣснѣ другая: „Вы, подруженьки, голубушки“ и пр.

Молодешеньку въ чужи люди!
А теперъ у вась, батюшка,
Не то въ умѣ задумано,
И не тѣ мысли замыслены;
Пиво, вино поварено,
И сладки меды посычены,
Дубовы столы разставлены,
Браныя скатерти разостланы;
Только сѣсть и поѣхати,
Ко суду Божью, ко вѣнчанью;
Отъ суда Божья, отъ вѣнчанья
Къ тебѣ, родимый батюшка *),
Хлѣба соли покушати,
Бѣлаго лебеда порушати;
Отъ тебя ли, родной батюшка,
Къ богоданному батюшкѣ
На житье, на вѣковѣченье.

*) Старинное обыкновение отъ вѣнца молодыхъ отводить къ невѣстину отцу обѣдать и понынѣ въ Осташковѣ соблюдается между купечествомъ и мѣщанствомъ. *Примѣч. П. М. Снегирева.*

208 (10).

Хвалился свѣтъ Иванъ-то князь,
Хвалился Александровичъ
Самъ своею сторонуюшкою,
Самъ своею любимую:
„Въ путь поди, Анна душа,
Въ путь поди, Михайловна,
На Иванову сторонуюшку,
На Александровича любимую:
На Ивановой сторонуюшкѣ
На Александровича любимыя
Берега-то садовые,
А вода-то медовая;
Свекоръ—что батюшка,
А свекровушка—что матушка,
Деверья—что братички,
А золовушки—что сестрицы!“
Какъ пришла, пришла Анна душа,
Какъ пришла, пришла Михайловна
На Иванову сторонуюшку,
На Александровича любимую,—
На Ивановой сторонуюшкѣ,
На Александровича любимыя
Берега-то песчаные,
А вода-то Селигерская,
Свекоръ—не батюшка,
А свекровушка—не матушка;
Деверья—не братички,
А золовушки—не сестрицы.

209 (11).

Разшаталася грушица ¹⁾,
 Разшаталася зеленая ²⁾,
 Передъ яблонью стоячи,
 Передъ яблонью кудрявою ³⁾:
 Какъ расплакалася Анна душа,
 Передъ батюшкой стоячи ⁴⁾,
 Передъ родимымъ плачучи ⁵⁾:
 „Государь, родной батюшка ⁶⁾!
 Государыня матушка ⁷⁾!
 Не можно-ль думы отдумати,
 Чтобы меня замужъ не выдати ⁸⁾
 За дороднаго добраго молодца,
 За Ивана Александровича?“
 — Ты сердечная дитятко,
 Свѣтъ Анна Михайловна!
 У насъ нѣ словѣ положено,
 По рукамъ у насъ ударено ⁹⁾,
 Что не быть у насъ дѣвичнику ¹⁰⁾,
 Быть суду Божью—вѣнчанью.

Варьянты: В) находится въ *Рязн. птс.*; Г) записанъ Московск. губ., Звенигор. уѣзда, въ дер. Воронкахъ.

- 1) В. Г.—Раскачалася грушица.
- 2) В. Г. этого стиха нѣтъ.
- 3) В. Г. этого стиха нѣтъ.
- 4) Г.—Передъ родимымъ батюшкой.
- 5) В. Г.—стиха нѣтъ.
- 6) В.—Государь ты мой батюшко; Г. — Ты родимый мой батюшка.
- 7) В. Г.—стиха нѣтъ; далѣе въ В:
 „Ты къ чему рано вино куришь?
 Ты къ чему рано пиво варишь?
 Ты къ чему рано становишь меды сладкіе?“
 — Ты дитя-ль мой, дитятко,
 Ты дитя-ль мой милое!
 Я хочу тебя замужъ отдать,
 Не за князя, не за барина,
 За того ли сына гостинаго.—

Въ Г.—вмѣсто этого поется такъ:
 „Ты зачѣмъ хочешь пиво варить?
 Ты къ чему хочешь зелено вино курить?
 Али хочешь ты сына женить?
 Али хочешь ты дочь отдавать?
 Ты къ чему, родимый батюшко,
 На свою дочь прогнѣвался?“
 Этимъ и кончается вар. Г.

- 8) В.—Нельзя-ль думу раздумати,
 А меня замужъ не выдати?
- 9) В.—Ты дитя ли мое дитятко,
 Ты дитя ли мое милое!
 У насъ дѣлю-то сдѣлано,
 По рукамъ у насъ ударено.
- 10) В.—Быть сговору, дѣвичнику,
 Быть дѣвичьему вечеру;
 Въ воскресенье тебѣ, дитятко,
 Ко суду Божью ѣхати,
 Подъ златымъ вѣнцомъ стѣяти
 Съ удалымъ добрымъ молодцемъ,
 Съ Иваномъ Александровичемъ.

Послѣдніе два, очевидно, испорченные стихи.

210 (12).

Утушка на морѣ купалася,
 Сѣрая полоскалася,
 Окупавшись, утушка встрепенулася:
 Какъ же мнѣ, утушкѣ, съ синимъ моремъ
 [разстатися,
 Съ крутыхъ береговъ приподнятися?
 Какъ придетъ зима холодная,
 Нападутъ снѣги бѣлые,
 Не разставшись съ моремъ, разстанешься,
 Съ крутыхъ береговъ приподнимешься.
 Лизаветушка въ теремѣ умывалася,
 Ивановна въ высокомъ умывалася;
 Умывшись, она заплакала: [тися?
 Какъ же мнѣ съ высокимъ теремомъ разста-
 Какъ же мнѣ съ батюшкой проститися?
 Какъ придетъ Иванъ-то князь,
 Какъ придетъ Александровичъ,
 Возьметъ меня за правую руку,
 Поведетъ къ суду Божью—вѣнчанью,
 Не разставшись, съ батюшкой разстанешься.

211 (13).

Плакала, тужила Анна душа,
 Плакала, тужила Михайловна.
 Не по батюшкѣ плачетъ, не по матушкѣ,
 Она плачетъ, рыдаетъ по русой косѣ:
 Свѣтъ же была моя руса коса,
 Руса коса, вся дѣвичья красота!
 Вставанье ль было мое раннее,
 Умыванье ль было мое бѣлое,
 Утиранье ль было мое скорое,
 Учосы ль мои были гладкіе,
 Уплѣты ль мои были частые*).

212 (14).

Ходила Аннушка по новы́мъ снѣ́ймъ,
 Чесала Михайловна буйну голову,
 Вплетала Аннушка ленту алую,
 Обмирало ея ретивѣ сердце.
 Какъ услышала ея родной батюшко:
 „Не плачь, мое дитятко родимое!
 Я отдамъ тебя за богатаго,
 За тобою дамъ много приданаго,
 Кованой ларецъ со золотомъ,
 Коробочку скатнаго жемчугу,
 Въ провожатые брата родимаго,

и вслѣдъ за тѣмъ прибавляется: „Ужъ какъ по морю морюшку...“ и проч.—другая пѣсня.—*Прим. К—аго.*

*) Въ рук. къ этой непосредственно присоединена пѣсня 212.—*Прим. ред.*

Въ нянюшки сестрицу ластушку,
Въ мамушки молодѹ молодушку,
Въ ключницы стару бабушку“.
— Не обманывай, родной батюшко!
Родной братецъ съ дорожки воротится,
Сестрица ластушка замужъ пойдѣтъ,
Молода молодушка состарѣется,
Стара бабушка переставится,
А я молода остануся.

213 (15).

Ты взойди, Анна душа, на новы сѣни,
Ты взойди, Михайловна, да на новыя!
Посмотри, Анна душа, во чисто поле,
Посмотри, Михайловна, да во чистое!
Сколь силѣнь ѣдетъ Иванъ то князь,
Сколь силѣнь ѣдетъ Александровичъ:
По одну сторону пятьдесятъ человекъ,
По другую сторону еще пятьдесятъ!
Глядячи Анна душа испугалася,
Глядячи Михайловна испугалася:
„Зашатри, батюшка, шатромъ ворота!
Зановѣсь, матушка, камкою терѣмъ!
Оберните, сестрицы, меня полотномъ!“
Ѣдучи Иванъ то князь похваляется,
Ѣдучи Александровичъ похваляется:
„Быть, быть шатру да разломанному!
Быть, быть камкѣ да раздоланной!
Быть, быть Аннѣ душѣ во полонѣ взятой!
Быть, быть Михайловнѣ во полонѣ взятой!“

214 (16).

Не бывать бы вѣтрамъ, да повѣяли,
Не бывать бы боярамъ, да понаѣхали,
Травушку муравушку прилочили,
Гусей, лебедей поразогнали,
Красныхъ дѣвушекъ поразослали,
Красную Анну душу въ полонѣ взяли,
Красную Михайловну въ полонѣ взяли.
Сталъ тужить, плакати Анна душа,
Сталъ тужить, плакати Михайловна; [князь,
Сталъ унимать, разговаривати да Иванъ то
Сталъ унимать, разговаривати Александро-
„Не плачь, не тужи, свѣтъ Анна душа, [вичъ:
Не плачь, не тужи, Михайловна!
Я тебя, Анна душа, да не силой бралъ,
Я жъ тебя, Михайловна, не неволею:
Билъ челомъ, кланялся твоему батюшкѣ,
Билъ челомъ, кланялся твоей матушкѣ,
Снявъ шапку, снявъ шапку соболиную,
Распустивъ полы сарачинскія;
Износилъ бафтанъ китайчатый,
Истаскалъ кушакъ коломенчатый,

Все до тебя, Анна душа, достаючи,
Все до тебя, Михайловна, достаючи!“

215 (17).

Не тѣсомъ терѣмъ вытесанъ,
Только хорошо выкрашенъ,
Всеякими разными красками.
Ай сборы, сборы Аннины,
Ай сборы, сборы Михайловны.
Сбирала Анна дѣвушекъ,
Сбирала Михайловна красныхъ,
Сажала дѣвицъ за свой столъ,
Сама садилася выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
„Сестрицы мои подруженьки!
Придумайте мнѣ, пригадайте:
Какъ же мнѣ итти въ чужі люди,
Какъ же мнѣ назвать свекра батюшкой,
А свекровушку матушкой?
Свекромъ назвать—битой быть,
А батюшкой назвать—не хочется.
Убавлю я спѣси гордости,
Прибавлю я ума разума:
Назову я свекра батюшкой,
А свекровушку матушкой,
Деверя—братчикомъ,
А золовушку—сестрицей.“

216 (18).

Ахъ! не тѣсно ль тебѣ, рѣченъка,
Не тѣсно ль тебѣ, быстрая,
По подлѣсью было текучи?
„Ахъ когда бы было не тѣсно,
Я текла бы, не мутилася;
Не обмывала бы крутыхъ береговъ,
Не осыпала бы съ горъ желтыхъ песковъ,
Съ горъ желтыхъ песковъ разсыпчатыхъ!“
Ино какъ тебѣ, Анна душа,
Сговорѣной сидѣть не скучно?*)
„Ахъ когда бы не было скучно,
Я сидѣла бы не плакала,
Не слезила лица бѣлаго,
Лица бѣлаго румянаго!“

*) Рук. К-аго добавлено два стиха:

Ахъ! какъ тебѣ, Михайловна,
Сговорѣной сидѣть не скучно?—Ред.

217 (19).

Ужъ какъ по морю морюшку,
По синю морю, Верейскому
Что плыветъ стадо гусиное,

А другое лебединое.
 Отставала лебѣдушка,
 Отставала лебедь бѣлая
 Прочь отъ стада лебединого;
 Приставала лебѣдушка,
 Приставала лебедь бѣлая
 Что ко стаду сѣрыхъ гусей.
 Начали ее гуси щипати.
 А лебѣдушка кричати:
 „Не щиплите, гуси сѣрые!
 Не сама я къ вамъ залѣтала,
 Занесло меня погодою,
 Что великою невзгодою.“
 Отставала Анна душа,
 Отставала Михайловна
 Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ;
 Приставала Анна душа,
 Приставала Михайловна
 Къ молодымъ молодушкамъ.
 Начали ее журить бранить,
 А Аннушка плакати,
 Михайловна плакати:
 „Не журите, люди добрые!
 Не сама я замужъ иду,
 Не своею охотою:
 Отдаетъ родной батюшка,
 А просватала матушка,
 Приговорили пріятели
 За дороднаго добраго мѡлодца
 За Ивана Александровича.“

218 (20).

Свѣчка въ фонарчикѣ ясенько горить,
 Яраго вѡщечку утаевасть;
 Аннушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
 Ивановна по новымъ погуливаетъ,
 Нянюшекъ, мамушекъ спать укладываетъ:
 „Спите вы, няньки, усните скорѣй,
 А мнѣ молодешенькѣ всю почку не спать;
 Ждати мнѣ, ждати Ивана къ себѣ,
 Ждати мнѣ, ждати Александровича“.*)
 — Былъ я у тестя у ласковаго,
 Былъ я у тещи привѣтливия;
 Тесть меня нонѣ пивомъ и виномъ,
 Теща дарила Аннушкою,
 Ласкова дарила Михайловною,
 Этотъ мнѣ подарокъ дороже всего;
 Съ этимъ мнѣ подаркомъ да вѣкъ вѣковать.

*) Вѣроятно, что либо между этимъ и слѣдующимъ стихомъ пропущено, либо тутъ смѣшаны двѣ пѣсни.—*Прим. К-аго.*

219 (21).

Дорогая гостійка,
 Свѣтъ Анна Михайловна!
 Погости у батюшки,
 У родимыя матушки.
 — Охти жъ мнѣ не гостится,
 Мнѣ гостить съ вами хочется;
 Не велить мнѣ родной батюшка,
 Выдаетъ во чужі люди,
 Во чужі незнакомые;
 Какъ у батюшки пожито,
 Попито и поѣдено,
 И въ красть погулено.

220 (22).

Какъ ходилъ да разгуливалъ
 Удалой доброй молодецъ,
 Князь Иванъ Александровичъ.
 Онъ считалъ, пересчитывалъ
 На дворѣ красныхъ дѣвушекъ,
 У Аннушки подруженекъ,
 У Михайловны любимыхъ.
 Онъ одной не досчитывался,
 Души красныя дѣвицы,
 Анны Михайловны;
 Ужъ какъ ей же тутъ не было,
 Ужъ какъ ей не случилось:
 Въ терему засидѣлася,
 Въ терему у батюшки,
 Въ высокомъ у родимаго;
 Она шила, вышивала
 Ровно три ковра золотомъ:
 Мнѣ первымъ ковромъ дарити
 Богаданнаго батюшку,
 А другимъ ковромъ дарити
 Богаданную матушку,
 А третьимъ ковромъ дарити
 Ивана съ братьями,
 Александровича съ полчанами
 И со всѣмъ его поѣздомъ.

221 (23).

Что на синемъ-то на морѣ
 Бояре во трубы трубятъ,
 Сильные въ золоченыя.
 Что жъ никто трубы не слыхалъ?
 Только услышала Анна душа,
 Услышала Михайловна;
 Выходила на новы сѣни,
 Закричала громкимъ голосомъ:
 „Государь родной батюшка!

Государыня матушка!
Не по меня ль то бояре їдутъ,
Не по мою ли русу косу,
Русу косу дївичью?
— Ты сердечная дитятко,
Анна Михайловна!
По тебя бояре їдутъ,
По твою русу косу дївичью.

222 (24).

Промежъ лїсу, промежъ темнаго,
Промежъ бїлаго березничку,
Промежъ частаго ельничку
Молодая шла боярыня,
Душа красная дївица
Анна Михайловна.
Ей навстрїчу свекоръ батюшко:
„Ты любимая невїстужка
Анна Михайловна!
Зачїмъ ты рано упиваешься?
На кого же ты надїешься?“
— Я надїюся на друга своего,
На Ивана Александровича,
На его слово ласковое
На его на привїтливое,
На его на умильный взглядъ!*)

*) Поется, вїроятно, на одинъ голосъ съ пїс-
нею № 223.—Прим. К-аго.

223 (25).

Ай сборы, сборы Александрины,
Ай сборы, сборы Михайловны! ¹⁾
Сбирала Александра дївушекъ,
Сбирала Михайловна красныхъ,
Сажала дївицъ за свой столъ ²⁾;
Сама садилась выше всїхъ,
Думала думушку крїиче всїхъ: ³⁾.
„Сестрицы мои, подруженьки!
Придумайте мнї, пригадайте,
Какъ же мнї идти въ чужи люди ⁴⁾,
Какъ же мнї назвать свекра батюшкой,
А свекровушку матушкой?
Свекромъ назвать—битой быть;
А батюшкой назвать—не хочется ⁵⁾.
Убавлю я снїси гордости,
Прибавлю я ума разума:
Назову я свекра батюшкой,
А свекровушку матушкой;
Деверя братичкомъ,
А золовушку сїстрицей!“

Варьанты: В) записанъ Московской губ., Звени-
городскаго уїзда въ дер. Воронкахъ;— Г) нахо-

дится въ *Ирч. пїс.*;— Д) въ *Гур. пїс.*;— Е) въ
Пльин. пїс.;— Ж) въ *Рш. пїс.*;— З) записанъ
Орловской губ. Мало-Архангельскаго уїзда въ с.
Лимовомъ. — Печатаемый быть примїшанъ, какъ
окончаніе, къ другой пїсенї, съ которою вїроятно
и поется на одинъ голосъ (см. пїсню 222); а между
этими двумя пїснями вставлены были три стиха
изъ пїсни 215 (17):

Не тесомъ теремъ вытесанъ,
Только хорошо выкрашенъ
Всеякими разными красками.

- 1) В. — Охъ, сборы, сборы Александрины,
Охъ, сборы, сборы Михайловнины.
Г. — Ай, сборы, сборы Александрины,
Великіе сборы Михайловнины.
Д и Е также, какъ Г, только вмїсто „Ай—„Ахъ“.
Ж. — Ай, сборы, сборы Александрины,
Сборы, сборы Михайловнины.
3. — Вмїсто этихъ двухъ стиховъ, одинъ:
Ходила Александра по саду.
- 2) В. — Сбирала Александра подругъ въ теремъ,
Сажала Александра подругъ всїхъ за столъ.
Г. — Сбирала подругъ за свой столъ,
Сажала подругъ высоко.
- Д. — Такъ же, какъ Г, только вмїсто „подругъ“—
„подружекъ“.
- Е. — Такъ же, какъ Д, только вмїсто „подру-
жекъ“—„подруженекъ“.
- Ж. — Сбирала дївушекъ въ горенку,
Сажала дївушекъ за столы,
За тї ли столы дубовые,
За тї ли скатерти браныя,
За тї ли утерищи шитыя,
Сажала дївушекъ высоко.

„Утерище“—тоже, что „полотенце“, „ручникъ“,
или салфетка (serviette), — вообще то, чїмъ ути-
раются (Прим. К-аго).

- 3) Передъ этимъ стихомъ въ вар. В, Г и Д при-
бавляется еще: „Клонила голову ниже всїхъ“,
а въ вар. Е, Ж и З: „Клонила головушку
ниже всїхъ“. Въ вар. Д—нїтъ всего этого
стиха.
- 4) В—вмїсто трехъ стиховъ (Сестрицы..... люди):
Ужъ какъ же мнї быть,
Въ чужихъ людяхъ жить?
Г. — Сестрицы мои, подруженьки!
Придумайте мнї, пригадайте:
Какъ то мнї придти ко свекру?
Д. — Охъ, вы дївушки, подружки!
Придумайте, пригадайте,
Какъ мнї быть да жить въ чужихъ людяхъ?
Е. — Охъ, вы дївушки, вы подруженьки!
Придумайте, пригадайте:
Какъ мнї жить да быть въ чужихъ людяхъ?
Ж. — Какъ мнї придти ко свекру?
3. — Сестрицы, подруженьки, какъ же мнї быть?
Какъ же мнї быть, въ чужи люди пдти?
- 5) Вмїсто четырехъ стиховъ (Какъ же мнї на-
звать.... не хочется) въ В:
Ужъ какъ мнї назвать свекра батюшкой,
А свекровушку—матушкой?
Г. — Какъ мнї назвать свекра-то?
Мнї свекромъ назвать—осердится,
Мнї батюшкой назвать—не хочется.
Д. — Какъ мнї назвать свекра лютаго?
Какъ мнї величать свекровъ лютую?
Мнї батюшкой назвать—не хочется,
Мнї свекромъ назвать—осердится;

- Мнѣ матушкой назвать—не хочется,
Свекровью назвать—осердится,
Е. — Какъ мнѣ назвать свекра лютаго?
Мнѣ свекромъ назвать—осердится,
Мнѣ батюшкой назвать—не хочется;
Мнѣ свекровью назвать—осердится,
Мнѣ матушкой назвать—не хочется.
Ж. — Какъ свекра назвать батюшкой?
Мнѣ батюшкой назвать—не хочется,
А свекромъ назвать—осердится.
З. — И какъ же мнѣ свекра назвать буде?
Батюшкой назвать—мнѣ не хочется,
А свекромъ назвать—мнѣ усовѣстно;
Никакъ не назвать—буде гнѣвъ держать.
Тѣмъ и кончается варьянтъ З. Остальные варьянты кончаются такъ:
В. — Спѣси-гордости убавлю,
Уму-разуму прибавлю:
Назову свекра батюшкой,
А свекровушку матушкой.
Г. — Убавлю я спѣси и гордости,
Прибавлю ума—разума:
Назову свекра батюшкой,
Лютую свекровь матушкой.
Я съ того худа не буду,
Съ бѣлаго лица не спаду,
Съ алыхъ румянъ не оступлю,
Съ бѣлыхъ бѣлилъ не сойду.
Д. — Убавлю я спѣси-гордости,
Прибавлю ума-разума:
Назову я свекра батюшкой,
А лютую свекровь матушкой.
Е такъ же, какъ Д; только вмѣсто „Прибавлю“—
„Прибавлю я“; а вмѣсто „лютую“—„люту“.
Ж. — Убавлю, молода, спѣси-гордости,
Прибавлю, молода, ума-разума,
Я отъ горе на-горе: свекоръ—батюшко!
Затѣмъ повторяется вся пѣсня съ начала, со всѣми тѣми же отличіями отъ текста, какія показаны; только вмѣсто того, чтобы поминать *свекра*, поминается *свекровь*:
Какъ мнѣ придти ко свекрови?
Какъ свекровь назвать матушкой?
Мнѣ матушкой назвать—не хочется,
А свекровью назвать—осердится...
Я отъ горе на-горе: свекровь матушка!

224 (26).

Что подъ калиной, подъ малиной,
Что подъ черною смородиной

Приуснулъ добрый молодецъ,
Князь Иванъ Александровичъ.
Приходя его бояра будять,
Приходя его тысяцкіе:
„Ты вставай, вставай, Иванъ-та князь,
Ты вставай, вставай, Александровичъ!
Проѣзжаютъ тутъ три корабля,
Что со златомъ и серебромъ,
И со скатымъ со жемчугомъ,
Со душею красной дѣвицей,
Катериною Михайловною.“
— Ужъ вы свѣты, князи, бояре,
Господа люди тысяцкіе!
Пропущайте вы вѣ корабли,
Что со златомъ, со серебромъ
И со скатымъ со жемчугомъ.
Одержите одинъ корабль
Съ душею красной дѣвицей,
Катериною Михайловною:
Ужъ мнѣ этотъ корабль надобенъ.—
Пѣсни 199—224 доставлены И. М. Снегиревымъ.

225.

Ай, утушка луговая,
Молодушка молодая,
А гдѣ почесъ ночевала?
— Ночевала я во лѣсочкѣ,
Подъ ракиновымъ подъ кусточкомъ.
А шли, прошли двѣ (sic) веселые,
Два молодца молодые.
Они срѣзали по пруточку,
Они сдѣлали по гудочку.
И вы, гудки, не гудите,
Моего батюшку не будите:
Мой батюшка снѣ съ похмѣлья,
Со великаго перенюю,
А матушка за рѣкою
Кури вино зеленое
И для зятя молодого.

Пѣсня записана Матвѣемъ Жидковымъ.

в) Погость Рагоза.

226 (1).

Боръ борѣмъ борѣчкомъ,
Убита дорожка колечкомъ;
Убивалъ дорожку Ѳѣдоръ князь,
Ѳѣдоръ князь да Борисовичъ,
Онъ ходючи, смотрячи,
Большіе подарки носючи:

Подарочки, прянички,
Садовыя яблочки.
Какъ пошла Дарья въ боръ гулять,
Во боръ гулять, ягоду брать;
И ѣхалъ тутъ Ѳѣдоръ князь:
Немножко еѣ не стопталъ,
Батожкомъ махнулъ не досталъ,
Съ коня соскочилъ, подрачилъ*)

„Ты вставай, вставай, Дарьёшка,
Ты вставай, бери ягоды!
Не къ батюшкѣ идёшь, не къ матушкѣ,
Не къ сестрамъ идёшь, не къ братцамъ;
Ты ко свѣкру идёшь, ко свекрови,
Къ деверьямъ идёшь, ко золовкамъ,
Ко насмѣшливымъ ко невѣсткамъ“.

*) Драчить — ласкать. — *Прим. К-аго*; между строкъ рукой К-аго: поговорить. — *Прим. ред.*

227 (2).

Сокóль соколевичъ,
Дородный добрый молодецъ,
Онъ летать полётывалъ
Но зелёному садику,
Онъ садился на яблоньку,
На садовую сладку медовую;
Онъ ноймалъ себѣ лебѣдушку,
Ай лебѣдушку бѣлую,
Домну Гарасимовну;
Онъ взялъ за праву́ руку,
Повѣлъ къ своему двору,
Ко подворьяцу широкому,
Онъ ко терему высокому.
Онъ воскрикнулъ громкимъ голосомъ:
„Государь мой родный батюшка!
Государыня родна матушка!
Люба-ли вамъ невѣстущка
Домна Гарасимовна?“
— Ужь ты, милое дитятко!
Была бы тебѣ любá,
И намъ любѣхонька!

228 (3).

Ай ну, ай ну, на клену
Висить колыбель на цѣпи:
Попѣночка шелковая,
А колечки серебряныя.
Во этой колыбели на цѣпи
Сидятъ два дружка, два товарища:
„Ужь вы братцы товарищи!
Вы взмахните колыбель высоко:
Не увижу-ль я тестевъ дворъ?“
Во тестевомъ дворѣ дѣвушки:
Всѣ дѣвушки во вѣнкахъ*),
Одна Катерина безъ вѣнка;
Кто жъ у ней вѣнокъ снялъ?
Снялъ вѣнокъ Прохоръ князь;
Не даль вѣнка поносить!

*) Вѣнкомъ называютъ въ Осташковскомъ уѣздѣ головной уборъ, который носятъ дѣвушки. — *Прим. собир.*

229 (4).

Соколы́ вы, соколы! ¹⁾
Далекó ль вы лѣтали? ²⁾
— „Вотъ мы лѣтали, лѣтали
Съ моря на-море.“ ³⁾
Кого-жь вы тамъ видѣли? ⁴⁾
— „А мы видѣли, слышали
Сѣру утку на-морѣ.“ ⁵⁾
Чего-жь вы её не взяли? ⁶⁾
— „Вотъ, мы не взяли, не взяли ⁷⁾,
Горячú кровь про́лили,
Сызы крылья рóзшибли.“ ⁸⁾
Соколы ль вы, соколы,
Далеко-ль вы ѣздили? ⁹⁾
— „А мы ѣздили, ѣздили
Съ городóчку на-городъ.“ ¹⁰⁾
Что-жь вы тамъ видѣли? ¹¹⁾
— „Ужь мы видѣли, видѣли
Красну дѣвицу въ теремѣ.“ ¹²⁾
Чего-жь вы её не взяли? ¹³⁾
— „А мы хонь не взяли,
Русу косу рóснели ¹⁴⁾“.

Варьянты В) зап. Симбирской губ.; Г) находится въ *Гур. пѣс.*; Д) въ *Рим. пѣс.*

- 1) В. — Ой, вы соколы, соколы!
Г. — Соколы́ вы, соколы,
Соколы вы ясныя!
Д. — Соколы́ мои, соколы,
Соколы́ мои залётныя.
- 2) В. — Куда вечеръ летали?
Г. какъ въ текстѣ.
Д. — Вы гдѣ же лѣтали?
- 3) В. — Ахъ! мы лѣтали, лѣтали
На море, на синее.
Г. — Отъ моря до моря летали
Д. — И мы лѣтали, лѣтали
Изъ города на городъ,
Летали съ поля на поле.
- 4) В. — Ахъ, вы что тамъ видѣли?
Г. этого стиха нѣтъ.
Д. — И вы что же тамъ видѣли?
- 5) В. — Ахъ, мы видѣли сѣрую уточку,
Сѣрую уточку на заводѣ.
Г. — Сѣру утку на морѣ видали.
Д. — И мы видѣли, видѣли
Сѣру утицу на морѣ.
- 6) В. — Ахъ, вы что её не пымали?
Г. — Для чего вы её не взяли?
Д. — Для чего-жь вы её не взяли?
- 7) В. — Мы хотя не пымали.
Г. этого стиха нѣтъ.
Д. — Хотя мы её и не взяли.
- 8) В. — „Горячу кровь пролили“—нѣтъ; только:
Сызы перушки повыщипали.
Г. — Крылья-перья повыщипали,
Распустили по морю синему.
Д. — Крылья-перья повыщипали.
- 9) В. — Ой, вы, бояре умные!
Куда, бояре, ѣздили?

- Г. — Дружки, дружки!
Далеко-ль вы ѣздили?
Кого вы видѣли?
- Д. — Филатъ господинъ выходилъ на ново
крыльцо,
Онъ бояръ господъ всѣхъ спрашивалъ:
И вы гдѣ, бояра, ѣздили?
- 10) В. — Охъ мы ѣздили съ городу на городъ.
Г. этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.
Д. — И мы видѣли красну дѣвицу въ теремъ.
- 11) В. и Г. этого стиха нѣтъ.
Д. — И вы что же тамъ видѣли?
- 12) В. вмѣсто „въ теремъ“—„во теремъ“.
Г. — А мы видѣли красну дѣвицу въ теремъ.
Д. вмѣсто „Ужь мы“—„И мы“; вмѣсто „въ те-
рема“—„въ терему“; далѣе добавлено:
Свѣтъ Оксиньюшку душу
Оксиньюшку Селифонтевну.
- 13) В. — Что вы её не взяли?
Г. — Когда жъ вы её видѣли,
За чѣмъ же её не взяли?
- Д. — Для чего жъ бы её не взяли?
- 14) В. — Мы хотя её не взяли,
Русу косу расплели,
Шелковой косникъ выплели.
- Г. — Хотя её и не взяли,
Русую косу расплели,
По рукамъ ударили.
- Д. — Хотъ мы ее и не взяли,
Къ воскресенью примолвили.

Пѣсни 226—229 записаны 27 июня 1834 года.

Свадебный обрядъ *).

Посылають сваху къ матери невѣсты, и приходитъ она и говоритъ ей, что „будетъ ли у васъ отдана дѣвка или неотданна?“ или: „Вы куды ее отдадите окромѣ насъ? что у насъ парень не баламутной, а то подумайте: есть вамъ и складки, что вамъ угодно. Мы вамъ денежную кладку подадимъ, сколько надобно или изъ одѣжки; вотъ вамъ шуба (нанковая или галнетурова); что вамъ нады, изволь: купимъ мы сарафанъ штофный, рукава зеленые. Подумайте“. А она на отвѣтъ ей и скажетъ: „Изволь, приходите въ этотъ вечеръ и принесите всеё одѣжу. Тутъ я и подумаю“. Приходитъ на другой день сваха и одѣжу всеё приносить, и говоритъ своей дочери мать при свахѣ: что „въ рядъ ли тебѣ одѣжа?“ Но она сказала: „въ рядъ“. Мать говоритъ: „Ну, свахенька, мы отдадимъ дѣвку къ вамъ. Приходите на рукобитье и приносите полведра вина и шесть ведеръ пива и приводите жениха“. Въ этотъ же вечеръ приводятъ жениха. Ввели его въ избу и посадили его за столъ, и говоритъ сваха: „По-

кажите намъ невѣсту“. Взяла мать невѣсту за руку и подвела къ столу, и она подошла и поклонилась жениху, и ее посадили съ нимъ рядомъ; и потомъ дружка (отъ жениховой стороны) взялъ штофъ и стаканъ и наливаетъ вина и подноситъ невѣстѣ: „Ну ко, голубушка, какъ ты любишь жениха, такъ и сама выпей“. И выпиваетъ она половину, и потомъ дружка ей говоритъ: „Стало быть, вы не кажете вамъ намъ почетъ; когда ты любишь, такъ выпей, любя жениха, весь стаканъ и возьми его за руку за правую и поцѣлуй въ правую щеку“. Потомъ встаетъ жениховъ отецъ и говоритъ жениху: „Когда вы любите другъ дружку съ нареченной своей невѣстой, такъ помѣняйтесь платками: отдай ты ей свой, отъ ея возьми её“. И говоритъ отецъ жениховъ: „Примите всеё нашу одѣжу, и вотъ вамъ наша ряжена, и соберите наша сужена“.

Въ тотъ же день, ввечеру, собравши дѣвичникъ, и гуляютъ за дѣвичникомъ три раза, т. е. отъ невѣсты къ жениху за пивомъ ходить и приносить по ведру каждый разъ. Послѣ того, взявши отъ невѣсты перстень, и отдають жениху; потомъ взявши, жениховъ перстень, и принесли его къ невѣстѣ; потомъ началъ собираться поѣздъ у жениха. Потомъ у жениха встаетъ отецъ его и мать, и берутъ образа и благословляютъ его и сажаютъ его впередъ подъ кивотою, и приѣзжаютъ попь, и, когда онъ придетъ садиться за обѣдъ, и попу поднесутъ стаканъ вина, и потомъ попь встаетъ и отслужитъ молебень, и возьметъ жениха за правую руку, и поведетъ его на коней (въ телѣгу), и подведетъ его къ сѣнной къ двери и говоритъ ему: „Перекрестись“ (перекрестись). Потомъ сваха и подаетъ жениху утиральникъ (платокъ бѣлый), и подведутъ его къ лошадямъ, и ему говоритъ сваха: „Перекрестись“. Потомъ отецъ крестный его возьметъ и посадить въ телѣгу; потомъ ѣдетъ съ нимъ попь, и поѣдутъ къ невѣстѣ. (Править лошадьми дружка). На другой парѣ сидитъ отецъ крестной со свахою; и приѣхавши къ невѣстѣ, ссадили жениха они подъ воротами и подвели его къ воротамъ къ невѣстинымъ, и взявъ его крестный за руку за лѣвую и ввелъ ихъ (жениха) къ невѣстѣ и велитъ ему „перекреститься“. Потомъ ввели его въ хату, и невѣста его встрѣчаетъ; и потомъ стоитъ у двери и принимаетъ жениха и сажаютъ его за столъ. Потомъ просить отца своего благословенія, и отецъ и съ матерью её благословляютъ и сажаютъ и во всю

*) Судя по мелкимъ даннымъ языка (напр., смѣнѣ ч и и), обрядъ записанъ въ Тверской губ.; болѣе точныхъ указаній на мѣстность не имѣется.—Ред.

одежду, которая отъ жениха принесена кладошная (которую невѣстина мать выговаривала) во всю женихову еѣ нарядили. Потомъ нарядившись она сѣла подлѣ жениха. Тутъ она плачетъ:

230 (1).

Погляжу я на своѣ широкое подворьицо:
Что это у насъ за люди къ намъ наѣхали,
Что есть это у насъ за притонъ,
Балъ или пиръ какой?
Мать ея отвѣщаетъ ей:

231 (2).

Это у насъ не пиръ и не балъ,
А пріѣхали за тобою, за красной дѣвушкой,
Не въ пиръ пировати,
А хотимъ мы тоѣ красну дѣвушку замужъ
отдати;
У насъ все дѣло удѣлано
И все слово узаконено.

Послѣ того попъ беретъ жениха и невѣсту за руки и поведетъ ихъ обоихъ на лошадей. Невѣста тутъ опять заплачетъ:

232 (3).

Ты прощай, любимое мое подворьицо,
И спасибо тебѣ, батюшка, что ты меня поилъ, кормилъ,
Спасибо тебѣ, родимая моя матушка,
Что ты меня поила и кормила
И привела меня въ законный норадокъ,
И ты мене за мои незаслуги ругала,
И то я тебѣ слюсалася;
И тепере прошу, благослови меня ѣхать къ жениху, къ вѣнцу.

Тутъ они и поѣдутъ въ церковь. Напередъ ѣдетъ женихъ и съ попомъ, за женихомъ невѣста и съ своей свахой (со стороны невѣсты).

Проводивши невѣсту, дѣвушки, взявши невѣстинъ сундукъ съ одеждой ея будничною, ставятъ его на телѣгу, и садятся онѣ на телѣгу и поѣхали къ жениху. Пріѣхали на дворъ, и ввели ихъ въ хату и сажаютъ за столъ, и сѣли всѣ дѣвушки на невѣстинъ сундукъ и говорятъ: „Извольте, сватушка (жениховъ отецъ), нашъ сундукъ выкупить. Пожалуйста намъ два фунта орѣховъ или денегъ гривеникъ“. Отвѣщаетъ жениховъ отецъ: „Орѣховъ и денегъ у насъ нѣту“. Потомъ дѣвушки разсердятся и поютъ пѣсню:

233 (4).

Какъ ты, милой, холостой былъ,
Ходилъ ты бѣлой и гладокъ,
А топериче ты сдѣлался мерзавецъ,
Скверинъ и гадокъ.
Самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Рожа прыслицей *).

*) Т. е. рожденокъ, на которую (sic) надѣваютъ шерсть, когда ее прядутъ. — *Собир.*

Тогда отецъ жениховъ говоритъ: „Или нашая вамъ хлѣбъ-соль не показала? Или вы не чувствуете нашева угощенія?“

Потомъ пріѣзжаетъ невѣста и съ женихомъ, и встрѣчаютъ и отецъ съ матерью (жениховы) и благословляютъ ихъ въ сѣняхъ образомъ. Потомъ ввели ихъ въ хату, и потомъ сажаютъ ихъ у пенки и по стакану имъ подносятъ пива, и ихъ положили спать. И остается въ хатѣ, гдѣ они лежатъ, женихова сваха и невѣстина сваха, и онѣ между себя угощенье производятъ. Потомъ говоритъ женихова сваха: „Вставайте, молодые, поидемте звать сватушку (невѣстина отца) на пирожки“. Они идутъ въ домъ невѣсты. (Идутъ молодые, отецъ и мать жениховы, и дружка, и отецъ крестный и обѣ свахи). Приходятъ они къ невѣстѣ въ домъ и садятся за столъ и просятъ ихъ къ себѣ на пирожки: „Сберитесь (говоритъ молодой), батюшка и матушка, къ намъ на пирожки“. И они говорятъ: „Сейчасъ придемъ за вами“. И они собрались и пошли домой къ жениху. Потомъ созвалъ невѣстинъ отецъ своихъ сродниковъ и пошелъ къ зятю къ молодому пировать.

Особыхъ свадебныхъ пѣсень нѣтъ.

234 (5).

Слала дѣвушка мягкую постелю,
Ждала полковника къ себѣ въ гости.
Шоль, прошоль полковничекъ
Мимо мого дому.
Вотъ приходитъ поутру ко мнѣ вѣсти не-
веселы,
Что полковничекъ померъ своей скорой
смертью;
Оставалась жена ево полковница молодая,
Оставались его дѣтки горькія сиротки,
Оставался конь вороный со наратною ево
збруей,

Опишу (?) я коня въ Питеръ городоцекъ,
И потому ведутъ коня, конь голову клонитъ,
Молодая полковница слезы ронитъ.

235 (6).

Тошно бѣдной птицѣ
Сидѣть въ одной въ клѣткѣ,
Ни—сжели рыбынкѣ во сѣткѣ.
Видю я клѣтку рѣдку
И нацала я по ней летати
И своимъ носомъ во щелки клевати:
Я до той поры летала,
Но когда я крылья свои обломала

И притупила свой носокъ вострый,
Во щелки клевала!
Вспомню я и приведу себѣ на память
Гдѣ я маленькой народился:
Я бывало-ца пилъ, я веселился
И пилъ я, ѣлъ я сладку пищу—
Растворенну сладкой медъ сытою,
А теперице имѣю себѣ пищу церствый хлѣбъ
съ водою
Я бывало-ца спалъ я на перинѣ пуховой,
А теперица валяюсь на рогожѣ на гнилой.

Пѣсни 234—235, видимо, не свадебныя—Ред.

VI. Костромской губерніи.

Наговоры и повѣрья при празднованіи свадебъ у простолюдиновъ.

Много разъ случалось мнѣ бывать на свадьбахъ у нашихъ мужичковъ-добряковъ, и всякій разъ меня занимали наговоры дружки: это—рядъ рѣчей, гдѣ столько народной неподдѣльной поэзіи, гдѣ каждое слово кинуту не на-обумъ, гдѣ господствуетъ юморъ, свойственный только одной русской доброй душѣ. Я представляю эти наговоры цѣлкомъ, какъ записывалъ со словъ одного знаменитаго дружки, который въ цѣломъ околодкѣ пользуется извѣстностью громкою.

Передъ отправленіемъ въ церковь, женихъ сидитъ въ *куту* *). Дружка, взявши въ руки ковшъ съ нивомъ, начинаетъ говорить:

„Сватушко любезный, достуните сюда, пожалуйста. Я къ тебѣ не одинъ пришелъ, а самъ-третей съ ковшомъ: что ковшъ, что я, что моя буйная голова: ноги мои съ подходомъ, а руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, голова съ поклономъ. Вы ковшикъ-то примите, а медокъ-то выпейте, ягодку-то въ нивцѣ-то скушайте, а что я буду говорить, послушайте: у насъ ковшъ красный, а квастъ-отъ ясный, а солодъ ростовскій, а продавецъ московскій; и пьютъ да хвалятъ. Вы ковшикъ-отъ, сватушко, примите, медокъ-отъ выпейте, ягодку скушайте, а что я буду говорить, послушайте: естли у нашего *новображнаго князя* отецъ родной и мать родная, отецъ крестный и мать крестная?“ Упоминаемые отвѣчаютъ: „Есть“. Дружка продолжаетъ: „Благословляйте вы новображ-

наго князя и сажайте его во княжѣ мѣсто: за столики его за дубовые и за скатерти за бранныя и за питія, „яева“ сахарныя. По полу ходячіе, посереда стоячіе, добрые молодцы, „далыя“ (т. е. удалые) головы и широкия бороды, статные колпаки и синіе армяки, большіе ваши „уса“ и золотые волосы—благословите новображнаго князя и посадите его во княжово мѣсто. По полу ходячія и посереда стоячія, молодыя молодухи и бѣлыя лебедушки, черныя брови, „умыльные“ взгляды, золотые кокошники и серебряныя сережки—благословите новображнаго князя и посадите его во княжово мѣсто. По полу ходячія, посереда стоячія, красныя дѣвицы, криночныя блудницы, пирожныя мастерицы: ваше дѣло—по кринкамъ блудить, сметану снимать, пшеничную мукѣ воровать, колобки мѣсить, подъ застрѣхъ *) хоронить и молодцовъ каменщиковъ кормить, а сворачивать на пастуховъ, что я говорить пастуху ѣсть понесла; благословите новображнаго князя и посадите его во княжово мѣсто. Вы, старыя старухи, запечныя забивухи, толстыя загнѣтки, косыя заплатки; ваше дѣло на печи лежать, въ углу сидѣть, тазъ киселя съѣсть, на улицу выходить и про снохъ худую славу творить: у меня сноха едакая и вотъ едакая, не ткаля и не пряха, а она гуляха; и не подумаетъ, какова сама была,—благословите новображнаго князя и посадите его во княжово мѣсто“ **).

*) Нижній край кровли, выпускъ, навѣсъ кровли.—Ред.

**) Есть еще приговоръ къ малымъ дѣткамъ.

*) Придверный уголъ и прилавокъ.—Ред.

Въ это время бываетъ приготовлено угощение для всѣхъ присутствующихъ. Дружка, посадивши жениха за столъ, начинать говорить женихову отцу: „Сватушко любезный, поступите сюда, пожалуйста; мы сюда люди пришли не швецкіе, не нѣмецкіе, тѣ же пришли люди расейскіе. Если намъ по шведски сказать—намъ не понять: навѣрно, намъ надо російски сказать: попоишь ли ты насъ, покормишь, или такъ въ путь добрую отпустишь?“ Отецъ жениха отвѣчаетъ: „Извольте, друженька, садитесь и гостей моихъ посадишь“. Надо замѣтить, что въ это время бываютъ только участвующіе въ свадебной церемоніи со стороны жениха и гости, приглашенные жениховымъ отцомъ; Остальные гости съ невѣстиной стороны бываютъ въ ея домѣ. Иосѣ такого ласковаго ириглашенія дружка обращается къ гостямъ и говоритъ: „Садитесь, гости бранные и гости званные, господа почисляне, всѣ храбрые поѣзжане, садитесь всѣ по мѣстамъ, какъ ясные соколы по своимъ гнѣздамъ.“ Послѣ словъ дружки гости садятся за столъ, и тутъ начинается угощение; женихъ же остается только зрителемъ этой пирушки, которая вмѣстѣ съ собою уноситъ его молодость и изъ удалаго молодца дѣлаетъ степеннымъ семьяниномъ. Жениховъ отецъ начинаетъ потчивать гостей виномъ и пивомъ. Первый стаканъ вина предлагается дружкѣ, который начинается надъ нимъ наговоръ *): „Сватушко любезный! Я очами взираю и во бѣлы руки примаю и на то самъ удивляюсь, отчего сія чара свѣжа? Оттого эта чара свѣжа, что наливалась изъ моря, изъ Соловецкаго глы нашего здравія молодецкаго; и закаялся я пить винца до своего смертнаго конца; въ постели лежалъ и то своей заповѣди не сдержалъ, съ постели соскочилъ, свой усъ въ винцѣ обмочилъ. Ахъ, Боже мой! это я согрѣшилъ. Богатые богатины пьютъ и мотаются, а насъ бѣдныхъ по шеямъ бьютъ и гоняютъ. Что же намъ бѣднымъ дѣлать? Если покинуть свой взоръ—это, скажутъ, я воръ; развѣ мнѣ глаза зажать и въ лѣсъ бѣжать? въ лѣсу не легче, охотники ходятъ за охотою, убьютъ меня замѣсто звѣря, кожу съ меня сдерутъ, а кости на охотній дворъ отнесутъ. И благослови, во имя Отца—выпить винца, свята Духа—выпить до суха!

*) Во всей губерніи этотъ наговоръ господствуетъ безъ перемѣны; остальные болѣе или менѣе варьированы.

Здравствуй рюмочка, прощай, винцо, я тебя вверхъ донышкомъ оборачиваю и по донышку поколачиваю! Самъ выпивай и гостей всѣхъ поздравляй: здравствуйте, удалые молодцы и пріѣзжіе купцы, самъ дружка пьетъ и за вами чередъ не пронадесть“. Гости начинаютъ обѣдать, молодцы провожаютъ его удалую жизнь и при каждомъ стаканѣ цѣлуются съ своимъ бывшимъ товарищемъ—молодцомъ. По окончаніи обѣда дружка говорить: „Сватушко любезный, достуните сюда, пожалуйста, нашъ новображный князь встаетъ изъ мѣста изъ княжова, Господа Бога просице и отца, матери у ногъ лежащи, благословенія попросивши. Есть ли у нашего новображнаго князя изъ княжова мѣста встати? По полу ходячіе и посередѣ стоячіе и пр. и пр.“ Послѣ благословенія, вставши изъ-за стола, дружка говоритъ передъ самымъ отъѣздомъ: „Сватушко любезный и вообще всѣ свахоньки и вы добрые молодцы, благословляйте новображнаго князя отъѣзжать въ путь добрую и благословите весь храбрый нашъ поѣздъ и меня дружку съ полудружіемъ—по полу идти и по середи итти, по мосту итти по калиновому, и по лѣсенкѣ итти по брусчатой, и [по] сѣнничкамъ итти тесовымъ и держаться за перилыца рессорныя, на широкой дворъ сойти и къ своему мнѣ храброму коню подойти и брать во лѣвую рученьку сафьянныя возжи и во правую рученьку шелковую плетъ, сафьянными возжами поправить и шелковой плетью по крутымъ бедрамъ ударить. Выѣзжать мнѣ со широкаго двора и соѣзжать во широкую улицу, да поворотить на правую рученьку, и выѣзжать мнѣ въ чистыя поля, въ чистомъ полѣ пристановиться, на всѣ четыре стороны Богу помолиться и съ добрыми людьми проститься. И ѣхать мнѣ путемъ и дорогой, темнымъ лѣсами и широкіемъ долами, чистымъ полемъ и заповѣднымъ лугомъ, крутымъ ярами и высокіемъ горами и ракутывыемъ кустами. И сколько не попади (?), ни поѣхать—одного мѣста не миновать: къ садику зеленому подѣзжать и по садику зеленому ходить и гулять, и гдѣ бы намъ бѣлую лебедушку поймать, и не бѣлую намъ лебедушку—красную дѣвушку; и красную дѣвушку—новображную княгиню брать мнѣ по правую ея рученьку и сажать ее во княжово мѣсто, новображную княгиню и съ новображнымъ княземъ, и свой норядокъ производить и ко храму Божьему привозить; во храмъ Божій ихъ вводить, подѣ звать вѣ-

нецъ становить и, подь златымъ вѣнцомъ стоявши и законъ принявши, и во всемъ благополучии возвратить, мнѣ возвратиться ко сватушку на широкій дворъ и ко свахонькѣ во высокѣ теремъ“.

Послѣ этихъ словъ всѣ отправляются къ лошадамъ, усаживаются и ѣдутъ къ невѣстѣ. Во главѣ поѣзда ѣдетъ дружка. Недалеко отъ невѣстина дома дружка оставляетъ поѣздъ въ полѣ, а самъ „нередомъ“ отправляется къ невѣстѣ. Подъѣзжая къ воротамъ невѣстина дома, дружка говоритъ къ собравшемуся народу: „Стою я друженька и стою молоденькій, изъ подь иконы, изъ подь Николы, встану я отряхнусь, на всѣ стороны оглянусь, съ добрыми людьми поклонюсь: Здравствуйте, всѣ люди добрые, сватушки и свахоньки, вообще я вамъ честь отдаю и о прочіемъ вамъ скажу: ѣхалъ я, друженька, путемъ и дорогой, чистымъ полями и заповѣднымъ лугами и зеленымъ садами; и сколько я мѣста ни ѣхалъ, одного мѣста не миновалъ, къ вашему зеленому садику подъѣзжалъ, къ садику ко зеленому, къ терему ко высокому и ко двору ко широкому, и пойду я, друженька, и пойду я, молоденькій, ко воротичкамъ ко крашенымъ и ко веревюшкамъ ко точенымъ, и стою я у вереи у притворныхъ, и встану—остановлюсь, три молитвы сотворю и воротичка настеежъ растворяю. Воротичка растворяю, подворотенку вынимаю, на широкій дворъ не вхожу; а васъ, сватушко, спрошу: прикажешь ли ты мнѣ, сватушко (отецъ невѣсты, который въ это время выходитъ на встрѣчу дружкѣ), на свой широкій дворъ сойти?“ Отецъ невѣсты говоритъ: „Извольте, друженька, сойти“. Дружка самъ входитъ на дворъ, и за нимъ всѣ гости и зрители, которые были на улицѣ и ждали дружку. Взошедши на дворъ дружка продолжаетъ говорить: „Я, сватушко любезный, не звѣрь къ тебѣ пріѣхалъ мохнатый, а друженька тороватый, и пойду я друженька и пойду, молоденькій, ко сѣнничкамъ ко тесовымъ (подходить къ сѣнямъ и продолжаетъ наговоръ) и ко перильцамъ ко рессорнымъ и во сѣннички взошелъ тесовые, держался за перильца рессорныя, шелъ по лѣсенкѣ по брусчатой и по калиновому мостику; калин[ов]ъ мостикъ подгибается, мое сердце не пугается, и ко дверичкамъ приближаюсь и берусь я за скобку серебряную, своей бѣлой рукой потягиваю, настеежъ дверчки растворяю“. Входитъ къ невѣстѣ: „Ужъ я скокъ черезъ норогъ, но ли головой въ потолокъ. Екой у тебя, сватушко, по-

рогъ, наслу я и ноги переволокъ! И что то у тебя, сватушко, за потолокъ, какъ точно чернымъ соболемъ оболокъ! По горенкѣ иду по новой, подхожу я ко столикамъ ко дубовымъ и ко скатертямъ ко шелковымъ и стою я въ вашей новой горницѣ и у столниковъ у дубовыхъ. И всталъ я остановился я васъ, сватушко, объ этомъ спрошу: Сватушко любезный, кто въ домѣ у васъ началъ?“ Сватъ отвѣчаетъ: „Въ домѣ началъ пресвятая Богородица“. Дружка говоритъ: „Еще васъ, сватушка, спрошу: кто сему дому хозяинъ?“ Сватъ: „я, друженько“. Дружка: „Доступи сюда пожалуй, у насъ ковникъ стоитъ съ питьецомъ, а къ тебѣ я пришелъ съ чело-битьецомъ: вы ковникъ-то примите и медокъ-отъ выпейте, ягодку скушайте, а въ чемъ я васъ попрошу, послушайте: во свѣтлой свѣтлицѣ, въ нашемъ высокомъ теремѣ, въ новой горницѣ раскинуть бѣлъ шатеръ, въ этомъ во шатрѣ сидитъ красная дѣвица, новображная княгиня (въ это время невѣста сидитъ покрытая фатой и воетъ, сидя за особой занавѣской) *), шьетъ она пошиваетъ, къ себѣ гостя ожидаетъ, гостя дорогова, новображнаго князя. Однакоже я, сватушко, пріѣхалъ къ тебѣ не по рожъ и не по пше-ницу, а по красную дѣвицу, по новображную княгиню: прикажешь ли ты, сватушко, этотъ шатеръ порушить, а новображную-то княгиню къ намъ на руки поручить и сажать ее за столы дубовые, за скатерти за браныя, за питье, яства сахарныя? Самъ ли ты, сватушка, ее соберешь или намъ прикажешь?“ Сватъ отвѣчаетъ: „Извольте, друженька, самъ соберу я“. Собравши ее, отецъ выводитъ изъ-за занавѣски дочь. Дружка беретъ ее и садитъ за столъ. Невѣста продолжаетъ выть. Дружка говоритъ: „Сватушко любезный, въ чемъ я васъ попрошу, въ томъ вы меня не отставьте: новображную-то княгиню по правую рученьку посадите ей сторожа, а по лѣвую рученьку свахоньку, чтобъ мнѣ въ надеждѣ отъѣзжать“. Отецъ сажаетъ около невѣсты съ правой стороны брата ея, а съ лѣвой сваху. „Сватушко любезный, въ чемъ я васъ буду просить, въ томъ вы меня не отставьте, а я вамъ скажу: ѣхалъ я путемъ и дорогой, темнымъ лѣсами и крутыми ярами, высокими горами, широкими долами, заповѣдными лугами и ракитовыми кустами,

*) Во второй статьѣ я постараюсь сообщить и про невѣсты.—*Прил. соб.* Но этой второй статьи въ бумагахъ П. В. Каго не пишется.—*Ред.*

и захватила насъ пурга и метелица—воетъ и мететь и въ глаза несеть. Еще по нашимъ „счастливымъ“ (счастьемъ) попали въ глаза раки-товые кусты и привернули мы къ раки-товымъ кустамъ и растинули бѣлыя шатеръ, и подъ этимъ бѣлымъ шатромъ, подъ тем-нымъ облакомъ, подъ краснымъ солнышкомъ, и подъ свѣтлымъ мѣсяцомъ, подъ частыми звѣздами стоитъ нашъ новображный князь съ своимъ храбрымъ поѣздомъ, и я дружка съ полудружьемъ. Въ томъ я васъ, сватушко, попрошу, прикажи ты этотъ шатеръ пору-шить, коней на широкій дворъ пустить, а гостей-то къ себѣ въ домъ залучить“. Сватъ кланяется и говоритъ: „Просимъ милости, друженька“. Дружка: „Прощай, сватушко, да не вове“. Дружка отправляется въ поле за поѣздомъ. Пріѣхавшіе вмѣстѣ съ нимъ поѣзжане и женихъ садятся за столъ, дружка начинаетъ дѣлать гостинцы невѣстиной родитѣ, взятые изъ дому жениха, а именно: круглый пирогъ, хлѣбъ и орѣхи. Дружка, выступая на середину избы, говоритъ: „Сватушка любезный, доступи сюда, пожалуй, вамъ сватъ и сваха изъ дому въ домъ челобитье шлеть, кланяется гостинцемъ—круглымъ пирогомъ. Вы гостинчикъ-отъ примите, на большемъ не взыщите, малое примите, за великое по-читите. Намъ сватъ и сваха приказали васъ, сватушко, спросить, всѣ ли вы, сватушко, здоровы?“ Сватъ отвѣчаетъ: „Всѣ, слава Богу, друженька. Что у васъ сватъ и сваха здоровы?“ „У нашего свата“, отвѣчаетъ дружка, „всѣ здоровы, быки и коровы, и телята гладки привязаны хвостами за грядки, и овцы пестры, какъ быки толсты, два мерина стельны и быкъ дойной; въ томъ сватушка не взыщи. И опять же, сватушка и свахонька, нашъ сватъ и сваха кланяются гостинцами. И я васъ, сватушка, попрошу: оптомъ ли у насъ снимоете, да по своимъ гостямъ раздѣлите, или намъ прикажите подѣлать?“ Сватъ говоритъ: „Извольте, друженька, раздѣлить“. Дружка дѣлать гостинцы и раздѣливши говоритъ: „Сватушко любезный, пожалуйте мнѣ блю-дечко.“ Дружкѣ подаютъ блюдечко; на него онъ кладетъ орѣхи и продолжаетъ говорить: „Сватушко любезный, доступи сюда, пожа-луй: ѣхали мы чистымъ полемъ и раки-товымъ кустомъ, у насъ саночки скакали съ скачку на скачѣкъ, а свахонька валялась съ бочку на бочѣкъ. За орѣшничекъ то хвата-лась и орѣшничекъ нащипала и кланяется всѣмъ вамъ, сватушко, (въ это время сваха же-ниха стоитъ, тогда какъ всѣ кромѣ дружки

сидятъ) своимъ гостинцомъ—каленнымъ орѣш-комъ; вы, сватушко, орѣшки-то примите и на большемъ-то не взыщите, малое при-мите, за великое сочите“. Точно также дружка наговариваетъ невѣстиной свахѣ, давая ей не болѣе пятака орѣховъ и въ тоже время говоритъ: „Пожалуйте, свахонька, платокъ, аршинъ въ пятокъ“. Потомъ дѣлать гостинцы зрителямъ и говоритъ: „По полу ходячіе и посерединѣ стоячіе, прошу милость къ орѣш-камъ“. Сватъ невѣстинъ говоритъ: „Извольте, друженька, садиться и хлѣба-соли покушать нашей“. Всѣ садятся за столъ, дружка во время невѣстина обѣда не наговариваетъ. Послѣ обѣда родственница невѣсты даритъ гостей платками, дружка послѣ этого опять наговариваетъ: „Поваръ—яхаръ, и яства—сахаръ, доступи сюда, пожалуй; мы отъ хлѣба-соли сыты и отъ переvarу пьяны отъ добра слова довольны. И если [есть] у нашего но-вображнаго князя съ новображной княгиней отецъ родной и мать родная, отецъ крестный и мать крестная, благословите новображнаго князя и съ новображною княгиней изъ мѣ-ста встати изъ княжнова, и благословите новображнаго князя и съ новображною кня-гинею, и благословите и меня дружку съ полудружьемъ—ѣхать мнѣ въ добрую путь, итти мнѣ, друженькѣ, по полу итти, на ка-линь мостикъ сойти и пр.“ Дружка нагова-риваетъ и отправляется къ лошадямъ, вслѣдъ за нимъ всѣ поѣзжане, дружка ѣдетъ въ церковь „передомъ“. Надобно замѣтить, что дружка всегда ѣздитъ верхомъ, лошадь его украшена соломой, самъ онъ держитъ въ рукѣ саблю и бываетъ перевязанъ полотен-цемъ. За дружкой ѣдетъ женихъ, за жени-хомъ невѣста съ свахой, за невѣстой тинется поѣздъ со стороны жениха, а за послѣднимъ поѣздъ со стороны невѣсты.

Теперь я сообщу болѣе или менѣе любо-пытныя повѣрья, изъ которыхъ прѣстолоудины заключаютъ о счастливой или несчастливой жизни молодой четы. Послѣ вѣнчанія же-нихъ вводятъ невѣсту въ свою избу. Оба они становятся на порогъ избы и не пе-реступаютъ его. Тогда бабушка жениха кла-детъ на ногу жениха горячую сковороду; онъ откидываетъ ее и приходитъ въ избу. Тоже самое дѣлаютъ и невѣстѣ и замѣчаютъ, какъ далеко откинулась сковорода: если да-леко, то жена будетъ злая сварливая, если же близко—наоборотъ. На пиру свадебномъ, какъ всегда и вездѣ, немалую роль играетъ гречневая крутая каша; ее раздають собрав-

шимся изъ всей деревни старикамъ и малымъ ребятишкамъ, и кладутъ иному въ шапку, иному въ полу, а иному прямо за пазуху. Когда каша раздается, тогда горшокъ бьетъ дружка и поэтому замѣчаетъ, счастливо или несчастливо будутъ жить молодые: если горшокъ расшибется, то новобрачные будутъ жить полнымъ домомъ; если не расшибется, то будутъ бѣдствовать. Во время совершенія брака женихъ, взявши за руку молодую, долженъ вести ее, не выпуская руки: въ противномъ случаѣ между ними будетъ вѣчный раздоръ, какъ говорятъ крестьяне. Крестьяне не позволяютъ дружкѣ держать вѣнецъ надъ головой невѣсты, а плотно надѣваютъ на голову: кромѣ того, что бракъ этотъ не будетъ дѣйствителенъ, и жена будетъ имѣть любовниковъ, потому что она не надѣвала вѣнца, или потому, что вѣнчалось вмѣсто двоихъ трое. Колокольцы, которыми увѣшивается дуга въ поѣздѣ, хранятся на память у молодыхъ, какъ знакъ того, что эти колокольцы были свидѣтелями первыхъ часовъ ихъ супружества; и если колокольцы эти пропадутъ, то вѣрять, что кто-нибудь изъ нихъ долженъ умереть.

До женихова приѣзда, когда сажаютъ невѣсту за столъ, дѣвушки поютъ:

236 (1).

Вы цвѣты ли мои, цвѣтики,
Голубы цвѣты лазоревы!
Много васъ было посажено,
Да немного уродилось:
Вы души ли красны дѣвицы!
Много было васъ на возрастѣ,
Но немного васъ осталось.
У насъ не было измѣнницы,
Измѣнницы—красной дѣвицы;
Проявилася измѣнница—красна дѣвица,
Свѣтъ Дарья ли Григорьевна.
Ты сказала: „Я замужъ нейду,
Нейду замужъ, не подумаю“.
Ты сказала: „Въ монастырь пойду,
Я васъ дѣвушекъ съ собой возьму,
Я которую во ключницы,
А которую во ларешницы,
А любезну то подруженьку
Я во главныя келейницы.“

237 (2).

Зеленая рощица—желтый цвѣтъ,
Что нашего Иванушки долго нѣтъ?
Послала бы посла, да некого,
Написала бы письмо, да не умѣю,
Сама бы пошла, да не смѣю.
Пойду, пойду, маменькѣ доложуся,
Сударыни матушки попрошуся:
Пусти, пусти, маменька, погулять,
Зеленую рощицу посмотришь:
Тамъ есть рощица соплива.
Отвѣчаетъ матушка: „Поди погуляй,
Зелену рощицу посмотри“.
Брала я въ рощицѣ ягоду, приустала;
Приустамши то она содремнула,
Мила дружки не видала.

238 (3).

Какъ во садикѣ, во саду,
На яблонѣ, на суку
Повѣшена колыбель.
Въ этой колыбели свѣтъ Дарья спитъ,
Свѣтъ Дарья Ивановна.
Вокругъ колыбели дѣвушки,
Вокругъ колыбели красныя.
Взговорила свѣтъ Дарья дѣвушкамъ,
Взговорила Ивановна краснымъ:
„Вскочните, дѣвушки, повыше,
Вскочните, красныя, повыше,
Чтобы я увидѣла подальше,
Гдѣ моя разлука погуливаетъ?
Гуляетъ разлука во городѣ,
Закушаетъ разлука гостинцы:
Первый гостинецъ—изюмень,
Второй гостинецъ—черенъ черносливецъ,
А третій гостинецъ—самъ на дворѣ со ко-
немъ“.

Величаніе женихову отцу.

239 (4).

Ахъ, ты умная головушка,
Ты широкая бородушка,
Свѣтъ Петръ ли Ивановичъ!
Надъ Ивановой головушкой
Три роя роилися,
Роились опи, дѣлилися:
Первый рой—свѣтъ женихъ сидитъ.

Перечисляютъ всѣхъ дѣтей женихова отца.
Жениховъ отецъ послѣ этой пѣсни даетъ
нѣсколько конфетъ.

Дѣвицы поютъ ему благодарственную пѣснь
за деньги, положенныя въ стаканъ:

240 (5).

Ты спасибо, свѣтъ Петръ Ивановичъ,
На твоёмъ большомъ дару,
На твоёмъ сладкомъ меду.
И мы медъ твой выпили,
Золоту гривну вынули.

241 (6).

Величанье прїѣзжей гостьи.

Ты прїѣзжая гостюшка,
Скажи, чѣмъ бѣлилася,
Чѣмъ румянилась,
Чѣмъ сурмилася?
—Безъ бѣлилъ я бѣлешенька,
Безъ румянъ щеки алыя,
Безъ сурмить брови черныя.—

Въ дѣвичникъ невеста даритъ жениху платокъ; дѣвицы въ это время, стоя у порога
избныхъ дверей, поютъ:

242 (7).

По городу звоны пошли,
По терему дары понесли.
Дарила дары свѣтъ (имя невесты),
Принималъ дары добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, новобрачный князь.

243 (8).

Послѣ благословенія невесты образомъ, дѣ-
вицы поютъ:

Во горницѣ, во свѣтлицѣ
Два голубя на тяблицѣ;
Они пьютъ и льютъ,
Въ полтиры бьютъ,
Въ цымбалы подыгрываютъ,
Свѣтъ Марью они забавляютъ.
По горницѣ Марья ходитъ,
По свѣтлицѣ гуляетъ.... *)

Пѣсни 236—243 записаны вмѣстѣ съ приведен-
нымъ выше свадебнымъ обрядомъ—*Ред.*

*) Конца пѣсни, повидимому, нѣтъ: конецъ ори-
гинала утраченъ.—*Ред.*

244.

Когда благословляютъ.

Не прошу я у тебя, батюшка,
Я ни злата, я ни серебра;
Ужъ прошу я у тебя, батюшка,
Благословеньица великаго.
Ужъ первую я ступень ступила,
Волю батюшкину заступила;
Ужъ другую ступень ступила,
Нѣгу матушкину заступила.
По лѣсенкѣ, по брусчатой
Не шелковый клѣбъ катается,
Не фата-то ли разстилается?
Разстилается руса коса
По моимъ могучимъ плечамъ.
У батюшки на широкомъ дворѣ
Не яблонца ли стояла,
Не яблочки ли ронила?
Ужъ стояла я горькая,
Ронила горючи слезы
На матушку на сыру землю.

Записана Костромской губерніи въ г. Луху отъ
мѣщанина.

245.

Когда сидеть женихъ.

Ужъ садись-ко, добрый молодецъ,
Не со спѣсью, не со гордостью,
Со Божьею милостью;
Ты бери-тко, чтобъ не каяться,
Чтобы жить-то мнѣ, не маяться.

246.

Невеста воетъ.

Не садись-ко, добрый молодецъ,
Возлѣ меня красной дѣвицы:
Не твое это мѣстечко!
Ужъ твое-то мѣстечко
Съ молодымъ стоять за воротами;
Ужъ мое ли то мѣстечко—
У нечки сидѣть подлѣ матушки!

247.

Къ брату, когда женихъ выкупаетъ у брата
мѣсто подлѣ невесты.

Ты послушай, мой милый братъ,
О чемъ я тебя буду ирѣснѣ,

Крѣпко на-крѣпко приказывать:
 Не сдавайся, милый братъ,
 На слова на ласковы,
 На поклоны на низкіе,
 На чару зелена вина,
 На казну и на золото.
 Нахвалили то мнѣ молодецъ:
 Побѣдѣ снѣгу бѣлаго,
 Полатѣ цвѣта алаго!
 Показался мнѣ молодецъ
 Почернѣ тѣла чѣрнаго,
 Поблѣднѣ листа кауцетнаго.
 Отходить лѣто красное,
 Приходить зима студеная
 Со морозами со лютыми,
 Вазнобитъ рѣчи въ сердцѣ.

248.

Невѣста къ отцу и матери.

Ты родимый батюшко!
 Ты пой гостей до-пьяна,
 Чтобы гости позанили,
 Меня младу позабыли!
 Ты родимый милый братъ!
 Поди-тко на широкій дворъ,
 Осѣдай коня ворона,
 Поѣзжай во темный лѣсъ,
 Сруби бѣлу березоньку,
 Завали путь дороженьку,
 Чтобы нельзя было проѣхати!
 Ты родная моя тѣтушка!
 Ты дари-тко, моя тѣтушка,
 Ты дари гостей по-ряду;
 Не дари-тко двухъ гостей:
 Что перваго гостя не дари,
 Друженьку—разлученьку;
 А другога гостя не дари,
 По правую который сидитъ по рученьку!
 Подаренъ добрый молодецъ
 Моей буйной головушкой!

249.

Къ дружкѣ, когда свадьба ѣдетъ.

Не лѣса-то ли приклоняются,
 Не вода ли приливается
 У батюшкина у широкаго двора,
 У матушкиной у новой горенки?
 Не гуси ли заговорили?
 Заговорили добры люди,
 Сватушки пріѣзжіе,
 А мой то ли разлучники.

Не вершина въ избу клонится:
 Идетъ друженько, Богу молится,
 Всѣмъ добрымъ людямъ поклоняется,
 Батюшкѣ съ матушкой покоряется.
 — Я не знаю тебя, друженько!
 Ни имя твоего, ни отчества!
 Не бери-тко ты меня, друженько,
 За праву меня за рученьку!
 Не веди меня, друженько,
 За столы то за дубовые,
 За скатерти за бранныя,
 За бѣтвы за сахарныя!

250.

Невѣста къ подругамъ, когда онѣ ее стануть одѣвать.

Вы скажите-тко, подруженьки,
 Куда меня, подруженьки,
 Куда-то вы меня собираете,
 Наряднѣхонько наряжаете?
 Не въ торги-ли гулять на ярманку?
 Не въ дуга-ли во зелѣные?
 Не въ лѣса-ли во темные?
 Ужъ и собираете вы меня горькую
 Ко Божіей-то ко церквови!
 Ужъ надѣнуть на меня златой вѣнецъ!

251.

Если сирота, то воетъ ко брату или сестрѣ:

Уже всѣ то гости съѣхались,
 Одного то гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
 Родимаго моего батюшка;
 Не свѣтла то ночь безъ мѣсяца,
 Не красенъ день безъ солнышка:
 Не весела свадьба безъ батюшка,
 Безъ батюшки, безъ кормилца.
 Ты вступишь-ко, мой милый братъ,
 Вмѣсто батюшки родимаго,
 Ты поди-тко на широкій дворъ,
 Осѣдай-ко ворона коня,
 Поѣзжай-ко къ Божей церквови,
 Ты взойдитко на колоколенку,
 Ты ударь-ко въ звонкій колоколь,
 Ты нусти-тко звонъ по сырой землѣ:
 Растуися, мать сыра земля,
 На четыре на сторонушки:
 Ты раскройся, гробова доска,
 Распахнися, бѣль тонкой саванъ,
 Ты воскинь-ка, родной батюшка,
 Ты своимъ-то очамъ яснымъ
 На меня-то ли на горькую,

Подожми-тко, родной батюшко,
Ты нодь правую подь рученьку,
Ты скажи мнѣ, другъ мой батюшко,
Вею правду то великую.

252.

Сговоръ: поутру невеста встаетъ и воетъ:

Болѣзнь ты мой батюшка
И радѣльщица моя матушка,
Ты скажи-тко, мой батюшко,
Со пріятужкой со-матушкой,
Что спалась ли вамъ темна ноченька?
А мнѣ то горькой,
Мнѣ горемычной
Не спалась темна ноченька;
Не хорошъ мнѣ сонъ привидѣлся:
Что вставали вѣтры буйныя
Со вѣхъ то съ четырёхъ сторонъ,
Уносили мою постелюшку
На чужую дальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу матери,
Ко не знаму роду племени.

253.

На сговорѣ, когда отецъ призываетъ изъ
города съ гостинцами отъ жениха, съ кала-
чами и ир. и входить въ дверь, невеста на-
чинаетъ выть:

Кормилецъ ты мой, батюшко!
Ужъ и что вы долго гуляли?
Вы какимъ торгомъ торговали?¹⁾
Не моей ли буйной головой?
Не прогнѣвайся, мой батюшко,
Что я тебя не встрѣтила
Среди двора широкаго,
По конецъ моста калинова,
Двери на пяты не растворила,
Напротивъ креста не стояла,
Не за спесью, не за гордостью,—
За своимъ горемъ великимъ,
За кручиною немалою!
Запоручилъ ты, сударь батюшко,
За поруки-то за крѣпкія,
За грамоты за боярскія.²⁾

¹⁾ Съ этихъ поръ, вмѣсто слѣдующихъ 12-ти сти-
ховъ, поется также:

Вы какія купи закупали?
Не на меня ли, на красну дѣвицу,
Не на мою ли дѣвню красоту?
Не въ мою то-ль русу косу ленту алую?
Не спасибо, родной батюшко!

Запоручилъ меня горькую,
За поруки то за крѣпкія!
²⁾ Вмѣсто „за грамоты“, поется также: „за псь-
ма-то“.

254.

На сговорѣ—невестка къ теткѣ.

Ты поди-тко, моя тетюшка,
Ты поди-тко, добро жаловать,
Къ моему горю великому,
На мою свадьбу безчастную!
Ты подумай со мной думушку,
Что думушку крѣпкую!
Я спрошу то тебя безъ лести,
Ты скажи-тко мнѣ безо лжи,
Каково жить во чужихъ людяхъ?

255.

Тетка отвѣчаетъ:

Ты послушай, мое племечко,
Я скажу тебѣ но тайности:
Во чужихъ-то людяхъ живучи,
Много нужды ионримаешься,
И холоду, и голоду.
Ты носи платье, не складывай,
Ты терни горе, не сказывай.
Рѣзвымъ ноженкамъ надо быть подходчи-
вымъ,
Вѣлымъ рученькамъ подносчивымъ,
Буйной головѣ поклончивой,
Ретиву сердцу покорливу.
Вѣмъ добрымъ людямъ привѣтливой,
И на всяко дѣло смѣтливой.

256.

На сговорѣ—невеста къ снохѣ и брату.

Ты послушай-ко, мой милый братъ,
Со своей то молодой женой,
Со моей милой невестужкой
Моего глупаго разума,
Моей просьбы горькія!
Не оставь-ка, милый братъ,
Кормильца моего батюшки,
Радѣльщицу мою матушку
При ихъ старости, при ихъ древности!
Ты послушай-ко, милый братъ,
Со своей то молодой женой,
Съ голубушкой, моей невестужкой!
Не покиньте меня горькую,
Не покиньте горемычную

На чужой дальней сторонущѣ,
Вы не частыми гостинцами,
А частымъ челобитищемъ!

257*).

Ужъ и что я сижу, думаю,
Ужъ и что я сижу, гадаю,
Ужъ своимъ я глупымъ разумомъ:
У меня ли горя нѣту-тко?
У меня молодой горя круты горы,
Уже слѣзь рѣки быстрыя!
Всѣ поля горемъ насяяны,
Всѣ сады горемъ изнасажены.
Не дали-то мнѣ горькой,
Не дали-то мнѣ горемышной
Во дѣвушкахъ насидѣтися,
Со годами соверстатися,
Съ умомъ-разумомъ собратися,
Лицо бѣлое понаполнити,
Русу косоньку новырастить,
Алу ленточку доносить!

*) Поется на сговорѣ. — Въ субботу, когда приходитъ сродникъ жениха съ пряникомъ, *колобамы*, орѣхами, яичами, отъ невѣсты посылають гостинцы, платки. *Колобамы* называется тѣсто прѣсное, замѣшенное на маслѣ, молоко и сметанѣ. — *Прим.* И. М. Снегирева.

258 *).

Поется на стоворѣ. Невѣста обращается къ подружкамъ.

Вы подите-тко, подруженьки,
Вы подите-тко, голубушки,
Вы подите, добро жаловать!
Не прогибвайтесь, подруженьки,
Не прогибвайтесь, голубушки,
Что я васъ не встрѣтила.
Новы гореньки не отворила,
Сонротивъ креста не стояла:
Не за снесью, не за гордостью,

Не за батюшковой работушкой,
Не за матушкиной посылочкой,—
За своимъ горемъ великимъ.
Не взначай ко мнѣ горе прикачалось;
Рѣзвы ноги подгибаются,
Бѣлы руки опускаются,
Буйна головушка съ плечъ катится.
Вы подруженьки, голубушки!
Вы послушайте, подруженьки,
Что я вамъ буду говорить
Своимъ глупымъ разумомъ:
Ужъ растаютъ снѣги бѣлые,
Придетъ весна красная
Съ лѣтичкомъ со теплымъ,
Съ ираздникомъ со вешнимъ,
Вы подите-тко, мои подруженьки,
Во лѣса гулять во темные,
Во дуга то во зеленые,
Во травоньки во шелковыя!
Сорвите-тко подруженьки,
Сорвите-тко мой цвѣтокъ,
Свейте для меня вѣнокъ!
Принесите мой вѣнокъ,
Ко радѣльницѣ ко матушкѣ,
Положите на окошечко:
Убери ты, моя матушка,
Убери ты мой вѣнокъ
Во коробку во замочную,
Погодя его осматривай:
Не привянетъ ли мой вѣнокъ,
Не подсохнетъ ли мой животъ
Во чужихъ людяхъ живучи,
У чужова отца матери,
У незнама роду—племени?
Ужъ чужой отецъ и мать
Безъ жалѣнья уродилися:
На работушку будить ранехонько,
Съ работы придешь позднихонько!

*) „Изъ Праги прислана и переписана Ганкою“—
Прим. К -ого.

Пѣсни 245—258 болѣе точнаго приуроченія не имѣють; пѣсни 251, 257—258, доставлены, повидному, чрезъ И. М. Снегирева.

VII. Московской губерніи.

а) Подольскаго у. с. Дятлово.

Зашлетъ свата или сваху къ отцу дѣвушки. Онъ говоритъ: такой-то хочеть взять за себя. Если показалось, то и говорить: „Пожалуй собѣ, часъ добрый“. Послѣ того назначается день *пропоя*. Тогда отецъ невѣсты спрашиваетъ: „Что намѣрены вы дать кладки“? — Рублей 6 и коты и чулки. — Когда деньги дать, то начинаютъ пропи-

вать. Когда соберутся пропивать (отец жениховъ и дружка и еще кто-нибудь) въ домъ невѣсты, принесутъ отъ жениха вина, пирогъ и часть мяса. Потомъ послѣ позволенія садятся за столъ. Невѣсты за столомъ нѣтъ, а она сидитъ въ другомъ углу горницы, и около нея собраны дѣвки. Когда сядутъ за столъ, то начнутъ рѣзать мясо и пирогъ и подносить роднымъ невѣсты вино. Потомъ говоритъ жениховъ отецъ: „Ну, сватушка съ сватьюшкой, что же мы пьемъ и ѣдимъ, а не знаемъ, за кого; надобно намъ поглядѣть тово“. Ему говорятъ: „Изволь, батюшка!“ Тогда невѣсту изъ-за ширѣнки (изъ круга дѣвокъ) выведутъ одѣтую. Она выдетъ и поклонится имъ. Жениховъ отецъ нальетъ вина и поднесетъ невѣстѣ. Она приметъ обѣими руками, потомъ поклонится и прикушаетъ немного и подастъ назадъ. Тогда назовутъ всѣхъ ея подругъ и подносить имъ. Когда онѣ уйдутъ опять въ уголь, то невѣста закричитъ: „Сударь ты мой, родимой батюшка! проѣлъ, пропилъ на винной чарочкѣ, промѣнялъ дитю (sic) на зелено вино!“ Подруги по ней плачутъ и кричать голосомъ:

259 (1).

Подружка наша, голубушка!
Ужъ и какъ табѣ въ чужихъ людяхъ жить,
Ужъ и какъ привыкать будетъ,
Ужъ и какъ назвать свекра батюшкой,
Ужъ и какъ назвать свекровь матушкой?
Чужой отецъ и мать
Безжизненные уродились.

Послѣ того какъ ее пропьютъ, то невѣста посылаетъ къ жениху съ отцомъ и свахою ширинку (коротенькое полотенце обшитое по краямъ кумачемъ) съ орѣхами.

До свадьбы невѣста и поутру и ввечеру плачетъ и голоситъ (слова показаны).

Тогда назначаютъ день свадьбы.

Когда закричатъ, что ѣдутъ, то невѣста и дѣвушки всѣ плачутъ и голосятъ.

Передъ прїѣздомъ поѣзда, благословляютъ жениха у себя дома, а невѣсту у себя. Отецъ беретъ образъ, мать хлѣбъ и соль. Она приложится къ образу, поцѣлуетъ хлѣбъ и поцѣлуетъ съ ними и въ ноги всѣмъ поклонится и говоритъ:

260 (2).

Не благословляйте меня въ чужіи люди:
Ужъ родимой мой отецъ батюшка,

Ужъ родимая моя кормилица матушка,
Ужъ и чтобъ худо вы старались,
Ужъ и то худо вы печалились;
Или я вамъ былъ не вольной посоль,
Или я вамъ не скорой ходокъ?

Когда благословятъ ее, она говоритъ роднымъ (они кладутъ на хлѣбъ 10 или 15 конеекъ):

Благодарствуйте вамъ,
На твоёмъ ли большѣмъ дару.

Прїѣзжаютъ: женихъ, дружка, хлѣбникъ (съ обозомъ съ хлѣбамъ и отсюда везетъ невѣстино приданое), сваха, мать посаженная и другіе поѣзжане числомъ 8—9 человекъ. Невѣста говоритъ тогда, когда они ѣдутъ:

261 (3).

Вотъ и ѣдутъ мои раззорители,
Вотъ и ѣдутъ мои погубители.....

Отецъ и мать сажаютъ весь поѣздъ за столъ, и хлѣбникъ говоритъ: „Много ли вамъ надо хлѣба - соли?“ Они принимаютъ отъ него хлѣбъ, пирогъ и столько изъ каждаго, сколько подастъ даровъ. Послѣ того выводятъ невѣсту за столъ къ жениху, и несетъ ей дружка надѣвать шубу отъ жениха, и снимаютъ съ нея свою шубу. Она голоситъ:

262 (4).

Ужъ не скидайте жъ вы съ меня платье
теплое,

Платье теплое, непопрѣнное,
Не надѣвайте на меня платье холодное,
Платье холодное и попрѣнное.

Тутъ ее одѣнутъ, и ведетъ ее дружка за столъ за правую руку. Онъ подводитъ ее къ столу, а она голоситъ:

263 (5).

Не мнѣ было за столомъ сидѣть,
Не мнѣ было за дубовымъ,
А сидѣть было мнѣ въ красныхъ дѣвушкахъ,
Чесать было буйну голову,
Плести было косу русую,
Вплетать въ нее ленту алую.

Тогда женихъ беретъ правой рукой правую ея руку и такъ сидитъ съ нею. Она голоситъ:

264 (6).

Заболѣла моя рука правая.....

Сидитъ невѣста покрытая покрываломъ. Сверхъ покрывала идетъ полотенце спереди назадъ, а на макушкѣ нашить крестъ.

Потомъ, посидѣвши, они поднимаются ѣхать въ церковь.

Поведетъ ее женихъ за руку, а она и заголоситъ:

265 (7).

Ужъ прости, прощай, подворье широкое,
Ужъ простите, мои сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами.....

Ее сажаютъ на телѣгу: женихъ подымаетъ ее и сажаетъ, съ ней садится сваха съ образомъ: держитъ она блюдо, покрытое платкомъ, и на немъ образъ. Телѣга запряжена парю.

Потомъ женихъ садится верхомъ и ѣдетъ впередъ съ поѣзжанами. Онъ въ шапкѣ и подѣвъ него дружка тоже на конѣ. Отѣхавши немного, дружка ѣдетъ назадъ къ отцу и матери невѣсты, а поѣздъ останавливается и ждетъ. Подѣхавши и вѣхавъ на дворъ, онъ спрашиваетъ: „У насъ въ пути въ дорогъ все въ добромъ здоровѣ, а какъ у васъ?“ Они говорятъ: „И у насъ въ дому слава Богу!“ Онъ воротится и отвѣчаетъ такъ, какъ сказано.

Пріѣхавши въ церковь, ихъ высаживаютъ. Послѣ вѣнца сваха повязываетъ волоснику, сороку и полотенце. И посадятъ ихъ обоихъ рядомъ. Сваха вынетъ зеркальце и поднесетъ къ нимъ, чтобъ они оба глядѣлись. Потомъ они ѣдутъ къ женихову отцу и матери. Они выходятъ встрѣчать ихъ у воротъ съ хлѣбомъ и солью. Мать жениха надѣваетъ на себя шубу на изнанку и держитъ огонь въ рукахъ. Когда они подѣдутъ, то женихъ бьетъ по огню кнутомъ. Тогда ихъ принимаютъ съ хлѣбомъ и солью, и они приложатся къ образу и хлѣбъ поцѣлуютъ и отца и мать, и въ ноги имъ поклонятся; и тогда входятъ въ избу, гдѣ накрытъ столъ и разостлана на лавкѣ, гдѣ садятся молодые, шуба или войлокъ, чтобъ имъ богато жить. Свекоръ беретъ пироги, подымаетъ имъ полотенце, которымъ покрыта молодая, и открываетъ

лицо ея, даетъ имъ въ руки пироги этотъ; за него женихъ и невѣста берутся одной рукой и ломаютъ: кому больше отломится. Тутъ начинаютъ потчивать. Подѣвъ невѣсты садитъ сваха, а возлѣ жениха дружка съ тѣми, которые ѣхали къ вѣнцу. Потомъ ихъ уводятъ въ уединенное мѣсто и тамъ кормятъ ихъ на подклѣти дружкой и сваха.

Женихъ одинъ съ дружкой ѣдетъ къ тещѣ благодарить, а она его кормитъ блинами и посылаетъ подарокъ дочери: „Вотъ, зятюшка батюшко, отведи, отдай тому, кого любишь“.

По утру—ранніе гости: невѣстина родня. Тутъ невѣста даритъ женихову родню; а потомъ у невѣстиной матери—поздніе гости, а тамъ отводы на третій день послѣ вѣнчанія, а тамъ люханцы (?), сваты (отецъ жениховъ—невѣстину мать и наоборотъ) перегопиваются.

Когда угощаютъ виномъ, родные приказываютъ: „Ну-тка ся прибавъ ка трожди по трожди“ (Девять разъ цѣлуются). „Ну, теперича сладко“ (Это когда кто хочетъ)*).

*) Тотъ же обрядъ, того же Дятлова, по другой отрывочной записи: „Родители жениха зашлютъ свата или сваху къ отцу невѣсты. И говоритъ онъ (или она) ему: такой-то (имя) хочетъ взять за себя дѣвку. Если они согласны, то отецъ говоритъ ей: „Пожалуй собѣ, часть добрый“. Тогда назначается день, въ который будутъ *пропивать* невѣсту. Въ этотъ день приходятъ въ домъ невѣсты отецъ жениха, дружка и еще одинъ кто нибудь изъ родственниковъ жениха и приносятъ съ собой изъ дома жениха вино, пироги и часть мяса. Тутъ спрашиваетъ отецъ невѣсты: „Что намѣрены вы дать кладки?“ (Кладка обыкновенно состоитъ изъ 6-ти рублей денегъ, котловъ и чулковъ). Когда кладка будетъ дана, то и начинаютъ пропивать невѣсту. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: Пришедши изъ дому жениха, съ позволенія хозяина, садятся за столъ (невѣсты въ это время за столомъ нѣтъ: она сидитъ въ другомъ углу избы, и около нея сидятъ дѣвушки). Сѣвши за столъ начинаютъ рѣзать мясо и пироги и подносятъ вино роднымъ невѣсты. Послѣ этого отецъ жениха говоритъ родителямъ невѣсты: „Ну, сватуха съ сватьюшкой, что же мы пьемъ и ѣдимъ, а не знаемъ, за кого; надобно намъ поглядѣть тово“. И отвѣчаютъ ему: „Изволь, батюшка!“ Тогда выводятъ невѣсту изъ ширѣнки (круга дѣвокъ) уже одѣтую. Подошедши изъ дома кланяется гостямъ. Жениховъ отецъ наливаетъ тогда вина и подноситъ невѣстѣ. Она должна принять обими руками, потомъ кланяется, прикушиваетъ немного и отдаетъ обратно отцу жениха. Послѣ того подымаютъ всѣхъ по-другъ ея и подносятъ имъ тоже. Когда же и невѣста и подруги ея опять возвращаются въ уголь избы, гдѣ были прежде....“

6) Г. Москва.

266.

У насъ было на Дону,
на Дону, 2.
На крутенькомъ бережку,
бережку, 2.
Слеталися галушки,
галушки, 2.
Садилися галушки на песку,
на песку, 2.
Садилися галушки рядункомъ,
рядункомъ, 2.
Что рядункомъ въ три ряда,
въ три ряда. 2.
Гдѣ ни взялся соколинъ,
соколинъ, 2.
Онъ взялъ галку за крыло,
за крыло, 2.
Что за то ли крыло правое¹⁾;
правое; 2.
Она у него просилась,
просилась: 2.
„Отпусти, соколь, на волю,
на волю, 2.
Что на ту ли волю къ галушкамъ!“
галушкамъ, 2.
— Я тогда тебя отпущу,
отпущу, 2.
Когда перья ощиплю,
ощиплю, 2.
Мяса твоего наклююсь²⁾,
наклююсь! 2.
У насъ было въ терему,
въ терему, 2.
Садилися дѣвушки рядункомъ,
рядункомъ, 2.
Что рядункомъ въ три ряда,
въ три ряда. 2.
Гдѣ ни взялся Иванъ,
Иванъ, 2.
Онъ взялъ Марью за руку,
за руку, 2.
Что за ту ли руку правую³⁾,
правую. 2.
Она у него просилась,
просилась: 2.
„Отпусти, Иванъ, на волю,
на волю, 2.
Что на ту ли волю къ дѣвушкамъ“.
къ дѣвушкамъ, 2.
— Я тогда тебя отпущу,
отпущу, 2.

Когда русу косу расплету,
расплету, 2.
На-двое заплету,
заплету, 2.
Къ суду Божью приведу!
приведу. 2.

Записана отъ 70-лѣтняго старика, Московскаго мѣщанина.—Прим. К-аго.
„Не свадебная“—помѣта поздней руки.—Ред.

Варьянтъ изъ *Новик. Пис.*

1) Въмѣсто первыхъ девяти стиховъ:

У насъ было на Дону,
На крутомъ на берегу
Слеталися галочки.
Гдѣ ся взялся младъ соколь;
Онъ взялъ галку за крыло,
За крылышко правое.

Дальнѣйшихъ трехъ стиховъ нѣтъ.

2) Ой ты, галка, не лети!
— А ты меня не держи! —
Пота тебя не пущу,
Пока крылья распушу!

3) У насъ было на Дону,
На крутомъ на берегу
Собиралися дѣвушки.
Гдѣ ся взялся молодецъ;
Онъ взялъ дѣвку за руку:
„Ой стой, дѣвка, не бѣги!“
— А ты меня не держи! —
„Пота тебя не пущу,
Пока косу распушу;
А какъ косу распушу,
Тогда тебя отпущу!“

267.

Данилу-то матушка
Въ воскресенье породила,
Въ соборной заутренѣ.
Пеленала его матушка
Въ пеленки батистовыя,
Свивала алой бархатой.
Положила его матушка
Въ колыбель багровую,
Воскочнула его матушка
Отъ востока до запада,
Воскочнумни, приговаривала:
„Ты, баю, баю, дитятко,
Когда будешь на возрастѣ,
Изволишь жениться,
Поѣдешь къ тестю въ домъ,
Не клади просто пухову шляпу свою,
Ты повѣсь её на стопочку;
Ты не низко тестю кланяйся,
Пониже тово тестюмкѣ,

Чтобы вывела твою суженую:
Твоя сужена наряжена,
И головушка убрана“.

268 (1).

Ужъ что голубь ворковалъ, 2.
Ко терему принадлеалъ, 2.
Что въ теремѣ говорить: 2.
Василій говорить,
Степанычъ говорить:
„Натальюшка, жизнь моя!
Роди сына сокола
Умомъ разумомъ въ меня,
Красотою въ себя“.

269 (2) *).

Рай мой, рай!
Среди было двора
Рай мой, рай!
ыростала тутъ трава,
Рай мой, рай!
Трава шелковая;
Рай мой, рай!
По той но травѣ Марья шла,
Рай мой, рай!
По той травѣ Ивановна шла,
Рай мой, рай!
Во рукахъ она несла
Рай мой, рай!
Воску ярова свѣчу:
Рай мой, рай!
Ты гори, моя свѣча,
Рай мой, рай!
Противъ солнечнаго луча,
Рай мой, рай!
Не горѣть тебѣ, свѣчѣ!
Рай мой, рай!
Противъ солнечнаго луча:
Рай мой, рай!
Ужъ не быть-то свѣкру противъ батюшки,
Рай мой, рай!
Ужъ не быть-то тебѣ, свекрови, лучше ма-
Рай мой, рай! [тушки.

*) Михайло Андреевичъ Дудинъ.—Прим. К.—аго.

270 (3).

Вьюнъ на водѣ извивается ¹⁾,
А зять у воротъ убивается ²⁾:
„А теща моя, теща ласковая ³⁾!
Отдай мой даръ, мою суженую ⁴⁾!“—

Вывела тѣща коня въ сѣдлѣ ⁵⁾:
„Это не даръ и не суженая ⁶⁾!“

Вьюнъ на водѣ извивается,
А зять у воротъ убивается ⁷⁾:
„А теща моя, теща ласковая!
Отдай мой даръ, мою суженую ⁸⁾!“—
Вывезла теща сани лаковые ⁹⁾:
„Это не даръ и не суженая ¹⁰⁾!“

Вьюнъ на водѣ извивается,
А зять у воротъ убивается:
„А теща моя, теща ласковая!
Отдай мой даръ, мою суженую ¹¹⁾!“—
Вывела теща свою дитятку,
Свою дитятку, свою милую ¹²⁾:
„Вотъ, это даръ, это суженая,
„Это суженая, моя наряженная ¹³⁾!“

Варьянты: изъ А) Гурьян. пѣс.; В) Ильинск. пѣс.; Г) Весслой Эраты.

1) А.—Ой, не вьюнъ на водѣ увивается.

2) А. и Г.—Зять у воротъ увивается. — Здѣсь напрасно перемѣнено: „убивается“ на „увивается“. Слово „увиваться“ въ народѣ употребляется и значить: искать въ комъ нибудь, за кѣмъ нибудь ухаживать.

3) А.—Ахъ, ты теща моя, теща ласковая!

В.—Ахъ, тесть мой, онъ скажетъ, тесть ласковый!

Г.—Теща моя, теща ласковая!

4) А.—Дай, мой другъ, дай мою суженую;
Дай мою ряженую!

В.—Отдай ты мой даръ, мое суженое!

Г.—Дай мой даръ, мою суженую,
Мою суженую, мою ряженую!

5) А.—Вынесла теща сокола на рукѣ.

В.—Ахъ, тесть ему тутъ высылаетъ коня,
Ахъ, ласковый тутъ воронова въ уздѣ.

Г.—Какъ вывела теща воронова коня.

6) А.—Это не даръ, это не суженое, то не ряженое.

В.—Ахъ, то не мое, то не суженое,
Ахъ, то не мое, то не ряженое.

Г.—Теща моя, теща ласковая!

Это моя не суженая,
Это моя не ряженая.

7) Два первые стиха второго куплета такъ же, какъ и третьяго, повторяются, какъ въ первомъ куплетѣ.

8) А. и Г. повторяютъ такъ же, какъ и въ первомъ куплетѣ.

В.—Ахъ, теща моя, теща ласковая,
Ахъ, теща моя, ты привѣтливая!
Ты отдай, мой другъ, мое суженое!

9) А.—Вывела теща коня вороного.

В.—Теща даетъ ему окованный ларецъ.

Г.—Какъ вынесла теща ясна сокола.

10) См. варьянтъ 6-й.

11) А. и Г. повторяются такъ же, какъ и въ первомъ куплетѣ.

В.—Ахъ шурина мой, шурина ласковый,
Ты отдай мой даръ, мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое!

12) А.—Вывела теща Анну душу:
Вотъ твой даръ, вотъ твоя суженая,
Вотъ твоя ряженая!

Этимъ А и кончается.

В.—Ахъ, шуринъ ему—да Анну душу,
Анну душу да Давыдовну.

Г.—Какъ вывела теща Аннушку,
Аннушку, душу Давыдовну.

13) В.—Ахъ, вотъ ли мой даръ, мое суженое!

Г.—Теща моя, теща ласковая!

Это моя суженая,

Это моя ряженая!

Въ последнемъ текстѣ, вмѣсто слова „наряже-
ная“, поставлено „ряженая“. Слово „ряженая“
происходитъ не отъ *узору* или *наряда*, а отъ *рядить*: тогда онъ значитъ: *распоряжать*. Судить и
рядить — суженая и ряженая.—Прим. К-аго.

271 (4).

Изу мѣсяца свѣтитъ,

Изу свѣтлаго сіяетъ:

Ой ряди! 2.

Еще зять къ тѣщѣ ѣдетъ.

Ой ряди! 2.

На модныхъ дрожкахъ,

На манежной лошаdkѣ.

Ой ряди! 2.

Изумилася тѣща,

Изумилась голубка;

Ой ряди! 2.

Да чѣмъ зятя дарить?

Подарю свою зятя,

Ой ряди! 2.

Подарю свою свѣта

Я конѣмъ воронѣмъ,

Чепракомъ золотымъ.

Ой ряди! 2.

Зять дары не примаешь

И поклона не отдаешь

И спасибо не скажешь.

Ой ряди! 2.

Изу мѣсяца свѣтитъ,

Изу свѣтлаго сіяетъ:

Ой ряди! 2.

Еще зять къ тѣщѣ ѣдетъ.

Онъ на модныхъ дрожкахъ,

На манежной лошаdkѣ.

Ой ряди! 2.

Изумилася тѣща,

Изумилась голубка;

Ой ряди! 2.

Да чѣмъ зятя дарить?

Да чѣмъ свѣта дарить?

Ой ряди! 2.

Подарю свою зятя,

Подарю свою свѣта

И я шитой жилеткой.

Ой ряди! 2.

Зять дары-та не примаешь

И поклону не отдаешь

И спасибо не скажешь.

Ой ряди! 2.

Изу мѣсяца свѣтитъ,

Изу свѣтлаго сіяетъ:

Ой ряди! 2.

Еще зять къ тѣщѣ ѣдетъ

Онъ на модныхъ дрожкахъ,

На манежной лошаdkѣ.

Ой ряди! 2.

Изумилася тѣща,

Изумилась голубка

Ой ряди! 2.

Да чѣмъ зятя дарить?

Да чѣмъ свѣта дарить?

Ой ряди! 2.

Подарю свою зятя,

Подарю свою свѣта

Ой ряди! 2.

Я дитѣю милою.

Ужъ какъ зять примаешь

Ой ряди! 2.

И поклонъ отдаешь

И спасибо скажешь:

Ой ряди! 2.

Спасибо, тѣща,

Что поила, кормила

И добру, научила

И мнѣ надѣлила!

Ой ряди! 2.

Пѣсни 268—271 записаны отъ московскаго мѣ-
щанина З. Д. М.

272 (1).

На горѣ стоитъ ёлочка,

Подъ горою свѣтёлочка.

Во свѣтелочкѣ Татьянушка

Во новой Ивановна.

Приходилъ-то къ ней батюшка,

И онъ звалъ ее съ собой домой:

„Ты пойдѣмъ, Татьянушка, домой!

Ты пойдѣмъ, Ивановна, домой“.

—Нейду я, не слушаю:

Ночь темная, не мѣсячна,

Рѣки быстры, перевозу нѣтъ,

Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.—

На горѣ стоитъ ёлочка,

Подъ горою свѣтёлочка.

Во свѣтелочкѣ Татьянушка

Во новой Ивановна.

Приходила къ ней матушка,

И она звала ее съ собой домой:

„Ты пойдѣмъ, Татьянушка, домой*“).

Ты пойдёмъ, Ивановна, домой“.
—Нейду я, не слушаю:
Ночь темная, не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозу нѣтъ,
Лѣса тѣмны, карауловъ нѣтъ.—
На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтелочка.
Во свѣтелочкѣ Татьянушка,
Во новой Ивановна.
Приходитъ-та къ ней Василій,
Приходитъ-та къ ней Николаевичъ,
И онъ звалъ ее съ собой домой:
„Ты пойдёмъ, Татьянушка, домой,
Ты пойдёмъ, Ивановна, домой“.
—Иду я, сударь, слушаюсь:
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозъ есть,
Лѣса тѣмны, караулы есть.—

*) Стихъ вписанъ между строкъ иной (Кирѣвскаго?) рукой.—*Ред.*

273 (2).

Кругъ шатра бѣлаго, полотнянаго
Розаны Натальюшка разсаживала,
Кругъ шатра бѣлаго, полотнянаго,
Степановна разсаживала¹⁾,
Во шатёръ-то она заглядывала²⁾:
Во шатрѣ бѣлѣмъ, полотнянымъ
Спаль-почивалъ Иванъ господинъ,
Спаль-почивалъ Григорьевичъ³⁾,
Звалъ-позывалъ къ себѣ Натальюшку,
Звалъ-позывалъ къ себѣ Степановну⁴⁾:
„Душечка, Натальюшка, ты взойди въ шатёръ!
Сердце мое, Степановна, взойди въ бѣлый по-
—Нейду я, не слушаю!⁶⁾ [лотнянъ!⁵⁾
Слышала я: твой отецъ грозенъ,
Слышала я: твоя мать грозна⁷⁾.—
„Душечка, Натальюшка, будь сама не горда³⁾,

Сердце мое, Степановна, не спѣсивая!
Держи голову поклонную,
Ретивое сердце покорное:
Будетъ свѣкорь лучше батюшки,
Будетъ свекровь лучше матушки!“

Мѣщане Рогожск. части.—*Помята К—аго.*

Варьянты изъ *Ръш. пѣсен.*

- 1) Вкругъ шатра бѣлаго, полотнянаго,
Настасьюшка разсаживала розаны,
Романовна разсаживала алые.
- 2) Этого стиха нѣтъ.
- 3) Въ томъ шатрѣ спаль-почивалъ,
Спаль-почивалъ Александръ господинъ,
Александръ сударь Григорьевичъ.
- 4) Въмѣсто двухъ стиховъ: Онъ кличетъ-покликаетъ,
- 5) Настасьюшка, подь ко мнѣ во шатеръ,
Сердце мое, Романовна,
Подь ко мнѣ въ полотнянъ.
- 6) Я нейду, сударь, не слушаю
- 7) Я слышала, люди сказывали,
Люди сказывали: у тебя отецъ гордъ!
- 8) Душечка, Настасьюшка, будь сама добра!
Сердце мое, Романовна,
Держи голову поклонную,
А сердце покорное.

Потомъ пѣсня повторяется, со всѣми тѣми же отличіями отъ нечатаемаго текста; только вмѣсто стиховъ:

Я слышала, люди сказывали:
У тебя отецъ гордъ, ..

поется:

Слышала я, люди сказывали,
Люди сказывали: у тебя мать горда;

Потомъ продолженіе тоже, и, наконецъ, поется третій разъ вся пѣсня сначала, а вмѣсто выше-приведенныхъ стиховъ и слѣдующихъ за ними, кончается такъ:

Я слышала, люди сказывали,
Добрые говорили: у тебя братья лихи,
Братья лихи, сестры злы.
—Душечка Настасьюшка, будь сама добра!
Сердце мое, Романовна,
Будь ласкова, привѣтлива,
Въ чужомъ домѣ не примѣтлива,
Въ своемъ догадлива да смѣзлива,
Въ чужихъ словахъ не замѣтлива,
А въ своихъ—проста да увѣтлива.

в) Верейскаго у.

274 (1).

Ты злодѣйка измѣнщица,
Злакоманка, преметница,
Ты душа, красна дѣвица,
Измѣнила свое слово,
Обманула всѣхъ подруженекъ:
Ты сказала, что замужъ не пойду

И во вѣкъ не подумаю
Ни за князя, ни за барина,
Ни за того сына гостинаго.
Ты на что, душа, прельстилася?
Иль на орѣшки, иль на прянички?
На садовы ль сладки яблочки?
На Ивана ль русы кудри,
На Иваныча расчѣсаны?

275 (2).

Разлилась, разделѣлась
По лугамъ вода веппия,
Унесла, уелѣяла
Съ широка двора три корабля:
Первый-то корабль уплылъ
Съ сундуками коваными,
А другой-то корабль ушлыъ
Со ларцами красна дерева,
А третій корабль уилыъ
Со душой красной дѣвицей.
Не бѣла лебедь вскрикнула,—
Мать по дочери всплакнула:
„Воротись, моё дитятко,
Воротись, моё милое!
Позабыла ты, дитятко,
Отъ терема золоты ключи
Со шёлковымъ поясомъ
И съ кольцомъ со серебрянымъ“.
Какъ возговорить красна дѣвица:
—Не забыла я золотыхъ ключей
И со шёлковымъ поясомъ,
Со кольцомъ со серебрянымъ.
А забыла то я волю батюшки,
И твою нѣгу, матушка,
И свою косу русую
Со лентою алоу,
Я свою красу дѣвичью.

276 (3).

Вы подружки, голубушки,
Мои бѣлыя лебѣдушки,
Вы прикройте мою голову
Вы полами, душегрѣйками,
Еще штофными шубейками:
Ужъ какъ ѣдетъ погубитель мой,
Ужъ какъ ѣдетъ разоритель мой,
Ужъ какъ ѣдетъ расплетіи-косу.
Расплети, подруженька,
Ленту вывяжи, голубушка.

277 (5).

Не въ трубушку трубють рано по зарѣ,—
Всё плачеть дѣвушка по русой косѣ:
Ахъ свѣтъ, моя косонька, русая коса,
Русая коса, дѣвичья краса!
Вечеръ мою косоньку дѣвушки плели:
По ўтру ранѣшенько сваха пришла,
Начала мою косоньку рвать-порывать,
А родная матушка жемчугомъ унизывати.
Ахъ свѣтъ, моя косонька, русая коса,
Русая коса, дѣвичья краса!

278 (5).

Какъ не пава по двору ходить,
Не навлиныя перушки павушка ронить:
Тутъ ѣдила, погуливала
Молодая боярышня,
Горючи слезы ронила,
Таки рѣчи говорила:
„Отопрись, мой нѣмецкій замокъ, отопрись,
Полужёная цѣпочка, отложися,
Питый браный ноложѣкъ, распахнися,
Родная матушка, встань, проснися!
Ужъ не годъ мнѣ у тебя годовати
И не вѣкъ вѣковати,
Последнюю почку почевати,
И тоё во слезахъ, въ горѣ не видати.“

279 (6).

Во горницѣ, во свѣтлицѣ,
Два голубя на икапѣ;
Они пьютъ и льютъ,
Въ политаवры бьютъ
И въ музыку играютъ,
Они дѣвицу красавицу
Её забавляютъ;
А дѣвица красавица
По горницѣ ходить,
По новой гуляетъ;
Увѣшана бѣла шея
Крупными жемчугами,
Унизаны бѣлы руки
Золотыми кольцами.
Какъ сказали Марьюшкѣ,
Что батюшка кличетъ:
Подруженьки, голубушки,
Право, не слыхала!*)

*) Тоже — о матери, тоже о женихѣ, только
отвѣтъ иной:

Подруженьки, голубушки,
Право, давно слышу:
Я пойду къ нему скорѣе,
Авось я поспѣю. *Прим. К—аго.*

280 (7).

У воротъ, воротъ вербочка стояла,
У новыхъ высокая.
Со двора Марьюшка съѣзжала,
Сломила у вербушки зѳлотъ верхъ:
„Ты стой, моя вербушка, вѣкъ безъ верху,
Живи, моя матушка, вѣкъ безъ меня,
Безъ любимыя дочки, безъ Марьюшки.
Не чаяла матушка съ рукъ меня избытъ,
Избыла родимая во единый часокъ“.

281 (8).

Охъ, вы соколы, соколы,
Вы залетные соколы!
Ужъ куда же¹⁾ вы лѣтали?
— Ужъ мы лѣтали, лѣтали,
Съ моря на море лѣтали.—
Ужъ и что жъ тамъ вы видѣли?
— Ужъ мы видѣли, видѣли
Съру утицу на морѣ.—
Ужъ вы что жъ ее съ собой не взяли?
— Мы хотя еѣ не взяли,
Но алѣю кровь пролили,
И сизыя перья выцѣнали.—
Ахъ вы бояры, бояры,
Вы заѣзжіе бояры,
Ужъ куда же вы ѣздили?
— И мы ѣздили, ѣздили,
Съ городъ на городъ ѣздили.—
Ужъ вы что-жъ тамъ видѣли?
— Ужъ мы видѣли, слышали,
Красну дѣвицу въ теремѣ.—
Ужъ вы что жъ ее съ собой не взяли?
— Мы хоть еѣ съ собой не взяли,
По рукамъ еѣ ударили:
Быть сговору, быть дѣвичничку,
Быть дѣвичьему вечеру.—

¹⁾ Попр. К—аго: жъ.

282 (9 *).

А кто у насъ холостъ, а кто не женатъ?
Сергѣй у насъ холостъ, Михалычъ не же-
нать,
Ахъ, розонъ мой, розонъ, виноградъ зеленый!
На коня садится, а подъ нимъ конь веселится;
Онъ плѣтечкой машетъ, а конь подъ нимъ
пляшетъ.
Ахъ роз(онъ мой, розонъ, виноградъ зеле-
ный) **).

Къ лугамъ подѣзжаетъ—луга зеленѣютъ,
Къ садамъ подѣзжаетъ—цвѣты разцвѣтаютъ,
Цвѣты разцвѣтаютъ, птицы распѣвають.
По улицѣ ѣдетъ—вся улица свѣтитъ,
Къ двору подѣзжаетъ, ворота растворяетъ,
... ***) матушка встрѣчаетъ,
За бѣлы руки примааетъ, за браный столъ
сажаетъ.

Ахъ, розонъ..... и т. д.

*) При пѣснѣ запись собирателя на полѣ: „За-
пис. 4 ноября 1844“.

**) См. выше.—Ред.

***) Такъ и въ оригиналѣ.—Ред.

283 (10).

Растопись, моя банюшка,
Разгорись, моя каменка.
Ты разсынься, крупѣнь жемчугъ,
По атласу, по бархату,
По алзѣменту на золотѣ:
Ты расплачься, душа дѣвица,
Передъ матушкой стоючи:
„Ты на что, на что пиво варишь,
Для чего зелено вино куришь,
Или братца женить хочешь?“
— Ты дитя моѣ, дитятко,
Ты дитя мое милое,
Я тебя, дитя, присватала
Не за князя, не за барина,
За того сына гостинаго,
За Кузьму за Иваныча.

284 (11).

Какъ чесалъ Кузьма кудри
Иванычъ русыя,
Чесалъ кудри, приговаривалъ:
„Прилегайте, кудри русыя,
Къ моему лицу бѣлому“.
Катеринушкѣ наказывалъ:
„Перекати кудри жемчугомъ,
Перевей русы золотомъ,
Привыкай ты, Катеринушка,
Къ моему ли уму-разуму,
И къ обычаю не женатому“.
Привыкать ей не хотѣлося,
За досаду показалось,
За досаду за великую,
Снѣси-гордости убавити,
Ума-разума прибавити.

285 (12).

Ѣхалъ зять мимо тѣщина двора,
Ударилъ копьемъ въ ворота:
„Дома-ль тестъ, дома ль тѣщинька?
Дома-ль гордая свояченица?
Дома-ль душенька красная дѣвица,
Наталья Алексѣевна?
Если снитъ, не будите вы еѣ,
А не снитъ, чтобы встрѣтила меня“.
Услыхала Натальюшка душа,
Побѣжала по новымъ по снѣжымъ,
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
—Охъ вы, нянюшки, мамушки,
Вы снѣжныя красны дѣвушки,
Вы берите мои золоты ключи,

Оттирайте кованіе сундуки,
Внимайте багрецовое сукно,
Ужъ вы кроите Сергію сертукъ,
Ужъ вы кроите Михалычу кафтанъ,
Чтобъ не длинень, не коротокъ ему быть,
Въ подолъ поуструбистѣ,
Къ ретиву сердцу прижимистѣ,
Чтобы можно было на коляску вскочить,
И ловчѣ въ стремяна ноги вложить.

286 (13).

Свѣтло свѣтитъ мѣсяцъ изъ за облака.
Какъ же ему да не свѣтлому быть?
Богъ даровалъ ему тѣмную ночь.
Весель сидитъ Сергій Михайловичъ.
Какъ же ему да невеселу быть?
Богъ даровалъ ему суженую,
Суженую.
Всѣ братцы товарищи позавидовали,
Ужъ и знать-то Сергій богомоленъ быть,
Часто ходилъ ко заутрени,
Ставилъ свѣчи воску яраго,
Нѣсь поклоны до сырой земли,
Служилъ молебны со акаѣстами.

Пѣсни 274—286 записаны самимъ Н. В. К.—имъ.

287 (1).

Ты рѣка ль моя, рѣченъка,
Ты рѣка ль моя быстрая,
Ты течешь не колѣхнешься,
Къ берегамъ не разобьнешься.
Ахъ ты, умная дѣвица,
Ты сидишь, не улыбнешься,
Говоришь, не разсмѣхнешься!
—Ахъ, вы дѣвушки-голубушки!
Чему мнѣ смѣяться,
Чему радоваться?
Всѣ гости съѣхались,
А однихъ гостей нѣтъ и нѣтъ:
Родимаго батюшки,
Родимыя матушки.
Ахъ вы, дѣвушки, голубушки!
Взойдите на пѣперти,
Ударьте въ большой колоколь,
Побудьте мово батюшку и матушку,
Благословить меня къ суду Божьему
Золотымъ вѣнцомъ вѣнчаться,
Златымъ перстнемъ обручаться.

288 (2).

Изъ за лѣсу было, лѣсу тѣмного,
Изъ за горъ было высокіихъ,

Летитъ стадо гусиное,
Другое¹⁾ лебединое.
Отставала лебѣдушка
Прочь отъ стада лебединого,
Приставала лебѣдушка
Ко стаду гусиному.
Начали еѣ гуси щипати:
„Не щиплите вы, сѣры гуси!
Не сама я къ вамъ залѣтала,
Занесли меня буйныя вѣтры,
Буйныя вѣтры осенніе“.
Отставала красная дѣвушка
. ²⁾
Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала къ молодымъ молодухамъ;
Начали надъ ней смѣяться:
„Вы не смѣйтесь, молодухи,
Не сама я къ вамъ забѣжала,
Завезли меня добрыя кони
Филата Пафнутаевича“.

¹⁾ Попр.: А другое.

²⁾ Вставлено: Анна Петровна.

289 (3).

Охъ вы дѣвушки, голубушки,
Вы чешите буйну голову мою,
Вы плетите русу мою косу
Съ корней тугохонько;
Середь моей русой косы
Переверьте чистымъ золотомъ,
По-конечъ моей русой косы
Заприте большимъ замкомъ,
Большимъ замкомъ нѣмецкімъ.
Вы бросьте золотые мои ключи
Во синее море на дѣнушко,^{*)}
Не достали бы мои недруги,
Не отперли бы мой нѣмецкій замокъ,
Не расплели бы опять мою русу косу.

^{*)} Попр.: донушко.

290 (4).

Разлилась, разделѣлась
По лугамъ вода внешняя.
Унесло, улетѣло
Чаду, мѣлу дочь отъ матери.
Оставалася матушка
На крутымъ¹⁾ красномъ берѣжкѣ:
Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое,
Позабыла трои ключи:
Первый ключикъ отъ зеленого садика,

Другой ключикъ отъ кована ларчика,
Еще оставила волю батюшкину и нѣгу ма-
тушкину.

1) Попр.: крутомъ.

291 (5).

Растопись, банька-мыленька,
Раскались, жарка каменка,
Ты разсыпсыя, крупёны жемчугъ,
По атласу или по бархату.

292 (6).

Какъ отъ (sic) свѣтлаго мѣсяца
Отросли лучи золоты;
Какъ у добраго молодца
Отросли кудри чѣрные.
А не сами завивались,—

Завивала красна дѣвица,
Завивала, не клѣтила,
Ему добраго прочила:
Ахъ подай, Боже, мому жениху
При полку быть полковничкомъ,
При губерніи губернаторомъ,
При всей арміи фельдмаршаломъ.

293 (7).

Пьютъ, когда расходятся гости, сначала хо-
зяину, потомъ всѣмъ гостямъ.

Мы нальѣмъ, мы нальѣмъ, чару вина пол-
ную,

Поднесѣмъ, поднесѣмъ Александрѣ Ивановичѣ,
Просимъ её, просимъ пожаловать, выкупать.

Пѣсни 287—293 записаны самимъ П. В. К.—имъ,
повидимому, въ Верейскомъ же у., судя по неясной
помѣтѣ: „16 апр. 18...“—*Ред.*

г) Звенигородск. у. с. Ильинское.

294.

На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою бесѣдушка ¹⁾;
Въ бесѣдѣ красна ²⁾ дѣвица
Степанида Романовна ³⁾.
Приходила къ ней матушка,
Приходила ⁴⁾ родимая:
„Ты ступай домой, Степанидушка ⁵⁾!“
—Я нейду, нейду, не слушаюсь ⁶⁾! ⁷⁾***)
Лѣсы темны, карауловъ нѣтъ, ⁸⁾
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ.—

На горѣ стоитъ ёлочка,
И проч.;
Приходилъ то къ ней батюшко ⁹⁾:
„Ты ступай домой, Степанидушка!“
—Я нейду, и проч.

Приходилъ къ ней Борисъ господинъ,
Приходилъ къ ней Ипатовичъ ¹⁰⁾:
„Ты ступай домой, Степанидушка ¹¹⁾!“
—Я иду, иду, я слушаюсь ¹²⁾: ¹³⁾
Лѣсы темны—караулы есть,
Рѣки быстры ¹⁴⁾—перевозы есть.—

Варьянты изъ *Русск. пѣсен.*

¹⁾ Подъ горою свѣтелочка

²⁾ Въ свѣтелочкѣ Степанидушка.

³⁾ Приходилъ къ ней батюшко,
Будилъ ее, побуживалъ:
„Ты, Степанидушка, пойдемъ домой!
Ты, Романовна, пойдемъ домой!“

¹⁾ Я нейду и не слушаю.

²⁾ Ночь темна и не мѣсячна.

Рѣки быстры—перевозовъ нѣтъ,

Лѣса темны—карауловъ нѣтъ.

Всѣ показанныя перемѣны по вар. Рѣш. пѣс.
повторяются и въ остальныхъ двухъ куплетахъ,
кромя тѣхъ, которыя обозначены особо при тѣхъ
куплетахъ.

⁶⁾ Приходила къ ней матушка

Будила, побуживала.

⁷⁾ Борисъ сударь Ипатовичъ

Будилъ ее, побуживалъ:

⁸⁾ Степанидушка, пойдемъ домой!

Душа Романовна, пойдемъ со мной!

⁹⁾ Я иду, сударь, и слушаю.

¹⁰⁾ тихи.

¹¹⁾ сидитъ ¹²⁾ пр. къ ней ¹³⁾ Далѣе стихъ: Ночь
темна, не мѣсячна. ¹⁴⁾ Далѣе стихъ: Ночь свѣтла
и мѣсячна.—*Поправки П. В. К-аго.*

295.

Въ горницѣ, во свѣтлицѣ
Два голубя на шкапѣ.
Они пьютъ и льютъ,
Политары бьютъ,
Цимбалы играютъ;
Они Настасьюшку
Семеновну всегда утѣшаютъ.
Настасьюшка Семеновна
По сѣнямъ гуляетъ;
Бѣлы руки унизаны
Золотыми перстнями,
Головушка разубрана
Разными цвѣтами.

„Настасьюшка Семеновна,
Тебя батюшка кличетъ“.
— Вы дѣушки, голубушки,
Право не слыхала.—
Во горницѣ, во свѣтлицѣ
Два голубя на шкапѣ;
Они пьютъ и льютъ,
Политары бьютъ,
Цимбалы играютъ;
Они Настасьюшку Семеновну
Всегда утѣшаютъ.
Настасьюшка Семеновна
По сѣнямъ гуляетъ;
Бѣлы руки унизаны
Золотыми перстнями,
Головушка разубрана
Разными цвѣтами.
„Настасьюшка Семеновна,
Тебя матушка кличетъ“.
— Вы дѣушки, голубушки,
Право, не слыхала.—
Во горницѣ, во свѣтлицѣ
Два голубя на шкапѣ;
Они пьютъ и льютъ,
Политары бьютъ,
Цимбалы играютъ;
Они Настасьюшку Семеновну
Всегда утѣшаютъ.
Настасьюшка Семеновна,
По сѣнямъ гуляетъ
Бѣлы руки унизаны
Золотыми перстнями,
Головушка разубрана
Разными цвѣтами.
„Настасьюшка Семеновна
Тебя женихъ кличетъ“.
— Вы дѣушки, голубушки,
Право, давно слышу.

296.

Ой по морю, морю,
По тебѣ ль, по синю морю,
Плыло стадо гусиное,
А другое лебядиное ¹⁾.
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебядинаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду къ сѣрымъ гусямъ ²⁾.
Не умѣла лебедушка
По гусиному кликати ³⁾;
Почали ее гуси щипати,
А лебедушка кликати ⁴⁾;
„Не щиплите вы, сѣры гуси!
Не сама я къ вамъ залѣтывала,

Не своею охотою;
Занесло меня погодою,
Погодою полудѣнною! ⁵⁾
По саду ли садику,
По зеленому виноградику
Какъ шли тутъ дѣушки,
Позади ихъ молодушки ⁶⁾.
Отставала Прасковьюшка
Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ,
Отъ подруженекъ голубушекъ;
Приставала Прасковьюшка
Къ молодымъ молодушкамъ ⁷⁾.
Не умѣла Прасковьюшка
На головушкѣ оправити ⁸⁾;
Почали ей смѣяться, ⁹⁾
А Прасковьюшка плакати,
Свѣтъ Ивановна ридати:
„Вы не смѣйтесь, люди добрые ¹⁰⁾,
Вы сосѣди приближенные!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Не своею охотою;
Завезли меня добры кони,
Что добры кони Никифоровы,
Что добры кони Агановича!“

Варьянты: А) Прач. пѣс., В) записанная въ г. Осташковѣ пѣсня; Г) Гурьян. пѣс.; Д) Ильинск. пѣс.; Е) Веселая Эрата.

1) Въмѣсто первыхъ четырехъ стиховъ:

- А. — Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за горъ ли, горъ высокихъ
Летитъ стадо лебединое,
А другое гусиное.
- В. — Ужъ какъ по морю, морюшку,
По синю морю Берейскому,
Что плыветъ стадо гусиное,
А другое лебединое.
- Г. — Изъ за лѣса, лѣса темнаго,
Изъ за лѣса дремучаго,
Изъ за горъ, изъ за высокихъ,

дальше такъ же, какъ въ А.

- Д. — Изъ за лѣса, лѣса темнаго,
Изъ за горъ было, горъ высокихъ
Летитъ стадо лебединое,
А другое гусиное.

- Е. — По морю, морю,
По синю морю Хвалынскому,

потомъ такъ же, какъ въ печатномъ.

Хвалынскимъ моремъ называлось Каспійское отъ жившаго у его береговъ древняго народа Хвали-совъ; а Берейское (см. В) есть, очевидно, искажен-ное имя Варяжскаго, т. е. Балтійскаго, моря. Оба эти названія часто встрѣчаются въ нѣсняхъ и со-хранились изъ глубокой древности. Прим. К-аго.

- 2) А. — вм. „Прочь отъ“ — „Какъ отъ“, а вм. „что ко стаду“ — „какъ ко стаду“.

- В. — Отставала лебедушка,
Отставала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка,

Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду сѣрыхъ гусей.

Г. — Отставала лебедь бѣлая
Отъ стада лебединого,
Приставала лебедь бѣлая
Какъ ко стаду—къ сѣрымъ гусямъ.

Д. — Отставала лебедь бѣлая;
потомъ, какъ въ печатаемомъ.
Е. — какъ въ печатномъ, только: Ко стаду—
къ сѣрымъ гусямъ.

3) А. и В. Этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.

Г. и Д. — Не умѣтъ лебѣдушка
По гусиному кликати.

Е. — Не умѣла лебѣдушка
По мелкимъ ручьямъ нлавати,
По гусиному кликати.

4) А. и Е. — Учали еѣ гуси щипати,
А лебедушка кликати.

В. — Начали еѣ гуси щипати,
А лебедушка кричати.

Г. — Еѣ стали гуси щипати,
А лебедушка вопити.

Д. — такъ же, какъ Г, только вм. „вопити“—
„кликати“.

5) — А. — Не щиплите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла:
Занесло меня погодою,
Что великою невзгодою.

В. — такъ же, какъ А; только вм. „залетѣла“— „залѣтала“.

Г. — Не щиплите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла:
Занесло меня погодою,
Что погодою-невзгодою.

Д. — такъ же, какъ Г; только послѣдняго
стиха нѣтъ.

Е. — Не щиплите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла:
Занесло меня погодою,
Погодою ненастливою,
Частымъ дождичкомъ осеннимъ.

6) Въ А, В, Г и Д этихъ трехъ стиховъ нѣтъ.

Е. — По саду, садику,
По зеленому виноградику
Шли, прошли молодая молодухи,
А другія красныя дѣвушки.

7) А. — Отставала Прасковьюшка,
Отставала Ивановна
Что отъ красныхъ отъ дѣвушекъ;
Приставала Прасковьюшка,
Приставала Ивановна
Да что къ молодымъ молодухамъ.

В. и Е. — такъ же, какъ А; только въ нихъ: „прочъ
отъ красныхъ дѣвушекъ“, и вм. „Да что къ молодымъ“— „къ молодымъ“.

Г. — какъ въ печатаемомъ; только послѣ каждого
стиха съ именемъ невѣсты прибавляется еще стихъ
съ ея отчествомъ, и читается: „Ахъ, отъ красныхъ
отъ дѣвушекъ“.

Д. — такъ же, какъ Г; только вм. „Ахъ
отъ“— „Что отъ“.

8) Въ А. и В. обоихъ стиховъ нѣтъ.

Г. и Д. — вм. „Не умѣла“— „Не умѣтъ“; а въ Г.
вм. „оправити“— „справити“.

„На головущкѣ оправити“ значитъ: убирать во-
лосы и носить головной уборъ, какъ прилично за-
чужнимъ. т. е., расплести дѣвическую косу на двѣ
косы и, обвивши ихъ около головы, закрыть всѣ
волосы либо кичкою, либо кокошникомъ, либо плат-

комъ, смотря по обычаю стороны. Дѣвушки носятъ
косы и волосы открытые, но женщины всегда хо-
дятъ съ покрытою головою, потому что при людяхъ
открывать голову замужней женщинѣ почитается
не только дѣломъ неприличнымъ, а даже безчест-
нымъ.—*Прим. К-аго.*

9) А. — Учали еѣ люди журити.

В. — Начали еѣ журить-бранить.

Г. и Д. — Еѣ стали бабы журити.

Е. — Учали еѣ журить-бранить.

Слѣдующаго стиха нѣтъ ни въ одномъ варьантѣ.

10) А, В. и Е.— Не журите, люди добрые.

Г. и Д. — Не журите, бабы старыя.

Стиха: „Вы сосѣди приближенные“, нѣтъ въ варь-
янтахъ. Слѣдующіе четыре стиха въ А, Г и Д сходны
съ печатаемымъ; а послѣдній стихъ въ А и Г: „Какъ
Никифора, свѣтъ Агаповича“, а въ Д: „Что Ники-
фора Агаповича“.

В. и Е. кончаются такъ:

В. — Не сама я замужъ иду,
Не своею охотою:
Отдаетъ родной батюшка,
А присватала матушка,
Приговорили пріятели
За дороднаго добраго молодца,
За Никифора Агаповича.

Е. — Не сама я къ вамъ заѣхала:
Завезли меня добры кони,
Добры кони Никифоровы.

297.

Со восточной со сторонущи
Потянули вѣтры буйныя,
Поматилися верѣюшки,
Растворилися ворóточки.
Не слыхала Аграфенушка,
Какъ бояры на дворъ взѣхали,
Молодые на крыльцѣ взошли,
Молодые Богу молятыся.
Возметалась Аграфенушка,
Словно бѣлая рыбаца:

„Схороните вы, подруженьки,
Отъ удалаго добра молодца!
Что пріѣхалъ разоритель мой,
Что пріѣхалъ расплести-косу.“

Вьюнъ на водѣ возвивается,

Зять у воротъ увивается:

„Тѣща моя тѣща, ласковая“.

—Даромъ, даромъ!— „Аграфенушка,

Моя суженая, ряженая!“

Наступили князья-боиры,

Поломили сѣни новыя

Роздавили чары золотыя,

Выпустили соловья изъ садѣ,

Выпустили молода изъ зеленѣ.

Ужъ какъ встужитъ Аграфенушка,

Ужъ какъ всплачется свѣтъ Ивановна:

„Свѣтъ вы мои сѣни новыя,

Сѣни новыя съ переходами!

Свѣтъ вы мои чары золотыя!“

— Не плачь, не плачь Аграфенушка!
Ты не тужи, свѣтъ Ивановна!
Я срублю тебѣ сѣни новыя,
Я солью тебѣ чары золотыя,
Я у тебя буду соловей во саду,
Соловей во саду, молодой въ зелену;
Буду тебя поутру рано будить,
Рано будить, скорѣ дѣлу учить.

298.

Зелѣная рощица, жѣлтый цвѣтъ!
А что что долго Ѳёдора нѣтъ,
Ѳёдора нѣтъ Алексѣича?
Послала-бъ посла я, не смѣю,
Написала-бъ письмо, не умѣю!
Пойду я у батюшки попрошуся,
Сударынѣ матушкѣ—доложуся:
„Пусти, пусти, матушка, погуляти
Въ зеленую рощицу ягоды брати!“
— Пойди, пойди, дитяtko, да не долго,
Ходи, моя матушка, да не скоро.—
Брала, брала ягоды, приѣстала,
Приѣстамши она приѣснула.
Что мимо-то ѣхалъ Ѳёдоръ господинъ,
Ѳёдоръ господинъ Алексѣевичъ;
Коничкомъ вернулъ, не стоималъ,
Плѣточкой махнулъ, не ударилъ,
Онъ, слѣзши съ коня, притрепалъ:
„Спи, моя надежда, высыпайся!
Не спать ты идѣшь, не дремать,
Не дремать идѣшь, работати,
Работати идѣшь, угождати;
Не къ отцу идѣши (sic), ко свекру,
Не къ матери идѣшь, ко свекрови,
Не къ братьямъ идѣшь, а къ деверьямъ,
Не къ сѣстрамъ идѣшь, а къ золовкамъ.“
— Снѣси-гордости убавлю,
Уму-разуму прибавлю;
Назову свекра батюшкой,
А свекровушку матушкой,
А деверюшку—братъ родной,
А золовку сестрицею.

299.

Во Кремлѣ было во городѣ,
Во налатахъ бѣлыхъ каменныхъ,
У стола, стола дубоваго,
Противъ зеркала хрустальнаго:
Дмитрій сударь Александровичъ
Чесалъ кудри, приговаривалъ,
Агаѣюшкѣ выговаривалъ:
„Агаѣюшка, перевей кудри,
Перевей ты кудри золотомъ,

Перьянижи ты русы жемчугомъ:
Прилегайте, кудри русыя
Ко моему лицу румяному!
Привыкай, душа Агаѣюшка,
Ко момѣ ли къ уму-разуму,
Ко момѣ ли къ молодецкому
Къ обычаю княжецецкому!“
— Ужъ и мнѣ ли, красной дѣвушкѣ,
Привыкать было не хотѣлося,
А хотѣлось жить у батюшки,
У сударыни у матушки.
А ужъ знать, что привыкать будетъ
Ко его ли къ уму разуму,
Что къ обычаю молодецкому!

300.

Во саду, саду зеленыемъ,
Во вишеннѣ сладкіемъ
Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ;
Онъ чесалъ свои русы кудри,
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
„Прилегайте вы, русы кудри,
Къ моему ли лицу бѣлому.
Привыкай, душа дѣвица,
Къ моему ли уму-разуму
И ко нраву молодецкому.“
За досаду ноказался,
Привыкать не хотѣлося.
Еще знать-то привыкать будетъ,
Снѣси-гордости убавити,
Ума-разуму прибавити.

301.

Разнесло, разделѣяло
По лугамъ водой вишенье,
Водой вишенье, орѣшенье.
Унесло, улеелею
Со двора три кораблика:
Ужъ и первый корабль проплылъ
Со атласнымъ со бархатомъ,
Ужъ другой-то корабль проплылъ
Со зеленымъ садикомъ¹⁾,
Ужъ и третій корабль проплылъ
Со душѣй красной дѣвицей,
Съ Аграфеной съ Михайловной.
Оставалася матушка
На крутѣмъ славномъ²⁾ бѣрежкѣ;
А сама стоя всплѣкнула,
Во слезахъ слово молвила:
„Воротись, мое дитяtko,
Воротись, мое милое!
Позабыла трой ключи,
Что трой ключи на золотѣ,

Со шелковымъ поясомъ¹⁾.
— Не обманывай, матушка!
Не трой ключи позабыла,
Не со шёлковымъ поясомъ:
Всёй нѣгу-та матушкину,
А привѣты-та братцовы,
Добродѣтель сестрицыну.

1) Текстъ передѣланъ К—имъ такъ:
Со князьями съ боярами,
(Со) атласнымъ со бархатомъ,
Ужъ другой-то карабль приплыль
Съ сундуками, съ товарами,
Со зелѣннымъ садикомъ.

2) Попр.: красномъ.

3) Вставленъ К—имъ стихъ:
И съ концами серебряными.

302.

Поется сиротамъ.

Ты рѣка-ль моя, рѣченька,
Рѣка быстрая, волнистая!
Что ты течешь, не колыхнешься,
Жѣлтымъ пескомъ не возмущишься?
Ты душа-ли красна дѣвица,
Ты Ульяна Акимовна!
Что ты сидишь, не усмѣхнешься,
Говоришь рѣчь, не улыбнешься?
„Ой, вы люди мои добрые,
Вы сосѣди приближенные!
Ужъ чему жъ мнѣ смѣяться?
Мнѣ чему радоваться?
У насъ полонъ дворъ каретъ стоитъ,
Полна горница гостей сидятъ;
Ужъ и всѣ-то гости званные,
Да что всѣ-то поджиданные.
Ужъ одной-то гостяи нѣтъ какъ нѣтъ:
Что родимой моей матушки!
Государь ужъ ты мой, братъ родной!
Ты взойди, братецъ, на папертку,
Ты ударъ же трожды въ колоколь,
Разбуди ты мою матушку!
Снарядить-то меня есть кому,
Бласловить-то меня некому!“

303.

Леталь голубъ, ворковаль,
Ко терему прилеталь,
Слушалъ голубъ, что говорятъ;
Степанъ сударь говорить:
„Александра, жизнь моя,
Николавна лапушка!
Роди сына соколá,
Бѣлымъ личикомъ въ себя,

Умомъ-разумомъ въ меня;
За выслугу за твою
Сошью пару*) нарчеву,
Душегрѣйку золоту;
Носи пару, не жалѣй,
Рости сына, да лелѣй;
Твоя будетъ честота,
А мнѣ, молодцу, похвальба,
Удалому похвальба“.

*) Рук. Кир. между строкъ: шубку.

304.

На сговорѣ, на дѣвичничкѣ,
На дѣвичьемъ было вечерѣ,
У Аграфены было въ теремѣ
У Иванювны въ высокѣмъ.
Ей въ ночи молодой малó спалось,
Мало спалось, во снѣ видѣлось;
Ей не ловокъ сонъ привидѣлся:
Прилеталь же къ ней ясень соколъ,
Онъ садился къ ней на окошечко,
На златую на причелинку.
Что увидѣла ясно́ва соколá
Аграфенина-та матушка:
„Охъ ты, дитяtko, Аграфенушка,
Ты привѣтъ, приголубь ты ясно́ва соколá!“
— Ты родимая моя матушка!
Я бы рада привѣтила ясно́ва соколá,—
Мое сердце не воротится,
Животъ кровью обливается,
Лице слѣзми омывается“.

305.

Ужъ ты мать моя, матушка,
Ой ты моя сударыня!
Ты взойди, моя матушка,
Ты во мой во высокъ терѣмъ,
Въ мою новую горницу,
Во столовую свѣтлицу;
Гей, ты сядь, моя матушка,
На мое на большó мѣсто,
Впереди подъ окошечкомъ;
Погляди, моя матушка,
На мою на русу́ косу́,
На дѣвичью косыньку!
Ужъ не долго мнѣ, матушка,
Во косѣ красоватися,
Во русой величатися!
Отъ сѣбботы до сѣбботы,
До сговора—дѣвичника,
До дѣвичьяго вечера.

306.

Долго, долго соколъ не летить!
Знать, что соколъ за лѣса залетѣлъ,
Что за тѣ лѣса да за тѣмные,
За тѣ горы да за крутыя.
Долго-то, долго Ивана нѣтъ,
Долго-то, долго Степановича:
Знать-то, Иванъ въ города заѣзжалъ,
Знать-то, Степановичъ за покупками.
Погодя маленько соколъ прилетѣлъ:
Конь-отъ подъ нимъ, да что лютой звѣрь,
Грива у коня колесомъ завита,
Хвостъ у коня, что лютая змѣя;
По-сторону пятьдесятъ человѣкъ,
А по другую еще пятьдесятъ:
„Спишь ли, душа моя Машинька?“
— Про васъ, сударь, я всю ночь не спала,
Твоему коню коверъ вышила,
Боярамъ твоимъ я на честь на хвалу,
Тебѣ, молодцу, на всеѣ красоту!

307.

Какъ Никифора матушка,
Какъ Петровича матушка
Въ воскресенье породила,
Во соборную заутреню;
Пеленала его матушка
Впереди подъ иконою,
Подъ святою Миколою,
Пеленала, приговаривала:
„Ужъ ты будь, мое дитятко,
Будь счастливо, таланливо,
Къ добрымъ людямъ привѣтливо;
Безъ бѣдъ будь бѣдехонько,
Безъ румянъ румянхонько,
Безъ сурмилъ брови чѣрныя!
Какъ ты будешь на возрастъ,
Ты задумаешь жениться,
На душѣ красной дѣвицѣ,
На Маланѣ Ивановѣ!“ *)

*) Кирѣевскимъ этотъ стихъ передѣланъ такъ:
„На Натальѣ Петровнѣ (свѣтъ-зачеркнуто) душѣ“.

308.

Ой, у насъ ли во горницѣ
Разыгрались князья бояра;
Молодые-то распотѣшились;
Генералы-то хвалятся:
„Ой у насъ ли полки на рукахъ!“
А Никифоръ сударь хвалится,

А Петровичъ сударь хвалится:
„У меня ли жена хороша!
У ней поступъ навлиная,
У ней рѣчь лебединая:
Она прѣйдесть, накормить меня,
Слово молвить, утѣшить меня“

309.

Вдоль по рѣчкѣ, рѣчкѣ,
Вдоль по быстрой рѣчкѣ
Тутъ судѣнце плыветъ
Тутъ серебряное;
Во судѣнцѣ сидитъ
То Ипатъ господинъ
То Семѣновичъ;
Пишетъ по бережку,
Пишетъ по крутенькому
Аграфена Ивановна:
„Воротись ты, мой другъ,
Ты надежда великая!
Я тебѣ радость скажу,
Я веселье великое:
Я тебѣ сына рожу,
И я сына со дочерью“.
— Кабы сынъ, кабы сынъ,
Перемѣна великая!
Кабы дочь, кабы дочь,
Перенутица частая! *)

*) Попр. К. аго: „перепутнице частое“.

310.

Ужъ изъ терема до терема
Золотые были выходы,
Ступенички позолочены;
По тѣмъ лѣсенкамъ Аграфена шла,
Аграфена свѣтъ Ивановна;
Ей на встрѣчу добрый молодецъ,
То Никифоръ свѣтъ Агановичъ;
И онъ сталъ ее выпрашивать:
„Ужъ ты, душечка красна дѣвица,
Аграфена Ивановна!
Укажи въ терѣмъ дороженьку!“
— Охъ, ты глупый, добрый молодецъ!
Ужъ кака въ терѣмъ дороженька?
Дороженька въ чисто поле
Широкое, прераздолное.

311.

Сѣболями Федосьюшка всѣ лѣса прошла,¹⁾
Сѣболями Петровна прошла лѣса тѣмные:²⁾

Она крыла лѣса алымъ бархатомъ,³⁾
 Она покатила золотымъ кольцѣмъ;⁴⁾
 Что пришло, прикатило къ синю морю,⁵⁾
 Вскрикнула, взгаркнула громкимъ голосомъ;⁶⁾
 „Есть-ли у сини моря перевошичекъ,⁷⁾
 Кто бъ перевезъ да меня молодѣ,
 Да меня молодѣ на тоѣ сторону?⁸⁾
 А та сторона мнѣ давно не мила“.⁹⁾
 А тѣ словеса не понравились;
 Гдѣ нѣзаяся вѣйскался Ларивонъ Ѳомичъ.¹⁰⁾
 „Душенька Ѳедосьюшка, не плачь, не тужи,
 Не плачь, не тужи: я корабль пришлю,
 Я корабль пришлю со боярами“.
 — Нейду, не хочу я на твой на корабль!
 Твой-то корабль качливъ безъ рядѣ,
 Коня твой самодѣрливъ,
 Бояре твои напосмѣшливы.
 „Душенька Ѳедосьюшка, будь сама добра!
 Буйну голову держи поклонную,
 Сердце (прямое) *) ретивое, покорное.
 Не плачь, не тужи, Ѳедосьюшка!
 Соколѣмъ прилечу, подѣ крыломъ унесу!“

*) Вписано между строкъ—Ред.

Варьянты: А) Ильинск. пѣс. и В) Рѣшил. пѣс.

1) А.—вм. „Соболями“—„Соболеми“.

В.—Съ соболями Настасьюшка лѣсомъ шла.

2) Этого стиха въ вар. нѣтъ.

3) А.—Крыла лѣса, крыла лѣса чернымъ бархатомъ;

В такъ же, какъ А; только начало стиха не повторяется.

4) А.—Въ путь катила, въ путь катила золотымъ кольцѣмъ; въ В такъ же, какъ А; только начало стиха не повторяется.

5) А.—Прикатила, прикатила ко синю морю.

В.—Пришла, прикатила ко синю морю.

6) А.—вм. „вскрикнула“—„вскликнула“.

В.—Вскрикнула — взгаркнула; второй половина стиха нѣтъ.

7) А.—Кто бы меня перевезъ на ту сторону?

Затѣмъ прямо такой конецъ:

Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся Александръ господинъ:

„Я тебя, Настасьюшка, на караблѣ перевезу“.

В.—Гой есп на морѣ перевозчики!

8) В.—вмѣсто двухъ стиховъ:

Кто бъ меня перевезъ молодѣ
 На тоѣ сторону.

9) В.—Та сторона мнѣ понравилась:

На той сторонѣ родной батюшка живетъ.

Слѣдующаго за этимъ стиха нѣтъ.

10) В.—Откуда ни взялся Александръ господинъ,
 Александръ господинъ Григорьевичъ.

Затѣмъ слѣдуетъ такое окончаніе:

„Не плачь, не тужи, Настасьюшка,
 Не плачь, не тужи, свѣтъ Романовна!
 Я по тебя пришлю корабль съ боярами“.

Не присылай корабля по мнѣ:

Твой корабль качливый,

А я у батюшки дитя пугливое.

Твоя бояра насмѣшливые,

А я у батюшки дитя стыдливое.

312.

Въ воскресеніе, матушка,
 Я не знала, не вѣдала,
 Ко мнѣ сваха прѣхала,
 Что гордая, свѣсивая,
 Молодая, ломливая.
 За занавѣску заглядываетъ,
 Все меня подговариваетъ:
 „Собирайся ты, умница,
 Собирайся, разумница,
 Ко суду Божью вѣхати,
 Подѣ златымъ вѣнцомъ стоѣти,
 Отъ суда Божья къ батюшкѣ,
 Ко сударынѣ матушкѣ“.

313.

Во садикѣ, садикѣ
 Ходилъ, гулялъ молодецъ
 Ефимій Ивановичъ:
 Чесалъ онъ русы кудри,
 Чесалъ приговаривалъ,
 Лентой перевязывалъ.
 Лентою атласною
 Тафтой полосатою.
 Увидѣла матушка
 Съ высокаго терема:
 „Дитя мое, дитятко!
 Что ходишь не весело,
 Гуляешь не радостно?“
 — Родимая матушка!
 Къ чему веселиться?
 Задумалъ жениться!—
 „Женись, мое дитятко!
 Женись, мое милое!
 Возьми, возьми, дитятко,
 Княгиню—боярыню
 Съ большимъ приданымъ,
 И съ няньками, съ мамками,
 Съ селомъ и съ деревнею!“

314.

Крѣпкая стѣна бѣлокаменная,
 Крѣпче ея нѣтъ изъ всей Москвы;
 Крѣпкое сердце Аграфенушкино,
 Крѣпче ея нѣтъ изъ всей родни.
 Не плачетъ она ни по батюшкѣ,
 Не плачетъ она ни по матушкѣ;
 Только она плачетъ по русой кося,
 Только возрыдаетъ по дѣвичьей красотѣ:
 „Ой, свѣтъ, моя руса косынка!
 Свѣтъ дѣвичья моя крѣсота!“

Не годъ я тебя косыньку чёсывала,
Не другой я тебя русую плётывала!
Вставанье мое было раннее,
Моченье мое было мокрое,
Чесанье мое было гладкое,
Плетенье мое было мелкое.
Вечоръ мою косыньку дѣвушки плели,
Золотомъ косыньку перевели,
Жемчүгою русую перенизали.
Богъ суди Никифора Агаповича!
Прислалъ ко мнѣ свашеньку не милосливу,
Не милосливу и не жалосливу:
Взяла мою косыньку рвать порывать,
Все золото съ косыньки посорвала,
Весь жемчугъ изъ русой порознижала,
Разложила косыньку на двѣ косы,
Положила косыньку поверхъ головы:
Тутъ тебѣ, косынька, и вѣкъ вѣковать,
Вѣкъ вѣковать и конца не видать!"

315.

Ой не пава по двѣрю ходила¹⁾,
Не навлиныя перья роняла²⁾;
А ходила, гуляла Аграфена,
Аграфенушка вокругъ терѣму,
Ивановна вокругъ высока³⁾;
Она ходя слѣзы ронила,
Во слезахъ она рѣчь говорила⁴⁾:
„Мой нѣмецкій замокъ, отоприся⁵⁾,
Полуженная цѣпь, отложися,
Кипарисова дверь, отворися⁶⁾,
Шитый браный пологъ, разнахнися,
Тесовая кровать, покачнися⁷⁾;
Встань, проснися, моя матушка родима⁸⁾!
Ужъ не годъ мнѣ у те годовати⁹⁾,
Не недѣлюшку мнѣ¹⁰⁾ гостити:
Одну ноченьку мнѣ ночевати,
И тоѣ во слезахъ не видати¹¹⁾;
Во молитвѣ всю ночь простояти,
Въ рукахъ свѣченку мнѣ продержати.

Пѣсни 297—315 записаны въ 1832 г. 23—25 июля.

Варианты изъ: А) Зуб. пѣс., В) Грачевск. пѣс.,

Г) Весел. Эр., Д) Гурьян. пѣс.

1) Г.—начинается такъ:

Ни высоко, ни далѣко
Соловей гнѣздо свиваетъ,
Молодой тепло свиваетъ:
Какъ ни близко, ни далѣко [жаеть.
Катеринушка (имя матери) дитя снаря-
Ужъ не пава по сѣнямъ ходила... и пр.

А.—Какъ не пава свѣтъ по двору ходить.

В.—Какъ не павушка по двору ходить.

Д.—Какъ не пава-то... и проч.

2) Г.—Не павлиньи перья ронила; А, В. и Д. вмѣсто „роняла“—„роняетъ“.

3) А.—Тутъ ходила, тутъ гуляла
Аграфенушка вокругъ терема,
Свѣтъ Ивановна вокругъ высока.

В.—Что ходила, что гуляла
Красна дѣвица кругъ терема

Г.—Вокругъ терема высокова
Аграфенушка ходила

Д.—Какъ ходила дѣвица, гуляла,
Говорила такыя слова не былевия.

4) А.—Говорила, говорила
Такія слова не былия.

В.—Она била, колотила
Золотымъ перстнемъ объ замочекъ,
Говорила, говорила

Такыя слова не былия.

Г.—Горючи свои слѣзы ронила,
Во слезахъ она говорила.

5) А, В. и Д.—вмѣсто „отоприся“—„отомкнися“.
Г.—Ты отоприся, отоприся.

Въ этомъ вариантѣ при послѣдующихъ стихахъ повторяется лишнее слово: „Ты“.

6) Г.—„растворися“; въ Д этого стиха совсѣмъ нѣтъ.

7) В.—Помотнися, помотнися,
Тесовая кровать, пошатнися.

Г.—вмѣсто этого: Развернися, развернися,
Хрущатая камка, развер-
[нися.

Въ Д этого стиха вовсе нѣтъ.

8) А и В.—„Проснися, пробудися“ и проч.

Д.—Проснися, пробудися,
Моя матушка родная.

Если у невѣсты нѣтъ матери, а живъ отецъ, то вмѣсто „родна матушка“, поется: „родной батюшка“.

Г.—Ужъ ты встань, батюшко, родимый, про-
[буди!]

9) В.—Ужъ не вѣкъ мнѣ, ужъ не вѣкъ мнѣ,
Ужъ не вѣкъ у тебя вѣковать.

Въ Г стиха, читаемаго въ В, вовсе нѣтъ, только:
Ужъ не годъ у тебя годовати.

Въ Д за этимъ стихомъ прибавляется еще:

Мнѣ не лѣто у васъ лѣтовати,
Мнѣ не осень у васъ осенневати,

Мнѣ не зиму у васъ зимовати,
Не недѣлю... и проч.

10) Въ Г и Д нѣтъ слова: „мнѣ“.

11) А и В: Да и той мнѣ...

Г.—Да и той...

Кончается въ А пѣсня такъ:

На молитвѣ-ль (3) мнѣ простояти,
Или съ батюшкою (3) думушку думать,
Или съ матушкой (3) крѣпкую думать,
Или съ подружкою (3) рѣчь говорити.

Въ В. послѣ этого стиха:

Мнѣ дѣвичью (3) красу вспомянати,
Молодичью красу проклінати:

Мнѣ дѣвичья краса часовая,
Молодичья краса вѣковая.

Г.—Всёю ночку на молитвѣ простояти.

Въ сундукахъ мнѣ разбирати.

Потомъ окончаніе, какъ въ В, съ прибавленіемъ стиха:

Дѣвичьей мнѣ не пажити.

Д.—На молитвѣ-ли мнѣ простояти,
затѣмъ конецъ, какъ въ А.

д) Звенигородскаго у., д. Вороини́.

316.

Долго, долго соко́лъ не летѣлъ!
Знать, нашъ соко́лъ за горы улетѣлъ!
Погода маленько, соко́лъ на дворъ.
Долго, долго Васи́лій не ѣдетъ,
Долго, долго Григорьевичъ не ѣдетъ.
Знать, нашъ Васи́лій во пирѣ пируетъ,
Знать, нашъ Григорьевичъ во бесѣдѣ сидитъ;
Погода маленько, Васи́лій на дворъ:
Самъ на конѣ, а соко́лъ на рукѣ,
Грива у коня колесомъ завита,
Хвостъ у коня—лютая змѣя.
По-сторонѣ пятьдесятъ человѣкъ,
По другую еще пятьдесятъ:
Ровно тутъ стало сто человѣкъ.
Выбираетъ Васи́лій слугу вѣрнаго себѣ:
„Поди, мой слуга, ко Устинѣ во теремъ,
Поди, мой вѣрный, ко Филиппевнѣ въ вы-
Если она снитъ, не будите еѣ; [сокъ;
Если такъ сидитъ, не пугайте еѣ;
Если плачетъ, уймите еѣ.

317.

Подружки Вѣрушкѣ говаривали,
Кондратьевнѣ красныя наказывали:
„Не ходи ты, Вѣрушка, на улицу гулять!
Не играй ты, Вѣрушка, съ Никитой молод-
цѣмъ!
Проиграешь, Вѣрушка, кунью шубу и себя!“
— Подружки, голубушки, что вамъ за нужда?
Эту проиграю, такъ двѣ наживу!—
Вѣрушкѣ подруженьки говаривали,
Кондратьевнѣ красныя наказывали:
„Не ходи, Вѣрушка, въ чисто поле гулять!
Не играй, Вѣрушка, съ Никитой молодцѣмъ!
Проиграешь, Вѣрушка, русую косу свою!“
— Подружки, голубушки, что вамъ за нужда?
Эту проиграю, такъ двѣ наживу!

318.

Поется, когда приѣдутъ отъ вѣнца, и женихъ
съ невѣстой сидятъ за столомъ на пирѣ.

Гдѣ былъ, гдѣ былъ,
Да сизой селезень?
Гдѣ была, гдѣ была,
Сѣра утица?
—Были они, были они
Въ разныхъ озерѣхъ;

Нонче они, нонче они
На одномъ озерѣ,
Зоблятъ песокъ
Съ одного берега.
Гдѣ былъ, гдѣ былъ,
Да Васи́лій господинъ,
Гдѣ былъ, гдѣ былъ,
Да Григорьевичъ?
Гдѣ была, гдѣ была,
Да Ульянушка,
Гдѣ была, гдѣ была,
Да Филатьевна?
—Были они, были они
Въ разныхъ городахъ;
Нонче они, нонче они
За однимъ столомъ:
Пьютъ и ѣдятъ
Съ одного блюда,
Кушаютъ
Съ одной ложечки!

319.

Поется передъ вѣнцомъ, когда женихъ при-
ѣдетъ за невѣстою и поведетъ ее за столъ.

Чѣрныя кудри,
Чѣрныя кудри
За столъ пошли,
Русую косу
Русую косу,
За собой повели;
Чѣрныя кудри,
Чѣрныя кудри
Косу спрашивали:
„Русая коса!
Русая коса!
Али ты не моя?“
— Я не твоя:
Еще батюшкина,
Еще батюшкина,
Еще матушкина!

320.

А когда приѣдутъ отъ вѣнца, тогда поется:

Чѣрныя кудри,
Чѣрныя кудри
За столъ пошли,
Русую косу,
Русую косу

За собой повели;
Чёрныя кудри,
Чёрныя кудри
Косу спрашивали:
„Русая коса!
Русая коса!
Али ты не моя?“
— Чёрныя кудри,
Чёрныя кудри!
Я топерь твоя,
Я топерь твоя!
Я не батюшкина,
Я не батюшкина,
Я не матушкина!

321.

По сѣнямъ сѣничкамъ,
По новымъ рѣшетчатымъ
Ходилъ, гулялъ молодець,
Добрый молодець Борисъ Осинычъ.
Онъ чѣлъ и перечѣлъ
Всѣ звѣзды на небѣ;
Одной не дѣчелся
Звѣзды восточныя:
Знать, эта звѣздочка
Да за облако зашла,
За тучу грозную.
По сѣнямъ сѣничкамъ,
По новымъ рѣшетчатымъ
Ходилъ, гулялъ молодець,
Добрый молодець Борисъ Осинычъ.
Онъ чѣлъ и перечѣлъ
Всѣхъ красныхъ дѣвушекъ;
Одной не дѣчелся
Красной дѣвушки,
Акулины Ивановны:
Знать, эта дѣвица
Да ко завтрени пошла
Богу помолитися:
„Создай мнѣ, Господи,
Жениха хорошаго,
Свекра, что батюшку,
Свекровь, что матушку!“

322.

Не тѣсанъ терѣмъ, не тѣсанъ,
Только хорошо терѣмъ изукрашенъ,
Алыми цвѣтами расцвѣченъ.
Не учѣнъ Евдокимъ, не учѣнъ,
Только хорошо снаряженъ.
Отпущала его мать къ тестю въ домъ;
Чтобы его тестъ полюбилъ,
Большими дарами подарилъ,

Большими дарами, конями:
„Мнѣ эти дары—не въ дары!
Мнѣ эти дары не милы!
Эта мнѣ любовь—не въ любовь!“
Не тѣсанъ терѣмъ, не тѣсанъ;
Не учѣнъ Никита, не учѣнъ,
Только хорошо снаряженъ.
Снаряжала его матушка,
Отпущала его къ тѣщѣ въ домъ,
Чтобы его тещенька полюбила,
Большими дарами дарила:
Большими дарами—Вѣрою,
Большими дарами—Кондратьевою:
„Эти мнѣ дары—всѣ въ дары!
Эти мнѣ дары—всѣ милы!
Эта мнѣ любовь—всѣ въ любовь!“

323.

Поется на дѣвичникъ.

Какъ на зорькѣ, на зорѣ
Стоять кони на дворѣ;
Выходила Акулина
На новое крыльцѣ,
Брала коней за поводъ,
Вела коней во стойла,
Отошедши кланялася:
„Пейте, вы кушайте, кони мои,
Завтре по ўтру свезите меня
Далѣ, подаль отъ батюшки,
Ближе, поближе къ свѣкру въ домъ.“

324.

Охъ, сборы, сборы Вѣрины!
Охъ, сборы, сборы Кондратьевнины!
Сбирала Вѣра подругъ во терѣмъ,
Сажала Вѣра подругъ всѣхъ за столъ,
Сама садилась выше всѣхъ,
Клонила голову ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ: [жить?
„Ужъ какъ же мнѣ быть, въ чужихъ людяхъ
Ужъ какъ же мнѣ назвать свѣкра батюшкой,
А свекровушку матушкой?
Спѣси-гордости убавлю,
Уму-разуму прибавлю,
Назову свекра батюшкой,
А свекровушку матушкой.“

325.

Въ ѳтласѣ Вѣрушка всѣ лѣса прошла,
Крыла лѣса, укрывала лѣса алымъ бархатомъ,
Покатила, покатила золотымъ кольцомъ,

Прикатила, прикатила ко сяню морю:
„Кто тутъ сидитъ, ино кто тутъ сидитъ пе-
ревощикомъ?
Перевѣзъ бы меня молодѣ на тоѣ сторону,
Къ родимому батюшкѣ, къ сударынѣ ма-
тушкѣ.“

326.

По саду Вѣрушка расхаживала,
По саду Кондратьевна разгуливала,
Разные подсолнечники расаживала
Супротивъ бѣла шатра да Никитина.
Вышелъ тутъ, выходилъ Никита господинъ,
Вышелъ тутъ, выходилъ Ефимовичъ:
„Душечка Вѣрочка, подь ко мнѣ во шатеръ,
Сердце мое, Кондратьевна, подь ко мнѣ во
бѣлой“.
—Я неиду, не хочу я къ тебѣ въ шатѣръ,
Я неиду, не хочу я къ тебѣ во бѣлой.
Слышала я, Никита господинъ,
Слышала я, свѣтъ Ефимовичъ,
Слышала я: твой отецъ грозѣнъ.—
„Душечка Вѣрочка, будь сама добра,
Сердце мое, Кондратьевна, будь сама добра!
Сердце неси, сердце неси покорное,
Буйную голову поклонную“.

327.

Вы цвѣты ли, мои цвѣтики ¹⁾,
Голубы цвѣты, лазоревы ²⁾,
Лазоревы, васильковы!
Много васъ было насѣяно ³⁾,
Да немного уродилося.
Вы души ли, красны дѣвицы,
Вы подружки голубушки! ⁴⁾
Много васъ было во теремѣ,
Да немножко остовалося.
У насъ не было измѣнницы ⁵⁾:
Проявилася измѣнница,
Измѣнница красна дѣвица ⁶⁾,
Красна дѣвица Вѣра Кондратьевна ⁷⁾:
Что сказала: „Я замужъ неиду,
Я замужъ неиду, не подумаю ⁸⁾!“
Что сказала: „Въ монастырь пойду ⁹⁾,
А васъ, дѣвушекъ, съ собой возьму ¹⁰⁾:
Я которую во ключницы,
Которую во ларечницы ¹¹⁾:
А сама пойду въ игуменьи!“
Ужъ какъ нонѣче Вѣра Кондратьевна
Пдѣтъ замужъ и думаетъ ¹²⁾,
Не за князя, не за барина,
За того сына крестьянскаго,
За Микиту за Ефимыча ¹³⁾!

Варьянты изъ А) Вавил. пѣс. и В) Рѣш. пѣс.

- 1) А. вм. „цвѣтики“—„цвѣточки“.
В. вмѣсто первыхъ пяти стиховъ только три:
Какъ у насъ во садикѣ
Было много цвѣтковъ посѣяно,
А немного уродилося.
- 2) А. вм. „лазоревы“—„лазоревые“. Третьяго стиха нѣтъ.
- 3) А. вм. „насѣяно“—„посѣяно“.
- 4) А. этого стиха нѣтъ; въ слѣдующемъ вм. „васъ было“—„было васъ“
В. вмѣсто „Вы души... оставалоса“:
Какъ у насъ ли во теремѣ
Много было красныхъ дѣвушекъ,
А теперь немного оставалоса.
- 5) А. — У насъ не было измѣнницы.
В. — Какъ не было у насъ измѣнницы.
У насъ не было прелестницы.
Слово „прелестница“ здѣсь удержало свой перво-
бытный смыслъ, т. е. обольстительница, обманщица.
- 6) А. — Проявилася прелестница. Въ В. — этого стиха нѣтъ.
- 7) А. — Свѣтъ Ѳекла Евсигѣвна.
Съ этихъ поръ В. не сходенъ съ печатнымъ и А; а кончается такъ:
Ты на что, душа, прельстилася?
На орѣшки ль, на прянички ль,
Или на слова ласковыя?
Ты хотѣла въ монастырь ийти,
А насъ, красныхъ дѣвушекъ,
Ты хотѣла насъ съ собою взять:
Которую во ключницы,
Которую въ ларечницы,
Которую въ казначей,
А сама во игуменьи.
- 8) Въ А. этого стиха нѣтъ.
- 9) Въ А. далѣе стихъ: Во дѣвичій, во игуменьи.
За то ниже онъ уже не поется.
- 10) Въ А. послѣ этого стиха добавляется:
А васъ, красныхъ, съ собой возьму!
- 11) А. — Я которую.. Послѣ этого стиха прибавляется еще:
Любимую свою подружку въ келейницы.
- 12) Вм. этихъ двухъ стиховъ въ А:
Ужъ какъ нонѣче замужъ пошла.
- 13) Конечъ въ А:
На кого душа, прельстилася?
Молодца-ль себѣ добилася?
Его-ль росту великаго?
Что его-ли лица бѣлаго?
На его-ль лицо румяное?
Какъ прелестилася Ѳеклушка,
Что прелестилася Евсигѣвна
На орѣшки, на яблочки,
На сахарны сладки прянички.

328.

Середь было горницы, на скамѣхъ
Сидился Никита съ Вѣрою,
Сидился Ефимычъ съ Кондратьевною.
Съ правой руки перстень-отъ спадываетъ,
Никита у Вѣры спрашиваетъ:
„Скажи, скажи, Вѣрушка, кто изъ роду милъ?“
— Милъ то мнѣ; милехонекъ батюшко род-
„Вѣра моя, да неправда твоя! [ной!—

Неправду ты баешь, не рѣчь говоришь,
Мое молодецкое сердце гнѣвишь!“
Середь было горницы, на скамѣхъ
Садился Никита съ Вѣрою,
Садился Ефимычъ съ Кондратьевою.
Съ правой руки перстень-отъ снадывается,
Никита у Вѣры спрашиваетъ:
„Скажи, скажи, Вѣра, кто ѣзъ роду милъ?“
— Мила то мнѣ, милешенька матушка род-
„Вѣра моя, неправда твоя! [на.—
Неправду ты баешь, не рѣчь говоришь,
Мое молодецкое сердце гнѣвишь!“
Середь было горницы, на скамѣхъ
Садился Никита съ Вѣрою,
Садился Ефимычъ съ Кондратьевою.
Съ правой руки перстень-отъ снадывается,
Никита у Вѣры спрашиваетъ:
„Скажи, скажи, Вѣрушка, кто ѣзъ роду милъ?“
Милъ то мнѣ, милешенекъ миленькій
„Вѣра моя, правда твоя! [дружекъ!—
Правду ты баешь, рѣчь говоришь,
Мое молодецкое сердце веселишь!“

329.

Олѣнушка, кованая косынька!
Хотятъ косу расковать,
Свѣкрова коня подковать;
Свѣкровъ конь не рѣзовъ,
Олѣнушку не везетъ
Оленушка и пр.
Свекровнина коня подковать.
Свекровнинъ конь не рѣзовъ,
Оленушку не везетъ.
Оленушка и пр.
Пѣтрина коня подковать.
Пѣтринъ конь рѣзовъ,
Оленушку увезетъ.

330.

Поется, когда женихъ ѣдетъ за невестою, и
ея подружки завидятъ его въ окно.

Матушка!
Да что въ полѣ пыльно?
Сударыня моя!
Да что въ полѣ пыльно?
„Дитятко мое!
Добры кони взыгрались!
Милое мое!
Добры кони взыгрались!“
Матушка моя!
Да что въ полѣ пыльно?
Сударыня моя!

Да что въ полѣ пыльно?
„Дитятко мое!
Да бояры ѣдутъ!
Милое мое!
Да бояры ѣдутъ!“
Матушка моя!
На широку улицу ѣдутъ!
Сударыня моя!
На широку улицу ѣдутъ!
„Дитятко мое!
Не бось, не пугайся!
Милое мое!
Не бось, не выдамъ!“
Матушка!
На широкій дворъ взошли!
Сударыня моя!
На широкій дворъ взошли!
„Дитятко мое!
Не бось, не пугайся!
Милое мое!
Не бось не выдамъ!“
Матушка!
Въ нову горницу взошли!
Сударыня моя!
Въ нову горницу взошли!
„Дитятко мое!
Не бось, не пугайся
Милое мое!
Не бось, не выдамъ!“
Матушка!
За праву руку берутъ!
Сударыня!
За праву руку берутъ!
„Дитятко!
Да Богъ съ тобою!
Милое мое!
Да Богъ съ тобою!“

331.

Ужъ и ѹ броду, броду,
У мелка перевозу
Стоитъ нова коляска,
Шестерней запряжена ¹⁾.
Ужъ какъ всѣ кони убраны,
Всѣ убраны, подъ коврами,
Подъ коврами, подкованы;
Какъ одинъ конь не убранъ,
Не убранъ, не снаряженъ,
Не подъ ковромъ, не подкованъ ²⁾.
Всѣ коня не любятъ
Всѣ его ненавидятъ.
Какъ Никита коня любитъ,
По бедрамъ коня гладитъ ³⁾:

„Охъ ты, конь, добра лошадь!
Сослужи ты мнѣ службу:
Ты съѣзди по гордѣну¹⁾,
По гордѣну по Вѣру!“
Ужъ гордѣна гордлива,
Ужъ гордѣна ломлива:
Во коляскѣ сѣсть, не сидеть;
Въ пологу лечь, не ляжетъ:
На коляскѣ ѣхать—тряско!
Въ пологу лечь—мѣшно!
Въ теремѣ-то ей—душно!²⁾
„А на мухъ-то—махальце!
На гордѣну-то—плетку!“³⁾

Варьянты изъ *Росс. пѣс.*

1) Въмѣсто первыхъ четырехъ стиховъ:

У броду, броду
Тутъ стояли все кони,
Все кони вороные,
Чепраки на нихъ золотые.

2) Слѣдующихъ далѣе шести стиховъ нѣтъ.

3) Въмѣсто слѣдующихъ четырехъ стиховъ:

Никто коней не любить,
По бедрамъ коней не треплеть.
Какъ Никита коней любить,
Свѣтъ Андреевичъ любить,
По бедрамъ коней треплеть.

4) Ой вы, кони, вы кони!

Ой вы, кони вороные!
Сослужите мнѣ службу:
Привезите гордену!

5) Въмѣсто: „Ужъ гордѣна гордлива... душно“, читается:

Какъ гордена спѣсива,
Какъ гордена ломлива:
Она пѣша не ходитъ,
Она все бы въ каретѣ;
Все бы кони вѣрные,
Чепраки золотые,
Лакен молодые.
Она въ теремѣ не сидеть,
Въ пологу спать не ляжетъ:
Въ теремѣ-то—мѣшно,
Въ нолугу-то спать душно!

6) Въмѣсто послѣднихъ двухъ стиховъ:

Что возговорить Никита господинъ,
Никита сударь Андреевичъ:
„Какъ на соръ то—вѣпникъ,
На комары—махалы,
На горденушку плетка,
Плетка шелковая.“
Плетка-то свиснеть,
А горденушка взвизгнеть:
—Государь, виновата!—
Плетка-то маркнеть,
А горденушка гаркнеть:
— Государь, право, не стану!

332.

„Вы, подруженьки, голубушки мои,
Заплетите мнѣ русую косу

Во корню-то мнѣ мелко на мелко;
Посередь моей русой косы
Вплетите гайтанъ шелковый;
По конецъ-то моей русой косы
Вы вяжите ленту алую;
Вы запрягите золотымъ замкомъ:
И вы бросьте мои золоты ключи
Во матушку во быстрѣ рѣку.“
Никита былъ рыболовничкомъ
Ефимычъ былъ рыболовничкомъ:
Онъ закинулъ неводъ шелковый,
Онъ отъ краю да до краю:
Онъ пымалъ эти золоты ключи.
Признавалъ онъ эти золоты ключи:
— Не отъ Вѣриной ли русой косы?—
„Отпирѣть мою русую косу,
А меня за себя возьмѣть!“

333.

Ужъ какъ по саду, по садику,
По зелѣну виноградику,
Что ходилъ, гулялъ молодецъ,
Добрый молодецъ Борисъ-отъ свѣтъ,
Что Борисъ-отъ свѣтъ Ларионовичъ;
Онъ чесалъ свои русы кудри,
Чесалъ кудри приговаривалъ:
„Прилегайте, мои кудри русыя,
Ко момѣ-ли лицу блѣлому,
Ко момѣ лицу румяному;
Привыкай, душа Маланьюшка,
Привыкай, душа Никитинна,
Ко момѣ-ли уму-разуму,
Что къ обычью молодецкому,
Что ко праву княжеческому!“
— Ужъ и мнѣ-ли, красной дѣвицѣ,
Привыкать мнѣ не хотѣлося
Ко твомѣ-ли къ уму-разуму,
Что къ обычью молодецкому,
За досаду показалось,
За досаду за великую.

334.

„Вы подруженьки, голубушки!
Вы чешите буйну голову,
Заплетите косы русыя,
Вплетайте гайтаны шелковые,
Ввяжите ленту алыя!
Выходите гулять на улицу,
И вы взойте крутѣ гору,
Чтобы мѣму разлучничку
Не взойти бы, не взѣхати,
Ни коня бы за собой взвести,
Ни меня бы за себя взяти!“

— Не печалься, Вѣрушка,
Не печалься, Кондратьевна!
И я самъ взойду на гору,
И коня за собой взведу,
И тебя за себя возьму!—
„Вы подружки, голубушки!
Запирайте воротечки
Вы запорами желѣзными!
Моему то разлучничку
Не отпереть, не подумати,
Ни меня за себя взяти!“
— Не печалься, Вѣрушка,
Не печалься, Кондратьевна!
Привезу я съ собой слесаря,
Отопру твои воротечки,
И тебя за себя возьму.

335.

Не долго вѣнчочку на стопочкѣ висѣть, —
Не долго Олѣнушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
Не долго Егоровѣ въ красныхъ сидѣть,
Не долго Егоровѣ русую косу плести:
„Коса-ль моя, косынька, русая коса,
Русая коса, дѣвичья краса!
Не годъ ужъ я косыньку чѣсывала,
Не два года русую плѣтывала.
Вставанье мое было раннее,
Чесанье мое было гладкое,
Плетенье мое было мелкое.
Вечеръ тебя, косыньку, дѣвушки плели,
Вечеръ тебя, косыньку, красныя плели,
Плели, плели косыньку, переплели,
И золотомъ русую перевили,
Жемчугомъ косыньку унизали.
Богъ суди Бориса Осинича:
Прислалъ ко мнѣ свашеньку немилосливу,
Немилосливу, нежалостливу.
Взяла мою косыньку рвать, порывать,
Золото изъ косыньки повыдергала,
И жемчугъ изъ косыньки повысыпала.“

336.

Что и Вѣра Никиту
Ой ряди, ряди!¹⁾
Со крыльца провожала
Ой, ряди, ряди!²⁾
Да ему наказала:
Ой ряди, ряди!
„Поѣзжай, сударь, въ субботу³⁾,
Ой ряди, ряди!
Привези мнѣ шкатунку⁴⁾,
Ой ряди, ряди!
Во шкатункѣ бѣлизнецъ,
Ой ряди, ряди!

Ты бѣлизнецъ, румянцевъ;
Ой ряди, ряди!
Мнѣ бѣлизъ порошковыхъ,
Ой ряди, ряди!
А румянъ то горшковыхъ;
Ой ряди, ряди!
Пятьдесятъ аршинъ лентовъ
Ой ряди, ряди!
Ты мнѣ алыхъ, тафтяныхъ,
Ой ряди, ряди!
Голубыхъ разноцвѣтныхъ:
Ой ряди, ряди!
Мнѣ дѣвушекъ дарити,
Ой ряди, ряди!
А молодушекъ бѣлити.“
Ой ряди, ряди!

Варианты изъ А) Глаз. пѣс. и В) Вес. Эр.

1) Этого припѣва нѣтъ въ обоихъ вариантахъ.

2) Послѣ этого стиха въ А):

Алексѣевна Петровича
Съ краснаго провожала
Да ему наказала.

Тоже В: Алексѣевна съ высокаго провожала
И сама приказала.

3) А. — Приѣзжай на дѣвичникъ,
На дѣвичей, сударь, вечеръ.

В. — Ты приѣдешь на сговоры.

4) А. — Привези, сударь, шкатунку.

В. — Привези, сударь, шкатунку.

Затѣмъ въ А и В слѣдуютъ стихи, не сходные съ печатаемымъ, а сложенные уже въ новѣйшее время, когда начали проникать между крестьянами лакейскіе нравы и лакейскій вкусъ:

А. — Что въ той ли во шкатункѣ

Мнѣ написана разлука:
Шестьдесятъ рублей тутъ денегъ,
Шестьдесятъ аршинъ лентъ разныхъ,
Голубыхъ атласныхъ.
Пунцовыхъ-дворцовыхъ,
Простыхъ-тафтяныхъ,
Французскій чепчикъ,
Тупейна гребенка,
Бѣлы лайковы перчатки,
Парчевые черсивки
И серебряныя пряжки.

В. — Какъ во той ли во шкатулкѣ

Деликатное убранство:
Полтора аршинъ лентовъ
Всякаго разнаго цвѣта:
Розовыхъ, алыхъ,
Голубыхъ, васильковыхъ,
Померанцевыхъ, желтыхъ,
Фиолетовыхъ, темныхъ,
Пурпуровыхъ, зеленыхъ;
Мнѣ серебряныхъ лентовъ
На груди убрать бантомъ;
И мнѣ зеркальце стѣнное,
Гребень, сударь, рѣзной;
Мнѣ вѣтеръ рѣзной, сударь,
Двое шелковыхъ чулокъ,
Черевички серебряныя,
Перчаточки шелковыя,
Мнѣ корицы-гвоздицы,
Мнѣ мятнаго масла,

Мнѣ гвоздичнаго масла
Мнѣ двѣнадцать горшечковъ,
Порошковыхъ румяновъ,
Порошку сто бумажекъ;
Пятьдесятъ рублей денегъ:
Мнѣ дарить красныхъ дѣвушекъ.

337.

Охъ, ты ларчикъ мой, ларчикъ!
Ой ряди, ряди!
Окованный ларъ, приданный!
Ой ряди, ряди!
Я не въ годъ тебя накопила,
Я не два сподобляла.
Какъ пришла воля Божія,
И я въ часть раздала:
И я свекру порточки,
А свекрови сорочку,
Деверьямъ по платочку,
А золовкѣ голубкѣ
Изъ русой косы ленту.
Ты красуйся, золовка,
Ты красуйся, голубка,
Въ моей въ алой во лентѣ.
Тебѣ не годъ годовати,
Тебѣ не два красоватись,
Одну недѣлку гостити.

338.

Поётся въ дѣвичникъ, наканунѣ свадьбы,
когда моютъ невѣсту въ банѣ.

Растопися, мыленка!
Разгорися, каменка!
Ты расплячься, Олёнушка,
Ты расплячься, Ивановна,
Передъ роднымъ своимъ дѣдушкой*):
„Ты, дѣдушка родимый мой,
Ты на что пиво варишь?
Ты на что зелено вино куришь?“
— Я твоихъ гостей поить
Я твоихъ полюбованныхъ!—
Растопися, мыленка,
Разгорися, каменка,
Ты разсыпься, крупнѣнъ жемчугъ,
Ты по плису, по бархату,
По столу по дубовому.
Ты расплячься, Олёнушка,
Ты расплячься, Ивановна,
Передъ родной своей матушкой:
„Ты, родимая моя матушка,
Ты на что пироги творишь?“
— Ты дитя-ль, моё дитятко!

Для гостей—твоихъ подруженекъ,
Для подруженекъ голубушекъ!

*) Въ отрывкѣ, доставленномъ мнѣ отъ А. С. Пушкина, вмѣсто первыхъ 4-хъ стиховъ поется слѣдующее:

Затопися, баненка,
Раскалися, каменка!
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонущкѣ,
По родимой матушкѣ,
По родимому батюшкѣ.

Затѣмъ окончанія недостаетъ. Прим. К—ого.
Ср. выше, № 150.—Ред.

339

Пустая хоромина,
Всѣ углы развалилися,
По бревну раскатилися!
На нечищѣ котище лежитъ,
А по-полу гусыня,
А по лавочкамъ ласточки,
По окошечкамъ голуби.
Какъ пустая хоромина,
Всѣ углы развалилися,
По бревну раскатилися!
На нечищѣ котище лежитъ,
То—лютой свѣкоръ батюшко,
А по-полу гусыня,
То—лютая свекровь матушка;
А по лавочкамъ ласточки,
То—золовки голубушки;
По окошечкамъ голуби—
Деверья ясны соколы.

340.

Раскачалася грушица
Передъ яблонькой стоючи;
Расплакалася Устиньюшка
Передъ родимымъ батюшкой:
„Ты родимый мой батюшка!
Ты зачѣмъ хочешь пиво варить?
Ты къ чему хощь зеленое вино курить?
Али хочешь ты сына женить?
Али хочешь ты дочь отдавать?
Ты къ чему, родимый батюшка,
На свою дочь прогнѣвался?“

341.

Вѣ садѣ лебедушка кликала,
Въ теремѣ Олёнушка плакала,
Въ высокѣмъ Ивановна рыдала¹⁾,
Жалобу говорила на дѣдушку²⁾:
„Безъ суда, родимый дѣдушка³⁾“

Молоду въ чужи люди отдасть⁴⁾.
Останется зелёный садъ безъ меня⁵⁾,
Безъ меня безъ красной безъ дѣвицы
Во садѣ-та всѣ цвѣтики заблѣкнуть⁶⁾:
Аленькій мой бѣленькій цвѣточекъ⁷⁾,
Желтый лазоревый василёчекъ⁸⁾.
Встань, вставай, мой дѣдушка, раненько⁹⁾,
Встань, вставай, родимый мой, раненько¹⁰⁾,
Поливай всѣ цвѣтики частенько,
Поливай лазоревы частенько¹⁰⁾
Утренней и вечернею росой¹¹⁾,
Свѣжею ключевою водою,
Сверхъ того горячими слезами.
А не будешь поливать,
Будетъ сердце занывать¹³⁾.

342.

Какъ у Вѣры на дѣвичникѣ
У Кондратьевны на красномъ,

Варьянты изъ А) Вес. Эр. и В) Гурьян. пѣс.

1) А. и В.—Во полѣ лебѣдушка кликала,
Въ терему (В.—теремѣ) Ол. плакала.

Третьяго стиха въ варьянтахъ нѣтъ.

2) А.—Жалобно своему батюшкѣ говорила.

Въ В. этого стиха совсѣмъ нѣтъ. Если у не-
вѣсты нѣтъ отца, то поется „дѣдушкѣ“. Вообще
поминается глава дома.

3) „Безъ суда“—значить: „не разсудя“, „не обду-
мавши“.

А. и В.—Богъ судить родимаго батюшку.

4) А.—Что молодцу... и проч.; В. вм. „отдастъ“—
„отдають“.

5) А.—вм. „садъ“—„садикъ“; В. вм. „Останется“—
„Остается“. Слѣдующаго стиха въ варьянтахъ
нѣтъ совсѣмъ.

6) А.—Всѣ цвѣтки завянуть во саду.

В.—стиха совсѣмъ нѣтъ.

Вмѣсто „цвѣты“ въ Новгородской сторонѣ, во
многихъ мѣстахъ Калужской губ. и даже подъ са-
мой Москвой народъ произноситъ: „свѣты“. Это
произношеніе правильнѣе, нежели принятое въ
языкѣ образованныхъ, потому что оно ясно пока-
зываетъ единство словъ: „цвѣтъ“ и „свѣтъ“. Въ
Могилевской губ. называютъ цвѣты—„красками“.—
Прим. К-аго.

7) В. —вм. „цвѣточекъ“—„цвѣтокъ“.

8) А.—Лазуревый, голубенькій василечекъ.

В.—Голубой, лазоревый василёкъ.

Накажу своему батюшкѣ родному.

9) А.—Вставай же ты, батюшка мой, раненько.

В.—Вставай, мой батюшко, раненько.

10) Этихъ стиховъ въ варьянтахъ нѣтъ.

11) А.—Утренней, вечерней зарею.

В.—Утренней и вечернею зарёю.

Затѣмъ В. кончается такъ: Сверхъ того горячею
слезою. А. кончается:

И ключевою холодною водою

И горячими слезами.

12) Мѣра показываетъ, что эти два стиха взяты изъ
другой пѣсни, тѣмъ болѣе, что ихъ нѣтъ ни въ од-
номъ изъ прочихъ варьянтовъ.

При дѣвичьемъ было вечерѣ,
Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ.
Онъ садился на окошечко,
На серебряну прпчелинку:
„И ты, Вѣрушка, открой окно,
Ты, Кондратьевна, пусти сокола.“
— Мое сердце не воротится,
Животъ кровью обливается.
У батюшки гости сидятъ,
А у матушки гостыньки,
У меня молодой подруженьки.
[Въ подруженьки, голубушки мои,
Заплетите мнѣ русую косу,
Во корню то мнѣ мелко на мелко,
Посередь моей русой косы
Вплетите гайтанъ шелковый,
По конецъ-то моей русой косы
Вы ввяжите ленту алую,
Вы запряте золотымъ замкомъ,
И вы бросьте мои золоты ключи
Во матушку во быстру въ рѣку.
Никита былъ рыболовничкомъ,
Ефимычъ былъ рыболовничкомъ:
Онъ закинулъ неводъ шелковый,
Онъ отъ краю да до краю;
Онъ пымалъ эти золоты ключи;
Признавалъ онъ эти золоты ключи:
Не отъ Вѣриной ли русской косы?
Отопрѣтъ мою русую косу,
А меня за себя возьметъ.] *)

*) Отдѣльная пѣсня?—*И. В. Кир.* Взятое въ
скобки зачеркнуто. Ср. выше, № 332.—*Ред.*

343.

Передъ вѣнцомъ, когда за невѣстой нриѣдутъ,
величаютъ дружку.

Друженько хорошенькій,
Друженько пригоженькій!
Коли хочешь въ рай,
Передайся къ намъ!
Друженько хорошенькій,
Друженько пригоженькій!
Какъ у насъ про тебя
Стоитъ скляница вина!
Друженько хорошенькій,
Друженько пригоженькій!
Стоитъ скляница вина,
Ещё пива ендовъ,
И баранина нога,
И свиная голова,
И кушинея молока,
И горшокъ киселя.

Что на дружкѣ-то кафтанъ
Кармазинаго сукна;
Что на дружкѣ то рубашка
Тонка, бѣла полотна;
Какъ на дружкѣ то штаны
Послѣ дѣда сатаны;
Какъ на дружкѣ то чулки
Бѣлы шелковые;
Что на дружкѣ сапоги
На (?) козловенькіе,
Чортъ по мѣсяцу таскалъ.

344.

Какъ у чарочки, у серебряной,
Золотой вѣнчикъ, 2.
У Никиты-то у Ефимыча
Дорогой обычай: 2.
Гдѣ ни пьеть, гдѣ ѣсть,
Гдѣ ни кушаетъ сударь,
Ночевать домой ходить. 2.
— И ты Вѣрушка, ты Кондратьевна,
Выдѣ, встрѣть за ворота. 2.
„Недосугъ мнѣ, сударь, выдѣтить: 2.
Я сына качаю, 2.
Перемѣны себѣ чаю, 2.
Перемѣны себѣ чаю—2.
Сноху молодую.“ 2.
Какъ у чарочки у серебряной, и проч.
„И я рада бы, сударь, вышла:
Я дочку качаю, 2.
И я дочку качаю, 2.
Перепутѣя себѣ чаю, 2.
Перепутѣя себѣ чаю—зятя молодѣго.“ 2.

345.

Поется сиротамъ.

Были бы у Волги крутые берега,
Не такъ бы ты, Волга, разливалась;
Кабы былъ у Полагеюшки батюшка родной,
Была бы у Ефимьевны матушка родная,
Не такъ бы ей сердце надрывалось.

346.

Ты рѣка-ль, моя рѣченька,
Ты рѣка-ль моя быстрая!
Течешь, рѣчка, не колыхнешься,
Изъ береговъ вонъ не выльнешься.
Сидятъ наша умная дѣвица
Да Устинья Филиппевна,
Сидитъ она—не улыбнется,
Говорить рѣчь—не усмѣхнется:

„Вы подруженьки голубушки!
Да чему же мнѣ смѣяться,
Чему же мнѣ радоваться?
Вона ѣдетъ разоритель мой,
Вона ѣдетъ погубитель мой,
Вона ѣдетъ раслети-коса,
Вона ѣдетъ потеряй-крѣсу“.
Какъ возговоритъ Васильюшка,
Какъ возговоритъ Григорьевичъ:
„Что не я то разоритель твой,
Что не я то погубитель твой:
Разоритель-атъ—твой батюшка,
Погубительница—матушка,
Раслети-коса—свашенька,
Потеряй-крѣсу—друженько“.

347.

Много, много у сыра дуба вѣтвей,
Много вѣтвей, повѣтвей,
Много листву зелѣнаго,
Только нѣтъ у сыра дуба,
Нѣтъ золотой макушечки,
Позолоченой верхушечки.
Много, много у Полагеи родни,
Много роду и племени,
Только нѣту у Полагеюшки,
Нѣтъ родимаго батюшки
И сударыни матушки.
Ты родимый мой братецъ, батюшка!
Ты ложись ввечеру поздно,
Ты вставай поутру рано,
Ты пойдѣ къ ранней заутрени,
Ты ударь трожди въ колоколь,
Ты пусти звонъ по сырой землѣ,
Разбуди мово батюшку
И сударыню матушку.
Мнѣ топеря ихъ надобно,
Мнѣ ко этому случаю,
Благоволенью великому.

348.

По меду, мѣду по пѣточному
Плавала чара серебряная;
Никто за чару не примется;
Взялся, принялся Василій господинъ,
Взялся, принялся Григорьевичъ,
Подносилъ чару Устиньюшкѣ,
Подносилъ чару Филиппевнѣ:
„Выпей ты, выкушай, Устиньюшка,
Выпей ты, выкушай, Филиппевна!“
— Право мнѣ, сударь, не хочется,
Не хочется, худо можетъ:
Нынѣшнюю ночку, свѣтъ Василій господинъ,

Нынѣшнюю ночку, Григорьевичъ,
Мало спалось, много видѣлось:
Будто у насъ на широкомъ дворѣ
Выросла травушка шёлковая,
Разцвѣли цвѣтики розовые,
Ходить навлинѣ да со павушкою.—
„Ты послушай, Устиньюшка,
Ты послушай, Филиньевна!
Я тебѣ этотъ сонъ разсужу,
Сонъ разсужу, по словамъ разскажу:
Шелкова травушка—люди у насъ,
Розовы цвѣтики—дѣти при насъ,
Сизый навлинѣ да то—я господинѣ,
Сизая павушка—ты у меня“.

349.

Ходила Вѣрушка по двору,
Ходила Кондратьевна по широкому;
Кунья на ней шуба до земли,
А Божья на ней милость до вѣку.
Что люди-то скажутъ: чья это така?
Микита свѣтъ молвитъ: моя госпожа,
Ефимычъ свѣтъ молвитъ: моя госпожа,
Съ этой госпожею мнѣ вѣкъ вѣковать.

350.

Ужъ наши-то дѣвки,
Ужъ наши-то красны
Догадливы были,
Совѣтъ совивали,
Колодезь копали,
Тутъ грушу сажали,
Зелену поливали.
Андреянъ Андреянычъ
Выспрашиваетъ:
„Ужъ что жё ты у насъ, груша,
Ужъ что зелена?“
— Марьюшка—груша,
Платоновна зеленѣ;
Въ сѣни то вступила,
Сѣни обломила;
Въ терѣмъ то вступила,
Терѣмъ пошатила,
Теремъ пошатила,
Бояръ разбудила.
Бояры вставали,
Шляпы надѣвали,
Вонь изъ терему бѣжали.

351.

На морѣ утушка купалася,
На синемъ сѣрая полоскалась, ¹⁾

Вышедши на крутой бережѣкъ, встрепену-
лася. ²⁾
Встрепенувшись, утушка сама вскрикнула: ³⁾
„Какъ-то мнѣ съ моречкомъ разстатися бу-
детъ? ⁴⁾
Какъ-то мнѣ со крутыхъ бережковъ припод-
няться? ⁵⁾
Придутъ-то, придуть морозы студёные, ⁶⁾
Выпадутъ порошницы, снѣгъ бѣлые; ⁷⁾
Въ тѣ поры я съ моречкомъ разстануся,
Въ тѣ—поры съ крутыхъ бережковъ припо-
дмуся. ⁸⁾

Въ теремѣ Вѣрушка умывалася,
Въ высокомъ Кондратьевна умывалася, ⁹⁾
Бѣлыми бѣлилами набѣлилася,
Алыми румянами нарумянилася,
Чѣрными сурмилами брови сурмила.
Бѣлая бѣлила изъ Бѣла города,
Алая румяны изъ каменной Москвы,
Чѣрные сурмилы изъ Черна города.
Снарядившись, Вѣрушка сама всплакнула: ¹⁰⁾
„Какъ-то мнѣ съ батюшкой разстатися?
Какъ-то мнѣ изъ высока терема приподня-
тися?
Приѣдетъ Микита господинѣ со всѣмъ поѣз-
домъ,

Приѣдетъ Ефимычъ со всѣмъ поѣздомъ,
Привезётъ онъ свашеньку ломливую,
Привезётъ онъ друженьку чадливаго;
Въ тѣ поры я съ батюшкой разстануся,
Въ тѣ поры я изъ высока терема приподы-
муся.“

Пѣсни 317—351 записаны въ 1833 г., между 5 августа и 13 сентября, одна пѣсня помѣчена 13 октября.

Варьянты: А) Прач. пѣс., В) запись въ Осташковѣ и Г) Веселая Эрата.

1) А.—На морѣ сѣрая полоскалась.

В.—Сѣрая полоскалась.

2) А.—Вышедши на берегъ, встрепенулася.

В.—Откупавшись, утушка встрепенулася.

Г.—Купавшись, утушка встрепенулася,

Купавшись, сѣрая встрепенулася.

3) А.—Встрепенувшись, утушка воскликнула.

В.—этого стиха нѣтъ

Г.—добавляетъ еще стихъ:

Встрепенувшись, сѣрая воскликнула.

4) А.—Какъ то мнѣ съ моремъ разстатися?

В.—Какъ же мнѣ, утукѣ, съ синимъ моремъ
разстатися?

5) А.—Какъ то мнѣ съ крутыхъ береговъ подня-
тися?

В.—...съ крутыхъ береговъ приподняться?

Г.—А, только вм. „съ“—„со“; затѣмъ слѣдуютъ
два стиха:

Не разставшись съ моремъ, разстанешься,
Не поднявшись съ береговъ, поднимешься.
• 6) Передъ этимъ стихомъ въ А еще стихъ:
Придетъ зима холодная.

- В.—Какъ придетъ зима холодная.
Г.—Настанетъ зима студеная.
А.—Придутъ морозы жестокие.
В.—этого стиха вовсе нѣтъ.
Г.—Придутъ морозы крещенскіе.—Стихъ помѣ-
щенъ ниже.
- 7) А.—Выпадутъ снѣги глубокіе.
В.—Нападутъ снѣги бѣлые.
- 8) А.—Нѣ хотя съ моремъ разстанешься,
Нѣ хотя съ крутыхъ береговъ подымешься.
В.—Не разставишься, съ моремъ разстанешься,
Съ крутыхъ береговъ приподымешься.
Г.—вмѣсто обонхъ одинъ стихъ:
И ужъ въ ту пору я съ моря поднимуся.
- 9) Г.—Въ высокомъ Кондратьевна умывалася.
Слѣдующихъ 6 стиховъ въ А и В нѣтъ. Въ Г.—
послѣ первыхъ двухъ стиховъ этой вставки про-
должается такъ:

Черными сурмилами сурмилася,
Въ цвѣтное платице снаряжалася,
Въ хрустальное зеркальце смотрѣлася;
Снарядившись, Вѣрушка за столъ пошла,
Снарядившись, за дубовый пошла.

Упомянутый въ нѣсѣ „Черный городъ“ встав-
ленъ тутъ вѣроятно только для параллели „Бѣ-
лому“.

- 10) А.—Горючими слезами обливалася.
В.—Умывшись, Вѣрушка заплакала.
Г.—За столомъ Вѣрушка заплакала,
За дубовымъ Кондратьевна заплакала.
Съ этихъ поръ въ А читается до конца такъ:
Какъ то мнѣ съ матушкой прощатися?
Какъ то мнѣ съ матушкой прощатися?
Придетъ Никита со всѣмъ поѣздомъ,
Придетъ Ивановичъ со всѣмъ поѣздомъ,
Возьметъ Вѣру душу за правую руку,
Поведетъ Кондратьеву ко суду Божью,
Отъ суда Божья къ себѣ на дворъ.
В.—Какъ же мнѣ съ высокимъ теремомъ раз-
статися?
Какъ же мнѣ съ батюшкой проститися?
Какъ придетъ Микита—князь,
Какъ придетъ Ивановичъ,
Возьметъ меня за правую руку,
Поведетъ къ суду Божью вѣчанью,—
Не разставишься, съ батюшкой разстанешься!
Г.—Какъ то мнѣ съ терема поднятися,
Какъ то мнѣ съ высокока поднятися?
Придетъ сваха со дружкой,
Разлучитъ меня съ отцомъ съ матерью;
И ужъ не разставишься, съ батюшкой разстанешься,
И ужъ не разставишься, съ матушкой разстануся,
Не поднявшись, съ терема поднимуся.

VIII. Тульской губерніи.

а) Бѣлевскаго у., дер. Зиково.

352 (1).

При вечерѣ, вечерѣ,
При ясной лучинѣ,
При Настасьиномъ дѣвишникѣ,
Прилеталъ яемѣнь соколъ,
Приѣзжалъ Данила Микитѣвичъ;
Онъ саждалъ на коницкѣ*),
На серебряну причалинку.
Какъ увидѣла матушка
Съ высока терема:
„Ты дитя ль, мое дитятко,
Ты дитя ль мое милое,
Чадо мое возлюбленное!“

*) окошечкѣ?—Ред.

353 (2).

Много, много в' сыра дуба,
Много вѣтвейъ нанѣтвейъ:
Только нѣтъ в' сыра дуба
Золотой верхушечки.
Ужъ теперь было надобно,
Ко етому времени,
Къ лѣту, къ теплоту.

Много, много в' Настасьюшки,
Много друзейъ и пріятелей,
Много роду-племени:
Только нѣту-ти в' Настасьюшки
Родимова батюшки*).
И теперь было надобно
Къ етому случаю,
Благословенью великому:
Благословить ее некому.
Благословить еѣ чужая матушка,
Благословить еѣ чужой батюшка**).

*) Или: „Родимой матушки“, если нѣтъ у невѣсты
матери; если невѣста—круглая сирота, то поется
тотъ и другой стихъ. *Прим. соб.*

**) Тоже поется, какъ сказано выше. — *Прим. соб.*

354 (3).

Леталъ соколъ по поднебесью,
Подъ межою черною галушку хватантъ.
Просилася черная галушка на волю:
„Пусти меня, яемѣнь соколъ, на волю.“
—Я тогда тебя пушчу, когда крылья оциплю,
А сизыя перушки въ чистое поле пушчу.—
Просилася Настасья у Данилы на улицу:

„Ты пусти меня, Данила, на улицу.“
—Я тогда тебя пушу, когда косу расплету,
И на двое заплету.

355 (4)

За Дономъ, Дономъ
Бѣлая рыба играла,
По бережку перья слала
И сама себѣ дивовалась,
Что хорошо слала.
Настасьинъ батюшка
Ко обѣднѣ выходилъ
И становился онъ на приходѣ,
И глинетъ по народу:
И всѣ дѣвушки у винцахъ,
На мою Настасью бѣлая илма пала,
Бѣлая сниговая
И виговая.

356 (5).

Не разливайся, мой тихой Дунай,
Не пушай ручья въ чистое поле.
Случилось мимо Данилѣ ѣхать,
Стянулъ ланюшку плеточкою;
Какъ взговорить ему бѣлая лань:
„Не стегай миня, Данила, плеточкою,
Е в' кое время я гожусь тебѣ:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
И всѣхъ твоихъ гостей развеселю;
Лучше всѣхъ Настасьюшка.“

357 (6).

У Микитѣ*) за столомъ
Два цвѣточка разцвѣли:
Первый цвѣточекъ алинькой,
А другой цвѣточекъ бѣлинькой.

*) Отецъ молодого.—Прим. соб.

358 (7).

Не мечись, рыба-щука, не мечись,
Хотятъ тебя, рыба-щука, изловить,
На двѣнадцать штукъ разрубить,
На двѣнадцать блювъ становить,
На двѣнадцать столовъ становить.
Догадайся, Данила, догадайся,
Не пушай свою Настасью за ворота.
Зеновскіе ребята воровати:
Хотятъ твою Настасью ноймати,
И хотятъ они еѣ цѣловати
Черезъ три платя парчевыя,

Черезъ три чешцы золотые,
Черезъ низаное ожерелье.
—Догадался, ребятушки, догадался,
Догадался, товарищи, догадался!

359 (8).

Плясальная-самодегта.

По сѣнямъ, по сѣнюшкамъ,
По новымъ да по новенькимъ,
Тамъ ходила, выгуливала
Молодая боярыня
Настасья Семеновна.
На будила, выбуживала
Своего друга милого,
Данилу Микитѣвича:
„Ты устань, проснись, милой другъ,
Пробудись, отеческой сынъ!
Оторвался твой воронъ конь
Отъ тово столба точенаво,
Отъ колечка серебрянаво;
Поломалъ онъ все вишенье,
И калинушку съ малинушкою,
Черную ягоду [со?] смородиною“.
—Не печалься, мой милой другъ,
Данила Микитѣвичъ,*)
Поживемъ, проживемъ мы съ тобой,
Наживемъ, наживемъ мы съ тобой
Мы зеленый садъ,
И калинушку съ малинушкою,
Черну ягоду смородиною.

*) Настасья Семеновна? Ср. № 40. — Ред.

360 (9).

На дубчику
Два голубчика
И цѣлуются,
Милуются,
Сизыми крыльями обнимаются,
Сизымъ перушкомъ утираются.
На ева теремѣ,
На ева высокомъ
Сидитъ Данила
Съ Настасьею;
Цѣлуются, милуются,
Бѣлыми ручками обнимаются,
Шелковымъ платкомъ
Утираются:
„Ана другъ ты мой,
Настасьюшка,
Я не смѣю тебѣ,
Другъ, слово промолвить.
Я хочу ѣхать
Во иной городъ

Торги торговать,
Дѣушекъ закупать.
Я куплю тебѣ
На трехъ дѣушекъ:
Первую дѣушку—
Постелюшку слать,
Другую дѣушку—
За дитей ходить,
А третью дѣушку—
Возголовье класть“.

361 (10).

Травушка, муравушка,
Лазревой цвѣтокъ!
Ахъ, ни топтаная,
Ни толоченая!
Ана хто траву ломалъ,
Кто шелковую топталъ?
Топтали казаки,
Удалые молодцы.
А кто жъ у насъ вичоръ
Пьянъ пьянешенекъ пришелъ?
На ногахъ-то не стоитъ,
Онъ шатается, валиется
По горенкѣ своей,
У Настасьи у ногахъ:
„Ты, Настасьюшка, разуй,
Семеновна, раздѣй.“
— Я бѣ рада тебя разула,
Да забыла, какъ зовутъ;
Пойти-то было къ сосѣду,
Спросить, какъ зовутъ.
Сосѣди-то сказали: Данилой зовутъ,
А другіе сказали: Микитичемъ зовутъ.
Ужъ и ногу-то разула,
Данилой назвала,
А другую-то разула,
Микитичемъ назвала.

362 (11).

Улица-ль моя, улица,
Улица широкая,
Озеро ль мое, озеро,
Озеро глубокое!
По томъ по озеру плавалъ
Лебедь съ лебедкой.
По чему знать лебедя?
По чему лебедушку?
У лебеда золотая голова,
У лебедки позолоченая.
Просилась Настасьюшка
У Данилы на улицу,
На улицу у Данилы:

„Ты пусти меня, Данила, на улицу,
Поиграть на широкую.“
— Настасья Семеновна,
Я тогда тебя пушу,
Когда девять сыновъ родимъ,
Десятую дочку милую.—
Она скажетъ ему:
„Тогда я стара буду,
Я тогда сына женю,
Тогда сноху пушу,
А за снохой дочь милую,
А за дочерью сама пойду, погляжу.“

363 (12).

Мимо мой зеленой садъ
Пролетали чижечки,
Молодые воробушки,
Моего соколика съ собою забавили,
Съ собою закликали.
Молода соколушка,
Молода догадлива,
Упередъ залетала,
Соколика ворочала:
„Воротись, соколикъ мой,
Воротись ясенинкой!
Безъ тебя въ саду
Пусто, не весело:
Всѣ пташки
Пріунымши сидятъ,
Пріунымши, пріугорюнимши.“
Молода Настасьюшка,
Молода, догадлива,
У карету садилась,
Упередъ заѣзжала,
Данилу ворочала:
„Воротись, Данила-свѣтъ,
Воротись, Микитьевичъ;
Безъ тебя у дому пусто,
Безъ тебя не весело:
Всѣ гости пріунымши сидятъ,
Пріунымши, пригорюнимши,
Ни пьютъ, ни кушаютъ
И бояръ ни слушаютъ.
Кабы былъ Данила-свѣтъ,
Кабы былъ Микитьевичъ,
И спила бѣ и скушала,
И бояръ послушала“.

364 (13)

У воротъ сосенушка зеленая,—
У Данила жена молодая
На свадьбу собирала:
Она смуръ кавтанъ надѣвала,

Часты пуговики застегала,
Золоту гривну завязала,
Завязавши, она ему приказала:
„Поѣзжай, мой другъ, на свадьбу,
Ты дари игриць безъ щоту,
Чтобъ тибѣ, мой другъ, ни стыдно,
А моей головушкѣ ни безщѣсно!“

365 (14).

Тамъ, тамъ на Дону
Тонка, гибка жердочка.
А кто жъ по ней перешоль?
А кто жъ ково перевель?
— Перешоль Данила-свѣтъ,
Микитѣвичъ перешоль,
Настасьюшкѣ перевель.
Перевемши, онъ еѣ цѣловаль,
Цѣловавши, миловаль:
„Ахъ, другъ, моя Настасьюшка,
Живи ты, моя Семёновна,
Роди сына у' минѣ,
А дочерю у' слѣбѣ.
Учи сына в' грамотѣ,
А дочерю тонко прять
И часто ткать“.
Намчилъ сынъ грамотникъ,
А нажали нашъ сынъ лапотникъ.
Намчилъ дочь шолкомъ шить,
А нажали нашу дочь тонко прять.

366 (15).

Константинъ Дмитревичъ*),
Не ходи по бережку.
Не ступай на камушекъ,
Не проломи сахьянъ сапогъ.
Не намочи шелковъ чулокъ,
Не срони своей шапочки
Семьсотъ золотничковъ.
Константинъ Дмитревичъ,
Кто вась шапкой дариль?
— Миѣ царь шапкой дариль,
Государь пожаловаль.
Ужъ я самъ царю служилъ,
Царскую дитю качаль,
На колыняхъ держамчи
Въ парчевой пеленочѣ,
Въ золотой колыбелочкѣ,
Позолоченный лучокъ
И серебряный крючокъ.

*) Холостой человекъ.—*Прим. собирателя.*

367 (16).

Ты заря ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Солнушко восхожес!
Высоко выходила,
Далеко свѣтила—
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Тамъ лежала жердочка,
Жердочка еловая,
Досточка сосновая.
По той по жердочкѣ
Никто не хаживаитъ,
Никто не важиваль.
Перешель Данила свѣтъ,
Перевель Настасьюшкѣ,
Перевемши, цѣловаль,
Цѣловавши, миловаль:
„Другъ моя, Настасьюшка,
Ты меня состарѣла,
Ты меня состарѣла,
Безъ ума поставила.“

368 (17).

А кто у насъ не женать?
А кто жъ у насъ холостой?
Константинъ свѣтъ не женать,
Дмитревичъ холостой.
На немъ шапка соболья,
Во шапочкѣ платочекъ,
Во платочкѣ три узла:
Первый узель—василекъ,
Другой узель—любовь цвѣтъ,
Третій узель—маковъ цвѣтъ.
Константинъ Дмитріевичъ,
На что тебѣ василекъ?
— Чтобъ я молодецъ весель былъ.—
Константинъ Дмитріевичъ,
На что жъ тебѣ любовь цвѣтъ?
— Чтобъ дѣвушки любили,
Молодушки хвалили.—
Константинъ Дмитріевичъ,
На что жъ тебѣ маковъ цвѣтъ?
— Чтобъ я молодецъ цвѣтень былъ.

369 (18).

На горюшкѣ, на крутой,
На горюшкѣ два терема стоятъ,
Во теремѣ двѣ дѣвушки сидятъ,
Промежу собой рѣчь говорятъ
Про дороднаго молодца,
Константина Дмитревича:

Константи́нь Дми́тровичъ
Онъ богатъ-то, богатъ,
Онъ со гривны на гривну ступалъ,
Полтиною по городу шибалъ,
Рублемъ ворота запиралъ,
Сиротушекъ съ неволи выкупалъ:
Вы, сироты, сироты мои,
Помолите Христу Богу обо мнѣ,
Объ дородномъ молодцу,
Константину Дмитриевичу.

370 (19).

Ворубушекъ-воробей,
Сколь далеко отлеталъ?
— Я отъ сада до сада,
До краснаго вишенья,
До черной смородины.—
Ай молодецъ то, молодецъ,
Константи́нь Дми́тровичъ,
Сколь далече отъѣзжалъ?
— Я отъ села до села,
До тестева до двора,
До тещинова терема,
До дѣвичей комнатки:
Дѣушка, отойрись,
Красавица, отворись!
— Я бы рада отперлась,
Я батюшки боюсь,
Я матушки стыжуся.—
Охъ, дѣушка, уѣду,
Красавица, уѣду:
Дробень дожджикъ плечи льетъ,
Красно солнце лице жжетъ,
А буень вѣтеръ плянцу рветъ.

371 (20).

Зимой лѣтомъ сосенушка зелена,
Въ пятницу Настасьюшка весела,
Въ субботу косу русу чесала, [кала:
Въ воскресной день пла къ вѣичанью, пла-
„Оставались мои цвѣтики, батюшка, у тебе!
Вставай же ты, мой батюшка, пораньше,
Поливай же мои цвѣтики почаще,
И утренними, вечерними зарями,
Постѣй того горючими слезами.“

372 (21).

За Дономъ за Дономъ,
За тихимъ Дунаемъ,

За высокимъ курганомъ,
Дружинушка ходитъ,
Въ рукахъ коня водить
За шелковый новодъ,
За тесменны узды,
Черкасскія сѣдла;
Онъ и кличетъ и свищетъ,
Никто не услышитъ.
Одна услыхала
Зеленая дубрава,
И та испужалась,
Вѣтви опустила,
Листья обронила,
И сестрѣ заговорила:
„Сестрица верхушка,
Подымай мои вѣтви,
Бумажныя листья.“
..... *).
Данилушка ходитъ,
..... **).
Настасья услыхала,
И та испужалась,
Ручки опустила,
Золотые перстни обронила,
Сестрѣ зговорила:
„Сестрицы подруженьки,
Подымите мои ручки,
Золотые перстечки.“

*) Здѣсь повторяется пѣсня съ начала до стиха 4-го и 4-й стихъ.—*Прим. соб.*

**) Затѣмъ повторяется изъ прежняго отъ стиха 4-го до 12-го и 12-й стихъ.—*Прим. соб.*

373 (22).

Темна, темна осенняя почушка,
Прождалася соколиная матушка:
„А что жъ мово соколика долго нѣтъ?
Или ево соколушки сбавили,
Или ево въ темны лѣса завели,
Или ево соколушкой дарили?“
Темна, темна осенняя почушка,
Прождалася Данилина матушка:
„Что-жъ мово Данилы долго нѣтъ?
Или ево красны дѣвки сбавили,
Или ево въ высокъ терѣмъ завели,
Или ево виномъ-пивкомъ поили,
Или ево красной дѣушкой дарили?“

Пѣсни 352—373 записаны неизвѣстнымъ лицомъ въ 1840 г.

б) Новосильскаго уѣзда.

374 (1).

Валгалеты, валгалеты мои,
Валгалеты—столбы точеные,
Виреюшки позолоченныя,
Подворотники серебряныя!
Подворотнемъ бѣлый камушекъ лежитъ,
Изъ подъ камушка ручейчикъ бѣжитъ,
По ручейчику суденушка плыветъ.
На суденушки немножко людей,
По моему счету семь человѣкъ,
Осьмой кѹховаръ молодой,
А девятый удалой молодець,
Удалая головушка.
Онъ по горинкѣ похаживаетъ,
Калену стрѣлу заряживаетъ,
Каленѣ стрѣлѣ приказываетъ:
— Ты лети, моя каленая стрѣла,
Выше лѣсу въ поднебесточки,
Ты убей на полетѣ яснаго сокола,
Сизаго голубя на каменной стѣнѣ,
Сѣрую утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Красну дѣвку въ высокомъ теремѣ:
Сѣра утица яства моя,
А красна дѣвица невѣста моя
Нареченная, обрученная.

375 (2).

Козушка, бѣлоножушка
По приволью гуляла,
Дразнивала, передразнивала
Сѣраго волка:
— Волчушка мой сѣринькой,
Я тебя не боюсь!—
Козушка, бѣлоножушка,
Постой, не хвалися,
Станемъ мы ранешенько,
Поглядимъ на утряхъ:
Ножки лежать, рожки лежать,
А козушки нѣту:
— Вотъ же тебѣ, моя козушка,
За твои за насмѣшки.—
По двору дѣвушка ходила,
Дразнивала, передразнивала
Добраго молодца:
— Добрый молодець,
Я тебя не боюсь!—
Красная дѣвушка,
Постой, не хвалися,
Встанемъ мы ранешинько,
Поглядимъ на утряхъ:

Дѣвки играютъ, платки сіяютъ,
Красной дѣвушки нѣту:
— Вотъ же тебѣ, дѣвушка,
За твои за насмѣшки.

376 (3).

На Дону, на Доночку,
На крутомъ бережочку
Сватюшка сходатая
Купену копала,
Зорюшку ломала,
Со зари цвѣты рвала.
Гдѣ ни взялся сходатай-сватъ
На ворономъ конѣ;
Онъ шапку снялъ,
Коня унялъ,
Низко поклонился:
„Богъ помощь тебѣ,
Моя сватюшка,
Купену конати,
Зорюшку ломати,
Съ зари цвѣты рвати.
Поѣдемъ, моя сватюшка,
Ко*) новому торгѣ.
Купимъ, моя сватюшка,
Два мыла бѣлила,
А третье сѹрмила.
Будемъ мы, сватюшка,
Бѣло умываться.
Будутъ намъ, сватюшка,
Люди дивоваться:
Хорошѣ, пригожѣ
Сходатай-сватъ,
А сватюшка лучше.
Чѣмъ она лучше?
Лицомъ нобѣлѣе,
Брови почернѣе“.

Здѣсь идетъ повтореніе тѣхъ же стиховъ съ переменною только свата и свахи на невѣсту и жениха.

*) по?—Собирается.

377 (4).

Во горахъ, во горахъ,
Во крутыхъ во горахъ,
Во желтыхъ пескахъ
Молодець ходилъ,
Двухъ коней водилъ,
Двухъ стоялыхъ,

Растетъ трава мята,
Ахъ, вся поломата!
Въ пучки повязата,
Въ гостинцы послата
Судьямъ, воеводамъ:
Судьи, воеводы,
Судите по правдѣ
Еще по закону:
Ахъ, кто жъ у насъ любчикъ,
Вѣлинькой голубчикъ?
— Михайлушка любчикъ,
Васильевичъ голубчикъ.
Натаљушка любка,
Ивановна голубка.
Она его любить,
Она приголубить.

382 (9).

Манулъ парень дѣвушку,
Манулъ во лѣсочикъ:
„Пойдемъ, пойдемъ, дѣвушка, во лѣсочикъ
На единой часочикъ,
Найдемъ мы съ тобой, дѣвушка,
Рябины кусточикъ.
Станемъ мы съ тобой
Рябинушку копать,
Посадимъ мы рябину
Во саду, въ огородѣ,
При большой дорогѣ.
Станемъ мы рябинушку
Часто поливати,
Пескомъ засыпати:
Ты стой, моя рябинушка,
Ты стой, не шатайся,
Живи, моя сударушка,
Живи, не печалься;
Когда стоимъ, когда
Выди, разгуляйся.“

383 (10).

У соловьишки голова болить:
Чѣмъ голову лѣчить?
Лѣчить голову зеленымъ виномъ,
Сладкой водочкой, еще горѣлочкой,
Перетопленною, переваренною.
Николай въ Москву ѣдетъ
Петровичъ во дороженьку:
— Елизавета свѣтъ, собирай меня,
Степановна, въ Москву ѣду,
Въ дороженьку.
Я куплю тебѣ золотой вѣнецъ,
Съ алыми лентами, прозументами,
А еще тебѣ трехъ дѣвушекъ,

Трехъ служивушекъ:
Первую дѣвушку банюшку топить,
Другую дѣвушку голову чесать,
Третью дѣвушку дити качать.

384 (11).

Зимой, лѣтомъ сосенушка была зелена.
У пятницу Надеждушка была весела,
Въ субботу головушку гладила,
Въ воскресенье къ вѣсну шла, плакала,
Родимой матушкѣ своей сказывала:
„Не жалостлива сударыня матушка до меня:
Отдаетъ меня молодую отъ себя:
Остаются три садика безъ меня,
Остаются три зеленые, все цвѣтутъ.
Вставай, вставай, моя матушка, раненько,
Поливай все цвѣтики частенько,
Утренней и вечерней зарею,
А сверхъ того горячею слезою.“
У насъ нынче нѣ похожая недѣля,
У насъ нынче все тайное сваташе:
Засылаетъ Иванъ сударь все сватовъ,
Засылаетъ Романовичъ все пословъ
Запрягать семь коней вороныхъ, осмой возъ,
А девятый повозничекъ,
Чтобъ скорѣй лѣзъ,
А десятый скоморошничекъ,
Чтобы игралъ отъ села до села: [до села,
Играй, играй скоморошничекъ, {отъ *}]] села
Чтобы наша Надеждушка была весела,
Чтобы наша Васильевна завсегда.

*) Пѣтъ въ подл.—Ред.

385 (12).

Во городѣ, во нистольномъ
Ни сторожи были, ни сторожи молодые,
Ни стерегли, ни уберегли коня вороного.
Выводили, выводили коня вороного,
Подарили, пожаловали зятя молодого*).

Зять молодой этотъ даръ не принимаетъ:
„Этого дару, этого дару у батюшки много.“
Во городѣ, во нистольномъ
Ни сторожи были Ольгины братцы,
Романовы братцы.
Выводили, выводили сестрицу за ручку.
Подарили, пожаловали Петра молодого.
Ай Петръ, ай Петръ Егоровичъ
Этотъ даръ принимаетъ:
„Этого дара, этого дара у батюшки нѣту,
Съ этимъ даромъ, съ этимъ даромъ
Ко батюшкѣ поѣду.“

*) Попр.: молодова.

386 (13).

Около колодочки
Молодые опёночки,
Только нѣтъ молодого груздочка.
Солнце глянетъ,
Дождикъ канетъ,
Молодой груздокъ выдетъ.
Около дѣвушки
Все красныя дѣвушки,
Только нѣтъ молодого парня.
Въ свѣтлый день воскресенья
Молодой парень ѣдетъ
Съ князьями, съ господами,
Съ молодою свахою.
Глянула дѣвушка
Изъ терема въ окошко:
„Сестрицы мои, подруженьки!
Молодой парень ѣдетъ *)
Съ князьми, господами,
Съ молодою свахою.“
Вдарил дѣвушка
Золоты ключи по столу:
„Матушки **) не ключница буду,
Ключница, ларечница молодому парню.“

*) Попр. ѣдетъ.

**) Попр. матушкѣ.

387 (14).

Между горъ, между крутенькихъ
Дорожка лежала:
По той ли по дороженькѣ
Да не ходу, не ходу, не *) ѣзду;
Ѣхали, проѣзжали
Дѣвицны братцы,
Ѣхали, проѣзжали
Съ яровою пшеницей;
Хвалятся, выхваляются
Своею сестрицей:
„Наша сестра дѣвушка
Дородна, дородна,
Въ нашей сестрѣ дѣвушкѣ
Да богатства много:
Шубучки, обрядочки
Поломали грибочки.“
Сватался за дѣвушку
Московскій воевода;
Московскому воеводѣ
Отказъ отказали.
Нашему парню-свѣтъ
Съ людьми приказали,
Чтобъ ѣхалъ сударь
По утру раненько,

Вечеромъ поздненько,
По зимнему путечку,
По бѣлому снѣжечку.

*) Попр. ни.

388 (15).

Плавала сѣрая утка по морю,
Винная моя рюмочка по меду.
Ходила, гуляла дѣвушка по саду,
Носила кунью шубу на плечахъ,
Сѣяла да бѣлой жемчугъ изъ рукава,
Сѣяла да бѣлой жемчугъ, говорила:
„Будь усхожъ, да бѣлой жемчугъ, будь усхожъ,
Будь веселъ, да, родимой мой батюшка, будь
весель.
Не усхожъ да бѣлой жемчугъ, не усхожъ,
Не весель да родимой мой батюшка да не
[весель.“

Слѣдуетъ повтореніе того же съ прибавле-
ніемъ имени жениха и невѣсты и вмѣсто:
не усхожъ—*усхожъ*.

389 (16).

Какъ восходитъ свѣтель мѣсяцъ
Передъ зорюшкою,
Величается молодецъ
Передъ женушкою,
Передъ молодницею:
„Ты, женушка, разуй
Молодая-свѣтъ, разобуй!“
— Я бы рада разобула,
Чимиведъ добре одѣтъ.
Я не знаю какъ зовуть,
Позабыла величать;
Какъ пойтить было къ сосѣдамъ
Успросить, какъ зовуть.
Какъ сосѣди то сказали,
Что Иваномъ то зовуть,
А другіе то сказали,
Что Еремеевичемъ.
Миѣ стать разувать,
Бѣли рученьки марать,
Золоты кольца поломать.—
„Женушка, не тужи,
Молодая-свѣтъ, не тужи,
Кузнецы у насъ свои,
Золотари у насъ свои,
Бѣлы ручки смоятся,
Золоты кольца сольются,
А миѣ, молодцу, разуться.“

390 (17).

На нашъ на новый дворъ
Съѣзжались бари*),
Сотнички, полковнички,
Еще самъ воевода
Со своей воеводней.

***)
На умъ воеводша догадлива,
Впередъ она загадлива,
Всѣхъ гостей провожала,
Одного оставляла:
Воротись, мой милый другъ,

Воротись, добрый молодецъ!
Безъ тебе пиру нѣтъ,
Безъ тебе бесѣдушки,
Всѣ гости приунывши сидятъ,
Всѣ гости припечаливши,
Они не пьютъ, не кушаютъ
И меня не слушаютъ.

*) Попр. баре.

**) Слѣдуютъ имена воеводы и воеводши.—*Прп.и. собир.*

Пѣсни 374—390 доставлены *М. И. Погодины.н.*

в) Чернскаго уѣзда.

391 (1).

В' ково у насъ кудри черныи,
Разбужаженни,
Алой лентой перевязаныи,
Ясными блѣсками пересыпаныи?
Этимъ кудерькамъ дивовалися:
Што это за кудри, что это за черныи!
Чьи были умыслы?
— Все были умыслы сестрины,
Большой сестры Анастаси.

392 (2).

Хто у короводѣ
Хорошъ, пригожъ ходить?
— Аеанасій хорошъ, Васильевичъ пригожъ.
То-то хорошо ходить,
Умилно ступаить,
Сапогъ не ломаить,
Чулокъ не марайтъ;
То чѣ на коня садитца—
Весь дворъ цвѣтитца;
Съ двора соѣзжайтъ,
Ружье заряжайтъ;
Къ лугамъ подѣзжайтъ—
Луга зеленѣють;
Къ садамъ подѣзжайтъ—
Сады расцвитають,
Соловьи распивають;
Къ двору подѣзжайтъ—
Тибѣ, матушка, сустричайтъ:
„Пошто, матушка, мине дѣвки любятъ,
Молодушки хвалятъ?“
— Што хорошо ходишь,
Умилно ступаишь,
Чулокъ не марайшь.

393 (3).

Во садикъ во зеленомъ
Соловьѹшка спить,
Никто его не смѣить будить.
Смѣла была солѡвья ево:
Вось я пойду, да соловьѹшку збужу:
„Устань, соловьѹшка, устань молоденькѣй!
Твои гости приунывши сидятъ,
Приунывши сидятъ—пригорюнившись“.
Во терему во високомъ Димитрей сударь
Никто его не смѣить будить. [спить,
Смѣла была Пелагея ево:
Вотъ я пойду Митрія збужу:
„Устань, устань, Митріѹшка,
Устань, миль дружочикъ!
Твои гости приунывши сидятъ,
Приунывши сидятъ—пригорюнившись“.

394 (4).

Долина, долинушка широкая,
Ой люли, ой люли—люли, люли!
Раздольѣ хорошее!
По томъ по раздольицу
Ходилъ, гулялъ молодецъ.
Онъ пьяный шатайтца,
Тростью попираетца,
Платкомъ утирайтца.
Увидѣла матушка
Съ високова терема:
„Не мое ли это дитятко,
Не мое ли милое?“
— Твое, твое дитятко,
Твое, твое милое,
Сударыня, матушка.
Мнѣ пить, ѣсть не хочетца,
Женитца мнѣ хочетца.

„Возми, мое дитятко,
Княгиню боярыню,
Посадкова дочь!“
— Сударыня матушка,
Во сусѣда есть дѣвушка:
Давно полюбилась мнѣ,
Давно полюбилась своею ухваткою,
Головкою гладкою,
Походкою тихою,
Говорьюю мягкою.

395 (5).

Ой, на поляхъ, на курганахъ
Люли (3) люли (3)!
Растеть была — чернобылка.
На той были твѣты,
Твѣты твѣты лазоревыи.
Никто къ твѣтамъ не падайде,
Ни падайде, ни падыде;
Озвался тутъ удалой молодецъ*),
Удалой молодецъ*) Аѳанасьюшка,
Аѳанасьюшка**) В[асильевичъ] **)
Скачилъ съ коня, сарвалъ твѣтокъ,
Сорвалъ твѣтокъ, завязалъ въ платокъ,
Завязалъ въ платокъ, во шолковой:
Кому мой твѣтъ достанетца?
Маладой жаны въ минѣ нѣту-ти.
Была сестра — замужъ пошла,
Достался твѣтъ меньшей сестры,
Меньшой сестры П[елагеи] **),
П[елагеи] **) Васильевны:
Носи, сестра, не жалѣй твѣта,
Не жалѣй твѣта лазоревава.

*) Изъ „младецъ“. — Попр. П. В. К.

396 (6).

Коравать моя, караватушка!
На караватушки перинушка,
На перинушки узголовница,
У зголовница одѣялице,
Подъ одѣялицомъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Аѳанасьюшка,
Аѳанасьюшка**) Вас[ильевичъ]. **)
Ево матушка домой кликала:
„Ты поди, поди, Ахв[анасьюшка]**), [домой]!“
Онъ, какъ лежалъ, скочилъ, побѣжалъ,
Позабылъ свою шляпу черную,
Съ алыми лентами,
Съ прозументами.

**) Взятое въ скобки добавлено К.-н.и.

Пѣсни 391 — 396 записаны („подслушаны“) Афан. Марковичемъ въ февралѣ 1850 г.

397 (1).

Растопись, банюшка,
Разгорись, каминка,
Ты разсыпсья, крупѣнъ жемчугъ,
По атласу онъ, по бархату,
По серебряну блюдечку.
Ты расплаться, свѣтъ Домнушка,
Передъ своимъ роднымъ батюшкой:
„Государь ты мой, батюшка!
Ты на что пиво варишь,
Ты на что зелено вино куришь?
Государыня-матушка!
Ты на что холсты рѣжешь,
Ты на что дары кроишь?“
— Ты дитѣ-ли, мое дитятко!
Ты не знаешь, не вѣдаешь:
Я хочу тебя замужъ отдать
За большого за барина,
За Якова Васильевича.

398 (2).

Когда сажаютъ коровай наканунѣ свадьбы
у невѣсты, мужъ съ женой берутъ вмѣстѣ
лопату, а дѣвки поютъ:

Валя-валяй коравай
Съ правой на лѣвую (3).

Когда же вынимаютъ:

Мой коравай въ печку перенѣлкой,
А изъ печки карастелкой.

399 (3).

Когда везутъ отъ вѣнца.

Гдѣ былъ сизъ селезень?
Гдѣ была утѣна?
— Слетѣлись въ одно озеро.—
Гдѣ былъ Яковъ?
Гдѣ была Домна?
— Снесъ ихъ Богъ за одинъ за столъ,
За одинъ за столъ, за одно кушанье.

400 (4).

Когда коровай сажаютъ, у жениха.

На полѣ, на полянѣ,
На высокомъ на курганѣ
Цвѣли цвѣты лазоревые.
Ходилъ-гулялъ добрый молодецъ,

Сорвалъ вѣтокъ, завилъ вѣнокъ,
Завилъ вѣнокъ, самъ заплакать:
„Кому вѣнокъ носить будетъ?
У меня матушка старѣшенька,
А сестрица малѣшенька,
А самъ молодецъ холостъ хожу,
Холостъ хожу, не женатой.
Мнѣ матушка говорила:
„Женись, женись, мое дитятко,
Женись, мое милое!“
— На что, матушка, жениться?
Меня такъ дѣвушки любятъ,
Молодушки выхваляютъ“.

401 (5).

Солнушко котомъ, котомъ!
Ѣхали князи рядомъ, рядомъ;
Всѣхъ напередъ Яковъ сударь,
Крутого коня заворачивать,
На тестя дворъ чаще взглядывать:
„Тесть ты мой, тесть ласковой!
Отдай-ка мою сужену,
Отдай-ка мою ряжену“.
Вынесли ему золоту казну:
„Это моя не сужена,
Это моя не ряжена“.
Вывели ему воронѣ коня:
„Эта моя не сужена,
Эта моя не ряжена“.
Вывели ему красну дѣвицу,
Свѣтъ Домну Миколовну.

402 (6).

Въ семикъ завьютъ вѣнки и величаютъ:

Кто у насъ холостъ?
Кто не женатый?
— Яковъ свѣтъ, холостъ,
Васильичъ не женатый.
Люшненьки, люли, не женатый!
По городу ходить,
Плавны выступать,
Люшненьки, люли, выступать!*)
Сапогъ не ломать,
Чулокъ не марасть;
На добра коня садится,
Подъ нимъ конь веселится.
Къ саду подѣзжаетъ,
Соловьи распѣваютъ.
Къ крыльцу подѣзжаетъ,
Дѣвушки встрѣчаютъ,
За бѣлы руки принимаютъ,
Въ горницу вводятъ,

За дубовой столъ сажаютъ,
За скатерти бранны,
За кушанья сахарны,
Рюмку вина наливаютъ,
Якову подавають:
„Я не пью простого
Вина зеленого,—
Вынью не простого
Заморскаго дорогаго.“
Люшненьки, люли, дорогаго!

*) Далѣе, также черезъ двѣ строки, принѣвъ съ повтореніемъ послѣдняго слова.—*Ред.*

403 (7).

Для сиротъ.

Яблонка кудрявая,
Всѣ ли у тебя вѣточки?
Всѣ ли у тебя сроднички,
Свѣтъ Дарьюшка?
— Всѣ у меня сроднички,
А нѣтъ ни батюшки, ни матушки.
Подымитесь, вѣтры буйные,
Со восточной со сторонки,
Разнесите мать-сыру землю!
Ты встань-ка, родной батюшка,
Ты встань-ка, сударыня-матушка,
Благослови-ка меня горькую,
Благослови-ка меня несчастную,
Ко суду Божью ѣхать,
Золотъ вѣнецъ принять!

404 (8).

Чирикъ, чирикъ воробей,
Чирикъ молодой!
Залетѣлъ мой воробей
На чужу-то сторонку.
Въ Чернечкую.
И кто у насъ холостъ,
Ище кто не женатъ?
Кузька холостъ ходить,
Кузька не женатый;
Онъ далече отѣзжалъ,
Отъ Калуги до Москвы,
До тестева до двора,
До тѣшева терема,
До дѣвичьей свѣтѣлки:
„Дѣвушка, отворись,
Красавица, отойди!“
— Я бы рада отперлась,—
Я голову чесала,
Косу русую плела,

Приговаривала:
Кузьма-сударь, воротись!—
„Я бы радъ воротится,—
Мой доброй конь не стоять,
Вуёнъ вѣтеръ шляпу рветъ,
Красное солнце лицо жжетъ.“

405 (9).

Хмѣль, ты мой хмѣлюшка,
Веселая головушка!
Родись, родись, хмѣлюшка,
На моей на сторонущкѣ:
На моей на сторонущкѣ
Приволье хорошее,
Раздолье большое.
Но тому по раздольецу
Ходиль-гулять добрый молодецъ,
Нефедушка,
Связать буйную голову
Тафтою зелѣною.
Увидала матушка
Съ высокаго терема:
„Не мое ли это дитятко?“
— Твое, твое, матушка!
Сударыня-матушка,
Друзья-братья женятся,
А мнѣ, молодцу, хочется.—
„Женись, женись, дитятко,
Возми, возми, дитятко,
Боярскую дочь“.
— Она мнѣ не работница,
Она мнѣ не пособница.—
„Возми, возми, дитятко,
Крестьянскую дочь“.
— Она-то мнѣ помощница,
Она мнѣ пособница.

406 (10).

лугами шла, я болотомъ шла,
Я цвѣты рвала я лазоревыя;
Я сорву цвѣтокъ, я совью вѣнокъ
На головущку на буюю
На Александрину.
На головущкѣ золотъ вѣнокъ,
Шляпа черная съ лентой алой,
Съ лентами алыми, съ позументами.

407 (11).

Летала гусыня, летала,
Сѣрая летала, летала,
Крылья примахала,
Мозоли потирала,

Столбы сколыхала,
Бояръ пробуждала.
Бояре вставали,
Варенуху согрѣвали,
Въ чарки наливали,
Марьѣ подносили:
„Выпей, матушка,
Скушай, Харитоновна!“
— Не пью, не кушаю,
Бояръ не слушаю;
Кабы быть Симіонъ,
Я бы есила, скушала,
Бояръ послушала.

408 (12)

Для почѣту гостя.

Не чарочки по столикамъ гремѣть,
Не ендовки походя говорить:
„Ужъ ты умная-разумная моя,
Афимья Миколовна!“
Она ходить, убиратьъ,
Въ цвѣтны платья наряжается,
Убрамни, она въ гости просится
У своего-ли друга милаго,
У Никиты Лексѣевича:
„Ужъ ты миленькой, миленькой мой!
Ты пусти меня въ гости побывать;
Я давно, сударь, въ гостяхъ не была,
Отъ весны, сударь, до осени,
Отъ осени до масленицы“.
— Ужъ ты умная-разумная!
Ужъ и ты у меня пивушка не пьѣшь,
Зеленъ вина въ ротъ не берѣшь,
Только пьѣшь одинъ сладкой мѣдъ,
Калачомъ въ душу закусываешь.

409 (13).

Ты рѣка-ли, моя рѣченька,
Ты рѣка-ли моя быстрая!
Ты течешь, не колыхнешься,
Съ береговъ вонъ не выльнешься,
Съ желтымъ пескомъ не смѣшашься.
Ужъ ты умная дѣвушка!
Сидишь, не усмѣхнешься,
Говоришь ты, не улыбнешься.
— „Ужъ вы дѣвушки-голубушки,
Вы сестрицы подруженьки!
Чего же мнѣ смѣяться,
На что глядя радоваться?
У насъ полноъ дворъ повозокъ стоитъ,
Полны горницы гостей сидятъ:
Одного гостя нѣтъ, гостя милаго,
Батюшки родимаго.“

Государь ты мой, братец!
Ты поди ко Божьей церкви,
Ты ударь въ большой колоколъ,

Пробуди моего батюшку:
Снарядить-то меня есть кому,
А благословить некому“.

IX. Калужской губерніи.

а) Жиздринскій уѣздъ с. Плохино.

410 (1)*).

Соболями Прасковьюшка всѣ лѣса прошла,
Соболями Лукинѣшна лѣса тѣмные.
Крыла лѣса, крыла лѣса алымъ бархатомъ,
Въ путь катилá, въ путь катилá золотымъ
кольцомъ;

Прикатила, прикатила ко синемъ морю,
Закричала Прасковьюшка громкимъ голосомъ:
„Есть ли здѣсь на морѣ перевозчики,
Кто бъ перевезъ меня молоду на тое сторону,
На тое сторону, на тое сторону, на
Козельскую?“

Николай сударь Васильевичъ изъ за горъ
соколомъ:
— Я по тебѣ, Прасковьюшка, корабль при-
Корабль пришлю со боярами.— [шлю,
„Не присылай, не присылай,
Николай сударь, корабля по мнѣ,
Не присылай, Васильевичъ, со боярами:
Корабль—судно качливое,
Я дитя у матушки пугливое;
Бояре твои, бояре твои насмѣшливые,
Я дитя у матушки стыдливое.“
— Я по тебѣ, Прасковьюшка, самъ приѣду,
Я тебя на рукахъ перенесу.

*) Свадебная, духовнаго званія.—*Прим. собир.*

411 (2).

У полѣ соловьюшка кричала,
Въ чистомъ молоденькой кричала.
Въ теремѣ Прасковьюшка плакала,
Гнѣвъ клала на родимаго батюшку:
„Молоду въ чужі люди отдають;
Останется зеленый садъ безъ меня,
Завянутъ цвѣтики въ саду:
Аленькой, лазоревой цвѣточикъ,
Бѣленькой, любимой мой василекъ.
Воставай, мой батюшка, раненько,
Поливай всѣ цвѣтики частенько,
Утренней, вечернею зарею,
Сверху того горючею слезою.“*)

*) Тоже повторяется про мать.—*Прим. собир.*

412 (3).

Матушка, съ чего въ полѣ пыльно,
Сударыня, съ чего запылилось?
— Дитятко, кони разыгрались,
Милое, вороны разыгрались.—
Матушка, чьи-жъ это кони,
Сударыня, чьи это вороны?
— Дитятко, Николаевы кони,
Милое, Васильича вороны.—
Матушка, на дворъ они ѣдутъ!
— Дитятко, не боюсь ты, не бойся,
Милое, не боюсь, не пугайся,
Не отдамъ въ чужіе люди.—
Матушка, на дворъ вѣзжаютъ,
Во горницу гости идутъ!
— Дитятко, не боюсь ты, не бойся,
Милое, не отдамъ въ чужі люди.—
Матушка, за рученьку меня берутъ,
Сударыня, за дубовый столъ сажаютъ!
— Дитятко, пойдѣ, Богъ съ тобою,
Милое, Господь надъ тобою.

413 (4).

Не трубушка трубить рано по зари:
Аннушка плачить по русой по косы,
Ивановна плачить по дѣвичей красы:
„Свѣтъ моя косынька, русая коса,
Вечеръ тебя, косынька, дѣвушки плели,
И золотомъ русую перевивали,
Жемчугомъ русую перенизали.
Какъ и Богъ судить Николы Ивановича:
Прислать ко мнѣ сваху немилостливую,
Не милостливу, не жалосливу;
Взяла мою косыньку рвать, порывать.
Золото на косынькѣ все изорвала,
Жемчугъ на русой весь разсыпала.“

414 (5).

Ты рѣка ли моя рѣчишка, рѣка моя быстрая,
Что ты тичеши не колыхнешься,
Желтымъ пескомъ не взмутись?

Душа красная дѣвушка, что ты сидишь не
 усмѣхнешься,
 Говоришь рѣчь, не улыбнешься? [смѣяться?]
 — Сестрицы-подруженьки, чему мнѣ
 На что глядя радоваться?
 Моего батюшки нѣтъ;
 Собрать мине есть кому,
 Благословить миня некому.
 Вы сестрицы-подруженьки,
 Вы пойдите на колоколенку,
 Вы ударьте трожды въ колоколъ,
 Пробудите маво батюшку.

415 (6).

Не пава, не пава по сѣнямъ ходила,
 А я не пава по новымъ гуляла,
 Не павлиныя перья ронила;
 Тутъ ходила, тутъ гуляла красна дѣвушка
 кругъ терѣма,
 Она ронила, выронила горючи слѣзы
 у платочикъ,
 Отпирала, отпирала, свой нѣмецкій замокъ
 отпирала;
 Говорила, говорила она, таки слова говорила:
 „Отпирися, отпирися, мой нѣмецкій замокъ,
 отпирися!
 Отложися, отложися, полуженая цѣль,
 отложися!
 Отворися, отворися, кипарисова дверь,
 отворися:
 Распахнися, распахнися, шить-бранъ
 положокъ, распахнися:
 Встань проснися, пробудися, ты мой
 батюшка родимой!
 Ой ни годъ мнѣ въ тебе годовати,
 Ни недѣлюшку гостевати,—
 Одну ночушку мнѣ у васъ ночевати,
 И той мнѣ во тоскѣ, во слезахъ не видати,
 На молитвѣ всю ночь простояти,
 Чтобы далъ мнѣ Богъ добрую долю.“

416 (7).

По бережку я хожу,
 Но крутенькомъ гуляю.
 Илывуть, плывуть три челночка,
 Три рыболова.
 Одинъ скажетъ: дѣвица,
 Другой скажетъ: красная,
 Третьей скажетъ: душа моя,
 Садись въ мой челночикъ,
 Всегда будь весела.
 — Тогда я была весела,
 Какъ отъ матушки увезена;

Тепереча душа моя
 Кручина обняла,
 Кручина обняла,
 Великая тоска.

417 (8).

На дворѣ дождикъ накрапливаетъ,
 Съ правой руки перстень спадываетъ,
 Николай въ Прасковьюшкѣ спрашиваетъ:
 „Скажи, скажи, Прасковьюшка, правду всю,
 Правду всю истинную:
 Кто тебѣ, Прасковьюшка, изъ-роду милъ?“
 — Милъ мнѣ, милешенекъ батюшка родъ—
 „Прасковья моя, неправда твоя, [пой.—
 Неправда твоя, не истинная,
 Не дѣло ты баишь, не рѣчь говоришь,
 Мое молодецкое сердце гнѣвишь.“
 На дворѣ дождикъ накрапливаетъ,
 Съ правой руки перстень спадываетъ,
 Николай въ Прасковьюшкѣ спрашиваетъ:
 „Скажи, скажи, Прасковьюшка, правду всю,
 Правду всю истинную:
 Кто тебѣ, Прасковьюшка, изъ роду милъ?“
 — Милъ мнѣ, милешенекъ, ты господинъ.—
 „Правда твоя, истинная,
 Дѣло ты баишь, рѣчь говоришь,
 Мое молодецкое сердце веселишь.“

418 (9).

На коврѣ было на золотомъ,
 На черномъ на бархатѣ,
 Не утушка взлеталась,
 Прасковьюшка взметалась,
 Она изъ горницы въ горницу,
 Краснымъ дѣвкамъ за занавѣсушку:
 „Схороните меня, дѣвушки,
 Схороните меня, красныя;
 Вонъ онъ ѣдитъ погубитель мой,
 Вонъ онъ ѣдитъ расплети-косу,
 Вонъ онъ ѣдитъ потерый-красу.“
 Что возговорить Николай сударь,
 Что взговорить Васильевичъ:
 „Ты не бойся, Прасковьюшка,
 Не пугайся, Ивановна;
 Не я погубитель твой,
 Не я раззоритель твой;
 Погубитель твой—батюшка,
 Раззорительница—матушка,
 Расплети-косу — свашенька,
 Потерый-красу—друженька.
 Я сухранитель твой,
 Сухранилъ твою головушку,
 Находилъ тебя молодуюшку.“

б) Лихвинскій уѣздъ с. Алфоновское.

419 (1).

Поется на дѣвичникѣ.

Растопися жарко, банюшка,
Разгорися, да и каменка,
Разсысься, бѣль жемчугъ,
По столу, по скатерти,
По серебряному блюдечку!
Расплачется да и Вѣрушка
Передъ своимъ роднымъ батюшкой:
„Государь ты мой батюшка!
Ты на что вино куришь,
Ты на что пиво варишь?“
— Ты дитя мое, дитятко!
Да твоихъ гостей поить,
Да твоихъ полюбовныхъ.

420 (2).

Ты ручей, ты мой ручей,
Ладо, ручей!
Бѣль, серебряный!
Какъ по томъ ли по ручью
Сѣзжались гости
Къ Сергѣю на свадьбу.
Востужить, востужить
Сергѣева матушка:
„Чѣмъ же вѣдь намъ будетъ
Гостей потчивать?“
Возмолвить, возмолвить
Сергѣй своей матушкѣ:
„Не тужи-ка, матушка,
Не тужи, родимая!
Наваришь я, матушка,
Девять бочекъ полива,
Десятую вина;
Напѣкь я, родимая,
Девять печей пироговъ,
Десятую хлѣбовъ.
Упоимъ, укрормимъ
Гостей полюбовныхъ!“

421 (3).

Поется, когда женихъ придетъ за невѣстой,
чтобы ѣхать къ вѣнцу. Въ это время не-
вѣстъ чешутъ голову.

Не во трубушки трубятъ по зарѣ,—
Свѣтъ Марьюшка плачетъ по русой косѣ:

„Коса ль моя, косынька русая!
Вечоръ тебя косыньку матушка плела,
Серебрянымъ колечкомъ матушка вила.
Приѣхала свашенька не милостива,
Что не милостива и не жалостива,
Начала косыньку и рвать и ципать,
И рвать и ципать, на двѣ заплетать.

422 (4).

Если женихъ или невѣста сирота.

Ужъ ¹⁾ ты елка, ты слушка,
Зеленая сосѣнучка!
Всѣ ²⁾ ли у тебя ³⁾, ёлушка,
Да и всѣ ²⁾ сучки, вѣточки,
Да и всѣ ²⁾ ли на макушечкѣ?
— Да и всѣ ²⁾ въ меня ⁴⁾ сучки, вѣточки;
Одного сучка нѣтути,
Да что самой верхушечки.—
Да и всѣ ²⁾ ли въ тебя ³⁾, Сергѣй сударь,
Да и всѣ ли гости сѣзжались,
Да и всѣ ²⁾ ли полюбовные?
— Да и всѣ ²⁾ въ меня ⁴⁾ гости сѣзжались,
Да и всѣ ²⁾ полюбовные;
Одного гостя нѣтути,
Что родимаго батюшки.

¹⁾ южъ. ²⁾ юсѣ. ³⁾ тебе. ⁴⁾ мене. — *Поправки*
П. И. Б-аго.

423 (5).

Поется, когда, воротясь отъ вѣнца, поѣзжане
въѣдутъ на дворъ.

Выглянь, matka,
Во стекольчато окошко,
Какъ сынъ-соколь ѣдетъ,
Соколушку везетъ,
Не бывалаго гостя,
Что вѣкъ не бывала,
Двора не знавала.
Посади лебедку
Подъ святые на лавку;
Начнетъ же лебедка,
Начнетъ гурковати,
Къ дому привыкати.

424 (6).

Поется въ домѣ невесты, когда молодыхъ
везутъ отъ вѣнца.

Выйди, мати!
Выйди за ворота,
Ладо, выйди за ворота, ладо.
Припань *), мати,
Припань ко дорогѣ:
Не звенять ли подковы,
Не стучать ли колёсы?

*) Т. е. припади.—Ред.

425 (7).

Поется, когда приѣдутъ отъ вѣнца къ не-
вѣстину (?) дому.

Легай, легай, зайка!
По чисту полю,
Ладо, по чисту полю,
По зеленой дубровѣ;
Ты зачѣмъ середь двора
Проявился?
— Алексѣй сударь
Женился.

426 (8).

Величальная.

Виноградъ разцвѣтаетъ,
А ягода поспѣваетъ:
Виноградъ—Сергѣй сударь,
Ягода-то—Вѣрушка;
Имъ люди давились,
Что хороши уродились:
Ой хорошъ Сергѣй сударь,
Ой хорошъ Петровичъ,
Хороша да Вѣрушка,
Хороша Григорьевна.

427 (9).

Величальная.—Эта пѣсня называется „рядо-
вая“; ею величаютъ всѣхъ, кто сидитъ въ
ряду изъ женатыхъ.

Кто въ роду хорошъ у насъ?
Кто въ роду пригожъ у насъ?
Вотъ хорошъ Павелъ сударь,
Вотъ пригожъ Ивановичъ:
Онъ охочъ въ полку ходить,

Онъ гораздъ царю служить.
Царь его пожаловалъ
Что конемъ, что ѣзжанымъ,
Плеткою не стебаной,
Красной Марьей Карповной
За его за выслугу,
За его молодецкую.

428 (10).

Величальная, рядовая.

Гусыня летала,
Сѣрая летала.
Али лѣли, али лѣли, али лѣли.
Нашъ чѣлъ, это гусыня,
Нашъ чѣлъ, это сѣрая, —
Анъ это Аксиньюшка,
Анъ это Ивановна,
На сѣни ступила,
Сѣни проломила,
Бояръ разбудила;
Бояре вставали,
Чары наливали,
Аксиньюшкѣ подносили:
„Испейся ко, Аксиньюшка,
Испейся ко, Ивановна!“
— Не пью я, не кушаю,
Бояръ я не слушаю;
Кабы былъ Иванъ сударь,
Кабы былъ Михайловичъ,
Спила бъ я и скушала,
Бояръ бы послушала.

429 (11).

Поется, когда молодыхъ положить спать.

Шелкъовая ниточка
Къ стѣнкѣ льнѣтъ,
Сергѣй-то Вѣрушку
Къ сердцу жмѣтъ:
„Скажи-ка мнѣ, Вѣрушка,
Всю правду свою:
Кто тебѣ, Вѣрушка,
Изъ роду милъ?“
— Мнѣ милѣшенекъ
Родной батюшка.
„Вотъ это, Вѣрушка,
Неправда твоя,
Неправда твоя,
Не истинная“.
Шелкъовая ниточка
Къ стѣнкѣ льнѣтъ,
Сергѣй-то Вѣрушку

Къ сердцу жмётъ:
„Скажи-ка ты, Вѣрушка,
Всю правду свою:
Кто тебѣ, Вѣрушка,
Изъ роду милъ?“
— Мнѣ мила милѣшенька
Родна матушка.
„Вотъ это, Вѣрушка,
Неправда твоя,
Неправда твоя,
Не истинная“.
Шелковая ниточка
Къ стѣнкѣ льнётъ,
Сергѣй-то Вѣрушку

Къ сердцу жмётъ:
„Скажи-ка ты, Вѣрушка,
Всю правду свою:
Кто тебѣ, Вѣрушка,
Изъ роду милъ?“
— Мнѣ милъ милѣшенекъ
Ты, государь!
„Вотъ это, Вѣрушка,
Правда твоя,
Правда твоя,
Да и истинная!“

Пѣсни 419—429 доставлены княземъ Н. А. Костровымъ.

с. Долбино.

430 (1).

Не разливайся, мой тихій Дунай!
Не заливай зеленіе луга!
Въ зеленѣхъ лугахъ есть ковыль трава,
Въ той во травушкѣ бѣлый олень,
Бѣлый олень—золотые рога.
Мимо ѣхалъ свѣтъ Ома¹⁾ господинъ,
Мимо ѣхалъ Пантеленчъ сударь²⁾;
Онъ стегнулъ его плѣточкою.
Взговорить ему бѣлый олень:
„Не стегай, сударь, плѣточкою!
Въ нѣкое время схожусь я тебѣ:
Станешь жениться, на свадьбу ирйду,
Всѣхъ твоихъ гостей развеселю;
Стану, олень, среди я двора,
Золотыми рогами весь дворъ освѣщу,
Всѣхъ твоихъ гостей развеселю,
Больше я всѣхъ Степаниду³⁾ твою,
Больше я всѣхъ да Степановну,
Чтобы она да не плакала,
Не слезила бъ свою бѣлаго лица,
Не темнила бъ своихъ ясныхъ очей!“

¹⁾ Рукою К-аго замѣнено: Костантинъ.
²⁾ „ свѣтъ Дмитріевичъ
³⁾ „ Ульяну.

431 (2).

Долго-то, долго до вѣчера,
Долго-то, долго соколъ не летить!
Али соколъ за лѣса залетѣлъ?
Долго-то, долго до вѣчера,
Долго-то, долго женихъ не ѣдетъ!
Али женихъ за города заѣхалъ?
Погода немножко, женихъ на дворѣ:

Самъ на конѣ, что соколъ на рукѣ;
Грива у коня, что кольцѣмъ сведена;
Хвостъ у коня, что лютаѣя змѣя;
По сторону пятьдесятъ человекъ,
По другую еще пятьдесятъ.
Взговорить женихъ господинъ:
„Есть ли у меня слуги вѣрные?
Есть ли кого мнѣ къ невѣстѣ послать?
Если она спитъ, не будите еѣ;
Если во пиру, вы не сказывайте;
Если въ саду, я я самъ къ ней пойду!“
Вышла къ нему невѣста его,
Пала ему въ рѣзвѣія ноги:
— Право, сударь, всю ночь не спала!
Шила чепракъ на твою коня,
Твоему коню на всю красоту,
Тебѣ, мой другъ, на честь-похвалу.

432. ¹⁾

Ты камочка, камочка моя,
Ты камочка узорчатая!
Не давайся развертываться,
Ни атласу, ни бархату,
Ни той парчи на золоти.
Парча волю взяла,
Взяла камку, развернула,
Всѣ узоры высмотрѣла,
Всѣ узоры узорчатые,
Всѣ цвѣты позолоченые.
Что Настасья Семеновна,
Не давайся глядѣть на себя,
Ни князю, ни боярину,
Ни тому сыну гостиному,
Что Даниилъ Никитевичъ.
Какъ Данила-то волю взялъ,

Онъ взялъ за правую руку,
Повелъ за дубовый столъ.
Спросилъ в' своей матушки:
„Мила-ль вамъ эта гостюшка,
Дорогая невѣстюшка?“

1) Поется въ Калугѣ и Лихвинѣ. — *Прим. К-аго.*

433.

Начальная на дѣвичникъ.

Не вылетывай, утушка,
Изъ зеленого тростничка.
„Не сама я вылетывала:
Прилетали два ястребца,
Выпугали сѣру утушку
Изъ зеленого тростничка.“
Не выходи, Настасьюшка,
Изъ високава терема:
„Не сама я выходила,
Выводила меня матушка,
Выдавалъ сударь батюшка.“

434.

По тропинкѣ галка шла (2),
За галкою соколина:
„Постой, галка, не бѣжи!“
— А ты, соколъ, не держи

За то крыло правое,
За тѣ перья рябья.—
По сѣнюшкамъ, сѣнюшкамъ,
По новенькимъ, новенькимъ
Настасьюшка гуляла;
За ней вслѣдъ Данила свѣтъ:
„Постой, Настасья, не бѣжи!“
— А ты, Данила, не держи
За ту руку правую,
За мои перстни златые.

435.

По саду, по садику
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Чесалъ кудри русые,
Чесалъ кудри, приговаривалъ:
„Прилегайте, кудри русые,
Къ моему лицу бѣлому;
Привыкай, душа Настасьюшка,
Къ моему уму-разуму
И ко праву молодецкому!“
Ужъ какъ мнѣ, красной дѣвушкѣ,
За досаду показалось;
Ужъ и знать, привыкати стать,
Спѣси-гордости убавить,
Ума-разума прибавить,
Держать голову поклонну,
Ретиво сердце покорно.

Пѣсни 433—435 помѣчены: „калужская“.

Х. Рязанской губерніи.

а) Раненбургскій уѣздъ.

436 (1).

Сговорная.

Надъ рѣкой калина
Стояла, хвалилась:
Да кто меня сломить¹⁾,
Безъ острой безъ сабли?
Хвалилась Катерина,
Хвалилась Артемьевна,
У²⁾ батюшки сяди
На новыхъ на сѣняхъ:
„Да кто жъ меня³⁾ вѣзметъ
Безъ пива, безъ меду,
Безъ зѣлена вина?“
Да сыскался⁴⁾ холостъ,
Холостой, не женатой,

Степанъ кудреватой:
„Да я жъ тебѣ⁵⁾ вѣзму
Безъ пива, безъ мѣду,
Безъ зѣлена вина.“

- 1) Попр.: кто мене сломить.
2) Попр.: Ю.
3) Попр.: кто жъ мене вѣзметъ
4) Попр.: выискался.
5) Попр.: тебе.

437 (2).

На сговорѣ, когда ждутъ жениха.

Во теримъ свѣчка ни жарка горить,
Ана ярыва воску ютаиваить.
Въ теримъ Катерина пичальна сидить,

Въ терими Степановна пичальна сидить;
Она бѣлава тѣла уранивайтъ.
Катерина въ окошко выглядывайтъ,
Степановна въ окошко выглядывайтъ:
Ну што жъ это долго сокаль ни литить,
Ну што жъ это долго ясенъ ни литить?
Знать, нашъ соколъ за лѣсъ залетѣлъ,
Ужъ знать, нашъ ясенъ соколъ за темныя
лѣса.

Погоди маленько, соколъ прилетѣлъ,
Погоди маленько, ясенъ прилетѣлъ.
Охъ долго-то долго Степанъ ни ѣдитъ,
Охъ долго-то долго Ѳедоровичъ ни ѣдитъ;
Охъ знать, нашъ Степанъ сударя въ пирю
загулялъ,
Ужъ, знать, нашъ Ѳедарачъ въ большой
бесѣдѣ.

Погоди-то маленько, Стипанъ пріѣхалъ,
Погоди-то маленько, Ѳедарычъ пріѣхалъ:
На юлици ѣдитъ, людямъ кланіятца,
На широкай дворъ узижайтъ — весь дворъ
освѣтилъ;
На новое крыльцо выходить — крыльцо
ломитца;
Ва горницу узходить — Богу молитца:
„Здарова, здарова тебѣ и мнѣ.
Дай Богъ здоровья Катеринѣ моей!“

438 (3).

На пропой свадебной.

Охъ пойникъ-пропойникъ,
Катерининъ батюшка,
Пронилъ свою чаду
За винную чару,
На винной чарочкѣ
На медовой стопочкѣ.
Охъ, на избѣ — зелья,
Ув избѣ веселья:
За сталомъ бояре,
Они медъ, вино пили,
Рѣчи говарили:
„А отдали намъ дѣвку,
Атдайтъ постельку;
... *) дирюжка,
Дирюжка укужка.“

*) Слово пропущено.—*Ред.*

439 (4).

На дѣвичникъ.

В насъ при вечеру, вечеру,
При дѣвичнымъ вечеру,

При Катерининомъ дѣвишничкѣ,
Прилеталъ тутъ ясенъ соколъ;
Онъ садился на (о)кошечко,
На сребринку прицѣлилку,
На золотую на прикладинку:
„Катерина, сайди съ терема,
Састуни са високава!
Приголубъ ты яснава сокола,
Яснава сакола залетнава,
Добра молодца заѣзжава!“
— Я бы рада сошла съ терема,
Моё сердце испужаласа,
Мои ноги падламила,са,
Мои руки апустилса,
Изъ очей слезы катилиса.

440 (5).

Ужъ по садику,
По зеленымъ виноградику
Тутъ кавры были разосланы,
Кавры шитыя, браныя;
Какъ по тѣмъ на коврикамъ
Тутъ хадилъ, гулялъ молодець,
Что Степанъ Ѳедарычъ;
Онъ чесалъ кудри русые,
Онъ чисалъ, пригаварилъ:
„Прилегайте, кудри русаи,
Къ маему лицу бѣламу,
Што ка бѣлому, румяному!
Привыкай, душа Катюша свѣтъ,
Привыкай, душа Антипавна свѣтъ,
Къ маему ли уму-разуму,
Што ка ндраву молодецкому.“
— Ужъ какъ мнѣ ли, красной дѣвушки,
За дасаду показаласа —
Привыкать ни хотѣласа.

441 (6).

Ужъ вы, дѣвушки, подружки мои.
Вы берите золоты ключи,
Даставайте багрецовое сукно,
Да вы скройте Степану кафтанъ,
Штобъ ни длинъ, ни коротокъ былъ,
Ю подола разтрубиственный,
Къ ретиву сердцу прижимистый!
— Благодарствуй, Катерина свѣтъ,
Благодарствуй, Антиновна свѣтъ,
Што юмѣшь (?) кафтаны ты шить *).

*) П. В. К-ій читалъ: „Што..... кафтанъ ли ты шить“. — Въ копіи читалъ: „Што.... кафтаномъ ты моимъ.“

442 (7).

На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтѣлочка.
Ва свѣтелочки Катерина сидить,
Ва свѣтелочки Антиповна сидить;
Приходила къ ней матушка,
Приходила къ ней родная сестра:
„Ты найдемъ, Катюша, домой
Ты найдемъ, Антиповна, домой!“
— Я найду, я не слушаюсь:
Ночь темна да ни мѣсячина,
Лѣсы темныя—караула нѣтъ,
Рѣки быстры—перевозу нѣтъ.—
На горѣ стоитъ елка,
На горѣ стоитъ Катюша,
На горѣ стоитъ Антиповна;
Приходила къ ней Стенанъ господинъ:
„Ты пойдемъ, Катя, домой
Ты пойдемъ, Антиповна, домой!“
— Я иду, я и слушаюсь:
Ночь свѣтла и мѣсячина,
Лѣса видны — караулы есть,
Рѣки быстры — перевозки есть.

443 (8).

„Матушка! въ соборѣ къ вечерни,
Сударыня, въ соборѣ къ вечерни!“
— Дититка, да по вѣсѣмъ по приходамъ,
Свѣтъ милое моя, по вѣсѣмъ по приходамъ.
„Матушка, во Троицѣ нѣту,
Сударыня, во Троицѣ нѣту!“
— Дититка, во Троицѣ свадьба,
Малае, во Троицѣ свадьба.
„Матушка, да чѣмъ жъ эта свадьба?
Да, сударыня, да чѣмъ жъ эта свадьба?“
— Дититка, Степанова свадьба,
Свѣтъ милая моя, Федорача.
„Матушка, да што жъ въ поли пыльна?
Сударыня, да што жъ запылилось?“
— Дититка, кони узыгрались,
Милая, вороныя узыгрались.
„Матушка, да чѣмъ жъ это кони?
Сударыня, да чѣмъ жъ вороныя?“
— Дититка, Степановы кони,
Свѣтъ милая моя, Федорыча вороны.
„Матушка, да по юлицѣ ѣдутъ!
Сударыня, да по юлицѣ ѣдутъ!“
— Дититка, ни бось, ни пужайся,
Милая моя, ни (о)тдамъ въ чужіи люди.
„Матушка, на широкій дворъ взѣзжаютъ!
Сударыня, на широкій дворъ взѣзжаютъ!“
— Свѣтъ, милая моя, ни (о)тдамъ въ чужіи люди.

„Матушка, на новое крыльцо всходятъ!
Сударыня, на новое крыльцо всходятъ!“
— Дититка, ни пужайся,
Милая, ни отдамъ въ чужіи люди.
„Матушка, во горницу всходятъ!
Сударыня, во горницу всходятъ!“
— Дититка, ни бось, ни пужайся,
Свѣтъ милая моя, ни отдамъ въ чужіи люди.

„Матушка, за дубовый столъ садятца!
Сударыня, за дубовый столъ садятца!“
— Дититка, ни бось, ни пугайся,
Свѣтъ милая моя, ни отдамъ въ чужіи люди.
„Матушка, образами благославляютъ!
Сударыня, образами благославляютъ!“
— Дититка, ни бось, ни пугайся,
Свѣтъ милая моя, ни отдамъ въ чужіи люди.
„Матушка, въ повозку сажаютъ!
Сударыня, въ повозку сажаютъ!“
— Дититка, Богъ съ тобою!
Свѣтъ милая моя, ступай, Богою съ тобою!

Пѣсни 439—443 поются на дѣвичникѣ. — Прим. собир.

444 (9).

Когда косу продають.

Не трубушки трубили
Рано по зарѣ—
Катичька плакала на русской косѣ:
„Коса ль моя, косынька,
Русая коса!
Да вечеръ тебе косыньку,
Дѣвушки плели,
Красныя плели
И золотомъ косыньку первили.
По ютру ранешинька
Матушка плела,
Крунымъ она земчугомъ
Юнизывала.
Да Богъ ти судья,
Да Степанъ господинъ“.

445 (10).

Когда ждуть жениха ѣхать къ вѣнцу, у невесты.

Ни юзвѣй—вѣтры понавѣли:
Ни жданы гости на дворъ взѣзжали,
Поламили сѣни новыя,
Поламили сѣни съ переходами:
Юзляли, повезли отъ Прасковьи дятя,
Ювезли, ювезли отъ Ивановны.

446 (11).

Когда везуть невѣсту.

Ты труба ль моя, трубушка,
Ты труба ль моя серебряная,
Возтруби, труба, по трубному,
Штобы въ той трубѣ слышно было
Катериной матушкѣ,
Какъ отъ ней дитя везуть,
Какъ отъ ней чаду милого!
Ты труба ль моя, трубушка,
Ты труба ль моя серебряная,
Возтруби, труба, по трубному,
Кой бы часъ юлышала,
Тотъ бы часъ (о)на заплакала.
Сы терема ларцы несутъ
Сы высокова кованыя.

447 (12).

Дѣвушекъ величаютъ.

Ягодка красна,
Земляничка спѣла.
Ой ляй, ой ляли,
Земляничка спѣла.
Отчего жъ она красна?
На пригорочкѣ росла,
Супротѣ солнца цвѣла ¹⁾.
У ²⁾ насъ то Анна умна,
В насъ Артемьевна умна. ³⁾
Отчего жъ она умна?
На у матушки росла,
На ⁴⁾ у матушки сполна.
Черезъ тотъ высокъ терѣмъ
Перелетѣлъ ясѣнь соколъ,
Уронилъ ясѣнь соколъ
Со опутинки ⁵⁾ кольцо:
„Ужъ ты, Анна, подыми
Ты, Артемьевна, подыми.“
— Ужъ и, сударь, недосугъ,
Я по сѣнюшкамъ хожу,
Зѣмчугъ ⁶⁾ на руку нижу;
Я ко обѣденькѣ спѣшу
Жениховъ выбирать.

Я выберу молодца
Съ государева дворца,
Чтобы чистъ былъ и рѣчистъ,
Говорить душа умѣла.

- ¹⁾ Попр. П. В. К—аго: твѣла.
²⁾ Попр.: В.
³⁾ Стихъ вставленъ П. В. К—имъ; далѣе зачеркнуто: Ой ляй, ой ляли,
У насъ то Анна умна,
⁴⁾ Попр.: Вся.
⁵⁾ Было: опустился на.
⁶⁾ Попр. изъ: Жемчугъ.

448 (13).

Па улицы, юлици,
Па широкой юлици
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Молодъ, молодой,
Связалъ свою голову
Шляпой пуховой,
Лентою лиловою.
Увидала матушка
Съ высокаго терема:
„Дитя мое, дититка,
Дитя мое милое!“

449 (14).

Какъ за рѣчкою была, за рѣкою
Небольшая слобода,
Небольшая яна, ни малая —
Всего сорокъ три двора,
Всего сорокъ только три двора.
Жила вдовушка-вдова,
Жила вдовушка вдова разудалая дѣ(sic)голова,
Разудалая, удалая ю ней дочка хороша,
Ю ней дочка хороша, свѣтъ Уляшунька душа,
Свѣтъ Уляшунька душа юродились хороша,
Юродилась яна, пригодилась:
На всѣ промыслы пошла,
Всѣ заводы завела,
Всѣ заводы, больши корагоды, на всю пошла
ночь гулять.

Пѣсни 436—449 записаны П. П. Якушкинымъ
5 апр. 1847 г.

б) Зарайскій уѣздъ.

450 (1).

Сговорная.

На бугорчики ельничикъ,
Подъ бугорчикомъ свителочка,

Ва свѣтелочки бесѣдушка,
Ва бесѣди красна дѣвушка,
Палагея Даниловна;
Она бѣлитца, румянитца,
Въ цвѣтное платьѣ снаряжаетца;

Приходитъ родной батюшка,
Ей маменька (sic) Константинъ сударь:
„Ты пойдемъ, пойдемъ, Палагеюшка,
Ты пойдемъ, пойдемъ, Даниловна!“
— Я нейду, нейду, не слушаю:
Лѣса тѣмны, караульщикова нѣтъ,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ.

или:

Я иду и слушаю:
Лѣса темны—караулы есть,
Рѣки быстры—перевозы есть.

451 (2).

Нопойная пѣснь.

Весѣль, весѣль ходить
И Оѣдоръ Тихавичъ.
Нашолъ золотъ перстинъ
Зъ дарагимъ сы камиямъ.
Юнывъ, юнывъ ходить
Палагей Спановичъ:
Потерялъ золотъ перстинъ
Зъ дорогимъ сы камиямъ.

Наканунъ свадьбы жениховы отецъ и мать
посаженые приходятъ къ нему и пекутъ три
коровая. Когда начнутъ валять коровай, то
поютъ, при каждомъ коровай:

452 (3).

Каровай, каровай, онъ валяйтца,
Каровай, каровай, онъ катайтца,
Каровай, каровай, онъ на блюда глidity,
Каровай, каровай, онъ на блюда сѣлъ,
Каровай, каровай, онъ на брусъ глidity,
Каровай, каровай, онъ на брусикъ сѣлъ,
Каровай, каровай, на лапатку глidity,
Каровай, каровай, на лападку сѣлъ,
Каровай, каровай, онъ и въ печку глidity,
Каровай, каровай, какъ и въ печку полѣзъ,
Каровай, каровай, въ печки ножки абжегъ:
Ты пекись—дерись, каровай,
Толще печки кирпичной,
Выше столбика дубовава.

Посадивши коровай, и однихъ только посаженныхъ, отца съ матерью, посадятъ за столъ, потчуютъ виномъ и начнутъ обыгрывать ибѣню:

453 (4).

Изъ ларца ды изъ кованава,
Изъ плащи ды изъ золата

Свитлитса, иснитса дарагой камень.
Будь надъ табой, Антонъ, ды Божія милость!
Будь надъ табой, Оѣдоровичъ, да Божья милость!
На жанъ твоей да кунья шуба,
Подъ сынамъ падъ твоимъ винаходный конь,
На дочери на твоей залотой винокъ.

Къ вечеру назначаютъ: тысяцкій, дружки, полудружъя, сваха и два боярина. Дружко назначаетъ, кому быть повозникомъ, кому готовить сѣдло жениху, и расходятся.

На другой день дружко идетъ убирать жениха. Убравши, собираетъ весь *поѣзжанинъ* на дворъ, куда выводитъ и жениха за правую руку. Потомъ идутъ въ избу женихъ съ дружкомъ, который говоритъ: „Батюшка съ матушкой, благословите!“ и опять выходятъ вонъ. Потомъ всѣ идутъ въ избу, женихъ съ дружкомъ—наперед. Дружко опять проситъ благословенія. Отецъ съ матерью отвѣчаютъ ему: „Богъ васъ благословитъ, въ добрый часъ!“—и всѣ садятся за столъ. Опять начинаютъ всѣхъ обыгрывать, послѣ чего отецъ съ матерью благословляютъ образомъ жениха и выходятъ изъ избы, женихъ съ дружкомъ опять впереди. Когда ведутъ жениха въ избу и изъ избы; не позволяютъ переходить дорогу; въ противномъ случаѣ дружко не жалѣетъ своей плети. Всѣ выходятъ на дворъ и садятся въ повозки: впереди всѣхъ ѣдутъ дружко съ полудружьемъ верхами, потомъ два боярина тоже верхами; потомъ женихъ съ тысяцкимъ на парѣ, а потомъ съ повозникомъ сваха.

Назначивши поѣздъ, отецъ съ матерью жениха идутъ въ домъ къ невѣстѣ и несутъ ей подарки отъ жениха: коты, чулки, шубу. Невѣста отдариваетъ ихъ платками и посылаетъ съ ними жениху рубашку, портки, кушакъ, и всѣ садятся за столъ. Родственники жениха ставятъ на столъ пироги, *убоину*, вино; отъ вина этого отдѣляется часть для невѣсты, которая сидитъ въ другой избѣ съ дѣвками. Потомъ начинается пиръ, послѣ котораго расходятся.

На другой день, т. е. въ день свадьбы, невѣсту убираютъ, благословляютъ и сажаютъ за столъ, на которомъ стоитъ хлѣбъ, соль, пироги и *убоина*. Невѣсту покрываютъ полотенцомъ. Съ лѣвой руки садится *прогонятка*, т. е. сваха съ невѣстиной стороны, а съ правой братъ, который продаетъ косу.

Женихъ съ поѣздомъ выѣзжаетъ съ своего двора съ слѣдующими пѣснями:

454 (5).

Вичоръ са вечеру
Сидѣль Денись ва териму,
Сидѣль и Ѳедорычъ,
Чесаль русы кудри,
Чесаль, приговариваль:
„Пора, пора фхать,
Я самъ ни нафду,
Дивить насловъ наплю,
Десятыва батюшку:
Пойдемъ, пойдемъ, Авдотьюшка,
Пойдемъ, пойдемъ, Палагевна.“
— Нейду, ни думаю,
Нейду, ни слухаю.

Второй разъ поють: *десятую матурику*.
Третій разъ:

„Десятый я самъ найду:
Пойдемъ, пойдемъ,
Авдотья Палагевна *).“
— Иду, иду и думаю,
Иду, иду и слухаю.

*) Пойдемъ, пойдемъ, Авдотьюшка,
Пойдемъ, пойдемъ, Палагевна.— *Попр. П. В. К.*

455 (6).

По лагу трава разстилаица,
По рики вада разливаица,
Вьонъ надъ вадой ювиваица:
Денись ю вароть убиваица.
Ёнъ просить своѣ сужаной,
Своѣ ряжаной:
„Дайте мое сужаной,
Моѣ ряжаной!“
Тестъ-ать идетъ,
Онъ коня въ сѣдлѣ ведетъ.
„Это не моѣ сужаной,
Да ни ряжаной.“
Теща идетъ,
Кунью шубу несеть
.....
Свашенька идетъ,
Авдотьюшку видитъ,
„Это моѣ сужаной,
Это моѣ ряжаной!“

456 (7).

Когда невѣсту повезуть къ вѣнцу.

Темныя облака на Дунай бѣгутъ,
Дѣвушка Авдотья на дѣмахъ сидитъ,
Думаить думушку, думу крѣпкую:

Какъ-та мнѣ быть, въ чужи люди ятить,
Какъ-то назвать да и свекра батюшку?
Назвать яво да и Степанъ Ѳедоровичъ,
.....
Дениса-душу Денисомъ назвать?
Стыдно будетъ, стыдно отъ людей будетъ.

Поѣздъ взѣзжасть на дворъ. Дружко идетъ
въ избу, бьетъ по столу плетью, приговаривая:
„Вонъ, лишній народъ!“ Продающій косу
отвѣчаетъ, что надо *осеребритъ мѣсто*; ему
подносятъ дружко стаканъ вина, въ который
кладетъ нѣсколько денегъ. Тотъ выпивши
встаетъ. Дружко идетъ за женихомъ, (ихъ
встрѣчаетъ прогонятка въ вывороченой шубѣ)
и сажаетъ его за столъ рядомъ съ невѣстой,
закрытой. Бабы начинаютъ обыгрывать же-
ниха съ невѣстой, при чемъ поють только слѣ-
дующую пѣсню, подъ которую сваха распле-
таетъ невѣстину косу:

457 (8).

Ни трубушка трубить рано по зарі:
Авдотьюшка плачить на русой касѣ:
„Каса мая, косунька, русая каса!
Вичоръ тибѣ косунькю дѣвушки пили,
По утру ранешинкѣ сваха разпяля.
На дви заляля.
Ни сколькоя виночку.....¹⁾ висѣть,
Ни долго Авдотѣ въ дѣвушкахъ сидѣть,
Осталеи Палагевнѣ одинъ вичарокъ.

¹⁾ Оставлено пустое мѣсто.— *Ред.*

Послѣ обыгрываютъ весь поѣзжанинъ.
Дружко говоритъ: „Пора фхать“, и выходитъ
изъ за стола. Невѣстинъ отецъ вручаетъ
дочь жениху со словами:

458 (9).

Вотъ тибѣ жана,
Ѳтъ Бога саждана.
Сѣй лень да кананли,
Спрашивай рубашки да нартки,
Руби драва,
Спрашивай ши,
Люби, какъ душу,
Трисн, какъ грушу.

Потомъ вмѣстѣ съ матерью благословляютъ
ихъ образомъ и выходятъ на дворъ: впереди
дружко, за нимъ женихъ съ невѣстой, а
потомъ весь поѣздъ, и подходятъ къ лоша-
дямъ. Дружко съ полудружьемъ обходитъ

три раза съ образомъ кругомъ лошадей и
всего поѣзда. Потомъ женихъ сажаетъ не-
вѣсту, съ которой садятся сваха женихова
и прогонятка, и съ стоворными пѣснями
ѣдутъ къ вѣнцу: впереди дружко съ полу-
дружьемъ, бояра, тысяцкій съ женихомъ,
невѣста.

459 (10).

Когда ѣдутъ къ вѣнцу, поѣзжане играютъ:

Летѣль соколъ изъ Кіева,
Другой летѣль изъ Новгорода.
Есть крылышкомъ машить изъ падъ обалака,
Есть другимъ та машить, — разетворяй ворота.
Въ тѣ поры Авдотюшка по новымъ сѣнямъ
Рукавчикомъ машеть напередѣ сибѣ: [шла,
„Станьте-ка, бояре, вы къ одной старонѣ,
Слушайте, бояре, что я вамъ сговорю:
Сулилъ-та мнѣ батюшка семь гарадовъ,
Таперича батюшка аднаво ни дасть... *)
Сулила мнѣ матушка семь сундуковъ,
Таперича радимая аднаво ни дасть.“

*) Здѣсь повторяется опять то же. — *Прим. собирателя.*

Поѣздъ возвращается (изъ церкви) съ про-
стыми пѣснями. Ихъ встрѣчаютъ у женихо-
выхъ воротъ бабы пѣсню:

460 (11).

Соколы, вы соколы!
Куда вы лѣтали?
— Мы летали, летали
На синіе на моря.—
Вы што тама видели?
— Мы видали, видели
Мы сѣрау утицу.—
Вы што іе не взяли?
— Мы взяти іе не взяли,
Мы ей крылушки надшибли.

Отецъ съ матерью посаженные, при возвра-
щеніи отъ вѣнца, разрѣжутъ хлѣбъ пополамъ,
возьмутъ по половинѣ и встрѣчаютъ жениха
съ невѣстой у воротъ. Когда они взѣдутъ
на дворъ, посаженный отецъ возьметъ у по-
саженной матери половину хлѣба, сложить съ
своею, и поцѣлуются. На дворѣ всѣ слѣзаютъ
съ коней, женихъ высаживаетъ невѣсту и
ведетъ ее къ крыльцу, на которомъ стоятъ
отецъ съ образомъ, а мать съ хлѣбомъ-солью,
которыми благословляютъ, идутъ въ избу и
садятся за столъ. Бабы заигрываютъ:

461 (12).

Што свитѣль мѣсницъ—
То Динись ю¹⁾ насть,
Красная солнушка—
То Авдотюшка яво,
Бѣлая зорюшка—
То и свашинька,
Чорныя варанья—
Папжанья яво,
Частая звѣздунки—
То игрицы и вы.
То Денису пѣсенка и проч.

¹⁾ Передъ словомъ зачеркнутое: *y.*—*Ред.*

Тысяцкаго величаютъ, какъ отъ вѣнца при-
ѣдутъ:

462 (13).

Тысяцкой, тысяцкой, воеводской сынъ,
Любишь ли, любишь ли пашеницы скирдъ?
— Какъ ни любить, кагда Богъ зырадитъ?
Тысяцкой, воеводскій сынъ,
Любишь ли адоньи ржи?
— Какъ ни любить, кагда Богъ зырадитъ?
Тысяцкой, воеводскій сынъ,
Любишь ли да супругу свою?
— Какъ ни любить, кагда Богъ сычталъ?

Дружку величаютъ какъ отъ вѣнца при-
ѣдутъ:

463 (14).

Дружинька харошанькѣй *)!
На дружуньки шапочка коломенковая,
На друженьки кушакъ шолковій,
На друженьки коты съ искрами,
На друженьки чулки съ напусками,
На друженьки кафтанъ сирѣ-пѣмецкае
сукно.

*) Припѣвъ послѣ каждого стиха.—*Прим. соби-
рателя.*

Послѣ этой пѣснн начинаютъ обыгрывать
жениха, а послѣ и все семейство его *):

464 (15).

Дародная галовушка,
Широкая бородушка,
Григорій Пятровичъ!
На немъ рядъ полажонъ,

Ему игрецъ дарить
Ни рублемъ палтиною—
Залатою гривною.

*) Слѣдующія пѣсни не положонны: ихъ поють безъ порядка. Они называются обыгрывальными. — Прии. собирателя.

465 (16).

Вы гароди канѹстка—вилой кочанокъ,
У Антона жанѹшка милой живатокъ,
У Антона Ермиловича милой живатокъ;
Ёнъ цалуить, милуить, на ручку кладѣтъ,
На ручку кладѣ, кы сирдечку жмѣ:
„Ужъ и душка, жанѹшка Аграфенушка,
Пыживемъ мы съ табою хорашеничка,
Штоба люди намъ завидывала.“

466 (17).

Ежели женихъ сирота или невѣста.

Ты рика мая, рѣчунька,
Ты рика ль мая быстрая!
Ты тичошь—ни шалохниши,
Становишьси—не калыхниши.
Ты юмныя дитятка,
Иванъ да Андреевичъ!
Ты сидишь ты смиренхунька,
Гаваришь, не улыбнишься.
„Да чаму мнѣ сміятиси,
Да чаму мнѣ радавася (sic)?
Полонъ дворъ каретъ наѣхало,
Полна горница гостей нашло.
Ой, маво гостя нѣту, нѣтъ,
А и нѣту гостя милава,
Маво батюшки родимава;
Ни просить былъ у батюшки,
Ни просить былъ у родимова
Мнѣ ни злата, ни сирѣбра;
Папрасиль былъ у родимова
Мнѣ Божьива благословенія:
Бласлови мене, радимой мой,
Ка судѹ мене ка Божьему!“

Эту пѣсню поють, когда жениха хотятъ благословлять ѣхать за невѣстой предъ вѣнцомъ. Ежели и матери нѣтъ, то поють два раза, только, вмѣсто: „*батюшки*“—„*матушки*“.

Обыгравши всѣхъ родственниковъ, посадятъ за столъ и начинается обѣдъ. Пѣсни прекращаются. Послѣ обѣда встають и опять заигрываютъ:

467 (18).

Звонкая дерива купарисава,
Нѣту яво звачѣя да во всемъ бору:
Умная дитятка да Денись у насъ,
Нѣту яво юмнѣя да во всемъ роду.
Тучаю ныдхадиль ёнъ ка гораду,
Громкаимъ громамъ ва широкай дворъ,
Сокаломъ ва аконечкы да залѣтаваль.
Захватываль Денись Авдотью въ тиримѹ,
Захватываль Ѳедоровичъ Налегевну въ тиримѹ:

„Шта жи ты, Авдотья, одна въ тирямѹ?“
— Права, сударь Денись, я одна въ тиримѹ,
Повѣрь Богу, Ѳедоровичъ, однѣшинька.
Батюшка съ матушкой къ обѣдни нашли,
Родимые братцы за (о)хотою,
Любимаи сестрицы на гульбу пошли.

468 (19).

Послѣ каждой обыгрывальной пѣсни.

Вотъ Антону пѣсипка,
Во Ермиловичу свѣту,
Што лебидю бѣлому,
Што соколу ясномѹ;
На нѣмъ рядъ положонъ,
А яму игрецъ дарить
Ни рублемъ полтиною—
Золотою гривною.

469 (20).

Антонъ сударь, дагадайса,
Ефимовичъ, дамекниса:
Што въ кармани шивилица,
Рублемъ, гривной становица?
Отдай бабамъ ны билилы,
Краснымъ дѣвкамъ ны румяны,
Старымъ бабамъ ны сурмилы:
Пускай дѣвки нырумьтса (sic) ¹⁾,
Молодѹшки ныбилятса,
Стары бабы нысурмятца.

¹⁾ Попр.: нырумьнятса.

470 (21).

Здѣсь отдаиваютъ игрицъ.

Спасибо, Антонъ сударь,
Спасибо, Ефимовичъ,
На твоємъ балышомъ дару,
А мы даръ твой приняли,
Мы медъ твой выпили.

471 (22).

Когда кладутъ спать жениха съ невѣстой.

Клѣнь да берега,
Чѣмъ ни дрова?
Авдотья Денису
Чѣмъ ни жана?
Постелюшку стелить,
Въ головы класть.
Шолковая нитка
Къ стѣнки льнетъ,
Денисъ-ать Авдотьюшку
Къ сердцу жметъ:
„Скажи, скажи, Авдотьюшка,
Кто милъ вы раду?“
— Мнѣ милъ, милешенко
Батюшка родной.
Мнѣ мила, милешенко
Матушка родима.
„Ни правда твоя,
Ни истина.“
— Мнѣ милъ, милешенко
Да и ты Денисъ.
„Вотъ правда твоя,
Да истинная.“

Всѣ начинаютъ пить и ѣсть кромѣ молодыхъ. Когда обыграютъ всѣхъ, всѣ вылезаютъ изъ-за стола въ лѣвую сторону. Дружко съ свахой ведутъ молодыхъ спать на постель, на которой лежатъ посаженные — *постелю грѣютъ*. Клѣть, въ которой постель, заперта. Дружко и проч. подходятъ, стучатся, имъ отпираютъ. Посаженымъ подносятъ по стакану вина, покормятъ молодыхъ и уложатъ спать. Въ это время поютъ: „Клѣнь да берега“ (см. № 471). Снаружи запираютъ замкомъ клѣть и идутъ кончать пиръ, послѣ которого расходится.

Около вечера прѣзжаютъ родственники съ приданымъ невѣсты и съ дарами. Ихъ встрѣчаютъ родители жениха. Невѣстины родители говорятъ: „Вотъ мы товаръ привезли; вѣтъ ли у васъ купца?“ Дружко съ свахой, поднявши молодыхъ, въ это время вводятъ ихъ, говоря: „Не этихъ ли купцовъ вамъ надо?“—Этихъ, этихъ!—и отдаютъ приданое, а дары берутъ съ собою за столъ. Тутъ начинаютъ обыгрывать всѣхъ, кромѣ молодыхъ. Послѣ обыгрыванья дружко надѣжетъ каравай, родственники невѣсты накроютъ коровой полотною или платкомъ, и дружко разломитъ его на головы полудружью

(а полотно возьметъ себѣ). Полудружью послѣ наѣдетъ его на части и передастъ дружку, который станетъ подносить всѣмъ, начиная съ отца и матери жениховыхъ, приговаривая:

472 (23).

Просить васъ князь са княгиню
Сыромъ съ караваемъ;
Сыръ, каравай принимайтя,
Зылату гривну вынимайтя,
Наша дѣла. ¹⁾
Всяво много надыбно.
На. ¹⁾ виритенцы,
На тонкіи пылатенцы,
Надыбна была купить
Воду вазить,
Баню тапить.
Ножки наши съ подходимъ,
Ручки съ подносимъ,
Сердечушка укорна,
Головушка накорна.

Коровой подають закусывать вино, которое тутъ же подносятъ молодая, а наливаетъ молодой. Гости по обыкновенію говорятъ: „горько, голуби насолили“ и проч. Молодые цѣлуются. Пиръ идетъ и кончится свадьба.

¹⁾ Пропускъ.

473 (24 *).

Ни сама жъ матушка
Волга рѣчинька затѣтала:
Затѣтала Волга рѣчка
Тѣми цвѣтами —
Легкими суднами.
На суднахъ сидятъ бурлачушки маладыя,
Они думаютъ думушку сабча заедино:
Сабиремтесь, братцы, всѣ за единый кругъ,
Подумаимъ думушку сабча заедино.
Мы сложимся бурлачушки
Всѣ по полтинушки,
Мы купимъ сибѣ васпльвой струхъ:
Поплывемъ мы внизъ на матушки на Волги,
Станемъ братцы
Противъ Строганова прикащичка окошка.
У Строганова прикащичка была дочка.
Прасилась дочь у матери
Вытить на улицу — погулять,
На молодыхъ бурлачушчиковъ насматрѣть.

*) Изъ того же обряда; мѣсто не указано — *Рсб.*

в) Ряжскій уѣздъ.

474 (1).

Какъ при вечерѣ, вечеру,
Какъ при ясной при лучинушкѣ,
При (имя невесты) дѣвишничкѣ
Прилеталъ къ ней младъ ясенъ соколъ.
Онъ садился на хрустальное окошечко,
На серебряну причалинку.
Никто сокола не видывалъ,
Увидала его матушка
Свѣтъ (имя и отчество),
Такъ возговорить дитяткѣ:
„Ты поди, мое дитятко,
Ты примолвь ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго.“
— Ахъ ты матушка, сударыня моя!
Миѣ примолвить-то его не хочется;
Мое сердце не воротится,
Уста кровью запекаются,
А вся внутренняя терзается.

475 (2).

Вотъ червоная кралечка,
Налитое сладко яблочко,
Да и походка павлиная,
Еще рѣчь лебединовая.
Не за то ль тебя царь полюбилъ,
А царица много жалывала:
На головку браліантничко,
Кругъ подолу алу ленточку,
А кругъ пазушки стежечку,
Да на бѣлую грудь поцѣночку.

476 (3).

Какъ во садичкѣ, садичкѣ,
Во зеленомъ виноградинчкѣ,

На ракиновомъ на кустичкѣ,
На малиновомъ на прутичкѣ
Не соловушко пѣсенки поетъ,
Холостой парень насвистываетъ,
На свисточкѣ выговариваетъ:
„Вы гуляйте-ка, дѣвушки,
Вы гуляйте-ка, голубушки,
Вы покамѣсь у батюшки,
У родимыя у матушки.
Не ровна весна выгуляться,
Не ровень женихъ подкажется,
Либо старой удумливой,
Либо молодой недужливой,
Либо воръ, либо пьяница—дуракъ,
Не отпуститъ на улицу гулять.“

Пѣсни 474—476 доставлены отъ А. Н. Попова;
записаны, повидимому, 3 янв. 1838 г.

477 *).

Поди, голубь, поди сизый,
Золотая голова,
У голубушки его
Нозолоченая.
У (имя жениха) молодая-то жена,
Молодѣшенькая;
Кабы намъ, молодцамъ, молодая-то жена,
Мы-бы лѣтомъ, мы-бы лѣтомъ
Въ колясочкѣ возили,
А зимою, а зимою
Во писаныхъ саняхъ,
На ямскихъ **) лошадицъ,
Чтобы кони не стояли,
Молоду жену везли.

*) Рязанск. губ. Данковск. уѣзда.

**) Забѣнено П. В. К—имъ: рысистыхъ.

ХІ. Тамбовской губерніи.

Козловскаго уѣзда село Александровское.

Сговоръ бываетъ почти безъ всякихъ церемоній и состоитъ большею частью изъ слѣдующаго:

Отецъ жениха идетъ къ отцу невесты и говоритъ: „Тимоѣей Никифоровичъ! у тебя дѣвочка, а у меня мальчикъ—не можно ли намъ съ тобой посвататься?“

Тимоѣей.

Наше дѣло не вольное, какъ господа по-
зволять.

Отецъ жениха.

Я спрашивалъ у господъ: благословили въ
доброй часъ.

Тимоѳей.

Ну, всѣтой (?) часъ, Алексѣй Тимоѳеевичъ,
это дѣло не береженое.

Алексѣй.

Была бы твоя дѣвочка готова, въ воскресенье будетъ у насъ съ тобой запой, а въ другое воскресенье будетъ должно быть и свадьба.

Тимоѳей.

Ну, хорошо!

Отецъ жениха уходитъ, тѣмъ и оканчивается сговоръ. По прошествіи назначеннаго рока, въ воскресенье, на запой отецъ невесты со всей родней своей приходитъ въ домъ жениха, гдѣ ихъ угощаютъ виномъ, брагою, пирогами и тѣмъ, что имѣютъ, — и въ то же время договариваются о приданомъ, которое, кромѣ другихъ крестьянскихъ вещей, должно состоять непременно изъ „поклажной“ шубы и денегъ 15 рублей. При запой пѣсенъ не поютъ, а, отъужинавъ и договорившись, расходятся по домамъ.

Съ четверга и до воскресенья невеста голосить нижеслѣдующее:

478 (1).

Кормилецъ ты мой, батюшка,
Отдаешь ты меня молодую, зеленую
Ко чужому отцу, къ матери;
Чужой отецъ-то мнѣ не отецъ, не батюшка,
Чужая мать-то мнѣ не матушка!

Въ пятницу вечеромъ у жениха въ домѣ пекутъ изъ ржаной муки пироги, который называется короваемъ; становятся избранные изъ крестьянъ мужъ и жена, которые живутъ согласно. Они высыплютъ въ кадку муки и, размѣшивая вѣсломъ, ходятъ трижды вокругъ оной припѣвая:

479 (2).

Становлю я коровай,
Становлю я яровой.

За каждымъ обходомъ и припѣвомъ цѣлуются, а еобранные игрицы поютъ:

480 (3).

У Хфетисовой матушки
Тройче сердце взрадовалось:

Первой разъ взрадовалось,
Что Хфетиса породила,
Другой разъ взрадовалось,
Что Хфетиса взростила,
А третій разъ взрадовалось,
Что Хфетиса женить хотять.

481 (4).

Ужъ вились и повились
На Хфетису черны кудри;
Они не сами вились:
Завивала ихъ матушка,
Завивала, приговаривала:
„Будь ты, мое дитятко,
Будь ты, мое милое,
И бѣло, и румяно, и не урочливо,
Калиное парило,
Малиное стѣрало!“

Поется повторительно, пока замѣсятъ коровай.

482 (5).

Восходи, мой коровай,
Восходи, мой яровой,
Выше печушки, выше столбушка.

Замѣшанный каровай оставляется до субботы.

Въ субботу утромъ таже чета, которая мѣсила, беретъ тѣсто и несетъ къ печкѣ, а игрицы поютъ: „Сѣлъ мой коровай на загнеточку, ношелъ мой коровай въ печечку“. Мужъ съ женой сажавшіе за каждымъ припѣвомъ цѣлуются, тоже дѣлаютъ и при вынутіи изъ печки.

Въ воскресенье по утрамъ.

Назначаются изъ сошедшихся родственниковъ: дружка, поддружье, баринъ большій, баринъ меншій, тысячной, полутысячной, сваха, повозникъ и другіе поѣзжане безъ названій.

Крестные, отецъ и мать, садятся за покрытый столъ подъ образа, принимая на себя названіе посаженаго отца и матери. Дружка съ женихомъ подходятъ къ столу.

483 (6).

Дружка говорить:

Батюшка посаженой
И матушка посажена,

Батюшка порожденной
И матушка порожденая,
Дружко и полудружье,
Большой баринъ
И меньшей баринъ,
Тысячной и полутысячной,
Сваха съ повозничкомъ,
Вся красное поѣзди!
Кто старъ — тотъ дѣдушка,
Кто сердъ — тотъ дядюшка,
Кто младъ — тотъ братецъ:
Благословите всѣ отъ стараго до малаго
Молодого князя снарядить!

Всѣ отвѣчаютъ:

Богъ тебя благословить!

Женихъ, дружко и поѣзжане идутъ въ особое мѣсто и одѣваютъ жениха, которому на плечи пришиваютъ красный платокъ съ опущеннымъ по спинѣ концомъ, а поѣзжане подпоясываются длинными полотенцами; во время туалета отецъ жениха подаетъ бутылку вина, которое по окончаніи уборки дружко разноситъ поѣзжанамъ и съ ними вмѣстѣ, взявши жениха за руку, приходятъ въ избу, и тамъ, остановившись у стола, дружко говоритъ прежнюю поговорку:

Батюшка посаженный
И матушка посаженая,
И проч.
Благословите всѣ отъ стараго до малаго
Молодого князя на мѣсто посадить.

Всѣ.

Богъ тебя благословить!

Жениха сажаютъ подлѣ крестной матери подъ образа, по другую его сторону садится баринъ, подлѣ его сваха, а по другую сторону стола садятся прочіе поѣзжане.

Посреди стола ставятъ на блюдѣ три пирога: два внизу, а третій сверху, а на концѣ—коврига хлѣба и солонка съ солью, подлѣ оныхъ полный непремѣнно штофъ вина и полный же стаканъ съ виномъ.

Полудружье кроитъ кусками хлѣбъ по числу поѣзжанъ, а дружко въ то же время выходитъ на улицу поглядѣть коней, гдѣ говоритъ стоящему народу:

484 (7).

Братцы молодцы,
Приуберите нашихъ коней,
Хвосты подвяжите,
Сѣдельца подтяните.

Стоящіе отвѣчаютъ: А что будетъ за труды?

Дружко.

За труды вамъ будетъ хлѣбъ-соль и Божья любовь.

Сказавши, входитъ въ избу и, взявъ у женихова отца штофъ вина, пирогъ и кувшинъ браги, отдаетъ стоящему народу на улицѣ, которые, взявши, пьютъ и ѣдятъ. Дружко же входитъ въ избу и садится за столъ, гдѣ, немного посидѣвши, встаетъ и, взявъ съ божицы образъ, говоритъ прежнюю поговорку:

Батюшка посаженной и проч.
Благословите всѣ отъ стараго до малаго
Съ Божьимъ образомъ кругомъ обойти

Всѣ.

Богъ тебя благословить!

Онъ обходитъ около поѣзду, сидящаго за столомъ трижды по лавкѣ и по полу, беретъ за руку жениха и ставитъ его посреди избы, говоря:

485 (8).

Батюшка родимой,
Бослови свое дѣтище родимое
Чистымъ сердцемъ
И Божьимъ образомъ —
Къ Божьему суду ѣхать,
Ко святому вѣнчанью,
Златъ вѣнецъ принять:
Какъ привелъ Богъ подъ крестомъ,
И такъ бы подъ вѣнцемъ.

Родной отецъ беретъ отъ дружки образъ и становится на разостланную шубу, а женихъ, на оную дружкой поставленный, кладетъ три земныхъ поклона, цѣлуетъ образъ и отца. Въ это время игрицы поютъ:

486 (9).

Не хмѣльное перо
Упадало, Иванъ — пало;

Уиадалъ Хфетисушка
Передъ роднымъ батюшкой,
Просить: и мене и бослови
Ко Божью суду ѣхать,
Къ святому вѣнчанью.

Образъ передается поочередно: матери, крестному отцу и матери и всѣмъ поѣзжанамъ. Дружко приговариваетъ каждому, игрицы поютъ ту же пѣсню. Но окончаніи благословенія дружко принимаетъ отъ послѣдняго образъ и, взявши жениха за руку, ведетъ на дворъ, куда за нимъ слѣдуетъ и весь поѣздъ, который, вышедши, становится въ рядъ, а по другую ихъ сторону становятся женихъ и дружко. Изъ избы выносятъ скамью и ставятъ оную передъ женихомъ, на нее садится его родная мать въ вывороченной вверхъ шерстью шубѣ, а дружко, стоявшій впереди всѣхъ, говорить:

Батюшка посаженный и проч.
Благословите всѣ отъ стараго до малаго
Съ Божиимъ образомъ кругомъ обойти.

В с ѣ.

Богъ тебя благословить!

Дружко обходить съ образомъ около лошадей, кибитки и всего поѣзда трижды, а послѣ становится на свое мѣсто и говорить:

487 (10).

Батюшка посаженной
И матушка посаженная,
Батюшка порожденый
И матушка норожденая,
Дружко и полудружье,
Большій баринъ и меншей баринъ,
Тысячной и полутысячной,
Сваха съ повозникомъ
И вся красное поѣздъ!
Благословите всѣ отъ стараго до малаго
Молодова князя въ златое стремяно погу
На черкасское сѣдо сѣсть, [вздѣтъ,
И шелковы повода въ руки взять—
Ко Божьему суду ѣхать,
Ко святому вѣнчанью
И златъ вѣнецъ принять;
Какъ Богъ привелъ подъ крестомъ,
Такъ подъ вѣнцомъ.

Женихъ становится къ сидящей матери своей на колѣно правой ногой и, отошедши,

садится верхомъ на лошадь; поѣзжане также садятся на лошадей верхами и подѣзжаютъ къ кибиткѣ, въ которой съ повозникомъ сваха (сѣвшая въ одно время съ ними) встаетъ на ноги и говоритъ:

Батюшка посаженной и проч.
Благословите всѣ отъ стараго до малаго
Яровымъ хмѣлемъ обсѣить.

В с ѣ.

Богъ тебя благословить!

Тогда сваха, взявши изъ блюда, которое держитъ на сей разъ въ рукахъ, горсть хмѣлю, обводитъ имъ около головы и посыпаетъ на поѣзжанъ, которые держатъ въ рукахъ снятыя съ головъ шапки. Она сіе повторяетъ троекратно, а игрицы поютъ:

488 (11).

Зыблется дѣска среди моря:
Женится Хфетись государь среди Москвы;
Стужится, сгорюется, что коней мало.
Шлетъ ему самъ государь изъ своихъ коней
Неѣзжанныхъ и немужданныхъ.
Зыблется дѣска среди моря:
Женится Хфетись государь среди Москвы;
Стужится, сгорюется, что сѣделъ мало.
Шлетъ ему самъ государь свои сѣдлы не-
Зыблется дѣска среди моря: [сѣдланья.
Женится Хфетись государь среди Москвы;
Стужится, сгорюется, что уздѣвъ мало,
Шлетъ ему самъ государь узды немужданные.

По обсѣяніи хмѣлемъ всѣ ѣдутъ къ невѣстѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: дружко и полудружье впереди, за ними женихъ съ баринѣмъ, за этими всѣ поѣзжане; шествіе заключается кибитка, въ которой сидитъ сваха съ повозникомъ; на отѣздъ ихъ игрицы поютъ:

489 (12).

Пора, пора ѣхать,
Пора собираться
Ко тесову двору.
У тесова двора
Гора то крутая:
Ни взойтить, ни взѣхать;
Козаковъ было нанять
И гору вскопать.

Когда подѣзжаютъ къ воротамъ невѣсты, которыя на сей разъ крѣпко запираются, игрицы невѣстины поютъ:

490 (13).

Мимо ѣхалъ Хфетисъ государь,
Махнулъ шелковой плеткой:
„Ты не плачь, моя Агафьюшка,
Дамъ я тебѣ волю батюшкину,
Волю батюшкину, нѣгу матушкину,
Срублю я тебѣ сѣни новыя,
Сѣни новыя ешто громкія,
Поставлю тебѣ тесову кровать,
Стану тебе рано будить,
Рано будить и къ дѣлу учить“.

491 (14).

Волга рѣка разливается,
Зять у воротъ убивается:
„Тѣшша моя, тѣшша ласковая!“
Вывела тѣшша да коня въ сѣдлѣ:
„Тота ни мое, тота ни суженое
И не ряженое.“
Волга рѣка разливается,
Зять у воротъ убивается:
„Тѣшша моя, тѣшша ласковая!“
Вынесла тѣшша сундукъ съ холстомъ:
„Тота ни мое, тота не суженое
И не ряженое.“
Волга рѣка разливается,
Зять у воротъ убивается:
„Тѣшша моя, тѣшша ласковая!“
Вывела тѣшша Агафьюшку:
„Тота мое, тота суженое
И ряженое.“

Дружко и полудружье, слѣзши съ лошадей,
стучать въ ворота кнутниками; дружко го-
ворить:

„Отворитесь, хозяева!“ Стоявшіе на дворѣ
спрашиваютъ: „Что вы за люди?“

Дружко.

Мы люди Божьи, ѣздили по лугамъ и по
болотамъ: искали кунницъ и лисицъ, снѣгу
не было и слѣду къ вамъ не было. Снѣгъ
напалъ, и слѣдъ къ вамъ припалъ.

Стоявшіе на дворѣ.

Мы доложимъ хозяину, да што съ васъ
будеть за труды?

Дружко.

Вамъ за труды хлѣбъ-соль и Божья любовь.

Ворота растворяютъ, всѣ сходятъ съ ло-
шадей и идутъ въ сѣни; тамъ ихъ встрѣчаетъ
отецъ невѣсты. Игрицы поютъ:

492 (15).

Да ни наступали бояре въ новы сѣни
Въ новы сѣни Тимофеевы;
Авось взойдетъ красно солнце,
Красно солнца, часты звѣзды,
Часты звѣзды, свѣтель мѣсяць.

Дружко.

Желаешь ли, любезный сватушка, гостей
къ себѣ?

Отецъ невѣсты.

Просимъ милости!

Всѣ идутъ въ избу и останавливаются по-
среди оной; тамъ подъ образами за столомъ
сидятъ: крестные отецъ и мать невѣсты, подѣ
матери братъ, а подѣ брата невѣста, убран-
ная и покрытая платкомъ, который спускается
на лицо.

Дружко (показывая на брата).

Што это сидитъ за человѣкъ у васъ?

Братъ.

Я посаженъ человѣкъ Божій, и посаженъ
отъ хозяина.

Дружко.

Не можно ли тебѣ вылѣзть?

Братъ.

Нельзя вылѣзть, передъ окупи мѣсто, меня
хозяинъ посадилъ.

Дружка.

Што тебѣ за мѣсто?

Братъ.

Не рубъ, не полтину, золотую гривну.

Дружко наливаетъ въ стаканъ вина и опу-
щаетъ въ оный гривну денегъ; послѣ сей хи-
мической операціи подноситъ стаканъ брату.

Сей пьетъ вино, цѣлуетъ невѣсту и отдаетъ ей положенную гривну и, вышедши изъ-за стола, сажаетъ на свое мѣсто жениха, а отецъ невѣсты, подошедши къ столу и взявъ руки своей дочери и жениха, сложивши вмѣстѣ говорить:

493 (16).

Зятикъ мой любезный!
Вручаю тебѣ дочерю любезную:
Пой, корми и одѣвай
И на работу посылай,
Сѣй ленъ да замашки,
Спрашивай съ нее рубашки.

Невѣста въ сіе время голосить:

494 (17).

Не вручай меня, батюшка,
Ко чужому къ отцу, къ матери!

Но окончаніи сей процессіи, невѣстина родня выходитъ изъ за стола, а вмѣсто оной садится жениховъ поѣздъ. На столъ такъ же, какъ и у жениха, ставятъ штофъ съ виномъ, кувшинъ съ брагою и на блюдѣ три пирога, но ничего не пьютъ и пироговъ не рѣжутъ.

Игрицы говорятъ:

495 (18).

Батюшка посаженный
И матушка посаженная,
Батюшка порожденный
И матушка порожденная,
Дружко и полудружъе,
Большой баринъ и меньшей баринъ,
Тысячной и полутысячной,
Сваха съ новозничкомъ,
Вся красное поѣздъ!
Кто старъ—тотъ дѣдушка,
Кто сердъ—тотъ дядюшка,
Кто младъ—тотъ братецъ;
Басловите всѣ отъ стараго до малаго
Кузьму—Дямьяну, сыграть.

Дружко.

Богъ васъ басловить!

Игрицы поютъ:

496 (19).

Бослови, Боже, до двухъ порожденъ,
Да столько же намъ свадьбу сыграть!

Бослови, Боже, до двухъ посаженъ,
Бослови, Боже, Микита попутчикъ,
Бослови, Боже, Михала Архангелъ,
Бослови, Боже, рожество Христова,
Бослови, Боже, хрестынъ басловляти.
Бослови, Боже, къ вѣнцу отпушпати.

И тотчасъ за симъ поютъ жениху:

497 (20).

Гдѣ сидитъ тамъ Хфетись государь,
Тамъ свѣчей свѣтикъ найдетъ,
Божья милость Богородица.

Засимъ поются къ жениху и къ поѣзда-
намъ пѣсни, за которыя игрицы дарятъ:

498 (21).

Хто, хто въ сталѣ стучить,
Кто казной воротить,
Хочетъ насъ игрицы дарить?
Игрицы-та молодыя,
Его денежки золотыя.
Какъ онъ будетъ дарить,
Такъ мы будемъ хвалить,
А не будетъ дарить;
Такъ мы будемъ корить.

499 (22).

У Семена на дворѣ
Выростала яблонька
И сильно цвѣла,
Да немножко выцвѣла,
Сево два яблочка:
Первая яблочка—
Што Авдотья Семеновна,
А другая яблочка—
Марья Семеновна.
Ну, Семену пѣсенка
Не безчестна слушать,
При бесѣдѣ сидючи,
На людей глядючи.

500 (23).

Хфетисушки подарены
И гривною полтиною,
Цѣлою рублиною.

501 (24) (если долю не дарить).

Семену пожилось,
Ему рождъ съ овсомъ родилось,

И што ярая пшееница,
И што черная гречиха;
Возы бы ему насыпать
И на торгъ бы ему отвозить,
Дорогой цѣной продавать,
Ему денежки собирать.
Его денежки золотыя,
А игрицы молодыя,
А насъ игриць то немножко,
Сево сорокъ три да четыре.

502 (25).

Ножка на ножку ступалъ,
Рублемъ ворота замыкалъ,
Полтиной ворота отмыкалъ.
Не Марфушка по шпалкамъ (?) шла,
Она сахарецъ на блюдь несла.
Взяла жена сахара цаловать,
Взяла она бѣленькаго миловать.

Дружкоговорить: „Сватушкалюбезной, дай те благословеньица“. Отецъ невѣсты подастъ ему образъ, дружко обходитъ съ нимъ трижды по лавкѣ и по полу около стола и, выведши невѣсту и жениха, ставитъ на разостланную шубу и отдаетъ образъ отцу; женихъ и невѣста кладутъ вмѣстѣ по три поклона, цѣлуютъ образъ и отца; игрицы поютъ, какъ и у жениха: „Не хмѣльное перо“ и проч. (см. № 486). Образъ передается, и благословеніе повторяется всѣми. По окончаніи онаго дружко, принявши образъ, идетъ на дворъ, всѣ слѣдуютъ за нимъ и становятся въ рядъ. По выходѣ игрицы поютъ:

503 (26).

У Тимофея на дворѣ, рой, рой!
Тутъ стояло деревцо, рой, рой!
И тонко и высоко, рой, рой!
И листомъ широко, рой, рой!
Ужъ къ этому деревцу, рой, рой!
Соѣзжались господа, рой, рой!
Они думу думали: рой, рой!
„Ужъ какъ эта мнѣ быть, рой, рой!
Ужъ какъ подойтить?“ рой, рой!
А Хфетись то взговорилъ: рой, рой!
— Такъ я то подойду, рой, рой!
Да какъ я то возьму, рой, рой!
Я за правую руку, рой, рой!
За золотой перстень!—рой, рой!

504 (27).

Во полѣ, во курганѣ орелъ навукъ бѣтъ.
Онъ бѣтъ, онъ бѣтъ орелъ навукъ,

Въ гусялицы играетъ. [бѣтъ.
Во горницѣ во свѣтлицѣ сынъ палушкинъ
Вечеръ нашу Агафьюшку стоваривали,
Сы полуночи Тимофевну просватывали,
Ва раннюю обѣденку къ вѣчанью везутъ,
Дружко ведетъ за рукавъ, а Хфетись за
рученьки,
А батюшка стоять плачетъ, не знаетъ какъ
быть:

„Дитѣ ль ты мое, Агафьюшка, простимся со
мною!“

—Я бы рада простила, Хфетись не велить.

„Дитѣ ль ты мое, Тимофевна, оглянись назадъ!“

—Я бы рада оглянулася, закрыты глаза,
Закрыты, завѣшены тонкимъ иолотномъ.

„Дитѣ ль мое, Агафьюшка, постой ты мене!“

—Я бы рада постояла, кони не стоять,
Повозничекъ малешенекъ не сможетъ дер-
жать;

Возжой тронетъ, земля стонетъ, копыты гу-
дутъ.

Возжи круты руки рѣжутъ, покинутъ хотять.

Дружко во время пѣнія говорить:

505 (28).

Батюшка посаженный, и проч.

Благословите, и проч.

Кругомъ съ образомъ обойтить.

Онъ обходитъ съ образомъ кругомъ поѣзда
и лошадей, женихъ сажаетъ невѣсту въ кибитку,
съ ней садится сваха, поѣзжане подѣзжаютъ,
она осыпаетъ ихъ хмѣлемъ такъ же,
какъ и у жениха, игрицы поютъ: „пора пора
ѣхать“ и проч.

Ѣдутъ въ томъ же порядкѣ, какъ и отъ
жениха, въ церковь, и оттуда, по совершеніи
таинства брачнаго, возвращаются въ домъ же-
ниха или молодого, котораго величаютъ „мо-
лодымъ княземъ“, а жену его „молодою кня-
гинею“. Ихъ встрѣчаютъ отецъ и мать; первый
держитъ хлѣбъ, а послѣдній образъ; поѣздъ
останавливается поотдалъ, а дружко подѣзжавши
говорить: „Алексѣй Тимофеевичъ,
желаете ли гостей къ себѣ въ домъ?“ Отецъ:
„Просимъ милости!“ Сваха въ это время
поетъ:

506 (29).

Мы далеко ѣздили,
Мы дородну привезли
Въ дому кукобницу,

А въ полѣ работницу:
И бѣла и румяна,
Личикомъ написана,
А умомъ насыпана.

Игрицы послѣ свахи поютъ:

507 (30).

Долго, долго Хфетисушка дома нѣтъ:
Бочички всѣ повыпили
И пивные и винные.
Быль бы здоровъ мой батюшка,
И будутъ они полнехоньки
И пивные и винные;
Была бы у меня здорова матушка,
Будутъ бѣтвицы теплехоньки.

Поѣздъ слѣзаетъ съ лошадей. Молодой принимаетъ изъ повозки молодую и ведетъ ее къ отцу и матери, гдѣ, ставъ передъ ними на разостланную шубу, кладутъ по три поклона, цѣлуютъ образъ, хлѣбъ, отца и мать и послѣ съ ними вмѣстѣ входятъ въ избу, гдѣ дружка сажаетъ ихъ за столъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ передній уголъ барина, подлѣ него молодого князя, подлѣ молодую княгиню, подлѣ княгини сваху, а по другую сторону стола на скамьѣ садится весь поѣздъ.

Дружка спрашиваетъ оставленные на столѣ при отѣздѣ пироги, хлѣбъ и вино, которые подаютъ, а также и другія кушанья, которыми потчуютъ гостей; но молодые не пьютъ и не ѣдятъ; въ продолженіе стола игрицы поютъ:

508 (31).

Погнулись сѣни,
Какъ сваты заѣли;
Не такъ то они погнутся,
Какъ меду напьются,
Вина зеленова.

509 (32).

Богъ васъ снесъ въ одно гнѣздушко:
Нынче у насъ на одной лавочкѣ сидятъ,
Одну клюковку клюютъ.

По окончаніи обѣда молятся Богу. Дружка выбираетъ изъ поѣзжанъ одного мужа и жену, коихъ посылаетъ обоспать для молодыхъ постель. Игрицы въ сіе время поютъ:

510 (33).

Хфетисушка скажетъ: спать я хочу.
Агафьюшка молвитъ: и я съ тобою.
Хфетисушка скажетъ: коровать тѣсна.
Агафьюшка молвитъ: будетъ съ насъ.
Хфетисушка скажетъ: одѣло холодно.
Агафьюшка молвитъ: будетъ тепло.
Хфетисушка скажетъ: зголови низки.
Агафьюшка молвитъ: будутъ высоки.

511 (34).

Челночекъ по рѣченькѣ славливаетъ,
Хфетисъ у Агафьюшки спрашиваетъ:
„Кто тебѣ, Агафьюшка, изъ роду милъ?“
— А миѣ милъ то, милехонекъ батюшка.
„А то то, Агафьюшка, не правда твоя,
А то то, Тимофевна, не истинная!“

Та же пѣсня повторяется только съ тою разницею, что Агафья говоритъ, что ей мила матушка.

512 (35).

Челночекъ по рѣчкѣ славливаетъ,
Хфетисъ у Агафьюшкѣ спрашиваетъ:
„Кто тебѣ, Агафьюшка, изъ роду милъ?“
— А миѣ милъ то, милехонекъ Хфетисъ
государь.
„А то та, Агафьюшка, правда твоя,
А то та, Тимофѣевна, истинная.“

Черезъ часъ послѣ стола дружка ведетъ молодыхъ спать и, вошедши въ хатку, гдѣ приготовлена постель, спрашиваетъ лежащихъ на оной мужа и жену, посланныхъ обоспать: „что за люди лежатъ?“

Они: „Мы посланы отъ князя молодого постель обоспать“. Дружка: „Обогрѣвши постель, извольте слѣзати долой“. Они: „Нѣтъ не слѣземъ, заплати намъ за труды.“ Дружка подноситъ имъ по стакану вина, а игрицы поютъ:

513 (36).

Шелковая плетка къ стѣнкѣ льнетъ,
Хфетисъ то Агафьюшкѣ къ сердцу жметъ.

514 (37).

Воробей воробку паруетъ,
Посадивши на кровать, Хфетисъ Агафьюшку
„Ужъ ты душа моя, женушка, [цѣлуетъ:]

Данная моя поглядѣнья,
Ночная моя забава“.

Обсыпавшіе постель слѣзаютъ долой, а на оную ложатся молодые, которымъ дружка перенлетаетъ нога за ногу съ приказаньемъ: чтобъ до его прихода не расплетали; по окончаніи сего ихъ оставляютъ и уходятъ въ избу.

Вечеръ.

Дружка поднимаетъ молодыхъ, вводитъ въ избу, сажаетъ за столъ; а въ то время идутъ отецъ, мать и вся родня молодой. Отецъ несетъ хлѣбъ, мать курицу, а братъ сундукъ съ дарами, состоящими изъ рубашекъ и платковъ. Ихъ въ сѣняхъ встрѣчаютъ молодые, отецъ и мать князя и дружка; отецъ князя потчуетъ ихъ виномъ, послѣ того приглашаетъ въ избу, гдѣ сажаетъ за столъ. Дружка спрашиваетъ у матери молодого коровай, который она приносить и ставитъ на столъ, а мать и сестра молодой раскрываютъ сундукъ съ дарами и, вынувши изъ онаго платокъ, покрываютъ коровай. Дружка, снявши платокъ съ коровай, вытираетъ онымъ себѣ губы, цѣлуетъ мать и сестру молодой, платокъ беретъ себѣ, а коровай рѣжетъ на куски по числу гостей; по окончаніи сей операціи ставитъ передъ матерью и сестрой княгини блюдо, на которое они кладутъ рубаху и полотенце, а дружка кусочекъ каровай, и всѣ вмѣстѣ подходятъ къ отцу молодого. Дружка говоритъ:

515 (38).

Во горенкѣ во новой,
Во бесѣдѣ во чесной,
Кто таковъ есть поимянно
Алексѣй Тимофѣевичъ?
Посланъ я отъ князя, отъ княгини
И съ краснымъ блюдомъ,
И съ сладкимъ медомъ,
И съ сыромъ, короваемъ,—
Дарить тебя, князь со княгиней,
Сыромъ, короваемъ.
Сыръ, коровай принимай,
А золоту гривну вынимай.
Наше дѣло на нови,
Намъ много надобить:
На шшотки, на гребенки,
На кривыя веретены,
На кушачки, на тарачки,

На ластовицы и на гашнички,
И на мыльца, и на шильца,
И на бѣлилица, и на румяница.
Наша молодая набѣлится
И нарумянится,
Выдетъ на улицу—
Всѣ люди подивуются,
Скажутъ: чья такова?
Мы скажемъ: Хфетисова жена.
А намъ все честь да хвала,
Што она хороша.
Надо шелкову плетъ купить,
Надо молодую бить
И надо рано будить,
Штобъ она тонко прjala
И звонко ткала
И бѣло бѣлила,
И насъ чтобъ господъ дарила.
Козла хотимъ купить
Дрова рубить,
Купить козушку
Возить водушку.
Мы не для того тебѣ даримъ
Што отдарковъ хотимъ;
Для того тебѣ даримъ—
Спознатца съ тобой хотимъ.
А ты, Алексѣй Тимофеевичъ,
Помоги по силѣ,
Положи хоть рублика четыре,
А знаешь совѣсть и честь—
Положи хоть рубликовъ шесть;
Нынѣ время осень—
Положика рубликовъ восемь.

Свекоръ принимаетъ дары вмѣстѣ со свекровью и даритъ молодымъ телушку, а на блюдо кладутъ деньги. Послѣ нихъ дарятъ всѣхъ присутствующихъ на свадьбѣ гостей точно такимъ же порядкомъ, и дружка приговариваетъ ту же приговорку.

По окончаніи даровъ садятся за столъ и ужинаютъ (ужинъ называется „молодого обѣдомъ“), а послѣ стола расходятся по домамъ.

516.

На дѣвичникъ.

Не труба трубить рано по зарѣ,
Агафьюшка плачетъ по русой кось:
„Ахъ, свѣтъ моя косушка, русая была;
Вечоръ мою косушку дѣвушка плела,
По утру ранѣхонько свашенька плела,
Плела, плела плеточку поверхъ головы,
По сверхъ-то головушки по двѣ косушки.

517.

На дѣвичникѣ.

Растопися, банюшка,
Разгорися, каменка,
Разсыпся, крупень жемчугъ,
По дубовому столику,
По серебряну блюдечку:
Расплачяся, Агафьюшка,

Предъ своимъ батюшкой:
Государь ты мой, батюшка!
Ты по что дрова рубишь?
— Дитя ль мое, дитятко,
Я хочу тебя замужъ отдать,
Я хочу пиво варить*).

Пѣсни 516—517 доставлены г-мъ Поиновымъ.

*) Конца нѣтъ: рукопись обрывается.—*Ред.*

ХII. Орловской губерніи.

а) Мценскаго уѣзда.

518 (1).

Луга мои, зеленые луга!
Въ тѣхъ ли лугахъ все ковыль да трава;
Въ той ковылѣ бѣлый олень золотые рога.
Мимо ѣхалъ добрый молодецъ;
Стегнулъ оленя плеточкою:
„Не стегай, не стегай, добрый молодецъ!
Въ нѣкое время будешь жениться,
На свадьбу приду,
Всѣхъ твоихъ гостей развеселю,
А особливо невѣсту твою,
Чтобы она сидѣла, не плакала,
Не мочила своего бѣла лица еще румяного!“

519 (2).

По выходамъ, выходамъ
Выходила, погуливала
Молодая барышня.
Сговорила ее матушка:
„Отдаю тебя на люди,
Молодцу на руки:
Отдаю да приказываю:
Ты нѣжь мою дитетку,
Какъ я ее нѣжила;
Не дала вѣтру дунути,
Солнцу глянути!“

520 (3).

Еще по мосту, мосту,
По калинову мосту
Ѣхала карета;
Въ той ли каретѣ
Сидитъ красна дѣвица,
Сидитъ и сама плачетъ;
Парень унимаетъ,

Платкомъ слезы утираетъ:
„Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица!
У меня будешь жить вольно:
Куда пойдешь, спросишься;
Отколѣ придешь, скажешься“.
— Что жъ у васъ за воля?
У меня у батюшки вольнѣ:
Куда пойду, не спрошуся;
Отколѣ приду, не скажуся.

521 (4).

Бѣлъ зайныка, горностаинька!
Почто-жъ тебя въ зеленыхъ лугахъ нѣтъ?
Аль у тебя привадушка есть?
— „Привадушка, бѣлая ластушка,
Она привадила меня къ себѣ“.—
Добрый молодецъ!
Почто-жъ тебя на бесѣдѣ здѣсь нѣтъ?
Аль у тебя привадушка есть?
— „Привадушка, красная дѣвушка:
Она привадила меня къ себѣ;
Привадила, приголубила!“

522 (5).

Летѣли голуби черезъ дворъ,
Ударили крыльями объ теремъ,
Сказали молодцу добрую вѣсть,
Что у молодца въ домѣ есть:
У нево воронъ конь, что орелъ;
Что самъ сидитъ на коню, какъ соколъ.
Увидѣла матушка съ высока терема:
„Куда-жъ, мое дитятко, собрался?“
— Сударыня матушка, въ дорожку!
Пожалуйте, матушка, подможку:
Сорокъ человѣкъ верховыхъ,
Пятьдесятъ коней вороныхъ,

Три каретушки золотыхъ,
Двѣ плеточки шелковыхъ,
Три повозника кудрявыхъ,
Двѣ свахи молодыхъ!

523 (6).

Воробушка, воробей,
Отлетная пташечка,
Куда летала, отлетала?
— Отъ сада до сада,
Отъ краснова вишенья,
Сладкова яблочка
До теилова гнѣздушка.—
Добрый молодецъ,
Куда ѣздить, разъѣзжалъ?
— Отъ села до села,
До тестина двора,
До красной дѣвушки своей:
„Красна дѣвушка, выди къ намъ,
Красавица, выступи!“
— Я бы рада вышла къ вамъ:
Буень вѣтеръ косы рветъ,
Ясно солнце лице жжетъ.—
Добрый молодецъ—отъ воротъ,
Красна дѣвушка вскричала:
„Добрый молодецъ воротися!“
— Радъ бы я, дѣвица, воротился:

Буень вѣтеръ нухову шляпу рветъ,
Ясно солнце лице жжетъ.
Пѣсни 518—523 записаны Павломъ Цуриковымъ.

524 *).

Величальная.

Да и хто жъ у насъ во гостюшки пришелъ
Ай люли, ай люли, люли!
Вотъ и Павелъ сударь на коню прѣѣзжалъ
Вотъ Ивановичъ на ворономъ коню,
Вотъ и Аннушка у воротичкахъ стоитъ,
Ивановна у правой верей:
„Вотъ и, Анна, отвориай ворота,
Ивановна, уступающа добра коня“.
— Ни творяю я ворота,
Ни примаю тваво ворона коня,
За вяликаю за грубу за твою,
Што ни ходишь на постелю на мою.
Вотъ постелюшка простыла бизъ тебе,
Изголовница заиндивило.

Отъ П. И. Якушкина 1847 г.

*) Дер. Синькова, отъ Мценска 23 в.—Прим.
соб. По списку нас. мѣсть Орл. губ. (1871) такой
деревни въ Мценскомъ у. не значится: есть толь-
ко Синяевка; дер. Синькова числится въ Орлов-
скомъ у.—Ред.

б) Мценскаго уѣзда д. Занкина.

525 (1).

Ва свѣтлай было свѣтлицѣ,
Ва сталовой новай горницѣ,
Подъ косачетымъ акошечкамъ
Сидѣла красная дѣвушка.
Ана такъ илачить, какъ рѣка льѣтца;
А взрыдаить, какъ волны бѣютца.
Передъ ней стоять добрай моладець,
Онъ цѣлуетъ руку бѣлаю:
„Ты цѣлуй, цѣлуй, мой милай друхъ,
Цѣловамши не забудь мене...,
Воснамяни же мене, мой милай друхъ,
Хоть на чернай грязи стоячи“.
Быль то я, братцы, въ каменной Москвѣ,
Любилъ то я красную дѣвушку:
Какая была умная,
Лицомъ была прекрасная,
Каса у ней русая,
Въ касѣ лента алая.

526 (2).

Какъ по садику, садику,
На зелѣнаму винаграднику,
Тамъ ходила, нагуливала
Маладая баярыня,
Што Авдотья Михаловна;
Она будила, побуживала
Сваво друга милова,
Что Ивана Сергѣича:
„Ты устань, праснись,
Ты устань, прабудись!
Да гдѣ жъ нашъ зеленой садъ
Съ калинай съ малиною?“
— Не тужи, мая умная,
Не тужи, мая разумная;
Заведемъ мы зелѣнай садъ
Съ калинай съ малиною,
Съ чернай ягодой—смародиною.

527 (3).

Не павушка но сѣнюшкамъ хадила,
Не павлинь свай перушки раниль:
Красная дѣвушка на горинки хадила,
Ана нянюшекъ, мамушекъ будила:
„Встаньте, нянки, встаньте, мамки,
Вы встаньте, праснитесь,
Насабите мнѣ несчастной горе мыкать;
Нажила я, красная дѣвушка, себѣ друга.
Не велить мнѣ ово матушка любить;
Я не въ силахъ приказъ матушкинъ испол-
Я гатова холода, голада принимати, [нить,
Въ заточеньи, въ заключеньи съ нимъ си-
дѣть,

Штобъ вмѣстѣ лишь съ милымъ другамъ
Ты видишь, варваръ, какъ я страдаю, [быть.
Ты въ глазахъ сидишь, другую увѣряишь,
Мене бѣдную, несчастную пакидаишь.“
— Напрасно, красавица, мене ты абижаишь;
Моей искренней любви савеѣмъ къ себѣ не
знаишь.

528 (4).

По мосту, масточку,
Но калиновому масточку
Шли, прашли двѣ дѣвицы,
Двѣ радныя сестрицы;
Въ рукахъ несли по фанарѣчку,
Въ фанарѣчкѣ по угалѣчку;
Уранили угалѣчикъ
Подъ калинавай масточицъ;
Гарить, гарить калинавай мостицъ.
У дѣвушки сердце ноить, ноить, занываить.
Я стала, гаревала,
Сказали: я друга абнимала;
Я стала падъ грушей,
Сказали: съ Петрушей;
Я залотъ перстень уранила,
Я за перетнемъ накланилась,
Сказали, што я накланилась.
Ты хад, Петрушенька, пачаще,
Наси пряничковъ паслаще,
Изюму ради думы,
Винограду ради взгляду,
Арѣшковъ для патѣнки.

529 (5).

У варотъ стаить арѣшеня,
У варотъ стаить зелѣная;
Подъ тѣмъ арѣшеньямъ
Калыбелъ павѣшена.
Въ этой калыбелѣ

Дитѣ качаитца,
Дитѣ боярское,
Иванъ Сергѣевичъ.
У Ивана у Сергѣевича
Есть два братца радныя:
„Два братца радные!
Ступите паближе,
Скачнито павыше,
Чтобъ видна далеча:
Мая баярыня
По саду гуляить,
Яблачки срываить,
По блюду катаить,
Баярь утѣшаить“.

530 (6).

Заря ли, моя зорюшка,
Вечерняя солнушка!
Далеко васхадила,
Высако свѣтила:
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ сине черезъ море;
На томъ синемъ мори
Лежала дасточка,
Дасточка еловенькая,
Переходъ дубовай.
Какъ по той на дасточки
Никто не хаживаль,
Никаво не важиваль.
Па той-та на дасточки
Перешоль Иванъ Сергѣевичъ,
Онъ съ сабою перевёлъ
Младую баярыню
Авдотью Михаловну;
Перевѣдши цѣловаль,
Цѣловавши миловаль,
Ещё другомъ называль:
„Друхъ ты мой, Авдотья,
Сердце маѣ, Михаловна!
Любишь ли ты перхадити,
Любишь ли мѣдъ ниво пити?“
— Я люблю перхадити,
Люблю мѣдъ ниво пити,
Я люблю постелю слать,
Згловье класть
И на ручкѣ спать.

531 (7).

Калинушка, малинушка,
Истоптаная, исталоченая!
Кто жа доброй молодець
Малину патапталь,
Калину паламалъ?

— Патаптали малинушку,
Паламали калинушку
Данскія казаки,
Удамы маладцы,
Зелены кафтанцы,
Шапки бархатнай,
Штаны полубархатнай,
Подияасочьки всё камлотовай.—
А кто жа у насъ вечеръ пьянъ приноль,
Пришелъ пьянъ нянѣшуникъ?
А кто у насъ на нагахъ не стаить?
— Сергѣй у насъ пьянъ нянѣшуникъ,
Михалычъ на нагахъ не стаить,
Шатанца, валянтца
У Домны въ нагахъ:
„Ты, Домна, разуй,
Спиридоновна, разуй!“
— Я бы рада разула,
Я не знаю, какъ зоуть:
Мнѣ люди сказали,
Што Сергѣемъ зоуть,
А другіе говорятъ,
Што Михалычамъ.

532 (8).

Падъ калинушкой, падъ малинушкой
Спать, пачиваить доброй моладець,
Доброй моладець, што Григорьюшка Өара-
нентовичъ;
Передъ нимъ стоять слуги вѣрнай,
Дѣвки сѣнныя *):
„Ты ўстань **)—ка-ся, пробуди-ка-ся!
У насъ на улицы синѣ моря,
На синемъ морѣ карабли плывуць
Съ алыми лентами,
Съ залатыми пазументами“.
— Што хорошае, то сабѣ вазму,
Што получее, то таваришшу,
То таваришшу, брату роднаму.

*) Поясненіе: горничныя.

**) Поясненіе: встань.

533 (9).

У полюшка, у поля рябина стаяла;
Буднѣ вѣтеръ рябину шатаить,
Ясно сонце рябинушку сушить.
Ужъ кто-то у насъ въ Маскву отѣзжаить,
Въ Маскву камянуца?
— Петрунюшка въ Маскву отѣзжаить,
Душу Аннушку адну спакидаить:
„Не плачь, душинька, не плачь, не печалься!
Я самъ скоро буду, буду,

Тебе, Анютушка, не забуду!“
Гляну въ чисто поле,
Петрунюшка ѣдить;
Подъ нимъ-то конь, што соколь игратъ;
На немъ-то шапка—банты завитыи,
Касники залатыи.

534 (10).

Величальная.

У насъ на пали, на паляни,
На високамъ на кургани,
Бѣгить тамъ конь сивагривай,
Сивагривай, бѣлкапѣтай.
На томъ каню сиделичка
Черкасская, немецкая;
На томъ сѣдлѣ доброй моладець,
Доброй моладець Григорьюшка.
Онъ сѣлъ на каня, призадумалси,
Пригарюнилси *).
Случилось ему ѣхать межъ города
Межъ Новава **),
Межъ садику зилѣнава.
Во садику ва зилѣнамъ
Онъ цвѣтки сарываль, вѣйки завиваль,
На коня сѣлъ и призадумалси,
Призадумалси, пригарюнилси.

*) Призадумалси, пригарюнилси. — *Попр. II. В. К-аго.*

**) Межъ города, межъ Новаго. — *Попр. II. В. К-аго.*

535 (11).

Подъ дуброваю, подъ зилѣною
Тамъ ходилъ, гулялъ доброй моладець,
Разсѣваль рамонѣ *), пригавариваль:
„Ты расти, рамонѣ, распушчай вѣтви,
За тобой, рамонѣ, хадить нѣкаму:
У мене матушка старѣшунька,
Сестрица маладѣшунька,
Маладой жены у мене нѣту-ти“.
Случилось ему межъ горъ ѣхать,
Межъ горъ, межъ города Новава,
Межъ садику зилѣнава,
Сорваль цвѣтокъ,
Завиль вѣнокъ.
Призадумалси, пригарюнилси.

*) Ромашка.—*Прим. собир.*

536 (12).

Щастливай тебѣ нуть-дарошка,
Куда милъ задумалъ?

— Дома астаюся,

Горя наберуся.

Найду съ горя

Въ чисто поля,

Чисто поле —

Ширако раздолья!

Въ чистомъ поли стайтъ кустъ калины;

Сламя красную калину надъ самый каре-

Насеу да сваево да дому; [шочикъ,

Насажу я красну калину у себе надъ аконика:

„Ты стой, красная калина,

Ты стой, ни шатайся!

Живи, мая любезная,

Живи, ни печалься!

Когда тебѣ будить тошна, грустна,

Пиши ка мнѣ писма“.

— Я писать перомъ не умѣю,

Писаря н' имѣю,

Сама къ тебѣ їду.

537 (13).

Величальная.

У варотъ разливамъ разливайтца,

Ляли (3),

Разливайтца широкае озеро:

Ляли, (3) широкае озеро

Но томъ озеру три лебеди плавають.

Ляли (3), три бѣлыя плавають

Либидѣкъ, либидѣкъ, Иванушка либидѣкъ,

Ляли (3), либидѣкъ

Бѣлинькай Сергѣевичъ,

Ляли (3), Сергѣевичъ

Другой то либидѣкъ—Сергѣй либидѣкъ

Ляли (3), либидѣкъ

Бѣлинькай Никифравичъ,

Ляли (3), Никифравичъ.

Третій либидѣкъ—Васильюшка либедѣкъ,

Ляли (3), Васильюшка

Бѣлинькай Лавонувичъ.

Ляли (3), Лавонувичъ.

Либѣдка, либѣдка—Бедосья

Ляли (3), либѣдка

Бѣлая, бѣлая Родивонавна,

Ляли (3), Родивонавна.

Другая либѣдка—Прасковья,

Ляли (3), Прасковья.

Бѣлая, бѣлая Лавонавна,

Ляли (3), Лавонавна

Третья либѣдка—Авдотья.

Ляли (3), Авдотья

Бѣлая, бѣлая Михайлавна.

Ляли (3), Михайлавна

Они сойдутца, промезъ себе поцѣлуютца.

Ляли (3), поцѣлуютца.

538 (14)

Летать голубь, летать сизай, летать по за-
дворью,

Искаль голубь, искаль сизай, искаль га-
лубку.

Не нашель голубь галубки ни въ долинахъ,
ни въ лугахъ,

Нашель только голубь галубку ва зеленомъ
въ садѣ,

Въ зеленомъ саде садочку, ва ракетавамъ
кусточку.

Въ высокомъ терему сидитъ Маша надъ ак-
номъ.

Приходили [къ]*) душѣ Машѣ подруженьки ся:

„Ахъ, что же ты, Маша, да не весела сидишь?

Ты бывала съ милымъ говорила,

Ты ноешь, какъ соловей“.

— Я бы рада распѣвала, да многа горя у меня,

Многа горя и кручины поестрѣчалася со
мною.

Ахъ, любилъ меня милой, любилъ, да поки-
нулъ. —

„Не тужи, душа Маша, очень [въ]*) лѣтахъ мо-
Тебя всякъ будетъ любить“.

— Пускай меня люди любятъ, а я въ свѣтѣ
никаво,

Я въ свѣтѣ никаво, одново дружка сваго.

*) Изъ чистового.—*Prô.*

539 (15).

Каравать моя—караватушка,

Каравать моя новотесаная.

Высока кровать взграмощена!

Грамастилъ мнѣ каравать

Мой настылай мужъ.

Онъ пастылъ, настылъ,

Курвинъ сынъ—разбестя—

Посылалъ мене въ полночь

По воду, по студеную;

И я въ первомъ часу за вадой пашла,

Ва второмъ часу воду черпала,

И я въ третьемъ часу дамой пришла.

Мой настылый мужъ переставился,

Ва грабу лежитъ, на столѣ стайтъ.

Въ головахъ-то стайтъ папы-діаконы;

Въ ногахъ-то стоятъ черти-дьяволы;

Ахъ! отецъ и мать убиваютца;

Ужъ и я млада призадумалась:

Ни то плакать, ни то такъ стоять.

Не нажить-то мнѣ отца съ матерью;

Наживу себѣ другога мужа,

Другова мужа милова.

Пѣсни 525—539 записаны студ. Моск. унив. Петромъ Перевдѣскимъ въ 1836 г., авг. 12—30. Въ копіяхъ П. В. К.—аго правонисаніе измѣнено примѣнительно къ обычному.

540 (1).

Первая пѣсня передъ входомъ жениха къ невестѣ на первую вечеринку; поется приѣхавшими съ женихомъ.

У насъ за рѣчкою, у насъ за быстрою,
За такою ли бережистою
Коровать стоятъ,
Короватушка да тесовая,
На кроватушкѣ да перинушка,
На перинушкѣ изголовьице,
На изголовьицѣ одѣялице,
Подъ одѣялицемъ добрый молодецъ;
Передъ нимъ стоятъ слуги вѣрные,
Слуги вѣрные, дѣвки сѣнныя:
„Ты устань, проснись, добрый молодецъ,
Ты взойди-ка ты *) на круту гору,
Посмотри-ка ты на сине море:
На синемъ морѣ корабли плывутъ,
Корабли илывутъ сы товарами,
Съ разными лентами, красными дѣвками“.
— То-то надобно, чего дома нѣтъ,
Чего дома нѣтъ?—Красной дѣвушки.

*) Ты взойди, взойди—*Попр. собир.*

541 (2).

Вторая пѣсня по входѣ жениха въ первый разъ къ невестѣ; поется дѣвушками и подругами.

Нала, вынала, нала, вынала
Молодая пороша.
По той по порошѣ 2.
Бѣжить бѣлая зайка,
За зайкою гонють 2.
Борзые собаки.
Зайка Бога молить: 2.
„Унеси меня, Боже,
Ко темному лѣсу, 2.
• Къ шелковымъ тенѣтамъ,
По торной дорожкѣ.“ 2.
Бѣжить красная дѣвка,
За дѣвкою гонить 2.
Молодой бояринъ;
Дѣвка Бога молить: 2.
„Унеси меня, Боже,
Ко святой ко церкви, 2.
Ко Божьему вѣнчанью,

Ко Божьему вѣнчанью, 2.
Къ золотому обручанью.

542 (3).

Третья пѣсня, въ которой величаютъ невесту.

У воротъ сосенушка зелена стояла.
Прилетали чечеточки изъ-заморья,
Садилась чечеточка на сосенку,
Обломили сосенушку молодую, *)—
Обманули дѣвченочку **) молодую.
Ты стой, моя сосенушка,
Ты стой, не шетайся,—
Живи, моя Настасьюшка,
Живи, не печалься.
Когда скучно тебѣ будетъ,
Выди, разгуляйся,
Выди, выди, разгуляйся,
Съ Ваней повайдайся.
Какъ мой Ваничка дружечикъ
Живетъ не далеко;
Какъ во славномъ ли городѣ
Живетъ за рѣкою,
Засылаетъ мой человекъ ***).
Своего человека,
Человѣка не простого,
Парня холостого.

*) Зеленую.

**) Настасьюшку.

***) Ваничка.—*Поправки собирателя.*

543 (4).

На вечеринкѣ.

Въ саду яблонь кудрявая,
Кора золотая. 2.
Я мимо шла, я мимо шла,
Кору колупала. 2.
Я той корой, я той корой
Коверъ вышивала. 2.
Я тѣмъ ковромъ. я тѣмъ ковромъ
Я свекра дарила: 2.
„Прими, прими вотъ, свекрушка,
Не гребуй ты мною, 2.
А ты мною, я тобою,
Буйной головою.“ 2.
Въ саду яблонь кудрявая,
Кора золотая. 2.
Я мимо шла, я мимо шла,
Кору колупала. 2.
Я той корой, я той корой
Платокъ вышивала. 2.

И тѣмъ платкомъ, я тѣмъ платкомъ
Свекровью дарила: 2.
„Прими, прими, свекровушка,
Не гребуй ты мною, 2.
А ты мною, я тобою,
Буйной головою.“ 2.

544 (5).

На вечеринкѣ величальная.

Я вечеръ въ гости ходила,
Близъ компаніи была,
Хорошаго Николинку
Въ любовь себѣ взяла:
Хорошъ, пригожъ и статенъ,
Веселъ, ласковъ на словахъ,
Тароватъ во всѣхъ дѣлахъ;
Не постыдно съ нимъ водиться,
Можно радостью назвать.
При учтивомъ разговорѣ
Прежде рѣчь мою склонилъ;
Помѣшканши маленько,
Звончаты гусли открылъ,
Танцовать съ собой просилъ.
А я стала танцовать,
Сталъ онъ крѣпко руки жать,
Показался въ лицѣ жаръ;
Начала его стыдиться,
Перестала танцовать,
Вышла въ сѣни прохладиться,
Чтобы жаръ съ лица согнать.
Любезный другъ не бробѣлъ,
Скоро за руки схватилъ,
Возлѣ себя посадилъ.
А я пуще обробѣла,
И отвѣта не дала,
Что одна дома была;
Ни батюшки, ни матушки
Дома нѣту никого.
Пойду, выду—провожу,
Во слѣдъ его погляжу,
На порожекъ сточу,
Надорвалась плакамчи.

545 (6).

Величальная на вечеринкѣ.

При зарѣ было, зарѣ,
При вечерней при зарѣ,
Свѣтель мѣсяцъ вззошелъ
Съ полуночною звѣздой.
Иванушка, радость мой,

За охотою пошелъ,
Да Митревичъ, свѣтикъ мой,
За охотою пошелъ,
За охотою такой,—
За дѣвичей красотой.
Увидала его мать,
Стала его унимать:
„Охъ полно, сынъ Иванушка,
За охотою ходить“.
— Охъ, мать, моя мать,
Тебѣ меня не унять,
Пока холость, не женатъ,
Съ дѣвцами воевать.—
„Доведутъ тебя дѣвицы
До темной до темницы“.
— Хоть сидѣть въ темной темницѣ,
Не отстать мнѣ отъ дѣвицы.
Красна дѣвушка, душа,
Перепутъе мое,
Слово ласковое;
Она словечушко дала,
Къ себѣ въ гости зазвала.

546 (7).

На вечеринкѣ величальная.

У насъ на горюшкѣ, на горюшкѣ крутой,
На горюшкѣ два терема стоятъ;
Ой ли, ой люли, люли, люли!*)
Во теремѣ двѣ дѣвченокки сидятъ,
Между собой онѣ рѣчи говорятъ
Про [доро]днаго молодца,
Николая да Митревича:
Николаюшка богатъ, богатъ,
Да Дмитревичъ достаточный человекъ;
Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
Рублемъ ворота запиралъ,
Червонцами по городу шибалъ,
Изъ неволи красныхъ дѣвокъ выручалъ:
„Ужъ вы, дѣвушки, красавицы мои,
Помолите, попросите обо мнѣ,
Помолите, попросите обо мнѣ,
О дорожномъ добромъ молодцѣ!“
Какъ прѣхали казаченьки на дворъ,
Взяли, взяли Николушку во полонъ.
Мнѣ не жалко, что его то взяли,
А мнѣ жалко, что не крѣпко связали:
Развяжется, раскуется, утечетъ,
Со меня же буйну голову сѣкнетъ.

*) Послѣ каждаго двухъ строкъ поется: „Ой ли, ой люли, люли, люли...“ съ прибавленіемъ послѣдняго стиха.—Прим. соб.

г) г. Орель.

547 (8).

На вечеринкѣ величаютъ.

На горѣ калина.
 Да варилъ чернецъ пиво.
 Ой, розанъ, мой розанъ,
 Виноградъ мой зеленый!
 Варилъ чернецъ пиво,
 Да хмѣльнешинько было.
 Ой, розанъ и проч.
 А кто у насъ умень,
 Кто у насъ разумень?
 Ой, розанъ и проч.
 Николай у насъ умень,
 Да Митричъ разумень:
 Ой, розанъ и пр.
 Онъ хорошо ходить,
 Да манерно ступаетъ,
 Ой, розанъ и пр.
 Сапогъ не ломаетъ,
 Чулокъ не мараешь;
 Ой, розанъ и пр.
 На коня садится,
 Подъ нимъ конь веселится;
 Ой, розанъ, и пр.
 Къ лугамъ подѣзжаетъ,—
 Луга зеленѣютъ,
 Ой, розанъ и пр.
 Къ садамъ подѣзжаетъ,—
 Сады расцвѣтаютъ,
 Ой, розанъ и пр.
 Соловѹшки свищутъ,
 Кукушки кукуютъ;
 Ой, розанъ и пр.
 Къ терему подѣзжаетъ,
 Его матушка встрѣчаетъ,
 Ой, розанъ и пр.
 За бѣлы руки примаешь,
 Рюмку водки наливаетъ:
 Ой, розанъ и пр.
 „Матушка родная,
 Не пью я хмѣльного,
 Ой, розанъ и пр.
 Не пью я хмѣльного
 Вина зеленого.“
 —Выкушай, сыночкѣ, —
 Ясный соколочикъ.
 Ой, розанъ и пр.

548 (9).

Пѣсня сироты при отпускѣ къ вѣнцу.

На дѣвичьемъ было вечерѣ,
 На великой было радости,
 Не ясенъ соколъ прилетывалъ;
 Онъ садился на окошечко,
 На серединю причалинку;
 Причалинка обломилась,
 А Настюшка восплакалась;
 „У меня нолонъ дворъ каретъ стоитъ,
 Полна горница гостей сидитъ,
 Снарядить меня есть кому,
 Благословить меня некому!
 Ты, родимой мой, большой братецъ,
 Ты поди во соборъ-церковь,
 Прозвони во большой колоколь,
 Пробуди же ты родного батюшку
 И родную матушку.“

549 (10).

Пѣсня, когда приѣзжаютъ за невѣстой везти
ее къ вѣнцу.

„Матушка! Да чьи жъ это кони,
 Государыня, да чьи вороные?“
 — Дититко, Ивановы кони,
 Милое, его вороные.—
 „Матушка, къ двору подѣзжаютъ,
 Государыня, въ новы сѣни входятъ.“
 — Дититко, не бось, не пугайся,
 Милое, не бось, я не выдамъ.—
 „Матушка, въ горницу входятъ,
 Сударыня, въ новую входятъ.“
 — Дититко, не бось, не пугайся.
 Милое, не бось, я не выдамъ.—
 „Матушка, за убранный столъ садятся,
 Сударыня, за дубовый садятся.“
 — Дититко, не бось, не пугайся,
 Милое, не бось, я не выдамъ.—
 „Матушка, за руки берутся,
 Сударыня, за бѣлыя берутся!“
 — Дититко, Господь Богъ съ тобою,
 Милое, Господь Богъ съ тобою!

550 (11).*)

Вейся, вейся, хмѣлюшко,
 Черезъ тынъ на улицу,

Ко мнѣ во зеленый садъ:
 Во зеленомъ садикѣ
 Привольице вольное,
 Раздолье широкое.
 Но томъ по раздольицу
 Ходилъ, гулялъ молодецъ,
 Склонилъ свою голову
 На правую сторону.
 Увидала матушка
 Съ высокаго терема:
 „Дитя-ль, мое дитятко,
 Дитя, чадо милое,
 Что ходишь не весело,
 Гуляешь не радостно?“
 — Сударыня матушка,
 Товарищи женются,
 И мнѣ младцу надобно.—
 „Женись, мое дитятко.
 Женись, мое милое,
 Возми себѣ, дитятко,
 Книгиню боярыню.“
 — Сударыня матушка,
 Та мнѣ не жена будетъ,
 Тебѣ не невѣстушка.
 Въ сосѣда есть дѣвушка
 Она мнѣ понравилась:
 Она мнѣ жена будетъ,
 А тебѣ невѣстушка.

*) Отъ мѣщанъ.—*Зап.ч. собирателя.*

551 (12). *)

Раскаساتый мой селезень,
 Ой ли, ой ляли, селезень.

Да гдѣ же ты былъ, пробывалъ?
 Ой ли, ой ляли, пробывалъ.
 — Да я былъ, былъ, пробывалъ,
 Ой ли, ой ляли, пробывалъ.
 Ужъ я былъ на морѣ:
 Ой ли, ой ляли, на морѣ.
 Какъ всѣ утѣшки хороши,
 Ой ли, ой ляли, хороши,
 Раскаساتыя пригожи.
 Ой, ли, ой ляли, пригожи.
 Одна утѣшка лучше всѣхъ,
 Ой ли, ой ляли, лучше всѣхъ.
 Раскаساتая лучше всѣхъ.—
 Ой ли, ой ляли, лучше всѣхъ.
 Разудаленькой добрый молодецъ,
 Ой ли, ой ляли, добрый молодецъ.
 Да гдѣ же ты пробывалъ?
 Ой ли, ой ляли, пробывалъ.
 — Ужъ я былъ, былъ, пробывалъ,
 Ой ли, ой ляли, пробывалъ.
 Ужъ я былъ у тестя,
 Ой ли, ой ляли, у тестя.
 Я у ласковой у тещи.
 Ой ли, ой ляли, у тещи.
 Какъ всѣ дѣвушки хороши.
 Ой ли, ой ляли, хороши.
 Одна дѣвушка лучше всѣхъ.
 Ой ли, ой ляли, лучше всѣхъ.
 Одна красная лучше всѣхъ.
 Ой ли, ой ляли, лучше всѣхъ.

*) Отъ мѣщанъ—*Прим. соб.*

Пѣсни 540—551 записаны г. Никитинымъ, доставлены П. П. Якушкинымъ.

д) Малоархангельскій уѣздъ, с. Колпна *).

552 (1).

У жениха на дворѣ, при сворѣ поѣзда на
 дѣвичникъ.

Да за то люблю соловьюшку,
 Што йонъ во садочку (2)
 Ранешенько устаивать,
 Хорошо распѣивать (2).
 Да за то люблю Васильюшку,
 Што йонъ экономень, (2)
 Ранешенько устаивать,
 Поѣздъ собирать, (2),

За мной присылаить
 И самъ прѣзжайтъ.

Когда поѣздъ подъѣзжаетъ къ дому невѣсты, собираются молодые нарны и запираютъ ворота. Большой свать со стороны жениха встаетъ тогда съ тѣлѣги, снимаетъ шапку, кланяется въ поясъ и говоритъ: „Здравствуйте, добрые молодцы, хорошіе старички! Пусти-те-ка насъ переночевать“. Тѣ отвѣчаютъ:

*) Въ списокѣ насел. мѣстъ Орловск. губ. въ Малоарханг. уѣздѣ указаны только: Колпинская плотна, Колпинское и Колпины.

— Да что? негдѣ изба тѣсна. — „Ничего, мы переночуемъ и на дворѣ“. — Нельзя, дворъ худъ: коней сведуть. — „Мы сами, братцы, покараулимъ. Ужъ что ни взять, то взять, а пустите переночевать! Мы ѣздимъ здѣсь, купцы, ищемъ куницъ, лисицъ да красныхъ дѣвицъ“. — Ну, ужъ такъ и быть, пустимъ; давай могарычъ. — И тутъ свать долженъ обнести всѣхъ стоящихъ виномъ. Тогда ворота отворяются, и весь поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Оставивъ всѣхъ поѣзжать, а также и жениха на дворѣ, большой свать, который обыкновенно бываетъ мужикъ умный, смѣтливый, острякъ, входитъ въ избѣ и, переступивъ черезъ порогъ, говоритъ: „Въ избѣ-то и въ самомъ дѣлѣ тѣсно“. Потомъ, помолясь Богу и поклонясь всѣмъ, продолжаетъ: „Здравствуйте, добрые люди, хорошіе старички!“ — Здорово, здорово! Что ты за тотъ...? — „Здравствуйте, сватьюшка и сваточикъ!“ — Э, ты, братъ, ужъ и сватовъ тутъ нашель! Смотри на него: пустили переночевать, — а йонъ лѣзть въ сватовъ!“ — „Что жъ дѣлать, братцы? линия такая подошла; дѣлать нечева“. — Ну, милости просимъ садиться, сваточекъ!“ — „Покорно благодаримъ, сватьюшка и сваточекъ, на добрыхъ рѣчахъ“. Здѣсь свать снова кланяется и идетъ на дворъ, приноситъ съ собою всѣ привезенные имъ харчи, а дружкѣ велитъ вести за собою въ избѣ подъ правую руку жениха. Между тѣмъ, надо замѣтить, что въ избѣ въ это время стоять три стола: одинъ на земли, за которымъ сидятъ одни мужчины, другой тоже на земли, за которымъ сидятъ женщины, и третій на полу, за которымъ сидятъ невеста съ дѣвушками. Сдѣлавъ свои распоряженія на счетъ жениха, большой свать подходитъ, подшучивая и подсмѣивая, къ мужскому столу и спрашиваетъ, нѣтъ ли у нихъ продажнаго краснаго товара: куницъ, лисицъ да красныхъ дѣвицъ? Тѣ отвѣчаютъ ему, что такого товара у нихъ нѣтъ, а есть вотъ въ томъ углу, и показываютъ на столъ, за которымъ сидятъ женщины. Подходя къ нимъ, онъ говоритъ: „Здравствуйте, тетки-лебедки, пенѣшныя (ай, бишь, шелковыя) застежки! Нѣтъ ли у васъ краснаго товару: куницъ, лисицъ да красныхъ дѣвицъ? Кабы такой товаръ намъ попался, ужъ мы бы, что ни дать, а дали“. Тѣ отвѣчаютъ ему: Есть у насъ такой товаръ. — „Ну, что же вамъ дать за дѣвицу?“ — Да что, ужъ мы дорожиться не станемъ; давай 200 рублей да ведро вина. — „Больно дорого, тетки-лебедки; вотъ вамъ 100 рублей и ведро ви-

на“. — Э, полно скупиться! мало, давай 200 рублей и ведро вина! — „Ну, такъ и быть, ужъ куда нишло; мы дадимъ и 300 рублей и 2 ведра вина. Возьмите“. Тутъ онъ отдаетъ одной изъ родственницъ невесты гривну денегъ и начинаетъ угощать всѣхъ женщинъ виномъ. Между тѣмъ дружка уже привелъ жениха; а большой свать, окончивъ угощеніе, идетъ на полъ, ставитъ всѣхъ дѣвушекъ въ рядъ и говоритъ жениху: „Ну, любезный, выбирай любую; мы за цѣну не стояли, а теперь ужъ твое дѣло“. Женихъ беретъ невесту, беретъ ея руку правою рукою, беретъ бутылку вина, а невестѣ свать подаетъ стаканъ, и они начинаютъ угощать родственниковъ и гостей. Между тѣмъ свахи держатъ на блюдахъ подарки, и молодые, окончивъ угощеніе, сперва дарятъ другъ друга, а потомъ близкихъ родственниковъ. По окончаніи всего этого, всѣ садятся за столы, а женихъ за дѣвичій, и начинается угощеніе. Тутъ поются слѣдующія пѣсни.

552 (2).

Садовая яблонка
На присадѣ стояла,
Да сильна, дробна тѣла,
Да немножко вытѣла,
Всего два яблочка:
Первое яблочко —
Василій Димитриевичъ,
А другое яблочко —
Наталья Михайловна.
Не любила въ цирѣ ходить,
Не любила меду пить,
Любила на ручкѣ спать
У свою дружка милова,
Василья Димитрича:
На ручкѣ легохонько,
Къ серденку близехонько.

553 (3).

Козушка бѣлоногая
По горкѣ ходила,
Дразнила, поддразнивала,
(О)на сѣраго волка:
„Волчущка, сѣринькой!
Я жъ тебя не боюсь. (2)
Я жъ тебя не боюсь,
Въ теремъ схоронюся.“
Не взгадала жъ да и козушка,
Што на утрѣ будитъ:
Ножки тутъ, рожки тутъ,

Самой козы нѣту.
Дразнила Натальюшка
Василья Дмитрича:
„Васильюшка Дмитривичъ!
Я жъ тебя не боюся.
Какъ я жъ тебя не боюся,
Въ теремъ схоронюся.“
Не взгадала жъ да Натальюшка,
Што на утрѣ будить:
Ленты тутъ, перевязки тутъ,
Натальюшки нѣту,
Ай ляли, али лий ляли!
Натальюшки нѣту.

554 (4).

Но рѣкъ, рѣкъ,
Но быстрой рѣкъ
Ай ляли ляли, али лий ляли!
Плавала лодочка,
Лодка новая,
Лодка новая,
Що кленовая, (2).
Раскрашѣная.
Во той лодочкѣ
Добрый молодець
Холостъ не женать,
Вѣлый, кудреватъ, (2)
Василій Дмитривичъ.
Красна дѣвушка
Бережечкомъ шла,
Красна дѣвушка,
Наталья Михайловна: (2)
„Садись со мною (2)
Во новую лодочку,
Красная дѣвушка!
Я тебя самъ знаю,
Знаю, вѣдаю
Всю родню твою, (2)
Отца съ матерью:
Вотъ, што братья твои,
То—шурья мои,
Вотъ што сестры твои,
То—своичья мои,
А што батюшка твой,
То-то—тестюшка мой,
Вотъ што матушка твоя,
То-то—теща моя.“

555 (5).

Вѣлый лень
При долинь.
Да буѣнь вѣтеръ вѣить;
Ай ляли, али лий ляли, да буѣнь и проч.

Ужъ ѣтъ вѣить,
Повѣваить,
Къ землѣ преклоняить.
Бѣлая
Натальюшка
По сачочку гуляить,
Красная
Михайловна
По зеленому ходить.
Приходють
Къ Натальюшкѣ
Сестрицы-подружки:
„Што-жъ, наша
Натальюшка,
Да не весело ходишь?
Што-жъ ты, наша
Михайловна,
Тошненька-грустненька?
Аль тебѣ,
Натальюшка,
Свекоръ не по сердцу?
Аль тебѣ,
Михайловна,
Родной не п'обычью?“
— Свекоръ мнѣ
Подобычался,
Што родимый батюшка;
Ужъ мнѣ свекровь
Подобычалась,
Што родная матушка.

556 (6).

Ой, Натальюшка по сачочку гуляла;
Ай ляли, али лий ляли, да гуляла.
(О)на каленые орѣшки щелкала,
Що щелушечки въ окошечко бросала,
Да Васильюшки во кудерцы попала:
„Отсмѣю тебѣ, Натальюшка, да *) насмѣшки,
Отсмѣю тебѣ, Михайловна, да большіе.“
— Позабудешъ, мой милѣй другъ, позабудешъ
За своею, за большою суетою,
За своимъ за великимъ за гуляньемъ;
Позабудешъ, мой милѣй другъ, з'обниманьемъ,
За своимъ же цалованьемъ, милованьемъ.

*) Да — зачеркнуто II. В. К.—н.м.

557 (7).

Величальная холостымъ.
Да березничекъ листоватый,
Ай лий, листоватый.
Листоватый, кустоватый!

Да и хто жъ у насъ холостъ ходитъ?
 Да и хто жъ у насъ не женатый?
 Да и хто жъ у насъ бѣлай, кудреватый?
 — Павелъ свѣтъ холостъ ходитъ,
 Ивановичъ бѣлай, кудреватый.—
 Ему жъ дѣвки говорили:
 „Павелъ свѣтъ, не женися,
 Не женися, стоворися;
 Тебя дѣвки полюбили,
 Да молодежи выхваляли“.

558 (8).

Величальная бабѣ.

Да рябина, рябинуншка,
 Да рябина кудрявая,
 Еще качурявая!
 Какъ тебѣ-жъ, рябинуншка,
 Какъ тебѣ не скучится,
 На болотѣ стоячи?
 Молодая молодуншка,
 Марѳа Кузминична!
 Какъ тебѣ не стошнится,
 За старымъ жѣмчи?
 — Положу же я
 Свою стараго
 Среди же я погреба,
 Накрою соломою,
 Подложу огонунку,
 Зажгу я солонунку!

559 (9).

Величаютъ изъ сидящихъ за столомъ мужа
и жену.

Охъ, Павелъ во пирь ѣдитъ,
 А Хавронья ворочайтъ:
 „Воротись, мой милый другъ,
 Павелъ Ивановичъ!
 Навяжи хвостъ къ коновязи,
 Посмотри жъ мою короватку:
 Тесова ли моя короватка,
 Весела ли моя новая?“
 Ай ляли, али лий али, весела ли моя
 новая?

560 (10).

Когда кого величаютъ, и онъ не даетъ де-
негъ, а потчуетъ только виномъ.

Испей, испей, умничикъ,
 Выкушай, разумничикъ,

Николай Васильевичъ,
 Испить, вѣдь, винца хочется,
 Сахаромъ въ душу катится,
 Подарить дружка хочется.

561 (11)

То же.

Не нора ли тебя, Натальюшка,
 Съ терема долой?
 Ай ляли, али лий, али, съ терема долой,
 Желты ковры пораскинемъ,
 Ты ступнешь,
 Зелену карету подвинемъ,
 Посадимъ,
 Посадимъ тебѣ извозчика,
 Молодова,
 Молодова, холостова,
 Не женатова,
 Холостова, не женатова—
 Василья:
 Ёнъ самъ кузнецъ, ёнъ самъ чеботаръ,
 Сапожникъ,—
 Сошьетъ своей Натальюшкѣ
 Башмачки
 Съ пучками, вотъ съ лендачками,
 Съ позументачками.

562 (12).

Да не ласточка,
 Не касатуншка
 Щевелить.
 Ай ляли, али лий али, щевелить.
 Да училася
 Да Натальюшка
 Говорить:
 „Сестрицы мои,
 Подруженьки,
 Какъ мнѣ быть?
 Да и какъ же мнѣ,
 Да и какъ же мнѣ—
 Въ люди йтить?
 Да и какъ же мнѣ,
 Да и какъ же мнѣ
 Свекра звать?“
 — При людей зови,
 При людей зови
 Батюшкой,
 А послѣй людей
 А послѣй людей
 Лють-свекоръ.—
 Да не ласточка,
 Не касатуншка
 Щевелить;

Да училася
 Да Натальюшка
 Говорить:
 „Сестрицы мои,
 Подруженьки,
 Какъ мнѣ быть?
 Да и какъ же мнѣ,
 Да и какъ же мнѣ
 Въ люди йтить?
 Да и какъ же мнѣ,
 Да и какъ же мнѣ
 Свекровь звать?“
 — При людей зови,
 При людей зови
 Матушкой,
 А послѣй людей,
 А послѣй людей
 Люта-свекровь.—
 Да не ласточка,
 Не касатуха
 Щевелить;
 Да училася
 Да Натальюшка
 Говорить:
 „Сестрицы мои,
 Подруженьки,
 Какъ мнѣ быть?
 Да и какъ же мнѣ,
 Да и какъ же мнѣ
 Въ люди йтить?
 Да и какъ же мнѣ,
 Да и какъ же мнѣ
 Василья звать?“
 — При людей зови,
 При людей зови:
 Милый другъ,
 А послѣй людей,
 А послѣй людей
 Васильемъ.

563 (13).

У Васильюшки кудри русые,
 Ай да ли-ляй ли, ляли ляй ляли,
 Какъ у Дмитрича по плечамъ лежать,
 По плечамъ лежать, по бѣломъ лицу,
 По бѣломъ лицу, по румѣному.
 Какъ Васильевымъ кудрямъ дивовалися:
 „Какъ, Васильюшка, продай кудерцы,
 Охъ и, Дмитривичъ, продай русые“.
 — Мнѣ самому, молодцу, кудри надобны;
 Я и самъ, молодецъ, холостъ, не женатъ,
 Холостъ, не женатъ, бѣлай кудреватъ.—
 Тебя жъ дѣвки полюбили, на высокъ теремъ
 уводили,

На высокъ теремъ уводили, да молодицы
 усхвалили:
 „Охъ, Василій свѣтъ, продай кудерцы,
 Охъ и, Дмитривичъ, продай русые“.
 — Ужъ и я то вамъ, я дамно сказалъ:
 Мнѣ самому, молодцу, кудри надомны,
 Я самъ, молодецъ, холостой хожу,
 Я и самъ, молодецъ, не женатъ хожу,
 Не женатъ хожу, бѣлый кудреватъ.

564 (14).

Какъ нынче у насъ ни порошница
 Выпадала.
 Ай ляли, али ляй ляли, выпадала.
 Натальюшка извошничковъ
 Нанимала,
 Она семь паръ коней,
 Восьмой возъ;
 А какъ бы то жъ скоморошничка
 Да подвезъ:
 „Играй, играй, скоморошничекъ,
 Съ села до села,
 Ужъ штобъ была Натальюшка
 Весела,
 Ужъ штобъ была Михайловна
 Завсегда.“

565 (15).

Когда отецъ и мать благословляютъ жениха
 вѣхать къ вѣнцу.

Пало перо (2)
 Передъ сѣнями. (2).
 Паль Василій (2)
 Передъ батюшкой: (2)
 „Батюшко, благослови, прости!
 Во Божій судъ пусти,
 Святой законъ принять!“

566 (16).

Когда приѣдетъ женихъ за невѣстою на
 дворъ.

Прозвякнули недоуздошки
 На дворѣ,
 Ай ляли, али ляй ляли, на дворѣ.
 Да и все жъ это, Натальюшка,
 Для тебя,
 Для твоего, для твоего, для краснаго
 Поѣзда,
 Для твоего, для твоего, для хорошаго
 Жениха.

567 (17).

Тогда же.

Не было вѣтру—
Понавѣяло;
Не было гостей—
Понавѣхало,
Полонъ дворъ
Молодыхъ гостей.

Послѣ этой пѣсни входятъ въ избу. Большой сватъ потчуетъ всѣхъ родныхъ жениха и невесты. По отходѣ стола невесту, покрытую полотенцемъ, сажаютъ съ старшимъ братомъ; къ нимъ подходитъ большой сватъ и говоритъ: „Чѣмъ ты, братъ, торгуешь?“—Краснымъ товаромъ.—„Продай, мнѣ нужно купить.“—Не продамъ; кромѣ моей, лавокъ много.—„Мнѣ тутъ хочется купить: люди сюда послали.“—Люди могутъ тебя послать и въ другія.—„Я ужъ былъ, да нѣтъ продажнаго.“—Пожалуй, мы продадимъ; да дорого ли дашь?—„Вотъ тебѣ сто рублей да ведро вина“—Мало.—„Вотъ тебѣ двѣсти рублей и два ведра вина“.—Ладно.—„За большимъ не стояли, за малымъ стоять нечего“. Послѣ этого онъ ставитъ передъ нимъ ковшъ или кружку, и сватъ долженъ налить ее полно; въ противномъ же случаѣ, онъ говоритъ: „Наливай, братъ, полиѣ: у сестрицы-то моей глазки полные“. Послѣ всего этого поютъ:

568 (18).

Когда невестъ чешутъ косу.

Пречистая Матерь,
Ходи къ намъ у хать (sic)
Свахи помогать,
Косу расплетать,
Наталину косу,
Михайловны русу.

569 (19).

Когда чешутъ волосы у жениха.

Пречистая Матерь,
Ходи къ намъ у хать
Свахи помогать,
Кудри расчесать,
Васильевы кудри,
Кудри расчесать
Димитрича русы.

570 (20).

Когда ѣдутъ къ вѣнцу.

Мимо садика, мимо зеленѣва
Дорожка;
Что по той же дороженькѣ дружно
Съ поѣздомъ.
Ёнъ и шапку снялъ (2)
Коня с'удержалъ,
Ёнъ и шапку снялъ (2)
Послушалъ:
Да и гдѣ жъ это кукушечка
Кукуить?
Яму*) кукушечка
За лѣсомъ;
Ажно-ль это Натальюшка
За столомъ.

*) Далѣе не разобрано слово и П. В. К—мъ —Ред.

571 (21).

Тогда же.

„Ой былъ ли ты, да бѣлой лебедь,
На морѣ?
Ой видѣлъ ли, да бѣлой лебедь,
Лебѣдку?“
— Да и какъ же мнѣ да и на мори
Не бывать?
Да и какъ же мнѣ да лебедушки
Не видать?
Да поплыла жъ моя лебѣдушка
Въ тростничекъ,
Да за ней утушки
Въ три ряда,
Да и маленьки утѣночки
Въ четыре.—
„Да и былъ ли ты, Васильюшка,
У тестя?
Да и видѣлъ ли ты, Васильюшка,
Наталью?“
— Да и какъ же мнѣ да у тестюшки
Не бывать?
Да и какъ же мнѣ да Натальюшки
Не видать?
Да пошла жъ моя Натальюшка
Во терѣмъ,
Да за ней молодичъ
Въ три ряда,
Да и красныхъ, да и дѣвушекъ
Въ четыре.—
„Да и былъ ли ты, Васильюшка,
У тестя?

Да и видѣлъ ли ты, Васильюшка,
Да тестя?“
— Да и какъ же мнѣ да у тестюшки
Не бывать?
Да и какъ же мнѣ да и тестюшку
Не видать?
Да што бырчатой полушубокъ—
То тесть мой,
Да што дымчатое полотепьчико—
То тѣща моя,
Да што на бекрень шалка—
Деверь мой.

572 (22).

Т о г д а ж е.

Ой, конь, ты мой конь, сивогривой,
Повозникъ возгривой!
Приударь коня больно, (2)
Штобы конь бѣжалъ добро, (2)
Штобъ молодая заслыхала,
Встрѣчать выбѣгала.

573 (23).

Т о г д а ж е (поютъ мужики).

Да сѣрь заюшка черезъ поле
Бѣжала.
Да бѣжи, бѣжи, сѣрь заюшко,
Во лѣсокъ,
Да руби, руби, сѣрь заюшко,
Липиньку;
Мости, мости, сѣрь заюшко,
Коровать,
Какъ бы было гдѣ Васильюшкѣ
Почивать.

574 (24).

Т о г д а ж е и т ѣ ж е.

Черна, черна была
Во полѣ моталась,
Къ горѣ приклонялась:
„Гора жъ, моя горка,
Скажи всею правду:
Какъ ва зима будить?“
— Морозы лютые,
Снѣга глубокіе.—
Наталья Михайловна
Батюшку пытала:
„Каковъ Василь будить?“
— Ай, умень, разумень,
Ко всему дорожень.

575 (25).

Когда увидить жениха, ѣдущаго отъ вѣнца;
У него въ домѣ.

А мы гостей ждали,
А мы поджидали,
Кунами дворъ слтали
Съ частыми собоями.
Пречистая!) мати!
Выглянь да въ окошко:
Твой сынъ соколъ ѣдитъ
Съ соколушкой ясною.

1) Попр. Пречестная—П. В. К.

576 (26).

Т о г д а ж е.

Ай, во полѣ Натальюшка
Зелень ячмень жала,
Ай ляли, али ляли, зеленъ и проч.
Ай, во полѣ Михайловна
И' одномъ колосочку.
На ту пору Василій свѣтъ
На борономъ конѣ:
„Не можешь ли, Василій свѣтъ,
Изюму купити?
Не можешь ли, Василій свѣтъ,
Меня накормити?“
— Могу, могу, Натальюшка,
Изюму купити,
Могу, могу, мой милый другъ,
Тебя накормити.

577 (27).

Когда придутъ молодые и сядутъ за столъ.

У Дмитрія Ивановича
Два твѣточка разтвѣли,
Два твѣточка лазоревыхъ:
Да какъ первый твѣточикъ—
Василій Димитривичъ,
А другой твѣточикъ—
Наталья Михайловна!

578 (28).

Когда кладутъ молодыхъ спать.

А мы зажгѣмъ лёнъ, лёнъ,
А дѣвушекъ вонъ, вонъ!
— На что жъ было звать,
Когда вонъ выгонати?

Когда молодых положить, и если на молодую кто сердить, поют:

579 (29).

Орѣховая клѣтка,
Е...я рѣдко.

580 (30).

На дѣвичникъ, когда сажаютъ каравай.

Хорошъ каравай пшенишный.
Хорошо жъ Натальюшкѣ да съ подружками;
Заввала жъ она всѣхъ подругъ,
Думала жъ думунку лучше всѣхъ.

Когда молодымъ постель готова, то дружка съ женою идетъ ее обминать. Спусти нѣсколько времени, входитъ къ нимъ большой свать съ кнутомъ и выгоняетъ вонъ. Потомъ кладутъ молодыхъ. Часа черезъ два, если вѣнчанье происходило утромъ, и на другой день поутру, если вѣнчанье было ввечеру, большой свать входитъ къ нимъ опять съ кнутомъ и велитъ имъ переменить рубашки, а самъ отправляется зазывать гостей. Когда всѣ съѣхались, начинается даренье, послѣ чего всѣ садятся за столъ, и начинается пированье, во время котораго, если молодая была *virgo*, и если *coitus* былъ совершенъ, большой свать беретъ рубашку и, трихнувъ ею три раза, бросаетъ подъ лавку. Въ противномъ же случаѣ, родныхъ молодой начинаютъ угощать худымъ стаканомъ. При этомъ должно замѣтить, что деревенскіе колдуны, по злобѣ или по другимъ какимъ причинамъ, дѣлаютъ у молодого *impotentiam virilem*. Я слышалъ, что не далеко отъ Сабурова (Малоархангельскаго уѣзда) живетъ колдунъ, который можетъ сдѣлать какую угодно нев...у на одну женщину, на всѣхъ, на годъ, на вѣкъ. Я его призвалъ къ себѣ и торговалъ у него этотъ секретъ; онъ сперва не хотѣлъ мнѣ его открыть, но наконецъ, когда онъ выпилъ водки и увидѣлъ деньги, онъ открылъ мнѣ всю подно-

готную. Эту болѣзнь дѣлаютъ двойкимъ образомъ:

1) Берутъ нитку изъ покрывала мертвеца, влагаютъ ее въ иглу, которую и вдѣваютъ въ подолъ рубашки известной женщины: пока эта игла не вынута, то мушкетѣ ничего нельзя съ нею сдѣлать; ежели же ее найдутъ, то не вынимаютъ, а раздражаютъ рубашку, а лоскутья жгутъ.

2) При восходѣ солнечномъ отрѣзываютъ отъ церковнаго колокола конецъ веревки. берутъ часть этого конца, завязываютъ три узла при слѣдующемъ заговорѣ: „Какъ виситъ колоколь, такъ виситъ у раба (имя) соромъ на рабу (имя) отъ нынѣ до вѣку. Аминь“. Послѣ этого заклинанія, кладутъ эту веревку подъ порогъ или на то мѣсто, гдѣ долженъ пройти тотъ рабъ, которому это дѣлаютъ.

3) Въмѣсто веревки, лучше брать часть мохра отъ церковнаго паникадила, на одной ниткѣ которой завязываютъ 3 узла при слѣдующемъ заговорѣ: „Какъ виситъ мохоръ, такъ виситъ у раба (имя) соромъ на рабу (имя) отъ нынѣ до вѣку. Аминь“. Нитку эту кладутъ подъ порогъ.

Дѣлать эту болѣзнь легко, а лѣчить и того легче. Надо на утренней зарѣ сходить за водою на колодезь самому больному и на возвратномъ пути не оглядываться и не останавливаться, что бы ни почудилось. Потомъ эту воду выливаютъ въ складни, и больной переливаетъ воду чрезъ телѣжную ось изъ одного складня въ другой. Между тѣмъ колдунъ читаетъ 3 раза: „Какъ стоитъ стержень, такъ стой у раба (имя) соромъ на рабу (имя) отъ нынѣ до вѣку. Аминь“. Послѣ эту воду должно вылить на восточную сторону какого-нибудь строенія, и болѣзнь должна непременно пройти.

Въ Малоарх. уѣздѣ про дѣла колдуновъ на свадьбахъ рассказываютъ чудеса. Въ селѣ Нетрубежѣ во время свадьбы у молодого безпрестанно соскакивали порты. За вѣрность этого событія можно поручиться, потому что оно дошло и до господъ.

Пѣсни 552—580 записаны и доставлены П. П. Якушкинымъ.

е) Малоархангельскій уѣздъ, с. Крутое.

581 (1).

Хороводная *).

У воротъ травушка растеть,
У воротъ шелковая.
Оло, ло, ло, у воротъ шелковая.
Да хто жъ травушку топталъ,
Хто шелковую ломалъ?
Притоптали, приломали
Три боярина, гуляли
Со боярышнями:
Какъ и первой-та бояринъ
Николай **) сударь гулялъ,
Другой баринъ-госнодинъ
Василій сударь гулялъ,
Што и третій-то бояринъ
То Андрей сударь гулялъ.
Хвалился Николаюшка
Своей Лизаветушкой:
„Моя Лизаветушка
Умѣть шелками шить,
Умѣть 'на ***) золотцемъ.“
Хвалился Васильюшка
Своею Натальюшкой:
„Моя-то Натальюшка
Умѣть 'на ***) домомъ жить,
Умѣть 'на ***) домъ держать.“
Хвалился Андреюшка
Своею Парашинькой:
„Моя-ли Парашинька
Умѣть 'на тонко прясть,
Умѣть 'на часто ткать.“

*) Здѣсь обыкновенно величаютъ мужей съ женами, находящихся въ хороводѣ.—*Запѣч. собир.*
**) Имя отнесено къ свадебнымъ П. В. К.-имъ.—*Ред.*
***) Имена въ спискѣ П. В. К.-аго замѣнены ины.—*Ред.*

***) Въ спискѣ П. В. К.-аго: (о)на.—*Ред.*

582 (2).

Поется на дѣвичникѣ.

В' насъ при вечерѣ, вечерѣ,
При Авдотьиномъ дѣвичникѣ,
При великой было радости,
Прилеталъ къ ней и ясенъ соколъ;
Енъ садился на окошечко,
На серебряну причаленку,
И сломалъ, сломалъ причаленку,
Што разбилъ, разбилъ окошечко.
Какъ услышала ея матушка:
„Ты дитя-ль мое, дитя-ль,
Ты дитя-ль мое милое!
Приучай ты, приучай ты сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго.“
— Я бы рада приучала молодца,
Мое сердце ни брачается,
Въ головушкѣ умъ мѣшается,
Бѣлы ручки опускаются.

583 (3).

Стоворная.

Луга мои, вы зеленые, (2)
Полны воды налилися; (2)
Куда водѣ сотекать будить? (2)
Стекать водѣ во колодезь, (2)
Съ колодезь*) въ быстрю рѣчку. (2)
Города мои стронильные, (2)
Полны господь понаѣхали; (2)
Они думушку думали: (2)
Кому у насъ воевать будить? (2)
А и хто жъ у насъ воителемъ будить? (2)
— Воителемъ сходатой свать. (2)
Подвойщицей сваинька. (2)
Пѣсни 581—583 доставлены кн. Костровымъ.

*) Въ колодезь.—*Попр. П. В. К.-аго.*

ж) Малоархангельскій уѣздъ, с. Красное.

584 (1).

Хороводная *).

Улица моя, улица,
Улица широкая!
Ой ляли, ой ляли, улица широкая!
Мурава моя, мурава моя,

Мурава зеленая!
Озеро мое, озеро,
Озеро глубокое!
По томъ ли по озеру
Плаваль лебедь съ лебедушкой.
Лебедекъ—Сергій сударь,
Сергій Андреяновичъ **);
Лебедка—Татьянушка,

Татьяна Григорьевна.
Просилась Татьянушка
Поиграть на улицу:
„Ты, Сергѣй Андреяновичъ,
Пусти гратъ на улицу!“
— Я тогда тебя гратъ пушу,
Когда девять сыновъ родишь,
Когда девять сыновъ родишь,
Десятую себѣ дочь,
Десятую себѣ дочь,
За дочерью сама пойдешь.

*) Пѣсня отнесена П. В. К.—имъ къ свадеб-
нымъ.—*Ред.*

**) Отчество въ спискѣ П. В. К.-аго замѣнено:
Ивановичъ.—*Ред.*

585 (2).

Къ вѣнцу.

Што, рѣка ль ты, моя рѣчинька,
Што, рѣка ль ты моя быстрая!
Ты што течешь—не колыхнешься,
Желтымъ нескомъ не возмудишься?
Ты умная ль дѣвушка,
Палагея Кондратьевна!
Што сидишь—не усмихнешься,
Говоришь рѣчь—не ошибнешься?
Говорили ей подруженьки:
„Ужъ милая ты, наша подруженька,
Палагея ли Кондратьевна!
Ты што сидишь—не усмихнешься,
Говоришь ты рѣчь—не улыбишься?“
— Вы сестрицы мои, вы подруженьки,
Мои бѣлыя вы голубушки!
Отчего молодой веселой мнѣ быть?
У мово роднаго батюшки
В' нево полонъ дворъ каретъ стоять;
У моей ли родной матушки
Полна горница гостей сидить;
Ну в' менѣ ли, красной дѣвушкѣ,
Полонъ столъ сидѣть подруженекъ?

586 (3).

То жъ.

Да не темная, не зеленая
Дубрава,
Ой ляли, али ляй, али, дубрава.
Да не гордая, не спѣсивая
Палагея.
Не знала она, што съ гордости
Затѣять.

Затѣяла 'на затѣюшку
Большую;
Запрудила 'на широки пруды
Перстнями,
Запрудила 'на широки рѣки
Платками,
Поставила 'на стороженекъ
На броду:
„Вы стойте, мои стороженьки,
Страженьку;
Тутъ будить ѣхать сходатой свать
Съ поѣздомъ“.
Не доѣхавши, съ ворона коня
Слѣзайтъ,
Не дошедши, онъ востру саблю
Вымайтъ.
Онъ и хочить ли стороженьку
Срубити.
— Не для тебя стороженька
Стояла,
Не для тебя, Палагеюшка
Рождена,
Не для тебя Григорьевна
Вскормлена:—
Да не гордая, не спѣсивая
Палагея
Не знала она, што съ гордости
Затѣять.
Затѣяла 'на затѣюшку
Большую.
Запрудила 'на широки пруды
Перстнями;
Запрудила 'на широки рѣчки
Платками,
Поставила 'на стороженекъ
На броду:
„Вы стойте, мои стороженьки,
Страженьку;
Тутъ будетъ ѣхать Сергѣй сударь
Съ поѣздомъ;
Тутъ будить ѣхать Андреяновичъ
Съ краснымъ.“
Не доѣхавши, съ ворона коня
Слѣзайтъ,
Не дошедши, онъ востру саблю
Вымайтъ;
Онъ хочить ли стороженьку
Срубити.
— Вотъ для тебя стороженька
Стояла,
Вотъ для тебя Палагеюшка
Рождена,
Вотъ для тебя Григорьевна
Вскормлена.

587 (4).

Т о ж е.

Вдарили (3) гусли по чисту полю,
Вдарили гусли по чисту полю,
Пролились (3) слезы по синемъ морю,
Пролились слезы по синемъ морю.
Я ль молода (3) думу думала одна,
Я ль молода думу думала одна;
Думала (3), подумала сама себѣ одна,
Думала, подумала сама себѣ одна:
Какъ же мнѣ (3) быть на чужой сторонѣ?
Какъ же мнѣ быть на чужой сторонѣ?
Какъ привыкать (3) ко чужой семьѣ?
Какъ привыкать ко чужой семьѣ?
Какъ назвать (3) свекра батюшкой?

Какъ назвать свекра батюшкой?
Какъ назвать (3) свекровь матушкой?
Какъ назвать свекровь матушкой?
Научилъ меня (3) миленькій дружокъ,
Научилъ меня миленькій дружокъ:
Назови свекра (3) батюшкой,
Назови свекра батюшкой;
Назови свекровь (3) матушкой,
Назови свекровь матушкой.
Отъ горя (3) свекоръ батюшка,
Отъ горя свекоръ батюшка;
Отъ тоски (3) не родной мой отецъ,
Отъ тоски не родной мой отецъ;
Отъ горя (3) люта свекровь матушка,
Отъ горя люта свекровь матушка,
Отъ тоски (3) не родная моя мать,
Отъ тоски не родная моя мать!

з) Малоархангельскій уѣздъ, д. Темерязева.

588 (5).

Когда отпускаютъ жениха на стоворъ.

Павлова матушка
Всюё ночушку не спала,
Али лий ляли, не спала,
Да и Павлушку собирала:
Да и поѣдемъ мы, Павлушка,
Али лий ляли, Павлушка,
Да и поѣдемъ жениться!
Шурья-братья сустрѣнуть
Али лий ляли, сустрѣнуть,
Со винами, со медами,
Будутъ тебя угощать,
Али лий ляли, угощать.
Будутъ тебя потчивать,
Будутъ тебѣ винца подносить.
Али лий ляли, подносить,
Да не пей винца изъ корца,
Вылей коню на гриву
Али лий ляли, на гриву,
Сивогривому на сиву,
Сивогривому на сиву.
Али лий ляли, на сиву.
У коня грива колесомъ,
А Павлушка молодцомъ.
Али лий ляли, молодцомъ.

589 (6).

Поется на стоворъ.

У воротъ конопелка,
У воротъ зеленая,
Ай ляли, али лий ляли, у воротъ зеленая,

У воротъ зеленая,
Тонкая, высокая.

Ай ляли, али лий ляли, тонкая высокая.
Да на той конопелкѣ
Да сидятъ легки пташки,
Ай ляли и проч.
Сидятъ, распѣвають,
Онѣ прочь улетаютъ.
Да сидитъ, сидитъ, отлетаютъ
Дорогая гостенька,
Авдотья у батюшки;
Да живетъ, отживантъ,
Она прочь отъѣзжаютъ
Во иную деревню,
Не въ суютнюю семью,
Ко и лютому свекру,
Ко лютой свекровьи.

590 (7).

Т о ж е.

Ужъ мы тебѣ, Авдотьюшка,
Говаривали,
Ай ляли, али лий ляли, говаривали.
Ужъ тебѣ, Андреевна,
Приказывали:
Не вставай, не вставай, Авдотьюшка,
Раненько;
Не гладь, не гладь головушку
Гладенько;
Не ходи, не ходи ранымъ рано
По воду;
Не черпай, не черпай рано 'зъ пролуби
Да воды:

Да на пролуби, да на пролуби
 Два голубка;
 Да одинъ голубъ, да одинъ голубъ
 Та гудеть,
 Отъ батюшки, отъ матушки
 Отведеть;
 Да другой голубъ, да другой голубъ
 Та гудеть,
 Ко люту свекру да свекровушки
 Приведеть.

591 (6).

Причитанья большого свата на княжннкъ*).

Ну-ка, родимый батюшка,
 Рюмочку выпивай,
 Нашихъ молодыхъ отдарий!
 Напимъ молодымъ много надо:
 Они хотятъ домишкомъ жить,
 Домишка прибавить,

На углу баню поставить:
 Ты зайдешь да попарнись,
 А поспѣй того похвалишься:
 „Вотъ какъ стали наши молодые та жить.“
 Ну же, ну, рюмочку выпивай,
 А нашихъ молодыхъ отдарий:
 Хоть бы такъ—
 Рубликовъ пять,
 А когда будетъ твоя честь,
 Хоть рубликовъ шесть.

Пѣсни 584—591 доставлены отъ кн. Кострова.

*) Мнѣ случалось слышать ихъ въ трехъ или четырехъ мѣстахъ, и я не замѣтилъ въ нихъ почти никакой перемѣны. Эти прибаутки большой сватъ проноситъ тогда, когда молодые начинаютъ дарить своихъ родныхъ. Подходя къ отцу жениха или невесты, онъ говоритъ эту пѣсню. Смотря по лицу, къ которымъ большой сватъ подходитъ, угощая виномъ, измѣняется и начало этого причитанья. Главная цѣль его въ этомъ случаѣ—быть разнообразіе и сдѣлать присутствующихъ болѣе веселыми.—Примѣч. собирателя.

II) Малоархангельскій уѣздъ, с. Успенское.

592.

Величальная.

Колина моя, молина,
 Черная смородина,
 Ой лили!
 Черная смородина!
 Что рано заломана,
 Во пучки повязана,
 При пути положена,
 При пути, при стежечкѣ,
 При большой дорожечкѣ?
 Большая дорожечка
 Колесомъ притоитана,
 Плеткою пришибина,
 Плеткою шелковою,
 Травною шелковою.
 Да и кто же у насъ вишенка,
 Да кто у насъ ягодка?
 Вишенка—да и Павлушка,
 Ягодка—Ивановичъ.
 „Да братцы товарищи,
 Что я вамъ за ягодка?
 Что я вамъ за вишенка?
 Я у васъ да и Павлушка,
 Я у васъ Ивановичъ:
 Вишенка въ зеленѣмъ саду,
 Ягодка во сыромъ бору;

А я росъ у батюшки,
 Да служилъ у матушки“.

593.

Не разливайся, мой тихій Дунай,
 Не заливай зеленіе луга!
 Въ тѣхъ ли лугахъ есть ковыль трава,
 Во той ли травѣ ходитъ бѣлый олень,
 Ходитъ бѣлый олень—золотые роги.
 Мимо ѣхалъ да Иванъ сударь,
 Мимо ѣхалъ да Спиридоновичъ,
 Стебнудъ оленьюшку плеточкой:
 „Не бей меня, да Иванъ сударь,
 Не бей меня, Спиридоновичъ!
 Ни въ кое время пригожусь я тебѣ:
 Жениться будешь—на свадьбу приду,
 На дворъ взойду—я весь дворъ освѣчу,
 Въ горницу взойду—всѣхъ гостей развеселю.
 Да и больше всѣхъ да Марью твою,
 Чтобы она меньше плакала,
 Чтобы она не огорчалася.“

594.

Какъ у насъ нынче при вечерѣ!),
 При Лукерьиномъ дѣвнннчикѣ
 Прилеталъ самъ ясень соколъ;
 Онъ садился на высокъ терѣмъ,

На высокъ теремъ, на (о)кошечко,
 На серебряну²⁾ причалинку.
 Причалинка обломилася,
 Окошечко растворилось,
 Ясень соколъ встрепенулся, полетѣлъ.
 Какъ узрѣла, увидѣла
 Да Лукерьи́на матушка:
 „Ты дитѣ ль, мое дитятко,
 Ты дитѣ мое милое!
 Ты прими яснѣ сокола,
 Яснѣ сокола залетнаго,
 Добраго молодца заѣзжаго
 Да Ефима Матвѣевича.“

1) Попр.: вечери.—И. В. К.

2) Попр.: серебряну.—И. В. К.

595.

Покупайся, сѣра уточка, покупайся!
 — Да какое мое да купанье?
 Моего селезѣнюшки дома нѣту,
 Моего касѣтаго не бывало:
 Какъ и мой селезѣнюшка во отлетѣ,
 Во отлетѣ, въ чистомъ полѣ.—
 Снаряжайся, Катеринушка,
 Снаряжайся, Ивановна!
 — Да какое мое снаряженье?¹⁾
 Моего Васильюшки дома нѣту,
 Моего Алексѣича не бывало:
 Какъ и мой Васильюшка
 Онъ во славномъ во городѣ, въ Петербургѣ,
 Закупасть Васильюшка алы ленты,
 Спирается (?) Алексѣевичъ красныхъ дѣвокъ;
 Да и красны дѣвки вороваты,
 Начали его Васильюшку цѣловати,
 Начали Алексѣевича миловати,
 Катеринушку Ивановну ревновати,
 Ай ляли! ревновати.

1) Попр.: снаряжанье.—И. В. К.

596.

Подъ калиною, подъ малиною
 Подъ бѣлымъ шатромъ, подъ лазоревымъ
 Спать, почиваетъ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ, в' насъ да и Павлушка,
 В' насъ да и Павлушка, в' насъ да Пва-
 новичъ.
 Приходятъ къ нему слуги вѣрные, братья
 рѣдные¹⁾:
 „Встань, да и Павелъ Ивановичъ!
 У насъ по морю корабли плывутъ,
 Корабли плывутъ съ чистымъ серебромъ,

съ чистымъ серебромъ, съ краснымъ това-
 ромъ.“

— То-то мнѣ, молодцу, то-то не надобно.—
 Подъ калиною, подъ малиною,
 Подъ бѣлымъ шатромъ, подъ лазоревымъ
 Спать, почиваетъ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ, в' насъ да Павлушка,
 В' насъ Павлушка, в' насъ да Ивановичъ.
 Приходятъ къ нему слуги вѣрные,
 Слуги вѣрные, сестры родныя:
 „Встань, да и Павлушка, встань, да Ивановичъ!
 У насъ по морю корабли плывутъ,
 Корабли плывутъ съ красными дѣвками,
 Съ красными дѣвками, съ молодухами.“
 — Тутъ-то мнѣ, молодцу, тутъ-то мнѣ надобно.

1) Далѣе зачеркнутый стихъ: Братья родные,
 слуги вѣрные.—Ред.

597.

Ужъ ты, рябая перепелушка!
 Она ряба, ряба, коноплястая,
 Полетѣла она во чисто поле.
 Во чисто поле пшеницу клевать,
 Пшеницу клевать¹⁾, куколь выбирать²⁾.
 Она выбрала себѣ зернушко,
 Она зрѣлое и да спѣлое.
 Да ты, умная наша дѣвушка,
 Наша дѣвушка, в' насъ и Дарьюшка,
 В' насъ и Дарьюшка в' насъ (sic)³⁾.
 Посидѣла она долго в' батюшкѣ,
 Уразумѣла она жениховъ выбирать.
 Она выбрала себѣ жениха
 Она честнаго и рѣчнаго,
 Она бѣлаго и разумнаго,
 Черноброватаго, черноглазаго,
 Да Михайлу Ефремовича,
 Али ой ляли! Ефремовича!

1) Попр.: клевати.—И. В. К.

2) Попр.: выбирать.—И. В. К.

3) Ивановна?—Ред.

598.

Разцвѣтали вишеня
 Алыми цвѣтами,
 Опадали алые
 Ранними зарями
 А все эти вишеня
 На русую косу,
 А все эти алые
 На бѣлое лицо.
 То то было Лукерья
 Потихе ходитъ,

То-то было Петровиѣ
 Не бодро ступати.
 Носить было ключики—
 Ими не звонити,
 Родимаго батюшку
 Ими не будити,
 Сударыню-матушку
 Ими не гнѣвити.
 Не звать бы Виктору¹⁾
 Къ себѣ часто въ гости,
 Не звать было Иваныча
 На новыя сѣни,
 На новыя сѣни
 Къ себѣ посидѣти.
 Жила я у батюшки,
 Я тихо ходила,
 В' сударынѣ матушкѣ²⁾
 Не бодро ступала,
 Носила я ключики,
 Ими не звонила,
 Родимаго батюшки
 Ими не будила,
 Сударыни матушки
 Ими не гнѣвила,
 Не звала Викторы
 Къ себѣ часто въ гости,
 Не звала Иваныча
 На новыя сѣни
 Къ себѣ посидѣти

¹⁾ Попр.: Виктора.—И. В. К.

²⁾ Попр.: Въ сударыни матушки.—И. В. К.

599.

Черна чернобылка (3)
 Къ горѣ припадала, (3)
 Пропойцу пытала: (3)
 Пропойца Ульяна
 Пропила свою чаду
 За винную чару,
 За одну вечеринку.

600.

Растопись, жарка банюшка,
 Разгорись, жарка каменка,
 Ты разсыпись, крупень жемчугъ,
 Да по (а)тласу, по бархату.
 По серебряну блюдечку!
 Ты расплачься, Лукерьюшка,
 Ты расплачься, Матвѣвна,
 Предъ своей родной матушкой:
 „Государыня да¹⁾ матушка,
 Ты на что золоты ключи берешь,

Ты зачѣмъ во ларцы идешь,
 Ты на что холсты кроишь?“
 — Ой, дитѣ мое дитятко,
 Ой, дитѣ мое милое!
 Я хочу тебя замужъ отдать,
 Я хочу побѣжанъ дарить,
 Что ни лучшаго барина
 Да Ефима Матвѣвича.

¹⁾ Поправка: ты.—И. В. К.

601.

Ахъ, по морю, морю Хвалынскому
 По синему морю Хвалынскому,
 Тамъ плыло стадо сѣрыхъ гусей,
 А другое бѣлыхъ лебедей.
 Отставала лебедушка
 Прочь отъ стада лебединаго,
 Приставала лебедушка,
 Приставала она ко стаду сѣрыхъ гусей;
 Начали ее гуси сѣрые,
 Начали ее рвать и щипать,
 А лебедушка кричати,
 Да свѣтъ бѣлая кричати:
 „Ну, за что меня и рвать и щипать?
 Не сама я къ вамъ залѣтѣла,—
 Занесло меня ненастіемъ,
 Ненастіемъ—непогодою,
 Непогодою осеннею,
 Буйнымъ вѣтромъ, сильнымъ дождикомъ.“
 Отставала Лукерьюшка,
 Отставала Сергѣевна
 Прочь отъ красныхъ отъ дѣвушекъ;
 Приставала Лукерьюшка,
 Приставала Сергѣевна
 Къ молодымъ она молодушкамъ;
 Начали ее молодушки,
 Начали ее журить, бранить,
 А Лукерьюшка—плакати,
 Да свѣтъ Сергѣевна плакати:
 „Ну, за что меня журить, бранить?
 Не сама я къ вамъ заѣхала,—
 Завезли меня добры кони,
 Что добры кони да Ефимушки,
 Охъ, Ефимушки да Матвѣвича“.

602.

По сѣнюшкамъ-сѣнямъ
 Да Лукерьюшка ходитъ,
 Золотымъ цѣнцомъ¹⁾ звонитъ,
 Свою батюшку будитъ:
 „Устань, мой батюшка,
 Устань, пробудися,

Уродися (2), уродися, горетка мачку, во са-
дочку.

Уродися (3), да и Павлуша, въ роду умный,
Уродися (3), Ивановичь, и разумный.

Я не пилъ бы, я не ѣлъ бы, на дѣвичьей
вечеринкѣ посидѣть бы!

Что дѣвичья (3) вечеринка веселенька:

Тамъ играютъ (3) красны дѣвки, веселятся,

Забавляютъ (3) да и Павлушку, забавляютъ,

Величаютъ (3) Иваныча, величаютъ.

Ужъ дѣвица ты, красавица,

Ужъ дѣвица ты, красавица,

Что ничѣмъ мою душу закалила,

Что не свѣчею, не лучиною,—

Своей врожденной красотой*).

*) Окончаніе этой пѣсни: „И пойду-ли (2) пойду-
ли, младшенька“, и проч., кажется, особая пѣсня.—
Замѣч. собир.

607.

Величальная.

Кто домой, кто домой?

А я домой не хочу!

Съ кѣмъ гуляю, не скажу,

Во зеленомъ во саду

Подъ яблонью въ холоду,

Подъ грушею зеленой!

Три лебедка плавали:

Да и первый лебедокъ—Павель лебедокъ.

Бѣлинькой, да и Ивановичь бѣлинькой:

Другой лебедокъ—Петрушка лебедокъ,

Бѣлинькой, да и Ивановичь бѣлинькой;

Третій лебедокъ—Викторъ лебедокъ,

Бѣлинькой, да и Прохоровичъ лебедокъ.

к) Малоархангельскій уѣздъ, с. Липовица-Перехожи.

608.

Не ложись, бѣлъ закушка,

При пути-дороженькѣ:

Тамъ ѣхатъ Ефимушкѣ,

Тамъ ѣхатъ Петровичу,

Тамъ ему конемъ топтать,

Тамъ ему плетемъ стебать.

— Братцы мои, товарищи!

Ну, за что меня конемъ топтать,

За что меня плетемъ стебать?

Не я у васъ въ саду бывалъ,

Не я у васъ яблонь глодалъ.

609.

У Павла Сергѣича

Камчатная горенка,

Кипарисныя лавочки,

Да печки травчатия,

Загнеточки муравчатия,

Середа изъ литаго серебра.

Тамъ ходила молодая боярыня

Да Ульяна Федоровна;

Она будила, побуживала

Своего друга милова:

„Устань, мой милой,

Пробудись, надежда,

Собирайся въ гости, молодой,

Прикажи, сударь, карету заложить,

Чтобъ кони были вороны,

А повознички молодѣйки,

А кафтанчики зелены,

Рукавички барановыя.“

Она сама присовѣтуетъ:

Пора молодцу женидбу да дать;

Пора стару бабу брать,

На печи. ¹⁾

¹⁾ Не окончена.—*Примѣч. собир.* П. В. Кіѣй от-
бросилъ и послѣднія четыре строки.—*Ред.*

610.

Кудрявый повозникъ (2),

Погоний поскорѣ,

Чтобы я не слыхала,

Какъ батюшка тужить,

Тяжело въздыхаетъ,

Меня воспоминаетъ.

Кудрявый повозникъ,

Погоний поскорѣ,

Чтобъ я не слыхала,

Какъ матушка плачетъ,

Тяжело въздыхаетъ.

611.

На морѣ да и утиска да купалася,

На морѣ да и сѣрая полоскалася;

Скушавшись, да и уточка встрепенулася,

Встрепенувшись, да и уточка да воскрикнула:

Какъ-то мнѣ съ синимъ моремъ да разстаться
будеть?

Какъ то мнѣ съ крутыхъ бережковъ да под-
няться?

Захватить да и зимушка-зима лютая,
Выпадутъ да и снѣги да глыбокіе,
Вдарють ли морозы да крещенскіе;
Тутъ-то я съ синимъ моремъ я разстануся,
Тутъ-то я съ крутыхъ бережковъ приподы-
малася¹⁾.

Въ теремѣ да Лукерьюшка убиралася,
Въ высокомъ Сергѣевна умывалася,
Бѣлыми бѣлилами (она бѣлилася²⁾),
Алыми румянами (она румянилася³⁾),
Черными сурмилами брови сурмила.
Бѣлая бѣлила изъ Бѣлогорода⁴⁾,
Алая румяна изъ красной Москвы,
Черныя сурмила изъ Черна города.
Наша Лукерьюшка съ высока терема.
Убравшись, Лукерьюшка (она заплакала:
Какъ-то мнѣ съ матушкой да разстаться бу-
детъ?

Какъ-то мнѣ да и съ батюшкой распрости-
тисся?

Приѣдетъ да Ефимъ сударь на ворономъ
конѣ⁵⁾,

Тутъ-то я да и съ матушкой я разстануся,
Тутъ-то я да и съ батюшкой распрощаюся.

¹⁾ Приподымуся.

²⁾ Набѣлилася.

³⁾ Нарумянилася.

⁴⁾ Бѣлогорода.

⁵⁾ На вороныхъ коняхъ.—Поправки И. В. К.

612.

Изъ боръ¹⁾ ко дубровѣ
Тропинка лежала,
По той но тропинкѣ
Куна пробѣжала
У куней у шубѣ,
Въ сафьянныхъ сапожкахъ,
Въ жемчужныхъ сережкахъ.
За той за кунюю
Охотники ѣздить,
Ульянины братья;
Коней притомили,
Куню не вловили.
Изъ боръ ко дубровѣ и проч.
За той за кунюю
Охотнички ѣздить,
Да и Павловы братья;
Коней не втомили,
Куню изловили.

¹⁾ Поправка: Изъ бора.—И. В. К.

613.

Шла молода изъ-за лѣсу темнаго,
Видѣла черную смородину:
Вызрѣла черная смородина.
Вызнала люта свекра батюшку:
То-то лють свекоръ батюшка!

л) Малоархангельскій уѣздъ, с. Лимовое*).

614.

У воротъ сосѣнушка,
У воротъ зелѣная;
На той на сосѣнушкѣ
Колыбель повѣшена,
Колыбель досчатая,
Хорошо снаряжена:
Подцѣпки шелковыя,
Подилутки бумажныя,
Лучекъ мѣдненькій,
Крючекъ серебрянкій.
Въ той колыбели
Дворянинъ съ дворянкою:
Дворянинъ—Андреюшко,
Дворянка—Аннушка.
„Вы, братцы товарищи,
Подойдите поближе,
Вскачите повыше,

Чтобы тестевъ дворъ виденъ,
А тѣщинъ высокъ теремъ,
А моя короватушка!“

*) Въ спискѣ насел. мѣстъ Орловск. губ.—де-
ревня Лимовая.—Ред.

615.

По сѣнямъ, сѣнюшкамъ,
По новымъ досчатымъ,
Тамъ ходе, гуляе
Большой воевода
Большой воевода,
Иванъ Андреяннычъ.
Онъ ходе, гуляе,
Во скрипку играе,
Маврушу забавляе:
„Не плачь, Маврушенька,

Не тужи, Микитична!
 Пойдѣмъ мы съ тобою
 Во ельникъ, сосеникъ,
 Во частый березникъ! —
 Во томъ во березничку
 Груздѣ родилися,
 Груздѣ родилися,
 На дворъ катилися,
 На дворъ катилися,
 На столъ годилися.
 Что бѣлый груздочикъ —
 Ивановъ сыночекъ;
 Что бѣлая воловинка —
 Маврушина дочка!

616.

У воротъ перепелушка летала,
 У воротъ рябая порхала;
 Узувался сходатай свать
 Перепелушку ловить,
 Узувался сходатай свать на кони.
 Сходатай-свать воронова коня уморилъ,
 Рябую перепелушку не уловилъ.
 У воротъ у воротъ перепелушка летала,
 У воротъ у воротъ рябая порхала;
 Узуется Осинушка перепелушку ловить на
 кони;

Осинушка ворона коня не уморилъ,
 Рябую перепелушку уловилъ.
 Я мечала перепелушку у пушку,
 Ажно эту Агафьюшку у земчужку,
 Я мечала перепелушку подъ лучкомъ,
 Ажно эту Аграфенушку подъ бочкомъ,
 Я мечала перепелушку рябую,
 Ажно эту Агафьюшку младую,
 Я мечала перепелушку въ перьяхъ,
 Ажно эту Агафьюшку въ жерельяхъ.

617.

Аннушка сѣнюшки мела,
 Михайловна новенькія,
 Нашла себѣ сахарцу,
 Нашла себѣ сладенькаго.
 Мечела сахарцу,
 Мечела сладенькаго;
 Ажно Андреюшка,
 Ажно Прокофьевичъ.
 Почала его цѣловать миловать,
 Почала на ручку класть:
 „Онъ лучше мнѣ сахарцу,
 Онъ лучше мнѣ сладенькаго:
 Съ сахарцомъ часъ часовать,
 Съ Андреюшкой вѣкъ вѣковать!“

618.

Не зоря ли моя, зорюшка,
 Не зоря ль моя вечерняя!
 Солнушко восхожее!
 Высоко восходило,
 Далеко свѣтило
 Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
 Черезъ синее море.
 По тому по синю морю
 Тамъ лежала жордочка,
 Жордочка еловая,
 Гибкая сосновая.
 По той жордочкѣ никто не хаживалъ.
 Шѣлъ, перешѣлъ Яковъ Ѳѣдоровичъ,
 Вѣлъ, перевѣлъ Натальюшку;
 Перевѣдши, цаловалъ,
 Цаловавши, миловалъ:
 „Другъ ты мой, Натальюшка,
 Сердце мое, Григорьевна!
 Ты меня состарѣла
 Безъ ума поставила,
 Безъ ума, безъ разума
 Безъ великой памяти:
 Тихою походочкой
 Ещѣ вѣжливой говорочкой,
 Низкими поклонами,
 Умильными взглядами!“

619.

По садику, садику,
 По зелѣному виноградику
 Тамъ ходила погуливала
 Молодѣ жена боярыня,
 Аксинья Андреевна;
 На той яблонькѣ два яблочка рвала;
 Она клала на блюдечко,
 На блюдечко на серебряное;
 Восходила на высокой на терѣмъ,
 Становила на дубовой столъ.
 Дубовой столъ разлагается,
 Два яблочка раскатыются,
 По блюдечку по серебрену.

620.

Уличила *).

На рѣкѣ, рѣкѣ, на Волгѣ рѣкѣ
 Тамъ плыветъ лодка новая,
 Лодка новая, сосновая;
 На той лодочкѣ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ Иванушка,
 Иванушка Гавриловичъ.

Онъ зоветъ съ собой красну дѣвушку,
Красну дѣвушку Агафьюшку:
„Ты, Агафьюшка, моя разлюбезная!
Ты садись со мной, съ добрымъ молодцомъ!“
— Добрый молодецъ, я тебя не знаю.—
„Агафьюшка, я тебя самъ знаю,
Какъ отецъ-то твой—тестъ-то мой,
Какъ мать-то твоя—теща моя,
А братья твои—шурья мои,
А сестры твои—своячениы,
Агафьюшка—моя возлюбленная!“

*) Помѣщена въ число свадебныхъ П. В. К. имъ.—
Ред.

621.

Бѣлой лѣнъ при долинѣ вѣе, повивае,
Къ землѣ приклоняе.
Марѳа Филиппевна по садочку гуляе,
Пригнувши, припечаливши,
Ручки подожмавши.
Приходятъ къ ней сестрицы подружки:
„Аль тебѣ, матушка, тошненько, грустнень-
ко?“
— Сестрицы, подруженьки, не докучайте!
Мнѣ свекоръ побылчился,
Что родимой батюшко!

622.

Изъ подъ камушка быстрая вода бѣжала;
Изъ подъ бережку быстрѣй этой еще бѣжала,
Всѣ вишенья, орѣшенья подмыла.
Подъ вишеньемъ, подъ орѣшьемъ стоитъ
Возлѣ коня стоитъ молодецъ. [конь,
Онъ чешетъ коня гребешкомъ:
„Ужъ и конь ты мой, вороной,
Товарищъ ты мой дорогой!
Пойдемъ-ка, конь, со мною
Въ дальнюю незнакомую дорогу,
По модную и спесивую Поросковью!“

623.

Честь наша, хвала наша
Усыла чистое поле жемчугомъ,
Стала зеленые луга кудами,
Замостила звонкіе мосты перстнями,
Поставила дороженьку на броду,
Сама стала подъ сосною въ бору,
Сама стала Богу низко молиться:
„Создай, Боже, тѣплое лѣто на дворѣ:
Тамъ ѣхати съ сходитаемъ—сватомъ на кони,
Тамъ ѣхати съ сходитаемъ—сватомъ на воро-
номъ!“

624.

Уличная *).

И кто жъ у насъ ѹмень?
И кто жъ у насъ разумень?
У насъ Андрей ѹмень,
Прокофѣичъ разумень.
Онъ хорошо ходитъ,
Манерно ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараеъ;
На коня садится,
А конь веселится;
Плѣткою машетъ,
А конь подъ нимъ пляшетъ;
Къ лугамъ подѣзжаетъ,
Луга зеленѣютъ;
Къ садамъ подѣзжаетъ,
Сады разцвѣтаютъ,
Сады разцвѣтаютъ,
Пташки распѣваютъ;
На дворъ вѣзжаетъ,
Матушка встрѣчаетъ:
„Поди, мое дитятко!
Поди, мое милое!
Что ты ходишь не весело,
Гуляешь не радостно?“
— Сударыня матушка,
Какъ же веселому быть?
Друзья, братья женятся,
А я холостой хожу,
Еще не женатенькій,
Бѣлый кудреватенькій!—
„Женись, женись, дитятко!
Женись, женись, милое!
Возьми жъ, возьми жъ, дитятко,
Купецкую дочеръ
Съ няньками, съ мамками,
Съ сѣнными съ дѣвками!“
— Сударыня матушка!
То мнѣ не жена будетъ,
То мнѣ не работница
А въ домѣ не кукобница!

*) Помѣщена въ число свадебныхъ П. В. К.—мъ.—
Ред.

625.

Старкнулъ голубушка въ голубні;
Всплакнула дѣвушка въ неволи:
„Выкупи меня, матушка, изъ неволи!“
— Что будетъ дать, дитятко?
„Сто рублей.“—Нѣдѣ взять, дитятко!—
Старкнулъ голубушка въ голубні;

Всплакнула дѣвушка въ неволи:
„Выкупи меня, матушка, изъ неволи!“
— Слова нѣтъ, дитятко!
Слова нѣтъ, сто холстовъ!

626.

У воротъ конопелька;
Сидя, сидя птишки
Сидя распѣвають;
Онѣ прочь отлетаютъ
Ко тѣмному лѣсу,
Къ зелѣной дубровѣ.
Анна Филиппевна,
Дорогая гостейка,
Живѣть, отживае;
Она прочь отлетаетъ
Отъ батюшкова подворья
Къ Божьему сѣду,
Къ свѣтлomu вѣнчанью;
Отъ Божьяго суда
Къ лютому свѣкру,
Ко лютой свекрови,
Къ лютымъ деверьямъ,
Къ лютымъ невѣсткамъ.

627.

Цвѣла, цвѣла вишенья
Алыми цвѣтами,
Опадала вишенья
Раными зарями,
Все что-то Натальюшкѣ
На русую косу,

Все что-то Григорьевѣ
На алую ленту.
То-то жъ бы Натальюшка
Потише ходила,
То-то жъ бы Григорьевна
Не бодро ступала,
Носила бы ключики,
Ими не звонила,
Родимаго батюшку
Ими не будила,
Сударыню матушку
Ими не гнѣвила!

628 *).

Ужъ ты сваха злодѣй,
Горазда обманывать**),
Ты злодѣй подговаривать,
Въ чужу сторону сманивать!
Чужая сторонуща—
Полыномъ поле сѣяно,
Чернобыломъ горожено.
„Чужая сторонуща,
Сахаромъ поле сѣяно,
Виноградомъ горожено,
Сытою поливано—
Сытою медовою“.
— Слезою горячею,
Слезою дѣвичею.

*) Уличная; въ свадебныя помѣщена П. В. К—имъ. — *Ред.*

**) Первые два стиха П. В. К—имъ передѣланы такъ:

Ужъ ты сваха, ты сваха-злодѣй!
Ты горазда обманывать. — *Ред.*

м) Малоархангельскій уѣздъ, дер. Татарино.

629.

Когда благословляютъ образомъ.
Лебядиное перо передъ теремомъ пало:
Да упалъ Викторюшка
Передъ Господомъ Богомъ,
Передъ родимымъ батюшкой:
„Батюшка, прости меня,
Родимый, бла(го)слови меня,
Въ Божій судъ пойти,
Ко святому вѣнчанью.

630.

Когда къ церкви подъѣзжаютъ.
Поспѣшай, сѣръ заюшка,
Да ко тѣмному лѣсу,

Ко шелковымъ тенѣтамъ.
Поспѣшай, Викторюшка,
Да ко Божьему суду,
Ко святому вѣнчанью.

Когда выходятъ вхатъ къ вѣнцу.

631.

Солнушко за лѣсъ закатилось,
Ясное за лѣсъ закатилось.
Настасьюшка со двора съѣзжаетъ,
Тимоѣевна¹⁾ съ двора съѣзжаетъ,
Батюшка ее уваймаетъ,
Родимый ее уваймаетъ:
„Дитятко, ночуй хоть почку,
Милое, ночуй ты другую.“

— Батюшка, рада бѣ ночевала,
Викторушка за ручиньку держить,
Никитичъ за золотый²⁾ перстень.

1) Тимофеевна.

2) Золотой.—*Поправки П. В. К—аго.*

632.

Когда женихъ ѣдетъ за невѣстою.

У городѣ, у городѣ, да витые ворота;
Въ тѣ ворота, въ тѣ ворота да Настасьюшка
шла,
Въ тѣ ворота, въ тѣ ворота Тимофеевна шла;
Встрѣчу ей да Викторъ сударь:
„Не плачь, не тужи, да Настасьюшка,
Бралъ я тебя, бралъ я тебя да не силою,
Бралъ я тебя, бралъ я тебя не неволею,
Сама шла, сама шла да охотою.
Билъ я челомъ, билъ я челомъ твоему ба-
тюшкѣ,
Билъ я челомъ, билъ я челомъ твоему род-
ному,
Не добѣжая до терема, да я съ коня долой,
Не доходя, не доходя до высока, я у ноги че-
ломъ.“

633.

Вышедши изъ церкви.

У Михаила Архангела
Два голубя вѣнчались,
Сизенькой*) да бѣленькой:
Сизинькой—Викторушка,
Бѣлинькой—Настасьюшка.

*) сизинькій.—*Попр. П. В. К.*

634.

Когда ѣдутъ къ вѣнцу.

Летитъ, летитъ черная галка низенько,
Оглянется,—ясенъ соколъ близенько:
„Отвернися, ясенъ соколъ, отъ меня,
Ищи себѣ такову галку, что меня.“
Да черненькой, да касатенькой галушкѣ:
— Я всѣ лѣса, я всѣ поля прилеталъ,
Нигдѣ себѣ такой галкѣ¹⁾ не сыскалъ.—
Бѣжить Настасьюшка рѣзвенько,
Оглянется,—Викторушка близенько:
„Отвернися да, Викторушка, отъ меня,
Ищи себѣ таковой дѣвки, что меня.“

Бѣлинькой, хорошенькой Настасьи²⁾:
— Я всѣ селы, всѣ деревни приѣздилъ,
Нигдѣ себѣ такой дѣвкѣ не сыскалъ.

1) Галки.

2) Настасьѣ.—*Поправки П. В. К—аго.*

635.

Когда продаютъ невѣстину косу.

Чѣсу, почосу
Настасьину косу,
Чѣсу, почосу
Тимофеевнѣ русу.
А еще почешу,
А и косу заплету,
Алу ленту уплету,
Голубою перевью.

636.

Когда стануть чесать жениховы кудри.

Чѣмъ чесать, чѣмъ маслить
Да Викторovy кудри,
Чѣмъ чесать чѣмъ маслить
Да Никитича черны?
— Кинемся, бросимся,
Во три торга города,
Купимъ мы, кунимъ мы
Порованскаго*) масла,
Разчешимъ, размаслимъ
Викторovy кудри,
Разчешимъ, размаслимъ
Никитича черны.

*) Параванскаго.—*Попр. П. В. К—аго.*

637.

Когда невѣсту посадятъ везти къ вѣнцу.

Молодая сваха
Хмелемъ посыпаетъ,
Молодой поѣзжанинъ
Поѣздъ объѣзжаетъ,
Поѣздъ объѣзжаетъ,
Плеткою стебаетъ,
Стебаетъ плеткою шелковой.

638.

Когда къ вѣнцу ѣдутъ.

Гордая, спесивая свашенька
Не знала, что въ гордости дѣлать:

Припахала чисто поле журавлемъ,
Засѣяла чисто поле жемчугомъ,
Замостила калины мосты перстнями,
Завѣсила зелену дуброву атласомъ;
Когда будетъ ѣхать сходятый свать поѣздомъ,
Заяснѣйся, чисто поле, жемчугомъ.
Зазвени, калиновъ мостъ, перстнями,
Зазеленѣйся, зелена дубровушка, атласомъ.
Гордая, спесивая Настасьюшка
Не знала, что въ гордости дѣлать:
Припахала чисто поле журавлемъ,
Засѣяла чисто поле жемчугомъ,
Замостила калины мосты перстнями,
Завѣсила зелену дубраву атласомъ;
Когда будетъ ѣхать Викторюшка поѣздомъ,
Заяснѣйся, чисто поле, жемчугомъ,
Зазвени, калинъ мостъ, перстнями,
Зазеленѣйся, зелена дубравушка, атласомъ.

639.

Около сосеночки
Молодые опеночки;
Эй, али, али,
Ай, ляй, ляй!
Только нѣтъ, только нѣтъ
Молодаго груздочка;
Эй, али, али и проч.
При дождѣ, да при солнушкѣ
Молодой груздокъ выйдетъ.
Около Настасьюшки
Все красны дѣвушки,
Только нѣтъ, только нѣтъ
Молодаго Виктора.
Свѣтлый день воскресенье
Викторъ сударь ѣдитъ
Со князьями, съ боярами,
Съ молодою свахою.
Вдарили Настасьюшкѣ *)
Золоты ключи объ столъ:
„Батюшка, родимый мой,
Не ключница буду,
Ключи*) ларечница
Молодому Виктору.“
Эй али, али,
Ай, ляй, ляй.

*) Вдарила Настасьюшка?—Ред.

*) Ключница?—Приш. К—аго.

640.

Ой, во полѣ, полѣ
На высокомъ курганѣ
Лели, али, али, ляй, ляй!

Настасьюшка траву жала,
Тимоѣевна¹⁾ шелковою²⁾
Лели, али, али, али, ляй и проч.
(О)на тѣмъ серпомъ серебрянымъ,
(О)на той ручкой позолоченой.
Тихо ѣхалъ Викторюшка,
Тихо ѣхалъ Никитичъ:
„Эй, Богъ помочь, Настасьюшка,
Эй, Богъ помочь, Тимоѣевна,
Ой, Богъ помочь, траву жати,
Ой, Богъ помочь, шелковую
Да тѣмъ серпомъ серебрянымъ,
Да той ручкой позолоченой.“
— Отѣзжай прочь, Викторюшка,
Отѣзжай прочь, Никитичъ:
Не велѣла мнѣ мати
Съ холостыми стоять,
Съ женатыми говорить.—
Шли дѣвки долиною,
Несли фонарь подъ полою
Въ фонаречкѣ³⁾ уголечкѣ⁴⁾;
Уголечикъ раздувался,
Калинъ мостикъ загорался,—
Мой батюшка стосковался
По душѣ красной дѣвицѣ,
По Настасьюшкѣ сестрицѣ,
Тимоѣевнѣ подружкѣ.

1) Тимоѣевна.

2) шелковую.

3) фонарѣчки.

4) уголечки.—Поправки П. В. К—аго.

641 *).

Во бору, бору
Подъ грушицею,
Подъ садовою
Тамъ свать начевалъ,
Конечки ковалъ;
Тамъ сваха шла,
Съ рукъ перстень дала,
Приказывала:
„Эй, свать, сваточикъ,
На тебѣ перстенечикъ,
Подкуй конѣчикъ;
На тебѣ золотой,
Подкуй вороной;
Да намъ съ тобой
Далечо ѣхать,
Далечо, далечо,
Да все по бору,
По бѣломъ конюшкѣ;
Боръ будетъ шумѣть,

А конекъ гремѣтъ,
Подковы звенѣтъ.

*) Эту пѣсню повторяютъ, только перемѣняя слова:
сватъ и сваха, на слова: Викторъ и Настасья.—
Прип. П. П. Якушкина.

642.

Летѣла-то галка,
Летѣла-то черна
Черезъ садъ,
Ей, али, али,
Лий али, черезъ садъ.
Роняла (о)на перья
Роняла (о)на черные
Въ зеленъ садъ.
Ей, али, али,
Лий али, въ зеленъ садъ.
Вдарила
Правымъ крыломъ
Объ теремъ:
Ей али, али,
Лий али, объ теремъ.
„Не пора ли тебѣ,
Настасьюшка,
Съ терема долой?
Ей, али, али
Лий али, съ терема долой.
Не пора ли тебѣ,
Тимоѣевна,
Съ высока долой?“
Ей али! али
Лий али, съ высока долой.
— Что тебѣ, галка,
Что тебѣ, черна,
Дѣло до меня?
Ей али, али
Лий али, дѣло до меня.
Есть у меня
Родной батюшка
Безъ тебя;
Ей али, али
Лий али, безъ тебя.
Когда велить,
Когда благословить,
Тогда я пойду.
Ей али, али
Лий али тогда я пойду.
Разстелютъ
Шелковы ковры,—
Я стану,
Ей али, али
Лий али, я стану.
Подвинуть

Зелену карету,—

Я сяду

Ей али, али

Лий али, я сяду.

Посадятъ

Молодаго кучера,—

Поѣду.

Ей али, али

Лий али, поѣду.

Молодой кучеръ

В' насъ Викторъ;

Эй али, али

Лий али, в' насъ Викторъ.

Онъ швецъ,

Онъ кузнецъ,

Чеботаръ:

Сошьетъ

Своей Настасьюшкѣ

Башмачки,

Эй али, али

Лий али, башмачки.

Сошьетъ своей

Тимофевнѣ

Алые

Эй али, али

Лий али, алые.

Съ хохольчикомъ,

Съ мохорчикомъ,

Съ пучкомъ.

Эй али и пр.

643.

Хмѣль ты, хмѣлюшка,
Еровая*) шишечка!
Передайся, хмѣлюшка,
На мою сторонушку:
На моей сторонушкѣ
Приволье хорошее,
Приволье хорошее,
Раздолье широкое.
По томъ по раздольицу
Гулялъ доброй молодецъ
Да Павелъ Ивановичъ,
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку.
Увидала матушка
Съ высокаго терема:
„Дитя ль мое, дитятко,
Дитя мое милое,
Что ходишь не весело,
Играешь не радостно?“
— Сударыня матушка,
Чего веселиться мнѣ?
Друзья, братья женятся,

А я холостой хожу,
А я не женатенькой.—
„Женись, женись, дитятко,
Женись, мое милое!
Возьми, возьми, дитятко,
Генеральскую дочь,
И съ няньками, съ мамками,
И съ сѣнными дѣвками.“
— Сударыня матушка,
Это не жена будетъ,
Это не работница,
Въ домѣ не куковница.
У сосѣда дѣвушка—
Она мнѣ понравилась:
У домѣ куковница,
Во полѣ работница,

*) яровая.—Попр. П. В. К.

644.

По тестеву двору
Все горы крутыя,
Рѣчки глубокия:
Нельзя Викторущѣ
Къ тестю переѣхать,
Настасью поглядѣти,
Какова Настасьюшка
И ростомъ, дородствомъ,
Личенькомъ бѣленькимъ,
Собой пригоженька.
Хочъ дорого дати—
Казаковъ понаняти
Горы поскочити*),
Мосты помостити,
Къ тестю переѣхать,
Настасью поглядѣти.

*) поскочити.—Попр. П. В. К.

645.

Соловеюшка, соловей,
Отлетная пташечка,
Куда леталь*), отлетѣль?
— Я отъ сада до сада,
До ракитова до куста,
До теплаго до гнѣзда.
Викторущка молодой,
Куда ѣздилъ, отѣзжалъ?
— Я отъ села до села,
До тестева до двора,
До тещина терема,
До Настасьиной комнатки:
„Да, Настасьюшка, отомкнись,

Тимоѣевна, отопрись!“
— Я рада бы отперла:
Буень вътеръ косу рветъ,
Ясно солнце лице жжетъ.

*) Летоко?—Прим. П. В. К.

646.

Во горницѣ, во свѣтлицѣ
Два голубя на шкапѣ,
Два сизыхъ на шкапѣ
И пьютъ, и льютъ, и торелки*) бьютъ,
Въ цимбалы играютъ,
Настасьюшку Тимоѣевну
Всегда забавляютъ.
„Настасья Тимоѣевна,
Тебя батюшка кличетъ.“
— Сестрицы мои, подружки,
Право, не слыхала.—
Во горницѣ, во свѣтлицѣ
Два голубя на шкапѣ,
Два сизыхъ на шкапѣ
И пьютъ, и льютъ, и тарелки бьютъ,
Въ цимбалы играютъ,
Настасьюшку Тимоѣевну
Всегда забавляютъ.
„Настасьюшка Тимоѣевна,
Тебя матушка кличетъ!“
— Сестрицы мои, подружки,
Право, не слыхала.—
Во горницѣ, во свѣтлицѣ
Два голубя на шкапѣ,
Два сизыхъ на шкапѣ
И пьютъ, и льютъ, и тарелки бьютъ,
Въ цимбалы играютъ,
Настасьюшку Тимоѣевну
Всегда забавляютъ.
„Настасьюшка Тимоѣевна,
Тебя Викторъ кличетъ!“
— Сестрицы, подружки,
Право, давно слышу.

*) Тарелки.—Попр. П. В. К.—аго.

647. *)

У воротъ, у воротъ
Переиелушка летала,
У притворчитыхъ
Рябая порхала.
Кто изовьется переиелочку
Поймать?
Вызывается сходатый свать (2) Викторъ
На коню,

Вызывается сходатый свать (2) Никитичъ
На ворономъ.
Сходатый свать ворона коня
Притомилъ,
Викторушка ворона коня
Не втомилъ;
Онъ рябую перепелочку
Уловилъ;
Онъ думалъ, что перепелушка
У нерьяхъ,—
Ажна-ль его Настасьюшка
У перстняхъ;
Онъ думалъ, что перепелушка
Во пушку,—
Ажна**) его Настасьюшка
Въ жемчужку.
Онъ думалъ, что перепелушка
Подъ лучкомъ,—
Ажна-ль его Настасьюшка
Подъ бочкомъ.

*) Пѣсни повторялись два раза: 1-й разъ говорить *свать*, а второй Викторушка Никитичъ. Окончаніе перваго раза.—Прим. П. П. Якушкина.

**) Поправка изъ: „а жена“.—Ред.

648.

Ой, моя волвеночка,
Да бѣлая бѣляночка,
Не боишься-ль ты зимы?
Не боишься-ль да лютыхъ,
Не боишься-ль морозовъ?
— А я зимы не боюсь:
Подъ снѣгъ схоронюся,
Листомъ накроюся.
Ой, моя Настасьюшка,
Не боишься ли ты свекра?
Не боишься ль да лютой свекрови?
— Да я свекра не боюсь!
Приду, повинюся,
Въ ножки поклонюся.

649.

Летѣли голуби черезъ дворъ,
Вдарили крыльцами объ теремъ:
„Дома ли Настасьюшка, али нѣтъ?
Скажемъ Настасьюшкѣ добрую рѣчь:
Ѣдетъ Викторъ сударь па коню,
Ѣдетъ Никитичъ да на ворономъ,
Его батюшка спрашиваетъ:
Куда жъ ты, дитятко, собрался?
— Въ охоту, батюшка, въ охоту,

Давай, батюшка, подмогу:
Сорокъ человекъ верховыхъ,
Двѣ каретушки золотыхъ,
Да два сватенька молодыхъ,
Два ивозничка холостыхъ.“

650.

Да во полѣ бѣлъ шатерь;
Да во томъ бѣлъ шатрѣ
Да Викторова сестра;
Гдѣ Викторъ, гдѣ ни ѣздитъ,
Ко шатру привернется,
Съ сестрою успросится:
„Сестрица моя, Татьянушка,
Татьяна Никитишна,
Тестъ в' меня даровъ просить.“
— Да, братецъ Викторушка,
Ты давай, не отказывай,
Ты бери сужденую,
Ты бери ряженую
Да Настасью Тимоѣевну.

651.

Кто домой, кто домой,
А я домой не хочу,
А я домой не хочу!
Съ кѣмъ гуляю, не скажу,
Во зеленомъ во саду,
Подъ яблонью въ холоду,
Подъ грушею зеленой.
Три лебедка плавали,
Три бѣлые плавали:
Да и первый лебедокъ—
Иванъ лебедокъ,
Бѣлинкой, да Ильичъ бѣлинкой;
Другой лебедокъ—Петръ лебедокъ,
Бѣлинкой Васильевичъ лебедокъ,
Третій лебедокъ—Кузьма лебедокъ,
Бѣлинкой Харитонъевичъ лебедокъ.

652.

Улица, улица,
Ты широкая,
Мурова, мурова¹⁾,
Ты зеленая!
Кому улицу
Разыграть будетъ?
Красной дѣвушкѣ
В' насъ Натальюшкѣ,
В' насъ Ивановѣ!
Узяла платокъ,
Повела тонокъ,

Тонокъ вывела,
Платокъ кинула.
Господа бояре!
Станьте къ сторонкѣ,
Станьте къ сторонкѣ
Всѣ поодаль:
Мой батюшка ѣдитъ,
Всѣхъ васъ перебьетъ,
Всѣхъ васъ подоритъ¹⁾
Не большимъ даромъ—
Воронимъ конемъ,
Да не ѣжжанимъ,
Да не сѣдланымъ.

¹⁾ Мурава.

²⁾ Подарить.—Иогр. II. В. К-го.

653.

Во саду, саду,
Во саду, саду,
Зеленомъ саду,
Зеленомъ саду,
Ай ляли али,
Али лий, али...
Тамъ ходилъ, гулялъ,
Добрый молодецъ,
Добрый молодецъ
Ай ляли, али и проч.
Да у насъ и Павлушка,
Да у насъ Ивановичъ.
Онъ и ходячи
Рамонъ расѣваль:
„Ты родись, рамонъ,
Не пущай вѣтвей,
Широкимъ листомъ:
За вѣтвой, рамонъ,
Ходить не кому:
В' меня матушка
Да старшенька,
Да меньша сестра
Да малешенька,
А и самъ младенецъ
Я холостъ хожу.“
Ай ляли, али
Али, лий, али.

654.

Величальная вдовья.*)

Травушка, ковылушка,
Что рано сломилася,
Безъ вѣтру, безъ вихоря
Безъ сильного дождичка?

Молодая молодушка,
Молодая Устинюшка,
Устинья Григорьевна,
Что рано состарѣлась
Безъ роду, безъ племени,
Безъ отца, безъ матери,
Безъ большой головушки?
Выйду за воротичка,
Гляну я вдоль по рѣчушки,
Ни плыветъ ли сизъ селезень,
Со моей сторонюшки?
Не несетъ ли мнѣ вѣсточку
Подъ правымъ подъ крылушкомъ,
Подъ сизымъ подъ перышкомъ?

*) Помѣта II. И. Якушкина.—Ред.

655.

У воротъ сосенушка
Зелена стояла.
Да ты стой, моя сосенушка,
Ты стой, не шатайся.
Живи, живи, Настасьюшка,
Живи, не печалься,
Въ тоску-печаль не бросайся,
Выйди, разгуляйся,
Выйди, выйди, разгуляйся,
Съ милымъ повидайся.
Какъ миленькій дружечикъ
Живетъ не далече:
Онъ во славномъ, во городѣ
Живетъ за рѣкою.
Засылаетъ Викторюшка
Своего челоуѣка,
Челоуѣка не простого,
Парня холостого,
Чтобы, чтобы Настасьюшка
Въ гости побывала,
Чтобы, чтобы Тимофеевна
Въ горѣ навѣстила.
„Не досужно, Викторюшка,
Право, не досужно:
Одолѣло меня, Никитичъ,
Меня одиночество,
Одиночество, безпокойство;
Все чужіе-то люди—
Все моя подруги.
Загадаю я загадку—
Изволь отгадати,
Загадаю я другую—
Отгадай любую:
Съ чего, чего кудри вьются,
Съ чего не сѣкутся?“
— Какъ мы съ тобой совыкались,

Кудри завивались;
Какъ мы съ тобой разлучаться,
Кудри развиваться.

656.

Настасьюшка воду носить,
Коромысло гнется,
Тимоѣвна холодненьку,
Каленово гнется.
Викторушка въ окно смотреть,
Самъ слезами льется:
„А что же ты, коромысель,
Давно не (в)зломился?“
— А что же ты, Викторушка,
Давно не женился?
А что же ты, Никитичъ,
Давно холостъ ходишь?—
„Опричь тебя, Настасьюшка,
Мнѣ некого взять,
Опричь тебя, Тимоѣвна,
Никто не по (о)бычью.“
Выду, выду за ворота:
Луга, что болоты;
Гляну, гляну за новья,—
Луга зеленые.
Взгляну я въ чисто поле:
Викторъ то гуляетъ,
Подъ нимъ конь вороной,
Что соколъ, летаетъ;
На немъ, на немъ платье,
Что макъ разцвѣтаетъ,
Что макъ, что макъ разцвѣтаетъ,
Что маковы цвѣты;
На немъ перстень, на немъ перстень,
Что лучъ разгораетъ,
Что лучъ, что лучъ разгораетъ,
Что солнце сіяетъ.

657.

Зиму, лѣто сосеночка
Была зелена.
Ей али, али...
Али лий...
У пятницу Настасьюшка
Была весела,
Ей али, али
Али лий и проч.
У субботу головушку
Гладила,
Въ воскресенье къ вѣнцу шла,
Плакала:
„Отдаетъ, отдаетъ меня батюшка
Отъ себя;

Остаются у него три садика
На дворѣ,
Остаются у него три зеленыхъ —
Всѣ цвѣтутъ.
Уставай, уставай, мой батюшка,
Раненько,
Поливай, поливай зеленые
Частенько
Утренними, вечерними
Зарями,
А послѣ того горючими
Слезами“.

Эй, али, али
Али лий,

658.

Вкругъ шатра бѣлаго, холотнянаго
Да Настасья свѣты¹⁾ (она разсаживала,
Тимоѣвна²⁾ цвѣты розаны (она разсаживала,
Въ бѣлѣ шатеръ, холотнянъ (она загляды-
вала.
Въ томъ шатрѣ бѣлѣ ли, холотняномъ ли
Спалъ, почивалъ да Викторъ господинъ,
Спалъ, почивалъ (2) да Никитичъ господинъ,
Звалъ, позывалъ, звалъ; позывалъ да На-
стасью къ себѣ,
Звалъ, позывалъ, звалъ, позывалъ да Тимо-
ѣвну²⁾ къ себѣ:
„Душечка Настасьюшка, ты поди въ шатеръ,
Душечка Тимоѣвна²⁾, поди въ бѣлѣ, холот-
нянъ!“
— Я нейду, не думаю и не слушаю:
Слышала я, люди сказывали,
Слышала, твой отецъ грозенъ.—
„Душечка, Настасьюшка, будь сама добра, ла-
скова,
Душечка Тимоѣвна²⁾, будь сама добра, ла-
скова;
Ты держи голову ты поклонливѣ,
Ретивое сердце, ретивое сердце ты покор-
ливѣ.“

¹⁾ Цвѣты.

²⁾ Тимоѣевна.—*Попр. II. В. К—аго.*

659.

Вы цвѣты ли мои, цвѣтики,
Голубы цвѣты, лазоревые!
Ну да много цвѣтовъ сѣяла,
Да не много уродилося.
Въ терему много красныхъ дѣвушекъ,
У насъ не было измѣнницы,
Молодецкой престлестницы;

Ну топеря¹⁾ проявилася,
Да Настасья Тимоѳеевна²⁾ свѣтъ.
(О)на сказала: „Не пойду замужъ.“
(О)на сказала: „Въ монастырь пойду
И вась дѣвушекъ съ собой возьму:
Которую я во ключницы,
Которую во ларечницы,
Свою милую подруженьку
Я приставлю за собой ходить.“

¹⁾ таперя.

²⁾ Тимоѳеевна. — *Попр. П. В. К—аго.*

660.

У насъ по морю, по морю
Разлилась вода полая,
Разлилася, разделѣяла,
Унесла, улелѣяла
Дочь отъ матери любимую,
Да Настасью Тимоѳеевну свѣтъ.
Оставалась матушка,
Оставалась сударыня
Что на томъ крутомъ бережкѣ¹⁾,
Да на бѣломъ на камушкѣ.
Ни бѣлая лебедь вскрикнула,—
Мать по дочери всплакнула:
„Воротися, мое дитячко,
Воротися, мое милое!
Ты забыла свои ключи,
Что свои ключи золотые
Да шелковый поясокъ.“
— Государыня матушка,
Не ключи я забыла в' вась,
Позабыла волю батюшкину,
Что свою нѣгу матушкину;
Нажила я себѣ грозу,
Что себѣ грозу великую,
Что Виктора Никитича:
Я куда пойду, спрошусь,
Я откуда приду, доложусь.

¹⁾ бережечкѣ — *Попр. П. В. К—аго.*

661.

Переборъ, переборушка мой,
Переборъ серебряный,
Перберу сине море,
Перберу Тонинское,
Не пушу изъ моря воды,
Не пушу изъ синяго.
Я пушу, повыпушу
Лебедя съ лебедкою:
Лебедокъ—да Егоръ сударь,

Лебедка—да и Аннушка;
Да и Анна Андреевна
Просилася на улицу:
„Другъ ты мой, Егоръ сударь,
Другъ ты мой, Николаевичъ,
Ты пусти на улицу
Поиграть на широкую.“
— Я тогда тебя пушу,
Когда девять сыновъ родишь,
А десятую дочерью.
Я тогда сына женю,
Я тогда сноху пушу,
Я тогда сноху пушу,
За снохою я дочерю.—
„За дочерью сама пойду,
Сама пойду съ дубиною,
Съ дубиною, съ дубовою.“

662.

Стой, верба,
Стой, развѣйся
Ранымъ рано,
Стой, развѣйся!
Къ нашей вербѣ
Будутъ гости:
Семьсотъ господъ,
Три, четыре
Верховые.
Станемъ вербу
Сѣчь, рубить,
Всѣмъ дѣлать.
Да всѣмъ барямъ
По вѣточки.
Не досталась Виктору,
Доставалась
Да и Настасья;
Да всѣмъ барямъ
Насмѣялась:
Ваша верба
Часовая,
Моя Настасьюшка
Вѣковая.

663.

Я пойду ли молоденька
Въ зеленую рошу,
А я выколю доску,
Что тонку, что звонку,
Да что тонку, что звонку,
Что кленовый листикъ.
Не успѣла да и мать
Шубушку одѣти,
За рукавъ шубу хватала,

Среди двора одѣла,
Среди двора одѣла,
За воротами встрѣла,
Цѣловала, миловала,
Правды не сказала.
Я скажу тебѣ правду
На новыхъ на сѣняхъ,
Я на новыхъ на сѣняхъ,
На мягкихъ постеляхъ.
Я рожу себѣ дочку
Я бѣловолосу,
Я рожу себѣ сына,
Что бѣлѣ сыра.

664.

Когда отправляютъ къ вѣнцу жениха.

Подвѣнечная.

По дорогѣ пыль-то, пыль,
По дубровѣ дымъ-то, дымъ.
Не ложись, бѣлъ заюшка,
При пути дороженьки:
Тамъ ѣхатъ Викторущкѣ,
Тамъ ѣхатъ Никитичу;
Тамъ ему конемъ топтать,
Тамъ ему плетей стебать.
— Да, братцы товарищи,
Ну за что меня конемъ топтать,
Ну за что меня плетей стебать?
Не я у васъ въ саду бывалъ,
Не я у васъ яблонь глодалъ.

665.

Когда ѣдутъ послѣ вѣнца.

Провожатые:

Мы далечо¹⁾ ѣздили,
Дородну привезли,
Чистую, рѣчистую,
Бѣлую, румяную,
Настасью Тимоѣевну.

Домашніе:

Сколь далечо ѣздили,
Сколь дородну привезли,
Чистую, рѣчистую,
Бѣлую, румяную
Настасью Тимоѣевну.

666.

Когда встрѣчаютъ жениха съ невестою отъ
вѣнца.

Ты глянь-ка ты, мати,
Выглянь у окошко,
Какъ сынъ соколъ ѣдетъ,
Соколушку везетъ.
Соколка молодка:
Повитая головка.
Соколъ-то—Викторъ,
Соколка—Настасья.

667.

Когда ѣдутъ отъ вѣнца.

Тихонько, бояре,
Вы съ горы спускайтесь,
Вы съ горы спускайтесь,
Не сломите вишенки,
Не сорвите ягоды:
Вишенка—Викторушка,
Ягодка—Настасьюшка.

668.

Когда хочутъ (sic) вести спать.

Ай вы, дружки, слѣпы:
Что дѣвка дѣтинкѣ
Бока протолкала,
У клѣточку звала.

669.

Залетѣла пташечка
Во чужую клѣточку,
Она въ дверь не вылетитъ,
У окно не выпорхнетъ.

670.

Когда молодыхъ приведутъ изъ спальни и
и посадятъ за столъ.

В' насъ на дубчику,
На кудрявчику,
Ой ляли¹⁾, ляли¹⁾,
Ой, лий, лий и проч.
Тамъ сидѣлъ голубъ
Со голубкою.
(О)ни цалуются,
И милуются,

¹⁾ Далече.—*Попр. П. В. К—аго.*

Сизыми перьями
Обнимаются,
Ясными перушками
Утираются.
В' насъ во теремѣ,
Во высокинькомѣ,
Тамъ сидѣлъ Алексѣй
Съ Катериною.
(О)ни цалуются
И милуются,
Бѣлыми руками
Обнимаются,
Шелковымъ платкомъ
Утираются.
В' насъ поименно²⁾
Называютъ:
Другъ ты мой, Алексѣюшка,
Сердце мое, Катериноушка!

¹⁾ люли.

²⁾ по имени.—Попр. II. В. К—аго.

671.

Когда посадить жениха и невѣсту ѣхать къ
вѣнцу.

Вскаганули гуси, лебеди,
Переплывши сине море.
Уздвогнулъ да Викторовъ конь,
Переѣхавши тестевъ дворъ;
Усплакнула да Настасья,
По новымъ сѣнямъ ходючи:
„Охо-хо, еще охти миѣ!
Какъ-то миѣ быть?
Въ чужи люди идти?
Какъ-то назвать
Свекра батюшку?
Батюшкой назвать—
Миѣ не хочется,
Свекромъ назвать—
Такъ не водится.“

672.

По горамъ, по горамъ,
Да я по горамъ ходила,
Всѣ цвѣты, всѣ цвѣты,
Да всѣ цвѣты видѣла:
Нѣтъ цвѣта, нѣтъ цвѣта,
Да и нѣтъ цвѣта алаго,
Алаго, алаго,
Самаго прекраснаго;
Знать, его, знать, его
Буйнымъ вѣтромъ выдуло,
Знать, его, знать, его
Сплынымъ дождемъ выскло.
Всѣ ко миѣ, всѣ ко миѣ,
Да и всѣ гости съѣхались;
Нѣтъ в' ¹⁾ меня, нѣтъ в' ¹⁾ меня,
Да нѣтъ гости милаго,
Милаго, милаго,
Батюшки родимаго.

¹⁾ у—Попр. II. В. К—аго.

673.

По зарѣ, да по зорюшкѣ,
По зарѣ милый ходитъ,
Али, али.
Милъ во дудочку играетъ,
Во дудочку, во калиновую,
Али, али.
Въ другую, въ малиновую:
„Поиграй, мой милый другъ!
Али, али.
Позабавь меня молоду,
Позабавь молоденьку
Али, али.
На чужой сторонущиѣ
Безъ большой головушки,
Али, али.
Безъ отца, безъ матери
Безъ роду, безъ племени.“

Пѣсни 639—673 точно не приурочены, но относятся къ той же мѣстности, что 629—638, какъ идущія изъ той же коллекции „Пѣсень, собранныхъ лѣтомъ 1843 года“—Ред.

н) Елецкаго уѣзда.

674.

Черна шапка соболиная
Со головушки свалилася,
Подо горочку скатилася

На жолтинькой на песочикѣ,
На крутинькой бережечикѣ;
Никто къ шапкѣ не подойдетъ,
Соболиной не подыметъ;
(Имя невѣсты *) подходила,

Черную шапку подымала,
На головушку (имя жениха)*) надѣвала.

*) Настасья... Данилъ.—Добавленіе П. В. К.—аго.

675.

Черная ягодка смородиная
По лугамъ разстилася,
Съ камышемъ она равнялася.
(Имя невесты) провожала друга милаго
(Имя жениха): *)
„Ты когда ко мнѣ въ гости будешь,
Ты когда ко мнѣ пожадуеши**)?“

*) Настасья провожала—Друга милаго Данилу.—
П. В. К.

**) Пожадуешь.—П. В. К.

676.

Послѣ помолвки, за день передъ вѣнцомъ,
Когда сажаютъ каравай въ печь.

Валю, валю коровай
Со правою на ручкѣ,
Со правою на лѣвую.
Сващинька по печи рыцетъ,
Ранни (?)*) помела ищетъ:

Пора, пора намъ печь замечать,
Пора, пора коровай намъ сажать!

*) Не разобранное слово; въ чистовомъ текстѣ,
писанномъ П. В. Кирѣевскимъ, пропускъ.—Ред.

677. *)

Ты зелѣное мое виноградь,
[Ой, ляли, ляли, виноградь], **)
Ненаглядъе зеленое!
И я день подъ тобою простояла,
[Ой ляли] **).
И я вешній денечекъ, весь денечекъ,
Я осеннюю ночку до святочку;
[Ой ляли] **).
И я съ батюшкой рѣчи говорила:
„Государь ты мой, батюшка родимой,
Не отдавай ты меня, батюшка, младую за-
мужъ,
Не прельщайся ты, батюшка, на богатство!
Не съ богатствомъ жить, батюшка,—съ совѣ-
ловѣкомъ!
Не съ высокими хоромами быть,—съ совѣ-
томъ!
Не съ большими крестьянами быть,—съ лю-
бовью!
Да съ частыми переходами быть,—съ лю-
бовью!

*) Елецк. у. д. Пальна.

**) Вписано между строкъ тою же рукой.—Ред.

ХІІІ. Воронежской губерніи.

а) Бобровскаго уѣзда.

678 (1)*).

Величаніе холостого гостя.

На комъ кудри, на комъ русыя?
На Андрею кудри русыя,
На Ивановичу порасчесанья,
Порасчесанья, разбумаженныя!
Въ Москвѣ кудрямъ вздивовалися:
Спалать, спалать отцу, матери,
Хорошо дитя воспроиздили,
Умнаго и разумнаго,
Покорнаго и поклоннаго.
Слывшишь ли ты, Андрей Ивановичъ,
Какъ дѣвушки играютъ,
Хорошо величаютъ
Именемъ и по отечеству?

Пора дѣвокъ дарить, жаловать:
Не рублемъ—полтиною,
Золотою гривною,
Чѣмъ Богъ послать.

*) Всѣ эти (т. е. № 678—693) пѣсни поются дар-
ницами, т. е. дѣвками, которыя собираются въ
домъ невесты шить дары, или приданое.—Прим.
сбир.

679 (2).

Пойдемъ рядомъ по всѣмъ боярамъ,
Найдемъ гостя, кой богаче всѣхъ.
Той гостѣкъ, той дорогой,
Егоръ судырь Андреевичъ
Смирно пришелъ, хорошо посидѣлъ;

Надо его на ряду посадить,
Надо его калачемъ накормить,
Надо его сытой напоить:
Съ калача лицо бѣло,
Съ сыты румяно.
Слышишь ли ты, Егоръ Андреевичъ?....*).

*) Далѣе повтореніе послѣднихъ восьми строкъ первой (т. е. предыдущей) пѣсни.—*Прим. собир.*

680 (3).

Кто у насъ холостъ, не женатъ?
Андрей сударь Ивановичъ!
Онъ ходитъ, гуляетъ,
Манерно ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараешь,
Коня убираешь,
На коня садится,
А конь веселится;
Онъ плеткою машетъ,
Конь его пляшетъ.
Со двора съѣзжаетъ,
Весь дворъ устилаешь.
По улицѣ скачешь,
Вся улица сіяетъ,
Никто не угадаетъ;
Угадала, признавала матушка родная
По русымъ кудрямъ, по чернымъ бровямъ.
Къ рошѣ подъѣзжаетъ—роща зашумѣла,
Къ лугамъ подъѣзжаетъ—луга зеленѣютъ;
Къ садамъ подъѣзжаетъ—сады расцвѣтаютъ,
Иташки воспѣваютъ;
Къ полямъ подъѣзжаетъ—поля мои чисты,
А ржи колосисты;
Ко двору подъѣзжаетъ—матушка встрѣчаетъ:
„Поди, мой сыночикъ, поди, соколочикъ;
Я давно тебя ждала, поджидала,
Столы убирала.“

Слышишь-ли ты? и проч.

681 (4).

Величаніе женатаго гостя.

У голубя, у голубя золотая голова,
У голубки, у голубки позолоченая;
У Петра Ивановича хороша душа-жена;
Ему дяди, ему братья позавидовали:
То-то баба! то-то баба! молодница хороша;
Какъ бы эта моя душа-жена, [зиль!
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ во колясочкѣ во-
Я зимою, я зимою на писаныхъ саниахъ,
На ямщицкихъ лошадахъ.

У насъ кони вороные.
Извозчики молодые,
Погоняйте поскорѣ,
Чтобы кони не стояли,
Вороные не дремали,
Чтобъ коничьки бѣгли,
Пелагѣюшку везли.
Слышишь-ли ты, Петръ Ивановичъ? и проч!

682 (5).

По сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По новымъ сѣнямъ косячетымъ,
Тамъ ходила, выгуливала,
Молода жена, боярыня,
Авдотья Степановна.
Будила, пробуживала
Своего дружка милого,
Матвѣя Ивановича:
„Ты встань, проснись, милый другъ,
Пробудись, моя ягодка!
Оторвался твой добрый конь,
Отъ столба, столба точенаго,
Отъ колечка позолоченаго;
Проломалъ конь желѣзный тынъ,
Притопталъ въ саду вишеня
И калину со малиною,
Съ черной ягодой смородиной.“
— Не тужи, моя ягодка!
Наживемъ мы желѣзный тынъ,
Мы насадимъ въ саду вишеня,
И калину со малиною,
Съ черной ягодой смородиной.—
Слышишь-ли ты, Матвѣй Ивановичъ?

683 (6).

Величаніе невесты.

Передъ нашими широкими воротами,
Передъ московскими точеными верями
Разливалось синее море;
Разыгралась въ синемъ морѣ бѣлая рыба.
Рыболовники по берегу ходили,
Бѣлой рыбѣ говорили:
„Берегись, бѣлая рыба,
Хотятъ тебя рыболовники поймать,
Во шелковыя тенеты посадить,
На двѣнадцать штукъ тебя разрубить,
На двѣнадцать блюдъ тебя разложить.“
Передъ нашими широкими воротами
Разыгрались красныя дѣвушки.
Прасковьюшка *) въ хороводѣ распоясалась.

Хотятъ тебя, Прасковьюшка, сваты сватать
За такого за дѣтину, за Ивана **).“

*) Здѣсь выставляется имя невѣсты. — *Прим. собир.*

**) Здѣсь упоминается имя жениха. — *Прим. собир.*

684 (7).

Не бѣлая зорюшка у насъ на дворѣ:
Восплакалась Прасковьюшка по русой косѣ,
Возрыдалась Ивановна по дѣвичьей красотѣ:
Вечёръ еѣ, косынку, дѣвушки плели,
Косынку плели, золотомъ вили;
Потру ранешенько свашенька пришла,
Немилосливо свашенька косу расплела,
Расплетемши косу, стала говорить:
„Убирайся, Прасковьюшка, къ Божьей церкви,
Наряжайся, Прасковьюшка, къ золоту вѣнцу,
Отъ золота вѣнца къ Ивану въ домъ,
Къ Ивану въ домъ, за дубовой столъ.“

685 (8).

Лучина, лучинушка березовая,
Да что ты, лучинушка, не жарко горюшь?
Да что жъ ты, березовая, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не была?
— Я была въ печи въ вчерашней ночи:
Большая невѣсточка деньщицей была,
Березовую лучинушку водой полила.—
Да что жъ ты, Прасковьюшка, не весело
сидишь?

Али у тебя, Прасковьюшка, голова болитъ?
Али у тебя, Ивановна, сердечко щемитъ?
Али у тебя, Прасковьюшка, горе прибыло?
Не ходи, Прасковьюшка, къ Ивану въ садъ,
Не прокладывай, Ивановна, въ садочекъ слѣ-
докъ.

Не рви же, Прасковьюшка, въ саду яблоки:
Ивановы яблоки разсыпчатя,
Разсыпчатя, приманчивыя.

686 (9).

Во саду ли, во садику
Соловьюшко спить.
Никто къ нему не смѣетъ взлетѣть;
Осмѣлилась къ нему соколышко взлетѣть.
Осмѣлилась Прасковьюшка соловьюшку бу-
Взяла его за крылушко, [дять:
Взяла его за правое,
А онъ не летитъ.

Во саду-ли, во садику
Горенька нова.
Во горницѣ, во свѣтлицѣ

Иванъ-сударь спить.

Никто къ нему не смѣетъ взойти,
Никто его не смѣетъ будить;
Осмѣлилась Прасковьюшка въ гореньку войти,
Осмѣлилась Ивановна Ивана будить:
Она его за руку, она его за правую,
А онъ такъ и спить.

687 (10).

Во высокомъ терему сажу,
Далеко по зарѣ слышу,
Какъ лебедь лебедушку кличетъ:
„Полети ты, лебедушка, ко мнѣ:
У меня гнѣздечко тепленько,
Подъ правымъ крылошкомъ горяченько.“
Во высокомъ терему сажу,
Далеко по зарѣ слышу,
Какъ Иванъ Прасковьюшку кличетъ:
„Приходи, Прасковьюшка, ко мнѣ;
У меня хоромы высокія,
Подворье широкое.“

688 (11).

Не шелковая ленточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Иванъ Прасковьюшку къ сердечку жметъ;
Онъ жметъ, прижимаетъ и выпрашиваетъ:
„Скажи, Прасковьюшка, кто тебѣ изъ роду
милъ?“

— Мнѣ милъ, милешенько родной батюшко!—
„Не правда твоя, Прасковьюшка, не истин-
ная.“

Не шелковая ленточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Иванъ Прасковьюшку къ сердцу жметъ;
Онъ жметъ, прижимаетъ и выпрашиваетъ:
„Скажи, Прасковьюшка, кто тебѣ изъ роду
милъ?“

— Мнѣ мила, милешенька родная матушка!—
„Не правда твоя, Прасковьюшка, не истин-
ная.“

Не шелковая ленточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Иванъ Прасковьюшку къ сердцу жметъ;
Онъ жметъ, прижимаетъ и выпрашиваетъ:
„Скажи, Прасковьюшка, кто тебѣ изъ роду
милъ?“

— Мнѣ милъ, милешенекъ Иванъ сударь!—
„Вотъ правда твоя, Прасковьюшка, истин-
ная.“

689 (12).

У молода мѣсяца золоты рога,
У нашей Прасковьюшки скована коса.
Любезныя подружки, раскуйте косу!

Подкуйте ворона коня батюшкина,
Чтобъ батюшкинъ конь не суюсяль,
Тебя Прасковьюшку не съудержаль.

690 (13).

Величанье молодыхъ.

Подымались буйные вѣтры
Со восточной со сторонѣшки;
Распатались веревочки,
Растворились воротушки;
Какъ бояры на дворъ прѣхали,
А большіе на крыльцо вошли.
Какъ Иванъ Богу молится,
Низехонько поклоняется,
Съ тестемъ, съ тещей поздравляется:
„Ты здоровъ ли, тестъ мой батюшко,
Ты здорова ль, теща-матушка,
Жива ль моя свѣтъ Прасковьюшка?“
Прасковьюшка испугалась,
Ивановна возметалась
Изъ горенки въ горенку,
Изъ комнатки въ комнатку,
Краснымъ дѣвушкамъ подъ завѣсочку:
„Схороните меня, красныя дѣвушки!“
Прѣхали мои разлучнички, | чить.“
Хотятъ съ отцомъ, съ матерью разлу-

691 (14).

Во время шитья даровъ дарницами, невѣста
каждое утро будить ихъ слѣдующею пѣснью:

Вставайте, мои любезныя подруженьки,
Умывайтесь ключевой водой,
Утирайтесь бѣлымъ полотенцемъ.
Не бѣла зоря занимается,
Ни красное солнышко выкатается,—

Не спилось-ли вамъ, любезныя подруженьки,
Всю темную ноченьку?
А я, горькая, всю ночушку не спала,
Умывалася горючими слезами.

692 (15).

Передъ свадьбою дѣвицы водить пѣвѣсту въ
баню; вышедъ оттуда, онъ поютъ слѣдующую
пѣсню:

Растопись, банюшка,
Разгорись, каменка,
Разсыпись, бѣлъ жемчугъ камень.
Восплачься, Прасковьюшка,
Передъ своимъ передъ батюшкой,
Передъ своей передъ матушкой:
„Родимой мой батюшка!
Зачѣмъ ты пиво варишь?“
— Твоихъ поѣзжанныхъ поить.—
„На что ты, матушка, холсты рѣжешь?“
— Твоихъ поѣзжанныхъ дарить.

693 (16).

Изъ бани невѣста идетъ за ними и голо-
ситъ пѣсню:

Постойте, мои любезныя подруженьки!
Подломались мои рѣзвыя ноженьки,
Опустились мои бѣлыя рученьки,
Во слезахъ я путь-дорожку не вижу;
Спасибо вамъ, любезныя подруженьки,
На пару, на банюшкѣ,
На мягкомъ на вѣничкѣ,
На склизкомъ на щелочкѣ.

Пѣсни 678—693 доставлены А. фонъ-Кремеромъ
при письмѣ на имя Андрея Александровича Краев-
скаго 29 янв. 1848 года.

б) Воронежской губ., уѣзда?

694 (1).

Поютъ дѣвушки въ промежутокъ времени
между сговоромъ и дѣвичникомъ.

Передъ нашими широкими воротами,
Люли, люли, люли! воротами.
Передъ нашими точеными версями
Разливалось синее море, разливалось;
Въ синемъ морѣ бѣлая рыба разыгралась.
А охотнички по бережку ходили,

Охотнички бѣлой рыбѣ говорили:
„Берегися, бѣлая рыба, берегися,
Хотятъ тебя, бѣлую рыбицу, иоймати,
На двѣнадцать частей разрубить,
На двѣнадцать блюдовъ разложить,
На двѣнадцать столовъ дубовые,
На двѣнадцать скатертей шелковыхъ.“
Тутъ и кушали бояре молодые,
Они кумали рыбицу, хвалили,
Они рѣчи говорили, не тайли,
У Семена дочеря (sic) хвалили:

„То-то умная, разумная боярышня!
Умнѣй ея у батеньки не бывало,
Умнѣй ея у маменьки не слывало“.
А Никита судырь былъ догадливъ,
На такія рѣчи былъ повадливъ;
Посылалъ онъ поѣздъ да богатый:
Шесть каретушекъ золотыя,
А въ каретахъ двѣ свашеньки молодыя,
Чтобы взять Матренушку молодую,
Чтобы взять Нахомовну*) безъ печали.

*) Семеновну.—*Попр. П. В. К—аго.*

695 (2).

Какъ по садику, садику,
Но зеленомъ саду, вишенью,
Сады, сады зеленые мои,
Во моемъ саду піоны расцвѣли!
Соклонилась сыра вѣточка на дворъ;
Сокатилися два яблочка долой,
Два яблочка, два садовые,
Два садовые, медовые,
Два наливчаты, разсыпчатые.
Какъ и первое яблочко
Константина Платѣвича,
А другое-то яблочко
Пелагеи Емельяновны.
Какъ изъ улицы мятелица мететь,
Изъ проулка Константинъ сударь идетъ,
За собою ворона коня ведетъ
За поводы за шелковые,
За удила*) за серебряныя.
Какъ и вырвался добрый конь
Изъ его ли что изъ бѣлыхъ рукъ,
Изъ его ли золотыхъ перстней
Прямо къ тестю на широкій дворъ,
Съ широка двора въ зеленый садъ,
Поломалъ въ саду зеленый виноградъ
Со калиной, со малиною,
Съ черной ягодой смородиною.
Константинъ Пелагѣй говоритъ,
Платѣвичъ Емельяновнѣ:
„Пелагеюшка, перейми мово коня,
Емельяновна, перейми ворона“.
— Похочу, сударь, такъ перейму;
Похочу—не перейму,
За твою, сударь, наглубушку,
За наглубу за великую твою.
Очень часто въ гости ходишь ты ко мнѣ,
Очень много безпокоишь ты меня;
А маменька гнѣвается на меня.—
„Пелагеюшка, буду чаще ходить,

Емельяновна, буду крѣпче цаловать
И послажѣ гостинцы носить“.

*) уделы—рукоп.—*Ред.*

696 (3).*)

Не трубушки трубятъ
Рано по зарѣ,—
Акулюшка плачетъ,
По русой косѣ:
„Ой, свѣтъ, моя косушка,
Русая коса!
Ой, свѣтъ, моя дѣвичья,
Моя красота!
Вечоръ мою косушку
Дѣвушки плели,
Поутру ранешенько
Матушка плела,
Всѣй мою косушку
Слезой облила.
Не спасибо Никитѣ
Фетисѣвичу:
Прислалъ ко мнѣ сваху
Невѣжливую:
Почала мою косушку
И рвать и мѣтать;
Рвала и метала,
На двое плела“.
Ой, плестъ ли, не плестъ ли
На двое косу?
Ой, витъ ли, не витъ ли
Вкругъ головы?
Вздѣвать ли, не вздѣвать ли
Три златыхъ вѣнца?
Какъ первый вѣнокъ—
Розовый платокъ,
А другой вѣнокъ—
Закладной гребешокъ,
А третій вѣнокъ—
На ручкѣ перстенецъ.
Росла, росла вербушка
Среди двора.
Сомла Акулинушка
Съ высока терема,
Сломила она съ вербушки
Вѣточку:
„Расти, расти, вербушка,
Вѣкъ безъ верха!
Живи, моя матушка,
Вѣкъ безъ меня!“

*) Эти три пѣсни (т. е. 694—696) обыкновенно поются на дѣвичникѣ.—*Запѣвъ, собирателя.*

697 (4).

Разлилась-разлетѣлась
По лугамъ вода полая,
Унесла, уледѣла
У Петра дитя милое.
Не лебедушка кричала,
Ее матушка кликала:
„Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Ты забыла золотые ключи
На колечкѣ серебряномъ (2),
На витомъ позолоченомъ:
Какъ и первые ключики—
Что отъ саду зеленого,
А другіе-то ключики—
Отъ терема высокаго,
А третьи ключики—
Отъ ларца отъ кованаго“.
— Государыня-матушка!
Не одни ключи забыла я:
Я забыла волю батенькину,
Еще нѣгу-то маменькину,
Ласковое слово братцово,
Желанное сестрицыно.

698 (5).

Отставала лебедушка
Отъ стада лебединого,
Приставала лебедушка

Ко сѣрымъ гусямъ на морѣ.
Зачалъ ее гуси щипать,
Зачалъ ее сѣрые:
„Не щипите вы, гуси, меня,
Не щипите вы, сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетывала,
Не своею охотою,
А большую неволю:
Занесло непогодою;
Непогода великая,
Да что море Хвалынское“.
Отставала Аксиньюшка,
Отставала Клементьевна
Отъ родимаго батеньки,
Отъ сударыни-маменьки,
Приставала Аксиньюшка
Къ чужимъ людямъ, незнаемымъ;
Зачалъ ее люди бранить,
Зачалъ ее добрые:
„Не браните вы, люди, меня,
Не браните вы, добрые!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Не своею охотою,
А большую неволю:
Завезли меня добры кони,
Добры кони Платоновы,
Что Платона Алексѣевича“.

Пѣсни 694 — 698 доставлены В. Аскоченскимъ при письмѣ (изъ Житомира) на имя Андрея Александровича Краевского, въ качествѣ воронежскихъ.

XIV. Симбирской губерніи.

а) гор. Симбирскъ.

699.

Ранымъ рано на зарѣ
Стояли кони на дворѣ.
Никто коней не взлюбилъ,
Взлюбила коней Катенька,
Сынала сахаръ вмѣсто овса,
Становила меду вмѣсто воды,
Отошедши кланилася:

„Пейте вы, кони, кушайте!
Мнѣ заутра ѣхати
Далѣ, подалѣ отъ батюшки,
Ближе, поближе къ свекру въ домъ,
Далѣ, подалѣ отъ матушки,
Ближе, поближе къ свекрови въ домъ,
Далѣ, подалѣ отъ дѣвушекъ,
Далѣ, подалѣ отъ красныхъ.“
Записана въ гор. Симбирскѣ Е. П. Языковой.

б) Симбирскаго уѣзда, с. Архангельское.

700.

Вечоръ въ гостяхъ сидѣла,
При канпаньцѣ была,

Хорошева ¹⁾ молодчика въ любовь себѣ взяла.
Намъ не стыдно съ нимъ водитца ²⁾,
Можно радостью назвать,
Стыдно, жалко отказать;

Милъ къ забавамъ всѣмъ пріятель,
Весель, ласковъ на словахъ,
Торовать на всѣхъ дѣлахъ;
Научливымъ разговоромъ,
Прежде рѣчью возманилъ.
Со радости, съ веселья
Танцовать съ милымъ пошла;
Милой ручку крѣпко жалъ;
Появился въ лицѣ жаръ;
Вышла въ сѣни простудитца, ³⁾
Штобы жаръ съ лица сошѣлъ;
Не слыхала, какъ жаръ вышелъ,
Стоитъ милый предо мной,
Говорить рѣчи со мной,
Зоветь въ горницу съ собой,
Въ особенной упокой,
Чаемъ, кофеємъ поить,
Всѣ конфеты становить.

¹⁾ хорошаго.

²⁾ водиться.

³⁾ простудиться. — *Исправки И. В. К—аго.*

701.

Деревце сокоревце!
Отрости сокоревы,
Листочки бумажные!
Ко тому ко деревцу
Соколы солетались,
А бояре соѣзжались;
Они сѣли за дубовый столъ,
Они стали думу думать:
„Еще какъ намъ будетъ ѣхати
Черезъ рѣки быстрыя,
Черезъ лѣса темные,
Черезъ поле чистое,
Черезъ степь Саратовску,
Ко селу Архангельску,
Ко двору ко Васильеву,
Къ терему ко Прасковину,
Къ пологу ко Дуняшину?
Просить милости у Василья
На дворъ выѣхати?
Просить милости у Прасковьи суженой,
Суженой ее дочери Дуняшеники
Къ храму Божью ѣхати,
Законъ Божій принять!“

в) Сенгилеевскаго у., села Старая Ярыкла.

702 (1).

На мори утушка купалася,
На синімъ сѣрая полоскалася;
Выкунавши, утушка на берегъ взошла,
Взошедши на берегъ, встрепенулася,
Встрепенувши, сѣрая воскликнула:
„Какъ-то мнѣ, утушки, съ бережка поднятиса,
Съ синимъ моречкомъ *), сѣрой, разстатиса?
Придетъ зима холодная,
Выпадутъ снѣги все глубокіе,
Ударятъ морозы крещенскіе!“
Во терими дѣвица одѣвалася,
Въ высокімъ красная наряжалася;
Одѣвши, Марья душа за столъ сѣла,
За столъ сѣла дѣвица, заплакала:
„Какъ-та дѣвицы съ теремомъ разстатиса,
Съ батюшкой, съ матушкой разстатиса?
Приѣдитъ Памфиля съ своимъ поѣздомъ!“

*) моремъ. — *Испр. И. В. К.*

703 (2).

Не низка, не высока
Соловей гнѣздо совиваетъ;

Не близка, не далѣка,
Отецъ (Василій) дити собираетъ:
Не война ли къ городу пристунаетъ?
Не меня ли хотять полонити?
Полонили мои сѣни новы.
Какъ не павышка по двору ходитъ,
Не павлиныя перушки носить,
По двору оныя ронить;
Тутъ ходила, тутъ гуляла красная дѣвица,
Она била бѣлыми руками объ баясы:
„То-то тошно сидѣти стоворѣной,
Ахъ, тошнѣй того часъ послѣдній!
Отоприса ты, нѣмецкой замокъ, отоприса,
Полужоная цѣнь, отложиса!
Встань, просниса, родной батюшко!
Мнѣ не годъ та у васъ годовати,
Не недѣлюшку гостити,—
Одну ночку почевати,
И тое всю не сыпати.“

704 (3).

По морю, морю, по синему морю
Плыли, военными ¹⁾ звончатые цыбалы.
Узрѣлъ, увидѣлъ молодецъ изъ окошка:

„Есть ли у меня слуги вѣрные,
Послы мой скоры?
Подйти²⁾ скорѣе на синее³⁾ море,
Возьмите цыбалы со синева моря,
Поставти⁴⁾ цыбалы у дѣвицы во зголовьяхъ,
Чтобы эти цыбалы во всю ночь играли,
Дѣвицу утѣшали,
Чтобъ она отца и мать забывала,
Ко мнѣ бы привыкала!“

1) Между строкъ: выплывали(?).

2) подите.

3) синѣ.

4) поставьте.—Поправки П. В. К.

705 (4).

Какъ не поля поличкомъ,¹⁾
Убита дорожинка ковричкомъ.²⁾
Убиваль дорожинку доброй молодецъ,
Онъ ко тестюшки въ гости ѣздючи,³⁾
Дорогіе гостинцы возючи:⁴⁾
Первой гостиницъ—изюмицъ,
Второй гостиницъ—черносливъ,⁵⁾
Третій гостиницъ—самъ на дворъ.
За то ево тестюшка полюбилъ,⁶⁾
Въ большое мѣсто посадилъ,
Своей дочерью подарилъ:
„Поставь, батюшка, церковь противъ нась,
Вѣнчай, ромимой, въ доброй часъ,
Золотой вѣнецъ клади во ларецъ!“

Вариантъ въ старинномъ пѣсенникѣ.

1)—По полямъ, полямъ, полечкамъ.

2)—Вмѣсто: дороженька—дорожка.

3)—Вмѣсто стиховъ 3-го и 4-го: А кто убиваль?

— Исакъ господинъ,

Исакъ господинъ Парамоновичъ,

А все ѣздючи къ Лукерѣ душъ,

Къ Лукерѣ душъ Артамоновъ.

4)—Вмѣсто: дорогіе—дороги.

5)—Другой гостинецъ сахарецъ.

6)—Зато его тещенка полюбила.—Послѣ этого стиха кончается такъ:

Во большое мѣстечко посадила,

Большимъ даромъ подарила:

Лукерей душой надѣлила,

Лукерей душой Артамоновой.

706 (5).

Черная ягода, самородина!
Зелена она заломана,
Но пути она разбросана,¹⁾
По пути, по дорожинки,
По широкой долинушкѣ,
Все конями притоптана,
Колесами прикатана.

Кто ее заломаль?
Заломаль добрый молодецъ
(имя жениха),²⁾
На добрымъ конѣ ѣздючи,
Красныхъ дѣушкѣмъ смотрючи.
Всѣ дѣвки не кажутся,
А одна показала,
Одна полюбилася.
Посмотря, онъ за себя беретъ.
„Охъ вы, дѣвки, вы дѣушки!
Вы любимые подружнички!
Вы вставайте поутру рано,
Вы чешите мнѣ буйну голову,
Плетите русую косу
Съ кореня туго на-туга,
Посередь моей русой косы
Первивайте краснымъ золотомъ,
По конецъ моей русой косы
Замыкайте нѣмецкой замockъ,
Вы бросайте золотые ключи
Во синѣ море Хвалынское!“
(имя жениха)³⁾ бояри
Зорники они, насмѣшники,
Черноморы, ненавистники:
Они кидалися, бросалися
Во синѣ моря Хвалынское,
Доставали золотые ключи,
Отпирали нѣмецкой замockъ,
Развивали красно золото,
Расплетали русую косу,
Раздѣляли двое-на-двое!

1) Стихъ опущенъ.

2) Свѣтъ Василій Алексѣевичъ.

3) У Василья Алексѣевича.—Поправки П. В. К.

707 (6).

Подъ лѣсью, лѣсью конь бѣжитъ,
Подъ лѣсью, лѣсью сивъ космать.
За конемъ бѣжитъ доброй молодецъ,
(имя жениха).¹⁾

У воротъ стоитъ красна дѣвица.
Что возговорить доброй молодецъ:

„Перейми коня, красна дѣвица,
(имя невесты)²⁾.“

— Я рада бы коня переняла,
Не въ своей живу волѣ, я—въ батюшкинай,
Не въ твоей нѣгѣ,—въ матушкинай.
Не повилика ноги спутала,
Не росой глаза возмочила.—
„Самъ я знаю про то, вѣдаю,
Не новеликай тебѣ ноги спутала,
Не росой тебѣ глаза возмочила:

Тебя спутала кручинушка,
Горючи слезы глаза замочили.“

- 1) Добрый молодец Савва Дмитриевич.
2) Свѣтъ Орина Никифоровна.—*И. В. К.*

708 (7).

Среди двора широкова
Стояли полатѹшки горновитые;
Покрѹты полатѹшки чернымъ бархатомъ,
Убиты полаты по бархату частыми звѣздами.
Во той ли полатѹшки
Розставлены столики дубовые,
Разостланы скатерти браные,
Наставлены яства сахарные,
Разносятъ пойлица медвяные.

За столами-ти сидятъ всѣ князья, бояри;
Впереди-та сидитъ дородной доброй молодецъ,
(имя жениха) 1).
Не пьѣтъ-то, не ѣстъ и не кушаетъ,
Бѣла лебиди не рушаетъ;
Во рукахъ-то онъ доржитъ звончаты гусли;
Онъ выигрываетъ волю батюшкину,
Онъ выигрываетъ нѣгу матушкину.
Нодошедши, красна дѣвица послушала;
Отошедши она, душа, заплакала:
„Ты свѣтъ, моя воля батюшкина!
Ты свѣтъ, моя нѣга матушкина!
Не будить такой воли, какъ у батюшки,
И не будетъ такой нѣги, какъ у матушки“.

Пѣсни 702—708 записаны Ал. Мих. Языковымъ.

1) Костянтинъ сударь Дмитриевич.—*И. В. К.*

г) Сызранскаго уѣзда село Репьѣво.

709.

Какъ поутру ранѣхонько,
Ввечеру то позднѣхонько
Не лебѣдушка кликала,
Красна дѣвица плакала,
Свою матушку спрашивала 1):
„Государыня матушка! 2)
Ты взойди во новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней въ горницу; 3)
Ужъ ты сядь, моя матушка.
По любимое мѣстечко,
Впереди подъ окошечко. 4)
Посмотри, моя матушка,
На мою на русѹ косу! 5)
Ужъ не долго мнѣ, матушка,
Мнѣ въ косѣ красоватися,
Мнѣ русой похвалятся: 6)
Что одинъ день до вечера,
До дѣвичьего дѣвичничку.“ 7)

Варьянтъ въ *Рязн. пѣс.*

- 1) Первыхъ пяти стиховъ нѣтъ.
 - 2) Ой ты мать, моя матушка,
Ой ты моя сударыня!
 - 3) Ты войди, моя матушка,
Во высокій во терѣмъ,
Ты во свѣтлую горницу,
Во уборную свѣтличку.
 - 4) Ты сядь, моя матушка,
Впереди подъ окошечкомъ,
Подъ святыми иконами.
 - 5) Въмѣсто: „посмотри“—„погляди“. Послѣ ст. 13
добавленъ: „На дѣвичью на красу.“
 - 6) Ужъ не долго мнѣ, матушка,
Ужъ не долго, государыня,
По краше красоватися,
По русой косѣ любоватися.
 - 7) Отъ субботы до субботы,
До дѣвичьяго вечера,
Въ воскресенье мнѣ, матушка,
Ко суду Божью ѣхати,
Подъ золотымъ вѣнцомъ стояти
Со удалымъ добрымъ молодецмъ,
Пафнутіемъ Трифоновичемъ.
- Ср. выше пѣсню № 305.—*Ред.*

д) Сызранскаго уѣзда.

Сватовство.—Смотрѣнье.—Кладка.—Запой,
или помолвка.—Катанье.—Кройка.—Первый
послѣ запой праздникъ.—Баня наканунѣ дѣ-
вичника.—Дѣвичникъ.—Поездъ и покунка
косы.—Выпчанье.—Встрѣча новобрачныхъ.—
Отходъ ко сну.—Обѣды у молодого и „сыръ“.—
Первая недѣля молодой.—Пляски.

Въ городахъ свадебное дѣло обходитъ
ся иногда и безъ свахъ, а въ селахъ

сваха составляетъ необходимое звено въ
свадьбѣ.

Одѣтая въ дубленую или крытую китайкою,
иногда крашениною, шубу (разумѣется, въ
холодное время) сваха, по просьбѣ молодца,
задумавшаго жениться, приходитъ въ домъ
дѣвицы невѣсты и садится подъ перекладъ,
называемый *латицею*,—знакъ того, что яви-
лась въ домъ не простая гостья, а гостья
сваха. Не долго она разговариваетъ о посто-

ронныхъ житейскихъ вещахъ и послѣ немногихъ вопросовъ и отвѣтовъ произноситъ повсемѣстное почти свадебное вступленіе: „У васъ есть товаръ, а у меня есть кунецъ“. Затѣмъ, разумѣется, начинается хвалить молодца жениха, родителей его, всѣхъ родственниковъ и перечисляеть все ихъ имѣніе движимое и недвижимое: „Они богаты“, говоритъ она, „они умны, смиренны, добры, у нихъ столько то овецъ, лошадей, коровъ, свиней и пр. и пр.“. Случается, что свахѣ не однократно приходится увѣщевать родителей выдать дочь замужъ и при каждомъ приходѣ въ домъ отвѣчать на всѣ ихъ отказы словами: „Хлѣбъ соль ваша понравилась, а гдѣ хлѣбъ соль правится, тамъ и хозяйинъ съ хозяйшкѣй правится“. Получивъ согласіе, она извѣщаетъ жениха и всю его родню объ удачѣ своей; и тогда съ нею или безъ нея они всѣ собираются въ домъ невѣсты для уговора съ отцомъ ея и матерью.

Если же жениху (хотя очень рѣдко) неизвѣстна невѣста-дѣвица, то родные его вмѣстѣ съ нимъ приходятъ къ невѣстѣ для смотра. Наоборотъ, при неизвѣстности жениха, родные невѣсты ѣздятъ осматривать домъ жениха, весь дворъ,—до самой малой вещи. Въ этомъ случаѣ русскій человѣкъ на авось не полагается. Съ этой цѣлью женихъ, его отецъ, мать и сваха пріѣзжаютъ или приходятъ въ домъ невѣсты. Посидѣвъ сваха говоритъ: „Покажите намъ золото (невѣсту), а у насъ есть серебро“ (разумѣя жениха). Сваха съ невѣстиной стороны выводитъ изъ сосѣдней комнаты невѣсту, которая въ это время держитъ въ рукѣ на тарелкѣ каменной или оловянной, а иногда на ветхомъ подносѣ, стаканъ вина, т. е. водки національной, и подноситъ прежде старшему лицу дома женихова. Очереди на этотъ разъ никто не избавляется. Если нѣтъ вина, то стаканъ наполняется квасомъ. Отказа здѣсь нѣтъ, потому что не квасъ нуженъ, а лицо. Квасъ есть только обстановка или знакъ вниманія къ будущей роднѣ. Для того, чтобы лучше и яснѣе разсмотрѣть лицо невѣсты, узнать ея рѣчи, отецъ и мать жениха и вся родня долго отговариваются отъ пріятнаго наипткѣ, хоть невѣста по свойственной въ подобныхъ случаяхъ застѣнчивости ничего не говоритъ, а вмѣсто нея принять стаканъ унашиваетъ сваха. По обнесеніи всѣхъ присутствующихъ, невѣста, не чуя ногъ подъ собою, скрывается отъ гостей: женихъ съ отцомъ, матерью и съ прочими возвращается во свояси.

Вотъ невѣста „показалась“ (поправилась). Остается окончательно уговориться о свадьбѣ, ходѣ ея и пр.. Этотъ уговоръ называется *кладкой*, т. е., сколько женихъ долженъ дать невѣстѣ денегъ, на которыя для родныхъ же жениха должны быть приготовлены дары. Деньги даются, смотря по состоянію, отъ 15 руб. до 100 р. асс.. Затѣмъ женихъ общается дать невѣстѣ башмаки, шубу, чулки и войлокъ съ подушкою. При этомъ же женихъ долженъ обѣщать дары, хотя меньше по цѣности, для родныхъ невѣсты. Дары жениха для родныхъ мужчинъ полагаются слѣдующіе: рубашки, кому ситцевыя, красныя, кому—льняныя, синія съ ластовицами разныхъ цвѣтовъ подъ руками, платки; для женщинъ: рубашки и полотенцы (утиральники). Дары для родныхъ невѣсты—мужчинъ: сапоги, голлицы (рукавицы), кушаки (поясы), платки, часто немного шире четверти; для женщинъ: валенки, башмаки и полотенцы, иногда вышитыя по концамъ шелкомъ разными узорами. Въ случаѣ большой бѣдности дарятъ по аршину миткалю.

Послѣ кладки, или уговора между женихомъ и роднею невѣстиною, начинаютъ въ обоихъ домахъ пиво варить къ *запою*, называемому въ другихъ мѣстахъ, и даже иногда здѣсь, *помолвкой*. Запой этотъ, или помолвка, бываетъ черезъ два дня, иногда черезъ недѣлю, смотря потому, какъ готово бываетъ пиво. Въ вечеръ запой родные жениха собираются въ домъ жениховъ, и всѣ приносятъ по короваю, т. е. по ковригѣ ржаного, чернаго хлѣба. Родные невѣстины собираются къ невѣстѣ и также приносятъ по короваю хлѣба, дабы у будущихъ новобрачныхъ всегда водился хлѣбъ съ солью. Собираются сюда и подруги невѣсты, дѣвицы, и помѣщаются съ нею въ отдѣльной коморкѣ.

Посидѣвъ немного, потолковавъ, а иногда и употребивъ водки, родные жениховы отправляются къ невѣстѣ съ женихомъ, который туда идетъ не съ голыми руками, а дружка несетъ съ собою хлѣбъ. По приходѣ въ домъ, въ которомъ уже передъ иконами зажжены свѣчи, женихъ и родные не тотчасъ садятся на скамьи или простые стулья, а стоятъ до тѣхъ поръ, пока не помолятся Богу и св. угодникамъ, не ударятъ старшіе по рукамъ завернутымъ въ холы, и не выпьютъ по рюмкѣ вина, которымъ женихъ потчуетъ отъ себя. При подносѣ отцу невѣстину дѣвицы поютъ:

710 (1).

Ужъ ты, батюшка, пей, дочку не пропей,
Проней ты, батюшка, свой высокъ теремъ!
Теремъ пропьешь, да и выкупишь,
А меня пропьешь, ужъ не выкупишь.

Подобную пѣснь поютъ и при подносіи вина матери невестиней:

711 (2).

Матушка, пей, дочку не пропей,
Проней ты, матушка, соболью шубу!
Шубу пропьешь, выкупишь,
А меня пропьешь, ужъ не выкупишь.

Послѣ такого пѣнія, выражающаго рѣшеніе судьбы дѣвицы, женихъ, поднося вино, тарить родню невестину извѣстными уже дарами, а потомъ всѣ садятся за столъ. Въ то время пѣвѣста начинается, какъ здѣсь выражаются, „вопѣть“, т. е. слезливымъ голосомъ, хоть бы и безъ слезъ, причитать (импровизировать), выражая иногда довольно складно разные свои чувствованія и помыслы, возбужденные въ ней ея положеніемъ: „Что у васъ, батюшка, за гости? Что у васъ, батюшка, за пиры? Знать, меня бѣдную покинуть хотите? Али я вамъ наскучила, али я вамъ не работала, что хотите отдать вы меня на чужія руки?“ и пр.. На столѣ между тѣмъ ставится закуска, состоящая изъ разнѣзаныхъ огурцовъ, луку, наложеннаго кружочками, студени, иногда горячаго отвара изъ студени, говядины, круглыхъ пироговъ, называемыхъ курниками, яблокъ и разныхъ сластей, смотря по состоянію. Когда на столъ подають похлебку, невеста выходитъ къ гостямъ для поклона и опять скрывается. Вскорѣ потомъ снова является для раздачи даровъ по принадлежности, при чемъ подаренныя вещи каждый свободно разсматриваетъ со всѣхъ сторонъ, слышенъ бываетъ гласный ронотъ на даръ безцѣнный, даже и гости иногда критикуются. Невѣста снова скрывается. Получивъ дары и выпивъ вина, отъ котораго предолго отговариваются, родные жениховы и всѣ сидящіе за столомъ начинаютъ кушать все, что есть на столѣ. Дѣвицы же, къ которымъ „пристають“ и сидящіе за столомъ, поютъ пѣсни жениху и невестѣ:

712 (3).

Жениху.

У Иванушки кудри русые,
У Ефимовича по плечамъ лежать,
Гребешкомъ кудри причесаны,
Сверху масломъ примазаны.
Кто ему голову чесалъ?
Причесала головушку матушка,
Завила кудри родима сестрица (имя);
Завивали, приговаривали:
„Вы кому-то, кудри, достанетесь?“
Доставались кудри красной дѣвицѣ,
Что и Марьюшкѣ Ивановѣ.
Ужъ ты, Марьюшка, полетѣй кудри,
Ты, Ивановна, полетѣй русы.

713 (4).

Невестѣ.

Дорогая наша гостейка,
Что и Марья Ивановна,
Погости у насъ малехонько:
На дворѣ-то тихохонько,
Нѣтъ ни вѣтру, нѣтъ ни вихору,
Нѣтъ сильна дожда съ грозною тучей;
Одинъ батюшка свѣтель мѣсяцъ,
Онъ со частыми, мелкими звѣздами,
Онъ со ясными со лучьями.
— Ахъ, вы глупыя, красныя дѣвицы,
Еще что это за свѣтель мѣсяцъ?
Что за частыя звѣзды?
То Иванъ сударь съ поѣздомъ,
То Ефимовичъ съ боярами.

Послѣ этого женихъ съ дружкой или со свахой выходитъ изъ-за стола и идетъ за перегородку или въ комнату поблагодарить дѣвицъ-красавицъ за вниманіе. Поблагодаривъ ихъ словами, женихъ кладетъ потомъ деньги, смотря по карману (случается даже двѣ копейки), въ стаканъ съ пивомъ и подноситъ его невестѣ; невеста послѣ долгихъ отговорокъ, принимаетъ стаканъ при небольшомъ поклонѣ и передаетъ его любимой своей подружкѣ. Подруга выпиваетъ пиво, а деньги отдаетъ въ общую кассу, для сбереженія которой выбирается расторопная и посмѣтливѣе другихъ дѣвушка. Послѣ этого женихъ крѣпко цѣлуетъ невесту, а за нею всѣхъ дѣвицъ поочередно и по три раза, затѣмъ опять занимаетъ свое мѣсто за сто-

ломъ. Между тѣмъ дѣвушки, сидѣвшія до сихъ поръ отдѣльно, въ особой комнатѣ, выступаютъ къ пирующимъ гостямъ, подносятъ стаканъ пива жениху и просятъ у него лошадей для *катанья*. Женихъ иногда не вдругъ соглашается на прошеніе дѣвицъ, въ которомъ участвуетъ и дружка. Выѣхавъ со двора, дѣвицы не умолкаемо поютъ пѣсни:

714 (5).

Ужъ ты, лента моя, ленточка,
Ты, ала лента, букетова,
Букетова, фіолетова;
Бывало ты, ала ленточка,
Воскрашала ты русу косу,
Русу косу красной дѣвицы,
Что и Марьи Ивановны.
А нынѣ ты, ала ленточка,
Воскрашаешь пухову шляпу,
Пухову шляпу добраго молодца,
Что Ивана Ефимовича.
Выходилъ Иванъ на улицу,
Что Ефимовичъ на широку,
Его люди всѣ спрашивали,
Всѣ товарищи допросъ берутъ:
„Еще кто тебя лентою дарилъ?“
— Дарилъ меня тесть-отъ батюшка,
Пожаловала теца матушка,
Подносила красна дѣвица,
Что и Марья Ивановна,
Подносила, слезно плакала
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
По своей по русской косѣ:
„Ужъ ты свѣтъ, моя руса коса,
Руса коса не дорожена,
Ала лента не доношена.“

715 (6).

Какъ вечеръ-то мы, красны дѣвушки,
Во пиру были, во бесѣдушкѣ,
У любимой у подруженьки,
Что у Марьи Ивановны;
Что не мы ее пили-пропили,
Что не мы ее запоручили,—
Пропивалъ ее родной батюшка,
Запоручила родна матушка,
Не за сто рублей, не за тысячу,
За одинъ стаканъ меда сладкаго,
За удала добраго молодца,
Что и за Ивана Ефимовича.

Во время катанья дѣвицы не надолго заѣзжаютъ въ домъ жениховъ. Возвратившись

къ невѣстѣ, онѣ расхваливаютъ ей угощеніе и привѣтъ дѣвицъ-родственниковъ жениха, которые въ этотъ вечеръ собрались у него, и обѣщаютъ ей будущее хорошее житье-бытье.

Столъ въ домѣ будущаго тестя кончился. Женихъ, узнавши о пріѣздѣ дѣвицъ, идетъ прощаться съ невѣстою. При прощаньи она даритъ его шерстяными „берчатками“ (перчатками). Сваха при этомъ спрашиваетъ ее: „Кого даришь берчатками?“ Невѣста молчитъ и долго не отвѣчаетъ. Слышны только ея тяжелые вздохи. Но когда дружка скажетъ: „Кого даришь? можетъ, меня даришь?“ тогда невѣста, какъ бы невольно, нехотя отвѣчаетъ: „дарю Н. Н.“ (называя жениха по имени и отчеству). Потрижды поцѣловавъ невѣсту и дѣвицъ, женихъ, сопровождаемый пѣснями, содержаніе которыхъ сходно съ предыдущими, вмѣстѣ съ роднею возвращается домой.

По отъѣздѣ жениха, невѣста падаетъ въ ноги своему отцу и „вѣнчитъ“: „Спасибо тебѣ, батюшка, что меня поилъ и кормилъ. Однимъ тебѣ не спасибо, что отдаешь меня въ чужіе люди. Али я тебѣ была не кормилица и пр.?“ Потомъ кланяется въ ноги матери, дядѣ, старшимъ братьямъ, сестрамъ, приговаривая тоже, и цѣлуетъ ихъ по окончаніи вопля. Дѣвицы между тѣмъ садятся за столъ, садятся съ ними и невѣста, но нѣсколько поодаль, причитая сестрѣ, если только она есть:

716 (7).

Любезная, милая сестрица,
Ты подойди къ дубову столу,
Ко скатертямъ бранымъ,*),
Ко явствамъ сахарнымъ.
Ты попотчуй моихъ милыхъ подружекъ:
А у меня, у горяшенки,
Бѣлы руки опустилися,
Рѣзвы ноженьки подкосилися,
Съ плечъ головунка скатилася.

Обращаясь къ подругамъ, она „вопитъ“:

717 (8).

Любезныя мои, милыя подруженки,
Покрасуйтесь, лебедушки, въ красныхъ дѣвушкахъ,

*) узорчатымъ. — *Замѣч. собир.*

А я то, горькая, открасовалася,
Отходила я въ крашѣ, въ хорошѣ,
Чесала я головушку гладехонько,
Плела русу косу мелехонько.

Послѣ ужина, состоящаго изъ извѣстныхъ приготовленій, однѣ изъ дѣвицъ расходятся по домамъ, другія остаются при невѣстѣ.

На другой день заоя родные невѣстины рядятъ *о кройкѣ*, т. е. о томъ, чтобы жениху приготовить бѣлье по извѣстной мѣркѣ, въ самомъ же дѣлѣ ихъ занимаетъ не кройка, а кутежъ, на который они немедленно утромъ и отправляются. Пѣсни, пляски, шумъ, гамъ наполняютъ домъ жениха. Въ это же время толпа любопытныхъ окружаетъ домъ, и всѣ сторонніе смотрятъ во всѣ возможные отверстія дома. Нѣкоторые, впрочемъ, довольны бывають и слухомъ.

Въ первый случившійся послѣ заоя и кройки праздникъ сестра женихова и другія родственницы поощають невѣсту и приносятъ ей гостинцы: курникъ (пирогъ, начиненный курицею), лепешекъ, яицъ, меду, иногда и сусла и, подавая ей въ руки, говорятъ: „Вотъ тебѣ гостинецъ прислалъ женихъ“. Невѣста цѣлуетъ ихъ и благодаритъ жениха.

Въ этотъ же праздникъ собираются къ невѣстѣ и подруги. Почти каждую подругу невѣста встрѣчаетъ такъ:

718 (9).

Любезная моя подруженька,
Не погнѣвайся, лебедушка,
Что не вышла я, тебя не встрѣтила
Среди батюшкина широка двора;
Я рада бы тебя встрѣтила,
Да рѣзвы ноженьки подогнулись,
Бѣлы рученьки опустилися.

Дѣвицы сидятъ здѣсь до глубокаго вечера, разнообразія свое присутствіе иѣсными, каньемъ по улицамъ. Послѣ угощенья или ужина, каждой изъ дѣвицъ поручается приготовить что-нибудь изъ даровъ къ дѣвичнику.

Прочіе дни до дѣвичника, за которымъ бываетъ свадьба, невѣста, женихъ и дѣвицы проводятъ время однообразно. Женихъ присылаетъ гостинцы, невѣста ихъ принимаетъ, а иногда и сама благодаритъ его гостинцами; дѣвицы у невѣсты и на улицѣ поютъ пѣсни.

Наканунѣ дѣвичника всѣ онѣ отправляются къ жениху съ иѣсными за вѣнкомъ и мы-

ломъ для невѣсты. Погулявъ тамъ, онѣ съ полученными вещами спѣшаютъ къ невѣстѣ и вечеромъ провожаютъ ее въ баню припѣвая:

719 (9).

Не вылетай, утица, изъ тепла гнѣзда:
Какъ увидитъ утицу младъ сизой орелъ,
Онъ начнетъ утицу щипать, клевать.
Не выходи, Марьюшка, изъ комнаточки,
Не выходи Ивановна изъ высока терема:
Какъ увидитъ Марьюшку добрый молодецъ
Что Иванъ-то Еюимовичъ,
Онъ станетъ съ Марьюшки дары спрашивать,
и пр. *)

*) Жаль, что собиратель, вѣроятно, еще непривычный къ дѣлу, нѣкоторыя пѣсни записалъ не вполне.—Замѣч. М. П. Погодина.

720 (10).

Ранымъ-рано на зарѣ
Стоять кони на дворѣ;
Никто коней не любилъ,
Только любила дѣвица
Что Марья Ивановна,
Сыпала сахару вмѣсто овса,
Становила сыты вмѣсто воды,
Отошедши, говорила:
„Пейте вы, кони, кушайте,
Будьте завтра готовы: мнѣ
Въ путь дорожку ѣхать—
Далѣ, подалѣ отъ батюшки,
Далѣ, подалѣ отъ родимаго,
Ближе, поближе къ свекру въ домъ.“

По выходѣ изъ бани одна изъ подругъ чешетъ невѣстѣ голову и плететъ косу, невѣста же въ это время „вѣпить“:

721 (11).

Любимая моя подруженька!
Причеши-ка мнѣ буйну голову,
Заплети мнѣ русу косу,
Ужъ ты изъ корню тугохонько,
Среди косы мелѣхонько,
Подъ конецъ-то алу ленточку.
Ужъ ты свѣтъ, моя руса коса!
Заплетала тебя я мелехонько,

и проч.

Наступаетъ дѣвичникъ, который часто начинается въ два часа ночи, иногда и утромъ.

Сваха со стороны жениха то и дѣло спра-
вляется: все ли готово у невесты къ дѣвич-
нику, затоплены ли печки, истопились ли
онѣ, скоро ли сама невеста уберется къ дѣ-
вичнику? Наконецъ все готово, и женихъ со
всею роднею уже извѣщенъ. Сестра приче-
сала ему голову при искреннихъ благожела-
ніяхъ и при великихъ вздохахъ, и онъ при-
ѣзжаетъ на дѣвичникъ въ той же самой
одеждѣ, въ какой былъ при запоѣ, или руко-
битѣ, т. е. *чапанъ*, въ другихъ мѣстахъ
называемомъ *чекменемъ*, а въ Орловской
губерніи *свитой*. Отецъ и другіе мужчины
также въ чапанахъ или кафтанахъ. Жен-
щины являются въ сарафанахъ и шубахъ,
которыхъ не скидаютъ въ продолженіе всего
вечера; развѣ ужъ нестерпимый жаръ при-
нудить. Голова обыкновенно покрывается
платкомъ. Немного времени они проводятъ
въ пустыхъ разговорахъ. Ихъ стараются ско-
рѣе посадить за столъ и обнести дарами,
уже лучшими, начиная съ жениха. Родня
невестина угощаетъ гостей и будущихъ род-
ственниковъ. Кому нѣтъ дѣла, тѣ только
смотрятъ и покачиваютъ головами. Полати
биткомъ набиты маленькими мальчиками
и дѣвчонками, которые съ любопытствомъ
глядятъ на все совершающееся внизу. Убран-
ная въ сарафанъ и покрытая платкомъ не-
веста выходитъ и начинаетъ дарить прежде
всего суженаго, котораго вообще чаще дру-
гихъ въ продолженіе свадьбы дарить раз-
ными вещами, затѣмъ его родственниковъ.
Надо сказать, что бѣдные крестьяне и огра-
ничиваются только дарами на дѣвичникѣ. А
при запоѣ, или помолвкѣ, и проч. дарятъ
только богачи, у которыхъ на дѣвичникѣ
вновь предлагаются уже самые лучшіе дары.

На дѣвичникѣ невеста въ первый разъ
послѣ сговора садится рядомъ съ женихомъ
за ужинъ. Сваха съ молитвою: „Господи
Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“,
соединяетъ правую ея руку съ рукою же-
ниха и накрываетъ полотенцемъ. Женихъ
съ невестой занимаютъ первое мѣсто, за
ними крестный отецъ и мать крестная. Въ
этихъ случаяхъ отецъ по духу у крестьянъ
считается выше отца по плоти. За крестными
салятся отецъ и мать жениховы и другіе.
Начинается попойка и раздается по време-
намъ: „горько, охъ, горько, охъ, пельзя нить!“
Женихъ и невеста подсапчиваютъ. Когда
нужно бываетъ переменить кушанье, кото-
рое начинается съ похлебки, холоднаго и
такъ далѣе, тогда дружка во услышаніе

всѣхъ передъ каждымъ кушаньемъ приго-
вариваетъ: „Бабушка, поварушка! переменяй
сахарныя яства; встань на куны лапки, по-
смотри на чело, не подписано ли чего?“ И
тотчасъ же слѣдуетъ перемена кушанья.
Между тѣмъ дѣвушки, какъ и на запоѣ, поютъ
каждому изъ гостей пѣсню, или, какъ гово-
рятъ, „величаютъ“ сообразно возрасту и зва-
нію, за что получаютъ награду, сообразно
средствамъ каждаго. Послѣ всѣхъ яствъ по-
дается, какъ пирожное, *разгона*, т. е. лапша.
и названа такъ потому, что будто разгоняетъ.
Послѣ стола невеста идетъ въ чуланъ или
коморку, женихъ отправляется къ ней про-
щаться и послѣ поцѣлуя получаетъ отъ нея
варежки (перчатки) и платокъ. Гости тоже
прощаются съ нею, и всѣ отправляются домой.

По уходѣ ихъ невеста падаетъ въ ноги
отцу, матери, братьямъ, сестрамъ и съ во-
племъ говоритъ: „Родимый мой батюшка! не
покинь меня, горькую, въ чужихъ людяхъ;
родимая моя матушка, сестрица, не покиньте
меня, горькую и пр.“ Затѣмъ она отпра-
вляется въ чуланъ и снаряжается въ цер-
ковь подъ вѣнецъ. Къ головѣ невесты при-
вязывается позументъ въ четверть шириною
съ разноцвѣтными камешками и съ припи-
тою рѣшеткою изъ стекляруса, въ родѣ жем-
чуга, и покрывается фатою такъ, что лицо
совершенно закрывается. Фата эта снимается
въ церкви тогда, когда надѣваютъ вѣнцы.
Затѣмъ одѣваютъ ее въ сарафанъ и шубу,
покрытую китайкою. Въ этотъ разъ обуваетъ
ее братъ, въ башмакъ правой ноги въ знакъ
богатства кладутъ деньги, а на крестъ при-
вязывается лоскутъ отъ бредня (невода) въ
предохраненіе отъ порчи. Отецъ и мать, а
за ними крестные отецъ и мать крестообразно
благословляютъ невесту иконою, потомъ са-
жаютъ за столъ, и ее окружаютъ подруги.
Въ послѣдній разъ печально и уныло поютъ
онѣ пѣсни около своей любимой подруги:

722 (12).

Летала же галынька,
Летала же черная
Высоко подъ небесы;
Садилася же галынька,
Садилася же черная
На кустъ на ракистовъ.
Хотѣла же галынька,
Хотѣла же черная
Ракить подломить,
Да не подломила (2),

Только приклонила.
Садилася Марьюшка,
Садилася Ивановна
Впередь подь святыи:
Хотѣла же Марьюшка,
Хотѣла Ивановна
Батюшку возвеселити,
Да не возвеселила,
Только прослезила.

Эта же пѣсня поется и матери.

723 (13).

Полелѣй, Волга рѣка, круты берега,
Полелѣй славные желтые пески;
Вотъ тебѣ, Волга рѣка,
Да не долго лелѣяти:
Отъ весны-весны вплоть до осени;
Осень-то придетъ дождливая,
Зима-то придетъ фуртливая;
Выпадутъ слѣги глубокиѣ,
Вымерзнутъ рѣчки морозами,
Вымерзнутъ быстрыя крещенскими.
Полелѣй-ка, матушка, свое дитятко,
Полелѣй, родимая, свое милое;
Вотъ тебѣ, матушка,
Да не долго лелѣяти:
Отъ утра-утра вплоть до вечера.
Вечеръ-то придетъ, то дѣвичникъ будетъ;
Утро-то придетъ, то разлука твоя.
Придетъ Иванъ сударь на добромъ конѣ,
Придетъ Ефимовичъ на стоялымъ,
Привезетъ разлученьку на правой рукѣ,
Разлучитъ Марьюшку съ отцемъ, матерью,
Разлучитъ Ивановну съ роднымъ племенемъ.

724 (14).

Разлилась, разлелѣялась
По лугамъ вода вешняя.
Унесло, улелѣяло
Три кораблика отъ берега:
Еще первый корабличекъ
Съ сундуками, съ укладками,
А другой-то корабличекъ
Со постелей убранною,
Еще третій корабличекъ
Со душой красной дѣвицей,
Что и съ Марьей Ивановной.
Оставалась ея матушка
На крутомъ, славномъ бережку,
На горячемъ на камешкѣ;
Она слезно заплакала,
Во слезахъ слово молвила:

„Воротись, мое дитятко,
Воротись мое милое:
Позабыла ты, дитятко,
Позабыла ты, милое,
Трое ключи золоты.“
— Ты сударыня матушка,
Не трое ключи забыла я,
Позабыла волю батюшкину,
А еще нѣгу матушкину,
А еще-то забыла я
Изъ русы косы ленточку.

725 (15).

Ужъ мать моя, матушка,
Спалась ли тебѣ, матушка,
Еще ныпѣшняя темная ночь?
А мнѣ, красной дѣвицѣ,
Мало спалось, много видѣлось:
Будто у батюшки на широкомъ дворѣ
Стояла хоромина:
Не покрыта, не обгорожена,
Углы прочь отвалилися,
По бревну всѣ раскатилися;
Во хороминахъ столъ стоять,
За столомъ сидитъ сизой орелъ,
По полу ходить лебедушка,
А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ—ласточки.
— Ты дитя ли мое, дитятко,
Ужъ я тебѣ сонъ весь разсужу,
На словахъ тебѣ весь разскажу:
Что пустая хоромина—
Чужа дальняя сторонушка;
Углы прочь отвалилися,
По бревну прочь раскатилися—
Отъ тебя-ли, мое дитятко,
Всѣ сродники отступилися;
За столомъ сидитъ сизой орелъ,
Сизой орелъ—свекоръ батюшка,
Лебедушка—свекровь матушка,
Еще голуби—девери,
Еще ласточки—золовушки,
Все Ивановы сроднички,
Все Ефимовича сроднички.

Имущество невѣсты: постель и сундуки, постельницы и постельники, родственники невѣстины возятъ съ пѣснями по улицамъ и наконецъ привозятъ въ домъ жениха. Отецъ и мать благословляютъ сына-жениха, крестообразно осѣняя его голову иконою.

Послѣ благословенія, женихъ, крестный отецъ съ образомъ, сваха съ курникомъ, дружка съ хлѣбомъ и съ солью отправляются

за невестою. Это называется *поѣздомъ*. Дружко съ хлѣбомъ и солью, а за нимъ сваха входятъ въ горницу, гдѣ сидитъ невеста, „для покупки косы“ невестиною — обряда общаго у крестьянъ. Последняя, т. е. сваха, поклонившись всѣмъ, становится у порога, а первый съ хлѣбомъ-солью и кнutomъ идетъ прямо къ столу, за которымъ сидитъ убранная подъ вѣнецъ невеста. Крестный же отецъ съ женихомъ и съ другими *поѣзжанки* (лицами, которые избираются въ свидѣтели) стоитъ въ это время на дворѣ. Дружко, обращаясь къ брату, который на этотъ разъ нарочно усаживается около сестры-невесты, говоритъ: „Пусти здѣсь свахѣ сѣсть, здѣсь не твое мѣсто“. — „Ступай прочь“, отвѣчаетъ братъ: „мѣсто когда не мое?“ Дружко снова обращается съ вопросомъ: „Али ты хочешь посеребрить руки?“ Братъ отвѣчаетъ: „Знамо дѣло, чай у меня сестра (которая въ это время, обнявши брата, вѣпитъ) чего-нибудь стоитъ“. Дружко даетъ гривну, но гривна отвергается, дружко даетъ гривенникъ, и гривенникъ бросается на землю; дѣло иногда улаживается за четвертакъ, за рубль и болѣе. Получивъ деньги, братъ цѣлуетъ невесту-сестру и отходитъ отъ нея. Дружко ударяетъ по столу кнutomъ (которымъ онъ стращалъ и брата невесты), разрѣзываетъ принесенный хлѣбъ крестообразно ножомъ, всыпаетъ въ середину нѣсколько соли, а сваха, стоявшая у порога, подходитъ къ столу, беретъ стаканъ квасу или пива и подноситъ сидящей около невесты ей свахѣ. Выпивъ стаканъ квасу или пива, сваха невестина оставляетъ мѣсто, а сваха женихова, подошедъ къ невестѣ, начинаетъ расплетать ей косу. Лента изъ косы кладется на курникъ и подается любимой подругѣ со словами: „Прими Марьюшкину красоту“. Входитъ женихъ и садится на малое время около невесты.

Передъ благословеніемъ невесты, а потомъ и жениха вмѣстѣ съ невестою, дружко обращается къ отцу и матери невесты и говоритъ: „Благословите, багюшка и матушка, свое чадо милое къ Божьей церкви ѣхати, подъ златымъ вѣнцомъ стояти, законъ Божій принимать“. По благословеніи крестный отецъ, въ отгнаніе всякой нечистой вражеской силы, трижды обходитъ съ образами около лошадей, стоящихъ въ упряжи на дворѣ. При поѣздѣ въ церковь и по выходѣ изъ церкви женихъ обязанъ посадить невесту въ сани или телѣгу и высадить. Свахи же, ѣдучи къ

вѣнчанью и обратно, поютъ пѣсни. Когда въ церкви нужно бываетъ становиться на посланный передъ аналоемъ платокъ, тогда каждый изъ вѣнчающихся старается стать на него первый, дабы имѣть большинство въ домѣ впродолженіе жизни. Если у кого свѣча больше сторитъ въ церкви, то это знакъ, что тотъ умретъ прежде. По окончаніи брака въ церкви же у новобрачной заплетаютъ двѣ косы, надѣваютъ на голову волосникъ и повязываютъ платкомъ; иногда надѣваютъ и кокошникъ, выходящій уже теперь изъ обычая.

По пріѣздѣ изъ церкви, одинъ изъ родственниковъ въ вывороченной, въ знакъ желанія многихъ дѣтей, шубѣ встрѣчаетъ новобрачныхъ, а другой осыпаетъ ихъ хмѣлемъ и овсомъ, въ знакъ будущаго веселья и богатства. При отходѣ ко сну, невеста три раза кланяется въ ноги жениху, а женихъ три раза, въ знакъ уваженія, кланяется невестѣ въ носъ. Затѣмъ невеста снимаетъ обувь съ ногъ жениха, въ знакъ покорности мужу, а мужъ, въ знакъ любви, цѣлуетъ ее.

По вступленіи въ новую жизнь молодой дѣлаетъ обѣды въ домѣ своемъ для всѣхъ родныхъ. Послѣ обѣда онъ подноситъ всѣмъ на особицу по рюмкѣ вина, а молодая подаетъ закуску, состоящую большею частью изъ сластей. При чемъ дружка къ каждому лицу за столомъ обращается съ словами: „Пожалуйте-ка, (имя и отчество), молодымъ на шильцо, мыльцо, на банное строеніе, на новое заведеніе“. Одни изъ гостей отдариваютъ новобрачныхъ деньгами, которые тутъ же кладутъ на поднось; другіе обѣщаютъ овцу, теленка и пр., которыхъ на другой день и привозятъ съ собою къ обѣду. Обрядъ этотъ называется у крестьянъ *сыромъ*.

Въ заключеніе скажемъ, что та невеста считается важною модницей, которая, подъ видомъ будто бы несмѣлости, впродолженіе недѣли ни съ кѣмъ не раздѣляетъ хлѣба и соли. Чѣмъ же, спрашивается, она питается? Питается, и еще какъ нельзя болѣе, вдоволь блинами, пирогами, яйцами и разнаго рода яствами, тайно доставляемыми родимою матушкой и хранящимися въ чуланѣ, гдѣ она проводитъ первую недѣлю медоваго мѣсяца.

Въ описаніи свадебныхъ обрядовъ не упомянуто о пляскахъ потому, что пляски эти незатѣйливы и общія всѣмъ великорусскимъ крестьянамъ. Обыкновенно дѣвушка съ дѣвучкою или съ парнемъ пляшутъ по очереди

другъ противъ друга, размахивая платками. Здѣсь пляшутъ подъ гармонію, балалайку, подъ веселыя пѣсни, а большую частью подъ удары въ заслонку, и пляшутъ отъ начала свадьбы до конца ея въ домѣ жениха и невесты.

Обрядъ и пѣсни доставлены черезъ М. П. Погодина отъ Дм. Орлова 16 дек. 1853 года.

726.

Какъ не винная рѣка
Да по сахару текла,
По бѣду мѣду крипичатому,
По тому камкѣ узорчатому,
По тому ли штофу на золотѣ.
Ужъ въ тѣ поры душа дѣвица
Изъ шатрѣ во шатрѣ перешла
Ко дородному молодцу.
Они начали въ шахматы играть,
Золотыми тавлями метать.
Похвалилася дѣвица:
„Не обыграть тебѣ, молодцу!“
Проиграла душа дѣвица
Со правой руки золотъ перстень,
Со буйной главы золотъ вѣнецъ.

727.

Не ясѣнь соколъ межъ озѣръ летать,
Межъ озѣръ летать, лебедей искалъ,
Лебедей искалъ, бѣлыхъ лебѣдушекъ.
Всѣ лебѣдушки высоко летятъ,
Высоко летятъ, хорошо кричатъ.
Да гдѣ не взялся младъ ясѣнь соколъ,
Онъ убилъ-то, убилъ бѣлую лебедушку;
Онъ и кровь пустилъ во сыру землю,
Онъ и пухъ пустилъ по чистѣ полю.

728.

Ой вы соколы, соколы,
Вы куда вечеръ летали?
— Ахъ, мы летали
На море на синее.—
Ахъ, вы что тамъ видѣли?
— Ахъ, мы видѣли сѣрую утку,
Сѣрую утку на заводѣ.—
Ахъ, вы что ее не пымали?
— Мы хотя не пымали,
Сязы перышки повыцннали.—
Ой вы бояре умные,
Куда, бояре, ѣздили?
— Охъ, мы ѣздили съ городу на городъ,

Ужъ мы видѣли, видѣли
Красну дѣвицу во теремѣ.—
Что вы ее не взяли?
— Мы хотя ее не взяли,
Русу косу рѣснели,
Шелковой косникъ выплели.

729.

Ахъ! вы голуби, голуби, голуби сизые,
Всѣ лавочки засадили
Съ кута, кута да до переда.
Впереди стоитъ дубовый столъ,
За столомъ сидитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, свѣтъ Ѳеодоръ ¹⁾ сударь;
Онъ наказывать своей ²⁾
„Шей дары, не скупися:
Мому батюшкѣ рубашечку,
Моей матушкѣ рукавички,
Моямъ братцамъ по шириночкѣ,
Моямъ сестрицамъ по косиночкѣ.“
— Ахъ! ты, ... ³⁾
У меня нашиты, накатаны,
Въ коробочку положены.

¹⁾ Заимено К—имъ: Михай.

²⁾ Пропускъ; добав. К—имъ: Оленъ душѣ.

³⁾ Пропускъ; К—имъ добавлено: Михай Кирилловичъ.

730.

Что на лугу, лугу на зеленомъ,
Во кругу, кругу на вочерченомъ ¹⁾
Играетъ Анна душа. ²⁾
Кличетъ ее, спрашиваетъ батюшко:
„Да полно играть, Аннушка, полно рѣзвиться!
Уже твой суженое у воротъ стоитъ,
Уже твой ряженое у воротъ стоитъ!“
Тута же Аннушка не послушала.
Что на лугу, на лугу на зеленомъ,
Во кругу, кругу новочерченомъ
Играетъ Анна душа со подружками,
Играетъ она со любимыми.
Кличетъ ее, спрашиваетъ матушка,
Кличетъ ее, спрашиваетъ государыня:
„Полно играть, Аннушка, полно рѣзвиться!
Уже твой суженое у воротъ стоитъ,
Уже твой ряженое у воротъ стоитъ!“
Тута Аннушка не послушала,
Тута она вѣры не поняла.
Что на лугу, и проч.
Кличетъ ее, спрашиваетъ суженый,

Кличить ее, спрашивает ряженный.
Тутъ она послушала,
Тутъ она вѣру поняла.

1) Новочерномъ.—*Попр. П. В. К.*
2) Рукою К-аго доб.: „со подружками.“ Далѣе добавленъ имъ же стихъ: „Играетъ она со любимицами.“—*Ред.*

Аа *).

Сватанье.

Сваха отъ жениха приходитъ къ отцу и матери невесты и объявляетъ имъ причину своего прихода. Начинаются переговоры; а послѣ переговоровъ, на другой или третій день приходятъ отецъ и мать жениха и дѣлаютъ рукобитье. Молятся Богу отецъ и мать жениха, отецъ и мать невесты. Дѣвицы поютъ:

731 (1).

Вечеръ къ моей матушкѣ
Сващинька приходила,
Не радостну вѣсточку приносила:
— Хотимъ тебя, дитятко, мы просватати,
Русу твою косынку раздвоити.—
„Сударыня матушка,“ слезно говорила,
„Стоитъ въ бору сосенка не у мѣста,
А я у васъ, матушка, не невеста.
Стоитъ въ бору сосенка зелененька,
А я у васъ, матушка, молоденька,
Русь моя косынька коротенька.“

Жениха и невесту за столъ ставятъ:

732 (2).

Черныя кудрицы за столъ пошли,
Русую косыньку за собой повели;
Черныя кудри косу спрашиваютъ:
„Русая косынька,
Гдѣ ты была да что дѣлала?“
— Я была въ высококомъ терему,
Муку сѣяла, пироги ставила.—
„Русая косынька, да па что пироги?“
— Черныя кудрицы, ко мнѣ гости будутъ,

*) Слѣдующія далѣе пѣсни свадебныя, обозначенныя этой рубрикой, составляютъ отдѣльную группу: мѣстность, гдѣ онѣ записаны, точно не опредѣляется на основаніи матеріаловъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.—*Ред.*

Гости будутъ, гости батюшкины, гости матушкины,
А ко мнѣ, молодой, все подруженьки.

733 (3).

Не буйные вѣтры съ горъ повѣяли,
Невзначай гости на дворъ взлѣхали,
Обломили сѣни съ переходами,
Раздавили золоту чару,
Выпудили соловья изъ саду.
Встужилась, всплакалась свѣтъ Аннушка,
Взрыдалась свѣтъ Ивановна:
„Свѣтъ вы, сѣни мои съ переходами,
Свѣтъ ты, моя золотая чара,
Свѣтъ ты, мой соловей во саду,
Свѣтъ ¹⁾ ты, мой молодой зеленой!
Кому мене ²⁾ поутру рано будить,
Скоро дѣлу учить?“
Тотъ же ее Микита ³⁾ сударь уговариваетъ:
— Былъ бы здоровъ я у тебя,
Срублю тебѣ сѣни новыя съ переходами,
Солью тебѣ золоту чару,
Я буду соловей во саду,
Буду рано будить,
Скоро дѣлу учить.
Слушайся, Авдотьюшка ⁴⁾, моего батюшки,
Почитай мою матушку.
Станешь слушать, мила будешь,
А не станешь слушать, бита будешь,
Всегда журеная.

1) Садъ?—*Ред.*

2) мнѣ.—*Попр. П. В. К.*

3) Иванъ.—*Замѣна П. В. К.*

4) Аннушка.—*Попр. П. В. К.*

734 (4).

У рѣчунькѣ, рѣчунькѣ,
У быстрой водѣ, у пролубѣ
Николай-то коней поилъ,
А Ольга дары мыла;
Дары-то бѣлешеньки,

А Николай-то умнешенькій,
А Ольга-то вышколаена;
Вышколилъ-то батюшка,
Выманежила-то матушка.
Изъ за лѣсу, лѣсу темнава ¹⁾
Подымалася погодушка,
Что погодушка верховая;
Оставала лебедушка
Отъ стаду лебединого,
Приставала лебедушка
Ко сѣрымъ гусямъ;
Не умѣла лебедушка
По гусинному кликати,
Учали ее гуси щипати,
Учала лебедушка кричати:
„Не щипите, гуси сѣрые,
Не сама я волей залетывала,
А занесена погодой верховою!“
Отставала-та Олюшка
Отъ батюшки, матушки,
Отъ своего роду племени,
Отъ хоровода отъ дѣвичьяго;
Не умѣла Олюшка
По Николаеву баяти,
Учали ее люди хаяти.
„Ужъ не хайте, люди добрые,
Не сама къ вамъ заходила:
Завезли меня добры кони,
Добры кони Николаевы.
Николай-то со боярами,
Со своими со крестьянами,
Онъ и вышелъ на улицу,
Онъ и снялъ шапку бархатну,
Развернулъ полы камчатныя,
Онъ и сталъ всѣмъ кланяться:
— Ужъ вы, братцы-товарищи,
Сослужите службу:
Привезите мнѣ гордянушку,
Гордянушку Олюшку.“

Хлѣбъ и соль на столъ ставятъ. Отецъ съ матерью невѣсты садятся на переднюю лавку. Отецъ и мать и вся семья плачутъ. На столѣ стоятъ два стакана рядомъ; будущіе сваты берутъ стаканы, пьютъ, мѣняются стаканами и цѣлуются.

Сговоръ.

Выводить невѣсту. Женихъ сидитъ за столомъ. Сваха съ невѣстою спиною къ жениху садятся на другой сторонѣ стола на скамью. Отецъ крестный выводитъ жениха; женихъ

беретъ невѣсту. Благословляютъ жениха отецъ его съ матерью, невѣсту — отецъ ея съ матерью.

735 (5).

При благословеніи невѣсты она плачетъ, приговаривая:

Родимый батюшка,
Родимая матушка,
Или я вамъ, родимые, чѣмъ надоѣла?
Или я васъ чѣмъ озлобила?
Или у васъ хлѣба соли не достало?
Молоду въ чужі люди отдала,
Не дали мнѣ русой косой покрасоваться,
Дѣвичей волѣ нагуляться.

736 (6).

Родимый батюшка,
Родимая матушка,
Благословите горькую,
Отпустите въ чужі люди.
И свѣтъ моя воля батюшкина,
Воля батюшкина и матушкина!
По вѣкъ красоты мнѣ дѣвичей не пажити,
Воли вашей не видати,
Красоты дѣвичей не пажити,
А молодичьей не избыти.
Любезные родители,
Не попомните прежней моеи грубости,
Много вамъ я досадила.
Любезные благопріятели, сродники,
Научите мене горькую,
Какъ въ чужихъ людяхъ жить.

737 (7).

Вы, цвѣты мои, цвѣтики,
Голубы, лазоревы мои,
Васъ много было посеяно,
А немного уродилось.
Какъ у насъ было во теремѣ
Много было красныхъ дѣвушекъ,
А немного осталось.
У насъ не было измѣнницы,
Супостатки переметчицы,
Проявилась измѣнница,
Супостатка переметчица,
Измѣнила намъ дѣвушкамъ,
Полюбила (молодова парня), ¹⁾
Не хотѣла замужъ итти, ²⁾
Хотѣла во черницы итти, ²⁾
Во святые во игумены:

¹⁾ темнова.—*Попр. П. В. К.*

„Ужъ я, дѣвушки, во черницы пойду,
Васъ, подруженьки, съ собою возьму,
Котору во ключицы,
Котору въ ларешницы“.
А теперь возлѣ тебя чернецъ стоитъ
Въ черной рясочки, въ красной рубашки.

1) Вставлено позднѣе той же рукой.—Ред.

2) итти.—Попр. П. В. К.

738 (8).

Виноградъ въ саду цвѣтетъ ¹⁾,
А ягода, а ягода посѣиваетъ ²⁾.
Виноградъ—Иванъ сударь,
А ягода, а ягода—Авдотья ево ³⁾.
Имъ люди дивовалися,
Что хороши и пригожи уродилися.
Дай же имъ Богъ совѣтъ и любовь,
Во совѣтѣ, во любви хорошо бы имъ пожить.
Рыбунька платичинька,
Ужъ и я же молода, молодешинька,
Миѣ ли ⁴⁾, молодой, мало можится,
Миѣ батюшкина хлѣба ѣсть не хочется ⁵⁾:
Ужъ и ⁶⁾ батюшкинъ хлѣбъ попыномъ нах-
Горькою ⁷⁾ горчицей отзывается; [нетъ,
Миѣ Ивановъ хлѣбъ ѣсть хочется ⁸⁾:
Ивановъ хлѣбъ сахаромъ ⁹⁾ нахнетъ,
Сладкою ¹⁰⁾ сытою отзывается.

Варьянты—измѣненія изъ другой копѣи съ того же текста:

- 1) растетъ.
- 2) И ягода въ сыромъ бору,
Виноградъ расцвѣтаетъ.
И ягода посѣиваетъ.
- 3) А ягода П. Н.—на.
- 4) Ужъ и миѣ ль.
- 5) Доб.—замужъ хочется.
- 6) Ужъ и—опущено.
- 7) Онъ и горькою.
- 8) Стихъ опущенъ.
- 9) П. Н.—ча хлѣбъ медомъ.
- 10) Онъ и сладкою.

739 (9).

Вскрикнула лебедушка въ саду,
Всплакнула Александра въ терему,
Сидячи за убраннымъ столомъ,
Глядячи во батюшкинъ зеленъ садъ:
„Поѣду съ батюшкина со двора,
Останется зелененекъ безъ меня;
Въ томъ саду три ^{*)} цвѣтка разцвѣли,
Аленькій, лазоревый цвѣточки.
Вставай, мой батюшка, раненько,
Поливай два цвѣтика частенько,

Утренней, вечернею зарею,
Все моею горючей слезою.“

*) два?—Ред.

Послѣ сихъ пѣсень дѣвицы начинаютъ величать всѣхъ гостей, начиная съ жениха и неvěсты, и просятъ за это подарки денежные; а кто не захочетъ заплатить имъ за величаніе (или, такъ сказать, захочетъ поломаться), того другою пѣснью будутъ корить. Въ иныхъ мѣстахъ, на этотъ случай, есть много различныхъ пѣсень, даже сообразныхъ съ званіемъ и лѣтами гостей. Напр., пѣсня жениху:

740 (10).

Величальная *).

Разудалый добрый молодецъ, **)
Не у садика сидишь,
Не соловьюшки поютъ:
Поютъ красны дѣвушки,
Ольгины подруженьки.
Ты слышишь-ли, молодецъ?
Подари игрицъ не рублемъ полтиною—
Золотою гривною!
А не станешь дарить,
Мы станемъ корить,
Въ глаза говорить,
А заочно бранить.

Послѣ каждой подобной пѣсни одна изъ дѣвицъ подходитъ къ тому лицу, для кого пѣли, съ подносомъ или тарелкою, со стаканомъ пива или меда и просятъ выпить и подарить за пѣсню и выпитое.

При прощаньи жениха съ неvěстой, мать жениха и сваха, съ женихомъ пріѣхавшіе, поютъ:

741 (11).

Кто у насъ-то хорошій,
Кто у насъ-то пригожій?
Николай хорошій,
Петровицъ пригожій.
Люшиньки, люли,
Люшиньки, люли.

*) На случай отказа отъ платы за величанье.

**) Этою же пѣснью обыгрываютъ и другихъ холостыхъ, но только съ переменною перваго стиха: Государь такой-то.—Прим. собир.

На конь онъ сѣдился,
Подъ нимъ конь бодрился;
Онъ по лугу ѣдетъ,
Луга зеленѣютъ.

Люшиньки, люли,
Люшиньки, люли.

Онъ къ садамъ подъѣзжаетъ,
Сады разцвѣтаютъ,
Пташки распѣваютъ;
Къ селу подъѣзжаетъ,
Село веселѣтъ;
Къ воротамъ подъѣзжаетъ *),
Матушка встрѣчаетъ,
Ворота растворяетъ:
„Поди-ка, хорошій,
Поди-ка, пригожій!
Холостъ не женатый,
Вѣлый кудреватый.
Гдѣ ходишь, гуляешь—
Невѣсть выбираешь?“
— Я ѣзжу, гуляю,
Невѣсть выбираю.
Я выбралъ дѣвицу,
Ольг[ин]у сестрицу
Вѣлу, черноброву,
На меня похожу.

*) Прѣзжаетъ къ воротамъ своимъ. — *Варьянтъ собирателя.*

742 (12).

Ужъ какъ вѣтся хмѣль по болоту,
По болоту хмѣль, по болоту,
Прививается хмѣль ко воротамъ;
Просится хмѣль почевати,
Почевати хмѣль, почевати:
У кого-бы дворъ просторенъ,
Просторенъ дворъ, просторенъ?
У кого-бы изба большая,
Большая изба, большая?
У кого-бы семья веселая,
Веселая семья, веселая?
У кого-бы жена молодая,
Молодая жена, молодая,
Ровно ягода налитая?
Хоть бы у Ивана ¹⁾ дворъ просторенъ,
Просторенъ дворъ, просторенъ;
Хоть бы у Марьи ²⁾ изба большая,
Большая изба, большая;
Хоть бы у насъ ³⁾ семья веселая,
Веселая семья, веселая;
Хоть бы у Николая жена молодая,
Молодая жена, молодая.

¹⁾ отецъ.

²⁾ мать.

³⁾ отецъ и мать. — *Прим. собир.*

Дѣвичникъ *).

Когда гости и женихъ прѣдутъ къ не-
вѣстѣ, дѣвицы поютъ:

743 (13).

Какъ не нава по сѣнямъ ходила,
Не павлина перья роняла,
Свѣтъ Авдотья по сѣнямъ ходила,
Свѣтъ Ивановна слезы ронила,
Кругъ терема убивалася,
Убивалася, разбиралася:
„Отопрись, мой немѣткій замокъ, отопрись,
Отложися, золота цѣнь, отложися,
Кипарисова дверь, отворися,
Размахнися, питый браный мой положочекъ,
Покачнися кровать ново-тесовая!
Встань, проснися, сударь батюшка, пробудися:
Мнѣ не годъ у тебя годовати,
Не недѣлюшку гостити,—
Одну ночку почевати,
И то я во слезахъ не увижу,
Словъ не промолвлю.
Куда тошно сидѣтъ дѣвушкѣ стговореной,
Но тошнѣй того посмотреной,
Мнѣ дѣвичью красоту воспоминаи,
А молодичью проклинати:
Дѣвичья краса часовая,
А молодичья вѣковая.
Ужъ мнѣ дѣвичьей красы не нажити,
А молодичьей не избыти.“

*) Вечеръ наканунѣ свадьбы. — *Прим. собир.*

Во время дѣвичника мать невѣсты даритъ
жениха, отца и мать его и прочихъ близ-
кихъ его родственниковъ, съ нимъ прѣхав-
шихъ; тогда поютъ:

744 (14).

А ларецъ мой, ларецъ,
Кованый ларецъ!
Не годъ я конила,
Не два собирала;
Пришелъ часъ-время,
Я все разсорила, все раздорила:
Свекору рубашку, свекровѣ другую,
Девѣрьямъ-кобелямъ да всѣмъ по платку,
Золоткамъ-вороткамъ всѣмъ по рушнику.

Мать невѣсты дары даетъ:

745 (15).

По городу дозвоны пошли,
По горницѣ дары понесли;

Дарила дары теща матушка,
Приняла дары зятикъ батюшка.

Послѣ нѣсколькихъ другихъ пѣсенъ дѣ-
вицы начинаютъ, какъ и на стоворѣ, каждого
обыгрывать; потомъ начинаютъ отецъ и мать
невѣсты укладывать приданое; въ это время
дѣвицы поютъ:

746 (16).

Разлилася, разлѣлялася вода полая по лу-
Унесла, улѣляла три кораблика, [гамъ,
Три кораблика, три груженные: [камн,
Первый-то корабликъ съ сундуками, уклад-
А другой-то корабликъ съ златомъ, серебромъ,
мелкимъ жемчугомъ,
Третій-то корабликъ со душой красной дѣ-
вучкой.

Въ день свадьбы поютъ:

747 (17).

Не трубушка трубятъ
Рано на зарѣ,
Авдотьюшка плачетъ
Слезно по кося:
„Свѣтъ ты, моя русая коса,
Свѣтъ ты, моя дѣвичья красота!
Вечеръ-то мнѣ косыньку дѣвушки плели,
Крупнымъ бѣлымъ жемчугомъ унизывали.
Богъ судья батюшкѣ родимому,
Привелъ ко мнѣ свашушкѣ немилостивую;
Стали мою косыньку рвать метать,
Стали мою русую на двѣ расплетать,
Крупнымъ бѣлымъ жемчугомъ всю разсы-
пати.“

Расплетаютъ невѣстѣ косу, поютъ:

748 (18).

И свѣтъ, моя руса коса,
И свѣтъ, моя дѣвичья красота,
И свѣтъ, моя волюшка!
Государь мой батюшка,
Государыня матушка,
Избыли ли свою немилую?
Избыли ли свою постылую?
Стакарѣли ли съ рукъ желѣза крѣпкия,
Капдалы тяжелыя?
Какъ мнѣ горькой будетъ
Въ чужихъ людяхъ привыкать?
Чужие-то люди, какъ тучи грозныя,

Лѣса темные, звѣри лютые,
Безъ вѣтерцу сушить, крушить,
Безъ солнышка глаза пекутъ;
И будетъ ли мнѣ волюшка въ чужихъ людяхъ,
Какъ у родимаго батюшки
И родной матушки?

749 (19).

Разставалась матушка
На крутомъ сыромъ бережку,
Она сидючи плакала,
Свою дититку кликала:
„Воротись, моя дититка,
Воротись, моя милая,
Забыла ты, дититко,
На стопкѣ золоты ключи *)
На шелковомъ пося!“
— Не забыла, матушка,
Не забыла, сударыня,
Золотыхъ ключей,
А забыла я, матушка,
Волю батюшкину,
Нѣгу матушкину,
Красоту свою дѣвичью.

*) Въ подл. часы; см. ниже.—Ред.

750 (20).

Если невѣста сирота, то при благословении
поютъ: *)

Во горницѣ, горницѣ,
Во столовой свѣтлицѣ
Какъ уже всѣ гости нѣютъ ѣдятъ,
Ужъ и всѣ забавляются;
Однѣмъ гостя нѣтъ, такъ нѣтъ,
Какъ и нѣтъ гости милава, ¹⁾
Моего батюшки родимава ²⁾.
Ужъ вы, дѣвушки-подруженьки,
Вы подите къ Вожьей церкви,
Станьте на камушкѣ,
Ударьте въ большой колоколъ,
Разбудите моего батюшку:
Ужъ и мнѣ его надобно;
Снарядить меня есть кому,
Благословить меня некому,
Ужъ и мнѣ молодой къ вѣнцу ѣхать.

*) Изъ „дѣвичника“ (вечеръ наканунѣ свадьбы).—
Прим. П. В. К. ago.

¹⁾ милова.

²⁾ родимова.—Поправки П. В. К.

751. *)

Не теки, вода, съ горъ по камушкамъ,
 Ой ли, ой люли, съ горъ по камушкамъ,
 Протеки, вода, по новымъ сѣнямъ.
 Ой ли, ой люли, по новымъ сѣнямъ.
 Кто охочъ гулять, тотъ передайся къ намъ;
 Ой ли, ой люли... и проч.¹⁾
 У насъ молодцы есть хорошіе:
 Первый молодецъ есть Петръ сударь,
 Есть Александровичъ,
 Другой молодецъ есть Димитрій,
 Есть Николаевичъ,
 Третій молодецъ есть Иванъ сударь,
 Есть Ивановичъ²⁾.
 Не теки, вода, съ горъ по камушкамъ,
 Протеки, вода, по новымъ сѣнямъ.
 Кто охочъ гулять, тотъ передайся къ намъ;
 У насъ дѣвушки есть хорошія:
 Первая дѣвушка есть Прасковья,
 Есть Михайловна,
 Другая дѣвушка есть Катерина,
 Есть Александровна,
 Третья дѣвушка есть Софья,
 Есть Павловна.
 Что Петръ Александровичъ
 Онъ писать гораздъ,
 Что Димитрій Николаевичъ
 Онъ разобрать гораздъ,
 Что Иванъ Ивановичъ
 Онъ разослать гораздъ.
 Что Прасковья Михайловна
 Тонкопрядица,
 Что Катерина Александровна
 Чистоткальюшка,
 Что Софья Павловна
 Шелковшешка:
 Она шолкомъ шьетъ, точно золотомъ.
 Что Петръ Александровичъ стрѣлять гораздъ,
 Что Димитрій Николаевичъ за утками за
 сѣрыми,
 Что Иванъ Ивановичъ за дѣвушками онъ за
 красными.

*) Запись безграмотная, а—каюшая; правописа-
 ніе установлено П. В. К.—имъ; имъ же вставлены
 имена въ пѣснѣ.—Ред.

¹⁾ П т. д. послѣ каждаго стиха.—Ред.

²⁾ Весь стихъ вставленъ П. В. К.—имъ.—Ред.

752 *).

Для сироты.

Много много у сырова дуба,
 Много вѣтвевъ и повѣтвевъ,
 Много листу зеленого;

Только нѣтъ у сырова дуба
 Золотой верхушечки.
 Много много у невѣсты,
 Много роду-племени;
 Только нѣтъ.....
 Да родимава батюшки,
 А теперь-бы его надобно
 Да и къ этому времени:
 Благословить ея некому;
 Благословилъ чужой батюшка,
 Оплакала чужая матушка.
 Государь ты мой, большой братецъ,
 Ты взойди на колоколенку
 И ударь въ большой колоколъ,
 Разбуди маво батюшку,
 И родную мою матушку.

*) Запись безграмотная; правописание устано-
 влено П. В. К.—имъ.—Ред.

753.

Мимо садикъ тамъ дорожинька
 лижала (3);
 Какъ по той ли по дорожинькѣ
 широкою (3)
 Тамъ ѣхалъ ли да Иванъ сударь
 Съ своимъ большимъ
 съ поѣздомъ (3);
 Онъ шапку снялъ,
 Каниа унялъ (3),
 Привезалъ каниа къ красному
 вишенью (3),
 А самъ панолъ подъ окошничька,
 послушалъ (3).
 Ему нѣчимъ, что кукушенька
 кукуитъ (3),
 Ажно ета малада сваха
 игрантъ (3).
 Куковала тамъ кукушничка
 за селомъ (3),
 Да плакала да п Марьюшка
 за сталомъ (3):
 „Уставай жи ты, мой батюшка,
 раненька (3),
 Поливай же ты да и мятушку
 частенька (3),
 Да и утренній, вичернію
 зарею (3),
 А послѣ таво горючею
 слезою.

754.

Зоренька, заря-ль моя,
 Зоренька вечерняя,
 Ай лёль, ай лёшиньки, зоренька вечерняя*).

Солнышко восхоже,
Высоко восходило,
Далеко освѣтило
Черезъ чистое поле,
Черезъ синее море,
Черезъ быструю рѣчку;
Лежала тутъ дощечка
Дощечка кленовая,
И тонкая, и гибкая.
Никто тутъ не хаживалъ,
Никого не важивалъ.
Не знай, кто-то переходитъ;
Не знай, кого переводить,
Переведши, сталъ цѣловати,
Цѣловавши, сталъ говорити:
„Ты кто таковъ, сердце мое?“
— Самъ догадайся, свѣтикъ мой!
Ты меня состарила,
Безъ ума оставила.—
„Подарю дружка платочкомъ:
Платочекъ алешенекъ,
Мой милой милѣшенекъ.“

*) Припѣвка повторяется за каждой строкой.—
Прим. собир.

755.

Завивался хмѣлюшка
Черезъ тынъ на улицу
Во мой во зеленый садъ;
Во этомъ во садикѣ
Приволье хорошее,
Раздолье широкое.
По этому по раздолью
Гулялъ добрый молодецъ,
Ни весель, ни радощь.
Увидала матушка
Изъ терема изъ высокаго,
Со крыльца широкаго:
„Дитя мое, дитятко!
Что не весель ходишь ты,
Не весель, не радощень?“
— Родимая матушка,
Къ чему жъ веселиться мнѣ?
Всѣ мой, всѣ товарищи
Всѣ поженѣные,
А я, добрый молодецъ,
Холость, не женатъ хожу.—
„Поди, мое дитятко,
На широкую улицу,
Зайди, моё дитятко,
Зайди въ хороводъ къ дѣвкамъ;
Выбирай, мое дитятко,
Котору ни лучшую,

Возьми дочь боярскую.“
— Боярская дочь въ полѣ не работница,
Въ домѣ не заботница;
Моимъ бѣлымъ ручишкамъ
Нѣту перемѣнушки.

756.

Не разливайся, мой тихій Дунай,
Не заливай зеленые дуга:
На тѣхъ дугахъ есть ковыль-трава,
Во той во травушкѣ есть бѣлый олень—золо-
Мимо ѣхалъ добрый молодецъ, [тые рога.
Онъ стегнулъ оленя плѣточкою.
— Не стегай, сударь, плѣточкою,
Не въ кое время гождусь я тебѣ:
Будешь жениться, на свадьбу приду,
Всѣхъ твоихъ гостей развеселю.
Стану я, олень, среди двора,
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу.

757.

Не разливайся, мой тихой Дунай,
Не пуцай ручья въ чистое поле;
Въ чистомъ полѣ кавыль трава,
Въ той во травушкѣ бѣлая алень,
Бѣлая алень—залатыя рага.
Тама-тутъ ѣхалъ (имя) государь,
Стебнулъ аленюшку плетачкою.
Что згаварить ему бѣлая алень,
Что згаварить залатыя рага:
„Не стебай меня, (имя) государь,
Не стебай меня.
Въ нѣкая время гождусь я тебѣ:
Станишь жениться, я на сватьбу приду,
Залатыми рагами весь дворъ асвѣчу,
Всѣхъ я твоихъ гостей развеселю,
Больше я всѣхъ да (имя) твою,
Больше я всѣхъ (отчество невѣсты),
Чтобы (имя) не плакала,
Не слезила бы бѣлава лица,
Не надрывала бы сваго живата.

758 *).

Атставала лебедушка прочь отъ стада лебе-
динава,
Приставала лебедушка ка стаду, кы сѣрымъ
Какъ начнутъ гуси клевати, [гусямъ;
лебедушка кричати:
„Не щипите, гуси сѣрымъ,
Не щипите, китайскіи!
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Не сваю ахотою,

Занесло меня ненаподою,
Ненаподаю—сильнымъ даждемъ.“

А какъ по саду, садику,
По зеленомъ винограднику,
Тамъ хадилн все дѣушки,
А за ними милъ дружокъ¹⁾. [ушакъ
Атставала (имя) отъ надругъ, красныхъ дѣ-
Приставала (имя) къ маладымъ-та малодуш-
какъ начнутъ ея журить, бранить: [камъ²⁾.
„Не браните меня, малодушки,
Не браните, пожалуйте!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня добры кони,
Добры кони (ими жениха),
Добры кони (отчество жениха).“

*) Нижегородская? на черновомъ помѣта: „Ка-
велинъ“.—*Ред.*

¹⁾ молодушка.

²⁾ молодкамъ.—*Поправки И. В. К. аго.*

759 *).

(Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединово,
Приставала лебедушка
Къ тому стаду—сѣрымъ гусямъ.
Не всумѣла лебедушка
По гусиному вскрикнути;
Начали еѣ сѣры гуси
Рвать, щипать,
А лебедушка кричать:
„Не щипите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла:
Занесло меня погодой,
Сильнымъ дождемъ осеннимъ.“
Отставала Настасьюшка
Прочь отъ матушки, батюшки,
Прочь отъ роду, отъ племени,
Прочь отъ сестрицъ красныхъ дѣушекъ,
Приставала Настасьюшка
Ко чужому отцу, матери,
Ко чужому роду, племени.
Не умѣла Настасьюшка,
Какъ головушку оправить;
Еѣ стали чужи люди
Журить-бранить,
А Настасьюшка плакать:
„Не журите, люди добрые,
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Не своею волею,
Завезли меня добры кони,
Добры кони Даниловы.

*) Москва? Пѣсня помѣщена вслѣдъ за москов-
кой, см. выше № 267.—*Ред.*

760.

Разлилась, разлетѣлась
По лугамъ вода вольная,
Унесла, улетѣла три коробля:
Первый корабль—съ сундуками коваными,
Второй корабль—съ периною пуховою,
Третій корабль—съ душой красной дѣвицей,
Съ Настасьей Семеновной.
Ворочала еѣ матушка,
Среди двора стоячи:
„Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла ты, дитятко,
Свои золоты ключи
Съ шелковымъ поясомъ,
Съ кольцомъ нозолоченымъ.“
— Не забыла я, матушка,
Свои золоты ключи,
А забыла я, матушка,
Свою волю у батюшки,
А нѣгу у матушки.

761.

На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горой свѣтелочка;
Во свѣтелочкѣ дубовый столъ,
За столомъ сидитъ Настасьюшка.
Пришелъ къ ней батюшка,
Онъ зоветъ къ себѣ домой:
„Ты пойдемъ, свѣтъ Настасья, домой“.
— Ночь темна, не мѣсячна,
Лѣса темны, караулу нѣтъ:
Рѣки быстры, перевоза нѣтъ.—
На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горой свѣтелочка;
Во свѣтелочкѣ дубовый столъ,
За столомъ сидитъ Настасьюшка.
Пришла къ ней матушка,
Она зоветъ къ себѣ домой:
„Ты пойдемъ, свѣтъ Настасья, домой“.
— Ночь темна, не мѣсячна,
Лѣса темны, караулу нѣтъ;
Рѣки быстры, перевозу нѣтъ.—
На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горой свѣтелочка;
Во свѣтелочкѣ дубовый столъ,
За столомъ сидитъ Настасьюшка.
Пришелъ къ ней Данила Микитѣвичъ,
Онъ зоветъ къ себѣ домой:
„Ты пойдемъ, свѣтъ Настасья, домой“.
— Ноги видны, мѣсячный,
Лѣса темны, караулы есть,
Рѣки быстры, перевозки есть.

762 *).

Когда ждуть жениха передъ свадьбою.

Свѣти, свѣти, мѣсяцъ,
Середь Москвы,
А ты, красно солнце,
Въ Новѣгородѣ!
— Какъ же мнѣ мѣсяцу
Не свѣтлому быть?
Богъ далъ солнушко.
Весель ты, весель, Данила господинъ!
— Какъ-же мнѣ не веселому быть?
Богъ даровалъ мнѣ суженую,
Суженую, ряженую,
Браную, сговореную,
Настасью Семеновну.

*) Москва? См. выше № 759.—Ред.

763.

Долго-то, долго вечеромъ,
Близко къ ночи, ко полуночи,
Долго-то, долго соколъ не летить:
Знать, соколъ за лѣса залетѣлъ,
Знать-то, ясенъ за темные.
Долго-то, долго Данила не ѣдетъ:
Знать-то, Данила въ бесѣдѣ сидитъ,
Пьетъ и ѣстъ, прохлаждается,
Своей Настасьей похваляется.
Вотъ ѣдетъ Данила сударь,
Самъ на конѣ—что соколъ на рукѣ.
Хвостъ на конѣ—что лютая змѣя,
Грива на конѣ—кольцомъ сведена.
Стукнулъ, брякнулъ коньцемъ въ ворота:
„Дома-ли, дома Настасья моя?
Ежели она спитъ, не будите её,
Ежели сидитъ, не пугайте её,
Или на балу, позовите ко двору,
Или въ саду, самъ къ ней пойду,
Самъ къ ней пойду, за руку поведу.“
— Право, сударь, во всю ночь не спала:
Шила коверъ твоему, сударь, коню,
Твоему коню на всю красоту,
А себѣ, мой другъ, па честь и хвалу.

764.

Да леталъ соколъ
По поднибзью (sic) ясмень
И искалъ соколъ
Стадо галичье,
Нашолъ соколъ
Стадо галичье.

Усѣ галушки
Разлетались,
Одна галушка
Оставалася;
Онъ поймалъ ее
За правое крылушко.
Попрасилася черна галушка
На волю:
„Ты пусти меня, ясмень соколъ,
На волю.“
Ѣздилъ Данила
По инымъ городамъ,
Искалъ Данила
Короводъ дѣвокъ,
Короводъ красныхъ,
Онъ нашелъ себѣ
Короводъ дѣвокъ,
Короводъ красныхъ.
Усѣ дѣвушки
Разбѣжались,
Одна дѣвушка
Оставалася;
Онъ взялъ ее
За правую рученьку.
Просилася она у него
На волюшку:
„Ты пусти меня, Данила,
На волюшку.“

765.

Во Москвѣ было во городѣ,
Во палатѣ бѣлокаменной,
Что на стулѣ на ремечастомъ*),
Противъ зеркала нѣмецкаго,
Что сидѣлъ тутъ добрый молодецъ,
Николай да свѣтъ Ивановичъ;
Онъ чесалъ свои кудри русыя,
Чесалъ ихъ, да приговаривалъ:
„Привыкайте вы, кудри русыя,
Къ моему-то лицу къ бѣлому,
Къ моему лицу румяному.
Привыкай-ка ты, красна дѣвица,
Къ моему уму-разуму,
Ко обычаю молодецкому.“
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица:
— Ужъ какъ я да не твоя, сударь:
Я родимаго батюшки
И родимыя матушки.

*) рѣшетчатомъ.—Попр. П. В. К.

766.

Надъ рѣкою надъ Ёрданомъ,
Тутъ стояло древо кипарисное;

Что на томъ на древѣ кипарисномъ
Сидѣла птица вѣщевая,
Вѣщевая птица, соловейко;
Она славилась славу не малую,
Не малую славу, великую:
Всеволоду Петровичу быть воеводой,
Что носить ему шубу соболью,
На шубѣ плащи золотые.
На плащичкахъ—звѣри лютые.
Во дворѣ—слуги молодые.
Что Литва ко берегу приставала:
„Ужъ вы гой, еси, слуги молодые!
Ужъ вы гряньте-ко поскорѣ,
Этта*) надо Литву порубити,
Честь, хвалу молодцу получить.“

*) Въмѣсто: здѣсь.—Прим. собир.

767.

Кто у насъ, братцы, холостъ, не женатъ?
Дѣтнушка у насъ холостъ, молодинькой не
Ай ляй люли. [женать,
Молодинькей у насъ не женатъ,
Подговаривать дѣвокъ гораздъ.
Подговаривалъ душу дѣвченку,
Подговаривалъ душу красотку:
Ай ляй люли.

„Ты пойдемъ-ка, дѣвка, съ нами, съ молод-
Жить на нашу старану; [цами,
Какъ на нашей на старонкѣ
Житье очень больна харашо:
У насъ дома—круты горы,
Въ горахъ камушки драгіе,
Текутъ рѣки медовыя,
Плывутъ судны золотыя,
Какъ на беришку кустъ малины.“
— Не абманивай душу дѣвчонку,
Не абманивай душу красотку:
Я сама дѣвка не дура,
Дворянская натура.
Я сама дѣвка знаю,
Я сама вѣдаю пра все:
У васъ дома—круты горы,
Въ горахъ камушки прастые,
Текутъ рѣки воденыя,
Плывутъ судны деръвенныя;
Какъ на беришку стоитъ
Кустъ калины,
Въ калинѣ варобы трещать.

768.

Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!

Какъ на друженькѣ кафтанъ
Голубой, парчавой,
Какъ на друженькѣ штаны
Черны бархатные,
Какъ на друженькѣ чулки
Бѣлы шелковые,
Смазные башмаки,
Пряжки съ искорками,
Вонь повыскакали.
Какъ на шейкѣ-то платокъ,
Будто аленькой цвѣтокъ,
Во карманѣ-то другой,
Италіанской голубой.
Дружинька хорошенькой,
Дружинька пригожинькой!

769 *).

Долга-та, долга саколъ не летить,
Долга-та, долга ясенъ не летить.
Долго-ти, долга жениха не ждать:
Вонъ онъ ѣдитъ (имя) государь,
Вотъ онъ ѣдитъ (отчество).
Конь подъ нимъ черной вараной,
Грива у каня калесомъ завита,
А хвостъ у каня—что лютая змѣя.
Самъ на канѣ—какъ саколъ на рукѣ.
По сторону пятьдесятъ человекъ,
По другую еще пятьдесятъ,
Впереди его еще больше таго:
„Слуги мои, слуги вѣрные!
Если ли каво мнѣ къ невѣсти послать?
Если она спитъ, не будите ее,
Если сидитъ, не пугайте ея,
Если въ саду, то я самъ къ ней пойду,
Самъ къ ней пойду, я за ручку возьму,
За ручку возьму, я за правую,
За перстни возьму я бриліантовые.“
— Я, милый другъ, ва всю ночь не спала:
Твоему каню чепракъ вышила,
Узду вынизала,
Твоему каню на всю красоту,
А тебѣ..... на честь, на хвалу.

*) Нижегородская? см. № 758.—Ред.

770.

Ужъ какъ по мосту, мосточку,
По калинову мосточку
Шли души красны дѣвицы,
Двѣ названныя сестрицы:
Въ рукахъ несли фонаречикъ,
Въ фонаречкѣ уголичикъ;
Уронили уголичикъ

Сквозь калиновой мосточикъ;
Вѣтерочикъ повѣваетъ,
Уголечикъ раздуваетъ.
Горить, горить калинъ мосточикъ,
Горить, горить, выгораеъ.
У старова сердце ноетъ,
Ноетъ, ноетъ, запываетъ
По душѣ красной дѣвицѣ,
По названной по сестрицѣ:
„Ты душа, красна дѣвица,
Выйди, выйди на крылечко,
Взвесели мое сердечко!“
— И я рада бѣ къ тебѣ вышла,
Да у батюшки сосѣды,
А у матушки есть гости,
У мила брата подъячи,
У меня молодой подружки.

771.

Шла молода,
Шла молода
Изъ-за лѣсу темнаго,
Видѣла,
Видѣла
Черную смородину:
Вызрѣла,
Вызрѣла
Черная смородина.
Вызнала,
Вызнала
Да люта свекра-батюшку:
То-то лють,
То-то лють
Да и свекоръ батюшка;
То-то люта,
То-то люта
Да люта свекровь матушка.

772.

Вѣнули (2) вѣтры по чистому полю,
Пролила (2) слезы по бѣлому лицу.
Я ли молода (2) сиротою жила,
Сиротою жила, думала одна:
Какъ-то мнѣ жить на чужой сторонѣ?
Какъ назвать свекра батюшкой?
Какъ назвать свекровь матушкою?
Отъ горя-горя свекоръ—батюшко,
Отъ тоски, отъ печали свекровь—матушка.

773.

Перевейся, хмѣлюшка,
Черезъ тынъ на улицу

Во мой во зеленый садъ:
Во моемъ во садикѣ
Приволье хорошее,
Раздолье широкое.
Ходилъ, гулялъ молодецъ
Не веселъ, не радостенъ,
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку.
Ко красному солнушку.
Увидѣла матушка
Со высокова терема:
„Родимое дитятко,
Что ходишь не весело?
Гуляешь не радостно,
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку?“
— Родимая матушка,
Всѣ друзья, товарищи
Пожились,
А я у васъ, матушка,
Холостъ, не женатъ.

774.

Батюшка родимой,
Матушка родимая,
Батюшка прибеѣдной,
Прикажите хлѣбъ съ хлѣбомъ сложить,
Соль съ солью сыпати,
Воскъ съ воскомъ слипати.
Веселая компаньца,
Гдѣ миленькой пьетъ;
Онъ пьетъ, не пьетъ,
Голубчикъ мой,
За мной молодой плѣтъ.
А я млада, младенька,
Замѣшкала,ся,
Въ высокомъ новомъ теремѣ
Засидѣлася,
Соловьишковыхъ пѣсенокъ заслушалася.
Соловьишко вдоль берегу похаживаетъ,
Не лиловый листъ, травинушку ощищываетъ,
Холодной ключевой водой захлѣбываетъ.
За рѣченькой за быстрой
Слободка стоитъ,
Не малая слободушка—
Четыре двора;
На всякомъ подворьицѣ
Четыре кумы:
„Вы кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитесь, дружитесь,
Любите меня.
Вы пойдете въ зеленый садъ,
Возмите меня.

Сорвете по цвѣтику,
Сорвите и мѣ;,
Сплетете по вѣнчику,
Сплетите и мѣ.
Пойдете на Касть-рѣку,
Возмите меня.
Бросите вѣнки на воду,
Бросьте и мои.
Всѣ вѣнки на верхъ воды,
А мой потонуть.
Всѣ дружки изъ Москвы пришли,
А мой не бывалъ,
Всѣ дружки женилися,
А мой холостой.
Прислалъ письмо не радостное—
Остался зимовать.
Не ты меня, не я тебя
Не станемъ любить,
Не ты ко мѣ, не я къ тебѣ
Не будемъ ходить.

775.

Слушайте, прислушайте
Православные христіане!
Батюшка и матушка,
Благословляйте князя молодого
На коня садиться,
Въ путь дорожку пуститься.
[Къ] княгинѣ молодой
Прійдетъ: „Здравствуйте,
Сватушка и сваханька молодой,
Сватушка и сваханька, благословляйте,
Князя молодого
Въ домъ взойти,
Къ невѣстѣ подойти,
Съ молодой невѣстой поздороваться.“
Батюшка и матушка,
Благословляйте князя молодого
На подклеть вести
Подъ шубкой спать,
Подъ куньей спать,
Прорубку прорубить,
Коня напоить.
Малыя ребята,
Косыя заплаты,
Изъ кутн по лавкѣ,
Вдоль по скамейкѣ,
По полу валяться,
Подъ лавкамъ ломаться,
Благословляйте князя молодого,
На подклеть вести,
За хохоль трясти,
Подъ шубкой спать,
Подъ куньей спать,

Прорубку прорубить,
Коня напоить.
Красныя дѣвицы,
Пирожныя мастерицы,
Горшечныя пагубницы,
У матери сметану воровали,
Колобья мѣсили,
Дружей кормили,
Подъ навозъ хоронили,
Благословляйте князя молодого,
На подклеть вести,
За хохоль трясти.
Тетушки Федоры,
Обитые хвосты,
Благословляйте князя молодого
На подклеть вести,
За хохоль трясти,
Подъ шубкой спать,
Подъ куньей спать,
Прорубку прорубить,
Коня напоить,
Ковра поправить,
Коня погладить.
И Христось воскресе!
Принимайте господь (?) поѣзжанъ
За хлѣбъ, за соль.
Какъ дружка, такъ и всѣ.

776.

Какъ расплакалась,
Передъ батюшкомъ стоячи:
„Ты кормилецъ, мой батюшко,
Ты на что, на что пиво варишь?
Ты на что, на что вино берѣшь?“
— Родимое мое дитятко,
Мы хотимъ тебя замужъ отдать,
Хотимъ поѣзжанъ кормить,
Твоего большаго барина.—
(Имя невѣсты) раскачалась,
Какъ грушица, (имя),
Передъ матушкой своей:
„Ты родимая моя матушка,
На что, на что дары кроишь?“
— Ты родимое мое дитятко!
Мы хотимъ поѣзжанъ дарить,
Твоего большаго барина.

777.

Не во трубушку трубятъ рано по зарѣ,—
Татьяна плачетъ по русой косѣ:
Ай люли....
„Ахъ свѣтъ, моя косушка, коса русая,
Ахъ свѣтъ, моя ленточка, лента алая!

Вечерь-то мнѣ дѣвушки косушку плели,
Подружки сестрицы ленту вилили;
По утру сваха стала косу расплетать,
Стала мою ленту выплетать,
Вложила ленточку на тарелочку,
Понесла ленточку на высокъ теремъ,
Поставила на дубовый столъ.
Красуйтесь, дѣвушки, моей ленточкой,
Моя-то вѣдь ленточка алая была,
Мое-то вѣдь времячко миновалася,
Сы младыми молодками я поравнялася,
Сы красными съ дѣвушки поразсталася.“

778.

Вылеталъ сизый голубь
Изъ своей голубни,
Прилеталъ сизой голубь
Въ чужую голубню.
Передъ нимъ голубушка
Стала ворковати:
„Ужъ и гдѣ жъ сиза голубя,
Гдѣ же посадити?
Посажу я голубя
На свою голубню,
Накормлю я голубя
Ярою пшеницей,
Напою я сизаго
Ключевой водицей“.
Пріѣзжалъ (имя)
Изъ иной губернии ¹⁾;
Передъ нимъ (имя невѣсты)
Стала говорить ²⁾:
„Ужъ и гдѣ же,
Гдѣ же посадити?
Посажу я
Во свой высокъ теремъ,
Накормлю (имя)
Сладкими конфектами,
Напою (имя)
Дорогими винами ³⁾“.

¹⁾ губерніи.—*Попр. II. В. К.*

²⁾ говорить.—*Попр. II. В. К.*

³⁾ Далѣе еще три стиха:

Вдарюсь я объ мать сыру землю:
„Мать сыра земля, разступися,
Милой мой, назадъ воротися“.

Относится къ другой пѣснѣ.—*Примѣч. II. II. Якушкина.*

779.

Ой, заря ль, моя зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Солнушко восхоее,

Высоко восходило,
Далеко освѣтило.
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море,
Черезъ рѣчку быстрюю.
Тутъ лежала жордочка
И тонка, и быстрая;
Вотъ по этой жордочкѣ
Что никто не хаживалъ,
Никого не важивалъ.
Перешелъ дѣтинушка
Перевелъ дѣвчинушку;
Перевеми дѣвчину,
Онъ сталъ выпрашивать,
Изъ ума вываживать:
„Цвѣтъ мой, ты чей такой?“
— Радость моя, ты самъ догадайся!

780.

Леталъ голубъ, ворковалъ, ко терему при-
Принадеть къ окну слушати, [подавъ,
Что въ теремѣ говорятъ
Иванушка со женой,
Ивановичъ со душой:
„Жена ль моя, жёнушка,
Хорошая барыня,
Прасковья Ивановна,
Роди дочку камочку,
Умомъ разумомъ въ меня,
Бѣлымъ личикомъ въ себя,
Походка павлиная,
А рѣчь лебединая.“

781.

Поѣхалъ Иванъ воевати,
На добромъ конѣ, на собакѣ;
Шубенька жеребячья,
А ожерельцо поросячье.
Шубенка взоржала,
А ожерельцо захрючала.
А что у тебя, Иванъ,
Голова-то копыломъ,
А рожа-то пряслицею?

782.

Камочка мелкотравчатая, узорчатая,
Не давайся развертываться,
Ни атласу, ни бархату,
Ни штофу на золотѣ.
А штофушка волю взялъ:
Камочку развернулъ,
Всѣ узоры повыглядѣлъ,

Всѣ узоры узорчаты,
Вся камка мелкотравчата.
Ты, Дуняша, душа не давайся
Выглядываться ни князю, ни барину,
Ни тому сыну гостинному.
Гостинный волю взялъ:
Высокъ теремъ растворилъ,
Занавѣсочку распахнулъ,
Шелкову фату приподнялъ,
Дуняшеньку выглядѣлъ:
„Хороша моя сужена,
Бѣлымъ личикомъ бѣлехонька,
Черны брови чернова соболя,
Ясны очи яснава сокола.“

783.

Шло, шло солнышко позади облака,
Шедши оно закатилось.
Шла, шла Дуняша душа
Позади стола,
Бросила ключъ на дубовый столъ:
„Вотъ тебѣ, батюшка, золотъ ключъ,
Я тебѣ, батюшка, не клюшница,
Я тебѣ, матушка, не ларешница,
Клюшница, ларешница чужому батюшкѣ“.

784.

Гибкое деревцо черемушка,
Нѣтъ гибче во всемъ саду.
Умное дѣтятко Иванъ государь,
Нѣтъ умнѣе во всемъ поѣздѣ.
Залетѣла вольна пташечка
Ко соловьюшку во клѣточку,
За золотую за сѣточку,
На серебряну наместочку,
Охо-хо, тошнехонько у соловьюшка во клѣ-
За золотой за сѣточкой, [точкѣ,
На серебряной наместочкѣ,
Безъ воды, воды студения,
Безъ травы, травы шелковья,
Безъ вольныхъ пташечекъ.
Заходила же Дуняшенька
Ко Иванушкѣ во горницу;
Зашедши, стосковалася:
„Охо-хо, тошнехонько у Иванушки въ гор-
Безъ красныхъ безъ дѣвчушекъ, [ницѣ
Безъ милыхъ подруженекъ,
Безъ матушки, безъ батюшки,
Безъ всево ли роду, племени.

785.

Не было вѣтру, вдругъ навянуло,
Не было гостей, вдругъ нагрязнуло:

Полны сараи золотыхъ каретъ,
Полонъ дворъ вороныхъ коней,
Полны сѣни и князей и бояръ;
Подломили сѣни новыя,
Золоту чару раступили.
Растужилася, расплакалася
Параша душа:
„Свѣтъ вы, мои сѣни новыя,
Свѣтъ ты, моя золота чара!“
Тѣшить ее Иванъ государь:
— Ты не плачь, Параша душа,
Сѣни новы переставить велю,
А золоту чару перелить велю,
Мѣсто соловья я тебя самъ разбужу.

786.

Вы сборы, сборы Дуняшины!
Собирала своихъ подругъ
За свой столъ,
Сажала подругъ высоко,
А сама садилась выше всѣхъ;
Клонила голову ниже всѣхъ,
Думала думу крѣпче всѣхъ:
„Подружки, мои голубки,
Придумайте вы, пригадайте,
Какъ мнѣ пройти будетъ по горницѣ,
Какъ мнѣ будетъ назвать
Свекра батюшкой, люту свекровь матушкой?
Убавлю я спѣсп-гордости,
Прибавлю я уму-разуму,
Назову свекра батюшкой,
Люту свекровь матушкой“.

787.

Летѣлъ соловей изъ зеленыхъ лѣзей,
Сѣлъ соловей у крыльца на столбѣ;
Сталь свистать, высвистывать,
Сталь говорить, выговаривать;
Хвалилъ жену калаверскую,
Хвалилъ жену Иванову:
„То-та хороша Прасковья душа!
Она пива не пьетъ, вина въ ротъ не берѣтъ,
Только пьетъ, кушаетъ одинъ сладкой медъ,
Что изъ холоду, помалѣхоньку“.

788.

Всѣ раи отворялися,
Золоты замки отмыкалися,
Буйны вѣтры подымалися,
А я млада испугалася,
Стала вѣтрамъ поклонятися:
„Ахъ вы, вѣтры мои буйныя,

Разнесите мать сыру землю,
Вы раскройте гробову доску,
Гробову доску, дубовую,
Разверните бѣль тонкій саванъ,
Разбудите родну матушку“.
Ужъ ты встань, проснись, моя матушка,
Благослови меня горькую!
Какъ промолвила мнѣ моя матушка:
— Охъ, дитятко мое милое,
Глупое, неразумное!
Ужъ я рада бѣ благословила тебя:
У меня ноги подгибаются,
Бѣлы руки опускаются,
Съ плечъ головунка скатилася,
Очи ясныя закрылися,
Уста кровью запеклись давно.

789.

Какъ у сырова дуба
Много вѣтвей, много отростей,
Отростей да вершиночка;
Еще нѣтъ одной отрасли,
Одной отрасли—родной матушки,
Родной матушки, Татьяны Ивановны.
Тутъ вьется, увивается
Катерина надъ гробницею,
Горючими слезьми заливается,
Надъ родимой своей матушкой:
„Ужъ ты встань, проснись, моя матушка,
Благослови меня, горемышную,
Ко суду Божью ѣхати,
Законъ Божій принять,
Подъ златымъ вѣнцомъ стояти
Со дороднымъ добрымъ молодцомъ,
Со дружкой моимъ милымъ.
Какъ мнѣ будетъ разставаться
Со отцемъ, съ матерью?“

790.

Изъ бору, бору
Изъ зеленова
Шумѣла, гремѣла
Быстрая рѣчка;
По той, по той рѣченькѣ
Калина, малина,
Калина, малина,
Калиновый мостикъ;
На томъ на мосточкѣ
Лежитъ мостовина;
На той мостовинѣ
Сидитъ голубина,
Сидитъ голубина,
Рѣзвы ножки моетъ;

Мыла, мыла ноженьки,
Перемывала,
Свои сизы перышки
Перебирала.
Перебравши перешки,
Сама взворковала:
„Завтра поутру
Радость будетъ,
Радость будетъ,
Веселья прибудетъ;
Веселья прибудетъ—
Батюшка будетъ“.
— Не воркуй, не воркуй,
Сиза голубина,
Это мнѣ не радость,
Это—не веселье!—
Изъ бору, бору
Изъ зеленова
Шумѣла, гремѣла
Быстрая рѣчка;
По той, по той рѣченькѣ
Калина, малина,
Калина, малина,
Калиновый мостикъ;
На томъ на мосточкѣ
Лежитъ мостовина;
На той мостовинѣ
Сидитъ голубина,
Сидитъ голубина,
Рѣзвы ножки моетъ;
Мыла, мыла ноженьки,
Перемывала,
Свои сизы перышки
Перебирала;
Перебравши перышки,
Сама взворковала:
„Завтра по утру
Радость будетъ,
Радость будетъ,
Веселья прибудетъ;
Веселья прибудетъ—
Матушка будетъ“.
— Не воркуй, не воркуй,
Сиза голубина,
Это мнѣ не радость,
Это—не веселье!—
Изъ бору, бору
Изъ зеленова
Шумѣла, гремѣла
Быстрая рѣчка;
По той, по той рѣченькѣ
Калина, малина,
Калина, малина,
Калиновый мостикъ;
На томъ на мосточкѣ

Лежить мостовина;
На той мостовинѣ
Сидить голубина,
Сидить голубина,
Рѣзвы ножки моетъ;
Мыла, мыла ноженъки,
Перемывала,
Свои сизы перышки
Перебирала,
Перебравши перышки,
Сама взворковала:
„Завтра поутру
Радость будетъ,
Радость будетъ,
Веселья прибудетъ;
Веселья прибудетъ—
Миленькій будетъ“:
— Вотъ это мнѣ радость,
Это мнѣ—веселье!

791.

Кони, вы кони,
Лошади казенны!
Завтра васъ, кони,
Конюхамъ на нужду,
Боярамъ на службу.
Пойте ихъ, кормите,
Сѣна валите,
Сѣна до колѣна,
Овса до щетки.

792.

Какъ сказали Татьянушкѣ,
Что Иванъ то грозенъ, грозенъ;
Онъ грозенъ, сударь, немилостивъ:
Какъ подѣхалъ онъ къ широкому двору,
Какъ ударилъ онъ копьемъ въ ворота:
„Дома ль тещъ иль хотя тещинъка?
Дома ли Татьяна Ивановна?
Если въ гостяхъ, не зовите ее,
Коли спитъ, не будите ее!“
Услыхала Татьянушка душа,
Побѣжала по новымъ по сѣнямъ:
„Вы, дѣвушки, подружки мои,
Вы берите золоты мои ключи,
Отпирайте полужонны замки,
Вынимайте дорогое вы сукно;
Ужъ вы выкроите Ивану то сертукъ,
Чтобъ не длинень, не коротокъ былъ:
Кы бѣлымъ ногамъ разтрубиствый,
Къ ретиву сердцу прижимистый!“

793.

По улицѣ, улицѣ,
По широкой улицѣ
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Молодчикъ молоденькій,
Повѣсивъ головушку
На правую сторонку.
Увидала матушка
Изъ высока тѣрема:
„Дитя ль мое, дитятко,
Дитя ль мое милое!
Что ходишь не весело,
Гуляешь не радостно,
Склонивши головушку
На правое плечико?“
— Сударыня матушка!
Чему жъ быть веселому?
Друзья, братья женятся,
А я не женатъ хожу.—
„Женись, мое дитятко,
Женись, мое милое!
Возьми себѣ, дитятко,
У барина дочерю
Сы няньками, съ мамками,
Со слугами, съ крестьянками.“
— Сударыня матушка,
Она мнѣ не ровнюшка!
Возьмемъ, возьмемъ, матушка,
Купеческую дочку,
Ровнюшку, ровесницу
И въ домъ совѣтнику!

794.

По садику, садику,
По зеленому виноградику
Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ,
Иванъ, сударь, Николаевичъ.
Онъ чесалъ кудри русыя,
Чесалъ, приговаривалъ:
„Прилегайте, кудри русыя,
Къ моему лицу бѣлому,
Къ бѣлому, румяному.
Привыкай, душа, Танюшка,
Къ моему уму-разуму,
Что къ обычью молодецкому“.
Какъ и мнѣ ли красной дѣвушкѣ
За досаду показалось,
Привыкать было не хотѣлось.
А ужъ, знать-то, привыкать будетъ,
Сѣси-гордости убавити,
Ума-разума прибавити,
Держать голову поклонною,
Ретиво сердце покорнымъ.

Назову я свекра батюшкой,
А свекровь мою матушкой,
А золовущекъ по имени,
А деверьевъ по отчеству,
А Ивану скажу: „Милый другъ!“

795.

Какъ подь кустикомъ олень,
Подь ракитовымъ олень;
Тепло ли ти, олень?
Студено ли, молодой?
— Ни мнѣ тепло,
Ни мнѣ холодно.—
Выбирай себѣ, олень,
Выбирай, молодой,
Что котора ти любя,
Что котора хороша?
— Мнѣ Наталья любя,
Мнѣ Андреевна хороша,
Хорошенька у батюшки
Снаряженная,
Набѣленная,
Нарумяненная
И крупнымъ жемчугомъ приунизанная.

796.

Соколы, вы соколы!
Далеко ль вы летали?
— Мы летали, летали
Со моря на море.—
Что же вы, соколы,
Тамъ видѣли, слышали?
— Мы видѣли, слышали
Сбрую утку на заводѣ.—
Что жъ вы ее не взяли?
— Хоша мы и не взяли,
Горячу кровь пролили,
Сизѣ перье расшибли.—
Молодцы, вы, молодцы,
Далеко ль вы ѣздили?
— Мы ѣздили, ѣздили
Съ города на городъ.—
Что же вы, молодцы,
Тамъ видѣли, слышали?
— Мы видѣли, слышали
Красну дѣвку во теремѣ.—
Что жъ вы ее не взяли?
— Хоша мы и не взяли,
Горючи слезы пролили,
Русу косу расплели,
По рукамъ мы ударили,
Шелковы дары приняли.

797.

Разгорѣлася калинка,
Передъ зарей стоючи,
А тушилъ вѣтрочекъ,
Не утушилъ:
Я жъ тебя, калинка, не утушу,
Больше искорья ¹⁾ разнесу.
А утушить не утушить
Дробный дождикъ.
Расплакалася калинка,
Передъ мамухной стоючи.
Я жъ тебя, калинка, не уйму,
Больше жалости придаю,
А унимить, унимить
Андрейка,
Унимить серденько
Канчужкомъ ²⁾,
А утреть слезыньки
Ручничкомъ ³⁾.

¹⁾ искры.

²⁾ плетью, польск. kańczuk.

³⁾ полотенцомъ, польск. ręcznik.— *Прик.с. собир.*

798.

Негдѣ, негдѣ мнѣ съ Тимошей посидѣть,
Негдѣ, негдѣ да съ Петровичемъ,
Нельзя, нельзя тайной рѣчи говорить,
Говорить рѣчи, возлѣ его сидѣть;
Возлѣ сидѣть, что огонущекъ горить,
Слово молвить, что рублевичкомъ дарить.
Въ моемъ лицѣ различная красота,
Тимофею великая сухота.
На красу-то люди зарятся,
И зарятся, выхваляются.
Съ красотою мнѣ не вѣкъ вѣковать,
Съ красотою можно всякаго любить,
Да всякаго Тимофея молодца,
Да всякаго да Петровича.
Со востока буенъ вѣтеръ повѣвалъ,
Онъ широкія ворота растворялъ:
Ворота были не залпеты,
Подворотенка не вложена была.
„Дома-ль вѣрная, любезная моя?“
Душа красная дѣвица
Выходила за новыя ворота,
Сустрѣчала Тимофея молодца,
Сустрѣчала да Петровича:
„Ты зайди, зайди, Тимошинька ^{*}) дружокъ,
Да зайди, зайди, лазоревый цвѣтокъ!
Я завтра тебя рано провожу.
У соборѣ то къ заутрени звонять,
Про насъ съ тобой усѣ люди говорятъ,

Усе люди, красны дѣвушки,
Молодыя молодушки.“
Пойду млада во зеленый садъ гулять,
Спрошу, спрошу молодого соловья:
„Ты скажи, скажи, соловушка молодой,
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?“
— Уся воля краснымъ дѣвушкамъ,
А молодушкамъ мужа не велятъ;
У молодушки три заботушки:
Какъ и первая заботушка—
Кронотливая свекровьюшка,
А другая заботушка—
Мужъ, удалая головушка,
А вотъ третья заботушка—
Малы дѣти неугомонливыя.

*) Попр. П. В. К.—Тимошичка.

799.

Во садикѣ*), во саду,
Во зеленомъ ли саду
Тамъ стояла короватъ,
Кровать нова, тесовая,
Перинушка пуховая,
Вызголовья высокія,
Одѣяло соболино
Всю постелю сокрасило.
На той на кровати
Удалый молодецъ,
Да свѣтъ Петрушка купецъ;
Возлѣ, возлѣ его
Всѣ товарищи его;
Они будятъ его,
Пробуждаютъ его:
„Встань, проснись,
Удалый молодецъ,
Да свѣтъ Петрушка купецъ!
Какъ и твой-то корабль
Сы товарами уплылъ,
Съ твоей суженою,
Съ твоей ряженою.“
— У меня ли, молодца,
Есть два коня вороныхъ,
Двѣ коляски кованныхъ;
Я коника заложу,
Впередъ ее забѣгу,
Я сужену ворочу:
— Воротись, моя суженая,
Оглянись, сыряженная!
У меня ли, молодца,
Молодецкая краса,
Молодецкая краса,
По нѣмецки волоса.

*) Попр.: саду ли.—Ред.

800.

По вишеньямъ галушка летала,
Она свои крылушки сбивала,
А сизыя перушки роняла;
По крылушкамъ галушка тужила:
„Охъ, свѣтъ, мои крылушки сизыя,
Охъ, свѣтъ, мои легкія перушки!
Я бы вами лѣтечко летала,
Я бы вами гнѣздушко свивала,
Я бы вами дѣтушекъ водила,
Я бы вами малыхъ бы кормила.“
По горенкѣ Настасьюшка похаживала,
Она свою батюшку будила:
„Проснись, устань, батюшка родимый!
Ты открой оконечко, посмотри,
Откуда свѣтѣль мѣсяцъ узошелъ.“
Свѣтитъ мѣсяцъ на небѣ съ звѣздами,
Петръ, сударь, къ намъ на дворъ съ гостями.
Онъ прежде всѣхъ угорницу узошелъ,
Онъ свою Настасьюшку научалъ:
„Послушай, Настасьюшка, ты меня,
Ужъ я твою батюшки слушался,
Далече шель—шапку спялъ,
Вблизъ подшелъ—въ ноги впалъ.“

801.

На дубу-то, на дубчику,
На дубчику два голубчика сидятъ,
Промежъ себя они рѣчи говорятъ,
Говорили про молодца,
Говорили про холоста,
Алексѣя то Васильевича,
Что богатъ, то богатъ
Алексѣй Васильевичъ свѣтъ;
Онъ умѣетъ по городу ходить,
Полтиною по городу швырять,
Пятаками дорогу устилать,
По червончику въ окошечко бросать,
По пяти рублей дѣвушкамъ давать:
„Ужъ вы, дѣвушки, дѣвки красныя,
Размѣняйτε вы бумажку мнѣ,
Да бумажечку новенькую—
Двадцатипятирублевенькую!“

802.

Бережкомъ около рѣчушки
Шель князь Егорушка
Со князьями, со боярами,
Со своимъ краснымъ поѣздомъ;
По другой по сторонущкѣ
Душа Аленушка
Съ своими боярынями.

Сходилися въ мѣстечко:
Онъ взялъ праву руку
И повелъ въ Вождю церковъ
Получить золотой вѣнецъ.

803.

Не лежи у*)
У крутъ беретѣ!
Не сиди, Савельюшка,
Во бесѣдникѣ:
Сряжай свадебку
Егорову.
— У меня свадебка
Диво суряжена,
Девяти вѣровъ пиво варено,
А десятый варъ зелена вина;
Девять печей пироговъ пекла,
А десятая печь—все курнички.

*) Такъ въ подлинномъ.—Ред.

804.

Батюшка родимой,
Матушка родимая!
Кормили, поили,
Приодѣли, приобули,
На бесѣду посадили.
Благословите теперь,
Гости званые,
Иѣсенку зацѣть,
Князя взвеселить.

805.

Съ васъ ведро вина
Да ушатъ пива,
Да курникъ со стола,
Да малымъ ребятамъ два пирога.
А краснымъ дѣвицамъ пару яицъ
Да шубу съ плечъ.

Д р у ж к о:

Ахъ, вы братцы, молодцы!
Дорого вы просите:
Вотъ вамъ шайка пива,
Про вино не знаю,
Спрашивайте у хозяина.

806.

Красныя дѣвицы,
Пирожныя мастерицы,

Горшечныя пагубницы,
Жѣнушки посивыя *)
Жены подхилыи,
Малые ребята,
Гороховы тати,
Морковныя пагубники,
Пойте пѣсни!

*) сѣсивыя.—Собирагель.

807.

На Егорушкѣ шапочка
Семьсотъ золотничковъ,
Пятьдесятъ подъзорничковъ.
Съѣзжались бояре,
Дивовались шапочкѣ,
Гдѣ ему досталась?
— Не дивуйтесь, бояре!
Самъ царь въ орду ѣздилъ,
За себя царевну бралъ;
Мнѣ шапочка въ даръ пришла
За мою за выслугу,
За походущку частую,
За поклоны за низкіе,
За погляды веселые.

808.

У Пвана Ильича на дворѣ
Частые огни горятъ.
Расплакатась Аленушка,
Приходила къ нему спрашивать:
„Ты къ чему, Ильичъ, пиво варишь?
Къ чему прибираешься?“
— Глупая, неразумная,
Я тебя замужъ даю,
Къ тому пиво варю,
Къ тому прибираюсь.—
„Ты говорилъ: не отдамъ тебя,
Ни за сто, ни за тысячу!“
— Похвалился князь Егорушка:
Я возмю тебя безъ ста, безъ тысячи,
И безъ стольнаго города,
И безъ полка Преображенскаго.

809.

Какъ Егорушка грозенъ,
Онъ грозенъ, грозенъ, да милостивъ;
Прѣѣзжаетъ онъ ко тестеву двору,
Ударилъ коньемъ ворота:
„Дома-ль Аленушка душа?
Когда спать, не будите еѣ!“
Заслышала Аленушка душа,

По новымъ сѣнямъ похаживала,
Каблукѣмъ сѣни проламливала:
„Вы, сестрицы, подруженьки мои,
Вы возьмите мои золотыя ключи,
Отпирайте мои шведскіе замки,
Выньте вы пѣмецкія сукна,
Сшейте вы Егору кафтанъ,
Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
Чтобъ пошире, пораспанистѣй,
Къ ретиву сердцу прижмистѣй.“

810.

Вотъ ни навушка по саду гуляла,
Ни навлиныя перья ронила:
Наталяушка по новымъ сѣнямъ ходила,
Она била, обивала,
На будила, пробуждала
Своего батюшку роднаго:
„Ты устань, проснись,
Проснись, батюшка родимый!
Мнѣ не годъ в' тебе годовати,
Не недѣлюшку гостевати:
Одну ноченьку ночевати,
И тыѣ въ слезахъ не видати.“
Вотъ ни навушка по саду гуляла,
Ни навлиныя перья ронила:
Наталяушка по новымъ сѣнямъ ходила,
Она била, обивала,
На будила, пробуждала
Свою матушку родную:
„Ты устань, проснись,
Проснись, матушка родная!
Мнѣ не годъ в' тебе годовати,
Не недѣлюшку гостевати:
Одну ноченьку ночевати,
И тыѣ въ слезахъ не видати.“

811.

Не солнышко
За лѣсъ закатилось,
Не ясное
За лѣсъ закатилось:
Свѣтъ Дарьюшка
Съ двора съѣзжають,
Свѣтъ Яковлевна
Съ двора съѣзжають.
Вотъ матушка
Еѣ увайманть,
Сударыня
Еѣ увайманть:
„Ты, дитятко,
Почуй, почуй дочку!
О милое,

Почуй хоть другую!“
— О матушка!
Рада бѣ ночевати,
Сударыня,
Рада бѣ ночевати:
Свѣтъ Петрушка
За ручку берется,
Ивановичъ
За бѣлу берется.—
„О дитятко!
Не бойсь, я не выдамъ,
О милое,
Не бойсь, я не выдамъ.“
— О матушка!
На крыльцо выводить,
Сударыня,
На крыльцо выводить.—
„О дитятко!
Не бойсь, я не выдамъ.
О милое,
Не бойсь, я не выдамъ.“
— О матушка!
Въ коляску сажайть,
Сударыня,
Въ коляску сажайть.—
„О дитятко!
Ступай, Богъ съ тобою,
О милое,
Ступай, Богъ съ тобою!“

812.

Вьюнъ на водѣ, вьюнъ на водѣ
Увивается, увивается,
А зять у двора (2)
Убивается:
„А теща моя,
Теща ласковая!
Выдай мнѣ даръ,
Выдай мнѣ даръ вѣковой!“
Вывела
На коня въ сѣдлѣ.
„Это не даръ,
Это не даръ вѣковой!“
Ой, вьюнъ на водѣ
Увивается,
А зять у воротъ
Убивается:
„А теща моя,
Теща ласковая!
Выдай мнѣ даръ,
Выдай даръ вѣковой.“
Вывела
На свѣтъ Дарьюшку,
Вывела

На свѣтъ Яковлеву:
Вотъ тебѣ даръ,
Тебѣ даръ въковой!

813.

Свѣтъ Петровы кони, кони четыре недѣли,
Четыре недѣли, недѣли ни пили, ни ѣли,
Ни пили, ни ѣли, ни ѣли, все свадьбы хотѣли,
Все свадьбы хотѣли, хотѣли, копытами били,
Копытами били, били,—дороженьку чуютъ,
Дороженьку чуютъ, чуютъ къ тестю въ гости ѣхать,
Къ тестю въ гости ѣхать, ѣхать. Кругъ тестева дома,
Кругъ тестева дома, дома все крутыя горы,
Все крутыя горы, горы, все темныя лѣсы,
Все темныя лѣсы, лѣсы; хотъ дорого дати,
Хотъ дорого дати, дати, горы посконати,
Горы, горы посконати, лѣса порубити,
Лѣса, лѣса порубити, мосты помостити,
Мосты, мосты помостити къ тестю въ гости ѣхать.

814.

Во кузеньки кузнечики
Да все молодые,
Оло, ло ло, оло, ло ло, да все молодые,
Куютъ и льютъ подковочки,
Да все золотыя.
Да гдѣ жъ это, да гдѣ жъ это,
Гдѣ золота брати?
А все жъ это молода сваха
Съ рукъ перстни снимала,
Съ рукъ перстни снимала,
Подковки сливала,
На подковочки сливала,
Коней подковала:
„Кузнечики молодые,
Куйте коней крѣпче:
Этимъ конямъ, этимъ конямъ
Въ дороженьку ѣхать.“
Камень гремитъ, подковъ звѣнитъ,
Дубровушка шумитъ;
Люди стоять, дивуются:
Чьи такіе ѣдутъ?

815.

Ни хмѣль ты мой, хмѣлюшка,
Хмѣльное перушко!
Оло ло, оло ло, оло ло, оло ло.

Перевейся, хмѣлинка,
На мою на сторонунку.
Удай добрый молодецъ,
Николай Васильевичъ!
Што ходишь не весело,
Гуляешь не радостно?
— Сударыня матушка!
Чего мнѣ веселымъ быть?
Друзья, братья женятся,
А я одинъ холостъ хожу.—
„Женись, женись, дитятко,
Женись, мое милое,
Возьми, мое дитятко,
Енаральскую дочере
Сы няньками съ мамками,
Со сѣнными дѣвками,
Семьсотъ душъ приданаго.“

816.

Вдарили морозушки
Да розу;
Да въ ладу, въ ладу, да розу.
Заморозили дружку
На коню.
Выходила ранняя сваха
На зарѣ,
Выносила да два штофа
Во рукахъ,
Обогрѣла на друженьку
На коню.
Вдарили морозушки
Да розу;
Заморозили они Петрушку
На коню.
Заморозили ни Ивановича
На ворономъ.
Выходила ли свѣтъ Дарьюшка
На зарѣ,
Выходила ли свѣтъ Яковлевна
Раненько;
Выносила на кунью шубу
На плечохъ (sic),
Обогрѣла на свѣтъ Петрушку
На коню,
Обогрѣла на свѣтъ Ивановича
На ворономъ.

817.

Ой у полѣ свѣтъ Дарьюшка
Яровой ячмень жала,
Оло, ло, ло, ло, яровой ячмень жала.
Ой у полѣ свѣтъ Дарьюшка
По дномъ колосочку.

На ту пору свѣтъ Дарьюшка
Кѹшатъ захотѣла;
На ту пору случилось
Петру мимо ѣхать,
Случилось Ивановичу
На ворономъ коню:
„Богъ на помочъ, свѣтъ Дарьюшка,
Яровой ячмень жавши,
Богъ на помочъ, свѣтъ Яковлевна,
По дномъ колосочку,
По одному, по одному колосочку,
По одному яровому!“
— Не сможешь ли, свѣтъ Петрушка,
У городъ сходити?
Не сможешь ли, Ивановичъ,
Винограду купити?—
„Смогу, смогу, свѣтъ Дарьюшка,
Я въ городъ сходити,
Смогу, смогу, свѣтъ Яковлевна,
Винограду купити;
Смогу, смогу, свѣтъ Дарьюшка,
Тебя накормити;
Смогу, смогу, свѣтъ Яковлевна,
Тебя напоити.“

818.

Взворковалась голубушка,
Въ голубинѣ сидя:
Чѣмъ же мнѣ сиза голубя,
Ой, чѣмъ накормити?
Накормлю сиза голубя
Яровой пшеницей,
Напою сизокрылаго
Холодной водицей.
Столковалась Натальюшка,
Во теремѣ сидя,
Сгрустовалась Михайловна
Подъ краснымъ окошкомъ:
Чѣмъ же мнѣ Василья свѣтъ,
Да чѣмъ накормити?
Чѣмъ же мнѣ свѣтъ Дмитрича
Да чѣмъ напоити?
Накормлю я Васильюшку
Калачами тертыми,
Напою я Дмитрича
Да сладкимъ ли медомъ.
Оло, ло, ло, ло, да сладкимъ ли медомъ!

819.

Хто у насъ, хто у насъ
Да вечеръ въ гостяхъ побывалъ?
Ало, ло, ло, ло! Ало, ло, ло, ло!
Хто у насъ, хто у насъ

Къ воротичкамъ подъѣзжалъ?
Хто у насъ, хто у насъ
За колечушко позвонилъ?
Хто у насъ, хто у насъ
На высокъ теремъ усходилъ?
Хто у насъ, хто у насъ
Дубовы столы становилъ?
Хто у насъ, хто у насъ
Сктерти растилалъ?
Хто у насъ, хто у насъ
Да бутылочки становилъ?
Хто у насъ, хто у насъ
Да по рюмочкѣ подносилъ?
Хвалится, хвалится
Удалой добрый молодецъ,
Хвалится, хвалится
Василій Дмитривичъ:
„Я у васъ, я у васъ
Да вечеръ въ гостяхъ побывалъ,
Я у васъ, я у васъ
Дубовы столы становилъ,
Я у васъ, я у васъ
Сктерти разстилалъ,
Я у васъ, я у васъ
Да бутылочки становилъ,
Я у васъ, я у васъ
Да и дѣвушекъ цаловалъ,
Я у васъ, я у васъ
И дѣвушку къ себѣ взялъ,
Натальюшку къ себѣ взялъ.“

820.

Соловей, соловей,
Отлетная пташечка! (2)
Ало, ло, ло, ло! Ало, ло, ло, ло!
Куда отлетаешь? (2) и т. д.
— Я изъ саду до саду,
До ракитова куста.—
Ты молодецъ, молодецъ,
Удалая головушка!
Куда коня осѣдлалъ?
Куда ворона замѣздалъ?
— Я отъ села до села,
До тестева до двора,
До тещинова терема,
До невѣстниной коморки:
„Изаветушка, отопрись,
Петровна свѣтъ, отворись!“
— Я рада бы отперлась,
Я батюшки боюся,
Подруженекъ стыжуся.—
Соловей, соловей,
Отлетная пташечка!
Куда отлетаешь?

— Я изъ саду до саду,
До ракитова куста.—
Ты молодецъ, молодецъ,
Удалая головушка!
Куда коня осѣдлалъ?
Куда ворона замуздалъ?
— Я отъ села до села,
До тестева до двора,
До тещинова терема,
До невѣстиной коморки:
„Лизаветушка, отопришь,
Петровна свѣтъ, отворишь!“
— Я рада бы отперлась,
Давно тебя, мой другъ, жду.

821.

Не въ трубушку трубятъ
Рано по зарѣ:
Настасьюшка плачетъ
По русой косѣ:
„Свѣтъ ты, моя косынька,
Русая была;
Вечеръ тебя, косынька,
Дѣвушки плѣли,
Поутру ранешенько
Матушка.
Теперь тебя, косынька,
Подружки плетутъ,
Раздѣляютъ тебя косынька
На шесть долей,
Заплетутъ тебя, косынька,
На двѣ косы,
Надѣнутъ на головушку
Крошату камку,
Бабью красоту.“
Не долго вѣночку
На стѣнкѣ висѣть,
Не долго Настасьюшкѣ
Въ дѣвушкахъ сидѣть.
Гордись, гордись, матушка,
Долго не отдавай,
Поколь тебя, матушка,
Зять подарить
Тремя парчами,
Тремя на золоти:
Изъ одного тебѣ куска
Платье сшить,
Другимъ кускомъ
Батюшку дарить,
Третьимъ кускомъ
Сестрицъ подруженекъ.

822.

Охъ, вы гости мои, дорогіе мои!
Охъ, вы бочки мои, вы дубовки мои!

Или вы не полны налиты?
Ты пиво мое, яровое мое!
Или ты не пьяно сварено
Или ты, пиво, не пьяно,
Или я гостямъ не рада?
Я рада всей душой.

823.

Ведутъ Настасьюшку на чужую сторону,
На чужой сторонущкѣ умѣючи дѣвкѣ жить,—
Все покорной дѣвкѣ быть:
Покорной головушкѣ вездѣ любо хорошо,
И старому и малому вѣмъ низкой поклонъ,
Молодымъ молодушкамъ все пониже этого.
Ходилъ, гулялъ Ванюшка вдоль улицъ по
селу,
По зеленомъ саду, по Настинамъ слѣдамъ,
Глядѣлъ, смотрѣлъ Ванюшка на Настюшку
свою:

„У моей у Настюшкѣ походочка частая,
Шубочка новая, опушка бобровая,
Настя чернобровая.“

824.

Растопися, банюшка,
Растопися, каменка!
Ты разсыпся, крупень земчугъ,
Ни п' атласу, ни по бархатъ,
По серебряну блюдечку.
Ты расплаться, Авдотья,
Ты расплаться, Ивановна,
Передъ своимъ роднымъ батюшкой:
„Государь, ты мой батюшка,
Ты Иванъ Степановичъ!
Ты на што пиво варишь?
Ты на што зелено вино куришь?“
— Ты дитя-ль мое, дитятко,
Ты дитя-ль мое милое!
Я хочу тебе замужъ отдать
Ни за князя, за барица,
За тово ли за христьянина,
За Дениса Ивановича.
Растопися и проч. *)
„Государыня, ты моя матушка,
Степанида Ивановна,
Ты на што холсты бѣлишь?
Ты на што дары красишь?“

*) Передъ своей родной матушкой.— Вставлено
позднѣе.— Ред.

825.

Не стекай, вода, (2)
Съ горъ по камушкамъ,

Протеки, вода, (2)
 По новымъ сѣнямъ, (2)
 По частымъ ступеничкамъ.
 Кто и хошъ гулять,
 Передайся къ намъ
 И въ Гололобово:
 Въ Гололобовѣ
 Ребята хорошіе:
 Хорошъ молодецъ
 Есть Иванушка,
 Есть Иванушка,
 Сынъ Ивановичъ.
 И еще лучше у насъ
 Есть Матвѣюшка,
 Есть Ивановичъ.
 Всѣмъ головушка
 Есть Кузьма у насъ,
 Сынъ Семеновичъ.
 А Иванушка—
 Ёнъ писать гораздъ,
 А Филипушка
 Разбирать гораздъ,
 А Кузьма ю насъ
 Отсылать гораздъ.
 Онъ послалъ письмо
 Ко Ѳедосьюшкѣ.
 Не стекай, вода, (2)
 Съ горъ по камушкамъ,
 Протеки, вода, (2)
 По новымъ сѣнямъ, (2)
 По частымъ ступеничкамъ.
 Кто и хошъ гулять,
 Передайся къ намъ
 И въ Гололобово:
 Въ Гололобовѣ
 Есть дѣвки хорошія:
 Хороша дѣвушка
 Есть и Дарьюшка,
 Дочь Филипова.
 Еще и лучше есть,
 Есть Авдотьюшка,
 Дочь Ивановна.
 Всѣмъ головушка
 Есть Авдотьюшка,
 Дочь Гавриловна;
 Да и Дарьюшка
 Чистопрядница,
 А Ѳедосьюшка
 Тонкопрядица,
 А Марьюшка
 Шолкошвейница.

826.

Долина, долинушка,
 Долина широкая,

Приволье хорошее!
 На той на долинушкѣ
 Лежала тронинушка;
 По той по троинушкѣ
 Гуляетъ дѣтинушка,
 Иванъ сиротинушка,
 Не весель, не радошень,
 Повѣсилъ головушку
 На праву сторонушку.
 Увидѣла матушка
 Съ высока терема:
 „Дитя мое, дитятко,
 Дитя, чадо милое!
 Что ходишь не весело,
 Гуляешь не радостно?“
 — Сударыня матушка,
 Чему веселиться?
 Жениться мнѣ хочется,
 Невѣсты мнѣ негдѣ взять.
 Какъ за рѣчкой, за рѣкой
 Четыре тамъ дворики,
 Во пятомъ во дворикѣ
 Живѣтъ тутъ вдовонька.
 У вдовоньки дѣвонька,
 Невеличка, маленька,
 Головушка гладенька,
 Руса коса меленька;
 Въ косѣ лента алая,
 Прикраса не малая.
 Сбирается по воду,
 Вздѣваетъ шубу новую,
 Жерелья бобровыя,
 Сама чернобровая.

827.

По мосту, мосточку, по калинову мосточку,
 Тутъ шли, прошли дѣвицы, двѣ названныя
 Въ рукахъ несли фонарѣчки, [сестрицы;
 Въ фонарѣчкѣ уголѣчки;
 Уронили уголечикъ на калиновый мосточикъ:
 Горить, горить калинъ мосточикъ,
 Горить мостикъ, выгораеть:
 У стараго сердце ноетъ
 По душѣ красной дѣвицѣ,
 По любезной по сестрицѣ.

828.

Матушка, Кузьма-Демьяна!
 Скуй намъ свадьбу
 Крѣпко на крѣпко,
 До сѣдой головушки,
 До долгой бородушки.
 Кузьма-Демьянъ

По сѣнямъ ходила,
Гвозди сбирала,
Свадьбу ковала.

829.

Шло солнушко по залѣсю,
Шла Аннушка по застолью,
Грякнула объ столъ золотые ключи:
„Сударь батюшка, тебѣ я теперь
Не ключница, ни ларечница.
Ключница, ларечница въ чужомъ домѣ
Чужому батюшкѣ и чужой матушкѣ.

830.

Змѣшется, змѣшется душа красная дѣвица
Настасья Семеновна;
Дары шила, сама шила, сама плакала,
Свое горе причитаючи:
Какъ она была малѣшенька,
Её сватаѣ князь молодой;
Ни отдавалъ ее ни за князя ни за барина,
За того сына христіанина, за Данила Петреи-
вича.

Даниль Петреивичъ, вся ли у тебя пашенька
припахана?
— Настасьюшка Семеновна, иди, не тужи,
У меня пашенька припахана, [не горюй,
Бороной прискорожена,
Пшеницею засѣяна.

831.

Иванушка къ Авдотьюшкѣ челобитню шлѣтъ,
Ленку горстку:
Напряди, Авдотья, полотенце, да рубашку.
Авдотья къ Ивану челобитню шлѣтъ,
Кленъ да берцу:
Сдѣлай Иванушка станъ и поножки,
Челнокъ да набилки.

832.

Леталъ голубъ, леталъ голубъ,
Со голубошкою, со голубошкою.
Шелъ удалый молодецъ
Съ красной дѣвицею, съ красной дѣвицею.
За ними идутъ товарищи,
Подслушались.
Какъ бы эта да трава
Во моемъ саду выросла?
Какъ бы эта красна дѣвица
За молодцемъ была,
Я бы золотомъ осыпалъ,

Жемчугомъ бы унизалъ,
Я бы лѣтнею порою
Во каретѣ все каталъ,
Я бы зимнею порою
Во очиковскихъ саняхъ.
Кину голобя на рученьку,
Не стряхнется;
На другую переверну,
Не ворохнется.
Полетай, мой голубочекъ,
Ко голубушкѣ своей.
Голубчикъ взворковалъ,
Голубушку цѣловалъ,
Голубушка взворковала,
Голубочка цѣловала.

833.

Островъ мой зеленый!
Тутъ четыре панья плянцуть, вспрыгиваютъ,
Островъ мой зеленый!
Панья у панья выпрашиваетъ:
„Скажи, панья, за кого за мужъ пойдешь?“
— Я, панья, за писаря пойду.
Станетъ писарь-то писать, я у столика сто-
— Я, панья, за приказнаго пойду. [ять.—
Что приказный-то судить, я рассуживати.—
— Я, панья, за торговаго пойду.
Торговый-то торговать, а я денежки счи-
— Я панья, за скриповщика пойду, [тать.—
Что скриповщикъ играть, я наплясывати.—
Какъ на томъ острову трой новы ворота,
Островъ мой зеленый!
Трой точеныя, позолоченыя; [щики,
Какъ во первыя-то ворота прошли сватов-
Во вторыя-то ворота невѣсту провезли,
Что въ третьи-то ворота сундуки увезли.
Что кто у насъ женится?
Кого за мужъ беретъ?
— Свѣтъ (имя) женится, что (имя) беретъ.

834.

Еще вкругъ столба-ли я хожу,
Еще вкругъ дубова-ли хожу.
Еще чѣмъ столба надѣлать,
Еще чѣмъ дубова надѣлать?
Надѣлю столба животомъ,
Надѣлю дубова животомъ,
Животомъ красной дѣвицы,
Свѣтъ (имя).

835.

Какъ леталъ, леталъ соколъ,
Ладу, ладу.

Соколь ясный леталь,
Ладу, ладу.
Искаль стадо лебедей.
Ладу, ладу.
Онъ нашель, нашель соколь,
Ладу, ладу.
Нашель стадо лебедей:
Ладу, ладу.
Всѣхъ лебедокъ пропустиль,
Ладу, ладу.
Одныѣ остановиль.
Ладу, ладу.
Какъ взмолилася лебедка:
Ладу, ладу.
„Ты пусти меня, соколь,
Ладу, ладу,
Соколь ясный, отпусти!“
Ладу, ладу.
— Я тогда тебя пушу,
Ладу, ладу.
Когда кровь твою пролью,
Ладу, ладу.
Крылья, перья опицлю.—
Ладу, ладу.
Какъ ходиль, гуляль Иванъ,
Ладу, ладу.
Ивановичъ разгуливалъ
Ладу, ладу.
По Нову-городу,
Ладу, ладу,
Искаль дѣвушекъ толпу:
Ладу, ладу.
Онъ нашель, нашель толпу.
Ладу, ладу.
Всѣхъ дѣвицъ онъ пропустиль,
Ладу, ладу.
Одныѣ остановиль.
Ладу, ладу.
Начала просить Анна,
Ладу, ладу.
Васильевна упрашивать:
Ладу, ладу.
„Ты пусти меня, Иванъ,
Ладу, ладу.
Ивановичъ, отпусти!“
Ладу, ладу.
— Я тогда тебя пушу,
Ладу, ладу.
Когда въ церковь ты сведу,
Ладу, ладу.
Вокругъ наложь обведу,
Ладу, ладу.
Своей женой назову.
Ладу, ладу.
Тогда дѣвушки не примуть,

Ладу, ладу.
Скажутъ: „Прочь отойди!“
Ладу, ладу.
Ладу, ладу!

836.

На зарѣ было, на зорюшкѣ,
На зарѣ было на утренней,
Прилеталь тутъ младъ ясенъ соколь,
Онъ садился на окошечко.
Какъ увидѣла, узорила
Александрина родна матушка:
„Ты дитя-ли мое, дитятко,
Ты дитя-ли мое, милое!
Приголубь себѣ голубчика,
Яснаго сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго.“
— Ты родная, моя матушка!
Ужъ я рада-бъ приголубить,
Вѣлы руки опустилися,
Скоры ноги подломилися,
Голова съ плечъ долой катится,
И языкъ-то не воротится.

837.

Ахъ вы, соколы!
Вы далеко-ль летали?
— Ужъ мы летали, летали,
Съ моря на море летали.—
Ахъ и что же тамъ видѣли?
— Ужъ мы видѣли, видѣли
Струю утицу на морѣ.—
Ахъ, вы что же не взяли?
— Ужъ мы взять ее, не взяли,
Крылья, перья повышибли,
Горючу кровь пролили.—
Ужъ вы, соколы-молодцы!
Ахъ, и гдѣ же вы ѣздили?
— Ужъ мы ѣздили, ѣздили,
Съ города на городъ ѣздили.—
Ахъ и что же тамъ видѣли?
— Ужъ мы видѣли дѣвицу.—
Ахъ и что жъ еѣ не взяли?
— Ужъ мы взять еѣ, не взяли,
По рукамъ мы ударили,
Зелено вино роспили,
Горючи слезы пролили.

838.

Ты рѣка-ли моя, рѣченька,
Ты рѣка-ли моя, быстрая!
Течеть рѣчка, не колыхнется,

Съ берегами не сравняется.
Сидить Анна не улыбнется.
— Вы подружки-голубушки,
Ужъ и какъ-же мнѣ смѣяться?
У насъ полонъ дворъ каретъ стоитъ,
Цѣлая горница гостей сидить.
Одного нѣтъ гостя милаго,
Гостя милаго, любимаго,
Нѣтъ роднаго мово батюшка.
Ты поди-ка, братецъ-батюшка,
Ты ноди-ка на колоколенку,
Ты ударъ во большой колоколь,
Разбуди родима батюшку.

839.

Разшаталася яблонька,
Передъ грушицей стоючи. (2)
Какъ расплакалась Аннушка,
Передъ батюшкой стоючи: (2)
„Ты родимой мой батюшка,
Нельзя ль думушку отдумати, (2)
Чтобъ меня замужъ не выдати?“ (2)
— Ты дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое, (2)
Нельзя думушку отдумати, (2)
Чтобъ тебя замужъ не выдати: (2)
По рукамъ у насъ ударено,
На словахъ у насъ положено. (2)

840.

Ясно въ теремѣ свѣчи горятъ (2),—
Горько плакала Аннушка,
Горько плакала Васильевна;
Унималъ ее батюшка,
Уговаривала матушка:
„Ты не плачь, наша умница,
Перестань, наша разумница!
Мы тебя, вѣдь, не въ полонъ дадимъ,
Мы тебя не полонить хотимъ;
Мы тебя дадимъ за умнаго,
За умнаго, за разумнаго, (2)
За тихаго, за смиреннаго, (2)
За Ивана за Васильича.
Мы тебя, вѣдь, не одну нустимъ,
Мы тебѣ дадимъ, вѣдь, кучера,
А еще дадимъ форрейтора!“
— Ты, родимой мой батюшка,
Ты, родная моя матушка!
Вѣдь, всѣ кучера разѣѣдутся,
Останусь я молодѣшенька
У чужаго у чужителя, (2)
У чужаго отца съ матерью.

841.

Какъ у нашего у свата
Криво стоитъ хата.
У сватушки шленѣнка
Послѣ сватушки чертѣнка,
Какъ у свата штаны
Послѣ дѣда сатаны,
Чулки—новы,
Пятки—голы,
Пряжки съ искорками,
Вонъ повыскакали.

842.

Жилеть палевой,
Сюртукъ малевой,
И имя молодцу да Иванушка;
Онъ ходилъ, гулялъ во зеленомъ саду,
Не одинъ ходилъ, со боярами,
Со московскими анаралами.
Генералы ему дивовалися:
„Еще кто это за такой?
Не заря-ли мать его породила?
Не свѣтель-ли мѣсяцъ всноилъ, вскормить?
Не Волга-ли матушка возлелѣяла?
Не часты-ли звѣзды завили кудри?“
Какъ возговорилъ свѣтъ Иванушка:
„Опозналися, люди добры!
Не заря-то меня ужъ породила,
Породила меня родна матушка,
Воспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
Возлелѣяли няньки мамушки,
Завила кудри красна дѣвица,
Душа Машенька,
Подъ окошечкомъ она сидючи,
На свѣтель мѣсяцъ она глядючи,
Со воды узоръ сонимаючи,
Что русы кудри завиваючи.
Что завившии кудри, слово молвила:
— Какъ быстра рѣчка разольется,
То русы кудри разовьются“.

843.

Изъ за лѣсу мѣсяцъ свѣтитъ,—
Да раю, раю.
Зять къ тебѣ ѣдетъ;
Да раю, раю.
Онъ весь въ позументахъ,
Онъ весь въ брилліантахъ.
Теща зата не узнала,
Благодаромъ называла:
Еще что это за баринъ,
Еще что за помѣщикъ,

Еще какъ его встрѣчатъ?
Ужъ встрѣчу его на крылечкѣ,
Я приму его за ручки,
А введу его во залу,
Посажу его на стулѣ,
Угощу его медомъ,
Подарю его парчею.
Онъ дары-то не прималъ,
За дары-то не считалъ.
.....*)

Подарю его соболями.
Онъ дары-то не прималъ,
За дары-то не считалъ.
.....*)

Подарю его дитѣю.
Онъ дары-то прималъ,
За дары ихъ считалъ.

*) Пѣсня повторяется съ начала. — *Ред.*

844.

По тыльямъ, по кольямъ все воробьи,—
У нашего Сенюшки бояре дураки,
И самъ-то Семенушка не больно уменъ:
Онъ полемъ идетъ, столбу челомъ,
Начаялся Сенюшка—что церковь стоитъ;
По улицѣ идѣтъ—забору челомъ,
Начаялся Сенюшка, что тестъ тутъ стоитъ;
А ко дворику идетъ—коровѣ челомъ,
Начаялся Сенюшка, что шуринъ стоитъ;
А въ сѣни-то идетъ—да стулѣ челомъ,
Начаялся Сенюшка, что тѣща стоитъ.
А въ горницу идетъ—да кошкѣ челомъ,
Начаялся Сенюшка, что Дуня стоитъ.

845.

У Максима у широкихъ у воротъ,
У Анны у новыхъ у сѣней,
У Ивана у высока терема
Стояли кони вороны.
Вороны кони не веселы,
Буйны головы повѣсили,
Со лузей травы не ѣли,
Со Дуная воды не пили,
Какъ слышали путь дороженьку
Ко Семенову ко двору,
Ко сѣнямъ ко Лукерьинымъ,
Ко высокому терему Марьину.
По терему Марьюша ходила,
Она слезно плакала,
Во слезахъ слово молвила:
„Ты родимый, сударь, батюшка,
У меня ли красной дѣвицы
Три ларца, три дубовые,

Три дубовыхъ, три кованыхъ,
Кованыхъ, приданныхъ,
Трои сѣни, трои новые
Три терема высокіе.“
Какъ возговоритъ добрый молодецъ:
— Свѣтъ ты, милая Машенька,
У меня ли добра молодца
Три кафтана съ петлицами,
Трои гусли, трои звончаты,
Трои чоботки съ онучками.

846.

Сидитъ наша гостейка выше всѣхъ,
А клонитъ головушку ниже всѣхъ,
Дума-ть думушку крѣпче всѣхъ,
Золотъ перстень съ рученьки спадываетъ.
„Скажи, скажи, Машенька, кто изъ роду милъ?“
— Милъ-то мнѣ, милѣшенекъ батюшка родъ.
„Машенька моя, не правда твоя; [ной.—
Не правду ты дѣлаешь, не боль говоришь,
Меня, добра молодца, на грѣхъ наводишь.“
(Потомъ опять сначала до:
Мила-то мнѣ, милѣшенька матушка моя,
и т. д.; потомъ:)
— Ты, сударь, господинъ.—
„Машенька моя, вся правда твоя.
Ты правду дѣлаешь и боль говоришь.“

847.

По мосту, мосточку,
По калинову частому,
Тутъ ѣхала карета;
Во каретѣ гордѣна,
Что гордѣна Настасья;
Приходить къ ней родной батька:
„Ты пойдѣмъ-ка, Настасья,
Еще милая дочка.“
— Я неиду, сударь, не ѣду,
Еще улицы грязныя,
Кучера-то пьяные.
.....
Приходила къ ней мать родная, и т. д.
.....
Приходилъ къ ней Владиміръ;
— Я пойду, сударь, поѣду,
Улицы сухія,
Мостовыя чинѣныя,
Кучера трезвые.

848.

По погребу боченочекъ катается,
По холодному жемчужный разсыпается.
Молодецъ надъ дѣвицей величается:
„Ахъ ты, дѣвица, разуй,

Ты, Марьюшка, разуй.“
 — Я рада бы разула,
 Да не знаю, какъ зовутъ;
 Я къ сусѣду-то схожу,
 Я сусѣда-то спрошу.
 Мнѣ сусѣдъ-то говорить,
 Что Иваномъ, вишь, зовутъ,
 А сусѣдъ говорить,
 Что Васильевичемъ величаютъ.
 Я поженку разула,
 Иванушкой назвала,
 А другую-то разула,
 Свѣтъ Васильевичемъ*).
 У голубя голова серебряная,
 У голубки голова нозолоченая;
 У Ивана голова вся кудрями завита,
 У Марьи голова вся цвѣтами убрана.
 Ужъ я эту-ли красу
 За себя ее возьму;
 Посажу её на питерскихъ саняхъ,
 На буланыхъ лошадяхъ,
 На наборчатыхъ саняхъ,
 Во серебряныхъ дугахъ.

*) Далѣе иная пѣсня?—Ред.

849 *).

У воротъ стоитъ груша,
 У воротъ зеленая.
 Да наличила (?) ты, груша,
 Да наличила (?) ты, зеленая—
 Ажно Аксиньюшка,
 Ажно Антипьевна.
 По улицѣ ходя—
 Вся улица сья (?),
 На дворъ восходила—
 Весь дворъ освѣтила,
 На сѣни вступила—
 Сѣни всколыхала,
 Бояръ перпужала;
 Бояре скакали,
 Шляпы посметали,
 Чары наливали,
 Чары золотыя.
 Аксинькѣ подносили:
 „Выпей, Аксиньюшка,
 Скушай, Антипьевна“.
 — Я бѣ сошла, покушала,
 Бояръ послушала,
 Кабы былъ мой милый другъ
 Васянь Семеновичъ,
 Я бѣ сошла, покушала,
 Бояръ послушала.

*) Пѣсня уличная; внесена въ свадебныя II. В. К.-имъ.—Ред.

850.

Величальная *).

Пойдемъ рядомъ
 По всѣмъ боярамъ,
 Найдемъ рядового
 Мы Никифора свѣта,
 Мы Агапыча свѣта:
 „Подарися, Никифоръ господинъ,
 Подарися, Агановичъ,
 Для своей жены боярыни,
 Аграфены Ивановны,
 Для сестрицы голубушки,
 Для Агаѣи Агановны,
 Для сестрицы голубушки,
 Для Ульяны Агановны,
 Для сестрицы голубушки,
 Александры Агановны;
 Что для братца, для батюшки,
 Аванася Агапыча,
 Что для братца, для батюшки, и проч.
 Что для сына любезнаго,
 Для Степана Никифорыча, и проч.
 Для своей милой дочери,
 Для Ульяны Никифоровны“ и проч.

*) Поется на свадьбахъ, когда собираютъ деньги.—Прим. II. В. К.

851.

Прилеталъ соколъ къ окошечку,
 Онъ садился на окошечко,
 На серебрено стекольчико,
 На позлащённую рѣшеточку.
 „Душа, душа, красная дѣвица!
 Прими, прими яснаго сокола,
 Яснаго сокола, залётнаго,
 Добраго молодца прѣзжаго.“
 — Я бы рада привѣтила его:
 Ретивѣ сердце испужалось,
 Рѣзвы ножки подломились,
 Бѣлы ручки опустились,
 Златы перстни поскатились,
 Ясныя очи помутились,
 Черныя брови приморгались.

852.

Не долго цвѣточку во садикѣ цвѣсти,
 Не долго цвѣточку на стопочкѣ висѣть,
 Пора изъ цвѣточку вѣночекъ свить.
 Не долго душѣ дѣвицѣ во дѣвушкахъ сидѣть!
 Въ послѣдній разъ по садику погуливала,

Вершиночку съ яблонки сламливала,
Коню подь копытечко бросила,
Едино словечушко молвила:
„Ты стой, моя яблонка, вѣкъ безъ верху,
Живи, живи, батюшка, вѣкъ безъ меня.
Не чаялся батюшка вѣкъ меня избыть,
Избыль меня батюшка единымъ часомъ,
Одною минутой.
Гордись, гордись, батюшка, меня не выдавай,
Когда тебя, батюшка, зять подарить
Тремя, тремя сукнами, тремя аглинскими.

853 *).

Спѣси гордости убавлю,
Уму разуму прибавлю:
Назову свѣкра батюшкой,
А свекровушку матушкой,
А деверюшку—братъ родной,
А золовушку сестрицею.

*) Начала нѣтъ, ср. выше № 223.

854.

Ходила Аксиньюшка по саду,
Сбирала дѣвушекъ въ горенку,
Сажала дѣвушекъ за столы,
За тѣ ли за столики дубовые,
За тѣ ли за скатерти бранныя,
За тѣ ли утѣрищи шитыя;
Сажала дѣвушекъ высоко,
Садилась Аксиньюшка выше всѣхъ,
Клонила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ.
„Сестрицы подруженьки, какъ же мнѣ быть?
Какъ же мнѣ быть, въ чужи люди иттить?
И какъ же мнѣ свѣкра назвать буде?
Батюшкой назвать—мнѣ не хочется,
А свѣкромъ назвать—мнѣ усовѣсно,
Никакъ не назвать—буде гнѣвъ держать.“

855*).

Воля моя, воля батюшкина,
Нѣга моя, нѣга матушкина!
Соберѣмся мы толпою,
Вдоль по улицѣ пойдѣмъ,
Во царевъ кабакъ зайдѣмъ,
Вина скляницу возьмѣмъ,
Да мы выпьемъ по одной,
Загуляемъ да пойдѣмъ.
Восходилъ свѣтѣль мѣсяцъ
Передъ зорюшкою, передъ солнышкою;

Величался Иванъ передъ жѣнушкою,
Передъ жѣнушкою, передъ Маврушкою:
„Ужъ ты, Маврушка, разобуй,
Андреевна, разодѣнь.“
— Я бы рада разобула,
Я не знаю, какъ зовутъ,
Чемовить добрѣ обутъ;
Пойтить было къ сосѣду,
Спросить, какъ зовутъ.
Сосѣди-то сказали, Иваномъ зовутъ,
Другіе-то сказали, Васильевичемъ.
Стать разувать—
Бѣлы ручки помарать,
Златѣ перстни посламать.—
„Маврушенька, не тужи,
Андреевна, не горюй.
Бѣлы ручки вымоются,
Златѣ перстни выкуются,
У насъ свои кузнецы,
У насъ свои златари.

*) Уличная; занесена въ свадебныя П. В. К.-мъ.—
Ред.

856*).

Восходилъ свѣтѣль мѣсяцъ передъ зорюшкою;
Величался Яковъ Ѳѣдоровичъ передъ жѣнуш-
кою:
Наталя Григорьевна.... **) не стать мнѣ тебя
разувать,
Бѣлыя ручки помарать, златѣ перстни поло-
мать.
— Не печалься, Наталя Григорьевна,
У насъ свои златори, у насъ свои кузнецы,
Сольютъ, сольютъ цѣпочикъ, серебряной гла-
зочикъ.

*) Тоже.—*Ред.*

**) Явное искаженіе.—*Ред.*

857.

Изъ-за лѣсу конь бѣжить,
За конемъ бѣжить добрый молодецъ;
У двора стоитъ красна дѣвица.
Онъ кричитъ ей и гаркаетъ,
Черной шляпою помахиваетъ:
„Перейми, красна дѣвица, добра коня.“
— Ужъ рада бы переняла коня,
Повеликой ноги спутаны.—
„Ужъ я самъ знаю, вѣдаю:
Не повеликой ноги спутаны,
Спутаны кручинушкою;
Не студенной росой вымочены,
Горючими слезми замочены.“

858.

Какъ по рѣчкѣ, рѣчкѣ,
 Что по быстрой рѣчкѣ,
 Тутъ суденцо плыветъ,
 Что суденцо то маленькое,
 Во суденцѣ сидитъ Елисей господинъ,
 Елисей господинъ, Анкудиновичъ.
 По бережку шла
 Акулина душа,
 Свѣтъ Онуфріевна:
 „Воротися, мой другъ,
 Воротися, веселье мое,
 Я тебѣ, радость, скажу
 Я веселье великое,
 Я тебѣ дочку рожу,
 Я тебѣ лебедь бѣлую.“
 — То не радость моя,
 Не веселье мое!“
 Какъ по рѣчкѣ, рѣчкѣ,
 Что по быстрой рѣчкѣ,
 Тутъ суденцо плыветъ,
 Что суденцо то маленькое;
 Во суденцѣ сидитъ Елисей господинъ.
 По бережку шла
 Акулина душа,
 Свѣтъ Онуфріевна:
 „Воротися, мой другъ,
 Воротися, веселье мое,
 Я тебѣ радость скажу,
 Я веселье великое—
 Я тебѣ сына рожу,
 Я тебѣ ясна сокола.“
 — То то радость моя,
 То веселье мое.

859.

„Надежа, мой милый другъ,
 Ты Устинъ свѣтъ Денисовичъ!
 Ужъ царь въ походъ пошелъ;
 По тебя посолъ пришелъ;
 У тебя, душа моя,
 Головушка не причесана,
 Черны кудри не завиты,
 И лакеи не снаряжены,
 И карета не заложена!“
 — Ты жена ль, жена, душа моя!
 Ужъ давно, душа моя,
 У меня головуха причесана,
 Черны кудри завиты,
 И лакеи снаряжены,
 И карета заложена:
 Лишь сѣсть да поѣхать!

860 (1).

У высокаго терема
 Золотые были выходы,
 Переходы серебряные.
 Тутъ ходила, погуливала
 Душа красная дѣвица
 И не знала, не вѣдала,
 Когда сваха пріѣхала,
 Гордая, спѣсивая,
 Молодая, ломливая,
 Ступить она не ступила,
 Только слово промолвила:
 „Собирайся ты, умная,
 Собирайся ты, разумная,
 На чужу дальнѹ сторону:
 Чужая сторонѹшка
 Она сахаромъ усыяна,
 Сытою поливана,
 Виноградомъ огорожена!“
 — Охъ ты, прочъ, прочъ, разлучница!
 Поди прочъ, подговорщица!
 Я сама знаю-вѣдаю
 Чужу дальнюю сторону:
 Чужая сторонѹшка
 Она горемъ усыяна,
 Слезами поливана,
 Печалью огорожена!

861*) (2).

Внизъ по Волгѣ идучи,
 Не въ трубу вострубили,
 Да никто трубу не слыхалъ;
 Только услышала
 Марья душа;
 Гдѣ она услышала,
 Тутъ она заплакала:
 „Не труби, труба, весело,
 Ты труби, труба, жалобно:
 Отъ меня дитя берутъ,
 Изъ терема ларцы несутъ,
 Изъ высокаго кованые“.
 Внизъ по Волгѣ идучи,
 Не въ трубу вострубили,
 Да никто трубу не слыхалъ;
 Только услышала
 Микитина матушка;
 Гдѣ она услышала,
 Тутъ она взрадовалася:
 „Не труби, труба, жалобно,
 Ты труби, труба, весело:
 Ко мнѣ дитя везутъ,

вѣдать, нѣтъ ли гдѣ хорошихъ дѣвицъ, изъ которыхъ можно было бы взять нхъ сыну невѣсту. Найдя такую *деревню*, обыкновенно посылаютъ туда своего сына *на смотрѣ*, погостить у знакомыхъ или у родныхъ о какомъ-нибудь праздникѣ, наиримѣрь: о святкахъ, о масленицѣ, о Святой недѣлѣ. Тутъ молодецъ на играхъ и въ бесѣдахъ старается выказать весь свой разумъ, все свое удалство; высматриваетъ красныхъ дѣвушекъ и примѣчаетъ тѣхъ, которыя ему *покажутся*; однако же всячески старается, чтобы никто не проникъ въ его намѣренія. Воротившись домой, рассказываетъ родителямъ своимъ о замѣченныхъ имъ дѣвицахъ; тутъ сообща рѣшаютъ дѣло, какъ и какую лучше имъ сватать. Достоинства дѣвицы, на которыя всего больше обращается вниманіе при этомъ выборѣ, состоятъ въ томъ, чтобы она была изъ доброй семьи, рукодѣльна, работяща, здорова тѣломъ и сильна; наружная красота не слишкомъ уважается: крестьянину почти все равно, хороша или дурна лицомъ его жена, только не была-бъ недужна или уродлива. „Эхъ, молодецъ, какую нехорошую взялъ ты себѣ жену!“ шутя сказала я мужику, который пришелъ ко мнѣ съ женою и съ *овощами* на другой день своей свадьбы. — „А на што мнѣ красавица?“ отвѣчалъ дѣтина: „нашему брату-мужику жена не икона, а работница!“ — Бабы краса лишь до покосу,—примолвила веселая *молодая*.

Какъ скоро отецъ и мать жениха согласятся въ выборѣ, то первый ищетъ, гдѣ бы повидѣться наединѣ съ отцемъ избранной ими дѣвушки; проситъ, или лучше сказать, торгуетъ ее въ невѣсты за сына, и какъ скоро оба въ цѣнѣ сойдутся, бьютъ другъ другу объ руку; жениховъ отецъ даетъ невѣстину отцу задатокъ. Обыкновенно за невѣсту платится деньгами, иногда хлѣбомъ, иногда и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, смотря по договору. У крестьянъ-земледѣльцевъ не въ обычаѣ выдавать дѣвицъ замужъ съ приданымъ; напротивъ того, за такую отдачу семейство ея беретъ *ряды* или *выводу* рублевъ 60, или 100 и до 200. Такимъ образомъ невѣстинъ и жениховъ отцы, *помолвивши*, или *положивши на словъ*, какъ дѣлу быть, назначаютъ день, когда быть и *сговору*; и до этого дня помолвку свою держать въ тайнѣ, чтобы никто не провѣдалъ, и дѣло не пошло бъ въ огласку, если бы случилось ему зачѣмъ нибудь разладиться.

Сговоръ.

На свадьбахъ наблюдается особенное *учливство* между дѣйствующими лицами: всѣ другъ друга величаютъ по имени и отчеству; и я не лишнимъ почитаю ввести здѣсь поименно главныя дѣйствующія лица. Пусть будутъ:

Жениховъ отецъ, Григорій Савельевичъ,
Женихова мать, Палагея Демидовна,
Женихъ, Филиппъ Григорьевичъ,
Сватъ, Парамонъ Ѳедосеевичъ,
Невѣстинъ отецъ, Ефимъ Денисьевичъ.
Невѣстина мать, Авдотья Аванасьевна,
Невѣста, Агафья Ефимовна,
Сваха, Ѳедора Смысоевна.

Въ назначенный для сговора день поутру въ домъ у жениха некутъ изъ ситной, либо изъ пшенишной муки *пирогъ-сгибень*, съ кашею и съ яйцами. То же самое дѣлается и у невѣсты въ домѣ, гдѣ также готовится и пиръ, то есть, жарится *убоинка* или баранина, *ососокъ*, или поросенокъ, гусь; варится свинина, яичница, молочная каша и т. п.

Около вечеренъ, въ жениховомъ домѣ *сватъ*, кто-либо изъ родныхъ или знакомыхъ жениха, собирается ѣхать на сговоръ: кладетъ въ новый кулекъ *гостинцы*, то есть, пряники, изюмъ, орѣхи, цареградскіе стручьи, сушеную грушу и другія *сладости*, и *пирогъ*: наливаютъ боченокъ *вина* и другой *пива*: запрягаютъ лошадь въ сани.

Когда къ отъѣзду все будетъ готово, теплѣютъ свѣчу передъ иконами, всѣ домашніе молятся Богу и провожаютъ свата приговаривая: „Съ милостію Божіею, въ часъ добрый!“—Сватъ беретъ кулекъ и боченки, садится въ сани и отправляется къ невѣстину двору. Лишь только онъ туда подѣдетъ, невѣста уходитъ въ *топчанку*; а гдѣ нѣтъ такой каморки, то садится въ углу на конѣкъ противъ печи, либо къ жернову.

Сватъ входитъ въ избѣ, держитъ кулекъ подъ лѣвою мышкою; Богу молится, на всѣ стороны кланяется; потомъ, оборотившись къ отцу и къ матери невѣсты, говоритъ:

Сватъ.

Ефимъ Денисьевичъ и Авдотья Аванасьевна, вамъ Григорій Савельичъ, Палагея Демидовна и Филиппъ Григорьевичъ кланяются хлѣбомъ да солью, милостію Божіею и своимъ даромъ.

Отецъ и мать.

Милости просимъ, мы добрыми людьми не брезгуемъ и нами просимъ не брезговать.

Между тѣмъ хозяйка и другія бабы изъ семьи накрываютъ столъ скатертью и ставятъ свой пирогъ.

Сватъ.

Ефимъ Денисьевичъ и Авдотья Аванасьева, есть у васъ товарецъ, а у насъ есть покупщицы, давайте-тко родниться, святое дѣло затѣвать; сужено, ряжено, вѣдь: надобно брать.

Отецъ и мать.

И вѣдомо, Парамонъ Оедосеичъ!

Зажигаютъ свѣчу передъ иконами, всѣ молятся Богу приговаривая: „Дай, Господи, святое дѣло зачать, также и кончать.“—Помолившись, сватъ вынимаетъ пирогъ изъ своего кулъка, который кладетъ къ сторонѣ, беретъ пирогъ за одинъ конецъ обѣими руками, прихватывая вмѣстѣ съ пирогомъ и *полу* своей *шубы*; тожъ самое и невѣстинъ отецъ дѣлаетъ съ своимъ пирогомъ. Оба сходятся посередь избы, *до трехъ разъ бьютъ*, или *хлопаютъ пирогъ о пирогъ*, которыми и мѣняются. Въ это самое время невѣста, сиди въ топлюшкѣ или у жернова, начинаетъ вопить такъ:

865 (1).

Свѣтель мѣсяцъ, родимый батюшка,
Красно солнышко, родима матушка!
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ объ пирогъ,
Не пробивайте вы меня бѣдную,
Не давайте вы меня горькую
На чужу дальну сторонюшку,
Ко чужому отцу, къ чужей матери:
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалосливны уродилися,
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается;
Насижусъ-то я у нихъ бѣдная
По конецъ стола дубоваго,
Нагляжусь то я, наплачуся.

Отецъ беретъ пирогъ у свата и на блюдѣ ставитъ его на столъ; а сватъ, взявши пирогъ у отца, прячетъ въ свой кулекъ, изъ котораго тутъ же вынимаетъ гостинцы, или

сласти, подаетъ ихъ матери, а она относитъ къ невѣстѣ.

Въ это время посылаютъ на деревню за роднею, за знакомыми и сосѣдами, выставляютъ на столъ ужинъ и привезенныя сватомъ вино и пиво. Гости сходятся, Богу молятся, со всѣми раскланиваются, здороваются съ хозяевами, которые просятъ ихъ садиться за столъ. Подносятъ гостямъ сватово вино, на закуску сватовъ пирогъ. Каждый гость, выпивая чарку и величая по имени и отчеству хозяевъ, поздравляетъ съ добрымъ дѣломъ. Пиръ идетъ весело, при чемъ однако же сватъ не пируетъ и, посидѣвши, подымается домой. Всѣ встаютъ съ мѣстъ; отецъ и мать подходятъ къ свату, прощаются, цѣлуются съ нимъ; отецъ поручаетъ ему править поклоны жениху и всѣмъ роднымъ изъ его семьи, величая каждого по порядку старшинства по имени и отчеству; мать же невѣстина подаетъ свату на блюдѣ дары для жениха и для всѣхъ его родныхъ, въ одной съ нимъ семьѣ живущихъ, для мужчинъ полотенцы, для женщинъ рукава къ рубахамъ, и то же съ разборомъ: жениху полотенце лучше, отцу его и роднымъ похуже; матери его рукава лучше, а прочимъ бабамъ и дѣвкамъ похуже. Подавая сіи дары, старуха приговариваетъ: „Сватушка любезный, Парамонъ Оедосеичъ, дары примите, мое сокровище полюбите. Не годятся въ ручки, поверните на онучки“.

Сватъ, принявши дары, откланившись и распрощавшись, уѣзжаетъ и съ собою увозитъ невѣстинъ пирогъ. За сватомъ подымаются ко двору и гости; и какъ скоро всѣ разойдутся, невѣста выходитъ къ столу и садится на лавкѣ, начинаютъ сходитьсь дѣвки, подруги, сосѣдки, знакомыя. При входѣ ихъ въ избу невѣста къ нимъ *вопитъ* на распѣвъ жалобнымъ голосомъ:

866 (2).

Голубушки мои, бѣлыя подруженьки,
Приступитесь ко мнѣ горько-бѣдненькой,
Пособите-тко мнѣ горюшко мыкати;
Не значай-то ко мнѣ горе привалилося,
Прикочнулося мнѣ горе не малое:
Запоручилъ-то меня дѣвицу красную,
Свѣтель мѣсяцъ, родимый батюшка,
Запоручила-то меня бѣдну, горькую,
Красно солнышко, родима матушка,
За поруки за крѣпкія,
За замки вѣковѣчныя.

Въ это время дѣвицы съ невѣстою здороваются, цѣлуются, поздравляютъ съ женихомъ.—Ежели взойдетъ какая-нибудь родственница, напримѣръ, тетка невѣсты, тогда она начинаетъ къ ней *завывать* такъ:

867 (3).

Поди-тко ты сюда, родима тетушка,
Тетушка моя ты, Матрена Михеевна!
Не знаешь, не вѣдаешь моего горя великова,
Ко мнѣ горе приключулося, да не малое:
Какъ продумали меня бѣдну, горькую
Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка,
Красно солнушко, родима матушка,
На чужу дальнѣ сторонѣшкѣ,
Ко чужому-то отцу, къ чужой матери.

Такъ она завываетъ каждой родной, каждому родному, причитая ихъ по имени и отчеству, также и къ постороннимъ женщинамъ.

Принявши своихъ подругъ, невѣста усаживаетъ ихъ вмѣстѣ съ собою за столъ. Мать подаетъ на столъ жениховы гостинцы и сласти, потчиваетъ дѣвицъ, невѣста имъ кланяется. По угощеніи, дѣвицы прощаются съ невѣстою, цѣлуются и расходятся. Когда онѣ все уйдутъ, невѣста садится на срединѣ лавки у краснаго окна и начинаетъ завывать къ отцу и матери такъ:

868 (4).

Родимый ты, мой батюшка,
Родима ты, моя матушка!
Куда вы меня пробиваете?
Али я у васъ не работница?
Али я у васъ не заботница?

Мать старается унимать ее, подаетъ ей ужинать и укладываетъ спать.

Между тѣмъ, какъ все это дѣлается у невѣсты, свать пріѣзжаетъ домой къ жениху; входитъ въ избу, Богу молится, всѣмъ править поклоны отъ новыхъ родныхъ, вынимаетъ изъ кулъка невѣстинъ пирогъ, ставитъ на столъ, который накрытъ заранѣе; подаетъ невѣстины дары, кому слѣдуетъ изъ семьи. По разборѣ даровъ, всѣмъ домомъ садятся за столъ, пьютъ вино за здоровье старыхъ и новыхъ родныхъ, заѣдаютъ невѣстинымъ пирогомъ, наконецъ ужинаютъ. Такъ оканчивается день сговора.

На другой день къ невѣстѣ приходятъ съ поздравленіями знакомые и родные, не быв-

шіе на сговорѣ; невѣста ихъ встрѣчаетъ съ такимъ же нѣмымъ, какъ и прежде. Это бываетъ и въ послѣдующіе дни, пока она *сидитъ сговореною*, и пока ее навѣщаютъ родные и знакомые. Во все это время невѣста слыветъ *сговореною*.

Дѣвичникъ.

Наканунѣ свадьбы вечеромъ къ невѣстѣ собираются на *дѣвичникъ* ея подружки дѣвицы, а къ отцу и къ матери—сосѣди и сосѣдки; все ожидаютъ свата, который пріѣзжаетъ съ *передатью*; невѣста сидитъ тамъ же, гдѣ была и во время сговора.

Передать составляютъ: шерстяные съ *часомъ чулки*, коты или босовики, зеркало, тронцкій красный ларчикъ съ мыломъ, бѣлилами, румянами и *гребнемъ*; пирогъ, или курникъ, съ курицею, яйцами и кашею; жаренныя курица, поросенокъ, баранина; пряники, орѣхи и прочія сласти; вино, пиво. Вся *передать* уложена въ *коробѣ* и замкнута замкомъ, а вино и пиво въ боченкахъ.

Свать входитъ въ избу, вноситъ *передать* и ставитъ ее къ сторонѣ; молится Богу, на все стороны раскланивается и править поклоны хозяину съ хозяйкою такъ:

Свать.

Ефимъ Денисьевичъ Авдотья Аѳанасьевна, вамъ Григорій Савельевичъ, Палагея Демидовна и Филиппъ Григорьевичъ кланяются хлѣбомъ да солью, милостію Божіею: нашъ даръ примите, насъ полюбите, къ себѣ въ гости пустите, за своихъ сочитите; а мы васъ также за родныхъ почли.

Мать и отецъ.

Милости просимъ, сватушка любезный Парамонъ Ѳедосеевичъ; на дарахъ вашихъ покорно благодарствуемъ. Каково поживаетъ, здоровъ ли Григорій-то Савельевичъ?

Свать.

Все, слава Богу, здоровъ, благополученъ и вамъ поклонъ свой прислалъ со мною (кланяется имъ).

Отецъ и мать (*откланиваются*).

Ну, слава Богу; покорно благодарствуемъ; а Палагея Демидовна все ли въ добромъ здоровъ?

СВАТЬ.

И она, слава Господи, здравствует и вамъ кланяется (Дѣлаетъ одинъ поклонъ).

Такимъ образомъ отецъ и мать продолжаютъ спрашивать обо всѣхъ живущихъ въ одной семьѣ, то есть, въ одномъ дворѣ съ женихомъ, напримѣръ: о дядѣ, о его женѣ, о старшемъ братѣ, о его женѣ, о женихѣ, о сестрахъ, словомъ сказать, обо всѣхъ отъ велика до мала, по порядку старшинства, величая ихъ по имени и отчеству, хотя бы тутъ были и поворожденные младенцы.

Свать, стоя по срединѣ избы, на каждый спросъ отвѣчаетъ съ поклономъ. Во все это время отецъ и мать невестины, родные и гости также стоятъ на ногахъ.

Кончатся спросы, свать отмыкаетъ коробку вынимаетъ всю передатъ, накрываетъ своею скатертью столъ, ставитъ на него припасы: круглый пирогъ, или курникъ, жареное мясо; а дары и сласти подаетъ невестѣ въ толюшку, приговаривая: „Агафья Ефимовна, вотъ тебѣ Филиппъ Григорьевичъ дарить и кланяется: гостинцевъ изволь сама покушать и подружекъ попроси“. Невѣста, принимая дары, цѣлуется со сватомъ и завываетъ:

869 (5).

Родимый ты, мой батюшка,
Родима ты, моя матушка!
Не мечитесь на золото, на серебро,
Не кидайтесь на сласти, на пряники,
Не берите вы бѣлили бѣлыхъ,
Не примайте румянъ красныхъ,
Не мѣняйте меня ни на што:
Безъ золота я у васъ богатеонька,
Безъ сластей-то у васъ я сытеонька,
Безъ бѣлить-то я у васъ бѣлехонька,
Безъ румянъ-то я у васъ краснехонька.

Хозяинъ и хозяйка просятъ свата, гостей и *глядильщиковъ* садиться за столъ, каждого вызывая по имени и отчеству, и притомъ однихъ только женатыхъ и замужнихъ; а холостыхъ парней и дѣвицъ не сажаютъ. Начиная угощать сватовымъ пивомъ, виномъ и ужиномъ. Дѣвушки запѣваютъ слѣдующую пѣсню, припѣвая напередъ къ свату:

870 (6).

Пойдемъ-ко мы по ряду,
По всей честной бесѣдѣ,

Дойдемъ-ка до уминова,
До разумнова до сватушки,
До Парамона Ѳеодосеича:
Онъ охочъ по пирамъ ходить,
Онъ охочъ и пѣсень слушати,
Да гораздъ вѣдь и пѣвицъ дарить.
Не рублемъ дари, полтиною,—
Золотой своею гривною.
Изъ гривны по три денежки,
На пѣвицу по конфечкѣ.

Свать сидитъ и какъ будто бы не слышитъ; дѣвицы поютъ:

871 (7).

Слышишь ли ты; чуешь ли,
Парамонъ свѣтъ Ѳеодосеичъ?
Мы тебѣ пѣсни поемъ,
Тебѣ мы честь воздаемъ.
Какъ бѣлый сыръ на блюдѣ лежить,
Что сахарный кусъ на тарелочкѣ,
Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ стоитъ,
То сватушка нашъ за столомъ сидитъ.

Свать сидитъ и ухомъ не ведетъ; дѣвицы продолжаютъ:

872 (8).

Ты, сватушка, дари,
Расхорошенькой, дари!
Станешь насъ дарить,
Не будемъ те бранить.
Какъ Парамона-то жена
На дѣвишничекъ сряжала,
Въ платъ полтину завязала,
Отпущаючи приговаривала:
„Ты поѣдешь, другъ, на свадьбу;
Тамъ дѣвицы тебѣ красныя
Станутъ пѣсни нравити,
Тебя, мово друга, величати;
Ты дари ихъ, не скунися,
Золотой казною разгунися;
Ворона коня тебѣ не купиши,
Но гостямъ тебѣ не гостити.“
Ты, сватушка, догадайся,
Расхорошенькой, смекни,
Распахни шубу овчинну,
Доставай мошну сафяинну,
Вымай-ко гривну золотую.
Изъ гривны по три денежки,
На пѣвицу по конфечкѣ.

Свать беретъ стаканъ съ пивомъ, кладетъ туда мѣдныхъ денегъ, или смотря по достатку

серебряной нятачокъ либо гривенничекъ, под-
носятъ дѣвицамъ, которыя, принявши, ноютъ,
ежели онъ далъ имъ довольно:

873 (9).

Спасибо тѣ, сватушка, на дару твоємъ:
Ужъ твой ковшъ мы весь выпили,
Золотую гривну выняли;
То намъ на бѣлыя бѣлилы,
То намъ на красныя румянцы.

Когда же свать положитъ имъ денегъ мало,
то начинаютъ его корить:

874 (10).

Штобы тѣ свату по міру ходить,
По міру ходить, сѹму волочить.
Ужъ какъ свать по бережку нохаживаетъ,
Въ чисту рѣчинку поглядываетъ;
Да вѣдь самъ себя похваливаетъ:
Ужъ и какъ же я хорошъ,
Ужъ и какъ же я пригожъ,
Самъ-то шестомъ, голова пестомъ,
Рожа пряслицею, глаза раковинею, и проч.

Тѹ же пѣсню ноютъ и къ другимъ гостямъ,
принаравливая къ каждому: такимъ образомъ
она повторяется для каждаго гостя, для ка-
ждой гостыи. Невѣста во все это время поетъ
заунывно.

Когда гости прѣдѣтъ сватово кушанье,
свать всѣ оставшіеся на столѣ куски заверты-
вается въ свою скатерть, и прячетъ въ свою
коробку, для того что не вѣжливо оставлять
въ гостяхъ свои куски и крохи. Лишь только
свать соберетъ со стола, хозяйинъ и хозяйка
накрываютъ своею скатертью и подаютъ свой
ужинъ; тутъ пируетъ и свать, какъ первый
гость; и ежели запируется и долго не соби-
рается домой, тогда дѣвицы поютъ:

875 (11).

Ты, сватушка, ненаѣда, догадайся,
Ко дворамъ скорѣй подымайся.
Ужъ какъ свать-отъ ненаѣдъ,
Сѣлъ корову да быка,
Насѣдку съ цыплятами;
Какъ у свата косые-то глаза,
По полицамъ все глядятъ,
Они каши, знатъ, хотятъ,
Каши масляной, ложки крашеной.

Когда свать подымется домой, тогда не-
вѣстина мать подаетъ ему дары тѣмъ же
порядкомъ, какъ и на сговорѣ. Свать, рас-
прошавшись, уѣзжаетъ, увозитъ съ собою
коробку и пустыя боченки. За нимъ и гости
расходятся всѣ, кромѣ дѣвицъ, которыя оста-
ются. Невѣста выходитъ къ отцу и къ матери,
завывая въ голосъ:

876 (12).

Свѣтель мѣсяцъ, родимый батюшка,
Красно солнышко, родима матушка!
Мнѣ не надобно ни золота, ни серебра,
Прошу вашего честнаго благословенія.

Мать зажигаетъ свѣчу передъ иконами:
всѣ молятся Богу; отецъ снимаетъ съ полки
образъ, оборачивается лицомъ къ людямъ и
держитъ образъ передъ собою; невѣста съ
воплемъ молится образу, кладетъ три зем-
ныхъ поклона, при каждомъ поклонѣ подружки
подымаютъ ее подъ руки; невѣста крестится,
прикладывается къ образу, цѣлуется съ от-
цомъ, который передаетъ образъ матери. Ся,
принявши образъ, становится въ отцово мѣсто
и благословляетъ дочь свою тѣмъ же поряд-
комъ. По благословеніи, дѣвицы собираются
вести невѣсту въ баню: берутъ съ собою кув-
шинъ пива и привезенныя сватомъ въ лар-
чикѣ мыло, бѣлилы, румяны, гребень, зер-
кало. Когда нѣтъ въ деревнѣ бани, тогда
топятъ пожарче избу у того изъ сосѣдей, у
кого печь попросторнѣе, чтобы можно было
въ ней париться. Идучи въ баню, невѣста
воетъ въ голосъ, а дѣвушки поютъ пѣсню:

877 (13).

Растопися, банюшка, растопися,
Разгорися, каменка, разгорися!
Ты разсынься, бѣлъ крупеньъ жемчугъ,
Да по атласу, да по бархату,
По серебряному блюдецкѹ,
Ты расплачься, Агафьюшка,
Ты расплачься, свѣтъ Ефимьевна,
Передъ своимъ роднымъ батюшкой:
„Государь ты мой, родимый батюшка!
Ты на што, про што пиво варишь,
Ты къ чему зелено вино куришь?“
— Ты дитя-ль мое милое,
Я пиво-то варю и вино-то курю
Да твоихъ-то бояръ поить,
Твоево большова барина,
Филиппа свѣтъ Григорьича.

Приходятъ въ баню, поддають на каменку или въ печку пивомъ, которое принесли съ собою въ кувшинѣ, моются и моютъ невѣсту, сама же она ни до чего *не дотыкается*. Вымывшись, одѣваются, бѣлются, румянятся, въ зеркало смотрятся; одна только невѣста не бѣлится, не румянится и не смотрится въ зеркало. Изъ бани идутъ домой тѣмъ же порядкомъ; невѣста плачетъ, а дѣвушки поютъ пѣсню:

878 (14).

При дѣвичьемъ было при вечерѣ,
При Агафьиномъ-то дѣвишничкѣ,
Не трубынка трубила рано по зарѣ,
То плакала Агафьюшка по русой косѣ;
„Свѣтъ моя косынка, русая коса!
Разобьютъ тебя косынку на шесть доль,
Заплетутъ тебя косынку на двѣ косы.
Дотолѣча косынку дѣвушки плели,
Теперича косынку свахѣ ужъ плести;
Укрутятъ тебя косынку вокругъ головы,
Повяжутъ по косынкѣ бабью красоту;
Бабья красота на печи въ углу,
Дѣвичья красота въ полѣ на лугу.“

Когда придутъ изъ бани домой, отецъ и мать встрѣчаютъ невѣсту съ образомъ такъ же точно, какъ и при отпускѣ въ баню. По благословеніи, подруги сажаютъ невѣсту за столъ на скамейкѣ, на столъ ставятъ передъ нею блюдо, возлѣ котораго кладутъ гребень. Каждая подруга подходитъ къ невѣстѣ, беретъ со стола гребень, чешетъ ей волосы, кладетъ гребень на столъ и въ блюдо положить нѣсколько денегъ, наиримѣрь: пятакъ, либо два, а богатые серебряннѣйшимъ пятачкомъ, либо гривенничекъ. Когда всѣ подруги это дѣло окончатъ, тогда заплетаютъ косу лентою подѣвичьи. Невѣста обращается къ отцу къ матери:

879 (15).

Свѣтель мѣсяцъ, родимый батюшка,
Красно солнышко, родима матушка!
Вы разставляйте столы дубовые,
Накрывайте вы скатерти браныя,
Вы сажайте красныхъ дѣвушекъ,
Угощайте моихъ бѣлыхъ подруженекъ.

Накрываютъ столъ, всѣ дѣвушки садятся, вмѣстѣ съ ними и невѣста, и перестаетъ плакать. Поддаютъ ужинъ, послѣ ужина сласти,

привезенныя сватомъ. Во весь ужинъ невѣста не ѣстъ ни крохи, только лишь подругамъ кланяется и проситъ кушать. Вставши изъ за стола, дѣвушки молятся Богу, собираются ко дворамъ; каждая подходитъ къ невѣстѣ, цѣлуетъ съ нею и прощается, приговаривая: „Оставайся, душа, да будь счастлива“.

Когда всѣ дѣвушки разойдутся, невѣста садится на лавкѣ у краснаго окна и жалобно поетъ:

880 (16).

Свѣтель мѣсяцъ, родимый батюшка,
Красно солнышко, родима матушка!
Не мечитесь на золото, на серебро, и проч.
и проч.
Потомъ, обращаясь къ матери:

881 (17).

Родима ты, моя матушка!
Поучи меня уму да разуму,
Какъ мнѣ жить да быть на чужой сторонѣ.

Мать, обнимая, поетъ въ тотъ же голосъ:

882 (18).

Ты, родимо мое дитятко,
Ужъ живи да привыкай-ко
Ко чужой дальней сторонущкѣ,
Ко чужому отцу, матери!

Наконецъ мать уводитъ невѣсту въ топ-плюшку или въ чуланъ, тамъ подаетъ ей ужинать и укладываетъ спать.

На утро послѣ дѣвичника, къ жениху въ домъ собираются дѣвушки, поютъ свадебныя пѣсни и помогаютъ домашнимъ стряпать обѣдъ и ужинъ; дѣлаютъ *коровой* и *журникъ*, или круглый пирогъ съ курицею, яйцами, кашею, который дѣвушки *рядятъ*, то есть, каждая дѣлаетъ изъ тѣста какую-нибудь *ди-ковинку*: человѣчка, птичку, или другую какую *жаракуюлку*, и лѣпитъ ее на пирогъ, отъ чего онъ выходитъ довольно забавнаго вида. Коровой дѣлается изъ ситнаго или ячнаго, либо изъ пшеничнаго тѣста простой, либо здобный: иногда короваи покупаются въ Москвѣ, то есть, крупичатые куличи, какіе продаются у Лобнаго мѣста. Коровой идетъ въ печь послѣдній, а женщина въ то время, какъ сажаетъ его на лопату и въ печь, припѣваетъ слѣдующее:

883 (19).

Коровай катается,
Коровай валяется,
Коровай на лопату сѣлъ,
Коровай на пожки всталъ,
Коровай гряда досталъ.

При сихъ послѣднихъ словахъ она прыгиваетъ и старается рукою достать до *грядки*: бѣда коли промахнется: примѣта къ худу; когда же по грядкѣ попадешь, то къ добру.

Кончится стряпня, собираются *прибесѣд-ные и поѣзжіе*.

Прибесѣдные, или *посаженные*, отецъ и мать, главныя лица послѣ родныхъ отца и матери. Ежели есть у жениха отецъ и мать крестные, то они должны быть и *прибесѣд-ными*; ежели же ихъ нѣтъ, то старшіе родственники. Это почетные гости на свадебномъ пиру, которымъ при величаніи по имени и отчеству всегда прибавляется титулъ: *батьюшка прибесѣдный, матушка прибесѣдная*.

Поѣзжіе, или *поѣзжаные*, — провожатые жениха къ вѣнцу. Они суть:

Тысяцкій, въ поѣздѣ старшее, впрочемъ, мало дѣйствующее лице. На его рукѣ женихъ и невѣста мѣняются до трехъ разъ кольцами. Въ Іосифовскомъ требникѣ, напечатанномъ въ Москвѣ 1647 года, *тысяцкій* поминается на эктении при обрученіи: „еще молимся о рабѣ Божіи *тысяцкомъ* или *рекѣ*“. Это и понынѣ соблюдается у старообрядцевъ, у которыхъ *тысяцкимъ* бываетъ крестный отецъ жениха.

Большой баринъ, также изъ первостепенныхъ особъ на свадьбѣ, ничего особеннаго не дѣлаетъ и не рѣдко смѣшивается съ *тысяцкимъ*, такъ что обоими именами зовется одно лицо.

Малые барины, нѣсколько поѣзжихъ второй степени, кромѣ провожанія къ вѣнцу, не имѣютъ никакого другаго дѣла.

Дружко, неотлучный спутникъ жениха, распорядитель всѣмъ свадебнымъ порядкомъ и первый весельчакъ и затѣйникъ на праздникахъ.

Подружья, одинъ или двое, товарищи и помощники другака.

Гвоздарь, въ поѣздѣ завѣдываетъ боченкомъ съ пивомъ.

Холостые парни къ поѣзду не допускаются.

Когда соберется весь поѣздъ, накрываютъ столъ; помолвившись Богу, всѣ садятся обѣ-

дать, пьютъ вино и пиво. Курника и корова на столъ не подаютъ: первый бережется къ ужину, а другой на княжъ обѣдъ. Послѣ обѣда всѣ встаютъ, молятся Богу, благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ, за соль. Дружко громко кричитъ къ отцу и матери: „Григорій Савельевичъ, Палагея Демидовна, благословляйте-ко добрыхъ коней закладывать.“ Всѣ встаютъ и кричатъ: „Во святой часъ нечева ждаты!“ Многие изъ поѣзжихъ идутъ запрягать лошадей. Мать, помолвившись Богу, сажаетъ сына жениха на лавку, на шубу, беретъ въ руки стаканъ пива, съ молитвою и перекрестясь, смачиваетъ пивомъ голову парню, расчесываетъ гребнемъ и, припадая къ нему на грудь, вопить въ голосъ:

884 (20).

Родимое мое дитятко,
Филипушка, свѣтъ Григорычъ!
Какъ поѣдешь ты жениться-то,
Привезешь себѣ ты молодую жену,
Не покинь же меня бѣдну, горькую
При старости и при хворости,
Не мѣняй меня горемышную
На свою молодую-то жену.

Дружки и поѣзжіе, впрягши лошадей, входятъ въ избу. Отецъ *теплитъ* свѣчу передъ св. иконами, дружко кричитъ: „Батьюшко, Григорій Савельевичъ, матушка, Палагея Демидовна, благословляйте-тко сынка своего Филипа Григорыча, пора святое дѣло затѣвать, нечева ждаты!“ Всѣ встаютъ, молятся Богу; дружко беретъ женихово *подвѣшное* платье, *шубу*, обмахиваетъ ею вкругъ жениховой головы и встряхиваетъ и эту хватку повторяетъ до трехъ разъ. Шубу надѣваютъ на жениха и на шею ему новязываютъ новый красный платокъ, сложивши его на уголь, такъ точно какъ носятъ платки на шеяхъ женщины: по этому платку женихъ отличенъ изо всего поѣзда. Отецъ беретъ съ полки образъ, становится лицомъ къ людямъ; женихъ молится, кладетъ три земныхъ поклона, при чемъ дружко всякой разъ подымаетъ его подъ руки; по троекратномъ поклоненіи, женихъ прикладывается къ образу и цѣлуетъ отца, у котораго изъ рукъ св. икону принимаетъ мать, становится въ отцово мѣсто и тѣмъ же порядкомъ благословляетъ сына; послѣ матери тою же иконою и точно также благословляютъ дяди родные, отецъ и мать *прибесѣдны*.

Когда благословеніе кончится, тогда дружка во все горло кричитъ: „Смотрѣльщики, глядѣльщики, зѣваки и паломны колюбаки, благословляйте-тко всѣ князя новобрачнаго въ путь дороженьку фхать—сужено, ряжено взять, подѣ золотой вѣнецъ стоять!“ Всѣ въ одинъ голосъ кричатъ крестясь: „Во святой часѣ, дай Богъ часѣ добрый!“ Дружка и подружья берутъ жениха подѣ руки, ведутъ вонѣ садиться въ сани и на каждомъ порогѣ заставляютъ его креститься. Отецъ, мать, родные и прибесѣдные, то есть, всѣ, кто только благословлялъ жениха образомъ, провожаютъ его до перваго порога и къ вѣнцу не фдутъ.

Въ поѣздѣ лошади запряжены съ колокольчиками, бубенчиками, погремушками, ихъ гривы и челны развязаны пестрыми лоскутьями. Спереди скачетъ передовой на одной лошади въ санихъ: его обязанность стараться не давать, чтобы перебивали дорогу. За передовымъ тройкою фдутъ князь-женихъ; у него по правую руку сидитъ тысяцкій или большой баринъ, по лѣвую дружка; за ними скачутъ поѣзжіе по порядку старшинства: поѣздъ заключаетъ гвоздарь: онѣ одинъ фдетъ въ санихъ и везетъ боченокъ пива и ковшъ либо два, также коробью съ хлѣбомъ, солью, съ нарядомъ для невѣсты и мыломъ для подарковъ.

Ежели съ поѣздомъ встрѣтятся какой прохожій, то, снимая шапку, кланяется поѣзду, приговаривая: „Господь съ вами, въ добрый часѣ“. Такому доброму человѣку всѣмъ поѣздомъ откланиваются и благодарятъ. Иногда встрѣшній заваливаетъ поѣзду дорогу: то есть бросаетъ передъ поѣздомъ среди дороги шапку, или рукавицу, или налку и т. п.; тогда поѣздъ останавливается, гвоздарь фбдитъ ковшъ пива, подружья подносятъ прохожему; сей пьетъ пиво, поздравляетъ жениха, желаетъ ему добра и счастья, подымаетъ свой *перелогъ*: поѣздъ скачетъ дальше. Ежели на пути есть деревня, то почитай всегда тутъ заваливаютъ дорогу; мужчины, женщины выходятъ кучею и стоятъ по одну сторону дороги, дѣвушки по другую также кучею и поютъ пѣсни. Мужики и женщины потчуютъ пивомъ, а пѣвицамъ даютъ денегъ. Когда же *завалу* снимутъ, тогда поѣздъ скачетъ дальше, наконецъ подъѣзжаетъ къ ивѣстину двору.

У невѣсты въ домѣ въ этотъ день съ утра большая стряпня, готовится обѣдъ; сходятся дѣвицы, невѣстины подружки, прибесѣд-

ныя, сваха, гости. Подруги наряжаютъ невѣсту, а маленькій братъ родной или двоюродный или племянникъ ее обуваетъ; и лишь только начнетъ надѣвать ей чулокъ на ногу, она завываетъ къ нему:

885 (21).

Родимый ты мой братецъ!
Куда ты меня обуваєшь?
Куда меня ты снаряжаешь?
Обуваєте вы меня, снаряжаете
Въ чужу дальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу съ матерью,
Ко чужому роду племени.
Али я была у васъ не работница?
Али я была у васъ не заботница?

Когда невѣсту нарядаютъ, тогда тенлютъ свѣчу передъ иконами, всѣ молятся Богу; невѣста, стоя среди избы, вопить къ отцу своему:

886 (22).

Свѣтель мѣсяцъ, родимый батюшко,
Не прошу-то я ни золота, ни серебра,
Прошу-то я твоего чистова благословеньца.

Отецъ беретъ съ полки образъ, оборачивается лицомъ къ невѣстѣ, которая молится образу, кладетъ три земныхъ поклона, при чемъ поднимаютъ ее подѣ руки сваха да родственница замужняя, а не дѣвицы подружки. По троекратномъ поклоненіи, невѣста прикладывается къ образу, цѣлуетъ отца, послѣ котораго тѣмъ же образомъ и такимъ же порядкомъ благословляетъ ее родная мать, родные и прибесѣдныя; къ каждому изъ благословляющихъ невѣста завываетъ.

По благословеніи, сваха покрываетъ невѣстину голову покровомъ, то есть, краснымъ платкомъ, чтобы не видно было лица ея, а руки обертываетъ и обвязываетъ чистыми тряпичами, ибо, де, не прилично жениху прежде вѣнца прикасаться къ тѣлу невѣсты*). Сваха беретъ шубу, складываетъ ее вдвое мѣхомъ наружу и стелетъ на лавкѣ въ переднемъ углу. Сажаетъ невѣсту на шубу; съ лѣвой руки возлѣ невѣсты на шубѣ же садится сваха, съ правой руки на шубѣ

*) Женихъ, какъ послѣ увидимъ, сидя вмѣстѣ съ невѣстою въ избѣ и стоя въ церкви, держитъ ее за руку:

же садится *продавецъ*, мальчикъ, который обуваль. Прочіе садятся по давкамъ и скамьямъ и дожидаются поѣзда.

Поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ ко крыльцу, дружка и подружка входятъ въ избу: у дружка въ рукахъ ковшъ пива, у подружки хлѣбъ да соль; оба становятся середь горницы, Богу молятся, на всѣ стороны раскланиваются, потомъ дружка *выкликаетъ*: „Сватушка Ефимъ Денисьевичъ и сватьюшка Авдотья Аванасьевна, просятъ васъ Григорій Савельевичъ, Палагея Демидовна и Филиппъ Григорьевичъ хлѣбомъ да солью, милостію Божіею: ковшъ пивка искушайте, хлѣбъ соль примите, насъ полюбите, къ себѣ въ гости пустите“. Старики, принявши пиво и выпивши, отвѣчаютъ: „Милости просимъ, мы рады такимъ дорогимъ гостямъ“. Подружка ставитъ хлѣбъ-соль на столъ и вмѣстѣ съ дружкой уходитъ. Потомъ опять оба входятъ, дружка съ шубою и покровомъ для невесты и кускомъ мыла для свахи, а подружка съ пирогомъ и жареною говяжьей лопаткою. Дружка, подавая свахѣ мыло, говоритъ: „Свашинька, Ѳедора Сысоевна, мыльцо-то позволти-ка взять, свои бѣлы ручки вымойте, наряды наши примите, Агафью Ефимовну въ наше платье нарядите“. Сваха кланяется, принимая наряды, благодаритъ, между тѣмъ подружка ставитъ пирогъ и мясо на столъ. Дружки идутъ вонъ изъ избы; въ это время сваха надѣваетъ на невесту женихову шубу, прежде обмахивая вкругъ головы невестиною и стряхивая до трехъ разъ, такъ же какъ дѣлалъ дружка при надѣваніи шубы на жениха. За тѣмъ поверхъ своего покрова накрываетъ невесту жениховымъ покровомъ, то есть, краснымъ платкомъ, на серединѣ котораго нашитъ мѣдный шейный крестъ: накрывая симъ платкомъ, такъ сновляютъ, чтобы крестъ былъ наружи и приходился бы на самой маковкѣ невесты.

Входитъ женихъ, по правую руку съ нимъ идетъ дружка, по лѣвую подружка, за ними всѣ поѣзжанные. Вошедъ въ избу, Богу молятся, на всѣ четыре стороны раскланиваются, дружки *шутствуютъ*, то есть, врутъ всякую чухъ, какая только имъ взбредетъ на умъ. Между тѣмъ женихъ подходитъ къ продавцу-мальчику выкупать мѣсто подлѣ невесты, подноситъ ему ковшъ пива, кладетъ туда денегъ и говоритъ: „Сысой Филипповичъ, ковшичекъ пивца искушайте, а мѣстечко-то мнѣ уступите“. Продавецъ, сидя на мѣстѣ, отвѣчаетъ: „Моя сестра не ков-

шовая, моя сестра сторублевая“. Женихъ и еще кладетъ въ ковшъ денегъ, подноситъ продавцу съ тѣми словами, и тотъ же полчаетъ отвѣтъ; наконецъ и въ третій разъ прибавляетъ денегъ, подноситъ пиво и проситъ продавца уступить мѣсто; тогда продавецъ беретъ ковшъ, выпиваетъ пиво, вынимаетъ деньги, цѣлуется съ невестою подъ покровомъ и встаетъ съ своего мѣста; за нимъ также встаетъ и невеста. Въ это время сваха переворачиваетъ шубу, на которой сидѣли, то есть, тѣмъ мѣхомъ, который былъ наверху, оборачиваетъ внизъ, а тотъ, который былъ внизъ, поворачиваетъ вверхъ. Отецъ беретъ невестину правую руку, *вручаетъ* жениху въ правую же руку и обонхъ вдругъ сажаетъ на шубу; сваха садится по лѣвую руку рядомъ съ невестою, а дружка рядомъ съ женихомъ. Хозяинъ и хозяйка просятъ поѣзжихъ и гостей садиться за столъ; подаютъ обѣдъ и пируютъ. Дѣвки поютъ свадебныя пѣсни. Во все это время женихъ держитъ невесту за руку; оба сидятъ за столомъ не ѣвши. Послѣ обѣда всѣ встанутъ изъ-за стола, молятся Богу. Дружка кричитъ: „Ефимъ Денисьевичъ, Авдотья Аванасьевна, благословляйте своихъ милыхъ дѣтей подъ золотые вѣнцы стоять“. Зажигаютъ свѣчу передъ иконами, отецъ снимаетъ съ полки образъ, начинается благословеніе, какъ и въ прежніе разы. Послѣ отца благословляетъ мать, невестины родные и прибесѣдныя. Первый къ образу подходитъ женихъ, за нимъ невеста; при земныхъ поклонахъ жениха поднимаютъ дружки, невесту сваха да родственница баба. По благословеніи дружка *выкликаетъ* тестя и, подавая печать мыла, говоритъ: „Ефимъ Денисьевичъ, отъ Григорья Савельича, Палагеи Демидовны и Филиппа Григорьевича даръ примите, насъ полюбите“. За тѣмъ выкликаетъ невестину мать и родныхъ изъ семьи, каждому приговаривая тѣ же слова и подавая по куску мыла; выкликая и дѣтей, также величаетъ по имени и отчеству и даритъ мальчикамъ по прянику, а дѣвочкамъ по доскуточку въ косы, или на *проравлики* къ рубахамъ. Одаривши всѣхъ, дружка размахивая руками во всѣ стороны, кричитъ во все горло: „Глядѣльщики и смотрѣльщики, ротозѣи и зѣваки и палашны колюбаки, мужики да бабы, красныя дѣвицы, пригожіи и негожіи, гладкіи и рябыи, всѣ, што ни есть, благословляйте молодыхъ князей въ церковь Божію идти подъ золоты вѣнцы стояти!“ Всѣ кричатъ: „Путь добрый,

часть добрый, Господь ихъ благословить“. Подружья идти впереди и несутъ невѣстину образъ, за нимъ женихъ съ невѣстою, по-руку жениха дружка, по-руку у невѣсты сваха, за молодыми идти весь поѣздъ. На каждомъ порогѣ заставляютъ жениха и невѣсту креститься. Отецъ, мать, родные и прибесѣдные, провожаютъ только до первого порога и остаются дома.

Какъ скоро молодые переступятъ за порогъ изъ избы вонъ, невѣстина мать садится на дочеринно мѣсто, на шубу, и начинаетъ выть въ голосъ:

887 (23).

Прощай, родимое дитятко!
Поила-было я, кормила тебя,
Лелѣяла мою дитятку,
Думала, чаяла, што будешь ты
При старости мнѣ, при хворости
На радость да на сбереженье.
Оставила ты меня при старости,
Покинула ты меня при хворости,
Обросила меня, сироту одинокую.

Выходятъ женихъ съ невѣстою съ крыльца, садятся въ сани ридушномъ, возлѣ жениха садится дружка, возлѣ невѣсты сваха; перекрестившись, всѣмъ поѣздомъ ѣдутъ въ церковь: впереди передовой и подружья съ образомъ, за ними *князья молодые*, за симъ тысящій и большой баринъ, тамъ весь поѣздъ, на концѣ гвоздарь. Лишь только поѣздъ съѣдетъ со двора, подружья ворочается назадъ утѣшать невѣстину мать; вѣзжаетъ на дворъ, входитъ въ избѣ, молится Богу, кланяется на всѣ стороны, подходитъ къ столу, становится противъ старухи, которая завываетъ безумолку, ставитъ передъ нею блюдо, вынимаетъ изъ-за пазухи монету съ деньгами, высыпаетъ ихъ на блюдо и говоритъ:

888 (24).

Полно-ка, сватьюшка, плакати,
Перестань, родная, кручиниться,
Бери-тко ты золотой казны,
Покупай себѣ добрыхъ коней
Къ намъ въ гости ѣздитя,
Медъ, вино да пиво кѣшати.
Знай, ѣзди, не лѣнись,
Ѣшь, пей да веселись
И насъ въ гости къ себѣ позывай.

Мать беретъ деньги; подаютъ подружьи ковши пива; онъ пьетъ, благодаритъ, Богу молится, со всѣми прощается и гонитъ за поѣздомъ.

Когда поѣздъ со двора тронется, въ то же время ставятъ въ особые сани *коробью* съ невѣстными *животами* и *бѣльемъ*; на коробью садится *коробейщикъ*, отправляется прямо къ жениху въ домъ. Приѣхавши туда, входитъ въ горницу, Богу молится, на всѣ стороны раскланивается и говоритъ: „Государь ты нашъ, Григорій Савельевичъ, государыня ты наша, Палагея Демидовна, извольте получать нашей Атафьи Ефимьевны животы, бѣлье съ нарядами“. Коробейщику подносятъ ковши пива; выпивши, проситъ кого нибудь, чтобы ему пособили внести коробью, уходитъ вонъ и съ нимъ еще кто нибудь изъ семьи; коробью вносятъ въ сѣнникъ или въ чуланъ. Сдѣлавши свое дѣло, коробейщикъ опять входитъ въ избѣ; тутъ сажаютъ его за столъ и начинаютъ честить и угощать.

Между тѣмъ поѣздъ скачетъ къ церкви; встрѣшніе благословляютъ, либо заваливаютъ дорогу; на деревняхъ дѣвки поютъ свадебныя пѣсни, мужчины и женщины поздравляютъ; ихъ угощаютъ пивомъ, дѣвицы дарятъ деньгами. Наконецъ подъѣзжаютъ къ церковной наперти; женихъ съ невѣстою входитъ въ церковь, дружка идетъ возлѣ жениха, свахи возлѣ невѣсты: женихъ не выпускаетъ невѣстиной руки изъ своихъ рукъ. Иногда дѣвушки собираются у входа въ церковь, нарочно стѣсняются около жениха, отбиваютъ его отъ невѣсты, которую уводятъ къ сторонѣ и обступаютъ около нея толпою. Въ такомъ случаѣ женихъ долженъ свою оплошность поправлять выкупомъ: даритъ дѣвушкамъ деньги. Когда начнется священнодѣйствіе, тогда женихъ, невѣста, сваха и дружка стоятъ прежнимъ порядкомъ, причемъ первые дѣлаютъ то же самое, что дѣлаютъ послѣдніе, то есть: дружка или сваха перекрестится, и женихъ или невѣста то же сдѣлаетъ; дружка поклонится въ землю и женихъ также. Когда священникъ поведетъ обрученныхъ къ вѣнчанію, тогда сваха раскидываетъ передъ наложомъ *подножье*, доску холстины, и ставитъ на него по ногѣ, то есть правую ногу женихъ и правую же ногу невѣстину, обѣ вмѣстѣ, чтобы другъ друга не опереживали. По вѣнчанію дружка кричитъ громко: „А кто кому покорень?“ При сихъ словахъ *молодая* упадаетъ *молодому* въ ноги, и,

вставиши, цѣлуется съ нимъ изъ подъ покрововъ.

Сваха беретъ молодую подъ руку, отводитъ въ трапезу церкви къ сторонѣ; замужнія и дѣвицы толпою окружаютъ ихъ, чтобы мужчины не видали, что съ молодою будутъ дѣлать. Сваха сажаетъ ее на стулъ, снимаетъ съ головы покровы, разбиваетъ косу, дѣлитъ на двѣ доли, заплетаетъ двѣ косы, каждую въ три косицы; крутитъ обѣ косы кругъ головы, надѣваетъ на голову повойникъ или кичку и новязываетъ покрывами по бабемѣ. Пока сваха занимается симъ дѣломъ, нѣкоторые изъ бабъ стараются изподтишка надѣть повойникъ или кичку на голову молодому; и когда имъ это удастся, тогда подымается хохотъ во всѣхъ зрителяхъ,—смѣются надъ простотою молодого; особенно же бабы чрезвычайною этимъ потѣшаются, во первыхъ потому, что въ самомъ дѣлѣ это очень забавно, а вовторыхъ и потому, что это хорошая примѣта для молодой, именно же, что она будетъ въ жизни управлять своимъ мужемъ-простакомъ; въ случаѣ ихъ неудачи сироканить, заключаютъ о противномъ. Когда сваха уберетъ совѣмъ молодую, подзываетъ молодого, ставитъ обонхъ рядышкомъ, велитъ имъ приклониться щека со щекою и подаетъ имъ зеркало такъ, чтобы они оба вдругъ поглядились въ него; и тутъ-то въ первый разъ молодой видитъ свою жену въ лицо, ибо съ самаго пріѣзда своего за невѣстою въ домъ ея и до этого зеркала невѣста бываетъ подъ покрывами. Прежде случалось, что симъ обычаемъ держать невѣсть подъ покрывомъ и не показывать жениху до конца вѣнчанія, пользовались и подмѣняли невѣсть; напримѣръ: когда у крестьянина нѣсколько дочерей невѣсть, и старшую изъ нихъ женихи *обтѣгаютъ*, подозрѣвая какой нибудь недугъ, припадокъ, порчу, глухоту, глазную немочь и т. п., въ такомъ случаѣ сватаютъ младшую, а въ день свадьбы подъ покрывомъ сажаютъ старшую. Такъ былъ женатъ на подмѣненной поделѣной и глухой дѣвкѣ староста въ имѣніи моего родителя, хотя и сватался за ея меньшую сестру не глухую. Наконецъ молодые служатъ въ церкви молебень, и, принявъ отъ священника благословеніе и кропленіе святою водою, отправляются къ дому; садятся въ сани и ѣдутъ прежнимъ порядкомъ. Дорогою на переѣздѣ черезъ рѣку, оврагъ, яму или сугробъ, сваха срываетъ у молодой съ рукъ тѣ тряпицы, которыми онѣ были обернуты и обвязаны, кидаетъ ихъ туда,

чтобы де молодая на жнивь серпкомъ руку себѣ не порѣзывала. Во всю дорогу поѣздъ скачетъ, не останавливается, хотя бы его и заваливали. Молодые пріѣзжаютъ на свой дворъ, входятъ въ сѣни; дружка отворяетъ дверь въ избу; они, не переступая черезъ порогъ, останавливаются въ сѣняхъ. Отецъ молодого съ образомъ и мать съ хлѣбомъ да солью, которая насыпана на хлѣбъ кучкою, подходятъ также къ двери къ порогу и, не переступая черезъ него, стоятъ въ избѣ. На матери надѣта шапка навыворотъ и шуба навыворотъ же, чтобы де *застрашить* молодую. Молодые, стоя у порога, молятся образу; молодой кладетъ три земныхъ поклона и черезъ порогъ прикладывается къ образу, цѣлуется съ отцомъ; потомъ черезъ порогъ же цѣлуется у матери хлѣбъ, цѣлуется и съ нею. Тѣмъ же порядкомъ и молодая молится и со всѣми цѣлуется черезъ порогъ; за тѣмъ оба цѣлуются черезъ порогъ же съ прибесѣдными, при чемъ мать прибесѣдная осыпаетъ молодыхъ *житомъ*, то есть, ячменемъ; а если нѣтъ его, то—овсомъ, чтобы молодые были *зжиточны*, богаты всякимъ житомъ. Тутъ прибесѣдныи отецъ принимаетъ изъ рукъ у роднаго отца образъ и несетъ его къ столу; родные отецъ и мать и оба молодые вчетверомъ поддерживаютъ хлѣбъ-соль и идутъ къ столу за прибесѣдными, за ними—подружка съ невѣстными образомъ и весь поѣздъ. Подойдя къ столу, кладутъ на него хлѣбъ и соль, святые иконы ставятъ на полку, Богу молятся, всѣ другъ съ другомъ цѣлуются, здороваются, садятся за столъ ужинать. Начинается веселый пиръ; но молодые тутъ не ѣдятъ ни крохи. Собравшіяся дѣвки поютъ пѣсню, припѣвая прежде всѣхъ къ молодымъ:

889 (25).

Пойдемте-тко по ряду,
По всей честной бесѣдѣ,
Мы дойдемъ-ко до умнова,
Дойдемъ до разумнова,
До умнова до батюшки,
До Филиппа свѣтъ Григорыча,
До разумной своей матушки,
Агафьи свѣтъ Ефимьевны.
Мы вамъ пѣсни поемъ,
Мы вамъ честь воздаемъ, и проч.

Если молодой подаритъ пѣвицъ мало, то его корятъ:

890 (26).

Какъ у Филиппа-то жена,
Не пригожа да не корыстна,
Што кривое коромысло;
Какъ Филиппъ-отъ самъ уродъ,
Ротозѣя, криворотъ,
Самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Харя пряслицею,
Глаза раковницею.

Изъ-за третьяго кушанья дружка выкликаетъ молодыхъ, приговаривая: „Ой вы, гой-си, молодой князь Филиппъ Григорьевичъ со молодою княгинею Агафьею Ефимьевною! становитесь-ка вы на лыжи, подвиньтесь поближе, Господу Богу помолитесь, батюшкѣ, матушкѣ, всѣмъ добрымъ людямъ поклонитесь, да стунайте-тко опочивать, ложитесь въ теплу спальню, къ овцамъ въ овчарню“. Молодые встаютъ, отецъ и мать благословляютъ ихъ образомъ, потомъ дружка, подружья и сваха отводятъ ихъ спать въ скотную избу, ежели она есть, а не то въ омшаникъ къ овцамъ; мать несетъ имъ туда ужинать разное кушанье и *кашу*. Гости продолжаютъ веселиться; отпировавши, всѣ идутъ спать.

На другой день утромъ дружка, подружья и сваха приходятъ къ молодымъ подымать ихъ съ постели, при чемъ дружка сдерживаетъ съ нихъ одѣяло кнутомъ *). Молодые встаютъ, наряжаются, входятъ въ избу. Если обнаружится, что молодая еще до брака попустила себя обезчестить, то дружки, поѣзжіе и гости *озоруютъ*: таскаютъ въ избу соръ, щепу, навозъ, солому и сорять по полу; молодая обязана все выметать и угощать пивомъ каждого *озорника*. Впрочемъ, не у всѣхъ такъ поступаютъ съ виновницами; гораздо обыкновеннѣе на такіа дѣла вовсе не обращаютъ вниманія. „Что тебѣ старику за охота ввязаться за этою дѣвкой, вѣдь она съ порокомъ?“ Такъ сказалъ я однажды старику крестьянину, который своему сыну торговалъ въ невѣсты дѣвку и давалъ за нее 150 рублей выводу, между тѣмъ какъ помѣщица просила 200 рублей. „Ну такъ штожъ за бѣда, што съ порокомъ?“ отвѣчалъ мнѣ старикъ: „насъ она ничѣмъ

не обидѣла. Ехъ, кормилецъ, коли станемъ разбирать всѣ людскіе пороки, то ни мы никого не возьмемъ, ни насъ никто не возьметъ“.

Ежели всѣ молодою довольны, то утромъ до обѣда балагурятъ, особливо же *шутствуютъ* дружка, подружья и сваха. Съ сердечною радостію садятся за *княжь-обѣдъ*, пьютъ, ядятъ и веселятся; то и дѣло жалуются, что вино и пиво горько, что надобно подсластить; вслѣдствіе такихъ жалобъ молодые цѣлуются, и вино и пиво дѣлаются будто бы отъ того вкусными. На обѣдѣ главныя кушанья: жареная курица и пирогъ, или курникъ ряженный. Послѣ обѣда сваха въ тонюшкѣ или въ углу укладываетъ на блюдо дары: полотенцы и ширинки для мужиковъ, рукава для бабъ, а пряники и цвѣтныя лоскуточки для ребятишекъ. Дружка выноситъ дары на середину избы и выкликаетъ поодиначкѣ отца, мать, дядей, братьевъ и прочихъ членовъ семьи отъ велика до мала, величая каждого по имени и отчеству. Выкликнутый подходитъ къ блюду, сваха подаетъ ему даръ, дружка приговариваетъ: „Даръ примите, молодыхъ князей полюбите. Не годится въ ручки, поверните на онучки“. Каждый выкликнутый, принявши даръ, кладетъ въ блюдо сколько нибудь денегъ, которые идутъ въ собственность молодой. Въ продолженіе раздачи даровъ, молодые стоятъ и каждому кланяются; по раздачѣ же молодой беретъ осьмуху вина и деревянный стаканъ начинаетъ подносить за свое здоровье; молодая подаетъ на блюдѣ наръзаннѣй ломтиками *коровай*; каждый родной, каждый гость вина изопьетъ, ломтемъ коровай закуситъ и положитъ на коровай денегъ, которые послѣ идутъ къ молодой же въ карманъ.

Наконецъ садятся за столъ, какъ бы ужинать; послѣ ужина сваха подымается домой, а молодая садится на задній конецъ стола и въ голосъ завываетъ:

891 (27).

Ты бѣлая моя сусѣдушка,
Голубушка Ѳедора Сысоевна!
Оставляешь ты меня горьку, бѣдную
На чужой дальней сторонущкѣ;
Поклонися ты, моя голубушка,
Родимому моему батюшкѣ,
Поклонися ты, моя сусѣдушка,
Родимой-то моей матушкѣ.

*) Вообще кнутъ въ рукахъ дружки есть необходимая вещь при свадьбѣ и много потѣшаетъ всю бесѣду.

Ежели свахою была родственница, напримеръ тетка, то молодая вопить такъ:

892 (28).

Родима ты моя тетунка,
Тетунка Матрена Михеевна!
Оставляешь ты меня бѣдную, горькую,
и проч.

Сваха со всѣми раскланивается, цѣлуется съ молодою и угождаетъ. За нею разѣзжаются и гости. Молодая плачетъ неутѣшно, *свекровь* и *золовки* стараются ее *утѣшить*: водятъ ее по избѣ и заставляютъ каждому старшему въ семьѣ кланяться въ ноги; она, кланяясь до земли, вопить, напримеръ, къ дядѣ своего мужа.

893 (29).

Государь ты мой дядюшка,
Алексѣй, сударь, Савельевичь!
Не покинь меня бѣдную, горькую
На чужой дальней сторонѣшкѣ.

Перекланявшись каждому въ семьѣ, идетъ съ мужемъ спать.

С П О З Н А Т Ь.

Въ третій день свадьбы всѣ родные молодого, бывшіе на свадьбѣ гости и сами молодые прѣзжаютъ къ роднымъ молодой на *спознать*, чтобы всѣмъ ознакомиться, *спознаться*. Тутъ обѣдаютъ, нируютъ, пьютъ за здоровье молодыхъ; молодой подносятъ всѣмъ, начиная съ женинаго отца, вино, и молодая подаетъ на блюдѣ коровай, такъ же какъ и на княземъ обѣдѣ. Если молодой не доволенъ своею женою за ея пороки, то подносить ея отцу вино въ стаканѣ съ дырою. Поднося, онъ зажимаетъ дыру пальцемъ, и лишь только отецъ приметъ стаканъ, вино изъ дыры *посвиститъ* струей и вытекаетъ вонъ. Это отцу позоръ, укора; всѣ гости начинаютъ насмѣхаться, а молодой бранить тещу, за чѣмъ не сдѣлала беречь своей дочки. Напослѣдокъ гости ужинаютъ, послѣ ужина разѣзжаются и расходятся по своимъ домамъ, а молодые остаются гостить съ недѣлю мѣста и больше. Погостивши, ѣдутъ къ себѣ домой одни, уже безъ провожатыхъ. По возвращеніи домой, свекровь и золовка молодую сажаютъ за работу, напри-

мѣръ, даютъ ей прятать кудель шерсти, и такимъ образомъ оканчиваются всѣ свадебные праздники.

Но въ какія времена и при какихъ обстоятельствахъ такіе обряды вошли въ употребленіе между нашими крестьянами? Предоставляя это рѣшить просвѣщенѣйшимъ любителямъ и знатокамъ отечественныхъ древностей, выписываю только довольно любопытное мѣсто изъ Іосифовскаго служебника:

„Нынѣ же паки не до сего, точію злая бывають, отъ безумныхъ на брацѣ дѣйствуемая, но иная многа, о нихъже и рещи не лѣно. Но понеже симъ сквернится тайна христіанская, и діаволу велми радующуся о погибели христіанстѣй, не лѣтъ не написаннымъ и симъ быти вознещевахомъ. Что же се? слышимъ нѣкое неблагоугодное дѣло, яже творять христіяны, отъ діавола научени суще. Егда же убо у нихъ бракъ совершается, и уготовлена бываетъ хранина жениху съ невѣстою, идѣже ложю быти, и постилають подъ нихъ класы, рекше снопове съ зернами, и изъ тѣхъ сноповъ пекутъ просоири и въ церковь Божію въ приношеніе приносятъ. Охъ, увы, сего богомерзкаго и нечистаго и всенагубнаго студодѣйства! Еже не точію дѣйствовати, но ниже помыслити лѣно есть о сиевомъ злѣ и сквернемъ начинаніи. О немъже ни въ древнихъ такъ слышится.“—

„Еще же и иныя студныя и неудобныя статьи содѣвають, о нихъже паки срамъ есть рещи, и писанію предати, понеже мимо христіанскаго обычая и закона содѣвается. Какъ придетъ женихъ по невѣсту, и свахи жениха съ невѣстою вмѣсти за (за)навѣсомъ сажаютъ, съ невѣсты снемъ шапку на жениха надѣвають, и зъ жениха мужескую шапку на невѣсту, и свѣщами со огнемъ волхвуютъ кругъ главы съ четырехъ странъ, и трижды ко главѣ притыкають, и въ зеркало смотрятся велятъ. Да у того же жениха тѣ свахи гребнемъ голову чешутъ. Да иныя есть вражьи же затѣи, кругъ стола всѣмъ поѣдомъ ходятъ. А какъ укрутятъ невѣсту, и крокоуть ея пеленою и унчутъ хмелемъ осыпашъ. И какъ придетъ женихъ съ невѣстою и съ поѣдомъ въ домъ свой, такъ бабѣ поставятъ на кадѣ и облекутъ на нея шубѣ выворота, и она яко видимый кулешъ стоитъ, и станетъ та баба всѣхъ людей хмелемъ осыпашъ, и въ то время вси шапки подставляютъ. Да отъ вѣнчанія приходятъ женихъ съ невѣстою на подклѣтъ, а не за столъ.

какъ не во истинныхъ христіанѣхъ ведется по христіанскому обычаю, а не по странному сему дѣянію. И тамо принесутъ имъ курицу жариную, и женихъ возьметъ на ногу, а невѣста за другую, и учнутъ тянуть ея разнo, и приговариваютъ скверно, еже нѣсть мощно и писанію вдати. Тако врагъ научилъ дѣйствовать старыхъ колдуновъ, бабъ и мужиковъ, и женихъ съ невѣстою по ихъ ученію и по неволи такъ и творять, и яди той зѣло ругаются. Да и еще къ нимъ приносятъ ту же на подклѣтъ каши, и они кашу чернаютъ и за себя иные мечутъ, все бѣсовское дѣйство дѣйствуютъ. Да когда женихъ съ невѣстою пребываетъ, ино таково скверно и зазорно велми зрѣти, понеже странно не токмо рещи, но и помыслити. Носятъ ту невѣстину рубаху, въ нейже съ женихомъ пребываетъ, ко отцу ея и къ матери и ко всей роднѣ ея и кажутъ ту рубаху. О каковъ позоръ и зазоръ и скверна мерзость творится въ православныхъ христіанѣхъ! Чаяти, и въ иновѣрныхъ земляхъ тако не содѣвается. Чему же рещи достойно“, и проч.

894 (1*).

Ай, спасибо тебѣ, Михаилъ господинъ,
Ай, спасибо, Оедотовичъ!
И мы мѣдъ-ать твой выпили,
Мы челомъ тебѣ ударили,
По поклону тебѣ отдали
И по слову по привѣтливому.

895 (2).

Охъ, ты, умная головушка,
Ты, удалъ добрый молодецъ,
Ты охочъ по пирамъ ходить,
Но сговорамъ, по дѣвичникамъ,
По дѣвичымъ по вечерамъ.
Ты охочъ нѣсенъ слушати,
Ты охочъ дѣвицъ дарити
Не рублемъ, не полтиною,
Золотыми червонцами.
Если будешь дарити,
Станемъ мы тебя хвалити;
А не будешь насъ дарити,
Станемъ мы тебя хулити.

*) Пѣсни 894—898 взяты изъ изданія „Святки и проч.“. М. 1831. Это изданіе осталось недоступнымъ редакціи. П. В. К-ій, дѣлая изъ него выписки, замѣтилъ: „Всѣхъ въ этой книжкѣ 16 подблюдныхъ нѣсенъ и 14 свадебныхъ“.—Ред.

896 (3).

Когда дружка мало даетъ денегъ.

Друженько хорошенькій!
Друженько пригоженькій!
Какъ на дружкѣ-то кафтанъ
Весь по ниточкѣ собранъ.
Друженько, и т. д.
Какъ на дружкѣ-то камзолъ
Съ фалшивой бахромой!
Какъ на дружкѣ-то штаны
Послѣ дѣда сатаны!
Чулки вязяные,
И тѣ краденые!
Вашимаки хорошіи,
Только безъ подошвы;
Пряжки съ искорками
Вонъ повѣскакали!
Какъ на дружкѣ-то шляпенка
Послѣ сватушки чертѣнка!
Онъ по горницѣ прошѣлъ,
Тронъ шоблуди нашѣлъ!
На палати взглянулъ,
Трое лаптей стянулъ;
На новаритъ живаль
И онъ ложки мываль,
Онъ помон пиваль
И мочалки сосаль.
Мы посадимъ за столъ,
Принибеѣмъ пестомъ!
Скажемъ: нѣ воду пошѣлъ!
Скажемъ: подъ ледъ ушелъ!
Ужъ куда какъ онъ хорошъ—
На лиху болѣсть похожъ!
Друженьку по деньгамъ принимаютъ,
А дубиною друженьку провожаютъ.
Друженько хорошенькій!
Друженько пригоженькій!

897 (4).

Пантелей сударь ходитъ по двору,
Кузьмичъ гуляетъ по широкому;
Куныя на немъ шуба до земли,
Соболь-шанка до верху,
Божья надъ нимъ милость до вѣку.
А суженая смотреть изъ полога,
Бояре-то смотреть изъ города,
Боярыни-то смотреть изъ терема.
Бояре-то смотреть: „Чей-то такой?“
Боярыни скажутъ: „Чей господинъ?“
А суженая молвитъ: „Мой дорогой,
Мой дорогой, Пантелеюшка мой!“

898 (5).

Ты рѣка-ль моя, рѣченька,
Ты рѣка-ль моя винная!
Ты по сахару, рѣка, текла,
Но потокѣ разливалась.
У тебя ли, у рѣченьки,
Берега были хрустальные,
А пески были жемчужные!
Какъ на томъ ли на бережку
Что стоить былъ тонкой шатеръ¹⁾.
Ужъ какъ дѣвица съ терема
Что пришла ко блѣу шатру,
Что будила, нобуживала
Удалого добра молодца: ²⁾
„И ты встань, пробудись, молодецъ,
Пробудись, душа радость моя!
Я не пить къ тебѣ и не ѣсть пришла:
Я пришла позабавиться
Въ политавры во золотыя.“³⁾
Проиграла красна дѣвица⁴⁾,
Проиграла золотъ перстень.
„Не въ досаду ли дѣвицѣ?“
— Не въ досаду добрый молодецъ!—
Проиграть золотіи часы,
Проиграла свѣтъ дѣвица,
Проиграла косу русую.

Варьянты изъ пѣсен. П. Пилина:

- 1) Въмѣсто первыхъ девяти строкъ:
Ахъ, ты винная рѣка!
Ты по сахару текла,
Во изюмѣ наливалась.
- 2) Въмѣсто слѣдующихъ трехъ строкъ:
Ахъ ты, умная, разумная,
Душа красная дѣвица!
Съ терема во шатеръ пошла.
- 3) Въмѣсто слѣдующихъ пяти:
Богъ на помочь тебѣ, суженый!
Я пришла къ тебѣ не пить, не ѣсть,
Я не хлѣба-соли кушати,
Я не блѣу лебедь рушати:
Я пришла къ тебѣ позабавиться
Во цимбалы, во шахматы,
Во всѣ игры нѣмецкія.
- 4) Съ этихъ поръ, вмѣсто послѣднихъ 11 стиховъ,
иначе:
Проигралъ суженый
Со правой руки золотъ перстень.
„Не въ досаду показалося
Тебѣ, добрый молодецъ?“
— Не въ досаду мнѣ, красна дѣвица!

Затѣмъ повторяется вся пѣсня до стиха: „Всѣ
игры нѣмецкія“, и въ заключеніе:

Проиграла красна дѣвица
Со правой руки золотъ перстень,
Еще проиграла свою русую косу,
Еще проиграла свою дѣвичью красу:
„Не въ досаду-ль тебѣ будетъ, красная дѣ-
— Ахъ, мнѣ въ досаду-то великую! [вица?“

АВ *).

а) Новиковскій пѣсенникъ**).

899 (I, 196).

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, ниво варивала:
Солоду купила, хмѣлю въ займы взяла;
Черной дроздь нивоваромъ быть.
Дай же намъ, Боже, пиво то сварить,
Пиво то сварить и вина накурить.
Созовемъ къ себѣ гостей, мелкихъ пташечекъ.

*) Въ эту группу вошли пѣсни, выбранныя П. В. К-мъ для собранія, въ качествѣ „чисто народныхъ“, изъ пѣсенниковъ печатныхъ XVIII и XIX ст. Пѣсни эти расположены въ хронологическомъ порядкѣ пѣсенниковъ и въ послѣдовательномъ порядкѣ пѣсенъ въ каждомъ изъ нихъ. Цифра въ скобкахъ соответствуетъ номеру пѣсни въ пѣсенникѣ.—Ред.

**) Полное его заглавіе: „Новое и полное собраніе российскихъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ пѣсни: любовныя, пастушескія, шутливыя, простонародныя, хоральныя, свадебныя, святочные, съ присовокупленіемъ пѣсенъ изъ разныхъ российскихъ оперъ и комедій“. М.—6 частей, Унив. тип. 1780—1781 гг.

Совушка вдовушка не званая пришла;
Снигирюшка по сѣнничкамъ похаживаетъ,
Совушкѣ головушку поглаживаетъ.
Стали всѣ птички межъ собой говорить:
„Что жъ ты, снигирюшка, не женишься?“
— Радъ бы я женился, да некого взять;
Взялъ бы я пернатку, да matka моя,
Взялъ бы я чечотку, та тетка моя,
Взялъ бы я синичку, сестрица моя,
Взялъ бы я сороку, шекотливая.
Есть за моремъ перепелочка;
Та мнѣ ни матушка, ни тетюшка:
Ту я люблю и за себя возмю.—
Здравствуй, хозяйни съ хозяйшкою!

900 (IV, 67).

Ахъ, Дунюшка, любушка, Авдотья душа!
Всѣмъ ты мнѣ, Дунюшка, по мысли пришла:
Головушку чешешь и косу плетешь,
Бѣло лицо моешь и брови сурлишь,
Себя украшаешь, Петра веселишь!

Что на злую-ли стару подговорщицу.
 Миѣ не вѣкъ тебя поить, кормить,
 Миѣ не вѣкъ тебя лелѣить.
 А пора ужъ замужъ выдати.
 Дальняя чужа сторонушка
 Досадитъ тебѣ лишь въ первы дни,
 Послѣ та сторонушка полюбится,
 Чужа дальняя тебѣ понравится.
 Ужъ и въ той-ли во сторонушкѣ
 Позабудешь ты и батюшку!

904 (11).

Зарею утреннюю Улитушка въ городъ шла,
 Ко двору пришла тучею,
 На широкъ дворъ взошла дождичкомъ,
 На ново крыльцо взошла солнушкомъ,
 Въ новы сѣни взошла кунницей,
 Въ высокъ теремъ взошла дѣвицей,
 Сѣла за столъ соколомъ;
 Махнула вѣромъ во весь теремъ:
 „Станьте, мои бояра, всѣ рядомъ!
 Послушайте, бояра, что я вамъ скажу,
 Чѣмъ меня батюшко даруетъ:
 Даруетъ онъ меня конями.
 Эти миѣ дары—не въ дары,
 Эти миѣ подарки—не въ подарки!“
 Зарею утреннюю Улитушка въ городъ шла,
 Ко двору пришла тучею,
 На широкъ дворъ взошла дождичкомъ,
 На ново крыльцо взошла солнушкомъ,
 Въ новы сѣни взошла кунницей,
 Въ высокъ теремъ взошла дѣвицей,
 Сѣла за столъ соколомъ;
 Махнула вѣромъ во весь теремъ:
 „Станьте вы, мои бояра, всѣ рядомъ!
 Послушайте, бояра, что я вамъ скажу,
 Чѣмъ меня матушка даруетъ:
 Даруетъ она меня теремомъ!
 Это миѣ дары—не въ дары,
 Это миѣ подарки—не въ подарки!“
 Зарею утреннюю Улитушка въ городъ шла,
 Ко двору пришла тучею,
 На широкъ дворъ взошла дождичкомъ,
 На ново крыльцо взошла солнушкомъ,
 Въ новы сѣни взошла кунницей,
 Въ высокъ теремъ взошла дѣвицей,
 Сѣла за столъ соколомъ;
 Махнула вѣромъ во весь теремъ:
 „Станьте вы, мои бояра, всѣ рядомъ!
 Послушайте, бояра, что я вамъ скажу,
 Чѣмъ меня братецъ даруетъ:
 Даруетъ меня братецъ женихомъ!
 Эти миѣ дары—въ дары,
 Эти миѣ подарки—въ подарки!“

905 (14).

Ходила Пинилушка,
 Гуляла Селифонтьевна
 Во саду со дѣвицами,
 Во зелѣномъ со красными;
 Она рвала цвѣточки,
 Лазуревые василечки.
 Какъ незнаючи, невѣдаючи,
 Приходить къ ней матушка,
 Беретъ ее за бѣлы руки,
 Приводитъ во свѣтличку,
 Сажасть за дубовый столъ
 Подлѣ ея суженаго,
 Подлѣ ея риженаго,
 Оадея да Филатьевича:
 „Ты живи, мое дитятко,
 Ты живи-ль, мое милое,
 Не съ родимою матушкою,
 А съ своимъ-ли суженымъ.
 Тебѣ мое благословеніе!“

906 (16).

Наставало времячко,
 Ужъ наставало нестодливое,
 Что родимой матушкѣ
 Акулиѣ Варфаломѣвиѣ
 Отпускать свою доченьку,
 Свое ли дитя милое,
 Хавроньюшку душу Елизарьевну
 На чужую дальнюю сторону,
 Что на чужую, незнакомую;
 Ужъ какъ слезно восплачется,
 Ужъ какъ грустно взгорюется:
 „Ты, дитя ли мое, дитятко,
 Ты, дитя ли, мое милое!
 Побѣжай на чужую сторону,
 Въ чужи люди незнакомые;
 Какъ въ добрѣ ты жить станешь,
 И матушку забудешь;
 Въ худѣ ли жити станешь,
 И матушку вспомянешь!“

907 (18).

На утренней на зарѣ,
 По весенней по росѣ,
 Передъ восходомъ солнушка,
 Передъ восходомъ краснова,
 Летала мелка пташечка,
 Быстрая ласточка,
 Сизая касаточка;
 Прилетала ко окошечку,
 Ко дѣвицѣ ко Маланьюшкѣ,

Къ душѣ Кириловѣ,
 Пѣла томно жалобно:
 „Не все тебѣ, Маланьюшка,
 Поутру ранешенько
 Одной сидѣть подь окошечкомъ,
 Любоваться краснымъ солнышкомъ,
 Слушать мелкихъ пташечекъ;
 Не все тебѣ, душа Кириловна,
 Одной горе горевать:
 Пора друга наживать,
 Друга милова, сердечнова,
 Съ кѣмъ бы думушку раздумати,
 Съ кѣмъ бы словечушко промолвити“.

908 (20).

„Подружки, голубушки,
 Подруженьки мои милыя,“
 Говорила Маланьюшка,
 Свѣтъ Сидоровна, плачучи,
 Говорила краснымъ дѣвушкамъ,
 Говорила, сама молила:
 „Не отпирайте, не отпирайте,
 Не отпирайте воротъ гостямъ,
 Чужимъ гостямъ, незнаемымъ!
 Не пускайте, не пускайте,
 Не пускайте чужихъ гостей,
 Чужихъ гостей, незнаемыхъ,
 Гостей на широкій дворъ!
 Запирайте, запирайте,
 Запирайте сѣнную дверь,
 Сѣнную дверь во свѣтелочку!
 Не отворяйте, не отворяйте,
 Не отворяйте дверь ко терему,
 Къ терему ль моему высокому!
 Не пускайте, не пускайте,
 Не пускайте, чужихъ гостей,
 Чужихъ гостей, незнаемыхъ!“
 — Ой, не плачь, не плачь,
 Не плачь, душа Маланьюшка,
 Не плачь, свѣтъ наша Сидоровна!
 Не чужой гость, не чужой,
 Не чужой идетъ,—твой суженой,
 Идетъ къ тебѣ твой ряженой!

909 (22).

Стучить, гремить на улицѣ
 У терема у Маланьюшкина,
 У высокова, у Сидоровнина:
 Ъдетъ то ея суженый,
 Ъдетъ то ея ряженный,
 Пафнутій сударь Трифоновичъ
 На добрыхъ коняхъ, на вороныхъ;

Везетъ съ собою атласу и бархату,
 Зоветъ съ собою Маланьюшку:
 „Ты, душа ль моя, красна дѣвица,
 Маланьюшка, свѣтъ Сидоровна!
 Поѣзжай ко мнѣ, поѣзжай:
 Я привезъ тебѣ атласу и бархату,
 Дорого платье самоцвѣтное!“
 — Не поѣду, не поѣду, господинъ,
 Пафнутій, сударь Трифоновичъ!
 Твое платье мнѣ не надобно:
 Я у батюшки не нага, не боса.—
 Стучить, гремить на улицѣ
 У терема у Маланьюшкина,
 У высокова, у Сидоровнина:
 Ъдетъ то ея суженый,
 Ъдетъ то ея ряженный,
 Пафнутій сударь Трифоновичъ,
 На добрыхъ коняхъ на вороныхъ;
 Везетъ съ собою каменьевъ и жемчугу,
 Крупное зарукавицо,
 Зоветъ съ собою Маланьюшку:
 „Ты душа моя, красна дѣвица,
 Маланьюшка, свѣтъ Сидоровна!
 Поѣзжай ко мнѣ, поѣзжай:
 Я привезъ тебѣ каменьевъ и жемчугу,
 Крупное зарукавицо!“
 — Не поѣду, не поѣду, господинъ,
 Пафнутій, сударь Трифоновичъ!
 Твои камни и жемчуги,
 Твое крупно зарукавицо
 Не нужны мнѣ, не надобны:
 Я у матушки безъ нихъ пригожа.—
 Стучить, гремить на улицѣ
 У терема у Маланьюшкина,
 У высокова, у Сидоровнина:
 Ъдетъ то ея суженый,
 Ъдетъ то ея ряженный,
 Пафнутій сударь Трифоновичъ,
 На добрыхъ коняхъ на вороныхъ;
 Везетъ съ собою золотъ перстень,
 Золотъ перстень, золотъ вѣнецъ,
 Зоветъ съ собою Маланьюшку:
 „Ты душа-ль моя, красна дѣвица!
 Маланьюшка, свѣтъ Сидоровна!
 Поѣзжай со мной, поѣзжай:
 Я привезъ тебѣ золотъ перстень,
 Золотъ перстень, золотъ вѣнецъ!“
 — Ъду, ъду, господинъ,
 Пафнутій, сударь Трифоновичъ!
 Мнѣ тѣмъ ли перстнемъ обручатися,
 Мнѣ тѣмъ ли вѣнцомъ вѣнчатися.
 Возьму теперь атласы и бархаты,
 Надѣну платицо самоцвѣтное,
 Уберусь въ камни и жемчуги
 И въ крупное зарукавицо!

910 (24).

Приѣхали, Хавроньюшка,
 Приѣхали, душа Селифонтьевна,
 Бояра на дворъ ко батюшкѣ
 Добра коня торговати:
 „Мнѣ добрый конь не надобенъ,
 Мнѣ на немъ не ѣздити;
 А надобенъ онъ батюшкѣ“.
 Приѣхали, Хавроньюшка,
 Приѣхали, душа Селифонтьевна,
 Бояра на дворъ ко батюшкѣ
 Ясна сокола купити:
 „Мнѣ ясенъ соколъ не надобенъ,
 Мнѣ имъ не тѣшиться;
 А надобенъ онъ батюшкѣ“.
 Приѣхали, Хавроньюшка,
 Приѣхали, душа Селифонтьевна,
 Свашенька къ матушкѣ,
 Свашенька не милостивая,
 Свашенька не жалостивая:
 Хочетъ твою косоньку расплетати,
 Съ русой жемчугъ разсыпяти,
 Съ высока терема сводити,
 На чужу сторону увозити,
 На чужу дальню увозити
 Въ чужи люди не знакомые
 Къ чужому отцу, къ матери,
 Къ деверьямъ, ко золовущкамъ.

911 (26).

На рѣчкѣ лебедушка кликала,
 На быстрой бѣла кликала:
 „Ты лети, лети, лебядь мой,
 Ты лети, лети бѣлый мой!
 Безъ тебя ли мнѣ, лебедушкѣ,
 Рѣчка не такъ течетъ:
 Безъ тебя ли мнѣ, лебедушкѣ,
 Въ полѣ травка не зелена!“
 Въ теремѣ Акулинушка плакала,
 Въ высокомъ Харлампьевна плакала:
 „Ты иди, иди, суженый мой,
 Ты иди, иди, ряженный мой!
 Скорѣй иди, Филать господинъ,
 Филать, сударь Фалалеевичъ!
 Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
 Темно красное солнышко.
 Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
 Не ясенъ свѣтъ лѣсянъ.
 Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
 Теремъ не такъ стоитъ;
 Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
 Сахарна ѣства на умъ нейдетъ;
 Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,

Сладка меду не хочется;
 Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
 Денечекъ весь пасмуренъ:
 Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
 Не спится темна ночка!“

912 (28).

Ужъ пойду ли я ко тестю въ домъ,
 Ужъ пойду ли я къ тещѣ ласковой,
 Возьму мою суженую,
 Возьму мою ряженую,
 Душу Маремьянушку,
 Маремьянушку свѣтъ Перфильевну;
 Возьму за бѣлы руки,
 За бѣлыя руки, за румяныя;
 Посажу за дубовый столъ,
 Посажу я возлѣ себя;
 Поцѣлю, поцѣлю Маремьянушку,
 Поцѣлю душу Перфильевну;
 Назову ее душой своей,
 Душой своей и радостью!

913 (30).

Летала пташечка по саду,
 Порхала легкая по зелену,
 Взвиалася подь облаки,
 Спускалася стрѣлкою.
 Какъ ловятъ пташечку,
 Сажаютъ во клѣточку,
 За золоту за рѣшоточку:
 „Ужъ не летать-то мнѣ, пташечкѣ,
 Не летати, знать, по саду,
 Не летати, знать, по зелену,
 Не взвиватися подь облака
 Не спускаться, знать, стрѣлкою!“
 Какъ гуляла Стенанидушка по терему,
 Какъ гуляла Ипатьевна по высокому:
 Играла со дѣвицами,
 Играла съ подружками красными.
 Какъ отдають Стенанидушку,
 Какъ отдають душу Ипатьевну,
 Въ чужой дворъ, во чужі люди,
 Во чужи люди незнакомые,
 Ко чужому отцу, ко матери.
 Что веплается, что вегоскуется:
 „Ужъ не гулять мнѣ по терему,
 Ужъ не гулять мнѣ по высокому,
 Ужъ не играть, знать, съ подружками,
 Съ подружками, съ красными дѣвушками!
 Ужъ не нажить мнѣ, не нажить,
 Не нажить, знать, прежней волюшки!
 Чужіе отецъ съ матерью
 Не дадутъ долго-епать,

А деверья съ золовками
Стануть вкось смотрѣть!“

914 (32).

Солнушко катилось ко западу,
Красное катилось ко тѣмному;
Свѣтѣль мѣсяцъ на востокъ,
Онъ свѣтитъ, не померкнетъ:
Кидаетъ лучи яркіе
Ко Матрѣнушкѣ во высокъ терѣмъ,
Ко Деменьтевнѣ въ изукрашенной.
Прѣзжали князья, бояра,
Ко Деменьтю на широкой дворъ,
Входили въ свѣтлую свѣтличку;
Они Богу молилися,
Хозяину чинно кланилися,
Всѣ рядомъ садилися;
Одно мѣстечко оставили,
Впереди подъ иконами;
Звали къ себѣ, выкликали,
Выкликали красную дѣвицу,
Матрепушку душу Деменьтевну:
„Ты выдь, душа Матренушка,
Ты выдь къ намъ, свѣтъ Деменьтевна!
Покажи намъ лицо свое бѣлое,
Покажи намъ лицо румяное!
Для тебя ли мы нарокомъ прѣхали,
Для тебя ли мы и мѣстечко оставили:
Ты сядь, сядь съ добрымъ молодцемъ,
Съ добрымъ молодцемъ, твоимъ суженымъ,
Съ твоимъ суженымъ, съ твоимъ ряженымъ,
Трифономъ Пафнутьевичемъ,
Подъ святыми иконами,
Подъ Божьею милостію!
Тебѣ завтра съ нимъ обручатися,
Золотымъ кольцомъ мѣнятися,
Золотымъ вѣнцомъ вѣнчатися.
Вѣкъ тебѣ съ нимъ не разстатися!“

915 (34).

Маремьянушка дѣвушкамъ говаривала,
Онуфріевна краснымъ наказывала:
„Не кидайте, не бросайте
Вы батюшекъ и матушекъ,
Живите въ высокомъ терему,
Не ходите ко чужимъ отцамъ,
Къ чужимъ отцамъ, къ матерямъ:
Ужъ чужіе ль то отцы—свекоры,
Все жуять, все бранять,
Все ворчать;
Ужъ чужія ль то матери—свекрови,
Не дадутъ младшенькѣ выспаться,
Выспаться, вылежаться,

Вылежаться, вынѣжиться;
Ужъ чужіе ль то братья—деверья,
Изъ за угла вкось глядятъ;
Ужъ чужія ль то сестры—золовунки,
Въ глаза листью лѣстятъ,
За очью поѣдомъ съѣсть хотятъ!“
А теперь наша Маремьянушка,
Душа, свѣтъ Онуфріевна,
Сама кидаетъ, бросаетъ,
Кидаетъ роднова батюшку,
Бросаетъ родную матушку;
Не милъ ей высокъ терѣмъ,
Не нравится ей изукрашенной;
А милъ то ей ея суженой
Нравится ей ея ряженой,
Севастьянъ сударь Карновичъ;
Идетъ къ чужому отцу, къ матери,
Что къ чужому ль отцу, къ свекору:
Ужъ свекоръ теперь не журить, не бранить,
Не бранить, не ворчить;
Идетъ къ чужой матери, ко свекрови:
Ужъ свекровь ли теперь даетъ выспаться,
Даетъ выспаться, вылежаться,
Даетъ вылежаться, вынѣжиться;
Ужъ чужіе ль братья, деверьюшки,
Изъ за угла теперь вкось не глядятъ;
Ужъ какъ чужія ль сестры, золовунки,
Въ глаза теперь не лѣстятъ,
За очью поѣдомъ съѣсть не хотятъ.
Ужъ какъ онъ ль ей полюбилися,
Ужъ какъ онъ ль ей приглянулися,
Не хочетъ съ ними и разстатися.

916 (36).

Не ходить было Соломонушкѣ,
Не гулять было Селифонтьевнѣ
Во зеленомъ садикѣ по зарѣ,
Не смотрѣть было Соломонушкѣ,
Не глядѣть было Селифонтьевнѣ
На молодыхъ молодцовъ,
На молодыхъ, изнаряженныхъ!
Приглянулся Соломонушкѣ,
Приглянулся душѣ Селифонтьевнѣ
Молодой молодецъ
Молодой, изнаряженной,
Парамонъ сударь Инатевичъ:
Не хочетъ съ нимъ и разстатися,
А хочетъ съ нимъ остатися;
Позабыла батюшку и матушку.

917 (37).

Не долго цвѣточку во садикѣ цвѣсти,
Не долго вѣночку на стопочкѣ висѣть,

Не долго Катеринушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
 Не долго Ивановѣ во красныхъ сидѣть¹⁾.
 Гордись, гордись, батюшко, не отдавай,
 Поколь тебя, батюшко, зять подарить!²⁾
 Подарить тебя, батюшка, зять тремя сук-
 Тремя*) сукнами багрецовыми⁴⁾. [нами³⁾],
 Не долго цвѣточку во садикѣ цвѣсти,
 Не долго вѣночку на стопочкѣ висѣть,
 Не долго Катеринушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
 Не долго Ивановѣ во красныхъ сидѣть.
 Гордись, гордись, матушка, не отдавай,
 Поколь тебя, матушка, зять подарить!
 Подарить тебя, матушка, зять тремя парчами:
 Изъ бѣленькой сшей мнѣ, матушка, юбочку;
 Изъ голубенькой сшей мнѣ, матушка, душе-
 грѣчку;
 Изъ аленькой сшей мнѣ, матушка, епане-
 чичку!

Варьянтъ изъ *Гурьян. пѣсенника*.

- 1) Въмѣсто первыхъ четырехъ стиховъ:
 Не долго вѣночку на стѣночкѣ висѣть,
 Не долго Катеринушкѣ въ дѣвушкахъ сидѣть.
 - 2) Згордись, згордись, батюшко, да не отдавай,
 Покуль тебя, батюшко, зять не подарить.
 - 3) Тремя сукнами обрикосовыми.
 - 4) Слѣдующаго за этимъ стиха нѣтъ, а вмѣсто
 этого пѣсня продолжается иначе:
 Не тесанъ теремъ, не тесанъ,
 Только хорошо украшенъ
 Всякими разными красками.
 Какъ Иванъ не ученъ, не ученъ,
 Только хорошо наряженъ
 Всякимъ разнымъ сукномъ;
 За то его тестъ полюбилъ,
 Великимъ даромъ подарилъ.
- Потомъ повторяется вся пѣсня сначала, обра-
 щаясь вмѣсто *батюшки* къ *матушкѣ*, а кончается
 такъ:

За то его теща полюбила,
 Великимъ даромъ подарила,—
 Катериною душою.

Но, кажется, здѣсь эта пѣсня смѣшана съ дру-
 гою;—*П. В. К.* См. выше, № 215.—*Ред.*

*) *П. В. К.*—имъ слово повторено.—*Ред.*

918 (38).

Матушка Акулинушку учила,
 Душу Филатьевну учила:
 „Не ходи, моё дитятко,
 Не ходи, моё милое,
 Во зелёнъ садъ по яблоки,
 Не лови пестрыхъ бабочекъ;
 Не пугай мелкихъ птишекъ,
 Не мѣшай громку соловью!
 Ужъ какъ яблочко-ль сорвѣшь,
 Та-ли яблонька засохнетъ;
 Пѣстру-ль бабочку возьмешь,
 Та-ли бабочка подохнетъ;

Мелку-ль птишечку испугаешь,
 Та-ли птишка улетитъ;
 Соловью-ли громку помѣшаешь,
 Тотъ-ли соловей не засвиститъ.
 А лови ты, мое дитятко,
 А лови-ль ты, мое милое,
 Ясна сокола во чистомъ полѣ!“
 Ловила душа Акулинушка,
 Ловила душа Филатьевна,
 Ясна сокола во чистомъ полѣ,
 Во чистомъ полѣ во зеленомъ,
 Сажала его на бѣлѣ рѣку,
 Приносила къ родной матушкѣ:
 „Матушка моя, государыня!
 Изловила я ясна сокола!“
 Ужъ какъ тотъ-ли соколъ,
 Ужъ какъ тотъ-ли ясень,
 Ты, Селуянъ господинъ,
 Селуянъ, сударь Ѳедотовичъ!

919 (40).

Выводила матушка Афросиньюшку,
 Выводила государыня Вахромѣевну
 Изъ терема изъ красного,
 Изъ красного, изъ высокаго;
 Вводила матушка Афросиньюшку,
 Вводила государыня Вахромѣевну
 Во свѣтлую свѣтличку,
 Во уборную горничку
 Къ гостямъ все незнакомымъ,
 Къ молодымъ все наряднымъ;
 Сажала матушка Афросиньюшку,
 Сажала государыня Вахромѣевну
 Возлѣ себя на краешкѣ:

„Выбирай, мое дитятко,
 Выбирай, мое милое,
 Изъ гостей незнакомыхъ знакомаго,
 Изъ молодыхъ молодова наряднова!
 Ужъ какъ съ тѣмъ ли тебѣ гостемъ вѣкъ
 вѣковать,

вѣкъ вѣковать и меня забывать!“
 Ужъ какъ выбрала Афросиньюшка,
 Ужъ какъ выбрала Вахромѣевна
 Изъ гостей незнакомыхъ знакомаго,
 Изъ молодыхъ молодова наряднова,
 Саватея сударя Елистратовича:
 „Ужъ и я ли съ нимъ, матушка,
 Съ нимъ вѣкъ вѣковать буду;
 А тебя, матушка, не позабуду!“

920 (42).

Ермилъ господинъ по двору гуляетъ,
 Онъ добра коня выбираетъ,

Совсѣмъ его снаряжаетъ,
 Къ тещину двору прїѣзжаетъ:
 „Ты, теща моя, теща ласковая;
 Ты пусти меня на дворъ,
 Ты пусти меня къ моей суженой!
 Я ли платье ей привезъ,
 Я платье самоцвѣтное!“
 — Ей платьице не надобно;
 А надобно другое что!
 У ней платьице и дома есть.—
 Ермилъ господинъ по двору гуляетъ,
 Онъ добра коня выбираетъ,
 Совсѣмъ его снаряжаетъ,
 Къ тещину двору прїѣзжаетъ:
 „Ты, теща моя, теща ласковая!
 Ты пусти меня къ себѣ на дворъ,
 Ты пусти меня къ моей суженой!
 Я ли жемчугъ ей привезъ,
 Жемчугъ со алмазами,
 Со алмазами и со яхонтами!“
 — Ей жемчугъ со алмазами
 И со яхонтами не надобны;
 А надобно другое что!
 У ней ли то и дома есть.—
 Ермилъ господинъ по двору гуляетъ,
 Онъ добра коня выбираетъ,
 Совсѣмъ его снаряжаетъ;
 Къ тещину двору прїѣзжаетъ:
 „Ты, теща моя, теща ласковая!
 Ты пусти меня на дворъ къ себѣ,
 Ты пусти меня къ моей суженой!
 Я ли золотъ перстень привезъ,
 Золотъ перстень со алмазами,
 Со алмазами и со яхонтами!“
 — Изволь, сударь, вѣѣзжать,
 Изволь къ своей суженой,
 Изволь къ своей ряженой!
 Ей золотъ перстень надобенъ,
 Ей надобенъ и со алмазами,
 Со алмазами и со яхонтами:
 Ей тѣмъ ли перстнемъ обручатися.

921 (44).

Ужъ не вихри, ужъ не вихри,
 Ужъ не вихри, ужъ не бурные,
 Позамеркло солнце красное,
 Позатмили свѣтѣль мѣсяцъ;
 Ужъ не тучи, ужъ не тучи,
 Ужъ не тучи, ужъ не темныя,
 Ужъ не туманы дождевые
 У Агафьюшки въ терему,
 У Захарьевнѣ въ высокомъ помрачили:
 Потемнила душа Агафьюшка,
 Помрачила свѣтъ Захарьевна

Своей печалью-горестью,
 Своей несносною кручиною.
 Агафьюшка плачетъ, плачетъ;
 Захарьевна, какъ рѣка лется;
 Она слышала не радостно:
 Ужъ какъ хочеть еѣ батюшко,
 Ужъ какъ хочеть еѣ матушка
 Что отдать ли во чужи люди,
 Во чужи люди незнакомые,
 На чужу дальнюю сторону,
 Ко чужому отцу къ матери.
 „Ой, не плачь, наше дитятко,
 Ой, не плачь, наше милое!
 Чужая сторонушка слюбится,
 Чужая дальняя понаравится!“

922 (46).

Собирается Филать господинъ,
 Филать сударь Пафнютъевичъ
 Ко тестю въ домъ ѣхати,
 Къ тещѣ во теремъ иди;
 Садится на ворона коня,
 Беретъ съ собою дарагіе дары,
 Дарагіе дары, все заморскіе;
 На праву руку сакаетъ сокала,
 Сокала яснава, молодова,
 Прїѣзжаетъ на широкой дворъ,
 Сходитъ съ ворона коня,
 Входитъ во свѣтлую свѣтличку:
 „Государь ты, тестъ батюшко,
 Прими отъ меня багрецовое сукно!
 Государыня, теща матушка.
 Прими отъ меня залату парчу!“
 Ты ли, шуринъ дорогой,
 Прими отъ меня ясна сокала.
 И ты, тестъ батюшка,
 И ты, теща матушка,
 Покажите мнѣ мою суженую,
 Покажите мнѣ мою ряженую,
 Отпустите со мной ее.
 Ты ли, шуринъ дорогой,
 Проводи ее ко мнѣ!
 Мнѣ ясенъ соколь не надобенъ,
 Мнѣ надобнѣй его Соломонушка,
 Мнѣ надобнѣй его душа моя Селифонтьевна:
 Она у меня ясенъ соколь!“

923 (49).

Жарко камню самоцвѣтному,
 Лежучи на горѣ противъ солнышка.
 Тошно, грустно сердцу Маланьюшкину,
 Тошно, грустно сердцу Елизарьевнину,
 Живучи у батюшки въ послѣдні часы,

Живучи у матушки въ послѣдни дни,
Смотрючи, гляючи на русѣ косу,
На русѣ косу, на дѣвичью на красу,
Слышучи про Филатову худобу.

924 (50).

Играло солнце красное,
Играло, да затмилосѣ;
Свѣтилъ свѣтель мѣсяцъ,
Свѣтилъ, да померкнулъ;
Веселилась душа дѣвица,
Веселилась, да приуныла;
Веселилась душа красная,
Веселилась, да призадумалась.
Играла душа Акулинушка,
Играла, да пригорюнилась;
Играла свѣтъ Захарьевна,
Играла, да прикручинилась:
„Ужъ не одна ли я у батюшки,
Ужъ не одна ли у матушки?
Да и ту взвидѣть не хотѣть,
Да и ту гонять со очей долой!
Дѣвушки обо мнѣ не потужать,
Красныя обо мнѣ не пожалѣютъ.
Пожалѣетъ ли мой милой другъ,
Мой милой другъ, мой суженой,
Филать сударь Пафнутьевичъ?
Онъ глазикомъ мигнетъ,
Вся печаль моя пропадетъ;
Онъ за бѣлу руку возьметъ,
Всю мнѣ радость подаетъ;
А душой какъ назоветъ,
Съ сердца всю печаль сдеретъ!“

925 (51).

Ты труба ли моя, трубушка,
Ты труба ль моя серебряная!
Воструби громко, звонко,
Громко, звонко и жалостно:
Ко моему родному батюшкѣ,
Со двора сундуки везуть,
Со крыльца ларцы несутъ,
Со терема Палагѣюшку ведутъ,
Съ высокова Оеклистовну.
Ты труба ли моя, трубушка,
Ты труба ль моя серебряная!
Воструби громко и звонко,
Громко, звонко и радостно:
Къ моему ли свекру батюшкѣ
На дворъ сундуки везуть,
На крыльцо ларцы несутъ,
Во высокъ теремъ дѣвицу ведутъ.

926 (52).

Какъ у насъ ли въ терему,
Какъ у насъ ли во высокомъ
Стоить столикъ не великъ,
Алымъ бархатомъ покрытъ,
Позументомъ обложенъ,
Со широкой бахромой;
На немъ зеркальцо хрустально,
Покрывальцо тафтяно;
Противъ зеркальца дѣвица,
Противъ чистова красная,
Маремьянушка душа Оедотовна:
Она бѣлится, румянится,
Во цвѣтное платьѣ одѣвается,
Во алмазы убирается,
Ко вѣнцу ль она снаряжается,
Со дѣвицами прощается,
Со красными ли разлучается:
„Вы подружки, вы голубушки,
Подруженки мои милыя!
Не тужите, вы не плачьте,
Не слезите лицо бѣлое,
Не на вѣкъ я съ вами прощаюсь:
Скоро я опять къ вамъ буду,
Безъ русыя ужъ косы,
Безъ дѣвичей той красы!“

927 (54).

„Матушка, матушка,
Мать ты моя, государыня!
Князья, бояра на дворѣ!“
— Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое!
Не пуцу ихъ во высокъ терѣмъ.—
„Матушка, матушка,
Мать ты моя, государыня,
Князья, бояра во свѣтличкѣ!“
— Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое!
Не пуцу ихъ во высокъ терѣмъ.—
„Матушка, матушка,
Мать ты моя, государыня,
Князья, бояра Богу молятся!“
— Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое!
У гостей такъ водится;
Не пуцу ихъ во высокъ терѣмъ.—
„Матушка, матушка,
Мать ты моя, государыня,
Князья, бояра за дубовой столъ садятся!“
— Не пугайся, мое дитятко,
Не пугайся, мое милое!
У гостей такъ водится;

Не пущу ихъ во высокъ терёмъ.—
„Матушка, матушка,
Мать ты моя, государыня,
Князья, бояра тебя зовутъ,
Зовутъ къ себѣ, позываютъ!“
— Дитя ли, мое дитятко,
Дитя ли мое милое!
Князья, бояра не меня зовутъ,
Не меня зовутъ, позываютъ;
Не ко мнѣ они прѣхали,
А тебя ли, мое дитятко,
А тебя ли, мое милое,
Зовутъ они, позываютъ,
Къ себѣ они кличутъ, выкликаютъ;
Къ тебѣ они прѣхали,
По тебя она прѣхали;
Увести тебя съ собой хотятъ,
Къ твоему-ли-то суженому,
Къ твоему-ли-то ряженому,
Ко Пафнютю Изотовичу!

928 (56).

Ты взойди, взойди, солнышко,
Ты взойди, взойди, красное!
Ты ярчай горы прежняго!
У Маланьюшки во високомъ терему,
У Карповны въ изукрашенномъ,
У нея ли нынѣ будетъ пирь:
Князья все со боярами,
Хорошо они всѣ изнаряжены:
Кафтаны на нихъ бархатные,
Алы бархатные съ позументами;
Ужъ наряднѣ всѣхъ молодой князь,
Молодой князь, Поликарпъ господинъ,
Поликарпъ, сударь, Ипатьевичъ:
Ужъ и онъ ли, Маланьюшка,
Ужъ и онъ ли, душа Карповна,
Молодой князь твой суженой,
Твой суженой, твой ряженой.

929 (57).

Ты Фетинья Вахрамѣвна*),
Не клади Богу жалобу
Ни на батюшку, ни на матушку:
Ты клади Богу жалобу
На сваху ту разлучницу,
Что ходила норанѣхоньку,
Говорила потихоньку,
Твою матушку уговаривала,
Хвалила, выхваливала
Чужу дальнюю сторонущу:
Какъ **) чужая-то сторонуща
Сахаромъ насѣяна,

Сытою поливана.
Что взговорить ея матушка
Маремьяна Перфильевна:
„Ты полно, обманщица,
Ты полно, подговорщица!
Я сама знаю чужую сторону,
Чужую, дальнюю, незнакомую:
Ужъ какъ чужая-то сторонуща
Горемъ вся изнасѣяна;
Она слезами вся поливана,
Печалью огорожена!“

*) Алексеевн. — *Замѣна П. В. К—аго.*
**) Что. — *Попр. П. В. К—аго.*

930 (58).

Ходилъ Оадей господинъ,
Расхаживалъ сударь Филатовичъ
У себя ли во свѣтличкѣ,
Во свѣтличкѣ новой, изукрашенной;
Вынималъ изъ кована ларца,
Изъ кована, изъ дубоваго
Дары—подарки дорогіе:
Тестю батюшкѣ сукно,
Сукно багрецовое;
Тещѣ матушкѣ парчу,
Парчу золотную;
Свѣту шурина кафтанъ,
Кафтанъ ала бархату;
Дорогой своячинѣ ленточку,
Ленточку союзную;
Душѣ ли своей суженой,
Свѣту ли своему ряженой,
Акулинѣ Поликарповнѣ
Золотъ перстень со алмазами,
Со алмазами и со яхонтами:
„Ты носи, моя душевка,
Что на правой ли на рученькѣ,
Что на бѣломъ ли на мизинчикѣ“.

931 (60).

Ходила душа Палагѣюшка,
Гуляла свѣтъ Оеклистовна
У себя ли въ терему,
У себя ли во високомъ;
Брала золоты ключи,
Отпирала кованы ларцы,
Вынимала дороги подарочки:
Свекру батюшкѣ шелковъ платокъ,
Шелковъ платокъ итальянской;
Свекрови матушкѣ цвѣтенъ грезетъ,
Цвѣтенъ грезетъ яхонтовый;
Свѣту деверю косыночку,

Косынечку тонку полотняную:
Дорогой золотунѣкъ подвязочки,
Подвязочки шиты золотомъ;
А другу ли своему суженому,
Милому ли своему ряженому,
Фалелею Пафнутьевичу,
Подарила цвѣточекъ,
Лазуревой василечекъ:
„Береги его, Фалалей господинъ,
Береги его, сударь Пафнутьевичъ:
Для тебя я его растила,
Для тебя я его нѣжила,
Для тебя я его лелѣяла“.

932 (62).

Цвѣла грушица во садикѣ,
Цвѣла моя во зеленомъ.
Жила мое дитятко,
Жила моё милое
Въ терему во высокомъ,
Во высокомъ, въ изукрашеномъ.
Не все тебѣ жить въ теремѣ,
Не все тебѣ жить со дѣвцами,
Не все тебѣ быть со красными:
Какъ прійдетъ Богданъ господинъ,
Богданъ сударь Пафнутьевичъ,
Завезетъ тебя къ себѣ домой;
Не къ дѣвушкамъ, не къ краснымъ,
Къ молодымъ ли все молодушкамъ.
Молодые ль ужъ молодушки
Родились всѣ примѣтливы,
Всѣ примѣтливы, всѣ насмѣшливы:
Ступишь ли ногой,
Поглядятъ всѣ за тобой;
Махнешь ли рукой,
Засмѣются надъ тобой;
Молвишь ли словечко,
Передражнивать начнутъ;
Сядешь ли за столъ,
Всѣ куски во ртѣ сочтутъ;
Станешь ли молчать,
Станутъ дурочкой величать.

933 (63).

Какъ у Ипата на дворѣ,
Рай мой, рай!
У Алферьевича на широкомъ
Рай мой, рай!
Выростала тутъ трава,
Рай мой, рай!
Трава шелковая;
Рай мой, рай!
Какъ по той-ли по травѣ
Рай мой, рай!

Разцвѣтали тутъ цвѣты,
Рай мой, рай!
Цвѣты лазоревые.
Рай мой, рай!
Какъ по этой-ли по травѣ
Рай мой, рай!
Разостланы были ковры,
Рай мой, рай!
Ковры золотые,
Рай мой, рай!
Края вышитые.
Рай мой, рай!
Какъ по тѣмъ-ли по коврамъ
Рай мой, рай!
Тутъ шла, тутъ прошла
Рай мой, рай!
Свѣтъ Аксиньюшка душа;
Рай мой, рай!
Въ рукахъ она несла
Рай мой, рай!
Воску ярова свѣчу;
Рай мой, рай!
Несучи, слово молвила:
Рай мой, рай!
„Ты гори, моя свѣча,
Рай мой, рай!
Воску яраго свѣча,
Рай мой, рай!
Противъ солнечна лучья!
Рай мой, рай!
Ужъ не быть тебѣ, свѣчѣ,
Рай мой, рай!
Противъ солнечна лучья;
Рай мой, рай!
Ужъ не быть *) свекру,
Рай мой, рай!
Противъ батюшки роднова!
Рай мой, рай!
Ужъ не быть тебѣ, свекрови,
Рай мой, рай!
Противъ матушки родной!
Рай мой, рай!
Ужъ не быть тебѣ, деверю,
Рай мой, рай!
Противъ брата родимаго!
Рай мой, рай!
Ужъ не быть тебѣ, золовкѣ,
Рай мой, рай!
Противъ сестрицы родимой!“
Рай мой, рай!

*) Доб.: тебѣ.— П. В. К.

934 (64).

Красной день проходить,
Вечеръ настаётъ,

Темна ночка наступаєть,
Акулинушка душа Панкратьевна,
Суженаго къ себѣ ожидаетъ,
Алеуфья сударя Ипполитовича;
Во цвѣтное платицо себя снаряжаетъ,
Во цвѣтное, во шелковое:
„Ужъ какъ прїѣдетъ ли мой суженой,
Ужъ какъ прїѣдетъ ли мой ряженой,
И вы, дѣвушки голубушки,
Подружки мои милыя!
Запойте погромчѣе, повеселѣе,
Повеселѣе да порадастнѣе,
Чтобы суженому моему не скучилося,
Чтобы ряженому моему не взгрустилось!“

935 (66).

Пой, мой соловеюшко,
Пой во всю темну ноченьку,
Пой, мой громкой,
Во всю мѣсячную!
Ужъ не долго мнѣ тебя слушати,
Ужъ не долго тебѣ меня тѣшити:
Что увезутъ-то меня изъ терема,
Что високова изъ краснова,
Ко чужому отцу, къ матери,
Ко свекору, ко свекровушкѣ,
Ко недобрымъ деверьямъ,
Ко злымъ, лихимъ золовушкамъ!
Жаль-то мнѣ роднова батюшку,
Жаль-то мнѣ родную матушку,
Жаль тебя мнѣ, соловеюшко;
А жалчѣй таво русой косы,
Моей ли дѣвичей красы!

936 (67).

Ой на-морѣ, на-морѣ,
Что на бѣломъ на камени
Красна дѣвица дары мыла,
Тонки полотняные,
Дорогіе, все тафтяные.
Мимо ѣхалъ ея суженой:
„Богъ на помощь, красна дѣвица!
Пристоялися скоры ноги
Отъ камня отъ бѣлова,
Примахалися бѣлы руки,
Приломалися золоты кольца!“
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Душа Соломонидушка,
Соломонидушка свѣтъ Захарьевна:
„Хоть жалѣй, сударь, не жалѣй,
Я еще, сударь, не твоя:
Божья, сударь, да батюшкина!“
Ой на-морѣ, на-морѣ,

Что на бѣломъ на камени
Красна дѣвица дары мыла,
Тонки полотняные,
Дорогіе, все тафтяные.
Мимо ѣхалъ ея суженой:
„Богъ на помощь, красна дѣвица!
Пристоялися скоры ноги
Отъ камня отъ бѣлова,
Примахалися бѣлы руки,
Приломалися золоты кольца!“
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Душа Соломонидушка,
Соломонидушка свѣтъ Захарьевна:
„Хоть жалѣй, сударь, не жалѣй;
Я еще, сударь, не твоя:
Божья, сударь, да матушкина!“
Ой на-морѣ, на-морѣ,
Что на бѣломъ на камени
Красна дѣвица дары мыла,
Тонки, полотняные,
Дорогіе, все тафтяные.
Мимо ѣхалъ ея суженой:
„Богъ на помощь, красна дѣвица!
Пристоялися скоры ноги,
Отъ камня отъ бѣлаго,
Примахалися бѣлы руки,
Приломалися золоты кольца!“
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Душа Соломонидушка,
Соломонидушка свѣтъ Захарьевна:
„Хоть жалѣй, сударь, не жалѣй,
Я Божья теперь, сударь, да твоя!“

937 (68).

Не кличь, не кличь, лебедушка,
Не кличь во-полѣ, бѣлая!
Не плачь, не тужи, Акулинушка,
Не плачь, не грусти, душа Сысоевна,
По батюшкѣ и по матушкѣ,
По громкомъ соловѣѣ во саду!
Какъ свекоръ-ли твой батюшка
Къ тебѣ будетъ милостивъ;
Какъ свекровь-ли твоя матушка
Къ тебѣ будетъ жалостлива;
Филать сударь Пафнутьевичъ,
У тебя соловей во саду!
Во високомъ терему,
Во високомъ, изукрашеномъ
Денѣчекъ онъ кричитъ,
И всю ноченьку свиститъ,
Ни минуты не умолкнетъ,
Тебя ли душу, Акулинушку,
Тебя ли свѣтъ Сысоевну,
Забавляетъ, утѣшаетъ,

Спать долго не мѣшаетъ,
Къ обѣднѣмъ разбужаетъ.

938 (69)*).

На морѣ утушка куналася,
На спнемъ сѣрая полоскалася;
Кунавшись, утушка вострепенулася,
Кунавшись, сѣрая вострепенулася,
Вострепенувшись, утушка воскликнула,
Вострепенувшись, сѣрая воскликнула:
„Какъ то мнѣ съ моремъ разстаться?
Какъ то мнѣ со крутыхъ береговъ подняться?
Не разставшись съ моремъ, разстанемся,
Не поднявшись съ береговъ, поднимемся.
Настанетъ зима студеная,
Выпадутъ снѣги глубокіе,
Придутъ морозы крещенскіе,—
И ужъ въ ту пору я съ моря поднимуся“.
Какъ въ теремѣ Соломонидушка умывалася,
Во высокомъ Лазаревна умывалася,
Бѣлыми бѣлилами бѣлилася,
Алыми румянами румянилася,
Черными сурмилами сурмилася,
Въ цвѣтное платице снаряжалася,
Въ хрустальное зеркальце смотрѣлася;
Снарядившись, Соломонидушка за столъ по-
шла,
Снарядившись, Лазаревна за столъ пошла,
За столомъ Соломонидушка заплакала,
За дубовымъ Лазаревна заплакала:
„Какъ то мнѣ съ терема подняться?
Какъ то мнѣ съ высокова подняться?
Приѣдетъ сваха со дружкою,
Разлучить меня съ отцемъ, съ матерью;
И ужъ не разставшись съ батюшкою, раз-
станешься,
И ужъ не разставшись съ матушкою, раз-
стануся,
Не поднявшись съ терема, поднимуся.“

*) Ср. выше, пѣсню № 351.—Ред.

939 (70).

Ввечеру позднешенько,
Темнымъ темнешенько
Приходилъ во теремъ батюшка,
Будилъ свое дитятко,
Будилъ свое милое:
„Ты встань, Аграфенушка,
Ты встань, Изотовна,
Пойдемъ со мной за столъ!“
— Право, не слышу, батюшко!
Право, мнѣ спать хочется;

Мнѣ дѣлать тамъ нечего;
Тамъ и безъ меня людей много.—
Ввечеру позднешенько,
Темнымъ темнешенько
Приходила во теремъ матушка,
Будила свое дитятко,
Будила свое милое:
„Ты встань, Аграфенушка!
Ты встань, Изотовна,
Пойдемъ со мной за столъ!“
— Право, не слышу, матушка!
Право, мнѣ спать хочется;
Мнѣ дѣлать тамъ нечего;
Тамъ и безъ меня людей много.—
Ввечеру позднешенько,
Темнымъ темнешенько
Приходилъ во теремъ суженой,
Приходилъ во высокъ ряженой;
Будилъ, будилъ Аграфенушку,
Душу свѣтъ Изотовну:
„Ты встань, проснись, душа Аграфенушка!
Ты встань, пробудись, свѣтъ Изотовна!
Пойдемъ со мной за столъ!“
— Право, слышу и вижу, сударь!
Право, встану, сударь,
Право, мнѣ спать не хочется;
Иду съ тобой, сударь, за столъ:
Мнѣ тамъ дѣло есть,
Безъ меня и людей тамъ нѣтъ!

940 (71).

Какъ сказали, Фалелей грозенъ;
Онъ грозенъ, сударь, немилостивъ:
Онъ ѣхалъ мимо тестева двора,
Приѣхалъ ко широкимъ воротамъ,
Ударилъ коньемъ въ ворота:
„Дома ль тесть, или теща,
Или шуринъ, ясенъ соколъ,
Или бѣла лебядь, свояченица,
Или душечка Анисьюшка,
Анисьюшка свѣтъ Игнатъевна?
Если спитъ, не будите вы еѣ;
А не спать, чтобъ встрѣтила меня!“
Анисьюшка но сѣнямъ шла,
Въ рукахъ золоты ключи несла;
Она красныхъ дѣвушекъ побуживала:
„Вы вставайте, красны дѣвушки души,
Вы берите золоты мои ключи,
Отпирайте кованные сундуки,
Вынимайте багрецового сукна,
Кройте Фалелею новъ кафтанъ:
Ни дологъ, ни коротокъ,
Ни узокъ, ни широкъ,
Во подолъ раструбистой,

Къ ретиву сердцу прижимистой“.
— Ты спасибо, Анисьюшка,
На твоёмъ хорошемъ кафтанѣ!
Мнѣ ни дологъ, ни коротокъ,
Мнѣ ни узокъ, ни широкъ,
Во подолѣ раструбистой,
Къ ретиву сердцу прижимистой;
Ужъ мнѣ лѣзя на добра коня вскочить,
Ужъ мнѣ лѣзя въ стремя ногу положить.

941 (72).

Какъ у насъ-ли во терему,
Какъ у насъ-ли во высокомъ
Дѣвушкамъ былъ сборъ,
Краснымъ большою.
Пришли не дѣльцо дѣлати,
Не крѣпку думу думати,—
Пришли-ль къ душѣ Ѳедосьюшкѣ,
Соплисъ къ свѣту Варламовнѣ
Вечериночку сидѣть,
Дѣвичій вечеръ весь пропѣть,
Князей, бояръ потѣшити,
Гостей пріѣзжихъ позабавити,
Повеличать душу Ѳедосьюшку,
Повеселить свѣта Варламовну,
Повеселить въ послѣдній день,
Позабавить въ послѣдній часъ.

942 (73).

Какъ у Ѳедула ¹⁾ кудри,
У Фалеевича ²⁾ черныя;
Онѣ въ три ряда завивалися,
А въ четвертой рядѣ по плечамъ лежать.
Да не сами жъ они завивалися ³⁾:
Завивала ему матушка,
Завивала ему государыня ⁴⁾,
Подъ окошечкомъ сидючи,
На свѣтелъ мѣсяцъ глядючи:
„Ой ты будь, мое дитятко,
И счастливо и таланливо,
Добрымъ ⁵⁾ людямъ привѣтливо!“

Варьянты П. В. К.—аго изъ записи неизвѣстной мѣстности:

1) Алексѣя.

2) Григорьевича.

3) Два стиха опущены.

4) Оба стиха слиты въ одинъ: „Завивала ему сударыня“.

5) Ко добрымъ.

943 (74).

Матренушка матушка,
Оедотьевна государыня,

Филатушкѣ сынку говаривала,
Андреевичу милому наказывала:
„Ты спи, мое дитятко,
Ты спи, мое милое,
Ты спи, не засынайся,
Поранѣ просынайся
Во соборныя заутрени,
Въ громкой ранней благовѣсть,
Поскорешеньку одѣвайся,
Вѣлешеньку умывайся,
Частымъ гребешкомъ чешися,
Прилежно Богу молися:
Да дасть Онъ тебѣ суженую,
Чтобы твоя суженая, ряженая,
Была хороша, пригожа,
Была бы умна да вѣжлива,
Къ добрымъ людямъ привѣтлива,
Свекру батюшкѣ покорлива,
Свекрови матушкѣ послушлива,
Деверьюшкамъ услужлива,
Золовушкамъ досужлива,
Тебѣ, милу другу, любовная!“

944 (76) *).

Ужъ какъ Филать господинъ,
Филать сударь Нафнутьевичъ
Матушки своей послушался,
Государыни своей не ослушался:
Сналъ онъ, не засыпался,
А поранѣ просыпался
Во соборныя во заутрени,
Въ громкой ранней благовѣсть,
Поскорешеньку одѣвался,
Вѣлешеньку умывался,
Частымъ гребешкомъ чесался,
Въ чисто зеркальце смотрѣлся,
Во чистое, во хрустальное,
Прилежно Богу молился,
На колѣни онъ становился:
„Да дай же мнѣ Богъ суженую,
Чтобъ суженая, моя ряженая
Была хорошая, пригожая,
Была бы умна да вѣжлива,
Къ добрымъ людямъ привѣтлива,
Свекру батюшкѣ покорлива,
Свекрови матушкѣ послушлива,
Деверьямъ братьямъ услужлива,
Золовкамъ сестрамъ досужлива,
Мнѣ ли, молодцу, любовная.“
Ой, Филать сударь Нафнутьевичъ,
Ужъ какъ далъ тебѣ Богъ суженую,
Ужъ какъ далъ Онъ тебѣ ряженую,
Ту ли душу Маланьюшку,
Ту ли свѣтъ Вахромѣвну:

Ужъ какъ въ теремъ ли войдетъ,
Свекоръ батюшка усмѣхнется;
Ужъ съ терема ль долой сойдетъ,
Свекровь матушка взрадуется;
Со свѣтелочкѣ ли пройдетъ,
Деверья братья не насмотрятся;
Во зеленъ ли садъ пойдетъ,
Сестры золовки прочь нейдутъ.
Ужъ какъ ты ли господинъ,
Филать сударь Пафнутьевичъ,
Ею ты не налюбешься,
Ею ты не красуешься,
Тебѣ ея милѣ нѣтъ!

*) Ср. выше № 943—продолженіе?—Ред.

945 (78).

Леталъ соловеюшко
По зеленому по кустарничку,
По частому по березничку;
Залеталъ соловеюшко
Во зеленый садъ, не знаючи;
Садился соловеюшка
На вѣточку, не вѣдаючи.
Ужъ та ли вѣточка приманчивая,
Ужъ та ль зеленая прилюбчивая
Соловью показалася,
Громкому понравилася:
Не хочеть съ ней и разстатися.
Гулялъ Поликарпъ господинъ,
Поликарпъ сударь Пзотовичъ,
По чисту полю по зеленому,
По зеленому, по широкому,
Загулялъ Поликарпъ господинъ,
Поликарпъ сударь Пзотовичъ
Ко Оадею въ домъ, не знаючи,
Ко Макарьевичу, не прошучи;
Смотрѣлъ на дѣвицу красную,
Акулинушку душу Оадеевну:
Ужъ она ль душа Акулинушка,
Ужъ она ли свѣтъ Оадеевна
Хороша-пригожа уродилася,
Ему собой приглянулася,
Не можетъ съ ней и разстатися,
А хочеть съ ней обвѣнчатися.

946 (80).

Катилоса солнце красное
По синю своду небесному,
Бросало лучи яркіе
На лѣса густые,
На поля широкія.
Ходила душа Маланьюшка,

Гуляла свѣтъ Лазаревна¹⁾,
По высокому по терему,
Взводила очи ясныя,
Всѣ иззаплаканныя²⁾
На подружекъ голубушекъ,
На красныхъ дѣвушекъ:
„Ужъ не годъ мнѣ годовати,
Ужъ не недѣлю съ вами пировати:
Одинъ денечекъ гостевати,
Да и тотъ весь горевати,
Во слезахъ его не видати:
Приѣдутъ люди незнакомые,
Увезутъ меня отъ батюшки,
Увезутъ отъ родимой матушки³⁾,
Разлучатъ съ вами, дѣвушками!“

Варьянты въ *Гурьян. пѣсенникъ*:

- 1) Ходила свѣтъ Лазаревна.
- 2) Всѣ слезами заплаканныя.
- 3) Увезутъ меня отъ родной матушки.

Эта пѣсня перепечатана отсюда въ Глазун. пѣс. 1819 (ч. IV, № 39). Подлинность этой пѣсни мнѣ кажется сомнительной; по крайней мѣрѣ, въ ней чувствуется нѣкоторая испорченность отъ грамотной руки.—*Примѣч. П. В. К—аго.*

947 (82).

Катился мѣсяцъ ясной
По лазоревому небу,
Кидаль лучи свѣтлые
На рѣки на быстрыя, глубокія.
Ходилъ Оеудуль господинъ,
Оеудуль сударь Елизарьевичъ
Въ зеленомъ саду по зарѣ,
Взводилъ очи ясныя,
На кусточки частые,
На цвѣточки алые,
На цвѣтки лазоревые:
„Ужъ недолго мнѣ васъ растити,
Ужъ не долго мнѣ васъ лелѣити,
По зорямъ поливати!
Какъ придетъ моя суженая,
Какъ приѣдетъ моя ряженая,
Степанидушка душа Елизарьевна:
Ужъ мнѣ-ли будетъ не до васъ,
Не до васъ, а до молодой жены!“

948 (83).

Леталъ ясенъ соколъ по поднебесью,
Садился младъ ясенъ соколъ на оконнику;
Оконника отворилася,
Младъ ясенъ соколъ вострепенется.
Невѣстѣ дѣвушки говаривали:
„Красна дѣвица, приучай сокола!“

— Ахъ вы, красныя дѣвушки,
Ужъ я рада бы приучала сокола:
Ужъ этотъ соколъ не прилука моя,
А этотъ соколъ разлука моя:
Разлучить меня съ отцемъ съ матерью,
И съ вами ли, съ красными дѣвушками!

949 (84).

Ой, вы дѣвушки, голубушки,
Вы подружки мои красныя!
Не нойте весело и радостно,
Занойте пожалостиѣ, поунывиѣ!
Ужъ какъ хотять ли увезти меня
Чужи люди, незнакомые—
Не пиръ пировать,
Не веселье исправлять:
Ужъ везуть ли меня, красныя,
Ко чужому отцу, къ матери
Не спать, не дремать,
Не гулять, а работать!

950 (85).

Изъ за лѣсу мѣсяцъ свѣтитъ.

Ой реди!*)

Ужъ какъ зять къ тещѣ въ гости ѣдетъ ¹⁾;
Онъ весь въ позументахъ,
Въ большихъ боргаментахъ ²⁾.

Не узнала теща,
Не узнала голубка,
Чѣмъ зятя дарити,
Чѣмъ свѣта дарити ³⁾:

„Подарю я своего зятя,
Подарю я своего свѣта
Большимъ подаркомъ,—
Италианскимъ платочкомъ ⁴⁾.“

Зять даровъ не примаеть,
Спасибо не скажетъ,
Челомъ не ударить ⁵⁾.

Изъ за лѣсу мѣсяцъ свѣтитъ.

Ужъ какъ зять къ тещѣ въ гости ѣдетъ;
Онъ весь въ позументахъ,
Въ большихъ боргаментахъ.

Не узнала теща,
Не узнала голубка,
Чѣмъ зятя дарити,
Чѣмъ свѣта дарити ⁶⁾:

„Подарю я своего зятя,
Подарю я своего свѣта
Большимъ подаркомъ—
Конемъ воронымъ ⁷⁾.“

Зять даровъ не примаеть,
Спасибо не скажетъ,
Челомъ не ударитъ.

Изъ за лѣсу мѣсяцъ свѣтитъ.

Ужъ какъ зять къ тещѣ въ гости ѣдетъ;
Онъ весь въ позументахъ,
Въ большихъ боргаментахъ.

Не узнала теща,
Не узнала голубка,

Чѣмъ зятя дарити,
Чѣмъ свѣта дарити ⁸⁾:

„Подарю я своего зятя,
Подарю я своего свѣта ⁹⁾

Большимъ подаркомъ,
Большимъ, дорогимъ—

Я милою дитятею,

Милою дитятею, Федосьюшкою,

Федосьюшкою, душой Варфоломѣвной.

Зять дары-то приметъ,

Спасибо-то скажетъ,

И челомъ мнѣ ударитъ.“

*) Повторяется послѣ каждого стиха.—*Ред.*

Варьянты изъ *Гурьян. тѣс..*

1) Изъ мѣсяца мѣсяцъ,
Изъ свѣтлаго свѣтель,
Еще свѣтитъ по роцѣ.
Еще зять ѣдетъ къ тещѣ.

Принѣвъ: „Ой, ряди, ряди!“

2) Вмѣсто стиховъ 3-го и 4-го:
Еще зять въ нарядѣ:
Во коричневомъ кафтанѣ
Съ золотымъ прозументомъ.

3) Вмѣсто слѣд. четырехъ стиховъ:
Изумилася теща,
Изумилася голубка:
Чѣмъ зятя дарить,
Молодого просить?

4) Подарю зятя свѣта итальянскимъ платочкомъ,
Золотымъ кошелечкомъ.

5) Зять дары не принимаетъ
И даромъ не почитаетъ:
„Это даръ мнѣ не въ дарикъ,
Это даръ не въковѣчный“.

6) До этихъ поръ варьянтъ повторяется такъ
же, какъ и въ первомъ куплетѣ.

7) Подарю зятя свѣта
Я конемъ воронымъ,
Чепракомъ золотымъ.

8) До этихъ поръ начало 3-го куплета повто-
ряется, какъ во 2-мъ куплетѣ.

9) Съ этихъ поръ варьянтъ кончается такъ:
Подарю зятя свѣта Анисею душою,
Павловою голубкой.
Зять въ даръ принимаетъ
И даромъ почитаетъ:
„Это даръ мнѣ въ дарикъ,
Это даръ въкъ (sic) вѣчный!
Ай, спасибо тебѣ, теща,
Благодарствуй, голубка,
Что поила, кормила,
Уму-разуму учила,
Цвѣтнымъ платьемъ надѣлила“.

951 (86).

Снаряжайся, душа Акулинушка,
Снаряжайся, свѣтъ Ѳадеевна,
Во цвѣтно платицо одѣвайся,
Ключевой водой умывайся,
Бѣлыми бѣлилами бѣлися,
Алыми румянами румянйся,
Черными сурмилами сурмися,
Передъ зеркальцемъ стоячи,
Передъ хрустальнымъ стоячи,
На свою дѣвичью красу гляючи,
Свою-ль русу косу расплетаючи!
Какъ прѣхали, душа Акулинушка,
Какъ прѣхали, свѣтъ Ѳадеевна,
Къ тебѣ князья бояра вѣхъ,
Привезли съ собой молодца,
Тово-ль сына княжеченцаго,
Аксена Парамоновича,
Хорошо снаряженнаго,
Хорошо больно изнаряженнаго;
Тебѣ-ль съ нимъ не часъ часовати,
Ужъ тебѣ-ль съ нимъ не годъ годовати;
А тебѣ-ль съ нимъ вѣкъ вѣковати,
Красу дѣвичью не воспоминаи,
Насъ, красныхъ дѣвушекъ, позабывати!

952 (87).

Свѣтилъ мѣсяцъ изъ за облаковъ.
Какъ же ему не свѣтлу быть?
Богъ даровалъ ему красный день!
Весель сидитъ Филать *) господинъ,
Филать сударь Елизарьевичъ.
Какъ же ему не веселу быть?
Богъ даровалъ ему суженую!

*) Алексѣй, какъ и ниже, и Михайловичъ.—Записки И. В. К—аго.

953 (88).

Какъ у Селуяна ли во свѣтличкѣ,
У Матвѣевича во свѣтлой,
Передъ Спасителевымъ образомъ
Загаралася свѣча,
Воску ярова свѣча,
Загаралася свѣтлехонько,
Засвѣчалася яркохонько.
Что скажетъ Селуянъ господинъ,
Селуянъ сударь Матвѣевичъ:
„Ты дитя-ли мое, дитятко,
Ты дитя-ли мое милое!
Василиса душа Селуяновна!
Подойди къ пречистому образу,
Поклонися трижды до земли,

Помолися поприлежиѣ,
Чтобы далъ Богъ тебѣ суженаго.
Ласковаго, привѣтливаго,
Любознаго, совѣтливаго,
Чтобъ годъ шель за недѣлюшку,
Недѣлюшка за денечекъ съ нимъ“.

954 (90).

Какъ у Ината *) на дворѣ
Рай мой, рай!
Выросло дерево кипарисное.
Рай мой, рай!
На то ли дерево соловьямъ быть слетѣть,
Рай мой, рай!
Молодымъ быть слетѣть.
Рай мой, рай!
Какъ ко Инату во теремъ
Рай мой, рай!
Былъ боярамъ съѣздъ,
Рай мой, рай!
Молодымъ быть съѣздъ.
Рай мой, рай!
Какъ у Ината-то дитя,
Рай мой, рай!
У Изотовича милая,
Рай мой, рай!
Василиса душа Инатовна,
Рай мой, рай!
Умное, разумное,
Рай мой, рай!
Вѣжливое, привѣтливое:
Рай мой, рай!
По утру встанетъ ранешенько,
Рай мой, рай!
Умоется бѣлымъ бѣлешенько,
Рай мой, рай!
Одѣнется чистымъ чистешенько,
Рай мой, рай!
Помолится Богу низешенько.
Рай мой, рай!
Ужъ про то ли бояра тѣ прослышали,
Рай мой, рай!
Ужъ про то ли они провѣдали;
Рай мой, рай!
Прѣхали ко Инату во теремъ,
Рай мой, рай!
Ко Изотовичу во высокъ;
Рай мой, рай!
Хотятъ ее съ собою взять,
Рай мой, рай!
Не близко, не далеко,—
Рай мой, рай!
Во Божью церковь,
Рай мой, рай!

Съ молодѣмъ княземъ рядомъ поставити,
 Рай мой, рай!
 Со Филатомъ Андреевичемъ;
 Рай мой, рай!
 Золоты вѣнцы на нихъ положити.
 Рай мой, рай!

*) „Ивана“, какъ и ниже.—*Замѣна И. В. К.*

955 (92).

Ужъ да что у насъ это понича
 Въ терему, дѣвушки, за диво,
 Во высокомъ, красныя, за дивное?
 Такова дива никогда не бывало:
 Душа наша Улитунка,
 Свѣтъ наша Варфоломѣвна
 Ходить задумавшись,
 Сидить пригорюнившись,
 Ни моется, ни ридится,
 Ни бѣлится, ни румянится,
 Только слезами обливается.
 Къ ней-ли вѣсточка приходила,
 Ея матушка приносила:
 Ужъ какъ будутъ-ли гости незнакомые,
 Князья, бояра чужіе, незнаемые,
 Станутъ ея косоньку расплетати,
 Съ русой жемчугъ обсыпати,
 На двѣ сторонунки раздѣляти.

956 (93).

На горѣ стояла часовенька.
 Никто во ту часовеньку не ходитъ,
 Никто въ ней Богу не молится;
 Одна ходила тутъ суженая;
 Она за батюшку Богу молилася,
 Она сто поклонъ положила;
 Отъ того у нее спинунка заболѣла,
 Головушка заломила.
 На горѣ стояла часовенька.
 Никто во ту часовеньку не ходитъ,
 Никто въ ней Богу не молится;
 Одна ходила тутъ суженая;
 Она за матушку Богу молилася,
 Она двѣсти поклонъ положила;
 Отъ того у нея спинунка заболѣла,
 Головушку заломило.
 На горѣ стояла часовенька.
 Никто во ту часовеньку не ходитъ,
 Никто въ ней Богу не молится;
 Одна ходила тутъ суженая;
 Она за суженаго Богу молилася,
 Она триста поклонъ положила;
 Отъ того у нея спинунка не заболѣла,
 Головушку не заломило.

957 (94).

Яблонька моя, яблонька,
 Яблонька моя зелѣная!
 Не цвѣти теперешней весной,
 Не плоди сладкихъ яблочковъ;
 Я скажу моему батюшкѣ,
 Я скажу моей матушкѣ,
 Что ты худо поливана,
 Что ты худо лелѣяна;
 Отъ того и яблочковъ нѣтъ;
 Что сама я стану тебя поливати,
 Сама корешокъ обчинати,
 Сама червячковъ обметати:
 Авось либо батюшка и скалится,
 Авось либо матушка и взмилуется,
 Не отдадутъ меня нынѣшній годъ
 На чужую дальню сторону,
 На чужую дальнюю, незнакомую—
 Безъ горя горе мыкати,
 Безъ слѣзки горько плакати,
 Безъ думы крѣпко думати,
 Безъ скуки скучати,
 Безъ грусти горевати.

958 (95).

Ко мнѣ ласточка прилетала,
 Ко мнѣ вѣсточку приносила:
 „Къ тебѣ будетъ дорогой гость,
 Дорогой гость—батюшка!“
 — Пускай онъ будетъ,
 А моей тоски не убудетъ!—
 Ко мнѣ ласточка прилетала,
 Ко мнѣ вѣсточку приносила:
 „Къ тебѣ будетъ дорогой гость,
 Дорогой гость—матушка!“
 — Пускай она будетъ,
 А моей тоски не убудетъ!—
 Ко мнѣ ласточка прилетала,
 Ко мнѣ вѣсточку приносила:
 „Къ тебѣ будетъ не милой гость,
 Не милой гость, твой суженой!“
 — Пускай онъ будетъ:
 И моя тоска вся убудетъ!

959 (98).

„Ты Ѡадей, сударь Филатовичъ!
 Выбирай добра коня,
 Осѣдай въ дорого сѣдло,
 Садись въ молодецкую статью,
 Бери плетку шелковую,
 Поѣзжай ко тестеву двору;
 Ты даря его бархатомъ,

Ты проси свою суженую,
Свою суженую, свою ряженую,
Соломонушку душу Ипатьевну!“
Тестъ бархату не примааетъ,
И словечка не отвѣчаетъ.
„Ты Ѡадей, сударь Филатовичъ!
Выбирай добра коня,
Осѣдай въ дорого сѣдло,
Садись въ молодецкую статью,
Бери плетку шелковую,
Поѣзжай ко тещину двору;
Ты дари ее золотой парчей,
Ты проси свою суженую,
Свою суженую, свою ряженую,
Соломонушку душу Ипатьевну!“
Теща золотой парчи не примааетъ
И словечка не отвѣчаетъ.
„Ты Ѡадей, сударь, Филатовичъ!
Выбирай добра коня,
Осѣдай въ дорого сѣдло,
Садись въ молодецкую статью,
Бери плетку шелковую,
Поѣзжай ко терему,
Поѣзжай ко высокому,
Къ душѣ красной дѣвицѣ,
Къ Соломонидѣ Ипатьевнѣ;
Ты дари ее золотымъ кольцомъ,
Золотымъ кольцомъ со алмазами,
Золотымъ вѣнцомъ со яхонтами;
Ты зови ее съ собой!“
Соломонушка беретъ дары,
Ипатьевна беретъ золотны,
Сама молвить словечушко:
„Эти дары мнѣ по сердцу,
Эти золоты мнѣ по душѣ;
Хоть не хочется, а съ тобой ѣдется!“

960 (99).

Аграфенушка ¹⁾ дѣвушкамъ говаривала,
Поликарповна ²⁾ краснымъ наказывала:
„Ахъ вы, красныя дѣвицы!
Прикатайте ту гору песчаную,
Чтобъ нельзя было ни взойти, ни взѣхати,
Чтобъ ни конному, ни пѣшему,
Ни коня ввести въ поводѣ!“
Что взговорить ей суженой
Филатъ, сударь, Филатовичъ ³⁾:
— Я на тое гору пѣшь войду,
Пѣшь войду и коня введу,
Я коня введу въ поводѣ,
А тебя, мой свѣтъ, къ себѣ привезу!

¹⁾ Вѣрушка.

²⁾ Кондратьевна.

³⁾ Аеонасій Никифоровичъ. — *Записки И. В. К-аго.*

961 (100).

Съ рѣченьки утушка слѣtywала,
Съ тихой сѣрай вспархивала;
Прилетала утушка,
Прилетала сѣрай
На бурное, на синѣ море;
Не знала утушка,
Не знала сѣрай,
Гдѣ ей опустится,
Отъ вихоря уклонится.
Гуси стали щипати,
А утушка громко кликати:
„Ой ты, рѣчка моя, рѣченька,
Ты, рѣченька ли моя, тихая!
Кабы знала я да вѣдала
Такую надъ собою невзгодушку,
Разстаться бы съ тобой не подумала!“
Сходила съ терема Ѡедосьюшка,
Сходила съ высокова Макарьевна,
Приѣзжала ко свекру въ домъ.
Свѣкоръ батюшка не ласковой,
Не ласковой, не какъ родной;
Входила ко свекрови въ терѣмъ,
Свекровь матушка угрюмая,
Угрюмая, не какъ родная.
Деверья по свѣтличкѣ похаживаютъ
Объ ней все ноговариваютъ:
„Ужъ какъ наша ли невѣста *)
Не хороша, не пригожа,
Не ласкова, не привѣтлива!“
Золотовушки перешѣптываютъ:
„Ужъ какъ наша ли невѣста
Не горазда ничему:
Ни сткать, ни спрясть,
Ни золотомъ пошить,
Ни щей сварить, ни пирога испечь,
Ни пѣсенку запѣть,
Ни въ дудочку, ни поплясать;
Словечушко-ль промолвить,
За другимъ въ карманъ поидеть!“
Ужъ не знала то Ѡедосьюшка,
Ужъ не вѣдала Макарьевна,
Куда ей дѣватися,
Куда ей укрытися
Отъ насмѣшекъ, отъ зависти.
Что всплается, что взгорюется,
Что взгорюется, что встоскуется:
„Ой, ты, теремъ мой у батюшки,
Ой, ты, высокій у матушки!
Кабы знала я да вѣдала
Здѣсь себѣ таково житьѣ,
Разстаться бы съ тобой я не вздумала,
Выдти бы изъ тебя я не подумала!
Я жила въ тебѣ смирененько,

Я была въ тебѣ веселешенька,
Не знала я тоски и горести!“

*) Здѣсь такъ же, какъ и въ стихѣ 31-мъ, вѣроятно, ошибка, и вмѣсто *невѣста*—должно быть *невѣстка*.—Въ *Глас. пѣс.* (IV, № 47), гдѣ эта пѣсня перепечатана, впрочемъ, безъ всякой перемѣны, кромѣ того, что недостаетъ послѣдняго стиха, вмѣсто *невѣста*—въ обоихъ мѣстахъ поставлено *невѣстника*.—Прим. П. В. К.—аго.

962 (101).

Шло солнушко по залѣсью,
Шло оно, остановилося.
Шла красна дѣвица по терему,
Красна дѣвица Маланьюшка,
Маланьюшка душа Макарьевна;
Шедши, она остановилася,
Кинула ключи на кованы ларцы:
„Батюшка, сударь, родимый мой,
Я теперь не ключница!
Матушка моя, родимая,
Я тебѣ теперь не ларечница!
Ключница я, ларечница
Чужому отцу, матери!“

963 (102).

Ужъ ты теремъ ли мой, теремъ,
Теремъ ли мой высокой!
Ты хорошо изпаряженъ,
Ты хорошо изукрашенъ:
Снаряжалъ ли тебя батюшка,
Изукрасила-ль тебя матушка
Для меня, красной дѣвицы,
Чтобы мнѣ не скучилося,
Чтобы мнѣ не взгрустилось.
Ужъ какъ ѣдетъ ли мой суженой.
Ужъ какъ ѣдетъ ли мой ряженой,
Парамонъ, сударь, Аксеновичъ;
Идетъ онъ во высокъ теремъ,
Беретъ за правую за рученьку,
Сводитъ во свѣтлую свѣтличку,
Сажаетъ за дубовой столъ,
За скатерти браныя,
За ѣства сахарныя;
Увезитъ меня къ себѣ домой.
Ужъ кому-то мой теремъ достанется?
Мнѣ больше онъ не надобенъ:
У моего ли то у суженова,
У моего ли то у ряженова,
У Парамона Аксеновича
Построенъ другой для меня,
Другой, новый, съ переходами!

964 (104).

Слетались соколы,
Слетались ясные
Во чисто поле, во зеленое
Ко дубику ко высокому.
Сѣзжались князья бояра,
Ко Нафнутьеву двору,
Ко Антоновичеву ко широкому,
Кликали громкимъ голосомъ:
„Ой ты, Пафнуть господинъ,
Пафнутій сударь Антоновичъ!
Къ тебѣ ли мы пріѣхали
Не гостить, не ираздновати,
Не большіе пиры подымать,
Не крѣпку думушку думать;
А мы слышали, слышали,
Добры люди намъ сказывали:
У тебя ли во высокомъ терему,
У тебя ли въ изукрашеномъ,
Есть красна дѣвица душа,
Маремьяна свѣтъ Пафнутьевна;
Ужъ она-ль хороша, пригожа,
Лучше ея въ городу нѣтъ,
Умнѣе ея въ роду нѣтъ.
Она-то намъ и надобна:
Для нея-то мы и пріѣхали
Съ Макаромъ господиномъ,
Съ Макаромъ Филатовичемъ!“

965 (106).

Во терему Акулинушка,
Во высокомъ Инатьевна
Шьетъ шелками въ паличкахъ,
Шьетъ цвѣтными въ новыихъ;
Шьетъ, сама приговариваетъ:
„Ты гори, гори, солнышко,
Ты гори, гори, красное,
Не скоро закатывайся,
Ио залѣсью останавливайся!
А я палички дошью“.
Какъ ѣхалъ мимо ея суженой:
„Богъ на помочъ, красная дѣвица!
Для кого шьешь, для кого не отдыхаешь?“
— Шью, сударь, дорогъ платокъ,
Не для тебя, а для батюшки.—
Во терему Акулинушка,
Во высокомъ Инатьевна
Шьетъ шелками въ паличкахъ,
Шьетъ цвѣтными въ новыихъ;
Шьетъ, сама приговариваетъ:
„Ты гори, гори, солнышко,
Ты гори, гори, красное,
Не скоро закатывайся,

По залѣсью останавливайся!
 А я пялилки дошью.“
 Какъ ѣхалъ мимо ея суженой:
 „Богъ на помочь, красна дѣвица!
 Для кого шьешь, для кого не отдыхаешь?“
 — Шью, сударь, цвѣтно платице,
 Не для тебя, а для матушки!—
 Во терему Акулинушка,
 Во высокомъ Ипатьевна
 Шьетъ серебромъ въ пяличкахъ,
 Шьетъ золотомъ въ новыихъ;
 Шьетъ, сама приговариваетъ:
 „Ты гори, гори, солнышко,
 Ты гори, гори, красное,
 Не скоро закатывайся,
 По залѣсью останавливайся!
 А я пялилки дошью.“
 Какъ ѣхалъ мимо ея суженой:
 „Богъ на помочь, красна дѣвица!
 Для кого шьешь, для кого не отдыхаешь?“
 — Шью, сударь, сердечко золотцомъ:
 Для себя и для тебя!

966 (108).

Ты, Елистратъ сударь Изотовичъ,
 Уродился хорошй, пригожъ,
 Досужъ и вѣжливъ!
 Ты къ тестю въ домъ придеши,
 Сперва Богу помолишься,
 Тестю низехонько поклонисься,
 Чтобъ былъ не свирѣпъ, не угрюмъ.
 Ты къ тещѣ въ теремъ войдеши,
 Помолишься Богу лучше того,
 Тещѣ поклонисься ниже того,
 Чтобъ была не сѣсива, не горда,
 Чтобъ была добра да ласкова,
 Не нудила бы твою суженую,
 Не грустила бы твою ряженую;
 Не грустила бы, не слезила бы
 'Аксиньюшка душа Ипатьевна.
 Ужъ она ли у батюшки на нѣгѣ выросла,
 Ужъ она ли у матушки,
 Слезки не выронила.

967 (110).

Какъ ѣдетъ Захаръ къ тещину двору,
 Какъ ѣдетъ Ѳедотовичъ ко широкому;
 Кланяется тещенькѣ низехонько,
 Спрашиваетъ тещеньки смиренхонько:
 „Ты, теща моя, теща ласковая!
 Ты скажи мнѣ правду всею:
 Здорова ли моя суженая?
 Прыгаетъ ли моя ряженая?

Да когда жъ она пріѣдетъ ко мнѣ?“
 — Зять ты мой, зятюшко!
 Зять ты мой поклонистой!
 Скажу тебѣ правду всею:
 Здорова—не здорова она;
 Прыгаетъ—не прыгаетъ она;
 А пріѣдетъ—когда Богъ велитъ!—
 Какъ ѣдетъ Захаръ къ тещину двору,
 Какъ ѣдетъ Ѳедотовичъ ко широкому;
 Кланяется тещенькѣ ниже того,
 Спрашиваетъ тещеньку тише того:
 „Ты теща моя, теща ласковая!
 Ты скажи мнѣ правду всею:
 Спитъ ли, не спитъ ли она?
 Коли спитъ, не буди ты ее,
 Коли не спитъ, чтобы встрѣтила меня!“
 — Зять ты мой, зятюшко!
 Зять ты мой поклонистой!
 Скажу тебѣ правду всею:
 Не спитъ она, а дремлетъ;
 А будить не велѣла себя.
 Не спитъ, а не встрѣтитъ тебя!—
 Какъ ѣдетъ Захаръ къ тещину двору,
 Какъ ѣдетъ Ѳедотовичъ ко широкому;
 Кланяется тещенькѣ до земли,
 Спрашиваетъ тещеньку пошептомъ:
 „Ты теща моя, теща ласковая!
 Ты скажи мнѣ правду всею:
 Дома ль, не дома ль моя суженая?
 Въ терему-ль, не въ терему-ль моя ряженая?
 Не гуляетъ ли въ зеленомъ саду?
 Не срываетъ ли цвѣтики алы,
 Не рветъ ли цвѣты лазоревые?“
 — Ой, зять ты мой зятюшко!
 Ой, зять ты мой поклонистой!
 Ой, зять ты мой неумчивой!
 Ужъ какъ ты-ль зять низко кланяешься,
 Низко-низенько, до земли!
 Не сказавши правду, скажешь её,
 Не молвивши, молвишь всюю:
 Твоя суженая, твоя ли ряженая
 Гуляетъ во зеленомъ саду,—
 Рветъ цвѣтики аленькіе,
 Срываетъ цвѣточки лазоревые,
 Шлететъ вѣночекъ тебѣ;
 Она ждетъ тебя къ себѣ!

968 (113).

Звонко дерево свирѣльное;
 Звонче его во лѣсу нѣтъ.
 Умное дитятко Маланьюшка,
 Разумное дитя Перфильевна;
 Умиѣ ея въ роду нѣтъ,
 Краше ея въ терему нѣтъ.

Вставала она ранёхонько,
Умывалася бѣлѣхонько,
Румянилася алѣхонько,
Сурмилася чернѣхонько;
Долго Богу молилася:
„Сздай же мнѣ, Господи,
Подаруй же, Богородица:
Каковъ родной батюшка,
Таковъ бы лютый свекоръ;
Какова родна матушка,
Такова бѣ люта свекровушка!“

969 (114).

Какъ Еремей сударь Ермиловичъ
Встаетъ ранешенько,
Умывается бѣлешенько,
Передъ зеркальцомъ хрустальнымъ
Чешетъ кудри черныя;
Чешетъ, самъ приговариваетъ:
„Завивайтесь, кудри,
Завивайтесь, черныя!
Ужъ какъ завтра-ль васъ, кудри,
Ужъ какъ завтра-ль васъ, черныя,
Не самъ я буду васъ завивати:
Станетъ завивати красна дѣвица,
Красна дѣвица, душа Ѳеодосьюшка,
Ѳеодосьюшка свѣтъ Лазаревна!“
Что взговорить его матушка,
Государыня родимая:
„Дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое!
Не гадай впередъ, не загадывай,
Не угадавши, не отгадывай!
Какова еще рука у дѣвицы?
Какова еще бѣлая у красной?
Либо завьются кудри,
Либо не завьются черныя:
Коли будетъ совѣтъ да любовь,
Кудри станутъ сами завиватися;
Коли будетъ косъ да перекося,
Не развивши станутъ развиватися!
Ужъ завиваются ли кудри,
Ужъ завиваются ли черныя
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ,
Не отъ румяныхъ ряженыхъ,
Не отъ частова гребешка,
Не отъ частова костянова:
Завиваются ли кудри,
Завиваются ли черныя
Отъ веселья, отъ радости;
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черныя
Отъ печали, отъ горести,
Отъ тоски, отъ кручинышки!“

970 (116).

„Матушка, матушка,
Мать ты моя, государыня!
Мнѣ ли нынче сонъ привидѣлся:
Какъ у насъ ли во зеленомъ саду
Выросло деревцо кипарисное;
На то-ли деревцо слетались соколы,
Слетались все молодые.
Ужъ одинъ-ли соколъ лучше всѣхъ,
Лучше всѣхъ, быстрѣе всѣхъ:
Онъ взвивался подъ облаки,
Спускался стрѣлкою,
Налеталъ на утку,
Нападалъ онъ на сѣрую,
Уносилъ къ себѣ въ гнѣздо!“
Что взговорить ея матушка,
Что взговорить государыня:
— Ты дитя ли моё, дитятко,
Ты дитя ли моё, милое!
Я этотъ сонъ разсужу,
По словамъ тебѣ разскажу:
Что зеленый садъ, то—широкой нашъ дворъ;
Кипарисное деревцо, я—у тебя;
Соколы молодые, то—гости у насъ,
Гости прѣзжіе, незнакомые:
Ужъ одинъ ли соколъ—твой суженой,
Ужъ одинъ ли быстрый—твой ряженой;
Сѣрая утка, то ты у меня:
Увезётъ тебя твой суженой,
Увезётъ къ себѣ домой,
Разлучитъ тебя со мной.

971 (118).

Ой рано, рано по зарѣ ¹⁾
Стояли кони на дворѣ.
Никто про тѣхъ коней не знаетъ,
Никто про тѣхъ коней не вѣдаетъ ²⁾;
Одна знала, спознала Маринушка ³⁾,
Маринушка, свѣтъ Вавиловна:
Брала коней за поводы,
Ставила коней во стойла ⁴⁾,
Сынала сахаръ вмѣсто овса,
Лила сыты вмѣсто воды ⁵⁾;
Отошедши, конямъ кланялася ⁶⁾:
„Ужъ вы кушайте, пейте, кони мои ⁷⁾!
Завтра поутру свезите меня ⁸⁾
Далѣ, подаль отъ батюшки ⁹⁾,
Ближе, поближе ко свекру въ домъ ¹⁰⁾“.

Ой рано, рано на зарѣ
Стояли кони на дворѣ.
Никто про тѣхъ коней не знаетъ,
Никто про тѣхъ коней не вѣдаетъ;
Одна знала, спознала Маринушка,

Маринушка, свѣтъ Вавиловна:
 Брала коней за поводы,
 Ставила коней во стойла,
 Сыпала сахаръ вмѣсто овса,
 Лила сыты вмѣсто воды;
 Отошедши, конямъ кланялася:
 „Ужъ вы кушайте, пейте, кони мои!
 Завтра поутру сvezите меня,
 Далѣ, подаль отъ матушки,
 Ближе, поближе къ свекрови въ домъ!“

Варьянтъ изъ *Кузнец. пѣс.*

- 1) Какъ въ текстѣ; только, вмѣсто „по зарѣ“— „на зорѣ“, и еще стихъ: Подъ золотыми чепраками.
- 2) Никто про коней не знаетъ, Никто про коней не вѣдаетъ.
- 3) Только спознала Маринушка, Только спровѣдала Вавиловна,
- 4) Этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.
- 5) Ставила медъ вмѣсто воды, Сыпала сахаръ вмѣсто овса.
- 6) Этого стиха нѣтъ.
- 7) Этого стиха нѣтъ.
- 8) Поутру рано svezите меня.
- 9) Ой, далѣ, далѣ отъ батюшки.
- 10) Послѣ этого стиха прибавляется:
 Ой, далѣ, далѣ отъ матушки,
 Ближе, поближе къ свекрови въ домъ.
 А другой разъ пѣсня не повторяется.

972 (119).

Устиньюшка по горенкѣ ходила,
 Епистимовна по новой гуляла,
 Миндальные орѣшки щелкала,
 Скорлупку въ окошечко кидала;
 Макару въ кудри попала,
 Макаровичу въ черныя попала.
 Ужъ онъ ли оглянулся,
 А самъ усмѣхнулся:
 „Добро жъ ты, Устиньюшка!
 Добро жъ ты, свѣтъ Епистимовна,
 За твои ли я орѣшки,
 Отсмѣю тебѣ насмѣшки:
 Не станешь надъ суженымъ смѣяться,
 Скорлупкою въ нево бросаться!“

973 (121).

Бѣлая лебедушка,
 Боишься ли ты морозу?
 — Я морозу боюсь;
 Я за бѣлой снѣгъ схоронюся!—
 Ты Маланьюшка, душа,
 Маланьюшка, свѣтъ Перфильевна!
 Боишься ли ты свекра?
 — Я свекра-то боюсь;
 Да за батюшку схоронюся!—

Бѣлая лебедушка,
 Боишься ли ты морозу?
 — Я морозу боюсь,
 Да за бѣлой снѣгъ схоронюся!—
 Ты Маланьюшка, душа,
 Маланьюшка свѣтъ Перфильевна!
 Боишься ль ты свекрови?
 — Я свекрови-то боюсь;
 Да за матушку схоронюся!—
 Бѣлая лебедушка,
 Боишься ли ты морозу?
 — Я морозу-то боюсь;
 Да за бѣлой снѣгъ схоронюся!—
 Ты Маланьюшка, душа,
 Маланьюшка, свѣтъ Перфильевна!
 Боишься ль ты Никанора,
 Никанора, господина Лазаревича?
 — Я его боюсь;
 Да за дѣвучекъ схоронюся!

974 (123).

Растонися, мыленка,
 Разгорися, каменка!
 Ты разсыпся, крупень жемчугъ,
 По атласу и бархату!
 Какъ расплакалась Маланьюшка ¹⁾,
 Какъ расплакалась Макарьевна ²⁾
 Передъ родимымъ батюшкой:
 „Государь ты мой, батюшка!
 Ты къ чему рано вино куришь?
 Ты къ чему рано пиво варишь?
 Ты къ чему рано становишь меды сладкіе?“
 Что возговорить ея батюшка,
 Что возговорить Макарь ³⁾ господинъ,
 Макарь сударь Пафнутьевичъ ⁴⁾;
 „Ты свѣтъ, мое дитятко,
 Ты свѣтъ, мое милое,
 Маланьюшка Макарьевна ⁵⁾!
 Я тебя хочу замужъ отдать
 Не за князя, ни за барина,
 За того ли сына гостипова,
 За Филата сударя Инатьевича ⁶⁾!“

¹⁾ Оленушка.

²⁾ Ивановна.

³⁾ Иванъ.

⁴⁾ Иванъ сударь Андреевичъ.

⁵⁾ Оленушка Ивановна.

⁶⁾ За Артемія сударь Саввича. — *Измѣненія*
 И. В. К—го.

975 (124).

Какъ у Пахома на дворѣ
 Рай мой, рай!

Выростало деревцо кипарисное.
 Рай мой, рай!
 На то ли деревцо соколамъ былъ слетъ;
 Рай мой, рай!
 Подъ то ли деревцо господамъ былъ съѣздъ.
 Рай мой, рай!
 Они думу думали,
 Рай мой, рай!
 Думушку крѣпкую:
 Рай мой, рай!
 „Ужъ какъ намъ взойти
 Рай мой, рай!
 Ко Пахому-то на дворъ,
 Рай мой, рай!
 Ко Изотовичу на широкъ?
 Рай мой, рай!
 Ужъ какъ намъ взять
 Рай мой, рай!
 У Пахома-то дитя,
 Рай мой, рай!
 У Изотовича милое?“
 Рай мой, рай!
 Гдѣ ни взялся смѣлый
 Рай мой, рай!
 Валентинъ господинъ,
 Рай мой, рай!
 Валентинъ, сударь Вавиловичъ:
 Рай мой, рай!
 „Семъ-ко я пойду,
 Рай мой, рай!
 Семъ-ко я возьму
 Рай мой, рай!
 У Пахома-то дитя,
 Рай мой, рай!
 У Изотовича милое!
 Рай мой, рай!
 Помолясь взойду,
 Рай мой, рай!
 Поклонясь возьму!“
 Рай мой, рай!

976 (125).

Море, море—у Филата дворъ,
 Море, море—у Нафнутьевича;
 Круты берега—Маремьянушка,
 Круты берега—Филатьевна;
 Бѣлая рыбаца—Маремьянушка,
 Бѣлая рыбаца—Филатьевна.
 Ловили ловцы,
 Все дворяне молодцы:
 Тѣ ловцы, да не удалцы,
 Неводы у нихъ не шелковые,
 Крючья у нихъ не серебряные.

Море, море—у Филата дворъ,
 Море, море—у Нафнутьевича;
 Круты берега—Маремьянушка,
 Круты берега—Филатьевна,
 Бѣлая рыбаца—Маремьянушка,
 Бѣлая рыбаца—Филатьевна.
 Ловили ловцы,
 Купцы молодцы:
 Тѣ ловцы—все удалцы,
 Неводы у нихъ все шелковые,
 Крючья у нихъ все серебряные!

977 (126).

Не правдива малина,
 Сказала малина: „Цвѣсть не буду,
 Зеленова листика не пушу,
 Я алова цвѣтика не люблю“.
 Какъ пришла та пора,
 Малинушка разцвѣла,
 Зеленые листики пустила
 И алые цвѣтики полюбила.
 Не правдива Улитушка,
 Не правдива Макарьевна,
 Сказала она: „Замужъ нейдю“.
 Сказала она: „Не подумаю“.
 Сказала она: „Филата не люблю,
 Филата Нафнутьевича“.
 Какъ пришла та пора,
 Улитушка замужъ пошла.
 Ты на что, душа, прельстилася,
 Молодца-ль себѣ добила?
 На ево-ли лицо бѣлое?
 На ево-ли лицо румяное?
 На ево-ли брови черныя?
 На орѣшки-ль, на прянички-ль?
 На изюмъ-ли, сладки ягоды?

978 (127).

Исполать тебѣ, красна дѣвица,
 Соломонушка, душа Епистимовна!
 Упоила добра молодца,
 До кареты провожаючи,
 А сама спрашиваючи:
 „Ты когда, сударь, ко мнѣ будешь?
 Ты когда по меня приплешь?
 Ты когда, сударь, меня къ себѣ возьмешь?
 Къ своему ли отцу къ матери?“
 Что возговорить Елистратъ господинъ,
 Елистратъ, сударь Изотовичъ:
 „Я въ субботу къ тебѣ буду,
 Въ воскресенье по тебя пришло,
 Я тебя, мой свѣтъ, къ себѣ возьму!“

в) Пѣсни Прача *).

979 (1).

Какъ не пава (3) свѣтъ по двору ходить,
Не павлино (2), не павлиное перья роняетъ.
Какъ ходила тутъ, гуляла
Афросинюшка вкругъ терема,
Свѣтъ Тарасьева вкругъ висока,
Говорила (2) таковы словеса не были:
„Отомкнися (2), мой нѣмецкой замокъ, отом-

книся,
Отложися (2), нолужоная цѣпь, отложися,
Отворися (2), кипарисная дверь, отворися,
Распахнися (2), шитой брань положокъ, рас-

пахнися,
Проснися, пробудися ты, мой батюшка роди-
Моя матушка родная: [мой,

Ужъ не вѣкъ (3) у васъ вѣковати,
Ужъ не годъ мнѣ (3) у васъ годовати,
Не недѣлю (2), не недѣлюшку гостити:
Одну ночку (2), одну ноченьку ночевати,
И тое мнѣ (2) въ тоскахъ, во слезахъ не
видати.

На молитвѣ-ль (3) мнѣ простояти,
Или съ батюшкою (3) думушку думать,
Или съ матушкой (3) крѣпкую думать,
Иль съ подружкамъ (3) рѣчь говорить?

980 (2).

Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Подъ косящетымъ окошечкомъ,
Какъ сидѣла красна дѣвица душа,
Похвалялась похвальбой она своей,
Похвальбой своей великою,
Что не взять, не взять Онисиму меня,
Что не взять, не взять Лифантьевичу,
Что ни стомъ рублевъ, ни тысячей,
Ни помѣстьемъ, большой вотчиной.
Какъ услышала Онисимъ господинъ
Похвалбу ея великую:
— Не хвалися, красна дѣвица душа,
Свѣтъ Улита Спиридоновна!
Я возьму тебя за себя
И безъ ста рублевъ, безъ тысячи,
Безъ помѣстьевъ, большой вотчины:
Я самъ-сѣмъ приду съ боярами,

Я восьмую возьму свашеньку,
Я девятую присватаю,
Я десятую тебя за себя!
Я возьму тебя за праву руку,
Поведу тебя ко суду Божью,
Ко суду Божью, ко злату вѣнцу;
Отъ злата вѣнца ко себѣ на дворъ:
„Еще вотъ тебѣ, батюшка,
Вѣковѣчная ключница;
Еще вотъ тебѣ, матушка,
Вѣковѣчная платьямойница,
Ужъ какъ мнѣ ли, добру молодцу,
Вѣковѣчная молода жена!“

981 (3).

Черезъ рѣчку черемха лежала;
Да лежала!
А никто по черемхѣ не ходитъ,
Да не ходитъ!
Да одинъ Иванъ переходитъ,
Переходитъ!
Свѣтъ Степановичъ переходитъ,
Переходитъ!
Душу Аннушку переводитъ;
Переводитъ!
Переведши, ею поцѣлуетъ,
Поцѣлуетъ!
Черезъ низаное ожерелье,
Ожерелье!
Черезъ пуговки золотыя.
Золотыя!

982 (4).

„Матушка, что въ полѣ пыльно?
Сударыня моя, что въ полѣ пыльно?“
— Дитятко, кони разъигрались,
Свѣтъ, милое мое, кони разъигрались.—
„Матушка, на дворъ гости ѣдутъ,
Сударыня моя, на дворъ гости ѣдутъ!“
— Дитятко, не бось, не выдамъ,
Свѣтъ, милое мое, не бось, не пужайся!—
„Матушка, на крылечко гости идутъ,
Сударыня моя, на крылечко гости идутъ!“
— Дитятко, не бось, не выдамъ,
Свѣтъ, милое мое, не бось, не выдамъ.—
„Матушка, въ нову горницу идутъ,
Сударыня моя, въ нову горницу идутъ!“
— Дитятко, не бось, не выдамъ,
Свѣтъ, милое мое, не бось, не выдамъ.—
„Матушка, за столъ садятся,

*) Полное заглавіе: „Пѣснь Иванъ. Собрание русскихъ народныхъ пѣсней“. Спб. 1806, 8°. (Первое изданіе—1790 г.). Свадебныхъ пѣсень у Прача всего шесть (см. стр. 152 и сл.); всѣ онѣ перепечатываются; въ собраніи П. В. К.—аго оказалось лишь три, именно: № 2, 3 и 6.—Ред.

Сударыня, за столъ садятся!“
 — Дитятко, не бось, не выдамъ,
 Свѣтъ, милое мое, не бось, не выдамъ.—
 „Матушка, со стѣны образъ снимають,
 Матушка, меня благословляютъ!“
 — Дитятко, Господь Богъ съ тобою!

983 (5).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ за горъ ли, горъ высокихъ
 Летитъ стадо лебединое,
 А другое гусиное.
 Отставала лебедушка
 Что отъ стада лебединого;
 Приставала лебедушка
 Какъ ко стаду ко сѣрымъ гусямъ;
 Учали ее гуси щипати,
 А лебедушка кликати:
 „Не щиплите, гуси сѣрые:
 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Занесло меня погодою“.
 Отставала Ненилушка,
 Отставала Софроновна
 Что отъ красныхъ отъ дѣвушекъ,
 Приставала Ненилушка,
 Приставала Софроновна
 Да что къ молодымъ молодушкамъ;
 Учали ее люди журити,
 А Ненилушка плакати:
 „Не журите, люди добрые:

Не сама я къ вамъ заѣхала,
 Не своею охотою,
 Завезли меня добры кони,
 Что добры кони Устиновы,
 Какъ Устина Фалеленча“.

984 (6).*)

На морѣ утушка купалася,
 На морѣ сѣрая полоскалася,
 Вошедши на берегъ, вострепенулася,
 Вострепенувшись, утушка воскликнула:
 „Какъ-то мнѣ съ моремъ разстатися?
 Какъ-то мнѣ съ крутыхъ береговъ поднятися?
 Придетъ зима холодная,
 Выпадутъ снѣги глубокие:
 Не хотя съ моремъ разстанешся,
 Не хотя съ крутыхъ береговъ подынешся!“
 Въ теремѣ Феклушка умывалася,
 Въ высокомъ Климовна умывалася,
 Горючими слезами обливалася:
 „Какъ-то мнѣ съ батюшкѣмъ разстатися?
 Какъ-то мнѣ съ матушкой прощатися?
 Приѣдетъ Наумъ со всеѣмъ поѣздомъ,
 Какъ Панфиловничъ со всеѣмъ поѣздомъ,
 Возьмѣтъ Феклу душу за правую руку,
 Поведетъ Климовну ко суду Божью,
 Отъ Божья суда ко себѣ на дворъ.“

*) Ср. № 351.—Ред.

г) Глазуновскій пѣсенникъ *).

985 (1).

Вечоръ наша перепелушка
 Всеѣ ноченьку прокликала,
 Всеѣ тѣмную прокликала;
 Какъ завтра ранешенько
 Ничуть стало не слышати,
 Золотой клѣтки не видѣти:
 Знать, соколы къ ней прилетали,

Переиелушку съ собой взяли.
 Какъ вечоръ наша Оленушка,
 Какъ вечоръ свѣтъ Григорьевна
 Всеѣ ноченьку проплакала;
 Какъ завтра ранешенько
 Ничуть стало не слышати,
 Ничуть во теремѣ не видѣти:
 Знать, бояре къ пей приѣхали,
 Аленушку съ собой взяли!

*) Полное заглавіе: „Новѣйшій, всеобщій и полный Пѣсенникъ, или собраніе всеѣхъ употребительныхъ, доселѣ извѣстныхъ, новыхъ и старыхъ пѣсенъ лучшихъ въ семь родѣ сочинителей, въ шести частяхъ. Съ присовокупленіемъ арій и хоровъ изъ оперъ: Русалки 4-хъ частей, Жюконда....., раздѣленный на любовныя и нѣжныя, пастушескія..... П. Ш. Въ Санктпетербургѣ. Въ Типографіи И. Глазунова, 1819 года.“ 16^о. Всего въ Пѣсенникѣ шесть частей; въ четвертой—Отдѣленіе первое—пѣсни свадебныя (стр. 1—51), всего 73 номера; впереди любопытное „Примѣчаніе“: „Употребляемые при

свадьбахъ обряды весьма многоразличны но различію состояній; нынѣ въ знатномъ и даже большою частію въ посредственномъ быту не имѣютъ мѣста свадебныя пѣсни. Но такъ какъ порядкомъ сего новаго и полнаго Пѣсенника требуетъ помѣщенія оныхъ, то и считаемъ за долгъ къ удовольствію простыхъ, а можетъ быть и другихъ особъ, включить все употребляемыя пѣсни сего рода, кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ. Случай, на каковыя каждая пѣсня поется, извѣстны тѣмъ, кои бывають часто на свадебныхъ пирушкахъ“.—Ред.

986 (2).

Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнова,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ.
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлой молодецъ бѣжитъ.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ:
„Афимьюшка, перейми мово коня,
Алексѣвна, перейми мово добра!“
— Я захочу, сударь, перейму,
А не захочу, не перейму:
Я не твоя еще, сударь,
А Божья да батюшкина.—
Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнова,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ.
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлою молодецъ бѣжитъ.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ:
„Афимьюшка, перейми мово коня,
Алексѣвна, перейми мово добра!“
— Я захочу, сударь, перейму,
А не захочу, не перейму:
Я не твоя еще, сударь,
А Божья да матушкина.—
Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнова,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ.
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлою молодецъ бѣжитъ.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ:
„Афимьюшка, перейми мово коня,
Алексѣвна, перейми мово добра!“
— Я теперь, сударь, перейму:
Я теперь Божья, сударь, да твоя!

987 (3).

Не лежи, черной бобръ, у крутыхъ береговъ,
Черная куна, возлѣ быстрой рѣки.
Не сиди, Памфилъ, во чужомъ ниру,
Памфилъ господинъ, да Ивановичъ,
Снаряжай ты свадебку Катенькину,
Что Катенькину, да Ивановнину.
— Глухие люди, не разумные!
Ужъ у меня свадьба снаряжена:
Девять печей хлѣба испечено,
Десятая печь тѣртыхъ калачей;

Девять четвертей пива наварено,
Десятая четверть зелена вина.
Ужъ у меня приданое изготовлено:
Девять городовъ съ пригородками,
Три терема съ притеремками.

988 (4).

Я сидѣла во теремѣ,
Я низала себѣ шапочку,
Я по алому но бархату.
Гдѣ ни взялся ясенъ соколъ:
Онъ махнулъ правымъ крылышкомъ,
Онъ задѣлъ за тарелочку,
Онъ задѣлъ за серебряну,
Онъ просыпалъ крупень жемчугъ
До единого зернышка.
Какъ расплакалась дѣвушка,
Передъ батюшкой стоючи.
— Ты не плачь, мое дитятко!
Созову тебѣ князей, бояръ:
Подберутъ твой крупень жемчугъ
До единого зернышка!

989 (5).

Залетала пташечка
Во соловью клѣточку,
За серебряную сѣточку,
За золотую рѣшеточку,
За жемчужну переплеточку;
А сама-то востоскуется,
А сама-то взгорюется:
„Охти мнѣ, тошнехонько
У соловья во клѣточкѣ,
За серебряной сѣточкой,
За золоченой рѣшеточкой,
За жемчужной переплеточкой,
Безъ травы-то зеленыя,
Безъ воды-то ключевыя!
Меня вонъ ужъ не выустятъ,
А сама вонъ не вылечу!“
Заѣзжала Оленушка,
Заѣзжала Григорьевна
Ко Ивану во высокъ теремъ,
Въ изукрашенный ко Ивановичу;
А сама-то востоскуется,
А сама-то взгорюется:
„Охти мнѣ, охъ, тошнехонько,
Охти мнѣ, охъ, груснехонько
Въ чужихъ людяхъ, въ чужомъ терему,
Во чужомъ не знакомомъ мнѣ,
Безъ батюшки, безъ матушки,
Безъ сестрицъ-то голубушекъ,
Безъ красныхъ безъ дѣвушекъ!

Ужъ меня вонъ не выпустятъ,
А сама вонъ не выйду!“

990 (6).

Разлилася, разлѣялась
По дугамъ вода вешняя;
Унесло улеѣяло
Чадо милое, дочь отъ матери;
Оставалася матушка
На крутомъ красномъ бережку;
Закричитъ она громкимъ голосомъ:
„Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыло трои ключи,
Трои ключи зѣлоты
Со кольцомъ со серебрянымъ,
А внутри позолоченымъ;
Какъ первой-то ключикъ
Отъ высокова терема,
А другой-то ключикъ
Отъ зелѣнова садика,
А третій-то ключикъ
Отъ кована ларчика“.
— Государыня матушка,
Позабыла я не трои ключи,
Не трои ключи зѣлоты,—
Позабыла я, матушка,
Волю батюшкину,
А нѣгу матушкину
И пріятство сестрицыно.

991 (7).

Ужъ какъ въ теремѣ дѣвушки,
Ужъ какъ въ высокомъ красныя
Разыгрались, распотѣшились,
Разскакалися, расплясались;
Одна лишь душа Катеринушка,
Катеринушка, свѣтъ Васильевна*)
Задумалась, подгорюнилась:
Она плачетъ, что рѣка льется.
Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
Ужъ ее ли красныя приголубливали:
„Ты не плачь, не плачь, Катенька,
Ты не плачь, не плачь, Васильевна*):
Что идетъ къ тебѣ батюшка!“
— Батюшка тоски моей не вѣдаетъ,
Онъ грусти моей не размыкаетъ,
Онъ горю моему нѣ помочь.—
Ужъ какъ въ теремѣ дѣвушки,
Ужъ какъ въ высокомъ красныя
Разыгрались, распотѣшились,
Разскакалися, расплясались;
Одна лишь душа Катеринушка,

Катеринушка, свѣтъ Васильевна*)
Задумалась, подгорюнилась:
Она плачетъ, что рѣка льется.
Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
Ужъ ее ли красныя приголубливали:
„Ты не плачь, не плачь, Катенька,
Ты не плачь, не плачь, Васильевна*):
Что идетъ къ тебѣ матушка!“
— Матушка тоски моей не вѣдаетъ,
Она грусти моею не размыкаетъ,
Она горю моему нѣ помочь.—
Ужъ какъ въ теремѣ дѣвушки,
Ужъ какъ въ высокомъ красныя
Разыгрались, распотѣшились:
Разскакалися, расплясались;
Одна лишь душа Катеринушка,
Катеринушка, свѣтъ Васильевна*)
Задумалась, пригорюнилась:
Она плачетъ, что рѣка льется.
Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
Ужъ ее ли красныя приголубливали:
„Что идетъ къ тебѣ твой суженой,
Твой суженой, твой ряженой,
Что Григорій сударь Александровичъ!“
Какъ*) вскрикнетъ Катеринушка,
Душа свѣтъ Васильевна*):
— Ужъ какъ онъ то тоску мою вѣдаетъ;
Я съ нимъ ли грусть свою размыкаю!
Ужъ онъ-то горю моему помочь,
Ужъ онъ-то сердцу не насада,
Ужъ какъ онъ то только и въ мысляхъ былъ!

*) Иванова.

**) Что.—Измѣненія П. В. К—аго.

992 (8).

Съ Невы вѣтры понавѣяли,
Незванные гости на дворъ взѣхали,
Подломили, подломили сѣни новыя,
Подломили съ переходами,
Раздавили, раздавили чару золотую,
Раздавили со финистрою*),
Выпугали, выпугали соловья изъ саду,
Изъ саду молодова, зеленова.
Что вступится, что всплачется
Александрюшка душа Николаевна:
„Свѣтъ, вы мои сѣни новыя,
Свѣтъ, вы мои съ переходами!
Ужъ мнѣ по васъ не хаживати,
Ужъ мнѣ по васъ не гуливати.
Свѣтъ, моя чара золотая,
Свѣтъ, моя со финистрою!
Ужъ мнѣ изъ тебя не кушивати.
Свѣтъ, ты мой соловей во саду!

Кому-то меня поранѣшеньку будить?
Поранешеньку будить, скору дѣлу учить?“
Что взговорить Гаврила господинъ,
Гаврила, сударь Григорьевичъ:
— Ты не плачь, моя Александрюшка,
Ты не плачь, свѣтъ Николаевна!
Я сострою тебѣ сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами,
Я солью тебѣ чару золотую,
Чару золотую со финистрою.
Я у тебя соловей во саду,
Я стану тебя поранѣ будить,
Я стану тебя скору дѣлу учить.

*) Т. е. финифтью. — *Ред.*

993 (9).

Ахъ, жарко въ теремѣ свѣчи горять,
Горять свѣчи воску ярова. (2) *)
Ахъ, жалко плакала свѣтъ Аннушка!
Унималь ее родной батюшка,
Уговаривала родна матушка:
„Не плачь, не плачь, мое дитятко!
Ужъ я тебя не въ полонъ даю,
Не въ полонъ даю, не полонить хочу:
Ужъ я тебя замужъ отдаю,
За умнаго, за разумаго,
За бѣлаго, за румянаго;
Вѣдь я тебя не одну пушу,
Не одну пушу, поѣзжанъ пошлю,
Поѣзжанъ пошлю, сваху снаряжу!“
— Государыня моя, матушка!
Я сама знаю про то, вѣдаю.
По гостямъ гости всѣ разѣдуются,
И сватьюшки всѣ разойдутся,
Одна я, младешенька, остануся,
На чужой дальней сторонюшкѣ
У чужова отца, матери,
У чужова роду, племени.

*) Далѣе всякій стихъ пѣсни повторяется два раза. — *Ред.*

994 (10).

Какъ изъ гнѣздышка пташечка,
Изъ гнѣздышка изъ теплаго,
Изъ [подѣ] вѣточки яблонной
Вынорхала, вылетала
На чисто поле на зеленое,
На тѣ ли луга муравистые;
Гвала травушку со корешка,
Бросала травушку на сторонюшку;
Гвала, вырывала пташечка,

Вырывала маковъ цвѣтъ;
Вырвавши, имъ любовалася.
Какъ изъ терема, терема,
Изъ терема краснаго, высокаго,
Краснаго, высокаго, свѣтлаго,
Изъ подѣ присмотра матушкина
Выходила, выбѣгала,
Выходила красна дѣвица,
Красна дѣвица душа Машенька
На тотъ-ли на широкій дворъ,
Выходила душа Машенька
Во зеленъ кедровой садъ;
Садилась свѣтъ Васильевна
За новой дубовой столъ;
Смотрѣла всѣхъ прѣѣзжихъ гостей,
Всѣхъ прѣѣзжихъ, незнакомыхъ;
Выбирала себѣ суженаго,
Выбирала себѣ милаго.
Ужъ никто-то ей не взглянется,
Ужъ никто-то ей не по сердцу.
Выбирала душа Машенька,
Выбирала свѣтъ Васильевна
Тебя ли, Андрей господинъ,
Андрей, сударь, Поликарповичъ.
Ужъ выбравши, любовалася,
Любовалася, красовалася:
„Ужъ какъ онъ-то мнѣ понравился,
Ужъ какъ онъ-то мнѣ пришелъ по сердцу;
Ужъ какъ мнѣ ли на него не наглядѣться,
Ужъ какъ мнѣ ли на него не посмотрѣться,
Ужъ какъ мнѣ ли съ нимъ не хочется и
разстаться!“

995 (11).

Закатись ты, солнце красное!
Ты взойди, свѣтель мѣсяцъ!
Ты свѣти во всю ноченьку,
Ты свѣти во всю темную,
Во весь путь, во всю дороженьку;
Свѣти ль ты моему суженому,
Моему ли другу милому,
Павлу, сударь, Васильевичу,
Чтобъ съ дороженьки не сбился,
Чтобъ назадъ не воротился,
Чтобъ въ лѣсу не заблудился,
Чтобъ въ рѣкѣ не измочился,
Лихіе бы люди не напали,
Злы собаки бы не отогнали:
Безъ нево-ль то мнѣ тошнѣхонько,
Безъ нево-ль то мнѣ грустнѣхонько!

996 (15).

Какъ у Домнушки матушка
Не добра была, не ласкова.

У Макѣвны родная
Не добра, не привѣтлива;
Посылала ее матушка
Во сырой боръ по ягоды:
„Выбирай себѣ, дитятко,
Ты изъ ягоды ягоду,
Изъ калины калинушку,
Изъ малины малинушку,
Изъ чѣрной ягоды смородинку“.
Какъ у Домнушки матушка
И добра была, и ласкова,
У Макѣвны родная
И добра, и привѣтлива;
Посылала ее матушка
Во высокъ теремъ бояръ смотрѣть:
„Выбирай себѣ, дитятко,
Изъ князей себѣ князичка,
Изъ бояръ себѣ боярина,
Изъ военныхъ военнова,
Изъ придворныхъ придворнова,
Изъ приказныхъ приказнова,
Изъ изъ чина посадкова“.
Какъ идѣть ея дитятко,
Скоры ноги подгибаются,
Бѣлы руки опускаются,
Очи ясныя нумутились,
Горючи слѣзы катилися:
— Я не выбрала, матушка,
Лучше сына посадскаго,
Лучше Ивана Алексѣевича.

997 (16).

Вѣнуэл вѣтры да по полю,
Грянули веслы да по морю.
Пролились слезы Улитины,
Пролились слезы Михѣвны,
„Съ кѣмъ-то мнѣ думушку думати,
Съ кѣмъ-то мнѣ крѣпкую думати?“
— Думать думу съ роднымъ батюшкою.—
„Та мнѣ дума не вѣрна, не крѣпка!
Тѣ словеса не понравилися!“
— Думать думу съ родной матушкою.—
„Та мнѣ дума не вѣрна, не крѣпка!
Тѣ словеса не понравилися!
Думать думу мнѣ со Гуромъ княземъ,
Съ Гуромъ княземъ, съ Потановичемъ.
Та мнѣ дума и вѣрна, и крѣпка,
Тѣ словеса мнѣ понравилися!“

998 (17).

Слышишь-ли ты, Софронъ господинъ,
Слышишь-ли, Анкудиновичъ?

Тебѣ нѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ!
Еще какъ мы тебя величаемъ,
Мы по имени называемъ,
Мы по отчеству возносимъ:
Да что сыръ молодой на блюдѣ,
Да что сладкой мѣдъ съ кардамономъ,
Что зеленое вино съ шафраномъ.
Ты, Софронъ господинъ, не скупися,
Съ золотой гривной разступися.
Ай, спасибо, Софронъ господинъ,
Ай, спасибо, Анкудиновичъ сударь!
И мы мѣдъ твой выпили,
Золотую гривну вынули,
Мы челомъ тебѣ ударили,
По поклону по низкому,
Мы по слову по ласковому.

999 (18).

Двѣ рѣки сотекалися,—
Двѣ свахи собѣжались,
Думали думу надъ русой косой:
„Какъ намъ расплетать русу косу?
Какъ разложить косу на двое?“
— Вы постойте, свахи гордыя!
Дайте мнѣ посидѣть у батюшки,
У родимой у матушки!
Дайте поучиться, какъ домомъ жить:
Домомъ жить, много вѣдать надобно!

1000 (19).

Подари, нашъ умненькій,
Подари, нашъ хорошенькій,
Не рублемъ, не полтиною,—
Золотою гривною.
Будешь ты дарить,
То дари поскорѣй;
А не станешь дарить,
И мы станемъ корить,
Во глаза говорить:
„У Агафона кудри,
У Михѣвича черны
На четыре грани.....“
Агафонъ господинъ, не скупися,
Съ золотой гривной разступися;
Тебѣ тѣмъ казны не скопити,
Женѣ своей башмаковъ не купити.

1001 (20).

Перекадно красно солнушко!
Ты звѣзда перекадная!
За облаки звѣзда закатилася,

Прочь отъ свѣтлаго мѣсяца.
Перешла наша дѣвица
Такъ изъ горницы въ горницу,
Изъ столовой во новую;
Перешедъ, она задумалась,
А задумавшись, заплакала,
Во слезахъ слово молвила:
„Государь мой, родной батюшка!
Не возможно-ль того сдѣлать,
Меня дѣвицу не выдать?“

1002 (26).

Гусли мои, гусельцы!
А гдѣ гусли были?
Гусли мои, гусельцы!
— У Хавроньи въ теремѣ.—
Гусли мои, гусельцы!
Что Хавронья дѣлаетъ?
Гусли мои, гусельцы!
— Плачетъ, возрыдаетъ,
Гусли мои, гусельцы!
Къ ларцу припадаетъ:
Гусли мои, гусельцы!
„Ты, ларчикъ мой, ларчикъ,
Гусли мои, гусельцы!
Кованой, приданой!
Гусли мои, гусельцы!
Не годъ я копила,
Гусли мои, гусельцы!
Пришла пора-время,
Гусли мои, гусельцы!
Я въ часъ раздарила:
Гусли мои, гусельцы!
Я свѣкру сорочку,
Гусли мои, гусельцы!
Я свѣкру сорочку,
Гусли мои, гусельцы!
Свекрови другую,
Гусли мои, гусельцы!
Деверьямъ платочки,
Гусли мои, гусельцы!
Золовкамъ вѣночки:
Гусли мои, гусельцы!
Красуйтесь, золовки,
Гусли мои, гусельцы!
Красуйтесь, голубки,
Гусли мои, гусельцы!
Какъ я красовалась,
Гусли мои, гусельцы!
Косой похвалялась.“
Гусли мои, гусельцы!

1003 (27).

У Архипа Малафѣевича,
Ахъ! бѣда учинилася:

Какъ безъ вѣтра, безъ вихоря
Ворота растворилися,—
Три кораблика уплыли:
Какъ первой корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Какъ не жаль-то мнѣ золота,
Мнѣ ни чистова серебра;
Да что жаль-то мнѣ дѣвицы,
Свѣтъ Устиньи Архиповны,
Моей дочери рѣдныя.
У Протаса Назарыча
Да что радость учинилася:
Что безъ вѣтра, безъ вихоря
Ворота растворилися,—
Три кораблика приплыли:
Какъ первой корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Мнѣ не дорого золото
И ни чистое серебро,
Дорога красна дѣвица,
Свѣтъ Устиньи Архиповна,
Моя будуща невѣстуха.

1004 (28).

Катилось зерно по бархату,
Еще то ли зерно да Бурмицкое,
Прикатилось зерно ко яхонту:
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,—
Хорошъ женихъ со невѣстою.

1005 (29).

Пантелей государь ходить по двору,
Кузьмичъ гуляетъ по широкому;
Кунья на немъ шуба до земли,
Соболья на немъ шапка до верху,
Божья надъ нимъ милость до вѣку.
Бояре-то смотрять изъ города,
Боярыни-то смотрять изъ терема,
А сужена смотреть изъ полога.
Бояре-то молвятъ: „Чей то такой?“
Боярыни молвятъ: „Чей господинъ?“
А сужена молвитъ: „Мой дорогой!“

1006 (30).

Фетинья Фоку съ крыльца провожала,
Филимоновна Ануфрича съ краснаго прово-
Ему наказала: |жала,
„Пріѣзжай на дѣвичникъ,
На дѣвичій, сударь, вечеръ,

Привози, сударь, шкатулу
Дорогую, золотую;
Что во той ли во шкатулѣ
Мнѣ написана разлука:
Шестьдесятъ рублей тутъ денегъ,
Шестьдесятъ аршинъ лентъ разныхъ:
Голубыхъ, атласныхъ,
Пунцовыхъ, дворцовыхъ,
Простыхъ, тафтяныхъ,
Французскій чепчикъ,
Тулѣйна гребѣнка,
Бѣлы лайковы перчатки,
Парчевые черевички,
И серебряныя пряжки.“

1007 (31).

Кони вы мои, кони,
Кони вороные!
Сослужите мнѣ службу,
Сослужите мнѣ вѣрную!
Завтра поранѣй привезите ко мнѣ,
Завтра поутру примчите ко мнѣ
Мою суженую, мою ряженую,
Ту ли душу, красну дѣвицу,
Анисьюшку Панкратьевну!
Какъ у насъ-то дѣло сдѣлано,
Какъ у насъ ли помолвлено,
Помолвлено, на словѣ положено,
По рукамъ у насъ ударено:
Быть сговору, дѣвичнику,
Съ отцемъ и съ матерью*);
Завтра къ суду Божьему ѣхати,
Подъ златымъ вѣнцомъ стояти.

*) Кажется, что 15-й стихъ долженъ стоять прежде 14-го.—*Прим. П. В. К—аго.*

1008 (32).

Звонко звонять въ Новѣгородѣ,
Звончѣе того въ каменной Москвѣ.
Звонила звоны красна дѣвица душа;
Мимо ѣхалъ ея суженой;
Онъ звону ея заслушался,
Красоты ея засмотрѣлся;
Прѣѣхавши домой, похваляется:
„Государыня матушка!
Видѣлъ я свою суженую,
Видѣлъ я свою ряженую!
Глаза у пей, какъ у яснаго сокола,
Брови у ней черна соболя,
Ростомъ она пониже меня;
Краше ея въ теремѣ нѣтъ,
Умнѣе ея въ городѣ нѣтъ!“

1009 (33).

Ой, вы, гуси, гуси,
Звонкіе ¹⁾, китайскіе ²⁾!)
Ужъ гдѣ вы, гуси, были,
Звонкіе ²⁾, китайскіе побывали?
И что жъ вы видѣли?
— И мы были на синемъ морѣ,
И мы видѣли диво большое,
Что сѣрая утушка купалася,
На бѣло она полоскалася;
Купавшися утушка,
Полоскавшися утушка,
Положила она крылышки
На бѣлѣ горючъ камушекъ.—
Ой, вы, бояра, бояра,
Молодые, московскіе!
Ужъ гдѣ вы были, побывали?
Да что жъ тамъ вы видѣли?
— И мы были, мы были
У Ипата на дворѣ ³⁾,
И мы видѣли диво большое:
Ипаты ходитъ по двору,
Онъ дворъ выметаешь,
Онъ коврами устилаешь.
Ульянушка ходитъ да плачетъ,
Къ ларчику принадеетъ:
„Ларчикъ, ты мой ларчикъ,
Кованой ты мой, дубовой!
Я годъ ⁴⁾ тебя копила,
На другой ⁵⁾ снаряжала;
Я въ часъ одинъ раздарила:
Свекру сорочку,
Свекрови другую,
Золовкамъ по алой лентѣ:
Красуйся, золовушка,
Во моей лентѣ алой!“

Разночтенія изъ *Вес. Эр.* (№ 27):

¹⁾ молодые.

²⁾ молодые.

³⁾ на дворѣхъ.

⁴⁾ не годъ.

⁵⁾ не другой.

*) Къ каждому стиху припѣвъ: „Ой реди, ой реди!“—*Ред.*

1010 (34).

Воротися, соколъ, воротися:
Позабылъ ты шляпу на стопкѣ, на стопкѣ,
Позабылъ ты невѣсту цѣловати, цѣловати!

1011 (36)*).

Подымалася погодушка
Что со сѣверной сторонущи,

Уносила лебедь бѣлую,
 Лебедь бѣлую, черноногую
 Со желтыхъ водъ, со ключевыхъ,
 Съ тихихъ рѣчекъ, со глубокихъ,
 Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ,
 Гнала, гнала лебедь бѣлую,
 Гнала, гнала черноногую,
 Гнала въ бурно море синее;
 Синѣ море взволновалось,
 Лебедь бѣла востокчалась:
 „Ой, ты, буря-непогодушка,
 Унесла меня съ моей стороншки,
 Со желтыхъ водъ, со ключевыхъ,
 Съ тихихъ рѣчекъ, со глубокихъ,
 Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ! [выхъ,
 Ужъ не жаль-то мнѣ желтыхъ водъ ключе-
 Ужъ не жаль-то мнѣ тихихъ рѣчекъ глубо-
 кихъ,

Ужъ не жаль-то мнѣ своихъ бѣлыхъ лебеду-
 Жаль-то мнѣ своей стороншки, [шекъ,—
 Жаль-то своихъ бѣлыхъ перушковъ,
 Бѣлыхъ перьевъ, бѣлыхъ крылышекъ!“
 Какъ изъ славной Тверской улицы
 Подымались князья, бояре всѣ,
 Соѣзжались ко Иванову двору;
 Ворота дубовыя отворяются,
 Входятъ гости на широкій дворъ,
 Идутъ гости на ново крыльцо;
 Въ терему ли видятъ дѣвицу,
 Во высокомъ видятъ красную,
 Аксиньюшку душу Ивановну;
 Ужъ берутъ ли за бѣлы руки,
 Ужъ уводятъ ли отъ дѣвушекъ,
 Ужъ уводятъ ли отъ красныхъ.
 Какъ сажаютъ душу Аксиньюшку,
 Аксиньюшку свѣтъ Ивановну,
 Что за тотъ ли за дубовый столъ,
 Что за тѣ ли скатерти браныя.
 Иослѣ увезли къ себѣ домой
 Къ свекору, чужому батюшкѣ,
 Ко свекрови, чужой матушкѣ,
 Ко чужимъ сестрамъ, золовушкамъ,
 Ко чужимъ братьямъ, деверьюшкамъ.
 Свекоръ батюшка осердится,
 Свекровь матушка разгнѣвается,
 Умные деверья вкось глядятъ,
 Глупыя золовки съѣсть хотятъ.
 Душа Аксиньюшка востокчается,
 Свѣтъ Ивановна взгорючается,
 Въ горячихъ слезахъ восплачется:
 „Ой, вы, гости незнакомые!
 Увезли меня отъ батюшки,
 Увезли ли отъ родимова!
 Увели меня изъ терема,
 Увели ли изъ высокова!

Разлучили со дѣвицами,
 Со дѣвицами ли красными,
 Со моими-ль то подружками!
 Ужъ не жаль-то мнѣ и терема,
 Ужъ не жаль-то мнѣ высокова,
 Ужъ не жаль-то мнѣ красныхъ дѣвушекъ,—
 Жаль-то мнѣ роднова батюшку,
 А жалчѣй тово русой косы,
 Что моей ли дѣвичьей красоты!“

*) При пѣснѣ чье-то (не П. В. К—аго) болѣе позднее примѣчаніе: „Выкинуть (т. е. листокъ съ этой пѣсней) изъ собранія, какъ поддѣльный.“—
 Ред.

1012 (37).

А кто у насъ холостой?
 А кто у насъ не женатъ?
 Ай люли, ай люли,
 А кто у насъ не женатъ?
 — Андрей сударь—холостой,
 Аванасевичъ не женатъ.
 Ай люли, ай люли,
 Аванасевичъ не женатъ!
 Пора ему жениться,
 Время ему ѣхати
 Ай люли, ай люли,
 Время ему ѣхати!
 Ко тестеву ко двору,
 Ко тещину терему,
 Ай люли, ай люли,
 Ко тещину терему!
 Ко тещину терему,
 Къ невѣстину пологу:
 Ай люли, ай люли,
 Къ невѣстину пологу!
 „Ты, дѣвица, отвори!
 Красавица, отвори!“
 Ай люли, ай люли,
 Красавица, отвори!
 — Ужъ я рада бѣ отворить:
 Буенъ вѣтеръ пудру вьетъ,
 Ай люли, ай люли,
 Буенъ вѣтеръ пудру вьетъ!
 Буенъ вѣтеръ пудру вьетъ,
 Красно солнце лице жжетъ!—
 Ай люли, ай люли,
 Красно солнце лице жжетъ!
 А молодецъ разсердился,
 На коня свою садился,
 Ай люли, ай люли,
 На коня свою садился!
 На коня свою садился,
 Назадъ домой воротился.

Ай люли, ай люли,
Назадъ домой воротился!
А дѣвица отворила,
Молодцу во слѣдъ кричала:
Ай люли, ай люли,
Молодцу во слѣдъ кричала!
„Андрей, сударь, воротись,
Аванасевичъ, оглянись!“

Ай люли, ай люли,
Аванасевичъ, оглянись!
— Ужъ я радъ бы воротиться:
Мой добрый конь не стоитъ,
Ай люли, ай люли,
Мой добрый конь не стоитъ!
Мой добрый конь не стоитъ,
Онъ копытомъ землю рветъ,
Ай люли, ай люли
Онъ копытомъ землю рветъ!
Онъ копытомъ землю рветъ,
Молодца горе беретъ!—
Ай люли, ай люли,
Молодца горе беретъ!

1013 (38).

Во теремѣ гусли лежали:
Ай, некому во гусли играть:
Еще Петра дома не случилось,
Захарыча дома не случилось:
У ласкова тестя пируетъ,
У ласковой тѣщи столуетъ;
А тѣща-то зятя провожала,
Среди двора зятю наказала:
„Ахъ, зять ты мой, зять любимой,
Ты пей, зять, вино не до пьяна,
А сладкова мѣда не до сыта,
Ты садись на коня, не шатайся,
Поѣдешь домой, не валяйся,
Надъ Татьянушкою не ломайся:
Вѣдь Татьяна—дитя молодое,
Ивановна не устароко,
Обычая твоево не знаетъ,
Ко нраву твоему не привыкла,
Разувать, раздѣвать не умѣтъ,
Въ уста цѣловати не достанетъ:
На лавочку станеть, такъ достанетъ.“

1014 (40).

На бережку зеленъ садикъ стоитъ;
Во томъ саду канарейка поетъ;
Слетались къ ней мелки птиачки:
„Свѣтъ ты, наша канарейчка!
Ужъ, знать, намъ къ тебѣ не летати,
Пшена съ просою не клевати“.

На бережку высокъ теремъ стоитъ;
Во томъ теремѣ свѣтъ Аксинья сидитъ;
Сходились къ ней красны дѣвушки:
„Ахъ ты свѣтъ, наша Аксиньюшка,
Ужъ, знать, намъ къ тебѣ не хаживати,
Тѣмныхъ почекъ не ночевывати,
Тайныхъ рѣчей не говаривати“.

1015 (41).

Цвѣти, моя грушица,
Цвѣти, моя зелѣная,
Зеленымъ зеленехонько.
Скоро тебя, моя грушица,
Скоро тебя, моя зеленая,
Станеть поливати Аксиньюшка,
Аксиньюшка Пантелѣвна*),
Изъ своихъ рукъ изъ бѣлыхъ,
Изъ чиста мѣдна ковнишка.
Ужъ она ли у батюшки
Во саду во зеленомъ
Всему хорошо выучена:
И цвѣтики сажать,
И яблоньки поливать;
Ужъ она ли у матушки
Въ терему во високомъ
Всему хорошо выучена:
И ткать, и пряхать,
И золотомъ шить
По атласу, по бархату.
Ужъ и мнѣ ли, молодцу,
Съ ней любо будетъ жить:
Мнѣ ею ли любоватися,
Мнѣ ею ли красоватися.
Ужъ и мнѣ ли, молодцу,
Всѣ стануть завидовати,
Завидовати, перешоптывати:
„Кабы и намъ такія суженныя,
Кабы и намъ такія ряженныя;
Съ ними бѣ были мы веселы,
И веселы, и радостны!“

*) Михайловна.—Залѣна II. В. К.

1016 (44).

Раскачалася грушица,
Передъ яблонкой стоючи.
Расплакалась Авдотьюшка,
Передъ батюшкой стоючи:
„Государь ты мой, батюшка,
Ты къ чему рано вино куришь?
Ты къ чему рано пиво варишь?
Ты къ чему рано становишь меды сладкіе?“
— Ты дитя ли мое, дитятко,

Ты дитя ли мое, милое!
 Я хочу тебя замужъ отдать
 Не за князя, не за барина,
 За того ли сына гостинаго.—
 „Государь ты мой, батюшка,
 Нельзя-ль думу раздумати,
 А меня замужъ не выдати?“
 — Ты дитя ли мое, дитятко,
 Ты дитя ли мое, милое,
 У насъ дѣло-то сдѣлано,
 По рукамъ у насъ ударено:
 Быть сговору—дѣвичничку,
 Быть дѣвичьему вечеру.
 Въ воскресенье тебѣ, дитятко,
 Къ суду Божию ѣхати,
 Подъ златымъ вѣнцомъ стояти
 Съ удалымъ добрымъ молодцомъ,
 Со Филатомъ Парамонычемъ.

1017 (50).

Я не знала, не вѣдала ¹⁾,
 Ко мнѣ сваха пріѣхала,
 Сваха гордая, спѣсивая ²⁾,
 Молодая, ломливая;
 Она ступить не ступила ³⁾;
 Да хотя она ступила
 По атласу, по бархатѣ,
 По аксамену на золотѣ,
 Она молвить не молвила;
 Да хотя она молвила
 Съ княжною, съ боярыней
 Съ Афросиньей Ѡдеевной:
 „Одѣвайся ты, умная,
 Снаряжайся, разумная ⁴⁾“.
 — Не спѣши, сваха гордая!
 Мнѣ куда снаряжаться
 Отъ родимова батюшки,
 Отъ родимой матушки?

Варьянтъ записанъ Моск. губ. Звенигор. уѣзда
 въ с. Ильинскомъ:

1) Передъ первымъ стихомъ поется еще:

Въ воскресенье, матушка.

Но этотъ стихъ—совершенно лишній, служить
 связью съ другою пѣсню, съ которой этотъ вар.
 былъ соединенъ.—Прим. П. В. К—аго.

2) Что гордая, спѣсивая.

3) Въмѣсто стиховъ 5—12 только два:

За занавѣску заглядываетъ,
 Все меня подговариваетъ.

4) Собирайся ты, умница,
 Собирайся, разумница,
 Ко суду Божию ѣхати,
 Подъ златымъ вѣнцомъ стояти.

Вслѣдъ за этими стихами прибавляются еще два
 стиха, которыми и кончается варьянтъ:

Отъ суда Божья къ батюшкѣ,
 Ко сударинѣ матушкѣ.

Но эти два стиха, очевидно, примѣшаны сюда
 изъ другой пѣсни, потому что въ нихъ явная
 ошибка: они могутъ быть обращены только къ же-
 нику, а не къ невѣстѣ. Молодые изъ церкви идутъ
 прямо въ домъ къ жениху, а не возвращаются къ
 невѣстинымъ родителямъ.—Прим. П. В. К—аго.

1018 (52).

Подъ горою бѣлъ шатеръ;
 Въ томъ шатрѣ дѣвица.
 Приходилъ къ ней братецъ:
 „Ты сестрица, сестрица моя!
 Богданъ коня проситъ“.
 — И ты, братецъ, давай, не отказывай,
 Про меня ничего не сказывай.—
 Подъ горою бѣлъ шатеръ;
 Въ томъ шатрѣ дѣвица.
 Приходилъ къ ней братецъ:
 „Ты сестрица, сестрица моя!
 Богданъ узды проситъ“.
 — И ты, братецъ, давай, не отказывай,
 Про меня ничего не сказывай.—
 Подъ горою бѣлъ шатеръ;
 Въ томъ шатрѣ дѣвица.
 Приходилъ къ ней братецъ:
 „Ты сестрица, сестрица моя!
 Богданъ тебя проситъ“.
 — И ты, братецъ, давай, не отказывай;
 Про меня все сказывай!

1019 (53).

Къ дружкѣ.

Охъ, ты, умная головушка,
 Ты, удалой доброй молодецъ!
 Ты охочъ по пирамъ ходить,
 По сговорамъ, по дѣвишникамъ,
 По дѣвичьимъ по вечерамъ.
 Ты охочъ пѣсень слушати,
 Ты охочъ, сударь, дѣвицъ дарити
 Не рублемъ, не полтиною,—
 Золотыми червонцами.

1020 (54).

Сваха.

Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Какъ на свахѣ, свахѣ

Не самъ чепчикъ пляшетъ:
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Вши его поднимаютъ,
 А гниды его толкаютъ.
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Сваха на свадьбу спѣшила,
 На мутовкѣ рубашку сушила;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Ъхала свашенька изъ города,
 Свѣсила ноженьки изъ короба;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Увидѣли свашеньку два щёголя,
 Приударили свашеньку въ два шелепа;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Свашенька испугалась,
 На дохлу курицу кидалась;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Стучить, гремитъ на улицѣ,
 Ъдетъ сваха на курицѣ,
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Нестомъ она погоняетъ,
 На свадьбу поспѣшаетъ.
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Ужъ какъ дружно-то Захаръ
 Гонить ее свади на базаръ—
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Продать, хоть не изъ рожи,
 А пусть хоть бы изъ кожи;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Да не одинъ мясникъ божится,
 Что и икура не годится;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Одинъ только Мартынъ
 Давалъ за нее и съ курицей алтынъ.
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Ужъ какъ дружка осердился,
 Къ Москвѣ рѣкѣ воротился,
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Сваху за воротъ схватилъ,
 На шею камень нацѣпилъ;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!

Опускаетъ головою въ воду
 Попытатъ тамъ броду;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Какъ на встрѣчу имъ татары
 Гонять стадо таракановъ;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Дружка сваху промѣнялъ,
 Двухъ таракановъ за нее взялъ;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Посадили свашеньку въ коробокъ,
 Повезли въ Казань городокъ;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Соломою ее кормили,
 Вмѣсто пива щелокомъ поили;
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!
 Сваха съ Волги уходила,
 На воробьяхъ на свадьбу прикатила.
 Свашенька хорошенька,
 Свашенька пригоженька!

1021 (55).

То Михайлѣ пѣсенка,
 Да что ясному соколу
 И со бѣлой лебедушкой,
 Свѣтъ Ариной Григорьевной!
 Слышишь ли, Михайла господинъ?
 [Слышишь ли, Ѳедотовичъ?] *)
 Тебѣ пѣсню ноємъ,
 Тебѣ честь воздаемъ!
 [Еще какъ мы тебя величаемъ,]
 [Величаемъ!]**)
 Мы по имени тебя называемъ,
 Называемъ!
 По отчеству тебя возносимъ,
 Возносимъ!
 Да что сыръ молодой на блюдѣ,
 На блюдѣ!
 Что зеленое вино съ шафраномъ,
 Съ шафраномъ!
 Да что сладкой медъ съ кардамономъ,
 Съ кардамономъ!
 Въ саду вишенья садовое,
 Садовое!
 Въ саду яблочко наливное,
 Наливное!
 [Ты, Михайло господинъ, не скупися,
 Не скупися!

Съ золотой гривной разступися,
Разступися!] ***)

*) Стихъ добавленъ П. В. К.—имъ. Раздѣленіе на стихи принадлежитъ ему-же.—*Ред.*

**) Добавлено П. В. К.—имъ.—*Ред.*

***) Тоже.—*Ред.*

1022 (58).

Ты, женихъ господинъ, удвинься, удвинься,
Подъ тобою ковры золотые, золотые,
Подъ коврами ларцы кованые, кованые,
Въ ларцахъ казна несмѣтна, несмѣтна:
Золотые тебѣ на сватѣбу, на сватѣбу,
А серебряные-то дѣвицамъ, дѣвицамъ,
Копѣйки твои въ богодѣльню, въ богодѣльню.

1023 (63).

У Михайлы въ гостяхъ не бывали, не бывали
И мы мѣду его не пивали, не пивали,
Мы даровъ отъ него не видали, не видали.
А что мѣдъ-то ево, что водица, что водица,
А дары-то ево, что тряпица, что тряпица.

1024 (65).

Д р у ж к ѣ.

Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
На дружкѣ кафтанишко синій,
Весь по ниточкѣ сбирай;
Друженька хорошенькой и т. д.
Какъ на дружкѣ-то камзолъ
Со фальшивой бахромой;
Какъ на дружкѣ-то штаны
Послѣ дѣда сатаны,
Чулки вязаные,
И тѣ краденые.
Башмаки хороши,
Только безъ подошвы.
Пряжки съ искорками,
Вонь повыскакали.
На дружкѣ-то шляпенка
Послѣ сватушки чертѣнка.
Дружинька по горницѣ прошолъ,
Трои полути намошь;
На палати-то взглянулъ,
Трои лапти стянулъ.
На поварѣ живаль,
Ложки мываль,
Помои пиваль,
Мочалки сосаль.

Посадимъ тебя за столъ,
Пришибѣмъ тебя пестомъ,
На закусочку—
Колотушечку.
Скажемъ: по воду пошѣлъ,
Скажемъ: подъ ледъ онъ ушѣлъ.
Друженька по горницѣ похаживаетъ,
Частѣхонько поговариваетъ:
Ужъ какъ, братцы, онъ хорошъ!
— На лиху болѣзь похожъ:
Рожа пряслицею,
Глаза скляницею,
Носъ крючкомъ,
Голова пестомъ.
Дружка ворота рублемъ отпираетъ,
Коломъ запираетъ;
Дружку по денежкамъ принимаютъ,
А дубиной провожаютъ.
Друженька, не скупися,
Друженька, разступися:
Подъ тобой ковры золотые,
Подъ коврами ларцы кованые,
А въ ларцахъ казна несмѣтна.
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!

1025 (66).

Е м у - ж е.

Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Ты по лавкамъ скакалъ,
Пирогъ съ полокъ таскалъ,
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Пирогъ съ полокъ таскалъ,
Да за пазуху соваль;
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
По подлавицѣ бродилъ,
Да мышей наловилъ;
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Ты мышей наловилъ,
Свахъ шубу сшилъ.
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!

1026 (67).

Е м у - ж е.

Во саду не лукъ ли,
А дружка у насъ не глухъ ли?

Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Во саду не чеснокъ ли,
А дружка у насъ не безъ ногъ ли?
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
На дворѣ не снѣгъ ли,
А дружка у насъ не слѣпъ ли?
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Сказали про дружку: богатъ онъ.
Сказали про нево: тороватъ онъ:
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Онъ съ гривны на гривну ступаетъ,
Рублемъ ворота запираетъ.
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Да что жъ ево за богатство?
Онъ съ щенки на щепку ступаетъ,
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Онъ съ щепки на щепку ступаетъ,
Коломъ ворота запираетъ.
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Поѣхалъ дружка воевати
Вокругъ печи на лопатѣ
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Со лютыми со звѣрями,
Съ тараканами, со сверчками.
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
Пять лѣтъ онъ воевалъ,
Ни одного не поймалъ,
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!
На шестой годъ блоху онъ убилъ,
Да и ту чуть-чуть не упустилъ.
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой!

1027 (71).

На морѣ селезень косы вьетъ;
Страя утушка полощется,
Туда жъ она торопится.
Ей всѣ утушки завидовали.
— Не завидуйте, утушки,

Не завидуйте, сѣрья!
И у васъ будутъ селезни
Молодые, хохлатые!—
Противъ зеркальца чистаго,
Противъ зеркальца хрустальнаго
Чесаль молодець кудри черныя;
Дѣвица бѣлится, руманится,
За нимъ же торопится.
Ей всѣ дѣвушки завидовали,
Ей всѣ красныя завидовали.
— Не завидуйте, дѣвушки,
Не завидуйте, красныя!
И у васъ такіе жъ будутъ молодцы,
Такіе жъ будутъ хорошіе,
Такіе жъ будутъ пригожіе,
Такіе же бѣлы, румяные.

1028 (73).

Чарочка медвяная
Гостей упоила,
Съ честію, съ любовію
Гостей съ двора проводила.
Душечка, Маланьюшка,*)
Кованая твоя косонька!
Хотятъ косу расплетати,
Свекровъ конь подковать:
Свекровъ конь не рѣзовъ,
Маланьюшку не везетъ
Ко Божьему ко суду,
Ко златому ко вѣнцу.
Чарочка медвяная
Гостей упоила,
Съ четію, съ любовію
Гостей съ двора проводила.
Душечка, Маланьюшка,
Кованая твоя косонька!
Хотятъ косу расковати,
Селуяновъ**) конь подковать:
Селуяновъ конь, не рѣзовъ***),
Маланьюшку не везетъ,
Селифонтьевну не везетъ****)
Ко Божьему суду,
Ко златому ко вѣнцу!

*) Оринушка, какъ и ниже.—Замѣтка П. В. К—аго.

**) Алексѣевъ, какъ и ниже.—У П. В. К—аго.

***) рѣзовъ.—У П. В. К—аго.

****) У П. В. К—аго одинъ стихъ:

Оринушку увезетъ.—Ред.

д) Гурьяновскій пѣсенникъ*).

1029 (24).

Вдоль бережка гоголюшко ильвѣтъ,
Выше бережку головушку несѣтъ,
Выше плечъ крыльями смахиваетъ!
Хороша въ мѣрѣ пословица идѣтъ:
Будто съ милымъ во любви жить хорошо,
хорошошенько¹⁾).

Любилъ миленькій милѣшенько,
Разставать тяжеленько²⁾).

1) Стихъ II. В. К.—имъ разложепъ:

Будто съ милымъ въ любви жить хорошо,
Хорошо, хорошошенько.—*Ред.*

2) У II. В. К.—аго: тяжелѣшенько.—*Ред.*

1030 (28).

Маленька птичка пташка
Садилась на ракиту;
Хотѣла она, хотѣла она
Ракиту поломить;
Не сломила, не сломила,
Только наклонила.
Уменьенька дѣвица
За столомъ сидѣла;
Хотѣла она, хотѣла она
Батюшку взвеселить;
Не взвеселила, не взвеселила,
Только прослезилась.

1031 (32) **).

Соловей, соловушекъ
Изъ саду вонъ вылетывалъ;
Перепелка пташечка
Напередъ залетывала,
Соловья ворочала:
„Воротись, соловушекъ,
Воротись, мой молоденькій!
Безъ тебя въ саду пусто,
Безъ тебя не весело!
Всѣ птички, всѣ пташечки

*) Полное заглавіе: „Полный, новѣйшій пѣсенникъ въ тринадцати частяхъ, содержащій въ себѣ собраніе всѣхъ лучшихъ пѣсенъ, извѣстныхъ нашихъ авторовъ, какъ-то: Державина, Карамзина, Дмѣтріева....., расположенный въ отдѣльныхъ частяхъ для каждаго предмета, собранный II—изъ Гурьяновы.изъ“. Москва. Въ типогр. Н. Степанова, 1835.—16°. Свадебныя пѣсни помѣщены въ 8-й части, всего 55 пѣсенъ.—*Ред.*

Головки повѣсили,
Крылушки опустили“.
Какъ Иванъ поутру рано вставалъ,
Приказалъ коня сѣлать,
Поутру рано со двора съѣзжалъ;
Молода боярыня Вѣра
Коляску заклала,
Ивана ворочала:

„Воротись, мой милый другъ!
Безъ тебя въ дому пусто,
Безъ тебя не весело!
Всѣ слуги не слушающъ,
Всѣ рабы не вѣжливы!“

**) Дѣленіе на стихи принадлежитъ II. В. К.—ому;
въ изданіи—иное.—*Ред.*

1032 (37).

Охъ, вы свѣтъ, мои лазоревы цвѣточки!
Вы зачѣмъ рано приувыли?
На васъ буйны вѣтры навѣвали,
И частые дожди насѣкали?
Охъ, ты свѣтъ, милая подружка,
Наша милая подружка, голубушка!
Ты зачѣмъ рано приуныла?
Отъ Ивана грозы не видала,
Отъ Николаевича не слыхала?
— Охъ, вы свѣтъ, мои милыя подружки,
Вы подружки милыя, голубушки!
Еще знать сокола по полету,
Добра молодца по походкѣ;
Ужъ онъ съ ножки на ножку ступаетъ,
Мои бѣлыя руки сжимаетъ.
И золоченный перстень ломаетъ.

1033 (41).

Безъ вѣтра, безъ вихоря
Веревушка пошатнулася,
Воротички отворилися,
И бояре во дворѣ вѣхали,
Молодые на крыльцо взошли.
Женихъ Богу молится,
Всѣмъ онъ низко кланяется.
Закидались, забросались
Дѣвицы красавицы;
Свѣтъ невѣстушка
За дѣвушекъ схоронилась:
„Схороните меня, дѣвушки,
Схороните вы, подруженьки!
Прибылъ погубитель мой:

Разлучить мою головушку
Съ отцомъ, съ матерью,
Съ родомъ, съ племенемъ.“

1034 (42).

Кормилецъ мой, батюшка!
Кинулся ты, мой батюшка,
На злато, на серебро;
Кормилица, моя матушка!
На цвѣтно платѣе.
Запоручили вы меня горькую,
За поруки крѣпкія,
Молодохоньку, зеленехоньку.
Ахъ, кормилецъ мой, батюшка,
Ахъ, кормилица моя, матушка!
Не примайте вы винной чарочки:
Не посоль вамъ винна чарочка,
Не посоль, не перемѣнушка;
Своего посла вы избываете,
Посла вольнаго, слугу вѣрнаго,
[Слугу вѣрнаго]*), безотвѣтнаго!

*) Взятое въ скобки добавлено П. В. К.—имъ,
почему изъ послѣдняго стиха имъ сдѣлано два.—
Ред.

1035 (43).

Любезный ты мой батюшка!
Спалось ли тебѣ, родной мой?
Не спалось мнѣ во всю темну ночь;
Во всю ноченьку я думу думала.
Не темно стало на дворѣ,
Уже заря занимается;
Мои недруги, разлучники собираются:
Разлучать меня съ отцемъ, съ матерью,
Съ моимъ родомъ, племенемъ!

1036 (44).

Къ брату *).

Родной ты братецъ мой!
Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березыньку,
Загради ты путь-дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ
Нельзя было ни пройти, ни проѣхати.

*) Назначеніе пѣсни добавлено П. В. К.—имъ.—
Ред.

1037 (45).

Ты поди-ко, моя подруженька!
Не прогнѣвайся, моя любезная,
Что тебя я не встрѣтила
Посреди путь-дороженьки,
Посреди двора широкаго,
Супротивъ крыльца высокаго,—
Не по слѣси, не по гордости,—
За своимъ горемъ великіемъ.
Вы не будете ко мнѣ ходить,
Звать на улицу широкую;
Заростетъ ваша дороженька
Травой, муравію,
Западутъ ваши слѣдинушки
Бѣлымъ и пушнымъ снѣжкомъ.

1038 (46).

Ты поди-ка, моя милая,
(Имя и отчество)! *)
Я спрошу тебя надѣючи,
Ты скажи, меня жалѣючи:
Каково жить въ чужихъ людяхъ?

*) Александра Михайловна.—Подставлено П. В.
К.—имъ.

1039 (48).

Свѣтъ ты, моя волюшка,
Свѣтъ ты, моя нѣгушка
У родимой матушки!
Куда-то мою волюшку
Мнѣ пустить будетъ?
Пущу я мою волюшку
Во чисто поле,
Пущу я мою волюшку
Во темный лѣсъ;
Въ темномъ лѣсѣ она заплутается.
Нѣтъ, пущу я мою волюшку
По милымъ подруженькамъ.
Покрасуйтесь, подруженьки,
Покрасуйтесь, любезныя,
Поколь вы у батюшки,
Поколь вы у матушки;
А я горькая, горемычная,
Я уже открасовалася,
Отшутила съ вами я
Всѣ шутки шутливыя!

1040 (49).

Не полѣ вода на широкій дворъ
Къ моему батюшкѣ взлѣтѣла,—
Взлѣтѣли мои недруги:

Хотятъ они разлучить меня
Съ отцемъ, съ матерью, съ родомъ-племе-
Встрѣчай ты меня, мой батюшка, [немъ*].
Встрѣчай меня, моя матушка,
Своихъ друзей, моихъ недруговъ,
Недруговъ, разлучниковъ:
Разлучать они меня
Съ отцемъ, съ матерью, съ родомъ-племе-
немъ*).

*) По два стиха соединены П. В. К—имъ въ
одинъ.—*Ред.*

1041 (47).

Надо жить во чужихъ людяхъ
Умѣючи, разумѣючи:
Чужи люди словно темный лѣсъ,
Словно туча грозная;
Безъ мороза сердце вызябнетъ,
Безъ бѣды глаза выколютъ.
Въ чужихъ людяхъ будь
И покорна, и пословна.

1042 (50).

Свѣтъ ты, моя коса русая!
Свѣтъ ты, мой шелковой косникъ!
Плети ты, моя невѣстушка,
Плети косу мелко на мелко,
Вяжи узлы крѣпко на крѣпко!..*)

*) Конца, вѣроятно, недостаетъ.—*Прим. П. В. К—аго.*

1043 (54).

Ахъ! пошла зоря
Кругомъ двора,
Махнула рукавомъ
На высокій на теремъ.
Вы раздайтесь, бояра,
Разодвиньтесь, дворяне!
Чѣмъ меня батюшко даруетъ?
Не большимъ даромъ,
Большимъ животомъ,
Большимъ животомъ,
Еще миленькимъ дружкомъ!

Б. Пѣсни праздничныя.

І. Святочныя.

а) Святочныя собственно.

1044.

Пѣсня поздравительная о святкахъ*).

Во соборѣ у Михайла Архангела,
Что у ранней рождественской заутрени,
Незнакомый молодецъ Богу молится,
Съ горючими слезами поклоняется;
У него въ три ряда русы кудри завиваются:
Во первой рядъ завивались чистымъ сереб-

ромъ,

Во второй рядъ завивались краснымъ золо-

томъ,

Во третій рядъ завивались скатнымъ жемчу-

гомъ.

Впереди его стояли попы, дьяконы,
По праву руку стояли князья, бояре,
По лѣву руку стояли друзья, братія,
Позади его стояли православны христіане.
Еще князья, бояре дивовались молодцу,
Еще гости торговые позавидовали:

„Не заря ли тебя, молодецъ, породила?

Не часты ли мелки звѣзды убаюкивали?

Не свѣтель ли тебя мѣсяцъ вспоилъ, вскор-

милъ?“

— Ужъ вы глухие князья, бояре,

Неразумные гости торговые!

Что на свѣтъ меня родила родна матушка,

Воспоилъ, вскормилъ родной батюшка,

Убаюкивала нянька мамушка,

Что чесала буйну голову родная сестра,

Завивала русы кудри моя суженая!—

За тѣмъ будь же здоровъ, добрый молодецъ!
На житье, на бытѣ, на богатство!

*) При каждой строкѣ припѣвается: „Виноградѣ
красно, зеленое“.—*Собир.* Пѣсня эта напечатана
въ „Московскомъ сборникѣ“ (1852 г.), стр. 352—
353, но безъ припѣва.—*Ред.*

1045.

Жиль-быль курилка,

Жиль-быль голубчикъ.

Не умри, курилка,

Не умри, голубчикъ!

Шейка тоненька,

Душа коротенька.

У голубя золотая голова,

У голубки позолоченая.

У Якова хороша была жена,

Свѣтъ Домнушка душа.

Съѣзжались Якова друзья,

Дивовались Якова женѣ:

„Кабы, братцы, да моя была жена,

Я бы лѣтомъ во колясочкѣ возилъ,

А зимою студяною во писаныхъ саняхъ,

На ямскихъ кучерахъ, на донскихъ лоша-

дахъ.“

Тульск. губ.

1046.

Выду на улицу,

Сяду я молода

На камушкѣ,
Вдарю, вдарю я въ ладони.
Свекоръ услышитъ:
„Легонько, легонько, невѣстушко!
Потини, голубка!
Не перебей ладоней,
Не переломай золотыхъ колецъ!“

Казанск. губ.

1047.

Ужъ я золото хороню,
Чисто серебро хороню,
Я у батюшки въ терему,
Я у матушки въ пологу.
Очутися перстень у дворянина у молодова.
Гадай, гадай, дѣвица,
Въ чьи руки мылица,
Змѣнная крылица,
Черезъ поле идумчи,
Русу косу плетумчи,
Шелкомъ первиваючи,
Золотомъ персынаючи.

Тамбовск. губ., Козловск. у.

1048 (1).

Не летай, соколъ, высокохонько, высоко-
хонько,
Не маши, соколъ, крыломъ правымъ, кры-
ломъ правымъ,
Крыломъ правымъ, соколинымъ, соколи-
нымъ!
Говорила я дружку милому, дружку милому:
„Ты не стой, милый, у чужихъ воротъ,
У чужихъ воротъ, у вдовицыныхъ“.

1049 (2 *).

Какъ по улицѣ воробышекъ поскакиваетъ,
Ай лели, ай лели, да поскакиваетъ!
Красныхъ дѣвушекъ, молодушекъ на игрищи
зоветь.
Ай лели, ай лели, на игрищи зоветь!
Какъ выходитъ вонъ изъ кельи честный ста-
рецъ,
Ай лели, ай лели, честный старецъ!
Какъ на встрѣчу старичищу стары бабы;
Старичище клубучище принахлучилъ.

Оренбургск. губ., Бузулукск. у.

1050 (1).

Чарочка попловушечка,—Слава!
Долго тебѣ да плавати:—Слава!
Пора тебѣ и вонъ выплывать,—Слава!
Князьямъ и боярамъ вино подносить!—Слава!
А кому же мы спѣли, тому добро,—Слава!
Кому вынется, тому сбудется,—Слава!
Тому сбудется, не минется!—Слава!

1051 (2).

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,—Слава!
На немъ шубѣнка худехонька:—Слава!
Одна то пола во сто рублей,—Слава!
А другая пола во тысячу,—Слава!
А всей-то шубенькѣ цѣны нѣту;—Слава!
А цѣна-то ея у царя въ казнѣ,—Слава!
У царя въ казнѣ, въ кованомъ ларцѣ.—Слава!

1052 (3).

А ты сѣй, мати, мучицу, пеки пироги:—Слава!
Къ тебѣ будутъ гости нечаянные,—Слава!
Какъ нечаянные и невѣдомые;—Слава!
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,—Слава!
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапо-
гахъ!—Слава!

1053 (4).

Жемчужина окатная,—Слава!
До чего тебѣ докатится?—Слава!
Пора тебѣ вонъ выкатиться—Слава!
Князьямъ, боярамъ на шапочку.—Слава!

1054 (5).

Покачу я колечко кругомъ города,—Слава!
А за тѣмъ я колечкомъ сама пойду,—Слава!
Я сама пойду, до милова дойду.—Слава!

1055 (6).

Летитъ соколъ изъ улицы,—Слава!
Голубушка изъ другой летитъ;—Слава!
Слетались, цѣловались,—Слава!
Сизы крыльями обнимались,—Слава!

1056 (7).

Скачетъ груздочекъ по ельничку,—Слава!
Ищетъ груздочекъ бѣляночку:—Слава!

*) Снова повторяется тоже до предпоследней строки, гдѣ вмѣсто старыхъ бабъ попадаютъ стари-
чищу молодницы: старичище клубучище принахлу-
чилъ; въ третій разъ попадаютъ красны дѣвки—
и старичище (comme de raison) клубучище до той
сбросилъ.—Собиратель.

Не груздочекъ скачетъ,—дворянской сынъ,—
Слава!
Не бѣляночку ѣсть,—дворяночку.—Слава!

1057 (8).

Стоять сани снаряжены—Слава!
И полостью подернуты:—Слава!
Только сѣсть въ сани да поѣхати.—Слава!

1058 (9).

Идетъ кузнецъ изъ кузницы:—Слава!
Кузнецъ, кузнецъ, мнѣ скуй вѣнецъ,—Слава!
Изъ обрѣзочковъ золотъ перстень, Слава!
Изъ остаточковъ булавопку:—Слава!
Какъ тѣмъ вѣнцомъ мнѣ вѣнчаться,—Слава!
Какъ и перстнемъ тѣмъ обручаться,—Слава!
Той булавочкой убираться.—Слава!

1059 (10).

Щука шла изъ Новгорода,—Слава!
Она хвостъ волокля изъ Бѣлозера;—Слава!
Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,—Слава!
Что серебряная, позолоченая,—Слава!
А головушка у щуки унизаная.—Слава!

1060 (11).

Катилось зерно по бархату,—Слава!
Еще то ли зерно да бурмиское,—Слава!
Прикатилось зерно ко яхонту;—Слава!
Какъ и крупень жемчугъ со яхонтомъ,—Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою.—Слава!

1061 (12)

Вился, вился яровой хмѣль—Слава!
Около тычинки серебряныя:—Слава!
Такъ бы вилися бояра, князя—Слава!
Около князя великаго.—Слава!

1062 (13).

Растворю я квашонку на донынкѣ,—Слава!
Я покрою квашенку чернымъ соболемъ,—
Слава!
Опоюшу квашонку яснымъ золотомъ,—Слава!
Я поставлю квашонку на столбикѣ:—Слава!
Ты взойди, моя квашонка, во край ровна,—
Слава!
Во край ровна, да совѣмъ полна!—Слава!

1063 (14).

У Спаса въ Чигасахъ за Язую—Слава!
Живутъ мужики богатые,—Слава!
Гребутъ золото лопатами,—Слава!
Чисто серебро лукошками.—Слава!

1064

Зажилъ нашъ курилка,
Покамѣстъ не умеръ,
Этотъ франтъ курилка
Такой щепетильный,
По бесѣдѣ ходитъ!
У того курилки
И ножки тоненьки,
Душа коротенька,
Кудри смоляные,
Очи огневны,
Надъ шапочкой вьется
Перо птицы павы.
И вотъ, вотъ порвется
Душа для забавы.

Отъ Г. Миняева, 1838 г.

1065 (1).

Самъ толку,
Самъ мелю,
Самъ по воду хожу,
Самъ и щи, кашу варю,
Кашеварничаю,
Нявоварничаю.
Посажу я жену,
На перину пухову:
„Шей-ка, жена,
Вышивай-ка, жена,
Мнѣ кисейны рукава,
Мнѣ не дологъ станъ,
Не коротокъ станъ;
Мнѣ не по полу ходить,
Не по лавочкамъ гулять,—
По тому коврѣ,
По узорчатому,
Чайны чашки разливать,
Переполюнчивать“.

1066 (2)*).

Ужъ ты хрѣнь, мой хрѣнь,
Садовой зеленой!
Ище кто тебя сажилъ,
Ище кто поливалъ?
— Сажилъ меня Иванъ,
Иоливалъ Селиванъ.
Селиванова жена

Всею ночь не спала,
Хрѣнъ усаживала,
Угораживала.—
Вы, добрые люди,
Жалу[й]те на свадьбу
Хлѣбу соли кушать,
Бѣла гуся рушать,
Молодыхъ смотрѣти,
Себя показать:
Эвтотъ баринъ женится,
Эвту барышню беретъ.

*) Обѣ пѣсни—въ старой записи (бумага 1823 г.).—
Ред.

1067.

Игра въ сосѣди.

Ужъ ты вѣнчикъ ли,
Мой вѣночекъ,
Ты лазоревой цвѣточекъ!
На кого тебя, вѣночекъ,
Положить?
Положу тебя, вѣночекъ,
На головку, на душечку,

На молодца.
Что не кумъ съ кумой покумился,
Среди кружка становилися:
„Ище ты мнѣ кумъ,
Ище я тебѣ кума.
Гдѣ мы сойдемся,
Тутъ обоймемся,
Поцѣлуемся,
Врозь разоидемся.“

1068.

Подушечка, подушечка,
И ты пуховая!
Дѣвонюшка красавица,
И ты молодая!
Кого люблю, кого люблю,
Того поцѣлую,
Пуховой подушечкой
Того подарю,
Въ кружочекъ поставлю,
Плясать заставлю.
Въ кружкѣ веселенько я попляшу (?),
Дѣвчоночку красавицу я поцѣлую.

б) Колядская.

На канунъ Рождества вечеромъ приходятъ
въ домъ женщины съ дѣвками. Поютъ:

1069 (1).

О коледа! Ходили, походили
По святымъ вечерамъ,
Они искали, искали
Святыхъ вечеровъ.
Здравствуй, хозяинъ съ хозяйшкою
и съ дѣтками!

Подаютъ послѣ сего крупы или пшена по
чашечкѣ на весь хороводъ. Уходятъ, благо-
даря хозяина съ хозяйкой.

Поздравление на Рождество Христово.

Послѣ заутрени—первый гость и поздра-
витель (пастухъ). Только что гратулантъ
отворить дверь, садится на порогъ, гово-
рить: „Дома ли хозяинъ?“ Хозяинъ отвѣ-
чаетъ: „Дома, милости просимъ, добрый че-
ловѣкъ!“ Тогда гость, вставши съ порога,
засѣваетъ или высыпаетъ смѣшанные изъ
подола сѣмена разнаго хлѣба и говорить:
„На телицы, на ягловицы, въ третій на здо-
ровье. Сколько въ полѣ кладушекъ, столько
счастья въ домѣ“. А хозяинъ говоритъ: „По-
корно благодарю.“ Послѣ сего даритъ хлѣба
краюшки не богатый(?), на другой день хо-
дить по пирогу(?)

в) Овсеновая.

Подъ новый годъ чинять кишки, желудки
и ножки варять.

Приходятъ женщины и дѣвки, приходятъ
подъ окно, и одна изъ нихъ называется „ми-
ханюша“, носить кошель для поклажи подар-
ковъ. Пришедши къ дому, спрашиваютъ хо-

зяина, велить ли прокликать Овсень, что онѣ
дѣлають или подъ окномъ, или по пригла-
шенію гостепріимнаго хозяина въ избѣ. Когда
получать они согласіе хозяина, то начинаютъ
пѣть:

1070 (2).

Среди Москвы
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.
Свѣтелъ мѣсяцъ—
То Тихонъ сударь,
Красно солнце—
Настасья его,
Часты звѣзды—
То и дѣтки ихъ.
Прикажите, не держите,
Собаками не травите,
Подайте намъ подачку!
Наша подачка
Во дверь не лѣзетъ,
Въ окошко шлетъ;
Кишки да желудки
Въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли.*)"
Колите доски,
Мостите мосты
Намъ.....**) да очески вестъ, ***)

Хозяина поздравить.
Васъ съ праздникомъ,
Съ новымъ годомъ!

Играя эту пѣснь, поютъ и нлѣшутъ. Хозяинъ высылаетъ кишку, желудокъ да ножку. Послѣ его благодарять, уходить.

*) Опять повторяютъ хоромъ: „Подайте подачку...“—*Собир.*

**) Неразобрено слово.—*Ред.*

***) Опять повторяютъ всѣ: „Подайте подачку...“—*Собир.*

1071 (3).

Таусенъ, а ты, дядюшка Таусенъ,
А мы твои пѣстунки!
Подари-ка насъ, чѣмъ Богъ послалъ,
Чѣмъ Христосъ надѣлилъ.
Кишки, лепешки, свинья ножки
Въ печи сидѣли, на насъ глядѣли.
Таусенъ, а ты кложичка,
Таусенъ, а ты кочережечка!
А ты гдѣ была?—Я коней берегла.
А гдѣ кони?—За гору ушли.

II. Подблюдныя.

1072 (1).

Санычки, самокатычки,
Сѣлъ бы на эти саначки,
Да поѣхалъ бы.

1073 (2).

Мышь пищитъ,
Сто рублей тащитъ.
Ищо попищитъ,
Ищо потащитъ.

1074 (3).

Сидитъ варабей на чужой гарадѣ,
Славна!
Глядитъ варабей на чужую сторону,
Славна!
Курычка ряба на завалинки навозъ гребла,
Славна!
Ищо погребла, калечика выгрибла.
Славна!
За дѣжой сижу, питярей важу.
Славна!

Лежить валчиша на павѣтиша
Аткинулъ хвостъ на пятнадцать веретъ,
Славна!

1075 (4).

Ужъ я золота хараню, хараню,
Чиста серебра хараню, хараню
Па краснымъ по дѣвушкамъ,
Па маладымъ малодушкамъ.
Гадай дай, дѣвица,
Край руки мыльца.
Паль, паль перстенъ
Въ калину, въ малину,
Въ черную самародину.
Паищити, красныи дѣвушки,
Паищити, подруженьки!

1076 (5).

Въ подполи блаха талкача радила.
Славна!
За карытамъ сижу, карысть жду,
Ищо посижу, ищо подажду,
Славна!

1077 (6).

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
На немъ шубенка худа-пирьхуда:
Одна пала сто рублей,
А другая тысячу.

Славна!

Кузнецъ, кузнецъ!
Скуй мнѣ вѣнецъ.

Славна!

Пѣсни 1072—1077 изъ Рязанской губ.

1078 (1)*).

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночки:
Не груздочекъ скачетъ,—боярскій сынъ,
Не бѣляночку ищетъ,—боярышню¹⁾.
Кому спѣли, тому добро слово!
Кому вынется, тому скоро сбудется,
Не минуется слово!

1079 (2).

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Кузнецъ куетъ мнѣ златой вѣнецъ,
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Изъ обрѣзочковъ булавочку²⁾.

1080 (3).

Во саду хожу, полотенцы стелю,
А еще похожу, и еще постелю³⁾.

1081 (4).

Сидить воробей на Вѣлѣ-городѣ,
Глядитъ воробей на чужу сторону⁴⁾.

1082 (5).

Мать, мать, порода моя!
Сѣй, мать, муку, станови пироги:
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи;
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ,
Ко мнѣ въ сапогахъ⁵⁾.

1083 (6).

За дѣжою сижу, пятернею вожу⁶⁾.

1084 (7).

Обапола горшка обвилась кишка!

1085 (8).

Кума у кумѣ въ гостяхъ была,
Другая къ ней въ молоствѣ⁷⁾ приплыла.

1086 (9).

За рѣкой мужики все богатые,
Гребутъ деньги лопатами⁸⁾.

1087 (10).

Заинька, завитаинька,
Завитай, завитай на чужую сторонушку⁹⁾.

1088 (11).

Стоять сани снаряженные;
Знать-то сѣсть въ сани да поѣхати¹⁰⁾.

1089 (12).

Подъ корытомъ сажу,
Я корысти жду!¹¹⁾

Пѣсни 1078—1089 изъ Рязанск. губ. Рязск. у.;
доставлены А. Н. Поповымъ 1838 г. генв. 3.

*) Обозначены: „Подблюдныя пѣсни-загадки“;
поэтому въ концѣ каждой—„отгадка“.—*Ред.*

1) Свадьба.

2) Тоже свадьба; припѣвъ—тотъ же, какъ и ниже.

3) Дорога.

4) Быть на чужбинѣ.

5) Свадьба.

6) Прибыль.

7) Къ приѣзду; „молостовъ“—значить свитой гор-
шокъ.—*Собир.*

8) Прибыль.

9) Путь.

10) Тоже.

11) Прибыль.

III. Весеннія.

а) Веснянки.

1090 (1).

Какъ подъ яблонью, люши,
Подъ зеленою, люши,
Тутъ келейка стоитъ, люши, *)
Въ кельѣ старецъ сидитъ.
„Охъ, ты, старецъ, встань,
Чу, къ обѣднѣ звонять“.
— Ужъ я, право, не могу,
Правя рученька болить,
Перькреститься не велить,
Перькреститься не велить,
Правя ноженька болить,
Правя ноженька болить.

*) Тотъ же припѣвъ къ каждому стиху.—Ред.

1091 (2).

Не ходи, бѣль-кудреватый,
Мимо моего сада,
Не топчи, бѣль-кудреватый,
Душистую мятю.
Я не для тебя садила,
Не для тебя поливала;
Для того мятю садила,
Кого я любила;

Для того я поливала,
Кого цѣловала.

Объ пѣсни записи самого П. В. К—аго (въ Воронкахъ Моск. губ.?).

1092.

Подойду, подойду,
Подъ Царь-Иванъ подойду!
Вышибу, вышибу,
Коньемъ стѣну вышибу!
Выкачу, выкачу
Съ мукой бочку, выкачу!
Подарю, подарю
Люту свекру батюшкѣ:
„Будь добръ, будь добръ,
Какъ родимый батюшка!“
Подойду, подойду,
Подъ Царь-городъ подойду!
Вышибу, вышибу,
Коньемъ стѣну вышибу!
Вынесу, вынесу
Лисью шубу, вынесу!
Подарю, подарю
Лютой свекровь-матушкѣ:
„Будь добръ, будь добръ,
Какъ родная матушка!“

Оренбургск. губ. Бузулукск. у.

б) Семицкія.

1093.

Туча съ громомъ сговаривалась:
„Пойдемъ, громъ, погуляемъ, громъ!
Ты съ дождемъ, а я съ молонью,
Ты грянешь, я освѣчу.“
Какъ на той ли на берѣзѣ
Не какѹшка какуетъ,
Соловей распѣваетъ.
Соловей, соловейко,
Полети, провѣдай,
Когда батюшка-матушка будетъ?
Я бы мостъ мостила,
Дубовые переклады,
Золотыя пластины.

Запись самого П. В. К—аго.

1094.

Въ семицкѣ вьютъ вѣнки и величаютъ:

Кто у насъ холостъ,
Кто не женатый?
— Яковъ свѣтъ—холостъ,
Васильевичъ—не женатый.
Люшеньки люли, не женатый.
По городу ходитъ,
Плавны выступаетъ,
Люшеньки люли, выступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараешь.
На добра коня садится,
Подъ нимъ конь веселится;

Къ саду подѣзжаетъ,
Соловьи распѣвають;
Къ крыльцу подѣзжаетъ,
Дѣвушки встрѣчаютъ,
За бѣлы руки примаютъ,
Въ горницу вводить,
За дубовой столъ сажаютъ,
За скатерти бранны,

За кушанья сахарны,
Рюмку вина наливають,
Якову подавають.
„Я не пью простого
Вина зеленого,
Выпью не простого,
Заморского дорогого.“
Люшеньки люли, дорогого!

в) Красная горка.

Послѣ свѣтлой недѣли, по провозженіи образовъ, на воскресенье, называемое „Красною горкою“, красныя дѣвки и бабы выходятъ на улицу и поютъ:

1095.

Вышли дѣвки и бабы на улицу,
Вынесли соловья зарукавнаго;
Дѣвки красныя заиграли,
А соловушко засвищетъ,¹⁾
А молоды молодки заплакали:
„Воля, воля краснымъ дѣвкамъ,
А намъ, молодкамъ, воли нѣту!
У молодки три заботки:
Первая забота—горшокъ кипить,
Другая забота—дите кричить,
А третья забота—старой кличетъ.
Я горшокъ уйму: вонъ выставлю,
Дитя уйму—бѣлой грудью,
А стараго уйму съ грядъ полѣномъ,
Съ грядъ полѣномъ, по колѣнамъ:
„Либо усни, либо умри.“
Въ полѣ не пыль пылить,
Татары шли,
Кивоту (?) жгли.

*) Сверху приписано: „щекочетъ“.—Ред.

На красную горку, вечеромъ, послѣ ужина, дѣвицы, молодыя женщины, мужчины собираются у воротъ, стерегутъ солнце или встрѣчаютъ весну. Это поется до вечера Вознесенья.

1096 (1).

Выду на улицу,
Выду на широкую,
Ударю въ ладони,
Ударю въ звончатые:
Не звонки ладони,

Звонки златы перстни.
Услышитъ мой свекоръ,
Услышитъ мой лютой:
„Тихонько, невѣстка,
Тихонько, голубка,
Не разбей ладони,
Не переломай златыхъ колецовъ.“
— Не лопайся, свекоръ,
Не трескайся, лютой!
Не ты купишь перстни,
Не сынъ твой золотые,—
Купилъ мнѣ батюшка,
Купилъ мнѣ родимой
Себѣ для чести—хвалы,
А мнѣ для прикрасы:
„Красуйся, дитятко,
Красуйся, милое!“

1097 (2).

Пришла матка,
Весна красна,
Дни теплые;
Добры кони
Въ луга поили,
А красныя дѣвушки
На улицу вышли,
Молодушки заплакали:
„Воля, воля краснымъ дѣвкамъ,
А намъ, молодкамъ, и воли нѣтъ!
У молодки три заботки:
Перва заботка—горшокъ кипить,
Друга заботка—дите кричить,
Третья заботка—старой мужъ кличетъ,
Дитѣ уйму бѣлою грудью,
Горшокъ уйму: вонъ выставлю,
Стараго уйму полѣномъ съ грядъ,
Березами не тесаными.
Сошью люльку о семи лубковъ,
Совью веревку о семи сажонъ,
Повѣшу люльку посередь двора
На жердочкѣ.

Положу въ люльку стараго черта,
Стану стараго я баюкати:
„Ты бай, бай, старой чертъ,
Любо усни, любо умри,

Меня младу гулять пусти,
Гулять пусти на улицу!“
Объ пѣсни, повидимому, Рязанскія; доставлены
Д. Т. Воздвиженскимъ, 1838 г., июня 13.

г) Вознесенская.

На третьей недѣлѣ Пасхи крестьянки хо-
дятъ въ лѣсъ *кукушкѣ крестить*. Связываютъ
двѣ березки нагнувши ихъ платками.

1098.

Ты кукушка ряба,

Ты кому же кума?
Покумимся, кукушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобъ намъ съ тобой не бра-
ниться.

д) Троицкая.

1099.

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти—
Вѣнокъ сплести
Ой ладо! Ой ладо!
Свекру батюшкѣ,
Свекрови матушкѣ,
Свекру батюшкѣ малиновой,
Свекрови матушкѣ калиновой.

Ой ладо! Ой ладо!
Пойду ль я тишкомъ
Лужкомъ, бережкомъ,
Сломлю ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣченьку.
Ой ладо! Ой ладо!
Не тонетъ, не плыветъ
Съ сыра дуба вѣточка:
Не тужить по мнѣ,
Свекоръ батюшка, свекровь матушка.

IV. Лѣтнія.

а) Петровская.

На Петровъ день солнце играетъ. Карау-
лятъ солнце; при первыхъ лучахъ его запѣ-
ваютъ:

1100.

Ой ладо, ой ладо!
На курганѣ соловей гнѣздо завиваетъ,
А иволга развиваетъ:

„Хоть ты вей, не вей, соловей,
Не быть твоему гнѣзду совитому,
Не быть твоимъ дѣтямъ вывожаными,
Не летать имъ по дубровѣ,
Не клевать имъ яровой пшеницы.“
Ой ладо, ой ладо! *)

*) Въ день Іоанна Крестителя (также поетъ ?—
Ред.).—*Прил. собирателя.*

В. Колыбельныя.

1101.

Баю, баю, котъ,
Баю, баю, сѣрый!
Приди, котъ, ночевать
На тесовую кровать.
Я тебѣ, котъ,
Дамъ за работу
Паны въ лапы,
Санки казанки,
Сѣнца на колѣнцы,
Пѣтуха пѣвуна,
Зайца косова,
Медвѣдя слѣнова,
Лисицу трусею,
Кормилицу плясею.
— Трусея-плясея
Наварила киселя,
Напекла пироговъ,
Наклала въ коробокъ,
Поѣхала на базаръ
Пироги продавать,
Пирогами торговать.

Сарат. губ., Сызранск. у.

1102.

Хорошъ, хорошъ дворецъ,—
Соломенный крылецъ; ¹⁾
Живетъ старикъ да баушка,
Паренекъ да дѣвушка,
Коровушка съ теленочкомъ,
Лопадушка съ жеребеночкомъ
Да семь овечушекъ.

¹⁾ Черезъ каждые два стиха припѣвъ:

А баю, баю, баю,
Баю-баиньки, баю!

1103

У кота, кота
Колыбель хороша,
А у нашего дитяти
Еще лучше того:
Кольцы, пробойцы серебряные,
Крюкъ золотой, ремни шелковые *).

*) Не вся (пѣсня).—Собир.

Простонародныя колыбельныя пѣсни*).

Въ продолженіи семи лѣтъ я постоянно велъ жизнь кочевую, скитался по степямъ Новороссійскимъ, полюбилъ Украйну, жилъ въ Таврическихъ горахъ, видѣлъ моря, побывалъ на берегахъ Днѣпра, Буга, Волги, Невы и Салгира.

*) Статья В. Пассека; доставлена П. В. К—му черезъ М. П. Погодина.

Любо мнѣ было, какъ птицѣ Божьей, перелетать изъ страны въ страну, искать весны и жизни... съ развалинъ славы прошедшаго смотрѣть на движеніе настоящаго и въ живомъ бытѣ народа причувствоваться къ бѣдѣ и отдаленныхъ событій и вѣрованій чело-вѣчества.....

Кромѣ наблюденій геологическихъ, древности и бытъ разныхъ племенъ нашего оте-

чества были моимъ любимымъ занятіемъ и цѣлю моихъ побѣдокъ. Сотни листовъ различныхъ замѣтокъ, изслѣдованій, повѣрій, пѣсенъ и собраніе видовъ и очерковъ многихъ замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ остались для меня драгоценнымъ матеріаломъ и самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ лучшихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ не безплодно и, могу сказать, *поэтически*.

Перебирая мои путевыя записки, я встрѣтилъ десятка два-три *колыбельныхъ пѣсенъ* и желалъ-бы нѣкоторые изъ нихъ сдѣлать достояніемъ „Москвитянина“.

Колыбельныя пѣсни—первый поэтический голосъ матери къ своему дитяти, первые звуки роднаго напѣва, первое зерно благоуханныхъ воспоминаній о нашемъ младенществѣ...

Изъ всѣхъ народныхъ пѣсенъ одинъ колыбельныя разлиты по всѣмъ сословіямъ общества, не измѣнившись ни въ своемъ простомъ словѣ, ни въ своемъ напѣвѣ.

Помню долгіе зимніе вечера, проведенные мною въ русской избѣ, среди семьи крестьянъ, и вижу, какъ теперь, черныя, задымленныя стѣны, широкій рядъ иконъ Божіихъ въ переднемъ, или *красномъ*, углу; кругомъ лавки, подъ образами сосновый столъ, надъ самою дверью полати; рядомъ съ ними большая печь съ печурками и всѣмъ хозяйственнымъ приборомъ. Одна эта комната, одинъ *покой*, для цѣлой семьи замѣняетъ: спальную, столовую, дѣтскую, переднюю, кухню, даже гостинную и залу.... Вглядитесь въ бытъ семьи, и вы увидите, что одна эта комната имѣетъ свои *обычныя* отдѣленія: иному гостю мѣсто у дверей, гдѣ не просто для одной чистоты, но вѣроятно въ исполненіе древняго обычая, повѣшенъ умывальникъ; для другаго гостя широкая скамья въ *красномъ углу*; хозяйское мѣсто у печки и подъ полатами; дѣтская на полатахъ; на печи пріютъ старикамъ, а иногда и больнымъ....

Изъ всѣхъ этихъ уголковъ я полюбилъ больше другихъ тотъ, въ которомъ качается колыбель младенца, гдѣ большіе ходятъ осторожно, гдѣ мать заботливо любитъ малютку и нитаетъ его грудью, поетъ ему пѣсни и его именемъ смиряетъ иногда необузданность словъ и движеній... Въ этомъ углу разлито что-то святое: здѣсь колыбель чистаго младенца зыблется передъ лицомъ семьи, подобно лампадѣ, воздѣтой передъ ликами святыхъ изображеній. Можно-ли было не полюбить этотъ уголокъ: въ немъ живетъ лучшее земное чувство—любовь матери?

Не оттого-ли мы любимъ и пѣсни колыбельныя: въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, *поэтическаго*; вся рѣчь о какомъ-нибудь *спромя котикѣ*, о *колыбелькѣ точеной*, о *снѣ* и *дремотѣ*; напѣвъ ихъ однообразенъ и простъ; а между тѣмъ мы знаемъ ихъ, любимъ и даже придаемъ имъ болѣе значенія, нежели требуетъ ихъ смыслъ и голосъ. Не по внутреннему ли чувству, не по уваженію ли къ любви матери, онѣ перешли, какъ завѣтъ, отъ предковъ къ потомству, имѣютъ одинаковое гражданство въ сельской избѣ и въ старинномъ боярскомъ теремѣ и въ дѣтской вельможи? Даже многія изъ нашихъ дамъ *высшаго* круга поютъ своимъ малюткамъ того-же *котинку*, которымъ убаюкиваетъ простая крестьянка своего младенца. Будемъ-же вѣрить, что есть даже видимыя нити, связующія народностію и чувствомъ блестящихъ дамъ избраннаго общества съ матерью крестьянкой и съ жизнію предковъ. Присутствіе высшаго чувства, нераздѣльнаго съ назначеніемъ колыбельныхъ пѣсенъ, ослабляетъ до того ихъ недостатки, что странность и даже нѣкоторая неловкость иныхъ словъ и выраженій, не оскорбляетъ—быть можетъ, только въ этомъ случаѣ—ни слуха, ни чувства.

Думая такимъ образомъ, я выписываю изъ своего сборника нѣсколько пѣсенъ и нахожу, что, онѣ если и повторяются, то не будутъ лишними, тѣмъ болѣе, что для сравненія съ ними я привожу нѣсколько *малороссійскихъ* пѣсенъ и одну *финнскую*.

У каждаго народа даже въ колыбельныхъ пѣсняхъ есть уже зерно, *первообразъ* народнаго характера и жизни. Въ русскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ замѣтнѣе всего тихое чувство матери, ограниченное семейными картинками, однимъ домашнимъ уголкомъ,—чувство, сосредоточенное преимущественно на одномъ младенцѣ, на любви къ нему, на его нянюшкахъ и на его колыбелькѣ....

Такова всѣмъ извѣстная пѣсня:

1104 (1).

У кота, кота
Колыбелька золота,
А у дитятки мово
И получше тово:
Люля точеная,
Позолоченая!
У кота, кота
И подушечка бѣла,

У мово ли у дитя
 И бѣлѣ тово.
 У кота, кота
 И постелюшка мягка,
 У мово-ли у дитя
 И помягче тово.
 У кота, кота
 Одѣялечко тепло,
 У мово-ли у дитя
 И теплѣ того.

Сходны съ этимъ характеромъ и другія
 пѣсни, напр.:

1105 (2).

Ходить сонъ по сѣнюшкамъ,
 А дремота по крыльцу;
 Сонъ, сынъ дремы,
 Дрему спрашиваетъ:
 „Гдѣ мнѣ, дрема, колыбель
 Дити найти?“
 — А мое-ли то дитя
 Во високомъ терему,
 Во високомъ терему,
 Въ шитомъ браномъ пологу,
 Въ шитомъ браномъ пологу,
 На серебрянномъ кругу;
 На серебрянномъ кругу
 Люля точеная,
 Люля точеная,
 Позолоченая,
 Кольца, пробойна
 Серебряныя.
 У мово-ли у дитя
 И постелюшка мягка,
 И постелюшка мягка,
 Что пуховенькая;
 У мово-ли у дитя
 Одѣялечко тепло,
 Одѣялечко тепло,
 Соболиное.

1106 (3)

Котъ на печи
 Сухари толчетъ,
 Кошка въ лукошкѣ
 Ширинку ишетъ,
 Маленьки котята
 Въ печуркахъ сидятъ,
 Да на котика глядятъ,
 Что на котика глядятъ,
 И сухарики ѣдятъ....

1107 (4).

Спи, котъ, на печкѣ
 На войлочкѣ,
 Лапки въ головкахъ,
 Лисья шубка на плечахъ.

Не таковы пѣсни малороссійскія: въ нихъ
 болѣе движенія, пестроты и внѣшней жизни;
 въ нихъ почти нѣтъ тихихъ, семейныхъ кар-
 тинъ. Даже пѣсня общая многимъ народамъ:

„Ходить сонъ по сѣнюшкамъ,
 Дремота по крыльцу“,

на малороссійскомъ языкѣ полна звучности
 языка, но не столь тиха, какъ можно ожи-
 дать отъ ея назначенія; въ ней:

„Ходить сонъ по улоньци
 У червонной кошулоньци....“

Вы видите, что и сну не сидится дома, того
 и ждете, что онъ пойдетъ козаковать.

Даже самый котинька, тихій, смирный но
 по смыслу русскихъ пѣсенъ, становится не-
 угомоннымъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ;
 его здѣсь не убаюкиваютъ, а напѣваютъ ему:

Э-э-э, коточикъ,
 Да унесъ клубочикъ,
 Да понесъ до Гали,
 Положивъ на лави.
 Стала Галя бити,
 Не на лихо учить:
 Хлѣба молотить,
 Да дитокъ водить.

Или:

Э-э-э, котку,
 Не лѣзь на колодку,
 Розибьешь головку,
 Да будешь болѣти,
 Ничѣмъ завертѣти.

А ты, котку сѣрый,
 Да вымети сѣни,
 А ты, котку рябый,
 Да вымети хату.

Въ нѣкоторыхъ колыбельныхъ малорос-
 сійскихъ пѣсняхъ замѣтнѣе даже народный
 юморъ, напр.:

„Коте, коте, котусю,
 Займи мою телусю *)
 На поповій на толоки **).

Тамъ травы по боки.
Конь бѣжитъ, трава шумитъ,
Бѣжи, бѣжи, коню,
До бѣлыя хатки,
До дѣвчины Гапки; ***)
А дѣвчина Гапка
Сидитъ на вѣконьци ****)
Прядетъ волоконьци:
Что вывела нитку,
То пошѣ свитку, *****)
Что выведе повтора,
То пошѣ рукава;
Что выведе нитишокъ,
То пошѣ кожушокъ. *****)

Въ русскихъ пѣсняхъ:

Люля точеная,
Позолоченая.

Въ малороссійскихъ:

Э-э-э, люлечка,
Шовковы вервочки,
Малеваны бильца,

т. е. разрисованная колыбелочка на шелковыхъ веревочкахъ.

У русскихъ поютъ:

Станешь въ золотѣ ходить,
Будешь нянюшекъ дарить. И проч.

У малороссіянъ:

„Ой ты миленькій,
Мій винограде,
Не ходи по ночи;
Кто-сь тебѣ украде.
Не ходи, *не люби,*
Не женихайся.
Не пиду за тебѣ
Не сподивайся...

Заклучимъ же легкія двѣ пѣснями:

*) Т. е.:

Котя, котя, котенька,
Черейми мово теленочка.

**) Т. е. на поповомъ *полѣ*, собственно же на поповомъ *пару*; „толока“ значитъ гулячее поле, которое отдыхаетъ отъ посѣва.

***) Гапка—Агафія.

****) Вѣконьце—окошечко.

*****) Свитка—кафтанъ, верхнее платье.

*****) Т. е.:

Что спрядетъ ничево (?),
То сошьетъ шубку.

1108 (5).

Русская:

Баюшки-баю, прибаюкиваю...
Качь, качь, привезетъ отецъ калачъ,
Матери сайку, сыну балалайку,
А баю, баю прибаюкиваю...
Стану я качати,
Въ балалаичку играти,
А баю, баю, прибаюкивати...

Малороссійская:

Э-э-э, люли!
Налетѣли гули*),
Сѣли на воротѣхъ
У червонныхъ у чоботѣхъ **);
Воротечка скрипѣ, скрипѣ,
Дитя мое спитъ, спитъ...
Воротичка упали,
Гули полетѣли:
Э-э-э, люли!
Не летите, гули,
Э-э-э, люли,
Прилетѣли гули,
Сѣли на воротѣхъ, и проч.

Финскія колыбельныя пѣсни, по тихому чувству, которымъ онѣ исполнены, несравненно ближе къ русскимъ, нежели малороссійскимъ; но въ нихъ еще болѣе внутренняго чувства, еще болѣе спокойствія и даже грусти. Видно, что для этого народа много было черныхъ дней, иначе могла-ли бы мать напѣвать своему младенцу про горе жизни? Вотъ одна изъ колыбельныхъ пѣсенъ этого народа:

Что бѣла ли на снѣгу
Куропаточка,
Что бѣла ли и свѣтла
Нѣна на морѣ;
А еще бѣлѣй тово
Мое дитятко,
А бѣлѣй и свѣтлѣй
Мое милое.
— Ходитъ сонъ по снѣжкамъ,
А дремота по крыльцу,
Сынъ дремоты за дверями
Шенчетъ, спрашиваетъ:
„Не лежить-ли здѣсь младенецъ
Въ колыбелочкѣ,

*) Гули—голуби.

**) Т. е. въ красныхъ сапожкахъ: у голубей ноги краснаго цвѣта.

Что не спить-ли здѣсь малютка
Во пеленочкахъ?“

— Приходи тихонько, сонъ,
Сынъ дремоты, приходи,

Ты ложись подъ одѣяльце,
Ты въ пеленкахъ приусни.

Баю, баюшки, баю,

Моя ягодка, баю...

Ты качайся, мой листокъ,

Колыхайся, мой цвѣтокъ.

Но не знаетъ тово мать

И не вѣдаетъ она,
Что отраду-ли качаетъ,
Или горе колыхаетъ,
Свое-ль горе колыхаетъ,
Убаюкиваетъ?

Баю, баюшки, баю,
Мое милое, баю!..*)

*) Эта пѣсня въ прозаическомъ переводѣ напечатана въ одномъ изъ номеровъ *Современника*. Я передалъ ее стихами, сохранивъ почти до слова ея смыслъ и содержаніе.

Г. Хороводныя.

1109.

Круговая. *)

Поиграйте вы, дѣвушки,
Повеселитесь, голубушки,
Во свою волю у батюшки,
Что во нѣгѣ у матушки,
Во прокладѣ у братьевцовъ,
Во нарядѣ у сестрицей!
Не равно замужъ выйдется,
Не ровень чортъ навернется,
Не ровень накачается:
Либо старо-уродливое,
Либо молодо-спѣсивое,
Либо въ ровню упрямчивое.
У меня молодой старый мужъ
Поперекъ постели лежить,
Во супорѣ со мной рѣчь говорить,
Раздѣвать, разувати велить,
Балахонъ съ плечъ стягивати.
Что не та въ полѣ ягода цвѣла,
Не того отца дочь была,
Не той была матушки,
Чтобы мнѣ старика разувати:
У меня руки бѣлыя,
У него ноги грязныя,
На рукахъ злаченные перстни,
Что мои ручки загрязнятся,
Перстеньки поломаются.
Я пойду млада въ торгъ торговати,
По обычью товару купить;

*) При пѣсняхъ объясненіе собирателя: „Круговыми онѣ (пѣсни) называются потому, что поются во время только игры „кругами“. Кругами играютъ здѣсь (Арханг. губ.) только лѣтомъ или на улицѣ, или на лугахъ.....“ Печатаемая пѣсня, по словамъ собирателя, служить какъ бы *введеніемъ* въ игру кругами.—*Ред.*

Я за камешекъ три денежки дала,
За цѣпочку цѣлой алтынъ:
Навижу стару на воротъ,
Я спущу стара на воду;
Я сама взойду на гору,
Посмотрю на стара старика,
Каково старый плаваетъ:
Се рука, се нога вверху,
Се буйна голова ко дну!
Да какъ взмолился старый мужъ:
„Ужъ ты, душка, женушка моя!
Перейми старика изъ воды!
Ужъ я радъ на тебя работать,
По три утра сырой ржи молотъ,
По три утра не завтракати,
По четыре не обѣдывати,
Ужъ я радъ годовалые житники ѣсть,
Троеденную кашу хлебать.“

Г. Холмогоры; отъ П. Н. Базилевского, 1843 г.

1110 (1).

У воротецъ колодець полонъ воды,
Ой калина, ой малина...
У колодца обрубцы серебряные,
Ой калина, ой малина...
Серебряные, позолоченные.
У меня у молодой
Свекоръ-батюшка грозной:
Посылаетъ колодець вычерпывати,
Вычерпывати, выпаразпивати.
Я хоша пойду, хоша не пойду,
Я хоша пойду млада
При вечерѣ, при вечерней зарѣ,
Чтобы солнце не грѣло,
Лица не пекло бѣ,
Чтобы вѣтеръ не вѣялъ:
Бѣлялъ не снесло бѣ.

Ужъ вы, дѣвѣшки, вы, голубѣшки!
Пособите колодець вычерпывати,
Вычерпывати, выпоразниватц:
Коя съ ковшомъ, коя съ ведромъ,
Коя съ чашечкой, со братинечкой,
Еще я молода съ золотымъ кубцемъ,
Съ золотымъ кубцемъ по свѣжую воду,
По свѣжую воду, по ключевую.

1111 (2).

Я по сѣнямъ шла,
Я по новымъ шла,
Подыма шубу соболиную,
Ой рано, да ой рано...,
Чтобы шубочка не прошумѣла,
Частыя петелки не просвѣтили,
Частыя пуговики не пробрякали:
Не слышала бы мой лютый свекоръ,
Не сказалъ бы онъ
Моему мужу, своему сыну.
Вѣдь какъ мой-то мужъ
Водо-няница:
Онъ вина не пьетъ,
Съ воды нянь живеть.
Онъ меня младу
Все безъ дѣла бѣтъ,
Онъ безъ дѣла бѣтъ
И безъ вины учить.

1112 (3).

Въ среду рано
Я сады посадила,
Въ четвертокъ рано
Я сады поливала,
Въ пятницу рано
Я сады укрывала,
Въ субботу рано
Я цвѣты сощипала,
Въ воскресенье
Я вѣнокъ совивала,
Я золоть совивала:
Свивши вѣночекъ, свивши золотой,
На буйну главу клала.
Въ томъ же вѣночкѣ, въ томъ же золотомъ
Я игрище играла.
Все выбирала
Я за деверя невѣсту,
Я за свѣта невѣсту.
Деверю невѣста, свѣту невѣста
Ему не приглянулася,
Ему не прилюбилиась.
Свѣтъ изъ-за рукавца (2)
Бывъ, какъ грозная туча,
Изъ-за второго (2)

Бывъ, какъ часть крупень дождикъ.
Въ среду рано
Я сады посадила, и проч.

Всѣ выбирала
Я за брата невѣсту,
За роднаго невѣсту.
Брату невѣста, родному невѣста
Ему приглянулася,
Ему прилюбилиась.
Свѣтъ изъ-за рукавца
Бывъ, какъ младъ свѣтель мѣсяцъ;
Изъ-за второго
Бывъ красное солнце.

1113 (4).

Кабы у меня (2)
Былъ садъ въ огородѣ,
Я бы умѣла
Вкругъ сада ходити,
Вкругъ зелена гуляти;
Съ вечера садикъ,
Съ вечера зелень (2)
Холстомъ укрывала,
Съ полночи садикъ,
Съ полночи зелень
Водой поливала.
Къ утру, къ свѣту (2)
Сестра сестру кличетъ,
Родна родну кличетъ:
„Подь, подь, сестрица,
Подь, подь, родима,
Домой на часочекъ;
Я тебѣ скажу
Тайное словечко:
Вздумала матушка
За стара отдати“.
Я млада стараго (2)
Духомъ не взлюбила,
На новыхъ сѣняхъ (2)
Дегтемъ напоила,
Въ горницѣ стараго (2)
Смолой накормила;
Съ лѣстницы стараго
Въ толчки спроводила;
Вслѣдъ за старымъ (2)
Камень прокатила.
Катися камешекъ (2)
Во быстру во рѣчку.
Дай, Боже, камешку (2)
Со дна не всплывати,
Дай Боже, старому
Со мной вѣкъ не живати.
Кабы у меня (2)

Былъ садъ въ огородѣ,
 Былъ зеленъ въ огородѣ,
 Я бы умѣла (2)
 Вкругъ сада ходити,
 Вкругъ зелена гуляти;
 Съ вечера садикъ,
 Съ вечера зеленъ
 Тафтой укрывала,
 Съ полночи садикъ,
 Съ полночи зеленъ
 Медомъ поливала.
 Ко утру, ко свѣту
 Сестра сестру кличетъ,
 Родна роднѣ кличетъ:
 „Подъ, поди, сестрица,
 Домой на часочекъ;
 Я тебѣ скажу (2)
 Тайное словечко:
 Вздумала матушка (2)
 За млада отдати“.
 Я млада младаго
 Духомъ возлюбила,
 Въ горницѣ младаго
 Калачемъ накормила,
 На новыхъ сѣняхъ
 Медомъ напоила,
 Съ лѣстницы младаго
 Честно спроводила.
 Вслѣдъ я за молодымъ
 Перстень прокатила:
 Катися, перстень,
 Ко младу на ручку,
 Ко младу на праву.
 Дай, Боже, перстня (2)
 Съ руки не снимати,
 Дай, Боже, младому
 Со мной вѣкъ изжити.

1114 (5).

Калина ли моя, малина ли моя!
 Въ саду дѣвцы гуляли,
 Въ саду красныя гуляли,
 Калина ли моя, малина ли моя!
 Рвали, щипали лазоревы цвѣточки,
 Калина ли моя, малина ли моя!
 Вили, свивали, всё на золоту вѣночку.
 Свивши вѣночикъ, свивши золотой,
 Во быстру рѣку спускали, сами завѣчали:
 „Кто перейметъ вѣночикъ, кто перейметъ зо-
 За того выйду замужъ.“ [лотой,
 Похвалялся старой, старой неудалой
 Съ буйной головою, со сѣдой бороною:
 „Я перейму вѣночикъ, я перейму золотой;
 За себя возьму дѣвицу, за себя возьму красну.“

Вѣнокъ уплываетъ, вѣнокъ уплываетъ,
 Вѣтерокъ потягаетъ, мой уплываетъ вѣнокъ,
 И старой погибаетъ, старой погибаетъ;
 Вѣтерокъ растянулся,
 Мой вѣнокъ обернулся,
 И старой захлебнулся.
 Спокаялась дѣвица, спокаялась красная:
 „Я тяжко согрѣшила,
 Я стараго погубила.“

1115 (6).

На кустышкѣ, кустышкѣ,
 Ой эхи, на раковомъ кустышкѣ,
 Соловей птица пѣсни поетъ,
 Молодой-то насвистываетъ,
 Холостой наговариваетъ,
 Краснымъ дѣвушкамъ вѣсть подаетъ,
 Молодицамъ надзолу даетъ.
 Поиграйте вы, дѣвушки,
 Поиграйте, голубушки,
 Во своей волѣ у батюшки,
 Еще въ нѣгѣ у матушки:
 Неравно замужъ выйдется,
 Не ровень чортъ навернется,
 Либо старо-одушливое,
 Молодое-спѣсивое;
 Либо въ ровню упрямчивое.
 Я пойду млада въ торгъ торговать;
 По обычаю товару купить.
 Я куплю млада камешекъ;
 Я за камешекъ три денежки дала,
 За цѣпочку—цѣлой алтынъ.
 Я свяжу стару на воротъ,
 Я спущу стара на воду;
 Да сама зайду на гору
 И посмотрю млада на воду,
 Каково старъ поплавывается:
 Се рука, се нога вверху,
 Се буйна голова ко дну!
 Еще взмолился старъ на водѣ:
 „Ужъ ты, душка, женушка моя!
 Перейми старика на водѣ;
 Старикъ радъ на тебя работать,
 По три утра, не ѣвши, молоть,
 По четыре не завтракати,
 По пяти не обѣдывати.“

Пѣсни 1110—1115 записаны г-мъ Портовымъ въ
 г. Мезени Архангельск. губ. и названы „круго-
 выми“.

1116 (1).

Кабы у меня былъ садъ въ огородѣ,
 Я бы умѣла, я бы гораздо съ садикомъ во-
 диться:

Съ вечера садикъ парчей покрывала,
Съ полночи садикъ, да съ полночи медомъ
поливала.

Къ утру, къ свѣту сестра сестру кличетъ:
„Подь, подь, сестрица, подь, подь, родимая,
домой на часочекъ;

Думала мати меня за стараго отдати!“
Я млада стараго вдругъ не взлюбила,
Въ горницѣ стараго дегтемъ напоила,
Во сѣняхъ-то стараго смолой взвеселила,
Съ лѣстницы стараго въ толчки проводила,
Вслѣдъ за старымъ камешкомъ прокатила:
Покатись, камень, во быстру рѣку!
Дай, Боже, камешку со дна не бивати!
Дай, Боже, старому со мной не живати!
Кабы у меня былъ садъ въ огородѣ,
Я бы умѣла, я бы гораздо съ садикомъ во-
диться:

Съ вечера садикъ парчей покрывала,
Съ полночи садикъ, да съ полночи садикъ
медомъ поливала.

Къ утру, къ свѣту сестра сестру кличетъ:
„Подь, подь, сестрица, подь, подь, родима,
домой на часочекъ;

Сдумала мати за млада отдати!“
Я млада млада вдругъ возлюбила,
Съ лѣстницы младаго съ честью проводила,
Вслѣдъ за младымъ перстень прокатила:
Покатись, мой перстень, ко младу на ручку!
Дай, Боже, перстню съ руки не бивати!
Дай, Боже, младому со мной вѣкъ жити!

1117 (2).

Не рано стало на дворѣ,
Не высоко солнце на небѣ:
Не пора ли намъ домой итти?
У меня дома нѣтъ никого...
Одинъ мой старой мужъ на постели лежитъ,
Со мной въ споръ говорить.
Ужъ я стараго мужа не бранивала,
Я въ споръ не говаривала...
Ужъ я столько-то бранивала,
Ужъ я столько говаривала:
„Ты дуракъ, мой старой мужъ,
Ты скакуха болотная,
Ты припарина котельная,
Ужъ ты мышь коробейная!“
Я пойду млада въ торгъ торговать,
На двѣ гривны товару купить.
Я куплю, млада, два камешка,
За два камешка грошъ заплачу,
За поцѣпку цѣлой алтынъ;
Привяжу стару на воротъ,
Отведу стара на воду,

Опушу стара на рѣку,
А сама выйду на гору,
Посмотрю я на стараго:
Какъ умѣетъ ли старъ плавати...
Все рука, все нога вверху, а буйна голова
ко дну!

Ужъ какъ взмолятся старой мужъ:

„Ужъ ты, душка, женушка моя,
Молодая боярыня!

Ужъ ты вынь старика изъ воды:

Ужъ я радъ на тебя работать,
По три утра, не ѣвши, молоть,
По четыре не завтракать,
По пяти не обѣдывать!“

Объ пѣсни Архангельск. губ.: доставлены В. И.
Далемъ.

1118 (1).

Выходили красны дѣвушки
Изъ воротъ гулять на улочку,
Выносили красны дѣвицы
Соловейка на бѣлыхъ ручкахъ.
Соловеюшко развѣщется,
Красны дѣвушки разыграются.
Поиграйте, красны дѣвушки,
Доколь весело во дѣвушкахъ.
Неравно вамъ замужъ выйдется,
Не равенъ вамъ чертъ навернется,
Либо старо-еть, удушливо-еть,
Либо ровнюшка хорошенькая.
Я бы стараго утѣшила,
Среди поля повѣсила
Я на горькую осинушку,
Я на самую вершинушку,
Чернымъ воронамъ на граянье,
Добрымъ людямъ на дивованье,
Краснымъ дѣвкамъ на посмѣище.
Я бы млада утѣшила,
Подъ кроватку спать положила.
Я бы ровнюшку утѣшила,
На кроватку спать положила,
На кроватушку тесовенькую,
На перенушку пуховенькую.

1119 (2).

Я вечеръ молода изъ за горъ гусей гнала.
Быль-былинъ, быль-былинъ, быль, былиночка
моя!

Я сама ко гусямъ приговаривала:

Быль-былинъ, и проч.*).

„Привыкайте, мои гуси, ко болотной ко водѣ,
Ко болотной ко водѣ, ко осокѣ, ко травѣ!“
Ужъ какъ я молода на чужой сторонѣ,

На чужой сторонѣ, у свекра бабушки,
Ужъ я свекра уважала, поутру рано вставала,
Поутру рано вставала, на ключъ по воду
ходила.

Ужъ я свекра уважала, съ полотеночкомъ
стояла.

... **) свекровку
Поутру рано вставала, трои кросна основала,
Трои тоненькія, волоконненькія.

Я деверя уважала, поутру рано вставала,
Поутру рано вставала, что добра коня сѣд-
лала.

Я золовку уважала, поутру рано вставала,
Поутру рано вставала, трубчату косу плела,
Трубчату косу плела, приговаривала:
„Быль-былинъ, быль-былинъ, былъ, были-
ночка моя!“

*) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.—*Собир.*

**) Повторяется снова, только, вм. „свекра“—
„свекровушка“.—*Собир.*

1120. (3).

Утка шла по бережку,
Сѣрая по крутому,
Дѣтокъ вела за собою:
Малаго, большаго,
Средняго, меньшаго:
„Ахъ вы, утоньки, уты!
Передайтесь сюды,
На мою сторону;
На моей сторонѣ
Переходочки часты,
Все калиновы мосты.
Утоньки, постойте!
Сѣрыя, погодите!
Я схожу недалечко,
На княжъ дворъ, на боярскій:
Шубы шьютъ соболшны,
Петельки шелковыя,
Пуговки золотыя“.
Украли у утки два утенка,
Украли у сѣрой два утенка,
Изъ большихъ большаго,
Изъ меньшихъ меньшаго.

1121 (4).

Какъ на морѣ волны бьютъ,
Волны бьютъ, волны бьютъ.
Черный воронъ воду пилъ,
Воду пилъ.
Онъ пилъ, не пилъ, возмущилъ,
Возмущилъ (2).

Возмущивши, полетѣлъ,
Полетѣлъ (2).

Полетѣвши взворковалъ:
Взворковалъ (2).

„Каково тебѣ, дѣвица,
Дѣвица (2).

Со старымъ-то мужемъ жить?“
Мужемъ жить (2).

— Я старому сноровлю,
Сноровлю (2).

Постелюшку постелю,
Постелю (2).

Одѣяльцемъ одѣжу:
Одѣжу, одѣжу.

Въ три ряда каменщице,
Камень (2).

Въ четвертый рядъ постелю
Шипицу колючую,

Столовщице положу
Положу, положу,

Колоду дубовую;
Дубову (2).

Я стараго одѣжу
Корою вязовою:

Ужъ ты спи, мой старый мужъ,
Отъ вѣку и до вѣку.

1122 (5).

Какъ за рѣчкою, да какъ за быстрою,
Ай люли, люли, да какъ за быстрою!
Мужики живутъ, да все богатые,
Ай люли, люли, и проч..
У нихъ дѣвицы, да все красавицы.
Собирались да красны дѣвицы
Въ лѣсъ по калину, да въ лѣсъ по малину,
Въ лѣсъ по черную да по смородину.
Всѣ тамъ дѣвицы принабрались,
Одна дѣвица не набралася:
Съ молодцомъ дѣвка да застоялася.
Молодецъ дѣвку да подговаривалъ,
Подговаривалъ, да все обманывалъ:
„Пойди, дѣвица, за меня замужъ,
За удалаго, за добра молодца,
Что за бѣлаго, да кудреватаго,
За холостаго да не женатаго!“
Красна дѣвица да испугалася,
Стала кликаться, стала гаркаться:
„Ахъ вы кумушки, да вы подруженьки!
Соберитесь да во единый кругъ,
Во единый кругъ да на зеленый лугъ,
Пособите вы мнѣ братья ягодки,
Хоть по ягодкѣ, хоть по горсточкѣ,
А не лѣнь будетъ, по пригорсточкѣ.
У меня младой не родная мать,

Не родная мать,—злая мачиха:
Все журить, бранить, отцу бить велить.
Ужъ какъ я млада была догадлива,
Догадалась да подвязалась
Не простымъ платкомъ, да гарнитуровымъ;
У того платка да коймы алыя,
Койми алыя да кисти золоты.
Со того платка да голова болить,
Голова болить да худо можется,
Худо можется да не здоровится,
Не здоровится да гулять хочется.
Скажу матушкѣ: да голова болить;
А сама пойду да во зеленый садъ,
Въ зеленомъ саду да разгуляюся,
Со милымъ дружкой да повидаюся.
Я ужъ знаю, какъ да мнѣ домой пройти:
Я по улицѣ да сѣрой утицей,
Я въ широкій дворъ да бѣлой лебедью,
Къ родну батюшку я милой дочерью,
Во высокъ теремъ да красной дѣвицей“.

1123 (6).

По сѣнямъ хожу, по сѣнямъ хожу,
Я ухаживаю, я ухаживаю,
Батюшка бужу, (2)
Я убуживаю: (2)
„Батюшка, встань! (2)
Пора бѣлый ленъ нолоть“. (2)
Съ батюшкой иди, (2)
Ленъ не выполоти; (2)
На межѣ лежать, (2)
Всѣ меня младу бранять. (2)
.....¹⁾
Съ милымъ-то иди, (2)
Ленъ мнѣ выполоти. (2)

¹⁾ Потомъ пѣсня начинается снова съ замѣнами: „матушкой“, „братцемъ“, „сестрой“ и наконецъ „милымъ“. — *Собир.*

1124 (7).

Посѣяли дѣвки ленъ, (2)
Дѣвки ленъ, дѣвки ленъ.
Кому дѣло, дѣвки ленъ?
Посѣяли во доли, (2)
Во доли, и проч..
Уродился алый макъ (2).
Повадился во мачекъ
Молоденькой иарничекъ,
Съ маку цвѣты сорывалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ;
Дунай рѣчка не примать,
Ко бережку прибавать,

Ко бережку, ко лѣску,
Ко желтому ко песку.
У барина во дворѣ
Разыгрался сивый конь,
Копытичкомъ землю бьетъ,
Пробилъ землю до песку,
До сѣраго кремешку.
Во томъ кремнѣ огня нѣтъ:
Въ моей женѣ правды нѣтъ,
Въ моей женѣ правды нѣтъ,
Въ чужой женѣ правда есть.
Своей женѣ лапотки,
Чужой жепѣ башмачки:
Носи, жена, наблюдай,
По праздничкамъ надѣвай,—
Чужа жена, ежендѣ,
Чужа жена, ежендѣ,
Ежендѣ, ежендѣ,
Кому дѣло, ежендѣ?

1125 (8).

Подойду, подойду подъ бѣлы городъ камен-
ный, (2)
Прошибу, прошибу коньемъ стѣну каменну, (2)
Уведу, уведу я у батюшки добра коня,
У роднаго—любимаго,
Подарю, подарю я лютаго свекра батюшка.
Скажетъ-ли, скажетъ-ли что люто-есть свекоръ
батюшка:
„Богъ намъ далъ, Богъ намъ далъ такую
невѣстущку, такую голубушку,
Счастливу, счастливу, счастливу, таланливу.
Умную, умную, умную, разумную“²⁾.

²⁾ Потомъ таже пѣсня начинается сначала. и невѣстка даритъ свекровку коровушкой, деверя черкасскимъ сѣделышкомъ, золовку золотыми перстнями. — *Собир.*

1126 (9).

Едина млада я по бережку хожу,
Едина млада я по крутенькому,
Я сѣрыхъ гусей заганиваю;
Мои гуси не сталятся,
Мои сѣры не табунятся,
По желтымъ нескамъ сажаются,
По желтымъ пескамъ макарьевскимъ.
Встрѣчу, встрѣчу молодой солдатъ идеть;
Онъ и шутить со мной шуточку,
Онъ загадывать загадочку,
И онъ бьетъ дѣвку по бѣлому лицу.
— Не шути-ка, солдатъ, шуточку,

Не загадывай загадочку,
Ты не бей меня по бѣлому лицу:
У меня лице разгарчивое,
Разгорится, не уймется.
Свекорь-батюшка журливый у меня:
Разжурится, не уймется,
Не отпуститъ во зеленый садъ гулять
И сѣрыхъ гусей заганивати!

1127 (10).

На улицѣ, матушка, (2)
На улицѣ дѣвокъ хороводъ. (2)
Я у тебя, матушка, (2)
Я у тебя холость, не женать. (2)
„Женись, женись, дитятко, (2)
Женись, государево мое! (2)
Возьми, возьми, дитятко,
Возьми боярскую дочь.“ (2)
— Боярска дочь, матушка,
Въ полѣ не работница со мной, (2)
Въ полѣ не работница, (2)
Въ домѣ не замѣнушка тебѣ... (2) *)
Крестьянска дочь, матушка,
Въ полѣ-то работница со мной, (2)
Въ полѣ-то работница,
Въ домѣ-то замѣнушка тебѣ. (2)

*) Потомъ начинается снова; назначаютъ: купеческую дочь, наконецъ, крестьянскую.—*Собир.*

1128 (11).

Часто де мати, часто де мати
Дуню домой покликаетъ,
Дуню съ двора высылаетъ:
„Поди, поди, Дуня, (2)
Ночь горю почевати
Къ нашему ко подворью.“
Сдумала мати (2)
Дуню замужъ давати (2)
За стараго, (2)
За стара, не за ровню. (2).
Я стараго (2)
Сердцемъ его не взлюбила,
Духомъ ему не взрадѣла,
Изъ горницы, изъ свѣтлицы
Чадомъ да угаромъ провожала, (2)
Изъ новыхъ сѣней (2)
Головной въ слѣдъ бросала, (2)
Съ широка двора (2)
Метлой слѣдъ заметала: (2)
„Ходи, мой старый,
Отъ вѣку и до вѣку!“ (2)
..... *)

За младого, за младого,
За младу и за ровню. (2)
Я младого, я младого
Сердцемъ его возлюбила,
Духомъ ему взрадовалась,
Изъ горницы, изъ свѣтлицы
Пивомъ да медомъ провожала, (2)
Изъ новыхъ сѣней (2)
Перстенкомъ въ слѣдъ бросала,
Среди двора, среди двора
На коня посадила, на коня посадила:
„Ѣзди, мой милый, Ѣзди, мой милый,
Ѣзди ты, да не долго,
Ѣзди ты, да не долго!“

*) Потомъ начинаютъ снова; только вмѣсто „старого“, поютъ: „молодого“.—*Собир.*

1129 (12).

Ахъ ты, сосенка, на бору выросла!
Калина да малина!
Ахъ ты, ягодка, на веретейкѣ!
Калина да малина!
Ахъ ты, дѣвица, въ свѣтлой свѣтлицѣ!
Калина да малина! [водою,
Ты не стой, не стой, колодець полонъ съ
Что полонъ съ водою, съ холодной ключевой!
Посылаетъ меня свекоръ въ полночь за водой;
Ужъ какъ же я молода не послушна была,
Не послушалась свекра, не сходила за водой,
Не сходила за водой, за холодной ключевой,
Скажу: ночь темна, ночь не мѣсячна.
Скажу: роса велика, роса не высохла.
Скажу: рѣка глубока, рѣка не мелконька.
..... *)

*) Потомъ начинаютъ снова, припѣвая: „посылаетъ меня свекровка, деверь, золовка“.—*Собир.*

1130 (13).

Я полю, полю лучекъ, перепалываю,
Калина да малина!
Черезъ тынъ въ огородъ перебрасываю;
Калина да малина!
Ужъ я выдерну тычинку, припаду ко тынку,
Припаду ко тынку и подслушаюся,
И что въ терему про меня говорятъ?
Про меня говорятъ, моего мужа бранятъ,
Моего мужа бранять, своего сына журятъ:
„Ахъ ты, сучій сынъ, пересучій сынъ,
Ты учи свою жену, ты учи молоду,
Чтобы съ молоду жена не погуливала,
Не погуливала, не порыскивала,

Чтобъ подѣ старость те жена господиномъ
назвала.“

Ужъ какъ муже-тъ мой не бояринъ, да уменъ,
Не бояринъ, да уменъ, господинъ честной:
Привязалъ нитку на соломенку, [милъ.
Трою, двою онъ ударилъ, три ребра перело-
Ужъ я съ этихъ-то побой, ужъ я три года
лежала,

Хлѣба соли не ѣдала, всѣхъ людей не спознала.
Послѣ этой немочи съѣла хлѣба три печи,
Съѣла хлѣба три печи, семь печей калачей,
Семь пудовъ толокна да пять ведеръ молока.
Ужъ я сѣраго гуся во жиру испекла,
Ужъ я съ этого, молоденька, приправила,
Приправила, исполадила.

Ужъ я вздумала, Натальюшка, пироги пекчи:
Пошла къ Сидору по сито, по частое рѣшето,
Но ведерышко, по помелышко.
Нѣтъ у Сидора ни сита, ни частаго рѣшета,
Ни ведерышка, ни помелышка.

1131 (14).

Ахъ, по морю корабличокъ плыветъ, таки
Ай калина да ай малина! [плыветъ.

По корабличку Иванушко погуливаетъ,
Ай калина да ай малина!
Въ звончатые свои гуселцы наигрываетъ:
„Поиграйте, гусли-мысли, вы теперича при
мнѣ,

Вы теперича при мнѣ, при Иванѣ молодцѣ!“
У Ивана мать Орина таки рѣчи говорила:
— Полно, Ванька, перестань, прочь отъ
дѣвушекъ отстань,
Прочь отъ дѣвушекъ отстань, любить дѣвокъ
перестань!—

„Родимая моя мать, не унять меня гулять,
Доколь холостъ, не женатъ, доколь дѣвицы
глядятъ!“

Съ горь-то вѣтеръ подуваетъ, Ванькѣ мати
потакаетъ:
— Поди, Ванька, погуляй, красныхъ дѣвицъ
Ай калина, да ай малина! повидай!—

1132 (15).

По нѣмецкой славной улочкѣ (2)
Тутъ шелъ молодой нѣмчикъ, (2)
За собой онъ ведетъ нѣмочку, (2)
Честную иноземочку, (2)
Самъ къ нѣмочкѣ принадываетъ, (2)
Изъ ума ее вывѣдываетъ: (2)
„Ахъ ты, ахъ ты, душа моя, (2)
Ахъ ты, душечка, суженая,
Ахъ ты, душечка, ряженая!“

— Я теперя, я теперя не твоя,
Не твоя я, сударь, батюшкина,
Я теперя, сударь, матушкина.—³⁾
— Я теперича, теперича твоя,
Я твоя, сударь, суженая,
Я твоя, сударь, ряженая.

³⁾ Потомъ начинаютъ снова.—*Собир.*

1133 (16).

Какъ по рѣчкѣ по Казанкѣ,
Какъ по рѣчкѣ по Казанкѣ
Плыветъ селезенько, плыветъ селезенько.
Какъ поймали селезенька (2)
Черданскія дѣвки; (2)
Онѣ стали селезенька (2)
По головкѣ гладить: (2)
„Ты скажи намъ, селезенько,
Всю сущую правду (2)
Про батюшку, про матушку, (2)
Про мила дружечка.“ (2)
— У моего у милаго
Трой новы сѣни:
Что во первыхъ-то во сѣняхъ
У батюшки гости,
Что во вторыхъ-то во сѣняхъ
У матушки гости,
Что во третьихъ-то во сѣняхъ
Кони не кормлены,
Стоять кони не кормлены,
Други не поены.
Они чуютъ путь-дорожку.—
„Гдѣ милый ночуетъ?“
— Что ночуетъ миленкой,
Что ночуетъ Сашенька
Во чистомъ во полѣ,
Онъ во чистомъ-то во полѣ,
Въ широкомъ раздолѣ.—
„Еще чѣмъ мой миленкой,
Еще чѣмъ мой Сашенька,
Чѣмъ онъ одѣжится?“
— Одѣжится миленкой,
Одѣжится Сашенька
Мелкою порошей.—
„Еще что мой миленкой,
Еще что мой Сашенька
Въ головы положить?“
— Что положить миленкой,
Что положить Сашенька
Свою праву ручку.—
Я пойду млада во садикъ,
Въ садикъ погуляю,
Я сорву-ли два цвѣточка,

Лазоревый съ алымъ;
Положу цвѣтъ на окошко,
На большу дорожку,
По которой по дорожкѣ
Милый часто ходитъ,
Милый, милый часто ходитъ,
Гостинички носить:
Сладки прянички въ карманкѣ,
Сахаръ (?) во бумажкѣ,
Что изюму, винограду
Въ тальянскомъ платочкѣ.

1134 (17).

Сѣю я, вѣю, сѣю, я вѣю
Бѣлъ-то леночекъ: (2)
„Уродись, мой бѣлъ ленъ, (2)
Тонокъ и дологъ, (2)
Тонокъ и дологъ, (2)
Бѣлъ, волокнистый, (2)
Въ шитую нитку, (2)
Золотую!“ (2)
Сталь-ли то леночекъ
Посиѣвати, (2).
Я же молоденька (2)
Горевати: (2)
Съ кѣмъ-то мнѣ будеть (2)
Бѣлъ ленъ рвати? (2)
Свекор-отъ промолвить: (2)
„Я съ тобою да со снохою.“
— Чертъ это, не рванье, (2)
Гореванье!—(2)
Мило-еть промолвить: (2)
„Я съ тобою, съ молодою.“
— Это-ли мнѣ рванье, (2)
Не гореванье! (2)

⁴⁾ Потомъ: со свекровкой, деверемъ, золовкой, наконецъ, съ милымъ.—*Собир.*

1135 (18).

Поутру рано на зарѣ
Щекотала ласточка на дворѣ.
Всплакала дѣвонюшка на морѣ,
На бѣломъ горячемъ на каменѣ.
По бережку батюшко гуляетъ.
„Гуляй, гуляй, батюшко, здорово!
Сойми меня дѣвицу со моря,
Со бѣла горячаго камени.“
У батюшки жалости не стало,
Не снялъ меня дѣвицу со моря,
Со бѣла горячаго камня.

По бережку милицкой гуляетъ.
„Гуляй, гуляй, милый другъ, здорово!
Сойми меня дѣвицу со моря,
Со бѣла горячаго камени.“
У милаго жалости довольно,
Снялъ онъ дѣвицу со моря,
Со бѣла горячаго камня.

^{*)} Потомъ поютъ сначала: матушка, братецъ, сестрица, наконецъ, миленькой.—*Собир.*

1136 (19).

За лѣсомъ, лѣсомъ, за нерелѣскомъ,
Калина да малина!
Тутъ дѣвки играли, красныя плясали,
Калина да малина!
Меня молоденьку въ три голоса кличутъ,
Въ три голоса кличутъ, чуть ли не въ четыре;
Пято-еть голосъ чуть-чуть наноситъ,
Чуть-чуть наноситъ: свекоръ домой кличетъ
Избу тоштити, щи, кашу варити.
„Чтобы те, свекоръ, ѣсть—подавиться,
Ѣсть—подавиться, пить—захлебнуться“.
Свекровка домой кличетъ постелюшку слати,
Постелюшку слати, зголовьице класти.
„Чтобы те, свекровка, лечь спать—не стати,
Лечь спать—не стати, головы не зняти“.
Деверъ домой кличетъ коня-то сѣдлати,
Коня-то сѣдлати, на коня садити.
„Чтобы те, деверъ, на коня садиться,
На коня садиться, до смерти убиться“.
Золовка домой кличетъ голову чесати,
Голову чесати, косу заплетати.
„Чтобы те, золовка, отсохла головка,
Отсохла головка, коса отвалилась“.
Гдѣ у те, милая, гдѣ, дорогая,
Гдѣ, дорогая, батюшко-свекоръ?
— Батюшко-свекоръ ѣлъ—подавился,
Ѣлъ—подавился, пилъ—захлебнулся.—
Гдѣ у те, милая, гдѣ, дорогая,
Гдѣ, дорогая, матушка-свекровка?
— Матушка-свекровка легла спать—не стала,
Легла спать—не стала, головы не зняла.—
Гдѣ у те, милая, гдѣ, дорогая,
Гдѣ дорогая, братецъ-отъ деверъ?
— Братецъ-отъ деверъ на коня садился,
На коня садился, до смерти убился.—
Гдѣ у те, милая, гдѣ, дорогая,
Гдѣ, дорогая, сестрица-золовка?

— Сястрица-золотка отсохла головка,
Отсохла головка, коса отвалилась.

Пѣсни 1118—1136 всѣ записаны въ г. Чердыни
Пермской губ. однимъ собирателемъ (г. Карноухо-
вымъ?).

*) Потомъ сначала.

**) Сначала и „деверь“.

***) Сначала и „золотка“.—*Замѣчанія соби-
рателя.*

1137.

Около города царева,
Я въ томъ городѣ стояла,
Золоты кольца мѣняла:
„Раствори-ка, господинъ, ворота,
Подойди, государь, поближе,
Поклонись, господинъ, пониже,
Поцѣлуй, господинъ, получше“ *).

Ярославской губ.

*) Тутъ составляется хороводъ, одинъ въ сере-
динѣ, а другой ходить кругомъ; при словѣ „раство-
ри-ка“ расхватываются руками, кланяются и цѣ-
луются, потомъ опять схватываются.—*Собиратель.*

1138.

Выду я на улицу,
Разыграю хороводъ
Супроти своихъ воротъ,
Супроти верешекъ.
Батюшка у воротъ стоитъ:
„Дитятко, поди домой,
Милое, послушайся!“
—Батюшка, нейдѣ домой,
Родной мой, не слушаюсь:
Не доиграна игра,
Не допѣта пѣсенка,
Не забавенъ мой милый другъ!

Тульск. губ. Новосильск. у.; доставлена М. П.
Ногинымъ.

1139.

Охъ, съ похмѣлья молодѣ
Разломило голову! *)
Ни сильна дробна пчела
Во полетъ полетѣла,
На лугахъ садилася,
На любой на травушкѣ,
Разные цвѣты рвала,
Мнѣ молодой вѣнокъ вила
На мою головушку,
На мою похмѣльную.

Какъ мою головушку
Отдаютъ за старого,
За старую головушку,
За сѣдую бородушку.
— Ужъ ты, старъ, сѣдой мой мужъ,
Не ходи на улицу,
Не становись возлѣ меня,
Не наступай на ноженку,
Не марай сапоженку,
Сапоги сафьянные,
А чулки волосянные.

Записана въ г. Орлѣ Г. Никитинымъ отъ мѣщанъ;
доставлена П. И. Якушкинымъ.

*) Послѣ каждаго двухъ стиховъ поется при-
пѣвъ: „Ой ли, али, али, алилий, али, али!“

1140.

Улица, моя улица,
Улица широкая!
Ой ляли, ой ляли, улица широкая.
Мурава моя, мурава моя,
Мурава зеленая!
Озеро мое, озеро,
Озеро глубокое!
По томъ ли по озеру
Плавалъ лебедь съ лебедушкой:
Лебедекъ—Сергѣй сударь,
Сергѣй Андреяновичъ,
Лебедка—Татьянушка,
Татьяна Григорьевна.
Просилась Татьянушка
Поиграть на улицу:
„Ты, Сергѣй Андреяновичъ,
Пусти гратъ на улицу!“
— Я тогда тебя гратъ пушѣ,
Когда девять сыновъ родишь,
Когда девять сыновъ родишь,
Десятую себѣ дочерь,
Десятую себѣ дочерь:
За дочерью сама пойдешь.

Орловск. губ. Малоарх. у. село Красное. Доста-
влена кн. Н. А. Костровымъ.

1141 (1).

Голова ли ты моя,
Охъ, головушка,
О ло, ло, ло, ло, ло, ло!
Голова ли ты моя
Игралливая,
Игралливая
И шутилая!

У моей-та ли у буйной
У головушки
Нѣтъ ни батюшки,
Нѣтъ ни матушки;
Только есть у меня
Одинъ милый другъ,
Душа ласковый;
А и тотъ со мной
Не въ ладу живетъ,
Енъ не въ совѣсти,
Не въ любовности:
Енъ ложится спать
Не по людскому,
Шельма, по дурацкому;
Енъ къ стѣнѣ лицомъ,
Ко мнѣ спиною,
Серединою.
Милъ, сердечный другъ!
Обернись ко мнѣ,
Семъ обоймемся,
Мы обоймемся
Поцалуемся!
Со стѣною тебѣ
Думы не сдумать,
Рѣчи не сговорить,
А и я млада
Думу сдумала,
Думу крѣкую.

1142 (2)*).

У воротъ травушка растетъ,
У воротъ шелковая.
О ло, ло, ло, у воротъ шелковая.
Да хто жъ травушку топталъ?
Хто шелковую ломалъ?
Притоптали, приломали
Три боярина, гуляли
Со боярышницами:
Какъ и первый-та бояринъ
Николай сударь гулялъ,
Другой баринъ господинъ
Василій сударь гулялъ,
Што и третій-та бояринъ
То Андрей сударь гулялъ.
Хвалился Николаюшка
Своей Лизаветушкой:
„Моя Лизаветушка
Умѣть шелками шить,
Умѣть 'на золотцемъ.“
Хвалился Васильюшка
Своею Натальюшкой:
„Моя-та Натальюшка
Умѣть 'на домомъ жить,
Умѣть 'на домъ держать“.

Хвалился Андреюшка
Своею Парашинькой:
„Моя ли Парашинька
Умѣть 'на тонко прясть,
Умѣть 'она часто ткать“.

*) Здѣсь обыкновенно величаютъ мужей съ женами, находящихся въ хороводѣ.—*Собир.*

1143 (3).

Ужъ ельникъ, мой ельникъ,
Частой мой березникъ,
О ло, ло, ло, ло, ло, частой мой березникъ!
Колодезь, колодезь,
Колодезь студеный!
Разлился колодезь
По лугамъ, по болотамъ,
По стежкамъ, дорожкамъ.
По той по дорожкѣ
Мнѣ къ батюшкѣ ѣхать,
Мнѣ пиръ пировати,
Мнѣ братца женити,
Сестру сговорити.
Братца я не женила,
Сестры не сговорила.
Колодезь, колодезь...*)
Я братца женила,
Сестру сговорила.

*) Далѣе повторяется, кончая стихомъ: „Братца я женила“.—*Собир.*

1144 (4).

Около машинки бережку,
Въ ладу, въ ладу, бережку,
О ло, о ло, о ло, ло, ло, ло, ло, ло!
Около машинки дѣвушка,
На той дѣвкѣ золотъ перстень,
Перстень, перстень, перстенѣкъ,—
Дарилъ миленькій дружокъ.
Съ чего перстень потускнѣлъ?
Носилъ перстень смиренный сынъ.

Пѣсни 1141—1144 изъ Орловск. губ. Малоарханг. у., с. Крутого; доставлены кн. Костровымъ.

1145 (1).

Надъ озеромъ сыръ дубъ стоитъ,
На дубу младъ соколъ сидитъ,
А по озеру лебедь плывѣтъ;
Разшибся соколъ за лебедемъ,
И разшибъ перья лебядиныя.
Онъ убилъ, ушибъ лебедь бѣлую,
Онъ кровь точилъ во синѣ море,
Онъ пухъ пускалъ,
Онъ пухъ пускалъ по поднебесью,

А перушки по поднебесью.
Увидѣла усмотрѣла
Красна дѣвица съ высока терема:
„Охъ ты, матушка государыня!
Вона пчелы летать, вона яры летать“.
— Охъ ты, дитятко мое милое,
Энто не пчелы не ярыя,
А перушки лебединыя.

1146 (2).

Свинья ходить по бору, по бору,
Рветъ траву лебеду, лебеду,
Что рветъ, что рветъ,
Во беремячко кладеть.
Что калина, что малина!
Звѣзда вонъ пошла.
Заяцъ бѣлый, гдѣ былъ?—Въ лѣсѣ.
Что дѣлалъ?—Лыжи дралъ.
Куды клалъ?—Подъ колоду.
Кто взялъ?—Воевода.
Поди вонъ изъ хоровода!

Объ пѣсни—Оренбург. губ. Бузулукск. у.. Первая
опредѣлена точнѣе: д. Столбики.

1147.

Какъ по морю, морю синему
Плывутъ тридцать утушекъ,
Плывутъ тридцать сѣрыхъ!
Одна у нихъ впередъ плыветъ,
Впередъ плыветъ, путекъ озывать.
Гдѣ не взялся младъ ясѣтъ соколъ,
Убилъ утку налетаючи;
Онъ пухъ пустилъ,
Разбилъ перья по чисту полю;
Онъ пухъ пустилъ по дубравушкѣ,
Руду точилъ во сыру землю.
Сбирались красны дѣвушки
Пуху брати лебединаго,
Лебединаго, утинаго.
Гдѣ не взялся добрый молодецъ:
„Богъ на помощь, красны дѣвушки,
Пуху брати лебединаго,
Лебединаго, утинаго!“
Всѣ дѣвушки восклонилися,
Одна дѣвушка не склонилася.
Грозилъ парень красной дѣвушкѣ:
„Добро, дѣвка, добро, красная!
Всѣмъ дѣвкамъ, всѣмъ краснымъ
Быть замужемъ!“

— Я думала, что не ты идешь,
Не ты идешь, не мнѣ кланяться,
Я думала... Ты идешь,
А ты идешь, а мнѣ кланяться!“

Обозначена: „Приволжскихъ губерній, отъ г. Лихутина“.

1148.

Винной нашъ колодезь
Винной нашъ, глубокой!
Что ты стоишь безъ воды? (2)
— Конь воду вынивалъ, (2)
Коньтцами выливалъ.— (2)
Всѣ кони на дворѣ, (2)
(Имя) коня нѣтъ,
(Имя) коня нѣтъ:
Уѣхалъ нашъ (имя),
Уѣхалъ (имя)
Въ Казань городъ погулять. (2)
Привезетъ нашъ (имя),
Привезетъ (имя)
Казанскую умницу. (2)
Выведу на улицу: (2)
„Казанская умница, (2)
Люблю тебя, золотцо, (2)
Цалуй меня молодца!“ (2)
Винной нашъ колодезь,
Винной нашъ, глубокой!

и прочее.

Уѣхалъ нашъ (имя),
Уѣхалъ (имя)
Въ Питеръ городъ погулять. (2)
Привезетъ нашъ (имя),
Привезетъ (имя)
Питерскую умницу. (2)
и прочее.

Уѣхалъ нашъ (имя),
Уѣхалъ (имя)
Въ Москву городъ погуляти. (2)
Привезетъ нашъ (имя),
Привезетъ (имя)
Московскую умницу. (2)
Выведу на улицу: (2)
„Московская умница, (2)
Люблю тебя, золотцо, (2)
Цѣлуй меня молодца! (2)
Казанская умница, (2)
Стели мнѣ постелюшку. (2)
Питерская умница,
Клади изголовница. (2)
Московская умница (2)
Подыми за ручиньку, (2)
За ручиньку подыми, (2)
Постелюшку собери“.

Доставлена отъ А. М. Тургенева.

1149.

Посѣяла лебеду на берегу,
Свою милую рассадушку;
Посылала я козака за водой,—
Нѣту, нѣту ни козака, ни воды,
Погорѣла лебеда на берегу.

Д. Игорныя и плясовыя.

1150.

И г р а.

На кòмомнѣ(?), на вòломѣ,
На Божіей росѣ,
На поповѣ полосѣ
Пашеть дьяконѣ
Чернымъ углемъ:
Чарка—горѣлка,
Медокъ—сострокъ (?),
Турбанъ вонь,
На Николаинѣ дворѣ,
Футка—Марфутка,
Связень—Андрюшка,
Алешка—богъ!

Новгородск. губ., Череповецк. у., дер. Завражье;
записъ самого П. В. К—аго.

Послѣ обѣдни замелькаюгъ вездѣ толпы
разряженныхъ дѣвочекъ безъ отцовъ и мате-
рей; часу во второмъ эти отряды собираются
въ небольшую рощицу близъ города („Воксалъ“
называемую); туда жъ тотчасъ являются и
молодые люди (молодцы); тѣ и другіе—опять
одни, ни одного старшаго съ ними. Здѣсь то
ходятъ порознь тѣ и другіе, причѣмъ муж-
чины болѣе стоятъ и смотрятъ, то играютъ
вмѣстѣ въ *разбѣжки* (горѣлки). Но главное
гулянье у кузницъ, противъ кладбищенской
церкви во имя Смоленской*). Часу съ сѣдъ-

*) Кладбищъ и гулянье—противоположности, сход-
ныя съ подобными обыкновеніями у Египтянъ, кото-
рые покойниковъ своихъ дѣлали свидѣтелями сво-
ихъ удовольствій. Тамъ это было съ цѣлью, у насъ
можетъ быть безъ нея теперь это дѣлается; впро-
чемъ, не имѣетъ ли это своего основанія: мѣсто поло-
женіе не много благоприятствуетъ самому гулянью

мого потянутся чинно, въ ногу пестрые от-
ряды купчихъ, мѣщанокъ, а болѣе ихъ до-
черей; онѣ ходятъ взадъ и впередъ, а муж-
чины, холостые и семейные, также болѣе стоятъ
и выглядываютъ, кому чего надобно. Въ концѣ
площади и во ближнихъ улочкахъ кое-гдѣ
еще начинаются хороводы. Но все это можно
назвать прелюдіею гулянья ночного, націо-
нальнаго. По наступленіи сумерекъ всѣ расхо-
дятся по домамъ, ужинаютъ, переодѣваются;
часу въ двѣнадцатомъ, когда стемнѣетъ, нач-
нется суматоха. На той же площади и въ тѣхъ
же улочкахъ (болышею частью на концахъ)
начинается шумъ, хохотъ, бѣготня и проч....
Здѣсь—хороводы или горѣлки, тамъ рыщутъ
съ пѣснями большіе отряды дѣвочекъ, подъ
прикрытіемъ родственника или знакомаго, а
иногда однѣ одиноконьки. Тогда онѣ всего
наслушиваются, насматриваются и многому,
чему не должно, научаются. Такая свобода
дается дѣвушкамъ въ вознагражденіе, ка-
жется, годового заключенія, ибо, кромѣ этого
времени, онѣ, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ
купеческихъ домахъ, никогда и никуда не
ходятъ, ни къ службѣ Божіей, ни къ роднымъ,
развѣ только берутся въ церковь въ Госно-
жинки для говѣнья, да въ нѣкоторые опре-
дѣленные дни (въ году), коихъ немного, въ
церковь для показа женихамъ. Еще обычай:
если къ дѣвушкамъ сватается женихъ, то ее
уже не пускаютъ и на самое гулянье. Лучшія
семейства чувствуютъ вредное вліяніе на

по кузницамъ, мостовой и другимъ неудобствамъ?
Мои вопросы не удовлетворили на этотъ счетъ. Въ
Троицынъ день и на Пасху обыкновенно ѣздятъ
на могилы привѣтствовать покойниковъ наши по-
садскіе.

нравственность ночныхъ увеселеній; строгіе отцы даже сыновей своихъ не пускаютъ на оныя.

Короводы составляются изъ дѣвушекъ мѣщанскихъ, мѣщанъ молодцовъ и нѣкотораго числа приказныхъ. Число дѣвочекъ и молодцовъ неопредѣленно: иной весь кругъ изъ дѣвочекъ, а парни стоятъ позади онаго, иной—стоятъ попеременно: дѣвушка и молодецъ. Всѣ поютъ, кругъ остается неподвиженъ, только въ серединѣ его пара, и болѣе, движутся такъ: мужчина беретъ женщину сперва правою рукою за правую же руку, и оба дѣлаютъ полукруги, потомъ мѣняются руками, или одинъ мужчина, одна дѣвушка набираютъ, первый—дѣвочекъ нѣсколько изъ хорова, а другая—молодцевъ, и повторяютъ эти полукруги, потомъ расходятся и становятся по своимъ мѣстамъ или идутъ далѣе, въ другіе хороходы. Впрочемъ, увеличеніе и уменьшеніе движущихся въ срединѣ хорова паръ дѣлается сообразно смыслу поемой пѣсни*).

1151 (1).

ЗАЯНЬКА.

Что хожу, гуляю
Да по короводу,
Заянька бѣленькой,
Да по хорооводу.
Смотрю, выбираю
Хорошаго тестя.
Заянька бѣленькой,
Хорошаго тестя.
Я нашель, я нашель
Хорошаго тестя.
Заянька бѣленькой,
Хорошаго тестя.
Что хожу, гуляю
Да по хорооводу,
Заянька бѣленькой,
Да по хорооводу.
Смотрю, выбираю
Хорошую тещу.
Заянька бѣленькой,
Хорошую тещу.
Я нашель, я нашель
Хорошую тещу.

*) Это предисловіе взято изъ письма учителя Тверской гимназіи П. В. Турина къ М. П. Погодину въ 1837 году (1 Сент.). Описаніе и пѣсни относятся къ 28—31 іюля—приходскому храмовому празднику Смоленской Б. М., кладбищенской церкви въ Твери.—Ред.

Заянька бѣленькой,
Хорошую тещу.
Что хожу, гуляю
Да по хорооводу,
Заянька бѣленькой,
Да по хорооводу.
Смотрю, выбираю
Хорошаго шурина.
Заянька бѣленькой,
Хорошаго шурина.
Я нашель, я нашель
Хорошаго шурина.
Заянька бѣленькой,
Хорошаго шурина.
Что хожу, гуляю
Да по хорооводу,
Заянька бѣленькой,
Да по хорооводу.
Смотрю, выбираю
Хорошу сестрицу.
Заянька бѣленькой,
Хорошу сестрицу.
Я нашель, я нашель
Хорошу сестрицу.
Заянька бѣленькой,
Хорошу сестрицу.
Что хожу, гуляю
Да по хорооводу,
Заянька бѣленькой,
Да по хорооводу.
Смотрю, выбираю
Хорошую любушку.
Заянька бѣленькой,
Хорошую любушку.
Я нашель, я нашель
Хорошую любушку.
Заянька бѣленькой,
Хорошую любушку.
Хорошо гуляю
Съ хорошиемъ тестемъ,
Заянька бѣленькой,
Съ хорошимъ тестемъ,
Хорошо гуляю
Съ хорошиимъ шуриномъ,
Заянька бѣленькой,
Съ хорошиимъ шуриномъ,
Хорошо гуляю
Съ хорошей сестрицей,
Заянька бѣленькой,
Съ хорошей сестрицей,
Хорошо гуляю
Съ хорошею любушкой.
Заянька бѣленькой,
Съ хорошею любушкой.

Я на тестя разсержусь,
Я съ сердитымъ побранюсь.
 Заянька бѣленькой,
Я съ сердитымъ побранюсь.
А ты, теща, не сердись,
Пожалуйста, берегись.
 Заянька бѣленькой,
Пожалуйста берегись.
Осѣдаю я коня,
Стариковъ-то со двора
 Заянька бѣленькой,
Стариковъ-то со двора.
Милая сестрица
Для насъ не пѣвица.
 Заянька бѣленькой,
Для насъ не пѣвица.
Подумаю думушку,
Погуляю съ любушкой.
 Заянька бѣленькой,
Погуляю съ любушкой.

1152 (2).

Розочка.

Ходить купецъ,
Ходить Тверской
Да по хороводу.
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Да по хороводу.
Смотрить купецъ,
Смотрить Тверской
Хорошу невѣсту.
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Хорошу невѣсту.
Спросить было сосѣдушекъ,
Спросить было собранихъ,
Какова она?
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Какова она.
Прелестную
Красавицу
Всѣ хвалить ее.
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Всѣ хвалить ее.
„Хорошая,
Пригожая,
Пойди, выйди за меня.
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Пойди, выйди за меня.
Если (ты) пойдешь,
Если (ты) выйдешь,
Счастлива ты будешь.
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Счастлива ты будешь.

А не выйдешь,
Спокаешься,
Вспоманешь меня.
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Вспоманешь меня.
Спасибо вамъ, сосѣдушки,
Спасибо вамъ, собрании,
Что женили молодца.“
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Что женили молодца.

Пѣсню „розочку“ начинаютъ еще такъ (и, кажется, лучше):

1153 (3).

За лѣсикомъ,
За темнымъ
Шелкова трава.
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Шелкова трава.
Ходилъ, гулялъ
Купчинушка
По этой травѣ,
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
По этой травѣ.
Смотрѣлъ, глядѣлъ,
Купчинушка
Невѣсту себѣ.
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Невѣсту себѣ.
„Хорошая,
Пригожая,
Поди за меня!“
 Вотъ розочка, вотъ бѣлая,
Поди за меня!
И т. далѣе.

1154 (4).

Калинка.

Покатим-те, дѣвушки,
По лугу (двору) шаромъ,
 Калинка моя,
 Малинка моя!
Что по лугу (двору) шаромъ,
А по терему мячемъ.
 Калинка моя,
 Малинка моя!
Заглянем-те, дѣвушки,
Подъ бѣлый шатеръ.

Калинка моя,
Малинка моя!
Спать ли, не спать ли
Молодчикъ молодой,
Калинка моя,
Малинка моя!
Что молодчикъ молодой
Взвеселятель, душа мой?
Калинка моя,
Малинка моя!
Взвеселилъ мою головушку
Дѣвушкину,
Калинка моя,
Малинка моя!
Всю дѣвическую
Мою крѣсоту.
Калинка моя,
Малинка моя!
Онъ гулять-то пойдётъ
И съ собою меня беретъ,
Калинка моя,
Малинка моя!
И съ собою меня беретъ,
Всегда милою зоветъ.
Калинка моя,
Малинка моя!

1155 (5) *).

Я по садику ходила,
Дѣвушка,
Я цвѣточки срывала,
Дѣвушка,
Я вѣночекъ свивала,
Дѣвушка,
Я молодчика дарила,
Дѣвушка.
Какъ увидѣли ребятушки
И сказали моей маменькѣ (вмѣсто: матушкѣ).
Моя маменька (матушка) ни лиха, ни добра,
Никакого мнѣ отвѣту не дала;
Посылала въ зеленый садъ гулять,
Приказала розу бѣлую щипать.
Я щиплю, щиплю, не хочется,
Къ милымъ дѣвушкамъ хочется.
Приходилъ ко мнѣ молодчикъ молодой,
Приносилъ онъ мнѣ сунирчикъ (?) золотой;
Мнѣ сунирчика (?) не хочется,
Къ милымъ дѣвушкамъ хочется.

*) При этихъ пѣсняхъ внутри хоровода только бываетъ двое: молодецъ и дѣвочка; они выбираютъ другъ друга.—*Собир.*

1156.

Плясовая.

У воротъ дѣвка стоять,
Въ бѣломъ лицѣ жаръ горить.
Ай люли, ай люли, въ бѣломъ лицѣ жаръ
Въ бѣломъ лицѣ жаръ горить, [горить!
Вижу, миленькой сердить.
Ай люли, ай люли вижу миленькой сер-
Вижу, миленькой сердить, [дить!
Ничего не говорить.
Ай люли, ай люли, ничего не говорить!
Ничего не говорить,
Во зеленый садъ манить:
Ай люли, ай люли, во зеленый садъ ма-
„Пойдемъ, дѣвушка, въ садокъ, [нить!
Сорвемъ со травушки цвѣтокъ, со муравушки
алон;
Ай люли, ай люли, со муравушки алой!
Мы завяжемъ цвѣтокъ
Въ итальянской во платокъ,
Ай люли, ай люли въ итальянской во
Мы иоложимъ узелокъ [платокъ!
На краватку въ уголокъ“.
Ай люли, ай люли, на краватку въ уголокъ!
Узелочекъ-то лежитъ,
Тесова кровать дрожить.
Ай люли, ай люли, тесова кровать дрожить!
Тесова кровать дрожить,
Да красна дѣвка говорить:
Ай люли, ай люли, да красна дѣвка гово-
„Ужъ мы подождѣмъ маленько, [рить!
Мы помѣшкаемъ часокъ.
Ай люли, ай люли, мы помѣшкаемъ часокъ!
Мы помѣшкаемъ часокъ,
Мы возьмѣмъ въ руки платокъ,
Ай люли, ай люли, мы возьмѣмъ въ руки
Мы возьмѣмъ въ руки платокъ, [платокъ!
Мы развяжемъ узелокъ.
Ай люли, ай люли, мы развяжемъ узелокъ!
Мы развяжемъ узелокъ,
Мы посмотримъ на цвѣтокъ:
Ай люли, ай люли, мы посмотримъ на цвѣ-
Еще вынетъ ли, не вынетъ [токъ!
Мой лазоревый цвѣтокъ?
Ай люли, ай люли, мой лазоревый цвѣтокъ!
Еще тужить ли, не тужить
Мой миленькой обо мнѣ,
Ай люли, ай люли, мой миленькой обо мнѣ!
Мой миленькой обо мнѣ
На чужой сторонѣ?“
Ай люли, ай люли, на чужой сторонѣ!
Въ Милліонной улицѣ
Сидятъ дѣвки въ горницѣ.

Ай люли, ай люли, сидять дѣвки въ гор-
Мы сидѣли, разсуждали, ницѣ!
Дружка въ Питерь снаряжали.

Ай люли, ай люли, дружка въ Питерь сна-
На добра коня сажали, [ряжали!
Въ руки поводъ подавали.

Ай люли, ай люли, въ руки поводъ пода-
Въ руки поводъ подавали, [вали!
Дружку наказывали:

Ай люли, ай люли, дружку наказывали!
„Ты поѣдешь, моя радость,

Въ Петербургъ городъ гулять,

Ай люли, ай люли въ Петербургъ городъ
гулять!

По проспектамъ, по заставамъ не застаивайся,
На хорошихъ, на пригожихъ незасматривайся!

Ай люли, ай люли, не засматривайся!

Хорошія, пригожія—часовы,
Не вѣковы.

Ай люли, ай люли, часовы, не вѣковы!

Ужъ я худенька, худа,

Да вѣковѣчная твоя,

Подвѣнечная жена.“

Ай люли, ай люли, подвѣнечная жена!

Арханг. губ.; доставлена В. П. Далемъ.

1157.

Плясовая.

Ужъ ты Сенюшка, Симіонушка!
Не ходи, Сеня, но сѣнямъ,
Не топай ногой,
Не качай головой,
Мнѣ не быть за тобой;
Только быть, только быть
За бѣлымъ, за румянымъ,
Что за ровнюшкой, за Иванушкой.
Про Ивана кудряша
Лежить слава хороша,
Лежить слава хороша:
Нѣту денегъ ни гроша,
Походка хороша:
Походка павлиная,
Рѣчь лебединая.
Я по травкѣ шла,
По муравкѣ шла,
Тяжело въ рукахъ несла:
Два кувшина, два ведра
И валець и мотокъ,
Ище милого платокъ
Девяносто локоть,
Оностылаго платокъ
Весь въ одинъ локотокъ.

Пѣсня, повидимому, изъ Тульск. губ..

1158 (1).

Утѣна.

Утена шла,
Рябая шла!
Ты куда, ути, летала,
Ты чего, ути, видала?
„Я видала, видала
На Волгѣ, на бережкѣ
Въ полѣ три шатра:
Какъ во первомъ во шатрѣ
Свѣтъ Марья сидѣла,
Свѣтъ Ивановна сидѣла;
Во другомъ то во шатрѣ
Свѣтъ Дуняша сидѣла,
Свѣтъ Михайловна;
Какъ во третьемъ во шатрѣ
Свѣтъ Катенька сидѣла,
Свѣтъ Маркеловна!*)

*) Пѣсня, повидимому, не кончена: въ рукописи за послѣднимъ стихомъ: „и проч.“.—Ред.

1159 (2).

Хожу ли я, гуляю
Вдоль по улицѣ по широкой,
Сѣю ли я, развѣваю
Изъ рукавчика бѣлы кудрявѣ ленокъ!
Сталь мой лень поспѣвати,
А я млада горевати:
Съ кѣмъ мнѣ слати,
Бѣлы лень брати?
Свекоръ ей баить:
— Я, невѣстушка, съ тобою,
Я, голубушка, съ тобою!—
„Чортъ ли, не бранье,
Лишь ворчанье!“

Обѣ пѣсни—„Приволжскихъ“ губ. отъ г. Лихутина.

1160.

Луговая.

Улица ты наша, широкая,
Трава мурава, шелковая!
Ужъ ты чѣмъ, улка, изукрашена?
Все гудками и волынками,
Веселыма скоморохами,
Удалыма, добрыми молодцами,
Душима красными дѣвцами,
Молодыми молодницами.
Не величка птичка иташица,

Съ моря на море птица перелетывала;
Всѣ моря-то птица сповѣдала,
Садилась да птица пташица
Середѣ-то моря, моря на камешокъ,
Середѣ синяго сѣла на бѣленькой.
Учала птичка слушати,
Что не кичеть ли лебедь бѣлая?
Не рыдаетъ ли красна дѣвица?
Кичеть, кичеть лебедь бѣлая

На восходѣ ясной зорюшки,
Плачетъ, плачетъ красна дѣвица:
„Не отдай меня, мати, старому;
Ужъ и старый мужъ—погубитель мой,
Погубилъ мою буйну голову,
Спорудилъ онъ дѣвью красоту,
Все дѣвичье да украшеньице.“

Арханг. губ. Шенкурск. у.; запись 1844 г. (г-на
А. Борисова?).

Дополненія *).

1161 (1).

На горѣ дубокъ приклонясь стоитъ,
Всѣ вѣточки принагнулися.
Наша Настюшка въ танокъ пошла,
Наша Семеновна, распустя платокъ;
И туда махнетъ, и сюда махнетъ:
„Князья-бояра, станьте къ сторонѣ,
По бѣ слободѣ!
Миня батюшка хочетъ жаловать
Онъ не селами, не деревнями,—
Каменной Москвой съ маскородами.“

1162 (2).

Господа за рѣчкою,
Господа за быстрою!
Перекиньте жѣрдочку,
Пододвиньте лоточку,
Посадите дѣушку,
Дѣушку да Настасьѣушку,
Погулять по садику,
Защипать малинушку,
Заломать калинушку.
Да и не быть калинушкѣ
Да слащей малинушки,
Да не быть лютой свекру
Помилѣй батюшки:
Батюшка помилѣе,
А свекоръ постылѣе.

1163 (3).

Въ огородѣ конопля,
Конаселушка.

*) Сюда вошли случайно пропущенныя пѣсни, а также отдѣльныя пѣсни изъ пѣсенниковъ, не нашедшія себѣ мѣста въ группѣ Аз.—Ред.

Красная дѣушка
Да и Настасьѣушка,
Да и Семеновна
Позвала братца
Играть на улицу:
„Братецъ миленькой,
Лебедь бѣленькой!
Ты пойдемъ играть на улицу,
Ты жъ гуслями, я съ ладонями“.
Тай не быть гуслямъ
Звончѣй ладоней,—
Не быть свекру
Милѣй батюшки *).

Пѣсни 1161 — 1163 записаны въ дер. Зикѣвъ,
Бѣлевск. у. Тульск. губ.; ср. выше пѣсни 352—373.

*) Эти пѣсни поются на свадьбѣ дѣвушкамъ и
суть собственно величальныя.—Собир.

1164.

Не павушка по двору ходить.
Не павлиныя пѣрушки ронить.
Тутъ ходила, гуляла душа красная дѣвица
Кругъ терема, кругъ высокаго.
Она била свои бѣлыя руки объ сердце:
То-то тошно сидѣть сговорѣнной!
„Отоприся, отоприся,
Мой нѣмецкой замокъ, отоприся!
Отложися, отложися,
Полужѣная цѣпь, отложися!
Отворися, отворися,
Кипарисная дверь, отворися!
Распахнися, распахнися,
Шитый, браный положокъ, распахнися!
Встань, проснися, встань, проснися,

Родна матушка, встань проснися!
Мнѣ не годъ у вась годовати,
Не недѣлю мнѣ гостити:
Одну ночь почевати,
И тоѣ всеѣ не сыпати,—
Съ подушками рѣчь говорити,
На молитвѣ всеѣ простояти.“

Оренбург. губ. Уфимск. у. с. Новосѣлки.

1165.

Ты камка, камочка моя,
Ты камка мелкотравчатая,
Мелкотравчатая, узорчатая!
Не давайся никому развертываться:
Ни князю, ни барину,
Ни сыну гостиному.
Онъ волю надъ тобой взялъ,
Шелковую фату приподнялъ,
Онъ свою невѣсту выглядѣлъ,
Выглядѣлъ, повысмотрѣлъ.

Гурьяновскій пѣсенникъ 1835 г.

1166.

Свѣтъ, мое садѣ винограде!
Подъ тобою, винограде, простояла,
Ужъ я съ батюшкой рѣчь говорила:
„Государь мой, батюшка ты родимой!
Не отдавай меня, батюшка, младу замужъ;
Не мечись, мой батюшка, на богатство:
Не съ богатствомъ мнѣ жить—съ чѣловѣкомъ,
Не съ высокими хорами жить—съ совѣ-
томъ.
Не съ частыми съ переходами—съ лю-
бовью“*).

*) И это же поется въ другой разъ съ перемѣною слова „батюшка“ на „матушка“.—Собир.

1167.

Соломонидушка съ терема саживала,
Вароолемеевна съ высокаго саживала,
Вершиночку съ вербоньки сламливала ¹⁾,
Коню подъ копытечко бросила,
Единое ²⁾ словечушко молвила:
„Стой, моя вербонька, вѣкъ безъ верьха!
Живи, живи, мой батюшко, вѣкъ безъ меня ³⁾,
Безъ меня, безъ милой дочери,
Безъ милой дочери, Соломонидушки,
Безъ ласкова слова Вароолемеевны!
Не чайлъ меня батюшко вѣкъ избыть ⁴⁾,

Избылъ меня батюшко единымъ часомъ,
Единою одной минутой ⁵⁾!“

Соломонидушка съ терема саживала ⁶⁾,
Вароолемеевна съ высокаго саживала,
Вершиночку съ вербоньки сламливала,
Коню подъ копытечко бросила,
Единое словечушко молвила:
„Стой, моя вербонька, вѣкъ безъ верьха!
Живи, живи, моя матушка, вѣкъ безъ меня,
Безъ меня, безъ милой дочери,
Безъ милой дочери, Соломонидушки,
Безъ ласкова слова Вароолемеевны!
Не чайла меня матушка вѣкъ избыть ⁷⁾,
Избыла меня матушка единымъ часомъ,
Единою, одной минутой,
Избыли меня со очей долой!“

Изъ „Веселой Эраты“ № 53.

Варьянтъ записанъ Симбирской губ. Сызранск. уѣзда, въ селѣ Репѣвѣ.

1) Начинается такъ:

Не долго цвѣтику во садикѣ цвѣсти,
Не долго цвѣточку на стопочкѣ вѣстѣ,
Пора изъ цвѣточку вѣночекъ свить.
Не долго Соломонидушкѣ въ дѣвушкахъ сидѣть.
Въ послѣдній разъ на садику погуливала,
Вершиночку съ яблонки сламливала.

2) Едино.

3) Ты стой, моя яблонка, вѣкъ безъ верха!
Живи, живи, батюшко, вѣкъ безъ меня.
Слѣдующихъ трехъ стиховъ нѣтъ.

4) Не чайлся батюшко вѣкъ меня избыть.

5) Одною минутой.—Этотъ стихъ, нескладный и лишний, вѣроятно, приклеенъ уже въ новѣйшее время. Вслѣдъ за тѣмъ въ варьянтѣ еще три стиха, взятые изъ другой пѣсни, съ передѣлкою, по модѣ „багрецовыхъ суконъ“ въ „аглинскія“:

Гордись, гордись, батюшко, меня не выдавай,
Когда тебя, батюшко, зятя подарить
Тремя, тремя сукнами, тремя аглинскими.

6) Этого повторенія пѣсни совсѣмъ нѣтъ.

7) Послѣ этого стиха также вставка, о которой сказано въ прим. 5.

1168.

У Акулинушки матушка
Не добра была, не ласкова ¹⁾,
Посылала Акулинушку ²⁾
Во сырой боръ по ягоды:
„Выбирай, мое дитятко ³⁾,
Выбирай, мое милое,
Изъ ягодъ себѣ ягодку,
Изъ малины малинушку,
Черную ягоду смородину ⁴⁾!“
Идетъ наша Акулинушка
Не весела, не радозна,
Очи ясныя заплаканы:

„Государыня матушка!
Я выбрала себѣ изъ ягодъ ягодку,
Я горькую калинушку!“
У Акулинушки матушка
Не добра была, не ласкова ⁵⁾,
Посылала Акулинушку ⁶⁾
Во высокъ теремъ бояръ смотрѣть:
„Выбирай, мое дитятко ⁷⁾,
Выбирай, мое милое,
Изъ бояръ себѣ боярина,
Изъ князей себѣ княжевича ⁸⁾!“
Какъ идетъ наша Акулинушка
Веселымъ веселешенька ⁹⁾:
„Государыня матушка!
Я выбрала изъ бояръ себѣ боярина,
Изъ князей себѣ княжевича,
Ужъ и того ль себѣ сына гостинаго,
Артамона сударя Сергѣевича“ ¹⁰⁾.

Изъ Рѣшетниковаго пѣсенника 1810 г.

Варьянтъ изъ *Ильинск. пѣсенника*.

- 1) Далѣ два стиха:
У Артемьевны родная,
Не добра, не привѣтлива.
- 2) Посылала ее матушка.
- 3) Выбирай себѣ, дитятко.
Слѣдующаго стиха нѣтъ.
- 4) Ты изъ ягоды ягоду,
Изъ калины калинушку,
Изъ малины малинушку
Изъ черной ягоды смородинку.
- Этимъ стихомъ и кончается первый куплетъ, а слѣдующихъ шести стиховъ совсѣмъ нѣтъ.
- 5) И добра была и ласкова.
Далѣ два стиха:
У Артемьевны родная,
И добра, и привѣтлива.
- 6) Посылала ее матушка.
- 7) Выбирай себѣ, дитятко.
Слѣдующаго стиха нѣтъ.
- 8) князича,
Изъ военнаго военнаго,
Изъ приказныхъ приказнаго,
Изъ изъ чина посадскаго.
- 9) Какъ идетъ ея дитятко;
Скоры ноги подгибаются,
Вѣлы руки опускаются,
Очи ясны помутилися,
Горючи слезы катилися.
- 10) Я не выбрала, матушка,
Лучше сына посадскаго,
Лучше Артамона Сергѣевича.

Это—вмѣсто послѣднихъ пяти стиховъ основнаго.

1169.

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила пиво варивала,
Солоду купила хмѣлю выпросила;
Черной дроздъ пивоваромъ былъ,

Сизой орель винокуромъ слылъ.
Дай же намъ, Боже, пиво сварить,
Пиво-та сварить и вина накурить!
Созовемъ къ себѣ гостей мелкихъ пташечекъ.
Совушка-вдовушка не званая пришла.
Снигирюшка по сѣнюшкамъ нохаживаетъ,
Совушкѣ головушку поглаживаетъ.
Стали птички всѣ межъ собой говорить:
„Что жъ ты, снигирюшка, не женишься?“
— Радъ бы я женился, да неково взять:
Взялъ бы я пернатку, та matka моя,
Взялъ бы я чечетку, та тѣтка моя,
Взялъ бы я синичку, сестричка моя,
Взялъ бы я сороку, щекотливая она.
Есть за моремъ перепелочка,
Та мнѣ ни тетушка, ни матушка:
Ту я люблю и за себя возьму,
А передъ собой журавля пошлю.—
Онъ прилетѣлъ, сталъ сказывать:
„Будетъ скоро, прїѣдетъ вдругъ
Славной женихъ, снигирь молодецъ!“
Въ голосъ тутъ пташки прїударили:
„Здравствуй, хозяйнѣ съ хозяйшкою,
И съ малыми со дѣтушками,
На многа лѣтъ!“

Изъ Вавиловаго пѣсенника 1810 г.

1170.

По городу, по городу
Звоны пошли!
По-терему, по-терему
Дары понесли!
Дарила дары, дарила дары
Душа дѣвица:
„Прими, сударь, дары, прими, сударь, дары,
Доброй молодецъ!
На мои дары, на мои дары
Не погнѣвайся:
Мои то дары, мои то дары
Не пасеные!
Моя то свадьба, моя то свадьба
Незнамая!“ *)

Изъ Ильинскаго пѣсенника 1817 г.

*) Дѣленіе на стихи принадлежитъ П. В. К.—ому;
въ печатномъ пѣсенникѣ два стиха въ одномъ.—*Ред.*

1171 (1).

„Матушка, съ горь медѣ текутъ!
Сударыня моя, меды сладкіе!“
— Дитятко, черпай меды!
Милое мое, черпай сладкіе!—

„Матушка, мнѣ не до меду,
Сударыня моя, не до сладкаго!
Звонять колоколы церковные,
Идутъ попы и дьяконы:
Идутъ попы во Божью церковь,
Дьяконы несутъ златы вѣнцы!“

1172 (2).

Жарко каменю самоцвѣтному,
Лежучи на крутой на горѣ противъ солнѣшника:

Тошно Офросиньюшкѣ,
Сидючи у батюшки послѣдній часъ,
Сидючи у матушки въ послѣдній разъ.
Жарко въ теремѣ свѣча горить,
Жарче того воску яраго:
Въ теремѣ Офросинья душа слезно пла-
кала,
Въ высокомѣ Еремѣевна слезно плакала!
Обѣ пѣсни означены: „Изъ стариннаго пѣсен-
ника“.

Алфавитный перечень пѣсенъ *).

А графенушка дѣвушкамъ говаривала.	960	Ахъ вы кумушки, вы подруженьки,	
Ай, во полѣ Натальюшка	576	Вы ставайте да пробужайтесь.	102
Ай, вы, дружки слѣпы	668	Ахъ вы, соколы!	
Ай ну, ай ну, на клену		Вы далеко-ль летали	837, ср. 126.
Виситъ колыбель на цѣпи	228	Ахъ, Дунюшка, любюшка, Авдотья душа!	
Ай сборы, сборы Александрины 223, 324, 786		Всѣмъ ты мнѣ, Дунюшка, по мысли	
Ай, спасибо тебѣ, Михайлъ господинъ.	894	пришла.	900
Ай, утѣшка луговая,		Ахъ, жарко въ теремѣ свѣчи горять.	993
Молодушка молодая.	225	Ахъ! не тѣсно ль тебѣ, рѣченька	216
А кто у насъ не женатъ?		Ахъ, по морю корабличокъ плыветъ,	
.		таки плыветъ.	1131
На немъ шапка соболя.	368	Ахъ, по морю, морю Хвалынскому	
А кто у насъ холостой?		Тамъ плыло стадо сѣрыхъ гусей	601,
.		ср. 698 и др.	
Пора ему жениться.	1012	Ахъ! пошла зоря кругомъ двора.	1043
А кто у насъ холостъ, а кто не женатъ?		Ахъ ты, сосенка, на бору выросла	1129
.		Ахъ ты, тысяцкій воевода.	70
На коня садится, а подъ нимъ конь		Ахъ ты, умная головушка.	239
веселится.	282	Ахъ ты утѣшка, утка сѣрая!	
А ларецъ мой, ларецъ	744	Ино гдѣ была, гдѣ замѣнкалась	176
Аленькой мой цвѣтокъ	606	Б асловъ (благослови), Бога, Божунька.	125
А мы гостей ждали	575	Батюшка посаженной	
А мы зажгѣмъ лѣнь, лѣнь.	578		
А не знала, не вѣдала,		Благословите всѣ отъ стараго до малаго	
Ко мнѣ сваха прѣехала.	113	Молодова князя въ златое стремяно	
Аннушка всѣ лѣса прошла.	60	ногу вздѣтъ.	487
Аннушка сѣнюшки мела.	617	Батюшка посаженный,	
Антонъ сударь, дагадайся	469	Благословите всѣ отъ стараго до малаго	
А ты сѣй, мати, мучицу, пеки пироги:	1052	Кругомъ съ образомъ обойти.	505
А у свата сводника			
Лихорадка съ болѣстью	159		
Ахъ! вы голуби, голуби, голуби сизые.	729		

*) Цифра означаетъ № пѣсни. Изъ пѣсни указанъ начальный стихъ; изъ пѣсенъ съ одинаковымъ началомъ, но различнымъ продолженіемъ, указывается послѣ начального стиха и тотъ стихъ, который отличаетъ одну пѣсню отъ другой. „Ср.“ при номерѣ означаетъ указаніе на пѣсню, аналогичную по содержанію первой пѣснѣ, но съ инымъ начальнымъ стихомъ.—Ред.

Батюшка посаженный,		Валгалеты, валгалеты мои.	374
Басловите всѣ отъ стараго до малаго		Валю, валю коравай	
Кузьму-Демьяну, сыграть	495	Свашинька по печи рыщеть.	676
Батюшка посаженной,		Валя-валяй коровай	
Благословите всѣ отъ стараго до малаго		Съ правой на лѣвую.	398
Молодого князя снарядить	483	Вечеру позднешенько,	
Батюшка родимой,		Приходилъ во теремъ батюшка.	939
Бослови свое дѣтище родимое.	489	Вдарили (3) гусли по чисту полю	587
Батюшка родимой,		Вдарили морозушки	
Прикажете хлѣбъ съ хлѣбомъ сложить	774	Да розу.	816
Батюшка родимой,		Вдоль бережка гогонюшко плывѣтъ.	1029
Кормили, поили.	804	Вдоль по рѣчкѣ, рѣкѣ	309
Баюшки-баю, прибаюкиваю.	1108	Ведутъ Настасьюшку на чужую сторону.	823
Баю, баю, котъ.	1101	Вейся, вейся, хмѣлюшко.	550
Безтолковый сватушко!		Весѣль, весѣль ходитъ	
По невѣсту ѣхали.	160	И Ѳеодоръ Тихнавичъ.	451
Безъ вѣтра, безъ вихоря		Вечеръ къ моей матушкѣ	
Вереюшка номатнулася,		Свашинька приходила.	731
Женихъ Богу молится.	1033	Вечоръ въ гостяхъ сидѣла	700
Бережкомъ около рѣчушки		Вечоръ са вечеру	
Шель князь Егорушка.	802	Сидѣлъ Денисъ ва териму.	454
Береза бѣлая,		Вечоръ наша перепелушка	
Куда ты клонишься?	139	Всеѣ ноченьку прокликала.	985
Благодарствуйте, милы подруженьки,		Взворковалась голубушка	818
Вамъ на вашей да теплой парущѣ.	99	Вился, вился яровой хмѣль	1061
Благослови, Троица	1099	Винной нашъ колодезь.	1148
Благословлялся свѣтелъ мѣсячъ		Виноградъ въ саду цвѣтеть,	
Около яснаго солнюшка.	137	А ягода, а ягода поспѣваетъ.	
Богъ васъ снесъ въ одно гнѣздушко	509	Дай же имъ Богъ совѣтъ да любовь.	738
Болѣзненный ты мой батюшка!	252	Виноградъ разцвѣтаетъ,	
Боръ боромъ борѣчкомъ		А ягода поспѣваетъ:	
Убита дорожка колечкомъ 199, ср.	226	Ой хорошъ Сергѣй сударь.	426
Бослови, Боже, до двухъ порожденъ.	496	Висятъ колыбель на шелкѣ	148
Бояры вы, бояры!		В' ково у насъ кудри черныи.	391
Мимо бору ѣхали.	181	Вкругъ Казани, вкругъ городу,	
Бояры-ли вы, бѣяры!		Тутъ и ѣздили и спѣздили.	87
Не спускайтесь съ горы.	192	В' насъ на дубчику	
Братцы молодцы,		На кудрявчику	670, ср. 360
Приуберите нашихъ коней.	484	В' насъ при вечеру, вечеру,	
Были бы у Волги крутые берега	345	Прилеталъ тутъ ясенъ соколъ	
Бѣлая лебедушка,		„Катерина, сайди съ терема.	439
Бояшья ли ты морозу?	973	В' насъ при вечерѣ, вечерѣ	
Бѣль зайника, горностаинька,		Прилеталъ къ ней я ясенъ соколъ	
Почто-жь тебя въ зеленыхъ лугахъ		И сломалъ, сломалъ причаленку.	582
нѣтъ?	521	Внизъ по Волгѣ идучи,	
Бѣлый лёнъ придолинѣ		Не въ трубу вострубили.	861
Да буюнъ вѣтеръ вѣить.	555, 621	Во бору, бору подъ грушицею	641
		Во высокомъ терему сижу	687

Выглянь, matka,		Не знала, что въ гордости дѣлати..	638
Во стекольчато окошко..	423	Горнадёръ Нѣтро князь!	174
Выду на улицу,		Горностальчикъ нашъ бѣленькой	91
		Господа за рѣчкою	1162
Ударю въ ладони.	1096	Государь ты мой дядюшка,	
Выду на улицу,			
Сяду я молода.	1046	Не покинь меня бѣдну, горькую.	893
Выду я на улицу,		Гусли мои, гусельцы!	1002
Разыграю хороводъ.	380, 1138	Гусыня летала.	428, ср. 407
Вы играйте, дѣвушки.	134	Да березничекъ листоватый	557
Выйди, мати! выйди за ворота.	424	Да во полѣ бѣль шатерь	650
Выкатался скатень жемчугъ.	67	Да за то люблю соловьюшку,	
Вылетать сизый голубь.		Што йонъ во садочку (2)..	552
Изъ своей голубни	778	Да п хто жъ у насъ во гостюшки	
Вылеталъ соловейко пзъ зелена сада.	73	пришелъ.	524
Вы не пойте-ко да рано, пѣтухи	103	Да леталъ соколъ	
Вы подите-тко, подруженьки.	258	По поднибезю (sic) ямень.	764
Вы подруженьки, голубушки!		Да не ласточка, не касатунка	
Вы чешите буйну голову,		Щевелить	562
		Да не темная, не зеленая	
Выходите гулять на улицу.	334	Дубрава.	586
Вы, подруженьки, голубушки мои,		Данилу-то матунка	
Заплетите мнѣ рѣсую косу,		Въ воскресенье породила.	267
		Да ни наступали бояре въ новы сѣни.	492
Вы закройте золотымъ замкомъ.	332	Дародная головушка.	464
Вы подружки, голубушки,		Да рябина, рябинунка	558
		Да сѣрь заюшка черезъ поле	
Вы прикройте мою голову.	276	Бѣжала.	573
Вы сборы, сборы Дуняшины!	786, ср. 223	Двѣ рѣки сотекалися,—	
Вы скажите-тко, подруженьки	250	Двѣ свахи соѣзжались.	999
Выходили красны дѣвушки.	1118	Деревце сокоревце! Отрости сокоревы.	701
Вы цвѣты ли мои цвѣтики	119,	Долго-то, долго до вечера,	
	236, 327, 659, 737	Долго-то, долго соколъ не летить!	
Вышли дѣвки и бабы на улицу.	1095		
Вьюнъ на водѣ извивается.	270, 812	Погода немножко женихъ на дворѣ.	431
Вѣнули вѣтры да по полю,		Долго-то, долго вечеромъ,	
Грянули веслы да по морю	997	Долго-то, долго соколъ не летить:	
Вѣнули (2) вѣтры по чистому полю,			
Пролила слезы по бѣлому лицу.	772	„Дома ли дома, Настасья моя“.	763
Гдѣ былъ, гдѣ былъ,		Долго-то, долго соколъ не бывалъ.	65
Да сизой селезень?		Долго, долго соколъ не летить!	
		„Спишь ли, душа моя, Машинька?“.	306
Были они (2) въ разныхъ озерахъ.	318	Долго, долго соколъ не летить!	
Гдѣ былъ сизъ селезень?			
		Выбирасть Василій слугу вѣрнаго	
Слетѣлись въ одно озеро.	399	себѣ.	316
Гдѣ сидитъ тамъ Хфетись государь.	497	Долго, не долго соколъ не летить,	
Гибкое деревцо черемушка	784	Скоро, не скоро скорый гонецъ не	
Голова ли ты моя,		идеть.	111
Охъ, головушка	1141	Долга-та, долга саколъ не летить,	
Голубушки мои, бѣлыя подруженьки,			
Приступитесь ко мнѣ горько-бѣднень-		„Слуги мои, слуги вѣрные!“.	769
кой.	866	Долго, долго Хфетисунка дома нѣтъ.	507
Гордая, спесивая свашенька			

Долина, долинушка, долина широкая.		Жарко въ теремѣ свѣча горить.	1172
Гуляетъ дѣтинушка	826	Желтѣя кудри за столъ пошли	110
Долина, долинушка широкая		Жемчужина окатная,—Слава.	1053
Ходилъ гулялъ молодецъ		Жилеть палевой	
Онъ пьяный шатайтца	394	Сюртукъ малевой	842
Дорогая ты гостейка,		Жилъ-былъ Курилка.	1045
Мнѣ гостить-то не хочется.	189	Журила, говорила	
Дорогая наша гостейка,		Говорила, сама плакала.	183
На дворѣ-то тихохонько	713	З аболѣла моя рука правая.	264
Дорогая гостійка,		Завивался хмѣлюшка	
Мнѣ гостить съ вами хочется	219	Черезъ тынъ на улицу.	755
Друженька хорошенькой,		За Дономъ, Дономъ	
Какъ на друженькѣ кафтанъ,		Бѣлая рыба играла.	355
Голубой, парчевой.	768	За Дономъ, за Дономъ,	
Друженька хорошенькой,		Дружинушка ходитъ	372
На дружкѣ кафтанишко синій	1024	За дѣжою сажу, пятерною вожу.	1083
Друженька хорошенькой,		Зажилъ нашъ курилка	1064
Ты по лавкамъ скакалъ.	1025	Зайныка, завитаиныка	1087
Друженько хорошенькій!		Закатись ты, солнце красное!	995
Какъ на дружкѣ-то кафтанъ		Залетала пташечка	
Весь по ниточкѣ собранъ.	896	Во соловью клѣточку.	989
Друженько хорошенькій,		Залетѣла пташечка	
Коли хочешь въ рай.	343	Во чужю клѣточку	669
Дружинька хорошанькѣй		За лѣскомъ за темнымъ	
Надружуньки шапочка коломенковая.	463	Шелкова трава.	1153
Дымно, дымно въ полѣ,		За лѣсомъ, лѣсомъ, за нерелѣскомъ,	
Чадно, чадно въ чистомъ.		Тутъ дѣвки играли, красныя плясали.	1136
У Иванова двора		За моремъ синичка не пышно жила	899, 1169
Были трой ворота.	14, ср. 6	Зарею утреннюю Улитушка въ городъ	
Е дина млада я но бережку хожу	1126	шла.	904
Ермилъ господинъ по двору гуляетъ.	920	За рѣкой мужики все богатые.	1086
Еще вокругъ столба-ли я хожу	834	Заря ли, моя зорюшка,	
Еще во саду, саду,		Вечерняя солнушка!	530
Во зеленомъ во саду,		Затопися, бѣненька	150
Что подъ яблонью кровать.	30	Звонкая дери́ва куиарисава	
Еще на мосту, на мосту,		Умная дитятка, да Денисъ у насъ	467
По калиновому мосту		Звонко дерево свирѣльное;	
Бѣжала карета, карета золотая	26, ср. 58, 520	Умное дитятко Маланьюшка!	968
Еще трубка изъ трубки вилась,		Звонко звонять въ Новѣ-городѣ.	1008
Еще вывилась изъ трубки голубка.	18	Зелѣная рошица, желтый цвѣтъ!	
Ж арко камню самоцвѣтному,		Мила дружка не видала.	237
Смотрючи, гляючи на русу косу.	923	Зеленая рошица—желтый цвѣтъ,	
Жарко камню самоцвѣтному		Что мимо то бѣхалъ Оѣдоръ господинъ	298
		Зимой, лѣтомъ сосенушка была зелена.	
		„Не жалостлива, сударыня матушка,	
		до меня.	384
		Зимой лѣтомъ сосенушка зелена,	

„Оставались мои цвѣтики, батюшка, у тебе! 371	Ино Пётро князь богатый. 195
Зиму, лѣто сосеночка была зелена	И свѣтъ, моя руса коса 748
„Отдаётъ (2) меня батюшка отъ себя. 657	Испей, испей, ѹмничекъ 560
Змѣшется, змѣшется душа красная дѣ- вица Настасья Семеновна. 830	Исполать тебѣ, красна дѣвица 978
Зоренька, заря-ль моя,	Кабы у меня (2)
Зоренька вечерняя 754	Былъ садъ въ огородѣ, . . . 1113, 1116
Зыблется дѣска среди моря 488	Какъ вечеръ-то мы, красны дѣвушки, Во пиру были во бесѣдушкѣ. . . . 715
Зятикъ мой любезный!	Какъ во садикѣ, во саду, На яблонѣ, на сукѣ.
Вручаю тебѣ дочерю любезную. . . 493	Повѣшена колыбель 238
Иванушка къ Авдотьюшкѣ челобитню шлѣтъ. 831	Какъ во садикѣ, садикѣ,
Играло солнце красное. 924	Холостой паренъ насвистываетъ. . . 476
Идетъ кузнецъ изъ кузницы, Кузнецъ куётъ мнѣ златой вѣнецъ. 1079	Какъ восходитъ свѣтелъ мѣсяцъ. . . . 389
Идетъ кузнецъ изъ кузницы:—Слава!	Какъ во сыромъ борѣ сѣнники ронены. 71
Кузнецъ, кузнецъ, мнѣ скѹй вѣнецъ,— Слава! 1058	Какъ во теремѣ гусельцы лежали.
Идетъ кузнецъ изъ кузницы, На немъ шубенка худа-нирхуда. . 1077	Теща зятю блины подносила 76
Идетъ кузнецъ изъ кузницы,—Слава!	Какъ въ долѹ-то берѣзынька бѣлѣхонька стоитъ. 141
На немъ шубѣнка худехонька: — Слава! 1051	Какъ Егорушка грозенъ 809
Изъ мѣсяца свѣтитъ 271	Какъ Еремей сударь Ермиловичъ Встаётъ ранешенько 969
Изъ боръ ко дубровѣ	Какъ за рѣчкою была, за рѣкою
Тропинка лежала 612	Небольшая слобода. 449
Изъ борѹ, борѹ изъ зеленова	Какъ за рѣчкою, да какъ за быстрою, Мужики живутъ да все богатые. . 1122
Шумѣла, гремѣла быстрая рѣчка . 790	Какъ изъ гнѣздышка пташечка 994
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,	Какъ леталъ, леталъ соколъ,
Тутъ летитъ стадо сѣрыхъ гусей 20, 288, 983	Онъ по темнымъ по лѣсамъ. 64
Изъ-за лѣсу лѣсику,	Какъ леталъ, леталъ соколъ,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ.	Искалъ стадо лебедей. 835
„Захочѹ, сударь, переймѹ. . . 122, 986	Какъ надъ Колвою, надъ рѣкою
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ,	Тутъ стояло ли древо кудряво . . . 81
Ужъ рада бы переняла коня. . . . 857	Какъ на зорькѣ, на зорѣ
Изъ-за лѣсу мѣсяцъ свѣтитъ	Стоять кони на дворѣ. 323
Не узнала теща	Какъ на морѣ волны бьютъ 1121
Чѣмъ зятя дарити. 950	Какъ на синемъ было да на морѣ, На горячемъ да бѣломъ камушкѣ. . 68
Изъ-за лѣсу мѣсяцъ свѣтитъ,—	Какъ на синемъ то на морѣ, Что на чѣрномъ на кораблѣ. . . . 185
Теща зятя не узнала	Какъ на той на высокой горѣ 82
Благодаромъ называла. 843	Какъ не винная рѣка
Изъ ларца ды изъ кованова 453	Да по сахару текла. 726
Изъ подъ камушка быстрая вода бѣ- жала. 622	Какъ не пава по двору ходить;
И кто жъ у насъ ѹмень? 624	Тутъ ѣздила, погуливала. 278
	Какъ не поля поличкомъ, Убита дорожинка ковричкомъ. . . 705
	Какъ Никифора матушка, Какъ Петровича матушка

Въ воскресенье порѣдила.	307	Какъ сказали, Фалелей грозень.	940
Какъ нынче у насъ ни порошица		Какъ-то мнѣ будетъ въ чужіе люди идти?	144
Выпала.	564	Какъ ты, милой, холостой былъ.	233
Какъ отъ горницы до повалышей	93	Какъ у бѣлаго города,	
Какъ отъ (sic) свѣтлаго мѣсяца		Четверы были вѣрота	42
Отросли лучи зѳоты.	292	Какъ у Вѣры на дѣвичникѣ	342
Какъ подъ кустикомъ олень	795	Какъ у Домнушки матушка	
Какъ подъ яблонью, моши,		Не добра была, не ласкова	996
Тутъ келейка стоитъ, моши.	1090	Какъ у зятя было, зятя,	
Какъ по ельничку, но березничку		Какъ у зятя молодова.	48
По часту горьку осинничку		Какъ у мѣсяца звѣзды частыя	
Ходилъ гулялъ добрый молодець.		У красна солнца лучи ясныя:	
На Пѣтрѣ то голубой кафтанъ.	170	Какъ у Ивана-то кудри русыя.	202
Какъ по ельничку, но березничку,		Какъ у насъ было во нынѣшнемъ году	
Что по горькому по осинничку		Уродился виноградъ во саду.	79
Ходилъ гулялъ добрый молодець,		Какъ у насъ-ли во терему,	
У него кудри, кудри русыя.	201	Какъ у насъ-ли во высокомъ	
Какъ по морю, морю синему.		Дѣвушкамъ былъ сборъ:	941
Плывутъ тридцать утѣшекъ.	1147	Какъ у насъ ли въ терему,	
Какъ бы по морю, морю,		Какъ у насъ ли во высокомъ	
Тутъ плыветъ выливаетъ		Стоитъ столѣкъ не великъ.	926
Селезень сизъ косатый	85	Какъ при вечерѣ, вечерѣ,	
Какъ по морю, морю, морю синему,		При послѣднемъ часу времячкѣ.	152
Что по синему морю, по Хвалынскому.		Какъ при вечерѣ, вечеру,	
Тутъ бѣжитъ выбѣгаетъ тридцать чер- ныхъ кораблей.	66	Какъ при ясной при лучинушкѣ.	474
Какъ по рѣчкѣ по Казанкѣ (2)		Какъ у насъ нынче при вечерѣ	
Плыветъ селезенко (2).	1133	При Лукерьиномъ дѣвичникѣ.	594
Какъ по рѣчкѣ, рѣчкѣ,		Какъ у нашего князя	149
Что по быстрой рѣчкѣ,		Какъ у нашего у свата.	841
Тутъ суденцо плыветъ.	858	Какъ у Ипата на дворѣ	
Какъ по садику, садику,		Выростала тутъ трава.	933
По зеленомъ саду, вишенью,		Какъ у Ипата на дворѣ	
Сады, сады зеленые мои.	695	Выростало деревцо кипарисное.	
Какъ по садику, садику,		На то ли деревцо соловьямъ былъ слетъ.	954
По зелѣнаму винаграднику,		Какъ у Пахома на дворѣ	
Тамъ ходила, нагуливала		На то ли деревце соколамъ былъ слетъ.	975
Маладая боярыня.	526	Какъ у Селуяна ли во свѣтличкѣ	953
Какъ по улицѣ воробышекъ носкаки- ваетъ.	1049	Какъ у стольнаго города витыя ворота	74
Какъ поутру рапѣхонько,		Какъ у сырова дуба	
Ввечеру то позднѣхонько.	709	Много вѣтвей, много отростей	789
Какъ разсыпались верѣюшки,		Какъ у Филиппа-то жена,	
Растворилися ворѣтки.	44, 55	Не пригожѣ да не корыстна.	890
Какъ расплакалась		Какъ у чарочки у серебряныя	
Передъ батюшкомъ стоячи:	776	Золотой у ней вѣночекъ: (2)	
Какъ сказали Татьянушкѣ,		А я Аннушку люблю, я Михайловну люблю.	203
Что Иванъ то грозень, грозень;	792	Какъ у чарочки, у серебряной	
Какъ сказали-то Иванушка хорошъ да хорошъ.	163	Золотой былъ вѣночекъ.	
		У Ивана во дому, у Меркулыча въ дому.	112

Какъ у чарочки, у серебряной Золотой вѣнчикъ 2 У Никиты-то у Ефимыча Дорогой обычай 2.	344	Каравать моя, караватушка! На караватушкѣ перинушка.	396
Какъ у Ѳедула кудри	942	Кормилецъ мой, батюшка! Кинулся ты, мой батюшка, На злато на сребро	1034
Какъ чесалъ Кузьма кудри	284	Кормилецъ ты мой, батюшка, Отдаешь ты меня молоду, зелену.	478
Какъ ходилъ да разгуливалъ Удалой доброй молодецъ.	220	Кормилецъ ты, мой батюшко! Ужъ и что вы долго гуляли	253
Какъ черезъ море древечко	205	Коровай, каровой, Онъ на блюда глядитъ.	452
Какъ ѣдетъ Захаръ къ тещину двору. Калина да малина! Ужъ вы гдѣ, гуси, были?	967 56	Коровай катается, Коровай на лопату сѣлъ.	883
Калина ли моя, малина ли моя! Въ саду дѣвицы гуляли.	1114	Ко сибирскому соболу Не куна жалобилася.	41
Калинушка, малинушка, Истоптаная, исталоченая.	531	Котъ на печи сухари толчетъ.	1106
Камочка мелкотравчатая, узорчатая, Не давайся развертываться	782	Красной день проходить, Вечеръ настаетъ.	934
Камочка, камочка моя (2).	46, 53	Красныя дѣвицы, Пирожныя мастерицы	806
Катилось зерно по бархату.	1004, 1060	Красовалася Степанида душа	173
Катилоса солнце красное По синю своду небесному	946	Кругъ шатра бѣлаго, полотняного Розаны Натальюшка разсаживала. 120, 273, 658	658
Катился мѣсяцъ ясной По лазоревому небу	947	Крѣпкая стѣна бѣлокаменная.	314
Кленъ да береза, Чѣмъ ни дрова?	471	Кто въ зеленомъ саду моемъ былъ.	121
Княгиня душенька! Скажи, пожалуй, намъ Про свою гостейку		Кто въ роду хорошъ у насъ?	427
У меня свѣтъ гостейка, Во любви позвана.	158	Кто домой, кто домой? А я домой не хочу.	607, 651
Княгиня душенька, Скажи, пожалуй, намъ Про свою гостейку У меня свѣтъ гостейка, Молодая вдовушка.	155	Кто, кто въ стѣлѣ стучить.	498
Князёкъ молоденькій Лебедёкъ нашъ бѣленькій.	156	Кто у насъ, братцы, холостъ, не женатъ? Дѣтинушка у насъ холостъ, молодинь- кой не женатъ.	767
Ко высокому ли ко тѣрему Что не ласточки вкругъ слетались	129	Кто у насъ во горницѣ холостъ, не же- натъ?	22
Козушка, бѣлоножушка По приволью гуляла, ...	375, 553	Холостъ не женатъ Иванъ господинъ? Кто у насъ, кто у насъ Да вечеръ въ гостяхъ побывалъ.	819
Калина моя, молина Черная смородина.	592	Кто у насъ холостъ, не женатъ? Онъ ходитъ гуляетъ.	680
Ко мнѣ ласточка прилетала	958	Кто у насъ холостъ? Кто не женатый?	
Кони, вы кони, Лошади казенны.	791	По городу ходить.	402, 1094
Кони вы, мои кони, Кони вороны! Сослужите мнѣ службу.	1007	Кто у насъ-то хорошій.	741
Константинъ Дмитревичъ, Не ходи по берегу.	366	Кто у хороводѣ хорошъ пригожъ ходить. Кудрявый новозникъ (2) Погоний поскорѣе.	392 610
Каравать моя—караватушка, Каравать моя новотесаная.	539	Кума у кумѣ въ гостяхъ была	1085
		Лебедушка моя бѣлая, Родимая матушка!	

Подойди-ка, матушка.	864	Любезныя мои, милыя подруженки,	
Лебединое перо передъ теремомъ пало.	629	Покрасуйтесь, лебедушки, въ крас-	
Легай, легай, зайка!	425	ныхъ дѣвушкахъ.	717
Лей, полетѣй, Волга рѣка.	117	Любимая моя подруженька!	
Летала гусыня, летала	407	Причеши-ка мнѣ буйну голову	721
Летала же галынька.	722		
Летала птишечка по саду	913	М алешенька птичка пташка	
Леталь голубь, ворковаль,		Садилась на ракиту	1030
Ко терему приподаль,		Манулъ парень дѣвушку,	
.		Манулъ во лѣсочикъ.	382
Иванушка со женой	780	Маремьянушка дѣвушкамъ говаривала.	915
Леталь голубь, ворковаль,		Матренушка матушка,	
Ко терему принадалъ.	116, 303	Федотьевна государыня,	
Леталь голубь, леталь голубь,		Филатушкѣ сынку говаривала.	943
Со голубошкою, со голубошкою.		Матушка Акулинушку учила.	918
.		„Матушка! въ соборѣ къ вечерни	443
Кабы эта да трава	832	Матушка! Да что въ полѣ пыльно?	330,
Леталь голубь, леталь сизай, леталь		ср. 412, 982	
но задворью.	538	„Матушка! Да чьи жъ это кони.	549,
Леталь соколъ по поднебесью,		ср. 330	
Подъ межою черною галушку хва-		Матушка, Кузьма—Демьяна!	
таить.	354	Скуй намъ свадьбу	828
Леталь соловеюшко		„Матушка, матушка,	
По зеленому но кустарничку.	945	Мать ты моя, государыня!	
Леталь ясенъ соколъ по поднебесью,		Князя, бояра на дворѣ!“	927
Садился младъ ясенъ соколъ на окон-		„Матушка, матушка,	
нинку.	948	Мать ты моя, государыня!	
Летить голубь, летить сизой со голу-		Мнѣ ли нынче сонъ привидѣлся;	970
бушкою.		Матушка, пей, дочку не пропей	711
.		„Матушка, съ горъ меды текутъ!“	1171
Кабы эта вѣдь голубка у голубя была.	32	Мать, мать, порода моя!	
Летить, летить черная галка низенько.	634	Сѣй, мать, муку, станови пироги;	1082
Летить соколъ изъ улицы,—Слава!	1055	Между горъ, между крутенькихъ	
Летѣла то галка,		Дорожка лежала;	387
Черезъ садъ.	642	Между горъ по каменю	
Летѣли голуби черезъ дворъ,		Серебромъ ручей бѣжить	140
Вдарили крыльцами объ теремъ:		Мимо дворика батюшкина,	
„Дома ли Настасьюшка, али нѣтъ	649	Мимо терема матушкина.	145
Летѣли голуби черезъ дворъ,		Мимо мой зеленой садъ	
Ударили крульями объ теремъ;		Пролетали чижечки	363
Сказали молодцу добрую вѣсть	522	Мимо садику тамъ дороженька лижа-	
Летѣль соколъ изъ Кіева	459	ла (3);	
Летѣль соловей изъ зеленыхъ лужей, ...	787	Какъ по той ли по дороженькѣ ши-	
Луга мои, зеленые луга!		рокой (3)	753
Въ тѣхъ ли лугахъ все ковыль да		Мимо садика, мимо зеленѣва дорожка;	
трава.	518, ср. 430	Что по той же дороженькѣ дружка.	570
Луга мои, вы зеленые, (2)		Мимо ѣхалъ Хфетисъ государь	490
Полены воды налилися; (2).	583	Много, много в' сыра дуба,	
Лучина, лучинушка березовая	685		
Любезная, милая сестрица,		Много вѣтвей навѣтвей:	
Ты подойди къ дубову столу	716	Только нѣтъ в' сыра дуба	353
Любезная моя подруженька,		Много, много у сыра дуба	
Не погнѣвайся, лебедушка.	718	Много, много у зеленого	
Любезный ты мой батюшка!		Много витѣя и повитѣя.	8
Сналось ли тебѣ, родной мой?	1035	Много, много у сыра дуба	

Много вѣтвей и повѣтвей Только нѣту у сыра дуба	167	На дубчику два голубчика сидятъ, Говорили про молодца	801
Много, много у сыра дуба Много вѣтвя и повѣтъя, Много листу зеленого.	28, 347, 752	На дубчику два голубчика.	360, ср. 670
Мнѣ ночесе малѡ спалось, А во снѣ много видѣлось. Разгадайте, подруженьки	33	Надъ озеромъ сырѣ дубъ стоитъ	1145
Мнѣ ночесъ, молодой, малѡ спалося, Малѡ спалося, да во снѣ видѣлось Мнѣ страшенъ же да сонъ привидѣлся.	97	Надъ рѣкой калина	436
Молодая сваха Хмелемъ посыпаетъ	637	Надъ рѣкою было, надъ рѣкою	61
Море, море—у Филата дворъ	976	Надъ рѣкою надъ Ёрданомъ	766
Мы всѣ пѣсенки перепѣли, ...		На Егорушкѣ шапочка	807
Мы князьева пива не пивали.	165	На дѣвичьемъ было вечерѣ, А Настюшка восплакалась	548
Мы далеко ѣздили Мы дородну привезли.	506	На зарѣ было, на зорюшкѣ, Прилеталъ тутъ младъ ясенъ соколъ	836
Мы далечѡ ѣздили	665	На коврѣ было на зѡлотомъ, Не утушка взлеталась.	418
Мы нальѣмъ, мы нальѣмъ, чару вина полную	293	На комомнѣ (?), на вѡломѣ На Божіей росѣ.	1150
Мышь пицить.	1073	На комъ кудри, на комъ русыя.	678
На бережку зеленъ садикъ стоитъ.	1014	На сговорѣ. на дѣвичникѣ. Ей въ ночи молодой малѡ спалось.	304
На бугорчикѣ ельничекъ, Подъ бугорчикомъ свѣтелочка 450, ср.	272	На кустышкѣ, кустышкѣ, Соловей птица пѣсни поетъ	1115
На горкѣ деревцо.	19	На морѣ селезень косы вьетъ	1027
На горюшкѣ, на крутой, На горюшкѣ два терема стоятъ.	369	На морѣ утушка купалася. 351, 611, 702, 938, 984	
На горы, на горы да зеленый садъ	179	На нашъ на новыи дворъ Сѣзжался бари	390
На горѣ дубокъ приклонясь стоитъ	1161	На полѣ, на полянѣ Цвѣли цвѣты лазоревые.	400
На горѣ калина Да варилъ чернецъ пиво.	547	На рѣкѣ, рѣкѣ, на Волгѣ рѣкѣ	620
На горѣ на высокія, ...		На рѣчкѣ лебедушка кликала	911
Иванъ чесалъ кудри.	59	На синемъ было на морѣ, Потонулъ тутъ Василій князь	36
На горѣ на высокой, ...		На синимъ-то на-морѣ на-зерѣ. Два лебеди, два бѣлые плавали	177
Какъ проговорилъ Михаилъ госпо- динъ.	34	Наставало времячко.	906
На горѣ на высокой, ...		Настасьюшка воду носить.	656
Спроговорила (имя отчество невѣсты).	31	На угорышкѣ часовенька стояла	1
На горѣ стоитъ ёлочка.	272, 294, 442, 761, ср. 450	На улицѣ, матушка (2), На улицѣ дѣвокъ хороводъ. (2) 109, 1127	
На горѣ стояла часовенька	956	На утренней на зарѣ Летала мелка птишечка.	907
На дворѣ дождикъ накрапливаетъ	417	Наша невѣста не спала.	132
Надежа, мой милый другъ.	859	Не благословляйте меня въ чужи люди. Не буйны вѣтры, не буйны вѣтры навѣяли	260
Надо жить во чужихъ людяхъ Умѣючи, разумѣючи	1041	Незваны гости (2) наѣхали. 4, 40, 63, 733, 785, 992	
На Дону, на Доночку, ...			
Сватюшка сходатая.	376		
На дубу-то, на дубчику, ...			

Не буйны вѣтры (2) понавѣяли		Не низка, не высока	
Не бывши гости (2) понавѣхали.		Соловей гнѣздо совиваетъ	703
Дворъ комоной понаставили.	191	Не отъ вѣтра, не отъ вихоря,	
Не бывать бы вѣтрамъ, да повѣяли,		Не отъ Божьей отъ милости. 3, ср.	62
Не бывать бы боярамъ, да понавѣхали		Не павушка по дворику ходила	
Травушку муравушку притолочили.	214	Не павиное перыицо ронила:	
Не было вѣтру понавѣяло.	567	Анна-то по горницѣ ходила,	
Не бѣлая зорюшка у насъ на дворѣ:		Петровна по свѣтлой гуляла. 17, 278,	
Всплакалась Прасковьюшка по русой		315, 415, 743, 810, 979, 1164	
косѣ.	684	Не павушка по сѣнюшкамъ ходила,	
Не вихоръ, вихоръ, во палаты бѣ.	172	„Нажила я, красная дѣвушка, себѣ друга	527
Не вода-ли да меня поныла	100	Неповинная рѣка	
Не во трубушку трубятъ рано по зарѣ,—		Бѣлымъ сахаромъ текла.	131
Татьяна плачетъ по русой косѣ:		Не полъ вода на широкой дворъ	
„Ахъ свѣтъ, моя ленточка, лента		Къ моему батюшкѣ взлѣзала.	1040
алая!“.	777	Не пора ли тебя Натальюшка,	
Не вручай меня батюшка.	494	Съ терема долой.	561
Не въ трубушку трубуютъ рано по зарѣ		Не правдива малина,	
Все плачетъ дѣвушка по русой косѣ		Сказала малина: „Цвѣсть не буду	977
277, 413, 421, 457, 516, 747, ср.	684	Не прошу я у тебя, батюшка,	
Не въ трубушку трубятъ рано по зарѣ:		Я ни злата, я ни серебра	244
Настасьюшка плачетъ по русой косѣ:		Не разливайся, мой тихой Дунай.	356
Раздѣлютъ тебя косынька на шесть		430, 593, 756, 757	
долей.	821	Не рано стало на дворѣ	1117
Не вылетаи, утица, изъ тепла гнѣзда:		Не садись-ко, добрый молодецъ.	246
Какъ увидить утицу младъ сизой		Не соболю дыблетъ по улицѣ,	
орель.	719	Что не черной сибирской по широкой.	23
Не вылетывай, утушка,		Не солнышко за лѣсъ закатилось	811
„Коса-ль моя косынька, русая коса.	335	Не стекай, вода, (2)	
Не долго цвѣточку во садикѣ цвѣсти.	917, ср.	Съ горъ по камушкамъ.	825
Не зеленая травушка,		Не стыдно ли вамъ, бояры	154
Во чистомъ полѣ подъ дубикомъ	903	Не теки, вода, съ горъ по камушкамъ	751, ср. 825
Не зоря ли моя, зорюшка	618	Не тѣсанъ терѣмъ, не тѣсанъ,	
Не кличь, не кличь, лебедушка.	937	Только хорошо терѣмъ изукрашенъ.	322
Не кунъ жалобилася.	2	Не тѣсомъ терѣмъ вытесанъ, 215, ср.	
Не лежи у.....		223 и др.	
У крутъ берегѣ.	803	Не трубушки трубили	
Не лежи, черной бобръ, у крутыхъ бе-		Рано по зарѣ—	
реговъ.	987	Катичька плакала по русой косѣ.	444
Не ложись, бѣлъ зайушка,		Не трубушки трубятъ рано по зарѣ,—	
При пути-дороженькѣ	608	Акулюшка плачетъ по русой косѣ:	
Не лѣса-то ли приклоняются.	249	Ой плестъ ли, не плестъ ли на двое	
Не летаи, соколъ, высокохонько, висо-		косу.	696
кохонько.	1048	Не хмѣльное перо упало, Иванъ —	
Не мечись, рыба-щука, не мечись	358	пало.	486
Не мнѣ было за столомъ сидѣть	263	Не ходи, бѣлъ кудреватый	1091
		Не ходить было Соломонушкѣ	916
		Не чарочки по столикамъ гремятъ.	408
		Не шелковая ленточка къ стѣнкѣ	
		льнетъ,	
		Иванъ Прасковьюшку къ сердечку	
		жметъ.	688

Не ясѣнь соколѣ межъ озѣръ летать.	727	Около машин дѣвушка.	1144
Ни сама жѣ матушка		Около сосеночки	
Волга рѣчишка затѣтала.	473	Молодые оленочки;	
Ни хмѣль ты мой, хмѣлюшка.	815		
Ни юзвѣй—вѣтры понавѣяли:		Вдарили Настасьинокѣ	
Ни жданы гости на дворѣ взѣхали,		Золоты ключи объ столѣ.	639
		Олѣнушка, кованая косынка!	329
Юзяли повезли отъ Прасковьи дити	445	О лю, лю!	
Пожка на пожку стуналѣ.	502	Подойдите по онной доскѣ.	130
Ну-ка, родимый батюшка,		Орѣховая клѣтка.	579
Рюмочку выпивай.	591	Островъ мой зеленый!	833
Обапола горшка обвилася книшка!	1084	Отдала меня матушка.	35
О горе, горе!		Отказалъ мнѣ родимый батюшка. . . .	101
То невѣстико.	151	Отнесло, отлетѣло	
„Ой былъ ты, да бѣлой лебедь,		Милу дочеръ отъ матери.	83 ср. 200
На морѣ?	571	Отставала лебедушка.	698, 758, 759
Ой, во полѣ, полѣ на высокому курганѣ	640	Охъ, вы гости мои, дорогіе мои! . . .	822
Ой, вы гуси, гуси,		Охъ вы дѣвушки, голубушки,	
Звонкіе, китайскіе!		Вы чешите буйну голову мою	289
Ужъ гдѣ вы, гуси, были	1009	Охъ вы сваты, бояры!	138
Ой, вы дѣвушки, голубушки,		Охъ, вы свѣтъ, мои лазоревые цвѣточки.	1032
		Охъ, вы соколы, соколы	
Не пойте весело и радостно	949	Вы залетные соколы!	281, ср. 126
Ой Дидо! ой Ладо!		Охъ, Павелъ во пирѣ ѣдить.	559
Сказали про князя, что князь-то богатъ	49	Охъ пойникъ—пропойникъ,	
Ой, зоря ль, моя зорюшка.	779	Катерининъ батюшка.	438
О коледа! Ходили, ходили.	1069	Охъ, сборы, сборы Вѣрины!	324
Ой, конь, ты мой конь, сивогривой. . . .	572	Охъ, съ похмѣлья молоду	
Ой ладо, ой ладо!		Разломило голову!	1139
На курганѣ соловей гнѣздо завиваетъ.	1100	Охъ, ты ларчикъ мой, ларчикъ! . . .	337
Ой, моя волвѣночка.	648	Охъ, ты, умная головушка,	
Ой на-морѣ, на-морѣ,		Ты, удалъ добрый молодецъ	895, 1019
		Охъ, ты яблонь, яблонь садовая моя.	605
Красна дѣвица дары мыла.	935		
Ой, на поляхъ, на курганахъ		Павлова матушка	
Растель былка-чернобылка.	395	Всюю почушку не спала	588
Ой Натальюшка но сачочку гуляла. . . .	556	Пала, выпадала, пала выпадала	
Ой по морю, морю,		Молодая пороша.	541
По тебѣ ль, по синю морю		Пало перо (2) передъ сѣнями (2) . . .	565
Плыло стадо гусиное.	296, ср. 20	Пантелей сударь ходитъ по двору,	
Ой рано, рано по зарѣ		Кузьмичъ гуляетъ по широкому . . .	897, 1095
Стояли кони на дворѣ.	971	Переборъ, переборушка мой	661
Ой рано, по зарѣ ли, ранешенько.		Перевейся, хмѣлюшка.	773
		Передъ нашими широкими воротами	
Скринить ворота дощатыя.	124		
Ой, у насъ ли во горницѣ.	308	Разыгрались красныя дѣвушки. . . .	683
Ой у полѣ свѣтъ Дарьюшка.	817	Передъ нашими широкими воротами	
Около города царева.	1137		
Около колодочки молодые оленочки,		Тутъ и кушали бояре молодые	694
		Передъ сѣнничкамъ гусѣлички висѣли.	180
Глянула дѣвушка изъ терема въ		Перекатно красно солнушко!	1001
окошко.	386	Пережелушка-ластушка.	197
Около машин бережку		Плавала сѣрая утка по морю	388
		Плакала, тужила Анна душа	

Она плачетъ рыдаетъ по русой косѣ.	211	До разумнова до сватушки.	870
Плакала, тужила Степанида душа, ...		Пойдемъ рядомъ по вѣбмъ боярамъ, ...	
Степанида съ дворику съѣзживала	184	Найдемъ гостя, кой богаче вѣхъ	679
По бережку я хожу.	416	Пойдемъ рядомъ	
По борамъ, борамъ борѣчкамъ		Найдемъ рядового.	850
Увита дорожка колѣчкомъ. 199, ср.	226	Пойду, млада, по двору	902
По вишеньямъ галушка летала	800	Пой, мой соловешко	935
По выходамъ, выходамъ		Покатимъ-те, дѣвушки, ...	
Выходила, погуливала		По лугу (двору) шаромъ.	1154
Молодая барышня	519	Покачу я колечко кругомъ города	1054
Погнулись сѣли	508	Покупайся, сѣра уточка, покупайся.	595
Погляжу я на свое широкое подворьице.	230	По лагу трава разстилаица	455
По горамъ, по горамъ		Поелѣй, Волга рѣка, круты берега	723
Да я по горамъ ходила	672	Полечкомъ, полечкомъ	
По городу звоны пошли . 242, 745, ...	1170	Уторена дорожка конечкомъ	5
Подари, нашъ умненькій	1000	Полно-ка, сватьюшка, плакати	888
По двору княгиня гуляла.	127	По меду, меду по пѣточному	
Поди, голубь, поди сизый.	477	Кто эту чарочку перепалять.	169
Поди-тко ты сюда, родима тетюшка	867	По меду, меду по пѣточному	
Поднималися облаки изъ-подъ зѣлѣся.	198	Никто за чару не примется	348
Подойду, подойду подъ бѣлы городъ ка- менный (2).	1125	По морю, морю, по синему морю	
Подойду, подойду, ...		Плыли, воспыли звончатые цыббалы.	704
Подъ Царь-Иванъ, подойду!	1092	По мосту, мосточку, ...	
По дорогѣ пыль-то, пыль	664	Тутъ ѣхала карета;	
Подружка наша, голубушка	259	Во каретѣ гордѣна	847
Подружки Вѣрушкѣ говаривали.	317	По мосту, мосточку, ...	
„Подружки, голубушки, ...		Шли, прошли двѣ дѣвицы	
Говорила Маланьюшка	908	У дѣвушки сердце нонть, нонть, за- нываетъ.	528
Подушечка, подушечка, я ты пуховая!	1068	По мосту, мосточку, по калинову мо- сточку, ...	
Подъ горою бѣлы шатеръ	1018	Тутъ шли, прошли дѣвицы, двѣ на- званныя сестрицы.	
Подъ дубовую, подъ зилѣнаю	535	У стараго сердце нонть.	770, 827
Подъ калиною, подъ малиною		По мосту, мосту, по калиновому, ...	
Подъ бѣлымъ шатромъ, подъ лазо- ревымъ.	596	Тамъ карета проѣзжала	
Подъ калинушкой, падъ малинушкой, ...		Мимо этой кареты	
Спать, начивантъ доброй молодець	532	Молодець проѣзжаетъ.	26, 58, 520
Подъ корытомъ сажу	1089	По пѣмеккой славной улочкѣ (2)	1132
Подъ лѣсью, лѣсью конь бѣжитъ	707	По погребу боченочекъ катается.	848
Подъ яблоню кудрявою, ...		Пора, пора ѣхать.	489
Помощена кроватушка.	188	По рѣкѣ, рѣкѣ	
Подымалася погодушка.	1011	Плавала лодочка.	554
Подымалъсѣ буйные вѣтры	690	По садику, садику	
По зарѣ, да по зорюшкѣ		По зелѣному виноградику	
По зарѣ милый ходить	673	Тамъ ходила погуливала	
Поиграйте вы, дѣвушки	1109		
Пойдемте-тко по ряду, ...			
До умнова до батюшки	889		
Пойдемъ-ко мы по ряду, ...			

Молодѣ жена боярыня.	619	Приѣхалъ Данила Микитѣвичъ.	352
По садику, садику,		При дѣвичьемъ было при вечерѣ,	
Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ,		То плакала Агафьюшка на русой косѣ.	878
Назову я свекра батюшкой.	794	При зарѣ было, зарѣ,	
По саду, по садику		Свѣтелъ мѣсяцъ взошелъ.	545
Ходилъ, гулялъ молодецъ,		Прилеталъ соколъ къ окошечку.	851
Чесалъ кудри русые.	435	При мартѣ мѣсяцъ,	
По саду Вѣрушка расхаживала.	326	При дѣвичьемъ вечерѣ	
Послѣ меня же, да молодешенькой,		Всѣ дѣвицы веселы.	16
Раскатись-ко, да тепла на́руша.	98	Принаду-ли я, молодешенька,	
Посѣпай, сѣрѣ закушка.	630	Ко родимой же своей матушкѣ.	95
Постойте, мои любезныя подруженьки.	693	При Петру ли при Савельевичу.	123
По сѣничкамъ, сѣничкамъ		Пришла матка, весна красна.	1097
Молодая боярыня молодого боярина		Приѣхали, Хавроньюшка.	910
На блюди́чкахъ носила два яхонта		Прозвякнули недоуздочки на дворѣ.	566
червчата. 10, ср.	115	Промежъ лѣсу, промежъ темнаго.	222
По сѣнямъ, сѣни́чкамъ,		Просить васъ князь са княгиняю.	472
Тутъ и ходила, гуляла		Прощай, родимое дитятко.	887
Молодая боярыня		Пустая хоромина,	
„Отвязался твой добрый конь 86, 359,	682	Всѣ углы развалилися.	339
По сѣнюшкамъ—сѣнямъ		Разгорѣлася кали́нка.	797
Да Лукерьюшка ходитъ.	602	Разлилася, разлетѣлася	
По сѣнямъ, сѣнюшкамъ,		По лугамъ вода вешняя. 200, 275,	
Большой воевода.	615	290, 301, 697, 724, 746, 760,	990
По сѣнямъ сѣни́чкамъ,		Разставалася матушка.	200
Ходилъ, гулялъ молодецъ,		Разступитесь-ко, люди добрые.	108
Онъ чѣлъ и перечѣлъ.	321	Разудалый добрый молодецъ,	
По сѣнямъ хожу, по сѣнямъ хожу.	1123	Не у садика сидишь.	740
Посѣяла лебеду на берегу.	1149	Разматалася груши́ца.	209
Посѣяли дѣвки лень (2).	1124	Разматалася яблонька,	
По тестеву двору все горы крутыя.	644	Передъ груши́цей стоячи (2).	839
По тропинкѣ галка шла (2).	434	Рай мой, рай	
Потрудись-ка ты, сестра милая.	104	Среди было двора.	269
По тыльямъ, по колямъ все воробы.	844	Ранымъ рано на зарѣ	
По улицѣ, улицѣ,		Стояли кони на дворѣ.	699, 720
Ходилъ, гулялъ молодецъ. . 793, ср.	448	Раскастатый мой селезень.	551
Путру рано на зарѣ		Раскачалася груши́ца	
Щекотала ласточка на дворѣ.	1135	Ты къ чему рано вино куришь.	1016
Поѣхалъ Иванъ воевати.	781	Раскачалася груши́ца	
Пречистая Матерь,		Расплакалася Устиньюшка	
Ходи къ намъ у хатъ.		Ты зачѣмъ хочешь пиво варить.	340
Косу расплетать.	568	Растворю я квашонку на доньшкѣ.	1062
Пречистая Матерь		Растопись, банька—мыленька.	291
Ходи къ намъ у хатъ		Растопись, моя банюшка	
Кудри расчесать.	569	Разгорись, моя каменка.	
При вечерѣ, вечерѣ,		Ты разсыпсы крупѣнь жемчугъ. 283,	
		397, 419, 517, 600, 692, 824, 877,	974
		Растопись, мылинка	
		Разгорись каминка	
		Расплачсы княгинюшка.	128

Растопиися, мыленка!		Богъ дароваль ему красный день . . .	952
Разгорися, каменка!		Свѣтло свѣтитъ мѣсяцъ изъ за облака,	
Ты расплѣчься, Олѣнушка	338	Богъ дароваль ему тѣмну ночь . . .	286
Расцвѣтали вишеня	528	Свѣтъ мое садѣ винограде	1166
Родима ты, моя матушка!		Свѣтъ Петровы кони, кони четыре не-	
Поучи меня уму да разуму	881	дѣли (2) ни нили, ни ѣли	813
Родима ты моя тетюшка,		Свѣтъ ты, моя волюшка	1039
Оставляешь ты меня бѣдную, горь-		Свѣтъ ты, моя коса русая	1042
кую. 891, 892		Свѣчи въ шандальцахъ пританвываютъ:	
Родимое мое дитятко,		Дѣвцы во теремѣ приплакиваютъ. 45, 52	
Какъ поѣдешь ты жениться-то	884	Свѣчка въ фонарчикѣ ясененько горить. 218	
Родимый батюшка,		Старкнулъ голубушка въ голубни . . .	625
Родимая матушка,		Семену пожилось	501
Благословите горькую	736	Ему рождѣ съ овсомъ родилось	78
Родимый батюшка,		Среди было царства Россійскаго	708
Родимая матушка,		Среди двора широкова	1070
Или я вамъ, родимые, чѣмъ надоѣла. 735		Среди Москвы ворота пестры	328
Родимый ты, мой батюшка,		Середь было горницы, на скамѣ	1081
Родима ты, моя матушка!		Сидитъ воробей на Бѣлѣ-городѣ	1074
Куда вы меня пробиваете	868	Сидитъ варабей на чужой гарадѣ	846
Родимый ты, мой батюшка,		Сидитъ наша гостейка выше всѣхъ	89
Родима ты, моя матушка!		Синее море на волнахъ стоитъ	24
Не мечтаетъ на золото, на серебро. 869		Сказали Иванъ-то не грозеть	1056, 1078
Родимый ты мой братецъ!		Скачетъ грузочекъ по ельничку	234
Куда ты меня обуваешь	885	Слала дѣвушка мягкую постелю	964
Родной ты братецъ мой!		Слетались соколы	
Ты поди-ка въ темный лѣсъ	1036	Слушайте, прислушайте православные	
Садовая яблонка		христіане. 775	
На присадѣ стояла	552 (2)	Слышишь-ли ты, Софронъ господинъ	998
Самъ толку	1065	Слышишь ли ты, чуешь ли	871
Саньчки, самокатычки	1072	Снаряжайся, душа Акулинушка	951
Сахаръ мой, сахаръ, леденчатый мой		Собирается Филатъ господинъ	922
сахаръ. 90		Соболями Ѳедосьюшка всѣ лѣса прошла,	
Сватушка гость, богатый тороватый.	162	311, ср. 410	
Свашенька хорошенька	1020	Собрала невѣста подружекъ	146
Свинья ходить по бору, по бору	1146	Со восточной со сторонушки	
Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка. 880		Потянули вѣтры буйныя	297
см. 869		Сокѣтъ сокольевицъ,	
Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка,		Дорѣдный добрый молодецъ,	
Красно солнышко, родима матушка!		Да Глѣбъ Ипатьевичъ	194
Вы разставляйте столы дубовые	879	Сокѣтъ сокольевицъ,	
Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка,		Дорѣдный добрый молодецъ	204, 227
Красно солнышко, родима матушка!		Соколы ль вы, соколы!	
Миѣ не надобно ни золота, ни серебра. 876		Куль далече летали. 126, 229, 281, 460,	
Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка,		728, 796, 837	
Красно солнышко, родима матушка!		Солнушко за лѣсъ закатилось	631
Не бейте вы полу о полу	865	Солнушко катилось ко западу	914
Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшко,		Солнушко кѣтомъ, кѣтомъ	401
Не прошу-то я ни золота, ни серебра. 886		Соловѣюшка, соловей,	
Свѣтелъ свѣтелъ мѣсяцъ надъ горни-		Отлетная пташечка	645. 820
цею. 178		Соловей, соловушекъ	
Свѣти, свѣти, мѣсяцъ	762	Изъ саду вопъ вылетываль	1031
Свѣтилъ мѣсяцъ изъ-за облаковъ		Соломониушка съ терема саживала 1167	

Спасибо, Антонъ сударь	470		
Спасибо тѣ, сватушка, на дару твоёмъ.	873	Тамъ лежала жердочка.	367
Син, котъ, на печкѣ.	1107	Ты заря моя, ты заря вечерняя!	901
Снѣси гордости убавлю.	853	Ты игра моя, ты игра веселая.	677
Становлю я коровой.	479	Ты злодѣйка измѣнщица.	274
Стой, верба, стой развѣйся.	662	Ты камочка, камочка моя, ...	432,
Стоять сани снаряжены.	1057. 1088	Ты камочка узорчатая.	782, 1165, ср. 46, 53
Стукъ, стукъ, стукъ, по улицѣ	187	Ты кукушка ряба.	1098
Стучить, гремѣть на улицѣ		Ты, невѣста, передъ кѣмъ стоишь	164
У терема у Маланьюшкина.	909	Ты поди-ка, моя милая.	1038
Сударь ты мой, батюшка, сударь ро-	862	Ты поди-ко, моя подруженька	1037
Съ васъ ведро вина.	805	Ты ноди-тко, моя тетюшка.	254
Съ Невы вѣтры понавѣяли, ...		Ты пожалуй, мила подруженька, ...	94
Незванные гости на дворъ взвѣхали.	992	Истопили мы теплу парусу	186
Ср. 4.		Ты послушай-ко, Петра князь	247
Съ рѣченки утушка слѣтовала.	961	Ты послушай, мой милый братъ.	256
Сыру ерю рѣка прошла	54	Ты послушай-ко, мой милый братъ, ...	255
Сѣю я, вѣю, сѣю, я вѣю		Со своей то молодой женой	241
Бѣлъ-то леночекъ (2)	1134	Ты послушай, мое племечко	232
Тамъ, тамъ на Дону		Ты прѣзжая гостьюшка	882
Тонка, гибка жердочка.	365	Скажи, чѣмъ бѣдилася	248
Таусень, а ты дядюшка, Таусень.	1071	Ты прощай, любимое мое подворьицо.	346
Темна, темна осенняя ночушка	373	Ты, родимо мое дитятко, ...	
Темныя облака на Дунай бѣгутъ.	456	Ужъ живи да привыкай-ко.	
Тепла вода во колодецѣ стояла.	378	Ты родимый батюшко, ...	
Течеть винная рѣченька	27	Ты пой гостей до-пьяна.	
Теща зятя провожала.	51	Ты рѣка-ль, моя рѣчинька, ...	
Тихонько, бояре, вы съ горы спущай-	667	„Вона ѣдетъ разоритель мой“	414
То-Михайлъ пѣсенка.	1021	Ты рѣка-ль моя, рѣченька, ...	420
Тошно бѣдной птицкѣ		Какъ на томъ ли на бережку	872
Сидѣть въ одной клѣткѣ.	235	Что стоялъ бѣлъ тонкой шатерь.	875
Травушка, ковылушка, ...	654	Ты рѣка ли моя рѣченька, ...	96
Что рано сломилася		„Полонъ дворъ у насъ подводъ сто-	240
Травушка, муравушка, ...	361	итъ—168, 302, 409, 466, 585, 838, ...	69
Лазоревый цвѣтокъ		ср. 287, ...	462
Трубила трубною по зарѣ.	92	Ты ручей, ты мой ручей	
Всплакала Марьюшка по косѣ		Ты, сватушка, дари	
Трубчистая коса	143	Ты, сватушка, ненаѣда, догадайся	
Вдоль по улицѣ шла.	1093	Ты свѣти, младъ свѣтель мѣсяцъ	
Туча съ громомъ сговаривалась.		Ты спасибо, свѣтъ Петръ Ивановичъ	
Ты бѣлая моя сусѣдушка, ...		Ты стопа, стопа церковная	
Оставляешь ты меня горьку, бѣдную.	891	Ты сыщкой, тысыщкой, воеводской сынъ.	
Ты взойди, Анна душа, на новы сѣни.	213	Ты труба ль моя трубушка, ...	
Ты взойди, взойди, солнышко	928	Воструби, труба, по трубному.	
Ты глянъ-ка ты, мати	666	Катерининой матушкѣ	446
Ты, Елистратъ сударь Изотовичъ, ...		Ты труба ли моя, трубушка, ...	
Уродился хорошъ, пригожъ.	966	Воструби громко, звонко	
Ты ѣлушка, моя ѣлушка.	193		
Ты, женихъ господинъ, удвинься, ...	1022		
удвинься			
Ты заря ль моя, зорюшка, ...			

Къ моему родному батюшкѣ	925	Уже всѣ то гости съѣхались.	251
Ты Фетинья Вахрамѣевна,		Ужъ вились и повились	
Не клади Богу жалобу	929	На Хфетису черны кудри	481
Ты Ѳадей, сударь Филатовичъ!		Ужъ вы, гуси, вы сѣрые.	
Выбирай добра коня	959	Далече ли вы лѣтали.	38
У Акулинушки матушка		Ужъ вы гусли, вы гусли!	
Недобра была, неласкова	1168	Вы звончатые гусли.	88
У Архипа Малафѣевича,		Ужъ вы, дѣвушки, подружки мои,	
Ахъ! бѣда учинилася.	1003	Вы берите золоты ключи.	441
У вароть разливамъ разливантца		Ужъ да что у насъ это понича	
Разливантца широкое озеро	537	Въ терему, дѣвушки, за диво.	955
У воротъ сосенушка зелена стояла		Ужъ ельникъ, мой ельникъ	1143
		Ужъ изъ терема до терема	
		Золотые были выходы,	
Живи живи Настасьюшка		По тѣмъ лѣсенкамъ Аграфена шла.	310
Живи не печалься.	655	Ужъ и ѹ броду, броду	
У воротъ сосенушка зелена стояла,			
Прилетали чечеточки изъ-заморья	542	Стоитъ нова коляска.	331
У воротъ соеѣнушка		Ужъ и что я сижу, думаю	257
		Ужъ какъ во теремѣ дѣвушки,	
На той на сосенушкѣ			
Колыбель новѣшена	614	Разыгрались, распотѣшились.	991
У воротъ сосенушка зеленая		Ужъ какъ вьется хмѣль по болоту.	742
У Даниила жена молодая.	364	Ужъ какъ новая моя горенка	
У вароть стайтъ арѣшенья	529	Во сыромъ бору она вѣлена.	133
У Васильева двора		Ужъ какъ по морю морюшку	217
Стоять трои варота.	6, ср. 14	Ужъ какъ по мосту, мосточку,	
У Васильюшки кудри русые	563		
У воротъ, воротъ вербочка стояла.	280	Шли души красныя дѣвицы.	770
У воротъ дѣвка стоитъ.	1156	Ужъ какъ по саду, по садику,	
У воротецъ колодецъ полонъ воды.	1110		
У воротъ конопелка	589, 626	Что ходилъ гулялъ молодецъ.	333
У воротъ перепелушка летала	616	Ужъ какъ по сѣнямъ, сѣнямъ косяще-	
У воротъ травушка растеть	1142	тымъ	
У воротъ, у воротъ		Тутъ ходила, гуляла боярыня.	
Нерепелушка летала.	647		
У воротъ стоитъ груша	849	„Я тебѣ душечка сонъ разскажу.	84
У воротъ трава шелковая!		Ужъ какъ Филать господинъ,	
Топтали травушку все боярскія сва-			
ты.	379	Матушки своей послушася.	944
У воротъ травушка растеть,		Ужъ мать моя, матушка,	
		Спалася ли тебѣ, матушка,	
Три боярыня гуляли	581	Еще нынѣшняя темная ночь	725
У воротъ, у веревюшки	13	Ужъ не вихри, ужъ не вихри,	
У высокаго терема золотые были вы-			
ходы,		Позамеркло солнце красное.	921
Тутъ ходила погуливала душа крас-		Ужъ не скидайте итъ вы съ меня платье	
ная дѣвушка	860	теплое.	262
У голуби, у голуби золотая голова.	681	Ужъ пойду ли я ко тестю въ домъ	912
У городѣ, у городѣ да витые ворота.	632	Ужъ по садику, по зеленымъ виногра-	
Удалѣ, удалѣлъ да и Пѣтро князь.	182	дику,	
У Дмитрія Ивановича		Тутъ кавры были разосланы	440
Два тѣточка разтѣвли	577	Ужъ прости, прощай, подворье широкое.	265
Уже вѣчеръ на дворѣ вечерѣтся	166	Ужъ садись-ко, добрый молодецъ.	245

Ужъ ты, батюшка, пей, дочку не пропей.	710	Катерина, сайди съ терема.	439
Ужъ ты винная ягода	80	У насъ при вечерѣ, вечерѣ	
Ужъ ты вѣнчикъ ли, мой вѣночекъ	1067	Прилетать къ ней и ясенъ соколъ	
Ужъ ты елка, ты елушка	422	И сломаль, сломаль причаленку.	582
Ужъ ты, лента моя, ленточка.	714	У нашего свата растеть трава мята	381
Ужъ ты мать моя, матушка	305	У Павла Сергѣича камчатная горенка.	609
Ужъ ты, рябая перепелушка	597	У Петра ли молодца кудревата голова.	77
Ужъ ты сваха злодѣй	628	У полѣ соловьюшка кричала.	411
Ужъ ты свѣтъ, наша обманница	29	У полюшка, у поля рябина стояла.	533
Ужъ ты Сенюшка, Симіонушка	1157	У попа у батюшки	
Ужъ ты теремъ ли мой, теремъ	963	Золота скуфеешка.	153
Ужъ ты хрѣнъ, мой хрѣнъ	1066	У рѣчунькѣ, рѣчунькѣ,	
Ужъ что голубъ ворковаль.	268,	Николай-то коней поилъ.	734
ср. 116 и др.		У Семена на дворѣ	
Ужъ я золото хорошу,		Выростала яблонька	499
Я у батюшки въ терему.	1047	У соловьюшки голова болить	383
Ужъ я золота хараню, хараню,		У Спаса въ Чигасахъ за Язую	1063
Па краснымъ па дѣвушкамъ	1075	Устиньюшка по горенкѣ ходила.	972
Ужъ мы тебѣ, Авдотьюшка, говаривали.	590	Утка шла по бережку	1120
Ужъ наши-то дѣвки	350	У Тимоѣея на дворѣ, рой, рой	503
У Ивана Ильича на дворѣ	808	Утена шла, рябая шла	1158
У Иванушки кудри русые.	712	Утушка на морѣ купалася.	210
У ково у насъ кудри черныи	391	У Хфетисовой матушки.	480
У кота, кота колыбель хороша,		Ф етинья Фоку съ крыльца провожала.	1006
Кольцы пробойцы серебряные	1103	Х валился свѣтъ Иванъ-то князь	208
У кота, кота, колыбелька золота,		Хмѣль, ты мой хмѣлюшка.	405, 643
Люля точеная, позолоченая.	1104	Ходила Аксиньюшка по саду.	854
Улица ты наша, широкая,		Ходила Аннушка по новымъ сѣнямъ	212
Ужъ ты чѣмъ улица изукрашена.	1160	Ходила Вѣрушка по двору	349
Улица, улица ты широкая,		Ходила Нинилушка,	
Кому улицу разыграть будетъ.	652	Во саду со дѣвцами.	905
Улица-ль моя, улица	362, 584, 1140	Ходила душа Палагѣюшка,	
У Максима у широкихъ у воротъ	845	У себя ли въ терему	931
У Микитѣ за столомъ	357	Ходилъ Ѡадей господинъ	930
У Михаила Архангела		Ходить купецъ	1152
Два голубя вѣпчались.	633	Ходить сонъ по сѣнюшкамъ	1105
У Михайлы въ гостяхъ не бывали, не бывали.	1023	Хожу ли я, гуляю	1153
У молода мѣсяца золоты рога	689	Хорошъ каравай пшенииный	580
У насъ было на Дону,		Хорошъ, хорошъ дворецъ	1102
На Дону (2).	266	Хто у короводѣ	
У насъ за рѣчкою, у насъ за быстрою.	540	Хорошъ, пригожъ ходить.	392
У насъ на горюшкѣ, на горюшкѣ крутой.	546	Хто у насъ, хто у насъ	
У насъ на дубчику		Да вечеръ въ гостяхъ побываль.. . . .	819
На кудрявичку	670 ср. 360	Хто, хто въ стѣлѣ стучить	498
У насъ на пали, на паяни	534	Хфетисушка скажетъ: спать я хочу	510
У насъ по морю, по морю	660	Хфетисушки подарены	500
У насъ при вечеру вечеру		Ц вѣла грушица во садикѣ.	932
Прилетать тутъ ясенъ соколъ		Цвѣла, цвѣла вишенья	627

Цвѣти, моя грушица	1015	Что на тихой на заводи	12
Черись рѣцунку деревцо лежитъ	135	Что не стонъ-то стонется	190
Чарочка медвяная		Что подь калиной, подь малиной,	
Гостей упоила	1028	Приуснулъ добрый молодецъ	224
Чарочка половунечка,—Слава	1050	Что по край моря синяго	
Часто де мати, часто де мати		Тутъ стояла верба золотая.	75
Дуню домой покликаеть.	1128	Что по сѣнямъ, по сѣничкамъ,	
Челночокъ по рѣченкѣ сплавливаетъ,		Тутъ и ходила, гуляла	
А миѣ милъ то, милехонекъ мой ба-		Молодая боярыня	
тющика.	511	У тебя у боярина	
Челночекъ по рѣчкѣ сплавливаетъ		И кони не объѣзжаны.	72
А миѣ милъ то, милехонекъ Хфетисъ		Что при вечерѣ, вечерничкѣ.	206
государь.	512	Что при мартѣ при мѣсяцѣ,	
Черезъ боръ по каменью		При Прасковьиномъ вечерѣ	43
Серебрянъ руцей течеть	136	Что, соловей, ты одинъ во саду.	39
Черезъ рѣцунку деревцо лежитъ	135	Что тебя, свашенька, долго не было	196
Черезъ рѣчку рябника лежала	57	Что ты, что ты, сине море	25
Черезъ рѣчку черемха лежала	981	Что хожу, гуляю	
Черна, черна былка		Да по короводу.	1151
Во полѣ моталась.	574	Чья это нива, нива безъ огорода	21
Черна чернобылка (3)		Чѣмъ чесать, чѣмъ маслитъ	
Къ горѣ припадала (3).	599	Да Викторовы кудри.	636
Черна шанка соболиная		Шелковая ниточка	
Со головушки свалилася.	674	Къ стѣнкѣ льнѣтъ.	429
Черная ягода, самородина!		Шелковая плетка къ стѣнкѣ льнѣтъ	513
Зелена она заломана.	706	Шла молода изъ-за лѣсу темнаго 613, 771	
Черная ягодка смородиная		Шло солнушко по залѣсью,	
По лугамъ разстилалася.	675	Шла Аннушка по застолю.	829
Черныя кудри (2)		Шло солнушко по залѣсью,	
За столъ пошли	319, 320	Шло оно, остановилось.	962
Черныя кудрицы за столъ пошли,		Шло, шло солнышко позади облака	783
Русую косыньку за собой повели.		Штобы тѣ свату по міру ходить	874
„Я была въ высокомъ терему“.	732	Што, рѣка ль ты, моя рѣчинька,	
Честъ наша, хвала наша		Што, рѣка ль ты моя быстрая. 585, ср. 168	
Усѣяла чистое поле жемчугомъ	623	Што свитѣль мѣсяцъ—	
Чѣсу, ночосу Настасину косу	635	То Динисъ ю насъ.	461
Чеша-ка головушку, подруженька, гла-		Щастливый тебѣ путь-дарошка	536
дохонько	863	Щука шла изъ Новгорода,—Слава.	1059
Чирикъ, чирикъ воробей	404	Ъхалъ зять мимо тѣщина двора	285
Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,		Это у насъ не пиръ и не балъ.	231
Какъ сидѣла красна дѣвица душа.	980	Яблонка кудрявая,	
Что и Вѣра Никиту		Всѣ ли у тебя вѣточки	403
Со крыльца провожала	336	Яблонька моя, яблонька,	
Что на лугу, лугу на зеленомъ,		Не цвѣти теперешней весной.	957
Играетъ Анна душа	730		
Что на синемъ-то на морѣ			
Бояре во трубы трубятъ	221		

Я вечеръ въ гости ходила	544	Своей сестрицѣ да голубушкѣ.	105
Я вечеръ молода изъ-за горъ гусей гнала	1119	Я оставлю да дѣвью красоту Что меньшей сестрѣ да голубушкѣ.	106
Я во первой разѣ покланяюся	107	Я пойду ли молоденька Въ зеленую рощу.	663
Ягода съ ягодой сокатилася	142	Я полю, полю лучекъ, перепалываю.	1130
Ягодка краснѣ, Земляничка спѣлѣ.	447	Я по садику ходила, Дѣвушка	1155
Я лугами шла, я болотомъ шла.	406	Я по сѣнямъ шла.	1111
Я не знала, не вѣдала, Ко мнѣ сваха прѣѣхала.	1017	Я сидѣла во теремѣ.	988
Я оставлю да дѣвью красоту		Ясно въ теремѣ свѣчи горять (2).	840

С Л О В А Р Ъ

МѢСТНЫХЪ И МАЛОПОНЯТНЫХЪ СЛОВЪ.

Адонья (=Одонья) 462 Ряз.—куча не обмолоченныхъ сноповъ.

Аиажли 365 Тул. вм. „ажноли“—оказалось, что; а на дѣлѣ вышло.

Багрецовый 922, 930, 940—изъ яркой красной ткани.

Бердчатый 10 Арханг.—узорчатый, браный.

Беремячко 1146 Оренб.—охапка, вязанка.

Берца 831—часть ткацкаго стана, родъ гребенки, тоже, что „бердо“.

Бесѣда 66 Арханг., 804, бесѣдушка 293 Моск., 763—скамья; 889—собрание, общество, кружокъ.

Благодарь 843—благодѣтель.

Бодѣрь, бодра 49 Арханг.—хорошъ, хороша.

Босовики 238 стр.—женская будничная обувь.

Браный, бранный, стр. 49; 854, 879, 963, 979, 1011, 1094, 1105—узорчатый, вышитый.

Браные, стр. 49 Псков.—избранные.

Брусчатый 53 Арханг., брусячатый 46—сдѣланный изъ брусевъ.

Брузга стр. 42 Олонец.—женщина со стороны жениха.

Буланой 848—пѣгій: масть лошадей.

Бѣляночка, бѣлянка 1056, 1077—видъ гриба, подгруздокъ.

Бырчатый 571 Орл.—мерлушчатый, изъ простыхъ русскихъ или калмыцкихъ мерлушекъ.

Валгалеты 374 Тул.—?

Варенуха 407 Тул.—пьяный напитокъ изъ навару водки и меду на ягодахъ и пряностяхъ.

Вговорить 135 Псков.—уговорить.

Веретейка 1120—возвышенная, сухая гряда среди болотъ.

Веря, вереюшка 42, 44 Арх., 1033, 1070, 1138 Тульск.—запоры у воротъ.

Взлелѣять 1040—подойти волной.

Взрадѣть 1128—обрадоваться.

Вилавый 2, 12 Арханг.—льстивый, коварный.

Вилой 465 Ряз.—тугой, крутой.

Возгривый 572 Орл.—съ неутертымъ носомъ.

Воронецъ стр. 44 Олон.—широкая, толстая доска подъ потолкомъ вдоль всей избы; на ней держатся палаты, къ ней же прикрѣпляютъ верхъ перегородки.

Вскагануть 671 Орл.—закричать.

Всумѣть 759 Моск. (?)—сумѣть.

Выбойка 203 Твер.—цвѣтная матерія.

Выпряживать стр. 44 Олон.—жарить на маслѣ.

Выпудить 733—выпугать, выгнать.

Выпустить 63 Арханг.—выпугнуть.

Вѣнуть 772, 997—повѣять.

Вѣщевой 766—вѣщій, предсказывающій будущее.

Гайтанъ 332 Моск.—шнурокъ.

Галушка 800—ласкат. отъ „галка“.

Гаркать 857, 1122 Перм.—громко кричать, звать.

Гарнитуровый 1122 Пермск. — отфланенный, вышитый, разукрашенный.

Гащить стр. 51 Пск. — тянуть за веревки?

Гвоздарь 242 стр., 243 стр. — завѣдующий напитками.

Гикати 20 Арх. — кричать.

Глядѣльщикъ 239 стр. — зритель.

Голубня 778, — голубятня.

Голубина 818 — голубятня; также 790 — голубь.

Голяшь 9 Арханг. — бѣднякъ.

Гордѣна 331 Моск., гордянушка 734, 847 — гордая дѣвушка.

Горко 34 Арханг. — жарко.

Гостинный 782 — купеческій.

Гратулантъ 234 стр. — поздравитель.

Грезеть 931 — шерстяная ткань съ узором того же цвѣта.

Гридня стр. 49 Пск. — столовая.

Громкій 490 Тамб. — гүлкій, звонкій.

Гряда 883, 1095, грядка стр. 242, грядочка 387 Тульск. — жерди въ избѣ надъ челою печи для сушки дровъ, лучины, одежды и проч..

Грякнуть 829 — брякнуть, ударить, бросить съ силой.

Далица 97 Перм. — даль, дальняя сторона.

Дарницы 678 Ворон. — дѣвки, собирающіяся къ невѣстѣ шить „дары“.

Дары 776, 237 стр., 247 стр., 930 — свадебные подарки.

Дворица стр. 52 Пск. — женщина, которой поручено завѣдываніе дворомъ; хозяйка.

Деръвеной 767 — деревянный.

Добровта! стр. 48 Пск. — здравствуй! добрый день!

Додѣвить, додѣвиться 136 Пск. — окончить дѣвическую жизнь.

Домоводина 204 Твер. — хозяйка.

Доступать 104 Перм. — беречь, холить.

Дратся 452 Ряз. — подыматься, всходить.

Древечка 192, 205 Твер. — жердь.

Дрочить стр. 45 Олон. — гладить, ласкать.

Дружинушка 372 Тул. — другъ.

Дубовка 822 — дубовая кадка.

Душегрѣчка 917 — короткая женская одежда б. ч. безъ рукавовъ.

Дылетъ (дыбать) 23 Арханг. — скачетъ.

Дѣжа 1074, 1083 — квашня, въ которой растворяютъ хлѣбъ.

Епанечичка 917 — епанча, короткая безрукавая одежда, накидка.

Животь 834, 245 стр. — все движимое имущество.

Забавить 363 Тул., вм. „завабить“ — заманить, привлечь.

Заводъ 12, 38 Арханг., 126 Пск., заводье 36 Арханг. — заливъ.

Загнеточка 609 Орл. — шестокъ въ печкѣ.

Закаблuchье 49 Арханг. — твердая кожа, подшиваемая къ той части сапога, которая охватываетъ пятку.

Замуздать 820 — взнудать.

Занана 10 Арханг. — запона, запонка, прыжка.

Запоручить 866 — просватать невѣсту.

Зарукавыццо 909 — браслетъ.

Заря, зорюшка 376 Тул. — видъ растений.

Захрючать 781, — захрюкать, начать хрюкать.

Зацадить стр. 52 Пск. — зачать; зачуженный стр. 49 Пск. — зачавшій, зачатый.

Злакоманка 274 Моск. — злодѣйка.

Златарь 855, златорь 856 — золотарь, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ.

Змѣшаться 830 — торопиться?

Зняти 1139 — поднять.

Золотничекъ 366 Тул., 807 — золотая монета.

Зъяснити 69 Перм. — сіять, блистать.

Игрица 364 Тул., 461 Ряз. — пѣсенница на свадьбѣ.

Изовъется 647 Орл. см. узуваться.

Илма 355 Тул.; ильма 602 Орл. — покрывало.

Ино 176, 195, 216 Твер. — же, вотъ.

Калаверскій 787 — тоже, что кавалерскій.

Калотовка 134 Пск. — колотовка, злая, вздорная баба.

Каменка 338 Моск., 128 Пск., 397 Тул., 419 Калуж., 600 Орл., 824, 877, 974 — печь въ банѣ.

Камзоль 896 — безрукавая короткая поддевка.

Камка 821, камочка 432 Калужск., 782, 780 — шелковая, узорчатая, красивая китайская ткань.

Камчатный 609 Орл., 734 — узорчатый, изъ камки.

Канчужокъ 797 — плетка.

Кардамонъ 998, 1021 — пряное растеніе (*Anomum cardamomum*).

Кармазинное сукно 363 Моск. — сукно карминного, ярко-красного цвета.

Кичка 246 стр. — бабий головной убор.

Кладка стр. 196 Симв. — уговоръ относительно свадьбы.

Кладушка 294 стр. — небольшая конная хлѣба.

Кложичка 1071 — ?

Княжикъ 591 Орл. — княжій столъ, т. е. свадебный обѣдъ на другой день послѣ вѣнчания.

Ковылъ 756 — ковыль, стенная трава (Stipa).

Колещатый 54 Арханг. — укатанный колесами (дворъ, дорога).

Колобъ, колобья 775, колобокъ стр. 77 Костр., 257 — прѣсное тѣсто, замѣшенное на маслѣ, молокѣ и сметанѣ.

Колюбака 243 стр., 244 стр. — ?

Комонъ 36 Арханг., комонъ 191 Твер., команъ 124 Пск. — конь.

Конѣкъ 236 стр. — лавка съ коробомъ въ избѣ у двери для поклажи вещей.

Копылъ 781 — нижняя часть прялки (или прислицы) для сидѣнія.

Косатый 85 Перм., 177 Твер. — съ холкомъ на головѣ.

Косникъ 863, 1042 — женскій головной уборъ на подобіе шапочки (съ обручемъ впереди отъ верхней части ея до ушей).

Костерь 37 Арханг. — грудa, куча.

Косякъ 70 Перм. — мѣра тканей.

Котомъ 401 Тул. — покатомъ, катышкомъ.

Коты 463 Раз., стр. 85 Моск., стр. 238 — башмаки.

Кошунонька стр. 302 — рубанка (ср. малорус.).

Кралечка 475 Ряз. — красавица.

Красенчистый 173 Твер. — красивый, красный (окно)?

Красота 94, 105, 107 Перм., красота 173, 200 Твер., краса 143 Пск. — лента изъ косы; вѣнокъ.

Кросна 1119 Арх. — крестьянскій холстъ, новина.

Крошчатый 821 — тоже, что „хрущатый“ (хрещатый)?

Кудель 248 стр. — вычесанный и перевязанный пучекъ льну.

Куковница 624 Орл.; куковница 643 — хорошая хозяйка.

Куколь 597 Орл. — сорная трава въ хлѣбѣ (Lotium tremulentum).

Кулешъ 248 стр. — похлебка разнаго рода.

Куна 2, 12, 19, 41 Арханг., куночка 174 Твер. — куница.

Купена 376 Тул. — растеніе (Polygatum multiflorum).

Курилка 1045, 1064 — 1) пьяница, гуляка, кутила; 2) гаснущая свичка, дымящаяся лучинка; 3) игра, въ которой свичка переходитъ изъ рукъ въ руки съ приговоркой: „Живъ, живъ курилка!“ или все вмѣстѣ поютъ пѣсню „курулку“, и тотъ, у кого курилка погаснетъ, выходитъ изъ круга.

Курникъ 711 Симв., курничекъ 803, 805, 238 стр., 239 стр., 241 стр., 242 стр., 247 стр. — круглый нирогъ съ курицей.

Куть 775 — уголь въ избѣ противъ печи.

Куть стр. 77 Костр. — уголь около двери.

Куховаръ 374 Тул. — кашеваръ, поваръ.

Ладунка 115 Новгор. — мужъ.

Ладиться 139 Пск. — собираться, направиться.

Ларешница 783 — завѣдующая ларцами.

Легать 425 Калужск. — бѣжать (о зайцѣ)?

Ломливый 331, 860 Моск. — который ломается, спесивый.

Любовъ цвѣтъ 368 Тул. — любистокъ. (растеніе — зоря, Levisticum).

Малевой 842 — цвѣтъ мутно розовый (отъ растенія мальвы).

Мамухна 797 — матушка.

Медыня 205 Твер., медыня 136а — растеніе; ср. медунница (Pulmonaria officinalis).

Мечать 616, 617 Орл. — предполагать, думать.

Монисто 136 Пск. — ожерелье.

Мостовина 790 — половица, доска полая, мостовая.

Мохорчики 177 Твер. — бахрома.

Муравлений 82 Перм. — штукатуренный (о зданіи), обливной (о посудѣ).

Мутовка 1020 — палочка съ сучечками на концѣ; служить для мѣшанья или взбалтыванья.

Мыленка 338, 974 Моск. — баня.

Набилки 831 — деревянная рама въ ткацкомъ станѣ для гребня.

Наборчатый 848 — наборный.

Навѣтвь 353 Тул. — см. повѣтье.

Навянуть 785 — навѣять.

Надзола 1115 Арх. — досада, огорченье.

Наличить 849 — намѣтить.

Налой стр. 49 Пск. — ?

Намчилъ 365 Тул. — предполагалось; ср. „мечать“.

Напалка 49 Арханг. — палецъ рукавицы.

- Наровить 199 Твер.—предостерегать.
Нарядъ 138 Пск.—сборъ.
Наступчивый 20 Арханг., 72 Перм.—
выступающій бодрою и твердою поступью.
Натакаться 105 Перм.—попасть, при-
годиться.
Начаяться 844—ожидать, полагать.
Нашесточка 784—жердочка для по-
чекки куръ, птицъ въ клеткахъ; 61 Арханг.—
лавочка въ лодкѣ.
Неловкій 206, вар. Д. Моск.—дурной.
Неповинная рѣка 131 Пск.—вмѣсто
винная: ср. 27.
Несгодливый 906—неудачный, не-
счастливый.
Несходимое 71 Перм.—не заходящее,
не заходимое.
Неумчивый 967—неугомонный.
Ноли 79 Костр.—такъ что.
Норовиться 160 161, 162 Пск.—соби-
раться, стремиться, годиться.
Носать 131 Пск.—кружка.
Облива 165 Пск.—годится только обли-
вать.
Обоконье 18 Арханг.—оконные косяки,
колоды, особенно нижнія (подоконье).
Овокладка 116 Новгор.—обкладка,
украшеніе, тесьма.
Огородище 49 Арханг.—заборъ.
Огрузить 158 Пск.—нагрузить, тяжело
лежать на чемъ-нибудь.
Одинакій 2 Арханг.—единственный.
Одѣжиться 1133—одѣться, одѣваться.
Озваться 395 Тул.—оказаться.
Озобаться 196 Твер.—обѣяться.
Озывать 1147—указывать.
Окладной 98 Перм.—нижній въ срубѣ
(бревнѣ).
Околенка 46 Арханг., 87 Перм.—окон-
ница, оконная рама.
Омшанкѣ 247—теплый хлѣвъ, коно-
наченный мохомъ, для мелкаго скота.
Опутинка 447 Ряз.—пути, связываю-
щія ноги соколу.
Опушка 823—пушистый край обшивки,
одежды.
Ососокъ 236—жеребенокъ или теленокъ,
только что отнятый отъ матки.
Оступить съ румянъ 223 Твер.—
побѣднѣть.
Отворотинный столъ 44 Олон.—уго-
щеніе у жениха послѣ свадьбы, во время
котораго молодые отдариваютъ родню.
Очески 1070—то, что остается отъ че-
санья лыну, шерсти.
- Павѣтише 1074—тоже что „новѣть“—
куча мелкихъ вѣтвей.
Павѣтье 41 Арханг.—мелкія вѣтви.
Падера 105 Перм.—вьюга, буря съ вих-
ремъ.
Панья 833—барыня, барышня.
Пана 1101—дѣтское названіе хлѣба.
Паруша 94, 95 Перм.—баня.
Пеленишное 104 Перм.—завиваемое
въ „пеленицы“ (пеленки) (дѣти).
Пеленелка 74 Перм.—тоже, что „пе-
ренелка“ (вѣнокъ).
Переборъ 661 Орл.—перегородка, плот-
тина.
Пережимистый 24 Арханг.—въ та-
лю (кафтанъ).
Переметчица 737—измѣнница.
Перемѣнушка 755—здѣсь—смѣна, от-
дыхъ.
Перенасться 3, 24, 44 Арханг.—вздрог-
нуть отъ испуга, испугаться.
Перестигнуть 72 Перм.—перегнать.
Перехватка 51 Пск.—часть невода.
Побасье 50 Арханг.—покасились.
Побычиться 621 Орл. прійтись по
„обычаю“, т. е. по праву, понравиться.
Повадливый 694 Ворон.—легко под-
дающійся новадкѣ, соблазну.
Повалышъ 93 Перм., повалуша 178
Твер.—спальня, особ. лѣтняя, холодная.
Поварашиваться 44 Олон.—поше-
веливаться, торопиться.
Повелика (повилика) 857—вьющееся
растеніе (Cuscuta).
Повозникъ 572, 609 Орл., повозни-
чекъ 384 Тульск.—кучеръ.
Повойникъ 246—головной бабій уборъ.
Поволока 21 Арханг.—верхъ (у платья),
матерія, которой покрывается шуба.
Повѣть 347 Моск., 167 Пск., повѣтье
752, 28, 752 Арх.—мелкія вѣтви.
Погощенскій 65 Арханг.—съ погоста,
приходскій.
Подвойщица 583 Орл.—помощница
„вонтели“.
Подволока 21 Арханг.—нотолокъ, па-
кать.
Подворница 36 Арханг.—жилица,
(иногда) работница, батрачка.
Подзатыльникъ 47, 56 Арханг.—часть
кокошника.
Подклѣтъ 775, подклѣтъ, 248—ниж-
нее жильё подъ избой; людская, черная или
рабочая нижняя изба, иногда и нежилая,
для кладовой.

Подилутки 614 Орл.—часть колыбели, нижняя ея часть?

Подрочить 199 Твер., подрачить 226 см. „дрочить“.

Подхилый 806—немного завидшій (постарѣвшій).

Подъузорничекъ 807 — украшеніе узорчатое, пестрое, шитое.

Поладити 43 Арханг.—удолить, подладиться.

Полианры 279, 898, Моск., поли-тиры 243 Костр., политары 295 Моск.—литавры.

Полица 875—полка въ избѣ по стѣнамъ.

Положокъ 415 Калуж., 278 Моск.—саванъ.

Полстить 87 Перм.—валить шерсть для полости (ковра).

Полтретьяета 9 Арханг. — двѣсти пятьдесятъ.

Полчане 220 Твер.—поѣзжане.

Полыскать 159 Пск.—колотить, сильно ударять.

Понимать стр. 54 Пск. 194 Твер.—заливать, поимать 204 Твер.—поймать, схватить.

Поножка 831—подножкаткацкагостанка.

Понять 130 Пск.—взять за мужъ; по-нять въру 730 Симб.—послушаться, согласиться; понять водой 100 Пермск.—залить.

Порядовный 20, 29 Арханг.—почетный.

Посашный 44—45 Олон. — свадебный (хлѣбъ).

Посестра 52 Пск.—любовница.

Поскатить 644 Орл.—сдѣлать скатомъ, срыть.

Поставной 34 Арханг. — осанистый, стройный, статный.

Постельница 36 Арханг. — прислуж-ница по снальнѣ.

Поступчивый 5 Арханг. — см. на-ступчивый.

Посыкать 57 Арханг.—ударять.

Посытитъ 207 Твер.—подластить ме-домъ (пиво).

Похлѣбовати 37 Арханг.—ѣсть хлѣбъ.

Походя 408 Тул.—на ходу, идучи туда и сюда.

Похожіи 384 Тул. — рабочіи, трудо-вой.

Поцывъ 131 Пск.—почивъ, отдыхъ.

Поцѣпка 1117, поцѣпочка 445 Ряз., поцѣпочка 228 Твер.—цѣпочка, шнуръ, ремень, веревка.

Почисляне 78 Костр.—приглашенные по счету гости.

Поѣзжанинъ 775, 776, стр. 242, 993—участвующій въ свадебномъ поѣздѣ моло-дыхъ.

Прелестница 327, 659 Орл. — обман-ница.

Преметница 274 Моск.—измѣнница.

Прибесѣдный, ая 774, стр. 242—отецъ, мать „прибесѣдные“, избираемые со стороны жениха для большого почета.

Приборъ 48 Арханг. — приготовленіе, порядокъ.

Приказъ 42 Олон.—согласіе.

Прирокъ 54 Пск.—то же, что „урокъ“ (въ заговорѣ), оговоръ.

Присадка 27 Арханг. — прибавленіе; здѣсь—украшенія.

Присватья 980.—помощница свахи.

Прискородить 830 — окончательно взборонить (пашню бороной).

Прозументъ 950 вар.—позументъ.

Притапѣться 137 Пск.—нагорѣть (о свѣчѣ); ср. „тапѣться“.

Причалинка 352 Тул., 582 Орл.; при-челинка 342 Моск. 206 Твер.; прицѣ-линка 439 Ряз.—ручка у окна.

Прикурнывать 37 Арханг. — пря-таться, скрываться.

Принахлучить 1049 — нахлобучить, плотно надѣть.

Прогонятка 453 Ряз.—сваха съ неvě-стиной стороны.

Прорамка 244—оплечье мужской ру-бахи, воротъ.

Простой 138 Пск.—порожнемъ.

Пряслица 223 Твер., 781, 874, 890—верхняя часть прялки въ видѣ лопатки, къ которой привязываютъ шерсть, когда пря-дуть.

Пурга 80 Костр.—мятель.

Пыскапить 49 Арханг.—теребить.

Разгоня 721—2 Симб.—лапша, послѣд-нее блюдо на свадьбѣ.

Раздѣляться 760, 990—разлиться.

Разстанъ, разстанюшка 105 Перм.—мѣсто разставанья, перекрестокъ дорогъ.

Разступитъ 4, 40, 63 Арханг. 785 — раздавить, разломать.

Раковица 874, 890—снарядъ для ловли раковъ: сѣтчатый кошель на обручѣ.

Рамонъ 653 Орл.—растеніе ромашка.

Раструбистый 940—расширенный къ краю (рукавъ, кафтанъ).

Руда 1147—кровь.

Рушникъ 744, ручничекъ, 797—полотенце.

Самодерга 359 Тул.—название пѣсни.

Самшурка 45, 52 Арханг.—самшурка (головная повязка, чепецъ).

Сбайть 373 Тул.—увлечь, завлечь.

Свесть 24, 45, 48, 53 Арханг.—своеченица, сестра жены.

Своячена 900—сестра жены.

Семъ-ко 975, 1141 Орл.—а ну, давай, ну-ка, пойдемъ, начнемъ, станемъ.

Середа 609 Орл., середь стр. 78

Костр.—возвышенная часть пола около печи.

Сибирка 42 Олон., сибирочка 1 Арх.—короткій кафтанъ.

Ситный 236 стр.—просѣянный сквозь сито.

Скатный 30 Арх., 67 Перм., скатистый 104 Перм., скаченный 59 Арх.—круглый, крупный.

Скриповщикъ 833—скриначъ.

Смурый 364 Тул.—сѣрый.

Снарядный 12 Арханг.—убранный, парадный.

Снарядъ 26 Арханг.—нарядъ.

Совивать совѣтъ 350 Моск.—совѣщаться.

Соловья 393 Тул.; соловьюшка 411 Калуж.—самка соловья.

Солодоновый 24 Арханг.—(цвѣтъ)?

Сопочка 35 Арханг.—холмикъ.

Сосѣкъ (сусѣкъ) 102 Перм.—закромъ.

Союзный 930—въ нѣсколько цвѣтовъ.

Спица 24 Арханг.—вѣшалка, деревянный гвоздь въ стѣбѣ.

Сподобница стр. 52 Искоовск.—любительница.

Срядно 181 Твер.—въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ.

Стакарѣть 748—?

Становать 180 Твер.—гостить.

Станъ 831—ткацкій станокъ.

Стать 959—посадка.

Стебать 427 Калуж.; стебнуть 593 Орл., 757—стегать, стегнуть.

Стежка 1143 Орл.—отъ стезя—дорога, путь.

Стежечка, 475 Ряз.—тесемка(?), прошивка(?).

Столешенка 78—доска стола.

Столько 3 Арханг.—только.

Стопа церковная 69 Перм.—столъ церкви, почетный эпитетъ священнику.

Стопочка 267, 335 Моск.; стопка 749, 852, 917, 1010—вѣшалка.

Ступчатый 54 Арханг.; см. наступчивый.

Сурлить 900; сурмить, 938, 951, 968—чернить.

Сурмила 938, 951—черная краска.

Су 68, 70, 71, 72, 82, 90, 92 Перм.—частица для обозначенія почтенія, подобная слову: „сударыня“.

Сушиночка 35 Арханг.—сухое дерево.

Суютный 589 Орл.—уютный, мирный, согласный (о семьѣ).

Сходатай, -тая 376 Тул., 583 Орл., 623—свать и сваха.

Сырурь 54 Арханг.—засѣка, болотина.

Сырчатый бархатъ 90 Перм.—сдѣланный изъ шелка—сырца.

Сыта 860, 971—мѣдъ, разваренный въ водѣ.

Талкачъ 1076—см. толкачъ.

Тафта 1113 Арханг.—тонкая шелковая ткань.

Тафтяной 926, 936, 1006—сдѣланный изъ тафты.

Творить 338 Моск.—замѣшивать (тѣсто).

Телица 294 стр.—тѣлка, молодая корова.

Толкачъ 1076—большой пестъ; переносно—дуракъ.

Толочить 361 Тул.—топтать.

Тонокъ 652 Орл.—вм. „танокъ“—хоро-водъ.

Тонлюшка 236 стр., 239 стр., 241 стр., 247 стр.—отдѣльная лѣтняя кухня.

Торить 50 Арханг.—учить, упражнять.

Тройче 480 Тамб.—трижды.

Трусей 1101—трусиха.

Тупейная 1006—см. тупейная гребѣнка.

Тупейная (гребенка) 336—рѣдкая, для расчесыванія косы гребенка.

Тылья 844—вм. тынья (отъ тынь)?

Тяблица 243 Костр.—тябло, перекладина.

Убонна 453, 236 стр. Ряз.—свѣжее, не со-леное мясо.

Уваймать 811, увоймать—унимать, укрощать.

Увалъ 180 Твер.—до увалу—до пьяна.

Угарочекъ 131 Иск.—огарокъ (свѣчи).

Угорышекъ 1 Арханг.—пригорокъ.

Узுவаться 616 Орл.—вызываться; ср. озваться.

Укорнуться 97 Перм.—окунуться.

Укружка 438 Ряз.—покрывало?

Улелѣять 760, 990—унести водой.

Упять 376 Тул.—остановить.

Урокъ стр. 49, 53 Пск.—заклинаніе отъ порчи.

Урочливый 156 Пск. отъ сл. „урокъ“—вредный, который можетъ слазить; 481 Тамб.—поддающій легко порчѣ (сглазу).

Усна стр. 51 Пск.—уста.

Устарокъ 1013—старѣющійся уже чело-
вѣкъ, лѣтъ 50-ти.

Усходъ стр. 53 Пск.—востокъ.

Усѣ 764—всѣ.

Утерищи 223 въ вар., 854—салфетки,
полотенца.

Участливый 30 Арханг.—услужливый.

Финисты 27, 40, 63 Арх.—финифть.

Фуртливый 723 Симб.—съ вьюгой,
мятежью, бурный.

Хазъ 27 Арх.—щегольство, франтовство.

Хвощъ 181 Твер.—болотное растение
(Equisetum).

Хоботь змѣиный 12 Арханг.—изви-
лина, 66—хвостъ змѣиный.

Хороброй 175 Твер.—щеголеватый.

Худякъ 151 Пск.—бѣднякъ.

Цацѣ стр. 49 Пск.—сговорчивый, на-
ходчивый, искусѣе?

Цѣпочикъ 956—тоже, что цѣпочка.

Чадливый 351 Моск.—отъ слова: чадъ,
чадить?

Чадно 6, 14 Арханг.—дымно.

Челка 243 стр.—часть лошадиной гривы.

Челнокъ 831—принадлежность ткацкаго
станка.

Челобитня 831—просьба.

Чемовить 855—? ср. чимиведъ
389 Түльск..

Чепракъ 769, 900 — чапракъ, т. е.

подстилка подъ конское сѣдло сверхъ пот-
ника.

Червчатый 10 Арханг.—красный.

Чимиведъ 389 Түл.—?

Чистестый 115 Новгор.—?

Чоботокъ 845 — высокій башмакъ съ
острымъ кверху носкомъ.

Чуть 92 Перм.—слышать.

Чуша 181 Твер.—чушка, свинья.

Шелель 1020—плеть, кнутъ; ударъ.

Шибнуть 65 Арханг.—ударить.

Шипица 1121 — колючій кустарникъ,
боярышникъ.

Ширинка 47 Арханг., стр. 86, Моск. 247
стр., 1106; шириночка 45, 52 Арх.,
729 Симб.—полотенце.

Шолуди 896, 1024—testicula.

Штофа 46, 53 Арханг., штофъ 208
Твер., штофъ 70 Перм.—матерія (штоф-
ная, шелковая).

Шурмовать 121 Новгор.—чистить, вы-
глаживать.

Щевелить 562 Орлов.—щебетать (о
птицѣ).

Щѣлокъ 1020—настой воды на золѣ.

Щетка 791—часть лошадиной ноги надъ
копытнымъ сгибомъ, покрытая шерстью.

Щипицильные уста—?

Этта 766—здѣсь.

Юзвѣй 445 Ряз.—вм. „узвѣй“ (взвѣй).

Ягловица 294 стр.—ягнята.

Ядрый 49 Арх.—ядренный, толстый.

Ярый 778, 933, 1145 Орен.—бѣлый, чи-
стый, блестящій.

Ямень 764—ясный.

Ячный 241 стр.—пшеничный.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе <i>В. О. Миллера</i>	1
Біографія П. В. Кирѣвскаго— <i>М. О. Гершензона</i>	I
П. В. Кирѣвскій и его собраніе пѣсенъ— <i>М. Н. Сперанскаго</i>	XLIII

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ.

А. Свадебныя.	1—290
Архангельской губ.	1
Пермской „	28
Олонецкой „	42
Новгородской „	45
Псковской „	48
Тверской „	60
Костромской „	77
Московской „	85
Тульской „	113
Калужской „	126
Рязанской „	131
Тамбовской „	140
Орловской „	149
Воронежской „	187
Симбирской „	192
Аа. Неопредѣленныя по мѣстностямъ.	204
Аб. Изъ ученыхъ изданій.	235
Ав. Изъ пѣсенниковъ.	250
Б. Праздничныя.	291
В. Колыбельныя.	300
Г. Хороводныя.	305
Д. Игрныя и плясовыя.	317
Дополненія.	323
Алфавитный перечень пѣсенъ.	327
Словарь мѣстныхъ и малопонятныхъ словъ.	347

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Столб.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
11	1	13 св.	Наголовушкѣ	На золовушкѣ
16	2	21 сн.	хлѣбай	хлебай
19	2	20 „	нагнѣтала	нагнетала
21	2	9 „	49—50	50—51
—	2	21 „	пѣвицы	дѣвицы
25	2	21 „	вѣтляныя	ветляныя
—	—	— „	судать	суда-тъ
35	1	6 „	полетить	полстить
41	1	1 „	натакалася.	натакалася
42	2	15 „	нѣкогда	некогда
43	2	28 „	спѣсивая	спесивая
44	2	10 св.	хлѣбниками	хлѣбинками
53	1	19 сн.	—	136а. (пропущено)
—	2	22 св.	хлѣлемъ	хмелемъ
58	1	6 сн.	Покровѣ	По травѣ.
63	2	18 „	—	187 (18). (пропущено)
72	1	9 „	спѣси	спеси
73	1	17, 25, 31 „	спѣси	спеси
89	1	18 св.	ыростала	Выростала
107	1	6 сн.	маркнетъ	шаркнетъ
120	2	27 „	лѣзь	вѣзь
125	1	13 „	лугами	Я лугами
129	2	13, 14 св.	Напѣ чѣлъ	Напѣ чѣлъ (?—намчѣлъ?)
133	1	20 „	Малае	Милая
145	1	7 сн.	Дамьяну,	Дамьяну
209	2	20 „	нѣчимъ	нѣчимъ (? мечило?)
226	1	23 св.	плѣли	плели
317	1	7 сн.	кладбищѣ	кладбище